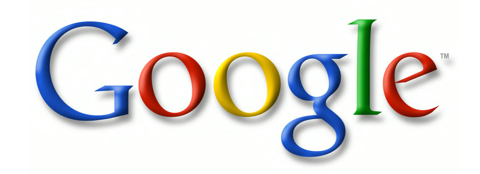
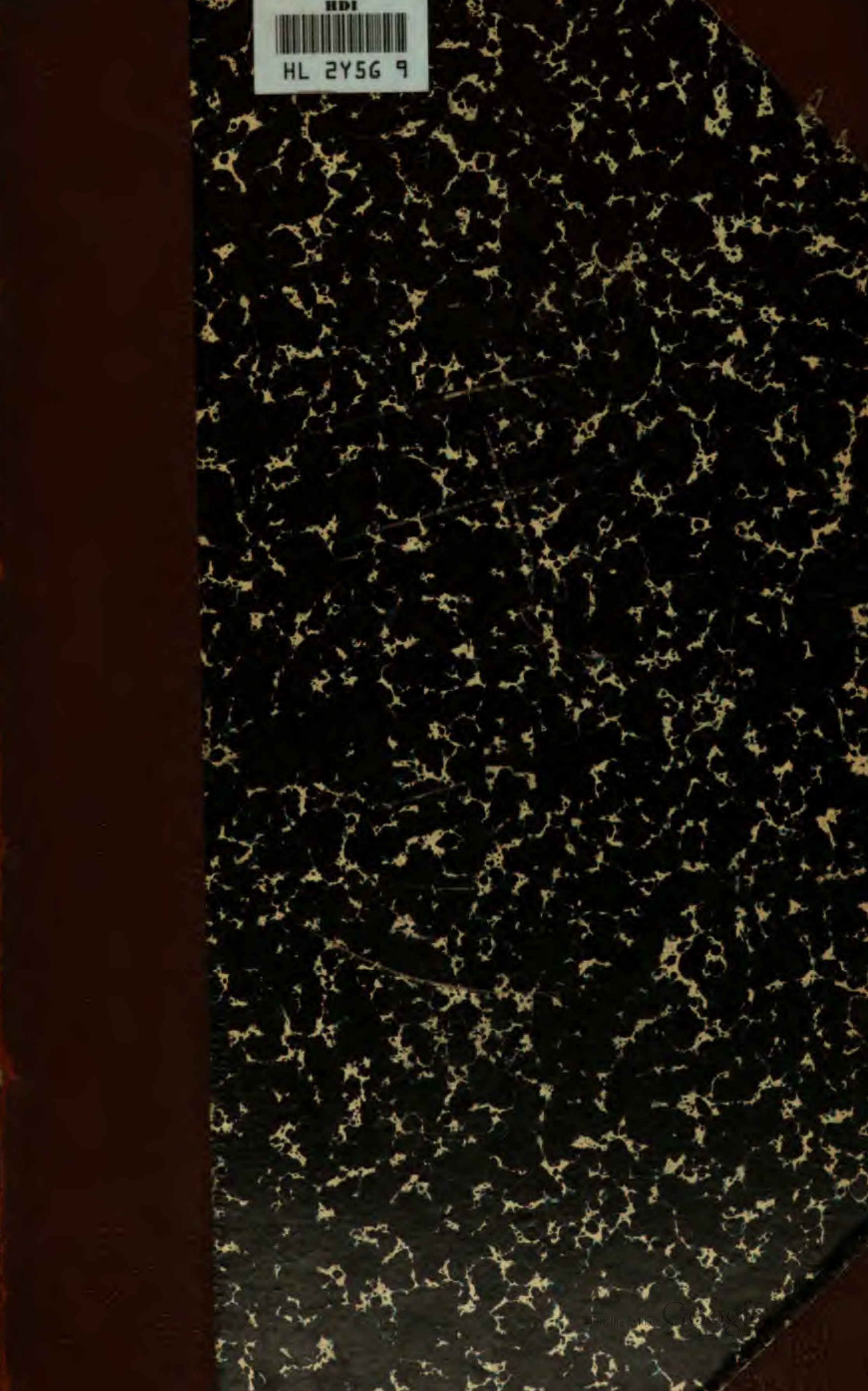

HDI
HL 2YSG 9

SIGILLVM ACADEMIAE HARVARDIANAE IN NOV·ANG
CHRISTO ET ECCLESIAE
VE RI TAS

ОТЪ РЕДАКЦІИ.

1) Авторовъ присылаемыхъ рукописей, редакція проситъ озаботиться о ясномъ и четкомъ письмѣ текста, особенно иностраннаго, а равно и цитатъ, такъ какъ иногда приходится отказывать въ помѣщеніи статьи—по неразборчивости почерка. Рукописи неудобныя къ печатанію не возвращаются, но могутъ быть получены въ редакціи авторами или уполномоченными ими лицами. По истеченіи года, со дня полученія, рукописи не взятыя обратно—уничтожаются.

2) Гонораръ, въ установившемся размѣрѣ, получается въ редакціи самими авторами; иногороднимъ онъ высылается съ вычетомъ почтовыхъ расходовъ. Статьи, получаемыя безъ заявленія о вознагражденіи, считаются безплатными. Авторскіе оттиски заготовляются лишь въ томъ случаѣ, когда объ этомъ будетъ заявлено заблаговременно.

3) Статьи не должны превышать *трехъ печатныхъ листовъ*. Статьи, превышающія этотъ размѣръ, печатаются по особому соглашенію съ редакціею.

4) Всѣ принятыя для напечатанія статьи, въ случаѣ надобности, подлежатъ сокращенію и исправленію.

5) Лицъ, желающихъ видѣть скорѣйшій разборъ ихъ трудовъ, редакція проситъ, въ обоюдномъ интересѣ, доставлять свои сочиненія *въ двухъ экземплярахъ*, тотчасъ по выходѣ ихъ въ свѣтъ.

6) Объявленія печатаются: для періодическихъ изданій *безплатно*, при условіи взаимности; для всѣхъ прочихъ—по 5 руб. за страницу и 30 к. за строку.

7) **О перемѣнѣ адреса** сообщается редакціи своевременно до сдачи книги на почту; при невозможности же исполнить это, слѣдуетъ сообщить мѣстной почтовой конторѣ свой новый адресъ и извѣстить редакцію о перемѣнѣ адреса для высылки слѣдующихъ книжекъ журнала, причемъ слѣдуетъ обозначить мѣсто прежняго отправленія журнала и съ какого нумера высылать журналъ по новому адресу.

См. на оборотъ

ЖУРНАЛЪ ГРАЖДАНСКАГО И УГОЛОВНАГО ПРАВА

ИЗДАНІЕ С.-ПЕТЕРБУРГСКАГО ЮРИДИЧЕСКАГО ОБЩЕСТВА

ГОДЪ ОДИНАДЦАТЫЙ

1881

КНИГА ПЯТАЯ

СЕНТЯБРЬ—ОКТЯБРЬ

С.-ПЕТЕРБУРГЪ
ТИПОГРАФІЯ ПРАВИТЕЛЬСТВУЮЩАГО СЕНАТА
1881

Вышла 28 сентября.

ОТЪ РЕДАКЦІИ.

Для гг. подписчиковъ на кассаціонныя рѣшенія.

1) Сданы на почту: Рѣш. гр. кас. деп. 1880 г. листы: 45—49 *30 іюля;* Угол. 10, Общ. Собр. 8 и 9 за 1878 г., 1—7 за 1879 г. *28 августа;* Гражд. 50, Общ. Собр. 8—14 и алфавитъ къ рѣш. Уголов. за 1879 г. *19 сентября.*

2) Въ устраненіе недоразумѣній, редакція заявляетъ, что жалобы г.г. подписчиковъ на неполученіе отдѣльныхъ листовъ кас. рѣшеній, принимаются лишь *въ теченіи мѣсяца* со дня выхода той книги журнала, въ которой указаны сроки сдачи листовъ на почту.—Жалобы, заявленныя по истеченіи мѣсяца, по ограниченному числу экземпляровъ кас. рѣш. которыми располагаетъ редакція и по невозможности повѣрки причинъ недоставленія отдѣльныхъ листовъ почтою, удовлетворяемы быть не могутъ.

3) Въ виду недоумѣній, возбуждаемыхъ существующею системою изданія кас. рѣш. — со стороны новыхъ подписчиковъ, — редакція имѣетъ честь объяснить, что по установившемуся порядку изданія рѣшеній Сенатскою типографіею, какъ въ типографіи, такъ и при журналѣ, подписка принимается не на рѣшенія даннаго года, а на рѣшенія, которыя будутъ отпечатаны типографіею въ данномъ году, съ 1-го по 1-е января.

СОДЕРЖАНІЕ ПЯТОЙ КНИГИ.

УЗАКОНЕНІЯ И РАСПОРЯЖЕНІЯ ПРАВИТЕЛЬСТВА.

(съ 1-го Іюля по 1-е Сентября).

ОТДѢЛЪ I.

А. Высочайшія повелѣнія.

60) *Объ учрежденіи новой должности участковаго мироваго судьи въ Гайсинскомъ уѣздѣ Подольской губерніи.* (С. У. № 424),

61) *О предоставленіи въ распоряженіе министра юстиціи, въ теченіи трехъ лѣтъ, всей суммы, ассигнуемой на содержаніе личнаго состава чиновъ губернскаго межеваго вѣдомства.* (С. У. № 425).

62) *Объ установленіи сборовъ съ золотопромышленности.* (С. У. № 426).

63) *Объ измѣненіи штатнаго состава Петербургскаго и Варшавскаго военно-окружныхъ судовъ и состоящаго при нихъ прокурорскаго надзора.*

Военный совѣтъ, согласно съ мнѣніемъ главнаго военнаго прокурора, положилъ:

1) Увеличить штатъ Петербургскаго военно-окружнаго суда и состоящаго при немъ прокурорскаго надзора добавленіемъ 1 военнаго судьи, 1 помощника военнаго прокурора, 1 помощника секретаря, 2 кандидатовъ на военно-судебныя должности и 2 писарей; и 2) Уменьшить штатъ Варшавскаго военно-окружнаго суда и состоящаго при немъ прокурорскаго надзора на то число лицъ, которое, согласно 1 п., полагается добавить въ штатъ Петербургскаго военно-окружнаго суда.

Положеніе это Высочайше утверждено 16-го мая 1881 года. (С. У. № 435).

64) *Объ изданіи третьяго полнаго собранія законовъ.*

Государь Императоръ, по всеподданнѣйшему докладу главноуправляющаго II отдѣленіемъ Собственной Его Императорскаго

Величества канцеляріи, 23-го апрѣля 1881 года, Высочайше повелѣть соизволилъ: завершить изданіе втораго полнаго собранія законовъ LIV томовъ и приступить, начиная съ 19-го февраля 1880 года,—дня, которымъ окончилось двадцатилѣтіе Царствованія въ Бозѣ почившаго Императора Александра II, къ изданію третьяго полнаго собранія законовъ. (С ·У. № 439).

65) *Объ учрежденіи пріютовъ для дѣтей ссыльнокаторжныхъ на Карійскихъ промыслахъ и на о. Сахалинѣ.*

Государственный совѣтъ *мнѣніемъ положилъ:*

I. Для призрѣнія дѣтей ссыльнокаторжныхъ учредить на Карійскихъ промыслахъ (въ Нерчинскомъ округѣ Забайкальской области) и на о. Сахалинѣ по одному учебно-воспитательному пріюту, учебный курсъ въ которыхъ установить по программамъ начальныхъ народныхъ училищъ.

II. Образованіе управленія означенными пріютами, опредѣленіе ихъ устройства и изданіе необходимыхъ для сихъ заведеній правилъ предоставить, впредь до указаній опыта, министру внутреннихъ дѣлъ.

III. На покрытіе постоянныхъ расходовъ по упомянутымъ пріютамъ отпускать ежегодно изъ экономическаго ссыльно-поселенческаго капитала Восточной Сибири слѣдующія суммы: 1) на управленіе пріютами—по одной тысячѣ шестисотъ руб. на каждый; 2) на содержаніе пріютовъ и воспитанниковъ, въ теченіи перваго года существованія сихъ заведеній,—шестнадцать тысячъ рублей, а въ послѣдующіе годы—въ мѣрѣ дѣйствительной надобности.

IV. На счетъ того же источника отнести расходы: 1) единовременный по устройству и первоначальному обзаведенію пріютовъ, въ размѣрѣ четырехъ тысячъ рублей на каждый, и 2) вызываемый отдачею на воспитаніе тѣхъ безпріютныхъ дѣтей ссыльнокаторжныхъ, которыя имѣютъ менѣе четырехъ лѣтъ отъ роду, полагая по три рубля въ мѣсяцъ за одного ребенка.

V. Воспитанникамъ, окончившимъ полный учебный курсъ въ пріютахъ, предоставить льготу четвертаго разряда по отбыванію воинской повинности.

Его Императорское Величество воспослѣдовавшее мнѣніе государственнаго совѣта, Высочайше утвердить соизволилъ и повелѣлъ исполнить. (С. У. № 455).

66) *О расходѣ на наемъ помѣщенія для съѣзда мировыхъ судей Бердичевскаго судебно-мироваго округа.*

Государственный совѣтъ, *мнѣніемъ положилъ:*

Въ измѣненіе примѣчанія 4-го къ Высочайше утвержденнымъ 23 іюня (5 іюля) 1871 г. временнымъ правиламъ объ устройствѣ ми-

ровыхъ судебныхъ установленій въ 9-ти западныхъ губерніяхъ, размѣръ платы, назначенной на наемъ помѣщенія для съѣзда мировыхъ судей Бердичевскаго (Кіевской губерніи) судебно-мироваго округа, увеличить съ 500 до *девятисотъ рублей*, съ обращеніемъ потребнаго на сіе ежегоднаго дополнительнаго расхода, въ размѣрѣ *четырехсотъ рублей*, на остатки отъ кредита, назначаемаго вообще на содержаніе мировыхъ судебныхъ установленій Кіевской губерніи.

Его Императорское Величество воспослѣдовавшее мнѣніе государственнаго совѣта, Высочайше утвердить соизволилъ и повелѣлъ исполнить. (С. У. № 456).

67) *Объ упраздненіи Оренбургскаго генералъ-губернаторства.* (С. У. № 481).

68) *О временномъ штатѣ управленія каторжными тюрьмами въ гор. Тобольскѣ.*

Государственный совѣтъ, *мнѣніемъ положилъ*:

I. Проектъ временнаго штата управленія каторжными тюрьмами въ гор. Тобольскѣ поднести къ Высочайшему Его Императорскаго Величества утвержденію и, по воспослѣдованіи онаго, привести въ дѣйствіе съ 1-го іюля 1881 г.

II. На покрытіе исчисленнаго по сему штату расхода въ количествѣ, *двадцати четырехъ тысячъ четырехъ сотъ пятидесяти руб.* въ годъ, обратить пятнадцать тысячъ пятьсотъ одинъ руб., отпускаемые нынѣ на содержаніе управленія Тобольскими каторжными тюрьмами, а недостающую засимъ сумму, въ размѣрѣ *восьми тысячъ девятисотъ сорока девяти руб.*, назначить къ новому отпуску изъ государственнаго назначейства, со внесеніемъ ея, начиная съ 1-го января 1882 г., въ подлежащія подраздѣленія расходной смѣты министерства внутреннихъ дѣлъ. Въ текущемъ же 1881 г. отпустить сверхсмѣтнымъ кредитомъ ту часть означенной суммы, какая по расчету будетъ причитаться съ 1-го іюля, отнеся ее на счетъ отстатковъ отъ заключенныхъ смѣтъ.

III. Со времени приведенія издаваемаго штата въ дѣйствіе, завѣдующихъ одною изъ Тобольскихъ тюремъ чиновъ бывшаго военно-крѣпостнаго отдѣленія отчислить въ распоряженіе военнаго начальства.

Его Императорское Величество воспослѣдовавшее мнѣніе государственнаго совѣта, Высочайше утвердить соизволилъ и повелѣлъ исполнить. (С. У., № 483).

На подлинныхъ Собственною Его Императорскаго Величества рукою написано:
Въ Гатчинѣ, «*Быть по сему*»
19-го мая 1881 года.

ВРЕМЕННЫЙ ШТАТЪ
УПРАВЛЕНІЯ КАТОРЖНЫМИ ТЮРЬМАМИ ВЪ ГОРОДѢ ТОБОЛЬСКѢ.

	Тюрьма № 1, съ особымъ ея отдѣленіемъ.				Тюрьма № 2.				Классы и разряды		
	Число лицъ.	Оклады содержанія въ годъ. Одному. Жалованья.	Оклады содержанія въ годъ. Одному. Столовыхъ.	Всего.	Число лицъ.	Оклады содержанія въ годъ. Одному. Жалованья.	Оклады содержанія въ годъ. Одному. Столовыхъ.	Всего.	По должности.	По шитью на мундирѣ.	По пенсіи.
		Рубли.				Рубли.					
Смотритель	1	600	600	1200	1	500	500	1000	VII	VII	VI
Помощникъ его	1	450	450	900	—	—	—	—	IX	IX	VIII
Экономъ	1	150	150	300	1	150	150	300	X	X	IX
Врачъ	1	350	350	700	1	250	250	500	VIII	VIII	помед. пол.
Письмоводитель	1	150	150	300	—	—	—	—	X	X	IX
Священникъ	1	600	—	600	1	300	—	300			
Фельдшеровъ старшій	1	250	—	250	1	250	—	250			
Фельдшеровъ младшій	1	150	—	150	—	—	—	—			
Надзирателей старшихъ	9	250	—	2250	5	250	—	1250			
Надзирателей младшихъ	50	180	—	9000	25	180	—	4500			
На наемъ писцовъ и на канцелярскіе расходы	—	—	—	400	—	—	—	300			
ИТОГО	67	—	—	16050	35	—	—	8400			

Примѣчанія:

1-е. Помощникъ смотрителя назначается для непосредственнаго завѣдыванія отдѣленіемъ тюрьмы № 1, помѣщающимся въ зданіи тюремнаго замка.

2-е. Смотрителямъ тюремъ, помощнику смотрителя и надзирателямъ присвоивается форма одежды, по образцу полицейской; первымъ двумъ—съ шитьемъ на мундирѣ соотвѣтственно опредѣленнымъ штатомъ разрядамъ, старшимъ надзирателямъ—установленная для околодочныхъ надзирателей, а младшимъ—для нижнихъ полицейскихъ служителей.

3-е. Всѣмъ чинамъ, означеннымъ въ примѣчаніи 2-мъ, полагается вооруженіе драгунскими шашками, а надзирателямъ, сверхъ того, и револьверами.

69)· *Объ измѣненіи нѣкоторыхъ статей книги II части II свод. воен. пост., изд. 1859 года.*

Военный совѣтъ, разсмотрѣвъ представленіе главнаго военно-кодификаціоннаго комитета объ измѣненіи статей 1169, 1172, 1174, 1175 съ дополненіемъ (по VI прод.), 1176, 1179, 1202 съ примѣчаніемъ (по VI прод.), 1203—1206 кн. II ч. II св. воен. пост, изд. 1859 г, положилъ:

1) Право безусловнаго зачета учебной службы по разсчету 5 лѣтъ за 7 при переходѣ въ другую службу распространить на всѣ военно-учебныя заведенія.

2) Ст. 1176 изложить въ предположенной главнымъ военно-кодификаціоннымъ комитетомъ редакціи.

3) Исключивъ изъ проекта измѣненія статьи 1179 введенное въ оную вновь правило о производствѣ прибавокъ по послѣдней должности, дополнить оную словами:

„Прежде окончательной выслуги каждаго таковаго пятилѣтія, причитающейся за оное прибавки ни въ какомъ случаѣ не производится. При увеличеніи жалованья размѣръ пенсій и прибавокъ на службѣ неизмѣняется, но при выходѣ чиновниковъ въ отставку пенсіи и прибавки назначаются по окладу ихъ послѣдней должности".

4) Для лицъ военно-учебной части въ Сибири оставить нынѣ существующее правило о назначеніи имъ пенсій по правиламъ, существующимъ для этого края по министерству народнаго просвѣщенія.

Военно-учебныя же заведенія Закавказскаго и Оренбургскаго края, въ томъ числѣ и Тифлисскую военную гимназію, относительно пенсій подчинить вполнѣ постановленіямъ, дѣйствующимъ въ военно-учебныхъ заведеніяхъ внутри Имперіи и согласно сему измѣнить проектированную редакцію ст. 1202.

5) Начальный срокъ назначенія пенсій и прибавокъ за военно-учебную службу считать только со дня выслуги срока на эти пенсіи и прибавки, согласно чему измѣнить вновь проектированную ст. 1203.

6) Оклады пенсій для профессоровъ и адъюнктовъ военно-юридической академіи, состоящихъ въ гражданскихъ чинахъ, опредѣлить для первыхъ въ 1500 р., а для вторыхъ въ 750 руб.

7) Разъяснить, что библіотекари и смотрителя кабинетовъ и музеевъ, занимающіе какія либо другія должности, имѣютъ право, при отставкѣ, на полученіе пенсій и пособій или по вышеуказаннымъ званіямъ или же по другой своей должности, смотря потому, что для нихъ выгоднѣе.

8) Разъяснить, что лица учебно-воспитательной службы въ военныхъ чинахъ, получая пенсіи по учебно-воспитательнымъ должностямъ, не имѣютъ уже права на службѣ и въ отставкѣ на пенсію по чинамъ.

Исключеніе допускается только для тѣхъ изъ означенныхъ лицъ, которыя отвѣчаютъ условіямъ, указаннымъ въ ст. 872 ч. II кн. II св. воен. пост., 1859 г., по VI прод. [1]) Лицамъ, удовлетворяющимъ условіямъ, указаннымъ въ этой статьѣ, пенсія можетъ быть назначена при отставкѣ или по учебной должности или по чину, смотря потому, что для нихъ выгоднѣе.

9) Въ подлежащихъ пунктахъ имѣющаго быть составленнымъ росписанія окладовъ пенсій, въ которыхъ установляется размѣръ пенсій штатнымъ преподавателямъ и учителямъ-воспитателямъ, добавить слова: „въ томъ числѣ и законоучителямъ“.

Положеніе это и проектъ измѣненія статей 1169, 1172, 1174, 1175 съ дополненіемъ (по VI прод.), 1176, 1179, 1202 съ примѣчаніемъ (по VI прод.), 1203—1206 кн. II ч. II св. воен. пост., изд. 1859 года, Высочайше утверждены 28-го мая 1881 года. (С. У. № 502).

---

[1]) т. е. прослужили въ войскахъ не менѣе 15 лѣтъ и участвовали въ походахъ и сраженіяхъ.

30) *Объ учрежденіи Московской военной тюрьмы на 200 арестантовъ.*

Военный совѣтъ, согласно съ мнѣніемъ начальника главнаго штаба, положилъ:

Учредить въ Москвѣ военную тюрьму на 200 арестантовъ, съ тѣмъ, чтобы вызываемый этою мѣрою расходъ, въ нынѣшнемъ оду, былъ отнесенъ на текущую смѣту главнаго интендантскаго управленія; съ 1-го же января 1882 года расходъ этотъ вносить въ ту же смѣту установленнымъ порядкомъ.

Положеніе это Высочайше утверждено 5-го іюня 1881 года (С. У. № 512).

31) *О присоединеніи судебнаго отдѣла министерства внутреннихъ дѣлъ къ департаменту государственной полиціи.*

Государь Императоръ, по всеподданнѣйшему министра внутреннихъ дѣлъ докладу, въ 11-й день іюля 1881 года, Высочайше соизволилъ: судебный отдѣлъ министерства внутреннихъ дѣлъ присоединить къ составу департамента государственной полиціи, съ подчиненіемъ управляющаго этимъ отдѣломъ и прочихъ чиновъ его директору означеннаго департамента и съ возведеніемъ должности дѣлопроизводителя судебнаго отдѣла, въ соотвѣтствіе съ такими же должностями департамента государственной полиціи, изъ VI въ V классъ. (С. У. № 514).

32) *Объ измѣненіи штата главнаго военно-суднаго управленія.*

Военный совѣтъ, согласно съ мнѣніемъ главнаго военнаго прокурора, положилъ:

Переписку, относящуюся до судоустройства и порядка судопроизводства, а равно по жалобамъ и просьбамъ лицъ, находящихся подъ слѣдствіемъ и судомъ, дѣламъ по обвиненію военно-служащихъ въ преступленіяхъ государственныхъ, поступающимъ къ военному министру отъ подлежащаго начальства, передать изъ канцеляріи главнаго военно-суднаго управленіи въ 1-е отдѣленіе сего управленія, учредивъ въ означенномъ отдѣленіи для дѣлопроизводства по всѣмъ поименованнымъ выше предметамъ особый 3-й столъ, въ составѣ столоначальника и его помощника. Кромѣ того 1-е отдѣленіе главнаго управленія усилить однимъ помощникомъ начальника отдѣленія, на котораго и возложить исключительное завѣдываніе дѣлами вновь учреждаемаго въ этомъ отдѣленіи 3-го стола;

для переписки же бумагъ по сему столу добавить къ штату главнаго военно-суднаго управленія трехъ писарей, въ томъ числѣ одного 1-го разряда, одного 2-го и одного 3-го разряда.

2) Изъ числа полагаемыхъ нынѣ по штату во второмъ, третьемъ и четвертомъ отдѣленіяхъ главнаго военно-суднаго управленія 9-ти столоначальниковъ оставить въ этихъ отдѣленіяхъ только восемь, а девятаго перечислить въ 1-е отдѣленіе, для управленія вновь учреждаемымъ въ ономъ 3-мъ столомъ. Равнымъ образомъ перечислить въ то же отдѣленіе и въ тотъ же столъ одного изъ двухъ помощниковъ столоначальника, состоящихъ нынѣ въ канцеляріи главнаго военно-суднаго управленія, съ тѣмъ, чтобы впредь въ оной состоялъ лишь одинъ помощникъ столоначальника, именно въ 1-мъ столѣ канцеляріи.

3) Добавляемымъ къ штату главнаго военно-суднаго управленія помощнику начальника отдѣленія и писарямъ присвоить содержаніе и прочія служебныя преимущества, установленныя для соотвѣтствующихъ должностей штатами центральныхъ управленій военнаго министерства.

4) Расходъ, необходимый на содержаніе добавляемаго къ штату главнаго военно-суднаго управленія одного помощника начальника отдѣленія, а также на жалованье писарямъ, всего за установленными вычетами по 2430 руб. въ годъ, обратить на кредитъ, ассигнуемый главному военно-судному управленію (въ размѣрѣ 5800 руб.) на усиленіе онаго чиновниками, для чего въ текущемъ году, со времени приведенія въ исполненіе предположенія объ усиленіи штатнаго состава главнаго военно-суднаго управленія, уменьшить на соотвѣтствующую сумму содержаніе состоящимъ въ ономъ чиновникамъ на усиленіе и затѣмъ на будущее время, начиная съ 1882 г., означенный расходъ включать въ подлежащія подраздѣленія смѣты главнаго военно-суднаго управленія, а на усиленіе сего управленія чиновниками вносить по 3370 р. вмѣсто положенныхъ нынѣ 5800 руб.;

и 5) Статьи 282, 283 и 284 кн. I Св. В. П. 1869 г. измѣнить по прилагаемому проекту.

Положеніе это и проектъ измѣненія статей 282, 283 и 284 кн. I С. В. П. 1869 г. Высочайше утверждены 11 іюня 1881 года. (С. У. № 519).

73) *О вознагражденіи лицъ, открывшихъ нарушеніе правилъ о войсковомъ хозяйствѣ Уральскаго казачьяго войска.*

Высочайше утвержденнымъ 21-го іюня 1881 года положеніемъ военнаго совѣта постановлено:

Въ вознагражденіе лицъ, открывшихъ нарушеніе правилъ о войсковомъ общественномъ хозяйствѣ Уральскаго казачьяго войска, выдавать 10% изъ суммъ, вырученныхъ чрезъ продажу отобранныхъ у виновныхъ предметовъ и взысканныхъ за причиненные войску вредъ и убытки. (С. У. № 521).

74) *О принятіи капитала, собраннаго присяжными засѣдателями гор. Саратова.*

Присяжные засѣдатели гор. Саратова, отправлявшіе правосудіе въ Саратовскомъ окружномъ судѣ въ первую сессію по восшествіи на Всероссійскій Престолъ Императора Александра Александровича, преисполненные чувства глубокой благодарности къ даровавшему русскому народу, въ числѣ многихъ благъ, новый судъ, въ Бозѣ почившему Императору Александру II, пожелали увѣковѣчить въ мѣстномъ населеніи память о Незабвенномъ Царѣ-Освободителѣ и съ этою цѣлью, собравъ между собою 242 р., обратились съ просьбою передать означенную сумму въ правленіе Саратовскаго учебно-исправительнаго пріюта несовершеннолѣтнихъ преступниковъ, съ тѣмъ, чтобы проценты съ собранныхъ ими денегъ поступали на увеличеніе средствъ по содержанію пріюта, а самый капиталъ, называясь „капиталомъ священной памяти о въ Бозѣ почившемъ Императорѣ Александрѣ II,“ оставался неприкосновеннымъ. При этомъ присяжные засѣдатели высказали свое ходатайство, чтобы со стороны окружнаго суда дѣлалось по слѣдующимъ составамъ присяжныхъ засѣдателей приглашеніе о присоединеніи добровольныхъ пожертвованій къ собранному уже капиталу.

3-го іюня 1881 года, по всеподданнѣйшему докладу министра внутреннихъ дѣлъ вышеизложеннаго ходатайства, послѣдовало Высочайшее соизволеніе на принятіе означеннаго капитала, придавъ ему названіе: „капиталъ въ память Императора Александра II.“ (С. У. № 529).

75) *О введеніи мировыхъ установленій въ губерніяхъ Лифляндской, Эстляндской и Курляндской въ теченіи первой половины 1882 года.*

По соглашенію съ главноуправляющимъ II отдѣленіемъ собственной Его Императорскаго Величества Канцеляріи и министромъ внутреннихъ дѣлъ, министръ юстиціи имѣлъ счастіе всеподданнѣйше испрашивать Высочайшее Его Величества разрѣшеніе: отложить введеніе въ нынѣшнемъ году мировыхъ судебныхъ установленій въ губерніяхъ Лифляндской и Курляндской, съ тѣмъ, чтобы означенныя установленія были открыты въ этихъ губерніяхъ въ теченіи первой половины будущаго 1882 года.

Государь Императоръ, въ 3-й день іюня 1881 года, на сіе Высочайше соизволилъ. (С. У. № 531).

76) *О пріостановленіи производства въ судебныхъ установленіяхъ дѣлъ, по коимъ привлекаются къ личной отвѣтственности заводчики и вообще винопромышленники за нарушенія постановленій устава о питейномъ сборѣ, совершенныя, безъ всякаго съ ихъ стороны участія, лицами состоящими у нихъ въ услуженіи.*

Государь Императоръ, по всеподданнѣйшему докладу министра юстиціи, въ 8-й день іюля 1881 года, Высочайше повелѣть соизволилъ: временно,—впредь до изданія новыхъ правилъ о взысканіяхъ за нарушеніе постановленій устава о питейномъ сборѣ,— пріостановить производство въ судебныхъ установленіяхъ дѣлъ, по коимъ привлекаются къ личной отвѣтственности заводчики и вообще винопромышленники за нарушенія упомянутыхъ постановленій, совершенныя, безъ всякаго съ ихъ стороны участія ихъ повѣренными, прикащиками, сидѣльцами и вообще лицами, состоящими у нихъ въ услуженіи. (С. У. № 535).

77) *Объ упраздненіи Смоленской военно-исправительной роты.*

Государь Императоръ, въ 28-й день апрѣля 1881 г., Высочайше повелѣть соизволилъ:

1) Смоленскую военно - исправительную роту упразднить нынѣ же, распредѣливъ содержащихся въ ней арестантовъ по указанію главнаго штаба.

2) Офицеровъ и классныхъ чиновъ оставить за штатомъ на общемъ основаніи.

3) Въ отношеніи распредѣленія на службу или оставленія за штатомъ священника и врача въ ротѣ предоставить сдѣлать надлежащія распоряженія главному военно-медицинскому управленію и главному священнику арміи и флотовъ, по принадлежности.

4) Нижнихъ чиновъ роты распредѣлить на службу по усмотрѣнію мѣстнаго начальства (С. У. № 536).

38) *Объ учрежденіи жандармскаго управленія гор. С.-Петербурга.*

Государь Императоръ, по всеподданѣйшему докладу министра внутреннихъ дѣлъ въ 28 й день мая 1881 года, Высочайше повелѣть соизволилъ:

1) Оставивъ начальника С.-Петербургскаго губернскаго жандармскаго управленія для всей С.-Петербургской губерніи и его отношенія къ губернатору на прежнемъ основаніи, выдѣлить изъ его вѣдѣнія гор. С.-Петербургъ, въ которомъ учредить жандармское управленіе гор. С.-Петербурга, примѣнивъ къ начальнику этого управленія всѣ права и обязанности, существующія по взаимнымъ отношеніямъ начальниковъ губернскихъ жандармскихъ управленій и губернаторовъ, причемъ губернатора замѣняетъ въ С.-Петербургѣ градоначальникъ.

2) Означенное управленіе имѣетъ въ составѣ: начальника, адъютанта управленія и 4 хъ писарей (2-хъ втораго и 2-хъ третьяго разрядовъ).

3) Къ дополнительному штату губернскихъ жандармскихъ управленій добавить двухъ офицеровъ, которыхъ и назначить помощниками начальника жандармскаго управленія города С.-Петербурга.

4) Содержаніе чинамъ учреждаемаго управленія, а равно и отпуски суммъ на наемъ помѣщенія и канцелярскіе расходы управленію, опредѣлить согласно штата С.-Петербургскаго губернскаго жандармскаго управленія.

5) Всѣ расходы по содержанію управленія и двухъ помощниковъ начальника онаго, нынѣ добавляемыхъ къ штату, обратить на счетъ суммъ, находящихся въ распоряженіи департамента государственной полиціи, для чего департаменту вносить въ государственное казначейство сумму, необходимую на возмѣщеніе расходовъ военнаго министерства по выдачѣ означеннымъ чинамъ и управленію штатами опредѣленнаго довольствія.

и 6) Начальнику жандармскаго управленія гор. С.-Петербурга, состоя въ строевомъ, хозяйственномъ и военно-административномъ отношеніи въ непосредственномъ подчиненіи штабу отдѣль-

наго корпуса жандармовъ, во всемъ прочемъ находиться въ зависимости отъ С.-Петербургскаго градоначальнка (С. У. № 537).

19) *Объ устройствѣ при бригадахъ пограничной стражи особыхъ судовъ, на правахъ полковыхъ, и объ измѣненіи примѣчанія 1 къ ст. 618, XXIV, втор. изд., С. В. П. 1869 г.*

Государь Императоръ, по всеподданнѣйшему докладу главнаго военнаго суда объ устройствѣ при бригадахъ пограничной стражи особыхъ судовъ, на правахъ полковыхъ, и объ измѣненіи примѣчанія 1 къ ст. 618, XXIV, втор. изд., С. В. П. 1869 г. Высочайше повелѣть соизволилъ:

I. Для сужденія нижнихъ чиновъ пограничной стражи въ случаяхъ, предусмотрѣнныхъ въ 264 и 265 ст., XXIV, втор. изд., С. В. П. 1869 г., учредить при каждой бригадѣ и при отдѣльномъ Бѣломорскомъ отдѣлѣ пограничной стражи особый судъ на тѣхъ же основаніяхъ, которыя установлены военно-судебнымъ уставомъ для полковыхъ судовъ при строевыхъ частяхъ войскъ, съ соблюденіемъ при этомъ слѣдующихъ правилъ:

1) Для рѣшенія одного или нѣсколькихъ дѣлъ въ мѣстахъ, отдаленныхъ отъ штабовъ бригадъ пограничной стражи, могутъ быть открываемы, по мѣрѣ возникающей надобности, временные бригадные суды.

2) Назначеніе въ составъ постояннаго и временныхъ бригадныхъ судовъ предсѣдателя, членовъ и дѣлопроизводителя возлагается въ каждой бригадѣ пограничной стражи и въ Бѣломорскомъ отдѣлѣ на командировъ названныхъ частей, съ предоставленіемъ имъ, по отношенію къ означеннымъ судамъ, тѣхъ же самыхъ правъ, которыя предоставлены каждому командиру полка, въ отношеніи состоящаго при немъ полковаго суда.

Примѣчаніе. Состоящіе при штабахъ бригадъ пограничной стражи офицеры для порученій, а въ крайнемъ случаѣ и бригадные адъютанты, могутъ быть назначены для исправленія обязанностей дѣлопроизводителей въ бригадныхъ судахъ.

3) О причинахъ, вызывающихъ открытіе временныхъ бригадныхъ судовъ, а равно и о назначенныхъ въ составъ постояннаго и временнаго бригадныхъ судовъ офицерахъ, командиръ бригады обязанъ всякій разъ доносить начальнику таможеннаго округа, который имѣетъ право измѣнить мѣсто и время открытія временнаго бригаднаго суда.

4) Въ каждомъ бригадномъ судѣ составляются предсѣдателемъ суда, по установленной формѣ, вѣдомости о движеніи дѣлъ въ постоянномъ и временныхъ бригадныхъ судахъ, изъ коихъ третныя вѣдомости представляются, по командѣ, начальнику таможеннаго округа съ окончаніемъ каждой трети, а годовыя, съ окончаніемъ каждаго года, — въ департаментъ таможенныхъ сборовъ, гдѣ за истекшій годъ, на основаніи полученныхъ свѣдѣній, составляется о движеніи дѣлъ во всѣхъ бригадныхъ судахъ пограничной стражи одна общая вѣдомость, которая, въ свою очередь, представляется министру финансовъ не позже 1 марта слѣдующаго за отчетнымъ года;

и II. Примѣчаніе 1 къ ст. 618, XXIV, втор. изд., С. В. П. 1869 г., изложить въ слѣдующемъ видѣ:

Примѣчаніе 1-е Въ пограничной стражѣ предаются военному суду: 1) нижніе чины—бригадными командирами; 2) оберъ-офицеры — инспекторомъ пограничной стражи; 3) штабъ - офиреры, за исключеніемъ бригадныхъ командировъ,—директоромъ департамента таможенныхъ сборовъ; 4) бригадные командиры, за исключеніемъ состоящихъ въ генеральскихъ чинахъ, —министромъ финансовъ, и 5) генералы — порядкомъ, установленнымъ въ п. 5 сей статьи (С. У. № 539).

80) *Объ измѣненіи 46-й ст. военно-морскаго дисциплинарнаго устава.*

Государь Императоръ, по всеподданнѣйшему докладу соединеннаго собранія главныхъ военнаго и военно-морскаго судовъ, въ 16 день іюня 1881 года, Высочайше повелѣть соизволилъ: статью 46 военно - морскаго дисциплинарнаго устава (изд. 1880 г.) измѣнить слѣдующимъ образомъ: „адмиралы, генералы, гражданскіе чиновники морскаго вѣдомства первыхъ четырехъ классовъ, лица, занимающія должности не ниже пятаго класса, а также экипажные командиры и другіе начальники, пользующіеся равною съ послѣдними властію, за исключеніемъ чрезвычайныхъ случаевъ (ст. 5), могутъ быть подвергаемы аресту въ порядкѣ дисциплинарномъ не иначе, какъ по Высочайшему повелѣнію“ (С. У. № 540).

81) *Объ измѣненіи статьи 38-й С. В. П., 1869, XXIII, изд. 2*

Государь Императоръ, согласно заключенію соединеннаго собранія главныхъ военнаго и военно-морскаго судовъ, Высочайше

повелѣть соизволилъ: измѣнить статью 38 С. В. П, 1869, XXIII, изд. 2, согласно нижеслѣдующему проекту.

ПРОЕКТЪ

ИЗМѢНЕНІЯ СТ. 38 С. В. П., 1869, XXIII, ИЗД. 2.

Существующее изложеніе.	*Предполагаемое измѣненіе.*
Ст. 38. Генералы, полковые командиры и другіе начальники, пользующіеся равною съ послѣдними властію, за исключеніемъ чрезвычайныхъ случаевъ (ст. 5), могутъ быть подвергаемы аресту въ порядкѣ дисциплинарномъ не иначе, какъ по Высочайшему повелѣнію.	Ст. 38. Генералы, гражданскіе чиновники военнаго вѣдомства первыхъ четырехъ классовъ, лица, занимающія должности не ниже пятаго класса, а также полковые командиры и другіе начальники, пользующіеся равною съ послѣдними властію, за исключеніемъ чрезвычайныхъ случаевъ (ст. 5), могутъ быть подвергаемы аресту въ порядкѣ дисциплинарномъ не иначе, какъ по Высочайшему повелѣнію. (С. У. № 541)

82) *Объ измѣненіи приложенія къ примѣчанію къ ст. 103-й С. В. П, 1869, XXIV, изд. 2.*

Государь Императоръ, согласно заключенію соединеннаго собранія главныхъ военнаго и военно-морскаго судовъ, Высочайше повелѣть соизволилъ: измѣнить приложеніе къ примѣчанію къ ст. 103 С. В, П., 1869, XXIV, изд. 2, согласно нижеслѣдующему проекту.

ПРОЕКТЪ

ИЗМѢНЕНІЯ ПРИЛОЖЕНІЯ КЪ ПРИМѢЧАНІЮ КЪ СТ. 103 С. В. П., 1869, XXIV, ИЗД. 2.

Существующее изложеніе.	*Предполагаемое измѣненіе.*
Приложеніе къ примѣчанію къ ст. 103.	Приложеніе къ примѣчанію къ ст. 103.
Впредь до устройства военныхъ тюремъ и преобразованія учрежденій для содержанія ссыльно-каторжныхъ въ тѣхъ случаяхъ,	Впредь до повсемѣстнаго устройства военныхъ тюремъ и преобразованія учрежденій для содержанія ссыльно-каторжныхъ,

когда подсудимый нижній чинъ осмѣлится произнести оскорбительныя выраженія противъ присутствія полковаго суда, или одного изъ членовъ онаго, или дозволитъ себѣ неприличное и дерзкое съ ними обращеніе, судъ, по удаленіи подсудимаго, на основаніи ст. 103, XXIV, С. В. П. 1869 г., изъ присутствія, постановляетъ приговоръ по обвиненіямъ, за которыя онъ преданъ суду и, по утвержденіи приговора полковымъ командиромъ, приводитъ оный въ исполненіе и затѣмъ уже представляетъ по начальству, для зависящаго распоряженія о преслѣдованіи виновнаго за нанесенное суду оскорбленіе, по 2 ч. ст. 282 улож. о наказ., въ установленномъ судебномъ порядкѣ и съ соблюденіемъ, относительно самаго наказанія, правила, указаннаго ниже. Если же подобное преступленіе совершено будетъ подсудимымъ нижнимъ чиномъ противъ присутствія военно окружнаго суда, одного изъ членовъ онаго, или лица военно-прокурорскаго надзора, то судъ, по удаленіи преступника изъ присутствія, немедленно постановляетъ приговоръ по существу какъ прежняго, такъ и вновь совершеннаго имъ преступленія, по правиламъ о наказаніи по совокупности преступленій и, когда при этомъ подсудимый не будетъ подлежать ссылкѣ

въ тѣхъ случаяхъ, когда подсудимый нижній чинъ осмѣлится произнести оскорбительныя выраженія противъ присутствія полковаго суда, или одного изъ членовъ онаго, или дозволитъ себѣ неприличное и дерзкое съ ними обращеніе, судъ, по удаленіи подсудимаго, на основаніи ст. 103, XXIV, С. В. П. 1869 г, изъ присутствія, постановляетъ приговоръ по обвиненіямъ, за которыя онъ преданъ суду и, по утвержденіи приговора полковымъ командиромъ, приводитъ оный въ исполненіе и затѣмъ уже представляетъ по начальству, для зависящаго распоряженія, о преслѣдованіи виновнаго за нанесенное суду оскорбленіе, по 2 ч. ст. 282 улож. о наказ. въ установленномъ судебномъ порядкѣ и съ соблюденіемъ, относительно самаго наказанія, правила, указаннаго ниже. Если же подобное преступленіе совершено будетъ подсудимымъ нижнимъ чиномъ противъ присутствія военно-окружнаго суда, одного изъ членовъ онаго, или лица военно-прокурорскаго надзора, то судъ, по удаленіи преступника изъ присутствія, немедленно постановляетъ приговоръ по существу какъ прежняго, такъ и вновь совершеннаго имъ преступленія, по правиламъ о наказаніи по совокупности преступленій и, когда при этомъ подсудимый не будетъ

въ каторжныя работы, присуждаетъ его къ слѣдующему по закону наказанію, съ присовокупленіемъ къ оному предварительнаго одиночнаго заключенія въ военно-исправительныхъ ротахъ прежняго устройства, на срокъ отъ 1 года до 3 лѣтъ.	подлежать ссылкѣ въ каторжныя работы, присуждаетъ его къ слѣдующему по закону наказанію, съ присовокупленіемъ къ оному предварительнаго заключенія въ ближайшемъ дисциплинарномъ баталіонѣ или ротѣ, или въ военной тюрьмѣ, на срокъ отъ 1 года до 3 лѣтъ. (С. У. № 542)

83) *Объ установленіи правилъ о наказаніи нижнихъ чиновъ за оскорбленіе присутствія экипажнаго и военно-морскаго судовъ.*

Государь Императоръ, по всеподданнѣйшему докладу соединеннаго собранія главныхъ военнаго и военно-морскаго судовъ, въ 16-й день іюня 1881 года, Высочайше повелѣть соизволилъ: въ измѣненіе правилъ 22-го апрѣля 1876 года, объявленныхъ въ приказѣ Его Императорскаго Высочества, генералъ-адмирала отъ 30 го того же апрѣля за № 45, постановить:

„Впредь до повсемѣстнаго устройства военно-морскихъ тюремъ и преобразованія учрежденій для содержанія ссыльно-каторжныхъ, въ тѣхъ случаяхъ, когда подсудимый нижній чинъ осмѣлится произнести оскорбительныя выраженія противъ присутствія экипажнаго суда, или одного изъ членовъ онаго, или дозволить себѣ неприличное и дерзкое съ ними обращеніе, судъ, по удаленіи подсудимаго, на основаніи 101 ст. воен.-мор. суд. уст., изъ присутствія, постановляетъ приговоръ по обвиненіямъ, за которыя онъ преданъ суду и, по утвержденіи приговора экипажнымъ командиромъ, приводитъ оный въ исполненіе и затѣмъ уже представляетъ по начальству, для зависящаго распоряженія, о преслѣдованіи виновнаго за нанесенное суду оскорбленіе, по 2 ч ст. 282 улож. о наказ, въ установленномъ судебномъ порядкѣ и съ соблюденіемъ, относительно самаго наказанія, правила, указаннаго ниже. Если же подобное преступленіе совершено будетъ подсудимымъ нижнимъ чиномъ противъ присутствія военно-морскаго суда, одного изъ членовъ онаго, или лица военно-морскаго прокурорскаго надзора, то судъ, по удаленіи преступника изъ присутствія, немедленно постановляетъ приговоръ по существу какъ прежняго, такъ и вновь совершеннаго имъ преступленія, по правиламъ о наказаніи по совокупности преступленій и, когда при этомъ подсудимый не будетъ подлежать

ссылкѣ въ каторжныя работы, присуждаетъ его къ слѣдующему по закону наказанію, съ присовокупленіемъ къ оному предварительнаго одиночнаго заключенія въ ближайшемъ дисциплинарномъ баталіонѣ или ротѣ, или въ военной тюрьмѣ, на срокъ отъ 1-го года до 3-хъ лѣтъ." (С. У. № 545).

84) *О сокращеніи круга дѣлъ, представляемыхъ святѣйшимъ правительствующимъ синодомъ на разрѣшеніе и утвержденіе Его Императорскаго Величества.*

Святѣйшій правительствующій синодъ, въ вѣдѣніи своемъ, сообщилъ правительствующему сенату, что во исполненіе Высочайшей Государя Императора воли о возможномъ сокращеніи круга дѣлъ, представляемыхъ на разрѣшеніе и утвержденіе Его Императорскаго Величества, синодальный оберъ-прокуроръ входилъ въ ближайшія по сему вопросу соображенія, относительно предметовъ вѣдомства святѣйшаго синода и, по тщательномъ пересмотрѣ всѣхъ родовъ дѣлъ сего вѣдомства, доселѣ восходившихъ на Высочайшее усмотрѣніе, имѣлъ счастіе всеподданнѣйше представлять Его Императорскому Величеству составленный, по совѣщанію съ членами святѣйшаго синода, перечень рода тѣхъ изъ сихъ дѣлъ, окончательное рѣшеніе коихъ, въ отмѣну принятаго нынѣ порядка, могло бы быть предоставлено святѣйшему синоду, безъ испрошенія Высочайшихъ разрѣшеній и повелѣній по онымъ. Государь Императоръ, въ 9-й день мая 1881 года, Высочайше соизволилъ утвердить предположеніе о предоставленіи святѣйшему синоду окончательнаго рѣшенія дѣлъ, поименованныхъ въ означенномъ перечнѣ. Вмѣстѣ съ симъ, въ виду того, что въ числѣ дѣлъ, показанныхъ въ томъ перечнѣ, между прочимъ, значится награжденіе духовныхъ лицъ скуфьями, камилавками и наперсными крестами, Его Императорскому Величеству благоугодно было Высочайше повелѣть, чтобы Святѣйшій синодъ установилъ для наградъ духовенству и принялъ къ руководству опредѣленную норму, соотвѣтственно наличному числу священнослужителей и примѣнительно къ размѣру назначенныхъ въ 1874 г. по всѣмъ свѣтскимъ вѣдомствамъ наградныхъ нормъ, но отнюдь не свыше пропорціи 1:20.

Перечень рода дѣлъ, по которымъ испрашиваются Высочайшія разрѣшенія, но окончательное рѣшеніе коихъ могло бы быть предоставлено Святѣйшему Синоду:

1) Объ увольненіи въ отпускъ (на всякій срокъ) епархіальныхъ и викарныхъ Архіереевъ, за исключеніемъ отпуска за границу.

2) О назначеніи епархіальнымъ преосвященнымъ добавочнаго содержанія изъ особаго на сей предметъ капитала, состоящаго въ распоряженіи святѣйшаго синода.

3) О назначеніи пенсій преосвященнымъ изъ спеціальныхъ средствъ святѣйшаго синода.

4) О награжденіи духовныхъ лицъ скуфьями, камилавками и наперсными крестами, отъ святѣйшаго синода выдаваемыми.

5) Объ учрежденіи монастырей и женскихъ общинъ, безъ назначенія окладовъ содержанія отъ казны.

6) Объ устройствѣ домовыхъ церквей въ столицахъ.

7) Объ укрѣпленіи недвижимыхъ имуществъ въ собственность духовно-учебныхъ заведеній, а также о продажѣ и объемѣ недвижимыхъ имуществъ, симъ заведеніямъ принадлежащихъ.

8) Объ учрежденіи въ духовныхъ академіяхъ, семинаріяхъ и училищахъ именныхъ стипендій, на пожертвованныя суммы.

9) Объ изъятіяхъ изъ дѣйствующихъ нынѣ уставовъ и штатовъ духовно-учебныхъ заведеній въ нѣкоторыхъ частныхъ случаяхъ, по особо уважительнымъ обстоятельствамъ.

10) О командированіи съ ученою цѣлію за границу лицъ духовно-учебнаго вѣдомства.

11) О назначеніи и увеличеніи содержанія изъ спеціальныхъ средствъ святѣйшаго синода разнымъ духовнымъ учрежденіямъ.

12) О назначеніи на счетъ спеціальныхъ средствъ святѣйшаго синода пенсій чиновникамъ духовнаго вѣдомства и семействамъ ихъ, въ особо уважительныхъ случаяхъ.

Вмѣстѣ съ тѣмъ предполагалось бы отмѣнить установленный 501 ст. уст. о паспорт. т. XIV св. зак., изд. 1857 г., порядокъ, по которому доводится до Высочайшаго свѣдѣнія о каждомъ случаѣ даннаго святѣйшимъ синодомъ разрѣшенія на прибытіе въ Имперію иностраннаго духовнаго лица православнаго исповѣданія. (С. У. № 551).

85) *О распредѣленіи между канцеляріею Московскаго оберъ-полицiйместера и участковыми приставами предметовъ вѣдомства управы благочинія.*

Министръ внутреннихъ дѣлъ донесъ Правительствующему Сенату, что онъ, на основаніи 6 ст. Высочайше утвержденныхъ 5-го мая 1881 г. правилъ объ упраздненіи Московской управы благочинія, утвердилъ распредѣленіе между канцеляріею Московскаго

оберъ-полицiймейстера и участковыми приставами столичной полицiи предметовъ вѣдомства управы благочинiя, отнесенныхъ къ обязанности означенной канцелярiи и приставовъ.

РАСПРЕДѢЛЕНIЕ

ПРЕДМЕТОВЪ ВѢДОМСТВА БЫВШЕЙ МОСКОВСКОЙ УПРАВЫ БЛАГОЧИНIЯ МЕЖДУ КАНЦЕЛЯРIЕЮ МОСКОВСКАГО ОБЕРЪ-ПОЛИЦIЙМЕЙСТЕРА И УЧАСТКОВЫМИ ПРИСТАВАМИ СТОЛИЧНОЙ ПОЛИЦIИ.

(Составлено на основанiи 6 ст. Высочайше утвержденныхъ 5-го мая 1881 г. правилъ объ упраздненiи Московской управы благочинiя).

А. Къ вѣдомству канцелярiи Московскаго оберъ-полицiймейстера относятся слѣдующiя дѣла:

1) Обнародованiе въ столицѣ законовъ, Высочайшихъ повелѣнiй, правительственныхъ распоряженiй и другихъ постановленiй, подлежащихъ всеобщему свѣдѣнiю.

2) Распубликованiе объявленiй о вызовѣ къ торгамъ и поставкамъ и о продажѣ имѣнiй частныхъ лицъ въ Москвѣ.

3) Розыскъ лицъ и имуществъ по требованiямъ судебныхъ и правительственныхъ мѣстъ и частныхъ лицъ.

4) Дѣла паспортныя, снабженiе видами незаконнорожденныхъ, подкидышей и людей, уволенныхъ изъ военнаго вѣдомства безъ именованiя воинскимъ званiемъ; выдача паспортовъ неслужащимъ дворянамъ, чиновникамъ и семействамъ ихъ и солдатскимъ вдовамъ, а также женамъ нижнихъ чиновъ, поступившихъ на службу до изданiя положенiя 1867 года, и дѣтямъ ихъ на приписку къ обществамъ.

5) Исчисленiе, прiемъ, храненiе и расходованiе суммъ, вещей и припасовъ на содержанiе полицiи.

6) Вычетъ, по требованiю присутственныхъ и судебныхъ мѣстъ, изъ жалованья полицейскихъ чиновъ на удовлетворенiе долговыхъ обязательствъ, а равно взысканiе денегъ за пожалованные ордена и другiе знаки отличiя.

7) Прiемъ и выдача по принадлежности денегъ и денежныхъ документовъ, пересылаемыхъ лицамъ, проживающимъ въ Москвѣ.

8) Составленiе и представленiе на ревизiю денежныхъ отчетовъ.

9) Дѣла о находкахъ и храненіе найденныхъ денегъ, вещей и документовъ.

10) Выдача копій съ явочныхъ прошеній, а равно производство дознаній объ утратѣ нижними чинами указовъ объ отставкѣ.

11) Высылка лицъ, задерживаемыхъ за безписьменность, укрывающихся отъ воинской повинности и по требованіямъ правительственныхъ мѣстъ, а равно передача въ общество пересылаемыхъ изъ иногородныхъ мѣстъ лицъ.

Б. Къ вѣдомству участковыхъ приставовъ столичной полиціи относятся слѣдующія дѣла:

1) Объявленіе и исполненіе судебныхъ и другихъ рѣшеній и опредѣленій въ тѣхъ случаяхъ, когда исполненіе это возложено закономъ на полицію.

2) Доставленіе повѣстокъ судебныхъ мѣстъ, а равно арестованіе и приводъ въ судъ обвиняемыхъ и вообще прикосновенныхъ къ дѣламъ по требованію судебныхъ мѣстъ.

3) Исполненіе требованій присутственныхъ и общественныхъ мѣстъ по взысканію штрафовъ, гербовыхъ пошлинъ, недоимокъ городскихъ и земскихъ повинностей, неокладнаго сбора.

4) Исполненіе требованій присутственныхъ и другихъ мѣстъ по отобранію отъ проживающихъ въ Москвѣ и доставленію свѣдѣній по разнымъ случаямъ, а равно по выдачѣ извѣщеній, объявленій и другихъ разныхъ документовъ, а также и вещей.

5) Охраненіе и приведеніе въ извѣстность имуществъ умалишенныхъ и скрывшихся, а также сообщеніе мировымъ судьямъ о смерти проживающихъ въ столицѣ лицъ, для принятія охранительныхъ къ имуществу мѣръ.

6) Выдача отсрочекъ проживающимъ въ Москвѣ лицамъ податнаго сословія.

7) Опредѣленіе и взысканіе, согласно 1245 ст. 2 ч. XV т. уст. уголовн. судопр., изд. 1876 г., штрафовъ за просроченные паспорты и адресные билеты и за неисполненіе правилъ, заключающихся въ положеніи объ адресномъ столѣ. (С. У. № 560).

86) *Объ упраздненіи Кадниковской и Грязовецкой (Вологодской губерніи) дворянскихъ опекъ.* (С. У. № 562).

87) *О суммѣ, опредѣляемой на расходы по должности мировымъ судьямъ Астраханской и Оренбургской губерній*

Вторымъ примѣчаніемъ къ приложенному къ ст. 9 Высочайше утвержденныхъ 2-го мая 1878 г. временныхъ правилъ объ устройствѣ мировыхъ судебныхъ установленій въ Астраханской и Оренбургской губерніяхъ росписанію окладовъ содержанія участковымъ и добавочнымъ мировымъ судьямъ, чинамъ канцелярій мировыхъ съѣздовъ и состоящимъ при нихъ судебнымъ приставамъ въ названныхъ губерніяхъ, предоставлено министру юстиціи, по соглашенію съ министрами внутреннихъ дѣлъ и финансовъ, опредѣлять для каждаго судебно-мироваго округа, на основаніи данныхъ, собираемыхъ мѣстными съѣздами мировыхъ судей, какая именно часть изъ общаго содержанія участковаго мироваго судьи предназначается собственно на содержаніе сего судьи и какая идетъ на расходы по должности.

Истребовавъ, во исполненіе сего, заключенія мировыхъ съѣздовъ Астраханской и Оренбургской губерній по настоящему предмету, министръ юстиціи, по разсмотрѣніи ихъ, призналъ возможнымъ, по соглашенію съ министерствами внутреннихъ дѣлъ и финансовъ, изъ общей суммы содержанія, получаемаго мировыми судьями въ названныхъ губерніяхъ, назначить собственно на расходы по должности: для мировыхъ судей, камеры которыхъ находятся въ губернскихъ городахъ Оренбургѣ и Астрахани, по 1200 рублей, а для мировыхъ судей всѣхъ прочихъ мѣстностей этихъ губерній по 900 руб. (С. У. № 563).

88) *Объ упраздненіи должности С.-Петербургскаго градоначальника съ возложеніемъ тѣхъ обязанностей на оберъ-полиціймейстера.* (Указъ Правительствующему Сенату).

Признавъ необходимымъ предоставить полицейскому управленію С.-Петербургской столицѣ большую возможность сосредоточить свою дѣятельность на охраненіи общественнаго спокойствія и порядка и вслѣдствіе того освободить начальника столичной полиціи отъ обязанностей по административному завѣдыванію городомъ, повелѣваемъ:

I. Управленіе С.-Петербургскою столицею въ полицейскомъ отношеніи возложить на оберъ-полицеймейстера, опредѣляемаго по непосредственному Нашему усмотрѣнію; для содѣйствія оберъ-поли-

ціймейстеру въ исполненіи лежащихъ на немъ обязанностей учредить должность его помощника.

II. Лежащія на С.-Петербургскомъ градоначальникѣ по 478 ст. II т. 1 ч. учр. губ. св. зак. изд. 1876 г. обязанности по предсѣдательствованію въ С.-Петербургскомъ губернскомъ по городскимъ дѣламъ присутствіи при разсмотрѣніи въ немъ дѣлъ, собственно до столицы относящихся, и по надзору за законностію дѣйствій столичнаго общественнаго управленія возложить на С.-Петербургскаго губернатора.

III. Должности С.-Петербургскаго градоначальника и его помощника упразднить; канцелярію градоначальника переименовать въ канцелярію оберъ полиціймейстера, а Вѣдомостямъ С.-Петербургскаго градоначальника и С.-Петербургской городской полиціи присвоить наименованіе „Вѣдомости С.-Петербургской городской полиціи".

IV. Дѣйствіе ст. 473, 474, 475, 476, 477 и 483 т. II, ч. 1, общ. губ. учр. св. зак. изд. 1876 г. отмѣнить, измѣнивъ соотвѣтственно предъидущимъ пунктамъ настоящаго указа подлежащія статьи св. зак. опредѣлявшія права, обязанности и кругъ дѣйствій С.-Петербургскаго градоначальника, его помощника и канцеляріи.

V. Министру внутреннихъ дѣлъ предоставить войти въ соображеніе какъ о сокращеніи настоящаго штата канцеляріи С.-Петербургскаго градоначальника, по переименованіи ее въ канцелярію С.-Петербургскаго оберъ-полиціймейстера, такъ и о тѣхъ средствахъ, которыя могутъ быть потребны на увеличеніе состава канцеляріи С.-Петербургскаго губернатора по передачѣ въ нее завѣдыванія дѣлами, до столичнаго управленія относящимися, и предположенія свои по этимъ предметамъ внести въ установленномъ порядкѣ на разсмотрѣніе государственнаго совѣта.

Правительствующій Сенатъ не оставитъ сдѣлать къ исполненію сего надлежащее распоряженіе. (С. У. № 568).

89) *О прекращеніи съ 1-го октября 1881 года дѣйствія 3-го пункта Высочайшаго повелѣнія относительно облегченія погонцамъ вольнонаемныхъ интендантскихъ и другихъ транспортовъ въ минувшую войну паденія исковъ противъ транспортныхъ подрядчиковъ.*

Высочайшимъ повелѣніемъ, послѣдовавшимъ 25-го іюля 1879 года, установлены особыя мѣры въ видахъ облегченія погонцамъ воль-

нонаемныхъ интендантскихъ и другихъ транспортовъ въ минувшую войну веденія исковъ противъ транспортныхъ подрядчиковъ.

Нынѣ Государь Императоръ, по всеподданнѣйшему докладу министра юстиціи, въ 8-й день іюля 1881 г. Высочайше повелѣть соизволилъ дѣйствіе 3-го пункта помянутаго Высочайшаго повелѣнія 25-го іюля 1879 г. (Собр. узак. и расп. прав. 1879 г. № 94 ст. 555) прекратить 1-го октября текущаго 1881 года и предоставить управляющему военнымъ министерствомъ отозвать въ указанный срокъ, назначеннаго отъ сего министерства повѣреннаго для веденія означенныхъ дѣлъ, съ тѣмъ, чтобы о таковомъ распоряженіи были поставлены въ извѣстность, чрезъ губернаторовъ, подлежащія волостныя правленія Бессарабской, Подольской, Херсонской, Волынской и Кіевской губерній. (С. У. № 574).

90) *Объ отмѣнѣ права отчужденія Всемилостивѣйше жалуемыхъ арендъ.*

Государь Императоръ, по представленію министра государственныхъ имуществъ и согласно положенію комитета министровъ, въ 18-й день іюля 1881 года, Высочайше повелѣть соизволилъ: отмѣнить установленное ст. 19 прилож. къ ст. 2 уст. объ управл казен. имѣніями въ Западныхъ и Прибалтійскихъ губерніяхъ (т. VIII ч. I свод. зак , изд. 1876 г.) право лицъ, получающихъ по Высочайшимъ указамъ денежное, вмѣсто арендъ, производство, переуступать третьимъ лицамъ право свое на упомянутыя выдачи. (С. У. № 591).

91) *О возстановленіи дѣйствія статей 97—116 устава монетнаго.* (С. У. № 593).

Б) Указы и опредѣленія правительствующаго сената.

5) *О дополненіи 888 ст. устава таможеннаго.*

1881 года февраля 18 го дня. По указу Его Императорскаго Величества, правительствующій сенатъ слушали дѣло, по представленію за министра финансовъ, товарища министра, о дополненіи 888 ст. уст. тамож. Въ представленіи въ правительствующій сенатъ, за министра финансовъ, товарища министра, отъ 26-го ноябри 1880 г. за № 19939, изъяснено: Варшавская контрольная палата, при ревизіи документовъ Варшавской таможни, замѣтила, что та-

можня эта не взыскиваетъ аксиденціи, установленной статьею 901 уст. тамож., за невѣрное показаніе въ объявленіяхъ счета штукъ цѣновыхъ товаровъ въ тѣхъ случаяхъ, когда невѣрность въ числѣ штукъ не превышаетъ 8%, и обратила въ начетъ означенный недоборъ. По поводу сего, со стороны министерства финансовъ было объяснено, что на основаніи 888 ст. уст. тамож. товары, въ количествѣ которыхъ по досмотру оказывается разность противъ объявленнаго, не превышающая 8%, освобождаются отъ взысканія аксиденціи и что статья эта должна быть распространяема на всѣ вообще товары, въ томъ числѣ и на тѣ, кои обложены пошлиною съ цѣны. Если при неправильномъ показаніи количества товара, оплачиваемаго съ вѣса, когда, слѣдовательно, сумма пошлины находится въ прямой зависимости отъ количества товара, признается возможнымъ не подвергать взысканію аксиденціи за излишекъ или недостатокъ, не превышающій 8%, то не представляется никакого основанія подвергать взысканію за таковую же разность въ количествѣ товара цѣновнаго, если цѣна оному за все объявленное количество показана правильно, тѣмъ болѣе, что въ послѣднемъ случаѣ размѣръ пошлины зависитъ лишь отъ объявленной цѣны. Отсутствіе же въ ст. 901 уст. тамож ссылки на предѣлы излишковъ и недостатковъ въ количествѣ цѣновнаго товара, освобожденныхъ отъ взысканія аксиденціи, не можетъ еще служить основаніемъ къ предположенію, что статья 888 не относится къ товарамъ цѣновнымъ, такъ какъ въ этой статьѣ говорится о всѣхъ товарахъ вообще, безъ исключенія, какого либо рода товаровъ въ частности и, при томъ, ст. 901 касается лишь рода взысканія за неправильное показаніе счета цѣновныхъ товаровъ. Разсмотрѣвъ настоящее дѣло, совѣтъ государственнаго контроля нашелъ; въ 888 ст. тамож. устава сказано. „за оказавшійся противъ объявленія излишекъ или недостатокъ товара, не превышающій 8 и 10%, аксиденція не взыскивается.“ По буквальному изложенію этого закона, аксиденція не должна быть взыскиваема при всякихъ недостаткахъ или излишкахъ товара противъ объявленія, не превосходящихъ 8 или 10%, какимъ бы порядкомъ товары ни очищались пошлиною, т. е. съ цѣны, или съ вѣса. Вслѣдствіе сего и въ виду несоразмѣрности взысканія аксиденціи, при незначительныхъ недостаткахъ цѣновныхъ товаровъ, съ штрафами, налагаемыми за тайное водвореніе контрабанды, нельзя не согласиться, что таможни имѣли основаніе не преслѣдовать товарохозяевъ въ тѣхъ случаяхъ, когда при досмотрѣ

товаровъ, очищаемыхъ пошлиною съ цѣны, разность въ счетѣ штукъ показанныхъ въ объявленіи и найденныхъ при досмотрѣ, не превосходила 8 или 10% общаго числа штукъ, и что, за симъ, опредѣленный Варшавскою контрольною палатою начетъ подлежитъ сложенію. Но съ другой стороны, изъ разсмотрѣнія законоположеній, на которыхъ статья 888 уст тамож. основана, по мнѣнію совѣта государственнаго контроля, можно придти къ заключенію, какъ сдѣлано контрольною палатою, что приведенная статья не имѣетъ столь общаго значенія, какое вытекаетъ изъ ея редакціи. А именно: статьи 884, 886 и 901, опредѣляющія порядокъ взысканія за недостатки и излишки товаровъ противъ объявленій, основаны на §§ 224, 225 и 230 Высочайше утвержденнаго 14-го декабря 1819 г. таможеннаго устава. Симъ уставомъ были опредѣлены взысканія особо по каждому роду таможенныхъ документовъ, какъ-то: по коносаментамъ и накладнымъ (§§ 47 и 149), по объявленіямъ на товары, очищаемые съ вѣса, мѣры или счета (§§ 224 и 225), и по объявленіямъ на цѣновные товары (§ 230). Въ §§ 224 и 225 сдѣланы оговорки (совершенно однородныя по существу съ имѣющимися въ ст. 884 и 886 тамож. уст. изд. 1857 г.) о ненаказуемости за ошибки, не составляющія 5% съ объявленнаго количества; что же касается параграфовъ 47 и 149, относящихся къ коносаментамъ и накладнымъ, а равно § 230, относящагося исключительно къ объявленіямъ на цѣновные товары, то въ этихъ параграфахъ никакихъ оговорокъ о ненаказуемости за ошибки, не превышающія извѣстныхъ процентовъ, не имѣется. Только въ 1824 году, по особому Высочайше утвержденному 24 го іюня того года положенію комитета министровъ, было узаконено распространить на всѣ вообще коносаменты и накладныя льготу о ненаказуемости за ошибки, не составляющія 5%, дарованную купечеству §§ 224 и 225 тамож. уст. 1819 года, исключительно по объявленіямъ на товары, очищаемые съ вѣса, мѣры или счета, относительно же распространенія такой же льготы на объявленія по цѣновнымъ товарамъ по настоящее время никакихъ постановленій въ законодательномъ порядкѣ издано не было. Въ Высочайше утвержденномъ 14-го декабря 1819 г. таможенномъ уставѣ не содержится общаго правила о ненаказуемости за ошибки въ объявленіяхъ, не составляющія 5%, съ объявленнаго количества, и правило, изложенное въ ст. 888 там. уст. по изд. 1857 г., основано на именномъ Высочайшемъ указѣ

правительствующему сенату отъ 28-го января 1831 года (полн. собр. зак. 1831 г. ст. 4300). Въ отдѣлѣ В сего указа („объ излишествѣ и недостаткѣ товаровъ, при досмотрѣ оказывающихся“) содержатся два параграфа—37 и 38. Первымъ изъ нихъ увеличенъ размѣръ прощаемыхъ ошибокъ по коносаментамъ, накладнымъ и по объявленіямъ на товары, очищаемые съ вѣса, мѣры или счета, съ прежнихъ 5% до 10%—при товарахъ, карантинному очищенію подлежащихъ, и до 8%—при всѣхъ прочихъ товарахъ. Во второмъ же параграфѣ (§ 38), въ первый разъ изложено общее правило о ненаказуемости за ошибки, не составляющія 8 или 10%, каковое правило вошло въ составъ, безъ измѣненія, ст. 888 тамож. уст. по изд. 1857 г. Но такъ какъ въ оглавленіи отдѣла В упомянутаго выше Высочайшаго указа сенату отъ 28-го января 1831 г. и въ редакціи §§ 37 и 38 прямо выражено, что дѣйствіе сихъ узаконеній относится только къ §§ 47, 224 и 225 уст. там. 1819 г. и къ Высочайше утвержденному 24-го іюня 1824 г. положенію комитета министровъ, то отсюда можно вывести, что означенныя узаконенія, а слѣдовательно и ст. 888 там. уст. по изд. 1857 г., не распространяются на товары, подлежащіе очисткѣ пошлиною съ цѣны, о коихъ говорилось въ § 230 уст. 1819 года. Въ виду такого несоотвѣтствія текста ст. 888 там. уст. съ узаконеніями, на коихъ она основана, совѣтъ государственнаго контроля находитъ необходимымъ разъяснить законодательнымъ порядкомъ вопросъ о томъ, слѣдуетъ ли правило, изложенное въ помянутой статьѣ о ненаказуемости незначительныхъ излишковъ или недостатковъ противъ объявленій относить исключительно къ товарамъ, очищаемымъ пошлиною съ вѣса, или уже оно должно быть примѣняемо и къ тѣмъ случаямъ, когда недостатокъ или излишекъ окажется въ счетѣ штукъ товаровъ, оплачиваемыхъ пошлиною съ цѣны. По сообщеніи сего заключенія совѣта государственнаго контроля, вмѣстѣ съ изложенными выше соображеніями министерства финансовъ по настоящему вопросу, управляющему II отдѣленіемъ собственной Его Императорскаго Величества канцеляріи, статсъ-секретарь князь Урусовъ отозвался, что руководствуясь помянутыми соображеніями министерства финансовъ, такъ и буквальнымъ смысломъ статьи 888 уст. там. (изд. 1857 г.), нельзя, кажется, не придти къ заключенію, что содержащееся въ этой статьѣ правило и по нынѣ дѣйствующему закону распространяется на всѣ вообще товары, въ томъ числѣ и на

цѣновные, упоминаемые въ ст. 901 таго же устава. По мнѣнію управляющаго II отдѣленіемъ, указанная статья 888, составляющая дословное повтореніе статей 678 изд. 1832 г. и 774 изд. 1842 г. устава таможеннаго, основана на ст. 38 узаконенія 28-го Января 1831 г. (по втор. пол. собр. зак. № 4300), постановленной въ измѣненіе §§ 47, 224 и 225 таможеннаго устава 1819 г. (по перв. полн. собр. зак. № 28030). Въ ст. 38 узаконенія 1831 г., а равно какъ и въ ст. 888 уст. там, говорится о *всѣхъ* товарахъ вообще, безъ исключенія какого-либо рода товаровъ, а потому въ виду общаго правила (зак. осн. ст. 65), по которому законы должны быть исполняемы по точному и буквальному смыслу оныхъ, безъ всякаго измѣненія или распространенія, едва ли слѣдуетъ признать особенно существеннымъ то обстоятельство, что въ узаконеніи 1831 г. не упомянуто специально объ изданіи ст. 38, также въ измѣненіе и § 230 устава 1819 г., тѣмъ болѣе, что сей послѣдній параграфъ, а слѣдовательно и основанная на немъ ст. 901 уст. тамож., по справедливому замѣчанію министра финансовъ, касается лишь рода взысканія за неправильное показаніе счета цѣновыхъ товаровъ. Сверхъ того, по мнѣнію управляющаго II отдѣленіемъ собственной Его Императорскаго Величества Канцеляріи, нельзя не принять въ соображеніе, что обстоятельсто, на которое нынѣ обращено вниманіе Государственнаго Контроля, до сихъ поръ не возбуждало никакихъ сомнѣній и что въ этомъ смыслѣ замѣчаніе со стороны Государственнаго Контроля послѣдовало въ 1875 г лишь въ первый разъ и самый начетъ на Варшавскую таможню былъ сложенъ со счетовъ во вниманіе къ правильности мотивовъ, представленныхъ со стороны министерства финансовъ Въ устраненіе однако же могущихъ и впредь возникнуть на практикѣ подобныхъ настоящему недоразумѣній, статсъ-секретарь князь Урусовъ находитъ полезнымъ разъяснить въ надлежащемъ порядкѣ о томъ, что сила 888 ст. уст. там. должна быть распространяема и на цѣновные товары, упоминаемые въ ст. 901 того же устава. Вслѣдствіе сего, на основаніи ст. 26 учрежд. Правительствующаго Сената, товарищъ министра финансовъ о вышеизложенномъ представляетъ Правительствующему Сенату, присовокупляя, что согласно съ мнѣніемъ управляющаго II отдѣленіемъ собственной Его Императорскаго Величества Канцеляріи, онъ, товарищъ министра, полагалъ бы дополнить статью 888 уст. там. постановленіемъ, что статья эта распро-

странена и на товары, очищаемые пошлиною съ цѣны. Приказали: Разсмотрѣвъ настоящее представленіе, Правительствующій Сенатъ находитъ, что на основаніи 888 ст. уст. тамож товары, въ количествѣ которыхъ по досмотру оказывается разность противъ объявленнаго, не превышающая 8% и 10%, освобождаются отъ взысканія аксиденціи. Если при неправильномъ показаніи количества товара, оплачиваемаго съ вѣса, когда, слѣдовательно, сумма пошлины находится въ прямой зависимости отъ количества товара, признается возможнымъ не подвергать взысканію аксиденціи за излишекъ или недостатокъ, не превышающій 8% или 10%, то не представляется никакого основанія подвергать взысканію за таковою же разность въ количествѣ товара цѣновнаго, если цѣна оному за все объявленное количество показана правильно, тѣмъ болѣе, что въ послѣднемъ случаѣ размѣръ пошлины зависитъ лишь отъ объявленной цѣны. Отсутствіе же въ ст. 901 уст. тамож. ссылки на предѣлы излишковъ и недостатковъ въ количествѣ цѣновнаго тавара, освобожденныхъ отъ взысканія аксиденціи, не можетъ еще служить основаніемъ къ предположенію, что статья 888 не относится къ товарамъ цѣновнымъ, такъ какъ въ этой статьѣ говорится о всѣхъ товарахъ вообще, безъ исключенія какого либо рода товаровъ въ частности, и при томъ ст. 901 касается лишь рода взысканія за неправильное показаніе счета цѣновныхъ товаровъ. Указанная статья 888, составляющая дословное повтореніе статей 678 изд. 1832 г. и 774 изд. 1842 г. устава таможеннаго, основана на ст. 38 узаконенія 28-го января 1831 г. (по втор. полн. собр. зак. № 4300), постановленной въ измѣненіе §§ 47, 224 и 225 таможеннаго устава 1819 г. (по перв. полн. собр. зак. № 28030). Въ ст. 38 узаконенія 1831 г., а равно какъ и въ ст. 888 уст. тамож. говорится о *всѣхъ* товарахъ вообще, безъ исключенія какого либо рода товаровъ, а потому, въ виду общаго правила (Зак. Осн. ст. 65), по которому законы должны быть исполняемы по точному и буквальному смыслу оныхъ, безъ взякаго измѣненія или распространенія, Правительствующій Сенатъ не можетъ признать особенно существеннымъ то обстоятельство, что въ узаконеніи 1831 г. не упомянуто специально объ изданіи ст. 38, также въ измѣненіе и § 230 устава 1819 г. тѣмъ болѣе, что сей послѣдній параграфъ, а слѣдовательно и основанная на немъ ст. 901 уст тамож., касается лишь рода взысканія за неправильное показаніе счета цѣновныхъ

товаровъ. Посему Правительствующій Сенатъ опредѣляетъ: разъяснить, что сила 888 ст. уст. тамож. должна быть распространяема и на цѣновные товары, упоминаемые въ ст. 901 того же устава, о каковомъ разъясненіи увѣдомить указами министра финансовъ и государственнаго контролера, а равно настоящее опредѣленіе Сената припечатать, установленнымъ порядкомъ въ собраніи узаконеній и распоряженій правительства.

ОТДѢЛЪ II.

Личный составъ.

Высочайшіе приказы

по министерству юстиціи.

НАЗНАЧАЮТСЯ: Прокуроръ Елецкаго окружнаго суда, статскій совѣтникъ **Мирецъ-Имшенецкій**—членомъ саратовской судебной палаты. Участковый мировой судья кирсановскаго округа, тамбовской губерніи, кандидатъ Императорскаго московскаго университета **Кишкинъ**—членомъ тамбовскаго окружнаго суда; состоящіе при департаментѣ министерства юстиціи и командированные къ исправленію должностей судебныхъ слѣдователей: округа с.-петербургскаго окружнаго суда, 15-го участка гор. с.-петербурга, коллежскій секретарь **Рѣпинскій**, округа харьковскаго окружнаго суда: 1-го участка гор. харькова, губернскій секретарь **Агацъ** и валковскаго уѣзда, коллежскій секретарь **Коваленковъ** и округа ржевскаго окружнаго суда, по важнѣйшимъ дѣламъ, губернскій секретарь **Воскресенскій**—судебными слѣдователями въ округахъ тѣхъ же окружныхъ судовъ; членъ тульскаго окружнаго суда, надворный совѣтникъ **Ивановъ**—членомъ нижегородскаго окружнаго суда; членъ нижегородскаго окружнаго суда, титулярный совѣтникъ **Бабинъ**—членомъ тульскаго окружнаго суда; мировой судья города Лодзи, I округа петроковской губерніи, коллежскій ассесоръ **Крюгеръ**—членомъ петроковскаго окружнаго суда; товарищъ прокурора херсонскаго окружнаго суда, коллежскій ассесоръ **Чугора**—членомъ херсонскаго окружнаго суда; состоящій при министерствѣ юстиціи, надворный совѣтникъ **Кроль**—членомъ великолуцкаго окружнаго суда; товарищъ прокурора с.-петербургскаго окружнаго суда, коллежскій ассесоръ **Сергіевскій**—прокуроромъ елецкаго окружнаго суда; секретарь самарскаго окружнаго суда, надворный совѣтникъ **Мейеръ**—членомъ самарскаго окружнаго суда; членъ одесскаго окружнаго суда, коллежскій ассесоръ **Гофманъ**—товарищемъ предсѣдателя елизаветградскаго окружнаго суда: членъ тульскаго окружнаго суда, коллежскій совѣтникъ **Германъ**—членомъ пензенскаго окружнаго суда; состоящіе при департаментѣ министерства юстиціи и командированные къ исправленію должностей судебныхъ слѣдователей

округовъ: новгородскаго окружнаго суда: города Новгорода, титулярный совѣтникъ **Гвоздовъ** и 2-го участка старорусскаго уѣзда, губернскій секретарь **Алексѣенко**; псковскаго окружнаго суда: города Пскова, губернскій секретарь **Эпосовъ**, и екатеринбургскаго окружнаго суда: 2-го участка города Екатеринбурга, надворный совѣтникъ **Исаевъ**—судебными слѣдователями въ округахъ тѣхъ же окружныхъ судовъ; предсѣдатель департамента с.-петербургской судебной палаты, дѣйствительный статскій совѣтникъ **Завадскій**—старшимъ предсѣдателемъ саратовской судебной палаты; товарищъ прокурора с.-петербургской судебной палаты, коллежскій совѣтникъ **Муравьевъ**—исправляющимъ должность прокурора той же палаты; предсѣдатель череповецкаго окружнаго суда, дѣйствительный статскій совѣтникъ **Красовскій**—предсѣдателемъ псковскаго окружнаго суда; прокуроръ череповецкаго окружнаго суда, статскій совѣтникъ **Лентовскій**—предсѣдателемъ того же суда, съ производствомъ въ дѣйствительные статскіе совѣтники; прокуроръ варшавскаго окружнаго суда, статскій совѣтникъ **Марковъ**—товарищемъ прокурора с.-петербургской судебной палаты; товарищъ прокурора новгородскаго окружнаго суда, коллежскій ассесоръ **Виноградовъ**—прокуроромъ череповецкаго окружнаго суда; участковый мировой судья измаильскаго округа бессарабской губерніи, коллежскій секретарь **Двужильный**—членомъ каменецъ-подольскаго окружнаго суда; состоящіе при департаментѣ министерства юстиціи, командированные къ исправленію должностей судебныхъ слѣдователей: округа симбирскаго окружнаго суда: по важнѣйшимъ дѣламъ, титулярный совѣтникъ **Кгаевскій**, по городу симбирску, коллежскій секретарь **Романовскій**, 2-го участка симбирскаго уѣзда, губернскій секретарь **Ляховъ**, 2-го участка алатырскаго уѣзда, коллежскій секретарь **Вовкъ-Сосохо** и 2-го участка буинскаго уѣзда, титулярный совѣтникъ **Андреевскій** и округа острогожскаго окружнаго суда: 1-го участка павловскаго уѣзда, коллежскій секретарь **Перевертанный-Черный** и 1-го участка бирюченскаго уѣзда, коллежскій ассесоръ **Петкунъ**—судебными слѣдователями въ округахъ тѣхъ же окружныхъ судовъ; оберъ-прокуроръ 4-го департамента, дѣйствительный статскій совѣтникъ **Туръ**—оберъ-прокуроромъ гражданскаго кассаціоннаго департамента правительствующаго сената, товарищъ оберъ-прокурора 1-го департамента, дѣйствительный статскій совѣтникъ баронъ **Гойнингенъ-Гюне**—оберъ-прокуроромъ 4-го департамента правительствующаго сената.

ПРОИЗВОДЯТСЯ: *за отличіе по службѣ, въ дѣйствительные статскіе совѣтники:* статскіе совѣтники: членъ казанской судебной палаты, въ званіи камергера, **Галкинъ-Врасскій** и бывшій почетный мировой судья глуховскаго округа, черниговской губерніи, **Карпѣка**; *за выслугу лѣтъ и отличіе по службѣ, въ дѣйствительные статскіе совѣтники:* членъ московскаго окружнаго суда, коллежскій совѣтникъ **Вулыгинскій**; бывшій новооскольскій Курской губерніи, уѣздный предводитель дворянства, нынѣ почетный мировой судья и предсѣдатель съѣзда мировыхъ судей новооскольскаго уѣзда, князь **Голицынъ**, изъ коллежскихъ въ статскіе совѣтники, со старшинствомъ съ 11-го августа текущаго 1881 года.

УВОЛЬНЯЮТСЯ: *отъ службы, согласно прошенію, за болѣзнію:* членъ консультаціи, при министерствѣ юстиціи учрежденной, дѣйствительный стат-

скій совѣтникъ **Зарудный**; *отъ должностей*: членъ пензенскаго окружнаго суда, коллежскій ассесоръ **Пановъ**, согласно прошенію, по случаю причисленію къ министерству юстиціи, членъ новочеркасскаго окружнаго суда, коллежскій секретарь **Коргановъ**, согласно прошенію, по случаю назначенія состоящимъ за оберъ-прокурорскимъ столомъ въ правительствующемъ сенатѣ, сверхъ комплекта, и судебный слѣдователь евпаторійскаго уѣзда, округа симферопольскаго окружнаго суда, коллежскій ассесоръ **Заикинъ** по случаю назначенія участковымъ мировымъ судьею и предсѣдателемъ съѣзда брестъ-литовскаго округа, гродненской губерніи.

УМЕРШІЕ *исключаются изъ списковъ*: старшій предсѣдатель кіевской судебной палаты, дѣйствительный статскій совѣтникъ **Мечниковъ**; членъ самарскаго окружнаго суда, надворный совѣтникъ **Бѣловъ**; предсѣдатель керченскаго коммерческаго суда, дѣйствительный статскій совѣтникъ **Лагоріо**; предсѣдатель псковскаго окружнаго суда, дѣйствительный статскій совѣтникъ баронъ **Раденъ**; членъ варшавской судебной палаты, дѣйствительный статскій совѣтникъ **Губе**.

О ЛИХВѢ.

(Окончаніе)

Изложенная система права, въ области ростовщичества была бы чѣмъ то призрачнымъ, если бы удерживало свою силу начало, по которому секвестръ имущества должника служитъ средствомъ удовлетворять только того взыскателя, по требованію котораго онъ наложенъ и благодаря которому кредиторъ, посредствомъ секвестра, пріобрѣтаетъ преимущественное право на описанные по его требованію предметы или на платежи, слѣдующіе его должнику. Извѣстно, что ростовщикъ всегда умѣетъ наложить секвестръ на лучшее имущество должника, прежде чѣмъ дѣйствительный кредиторъ къ этому приступитъ. Если бы и въ будущемъ практиковался этотъ порядокъ наложенія секвестра, то всѣ мѣры противъ ростовщичества не привели бы ни къ какой цѣли. Авторъ считаетъ политическимъ противорѣчіемъ позволять кредитору, послѣ того какъ все имущество должника, съ его доходами, уравновѣшиваются его пассивомъ, исторгать въ пользу его одного какія либо части актива.

Чтобы правосудіе было въ состояніи бороться съ лихвою, нѣтъ надобности отмѣнять наложенные секвестры и нарушать въ чемъ либо правильный ходъ взысканія по обязательствамъ. Довольно только установить, чтобы суммы, вырученныя отъ продажи имущества и наложеннаго ареста на слѣдующіе должнику платежи, были вносимы въ судъ, съ тѣмъ, чтобы засимъ должникъ былъ приглашаемъ объявить, не находится ли

онъ въ положеніи, обязывающимъ его приступить къ cessio bonorum. Если онъ это отрицаетъ и представляетъ суду невѣрныя свѣдѣнія о положеніи своихъ дѣлъ, то онъ навлекаетъ этимъ на себя отвѣтственность за банкротство по своей винѣ (Schuldbare Crida)· если же онъ признаетъ себя въ состояніи, требующемъ cessio bonorum, то представленная въ судъ сумма денегъ, обращается въ массу имущества должника и распредѣляется между его кредиторами. Въ случаѣ, если должникъ даетъ суду отвѣтъ неопредѣленный или ничего не отвѣчаетъ, судъ можетъ обязать его, по своему приговору, приступить къ cessio bonorum.

Ростовщичество можетъ быть преступленіемъ, какъ объ этомъ выше сказано. Объектомъ этого преступленія служитъ капиталъ, какъ результатъ накопленнаго труда, съ его значеніемъ въ соціальной и политической жизни обществъ, въ смыслѣ средства производить новые капиталы, средства обезпечивать человѣка отъ встрѣчающихся въ жизни его опасностей и существеннаго условія, отъ котораго зависитъ достоинство и честь человѣка въ обществѣ и его свобода, дѣлающая его способнымъ безбоязненно предаваться служенію высшимъ общественнымъ интересамъ.

Препятствовать образованію капиталовъ въ обществѣ, значитъ нарушать соціальную безопасность. Нарушеніе этой безопасности возбуждаетъ ненависть ко всему существующему порядку. То, что препятствуетъ образованію капиталовъ путемъ труда и бережливости, приводитъ, въ концѣ-концевъ, людей къ тому, что они ненавидятъ самый капиталъ. Эта ненависть, сама по себѣ, составляетъ опасность для общества. Производящій такую опасность собственною дѣятельностію, совершаетъ преступленіе противъ основъ соціальнаго порядка. Если обольщать другихъ, съ цѣлью увлечь ихъ на путь безнравственной жизни или склонить на какой нибудь безнравственный поступокъ, считается преступленіемъ, то обольщеніе, приводящее человѣка къ тому, что онъ принимаетъ на себя ростовщическій долгъ, который ставитъ его самого, его семейство и его общественное положеніе, въ постоянную

и полную зависимость отъ его кредитора, равнымъ образомъ, должно быть почитаемо самостоятельнымъ преступленіемъ.

Извлекать безъ труда барыши изъ имущества и хозяйственнаго рабства должника—дѣло, во всякомъ случаѣ, предосудительное. Но въ немъ еще нѣтъ преступленія. Тѣ обстоятельства, которыя должны бы не позволить должнику выдавать новыя обязательства, могутъ существовать и безъ всякаго участія ростовщика, какъ нѣчто готовое и существовавшее до заключенія сдѣлки. Съ другой стороны, эти обстоятельства могутъ быть устроены ростовщикомъ, съ тѣмъ, чтобы вынудить должника сдѣлать ростовщическій долгъ, дабы не попасть тотчасъ подъ конкурсъ или спасти его публичную честь. Вотъ въ этомъ то послѣднемъ случаѣ, когда ростовщикъ намѣренно создаетъ нужды (Nothlage) должника или возбуждаетъ его легкомысліе, и имѣетъ мѣсто преступленіе Wucher-verbrechen.

Опредѣливъ, такимъ образомъ, преступленіе ростовщичества, авторъ отводитъ ему слѣдующее мѣсто въ системѣ уголовнаго права. За преступленіями противъ государства, какъ его устройства, такъ и управленія, у него слѣдуютъ преступленія противъ личности, вмѣстѣ съ преступленіями противъ нравственно-общественнаго порядка, и затѣмъ—преступленія противухозяйственныя (gegen das Wirthschaftliche Leben), которыя обыкновенно ограничиваютъ преступленіями противъ собственности. Самъ авторъ полагаетъ, что этотъ послѣдній разрядъ преступленій заключаетъ въ себѣ, кромѣ преступленій противъ собственности, главный видъ которыхъ „воровство“, также преступленія, направленныя противъ условій пріобрѣтенія.

Преступленія противъ условій пріобрѣтенія подраздѣляются у автора на преступленія: 1) противъ оборота (Verkehrs-verbrechen) 2) нарушеніе довѣрія (Vertrauens-verbrechen) и 3) преступленія противъ кредитора (Credit-verbrechen).

Подъ первыми авторъ разумѣетъ: а) поддѣлку и порчу монеты, какъ орудія обращенія цѣнностей; б) подлогъ въ долговыхъ актахъ и цѣнныхъ бумагахъ (Document u. Werthpapier)

и в) обманъ. О нарушеніи довѣрія авторъ говоритъ, что это отдѣлъ самый недостаточный и наиболѣе нуждающійся въ исправленіи, въ цѣломъ уголовномъ законодательствѣ. Какъ на главный недостатокъ законодательства въ этомъ отношеніи, авторъ указываетъ на то, что ни торговое, ни уголовное право не обратили до сихъ поръ должнаго вниманія на то, существующее въ новой промышленной жизни осложненіе интересовъ, котораго прежде не было. Въ силу этого осложненія интересовъ, имущество каждаго предпринимателя, совершая свое обращеніе, должно выходить изъ рукъ его собственника; причемъ судьба такого имущества и вмѣстѣ съ тѣмъ интересъ его хозяина, зависятъ отъ добросовѣстности, умѣлости и ряспорядительности того лица, въ руки котораго оно перешло. Съ другой стороны, при означенной осложненности интересовъ въ обществѣ, веденіе торговыхъ дѣлъ сдѣлалось вообще весьма сложнымъ, такъ что управлять всѣмъ дѣломъ самому предпринимателю, не полагаясь всецѣло на своего Geschäftsführer, или знать все, что дѣлается въ компанейскомъ дѣлѣ, всѣмъ членамъ общества, независимо отъ управляющей этимъ дѣломъ Direction, представляется теперь совершенною невозможностію. При такихъ условіяхъ, агенты по промышленной части, поставленные между ихъ довѣрителями и публикою, которые не могутъ заниматься непосредственно отправленіемъ своихъ дѣлъ, представляются общественными дѣятелями, въ полномъ значеніи этого слова, и должны отвѣчать передъ обществомъ за нарушеніе довѣрія.

Такъ какъ теперешнее законодательство угрожаетъ такимъ дѣйствіямъ уголовнымъ наказаніемъ за подлогъ и обманъ, а въ случаѣ всякихъ другихъ неправильныхъ ихъ дѣйствій или упущеній, предоставляетъ ихъ довѣрителямъ отысканіе съ нихъ своихъ убытковъ и относитъ отвѣтственность за ихъ дѣйствія, передъ третьими лицами, на однихъ ихъ довѣрителей, то нельзя не желать, чтобы законодатели установили опредѣленія объ отвѣтственности по законамъ о наказаніяхъ, агентовъ, нарушающихъ довѣріе, и въ другихъ случаяхъ, кромѣ подлога и обмана.

Указываемые авторомъ виды нарушенія кредита (Creditverbrechen)— слѣдующіе: а) распространеніе ложныхъ слуховъ, съ цѣлью повредить кредиту потерпѣвшаго; б) виновная несостоятельность, которой источникъ заключается въ займѣ денегъ, при знаніи о недостаточности актива для уплаты долговъ и в) вымогательство долговыхъ обязательствъ (Erpressungen), имѣющее своею задачею получать обязательства, не платя за нихъ денегъ.

Подъ Erpressung, обыкновенно, разумѣютъ такое вымогательство или такія угрозы причинить зло, цѣль которыхъ заключается въ полученіи отъ потерпѣвшаго, его имущества или цѣнностей. Это—Erpressung въ собственномъ смыслѣ. Но когда Erpressung имѣетъ своею цѣлью полученіе долговыхъ обязательствъ, то оно называется ростовщичествомъ (Wucher). Само собою разумѣется, что ростовщичество съ его послѣдствіемъ, судебнымъ взысканіемъ безденежныхъ долговъ, имѣетъ одинаковое хозяйственное значеніе съ Erpressung въ собственномъ смыслѣ. Какъ то, такъ и другое, не прибѣгаетъ къ насилію, но они оба пользуются психологическими средствами для совершенія несправедливости.

Erpressung и ростовщичество являются противухозяйственными преступленіями, потому что они имѣютъ своею цѣлью несправедливое пріобрѣтеніе. Особенность же ихъ въ ряду этихъ преступленій заключается въ томъ, что виновнымъ въ этихъ преступленіяхъ бываетъ не тотъ, кто чрезъ свое неправое дѣяніе дѣлается должникомъ потерпѣвшаго, но тотъ, кто путемъ своего преступленія пріобрѣтаетъ отъ потерпѣвшаго имущество или долговое обѣщаніе.

Высказавши эти положенія, авторъ нашелъ небезполезнымъ для цѣлей законодательства, указать признаки (Indicien oder Vorbegründungen des Wucherverbrechens insbesondere), съ которыми обыкновенно являются ростовщическія сдѣлки.

Въ тѣхъ случаяхъ, когда ростовщикъ, дѣлая услугу предпринимателю, въ разстроенномъ положеніи его дѣлъ, расчитываетъ на участіе въ компромисѣ или конкурсѣ, на основаніи безденежныхъ долговыхъ документовъ, бываетъ крайне

трудно доказать, что ростовщику было извѣстно положеніе дѣлъ должника; но болѣе легкимъ представляется путь доказательства того, что должникамъ уже были выданы векселя неторговаго свойства (nicht geschäftliche). Обыкновенно въ тѣхъ мѣстахъ, которыя можно называть ростовщическими биржами (Wucherbörsen), еще до выдачи должникамъ такихъ векселей, обсуждаются условія, при которыхъ они могутъ быть приняты. Въ большинствѣ случаевъ здѣсь постановляютъ, что вексель долженъ быть подписанъ, кромѣ должника, третьимъ лицомъ, вполнѣ или отчасти, постороннимъ въ отношеніи къ этой сдѣлкѣ. Подпись на векселѣ третьяго лица, лица, заранѣе купленнаго ростовщикомъ, обыкновенно называютъ услужливымъ акцептомъ (Gefälligkeits-Accepte). По этой причинѣ, всегда векселя съ Gefälligkeits-Accept или Giro можно принимать за ростовщическіе векселя, доколѣ не будетъ доказано противное. Вставляя въ вексель такое третье лицо, ростовщикъ получаетъ черезъ это возможность усиливать давленіе (pressen) надъ должникомъ, подъ предлогомъ, чтобы не быть въ необходимости производить взысканіе съ третьяго лица, давшаго своей Gefälligkeits-Accept.

Въ векселяхъ ростовщическихъ, расчитанныхъ на полученіе доходовъ должника, въ такихъ векселяхъ, какъ векселя прислуги, рабочихъ, мелкихъ ремесленниковъ и земледѣльцевъ, обыкновенно назначается небольшая долговая сумма, но проценты и Provision непремѣнно должны быть велики. Срокъ уплаты обыкновенно коротокъ и подгоняется онъ, если возможно, къ дню полученія жалованья, а платежи процентовъ назначаются на сроки возможно короткіе, по мѣсяцамъ и даже по днямъ, и по возможности исчисляются не съ сотенъ, а опредѣленнымъ числомъ гульденовъ и крейцеровъ, такъ какъ самый высокій процентъ, выраженный опредѣленнымъ числомъ крейцеровъ въ мѣсяцъ, не кажется чрезмѣрно большимъ. Принимая такой вексель, ростовщикъ хорошо знаетъ, что должникъ не заплатитъ ему въ короткій срокъ и что за отсрочку онъ всегда возьметъ провизію и будетъ обращать въ свою пользу заработки должника, въ видѣ процентовъ.

Третій признакъ, примѣняемый обыкновенно въ долговыхъ счетахъ съ земледѣльцами, заключается въ полученіи платежей земледѣльческими продуктами, само собою разумѣется, по низкой цѣнѣ. Не даромъ въ прежнее время запрещалось закономъ продавать хлѣбъ на корню. Внутреннее чувство и быть можетъ горькій опытъ указывали тогда на то, что въ такихъ продажахъ кроются ростовщическія сдѣлки. Еще съ большимъ вниманіемъ правительственныя власти должны относиться къ долгамъ трактирнымъ (Wirthshausschuld). Если правительства вообще строго относятся къ концессіямъ на трактирный промыселъ, то съ неменьшимъ вниманіемъ они должны относиться и къ трактирнымъ долгамъ. Авторъ вполнѣ раздѣляетъ воззрѣніе Венгерскаго проекта закона о ростовщичествѣ, который объявляетъ недѣйствительнымъ всякій трактирный долгъ, сдѣланный въ то время, когда прежній долгъ еще не заплаченъ. Къ этому авторъ прибавляетъ, что если крестьянинъ, свой прежній трактирный долгъ покрылъ залогомъ, векселемъ, ипотекой или запродажею ожидаемыхъ земледѣльческихъ продуктовъ, то покрытіе прежняго долга не узаконитъ, можно надѣяться возникновенія, новаго долга.

Таковы признаки ростовщическихъ займовъ, дѣлаемыхъ несостоятельными или неимущими должниками. Но когда ростовщикъ расчитываетъ на большое имущество или большіе доходы должника, то признаки ростовщической сдѣлки бываютъ иные. Когда имѣется въ виду большое имущество должника, признакъ ростовщической сдѣлки обыкновенно заключается въ свойствѣ повода, вызвавшаго заемъ. Такъ, если по дѣлу представляется очевиднымъ, что поводъ заключается въ легкомысліи должника, въ карточномъ долгѣ или въ чемъ нибудь въ этомъ родѣ, или въ преступномъ какомъ нибудь дѣйствіи, напр., въ выдачѣ фальшиваго векселя, то въ такомъ разѣ, въ данномъ случаѣ, непременно надо предполагать ростовщичество простое или преступленіе ростовщичества. Въ займахъ съ расчетомъ на большіе доходы, признакомъ ростовщической сдѣлки обыкновенно служитъ постепенное возрастаніе суммы долга.

Указанные выше признаки ростовщической сдѣлки, по мнѣнію автора, должны имѣть то значеніе, что коль скоро должникъ докажетъ существованіе такихъ признаковъ, на обязанности ростовщика лежитъ доказывать противное, а именно, для него недостаточно только опровергать то, что утверждаетъ должникъ, но онъ долженъ доказать дѣйствительную выдачу имъ должнику ссуженныхъ денегъ и отношеніе дѣйствительно полученной послѣднимъ суммы въ суммѣ, которую онъ обязался уплатить. Если онъ докажетъ, что дѣйствительная ссуда соотвѣтствуетъ номинальной суммѣ долга, то жалоба должника считается опровергнутою. Таково значеніе перечисленныхъ выше признаковъ или indicien лихвы въ гражданскомъ процесѣ. Это—partie civile ростовщичества. При изслѣдованіи этихъ indicien можетъ обнаружиться, что ростовщикъ употреблялъ обольщеніе для вовлеченія въ сдѣлку, и тогда это обольщеніе будетъ предметомъ уголовнаго производства.

За страницами о признакахъ ростовщичества, о которыхъ мы только что говорили, въ сочиненіи автора слѣдуетъ система преступленій ростовщичества (System der Wucher-verbrechen) По этой системѣ, всѣ преступленія ростовщичества подраздѣляются на два разряда: а) преступленія противъ неимущихъ и б) преступленія противъ имущихъ.

Между преступленіями ростовщичества противъ неимущихъ, авторъ различаетъ: ростовщичество, направленное противъ рабочихъ (Arbeiterwucher) и ростовщичество — противъ земледѣльцевъ (Landwirthschaftliche Wucher). Въ первомъ случаѣ, ростовщикъ немного расчитываетъ на задѣльную плату рабочаго, такъ какъ въ распоряженіи послѣдняго всегда имѣется много средствъ скрыть свой заработокъ отъ ростовщика; въ сдѣлкахъ же съ земледѣльцами, ростовщики получаютъ платежи изъ доходовъ и произведеній земледѣльческаго труда и всегда умѣютъ устроить такъ, чтобы результаты труда ихъ должниковъ, доставались имъ по возможно дешевымъ цѣнамъ. Конкурсъ, въ обоихъ случаяхъ, для ростовщика нежелателенъ, ибо открывать конкурсъ по взысканіямъ съ задолжавшагося рабочаго невыгодно по той причинѣ, что издержки конкур-

са несоразмѣрно велики, а при взысканіи съ земледѣльца, прибѣгать къ конкурсу значило бы потерять возможность извлекать доходы изъ имущества и работы этого должника. Главное мѣсто, гдѣ рабочій и земледѣлецъ попадаютъ въ сѣти ростовщичества, это — кабаки (Schänke). Законодательства, въ кабакахъ давно уже усматривали причину невоздержности и безпорядочной жизни неимущихъ классовъ общества и, согласно съ этимъ, они во многихъ мѣстахъ противодѣйствуютъ ихъ пагубному вліянію на народъ, ограниченіемъ концесій или позволеній на открытіе шинковъ. Эта мѣра, сама по себѣ, уже составляетъ прогрессъ, но желательно, чтобы законодательства на этомъ не остановились и сдѣлали бы еще одинъ шагъ въ указанномъ выше направленіи, т. е. признали бы, какъ выше было говорено, недѣйствительность трактирныхъ долговъ, которые заключены при существованіи прежнихъ такихъ же долговъ, еще неоплаченныхъ.

Должнику, подписавшему обязательство за трактирный долгъ, должно быть позволено заявлять о неуплатѣ прежняго долга, несмотря на сдѣланное уже имъ признаніе своего долга, въ подписанномъ имъ документѣ. Если кредиторъ утверждаетъ противное, то дѣло переходитъ въ судъ (Strafgericht), съ тѣмъ, что должникъ будетъ подвергнутъ наказанію за его заявленіе, несогласное съ истиною, а равнымъ образомъ понесетъ наказаніе и кредиторъ, если его денежный искъ окажется вполнѣ или отчасти происходящимъ изъ трактирнаго долга. Во всякомъ случаѣ, должно быть принято за правило, что въ случаѣ заявленія со стороны должника о неуплатѣ долга, его движимое имущество описывается, но непродается до разрѣшенія спора. Страхъ продажи движимаго имущества бѣднаго человѣка, есть могущественный рычагъ, посредствомъ котораго ростовщикъ совершаетъ надъ нимъ свое вымогательство (Erpressung) и его-то, прежде всего, надо отнять у ростовщика. Страхъ продажи того малаго, что пріобрѣтено долговѣчнымъ трудомъ и бережливостію, есть вмѣстѣ съ тѣмъ источникъ ненависти неимущихъ людей къ капиталу, и по-

тому къ такой продажѣ слѣдуетъ приступать съ возможно большею осмотрительностію.

Ростовщичество, оперирующее посредствомъ ручныхъ закладовъ, составляетъ самостоятельную область ростовщической спекуляціи. Не находя нужнымъ распространяться о той страшной эксплуатаціи, которая постоянно здѣсь совершается, авторъ ограничивается замѣчаніемъ, что безполезно установлять контроль какихъ либо особенныхъ учрежденій за кассами ссудъ.

Этотъ контроль долженъ принадлежать полиціи, которая одна съумѣетъ поставить закладчиковъ въ безобидныхъ для общества предѣлахъ.

Причины возникновенія крестьянскихъ долговъ заключаются, съ одной стороны, въ легкомысліи земледѣльцевъ или ихъ невоздержности и съ другой—въ нерегулярномъ поступленіи въ руки крестьянъ денегъ, обусловливаемомъ внутренними свойствами земледѣльческой промышленности вообще. Задолжаніе крестьянъ есть фактъ, имѣющій громадное соціальное значеніе въ новѣйшихъ Европейскихъ государствахъ. Не недостатокъ свободы, не религіозныя преслѣдованія, не существующіе порядки управленія, но долги крестьянъ составляютъ ту причину, которая заставляетъ ихъ переселяться за океанъ. Америка богатѣетъ потому собственно, что европейскій крестьянинъ или совсѣмъ не въ состояніи платить процентовъ по своимъ ипотечнымъ долгамъ, или можетъ уплачивать ихъ подневольною работою на пользу ростовщика, отдавая ему всѣ свои заработки.

Но не одно и тоже, говоритъ авторъ, противодѣйствовать задолжанію крестьянъ и бороться съ ростовщичествомъ въ ихъ средѣ. О причинахъ задолжанія крестьянъ вообще, авторъ не находитъ нужнымъ говорить въ настоящемъ своемъ сочиненій, такъ какъ вопросъ о земледѣльческомъ кредитѣ принадлежитъ къ другой отрасли знанія. Что же касается ростовщичества въ крестьянской средѣ, то, независимо отъ сейчасъ намѣченнаго начала недѣйствительности трактирныхъ долговъ, при извѣстномъ условіи слѣдуетъ, по мнѣнію автора, при-

знать еще недѣйствительность продажи земледѣльческихъ продуктовъ до жатвы и установить изслѣдованіе происхожденія долговъ, какъ вексельныхъ такъ и ипотечныхъ, во время взысканія, съ тѣмъ, чтобы должникъ платилъ въ мѣрѣ, соотвѣтствующей дѣйствительно полученной имъ ссудѣ, на основаніяхъ уже указанныхъ въ настоящемъ изложеніи.

Дѣло защиты крестьянъ отъ ростовщичества должны, по мнѣнію автора, принять на себя сельско-хозяйственныя общества. Нужно установить, чтобы въ случаѣ публичной продажи крестьянскаго участка, должнику было позволено представить свое дѣло сельско-хозяйственному обществу, съ тѣмъ, чтобы оно приняло на себя защиту его отъ ростовщическаго долга. Эти общества, стоя на высотѣ пониманія народныхъ интересовъ и вполнѣ обладая знаніемъ мѣстныхъ отношеній, оказываются, по мнѣнію автора, такими представителями задолжавшихся крестьянъ, которые наилучшимъ образомъ могутъ послужить этому дѣлу.

Ростовщичество противъ достаточныхъ людей, отличается отъ ростовщичества, имѣющаго дѣло съ бѣдняками, тѣмъ, что могущественнымъ рычагомъ въ этомъ ростовщичествѣ является страхъ богатыхъ людей потерять свое состояніе и вмѣстѣ съ нимъ свое общественное положеніе, тогда какъ мотивомъ обирательства бѣдныхъ людей служитъ, прежде всего, ихъ легкомысліе. Сила давленія ростовщика на богатаго должника, увеличивается еще тѣмъ обстоятельствомъ, что этотъ должникъ всегда старается сохранить въ тайнѣ свои счеты съ ростовщикомъ. Ростовщичество съ богатыми людьми почти всегда носитъ на себѣ характеръ преступности. Пріемы ростовщичества съ богатыми людьми не такъ просты, какъ въ случаяхъ ростовщичества съ бѣдняками. Ростовщикъ поступаетъ съ своими кліентами систематически; отъ него требуется то, что называютъ Systematische Behandlung.

Отъ ростовщика, прежде всего, требуется знать въ точности имущественное и семейное положеніе должника. Находится послѣдній въ нуждѣ, — ростовщикъ самъ предупредительно предлагаетъ ему заемъ, разумѣется на короткій срокъ,

и потомъ соизволяетъ на возобновленіе векселя, сперва съ видомъ покровительства, а послѣ съ незамаскированною суровостію. Долговая сумма, само собою разумѣется, возростаетъ подъ страхомъ конкурса. Преступное въ этой операціи ростовщика заключается въ томъ, что онъ угрожаетъ конкурсомъ, на основаніи безденежныхъ обязательствъ, съ цѣлью неправаго стяжанія. Иначе поступаютъ съ людьми еще незадолжавшимися и ненаходящимися въ нуждѣ. Ихъ увлекаютъ въ круговоротъ веселой жизни и всегда держутъ готовымъ къ ихъ услугамъ чужой кошелекъ. Съ ними возятся, за ними ухаживаютъ, пока въ моментъ особеннаго наступленія страсти они не рѣшатся совершить какого либо преступленія или проступка, чтобы достать денегъ. Въ этихъ слу чаяхъ, обыкновенно, имѣютъ мѣсто два преступленія: или должникъ дѣлаетъ похищеніе изъ какой нибудь кассы, или онъ дѣлаетъ подлогъ векселя. Разъ одно изъ этихъ преступленій совершено, несчастный должникъ и его близкіе дѣлаются жертвами въ рукахъ ростовщика, который уже не почувствуетъ къ нимъ сожалѣнія и не остановится въ своей эксплуатаціи, пока не заберетъ всего, что есть у нихъ. Авторъ полагаетъ, что ростовщикъ, совершившій такое обольщеніе и неотвѣчающій теперь за него передъ закономъ, не долженъ на будущее время быть оставляемъ безъ наказанія. Онъ думаетъ, что въ случаѣ производства слѣдствія о похищеніи изъ кассы или о вексельномъ подлогѣ, при означенныхъ условіяхъ, надлежитъ прекращать слѣдствіе, коль скоро потерпѣвшіе войдутъ въ соглашеніе съ обвиняемымъ или онъ вознаграждаетъ принимаемый имъ убытокъ, а затѣмъ прокуратура приступаетъ къ производству слѣдствія о тѣхъ, кто имѣя взысканія съ виновнаго, даетъ поводъ къ предположенію, что они были отдаленною причиною преступленія, легкомысленно совершеннаго ихъ должникомъ. При этомъ, само собою разумѣется, можетъ имѣть мѣсто споръ со стороны должника о неполученіи валюты, который заявляется во время взысканія и которому дается ходъ на основаніяхъ вышеуказанныхъ, такъ что въ случаѣ обольщенія должника на преступленіе, нака-

ніе должно постигать обольстителя безусловно, а обольщеннаго только подъ условіемъ, если потерпѣвшіе не отказываются отъ своихъ исковъ.

Въ этихъ случаяхъ можетъ представиться вполнѣ умѣстнымъ производство дѣла при закрытыхъ дверяхъ, такъ какъ нерѣдко должникъ и его близкіе до такой степени бываютъ заинтересованы въ сохраненіи секрета, что предпочитаютъ все потерять, только бы не вышло наружу совершенное преступленіе. Авторъ полагаетъ, что суду должно быть позволено допускать въ такихъ случаяхъ производство при закрытыхъ дверяхъ, по разсмотрѣніи заявленнаго, по этому предмету, требованія.

При этомъ авторъ указываетъ, какъ на главнѣйшіе виды ростовщичества, на ростовщичество: а) противъ должностныхъ лицъ, б) противъ молодыхъ наслѣдниковъ богатыхъ людей (Minorenne) б) ростовщичество на честномъ словѣ (Ehrenwortswucher) и в) ростовщичество противъ женщинъ (Frauenwucher). О каждомъ изъ этихъ видовъ авторъ дѣлаетъ слѣдующія замѣчанія.

Ростовщичеству противъ должностныхъ лицъ придаетъ особенное удобство то, что должникъ въ опредѣленные сроки получаетъ постоянные оклады жалованья и въ этихъ же постоянныхъ окладахъ жалованій заключается причина, почему должностныя лица, входятъ въ долги. Будучи поставлены въ необходимость сдѣлать какой нибудь чрезвычайный расходъ, они не въ состояніи покрыть его изъ жалованья и волею-неволею должны прибѣгать къ кредиту. Главнѣйшимъ средствомъ противодѣйствія этому виду ростовщичества, авторъ, какъ выше уже сказано, считаетъ допущеніе, при извѣстныхъ условіяхъ, cessio bonorum вмѣсто конкурса. Если изслѣдованіе о причинѣ неоплатности указываетъ на поступки ростовщика, подлежащіе преслѣдованію, то дисциплинарный судъ чести долженъ рѣшить вопросъ о служебномъ положеніи должника чиновника. Кромѣ этого, авторъ полагаетъ, что пенсіи чиновниковъ должны быть освобождены закономъ отъ экзекуціи, наравнѣ съ жалованьемъ, получаемымъ ими на службѣ.

Ростовщичество противъ молодыхъ богатыхъ наслѣдниковъ существуетъ съ тѣхъ поръ, какъ этимъ молодымъ людямъ позволено распоряжаться ихъ имуществами. Если принять во вниманіе то пагубное вліяніе на всю жизнь жертвъ этого ростовщичества, тѣ огорченія и потерю имущества семействъ, къ которымъ они принадлежатъ, и семейные раздоры, причиняемые ростовщическими долгами, то нельзя, полагаетъ авторъ, не придти къ заключенію, что въ подобныхъ случаяхъ недостаточно позволить должнику просить гражданскій судъ редицировать выданныя имъ обязательства, до суммы дѣйствительно полученныхъ ими ссудъ, но необходима законная кара.

Обѣщаніе заплатить въ срокъ, подкрѣпленное честнымъ словомъ, неисполненіе котораго должно оказывать погубное вліяніе на общественное положеніе должника, составляетъ могущественное для ростовщика средство вымогать безденежныя обязательства. Это такъ называемый—Ehrenworts u. Cavalierwucher. Чтобы противодѣйствовать этому, нужно, по мнѣнію автора, принять за правило, что честное слово заплатить, въ случаѣ неисполненія его, должно разсматриваться какъ простой проступокъ по службѣ, влекущій за собою небольшое дисциплинарное взысканіе. Для этого военные люди должны, говоритъ авторъ, придти къ убѣжденію, что честное слово свято только тамъ, гдѣ идетъ дѣло объ истинѣ и о собственномъ свободномъ дѣйствіи дающаго это слово, но признаніе святости честнаго слова за простымъ обѣщаніемъ заплатить, унижаетъ значеніе честнаго слова вообще. Дающій такое честное слово оскорбляетъ не свою честь, но правильное пониманіе чести. Если онъ, давая честное слово, еще сдѣлалъ что либо предосудительное, то его товарищи въ правѣ его удалить, но если все дѣло только въ томъ, что онъ не заплатилъ и ростовщикъ вышелъ изъ этого затрудненія, отсрочивъ долгъ, то неужели есть причина, считать его потерявшимъ честь и почему не признавать тогда потери чести во всякомъ случаѣ неплатежа въ срокъ? Употреблять честное слово, какъ средство вымогательства (Pressionsmittel), есть само по себѣ преступленіе, ибо ростовщикъ, прибѣгающій къ этому

средству, знаетъ, что онъ играетъ общественнымъ положеніемъ и самою жизнью должника.

О ростовщичествѣ противъ женщинъ (Frauenwucher) замѣчаетъ авторъ, что женщины, почти безъ исключеній, не для себя занимаютъ деньги и выдаютъ безденежные документы, и что такіе документы обыкновенно являются въ тѣхъ случаяхъ, когда женщина желаетъ помочь находящемуся въ нуждѣ своему дитяти или другому лицу. Въ результатѣ такихъ задолжаній женщины, обыкновенно бываетъ разореніе ея мужа, который ничего не зналъ о сдѣлкахъ съ растовщиками и, казалось бы, не долженъ за нихъ отвѣчать. Ростовщикъ, позволившій себѣ прибѣгнуть къ такому средству вымогательства (Pressionsmittel) заслуживаетъ законной кары. Дѣла о Frauenwucher, казалось бы, должны производиться при закрытыхъ дверяхъ.

Профессоръ Штейнъ, въ своемъ сочиненіи, нами изложенномъ, вспомнилъ между прочимъ, мимоходомъ, о законѣ 19 іюля 1877 года для Галиціи. Этотъ законъ, носящій названіе: „Gesetz, betreffend Abhilfe wider unredliche Vorgänge bei Creditgeschäften, wirksam für die Königreiche Galizien, Lodomerien, das Grossherzogthum Krakau und das Herzogthum Bukowina,“— составляетъ первый шагъ Австрійскаго законодательства въ направленіи, которое рекомендуетъ ему профессоръ Штейнъ. Одинаковый по цѣли и очень сходный въ основаніяхъ съ воззрѣніями Штейна на ростовщичество, этотъ законъ не долженъ, по нашему мнѣнію, быть оставляемъ безъ вниманія лицами, интересующимися вопросомъ о ростовщичествѣ вообще. Въ этомъ законѣ мы видимъ какъ бы удостовѣреніе того, что мысли д-ра Штейна не далеки отъ практическаго осуществленія, и объ этомъ-то законѣ мы считаемъ нужнымъ сказать то, что намъ извѣстно о немъ. Вотъ буквальное содержаніе этого закона.

§ 1.

Если открывающій кредитъ должнику, входитъ съ нимъ въ соглашенія, о которыхъ онъ знаетъ, что они чрезмѣрностію

выгодъ на сторонѣ кредитора, должны повлечь за собою хозяйственное разореніе (Verderben) должника или содѣйствовать такому раззоренію его, и при этомъ кредитующій знаетъ также, что должникъ не понимаетъ значенія тѣхъ соглашеній, по причинѣ слабости своего разумѣнія, по неопытности или въ слѣдствіе душевнаго возбужденія, то такой кредиторъ виновенъ въ преступленіи и подлежитъ аресту отъ одного до шести мѣсяцевъ или денежному штрафу отъ 100 до 1000 гульденовъ. Въ случаѣ повторенія этого дѣянія, или въ томъ случаѣ, когда дѣянія этого рода совершаются въ видѣ ремесла, арестъ можетъ быть назначенъ до двухъ лѣтъ.

Одинаково виновенъ тотъ, кто осуществляетъ отъ своего имени или принудительно приводитъ въ исполненіе кредитныя требованія, о которыхъ ему извѣстно, что они возникли указаннымъ выше образомъ, послѣ введенія въ дѣйствіе настоящаго закона.

§ 2.

Уголовный судья, кредитную сдѣлку, признанную имъ преступною, объявляетъ ничтожною. При постановленіи рѣшенія о послѣдствіяхъ, вытекающихъ изъ обсужденнаго отношенія, онъ долженъ позаботиться о томъ, чтобы кредиторъ получилъ справедливое, по обстоятельствамъ даннаго случая, вознагражденіе за потери, которымъ онъ подвергался, непользуясь отданною имъ въ кредитъ цѣнностію; чтобы къ нему, кредитору, поступили имѣющіяся уже на лицо цѣнности, предназначенныя на его удовлетвореніе, и въ особенности, чтобы принадлежащее ему закладное право, по первоначальному долговому требованію, также и въ томъ случаѣ, когда оно записано въ ипотечной книгѣ, обезпечивало его право на присужденное ему вознагражденіе.

Если данныя уголовнаго производства оказываются недостаточными для постановленія рѣшенія о послѣдствіяхъ уничтоженія сдѣлки, то сторонамъ указывается обратиться къ гражданскому суду, а имѣющіяся обезпеченія при этомъ не освобождаются. Обращеніе по гражданскому суду открыто какъ для гражданскихъ истцовъ, такъ и для обвиняемаго.

§ 3.

Въ случаѣ обращенія дѣла къ гражданскому суду, а равно и тогда, когда гражданскій истецъ долженъ производить гражданскій искъ, на основаніи § 372 уголовн. судопроизв., гражданскій судья состоитъ обязаннымъ постановить свое рѣшеніе о правовыхъ послѣдствіяхъ уничтоженія сдѣлки, на основаніяхъ, указанныхъ во 2 части § 2 настоящаго закона.

Въ этихъ случаяхъ дѣло подсудно тому гражданскому суду, въ мѣстѣ нахожденія подлежащаго уголовнаго суда, которому этого рода споры вообще подвѣдомственны.

§ 4.

Если преслѣдованіе и осужденіе обвиняемаго жалобщикомъ, не можетъ имѣть мѣста въ уголовномъ судѣ по какой либо другой причинѣ, кромѣ отсутствія признаковъ преступленія или недостаточности уликъ, а между тѣмъ въ гражданскомъ процесѣ будутъ установлены признаки дѣянія, предусмотрѣнныя въ § 1 настоящаго закона, то гражданскій судья долженъ объявить сдѣлку ничтожною и въ отношеніи къ опредѣленію правовыхъ послѣдствій сего, поступить по 2 части § 2 этого закона.

§ 5.

По требованію уголовнаго суда, въ которомъ производится дѣло о дѣяніи, предусмотрѣнномъ въ § 1 этого закона, гражданскій судья, во всякомъ положеніи дѣла, обязанъ пріостановить свои дѣйствія по исполненію или принудительному взысканію по обязательству, составляющему предметъ уголовнаго производства.

Въ случаяхъ же указанныхъ въ § 4, самъ гражданскій судья рѣшаетъ: совсѣмъ ли остановить принудительное взысканіе по обязательству или ограничиться однимъ обезпеченіемъ иска.

§ 6.

Въ рѣшеніяхъ, постановляемыхъ на основаніи §§ 3, 4 и 5 настоящаго закона, гражданскій судья не стѣсняется закон-

ными правилами о доказательствахъ, но опредѣляетъ по свободному, основанному на добросовѣстномъ обсужденіи представленныхъ доказательствъ, своему убѣжденію.

§ 7.

Къ торговымъ сдѣлкамъ, въ которыхъ должникъ, по смыслу 4, 5 и 6 статей торговаго уложенія 17 декабря 1862 года, признается купцемъ или считается наравнѣ съ нимъ, настоящій законъ не примѣняется.

§ 8.

Исполненіе этого закона возлагается на министра юстиціи [1]).

При обсужденіи этого закона въ представительномъ собраніи, въ заключеніи коммисіи, избранной для разсмотрѣнія его, были, между прочимъ, высказаны слѣдующія соображенія.

Съ распространеніемъ въ 1850 г. права обязываться векселями, вексель сдѣлался почти единственною формою кредита, такъ какъ эта форма оказалась вполнѣ пригодною для того, чтобы маскировать ростовщическія сдѣлки. Ни въ одной, навѣрно, провинціи Австрійской короны, нѣтъ столько векселей какъ въ Галиціи, гдѣ ихъ выдаютъ земледѣльцы, неумѣющіе писать и читать. Такъ какъ выданные ими векселя представляются на судъ обыкновенно съ передачами, то защищаться противъ вексельныхъ исковъ рѣшительно невозможно, и потому о вексельной формѣ сдѣлокъ можно сказать, что въ Галиціи она не только служила къ тому, чтобы обходить законы о лихвѣ, но представляетъ также вѣрное средство отнимать у крестьянъ, легчайшимъ способомъ, ихъ поземельную собственность.

Со времени введенія закона о правѣ всѣхъ обязываться векселями, начинается въ Галиціи процесъ обезземеленія крестьянъ, которому много способствовалъ законъ 1866 года, до-

---

[1]) § 372. Гражданскому истцу позволяется обратиться къ гражданскому суду если онъ находитъ себя неудовлетвореннымъ присужденнымъ ему уголовнымъ судомъ вознагражденіемъ.

пустившій дѣлимость крестьянскихъ участковъ, и которое пошло исполинскими шагами послѣ отмѣны въ 1868 г. законовъ о ростовщичествѣ.

По статистическимъ свѣдѣніямъ, составленнымъ подъ руководствомъ коммисіи Галицкаго сейма, на основаніи официальныхъ объявленій, изъ 800.000 недвижимыхъ имѣній въ 1867 г. продавались съ публичнаго торга 164 и затѣмъ число продажъ, увеличиваясь изъ года въ годъ, достигло въ 1875 г. цифры 1335, т. е. въ 1875 г. число продажъ увеличилось противъ 1867 г. на 814%.

Изъ этого числа продажъ, 71% составляютъ продажи недвижимостей, стоющихъ менѣе 1000 гульд.

Хотя на публичныхъ торгахъ не всѣ объявленныя въ продажу имѣнія были проданы и дѣйствительно проданныя имущества составляютъ около 1/3 всего числа публикованныхъ, но при этомъ нельзя забывать того, что рядомъ съ публичными продажами совершались и продажи съ вольной руки. Такъ, по офиціальнымъ свѣдѣніямъ, относящимся до слободы Стропятинъ, въ ней, начиная съ 1873 г. въ теченіи 1½ года продано 270 участковъ земли. Въ характерѣ крестьянина собственника, запутавшагося въ долгахъ, — продавать свою землю клочками, одинъ за другимъ и расчитывать остаться подъ кровомъ предковскаго дома, пока и это послѣднее его достояніе будетъ продано съ молотка.

Есть примѣры,—говорится въ соображеніяхъ коммисіи,— что первоначальный долгъ въ 300—400 гульд. въ какихънибудь 3 года, вслѣдствіе отстрочекъ съ начисленіемъ процентовъ и неустоекъ, возросталъ до 15.000—20.000 гульд. За полученную 1 марта 1873 г. ссуду въ 60 гульд. со срокомъ по 1 августа 1873 г. былъ выданъ вексель на 600 гульд. (въ округѣ Тарнополя). За ссуду въ суммѣ 80 гульд. и какой-то сомнительный трактирный долгъ въ 20 гульд. выдана купчая на 11 іоховъ поля, съ правомъ обратной покупки черезъ годъ, за цѣну 900 гульд. (въ слободѣ Настисовѣ).

При обсужденіи въ палатѣ представителей проекта означеннаго закона, высказывались противъ него, между прочимъ, слѣдующія возраженія.

Противодѣйствіе ростовщичеству путемъ санкціи уголовныхъ законовъ—дѣло очень опасное. По общему правилу, объектъ уголовнаго правонарушенія долженъ быть точно опредѣленъ закономъ.

Убѣжденію судьи можетъ быть предоставлено только опредѣленіе виновности, но не конструкція (Construirung) проступка, въ каждомъ данномъ случаѣ.

Въ проектѣ разсматриваемаго закона говорится, что кредитору должны быть извѣстны: слабость разумѣнія должника, его неопытность и его возбужденное состояніе, и что онъ все-таки, несмотря на это дѣйствовалъ съ намѣреніемъ извлечь изъ сдѣлки чрезмѣрно-большую выгоду. Это—обстоятельства только субъективнаго свойства, но не вмѣненіе объективныхъ фактовъ, въ которыхъ долженъ бы заключаться составъ наказуемаго правонарушенія.

Отвергая, поэтому, вообще уголовную санкцію въ законѣ, направленномъ противъ ростовщичества, возражатели предлагали бороться съ этимъ зломъ только мѣрами гражданскаго процеса. Какъ на основное начало, долженствующее быть введеннымъ въ сферу законодательства по гражданскому праву, они указывали на допущеніе права иска кредитора о процентахъ на ссуженный капиталъ, только до извѣстнаго размѣра, съ тѣмъ, чтобы проценты превышающіе этотъ размѣръ, разсматривались бы въ смыслѣ obligatio naturalis.

Противъ этихъ возраженій защитники проекта закона говорили, что коль скоро сами противники закона признаютъ, что ростовщичество, обратившееся въ ремесло, составляетъ безнравственное дѣяніе, угрожающее безопасности всѣхъ классовъ общества, то непонятно, почему бы государство не должно было бороться съ этимъ зломъ путемъ уголовнаго суда.

Бывшій въ то время Австрійскій министръ юстиціи Гла-

зеръ, высказалъ слѣдующія соображенія въ защиту проекта закона.

Отмѣна всей совокупности нормъ права, изъ которыхъ составлялся законъ о лихвѣ, въ Австріи не была законодательною мѣрою, наскоро и легкомысленно принятою. Ей предшествовала цѣлая исторія законодательныхъ экспериментовъ въ этой области права. Такъ, въ концѣ прошлаго столѣтія, подъ именемъ уничтоженія законовъ о лихвѣ, былъ установленъ такой порядокъ, что за отмѣною опредѣленій о наказаніяхъ, удержана была такса процентовъ и нарушенію этой таксы было придано такое значеніе, что отказывали въ въ судебномъ взысканіи процентовъ, превышающихъ законный размѣръ ихъ.

Объ этомъ законѣ извѣстный спеціалистъ Гольдшмидтъ высказалъ такое мнѣніе: „слѣдовало или не слѣдовало въ то время отмѣнять въ Австріи законы о лихвѣ—этого не будемъ касаться, но не подлежитъ сомнѣнію, что Іозефинскій патентъ пошелъ по ложной дорогѣ, отмѣняя всѣ уголовные законы о лихвѣ; удерживая силу гражданской сдѣлки за условіями о размѣрѣ процентовъ и оставляя только право гражданскаго требованія, но безъ иска, за процентами, превышающими законный размѣръ. Вмѣсто конкуренціи предусмотрительныхъ капиталистовъ, этотъ законъ вызвалъ конкуренцію легкомысленныхъ и безсовѣстныхъ должниковъ (Schuldenmacher) и конкуренцію также легкомысленныхъ и безцеремонныхъ капиталистовъ, которые опасность возможной потери процентовъ, превышающихъ таксу, старались предотвратить полученіемъ возможно большихъ процентовъ вообще.

Когда неудобства этого закона обнаружились на практикѣ, то онъ въ 1803 г. былъ замѣненъ извѣстнымъ Wucherpatent, который, начиная съ половины настоящаго столѣтія, вызывалъ противъ себя громкія и очень чувствительныя жалобы, какъ законъ, находившійся въ непримиримомъ противорѣчіи съ существующею дѣйствительностію. При дѣйствіи этого закона, издавались въ законодательномъ порядкѣ дополненія, осудившія уже безповоротно попытки достигнуть того, чтобы воз-

можно было путемъ опредѣленій гражданскаго права заставить кредиторовъ поснисходительнѣе относится къ ихъ должникамъ.

Если Іозефинскій патентъ конца прошлаго столѣтія, тоже доказалъ невозможность бороться съ ростовщичествомъ путемъ определеній гражданскихъ законовъ, то не нужно упускать изъ виду, говорилъ министръ Глазеръ, того движенія впередъ, которое впослѣдствіи сдѣлано гражданскимъ законодательствомъ. Это послѣднее очень расширило примѣненіе нормъ торговаго права. Отысканы многія формы, которыя даютъ возможность сторонамъ поставить себя въ такое положеніе, чтобы на судѣ оставалось для судьи только постановлять о волѣ ихъ заключить обязательство и совсѣмъ не касаться такъ называемой causa promittendi, какъ правоваго основанія разсмариваемаго обязательства. Такое значеніе на практикѣ имѣютъ опредѣленія торговаго права о бумагахъ на предъявителя и о векселяхъ, употребленіе которыхъ теперь распространено на всѣ сословія, и другія формы сдѣлокъ. Всѣ эти опредѣленія должны быть поколеблены въ своихъ основаніяхъ для того, чтобы создать практическую почву выдвигаемому противниками положенію, что условія о процентахъ превышающихъ законный размѣръ низводятся на степень naturalis obligatio.

Всякія попытки измѣненія законодательства въ этомъ направленіи, привели бы къ тому, что законодательству пришлось бы строгими мѣрами противодѣйствовать усвоеннымъ ростовщическою практикою пріемамъ, маскировать заключаемыя сдѣлки и обходить законъ; а эти мѣры, само собою разумѣется, перешли бы въ область уголовнаго права.

Австрійскій законъ 19 іюля 1872 г., продолжалъ Глазеръ, имѣющій своею цѣлью устранить злоупотребленія при подписи векселей, законъ о векселяхъ, выдаваемыхъ чрезъ уполномоченныхъ, сдѣлалъ то, что изобрѣтательные люди стали обходиться и безъ векселей. Вмѣсто векселей стали составлять приговоры третейскихъ судей (Schiedssprüchen). Эти приговоры фабрикуются въ шинкахъ, людьми самой дурной репутаціи.

Если вникнуть въ содержаніе ростовщическихъ сдѣлокъ, собранныхъ въ видѣ матеріаловъ, при составленіи проекта настоящаго закона, то нельзя неудивляться тупости, крайней неразвитости и совершенному непониманію своихъ интересовъ на сторонѣ должниковъ, подписывающихъ до крайнихъ предѣловъ обременительныя обязательства. Чтобы заставить такого должника подписать подобное обязательство, ненужно дающему деньги совершать обманъ гражданскій или наказуемый по уголовнымъ законамъ. Этотъ должникъ отдается самъ въ руки, совсѣмъ недумая ни о какихъ послѣдствіяхъ своего шага. Вотъ это-то непониманіе должникомъ пагубнаго для себя значенія подписываемаго имъ обязательства и есть, по нашему мнѣнію, говорилъ министръ Глазеръ, признакъ вводимаго въ уголовный кодексъ правонарушенія. Этотъ признакъ, въ противность мнѣнію возражателей противъ проекта, есть нѣчто осязательное и независящее отъ субъективнаго воззрѣнія судьи. Правда, что при разрѣшеніи вопроса о фактѣ преступленія, въ данномъ, представившемся случаѣ, судьѣ придется имѣть дѣло съ понятіями (Begriffsmomente), болѣе или менѣе растяжимыми. Но такова именно техника новаго законодательства, что ей приходится установлять только основанія (Grundsätze), дабы не потеряться въ казуистикѣ.

Коммисія палаты господъ, разсматривавшая проектъ этого закона, признала принятіе его настоятельно необходимымъ, мотивируя неотлагательность его, между прочимъ, тѣмъ, что простой народъ, наблюдая постоянно успѣхъ ростовщиковъ на судѣ, и неумѣя объяснить закона 1868 г. объ отмѣнѣ таксы процентовъ, видами законодателя на привлеченіе въ страну новыхъ капиталовъ и конкуренцію между ними, утрачиваетъ сознаніе права и теряетъ довѣріе къ законамъ страны.

Въ выводахъ своихъ, коммисія господъ пришла, между прочимъ, къ заключенію: просить правительство войти въ обсужденіе того, не слѣдуетъ ли ограничить право обязываться векселями кругомъ тѣхъ лицъ, которыя внесены въ торговые реестры.

Относительно примѣненія на практикѣ означеннаго зако-

на, мы прочли въ одной маленькой брошюркѣ, подъ названіемъ „Droga ratunku przeciwko lichwie w Krakowie 1879 г.“ слѣдующія свѣдѣнія.

Законъ 19 іюля 1877 г., угрожающій ростовщикамъ арестомъ и денежнымъ штрафомъ, сбилъ ихъ съ толку и устрашилъ, а потому лихва дѣйствительно приняла болѣе скромные размѣры. Тѣмъ не менѣе, ростовщики умѣютъ обдѣлывать свои дѣла не безъ ловкости и успѣха, доказательство чего, авторъ брошюрки видитъ въ томъ обстоятельствѣ, что ни одного ростовщика ему еще не случилось видѣть на скамьѣ подсудимыхъ.

Въ особенности ростовщики стали эксплоатировать свои кредитныя сдѣлки, заключенныя до изданія новаго закона, когда удостовѣрились, что гражданскіе суды имъ въ этомъ не мѣшаютъ.

Гражданскіе суды, считая новый законъ новинкою уголовнаго закона, усвоили взглядъ, что примѣнять новый законъ они вправѣ только подъ условіемъ, если уголовное производство по дѣлу было начато и доведено до того, что уголовный судья указалъ гражданскому суду путь дальнѣйшаго производства дѣла (§§ 3, 5).

Уголовные суды до сихъ поръ еще не признали виновнымъ ни одного ростовщика, такъ какъ имъ не удавалось констатировать фактъ преступленія ростовщичества, весьма эластично опредѣленнаго въ § 1 новаго закона, а потому намъ не случалось слышать и о приговорахъ гражданскихъ судовъ, признающихъ недѣйствительными ростовщическія сдѣлки.

Хотя § 4 новаго закона, предоставляетъ гражданскимъ судамъ признавать такія сдѣлки недѣйствительными, когда осужденіе ростовщика уголовнымъ судомъ не могло состояться по другой какой-либо причинѣ, кромѣ отсутствія признаковъ преступленія или недостатка уликъ, но для гражданскихъ судовъ оставалось неяснымъ, —о какой другой причинѣ говорится въ этомъ §. Подъ этою другою причиною они подразумѣвали смерть обвиняемаго и неизвѣстность мѣстопребыванія его. Но и въ этихъ двухъ случаяхъ, по § 412 уголовнаго судопроиз-

вод., обязанность констатировать фактъ преступленія лежитъ на уголовномъ судѣ.

Притомъ же гражданскіе суды, придерживаясь постановленія законовъ гражданскихъ о томъ, что новые законы не имѣютъ обратнаго дѣйствія, оставляли ростовщиковъ въ покоѣ, ожидая инициативы суда уголовнаго въ дѣлѣ преслѣдованія сдѣлокъ, заключенныхъ по обнародованіи новаго закона. Хотя противъ такого воззрѣнія гражданскихъ судовъ и высказывалось мнѣніе, что законъ 19 іюля 1877 г., какъ законъ запретительный и изданный по соображеніямъ моральнаго свойства, долженъ имѣть обратное дѣйствіе, но это не имѣло практическихъ результатовъ.

Наконецъ, это мнѣніе нашло свое подтвержденіе въ двухъ приговорахъ высшаго Императорскаго трибунала въ Вѣнѣ.—

Вотъ сущность этихъ приговоровъ.

1) Должникъ, по нотаріальному акту принялъ на себя обязательство, въ случаѣ неуплаты долга въ срокъ, платить по 52% за просрочку. Послѣ просрочки кредиторъ просилъ объ экзекуціи и судъ 1-й инстанціи допустилъ ее, назначивъ взысканіе 52% только за время до 28 сентября 1877 г., какъ момента, съ котораго законъ 19 іюля 1877 г. получилъ обязательную силу. Судъ высшій въ Львовѣ, присудилъ 52% и за послѣдующее время, пока будетъ уплаченъ капиталъ, исходя изъ того положенія, что новый законъ не имѣетъ образнаго дѣйствія. Высшій же трибуналъ, по рѣшенію 14 мая 1879 г., отмѣнилъ приговоры низшихъ инстанцій суда и допустилъ экзекуцію только въ размѣрѣ до 6%, мотивируя это такимъ образомъ: „хотя законъ 19 іюля 1877 г. и не имѣетъ обратнаго дѣйствія при примѣненіи его уголовнымъ судомъ, но гражданскій судъ обязанъ иначе примѣнять его, а именно: по силѣ § 4 онъ обязанъ примѣнять его ex officio во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда въ сдѣлкѣ представляются условія, указанныя въ § 1 новаго закона и когда уголовное производство дѣла не можетъ имѣть мѣста по той причинѣ, что сдѣлка заключена до изданія новаго закона.

2) Нѣкто S. исходатайствовалъ еще 1 февраля 1876 года

судебное рѣшеніе, которымъ присуждено ему съ крестьянина Якова Д. 110 гульд. въ 50% со срока 1 января 1874 г. Въ исполненіе этого рѣшенія уже назначена была публичная продажа крестьянскаго грунта должника. Но высшій трибуналъ, по рѣшенію 13 сентября 1879 года, отмѣняя рѣшеніе первыхъ двухъ инстанцій суда, опредѣлилъ допустить публичную продажу для взысканія 110 гульденовъ съ 6%, начиная съ 1 января 1874 г. при этомъ было принято во вниманіе, что по смыслу закона 19 іюля 1877 г., выгоды кредитора не должны влечь за собою экономической гибели должника и при наличности условій для такой гибели, сдѣлка признается недѣйствительною по силѣ § 1 новаго закона. А такъ какъ уплата 50% несомнѣнно должна привести къ гибели должника, то гражданскій судъ не долженъ былъ допускать взысканія процентовъ въ такомъ большомъ размѣрѣ, несмотря на то, что законъ 19 іюля 1877 г. дѣйствительно не имѣетъ обратнаго дѣйствія въ отношеніи къ наказанію виновнаго.

Въ монографіи доктора Штейна о „лихвѣ", кромѣ ссылки на законъ для Галиціи о ростовщичествѣ, вниманіе читателей должно, по нашему мнѣнію, остановиться на тѣхъ словахъ автора, въ которыхъ онъ говоритъ о Zwangsausgleich или объ обязательномъ компромисѣ по Австрійскимъ законамъ. Находя необходимымъ прибавить къ этой послѣдней ссылкѣ автора, нѣкоторыя поясненія, мы не сдѣлали этого въ подстрочномъ примѣчаніи, не желая сдѣлать примѣчаніе слишкомъ длиннымъ, и предпочитаемъ теперь, послѣ того, что нами сказано о законѣ 1877 года для Галиціи, изложить нѣкоторыя пояснительныя свѣдѣнія о конкурсномъ процессѣ вообще и о Zwangsausgleich, по Австрійскимъ законамъ.

Въ Австрійскомъ законодательствѣ есть два конкурсныхъ процесса: а) обыкновенный конкурсъ, Ordentliche Concurs erfahren и б) конкурсъ по дѣламъ торговымъ, Kaufmännische Concurs.

По правиламъ о конкурсѣ, Concurs-Ordnung 1868 г., кредиторы, которыхъ кредитныя требованія уже существовали

во время открытія конкурса, все равно, заявили ли они свои требованія въ конкурсѣ и не получили полнаго удовлетворенія или упустили сдѣлать заявленіе о нихъ, имѣютъ право обращать взысканіе по своимъ обязательствамъ, по закрытіи конкурса, на имущество должника, въ послѣдствіи пріобрѣтенное, а также и на то, которое оставлено конкурсомъ въ его свободномъ распоряженіи (§ 54).

О мировыхъ сдѣлкахъ, въ обыкновенномъ конкурсѣ, постановлено, что онѣ заключаются съ общаго согласія всѣхъ кредиторовъ. Если же не всѣ согласны на сдѣлку, то она можетъ состояться подъ условіемъ, чтобы требованія несогласныхъ на сдѣлку кредиторовъ, были оплачены въ полной ихъ суммѣ или чтобы на сумму этихъ требованій было представлено обезпеченіе, если они оспариваются. Кредиторамъ, представившимъ спорныя требованія, назначается срокъ, въ теченіи котораго они должны предъявить иски противъ кредиторовъ, которые заявили споръ. При этомъ въ мировой сдѣлкѣ постановляется: кому именно должны быть выданы деньги, представленные на обезпеченіе, въ случаѣ пропущенія срока или проигрыша дѣла (§ 151).

Въ конкурсѣ по дѣламъ торговымъ, къ обсужденію вопроса о мировой сдѣлкѣ допускаются тѣ кредиторы, которые, по старшинству взысканій и по состоянію массы, имѣютъ виды на полученіе удовлетворенія только въ нѣкоторой части своихъ требованій или вовсе не могутъ на него расчитывать (§ 209).

Въ случаѣ утвержденія судомъ мировой сдѣлки по дѣлу о торговой несостоятельности, должникъ, силою этой сдѣлки, освобождается отъ обязанности вознаграждать въ послѣдствіи своихъ кредиторовъ, все равно, заявили ли они въ конкурсѣ свои требованія или нѣтъ и также участвовали ли они въ мировыхъ сдѣлкахъ или нѣтъ, въ тѣхъ частяхъ ихъ претензій, отъ которыхъ онъ освобожденъ по сдѣлкѣ, называемой Zwangsausgleich (§ 233).

Кредиторы, пропущенные въ мировой сдѣлкѣ, безъ вины съ ихъ стороны, имѣютъ право, по закрытіи конкурса, тре-

бовать отъ должника удовлетворенія въ томъ размѣрѣ процентовъ, который назначенъ въ сдѣлкѣ кредиторамъ въ ней участвовавшимъ. Но это удовлетвореніе не можетъ относиться къ имуществу, которое, по закрытіи конкурса, перешло по мировой сдѣлкѣ, въ руки кредиторовъ, а также къ доходамъ отъ предпріятія должника, коль скоро въ мировой сдѣлкѣ назначено вести это предпріятіе съ цѣлью удовлетворенія кредиторовъ, въ ней участвовавшихъ.

Если кредитное требованіе пропущено въ Zwangsausgleich по винѣ несостоятельнаго должника, то оно можетъ быть съ него взыскиваемо въ полной суммѣ, съ тѣмъ только, чтобы отъ него было свободно указанное выше имущество должника (§ 236).

По прекращеніи торговаго конкурса, несостоятельный должникъ подвергается ограниченію нѣкоторыхъ гражданскихъ правъ и преимуществъ и возстановляется вполнѣ въ своихъ правахъ только послѣ того, какъ докажетъ передъ судомъ, что онъ удовлетворилъ всѣхъ своихъ кредиторовъ, какъ заявившихъ свои претензіи въ конкурсѣ, такъ и незаявившихъ, какъ во всей капитальной суммѣ, не исключая той части, которая была ему уступлена по мировой сдѣлкѣ, такъ и всѣхъ процентовъ (§§ 246—249).

Облегченія, представляемыя должнику по Zwangsausgleich могутъ имѣть мѣсто только въ томъ случаѣ, если должникъ не оказывается виновнымъ въ обманѣ, по § 199, lit. f, или въ проступкѣ, указанномъ въ § 486, lit. g. уголовнаго уложенія.

При этомъ нужно замѣтить, что, по Австрійскимъ законамъ, о всякомъ открытіи конкурса, а равно о всѣхъ тѣхъ случаяхъ прекращенія платежей, когда конкурсъ не открывается по незначительности имущества должника или по неимѣнію личныхъ кредиторовъ должника, болѣе одного, гражданскій судъ увѣдомляетъ прокурора первой инстанціи суда, въ округѣ котораго живетъ должникъ, и по этому увѣдомленію производится слѣдствіе о причинахъ неоплатности должника (§§ 66 и 102).

Въ § 199, lit. f. уголовнаго уложенія, преступнымъ обманомъ считается, когда кто черезъ расточительность пришелъ въ несостоятельность или хитрыми изворотами пытался расширить свой кредитъ, или выставляя мнимыхъ кредиторовъ, вступая въ обманныя соглашенія или скрывая часть своего имущества, нарушалъ дѣйствительное состояніе массы.

По § 486 уголовн. улож., должникъ, впавшій въ несостоятельность и немогущій доказать, что онъ по несчастію и безъ вины съ своей стороны не имѣетъ возможности удовлетворить своихъ кредиторовъ, или должникъ, дѣлавшій чрезмѣрные расходы, или необъявившій суду о своей несостоятельности, когда его пассивъ сталъ превышать активъ, но дѣлавшій, вмѣсто того, новые долги, производившій платежи и закладывавшій свое имущество, если въ его поступкахъ нѣтъ преступленія обмана, считается виновнымъ въ проступкѣ, который наказывается строгимъ арестомъ отъ трехъ мѣсяцевъ до одного года, съ прибавками, по обстоятельствамъ даннаго случая, усиливающими строгость этого наказанія.

Къ изложеннымъ нами свѣдѣніямъ о законѣ для Галиціи 19 іюля 1877 г. и объ Австрійскомъ конкурсномъ процесѣ, мы не находимъ нужнымъ прибавлять еще что нибудь для того, чтобы помочь читателямъ составить болѣе ясное представленіе относительно взгляда д-ра Штейна на ростовщичество. Его монографія не представляетъ, кажется, въ своемъ текстѣ такихъ выраженій и ссылокъ, которыя были бы неудобопонятны, а сказанное нами о законѣ для Галиціи 19 1877 года даетъ, по нашему мнѣнію, читателямъ возможность составить себѣ довольно отчетливое представленіе объ отношеніи мыслей автора къ австрійскому положительному законодательству или видѣть, что эти мысли составляютъ новую ступень въ прогресивномъ развитіи права о платѣ за пользованіе ссужаемыми капиталами и о лихвѣ.

Въ воззрѣніяхъ на ростовщичество закона для Галиціи 1877 г. и д-ра Штейна—много общаго. Какъ тамъ, такъ и здѣсь признается, что стремленіе капиталистовъ, ссужающихъ

деньги, заставить своихъ должниковъ вознаграждать ихъ услуги въ нѣсколько кратъ, то въ видѣ чрезмѣрно большихъ процентовъ, то въ видѣ уплаты капитала ,и премій за отсрочки, получаетъ характеръ дѣянія, угрожающаго общественной безопасности, и что ростовщичеству слѣдуетъ противодѣйствовать санкціею уголовныхъ законовъ, коль скоро оно очень распространено въ странѣ и коль скоро отъ свойственныхъ ему манипуляцій гибнетъ хозяйственное благосостояніе множества людей.

Но въ проектѣ д-ра Штейна сфера преступнаго въ ростовщичествѣ, значительно съуживается по сравненію съ закономъ 1877 г. для Галиціи и опредѣленіе объекта преступленія въ ростовщическихъ сдѣлкахъ, является у него болѣе отчетливымъ и болѣе отвѣчающимъ практическимъ цѣлямъ законодательства, чѣмъ эластическое опредѣленіе его въ законѣ 1877 года. Законъ 1877 г. для Галиціи, имѣетъ главнымъ образомъ въ виду воздѣйствовать на ростовщичество угрозою наказанія. На него смотрятъ въ Галицкихъ судахъ какъ на новеллу уголовнаго законодательства и потому гражданскіе суды не считаютъ себя вправѣ постановлять рѣшенія о недѣйствительности ростовщической сдѣлки, если нѣтъ приговора уголовнаго суда, констатировавшаго фактъ правонарушенія, а уголовные суды избѣгаютъ, какъ мы видѣли, примѣнять на практикѣ эластическія опредѣленія этого закона о признакахъ преступленія ростовщичества. При постановленіи этого закона, считали невозможнымъ вносить какія либо серьезныя измѣненія въ опредѣленія гражданскихъ законовъ и остановливались передъ мыслію расширить право суда изслѣдовать causa promittendi въ области тѣхъ договорныхъ отношеній, въ которыхъ, подъ вліяніемъ началъ торговаго права, придается рѣшающее значеніе волѣ стороны принять на себя обязательство, независимо отъ внутреннихъ, такъ сказать, причинъ, вызвавшихъ заключеніе сдѣлки, какъ это было объяснено бывшимъ министромъ юстиціи Глазеромъ, въ рѣчи его, сказанной въ палатѣ представителей, разсматривавшей означенный законъ.

Проектъ д-ра Штейна не останавливается, напротивъ, передъ реформой въ области гражданскаго законодательства, и въ этомъ направленіи его проекта заключается, по нашему мнѣнію, особенность, придающая предлагаемымъ имъ мѣрамъ радикальный характеръ. Установляя довольно ясно различіе между обыкновеннымъ ростовщичествомъ, составляющимъ предметъ вѣдомства гражданскихъ судовъ, и между ростовщичествомъ-преступленіемъ, Wucherverbrechen, проектъ д-ра Штейна находитъ возможнымъ, въ противность прежнему взгляду юристовъ, предоставить гражданскимъ судамъ довольно широкое право изслѣдованія causa promittendi, въ договорныхъ сдѣлкахъ, объявляемыхъ ростовщическими. Чтобы привести это въ согласіе съ принятымъ въ новомъ гражданскомъ правѣ началомъ неоспоримости договоровъ съ юридически дѣйствительною волею стороны принять на себя обязательство, онъ предлагаетъ не давать хода возбуждаемымъ спорамъ о ростовщическихъ свойствахъ сдѣлокъ и не пріостанавливать экзекуціи до тѣхъ поръ, пока взысканныя деньги не будутъ находиться въ кассѣ суда. Изъ этого онъ впрочемъ дѣлаетъ изъятіе въ пользу споровъ о ростовщическомъ свойствѣ сдѣлокъ, со стороны бѣдныхъ рабочихъ. Такіе споры д-ръ Штейнъ рекомендуетъ разрѣшать до продажи имѣющагося у нихъ недорогаго движимаго имущества и продажу послѣдняго пріостанавливать до разрѣшенія спора. Въ связи съ этимъ, онъ рекомендуетъ допустить cessio bonorum или Güterabtretung, въ отличіе отъ теперешняго порядка, который, во всѣхъ случаяхъ прекращенія платежей, указываетъ открывать конкурсъ, несмотря на то, виновенъ или невиновенъ должникъ въ своей неоплатности. Кромѣ этого, проектъ д-ра Штейна предлагаетъ еще нѣкоторыя другія измѣненія гражданскихъ законовъ, которыхъ мы не будемъ здѣсь называть, какъ предположенія, имѣющія второстепенное значеніе.

Суждено ли мыслямъ д-ра Штейна о ростовщичествѣ перейти въ законодательство,—какимъ измѣненіямъ они подвергнутся при конструкціи новаго закона и каково будетъ ихъ практическое примѣненіе, покажетъ будущее.

Въ слѣдующей засимъ статьѣ, мы выскажемъ наши соображенія по вопросу о возможности примѣненія новыхъ законовъ о лихвѣ у насъ, при существующихъ теперь условіяхъ кредита, и о недостаткахъ вообще дѣйствующихъ нынѣ у насъ правилъ взысканія по обязательствамъ.

А. Пестржецкій.

О ПОДСУДНОСТИ ГРАЖДАНСКИХЪ ДѢЛЪ КРЕСТЬЯНЪ.

(Окончаніе).

II.

Къ числу крестьянскихъ дѣлъ принадлежитъ большая группа дѣлъ, изслѣдованіе подсудности которыхъ представляетъ большой интересъ въ виду того, что эти дѣла непосредственно касаются системы землевладѣнія многомилліоннаго населенія и отношеній его къ казнѣ, въ качествѣ плательщика государственной оброчной подати. Мы разумѣемъ дѣла, вытекающія изъ поземельнаго устройства государственныхъ крестьянъ. Существовавшія до реформы отношенія государственныхъ крестьянъ, къ состоявшимъ въ ихъ пользованіи казеннымъ землямъ и угодьямъ и къ собственнику этого имущества — государству, точно формируются и опредѣляются, начиная съ 1866 г., въ особыхъ актахъ, называемыхъ въ центральной, сѣверной и южной Россіи, владѣнными записями и выдаваемыхъ государственнымъ крестьянамъ. Съ полученіемъ владѣнныхъ записей, государственные крестьяне причисляются къ разряду крестьянъ-собственниковъ, имѣющихъ право пользоваться и распоряжаться по своему усмотрѣнію, данными имъ въ надѣлъ по записямъ землями, съ соблюденіемъ указанныхъ въ законѣ ограниченій. За эту землю крестьяне обязаны вносить въ казну опредѣленный закономъ ежегодный платежъ, подъ названіемъ государственной оброчной подати (ст. 12—16 пол. государ. крест.). Основаніемъ для составленія вла-

дѣнныхъ записей, служитъ существующее во время ихъ составленія фактическое владѣніе и пользованіе государственныхъ крестьянъ, состоявшими въ ихъ надѣлѣ казенными землями и угодьями (тамъ же, ст. 2 и 12). Владѣнныя записи опредѣляютъ, между прочимъ, количество угодій, составляющихъ крестьянскій надѣлъ, съ показаніемъ общаго числа удобной и неудобной земли, способа владѣнія землею во время составленія записи (общинный, участковый, четвертной или смѣшанный), оброчную подать, которую ежегодно крестьяне обязаны вносить въ казну и границы крестьянскаго землевладѣнія (ст. 8 прил. къ ст. 17 пол. гос. крест.). Съ изданіемъ положенія о бывшихъ государственныхъ крестьянахъ, общественное ихъ управленіе устроено на тѣхъ же началахъ, какъ у бывшихъ помѣщичьихъ крестьянъ. Вслѣдствіе такого переустройста, судебныя дѣла государственныхъ крестьянъ были подчинены, наравнѣ съ дѣлами другихъ крестьянъ, юрисдикціи однихъ и тѣхъ же судебныхъ и судебно-административныхъ учрежденій (ст. 5 пол. гос. крест.). До реформы 1866 года, всѣ споры и тяжбы государственныхъ крестьянъ между собою объ имуществѣ и по договорамъ, подлежали юрисдикціи сельской расправы, волостной расправы и общихъ судебныхъ мѣстъ (ст. 861 — 865 X т. ч. 2, ст. 318 — 322 уст. благоустр. въ казен. селеніяхъ). Компетенція сельской расправы опредѣлялась сословнымъ началомъ (принадлежностью спорящихъ къ состоянію государственныхъ крестьянъ), цѣною спора или тяжбъ (до 15 руб. включительно) и формою доказательствъ спора или тяжбъ (словесная форма договора, домашніе, нигдѣ незасвидѣтельствованные акты). Замѣтимъ, что это послѣднее начало могло бы быть съ пользою примѣнено къ компетенціи волостныхъ судовъ, такъ какъ среди крестьянъ, вслѣдствіе неграмотности населенія, большинство сдѣлокъ совершается на словахъ или домашнимъ порядкомъ. Волостная расправа составляла апелляціонную инстанцію, а въ качествѣ первой инстанціи разсматривала дѣла по спорамъ о домашнихъ духовныхъ завѣщаніяхъ, явленныхъ въ волостномъ правленіи.

Послѣ этихъ предварительныхъ указаній, обратимся къ разсмотрѣнію вопроса о томъ, кому подсудны дѣла, возникающія изъ поземельнаго устройства государственныхъ крестьянъ. Эти дѣла могутъ возникать до составленія или при предъявленіи крестьянамъ владѣнныхъ записей, или *послѣ* уже выдачи имъ таковыхъ. Спорящими сторонами въ этихъ дѣлахъ могутъ быть отдѣльные домохозяева, цѣлыя селенія или общества крестьянъ, какъ между собою, такъ и съ казною или съ посторонними владѣльцами. Разсмотримъ тѣ и другія дѣла отдѣльно.

А) *Споры, заявленные до выдачи владѣнныхъ записей.* Разсмотрѣніе подсудности этой категоріи дѣлъ, имѣетъ болѣе теоретическій, чѣмъ практическій интересъ, такъ какъ въ настоящее время поземельное устройство государственныхъ крестьянъ остается неоконченнымъ только въ четырехъ сѣверо-восточныхъ губ., въ Черниговской, Полтавской и въ Архангельской губ., но эти дѣла имѣютъ много общихъ чертъ съ дѣлами, возникающими послѣ выдачи владѣнныхъ записей, такъ что выясненіе вопроса о подсудности этихъ дѣлъ, неразрывно связано съ разборомъ постановленій закона о подсудности первыхъ дѣлъ. Порядокъ разрѣшенія споровъ крестьянъ между собою и съ посторонними владѣльцами или съ казною, по праву владѣнія землями и угодьями, подлежащими обозначенію во владѣнныхъ записяхъ, опредѣляется въ законѣ слѣдующимъ образомъ: 1) споры между отдѣльными домохозяевами, по праву владѣнія состоящими въ дѣйствительномъ ихъ пользованіи четвертными землями, наслѣдственными подворными участками или усадебными землями, неподлежащими передѣлу, разрѣшаются на основаніи ст. 95 — 100 общаго пол. о крест. 2) споры по землевладѣнію между цѣлыми селеніями, которыя не разграничены между собою формальнымъ порядкомъ, съ утвержденія судебныхъ мѣстъ или министерства государственныхъ имуществъ, а владѣютъ сообща или чрезполосно, всѣми угодьями или частью ихъ, разрѣшаются сельскимъ сходомъ, составляемымъ изъ домохозяевъ всѣхъ селеній, участвующихъ въ пользованіи сими землями. Если же соглашенія не послѣдуетъ, то споры сіи должны быть разо-

браны мировымъ посредникомъ, на основаніи данныхъ, сообщенныхъ ему мѣстнымъ управленіемъ государственныхъ имуществъ или чиновникомъ составляющимъ запись, въ случаѣ же заявленія крестьянами неудовольствія на рѣшеніе посредника, дѣло рѣшается окончательно губернскимъ по крестьянскимъ дѣламъ присутствіемъ; 3) споры о землевладѣніи и о внѣшнихъ границахъ земель, возникшіе между разными селеніями или обществами, незамежеванными въ одну округу или общую дачу, и основанные на формальныхъ документахъ и планахъ, а не на раздѣлѣ и разграниченіи общихъ и чрезполосныхъ угодій и земель, разбираются судебно-межевымъ порядкомъ; 4) иски о земляхъ, оспариваемыхъ посторонними владѣльцами у государственныхъ крестьянъ, должны быть разрѣшаемы общимъ судебнымъ порядкомъ (ст. 30 п. 1, 2, 3 и 4 прил. къ ст. 17 пол. гос. крест.). Если крестьяне при повѣркѣ владѣнной записи заявятъ, что въ составѣ ихъ надѣла, обложеннаго оброчною податью, находятся земли, пріобрѣтенныя ими въ собственность изъ частнаго владѣнія или данныя имъ Верховною властью, въ прежнее время, въ вотчину,—то крестьянамъ предоставляется отыскивать свои права судебнымъ порядкомъ, на существующемъ основаніи (тамъ же, ст. 32).

Приведенныя законоположенія, казуистически и недостаточно ясно редактированныя, требуютъ ближайшаго разсмотрѣнія. По смыслу приведеннаго перваго пункта ст. 30, если участниками спора являются отдѣльныя домохозяева (крестьяне) и въ основаніи его лежитъ право владѣнія землею, состоящею въ дѣйствительномъ пользованіи спорящихъ и неподлежащаго передѣлу,—то такой споръ подлежитъ юрисдикціи волостнаго суда или общихъ судебныхъ мѣстъ, по правиламъ о подсудности. Такіе споры *о правѣ владѣнія* возможны въ тѣхъ только случаяхъ, когда домохозяинъ получилъ, посредствомъ выдѣла, раздѣла или другимъ способомъ, данный участокъ земли, въ личное, постоянное и потомственное владѣніе (ст. 113—115 уст. о благоустр. въ каз. сел.). При общинномъ же пользованіи мірскимъ надѣломъ, когда земля подлежитъ періодически передѣлу, право владѣнія землею принад

лежитъ всей общинѣ въ совокупности, а каждому домохозяину въ отдѣльности принадлежитъ лишь *долевое участіе въ пользованіи* землею, на опредѣленныхъ условіяхъ и съ извѣстными ограниченіями. Во всѣхъ случаяхъ, предусмотрѣнныхъ названными ст. 30 и 32, объектомъ спора должны быть земли и угодья, которыя во время составленія владѣнныхъ записей находятся *въ дѣйствительномъ пользованіи* отдѣльныхъ домохозяевъ и крестьянскихъ обществъ и относительно которыхъ *предполагается*, что они составляютъ крестьянскій надѣлъ, почему и подлежатъ обозначенію во владѣнныхъ записяхъ. Главнымъ основаніемъ для составленія владѣнныхъ записей служилъ, какъ показано выше, фактъ существующаго у государственныхъ крестьянъ землевладѣнія. Составители владѣнныхъ записей могли застать тотъ или другой типъ землевладѣнія или нѣсколько типовъ, въ одномъ и томъ же селеніи: общинный, участковый, наслѣдственный, четвертной, смѣшанный и др. Въ такомъ же видѣ, безъ всякаго измѣненія, эти формы землевладѣнія вносились во владѣнныя записи. Если въ какомъ нибудь обществѣ или селеніи существовали рядомъ общинный и подворный или наслѣдственный способъ владѣнія, то въ приложеніи къ владѣнной записи обозначалось названіе домохозяевъ, владѣющихъ надворно или наслѣдственно, число четвертей или десятинъ и количество оброчной подати (ст. 8 прил. къ ст. 17 пол. гос. крест. и образцы владѣнныхъ записей). Право владѣнія одного домохозяина участкомъ земли или усадебною землею, могло быть ко времени составленія владѣнныхъ записей оспариваемо другими хозяевами; подобные споры подлежатъ юрисдикціи волостныхъ или общихъ судовъ.

Вышеизложенные 2 и 3 п. ст. 30 относятся къ спорамъ между цѣлыми селеніями или обществами государственныхъ крестьянъ. Система землевладѣнія у государственныхъ крестьянъ, до 1866 года, была основана на соразмѣрномъ, уравнительномъ по числу ревизскихъ душъ, раздѣленіи казенныхъ земель между казенными селеніями, замежеванными въ одну округу или общую дачу (ст. 10 и 18 уст. благоустр.

въ каз. сел.). Селенія или общества владѣли землями въ разныхъ дачахъ, каждое отдѣльно къ однимъ мѣстамъ или въ одной дачѣ, всѣ вмѣстѣ сообща или чрезполосно. Въ послѣднемъ случаѣ, палаты государственныхъ имуществъ составляли проекты раздѣла земель по обществамъ и приводили ихъ, *при согласіи крестьянъ*, въ исполненіе натурою, по правиламъ о размежеваніи общаго и чрезполоснаго владѣнія (тамъ же, ст. 21). Такимъ образомъ, ко времени составленія владѣнныхъ записей существовали двѣ главныя формы землевладѣнія государственныхъ крестьянъ: а) совмѣстное и чрезполосное владѣніе нѣсколькихъ обществъ или селеній, замежеванныхъ въ одну общую дачу, б) опредѣленныя между собою владѣнія нѣсколькихъ обществъ или селеній (ст. 6 и 2 п. ст. 12 прил. къ ст. 17 пол. гос. крест.). Законъ предусматриваетъ споры между цѣлыми селеніями или обществами крестьянъ, ири обѣихъ формахъ землевладѣнія: а) споры по землевладѣнію первой формы (ст. 30 п. 2) предварительно разсматриваются сельскимъ сходомъ; этотъ сходъ составляется изъ домохозяевъ всѣхъ селеній и дѣятельность его заключается въ соглашеніи спорящихъ; если же соглашенія не состоится, споръ подлежитъ разсмотрѣнію и разрѣшенію мироваго посредника, а тамъ, гдѣ этотъ институтъ отмѣненъ, непремѣннаго члена уѣзднаго по крестьянскимъ дѣламъ присутствія (п. 5 и 7 ст. 151 пол. учр. крест.). Здѣсь опять выдвигается взглядъ законодателя на юридическую природу подобныхъ дѣлъ и на задачу крестьянскихъ учрежденій. Мы уже указывали выше на презумпцію закона, что тѣ спорныя отношенія между крестьянами, которыя тѣсно связаны съ ихъ внутреннимъ экономическимъ строемъ и которыя притомъ лишены строгихъ, формальныхъ доказательствъ, необходимыхъ въ общихъ судахъ,—могутъ быть разбираемы учрежденіями по крестьянскимъ дѣламъ гораздо успѣшнѣе и ближе къ истинѣ, нежели общими судами. Въ настоящемъ случаѣ, при спорахъ по землевладѣнію между цѣлыми селеніями, ни та, ни другая сторона, не имѣютъ въ рукахъ никакихъ письменныхъ доказательствъ въ подтвержденіе спора или возра-

женія; нѣтъ тѣхъ „формальныхъ документовъ и плановъ,“ которые свидѣтельствовали бы передъ судомъ, какое изъ спорящихъ селеній правильно владѣетъ и пользуется землею. Мировой посредникъ или непремѣнный членъ уѣзднаго присутствія, не стѣсненъ закономъ въ собираніи справокъ и данныхъ изъ управленія государственныхъ имуществъ и отъ чиновника, составляющаго владѣнныя записи,—и на основаніи этихъ данныхъ, споръ можетъ быть разрѣшенъ правильно. Въ общихъ же судахъ такой порядокъ производства дѣлъ не примѣнимъ, въ силу строгаго состязательнаго процеса и системы доказательствъ, по дѣламъ о недвижимыхъ имуществахъ.

б) Споры о землевладѣніи и о внѣшнихъ границахъ между селеніями или обществами, разграниченными между собою формальнымъ порядкомъ, подлежатъ юрисдикціи общихъ судебныхъ мѣстъ т. е. окружныхъ судовъ въ судебно-межевомъ порядкѣ (п. 3 ст. 30). Въ этомъ случаѣ, споръ основанъ на формальныхъ документахъ и планахъ, почему разсмотрѣніе его общими судами не представляетъ указанныхъ выше неудобствъ и стѣсненій для крестьянъ; но и здѣсь было бы полезно, въ видахъ практическихъ удобствъ, предоставить преюдиціально разрѣшеніе спора сельскому сходу, въ качествѣ примирительной инстанціи и только въ случаѣ неуспѣшности примиренія, подчинить эти дѣла компетенціи общихъ судовъ (см. ниже). Юрисдикціи окружныхъ судовъ подлежатъ также иски постороннихъ владѣльцевъ о правѣ собственности на земли, состоящія въ пользованіи государственныхъ крестьянъ (4 п. ст. 30). Компетенція общихъ судовъ, относительно этихъ дѣлъ, разумѣется сама собою: истцомъ является лицо, непринадлежащее къ крестьянскому сословію, а предметъ иска—право собственности на недвижимое имущество. Иски крестьянъ о правѣ собственности на земли, состоящія въ ихъ пользованіи и обложенныя оброчною податью, подсудны окружнымъ судамъ (ст. 32). Истцомъ, въ этомъ случаѣ, могутъ быть или отдѣльные крестьяне или цѣлое крестьянское общество; отвѣтчикомъ—казна, въ лицѣ управленія государственныхъ имуществъ. Фактъ пользованія госу-

дарственныхъ крестьянъ землею, служитъ основаніемъ предположенію, что эта земля составляетъ крестьянскій надѣлъ, на который право собственности принадлежитъ казнѣ и который слѣдовательно долженъ быть включенъ во владѣнную запись; такая презумпція можетъ быть опровергнута не иначе, какъ путемъ судебнаго иска и рѣшенія о правѣ собственности крестьянъ на отведенныя земли.

Указанные въ ст. 30 и 32 иски и споры не могутъ служить основаніемъ къ пріостановленію составленія, предъявленія и выдачи владѣнныхъ записей. Во владѣнную запись каждаго селенія вносятся спорныя земли, которыя при составленіи записи оказались въ дѣйствительномъ пользованіи того селенія; спорные участки отдѣльныхъ домохозяевъ показываются за тѣми, въ пользованіи коихъ окажутся при предъявленіи записи, съ указаніемъ въ томъ и другомъ случаяхъ, какія земли и кѣмъ оспариваются (ст. 7, 13, 31 и 32 прил. къ ст. 17 пол. гос. крест.).

Изъ изложеннаго видно, что въ законѣ опредѣлена подсудность двухъ категорій дѣлъ, возможныхъ до выдачи владѣнныхъ записей: а) дѣла, въ которыхъ участвуютъ одни крестьяне или крестьянскія общества; б) дѣла, въ которыхъ участвуютъ крестьяне съ одной стороны, а посторонніе владѣльцы или казна съ другой. Въ первой группѣ дѣлъ, основаніемъ споровъ служитъ право владѣнія и пользованія крестьянъ на входящую въ составъ крестьянскаго надѣла землю (право собственности на эти земли принадлежитъ казнѣ); во второй группѣ дѣлъ, основаніемъ иска служитъ право собственности постороннихъ лицъ, непринадлежащихъ къ крестьянскому сословію или самихъ крестьянъ, на состоящую въ ихъ пользованіи землю. Если дѣла второй группы отнесены къ юрисдикціи общихъ судовъ на томъ основаніи, что въ нихъ участвуютъ постороннія лица или казна, и основаны они на правѣ собственности на недвижимое имущество (ст. 322 XII т. ч. 2, ст. 842, 865 X т. ч. 2, 1 и 2 п. ст. 31 и 201 уст. гр. суд.), то къ подчиненію юрисдикціи тѣхъ же общихъ судовъ, нѣкоторыхъ дѣлъ первой группы, не представляется достаточ-

наго основанія. По ст. 843 X т. ч. 2, споры и тяжбы между селеніями одного сельскаго общества или между сельскими обществами о казенныхъ, состоящихъ въ ихъ пользованіи земляхъ, подлежатъ разбору палаты государственныхъ имуществъ. Законъ слѣдовательно не дѣлаетъ различія, разграничены ли эти селенія между собою формальнымъ порядкомъ или нѣтъ; въ обоихъ случаяхъ споры разбираются административнымъ учрежденіемъ, представителемъ собственника спорнаго имущества—казны. Отчего же позднѣйшій законъ подвергаетъ нѣкоторыя изъ указанныхъ выше дѣлъ, разбору общихъ судебныхъ мѣстъ? Въ видахъ скорѣйшаго разрѣшенія этихъ споровъ, спутывающихъ правильное и спокойное землевладѣніе крестьянъ, и въ видахъ болѣе упрощеннаго, нестѣсненнаго формализмомъ разсмотрѣнія этихъ споровъ и болѣе свободной оцѣнки доказательствъ, слѣдовало-бы предоставить эти дѣла предварительному разбору сельскаго схода, съ цѣлью примиренія сторонъ и затѣмъ, въ случаѣ неуспѣха, отнести эти дѣла къ юрисдикціи учрежденій по крестьянскимъ дѣламъ. Мы выше видѣли, что многія крестьянскія дѣла, часто исковаго свойства, подчинены вѣдѣнію крестьянскихъ учрежденій, даже и такія дѣла, въ которыхъ кромѣ крестьянъ участвуютъ и лица другихъ сословій (помѣщики). Очевидно, что законъ отступилъ отъ принципа отдѣленія судебной власти отъ административной въ виду практическихъ соображеній пользы, которыя до сихъ поръ сохранили свое значеніе и еще въ большей степени примѣнимы къ упомянутымъ въ 1 и 3 п. ст. 30 дѣламъ. Кромѣ того, къ спорамъ, указаннымъ въ п. 3 ст. 30, судебно-межевой порядокъ, по нашему мнѣнію, едва-ли можетъ имѣть примѣненіе. Судебно - межевое разбирательство учреждено для разсмотрѣнія правъ владѣльцевъ, въ дачахъ общаго и чрезполоснаго владѣнія, съ цѣлью опредѣлить то, что имъ по правамъ принадлежитъ, и отдѣлить, по удобности, участки въ особое каждаго владѣніе (ст. 1143 X т. ч. 3 зак. меж.). Задача этой формы судебнаго разбирательства заключается въ опредѣленіи пространства, мѣстности и границъ владѣнія каждаго изъ участвующихъ въ

дѣлѣ владѣльцевъ, и этому разбирательству должно предшествовать полюбовно-межевое разбирательство (тамъ же, ст. 1144, 1170). Въ 3 п. ст. 30 говорится о селеніяхъ, раздѣленныхъ и размежеванныхъ между собою формальнымъ порядкомъ; здѣсь, слѣдовательно, владѣніе каждаго селенія или общества точно опредѣлено и споръ можетъ происходить по поводу завладѣнія землею или нарушенія межевыхъ границъ, каковые споры подлежатъ разсмотрѣнію въ общемъ порядкѣ судопроизводства (ст. 851 и 852 X т. ч. 2, ст. 1, 29, 212, 213 уст. гр. суд.).

Б) *Споры, предъявленные послѣ выдачи владѣнныхъ записей*. Со времени выдачи государственнымъ крестьянамъ владѣнныхъ записей, прекращается всякое участіе управленія государственными имуществами въ дѣлахъ спорныхъ и судебныхъ, касающихся вошедшихъ во владѣнныя записи земель; защита же правъ казны, по отношенію къ государственной оброчной подати, которою земли тѣ обложены, возлагается на вѣдомство министерства финансовъ (ст. 1 прим. къ ст. 15 и ст. 38 прил. къ ст. 17 пол. гос. крест.). Предварительно разсмотрѣнія вопроса о подсудности исковыхъ дѣлъ, возникшихъ послѣ выдачи владѣнныхъ записей, замѣтимъ, что законъ различаетъ два понятія права собственности крестьянъ на отведенныя имъ въ надѣлъ земли и угодья: неполное и полное право собственности. Послѣ полученія владѣнной записи, государственные крестьяне становятся крестьянами—собственниками, но неполными: право собственности, какъ всего общества, такъ и отдѣльныхъ членовъ его, на отведенный имъ надѣлъ, стѣснено ограниченіями, указанными въ ст. 15 пол. госуд. крест. (ст. 16 пол. гос. крест.). Распоряжаться надѣломъ крестьяне могутъ лишь настолько, насколько этими распоряженіями не стѣсняется и не нарушается право казны на полученіе государственной оброчной подати, такъ какъ эта послѣдняя обезпечивается крестьянскимъ надѣломъ (п. 5 ст. 3 пол. гос. крест. 187—191 ст. общ. пол.) Поэтому всякое видоизмѣненіе въ способѣ владѣнія и пользованія надѣломъ, выдѣлъ участковъ отдѣльнымъ домохозяе-

вамъ, раздѣлъ земли на подворные участки и разные способы отчужденія земли, совершаются при участіи и подъ контролемъ крестьянскихъ учрежденій и при соблюденіи извѣстныхъ формальностей (ст. 15, примѣчаніе 1 и прилож. пол. гос. крест.). Полное, неограниченное право собственности крестьянъ на надѣлъ, начинается лишь съ того момента, когда все сельское общество или отдѣльные владѣльцы подворныхъ участковъ, освобождаются отъ платежа государственной оброчной подати, взносомъ въ казну соотвѣтствующаго капитала (тамъ же, ст. 24 и 25).

Общій признакъ всѣхъ исковыхъ дѣлъ крестьянъ, предусмотрѣнныхъ закономъ и возникающихъ до или послѣ выдачи владѣнныхъ записей, заключается въ томъ, что они имѣютъ предметомъ своимъ земли и угодья, входящія или уже вышедшія во владѣнныя записи. Очевидно, что дѣла возникающія послѣ выдачи записи, прямо касаются интересовъ казны, получающей за надѣлъ опредѣленную государственную оброчную подать: отъ измѣненія или уменьшенія крестьянскаго надѣла измѣняется или уменьшается размѣръ этой подати. Всѣ эти дѣла, по смыслу прил. къ ст. 15 (прим. 2) пол. гос. крест., подсудны окружнымъ судамъ. Законъ предусматриваетъ слѣдующіе иски и споры: а) Иски цѣлыхъ крестьянскихъ обществъ или отдѣльныхъ крестьянъ (если земля состоитъ въ подворномъ владѣніи) къ казнѣ, представителемъ которой является мѣстная казенная палата, о правѣ собственности на земли, вошедшія во владѣнныя записи и объ исключеніи этихъ земель изъ оклада государственной оброчной подати (тамъ же ст. 2—5). Предварительно начатія дѣла въ судѣ крестьянскомъ, предоставляется заявить свое требованіе объ исключеніи земли изъ оклада оброчной подати, съ представленіемъ надлежащихъ доказательствъ мѣстной казенной палатѣ, которая разрѣшаетъ это требованіе въ теченіи шестимѣсячнаго срока. Но такое предварительное обращеніе съ своими требованіями къ административной власти, необязательно для крестьянъ: они могутъ начать *прямо* судебный искъ, а въ случаѣ заявленія требованія въ административ-

номъ порядкѣ, не выжидать окончанія 6-ти мѣсячнаго срока; казна въ этихъ случаяхъ освобождается отъ уплаты истцу судебныхъ издержекъ, въ той части иска, которую казна признаетъ правильною до постановленія судомъ рѣшенія (тамъ же). Для ограниченія числа подобныхъ дѣлъ, веденіе которыхъ въ окружномъ судѣ сопряжено для крестьянъ, въ большинствѣ случаевъ, съ значительными затрудненіями и издержками, было бы, по нашему мнѣнію, цѣлесообразно постановить, что предварительно предъявленія иска въ судѣ, крестьянское общество или отдѣльные крестьяне обязаны обратиться съ своими требованіями въ казенную палату и только въ случаѣ неудовлетворенія палатою требованій крестьянъ въ 6-ти мѣсячный срокъ, они обращаются съ искомъ въ судъ. Административный порядокъ производства означенныхъ дѣлъ, представляется гораздо проще и скорѣе судебнаго порядка и не требуетъ почти никакихъ расходовъ ни для истца, ни для казны. Предлагаемая мѣра только отсрочиваетъ на извѣстное время осуществленіе крестьянами права и нѣтъ сомнѣнія, что число судебныхъ исковъ значительно бы сократилось.

б) Иски одного крестьянскаго общества къ другому и иски стороннихъ лицъ, невходящихъ въ составъ обществъ, къ симъ послѣднимъ. Эти иски, имѣя въ своемъ основаніи право собственности истца на вошедшую во владѣнную запись отвѣтчика землю, направлены къ тому, чтобы изъять ее изъ владѣнія отвѣтчика. Такъ какъ отъ рѣшенія этихъ дѣлъ въ пользу истца или отвѣтчика, зависитъ интересъ казны, получающей оброчную подать, то законъ предоставляетъ казнѣ принять участіе въ дѣлѣ, въ качествѣ третьяго лица или просить „о пересмотрѣ рѣшенія“ (казна, въ качествѣ третьяго лица, неучаствующаго въ дѣлѣ, можетъ просить объ *отмѣнѣ рѣшенія*, коимъ нарушены ея права, но не о *пересмотрѣ рѣшенія*, о чемъ могутъ просить только тяжущіеся; ст. 792 794 и 795 уст. гр. суд.). Равнымъ образомъ, истецъ и отвѣтчикъ имѣютъ право привлечь казну къ дѣлу, въ качествѣ третьяго лица (ст. 6—8 прилож. къ ст. 15 полож. госуд. крест.).

в) Судебныя дѣла о разводѣ и размежеваніи земель, вошедшихъ во владѣнныя записи (тамъ же ст. 9: „судебныя дѣла о разводѣ и размежеваніи земель, вошедшихъ во владѣнныя записи, подлежать, въ отношеніи участія въ нихъ казны, правиламъ, указаннымъ выше въ ст. 6—8“). Эти дѣла могутъ происходить между крестьянскими обществами или селеніями, или между ними и частными, посторонними владѣльцами. Мы уже упоминали о томъ, что основаніемъ къ возбужденію судебно-межевыхъ дѣлъ служитъ общее и нераздѣльное или чрезполосное владѣніе нѣсколькихъ владѣльцевъ. Цѣль судебно-межеваго разбирательства — опредѣлить пространство и мѣстность каждаго участка отдѣльно, къ однимъ мѣстамъ (ст. 1143 и 1170 X т. ч. 3). Въ этомъ случаѣ, назначаются границы каждаго отдѣльнаго владѣнія. Владѣнныя записи составляются по каждому селенію особо, но если нѣсколько селеній, образуя одну общую дачу, не разграничены между собою и владѣютъ сообща и нераздѣльно или чрезполосно всѣми угодьями или частью ихъ, тогда для этихъ селеній составляется одна владѣнная запись (ст. 6 и 2 п. ст. 12 прил. къ ст. 17 пол. гос. кр.). Равнымъ образомъ, земля можетъ находиться въ общемъ владѣніи крестьянъ и постороннихъ владѣльцевъ (тамъ же ст. 12 п. 3 и 6). Въ этихъ случаяхъ общаго или чрезполоснаго владѣнія, могутъ возникать споры о пространствѣ, мѣстности и о границахъ владѣнія какъ между крестьянскими обществами, такъ между ними и посторонними владѣльцами. Эти споры, по смыслу приведенной 9 статьи, подлежать юрисдикціи окружнаго суда, въ судебно-межевомъ порядкѣ, *только при наличности извѣстныхъ условій* (см. ниже). Понятно, что и эти межевые споры сопряжены съ интересомъ казны, ибо въ случаѣ отмежеванія изъ крестьянскаго надѣла части земель и угодій въ личную собственность крестьянъ или частныхъ владѣльцевъ, эта часть не можетъ подлежать платежу государственной оброчной подати. На этомъ основаніи законъ допускаетъ, при производствѣ означенныхъ дѣлъ, вступленіе или привлеченіе казны въ качествѣ третьяго лица. Судебно-межевому разби-

рательству должно предшествовать производство полюбовнаго развода и размежеванія и лишь только, когда полюбовное соглашеніе между совладѣльцами не будетъ достигнуто, дѣло поступаетъ въ судъ съ соблюденіемъ порядка, указаннаго во временныхъ правилахъ производства межевыхъ дѣлъ т. е. съ подачею исковаго прошенія въ окружный судъ (ст. 857 X т. ч. 2, 1144 ст. X т. ч. 3 и 1 ст. прил. къ ст. 202 уст. гр. суд., кас. рѣш. №№ 904—1871 г., 240—1878 г.). Изъ сопоставленія ст. 6 и 9 прил. къ ст. 15 (прим. 2) пол. гос. кр. вытекаетъ, что первая статья относится къ искамъ, предъявляемымъ крестьянскимъ обществомъ или постороннимъ лицомъ, къ крестьянскому же обществу и имѣющимъ своимъ предметомъ споръ о правѣ собственности истца на недвижимое имущество; статья же 9 касается, главнымъ образомъ, споровъ крестьянскихъ обществъ между собою или съ сторонними лицами о мѣстности и границахъ владѣнія; здѣсь нѣтъ собственно спора о правѣ на недвижимое имущество; это право въ извѣстной степени предполагается существующимъ у каждаго изъ совладѣльцевъ и ими неотрицается. Здѣсь споръ сосредоточивается преимущественно на матеріальномъ опредѣленіи пространства и границъ владѣнія каждаго, собраннаго къ однимъ мѣстамъ такъ, что цѣль, которую преслѣдуютъ совладѣльцы,— это превратить неопредѣленное и разбросанное въ разныхъ мѣстахъ владѣніе, въ одно цѣлое и конкретно-опредѣленное (кас. рѣш. №№ 174—1871 г., 150—1879 г.). Конечно, во время производства дѣла могутъ быть возбуждаемы споры о самомъ правѣ на недвижимое имущество, но они возникаютъ только по поводу и вслѣдствіе уже начатаго дѣла о размежеваніи и не лежатъ въ основаніе его (ср. Побѣдоносцевъ — курсъ гражд. права т. II стр. 38 и 39).

Разсматриваемая 9 ст. прил. по краткости и неточности формулировки возбуждаетъ, по отношенію къ вопросу о подсудности, нѣкоторыя недоумѣнія. Мы уже видѣли прежде, что законъ установляетъ судебно-межевой порядокъ для разбора нѣкоторыхъ споровъ, возникающихъ *до выдачи* крестьянамъ владѣнныхъ записей (п. 3 ст. 30 прил. къ ст. 17). Такіе же

споры возможны и *послѣ* выдачи владѣнныхъ записей; слѣдовательно, какъ тамъ, такъ и здѣсь, для подсудности означенныхъ дѣлъ окружному суду требуется: 1) чтобы владѣльцы—крестьянскія селенія или общества, между которыми происходитъ споръ, не были замежеваны въ одну округу или общую долю, 2) чтобы споры были основаны на формальныхъ документахъ и планахъ. Какому же суду или учрежденію подсудны дѣла по спорамъ о разводѣ и размежеванію между сельскими обществами или селеніями, замежеванными въ одну округу или общую дачу и получившими одну владѣнную запись? Законъ, какъ мы видѣли, различаетъ полное и неполное право собственности бывшихъ государственныхъ крестьянъ на надѣлъ. Исходя изъ этого различія понятій собственности, на основаніи п. 3 ст. 30 прил. къ ст. 17 по argumentum a contrario и примѣняясь ко 2 п. той же ст. 30, мы думаемъ, что поставленный вопросъ можетъ быть разрѣшенъ въ томъ смыслѣ, что пока крестьяне пользуются неполнымъ правомъ собственности (т. е. платятъ ежегодный оброкъ за надѣлъ),—указанныя въ вопросѣ дѣла, разрѣшаются сельскимъ сходомъ, составленнымъ изъ домохозяевъ селеній или обществъ, участвующихъ въ спорѣ; если же соглашенія не послѣдуетъ, то споры эти должны быть разобраны непремѣннымъ членомъ уѣзднаго присутствія, а въ случаѣ заявленія крестьянами неудовольствія, дѣло разрѣшается окончательно губернскимъ по крестьянскимъ дѣламъ присутствіемъ (членами присутствія между прочимъ состоятъ, согласно 158 ст. пол. учр. крест., управляющіе государственными имуществами и казенной палатою). Но послѣ пріобрѣтенія крестьянами полнаго права собственности на надѣлъ, когда слѣдовательно всякія обязательныя отношенія ихъ къ казнѣ прекращаются, упомянутыя дѣла должны разбираться общими судебными мѣстами. Общимъ же судамъ подсудны всѣ споры о разводѣ и размежеваніи, если въ нихъ, кромѣ крестьянъ, участвуютъ и лица другихъ сословій. Обращаясь затѣмъ къ разсматриваемой нами 9 ст. прил. къ ст. 15, мы видимъ, что эта статья касается земель, на которыя выданы владѣнныя записи (это видно и изъ самого за-

головка приложенія). Категорическое выраженіе закона „судебныя дѣла о разводѣ и размежеваніи земель“, приводитъ на первый взглядъ къ заключенію, что законъ относитъ *безусловно всѣ* дѣла о разводѣ и размежеваніи къ юриспруденціи окружнаго суда, при какихъ бы условіяхъ и на какомъ основаніи эти дѣла ни возбуждались. Но такое заключеніе идетъ въ разрѣзъ съ изложенными соображеніями, вытекающими изъ внутренняго смысла п. 2 и 3 ст. 30 прил. и не согласуется со взглядомъ „положеній“ на судебно-административныя функціи учрежденій по крестьянскимъ дѣламъ, относительно нѣкоторыхъ группъ крестьянскихъ дѣлъ. Въ виду этого, статью 9 слѣдуетъ интерпретировать въ смыслѣ, болѣе согласномъ съ духомъ закона и съ настоящимъ положеніемъ крестьянскаго землевладѣнія, а именно, что общему (окружному) суду подсудны *безусловно* дѣла о разводѣ и размежеваніи между крестьянскими обществами и посторонними владѣльцами; дѣла же о разводѣ и размежеваніи крестьянскихъ обществъ между собою, подсудны окружному суду въ томъ лишь случаѣ, когда крестьяне пріобрѣли *полное* право собственности на земли, о размежеваніи которыхъ возникло судебное дѣло. Предлагаемый способъ истолкованія ст. 9, вполнѣ гармонируетъ съ указанными выше общими началами, на которыхъ построенъ современный бытъ крестьянскаго населенія и кромѣ того, оправдывается соображеніями практической пользы, такъ какъ судебно-межевой порядокъ производства дѣлъ, какъ извѣстно, отличается своею довольно сложною и продолжительною процедурою.

2) Иски и споры между церковью и крестьянскимъ обществомъ о правахъ церкви на надѣлъ и о самой нарѣзкѣ надѣла (ст. 13 и 14 прил. къ ст. 15). Въ выдаваемыхъ крестьянамъ владѣнныхъ записяхъ, должно быть показано пространство и мѣстность земель, предоставленныхъ въ узаконенный надѣлъ церковнымъ причтамъ, каковой надѣлъ исключается изъ состава надѣла селенія или общества (ст. 19 прил. 17 и IV п. образца владѣнныхъ записей). Всѣ иски и споры (о правѣ на надѣлъ, о размѣрѣ и границахъ его), вытекающіе

изъ отношенія церковнаго надѣла къ крестьянскому, подлежатъ вѣдѣнію окружнаго суда, какъ всякій споръ о правѣ на недвижимое имущество.

III.

Изъ сдѣланнаго нами очерка подсудности исковыхъ дѣлъ бывшихъ помѣщичьихъ и государственныхъ крестьянъ, видно, что дѣйствующее законодательство распредѣляетъ эти дѣла между юрисдикціею волостныхъ судовъ, учрежденій по крестьянскимъ дѣламъ, мировыхъ и общихъ судебныхъ установленій. Компетенція всѣхъ этихъ учрежденій опредѣляется тремя факторами: цѣною иска, основаніемъ и предметомъ иска и сословіемъ лицъ, участвующихъ въ дѣлѣ. Мы указывали также на добровольную юрисдикцію, зависящую отъ воли и согласія участвующихъ въ дѣлѣ сторонъ. Для полноты нашего изложенія необходимо нѣсколько ближе опредѣлить юрисдикцію волостныхъ судовъ. Казуистичность ст. 96 общ. пол. о крест., указывающей предметы вѣдомства волостнаго суда и отсутствіе общаго, руководящаго принципа, возбуждаютъ, при изслѣдованіи вопроса о подсудности, сомнѣнія, требующія разъясненія.

Въ практикѣ волостныхъ судовъ встрѣчается много дѣлъ, связанныхъ по свойству своему съ условіями экономическаго быта и казеннымъ устройствомъ крестьянъ. Такъ, волостные суды разбираютъ дѣла, относящіяся къ разряду такъ назыв. сервитутовъ, а именно: дѣла о правѣ перехода и проѣзда сосѣдей владѣльца по улицѣ, ведущей къ ихъ домамъ, объ обязанности владѣльца предоставить изъ своей земли необходимое количество для устройства переулка, дать опредѣленной ширины дорогу для прогона скота къ водопою, доставить проходъ и проѣздъ черезъ свои земли къ владѣніямъ посторонняго лица, срубить вѣтви деревьевъ, свѣсившіяся на усадьбу сосѣда, допустить сосѣда пользоваться водою изъ колодца владѣльца, если тотъ не имѣетъ никакого другаго способа удовлетворять такія нужды и т. под. (см. Пахманъ, Обычное право т. I стр. 27—33). Эти и другія дѣла, относящіяся къ

сосѣдскому праву и къ ограниченіямъ права собственности, хотя и не указаны прямо, въ приведенной ст. 96 общ. пол., но они, въ большинствѣ случаевъ, касаются сферы имущественныхъ правъ, въ предѣлахъ крестьянскаго надѣла, и нѣтъ никакого разумнаго основанія исключить эти дѣла изъ юрисдикціи волостнаго суда. Если по смыслу 96 ст. волостной судъ компетентенъ, въ предѣлахъ подсудности, разбирать дѣла о правахъ на недвижимое имущество (въ томъ числѣ и о правѣ владѣнія и пользованія), то и дѣла о правѣ участія, должны подлежать юрисдикціи волостныхъ судовъ. Но по характеру подобныхъ дѣлъ, къ нимъ цѣна иска не можетъ имѣть примѣненія. Въ крестьянскомъ быту встрѣчаются также нерѣдко дѣла о завладѣніи чужимъ недвижимымъ имуществомъ и о неправомъ пользованіи таковымъ (засѣвъ чужаго поля, порубка въ чужомъ лѣсу, кошеніе и уборка сѣна на чужихъ лугахъ, тяганіе мха на чужой землѣ, вырытіе камня, ловля рыбы въ чужихъ водахъ, порубка капусты въ чужихъ огородахъ, вырываніе лука на чужой усадьбѣ, самовольная пастьба скота). Эти дѣла также принимаются волостными судами (Пахманъ, т. I стр. 338, 339, 344—350). Строй крестьянскаго хозяйства, общность интересовъ міра, воззрѣнія крестьянъ на трудъ, какъ на одинъ изъ главныхъ источниковъ имущественныхъ правъ, придаютъ означеннымъ дѣламъ специфическій характеръ, такъ что изъятіе ихъ изъ вѣдѣнія народнаго сословнаго суда, рѣшающаго обыкновенно подобныя дѣла, на основаніи мѣстныхъ обычаевъ, и передача ихъ въ общія судебныя мѣста, внесли бы немалую путаницу въ экономическую и юридическую жизнь народа. При неясности закона, названныя дѣла должны быть отнесены, отчасти, къ дѣламъ о правѣ на недвижимое имущество, къ дѣламъ о вознагражденіи за убытки, о которыхъ говоритъ ст. 96 общ. полож.

Есть большая группа крестьянскихъ дѣлъ, вытекающихъ изъ институтовъ семейнаго и наслѣдственнаго права. Каковъ бы ни былъ господствующій принципъ семейно-юридическаго быта крестьянъ, на чемъ бы ни были основаны семья и на-

слѣдство у крестьянъ—на началѣ-ли артельно-трудовомъ или на началѣ кровнаго родства, несомнѣнно то, что въ семейномъ и наслѣдственномъ правѣ крестьянскаго, по преимуществу земледѣльческаго сословія, вслѣдствіе исторической судьбы его, элементъ хозяйственно-экономическій перевѣшиваетъ этическій элементъ и проявляетъ свое воздѣйствіе на организацію крестьянской семьи и на правовыя отношенія между отдѣльными членами ея.

Сплоченіе или распаденіе крестьянскаго семейства, расширеніе или сокращеніе его, большая или меньшая интенсивность дѣйствующихъ въ семьѣ рабочихъ силъ, обусловливаютъ ростъ или упадокъ крестьянскаго хозяйства. Юридическая природа крестьянской семьи (большой или малой) опредѣляется, главнымъ образомъ, двумя моментами: личнымъ трудомъ и общностью семейнаго имущества; кровное родство отступаетъ на второй планъ, предъ экономическимъ принципомъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, крестьянскій семейно-хозяйственный бытъ находится въ постоянной зависимости отъ системы мірскаго землевладѣнія и испытываетъ на себѣ давленіе, указанныхъ выше, общихъ началъ крестьянскаго общежитія. Естественно послѣ этого, что воззрѣнія сельскаго крестьянскаго населенія на институты семейнаго и наслѣдственнаго права, должны во многомъ отличаться отъ воззрѣній, формулированныхъ въ нашихъ гражданскихъ законахъ. При современномъ состояніи у насъ оффиціальнаго гражданскаго права и процеса, приспособленныхъ преимущественно къ болѣе или менѣе культурнымъ классамъ населенія, нельзя, по нашему мнѣнію, распространять безусловно компетенцію общихъ судовъ на семейныя и наслѣдственныя дѣла крестьянъ. Нельзя уже потому, что нормы нашего писаннаго семейно-наслѣдственнаго права, въ большинствѣ случаевъ, не совпадаютъ съ нормами народно-обычнаго права, а наша судебная процедура, при производствѣ означенныхъ дѣлъ, не отвѣчаетъ интересамъ и настоящему положенію большинства сельскаго состоянія (ср. Тютрюмовъ, „Крестьянское наслѣдственное право“ въ жур. Слово за 1881 г. кн. 2 стр. 46, 54—56, 60, 68, 82—

85). На этомъ основаніи намъ кажется, что до объединенія страны въ одномъ общемъ гражданскомъ уложеніи, слѣдуетъ подчинить семейно-наслѣдственныя дѣла крестьянъ юрисдикціи народнаго, волостнаго суда, независимо отъ цѣны спора или тяжбы, если спорное имущество входитъ въ составъ крестьянскаго надѣла и его принадлежностей. Сила и дѣйствіе крестьянскихъ обычаевъ въ сферѣ наслѣдственнаго права, оффиціально признаны самимъ закономъ. По ст. 38 общ. пол. въ порядкѣ наслѣдованія имуществомъ, крестьянамъ дозволяется руководствоваться мѣстными своими обычаями. Та же мысль выражена въ императивной формѣ въ ст. 166 пол. о выкупѣ: участки, пріобрѣтенные не всѣмъ обществомъ, а отдѣльными домохозяевами, составляютъ личную собственность и переходятъ по наслѣдству, согласно существующимъ мѣстнымъ обычаямъ. По ст. 93 пол. малорос. порядокъ наслѣдованія семейными участками и порядокъ семейныхъ раздѣловъ, опредѣляются мѣстными обычаями (см. тамже ст. 107 общ. пол. и ст. 110 пол. великорос.). И гражданскіе наши законы признаютъ, что для сельскихъ обывателей существуетъ особый порядокъ наслѣдованія, различный отъ общаго порядка (5 п. ст. 1184 и примѣч. X т. 1 ч. по прод. 1876 г.). Такое отношеніе писаннаго закона къ народнымъ обычаямъ въ наслѣдственномъ правѣ и самое учрежденіе волостныхъ судовъ, руководствующихся преимущественно обычаемъ, вполнѣ подтверждаетъ наше мнѣніе, что подсудность крестьянскихъ дѣлъ о наслѣдствѣ, въ томъ числѣ и раздѣла наслѣдства или общаго семейнаго имущества, волостному суду, не должна находиться въ зависимости отъ цѣны спора или тяжбы, установленной въ ст. 96 об. пол. Тоже самое относительно подсудности дѣлъ, вытекающихъ изъ взаимныхъ личныхъ и имущественныхъ отношеній между членами крестьянской семьи, тѣмъ болѣе, что часто, по этимъ дѣламъ, требованія сторонъ невозможно переложить на деньги (напр. дѣла о совмѣстномъ сожитіи супруговъ, дѣтей съ родителями, старшихъ членовъ семьи съ младшими и т. под.). Одни только близко стоящіе къ населенію и изъ его среды составленные волостные суды,

могутъ знать мѣстные нравы и обычаи и съ точностью опредѣлить индивидуальныя особенности каждаго конкретнаго случая, касающагося крестьянской семьи и всей ея имущественной обстановки. Окружные же и мировые суды, какъ это на практикѣ и бываетъ, при разрѣшеніи крестьянскихъ дѣлъ о наслѣдствѣ или о раздѣлѣ имущества, примѣняютъ къ нимъ тѣ же общія юридическія нормы, которыя существуютъ для остальныхъ классовъ населенія, игнорируя своеобразный семейно-наслѣдственный строй сельскаго населенія. Разграниченіе подсудности означенныхъ дѣлъ, по ихъ цѣнѣ, между волостными и общими судами, ведетъ къ тому, что одни дѣла разрѣшаются согласно съ мѣстными обычаями и воззрѣніями крестьянъ на семью и на право наслѣдованія,—другія же дѣла, того же типа—по началамъ, совершенно чуждымъ крестьянской жизни и сложившимся исторически, при совершенно иныхъ условіямъ. А между тѣмъ, по общему смыслу вышеприведенныхъ законовъ, порядокъ наслѣдованія и семейныхъ раздѣловъ у крестьянъ, опредѣляются только ихъ собственными мѣстными обычаями, причемъ законъ не ограничиваетъ дѣйствія этихъ обычаевъ извѣстною цѣною предмета наслѣдства или раздѣла [1]). Подчиненіе юрисдикціи волостнаго суда споровъ, возникающихъ изъ семейныхъ раздѣловъ, находитъ себѣ еще и другую опору въ законѣ. Къ вѣдѣнію сельскаго схода законъ относитъ, между прочимъ, разрѣшеніе семейныхъ раздѣловъ (п. 5 ст. 51 об. пол.). Въ этомъ опять проглядываетъ преобладаніе въ крестьянской жизни общественности надъ индивидуализмомъ, зависимость семьи отъ общины, каковая зависимость органически связана съ другими, вышеуказанными элементами крестьянскаго быта. По смыслу п. 5 ст. 51 об. пол. крестьянская семья не можетъ приступать къ раздѣлу общаго имущества или наслѣдства между членами семьи, безъ разрѣшенія сельскаго схода. Дѣятельность схода не ограничивается, по нашему мнѣнію, однимъ только дозволеніемъ или

---

[1]) См. Оршанскій „Народный судъ и народное право" въ Журналѣ гражд. и угол. права 1875 г. кн. 3 стр. 68 — 71.

согласіемъ на семейный раздѣлъ, но заключается въ указаніи основаній и условій, по которымъ можетъ быть совершаемъ раздѣлъ. Подробное же распредѣленіе имущества и самый дѣлежъ, производится по взаимному соглашенію между дѣлящимися, а въ случаѣ споровъ по этому предмету, они должны разбираться въ волостномъ судѣ, ибо сельскій сходъ не облеченъ закономъ судебною властью.

Судебная практика волостныхъ судовъ показываетъ, что эти суды разбираютъ дѣла, между родителями и дѣтьми, о самовольномъ уходѣ послѣднихъ, о выдѣлахъ или отдѣлахъ дѣтей и другихъ членовъ семьи, при жизни отца или домохозяина (въ одномъ случаѣ судъ присудилъ съ отца, въ пользу выдѣленнаго сына, 280 руб.), дѣла по спорамъ о наслѣдствѣ, о раздѣлѣ общаго имущества или наслѣдства (Пахманъ, Обычное право т. II стр. 171, 179, 182—184, 213, 217, 219, 223—228, 299, 307—309; Оршанскій, въ Журн. гражд. и угол. права 1875 г. кн. 4 стр. 141—152). При разборѣ всѣхъ этихъ дѣлъ, волостные суды не справляются объ цѣнѣ предмета спора (во многихъ случаяхъ цѣна не можетъ быть опредѣлена) и разсматриваютъ эти дѣла, хотя бы они касались недвижимаго имущества. Волостной судъ приэтомъ, главнымъ образомъ, разсматриваетъ крестьянское имущество, какъ предметъ обложенія податей и повинностей, и принимаетъ въ соображеніе платежную способность каждаго изъ членовъ семьи или дѣлящихся. Въ практикѣ окружныхъ судовъ бываетъ немало крестьянскихъ дѣлъ о наслѣдствѣ, о выдѣлѣ и раздѣлѣ семейнаго имущества. Окружные суды, опираясь на буквальный текстъ ст. 96 об. пол., ст. 1408 и 1409 уст. гр. суд., полагаютъ, что если стоимость имущества или наслѣдства превышаетъ 500 руб. или если дѣло касается недвижимаго имущества, то, въ томъ и другомъ случаѣ, дѣло относится къ юрисдикціи окружнаго суда. Такое формальное отношеніе нащихъ судовъ къ разсматриваемому вопросу, не находитъ себѣ опоры, по приведеннымъ нами соображеніямъ, ни въ общемъ смыслѣ законовъ, относящихся къ порядку наслѣдованія у крестьянъ, ни въ ихъ семейно-наслѣдственномъ

строѣ. Правда, ст. 96 ограничиваетъ волостную подсудность цѣною не свыше 100 руб., но она, перечисляя предметы вѣдомства волостнаго суда, вовсе не включила въ этотъ перечень дѣлъ о наслѣдствѣ, и въ виду такого пробѣла въ законѣ, слѣдуетъ руководствоваться разумомъ его, говорящимъ въ пользу расширенія компетенціи волостнаго суда, въ дѣлахъ о наслѣдствѣ. Для иллюстраціи защищаемаго нами положенія, напомнимъ читателю, въ общихъ чертахъ, сложную процедуру, которой подвергаются въ окружномъ судѣ дѣла по спору о наслѣдствѣ. Исковое прошеніе должно быть написано съ соблюденіемъ всѣхъ формальностей, при немъ должны быть представлены судебныя пошлины и деньги на вызовъ отвѣтчика; если отвѣтчикъ живетъ внѣ города, къ которомъ находится судъ, то для вызова отвѣтчика требуются нерѣдко довольно значительныя путевыя издержки для судебнаго пристава. Исковому прошенію, удовлетворяющему всѣ требуемыя закономъ формальности, дается ходъ въ обыкновенномъ порядкѣ, т. е. отвѣтчикъ вызывается въ мѣсячный, съ поверстнымъ, срокъ. Съ матеріальной стороны истецъ долженъ доказать: а) свои права (смерть лица, послѣ котораго открылось наслѣдство, ближайшее родство истца съ умершимъ, что должно быть удостовѣрено выписками изъ метрическихъ книгъ, выданными изъ духовной консисторіи, и отсутствіе духовнаго завѣщанія о спорномъ имуществѣ); б) нарушеніе отвѣтчикомъ правъ истца, тѣмъ напр., что завладѣлъ всѣмъ наслѣдственнымъ имуществомъ; в) наличность и составъ наслѣдства; г) право наслѣдодателя на спорное имущество (если имущество—недвижимое, то должны быть представлены надлежащіе акты укрѣпленія). Отвѣтчикъ можетъ предъявить отводъ или возраженія по существу иска, истецъ долженъ ихъ опровергать представленіемъ доказательствъ. Во время производства дѣла могутъ возникать разныя частныя производства (допросъ свидѣтелей, мѣстный осмотръ и проч.). На этомъ остановимся. Сказаннаго достаточно, чтобы показать, какъ трудно неграмотному крестьянскому люду, совладать съ сложнымъ формализмомъ окружнаго суда, уже не говоря о тратѣ

времени и о весьма значительныхъ расходахъ, сопряженныхъ съ веденіемъ процеса. Въ этомъ отношеніи нельзя не согласиться съ слѣдующими словами г. Кавелина: „Прежде, на судѣ гражданскомъ и уголовномъ, ихъ (т. е. крестьянъ) руководили и защищали помѣщики и чиновники, подъ опекой которыхъ они находились. Теперь ихъ никто не руководитъ и не защищаетъ. Они предоставлены исключительно однимъ своимъ силамъ и средствамъ. Особенно на судѣ гражданскомъ, при господствующей теперь строго состязательной формѣ судопроизводства, они, по бѣдности и невѣжеству, проигрываютъ процесы, въ которыхъ вся правда на ихъ сторонѣ“ (Вѣстникъ Европы 1881 г. мартъ, Крестьянскій вопросъ стр. 25).

И такъ, есть много аргументовъ въ пользу подсудности упомянутыхъ выше дѣлъ волостному суду. Разумѣется, важнѣйшее средство для устраненія всякихъ сомнѣній и разномыслія, возбуждаемыхъ примѣненіемъ ст. 96,—это измѣненіе или дополненіе ея законодательнымъ порядкомъ; при настоящей же редакціи этой статьи, она должна быть истолкована по правиламъ, преподаннымъ ст. 9 уст. гр. суд.

Въ такой же зависимости отъ системы мірскаго землевладѣнія и обычно-юридическихъ воззрѣній крестьянъ, на институты семейнаго и наслѣдственнаго права, находится наслѣдованіе по завѣщанію. По свидѣтельству изслѣдователей обычнаго права (Пахманъ, Оршанскій, Тютрюмовъ и др.), основанному на трудахъ комиссіи по преобразованію волостныхъ судовъ, завѣщанія, въ техническомъ значеніи этого слова, какъ акты mortis causa, встрѣчаются у крестьянъ довольно рѣдко, и свобода выбора наслѣдника весьма ограничена въ крестьянскомъ быту. Завѣщанія у крестьянъ бываютъ не только письменныя, но и словесныя. Изустныя завѣщанія, во многихъ мѣстахъ, пользуются между крестьянами большимъ уваженіемъ, чѣмъ письменныя, какъ болѣе соотвѣтствующія „отцовскому благословенію“. Крестьяне иногда называютъ завѣщаніями такіе акты, которые въ сущности имѣютъ значенія договора и по которымъ имущество напр. переходитъ отъ собственника къ другому лицу, при жизни перваго, съ тѣмъ, чтобы послѣд-

ній кормилъ и поилъ его до смерти и платилъ за него подати. (Оршанскій стр. 153 — 156, Пахманъ т. II стр. 313 — 316). Въ крестьянскомъ быту встрѣчаются совмѣстныя или совокупныя завѣщанія мужа и жены, а также субституціи, чего по общимъ гражданскимъ законамъ не допускается. Споры, возникающіе между крестьянами о завѣщанномъ имуществѣ или противъ дѣйствительности завѣщанія, должны подлежать юрисдикціи волостнаго суда, если завѣщаны недвижимое и движимое имущество, въ предѣлахъ крестьянскаго надѣла, хотя бы цѣна спора или тяжбы превышала 100 руб. Основанія къ такому выводу — тѣ же, какія были указаны относительно подсудности споровъ о наслѣдствѣ. И въ завѣщательномъ правѣ, какъ мы видѣли, народныя понятія не сходятся съ постановленіями свода, такъ что разборъ означенныхъ дѣлъ общими судами, на основаніи официіальнаго права, отзывался бы неблагопріятно на экономическомъ и юридическомъ бытѣ крестьянъ (см. ниже).

Въ заключеніе нашего очерка о подсудности исковыхъ крестьянскихъ дѣлъ, мы должны замѣтить, что, склоняясь въ пользу расширенія юрисдикціи волостнаго суда, мы имѣемъ въ виду, во первыхъ, существующую въ настоящее время систему крестьянскаго самоуправленія, какъ оно есть, со всѣми его достоинствами и недостатками, во вторыхъ, современное состояніе нашего матеріальнаго и судебнаго законодательства и обычнаго права крестьянъ, и въ третьихъ, какъ логическое послѣдствіе двухъ предъидущихъ фактовъ, принципіальное преимущество волостнаго суда, въ качествѣ суда народнаго, близкаго къ населенію, простаго и дешеваго, передъ общими, официіальными судами. Но въ нашу задачу не входитъ критика существующаго волостнаго суда,—со стороны его настоящей организаціи, направленія и системы дѣятельности, того, въ какой степени этотъ судъ реализируетъ идею народно-обычнаго суда и удовлетворяетъ-ли нужды и потребности крестьянскаго населенія. Такое изслѣдованіе связано съ общимъ вопросомъ о крестьянскомъ самоуправленіи и выходитъ за предѣлы настоящаго очерка.

IV.

Мы подошли къ вопросу о подсудности или подвѣдомственности такъ назыв. исковыхъ дѣлъ крестьянъ, въ которыхъ нѣтъ спора о правѣ. Въ этихъ дѣлахъ преобладаетъ административно-хозяйственный элементъ. И они, наравнѣ съ исковыми дѣлами, находятся въ органической связи съ системою крестьянскаго самоуправленія и землевладѣнія, съ круговою порукою въ платежѣ податей и повинностей и съ мѣстными правовыми обычаями.

Остановимся на главныхъ группахъ дѣлъ этого рода. А) *Дѣла охранительнаго производства.* 1) Мы уже видѣли, что семейные раздѣлы подвѣдомственны сельскому сходу; при этомъ, компетенція его не ограничена цѣною имущества или наслѣдства (по ст. 167 и примѣч. пол. о вык. раздѣлъ подворныхъ участковъ, пріобрѣтенныхъ отдѣльными домохозяевами, до погашенія выкупной ссуды допускается не иначе, какъ съ разрѣшенія губернскаго выкупнаго учрежденія). Роль сельскаго схода, какъ представителя всего сельскаго общества, заключается главнымъ образомъ въ охраненіи финансовыхъ и экономическихъ интересовъ міра и въ предупрежденіи разстройства въ крестьянскомъ хозяйствѣ. Законъ исходитъ изъ того положенія, что сельскій сходъ близко знаетъ личный составъ семьи, качества каждаго изъ ея членовъ, степень участія каждаго въ пріобрѣтеніи общаго семейнаго имущества, степень исправности домохозяина въ отбываніи разныхъ повинностей, и положеніе крестьянскаго хозяйства, обезпечивающаго исправный платежъ этихъ повинностей. На этомъ основаніи, сельскому сходу предоставляется разрѣшать семейный раздѣлъ съ опредѣленіемъ основаній и условій раздѣла или вовсе не разрѣшать его. Само собою разумѣется, что при этомъ выдвигаются на первый планъ не юридическія, а экономическія и фискальныя соображенія. Въ глазахъ закона, эта функція сельскаго схода относительно семейныхъ раздѣловъ, имѣетъ серьезное значеніе, почему и требуется, чтобы приговоры по этимъ дѣламъ *непремѣнно* записывались въ особую книгу (прим. къ ст. 57 общ. пол.). На практикѣ, во многихъ мѣстностяхъ, дѣла

о раздѣлахъ разбираются сельскими сходами, иногда эти дѣла окончательно разрѣшаются сходомъ и до волостнаго суда не доходятъ, въ большинствѣ же случаевъ они разбираются волостнымъ судомъ, въ случаѣ нежеланія тяжущихся подчиниться рѣшенію сельскаго схода (Скоробогатый — Устройство крестьянскихъ судовъ. Юрид. Вѣст. 1880 г. кн. 6 стр. 322).

2) Выше было указано на значеніе и характеръ духовныхъ завѣщаній въ крестьянскомъ быту. По общему полож. о крестьянахъ (прим. 1 къ ст. 91), сельскимъ жителямъ, состоящимъ въ завѣдываніи учрежденій по крестьянскимъ дѣламъ, предоставляется свидѣтельствовать свои завѣщанія о недвижимомъ и движимомъ имуществѣ, цѣною не свыше 100 р., въ волостныхъ правленіяхъ, коимъ они подвѣдомственны, съ соблюденіемъ при этомъ слѣдующаго порядка: 1) духовное завѣщаніе должно быть словесно объявлено самимъ завѣщателемъ, въ волостномъ правленіи, въ присутствіи членовъ онаго и не менѣе двухъ свидѣтелей, 2) по таковомъ объявленіи, завѣщаніе записывается въ книгу сдѣлокъ и договоровъ. Подъ сею записью сперва подписывается завѣщатель и свидѣтели, въ случаѣ же неумѣнія ихъ грамотѣ другія, по ихъ просьбѣ, лица, а потомъ и бывшіе при явкѣ завѣщанія члены волостнаго правленія, изъ коихъ неумѣющіе грамотѣ прикладываютъ должностныя свои печати; 3) затѣмъ выдается завѣщателю точная, со всего что вписано въ книгу, выпись, за подписью всѣхъ наличныхъ членовъ волостнаго правленія и за печатью онаго. Выписи эти имѣютъ, въ случаѣ спора, силу судебнаго доказательства воли завѣщателя, если признаются дѣйствительными, то есть неподложными. Подробное описаніе порядка совершенія духовныхъ завѣщаній, термины: „засвидѣтельствованіе“ „явка завѣщаній“ и заключительныя слова приведеннаго примѣчанія, показываютъ, что выдачею выписи завѣщанія заканчивается обрядъ не только совершенія, но и явки его, и что со смертью лица завѣщаніе eo ipso вступаетъ въ дѣйствіе, не требуя новаго засвидѣтельствованія или судебнаго утвержденія, какъ это установлено общими законами. По

гражданскимъ нашимъ законамъ, подлинность и отчасти дѣйствительность завѣщаній повѣряется, послѣ смерти завѣщателя, судомъ; безъ этой повѣрки и безъ надлежащаго судебнаго утвержденія, завѣщаніе не имѣетъ силы юридическаго акта. Но завѣщанія крестьянъ, совершенныя въ указанномъ порядкѣ, по смыслу закона, предполагаются подлинными и дѣйствительными, пока не заявлено противъ нихъ спора *и безъ повѣрки ихъ судомъ*. И по правиламъ, принятымъ въ крестьянскомъ быту, завѣщанія крестьянъ вступаютъ въ силу и исполняются послѣ смерти завѣщателя, и нѣтъ указанія на то, чтобы предварительно требовалось судебнаго утвержденія (Пахманъ, т. II стр. 344). Въ иныхъ мѣстахъ сельскій сходъ обсуждаетъ завѣщанія и утверждаетъ ихъ, ежели признаетъ правильными и согласными съ обычными правилами о наслѣдствѣ (Скоробогатый, Юрид. В. 1880 г. іюнь, стр. 326). И такъ, крестьяне *могутъ* (но не обязаны) совершать духовныя завѣщанія, упомянутымъ выше порядкомъ. Но компетенція волостнаго правленія, по этому предмету, относится только къ крестьянамъ, живущимъ въ той же волости, и ограничена цѣною въ 100 руб. Предметомъ завѣщанія могутъ быть недвижимыя имущества и внѣ крестьянскаго надѣла. Рядъ сложныхъ формальностей, требуемыхъ нашими гражданскими законами при составленіи, храненіи и явкѣ завѣщаній, порождаетъ для крестьянъ большія затрудненія. Каждому юристу-практику извѣстно, что нерѣдко окружные суды отказываютъ въ утвержденіи завѣщаній крестьянъ на томъ основаніи, между прочимъ, что свидѣтели неграмотные, что въ одномъ лицѣ соединены: переписчикъ завѣщанія, рукоприкладчикъ и свидѣтель, что завѣщаніе представлено въ судъ по истеченіи года со дня смерти завѣщателя и т. под. И съ матеріальной стороны, обычное право у крестьянъ допускаетъ такія завѣщательныя распоряженія, которыя нашъ сводъ признаетъ недѣйствительными, какъ напр. субституцію и совокупныя завѣщанія. Въ виду этого слѣдовало бы расширить компетенцію волостнаго правленія и предоставить крестьянамъ, если желаютъ, свидѣтельствовать при жизни, въ волостномъ

правленіи, завѣщанія цѣною не свыше 100 руб., если завѣщанное имущество составляетъ выкупленный крестьянскій надѣлъ и его принадлежности, тѣмъ болѣе, что завѣщательныя распоряженія крестьянъ, большею частью, совпадаютъ съ порядкомъ наслѣдованія по обычаю.

3) Дѣла объ охраненіи наслѣдствъ и объ утвержденіи въ правахъ наслѣдства. Оба эти института весьма слабо развиты въ нашемъ законодательствѣ, относительно крестьянскаго населенія. Процесуальныя постановленія закона, изложенныя въ ст. 1401—1408 уст. гр. суд., повидимому не дѣлаютъ никакого различія между крестьянами и другими сословіями, по вопросу о подсудности этого рода дѣлъ, такъ что дѣла по охраненію наслѣдства крестьянъ, подлежатъ юрисдикціи мировыхъ установленій, а дѣла объ утвержденіи въ правахъ наслѣдства—мировыхъ или общихъ судебныхъ установленій, по правиламъ о подсудности. И дѣйствительно, въ практикѣ окружныхъ судовъ встрѣчаются довольно часто дѣла объ утвержденіи въ правахъ наслѣдства къ имуществу крестьянъ. Чтобы ни говорили защитники обязательнаго судебнаго утвержденія въ правахъ наслѣдства и принятіи охранительныхъ мѣръ, при современныхъ условіяхъ быта сельскаго населенія не представляется никакой надобности примѣнять къ нему тотъ или другой институтъ. Коренное различіе во взглядахъ на право пользованія у крестьянъ и у привиллегированныхъ классовъ, господство, у первыхъ, мѣстныхъ юридическихъ обычаевъ, нормирующихъ институтъ наслѣдства, сами по себѣ, при равенствѣ даже другихъ условій, не позволяютъ въ настоящее время слить крестьянъ съ другими сословіями и подчинить ихъ одному и тому же порядку судебнаго охраненія и утвержденія наслѣдственныхъ правъ. Во внутренней жизни крестьянъ, въ ихъ взаимныхъ отношеніяхъ, не представляется ни малѣйшей надобности ни въ легитимаціи званія наслѣдника, ни въ охраненіи наслѣдства. Всѣ факты общественной и индивидуальной жизни крестьянъ, личный составъ и хозяйственное положеніе каждой крестьянской семьи, всякое видоизмѣненіе въ ней,—извѣстны міру настоль-

ко, что незачѣмъ удостовѣрять эти факты какими либо судебными доказательствами. Міръ и всѣ органы крестьянскаго самоуправленія хорошо знаютъ фактъ открытія крестьянскаго наслѣдства, составъ его и всѣхъ претендентовъ къ нему; вслѣдствіе этого, переходъ наслѣдства совершается самъ собою, безъ всякаго активнаго участія общественной власти. Эта послѣдняя вмѣшивается лишь тогда, когда семья распадается и имущество должно дробиться между членами семьи и когда въ числѣ этихъ послѣднихъ есть малолѣтніе: въ первомъ случаѣ, отъ сельскаго схода зависитъ разрѣшеніе семейнаго раздѣла, во второмъ—онъ же назначаетъ опекуновъ и попечителей (ст. 51 п. 4 и 5 общ. пол.). Легитимація наслѣдничьяго званія, какъ убѣждаетъ опытъ и судебная практика, требуется главнымъ образомъ въ тѣхъ случаяхъ, когда лицо, реализируя свои наслѣдственныя права, приходитъ въ соприкосновеніе съ оффиціальными или quasi—оффиціальными учрежденіями (напр. съ судебными и присутственными мѣстами, съ казенными и частными кредитными учрежденіями). Чаще всего крестьяне ходатайствуютъ о судебномъ утвержденіи ихъ въ правахъ наслѣдства для того, чтобы ввестись во владѣніе недвижимымъ имѣніемъ наслѣдодателя. Но и въ этихъ случаяхъ можно бы ограничиться приговоромъ сельскаго схода или удостовѣреніемъ волостнаго правленія о наслѣдственныхъ правахъ лицъ, принадлежащихъ къ сельскому, крестьянскому населенію. На основаніи устава городскихъ сберегательныхъ кассъ (16 сентября 1862 г. ст. 15) въ случаѣ смерти вкладчика, капиталъ и проценты уплачиваются законнымъ наслѣдникамъ по предъявленіи книжки на вклады и представленія, сверхъ удостовѣренія въ личности, свидѣтельства судебнаго мѣста о правѣ на наслѣдство, или удостовѣренія волостнаго правленія о наслѣдствѣ по обычаю, если вкладчикъ принадлежитъ къ крестьянскому сословію. При казуистическомъ происхожденіи многихъ нашихъ законовъ, задача практической юриспруденціи заключается въ томъ, чтобы открыть въ нихъ руководящій принципъ, на основаніи котораго можетъ быть разрѣшенъ цѣлый рядъ однородныхъ и

аналогичныхъ случаевъ. Въ приведенной статьѣ устава, удостовѣренію волостнаго правленія придается значеніе, равносильное судебному утвержденію въ правахъ наслѣдства, для полученія вклада изъ сберегательной кассы, слѣдовательно и во всѣхъ другихъ случаяхъ реализированія наслѣдственныхъ правъ въ крестьянскомъ имуществѣ, наслѣдничье званіе можетъ быть удостовѣрено волостнымъ правленіемъ (срав. Оршанскій, Судебный Жур. 1873 г. кн. 2 стр. 16—18, 34—37, кн. 3 стр. 67, 68—О судебномъ утв. въ правахъ наслѣдства. Жур. гр. и уг. пр. 1875 г. кн. 5 стр. 37). Этимъ способомъ крестьяне будутъ избавлены отъ сложной процедуры судебнаго утвержденія въ правахъ наслѣдства, соединенной съ принятіемъ охранительныхъ мѣръ, между прочимъ, съ вызовомъ наслѣдниковъ чрезъ публикацію въ сенатскихъ объявленіяхъ, и съ представленіемъ доказательствъ смерти наслѣдодателя и родства съ нимъ просителя, добываніе которыхъ (т. е. доказательствъ) сопряжено для крестьянъ съ большими хлопотами и расходами. Вмѣстѣ съ тѣмъ, будетъ устранено вторженіе оффиціальныхъ общихъ судовъ въ обычный порядокъ крестьянскаго наслѣдованія, во многомъ существенно отличающійся отъ общаго порядка неслѣдованія. На практикѣ, мѣры къ охраненію наслѣдства крестьянъ принимаются сельскими или волостными властями, въ случаѣ смерти лица, имущество котораго подлежитъ опекѣ, вслѣдствіе малолѣтства наслѣдниковъ (Малышевъ, Курсъ граж. суд. т. III стр. 43 цит. 19 и 21).

4) Дѣла о вводѣ во владѣніе. По общему правилу дѣла о вводѣ во владѣніе подсудны окружному суду, по мѣсту нахожденія недвижимаго имѣнія (ст. 1424 и 1425 уст. гр. суд.). Судъ, постановивъ о вводѣ во владѣніе, выдаетъ исполнительный листъ, на основаніи котораго совершается самый вводъ судебнымъ приставомъ или мировымъ судьею (ст. 1426 и 1435). Для крестьянъ, пріобрѣтающихъ земли посредствомъ выкупа, съ содѣйствіемъ правительства или въ даръ отъ помѣщиковъ, на основаніи 123 ст. пол. Великор. и 116 ст. пол. Малор., или пріобрѣвшихъ земли, въ прежнее время, на

имя помѣщика (ст. 32 об. пол.), установленъ упрощенный способъ ввода во владѣніе этими землями. Они вводятся во владѣніе мировымъ судьею того участка, гдѣ имѣніе находится, на основаніи данной, сообщаемой ему губернскимъ, по крестьянскимъ дѣламъ, присутствіемъ, такъ что никакого предварительнаго судебнаго постановленія и исполнительнаго листа не требуется (ст. 16 прил. къ ст. 109 пол. о вык.). Такой же порядокъ долженъ быть примѣняемъ и къ бывшимъ государственнымъ крестьянамъ, выкупившимъ свой надѣлъ взносомъ въ казну соотвѣтствующаго капитала (ст. 24 и 25 пол. гос. крест.) и получившимъ на эти земли данныя. Всѣ же остальныя дѣла о вводѣ во владѣніе крестьянъ, по смыслу закона, подсудны окружнымъ судамъ. Не касаясь общаго вопроса о значеніи института ввода во владѣніе и о томъ, въ какой степени взглядъ нашихъ судовъ и старшихъ нотаріусовъ, на этотъ институтъ, согласенъ съ основнымъ началомъ нашего гражданскаго права (см. Побѣдоносцевъ, Судебное руководство стр. 547—553), замѣтимъ только, что сосредоточеніе всѣхъ дѣлъ о вводѣ, въ окружныхъ судахъ, независимо отъ цѣны недвижимаго имѣнія, оказывается нерѣдко весьма обременительнымъ для крестьянъ. Кромѣ издержекъ при производствѣ дѣла и потери времени на поѣздку въ городъ, за полученіемъ исполнительнаго листа и др. бумагъ, самое серьезное затрудненіе для крестьянъ заключается въ томъ, что окружные суды, ссылаясь на 1424 ст. уст. гр. суд. требуютъ безусловно, для постановленія о вводѣ, представленія крѣпостнаго акта на недвижимое имѣніе. Такое требованіе не всегда исполнимо: при централизаціи крѣпостныхъ учрежденій и при отсутствіи у крестьянъ грамотности, переходъ имущества, вслѣдствіе его отчужденія или по наслѣдству, совершается домашнимъ порядкомъ, такъ что нерѣдко послѣ такого пріобрѣтенія правъ не остается никакихъ матеріальныхъ слѣдовъ, кромѣ факта владѣнія. Въ виду этого слѣдовало бы или вовсе освободить крестьянское землевладѣніе отъ института ввода во владѣніе, или подчинить дѣла о вводѣ юрисдикціи мироваго судьи, не стѣсняя

его при этомъ никакими формальными доказательствами, для удостовѣренія принадлежности имѣнія лицу.

5) Дѣла опекунскія. На основаніи прим. къ ст. 21 об. пол. (пол. о башк. ст. 4) прим. попеченіе о личности и объ имуществѣ малолѣтнихъ сиротъ, возлагается на обязанность сельскихъ обществъ. Въ назначеніи опекуновъ и попечителей, въ повѣркѣ ихъ дѣйствій и во всѣхъ сего рода дѣлахъ, крестьяне руководствуются мѣстными своими обычаями. Кромѣ малолѣтства, основаніемъ къ назначенію опеки служитъ неисправность въ платежѣ казенныхъ и мірскихъ повинностей. Къ недоимщику назначается сельскимъ обществомъ опекунъ, безъ разрѣшенія котораго подъопечный не можетъ отчуждать что-либо изъ своего имущества (п. 3 ст. 188 об. пол., п. 3 ст. 127, п. 4 ст. 133 пол. о вык.). Всѣ опекунскія дѣла отнесены къ компетенціи сельскаго схода, какъ коллективнаго представителя сельскаго общества; сходъ назначаетъ опекуновъ и попечителей и повѣряетъ ихъ дѣйствія (п. 4 ст. 51 об. пол., ср. кас. рѣш. 1872 г. № 210). Жалобы на распоряженія схода, клонящіяся къ ущербу малолѣтняго, приносятся родственниками послѣдняго мировому посреднику и по крестьянскимъ дѣламъ присутствію (прим. къ ст. 21 об. пол., п. 11 ст. 143 пол. учр. крест.). Изъ вышеприведеннаго прим. къ ст. 21 об. п. мы видимъ, что всѣ отношенія, вытекающія изъ института опеки у крестьянъ, разрѣшаются на основаніи мѣстныхъ обычаевъ. Въ виду такого оффиціальнаго признанія примѣненія обычаевъ въ опекунскихъ дѣлахъ, слѣдовало бы подчинить всѣ споры и иски, возникающіе изъ отношеній опекуна къ имуществу опекаемаго, въ предѣлахъ крестьянскаго надѣла, юрисдикціи волостнаго суда, независимо отъ цѣны иска. Но сенатъ опираясь на ст. 96 об. пол., высказалъ, что иски, предъявляемые къ опекунамъ за вредъ и убытокъ, причиненные дѣйствіями ихъ по управленію имѣніемъ малолѣтнихъ крестьянъ, подлежитъ вѣдѣнію мировыхъ или общихъ судебныхъ мѣстъ, смотря по цѣнѣ иска (1871 г. № 1273). На практикѣ, въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ, опекуны назначаются сельскимъ старостою или волостнымъ старшиною,

а также волостнымъ сходомъ и волостнымъ судомъ. Назначеніе опекуна у крестьянъ, обыкновенно совпадаетъ съ мѣрами охраненія наслѣдства (Пахманъ, II стр. 350, 352, 359—361; Малышевъ, Курсъ гражд. права, особое прилож. стр. 762; Тютрюмовъ, въ Словѣ 1881 г. февраль стр. 81).

6) Нотаріальныя и крѣпостныя дѣла. Съ отмѣною крѣпостнаго права, крестьяне были сравнены съ другими свободными сельскими обывателями, въ сферѣ юридической дѣятельности. Крестьяне, вышедшіе изъ крѣпостной зависимости, могутъ входить во всякіе, закономъ дозволенные, договоры и обязательства съ частными лицами и съ казною, заниматься торговлею и промышленностью (ст. 22 и 23 об. пол.). Крестьянская реформа положила основаніе новымъ группамъ юридическихъ отношеній крестьянъ, какъ между собою, такъ и къ помѣщикамъ, казнѣ и постороннимъ лицамъ; объемъ этихъ отношеній растетъ по мѣрѣ развитія экономической жизни всѣхъ слоевъ населенія вообще и крестьянъ въ особенности. Формулировка этихъ отношеній или способъ выраженія ихъ внѣшними, матеріальными знаками, бываетъ различный, смотря по природѣ отношеній: однѣ юридическія сдѣлки, совершаются безъ участія органовъ общественной власти, на словахъ или письменно, другія—при участіи таковыхъ, на письмѣ. Къ этимъ двумъ главнымъ типамъ сводятся всѣ формы юридическихъ сдѣлокъ, у всѣхъ культурныхъ общественныхъ союзовъ нашего времени. Въ юридическомъ быту крестьянъ, форма получаетъ особенное значеніе, въ виду низкаго уровня умственнаго развитія и неграмотности большинства крестьянскаго населенія. Законодательная политика въ вопросѣ о формѣ сдѣлокъ, преслѣдуетъ, главнымъ образомъ, двѣ цѣли: а) легкость и удобство заключенія сдѣлокъ, б) прочность и устойчивость ихъ. Равномѣрное и одинаковое достиженіе этихъ цѣлей составляетъ весьма трудную задачу законодательства. У насъ вторая цѣль перевѣшиваетъ первую, въ особенности по отношенію къ крестьянамъ. Легкость и удобство заключенія юридическихъ сдѣлокъ принесены въ жертву прочности и обезпеченности ихъ. Централизація нотаріаль-

ныхъ и въ особенности крѣпостныхъ дѣлъ, въ городахъ, сложный механизмъ производства, отдаленность корраборативныхъ учрежденій отъ мѣстъ крестьянской осѣдлости, значительно задерживаютъ и стѣсняютъ движеніе граждански—правоваго оборота среди нашего крестьянства. Мы отмѣчаемъ этотъ фактъ въ виду стоящей на очереди реформы въ порядкѣ укрѣпленія правъ на недвижимое имущество и введенія у насъ въ близкомъ будущемъ ипотечной системы.

Въ настоящее время, по дѣйствующему нашему законодательству, существуютъ рядомъ два учрежденія, при участіи коихъ совершаются акты и юридическія сдѣлки, въ которыхъ участвуютъ крестьяне:

а) Волостное правленіе. На основаніи 91 ст. общ. полож. при волостномъ правленіи ведется книга сдѣлокъ и договоровъ. Въ сію книгу вносятся, по желанію договаривающихся сторонъ, всякаго рода сдѣлки и обязательства (на суммы не свыше 300 руб.), заключенныя крестьянами, какъ между собою, такъ равно съ помѣщикомъ или посторонними лицами, когда такія сдѣлки и обязательства словесно объявлены въ присутствіи не менѣе двухъ свидѣтелей и подписаны обѣими договаривающимися сторонами, или, по просьбѣ ихъ, кѣмъ либо другимъ, за неумѣніемъ грамотѣ. Записи, внесенныя въ сію книгу, а равно выдаваемыя съ нихъ засвидѣтельствованныя копіи, имѣютъ, въ случаѣ спора, силу судебнаго доказательства, если признаются дѣйствительными (неподложными). По смыслу приведеннаго закона, эти записи, въ случаѣ спора, не имѣютъ значенія публичныхъ документовъ: онѣ, наравнѣ съ домашними актами, имѣютъ силу судебнаго доказательства лишь въ случаѣ признанія ихъ подлинности, противною стороною или судомъ (ст. 458 уст. гр. суд.; терминъ „дѣйствительности“ записи, употребленный ст. 91 пол., неточенъ, его слѣдуетъ замѣнить терминомъ „подлинность“ записи). Отсюда слѣдуетъ, что акты объ ограниченіи или отчужденіи правъ на недвижимое имущество, цѣною хотя и менѣе 300 руб., не могутъ быть совершаемы указаннымъ порядкомъ (ст. 66 полож. о нотар. части).

б) Нотаріусы или, въ случаѣ, указанномъ въ ст. 2 пол. о нот. части, мировые судьи. Къ компетенціи нотаріусовъ или мировыхъ судей отнесены: 1) засвидѣтельствованіе довѣренностей крестьянъ, данныхъ помѣщику, и вообще довѣренностей временно-обязанныхъ крестьянъ на ходатайство по ихъ дѣламъ, и удостовѣреніе въ правильности составленія и засвидѣтельствованія добровольныхъ условій, заключаемыхъ между помѣщиками и крестьянами по дѣламъ, между ними возникающимъ, согласно статей 26 п. 4 и 86 пол. учр. крест. 2) засвидѣтельствованіе договоровъ о наймѣ въ сельскія работы или въ услуженіе согласно п. 4 ст. 26 того же пол. (ст. 157 пол. учр. крест.). Замѣтимъ, что договоры о наймѣ въ сельскія работы или въ услуженіе могутъ быть совершаемы и словесно. Письменные договоры по тому же предмету, могутъ быть являемы для засвидѣтельствованія въ волостномъ правленіи (ст. 2 и 4 прил. II къ ст. 31 пол. учр. крест.). Въ опредѣленіи закона о предметахъ вѣдомства нотаріусовъ, нельзя не замѣтить существеннаго отступленія отъ общаго принципа. Мы выше указывали на то, что взаимныя отношенія между помѣщиками и крестьянами, образовавшіяся вслѣдствіе крестьянской реформы, такъ тѣсно связаны съ системою поземельнаго устройства крестьянъ, что регулированіе ихъ и разрѣшеніе сомнѣній и споровъ, отнесены закономъ къ юрисдикціи главныхъ исполнителей крестьянской реформы— учрежденій по крестьянскимъ дѣламъ. Такая юрисдикція была сохранена и послѣ введенія судебныхъ уставовъ. Согласно съ этимъ, къ вѣдѣнію мироваго посредника отнесено было засвидѣтельствованіе добровольныхъ соглашеній между помѣщиками и крестьянами, по предметамъ, относящимся до поземельнаго надѣла, до отбытія повинностей, до перенесенія усадебъ, оцѣнки ихъ, выкупа усадьбъ и поземельныхъ угодій, и т. п. (ст. 86 пол. учр. крест.). По какимъ же соображеніямъ эти функціи мироваго посредника переданы были, съ 1874 года, вѣдѣнію нотаріусовъ, лицъ, совершенно посторонних къ крестьянской реформѣ? Мы думаемъ, что ради формальнаго единства нотаріальной системы нельзя жертво-

вать существомъ дѣла и матеріальными, имущественными интересами частныхъ лицъ. По нашему мнѣнію, исчисленные предметы должны быть отнесены къ юрисдикціи непремѣнныхъ членовъ крестьянскихъ присутствій, которые, по закону, завѣдываютъ дѣлами по поземельному устройству крестьянъ (ст. 151 пол. учр. кр.).

Б) Дѣла исполнительныя отнесены къ компетенціи административно-полицейскихъ учрежденій. Укажемъ вкратцѣ на главные предметы вѣдомства сельскихъ и волостныхъ должностныхъ лицъ и волостнаго правленія. Сельскій староста приводитъ въ исполненіе приговоры сельскаго схода, распоряженія волостнаго правленія и мировыхъ учрежденій (п. 3 ст. 58 об. пол.), приказанія волостнаго старшины, законныя требованія помѣщика, судебнаго слѣдователя, мѣстной полиціи и всѣхъ установленныхъ властей (ст. 59, 60, 63), приговоры и рѣшенія волостнаго суда (ст. 110). Волостной старшина объявляетъ законы и распоряженія правительства, наблюдаетъ за исполненіемъ приговоровъ волостнаго суда и мировыхъ учрежденій (п. 1 и 8 ст. 83 об. пол.), приводитъ въ исполненіе приговоры волостнаго схода и законныя требованія установленныхъ властей (ст. 85). Вѣдѣнію волостнаго правленія надлежитъ, между прочимъ, продажа частнаго крестьянскаго имущества по взысканіямъ казны, помѣщика или частнаго лица (2 п. ст. 89 об. пол., примѣч. къ ст. 128 пол. о вык.). Замѣтимъ, что продажа задержанныхъ, произведшихъ потраву животныхъ, производится по распоряженію волостнаго суда (ст. 14 прил. I къ ст. пол. учр. кр.). Въ дѣйствительности же, административно-исполнительная дѣятельность органовъ сельскаго и волостнаго самоуправленія, въ особенности волостнаго правленія, выходитъ далеко за предѣлы, начертанные въ полож. о крест. На практикѣ, волостное правленіе сдѣлалось низшею инстанціею полицейскаго управленія, которой всякій можетъ поручать все, что угодно (см. Голосъ за 1881 г. № 96—Волостное самоуправленіе Н. Ляхова. Васильчиковъ, Самоуправленіе т. I стр. 233).

V.

Сдѣланный нами очеркъ подсудности гражданскихъ дѣлъ крестьянъ, основанъ, какъ видѣли читатели, на законодательныхъ опредѣленіяхъ, изданныхъ и кодифицированныхъ въ положеніяхъ о крестьянахъ. Эти опредѣленія не сконцентрированы въ одну стройную, логическую систему, а разбросаны въ разныхъ частяхъ „Положеній“ и имѣютъ при томъ характеръ отрывочности и казуистичности. Эти обстоятельства въ значительной степени затрудняютъ изученіе вопроса о подсудности, во всей его полнотѣ, и отысканіе тѣхъ общихъ принциповъ, которые легли въ основу законодательныхъ постановленій по разсматриваемому предмету. Но изъ вышеизложеннаго открывается, что во всей пестротѣ матеріала, прямо или косвенно касающагося нашего вопроса, можно подмѣтить одну руководящую мысль: изолированіе, въ извѣстныхъ предѣлахъ, крестьянской юстиціи отъ общей системы юстиціи, существующей для всѣхъ другихъ слоевъ населенія. Волостной судъ, введенный положеніемъ 19 февраля 1861 года, для бывшихъ помѣщичьихъ крестьянъ, а съ 1866 года для бывшихъ государственныхъ крестьянъ, поставленъ особнякомъ отъ всей системы нашихъ судебныхъ установленій и существенно отъ нихъ отличается. Во первыхъ, волостной судъ есть сословное, выборное учрежденіе, организованное изъ мѣстныхъ элементовъ, исключительно крестьянскаго населенія и созданное только для этого послѣдняго. Сословный принципъ, дѣйствовавшій прежде въ нашихъ судахъ и отвергнутый судебною реформою, сохраненъ для крестьянскаго, волостнаго суда. Во вторыхъ, волостной судъ рѣшаетъ всѣ дѣла окончательно, безъ права сторонъ обжаловать рѣшеніе въ апелляціонномъ порядкѣ. Это составляетъ особенную черту волостнаго суда, рѣзко выдѣляющую его изъ общей системы судоустройства и судопроизводства, гдѣ институтъ апелляціи, за исключеніемъ маловажныхъ дѣлъ, признанъ conditio sine qua non правильно организованной юстиціи. Въ третьихъ, главнымъ факторомъ волостной юстиціи служатъ мѣстные юридическіе обычаи, хотя процесъ въ волостномъ судѣ не нормированъ въ

законѣ. Дѣятельность сторонъ и суда, ихъ взаимныя отношенія, способъ доказыванія извѣстныхъ событій и проч., не предустановлены въ законѣ. Исходъ дѣла, регулированіе спорныхъ отношеній между тяжущимися, стоитъ въ прямой зависимости, при отсутствіи заявленныхъ въ волостномъ правленіи сдѣлокъ и обязательствъ, отъ мѣстныхъ обычаевъ (ст. 107 об. пол.). Такая организація волостнаго суда находится въ связи со всею системою крестьянскаго самоуправленія, созданнаго положеніемъ 19 февраля и построеннаго на началѣ обособленія и сословности. Система дѣятельности волостнаго суда находится въ зависимости отъ исторически сложившихся условій правоваго быта нашего крестьянства. Составители „Положеній" не могли игнорировать того разлада, который существуетъ между понятіями и міровоззрѣніемъ крестьянъ и остальныхъ классовъ населенія. Они сочли невозможнымъ навязать только-что вышедшему изъ крѣпостной зависимости народу, чуждые и неподходящіе подъ его умственный и моральный уровень, правовые институты и понятія. Законодательство наше, какъ мы видѣли, очертило только внѣшнія границы дѣятельности волостныхъ судовъ, опредѣляя ихъ юрисдикцію; внутри же этихъ границъ волостная юстиція предоставлена самой себѣ, безъ вторженія чуждыхъ народному сознанію элементовъ. Но этотъ принципъ невмѣшательства былъ фактически поколебленъ учрежденіемъ въ 1866 году кассаціонной инстанціи для волостныхъ судовъ, въ лицѣ съѣзда мировыхъ посредниковъ и (съ 1874 года) уѣзднаго по крестьянскимъ дѣламъ присутствія. Оффиціальное и бюрократическое отношеніе учрежденій по крестьянскимъ дѣламъ къ волостному суду, частое вмѣшательство этихъ учрежденій въ существо дѣла, навязываніе крестьянской юстиціи понятій и опредѣленій писаннаго, оффиціальнаго закона, частая отмѣна рѣшеній, вслѣдствіе несогласія ихъ съ сводомъ,—отразились неблагопріятно на самобытности волостныхъ судовъ и немало препятствовали ихъ самодѣятельности. Однако идея волостнаго суда, какъ суда сословнаго, близкаго, дешеваго, простаго и дѣйствующаго на основаніи

правилъ, принятыхъ въ крестьянскомъ быту, сохранилась. Указанное отношеніе учрежденій по крестьянскимъ дѣламъ къ дѣятельности волостныхъ судовъ, не коренится въ законѣ, а зависѣло исключительно отъ неправильнаго пониманія первыми своей задачи и отъ ихъ субъективныхъ взглядовъ на основную идею народнаго суда,—Судебныя функціи, какъ мы видѣли, предоставлены также учрежденіямъ по крестьянскимъ дѣламъ на томъ основаніи, что юридическая природа извѣстной группы отношеній крестьянъ къ бывшимъ ихъ помѣщикамъ, отличается такими специфическими чертами, что разборъ этихъ отношеній могъ быть съ большимъ удобствомъ предоставленъ юрисдикціи ближайшихъ исполнителей крестьянской реформы. Само собою разумѣется, что судебная власть крестьянскихъ учрежденій имѣетъ временной характеръ: она должна прекратиться съ прекращеніемъ обязательныхъ отношеній крестьянъ къ владѣльцамъ и съ завершеніемъ выкупной операціи.

И такъ, по дѣйствующему законодательству, всѣ спорныя дѣла крестьянъ подсудны: одни волостному суду, другія—учрежденіямъ по крестьянскимъ дѣламъ, третьи--мировымъ или общимъ судебнымъ установленіямъ. Чтобы ни говорили противники сословныхъ и спеціальныхъ судовъ, каковы бы ни были недостатки и пороки въ организаціи и дѣятельности волостныхъ судовъ,—идеалъ единаго, общаго суда для крестьянъ и для другихъ сословій, въ настоящее время, по нашему мнѣнію, неосуществимъ. Волостной судъ поставленъ въ ряду другихъ крестьянскихъ установленій и вмѣстѣ съ ними построенъ на началѣ особаго крестьянскаго управленія. Безъ коренной реформы этого послѣдняго, если такая реформа въ настоящее время возможна, нельзя расчитывать на прочное сліяніе крестьянства съ другими классами населенія, въ единую для всѣхъ юстицію. Спеціализація и обособленность крестьянскаго суда представляется ничѣмъ инымъ, какъ логическимъ послѣдствіемъ всего строя крестьянскаго самоуправленія. Кромѣ того, волостные суды, какъ мы уже замѣтили, въ смыслѣ народныхъ, дѣйствующихъ на основаніи обычаевъ и близкихъ къ

населенію судовъ, болѣе отвѣчаютъ пользамъ и нуждамъ крестьянъ, при настоящихъ условіяхъ ихъ быта, нежели общіе, оффиціальные суды, руководствующіеся исключительно писаннымъ нашимъ закономъ. Стоитъ только вспомнить порядокъ производства тяжебныхъ дѣлъ въ окружныхъ судахъ, чтобы убѣдиться въ томъ, что устройство и процесуальный формализмъ общихъ судовъ далеко не приспособлены къ свойству крестьянскихъ дѣлъ и къ юридическому мышленію крестьянъ. При неразвитости и неграмотности нашихъ крестьянъ, при централизаціи окружныхъ судовъ въ губернскихъ городахъ, далеко отъ мѣстъ постоянной осѣдлости крестьянъ,— личное веденіе ими своихъ дѣлъ въ окружномъ, судѣ представляется почти невозможнымъ. Представительство въ этихъ дѣлахъ неизбѣжно. Крестьянскія общества или отдѣльные крестьяне, по необходимости, должны прибѣгать къ помощи адвокатовъ. Но крестьяне относятся къ адвокатамъ недовѣрчиво и даже враждебно. По взгляду крестьянъ, повѣренные на судѣ весьма вредны, въ особенности занимающіеся хожденіемъ по чужимъ дѣламъ, какъ ремесломъ (Оршанскій, Жур. гражд. и угол. права 1875 г. кн. 4 стр. 206; Зарудный, въ томъ же жур. 1874 г. кн. 3 стр. 175; Пахманъ, I стр. 396). При такомъ отношеніи къ адвокатамъ, трудно ожидать отъ крестьянъ полной откровенности при передачѣ имъ своихъ дѣлъ. Адвокаты, въ свою очередь, пользуясь невѣжествомъ крестьянъ, подчасъ вовлекаютъ ихъ въ сомнительные процесы, создаютъ такъ сказать дѣла, преслѣдуя при этомъ свои личныя, денежныя выгоды. Въ результатѣ получаются весьма прискорбныя явленія. Дѣло, по бездоказательности, проигрывается, съ крестьянъ присуждаются судебныя издержки въ пользу оправданной стороны, въ добавокъ къ понесеннымъ уже значительнымъ расходамъ по дѣлу. Извѣстно, что въ окружныхъ судахъ издержки по дѣлу достигаютъ, во многихъ случаяхъ, весьма солидныхъ размѣровъ, въ особенности по поземельнымъ спорамъ. Такъ напр. мѣстные осмотры въ дальнемъ разстояніи отъ окружнаго суда, производимые черезъ члена суда, при участіи свѣдущихъ людей (напр. землемѣровъ)

обходятся тяжущимся очень дорого. Иногда расходы по дѣлу о захватѣ напр. одной десятины земли, поглощаютъ стоимость отыскиваемаго имущества. Система доказательствъ въ окружныхъ судахъ, не гармонируетъ съ системою пріобрѣтенія и укрѣпленія правъ, существующею въ крестьянскомъ быту, въ особенности, когда дѣло касается землевладѣнія и крестьянскаго семейнаго имущества. Противорѣчіе между понятіями и воззрѣніями на многіе правовые институты, крестьянъ и другихъ сословій, доходитъ иногда до того, что крестьяне силою сопротивляются исполненію рѣшенія общаго суда напр. о наслѣдствѣ, какъ противорѣчащаго ихъ понятіямъ о правѣ и справедливости (Оршанскій, тамъ же кн. 5 стр. 36). Какое непримиримое разногласіе проявляется нерѣдко между правовымъ сознаніемъ народа и условіями дѣятельности общихъ судовъ, доказываетъ слѣдующій случай изъ нашей собственной практики. Въ окружномъ судѣ производилось дѣло по иску частнаго лица объ изъятіи изъ владѣнія одного крестьянскаго общества земли. Судъ призналъ искъ правильнымъ и по апелляціи повѣреннаго крестьянъ, судебная палата утвердила рѣшеніе суда. Истецъ былъ введенъ во владѣніе отсужденнаго ему землею. Затѣмъ, изъ этого исковаго дѣла возникло въ исполнительномъ порядкѣ дѣло объ убыткахъ, причиненныхъ истцу незаконнымъ владѣніемъ крестьянами означеннаго землею, въ теченіи нѣсколькихъ лѣтъ. При производствѣ мѣстнаго осмотра, для опредѣленія количества убытковъ, крестьяне съ полною увѣренностью все еще считали, что земля принадлежитъ имъ, недоумѣвая обо всемъ происходившемъ и игнорируя совершенно все предъидущее производство и рѣшенія судебныхъ мѣстъ. Отсюда разумѣется одинъ шагъ къ ропоту, неудовольствію, ослушанію распоряженіямъ судебныхъ мѣстъ и къ сопротивленію властямъ, исполняющимъ такія распоряженія. . . .

Сказанное достаточно убѣждаетъ въ неотложности законодательныхъ мѣропріятій относительно подсудности крестьянскихъ дѣлъ. Во многихъ мѣстахъ нашего очерка мы высказались въ пользу расширенія юрисдикціи волостныхъ судовъ.

Такое расширеніе должно, по нашему мнѣнію, составлять одну изъ задачъ ожидаемыхъ преобразованій крестьянскихъ учрежденій. Мы не касаемся вопроса о необходимости реорганизаціи волостныхъ судовъ, о внутреннихъ ихъ недостаткахъ, о томъ, какія желательны гарантіи для ихъ полезной и плодотворной дѣятельности и проч. Эти вопросы выходятъ изъ предѣловъ нашего изслѣдованія. Скажемъ только, что огромное большинство нашего населенія почти не пользуется, относительно своихъ гражданскихъ дѣлъ, благодѣяніями судебной реформы. Нашему крестьянству нуженъ судъ близкій, простой, дешевый и соотвѣтствующій современному состоянію его культуры.

Конечно, единый, равный для всѣхъ гражданъ, безъ различія сословій и состояній, судъ и законъ, составляютъ идеалъ общественныхъ союзовъ новѣйшей формаціи, но этотъ идеалъ достигается историческимъ ходомъ событій и всестороннимъ развитіемъ народа.

Указанныя выше неудобства и затрудненія при производствѣ крестьянскихъ дѣлъ въ окружныхъ судахъ, можно было бы повидимому устранить, посредствомъ значительнаго упрощенія въ общихъ судахъ процесуальнаго формализма для дѣлъ, въ коихъ участвуютъ крестьяне, и посредствомъ примѣненія къ этимъ дѣламъ мѣстныхъ крестьянскихъ обычаевъ. Но этотъ путь представляетъ много трудностей и едва-ли приведетъ въ скоромъ времени къ желанной цѣли.

Мы уже не говоримъ о неизбѣжной при этомъ двойственности въ порядкѣ производства въ одномъ и томъ же судѣ спорныхъ дѣлъ, о нарушеніи принципа равенства сторонъ въ процесѣ и строго-состязательнаго начала, Едва-ли общіе суды стали-бы примѣнять при рѣшеніи крестьянскихъ дѣлъ нормы обычнаго права, при нерасположеніи и недовѣріи нашихъ коронныхъ судей ко всему тому, что не согласуется съ писаннымъ закономъ. Даже мировые судьи, вопреки 130 ст. уст. гр. суд., почти никогда не примѣняютъ обычая при рѣшеніи гражданскихъ дѣлъ. Притомъ, современное состояніе у насъ обычнаго права, представляетъ еще много трудностей къ

раскрытію и констатированію того или другаго юридическаго обычая, въ той или другой мѣстности. Вотъ почему необходимо сократить юрисдикцію общихъ судовъ по отношенію къ дѣламъ крестьянъ, посредствомъ соотвѣтствующаго расширенія юрисдикціи волостныхъ судовъ. Всѣ гражданскія дѣла крестьянъ, за исключеніемъ, дѣлъ, подлежащихъ компетенціи сельскаго схода, сельскаго старосты или волостнаго старшины, волостнаго схода, волостнаго правленія и учрежденій по крестьянскимъ дѣламъ, должны быть, по нашему мнѣнію, распредѣлены между волостнымъ судомъ, мировыми и общими судебными установленіями, такимъ образомъ: Вѣдѣнію волостнаго суда подлежатъ:

1) иски и споры между отдѣльными сельскими обывателями (крестьянами) а) о недвижимомъ и принадлежащемъ къ нему движимомъ имуществахъ, въ предѣлахъ крестьянскаго надѣла, безъ ограниченія ихъ цѣною, б) о недвижимомъ и движимомъ имуществахъ внѣ крестьянскаго надѣла, цѣною не свыше 500 руб., если эти иски и споры основаны на мѣстныхъ обычаяхъ или на сдѣлкахъ, обязательствахъ и духовныхъ завѣщаніяхъ, заявленныхъ въ волостномъ правленіи, по ст. 91 общ. пол. и на правѣ наслѣдованія, и в) о вознагражденіи за ущербъ и убытокъ, когда количество оныхъ не превышаетъ 500 руб. или же во время предъявленія требованія не можетъ быть положительно извѣстно; г) о предметахъ, неподлежащихъ оцѣнкѣ.

2) иски и споры между сельскими обществами или между ними и отдѣльными крестьянами, о предметахъ, указанныхъ въ предъидущемъ пунктѣ, цѣною не свыше 500 руб., а равно въ случаяхъ, когда цѣна иска не можетъ быть опредѣлена.

Вѣдѣнію мироваго судьи подлежитъ: 3) дѣла, указанныя въ п. 1 и 2, если въ этихъ дѣлахъ кромѣ крестьянъ участвуютъ и лица другихъ сословій; 4) дѣла крестьянъ о вводѣ во владѣніе. Всѣ остальныя дѣла крестьянъ подсудны окружнымъ судамъ.

Аргументація предлагаемыхъ нами измѣненій подсудности гражданскихъ дѣлъ крестьянъ, въ виду всего вышеизложен-

наго, представляется излишнею. Замѣтимъ только слѣдующее: 1) возвышая цѣну исковъ, подсудныхъ волостному суду до 500 р., слѣдуетъ вмѣстѣ съ тѣмъ допускать явку въ волостномъ правленіи сдѣлокъ, обязательствъ и завѣщаній, порядкомъ указаннымъ въ ст. 91 и прим. на сумму до 500 р.; 2) волостной судъ сохраняетъ свой сословный характеръ, вслѣдствіе чего ему неподсудны дѣла, въ которыхъ участвуютъ лица другихъ сословій; 3) подсудность волостному суду дѣлъ, въ которыхъ участвуютъ сельскія общества, ограничена цѣною 500 р., хотя бы дѣла касались крестьянскаго надѣла, въ виду большей сложности этихъ дѣлъ и большей цѣнности отыскиваемыхъ правъ; 4) подъ выраженіемъ „иски о движимомъ имуществѣ“, мы разумѣемъ не только вещные, но и личные иски по договорамъ и обязательствамъ. Иски о недвижимомъ имуществѣ обнимаютъ собою и иски о возстановленіи нарушеннаго владѣнія и о правѣ участія частнаго. На практикѣ, какъ мы видѣли, волостные суды разсматриваютъ подобные иски, не стѣсняясь никакими сроками; 5) если въ дѣлѣ участвуютъ отдѣльные крестьяне или сельскія общества разныхъ волостей, то дѣло подсудно тому суду, къ волости котораго принадлежитъ отвѣтчикъ; 6) съ расширеніемъ юрисдикціи волостнаго суда необходимо вмѣстѣ съ тѣмъ установить право апелляціи. Примѣняясь къ мировой юстиціи, слѣдуетъ постановить, что волостной судъ рѣшаетъ окончательно дѣла на сумму на свыше 30 руб. Апелляціонныя инстанціи должны, по нашему мнѣнію, состоять изъ такихъ же элементовъ, изъ которыхъ состоитъ волостной судъ, т. е. изъ выборныхъ крестьянъ той же волости (подробности этого вопроса не подлежатъ нашему изслѣдованію; ср. кн. Васильчиковъ, Самоуправленіе т. I изд. 3 стр. 235, Зарудный, въ Жур. гр. и уг. пр. 1874 г. кн. 3 стр. 170 — 173, 180, Галкинъ-Врасскій въ Юрид. Вѣст. 1881 г. мартъ стр. 522, 523). 7) юрисдикцію мироваго судьи мы предлагаемъ расширить относительно крестьянскихъ дѣлъ о недвижимомъ имуществѣ, въ видахъ пользъ и нуждъ крестьянъ, которымъ гораздо удобнѣе вести эти дѣла у мироваго судьи, нежели въ

окружномъ судѣ. Примѣненіе обычаевъ разрѣшается мировымъ судьямъ на основаніи 130 ст. уст. гр. суд. 8) особаго судебнаго постановленія объ утвержденіи въ правахъ наслѣдства къ имуществу крестьянъ, не требуется: наслѣдственныя права могутъ быть удостовѣрены свидѣтельствомъ волостнаго правленія (см. выше). Принятіе охранительныхъ мѣръ, въ случаѣ надобности, зависитъ отъ сельскаго схода. Ему же подлежитъ назначеніе опекуновъ и попечителей, повѣрка ихъ дѣйствій и надзоръ за ними. Возникающіе изъ института опеки споры и иски подчиняются, относительно подсудности, указаннымъ выше правиламъ; этимъ же правиламъ подчиняются дѣла о наслѣдствѣ; 9) духовныя завѣщанія крестьянъ, явленныя въ волостномъ правленіи до 500 р., не требуютъ судебнаго утвержденія (см. выше); 10) для облегченія заключенія между крестьянами сдѣлокъ о недвижимомъ имуществѣ, слѣдуетъ постановить, что сдѣлки между крестьянами объ ограниченіи или о переходѣ правъ на недвижимое имущество, на сумму не свыше 500 руб., могутъ быть совершаемы въ волостномъ правленіи (ст. 91 общ. пол.), и они имѣютъ равную силу съ актами, совершаемыми крѣпостнымъ порядкомъ. Эти наши замѣчанія составляютъ краткіе выводы всего нами сказаннаго и не требуютъ дальнѣйшихъ разъясненій. И такъ, мы попытались намѣтить въ главныхъ чертахъ тотъ путь, по которому должно, по нашему мнѣнію, идти законодательство при нормированіи вопроса о подсудности гражданскихъ дѣлъ крестьянъ. Повторяемъ, исходный пунктъ нашего взгляда на подсудность крестьянскихъ дѣлъ составляютъ, какъ существующіе факты, особое крестьянское управленіе и особый строй умственной и обычно-правовой жизни нашего крестьянства. Пока эти факты не перешли въ область исторіи, предлагаемая нами система подсудности составляетъ послѣдовательное, генетическое развитіе великой идеи крестьянской реформы — обезпечить бытъ и благосостояніе сельскаго населенія. Ибо правомѣрная, согласная съ пользами и нуждами народа судебная защита есть лучшая гарантія благосостоянія и неприкосновенности правъ, какъ отдѣльнаго человѣка, такъ и цѣлаго общества людей.

Г. Верблювскій.

О ПРУССКИХЪ СУДАХЪ.

Проживая близко отъ прусской границы, я уже давно имѣлъ желаніе познакомиться съ внутреннимъ устройствомъ прусскихъ судовъ. Осуществленіе этого желанія встрѣчало однако разныя препятствія, такъ что лишь въ текущемъ, 1881 году, мнѣ удалось посвятить нѣсколько, свободныхъ отъ занятій, неприсутственныхъ дней, ознакомленію съ иностранными судебными порядками. Мѣстомъ для моихъ работъ я избралъ Бреславль, какъ самый близкій судебный центръ.

I.

Прежде всего, нѣсколько словъ о внѣшнемъ впечатлѣніи, произведенномъ на меня Бреславскими судами. — Судебныя учрежденія въ Бреславлѣ помѣщаются въ двухъ зданіяхъ, находящихся въ разныхъ частяхъ города; въ одномъ, помѣщена судебная палата (Ober-Landgericht) съ ея прокурорскимъ надзоромъ, и гражданскія отдѣленія окружнаго суда (Landgericht); въ другомъ, уголовныя его отдѣленія и прокуратура, судебные слѣдователи и мировые судьи (Amtsrichter). Основное устройство этихъ зданій одинаково; въ каждомъ этажѣ нѣсколько широкихъ и длинныхъ корридоровъ, съ множествомъ дверей; на каждой двери №, буква и надпись. Кромѣ того, у входа въ каждый этажъ, на видномъ мѣстѣ, вывѣшено объявленіе, какія именно должностныя лица и присутственныя мѣста помѣщены въ данномъ этажѣ, съ указаніемъ № и буквы комнаты. Но всѣ эти мѣры далеко необезпечиваютъ легкаго оты-

сканія той комнаты, въ которой нуждаешься. Прежде всего нужно попасть въ надлежащій входъ и подняться въ надлежащій этажъ; но и это еще не гарантируетъ успѣха, ибо есть корридоры темные, въ которыхъ разбирать надписи окончательно невозможно. На вопросъ же получаешь обыкновенно совершенно непонятный отвѣтъ, что такое то лицо можно найти въ комнатѣ А. 6, что объ томъ-то можно справиться въ канцеляріи Б. и т. д. Независимо отъ сего, самое устройство комнатъ, которыя рѣдко соединены между собою дверьми, крайне затруднительно для суда; такъ напр.: канцелярія прокурора окружнаго суда помѣщается двумя этажами выше его кабинета; чтобы попасть изъ кабинета предсѣдательствующаго II уголовнаго отдѣленія, въ канцелярію того же отдѣленія, требуется цѣлое путешествіе черезъ холодные и отчасти темные корридоры и т. д. Поэтому и неудивительно, что буквально каждый изъ Бреславскихъ юристовъ, съ которымъ я имѣлъ болѣе продолжительный разговоръ, горько жаловался на неудобство помѣщенія, прибавляя, обыкновенно, у васъ разумѣется помѣщенія болѣе удобныя.

Кабинеты начальствующихъ лицъ, насколько я имѣлъ случай ихъ видѣть, поразили меня своей простотой; нѣтъ малѣйшей претензіи на свѣткость, это дѣйствительно кабинеты для работы, а не для пріемовъ. Въ кабинетѣ прокурора палаты (Oberst-atsanwalt) находится диванъ, передъ нимъ столъ, но столъ этотъ, какъ и всѣ стулья, завалены дѣлами и бумагами; въ маленькомъ кабинетѣ одного изъ предсѣдателей департамента палаты (Senatspraesident) я видѣлъ небольшой диванъ, но даже стола передъ диваномъ не было. Совершенно просты кабинеты товарищей предсѣдателя (Director) окружнаго суда; простой столъ и нѣсколько простыхъ стульевъ, вотъ и вся меблировка.

Устройство залъ засѣданій, покрайней мѣрѣ уголовныхъ отличается, въ нѣкоторомъ отношеніи, отъ устройства нашихъ. Прежде всего, большая часть публики должна присутствовать стоя. Имѣются всего двѣ или три скамейки для свидѣтелей, и кажется для болѣе чистой публики; къ этимъ скамейкамъ

ведетъ особенный входъ. За ними огороженное мѣсто для остальной публики, причемъ здѣсь или вовсе нѣтъ скамеекъ или только одна у стѣны; полъ, въ назначенномъ для публики мѣстѣ, покатый, такъ что стоящіе сзади могутъ слышать и видѣть все происходящее на судѣ. Для прокурора устроенъ на судейской эстрадѣ особенный столъ; защитники помѣщаются не около подсудимыхъ, а напротивъ нихъ, такъ что послѣдніе сидятъ съ правой, а первые съ лѣвой стороны суда. Это обстоятельство однако нисколько не мѣшаетъ защитникамъ управлять дѣйствіями подсудимыхъ разными условными знаками.

Самое засѣданіе (я говорю исключительно объ уголовныхъ) тоже представляетъ нѣкоторыя своеобразности. Прежде всего, обращаетъ на себя вниманіе одѣяніе судей, прокуроровъ и адвокатовъ; они всѣ одѣты въ черныхъ тогахъ, съ такими же баретами, такъ что они вполнѣ походятъ на лютеранскихъ пасторовъ. Впрочемъ баретъ, кажется, непользуется особенной симпатіей господъ судей; по крайней мѣрѣ въ засѣданіяхъ безъ присяжныхъ, они надѣвали его только во время привода свидѣтелей къ присягѣ, обрядъ которой совершается безразлично для всѣхъ вѣроисповѣданій, предсѣдателемъ, по одной общей, краткой формулѣ.

Болѣе чѣмъ одѣяніе, поражаетъ безцеремонность судей; не говоря уже объ томъ, что совѣщаніе между ними происходитъ такъ громко, что каждое слово слышно въ публикѣ, поведеніе ихъ вообще крайне свободное. Члены суда нескрываютъ одолѣвающей ихъ тоски, они зѣваютъ, потягиваются, встаютъ съ мѣста, ходятъ за креслами или облокачиваясь объ стѣну, съ молчаливымъ отчаяніемъ выслушиваютъ пререканія сторонъ. Предсѣдательствующій, правда, не участвуетъ въ этихъ выходкахъ, но за то не стѣсняетъ себя въ другихъ отношеніяхъ; напр. заливается громкимъ хохотомъ при докладѣ о неврученіи повѣстки лицамъ, мѣстонахожденіе которыхъ вполнѣ извѣстно, или обращается къ свидѣтелямъ, показавшимъ по его мнѣнію неправду, съ словами: „Züm Kukkuk" (что по русски можно, приблизительно, передать словами: чортъ

побери)! Вы прежде показали совершенно другое? и т. под. Прокуроры тоже не отличаются тѣмъ хладнокровіемъ, которое можно было бы ожидать отъ блюстителей закона; особенно, если они взволнованы удачною рѣчью защитника, энергичность рѣчи и жестовъ превосходитъ всякое ожиданіе.

Нельзя не сказать нѣсколько словъ о заключительномъ словѣ, которое одинъ предсѣдательствующій говорилъ, при мнѣ, присяжнымъ засѣдателямъ.—Нужно при этомъ припомнить, что въ Германіи, въ судѣ присяжныхъ, предсѣдательствуетъ не каждый товарищъ предсѣдателя или старшій членъ, а что, напротивъ, для каждой сессіи избирается старшимъ предсѣдателемъ судебной палаты предсѣдательствующій, изъ числа членовъ палаты или окружнаго суда.—Слѣдовательно, предсѣдательствующій въ судѣ присяжныхъ, не есть случайно попавшійся въ предсѣдательское кресло судья, а лицо, облеченное особеннымъ довѣріемъ высшей мѣстной власти, т. е. лицо до извѣстной степени авторитетное; поэтому и мнѣнія, высказанныя имъ въ заключительномъ словѣ, не могутъ быть приписаны его невѣжеству или необдуманности, а напротивъ, должны считаться выраженіемъ общихъ юридическихъ убѣжденій, сложившихся если и не во всемъ государствѣ, то по крайней мѣрѣ въ округѣ данной судебной палаты.—Дѣло о которомъ я говорю, было очень серьезное и длилось очень долго; но несмотря на это и на весьма оживленныя пренія, предсѣдательствующій ограничился весьма краткимъ объясненіемъ; онъ говорилъ сперва о томъ, что вопросъ „виновенъ ли“ и т. д. заключаетъ въ себѣ нѣсколько вопросовъ, а именно: произошелъ-ли пожаръ дома, если произошелъ, то былъ ли онъ слѣдствіемъ поджога, и если былъ, то подожгла-ли домъ подсудимая,—и затѣмъ продолжалъ: „на судѣ возбужденъ вопросъ о вмѣняемости подсудимой; до сихъ поръ я еще не имѣлъ случая говорить вамъ о вмѣненіи;—законъ по этому поводу опредѣляетъ“..... и онъ прочелъ статью уложенія, и кончилъ словами „если вы признаете, что подсудимая подожгла домъ, и если вы не усмотрите *законной* причины невмѣняемости, то вы *должны* признать подсудимую виновною“.—

II.

Въ Пруссіи, на пространствѣ 6400 квадратныхъ миль, съ приблизительно 26,000,000 жит. имѣются 13-ть судебныхъ палатъ и 91 окружный судъ, т. е. одна судебная палата на 492 кв. мил. съ 2,000,000 жит., одинъ окружный судъ на 70 кв. м., и 285,700 жит. [1]).—Тѣмъ не менѣе суды, кажется, очень обременены; относительно окружныхъ судовъ это объясняется тѣмъ, что они замѣняютъ наши мировые съѣзды, и рѣшаютъ всѣ дѣла по апелляціоннымъ жалобамъ на мировыхъ судей (Amtsrichter). Впрочемъ, самая трудная работа досталась послѣднимъ; кромѣ дѣлъ имъ абсолютно подсудныхъ, имъ можетъ быть передана, по опредѣленію окружнаго суда, цѣлая масса уголовныхъ дѣлъ, если только судъ находитъ, что по *обстоятельствамъ дѣла, наказаніе не должно* превышать извѣстный максимумъ; далѣе, окружные суды могутъ поручить имъ производство предварительнаго слѣдствія, и наконецъ, мировые судьи обязаны, по установленной очереди, замѣнять членовъ окружнаго суда и судебной палаты.

Сказать что нибудь опредѣленное о количествѣ труда уголовныхъ опредѣленій окружныхъ судовъ, весьма трудно, тѣмъ болѣе, что число поступающихъ дѣлъ только теперь начинаетъ выясняться [2]); пока работа все увеличивается.—

Въ видѣ примѣра, приведу слѣдующія цифры: во 2-мъ отдѣленіи Бреславскаго суда, въ первые три мѣсяца текущаго года, были рѣшены въ первой инстанціи: съ присяжными 13, безъ присяжныхъ 54, апелляціонныя дѣла 396; цифры о числѣ рѣшенныхъ дѣлъ въ первомъ отдѣленіи, которое занимается преимущественно дѣлами первой инстанціи, къ сожалѣнію затерялись. — Къ этому нужно прибавить,

---

[1]) У насъ самый маленькій судъ въ территоріальномъ отношеніи, сколько мнѣ извѣстно, Плоцкій, подсудность котораго простирается на 197 кв. мил., число жителей Плоцкой губерніи около 500,000. Но есть довольно много судовъ, территоріальная подсудность которыхъ обнимаетъ больше тысячи кв. мил.; напр. Саратовскій, Самарскій, Казанскій и т д..—

[2]) Новыя судебныя учрежденія, какъ извѣстно, открыты лишь съ 1 октября 1879 г.

что, по отзыву тамошнихъ членовъ, одно аппеляціонное дѣло равняется по времени и труду, которыхъ оно требуетъ, дѣлу, рѣшенному по первой инстанціи безъ присяжныхъ. Есть впрочемъ нѣсколько фактовъ, указывающихъ, хотя и посредственно, то количество труда, который требуется въ прусскихъ судахъ. Прежде всего поражаетъ ничтожное количество праздниковъ; неприсутственными днями признаются, кромѣ воскресеній, первый и второй день Рождества, день Новаго года, Крещеніе, одинъ или два дня покаянія (Busztag), страстная пятница, второй день Пасхи, Вознесеніе и Духовъ день; кромѣ того, въ день рожденія Германскаго Императора присутственныя мѣста закрываются въ часъ. Засѣданія бываютъ, въ Бреславлѣ, въ каждомъ уголовномъ отдѣленіи по три раза въ недѣлю, для рѣшенія дѣлъ безъ присяжныхъ. Въ эти засѣданія назначается отъ 10 до 15 дѣлъ. Круглымъ числомъ, каждому изъ членовъ, приходится писать въ недѣлю не менѣе 10 приговоровъ. Приговоры эти пишутся, насколько я имѣлъ возможность познакомиться съ ними, всегда довольно подробно, и что меня, не скрою, поразило болѣе всего, юридическая сторона дѣла, составъ преступленія, устанавливаются довольно тщательно. Независимо отъ засѣданія безъ присяжныхъ и одновременно съ ними, идутъ, въ извѣстные сроки, засѣданія съ присяжными, къ которымъ члены (за исключеніемъ предсѣдательствующаго) назначаются предсѣдателемъ окружнаго суда. Засѣданія, какъ тѣ такъ и другія, начинаются въ 9 часовъ утра. Помимо работы по написанію приговоровъ, члены суда неизъяты, разумѣется, отъ другихъ работъ, т. е. отъ участія въ распорядительныхъ засѣданіяхъ, изготовленія опредѣленій и т. д. Но кромѣ того, они, до извѣстной степени, обязаны имѣть надзоръ за теченіемъ дѣлъ, а именно: каждое дѣло, при вступленіи, назначается члену - докладчику, на попеченіи и отвѣтственности котораго оно находится до окончанія его. Всѣ бумаги передаются ему прямо изъ канцеляріи, и онъ дѣлаетъ всѣ необходимыя распоряженія. Исключеніе, разумѣется, составляютъ тѣ бумаги и распоряженія, которыя закономъ предоставлены исключительно предсѣдательствую-

щимъ. Для написанія мотивированныхъ опредѣленій нѣтъ опредѣленнаго срока, но они изготовляются обыкновенно довольно скоро. Предсѣдательствующіе, которыхъ я просилъ мнѣ указать крайніе сроки, говорили: иногда черезъ недѣлю. Приговоры должны быть изложены, въ окончательной редакціи, въ трехъ-дневный срокъ; это облегчается тѣмъ, что протоколы, даже по дѣламъ безъ присяжныхъ, пишутся во время засѣданія. По крайней мѣрѣ въ Бреславльскомъ судѣ такой порядокъ, что предсѣдательствующій въ засѣданіяхъ неуходитъ изъ суда, пока ему не поданы для подписи всѣ протоколы. Написаніе приговоровъ не судьями, а канцеляріей, въ Пруссіи едва-ли мыслимо. Если приговоръ изготовленъ къ законному сроку, то секретарь дѣлаетъ замѣтку въ особенномъ реестрѣ, и докладываетъ объ этомъ предсѣдательствующему, который, сколько я видѣлъ, обыкновенно дѣлаетъ резолюцію: доложить мнѣ вновь, черезъ 24 часа, къ какому времени приговоры обыкновенно готовы. Впрочемъ, случаи несоблюденія срока сравнительно рѣдки и объясняются, какъ мнѣ говорили предсѣдательствующіе, почти всегда особымъ накопленіемъ работъ, объемомъ приговора и т. под. На мой вопросъ, бываютъ-ли такіе судьи, которые постоянно опаздываютъ и нетолько днями, но и недѣлями, мнѣ говорили, что подобныя отступленія отъ порядка, въ прусской магистратурѣ немыслимы и что даже неслышно о попыткахъ подобнаго систематическаго кунктаторства. Пресѣдательствующіе въ уголовныхъ отдѣленіяхъ, прежде всего, постоянно предсѣдательствуютъ въ засѣданіяхъ, къ которымъ они приготовляются основательно, такъ что дѣла имъ всегда извѣстны до мельчайшихъ подробностей. Кромѣ того, на нихъ лежатъ права и обязанности, которыя у насъ принадлежатъ суду, а именно: всѣ просьбы о вызовѣ свидѣтелей или представленіе какихъ-либо доказательствъ по дѣламъ какъ первой, такъ и второй инстанціи, разрѣшаются ими единолично. Я долженъ кстати сказать, что порядокъ этотъ на практикѣ имѣетъ большія неудобства, а именно: предсѣдательствующіе, лишенные возможности знать мнѣніе остальныхъ судей, всегда склонныхъ вызывать и не-

важныхъ свидѣтелей, чтобы только избѣгнуть упрека другихъ судей, во время судебнаго засѣданія, что они отказали въ вызовѣ такихъ свидѣтелей, которые послѣднимъ кажутся важными. Независимо отъ сего, предсѣдательствующій подписываетъ резолюціи членовъ по тѣмъ дѣламъ, которыя находятся въ производствѣ послѣднихъ. Наконецъ, они могутъ быть назначены наравнѣ съ членами суда, въ составъ суда, для засѣданій съ присяжными. Мѣриломъ занятій иностранныхъ судовъ можетъ, до извѣстной степени, служить занятіе канцеляріи. По распоряженію прусскаго министра юстиціи, канцеляріи какъ всѣхъ судовъ, такъ и прокуроровъ, должны заниматься ежедневно восемь часовъ, отъ 8—1 и отъ 3—6, причемъ однако прибавлено, что спѣшныя дѣла должны быть исполнены и внѣ этого времени. И дѣйствительно, секретари говорили, что восьмичасовая работа недостаточна для окончанія текущихъ занятій. При этомъ неслѣдуетъ забывать, что протоколы судебнаго засѣданія составляются, по общему правилу, не секретарями или ихъ помощниками, а кандидатами. Въ канцеляріяхъ еще утверждали, что работа членовъ и предсѣдательствующихъ, приблизительно, также велика, какъ и работа въ канцеляріи, и только жаловались на то, что судьи, изъ лишняго рвенія, вмѣшиваются въ такія дѣла, отвѣтственность за которыя лежитъ, по новому уставу уголов. судопроизводства, исключительно на канцеляріи. О противоположномъ же стремленіи, наваливать на канцелярію такія работы, которыя лежатъ на обязанности господъ судей, не было и рѣчи.

Другой вопросъ, который меня интересовалъ неменѣе, чѣмъ количество занятій судей, былъ вопросъ объ отношеніяхъ ихъ къ юридической литературѣ и юридическому образованію вообще. Нельзя не сказать однако, что добиться опредѣленныхъ результатовъ, въ этомъ отношеніи, было болѣе чѣмъ трудно, уже потому, что нельзя всякаго спросить: слѣдите-ли вы за юридической литературой, читаете-ли вы много и т. под. Но мнѣ удалось подмѣтить нѣсколько фактовъ, правда, сами по себѣ незначительныхъ, которые даютъ нѣкоторую возможность сдѣлать свои заключенія по затронутому вопросу. Прежде все-

го меня поразило, что никто изъ судей или лицъ прокурорскаго надзора, съ которыми, говорилъ, незналъ пресловутой брошюры Planenberg'a, извѣстную читателямъ журнала изъ статьи г. Закревскаго. Только молодые люди, кандидаты и одинъ изъ адвокатовъ, знали ее. Не менѣе меня удивилъ тотъ фактъ, что въ книжныхъ магазинахъ, въ Бреславлѣ, неоказалось наказа германскаго Reichsgericht, а въ магазинѣ, который занимается преимущественно продажей юридическихъ книгъ, мнѣ говорили, что они вернули всѣ имѣвшіеся у нихъ экземпляры наказа, такъ какъ не было никакого спроса. Далѣе, на мои вопросы находится-ли еще въ Бреславлѣ извѣстный криминалистъ Баръ, бывшій въ недавнее время профессоромъ въ Бреславскомъ университетѣ, всѣ мои собесѣдники отозвались личнымъ невѣденіемъ; казалось, что даже о самомъ существованіи г. Бара они имѣли лишь весьма смутное понятіе. Нельзя не сказать, что подобные факты не говорятъ въ пользу особеннаго литературнаго интереса у Бреславльскихъ юристовъ. Это впрочемъ подтвердили, болѣе или менѣе прямо, всѣ мои юридическіе собесѣдники. Одинъ изъ высшихъ судебныхъ дѣятелей напр. сказалъ безъ обиняковъ, что масса служебныхъ занятій лишаетъ его возможности слѣдить за литературой. Впрочемъ, изъ этого факта, даже допуская, что онъ является общимъ, нельзя заключить, чтобы прусскіе юристы обрѣтались въ такомъ юридическомъ невѣжествѣ, какъ это бываетъ въ другихъ странахъ. Прежде всего, прусскіе юристы получаютъ настолько основательное юридическое образованіе, что даже если много подробностей забыто, все таки незабывается самое основаніе. Это основаніе поддерживается судебной практикой, которая, въ Германіи, тѣсно связана съ юридической литературой и отъ нея переняла привычку рѣшать юридическіе вопросы по законамъ юридическаго мышленія. Эта привычка перешла у прусскихъ юристовъ въ плоть и кровь. Бесѣдуя о какомъ нибудь уголовномъ дѣлѣ, прусскій юристъ непремѣнно опредѣлитъ составъ преступленія, его существенные моменты и постарается указать насколько каждый изъ этихъ моментовъ доказанъ или недоказанъ.

Это дѣлается не для того, чтобы учить собесѣдника или блеснуть своими знаніями, а просто потому, что иначе о подобныхъ дѣлахъ онъ думать и говорить непривыкъ.—Далѣе, нельзя вѣрить прусскому юристу, если онъ говоритъ, что онъ не занимается юридической литературой. На рабочемъ столѣ того самаго юриста, который такъ рѣшительно заявилъ, что онъ весь поглощенъ служебными занятіями, лежали нѣсколько коментаріевъ къ Германскому уголовному кодексу, и, если не ошибаюсь, томъ учебника Германскаго судопроизводства Holzendorf'a. Между тѣмъ, не говоря уже объ Holzendorf'ѣ, комментаріи Schwartze, Oppenhof'a и Rubo, которые кажется больше всего въ ходу между прусскими юристами, сочиненія вполнѣ ученыя. Слѣдовательно, если юристъ, имѣющій подобное сочиненіе постоянно подъ рукой, можетъ сказать, что незанимается литературой, то это доказываетъ только, что извѣстная степень знанія ея, у прусскихъ юристовъ предполагается, и что, слѣдовательно, незнаніе литературы относится къ тому, что превышаетъ эту границу.

Способностью прусскихъ юристовъ имѣть самостоятельное юридическое мнѣніе, опредѣляются и отношенія ихъ къ рѣшеніямъ высшаго имперскаго суда. Нѣтъ рѣчи о слѣпой подчиненности. Криминалисты высказывали свое неудовольствіе излишнимъ формализмомъ при рѣшеніи процесуальныхъ вопросовъ и многократными отступленіями отъ практики бывшаго прусскаго оберъ-трибунала. Еще болѣе рѣшительно выражались цивилисты, особенно въ судебной палатѣ. По мнѣнію ихъ, взгляды, высказанные Reichsgericht'омъ, нисколько не могутъ препятствовать судебной палатѣ слѣдовать ея собственнымъ юридическимъ воззрѣніямъ и образовать практику, совершенно несогласную съ практикой Reichsgeriecht'a, тѣмъ болѣе, что всегда есть надежда, что послѣдній убѣдится наконецъ доводами палаты.—Правда, есть случай, когда и палата уступаетъ высшему суду, а именно: если мнѣніе департаментовъ его раздѣляется и общимъ собраніемъ, и такимъ образомъ уже нѣтъ никакого вѣроятія, чтобы мнѣніе палаты могло восторжествовать, то изъ практическихъ сооб-

раженій, чтобы избавить тяжущихся отъ лишней траты времени и излишнихъ издержекъ, принимается мнѣніе высшаго суда.—Мнѣніе высшей экзаменаціонной коммисіи о значеніи рѣшеній высшаго суда для юридическаго развитія кандидатовъ, я приведу ниже.

Могутъ теперь спросить: какое общее впечатлѣніе я вынесъ о прусскихъ судьяхъ? Насколько мои кратковременныя наблюденія позволяютъ судить, обыкновенный, такъ сказать средній, прусскій судья, есть, прежде всего, хорошій юристъ, хотя и не ученый въ томъ смыслѣ, что не слѣдитъ постоянно за ходомъ и развитіемъ литературы.—Онъ, далѣе, хорошій и прилежный работникъ, и, что важнѣе всего, весь пропитанъ чувствомъ долга. Это, мнѣ кажется, общее правило. Бываютъ и судьи весьма ученые, бываютъ вѣроятно и судьи съ сравнительно незначительными юридическими свѣденіями, бываютъ, наконецъ, несомнѣнно и судьи лѣнивые, но въ средѣ нѣмецкой магистратуры нѣтъ мѣста для судей, гордящихся своимъ юридическимъ невѣжествомъ, для судей, абсолютно неспособныхъ къ труду или систематически отлынивающихъ отъ работы. Это относится одинаково ко всѣмъ степенямъ магистратуры.

Тоже самое нужно сказать и о лицахъ прокурорскаго надзора. Получившіе тоже юридическое образованіе и туже практическую подготовку, они разумѣется должны имѣть тѣже общія качества. Что и въ прокурорскомъ надзорѣ требуется серьезный трудъ отъ всѣхъ, безъ различія занимаемаго ими мѣста, видно уже изъ незначительнаго числа товарищей прокурора, а именно 13-ть прокуроровъ палаты имѣютъ всего девять товарищей, изъ коихъ въ Берлинѣ двое; слѣдовательно, пять прокуроровъ неимѣютъ вовсе товарищей. Немного больше, сравнительно, и число товарищей прокурора окружнаго суда, а именно: на 91 прокурора приходятся только 117 товарищей.

Весьма немного я узналъ объ отношеніяхъ магистратуры къ прокуратурѣ и къ высшей судебной администраціи. На видъ, отношенія между первыми, по крайней мѣрѣ въ Бре-

славлѣ, хорошія; я видѣлъ напр.: какъ въ судебномъ засѣданіи во время совѣщанія судей, товарищъ прокурора писалъ счеты, выдавалъ ихъ свидѣтелямъ для полученія денегъ, а въ канцеляріи окружнаго суда мнѣ говорили, что если писцы неуспѣваютъ переписать все необходимое, то бумаги для переписки отсылаются въ канцелярію прокурора, потому что тамъ больше писцовъ.

Еще менѣе, разумѣется, мнѣ извѣстно объ отношеніяхъ магистратуры къ высшей судебной администраціи. Могу только сказать, что всѣ отзывались о министрѣ юстиціи Фридбергѣ съ большою похвалою. Въ примѣръ его способа обращенія съ судьями приведу слѣдующій фактъ, случившійся незадолго до моего пріѣзда въ Бреславль: одинъ изъ мировыхъ судей Бреславльскаго округа нуждался, по своимъ личнымъ дѣламъ, въ свиданіи съ министромъ. Но будучи очень занятъ, онъ могъ пробыть въ Берлинѣ лишь одинъ день. Какъ истый провинціалъ, онъ пріѣхалъ въ одинъ изъ непріемныхъ дней, тѣмъ не менѣе объ немъ доложили министру, который узнавши, что служебныя занятія непозволяютъ судьѣ оставаться долѣе въ Берлинѣ, принялъ его въ тотъ самый день и при этомъ не ограничился однимъ выслушаніемъ его ходатайства, но распрашивалъ его, въ продолжительной бесѣдѣ, съ полнымъ, разумѣется, знаніемъ дѣла, о положеніи его участка, о встрѣчающихся процесуальныхъ затрудненіяхъ, о пригодности изданнаго имъ, министромъ, наказа для канцелярій мировыхъ судей и т. д.

III.

Общія судебныя мѣста состоятъ, въ Германіи какъ и у насъ, изъ предсѣдателя, предсѣдателей департаментовъ или товарищей предсѣдателей и членовъ [1]); мировая юстиція ввѣрена одноличнымъ судьямъ, которые впрочемъ рѣшаютъ уголовныя дѣла не иначе, какъ съ участіемъ шеффеновъ.

---

[1]) Члены судебныхъ палатъ называются Ober-Landgerichts-Rath; члены окружныхъ судовъ—Landrichter.

Судебныя палаты и окружные суды раздѣляются на уголовныя и гражданскія отдѣленія, число которыхъ опредѣляется предсѣдателемъ. Кругъ занятій каждаго и составъ отдѣленія, опредѣляется президіумомъ, состоящимъ изъ предсѣдателя, товарищей предсѣдателя или предсѣдателей департаментовъ и одного или двухъ старшихъ членовъ. Предсѣдатели выбираютъ ежегодно то отдѣленіе, въ которомъ они желаютъ предсѣдательствовать, другими словами, предсѣдатели *обязаны* взять на себя и предсѣдательство въ одномъ изъ отдѣленій. Предсѣдательство въ другихъ отдѣленіяхъ распредѣляется между товарищами предсѣдателя тоже ежегодно, по согласію между ними и предсѣдателемъ. Судебные слѣдователи, по каждому окружному суду, назначаются изъ членовъ ежегодно, министромъ юстиціи, по представленію старшаго предсѣдателя.

Необходимымъ условіемъ занятія судебной должности является трехъгодичное изученіе юриспруденціи въ университетѣ и выдержаніи двухъ испытаній, между которыми долженъ лежать четырехълѣтній срокъ, для практическихъ занятій.

Тѣже условія требуются для занятія мѣста прокурора или его товарища, при судебной палатѣ или окружномъ судѣ [1]) и для полученія званія присяжнаго повѣреннаго. Предварительной службы въ какой-либо штатной должности по министерству юстиціи, не требуется. Но отъ этого молодымъ прусскимъ юристамъ не легче. По оффиціальнымъ свѣдѣніямъ, къ концу 1880 г. въ Пруссіи состояло 3590 кандидатовъ, или, какъ они тамъ называются, референдарій (въ томъ числѣ нѣкоторые съ 1870 г.), да кромѣ того 431 ассессоровъ, т. е. въ сущности тѣхъ же кандидатовъ. Число это громадно, если припомнить, что въ Пруссіи всего штатныхъ судебныхъ мѣстъ 3942, а прокурорскихъ 230.

Правила объ экзаменахъ и приготовительныхъ занятіяхъ кандидатовъ подробно изложены въ Regulativ, отъ 22 августа

---

[1]) Прокуроръ палаты называется Oberstaatsamvalt; прокуроръ окружнаго суда—Erster Staatsamvalt, товарищъ—прокурора Staatsamvalt.

1879 г., и въ Verfuegung отъ 20 марта и 26 ноября 1880 г. Первый экзаменъ сдается при одной изъ десяти судебныхъ палатъ; желающій подвергнуться испытанію, подаетъ прошеніе съ изложеніемъ, между прочимъ, хода своихъ университетскихъ занятій, старшему предсѣдателю, который даетъ прошенію ходъ лишь въ томъ случаѣ, если окажется, что проситель дѣйствительно изучилъ юриспруденцію въ университетѣ, согласно требованію закона. Въ противуположномъ случаѣ, онъ отказываетъ просителю въ допущеніи къ экзамену. Экзаменъ производится предъ комиссіею изъ трехъ членовъ, въ томъ числѣ и старшаго предсѣдателя. отъ усмотрѣнія котораго зависитъ производить испытаніе публичное или нѣтъ. Испытаніе бываетъ письменное и словесное; для перваго избирается научный вопросъ (wissenschaftliche Aufgabe). Не выдержавшій перваго испытанія допускается, чрезъ шесть мѣсяцевъ, ко второму; послѣ второй неудачи онъ уже недопускается къ новому испытанію. Выдержавшій испытаніе обращается къ старшему предсѣдателю той палаты, въ округѣ которой желаетъ служить, съ просьбою о назначеніи въ кандидаты (Referendar), Старшій предсѣдатель можетъ отказать въ этой просьбѣ, если въ его округѣ уже столько кандидатовъ, что нельзя ожидать достаточныхъ и цѣлесообразныхъ занятій. Кандидатъ долженъ заниматься, по крайней мѣрѣ полтора года, у мироваго судьи, пятнадцать мѣсяцевъ въ окружномъ судѣ, изъ коихъ въ прокуратурѣ не менѣе шести, не менѣе полгода въ судебной палатѣ, и не менѣе того же времени у присяжнаго повѣреннаго; при этомъ обращается всегда особенное вниманіе на письменныя работы кандидатовъ и на то, чтобы они исполняли обязанности секретарей, во время засѣданій. Во время занятій въ окружномъ судѣ или палатѣ, назначается одинъ изъ членовъ, для руководства работъ каждаго кандидата. Предписано требовать отъ кандидатовъ словесные доклады по разсмотрѣннымъ ими дѣламъ, да кромѣ того, заставлять ихъ высказывать свое мнѣніе и по другимъ дѣламъ, производящимся въ судѣ. Лица, имѣющія надзоръ за трудами кандидатовъ, должны заботиться о томъ, чтобы имъ были даны лишь такія

занятія, которыя могли бы служить для развитія научныхъ и практическихъ свѣдѣній кандидатовъ; занятія же служащія не для этой цѣли, а лишь для облегченія судей, прокуроровъ или присяжныхъ повѣренныхъ, не допускаются. Каждое надзирающее за кандидатами лицо, одновременно съ окончаніемъ занятій послѣдняго, сообщаетъ старшему предсѣдателю конфиденціальныя свѣдѣнія о служебной и неслужебной дѣятельности кандидата, объ успѣшности его занятій и т. д. Свѣдѣнія эти не сообщаются кандидатамъ. По окончаніи 4-хъ лѣтнихъ практическихъ занятій, кандидатъ обращается съ просьбою о допущеніи ко второму экзамену, къ старшему предсѣдателю, который убѣдившись, что проситель удовлетворяетъ всѣмъ формальнымъ условіямъ, представляетъ министру юстиціи, вмѣстѣ съ своимъ мнѣніемъ, насколько проситель приготовленъ къ испытанію. Министръ затѣмъ поручаетъ экзаменаціонной комиссіи (Justiz-Pruefungs Comission) приступить къ экзамену. Правила объ этомъ второмъ испытаніи почти тѣ же, какъ относительно перваго, но требуются двѣ письменныя работы—научная и практическая, и помимо словеснаго испытанія еще словесный докладъ по одному или нѣсколькимъ дѣламъ. Невыдержавшій вторичнаго испытанія, лишается навсегда права полученія судейской и т. под. должности.

Насколько правила о практическихъ занятіяхъ кандидатовъ достигаютъ цѣли, опредѣлить мнѣ разумѣется невозможно.—Но нельзя не сказать, что министерство сдѣлало все отъ него зависящее, чтобы обезпечить кандидатамъ всестороннее знакомство съ судебною практикою и вмѣстѣ съ тѣмъ установить за ними надзоръ, который долженъ быть дѣйствителенъ уже потому, что онъ ввѣряется не одному только лицу, а лицамъ самаго различнаго положенія, какъ-то: мировымъ судьямъ, адвокатамъ, предсѣдателямъ окружныхъ судовъ, прокурорамъ. Естественно, что старшій предсѣдатель, имѣя въ рукахъ отзывы отъ столь различныхъ лицъ, всегда будетъ въ состояніи составить себѣ правильное мнѣніе о каждомъ кандидатѣ. Впрочемъ, могу указать на случай, доказывающій какъ сильно вліяніе практическихъ занятій на кандидатовъ. Пред-

сѣдатель экзаменаціонной коммиссіи въ 1880 г., донесъ министру юстиціи, что кандидаты изъ одного судебнаго округа отличаются особымъ неудачнымъ способомъ доклада дѣлъ, причемъ у нихъ встрѣчаются всегда одни и тѣже фальшивые пріемы. Несомнѣнно, что одинаковость невѣрныхъ пріемовъ, и притомъ исключительно у кандидатовъ изъ одного судебнаго округа, не можетъ быть объяснена одной случайностью, а напротивъ, объясняется примѣромъ, который они видѣли во время своей кандидатской службы.

Что относится до экзаменовъ, то требованія палатскихъ комиссій вѣроятно нѣсколько расходятся, смотря по индивидуальнымъ взглядамъ экзаменаторовъ. Второй экзаменъ, по закону, долженъ имѣть преимущественно практическій характеръ. Онъ долженъ служить удостовѣреніемъ, что кандидатъ пріобрѣлъ самостоятельное знаніе прусскаго (Германскаго) права, и что онъ способенъ занять самостоятельное мѣсто въ судебномъ вѣдомствѣ. Согласно этому, еще въ 1849 г. состоялось постановленіе комиссіи, что ученость, *полное* указаніе литературы, оригинальныя мысли, *всесторонняя* разработка предмета, нетребуются для признанія научной, письменной задачи, удовлетворительною. За то причинами абсолютной неудовлетворительности признаются: поверхность, неясность, *существенныя* ошибки противъ теоріи, существенные недостатки при распредѣленіи отдѣльныхъ вопросовъ и полное непониманіе предмета. Этими правилами комиссія руководится до сихъ поръ. Впрочемъ, она даетъ преимущественное значеніе словесному испытанію; въ 1879 году она пропустила 31 кандидата, представлявшихъ неудовлетворительныя письменныя работы, въ виду хорошаго исхода словеснаго испытанія. Замѣчательно, что президентъ комиссіи, въ приведенномъ уже донесеніи, жалуется на то, что кандидаты лучше знакомы съ комментаріями и рѣшеніями высшихъ судовъ, чѣмъ съ самыми законами и ихъ источниками. Онъ прибавляетъ, что знаніе закона есть необходимое условіе полезнаго употребленія комментаторовъ и рѣшеній, и что комиссія особенно строго относится къ тѣмъ кандидатамъ, которые болѣе зна-

комы съ послѣдними, чѣмъ съ самимъ закономъ и его источниками.

Судьи, по германскому учрежденію судебныхъ установленій, смѣняемы неиначе, какъ по суду; впрочемъ, это общее правило допускаетъ исключенія, на основаніи постановленій отдѣльныхъ государствъ о дисциплинарной отвѣтственности судей. Тоже нужно сказать о признанномъ закономъ правилѣ, что судьи не могутъ быть перемѣщены изъ одного суда въ другой; такъ напр: въ Пруссіи, по Высочайшему повѣлѣнію отъ 8 декабря 1879 г. мировые судьи (Amtsrichter) и члены окружныхъ судовъ. могутъ быть переведены по распоряженію министра юстиціи. Важно, наконецъ, то правило, что въ случаѣ перемѣны устройства судовъ, сокращенія ихъ и т. д. судьи могутъ быть уволены или оставлены за штатомъ неиначе, какъ съ сохраненіемъ полнаго оклада.

Совершенно отдѣльное мѣсто въ судебной іерархіи занимаетъ секретаріатъ (Gerichtsschreiberei). Для занятія мѣста секретаря, не требуется юридическаго образованія, но необходимы двухъгодичная приготовительная служба (не менѣе одного года у мироваго судьи, шести мѣсяцевъ въ окружномъ судѣ и шести мѣсяцевъ въ прокурорскомъ надзорѣ) и, по окончаніи ея, выдержаніе испытанія въ практическихъ знаніяхъ [1]). Для лицъ съ высшимъ юридическимъ образованіемъ, допускаются разныя облегченія, но на практикѣ, референдаріи лишь въ крайнихъ случаяхъ принимаютъ мѣсто секретаря, такъ какъ этимъ они лишаются навсегда возможности дальнѣйшей карьеры. Для занятія мѣста помощника секретаря, требуется шестимѣсячная приготовительная служба и выдержаніе особеннаго испытанія. Экзаменъ на мѣсто секретаря производится особенными комиссіями при судебныхъ палатахъ, на мѣсто помощника секретаря—при окружныхъ судахъ.

Секретари и помощники ихъ назначаются, по закону, министромъ юстиціи, который однако это свое право можетъ

---

[1]) Тѣже условія требуются для секретарей прокуроровъ.

передать предсѣдателямъ судебныхъ мѣстъ; согласно § 17 Verfuegung отъ 5 сент. 1879 г. betreffend den Vorbereitungsdienst, die Pruefung und die Anstellung der Gerischtsschreiber, секретари назначаются теперь старшимъ предсѣдателемъ и прокуроромъ судебной палаты.

IV.

Правила о матеріальномъ обезпеченіи чиновъ судебнаго вѣдомства, въ Пруссіи, имѣютъ нѣсколько своеобразностей. Въ Пруссіи, по общему правилу, не опредѣляется за каждую должность одно извѣстное жалованье, а назначается minimum и maximum, въ предѣлахъ которыхъ, смотря по старшинству службы, служащимъ выдается вознагражденіе; такъ что съ продолжительностію службы окладъ жалованья увеличивается. Увеличенія эти не составляютъ милости, зависящей отъ благоусмотрѣнія начальства, а слѣдуютъ, по силѣ закона, въ извѣстной градаціи, исключительно по старшинству служащихъ.

Старшинство опредѣляется (Verordnung отъ 16 апрѣля 1879 г. betreffend die fuer die Bestimmung des Dienstalters der Richter masgebenden Grundsaetze) для предсѣдателей департамента и членовъ палаты, предсѣдателей и товарищей предсѣдателей окружныхъ судовъ, временемъ назначенія ихъ въ эти должности; если же эти лица, до назначенія занимали мѣсто въ судебномъ вѣдомствѣ, коему присвоены 3 и 4 классъ должности, то старшинство считается со времени назначенія ихъ на это мѣсто. Старшинство же членовъ суда и мировыхъ судей, считается со дня назначенія ихъ въ ассесоры; оно опредѣляется особенно, по округу каждой судебной палаты, между тѣмъ какъ при выясненіи старшинства прежде названныхъ лицъ, берутся въ соображеніе всѣ служащіе, по всему государству. Время, проведенное до поступленія въ министерство юстиціи, въ другомъ вѣдомствѣ, можетъ быть принято въ соображеніе при опредѣленіи старшинства не иначе, какъ съ Высочайшаго, на каждый разъ, разрѣшенія.

Исключеніе изъ общихъ правилъ о назначеніи жалованья, сдѣлано для старшихъ предсѣдателей судебной палаты, пред-

сѣдателя и прокурора перваго окружнаго суда въ Берлинѣ, которые получаютъ опредѣленный размѣръ жалованья, независимо отъ старшинства ихъ.

Размѣръ жалованья слѣдующій:

	minimum.	maximum.	сред.
		марокъ [1]	
Старшіе предсѣдатели судебныхъ палатъ и кромѣ того, казенная квартира или за отсутствіемъ оной вознагражденіе, въ Берлинѣ и Франкфуртѣ на Майнѣ 3,000, въ другихъ городахъ, смотря по классамъ ихъ, 2,400, 2100 или 1,800 марокъ		14,000	
Предсѣдатели департаментовъ	7,500	9,900	8,700
Члены палатъ	4,800	6,600	5,700
Предсѣдатель перваго окружнаго суда въ Берлинѣ		10,500	
Остальные предсѣдатели	7,500	9,900	8,700
Товарищи предсѣдателей	4,800	6,600	5,700
Члены окружнаго суда и мировые судьи	2,400	6,000	4,200
Прокуроръ палаты	7,500	9,900	8,700
Прокуроръ перваго окружнаго суда въ Берлинѣ		7,500	
Остальные прокуроры	4.800	6,600	5,700
Товарищи прокуроровъ судебныхъ палатъ и окружныхъ судовъ	2,400	4,800	3,600
Секретари судебной палаты и прокуроровъ судебныхъ палатъ.			
въ Берлинѣ	2,100	4,200	3,150
при другихъ палатахъ	2,100	3,600	2,850
Секретари при окружныхъ судахъ, мировыхъ судахъ и прокурорахъ окружныхъ судовъ:			
въ Берлинѣ	2,100	3,600	2,850

[1]) Марка равняется теперь приблизительно 48 коп.

при другихъ судахъ	2,100	3,300	2,700
Помощники секретаря			
въ Берлинѣ	1,800	1,950	1,875
при другихъ судахъ	1,500	1,800	1,650

Изъ этой таблицы видно, что жалованье предсѣдателей суда, предсѣдателей департамента и прокуроровъ судебной палаты, съ одной стороны, а товарищей прокуроровъ палаты и окружныхъ судовъ съ другой, одинаковы; что, далѣе, maximum жалованья члена суда и мироваго судьи, значительно выше minimum'а оклада товарища предсѣдателя и члена судебной палаты; что, наконецъ, покрайней мѣрѣ до извѣстной степени, принята въ соображеніе относительная дороговизна мѣста жительства служащихъ.—Вниманіе къ этому послѣднему обстоятельству высказывается еще болѣе тѣмъ, что закономъ отъ 12-го мая 1873 года, опредѣлено выдавать всѣмъ лицамъ, находящимся на государственной службѣ, слѣдовательно и лицамъ судебнаго вѣдомства, особое прибавленіе къ жалованію на квартиру, соображаясь съ тѣмъ, къ какому разряду городовъ причислено мѣсто жительства служащихъ.—Такихъ разрядовъ по прусскому закону пять; кромѣ того, Берлинъ занимаетъ особое мѣсто.—Прибавки эти равняются: для предсѣдателей судовъ, предсѣдателей департаментовъ и прокуроровъ палаты, въ Берлинѣ 1200 м., а въ другихъ городахъ, смотря по ихъ разряду, 900, 720, 600, 540 и 540 м., для другихъ судей и прокуроровъ въ Берлинѣ 900 м., въ другихъ городахъ 650, 540, 480, 420, 360 м., для секретарей и ихъ помощниковъ въ Берлинѣ 540 м., а въ другихъ городахъ 432, 360, 300, 216 и 180 м. Сумма этихъ прибавленій къ жалованію, для судебнаго персонала превышала по прусскому бюджету $^{1879}/_{1880}$ г. 4,000,000 мар. т. е. равняется приблизительно 15% всего штатнаго жалованья.

Далѣе, имѣется особое постановленіе о выдачѣ судебнымъ чинамъ путевыхъ денегъ. — При этомъ дѣлается различіе, отправляется-ли судья для совершенія какого либо единичнаго судебнаго дѣйствія, напр. для осмотра, допроса свидѣтелей и

т. под., или же поѣздка предпринимается для другихъ цѣлей, напр. для сессіи, ревизіи и т. под. Относительно первыхъ поѣздокъ, Высочайшимъ повелѣніемъ отъ 8 мая 1876 г., постановлено, что выдаются: а) *суточныхъ*, если занятіе требуетъ менѣе сутокъ, судьѣ 9 м., а секретарю $4^1/_2$ м.; если занятіе требуетъ больше сутокъ, то за каждые хотя и неоконченные сутки, судьѣ 9 м., а секретарю $4^1/_2$; кромѣ того за каждую ночь, проведенную внѣ постояннаго жительства, 3 м., а секретарю 2, б) *прогонныхъ*, за поѣздки, которыя могутъ быть совершены по желѣзной дорогѣ или на пароходѣ, за километръ, судьѣ 13 пфениговъ, а секретарю 10 пф. [1]). Кромѣ того, за каждую необходимую перемѣну или оставленіе поѣзда и парохода (Zu-und Abgang) судьѣ 3 м., секретарю 2 м.; за поѣздки, которыя не могутъ быть совершены по желѣзной дорогѣ, за километръ судьѣ 50 пф., секретарю 25.— Если однако будетъ доказано, что издержки по поѣздкѣ превышали законный размѣръ прогонныхъ, то излишекъ пополняется казной.—Суточныя и прогонныя не выдаются, если мѣсто, въ которомъ судебное дѣйствіе должно быть совершено, отстоитъ отъ мѣста жительства судьи не болѣе 2-хъ километровъ; но если судья былъ вынужденъ воспользоваться экипажемъ или если у него были другіе необходимые расходы, то таковые возвращаются казною.—Прогонныя выдаются въ оба пути.—Если разстояніе отъ 2-хъ до 8-ми километровъ, то прогонныя выдаются за полныя 8 кил.; если, наконецъ, въ мѣсто назначенія, ведутъ нѣсколько дорогъ, то должна быть избрана та изъ нихъ, по которой расходы для казны являются менѣе значительными.

Нѣсколько иныя правила существуютъ для путешествія 2-го рода (Verordnung vom 16 april 1876 betreffend die Tagegelder und die Reisekosten der Staatsbeamten) а именно, получаютъ, а) *суточныхъ:* министръ юстиціи 30 м. предсѣдатели, предсѣдатели департаментовъ и прокуроры палаты и предсѣдатели окружнаго суда 18 м.; остальные судьи и лица прокурорскаго надзора 12 м.,

[1]) 100 пфениговъ—1 марка, а километръ равняется приблизительно верстѣ.

секретари и ихъ помощники 6 м. б) *прогонныхъ*, за поѣздки, которыя могутъ быть совершены по желѣзной дорогѣ или на нароходѣ, министръ юстиціи, всѣ судьи и лица прокурорскаго надзора безъ различія, за кил. 13 пфен. и 3 м. за оставленіе поѣзда; кромѣ того, каждому изъ нихъ прибавляется 7 пфен. за кил., если они взяли съ собою прислугу; если же путешествіе не можетъ быть совершено по желѣзной дорогѣ, то министръ юстиціи, судьи и лица прокурорскаго надзора получаютъ 60 пф., а секретари 40; затѣмъ къ этимъ поѣздкамъ примѣняются и всѣ правила Verordnung отъ 8-го мая 1876 г. [1]).

Прусскіе законодатели не оставили, далѣе, безъ вниманія въ вопросѣ о вознагражденіи служащихъ, въ томъ числѣ и лицъ судебнаго вѣдомства, при переводахъ ихъ изъ одного мѣста въ другое.—Составителей закона (Gesetz vom 24 Febr. 1877 betreffend die Umzugskosten der Staatsbeamten) руководила очевидно мысль, что вознагражденіе служащимъ, мѣняющимъ мѣсто службы, должно быть въ дѣйствительности вознаграж-

[1]) Небезъинтересно сравнить эти постановленія съ нашими; напр. за послѣднюю сессію, въ которой я участвовалъ, въ г. Лодзи, отстоящемъ отъ гор. Петрокова по желѣзной дорогѣ 62 версты, я получилъ, какъ лицо V класса, прогонныхъ 18 р. 60 к. и суточныхъ за 13 дней 23 руб. 40 к., итого 42 руб.; между тѣмъ, по германскому тарифу я получилъ бы 16 м. прогонныхъ, и 156 м. суточныхъ а всего 172 м. или 82½ р. Предполагая, что я отправился въ Лодзь на одинъ день для производства осмотра или т. под. я получилъ бы прогонныхъ тоже 18 р. 60 к., а суточныхъ 1 р. 80 к., итого 20 р. 40 к.; по германскому тарифу 16 м. прогонныхъ и 12 м. суточныхъ, итого 28 м т. е. 12 р —Подобные результаты получаются въ тѣхъ случаяхъ, когда приходится совершать поѣздку не по желѣзной дорогѣ или на пароходахъ; напр. при томъ же разстояніи въ 62 вер. мнѣ слѣдовало получить за поѣздку на сессію, прогонныхъ въ округѣ Варш. суд. пал. (по 5½ коп. на версту и лошадь) 40 р. 92 к.; въ большинствѣ россійскихъ губерній (по 3 к.) 22 р 32 к., по германскому тарифу 74 м. или 35½ руб.; суточныхъ 23 р. 40 к. или 186 м. или 75 р, т. е. по нашимъ правиламъ 64 руб. 82 коп. или 45 руб. 72 коп., по германскимъ 110½ р. Если таже поѣздка была предпринята для совершенія одного опредѣленнаго судебнаго дѣйствія, на одинъ день, то я получилъ бы прогонныхъ 42 р. 92 к. или 26 р. 52 к, суточныхъ за 3 сутокъ 4 р. 20 к., а всего 45 р. 12 к., или 26 р. 52 к., по германскому тарифу прогонныхъ 62 м., квартирныхъ, за трое сутокъ, 27 м., да кромѣ того, за два ночлега внѣ постояннаго мѣста жительства 6 м., итого 95 м. или 45½ руб.

деніемъ за понесенные ими убытки, т. е. должно соображаться не только съ однимъ классомъ должности, но и съ разстояніемъ, семейнымъ положеніемъ переведеннаго, и вообще съ дѣйствительными его расходами.—Согласно этому, по приведенному закону, лица судебнаго вѣдомства, въ случаѣ перехода изъ однаго мѣста въ другое, получаютъ вознагражденіе за расходы на переѣздъ (Umzugskosten) въ слѣдующемъ размѣрѣ:

	общіе расходы.	расходы за провозъ (Transport kosten) за каждые 10 километр.
Старшіе предсѣдатели, предсѣдатели департаментовъ, прокуроры судебной палаты и предсѣдатели окружнаго суда . . .	1000 м.	20 м.
Члены палаты, товарищи предсѣдателя и прокурора окружнаго суда	500 м.	10 м.
Члены суда, мировые судьи [1]) товарищи прокурора судебной палаты или окружнаго суда	300 м.	8 м.

Впрочемъ, вознагражденіе это получаютъ лишь люди семейные; несемейнымъ назначается половина.—При назначеніи вознагражденія принимается въ соображеніе классъ того мѣста, которое оставляетъ переведенный. *Кромѣ* означеннаго вознагражденія, переѣзжающему чиновнику выдаются суточныя и прогонныя, размѣръ которыхъ мнѣ однако неизвѣстенъ.—Но заботливость прусскаго правительства этимъ неограничивается.— Независимо отъ вознагражденія за проѣздъ, суточныхъ и прогонныхъ, оно возвращаетъ ту сумму, которую пришлось платить переведенному чиновнику за квартиру со дня его отъѣзда, до времени окончанія или расторженія наемнаго контракта; впрочемъ, казна беретъ эти издержки на себя лишь на 9-ти мѣсячный срокъ.—Если же переведенный

[1]) Члены суда и мировые судьи принадлежатъ по закону къ V классу, но имъ можетъ быть данъ чинъ «Landgerichtsrath или Amtsgerichtsrath», и тогда они считаются въ IV классѣ и вѣроятно получаютъ вознагражденіе наравнѣ съ предсѣдателями и т. д.

чиновникъ жилъ въ собственномъ домѣ, то казна вознаграждаетъ его за наемную плату, которой онъ можетъ лишиться но не болѣе, чѣмъ на полугодичный срокъ [1]).—Особенно важно для служащихъ то, что выдача и размѣръ вознагражденія за переѣздъ, не зависитъ отъ случая или благоусмотрѣнія и благосклонности начальства, а производится на основаніи закона.

Что же, наконецъ, относится до пенсіи (Pensionsgesetz, отъ 27-го марта 1872 г.), то таковая дается, если служащій по 10 лѣтней службѣ дѣлается къ оной неспособнымъ; ранѣе 10 лѣтъ пенсія выдается по закону, если неспособность къ службѣ была послѣдствіемъ исполненія служебныхъ обязанностей; въ другихъ случаяхъ неиначе, какъ съ Высочайшаго разрѣшенія. Пенсія по окончаніи 10 лѣтней службы равняется $^{20}/_{80}$ всего оклада служащаго [2]), считая сюда напр. и особое прибавленіе за квартиру.—Она увеличивается съ каждымъ годомъ службы на $^{1}/_{80}$, такъ напр. послѣ 25-ти лѣтней службы служащій получаетъ пенсію въ $^{35}/_{80}$, послѣ 35-ти лѣтней $^{45}/_{80}$ всего оклада. Самый высшій размѣръ пенсіи $^{60}/_{80}$ оклада. Независимо отъ сего, при министерствѣ юстиціи существуетъ вдовья касса для лицъ судебнаго вѣдомства, устройство которой однако мнѣ неизвѣстно.

V

По Германскому уставу уголовнаго судопроизводства, правила, касающіяся до внутренняго распорядка и дѣлопроизводства въ Императорскомъ судѣ (Reichsgericht), устанавли-

---

[1]) Для большей наглядности сопоставляю вознагражденіе за переѣздъ по нашимъ и прусскимъ законамъ. При переводѣ меня изъ Симбирска въ Петроковъ, я получилъ, въ виду перехода въ Варшавскій судебный округъ, номинально 1000 р.; туже сумму получилъ мой товарищъ, переведенный изъ Могилева.—По германскому тарифу я получилъ бы за 2227 верстъ 1780 м., да кромѣ того 300, всего 2080 м. или около 1000 р. переѣздныхъ, несчитая суточныхъ, прогонныхъ и квартирныхъ; мой товарищъ же, какъ человѣкъ холостой, получилъ бы за 873 вер. переѣздныхъ 350 м. и 150, итого 500 м. или 240 руб.

[2]) Если окладъ превышаетъ 12000 м., то при опредѣленіи пенсіи берется въ соображеніе лишь въ половинномъ размѣрѣ

ваются общимъ его собраніемъ, и утверждаются Германскимъ союзнымъ совѣтомъ. Объ установленіи же внутреннаго распорядка и дѣлопроизводства въ другихъ судебныхъ учрежденіяхъ, въ уставѣ неупоминается; имѣется только постановленіе, что дѣлопроизводство въ канцеляріяхъ опредѣляется министромъ юстиціи каждаго отдѣльнаго государства.—Практичность такого постановленія можетъ казаться сомнительной, такъ какъ министерство, какъ мѣсто административное, можетъ и незнать практическихъ пріемовъ и потребностей, обезпечивающихъ успѣшный и правильный ходъ канцелярскихъ занятій въ судебныхъ учрежденіяхъ.—Эти сомнѣнія должны были быть, въ данномъ случаѣ, тѣмъ болѣе вѣски, что Германскіе министры юстиціи, какъ само собою разумѣется, вынуждены были издавать свои правила еще до открытія новыхъ судебныхъ учрежденій и слѣдовательно не могли даже воспользоваться мнѣніями или совѣтами лицъ, изучившихъ этотъ вопросъ при дѣйствіи новаго судопроизводства.—Опасенія эти однако неимѣли и неимѣютъ въ отношеніи къ Пруссіи достаточнаго основанія. Прусское министерство юстиціи несоставляетъ что-то отдѣльное отъ общей судебной корпораціи; для полученія одного изъ штатныхъ мѣстъ въ министерствѣ, требуются тѣже условія, какъ для полученія мѣста судьи и въ томъ числѣ, 4-хъ лѣтнія практическія занятія.— Уже это одно обстоятельство гарантируетъ знакомство чиновъ министерства съ потребностями практики.—Но извѣстно, что связь министерства съ судебной практикой этимъ неограничивается, что весьма часто практическіе юрист призываются въ министерство, и вообще связь между нимъ и стоящими внѣ его лицами судебнаго вѣдомства, никогда непрерывается.—Самъ Прусскій министръ юстиціи почти всегда хорошій практическій юристъ.—Таковымъ былъ и извѣстный графъ Цуръ-Липпе, на котораго нападали въ сущности только изъ за того, что онъ былъ крайній консерваторъ.—Менѣе всего сомнѣнія можно было имѣть въ компетентности теперешняго министра Friedberg, которому еще въ 1873 году ввѣрено было составленіе проекта устава угол. судопр., и кото-

рый съ тѣхъ поръ, въ разныхъ должностяхъ, принималъ дѣятельное участіе при дальнѣйшемъ его обсужденіи.

Наказы для канцелярій судовъ и прокуроровъ были изданы еще въ августѣ и сентябрѣ 1879 г., отдѣльно для мировыхъ судей, окружнаго суда и судебной палаты и прокуроровъ сихъ послѣднихъ судовъ.—Къ каждому изъ этихъ наказовъ приложены формы входящихъ, настольныхъ и т. д., однимъ словомъ всѣхъ книгъ, которыя должны быть ведены въ судахъ и прокурорскомъ надзорѣ.—Естественно, что всѣ формы для всей Пруссіи одинаковы. — Далѣе, были изданы министромъ юстиціи, напр., постановленія о судебныхъ приставахъ (Gerichtsvollzieher) и правила объ ихъ дѣлопроизводствѣ, правила о дѣлопроизводствѣ лицъ прокурорскаго надзора при мировыхъ судьяхъ, оба съ приложеніемъ обязательныхъ для нихъ книгъ и реестровъ; далѣе, правила объ составѣ канцеляріи и назначеніи писцовъ, объ устройствѣ кассъ и т. д:— Всѣ эти наказы и правила были изданы до 1-го октября 1879 г.—При этомъ они относятся не только къ дѣятельности низшихъ чиновниковъ, секретарей и т. под.,—напротивъ, мы находимъ въ нихъ и постановленія, относящіяся прямо къ дѣятельности предсѣдателей, товарищей предсѣдателя и прокуроровъ.—Другія, затѣмъ, постановленія министра, уже прямо касаются до внутренней жизни судовъ, какъ напр: о порядкѣ увольненій въ отпускъ, о предоставленіи предсѣдателямъ опредѣлять число отдѣленій или департаментовъ и т. д.

Такимъ образомъ, большинство вопросовъ, требующихъ у насъ рѣшенія въ наказахъ, разрѣшены въ Пруссіи распоряженіями министра юстиціи; если къ этому присоединить, что другіе вопросы, какъ напр: порядокъ распредѣленія членовъ по отдѣленіямъ и установленіе круга ихъ занятій, прямо предусмотрѣны закономъ, или же, какъ напр: устройство дежурства, совсѣмъ не возбуждаются, то оказывается, что Прусскіе суды въ систематическихъ наказахъ не нуждаются. Кажется, что дѣйствительно таковые и не существуютъ; покрайней мѣрѣ на всѣ мои вопросы въ Бреславлѣ, я всегда получалъ отвѣтъ, что въ Бреславльскомъ окружномъ судѣ наказа нѣтъ.

Чтобы указать крайніе предѣлы самоуправленія Германскихъ судовъ, я приведу здѣсь, вкратцѣ, содержаніе наказа имперскаго суда, который впрочемъ подвергся регламентаціи гораздо менѣе, чѣмъ Прусскіе суды.—Наказъ этотъ, утвержденный 8-го апрѣля 1880 г., Германскимъ Союзнымъ Совѣтомъ, состоитъ изъ 32 статей, изъ коихъ три заключаютъ въ себѣ временныя постановленія; содержаніе его слѣдующее: имперскій судъ состоитъ, впредь до инаго распоряженія имперскаго канцлера, изъ пяти гражданскихъ и трехъ уголовныхъ департаментовъ.—Въ каждомъ департаментѣ не менѣе семи постоянныхъ членовъ, въ томъ числѣ и предсѣдательствующій.—Общему собранію, кромѣ дѣлъ, указанныхъ закономъ, подлежатъ: обсужденіе измѣненій или дополненій наказа и вообще всѣхъ, относящихся къ дѣлопроизводству вопросовъ, предложенныхъ общему собранію предсѣдателемъ, и наконецъ обсужденіе всѣхъ вообще заключеній, требуемыхъ отъ имперскаго суда (въ особенности по законодательнымъ вопросамъ).—На предсѣдателя возлагается: кромѣ обязанностей, лежащихъ на немъ, какъ предсѣдательствующемъ въ общемъ собраніи, въ президіумѣ и въ одномъ изъ департаментовъ, завѣдываніе и надзоръ всѣмъ дѣлопроизводствомъ; онъ распредѣляетъ помѣщенія, назначаетъ дни для обыкновенныхъ засѣданій департаментовъ и разрѣшаетъ, въ случаѣ сомнѣнія, какому департаменту подсудно дѣло; онъ распредѣляетъ занятія между чиновниками суда, непринадлежащими къ числу судей, имѣетъ высшій надзоръ надъ ихъ занятіями, увольняетъ ихъ въ отпускъ.—Онъ, далѣе, опредѣляетъ какіе должны быть введены книги, реестры и т. под., насколько этотъ вопросъ нерѣшенъ закономъ или распоряженіями имперскаго канцлера; наконецъ, онъ завѣдываетъ всей административною частью въ судѣ.—Въ засѣданіяхъ соединенныхъ уголовныхъ и гражданскихъ департаментовъ, онъ предсѣдательствуетъ, если въ засѣданіи участвуетъ тотъ департаментъ, въ которомъ онъ постоянно предсѣдательствуетъ; въ противоположномъ случаѣ, предсѣдательствуетъ старшій предсѣдатель департамента.—Обыкновенныя засѣданія департаментовъ

имѣютъ мѣсто еженедѣльно, въ опредѣленные дни; экстренныя засѣданія департаментовъ, общія собранія и собранія соединенныхъ департаментовъ, назначаются предсѣдательствующими по мѣрѣ надобности. — По воскресеньямъ и тѣмъ днямъ, которые считаются въ Лейпцигѣ праздниками [1]) засѣданія назначаются лишь въ крайнихъ случаяхъ.—Докладчики по дѣламъ назначаются изъ числа членовъ, предсѣдательствующими департаментами. — По каждому дѣлу составляется письменный докладъ, который, вмѣстѣ съ дѣломъ, передается до засѣданія предсѣдательствующему. Исключеніе составляютъ только дѣла по частнымъ жалобамъ или по ревизіоннымъ жалобамъ, которыя не разрѣшаются по существу, по каковымъ дѣламъ письменнаго договора нетребуется. По дѣламъ представленнымъ однимъ департаментомъ въ соединенное присутствіе гражданскихъ или уголовныхъ департаментовъ, по вопросу объ измѣненіи принятой имъ до тѣхъ поръ практики, назначаются два докладчика, письменные доклады которыхъ предварительно сообщаются всѣмъ членамъ. Совѣщаніе и подача голосовъ бываютъ словесныя; особыя мнѣнія прилагаются къ дѣлу; первый голосъ подается докладчикомъ. Приговоры, исполненія и т. д. пишутся отъ имени имперскаго суда („das Reichsgericht“); если приговоръ и т. д. постановленъ однимъ департаментомъ или соединенными департаментами, то прибавляется указаніе департамента. Приговоръ начинается словами; „во имя имперіи“ („Im Namen des Reichs“); резолюція кончается словами „во имя закона“ (Von Rechts wegen); изложеніе обстоятельствъ дѣла и мотива слѣдуютъ за резолюціей. Мотивы излагаются по возможности кратко, съ указаніемъ лишь обстоятельствъ, относящихся прямо къ дѣлу, и съ избѣжаніемъ иностранныхъ и необщеупотребительныхъ словъ, насколько это возможно. Если судъ при рѣшеніи дѣла не постановилъ, какими соображеніями мотивировано данное рѣшеніе, то составленіе мотивовъ возлагается на докладчика или

[1]) Къ вышеуказаннымъ праздникамъ прибавленъ еще день реформаціи (Reformationsfest'; за то день рожденія Императора въ имперскомъ судѣ не празднуется.

другаго члена, по назначенію предсѣдательствующаго. Проектъ мотивовъ разсматривается предсѣдательствующимъ или однимъ изъ членовъ, по его назначенію. Если кто либо изъ членовъ не соглашается съ проектомъ и авторъ его не согласенъ измѣнить свои соображенія, то окончательная редакція устанавливается опредѣленіемъ суда. Рѣшенія, послѣдующія по словеснымъ докладамъ, подписываются всѣми присутствующими; остальныя—предсѣдательствующимъ и докладчикомъ. Форма исполненій опредѣляется инструкціею для секретаріата, которая имѣетъ быть издана имперскимъ канцлеромъ. Не предусмотрѣнныя тою инструкціею исполненія, подписываются предсѣдателемъ или предсѣдателями департамента по принадлежности и секретаремъ. Предсѣдатель можетъ постановить, чтобы менѣе важныя исполненія были подписаны однимъ секретаремъ. Въ имперскомъ судѣ имѣются двѣ печати. Счетоводство опредѣляется изданными союзнымъ совѣтомъ правилами. Въ каждомъ департаментѣ ведется книга для записыванія преюдиціальныхъ рѣшеній (Praejudizienbuch). Въ книги эти вносятся всѣ рѣшенія соединенныхъ гражданскихъ и уголовныхъ департаментовъ, послѣдовавшія по представленіямъ отдѣльныхъ департаментовъ, и кромѣ того, рѣшенія послѣднихъ, но не иначе, какъ вслѣдствіе особеннаго, на каждый разъ, опредѣленія того департамента, въ которомъ оно состоялось. Внесенныя рѣшенія должны быть согласны между собою; поэтому рѣшенія соединенныхъ департаментовъ вносятся въ книги всѣхъ департаментовъ (уголовныхъ или гражданскихъ), а рѣшенія отдѣльныхъ департаментовъ, внесенныя въ преюдиціальную книгу, сообщаются остальнымъ угол. и гражд. департаментамъ для той же цѣли. Веденіе книги поручается въ каждомъ департаментѣ одному изъ членовъ, на обязанности котораго лежитъ заботиться о томъ, чтобы состоялось опредѣленіе объ окончательной редакціи подлежащаго внесенію тезиса, чтобы формулированные такимъ образомъ тезисы, были внесены въ книгу и сообщены другимъ департаментамъ. Каждая преюдиціальная книга, раздѣляется на три части: для рѣшенія соединенныхъ департаментовъ, собственнаго департамента и другихъ департаментовъ; каждое новое рѣшеніе вносится въ соотвѣтствую-

щую часть подъ текущемъ №. Въ концѣ каждой книги имѣется алфавитный указатель, съ указаніемъ части книги и №. Книги, реестры и дѣла, ведутся по изданной имперскимъ канцлеромъ инструкціи. Приговоры и приготовительныя работы докладчиковъ сохраняются въ судѣ. Въ концѣ года составляется отчетъ, который представляется имперскому канцлеру. Во время каникулъ должны оставаться на мѣстѣ не менѣе десяти членовъ, въ томъ числѣ предсѣдатель или одинъ изъ предсѣдателей департамента; они составляютъ каникулярный департаментъ (Ferien-Senat), въ которомъ предсѣдательствуетъ наличный предсѣдатель или предсѣдатель департамента, или, если къ этому встрѣчается препятствіе, старшій членъ; въ случаѣ недостатка наличныхъ членовъ, предсѣдательствующій можетъ назначить тѣхъ членовъ суда, которые должны замѣнить отсутствующихъ. Каникулярный департаментъ не имѣетъ права разсматривать дѣла, подлежащія общему собранію или соединеннымъ гражданскимъ или уголовнымъ департаментамъ. Дѣла предсѣдателя, секретаріата и судебныхъ приставовъ продолжаютъ свое обыкновенное теченіе и во время каникулъ. Если каникулярный департаментъ постановитъ о внесеніи рѣшенія въ преюдиціальную книгу, то объ этомъ сообщается всѣмъ постояннымъ департаментамъ. Кромѣ каникулъ и праздничныхъ дней, предсѣдатель можетъ удалиться безъ отпуска отъ мѣста нахожденія суда не болѣе какъ на восемь дней, а остальные судьи не болѣе какъ на сутки. Отпускъ разрѣшается предсѣдателю имперскимъ канцлеромъ, остальнымъ судьямъ до мѣсяца предсѣдателемъ, а на болѣе продолжительное время имперскимъ канцлеромъ. Приводъ къ присягѣ новыхъ членовъ, присяжныхъ повѣренныхъ и т. д. производится въ засѣданіи департамента, назначенномъ предсѣдателемъ. Старшинство предсѣдателей департаментовъ и членовъ опредѣляется временемъ назначенія, а при одновременномъ назначеніи прежнимъ старшинствомъ; если и оно окажется одинаковымъ, то возрастомъ. Кромѣ этихъ постановленій имѣются еще краткія постановленія о порядкѣ дисциплинарнаго производсвта надъ чинами судебнаго вѣдомства въ Эльзасѣ и Лотаринги, и болѣе подробныя о порядкѣ составленія рѣшеній, постановленныхъ имперскимъ судомъ, въ качествѣ третейскаго суда.

А. Фонъ-Резонъ.

(Окончаніе въ слѣдующей книгѣ).

КРИТИКА И БИБЛІОГРАФІЯ.

(Гражданское судопроизводство).

D-r A. Grawein, Prof. an der Univ. Czernowitz. Verjährung und Gesetzliche Befristung, 1 Th. Civilrechtliche Grundlegung. Leipzig 1880. стр. VIII+232.

Хотя трудъ проф. Гравейна, по содержанію, относится непосредственно къ области гражданскаго права—къ ученію объ исковомъ правѣ—но мы считаемъ возможнымъ подвергнуть его обсужденію въ нашемъ отдѣлѣ, съ одной стороны потому, что связь между ученіемъ объ исковомъ правѣ и гражданскимъ судопроизводствомъ самая тѣсная; многіе вопросы, между прочимъ, и вопросъ о давности, обсуждаются и въ томъ и другомъ, а съ другой стороны потому, что многіе вопросы исковаго права—затронутые и въ разсматриваемомъ трудѣ—разрѣшаются нашимъ уставомъ гражд. судопр.

Авторъ избралъ тему въ высшей степени интересную. Онъ хочетъ установить принципіальное различіе между исковою давностью и законною срочностью права, понимая подъ послѣднею тѣ случаи, когда законъ объявляетъ извѣстное право прекратившимся, вслѣдствіе неосуществленія его въ теченіе срока *менѣе продолжительнаго, нежели срокъ давности* Практическая важность этого различія—если оно дѣйствительно существуетъ—не можетъ подлежать сомнѣнію. Отъ признанія даннаго случая прекращенія права, вслѣдствіе неосуществленія его—давностью или срочностью, зависитъ при-

мѣненіе того или другаго положенія закона. Если данный срокъ есть срокъ давностный, то слѣд. онъ начинаетъ свое теченіе съ момента непользованія правомъ; теченіе его, вслѣдствіе наступленія извѣстныхъ обстоятельствъ, прерывается или пріостанавливается, вопросъ объ истеченіи его не можетъ быть возбужденъ судомъ ex officio, тяжесть доказыванія лежитъ на отвѣтчикѣ и т. д. Совершенно обратное мы видимъ въ случаяхъ прекращенія права, въ силу истеченія срока самаго права т. е. опять, по мнѣнію автора, въ случаяхъ т. наз. кратко-срочной давности.—Если въ данномъ законодательствѣ существуютъ различные сроки прекращенія права вслѣдствіе неосуществленія его, и лишь одни изъ нихъ могутъ быть названы сроками давностными, а другіе не могутъ, то конечно судья долженъ имѣть ясное, точное представленіе объ этомъ различіи.—Важности темы вполнѣ соотвѣтствуетъ основательность ея разработки. Авторъ, не щеголяя эрудиціею — щегольство это столь свойственно нѣмецкимъ юристамъ—изслѣдуетъ вопросъ строго научнымъ методомъ; онъ вездѣ ясенъ, точенъ, одно положеніе логически выливается изъ другаго, причемъ къ основной мысли, проводимой въ сочиненіи, онъ относится съ такою любовію, что ради доказательства вѣрности ея, готовъ часто пожертвовать вѣрностью того или другаго частнаго положенія. Если-бы мысль, проводимая проф. Гравейномъ была вѣрна, то его сочиненіе несомнѣнно имѣло-бы громадное значеніе. Ниже я постараюсь доказать полную ошибочность ея, и если вообще останавливаюсь на разборѣ этаго труда, то конечно не ради мысли проводимой авторомъ, а единственно съ цѣлью ознакомить читателя съ господствующей доктриною и отстоять вѣрность ея отъ нападокъ автора.

Прежде чѣмъ провести различіе между двумя юридическими явленіями, авторъ даетъ полную группировку случаевъ, когда, вслѣдствіе бездѣйствія лица въ теченіи извѣстнаго времени, прекращается принадлежащее ему право или наступаетъ аналогическій тому экономическій результатъ. Что касается собственно случаевъ прекращенія самаго права, то авторъ ихъ сводитъ къ тремъ категоріямъ: 1) когда законъ ограничиваетъ самое суще-

ствованіе права извѣстнымъ срокомъ. Время даетъ мѣру самому праву: „wie viel Frist, so viel Recht“ (стр. 25). Изъ примѣровъ приводимыхъ авторомъ напр. на стр. 94 пр. 40, видно, что къ этой категоріи принадлежатъ случаи, когда законный, правопрекращающій срокъ короче давностнаго, каковы у насъ напр. право требовать приплода животнаго, отданнаго въ пользованіе (ст. 431), право на вознагражденіе за убытки или увѣчья, причиненнные на желѣзной дорогѣ (зак. 1878 г.) и мн. др. Всѣ эти случаи авторъ называетъ „законною срочностью“; 2) когда право, существованіе коего не ограничено никакимъ срокомъ, прекращается въ силу истеченія извѣстнаго промежутка времени; право это прекращается не само собой, а вслѣдствіе наступленія извнѣ такого обстоятельства, которому придается правопрекращающее значеніе; въ данномъ случаѣ, это обстоятельство есть „непрерывное бездѣйствіе обладателя права“. Сюда относятся такъ наз. исковая давность и подобныя ей явленія, напр. потеря сервитута вслѣдствіе непользованія (nonusus) имъ и др. Этотъ случай авторъ называетъ давностью въ истинномъ смыслѣ—Verjährung; 3) когда тоже безсрочное право прекращается въ силу того, что по истеченіи извѣстнаго срока возникаетъ другое право, съ нимъ несовмѣстное. И тутъ требуется появленіе извнѣ обстоятельства, прекращающаго право—обстоятельство это есть народившееся новое право, не могущее ужиться съ прежнимъ. Сюда относится давность владѣнія—Ersitzung. Но кромѣ этихъ трехъ случаевъ, когда самое право прекращается, авторъ указываетъ еще на два, когда наступаетъ экономически анологическій тому результатъ, а именно 1) когда принимается предположеніе (praesumtio juris tantum), что обязательственное право, чрезъ извѣстный промежутокъ времени, прекратилось благодаря исполненію, причемъ обладателю права дается однако возможность опровергнуть это предположеніе. Такъ, по французскому праву (Code civil art. 2272) врачъ, не требовавшій гонорара въ теченіе года, теряетъ право на него; предполагается, что онъ получилъ вознагражденіе, но ему позволяется доказать, что предположеніе это невѣрно, что вознагражденіе имъ не получено;

тогда право за нимъ признается. Эти сроки авторъ называетъ презумпціонными—Vermuthungsfristen; 2) когда вслѣдствіе несовершенія въ теченіе извѣстнаго времени даннаго дѣйствія, прекращается не существующее уже право, а лишь возможность его возникновенія. До совершенія даннаго дѣйствія еще права нѣтъ—благодаря ему оно должно лишь возникнуть, напр. по многимъ законодательствамъ вексель, въ срокъ не предъявленный къ платежу, теряетъ всякое юридическое значеніе; право векселедержателя безъ этого предъявленія вовсе не можетъ возникнуть. Изъ нашего вексельнаго права нельзя привести подобнаго примѣра; нашъ вексель можетъ потерять силу вексельнаго права—rigor cambialis—а не силу заемнаго обязательства. Изъ нашего права можно указать на срокъ подачи заявленія о приведеніи изобрѣтенія въ исполненіе, срокъ принятія наслѣдства учебнымъ заведеніемъ, срокъ выкупа родоваго имѣнія и др. Сроки въ этихъ случаяхъ авторъ называетъ преклюзивными.

Подобная группировка имѣетъ важное научное значеніе въ томъ смыслѣ, что благодаря ей—если она вѣрна—дается возможность разграничить такія юридическія понятія, которыя имѣютъ лишь внѣшнее сходство, будучи по существу различными. Спрашивается, вѣрна-ли эта группировка, вѣрно-ли охарактеризована каждая изъ категорій сроковъ? Дать безусловно утвердительный отвѣтъ на эти вопросы едва-ли возможно. Изъ четырехъ, извѣстныхъ нашему праву, категорій, двѣ совершенно вѣрно охарактеризованы: въ настоящее время уже перестали разсматривать погасительную (Verjährung) и пріобрѣтательную давность (Ersitzung) какъ два видовыхъ понятія одного родоваго, нынѣ это два совершенно различные института. Что же касается сроковъ остальныхъ двухъ категорій—сроки, коими опредѣляется существованія самаго права и преклюзивные сроки, то имъ придана невѣрная характеристика. Господствующая доктрина ихъ характеризуетъ иначе, и по моему, вѣрнѣе. Сроками, опредѣляющими существованіе самаго права, она считаетъ и называетъ тѣ, которые авторомъ считаются и называются преклюзивными. Доктрина пони-

маетъ подъ преклюзивными сроками, такіе сроки, благодаря истеченію коихъ, при бездѣйствіи правообладателя, право *уже существующее* прекращаетъ свое существованіе. По мнѣнію-же автора о преклюзивномъ срокѣ можно говорить лишь въ томъ случаѣ, когда лицомъ упущено дѣйствіе, необходимое для того, чтобы право еще только могло возникнуть. Не трудно рѣшить, которое изъ этихъ мнѣній вѣрнѣе. Возьмемъ примѣръ. У насъ родственникъ продавца въ теченіи трехъ лѣтъ, со дня совершенія купчей, можетъ выкупить родовое имѣніе. Чтобы рѣшить вопросъ, есть-ли этотъ трехлѣтній срокъ преклюзивный срокъ въ смыслѣ автора или въ смыслѣ господствующей доктрины, нужно рѣшить другой вопросъ: существуетъ-ли въ лицѣ родственника продавца право выкупа до подачи имъ просьбы или-же эта подача необходимо, чтобы право выкупа въ его лицѣ возникла. Мнѣ думается, что право это уже существуетъ—фактъ состоянія лица въ родствѣ съ продавцемъ есть главный правопроизводящій фактъ, онъ уже существуетъ во всеоружіи своей правопроизводящей силы, ему нѣтъ надобности возникнуть—а если такъ, то и право, имъ порождаемое существуетъ. Трехлѣтній срокъ этотъ есть срокъ, до истеченія котораго родство сохраняетъ свою—въ этомъ направленіи—правопроизводящую силу—это есть срокъ самаго права. Словомъ сказать, тутъ мы имѣемъ дѣло со случаемъ дѣйствительной законной срочности. И точно такъ во всѣхъ случаяхъ, такъ назыв. авторомъ преклюзивности. Дѣйствіе которое авторъ разсматриваетъ, какъ актъ необходимый еще для образованія, возникновенія будущаго права, есть ничто иное, какъ актъ, коимъ осуществляется уже существующее право. Въ нашемъ примѣрѣ, подачею просьбы о выкупѣ не возникаетъ новое, а осуществляется уже существующее право. Вотъ почему слѣдуетъ присоединиться къ господствующему воззрѣнію и признать, что преклюзивные сроки суть установленные закономъ сроки существованія матеріальнаго права. Такъ что категоріи преклюзивныхъ, въ смыслѣ автора сроковъ не существуетъ—существуютъ преклюзивные сроки въ смыслѣ господствующей доктрины. Какъ-же быть съ первою категоріею

сроковъ т. е. законными, или, какъ говоритъ авторъ, съ „законною срочностью права“? Авторъ *характеризуетъ* эти сроки совершенно вѣрно—ими ограничивается существованіе права,—но *подводитъ* подъ эту категорію сроки совсѣмъ инаго сорта, а именно сроки давности менѣе продолжительные, чѣмъ общій срокъ. Такъ что и такой особой категоріи сроковъ признать нельзя—это тоже давность, но лишь краткосрочная.

Остаются слѣдовательно: а) законная срочность въ смыслѣ преклюзивности, б) давность погасительная, кратко и долгосрочная, в) давность пріобрѣтательная, г) презумпціонные сроки.

Изъ перечисленныхъ авторомъ категорій сроковъ онъ останавливается на двухъ: законныхъ, такъ назыв. имъ, „законной срочности“ и давностныхъ. Различіе между срочностью и давностью разсматривается имъ съ трехъ точекъ зрѣнія: теоретической, практической и легислятивной.

При установленіи теоретическаго различія между понятіями законной срочности т. е. краткосрочной давности господствующей доктрины и общей давности, авторъ разсуждаетъ слѣдующимъ образомъ: Въ обоихъ юридическихъ явленіяхъ видимъ два элемента — положительный и отрицательный; истеченіе извѣстнаго срока и бездѣйствіе правообладателя. Первый элементъ проявляется одинаково въ обоихъ, второй различно: бездѣйствіе правообладателя въ срочности права т. е. краткосрочной давности, заключается въ неосуществленіи имъ своего права. Что же касается давности (общей), то тутъ бездѣйствіе правообладателя не можетъ выразиться въ видѣ неосуществленія, а выражается въ воздержаніи отъ такихъ дѣйствій, которымъ правовый порядокъ придаетъ значеніе обстоятельствъ, прерывающихъ теченіе давности. Характеризуя такимъ образомъ отрицательный элементъ давности, авторъ высказывается рѣшительно противъ господствующаго воззрѣнія. Современная доктрина признаетъ, что, какъ въ давности, такъ и въ законной срочности, т. е. краткосрочной давности, бездѣйствіе правообладателя заключается въ неосуществленіи права. Въ обоихъ случаяхъ право прекращается въ силу того, что правообладатель не совершаетъ извѣстныхъ дѣйствій, изъ ко-

торыхъ видно его желаніе воспользоваться своимъ правомъ; всѣ эти дѣйствія называются общимъ именемъ „осуществленіе права“; сюда входитъ напр. принятіе процентовъ или части долга, установленіе поручительства, предъявленіе иска и др. Авторъ не считаетъ возможнымъ придавать столь широкое значеніе термину осуществленіе, онъ рѣшительно высказывается противъ того, чтобы изъ любви къ дурно формулированному опредѣленію... называть цѣлый рядъ актовъ „осуществленіемъ права“, каковымъ никто ихъ назвать не можетъ (стр. 54). Терминъ этотъ, по его мнѣнію, въ прямомъ, буквальномъ смыслѣ примѣняется только къ краткосрочной давности, когда дѣйствительно право прекращается вслѣдствіе неосуществленія т. е. не реализированія полнаго содержанія права напр. не предъявленія иска. При потери же права давностью, оно прекращается не только въ силу не осуществленія, но и въ силу не совершенія разныхъ другихъ дѣйствій. Аргументація его весьма невѣская; онъ говоритъ: 1) „развѣ въ полученіи кредиторомъ процентовъ отъ должника можно видѣть частичное осуществленіе права по займу? развѣ тоже самое можно видѣть въ любезности кредитора, выдающаго должнику новый документъ, взамѣнъ утѣряннаго“. На эти вопросы можно отвѣтить вопросомъ же—отчего нѣтъ? развѣ не всякій актъ, изъ котораго видно желаніе лица воспользоваться своимъ правомъ, можно назвать осуществленіемъ. Я не спорю, что терминъ этотъ не совсѣмъ удаченъ—но онъ пріобрѣлъ уже право гражданства въ наукѣ, ему приданъ извѣстный, опредѣленный смыслъ. А что сказалъ бы авторъ, еслибы вмѣсто этого термина употребить другой: пользованіе, и опредѣлить давность, какъ потерю права вслѣдствіе непользованія имъ въ теченіе опредѣленнаго срока? Едва-ли онъ станетъ утверждать, что тѣ дѣйствія, которыя, по его мнѣнію, нельзя подвести подъ понятіе осуществленія, не подойдутъ подъ понятіе пользованія? 2) Авторъ полагаетъ, что столь широкое пониманіе термина „осуществленіе“ приводитъ къ практическимъ затрудненіямъ—придется въ тѣхъ случаяхъ, когда законъ говоритъ, что данное право прекращается вслѣдствіе „неосуществленія“

признать, что право это прекращается „давностью“. На это слѣдуетъ возразить, что самъ же авторъ несовѣтуетъ вообще понимать выраженія закона въ слишкомъ буквальномъ смыслѣ — самъ онъ говоритъ, что употребленіе закономъ термина „давность“ недаетъ основанія предположить, что законодатель имѣетъ въ виду именно давность въ строго научномъ смыслѣ (стр. 60).

Автору нужно было съузить понятіе „осуществленіе“ права для того, чтобы провести различіе между краткосрочною и общею давностью: въ случаяхъ краткосрочной давности право прекращается вслѣдствіе неосуществленія, въ случаяхъ общей давности—вслѣдствіе несовершенія другихъ дѣйствій. Усилія автора не удались. Придавать особенный смыслъ термину, прочно установившемуся въ наукѣ, ради установленія различія между двумя институтами, нельзя одобрить; этимъ доказывается лишь, что у автора нѣтъ другихъ, болѣе солидныхъ доводовъ въ пользу отстаиваемой имъ мысли. Не видя въ давности способа прекращенія права вслѣдствіе „неосуществленія“ его, автору пришлось дать новое опредѣленіе этому понятію. Опредѣленіе вышло въ высшей степени неудачно. Давность, говоритъ онъ, есть прекращеніе права вслѣдствіе несовершенія въ теченіе извѣстнаго времени, такихъ дѣйствій, которыхъ правовый порядокъ признаетъ обстоятельствами, прерывающими теченіе давности (стр. 55). Сразу бросается въ глаза двойная логическая несостоятельность этого опредѣленія. Прежде всего въ самомъ опредѣленіи давности говорится о давности—это все равно, что сказать, что смерть есть прекращеніе жизни вслѣдствіе не наступленія такихъ обстоятельствъ, которыми смерть могла бы быть предотвращена. Само понятіе опредѣляемое, слѣдовательно еще неизвѣстное, входитъ въ составъ опредѣленія, какъ уже извѣстное. Но есть и болѣе глубокая логическая ошибка. Въ опредѣленіе внесенъ такой признакъ (обстоятельство прерывающее теченіи давности), какимъ характеризуется одно изъ многихъ *практическихъ послѣдствій* примѣненія давности. Самъ авторъ ниже разсматриваетъ всѣ эти послѣдствія, не исключая и перерыва. Для понятія давности важно прежде всего, чтобы не было совершено такое дѣйствіе,

изъ котораго было бы видно, что лицо желаетъ воспользоваться своимъ правомъ. Уже практическимъ послѣдствіемъ этого положенія будетъ то, что дѣйствія эти должны прерывать теченіе давности.

Перехожу къ установляемому авторомъ практическому различію между давностью и срочностью. Въ тринадцати пунктахъ онъ видитъ противуположность институтовъ. Я останавлюсь лишь на нѣкоторыхъ. По его мнѣнію, напримѣръ при „законной срочности“ срокъ начинаетъ свое теченіе съ момента возникновенія самого права, при давности—съ того момента, съ котораго правообладатель бездѣйствуетъ, имѣя возможность дѣйствовать, напр. не предъявляетъ иска, не пользуется сервитутомъ и т. п. Конечно, если понимать подъ „законною срочностью“ то, что понимаетъ доктрина т. е. ограниченіе права прекратительнымъ срокомъ, то различіе, установляемое авторомъ, будетъ совершенно вѣрно. Уже изъ понятія „срочности“ вытекаетъ, что срокъ существованія права начинается съ момента возникновенія его. Но вѣдь авторъ понимаетъ срочность по своему, онъ сравниваетъ собственно краткосрочную давность съ общею, благодаря чему и нельзя признать вѣрнымъ указываемый имъ признакъ отличія институтовъ; будь хоть срокъ давности самый малый, онъ считается съ того момента, съ котораго обладатель права имѣлъ возможность, но не пожелалъ, осуществить свое право. Возьмемъ примѣръ. По прусскому праву, право на очистку, въ силу юридическихъ недостатковъ вещи, погашается по истеченіи года; въ такой-же срокъ погашается у насъ право оспаривать законность рожденія ребенка, когда жена скрыла отъ мужа рожденіе ребенка (у. г. с. 1351). Съ какого же момента тутъ течетъ давность? Съ того момента, когда стало возможнымъ предъявленіе иска т. е. съ момента извѣстности недостатка вещи и незаконности рожденія, а никакъ не съ момента возникновенія права. Право тутъ существовало задолго до возможности предъявленія иска. Позволю себѣ привести еще примѣръ. На основаніи 77 ст. герм. векс. уст.— вексельное право погашается 3-хлѣтнею давностью, а между

тѣмъ срокъ этотъ считается не съ момента возникновенія права, а со срока платежа.

Насколько вообще нельзя признать никакого отношенія между срокомъ погашенія права давностью и моментомъ, съ котораго давностный срокъ изчисляется, видно изъ множества случаевъ, когда права по существу тождественныя, но различныя по второстепеннымъ признакамъ, погашаются разносрочною давностью, исчисляемою съ однороднаго момента. Еслибъ отъ продолжительности срока ея зависѣлъ и моментъ исчисленія ея, то въ этихъ случаяхъ пришлось-бы началомъ ея признать разные моменты, не смотря на тождественность самыхъ правъ, напр. по римскому праву вообще сервитуты прекращаются, когда ими непользуются въ теченіе 10-ти лѣтъ, а если пользованіе можетъ быть осуществлено только съ промежутками болѣе мѣсяца, то сервитутъ прекращается черезъ 20 лѣтъ. Въ обоихъ случаяхъ, не смотря на различіе сроковъ, — какъ и иначе быть не можетъ — давностной срокъ считается со времени непользованія. Возьмемъ примѣръ изъ нашего законодательства. Искъ объ убыткахъ, причиненныхъ желѣзною дорогою, можетъ быть предъявленъ лишь въ теченіе года. Съ какого момента считается этотъ срокъ?—съ момента нанесенія убытка, съ момента, съ котораго пострадавшій могъ дѣйствовать, но не дѣйствовалъ, могъ предъявить искъ, но не предъявилъ его. А еслибъ убытокъ былъ причиненъ другимъ физическимъ или юридическимъ лицомъ, искъ погашаемый общею давностью? Въ этомъ случаѣ мы видимъ тоже самое—давностный срокъ начинаетъ течь съ того момента, когда стало возможнымъ предъявленіе иска. Оба эти иска, какъ иски по обязательствамъ изъ правонарушенія, характерны въ томъ смыслѣ, что тутъ моментъ возникновенія права (формально, но не логически) совпадаетъ съ моментомъ рожденія иска (actio nata). Нанесенъ ущербъ, возникло и обязательственное право, которое въ случаѣ неудовлетворенія пострадавшаго, даетъ ему право искать убытки и тутъ несмотря на различіе сроковъ давности въ обоихъ искахъ срокъ считается съ одного и того же момента.

Другое напр. практическое различіе между краткосрочною давностью (срочностью) и общею, авторъ видитъ въ томъ, что первая никогда и ничѣмъ не пріостанавливается въ своемъ теченіи—пріостановленіе возможно только въ давности. Авторъ выставляя это положеніе, силится его доказать чисто логическимъ путемъ: 1) давность пріостанавливается вслѣдствіе того, что не обнаруживается во внѣ, на нѣкоторое время, разрушительная сила правопрекращающаго факта, при „срочности“—же нельзя вовсе и говорить о временномъ безсиліи правопрекращающаго факта, такъ какъ существованіе факта этаго вовсе не предполагается (стр. 91); 2) въ основаніи пріостанновленія давности лежитъ та мысль, что невольное, изнинительное бездѣйствіе правообладателя (напр. при несовершеннолѣтіи, во время войны и т. п.) не должно ему вредить, при „срочности“ же совершенно безразлично въ силу какихъ обстоятельствъ лицо бездѣйствовало (стр. 92); 3) пріостановленіе срока самаго права было бы равносильно произвольному удлиненію срока, установленнаго закономъ: „разширенное право есть новое право“ (стр. 93). Къ этимъ тремъ доводамъ прибавленъ 4)—легислативный: безконечно—продолжительное пребываніе въ нѣкоторыхъ юридическихъ положеніяхъ, часто невыносимо для лица обязаннаго болѣе цѣлесообразно съ самаго начала положить предѣлъ такому положенію, чѣмъ ставитъ вопросъ о прекращеніи этаго положенія въ зависимости отъ поведенія (Verhalten) правообладателя, какъ мы это видимъ въ давности (стр. 94). Противъ всѣхъ этихъ доводовъ можно сдѣлать слѣдующія возраженія: 1) О временномъ безсиліи правопрекращающаго факта (т. е. бездѣйствіи управомоченнаго) нельзя бы было говорить по отношенію къ „срочности“, если-бъ авторъ стоялъ на точкѣ зрѣнія господствующей доктрины, и не отождествлялъ-бы краткосрочную давность“ со „срочностью“ права. Бездѣйствіе правообладателя въ теченіе извѣстнаго времени есть правопрекращающій фактъ, какъ при краткосрочной, такъ и при общей давности; не предъявленіе иска въ теченіе года также прекращаетъ право на вознагражденіе за убытки причиненные же

лѣзною дорогою, какъ и непредъявленіе иска въ теченіи десяти лѣтъ прекращаетъ право на вознагражденіе за убытки, причиненныя другимъ лицомъ. Если такъ, если право прекращается въ силу наступленія факта, то слѣдуя логическому пріему автора, конечно можно говорить о временномъ безсиліи этаго факта. 2) Какъ для давности такъ и для „срочности" далеко не безразлично почему лицо бездѣйствовало. Есть ли разумная причина считать временное прекращеніе судебной расправы, напр. по случаю чумы, основаніемъ пріостановленія давности исковъ объ убыткахъ къ страховому обществу и не считать это обстоятельство основаніемъ пріостановленія давности исковъ объ убыткахъ къ желѣзнодорожной компаніи? 3) Если „пріостановленіе" общей давности не есть произвольное удлиненіе законнаго срока, то почему-же считать таковымъ пріостановленіе краткосрочной? Законъ въ обоихъ случаяхъ установляетъ извѣстный срокъ и въ видѣ общаго правила не запрещаетъ въ случаяхъ краткосрочной давности удлинять этотъ срокъ путемъ пріостановленія. Слѣдов. о произволѣ нельзя говорить. 4) Трудно себѣ объяснить, почему юридическое положеніе желѣзнодорожной компаніи невыносимѣе положенія страховаго общества въ дѣлахъ о вознагражденіи за убытки. Ради устраненія неопредѣленности, изъ желанія дать обязанному возможность выйти изъ „невыносимаго" положенія и установлена, между прочимъ, давность, какъ общія, такъ и краткосрочная. Одно лишь можно допустить, что законодатель. установляя въ данномъ случаѣ краткую давность, считалъ положеніе обязаннаго въ этомъ случаѣ *болѣе* невыносимымъ, чѣмъ въ другихъ и постарался его скорѣе вывести изъ этого положенія.

Такъ же несостоятельны положенія автора будто-бы вопросъ объ истеченіи срока самаго права всегда возбуждается судомъ ex officio. вопросъ-же о давностномъ прекращеніи права—стороною. Это совершенно вѣрно, если подъ „законною срочностью" понимать ограниченіе права преклюзивнымъ срокомъ, а не краткосрочную давность. Право, неосуществленное въ теченіе преклюзивнаго срока—несуществуетъ объек-

тивно—это nonsens, которому судъ не можетъ придать жизни, напр. черезъ четыре года по совершеніи купчей родственникъ продавца подаетъ просьбу о выкупѣ—законъ не признаетъ этого права и судъ, видя что срокъ пропущенъ, не можетъ уважить просьбы. Но если понимать подъ „законною срочностью“ краткосрочную давность, то положеніе автора безусловно несостоятельно. Продолжительность срока и въ этомъ случаѣ не имѣетъ никакого значенія.

Боясь утомить читателя, я не стану болѣе останавливаться на практическомъ различіи между „срочностью“ и „давностью“ замѣчу лишь, что противъ каждаго изъ пунктовъ, въ которыхъ проявляется, по мнѣнію автора, противуположность институтовъ, можно сдѣлать возраженія, по существу однородныя съ вышеизложенными.

Что касается различія между „законною срочностью“ т. е. краткосрочною давностью и общею давностью съ легислативной точки зрѣнія, то и тутъ авторъ остался вѣренъ себѣ. Онъ выставляетъ слѣдующее довольно странное положеніе: „продолжительность давностнаго срока находится въ тѣснѣйшей связи съ ratio давности“ (стр. 211). По мнѣнію автора мотивы давности — необходимость опредѣленности юридическаго быта, презумція дѣйствительнаго существованія фактовъ, приводимыхъ должникомъ, трудность доказыванія и т. п.—только и имѣютъ значеніе подъ условіемъ долгосрочности ея; они теряютъ смыслъ, когда рѣчь идетъ о нѣсколькихъ годахъ, мѣсяцамъ или дняхъ (стр. 212). Авторъ выводитъ изъ этого принципіальное различіе институтовъ. Насъже это наводитъ на иныя мысли: 1) слишкомъ краткая давность не имѣетъ смысла и нежелательно принятіе ея законодательствомъ, но изъ этого не слѣдуетъ чтобы былъ желателемъ однообразный срокъ и 2) въ силу многихъ соображеній законодатель можетъ сократить этотъ срокъ, напр. признавая вообще срокъ, принятой законодательствомъ, слишкомъ продолжительнымъ, или не считая возможнымъ въ видахъ быстроты торговаго оборота сохранить общій срокъ или признавая положеніе лица обязаннаго рѣшительно невыносимымъ

и т. п. Кажется авторъ совершенно напрасно смѣется надъ тѣми старыми австрійскими учеными, которые не видѣли *Verjährung*, тамъ, гдѣ срокъ погашенія былъ короче, чѣмъ ein *Jahr*. Самъ онъ въ сущности дѣлаетъ тоже: если лицо *давно* не пользуется своимъ правомъ и теряетъ его—это *давность*, если не очень давно—„законная срочность“.

Въ заключеніе повторяю: трудъ проф. Гравейна имѣетъ то значеніе, что окончательно утверждаетъ насъ въ вѣрности господствующей доктрины; благодаря глубины его анализа, передъ намъ раскрывается мелочайшія фазисы ученія о погасительной давности, но къ сожалѣнію, они освѣщаются имъ невѣрно.

D-r J. Kohler, Prof. in Würzburg — Civilprocessualische Rechtsunfgaben. Jena. 1881 стр. 1+34.

Знаніе одной теоріи права, какъ системы ученій, далеко недостаточно, не только для лицъ, выступающихъ, по окончаніи курса юридическихъ наукъ, на практическое поприще, но и для лицъ, желающихъ надлежащимъ образомъ усвоить и оцѣнить теорію. Это давно поняли на Западѣ, давно уже, предлагаютъ лицамъ, изучившимъ или изучающимъ теорію, укрѣпить и провѣрить свои знанія на практическихъ случаяхъ: появляются сборники задачъ по той или другой отрасли права. Потребность на подобные задачники внѣ сомнѣнія—труды Дохова, Іеринга и Гиртаннера выдержали уже нѣсколько изданій. Нѣмецкіе професора настоятельно совѣтуютъ своимъ слушателямъ упражняться въ разрѣшеніи всяческихъ юридическихъ задачъ и, какъ видно изъ громаднаго числа разошедшихся экземпляровъ задачниковъ, совѣты ихъ не пропадаютъ даромъ.

По гражданскому судопроизводству вышелъ задачникъ лишь на дняхъ, такъ что теперь имѣются таковые по гражданскому и уголовному праву и по гражданскому судопроизводству. Послѣдній составленъ проф. Колеромъ съ полнымъ знаніемъ дѣла. Казалось-бы составить сборникъ задачъ можно живо, долго не-

размышляя—но не такъ смотрятъ на дѣло истинные ученые, не такъ взглянулъ на него проф. Колеръ; онъ, какъ видно изъ предисловія, принялся за свою работу, лишь сознавъ достаточность своей не только теоретической, но и практической подготовки; онъ не сразу выпустилъ въ свѣтъ свой сборникъ, а сначала испыталъ годность его на собственныхъ практическихъ занятіяхъ со слушателями.

Для примѣра я позволю себѣ привести переводъ одной изъ самыхъ краткихъ и несложныхъ задачъ общаго характера (№ 24). „А. предъявляетъ къ Б. искъ объ уплатѣ 2000 марокъ, данныхъ имъ взаймы Ф., наслѣдодателю Б.—Б., зная что наслѣдодатель находился съ А. въ постоянныхъ дѣловыхъ сношеніяхъ и будучи увѣренъ въ честности А., признаетъ долгъ, но въ свою очередь предъявляетъ къ А. различныя встрѣчныя требованія, которыя однако послѣднимъ оспариваются. Въ то время когда дѣло перешло уже въ апелляціонную инстанцію, Б. знакомится съ пріятелемъ наслѣдодателя, который вручаетъ ему нѣсколько документовъ, изъ которыхъ очевидно, что заемъ между Ф. и А. не состоялся—переговоры не привели ни къ какому результату. Б. излагаетъ въ апелляціонномъ судѣ всѣ обстоятельства дѣла и опровергаетъ сдѣланное имъ признаніе. А. объявляетъ это опроверженіе невозможнымъ. Какъ разрѣшить этотъ случай?“ Разрѣшеніе этой задачи несомнѣнно поможетъ уясненію двухъ ученій: о судебномъ признаніи и объ апелляціи.

Насколько желательно появленіе у насъ *подобнаго* задачника, настолько нежелателенъ переводъ книжки проф. Колера. Мнѣ кажется, что трудъ переводчика Іеринговой „Jurisprudenz des täglichen Lebens“ пропалъ совершенно даромъ. Такіе практическіе задачники всегда носятъ на себѣ національный характеръ—въ нихъ всегда имѣются въ виду жизнь и законодательство данной страны, часто неизвѣстныя въ сосѣднемъ государствѣ.

D-r. E. von Schrutka—Rechtenstamm Prof. an der Univ. Czernowitz—Die Compensation im Concurse. 1881. Berlin. Стр. VI+130.

Имя автора этого изслѣдованія знакомо читателю; въ январьской книжкѣ „Журн. гр. и уг. права“ я разсмотрѣлъ его сочиненіе о свидѣтельскихъ показаніяхъ, сочиненіе, лишенное почти всякой самостоятельности: въ немъ „какъ въ зеркалѣ, отражается современное состояніе науки по избранному вопросу“. Нынѣ авторъ выступилъ съ работою гораздо болѣе самостоятельною, но опять совершенно, такъ сказать безидейною. Нѣтъ въ его работахъ мысли, которая проходила бы сквозь все сочиненіе. Съ этой стороны трудъ Гравейна долженъ быть поставленъ выше, но съ другой—тщательная, детальная, строго юридическая разработка догматической стороны вопроса заставляетъ отвести труду проф. Шрутки-Рехтенштамма почетное мѣсто въ современной литературѣ.

Вопросъ, изслѣдуемый авторомъ—о зачетѣ въ конкурсѣ—имѣетъ важное практическое значеніе: случаи, когда одно и тоже лицо, является и должникомъ и кредиторомъ несостоятельнаго, въ развитомъ торговомъ быту, весьма часты и новѣйшія законодательства даютъ рядъ нормъ, касательно этихъ случаевъ. Для кредитора-должника несостоятельнаго весьма существенно, какое положеніе законъ для него создаетъ. Законъ можетъ признать возможность зачета; въ такомъ случаѣ кредиторъ не считаетъ конкурснымъ, его требованіе погашается внѣ конкурса требованіемъ несостоятельнаго—первое погашается вполнѣ. Если-же законъ не допускаетъ зачета, то требованіе несостоятельнаго къ кредитору входитъ въ массу, а требованіе кредитора удовлетворяется изъ массы по соразмѣрности, смотря по свойству этого требованія; въ массу требованіе кредитора поступитъ полною суммою, а кредиторъ получитъ изъ массы по соразмѣрности т. е. ему часто придется приплатить.

Авторъ начинаетъ съ установленія „принципа правоваго института зачета“ и совершенно основательно присоединяется

къ новѣйшему воззрѣнію, что наличности двухъ, взаимно погашающихся, требованій еще недостаточно для понятія зачета; два такихъ требованія могутъ стоять лицомъ къ лицу, не погашаясь и могутъ прекратиться совершенно независимо одно отъ другаго. Для понятія зачета, а слѣдов. и для осуществленія его, еще необходимо или обоюдное согласіе сторонъ, договоръ о зачетѣ (compensatio valuntaria) или-же желаніе одной изъ сторонъ, въ томъ случаѣ когда другая не желаетъ дѣйствовать согласно дѣйствительному интересу обоихъ (comp. necessaria) (стр. 5). Изъ этого можно сдѣлать тотъ выводъ, по отношенію къ зачету въ конкурсѣ, что наличность двухъ требованій, способныхъ къ взаимному погашенію, при несостоятельности однаго изъ кредиторовъ-должниковъ, не даетъ конкурсному управленію права произвести зачетъ; отъ кредитора зависитъ заявить требованіе о зачетѣ или не заявлять; его личный интересъ долженъ ему подсказать—погасить требованіе или же уплатить то, что слѣдуетъ въ массу и получить изъ массы соотвѣтствующее удовлетвореніе.

Соглашаясь съ этими положеніями, замѣчу однако, что было-бы болѣе научно и вѣрно, если-бы авторъ вывелъ свой принципъ „компенсаціи“ изъ состязательнаго начала гражданскаго процеса. Конкурсное управленіе, какъ и судъ вообще не могутъ быть рѣшителями частнаго интереса сторонъ. Авторъ могъ-бы ограничиться парою словъ: въ виду того, что вопросъ о компенсаціи отзывается лишь на интересѣ сторонъ, тутъ примѣняется состязательное начало: прежде всего кредиторъ рѣшаетъ вопросъ быть или не быть компенсаціи.

Затѣмъ авторъ обращается къ вопросу о положеніи кредитора-должника несостоятельнаго и о предъявленіи имъ своего требованія (стр. 16—44). Читая эти страницы, невольно задается вопросомъ, къ чему это написано. Дѣло въ томъ, что въ австрійскомъ конкурсномъ уставѣ есть статья (20-я), гласящая, что требованія, погашенныя въ силу закона путемъ зачета до открытія конкурса, могутъ не быть нредъявлены въ конкурсъ. Если-бы авторъ занялся разностороннимъ анализомъ этой статьи, то онъ конечно пришелъ-бы къ тому вы-

воду, что 1) австрійское право, допуская зачетъ въ силу закона, отступило отъ требованія науки, но что тѣмъ не менѣе, 2) по смыслу его, кредитору-должнику несостоятельнаго не только нѣтъ надобности „предъявлять“ свое требованіе, но что онъ и не участвуетъ въ конкурсѣ, въ качествѣ конкурснаго кредитора — онъ не получаетъ удовлетворенія изъ массы, онъ сепаратистъ ex jure crediti т. е. ни съ него въ массу ничего не получается, ни къ нему изъ массы при удовлетвореніи, ничего не поступаетъ—конкурсный попечитель производитъ зачетъ. Авторъ-же къ этому выводу приходитъ долгимъ путемъ установленія аналогіи между правомъ зачета и правомъ удержанія и залога. Статьи 20-й какъ будто и нѣтъ въ уставѣ. О лицахъ, имѣющихъ право удержанія или залога, въ уставѣ прямо сказано, что они сепаратисты ex jure crediti Это навело автора на слѣдующее соображеніе. Если между правами удержанія и залога и правомъ зачета дѣйствительно имѣется аналогія, то конечно и кредиторъ-должникъ несостоятельнаго сепаратистъ. Задача слѣдов. сводится къ отысканію этой аналогіи. Что касается аналогіи между правомъ удержанія и правомъ зачета, то автору не зачѣмъ было это доказывать—этотъ вопросъ разрѣшился-бы самъ собою разрѣшеніемъ другаго вопроса. Въ австр. конк. уставѣ въ ст. 11 говорится, что въ конкурсѣ право удержанія обсуживается, какъ право залога, слѣдов. если будетъ доказана аналогія между правомъ зачета и правомъ залога, то аналогія между первымъ и правомъ удержанія будетъ ясна сама собой.—Авторъ неограничивается однако подобнымъ умозаключеніемъ; онъ проводитъ аналогію между зачетомъ и удержаніемъ, причемъ дѣлаетъ одно замѣчаніе, съ которымъ согласиться нельзя. По его мнѣнію сходство между зачетомъ и удержаніемъ можно признать только въ такомъ случаѣ, когда законъ разрѣшаетъ держателю вещи несостоятельнаго продать ее и получить удовлетвореніе. (стр. 25) Мнѣ кажется, что тутъ способъ продажи никакого значенія не имѣетъ; самъ ли держатель вещи ее продаетъ и беретъ удовлетвореніе или вещь продается при содѣйствіи суда и деньги вручаются держателю—

это безразлично. Благодаря наступившей несостоятельности, вещь удержанная продается, но право собственности, сохраняясь за должникомъ, мѣняетъ свой объектъ—объектомъ этимъ являются деньги, вырученныя чрезъ продажу; эти-то деньги передаются, переходятъ въ собственность кредитора и ими погашается его требованіе; такъ что можно сказать, что право должника на сказанную сумму погашается правомъ кредитора на удовлетвореніе. Разсуждая такимъ образомъ, надо признать аналогію между удержаніемъ и зачетомъ совершенно независимо отъ того, при содѣйствіи-ли суда или безъ того, продана удержанная вещь.

Доказывая затѣмъ аналогію между правомъ зачета и правомъ залога, авторъ приводитъ въ пользу этой аналогіи весьма не много соображеній. Положимъ, читатель, допускающій эту аналогію, не нуждается въ особенныхъ соображеніяхъ автора, но вѣдь нельзя предположить, что всѣ ее допускаютъ, это вѣдь не общее мѣсто науки. Сославшись на мотивы редакторовъ герм. конк. устава, въ которыхъ говорится, что *право залога* и право удержанія, если на объектъ обезпеченія съ экономической стороны, смотрѣть, какъ на денежную цѣнность, могутъ быть возведено на степень права зачета и послѣднее, какъ болѣе сильное воспринимаетъ въ свое содержаніе первое—авторъ, не проводитъ аналогію по пунктамъ, не развиваетъ положенія, взятаго изъ мотивовъ герм. конк. устава, а пользуется инымъ пріемомъ для той-же цѣли: онъ находитъ аналогію между этими правами въ конечныхъ фазисахъ ихъ осуществленія (стр. 27). Тутъ онъ не ставитъ непремѣннымъ условіемъ возможности аналогіи, право залогопринимателя продать вещь безъ содѣйствія суда, тутъ онъ старается, для вящей убѣдительности, доказать что залогоприниматель осуществляетъ свое право не путемъ исполненія судебнаго рѣшенія о продажи вещи и удовлетвореніи, какъ слѣдовало-бы по § 11 австр. улож., а однимъ постановленіемъ этого рѣшенія; судъ лишь постановляетъ, что право залогопринимателя погашается правомъ залогодателя. Авторъ для примѣра указываетъ на рядъ случаевъ, когда аналогія за-

чета съ залогомъ выступаетъ весьма рельефно, а именно при т. наз. pignus irregulare, при которомъ кредиторъ, залогоприниматель является и должникомъ по отношенію къ тому дѣйствію, которое должно служить ему предметомъ обезпеченія или когда залогоприниматель становится наслѣдникомъ залогодателя или-же когда между сторонами состоялось соглашеніе на счетъ зачета и т. д. (стр. 27). Но болѣе подробно авторъ разсматриваетъ „случай, когда требованіе залогодателя къ залогопринимателю заложено послѣднимъ“ (стр. 32). Подобно тому, какъ при судебномъ зачетѣ, судъ постановляетъ, что истецъ имѣетъ на отвѣтчикѣ право требованія въ X., отвѣтчикъ на истцѣ—право требованія въ У. что истецъ обязанъ зачесть требованія и что судъ считаетъ зачетъ произведенныхъ—такъ и въ изслѣдоваемомъ авторомъ случаѣ залога, судъ констатируетъ тѣже факты, онъ постановляетъ, что истецъ (залогоприниматель) имѣетъ на отвѣтчикѣ требованіе X., что отвѣтчикъ (залогодатель) имѣетъ на истцѣ требованія У., что истецъ имѣетъ уже способное къ осуществленію право залога въ требованіи У. въ обезпеченіе его требованія X., что истецъ обязанъ зачесть требованіе, что судъ признаетъ зачетъ произведеннымъ. Аналогія весьма полная, хотя правду сказать, и безъ анализа этого случая можно было обойтись (стр. 32, 33).

Наличность аналогіи зачета съ удержаніемъ и залогомъ даетъ автору основаніе признать, что, когда одно и тоже лице является и кредиторомъ и должникомъ несостоятельнаго, то оно находится въ положеніи держателя вещи несостоятельнаго и залогопринимателя т. е. *сепоратиста ex jure crediti*; какъ таковое, оно *не участвуетъ въ конкурсѣ*, а взаимныя требованія, его и несостоятельнаго, погашаются.

Затѣмъ авторъ переходитъ къ вопросу объ ограниченіи и расширеніи права зачета. Нельзя не согласиться съ нимъ, что матеріально—правовыя нормы, касающіяся зачета, вообще видоизмѣняются, когда рѣчь заходитъ о конкурсѣ. Видоизмѣненіе это проявляется въ двухъ направленіяхъ; съ одной стороны право зачета ограничивается, съ другой расширяется.

Ограниченіе состоитъ въ томъ, что зачетъ только тогда можетъ имѣть мѣсто внѣ конкурса, когда право на зачетъ возникло уже до момента открытія конкурса, расширеніе—что того или другаго условія зачета вообще не требуется отъ зачета при конкурсѣ.

Что касается органиченія права зачета, то авторъ приходитъ къ заключенію о необходимости его чисто-логическимъ путемъ: 1) онъ исходитъ изъ понятія „конкурснаго притязанія". Конкурснымъ, онъ называетъ, право каждаго кредитора, имущественное право коего возникло до конкурса, требовать, чтобы все имущество должника, входящее въ массу, было по закону распредѣлено между всѣми кредиторами. Притязаніе это конечно не должно быть нарушено. Изъ этого само собою слѣдуетъ, что ни одинъ изъ конкурсныхъ кредиторовъ не имѣетъ права требовать, чтобы то, что онъ долженъ массѣ, было (конечно по возникновеніи конкурснаго притязанія, т. е. *по открытіи конкурса*) погашено, зачтено—это было-бы нарушеніемъ притязаній остальныхъ кредиторовъ. Но это правило примѣняется вполнѣ только въ такомъ случаѣ, когда требованія кредитора и несостоятельнаго совершенно изолированы одно отъ другаго, если же взаимныя требованія суть „элементы цѣлаго комплекса правоотношеній, разсматриваемыхъ юридически какъ единое, цѣлое, то изъ правила допускается исключеніе; тутъ зачетъ взаимныхъ требованій по открытіи конкурса возможенъ, хотя и внѣ его. Такое единство имѣется въ двухъ случаяхъ: когда оба кредитора—должника заключили pactum de compensando и когда ихъ взаимныя требованія вытекаютъ изъ одного и того-же договорнаго основанія, напр. изъ аренды (стр. 50—55). Во всѣхъ остальныхъ случаяхъ, какъ конкурсное притязаніе возникло, зачетъ уже невозможенъ. Иначе: одно изъ дѣйствій конкурснаго притязанія состоитъ въ томъ, что обладатель его не можетъ требовать зачета, т. е. полнаго удовлетворенія; притязаніе это возникаетъ только по открытіи конкурса, а слѣдов. и дѣйствіе его, т. е. невозможность зачета, наступаетъ лишь по открытіи конкурса; a contrario: зачетъ возможенъ

лишь до открытія конкурса. 2) Упомянутое ограниченіе права зачета авторъ выводитъ еще и иначе: для зачета необходимо, чтобы требованія были однородны; если-же одинъ изъ должниковъ—кредиторовъ впалъ въ несостоятельность, то другой имѣетъ на него уже не однородное требованіе—требованіе это уменьшается, оно удовлетворяется не вполнѣ, а по соразмѣрности. Такъ что, въ виду отсутствія однородности требованій, зачетъ по открытіи конкурса невозможенъ.

Теперь уже не трудно сдѣлать заключеніе, что зачетъ, при несостоятельности одинаго изъ кредиторовъ—должниковъ, возможенъ лишь въ томъ случаѣ, когда *оба требованія возникли* до открытія конкурса.

Далѣе авторъ разсматриваетъ въ связи съ вопросомъ объ ограниченіи зачета въ конкурсѣ, три комбинаціи взаимныхъ требованій, когда нельзя говорить о способности ихъ къ зачету до конкурса: 1) когда оба требованія возникли по открытіи конкурса, 2) когда требованіе конкурснаго кредитора возникло до, а требованіе несостоятельнаго—по открытіи конкурса и 3) когда требованіе несостоятельнаго возникло до, а требованіе кредитора—по открытіи конкурса. Понятно, что въ этихъ случаяхъ зачета не можетъ быть: въ первомъ случаѣ потому, что кредиторъ не имѣетъ вовсе конкурснаго требованія. Такъ какъ конкурсные кредиторы, въ силу принадлежащаго имъ конкурснаго притязанія, имѣютъ исключительное право на удовлетвореніе изъ массы, то долгъ третьяго съ его требованіемъ только тогда можетъ быть зачтенъ, когда онъ не вошелъ въ составъ конкурсной массы. Однако изъ этого авторъ допускаетъ одно исключеніе относительно такъ наз. кредиторовъ массы — ихъ долгъ и ихъ требованіе, возникшіе по открытіи конкурса, могутъ быть зачтены (стр. 70—74). Во второмъ случаѣ нужно различать: входитъ-ли долгъ кредитора несостоятельному въ составъ массы или нѣтъ; если не входитъ, то зачетъ не возможенъ потому, что конкурсный кредиторъ не можетъ претендовать на любое имущество должника во время конкурса и внѣ его, если-же долгъ входитъ въ составъ массы, то зачетъ невозможенъ потому, что,

по открытіи конкурса, кредиторъ уже не можетъ пріобрѣсть право на отдѣльное удовлетвореніе изъ составной части массы; кредиторъ, купившій извѣстныя вещи изъ массы, не можетъ требовать, чтобы его требованіе было вполнѣ погашено долгомъ по покупкѣ вещи. Наконецъ что касается третьяго случая, т. е. когда требованіе несостоятельнаго возникло до, а требованіе кредитора по открытіи конкурса, то нужно замѣтить, что послѣднее, какъ возникшее по открытіи конкурса, не можетъ быть конкурснымъ требованіемъ; относительно-же перваго, какъ и въ предъидущей комбинаціи, надо различать: вошло-ли оно въ массу или нѣтъ; если вошло, то оно можетъ быть зачтено только съ требованіемъ къ массѣ; зачетъ съ другими требованіями невозможенъ, ибо это требованіе входитъ въ составъ массы, изъ которой конкурсные кредиторы, и только они, получаютъ удовлетвореніе; если-же требованіе несостоятельнаго не входитъ въ составъ массы, то оно конечно не можетъ быть зачтено и съ требованіемъ къ массѣ—особенность послѣднихъ и заключается въ томъ, что они могутъ быть удовлетворены только изъ массы. Вообще эта часть работы проф. Шрутки-Рехтентамма отличается строго-юридическою логичностью.

Я выше сказалъ, что расширеніе права зачета авторъ видитъ въ томъ, что при конкурсѣ возможенъ зачетъ и при отсутствіи обыкновенно необходимыхъ условій. Прежде всего авторъ видитъ это расширеніе,—въ отступленіи отъ условія *однородности* зачитываемыхъ требованій: при конкурсѣ возможенъ зачетъ и такихъ требованій, которыя при возникновеніи были разнородными, т. е. когда требованіе несостоятельнаго денежное, или иное, а требованіе кредитора неденежное; необходимо лишь для возможности зачета, чтобы требованія кредитора могло быть обращено въ денежное, такъ что къ моменту зачета оно дѣйствительно должно быть денежнымъ. Едва-ли можно согласиться съ авторомъ, что въ случаѣ, когда требованіе кредитора неденежное, оно должно быть обращено въ деньги. Нѣтъ вовсе надобности выставлять столь безусловное положеніе; часто для обѣихъ сторонъ выгоднѣе произвести

зачетъ т. сказ. натурою. Конечно если оба требованія однородны и касаются другихъ вещей, а не денегъ, то обращать ихъ въ денежныя требованія не надо (стр. 89—93). Дальнѣйшимъ общимъ условіемъ зачета считается *наступленіе срока* удовлетворенія по обоимъ обязательствамъ. Авторъ, съ юридической точки зрѣнія, тутъ не допускаетъ никакихъ послабленій, расширеній; аргументація его слѣдующая: благодаря срочности требованій зачетъ до конкурса былъ невозможенъ; благодаря тому только, что съ момента открытія конкурса срокъ требованій вообще считается наступившимъ, право зачета еще нельзя признать возникшимъ: въ моментъ наступленія срока требованія, оно въ силу этого обстоятельства, обращается въ конкурсное требованіе, а требованія несостоятельнаго — въ часть конкурсной массы. Законъ, въ силу открытія конкурса, признаетъ срокъ наступившимъ только ради уравненія досрочныхъ требованій со срочными, а не ради установленія преимущества первыхъ передъ послѣдними (стр. 98).—Съ этою аргументаціею никакъ нельзя согласиться. Мнѣ кажется, что если законъ признаетъ срокъ наступившимъ ради уравненія требованій досрочныхъ и срочныхъ, то изъ этаго прямой выводъ, что, насколько допустимъ зачетъ требованій, срокъ коимъ наступилъ, настолько онъ допустилъ по отношенію къ требованіямъ, наступленіе срока коихъ пресумируется. Этимъ не создается никакого преимущества для досрочныхъ требованій—они только уравниваются со срочными. Я сказалъ, что авторъ не допускаетъ тутъ зачета съ юридической точки зрѣнія, но оговаривается, что съ точки зрѣнія справедливости зачетъ тутъ можетъ быть допущенъ (стр. 99). Кажется допустимость его должна быть признана и съ той и другой точки зрѣнія. Далѣе нѣкоторыми учеными признается условіемъ зачета отсутствіе *суспензивнаго условія* требованій. При конкурсѣ зачетъ требованій суспензивно-условныхъ возможенъ. Авторъ такъ, на примѣрѣ, излагаетъ свой взглядъ. Два требованія стоятъ одно противъ другаго. Одно изъ нихъ суспензивно условно. До наступленія условія одинъ изъ кредиторовъ—должниковъ впадаетъ въ несостоятельность. Затѣмъ,

условіе наступаетъ. Но здѣсь слѣдуетъ различать заключается-ли въ условіи и dies a quo или нѣтъ. Въ послѣднемъ случаѣ наступленіе условія даетъ основаніе принять, что требованіе уже существовало до открытія конкурса; этимъ самымъ допускается возможность зачета ex post уже до открытія конкурса. Въ первомъ случаѣ наступленіе условія даетъ основаніе принять, что требованіе, хотя и существовало до открытія конкурса, но какъ срочное; досрочное-же требованіе ради возможности зачета (хотя и изъ соображеній справедливости!) въ конкурсѣ, разсматривается какъ требованіе, срокъ коего наступилъ. Этимъ самымъ опять допускаетъ возможность зачета ex post въ моментъ открытія конкурса. Но во всякомъ случаѣ кредиторъ при зачетѣ суспензивно-условнаго требованія долженъ имѣть право на обеспеченіе въ той суммѣ, въ которой требованіе его равняется долгу, подлежащему уплатѣ съ его стороны (стр. 112—113).—Кажется всего этого вопроса не слѣдовало-бы и задѣвать. О немъ можно-бы было говорить ради доказательства расширенія права зачета въ конкурсѣ, если-бы наука выставляла отсутствіе суспензивнаго условія зачитываемыхъ требованій необходимымъ условіемъ зачета вообще. Между тѣмъ господствующая доктрина безусловно этого вовсе не требуетъ.—Наконецъ, зачетъ *резолютивно-условныхъ* требованій авторъ считаетъ возможнымъ, повидимому, безъ нѣкоторыхъ ограниченій, которыя обыкновенно ставятся. Если имѣть въ виду не зачетъ требованій, а одно лишь резолютивно-условное требованіе кредитора къ несостоятельному, то условіемъ удовлетворенія его обыкновенно ставится, чтобы кредиторъ *немедленно* представилъ обезпеченіе, на случай наступленія резолютивное условія. Авторъ полагаетъ, что не слѣдуетъ требовать отъ кредитора обеспеченія при самомъ заявленіи его требованія, было бы достаточно поставить *уплату* платежей, причитающихся по резолютивно-условному требованію, въ зависимость отъ того, представлено-ли обеспеченіе или нѣтъ. (стр. 119). Если-бы при зачетѣ имѣло смыслъ это положеніе, касающееся уплаты, то конечно можно-бы было сказать, что право зачета при конкурсѣ рас-

ширяется. Между тѣмъ, самъ авторъ, анализируя случаи зачета резолютивно-условнаго требованія при конкурсѣ, говорить лишь, что требованія эти зачитываются, что при предъявленіи ихъ отъ кредитора требуется обеспеченіе и что въ случаѣ наступленія условія онъ отвѣчаетъ этимъ обезпеченіемъ. Словомъ никакого расширенія права зачета тутъ не имѣется, а слѣдов. и говорить объ этомъ нечего было.

Въ концѣ книги авторъ посвящаетъ нѣсколько страницъ вопросу о зачетѣ по окончаніи конкурса; вопросу, котораго, собственно говоря, вовсе не существуетъ, ибо, говоря словами редакторовъ герм. конк. уст. „съ окончаніемъ конкурснаго производства, гражданское право снова вступаетъ въ силу; кредиторъ не можетъ ссылаться на предоставляемыя ему во время конкурса преимущества, несостоятельный не можетъ ссылаться на ограниченія, установленныхъ конкурснымъ правомъ по отношенію къ кредитору.“

Въ заключеніе извиняюсь передъ читателемъ, что, быть можетъ, утомилъ его нѣсколько сухимъ изложеніемъ, но таково-же и изложеніе проф. Шрутки-Рехтенштамма. Рецензентъ неизбѣжно заражается манерою и характеромъ изложенія рецензируемаго автора.

М. В. Шимановскій. — О нѣкоторыхъ недостаткахъ, встрѣчающихся на практикѣ при приведеніи рѣшеній въ исполненіе по уставамъ 20 ноября 1864 года. Казань. 1881. 68 стр.

Г. Шимановскій извѣстенъ въ нашей юридической литературѣ рядомъ небольшихъ изслѣдованій по гражданскому праву и судопроизводству. Не отличаясь особенною подготовкою и знаніемъ иностранныхъ литературъ, онъ, такъ сказать, собственнымъ умомъ и талантомъ отвоевалъ себѣ извѣстное мѣсто въ нашей литературѣ. Г. Шимановскій — практикъ; всѣ его изслѣдованія чисто практическаго характера. Выбравъ вопросъ, порождающій затрудненія на практикѣ, онъ изслѣдуетъ его во всѣхъ подробностяхъ, даже мелочахъ и нерѣдко раскры-

ваетъ въ законѣ такія стороны, существованіе коихъ теорикъ и не подозрѣвалъ. Но въ изслѣдованіяхъ его нѣтъ одухотворяющихъ теоретическихъ началъ — это какія-то мраморныя, холодныя изваянія. Конечно, было-бы лучше если-бъ, авторъ, съ его солиднымъ запасомъ практическихъ свѣдѣній, изложилъ данныя, добытыя чисто опытнымъ путемъ, при сильномъ теоретическомъ освѣщеніи. Но и при слабомъ освѣщеніи вопросовъ практической юриспруденціи монографіи г. Шимановскаго являются работами чрезвычайно полезными, даже необходимыми.

Лежащая предъ нами минографія посвящена вопросу излюбленному нашею литературою, вопросу объ исполненіи рѣшеній, вѣрнѣе о дѣятельности судебныхъ приставовъ при исполненіи рѣшеній. Дѣятельность этихъ исполнительныхъ органовъ судебной власти вызвала и продолжаетъ вызывать въ печати и обществѣ сильныя нарѣканія. Основательность послѣднихъ не можетъ подлежать никакому сомнѣнію. Кто хоть разъ въ жизни имѣлъ дѣло съ судебными приставами, знаетъ какіе это дѣятели. Можно безошибочно сказать, что этотъ институтъ совершенно не удался редакторамъ нашихъ уставовъ, — судебные пристава скомпрометировали, особенно въ провинціи, судебную реформу. Не мало было предложено средствъ поправить дѣло. Всѣ эти средства могутъ быть сведены къ двумъ группамъ: однѣ заключались въ улучшеніи института судебныхъ приставовъ, другія, въ законодательныхъ измѣненіяхъ правилъ, касающихся исполненія судебныхъ рѣшеній. Г. Шимановскій тоже предлагаетъ и тѣ и другія. Что касается мѣръ первой категоріи, то по мнѣнію автора: 1) отъ судебныхъ приставовъ нужно требовать болѣе высокій образовательный цензъ, чѣмъ нынѣ требуется, и 2) нужно улучшить качество ихъ труда — сдѣлать ихъ только исполнителями судебныхъ рѣшеній и совершенно освободить отъ обязанностей доставлять повѣстки тяжущимся и исполнять полицейскую службу въ судебныхъ засѣданіяхъ. Позволю себѣ усумниться въ цѣлесообразности этихъ мѣръ. Требованіе высокаго образовательнаго ценза отъ должностнаго лица, конечно тѣснѣй-

шимъ образомъ соединено съ улучшеніемъ качества его труда. Если возложить на приставовъ „унизительныя“ обязанности, то конечно образованные люди не пойдутъ въ пристава. Судебный приставъ, по современнымъ законодательствамъ напр. по германскому и французскому, есть должностное лицо, исполняющіе всѣ низшія обязанности въ судѣ; нигдѣ на пристава не смотрятъ какъ на самостоятельнаго фактора въ процесѣ; онъ только *исполняетъ* предписанія суда, въ число коихъ между прочимъ, входятъ и судебныя рѣшенія. Эта исполнительная дѣятельность не требуетъ ни особеннаго ума ни особенныхъ знаній; въ дѣятельности этой нѣтъ обязанностей особенно унизительныхъ—вѣрнѣе, всѣ они болѣе или менѣе унизительны. Изъ всѣхъ этихъ обязанностей одна— исполненіе судебныхъ рѣшеній—самая важная и трудная, но ни важность, ни трудность ея не даютъ еще основанія возлагать выполненіе ея и только ея, на особыхъ лицъ, освободивъ ихъ отъ всѣхъ другихъ обязанностей. Важность и трудность ея только вызываютъ извѣстныя мѣры, благодаря которымъ исполнительный органъ могъ бы наилучшимъ образомъ ихъ выполнить. Наиболѣе употребительные мѣры: подробная законодательная регламентація исполнительной дѣятельности; этотъ путь избранъ всѣми законодательствами, напр. въ германскомъ уставѣ почти $^1/_5$, въ нашемъ болѣе $^1/_4$ статей посвящены исполненію судебныхъ рѣшеній. Но этотъ путь— путь едва ли удовлетворительный. Общее правило: чѣмъ больше законовъ, тѣмъ болѣе пробѣловъ—оправдывается и въ этомъ случаѣ; и десятой доли существующихъ законовъ было бы вполнѣ достаточно. Должны быть лишь намѣчены основныя положенія дѣятельности исполнительнаго органа. Повидимому довольно странно, что законодатель столь подробно регламентируетъ заключительный актъ процеса. Дѣятельность суда, предшествующая исполненію рѣшенія, нисколько не менѣе важна и сложна, а между тѣмъ многіе акты ея регламентированы гораздо менѣе подробно, чѣмъ актъ заключительный. Произошло это кажется отъ того, что исполняется рѣшеніе низшими органами суда, которыхъ нельзя предоставить самимъ себѣ, которые должны имѣть подробныя инструкціи. Этотъ инструкціонный характеръ законовъ объ исполненіи судебныхъ рѣшеній сразу бросается въ глаза во всѣхъ процесуальныхъ ко-

дексахъ. Если желательно, чтобы существовалъ при судѣ одинъ органъ исполнительной дѣятельности вообще, то дѣйствительно необходимо снабдить его должными инструкціями. Мнѣ кажется, что внесеніе этой инструкціи въ кодексъ процесуальныхъ законовъ большая ошибка. Наказы судебныхъ мѣстъ — вотъ, гдѣ должна быть изложена эта инструкція. Но конечно и этого недостаточно; и этимъ не устраиятся недостатки процеса исполненія рѣшеній. Необходимо, чтобы судебный приставъ, какъ лицо, по существу своей должности лишенное самостоятельности, было поставлено въ болѣе близкое отношеніе къ суду. Какъ-бы подробна ни была инструкція — будь она помѣщена въ кодексѣ или въ наказѣ — пристава едва-ли съумѣютъ ее истолковать и примѣнить надлежащимъ образомъ. Судъ долженъ, какъ я сказалъ, стоять нѣсколько ближе къ судебному приставу—долженъ лишить его всякой самостоятельности. Не увеличенія самостоятельности судебныхъ приставовъ, а полное лишеніе ея желательно. Это можетъ быть достигнуто внесеніемъ въ кодексъ напр. такой статьи: „Судебный приставъ приводитъ рѣшеніе въ исполненіе подъ непосредственнымъ руководствомъ и наблюденіемъ члена-докладчика по дѣлу, по которому сіе рѣшеніе постановлено“ [1]). Въ такомъ только случаѣ судебный приставъ будетъ поставленъ въ должныя рамки—онъ шагу не смѣетъ дѣлать безъ разрѣшенія члена-докладчика, денежныя суммы (которыми пристава играютъ на биржѣ и вообще спекулируютъ) должны находиться у члена, малѣйшія затрудненія пристава при исполненіи рѣшенія разрѣшаются членомъ-докладчикомъ, о каждомъ дѣйствіи приставъ доноситъ члену и т. д. Конечно, внесеніе упомянутой статьи въ уставъ вызоветъ еще нѣкоторыя измѣненія въ правилахъ, опредѣляющихъ дѣятельность исполнительнаго органа, но эти измѣненія ничтожны сравнительно съ тѣми, которыя обыкновенно предлагаются. Мы увидимъ ниже, что и г. Шимановскій предлогаетъ рядъ законо-

[1]) Насколько подобная статья съ соотвѣтствующими измѣненіями необходима и въ первой книгѣ Устава гр. суд., видно изъ сообщеннаго газетами слуха, что «В. И. Лихачевъ изъявилъ согласіи на принятіе должности предсѣдателя с.п.б. мироваго съѣзда подъ условіемъ притятія на себя мировыми судьями нѣкоторыхъ формулированныхъ имъ обязанностей, какъ то *наблюденія за судебными приставами* и т. п. *клонящихся къ установленію въ нашемъ мировомъ институтѣ лучшихъ порядковъ* (Новое Время, № 1986, 8 сент. 1881 г.).

Авт.

дательныхъ измѣненій. Я постараюсь доказать, что большинства этихъ измѣненій вовсе не требуется. Если практическія затрудненія, возникающія при примѣненіи законовъ объ исполненіи судебныхъ рѣшеній, будутъ разрѣшаться членомъ суда, а не судебнымъ приставомъ, то въ измѣненіи закона не представится необходимости. Мы увидимъ, что во многихъ вопросахъ практика судебныхъ приставовъ выработала совершенно невѣрныя положенія, законъ истолкованъ узко, односторонне, неумѣло. Кажется ошибка многихъ, между прочимъ и г. Шимановскаго, заключается въ томъ, что они во многихъ случаяхъ, встрѣтясь съ невѣрнымъ толкованіемъ закона со стороны судебныхъ приставовъ, соглашаются съ нимъ и требуютъ законодательныхъ измѣненій. Я увѣренъ, еслибы пристава дѣйствовали только по предписаніямъ членовъ-докладчиковъ, то невѣрныхъ толкованій закона было бы очень мало и многихъ, предлогаемыхъ часто измѣненій путемъ законодательнымъ не требовалось бы. Я конечно далекъ отъ мысли считать наши законы объ исполненіи рѣшеній, даже при самомъ вѣрномъ толкованіи ихъ, чѣмъ-то совершеннымъ; ниже я укажу на нѣкоторые недостатки ихъ—я полагаю лишь, что многое, считаемое недостаткомъ закона, есть недостатокъ толкованія его.

Кромѣ улучшенія самаго института судебныхъ приставовъ, авторъ требуетъ законодательныхъ измѣненій въ правилахъ объ исполненіи судебныхъ рѣшеній. Прежде всего онъ указываетъ на то, что главный поводъ къ неудовольствію общества—медленность въ дѣйствіяхъ судебнаго пристава—происходитъ не по его винѣ, а благодаря недостаткамъ въ самомъ законѣ. Рѣшеніе долго не приводится въ исполненіе вслѣдствіе слѣдующихъ причинъ: 1) не представленіе денегъ для приведенія его въ исполненіе. Взыскатель не представляетъ денегъ, ибо по ст. 958 и 1215 расходы по исполненію взыскиваются съ должника, а приставъ не приводитъ рѣшенія въ исполненіе, ибо по § 15 таксы 1866 г. онъ получаетъ вознагражденіе впередъ съ того лица, по требованію котораго дѣйствуетъ. Это кажущееся противорѣчіе чрезвычайно затрудняетъ приставовъ; когда взыскатель непредставляетъ денегъ, а должникъ не от-

исканъ, они начинаютъ приводить рѣшеніе въ исполненіе, и затѣмъ останавливаются и дѣло лежитъ безъ движенія. Еслибъ членъ суда руководилъ исполненіемъ рѣшеній, то онъ не затруднился бы, а радовался этому кажущемуся противурѣчію въ законѣ. Положеніе его было бы крайне затруднительно, еслибъ были ст. 958 и 1215 уст. и не было бы § 15 таксы. Тетерь онъ свободенъ: такса даетъ ему право требовать денегъ впередъ, уставъ даетъ ему право сдѣлать авансъ, т. е. не требовать денегъ впередъ, если онъ считаетъ это возможнымъ; кромѣ того, уставъ даетъ ему права взыскать съ должника всѣ издержки исполненія и а) оставить у себя полученныя деньги, если сдѣланъ авансъ или б) передать ихъ взыскателю, если тотъ уплатилъ деньги впередъ. Такъ разсуждалъ бы юридически-образованный членъ суда и не желалъ бы вовсе законодательныхъ измѣненій. 2) Неуказаніе мѣстожительства должника. Когда должникъ неоказывается въ указанномъ имъ мѣстѣжительства судебные пристава не приводятъ рѣшенія въ исполненія. Авторъ полагаетъ, что пристава правы, что по уставу въ процесѣ исполненія вызова чрезъ публикацію нельзя дѣлать; онъ хочетъ, чтобы этотъ пробѣлъ былъ восполненъ законодателемъ. Конечно, отъ судебныхъ приставовъ можно ожидать такое толкованіе закона, но членъ суда взглянулъ бы на дѣло иначе. Оставленіе дѣла подъ сукномъ въ силу того, что отвѣтчикъ скрывается, есть своего рода отказъ въ правосудіи. Къ чему же было давать истцу право начатія дѣла и дальнѣйшаго веденія его, когда онъ не можетъ добиться результата своихъ усилій, осуществленія своего права? Членъ суда, руководящій исполненіемъ рѣшенія, понялъ бы полную невозможность такой практики. Я не понимаю, какимъ образомъ могла установиться такая практика, когда въ уставѣ есть ясная статья, предвидящая случай неуказанія мѣстожительства. Законъ обязываетъ судебнаго пристава доставить отвѣтчику повѣстку объ исполненіи лично или по мѣсту пребыванія. Мѣсто пребываніе, о которомъ говорится въ ст. 942 есть мѣсто, указанное должникомъ при явкѣ его въ судъ, мѣсто въ томъ городѣ, гдѣ находится судъ (ст. 309). Должникъ

на повѣсткѣ долженъ означить избранное имъ мѣсто пребыванія; если онъ этого не сдѣлалъ, то повѣстка остается въ канцеляріи суда и исполненіе, если оно возможно, производится на общемъ основаніи (ст. 944, 945).—(было бы нелѣпо въ силу отсутствія какого-то адреса останавливать исполненіе, когда оно возможно) Если же въ судѣ нѣтъ адреса должника, то повѣстка объ исполненіи ему не посылается, а судебный приставъ прямо по указанію взыскателя приступаетъ къ исполненію,—повторяю и тутъ—если это возможно. Если же и взыскатель не знаетъ мѣстапребыванія должника, то ужъ ему нечѣмъ помочь и не зачѣмъ помогать—онъ долженъ на себя пенять, что далъ возможность ускользнуть должнику; законъ предоставляетъ ему средства охранять свои права: зачѣмъ онъ не просилъ объ обезпеченіи иска? Да и то сказать: зачѣмъ самъ не слѣдилъ за должникомъ. Производить публикацію въ этомъ случаѣ а) противно духу устава, уставъ знаетъ лишь одинъ „порядокъ сношенія суда съ тяжущимся"—путемъ повѣстокъ (ст. 305) и б) непрактично—зачѣмъ вносить въ законъ формальность, совершенно недостигающую своей цѣли — кто же читаетъ всѣ эти публикаціи?... Такъ что и въ этомъ случаѣ не представляется надобности въ законодательныхъ измѣненіяхъ. 3) Неуказаніе способа исполненія судебнаго рѣшенія. „Часто, говоритъ авторъ, приставъ не находитъ у должника указаннаго взыскателемъ имущества, и между тѣмъ есть масса другихъ предметовъ", приставъ ничего не можетъ сдѣлать безъ указанія взыскателя" (стр. 26). Г. Шимановскій полагаетъ, что приставу слѣдовало бы предоставить болѣе самостоятельности. Коль скоро взыскатель обратился къ его услугамъ, онъ долженъ быть свободенъ въ дѣйствіяхъ, можетъ наложить арестъ на любую вещь должника. По мнѣнію автора, теперь приставъ не свободенъ, ибо „избраніе способа приведенія рѣшенія въ исполненіе предоставляется взыскателю (ст. 935). Читая эти разсужденія, удивляешься, какимъ это образомъ, по уставу гражданскаго судопроизводства, приставъ не достаточно свободенъ въ выборѣ арестуемыхъ вещей. Развѣ избраніе способовъ исполненія рѣшенія, о которомъ говорится

въ 935 ст. есть избраніе вещей, подлежащихъ аресту? Нашъ уставъ знаетъ 4 способа исполненія рѣшенія: 1) передачу вещи натурою, 2) производство истцомъ работъ на счетъ отвѣтчика, 3) взысканіе съ движимаго имущества и 4) взысканіе съ недвижимаго имущества. Первые два способа прямо опредѣляются въ судебномъ рѣшеніи: передать вещь и произвести работу, послѣдніе-же два, о которыхъ и имѣются подробныя опредѣленія въ уставѣ, въ рѣшеніи не указываются О выборѣ того или другаго изъ этихъ двухъ способовъ и говориться въ 935 ст. Взыскатель только указываетъ на тотъ или другой изъ этихъ способовъ и затѣмъ уже не вмѣшивается въ исполненіе. Придерживаясь такого толкованія 935 ст., мы и въ этомъ случаѣ не можемъ согласиться съ почтеннымъ авторомъ въ необходимости законодательныхъ измѣненій. Еще пара замѣчаній по этому вопросу. 1) Г. Шимановскій полагаетъ, что соображенія редакторовъ устава: „передачею исполнительнаго листа взыскатель *уполномочиваетъ* пристава принять всѣ законныя мѣры и затѣмъ устраняется“ не получили осуществленія въ уставѣ. (стр. 27) Намъ кажется наоборотъ, эти соображенія суть мотивы 949 статьи, и имѣютъ руководящее значеніе въ вопросѣ объ исполненіи рѣшенія. 2) Г. Шимановскій винитъ законъ въ томъ, что онъ дѣлаетъ должника жертвою каприза взыскателя—взыскатель напр. требуетъ, чтобы была арестована мебель, а должникъ предлагаетъ 40 пудовъ серебра въ слиткѣ, приставъ описываетъ мебель. Неужели авторъ полагаетъ, что приставъ имѣетъ право это дѣлать? Какъ видно, да, ибо онъ жалѣетъ о пассивной роли пристава. Неужто не очевидно, что такой приставъ нарушаетъ 977 ст. устава, въ силу которой должникъ можетъ требовать, чтобы нѣкоторыя вещи не были подвергнуты аресту, если прочія достаточны для удовлетворенія взыскателя?—Далѣе авторъ указываетъ на рядъ излишнихъ, созданныхъ наказами, формальностей, до чрезвычайности замедляющихъ исполненіе рѣшеній. Устраненіе всѣхъ ихъ конечно крайне желательно.

Разсмотрѣвъ причину медленности процеса исполненія

рѣшеній и предложивъ соотвѣтствующія законодательныя измѣненія, авторъ переходитъ къ недостаткамъ самаго порядка исполненія и останавливается на слѣдующихъ вопросахъ: 1) о способахъ приведенія рѣшенія въ исполненніе (sic!) Тутъ собственно рѣчь идетъ о двухъ особенныхъ объектахъ взысканія: хлѣба на корню и долговыхъ обязательствахъ. Въ виду того, что уставъ умолчиваетъ объ этихъ объектахъ взысканія, авторъ желаетъ восполненія этого пробѣла. Кажется можно обойтись и безъ изданія дополнительнаго закона, такъ какъ пробѣлъ можетъ быть восполненъ путемъ научнаго толкованія. Опять повторяю, что такое толкованіе можно ожидать не отъ пристава, а отъ члена докладчика. Что касается хлѣба на корню, то авторъ, указывая на этотъ объектъ взысканія, впадаетъ въ противорѣчіе. Требуя восполненія пробѣла путемъ законодательнымъ, онъ однако говоритъ: „положимъ, что въ настоящее время судебные пристава приходятъ къ убѣжденію о примѣненіи 934 ст., но" ... и т. д. (стр. 36). И отлично, что пришли—лучше поздно, чѣмъ никогда. Зачѣмъ дополнять уставъ изданіемъ новаго закона, коли практика восполнила пробѣлъ путемъ аналогіи? Приставъ предлагаетъ взыскателю просить судъ о постановленіи опредѣленія, коимъ должникъ обязывается тотчасъ послѣ того, какъ рожь созрѣетъ, сжать, смолотить и убрать ее. Судъ постановляетъ опредѣленіе. Когда должникъ исполнитъ предписаніе суда, взыскатель можетъ просить о наложеніи ареста. Когда же должникъ не исполняетъ предписанія, взыскатель можетъ просить судъ о разрѣшеніи ему произвести работу на счетъ должника. Къ чему-же еще новый законъ? Авторъ полагаетъ, что примѣненіемъ 934 ст. еще не устраняются всѣ затрудненія, вызываемыя указаннымъ пробѣломъ, но въ чемъ эти затрудненія состоятъ, онъ не говоритъ. Что касается затѣмъ вопроса о долговыхъ обязательствахъ, какъ объектахъ взысканія, то тутъ авторъ прямо отступаетъ отъ обычной точки зрѣнія; не предлогая законодательныхъ измѣненій, онъ предлогаетъ аналогическое примѣненіе закона. Онъ склоненъ принять мнѣніе г. Джаншіева, что обязательства эти по надписи передаются

взыскателю судомъ (аналогія 1083 ст.), я-же склоненъ болѣе принять мнѣніе предсѣдателя Тульскаго окружнаго суда (стр. 36, 37) по слѣдующему соображенію. Нашъ X т. знаетъ дѣленіе имуществъ на долговыя и наличныя; долговыя суть всѣ *имущества* ... намъ *принадлежащія* по договорамъ ... гласитъ 418 ст. 1 ч. X т. Слѣдовательно если у должника найденъ долговой актъ, то этимъ указывается, что въ рукахъ его, должника находится, говоря словами ст. 418, *принадлежащее ему имущество.* Независимо отъ этого общаго соображенія въ 1078 ст. устава имѣется прямое указаніе на то, что въ случаѣ нахожденія у должника долговаго обязательства, на него обращается взысканія, какъ на имущество, находящееся у третьяго лица. Статья 1078 гласитъ: наложеніе ареста на ... слѣдующія отъ третьяго лица должнику суммы, производится и т. д. Въ виду такого категорическаго указанія закона, ни въ какой аналогіи нѣтъ надобности. Въ этомъ убѣждаютъ насъ еще болѣе соображенія редакторовъ устава: къ имуществу отвѣтчика, находящемуся у третьяго лица, они причисляютъ „долговыя претензіи отвѣтчика на третьи лица" (Объясн. зап. 1863 г. ч. 2 стр. 81). Приводимыя авторомъ два возраженія не выдерживаютъ критики. Онъ говоритъ, а) что кредиторъ-должникъ имѣетъ только право требовать отъ своего должника (третьяго лица) удовлетворенія; и если примѣнить правила объ обращеніи взысканія на имущество, находящееся у третьяго лица, то кредиторъ-взыскатель, преемникъ будетъ имѣть болѣе правъ, чѣмъ его юридическій предшественникъ, кредиторъ-должникъ. Это положеніе невѣрно уже потому, что при примѣненіи къ обращенію взысканія на долговыя обязательства правила объ обращеніи взысканія на имущество, находящееся у третьяго лица, кредитора-взыскателя вовсе нѣтъ, къ нему никакія права не переходятъ—долговой актъ остается у пристава и деньги вносятся должникомъ—третьимъ въ судъ; б) авторъ недоумѣваетъ, кто будетъ разрѣшать всѣ споры и возраженія, которыя должникъ третій заявитъ противъ обязательства. Это положеніе опровергается тѣмъ, что „взысканіе въ исполнительномъ порядкѣ,

какъ совершенно вѣрно говоритъ К. П. Побѣдоносцевъ, можетъ быть только обращено на требованія безспорныя и неподлежащія сомнѣнію“ (Курсъ гр. пр. т. 3 стр. 237). 2) О предметахъ, подлежащихъ аресту. Тутъ авторъ указываетъ на то обстоятельство, что законъ нашъ не даетъ руководящихъ началъ, благодаря которымъ можно бы было рѣзко разграничить извѣстныя три категоріи вещей: безусловно подлежащія аресту, условно подлежащія аресту и безусловно неподлежащія аресту. Конечно не легко установить это различіе; для судебнаго пристава эти категоріи совершенно тарабарская грамота. Члену суда, руководящему исполненіемъ, конечно пришлось бы не мало поработать; ему пришлось бы въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ воспользоваться началами теоріи гражданскаго права, проанализировать положенія 1 ч. X т. и устава и согласовать эти положенія. Мнѣ кажется, что не слѣдуетъ избавлять члена отъ подобной умственной работы путемъ созданія новыхъ и новыхъ законовъ. 3) О хранителяхъ арестованнаго имущества. Прежде всего, по мнѣнію г. Шимановскаго, вопросъ, *гдѣ* хранить имущество представляетъ важныя неудобства, ибо особыхъ, проэктированныхъ редакторами устава, помѣщеній до сихъ поръ у насъ нѣтъ. Спрашиваю, можетъ-ли законодатель сдѣлать болѣе того, что онъ сдѣлалъ? Вѣдь въ уставѣ есть вполнѣ ясная статья 1025, гласящая, что „для *храненія* имуществъ до публичной продажи . . . могутъ быть . . . нанимаемы въ городахъ особыя помѣщенія.“ Эта статья говоритъ не о постоянномъ какомъ-либо помѣщеніи, спеціально предназначенномъ для храненія имуществъ—мысль о такихъ помѣщеніяхъ, какъ несбыточная, была брошена редакторами устава (Объясн. зап. 1863 г. ч. 2 стр. 114); судебный приставъ, когда это необходимо, можетъ нанять помѣщеніе для храненія арестованнаго имущества. Затѣмъ авторъ, говоритъ, что для пристава вопросъ о назначеніи хранителя есть просто гордіевъ узелъ (стр. 42). Недостатки нынѣшнихъ порядковъ не иначе могутъ быть устранены, какъ въ законодательномъ порядкѣ (стр. 43). Законъ будто-бы слишкомъ стѣсняетъ пристава въ выборѣ хранителя. Совершенно иное

г. Шимановскій видитъ въ иностранныхъ законодательствахъ напр. французскомъ (ссылка на 598 ст. Code de proc.) и желаетъ, чтобы правило французскаго кодекса было внесено въ нашъ уставъ. Признаться, я не понимаю, какимъ образомъ вопросъ о выборѣ хранителя можетъ представляться гордіевымъ узломъ и чего ради вносить въ уставѣ 398 ст. Code de proc.? Статья 1012 устава даетъ такой широкій выборъ приставу, что французскій huissier можетъ ему позавидовать. У насъ хранитель назначается по взаимному согласію сторонъ, а если согласія не послѣдуетъ, то приставомъ; приставъ выбираетъ кого пожелаетъ; но безъ согласія сторонъ онъ не можетъ назначить: лицо, немогущее по закону быть свидѣтелемъ, своихъ родственниковъ, взыскателя, должника, ихъ супруговъ и родственниковъ. *Но если приставъ никого, желающаго быть хранителемъ не находитъ, то онъ, безъ согласія сторонъ, можетъ предложить и взыскателю, должнику, ихъ супругамъ и родственникамъ взять имущество на храненіе* (ст. 1012 п. 3). Неужели еще малъ выборъ? Если онъ малъ по уставу, то что-же сказать о размѣрѣ его по французскому кодексу. По этому кодексу, если должникъ не въ состояніи избрать хранителя, то приставъ можетъ назначить самаго должника, его супруга, родственника но *неиначе какъ съ согласія взыскателя*; взыскатель-же, его супруга и родственники безусловно не могутъ быть хранителями. Г. Шимановскій конечно впалъ въ ошибку, вѣроятно отчасти происшедшую отъ желанія во что-бы то ни стало требовать измѣненій нашихъ законовъ объ исполненіи рѣшеній.—4) О пріостановленіи исполненія. Тутъ авторъ а) проэктируетъ новое законоположеніе: мировому судьѣ въ уѣздѣ или предсѣдателю суда должно быть предоставлено право пріостановить исполненіе рѣшенія по просьбѣ третьяго лица, имѣющаго право на описанное имущество; но третье лицо обязано предъявить искъ въ опредѣленный срокъ, въ противномъ случаѣ оно лишается права предъявленія иска о собственности навсегда и подвергается штрафу, съ него взыскиваются убытки и т. п. Мотивы этаго нововведенія изложены авторомъ весьма смутно.

Тутъ вопросъ о судебныхъ приставахъ, вопросъ которому посвящена монографія, собственно не причемъ; проэктированная авторомъ мѣра должна оградить интересъ пріобрѣтателя имущества съ публичнаго торга—ею утверждается прочность торговъ; (нынѣ рѣшеніе суда въ пользу третьяго лица влечетъ за собою признаніе торговъ недѣйствительными) да и интересы третьяго лица ею огреждаются—оно хотя лишается, при извѣстныхъ условіяхъ, права иска о собственности, но лишается его добровольно; нынѣ-же, предъявляя искъ о правѣ собственности на арестованное движимое имущество, оно, хотя и добившись утвердительнаго рѣшенія, всетаки не получаетъ вещи своей обратно—вещь остается за пріобрѣтателемъ. Авторъ, оставивъ въ сторонѣ излюбленный имъ вопросъ о судебныхъ приставахъ, можетъ быть потому и предлогаетъ на этотъ разъ нововведеніе дѣйствительно раціональное и необходимое. Но я бы предложилъ формулировать законоположеніе такимъ образомъ: членъ суда, руководящій исполненіемъ рѣшенія, распоряжается о пріостановленіи исполненія, если третье лицо заявляетъ право на описанное имущество; онъ назначаетъ третьему срокъ для предъявленія иска. Стороны могутъ просить судъ объ обезпеченіи убытковъ, которыя могутъ быть имъ причинены пріостановленіемъ исполненія (Герм. уст. § 688). Непредъявленіе въ срокъ иска третьимъ лицомъ влечетъ за собою потерю его навсегда.—б) Авторъ указываетъ на положеніе, выработанное практикою вскорѣ по введеніи судебной реформы, а именно: приставъ не можетъ пріостановить исполненіе, если должникъ желаетъ уплатить кредитору долгъ наличными деньгами. Всѣ разсужденія автора по этому вопросу теряютъ всякое значеніе. По собственнымъ его словамъ упомянутое положеніе лишено здраваго смысла, указываетъ на узость взгляда судебныхъ приставовъ *и въ настоящее время не примѣняется* (стр. 51—58). Къ чему-же было говорить обо всемъ этомъ въ монографіи, посвященной анализу недостатковъ законовъ объ исполненіи судебныхъ рѣшеній? в) Авторъ предлогаетъ внести въ законѣ правило, что отсутствіе ходатайства взыскателя, въ теченіе извѣстнаго срока,

даетъ приставу право пріостановить исполненіе. Мотивомъ этого положенія авторъ приводитъ то, что безсрочность въ этомъ случаѣ нарушаетъ интересы должника—его держатъ, постоянно *подъ страхомъ* продолженія приведенія рѣшенія въ исполненіе (стр. 55). Противъ этого я позволю себѣ замѣтить, что нашъ исполнительный процессъ представляетъ собою цѣпь дѣйствій, слѣдующихъ одно за другимъ въ опредѣленные уставомъ моменты. Взыскатель задаетъ процессу движеніе, предъявляетъ приставу исполнительной листъ и приставъ дѣйствуетъ безъ перерывовъ. Только при обращеніи взысканія на недвижимые имущества приставъ (по истеченіи двухмѣсячнаго срока) выжидаетъ заявленія взыскателя о производствѣ описи. На десять лѣтъ взыскатель можетъ растянуть время отъ истеченія двухмѣсячнаго срока со дня врученія повѣстки до описи имѣнія. Но развѣ должникъ отъ этаго страдаетъ, развѣ законодатель долженъ заботиться объ успокоеніи неисправнаго должника! Я понимаю необходимость срочности въ тѣхъ случаяхъ, когда должникъ стѣсняется въ своихъ правахъ, напр. когда имущество арестовано; если между наложеніемъ ареста и публичною продажею не установлено срока, а взыскатель можетъ просить о послѣдней, когда ему вздумается, то положеніе должника дѣйствительно тяжелое; тутъ уже рѣчь идетъ не о страхѣ и успокоеніи, и объ ограниченіи правъ на неопредѣленное время. Къ счастью нашъ уставъ въ подобныхъ случаяхъ установляетъ точные сроки (напр. ст. 1131, 1143). Конечно иной вопросъ, куда дѣвать приставу „дѣло № такой-то“ когда взыскатель не проситъ о производствѣ описи имѣнія? сдать ли въ архивъ, препроводить-ли въ судъ и т. д.? Этотъ вопросъ, какъ видно и имѣлъ въ виду почтенный авторъ, вопросъ, не имѣющій научнаго значенія. 5) О дѣятельности судебнаго пристава въ округѣ своего суда, авторъ замѣчаетъ, что въ уставѣ имѣется важный недостатокъ относительно территоріальнаго предѣла этой дѣятельности. Приставъ не можетъ приводить рѣшеніе въ исполненіе въ чужомъ округѣ. Г. Шимановскій предлагаетъ внести въ уставъ правило аналогичное ст. 384 учр. суд. уст., относящейся къ присяж-

нымъ повѣреннымъ, т. е. чтобы приставу было предоставлено право совершать исполнительныя дѣйствія за предѣлами своего округа. Мнѣ опять думается, что и въ подобномъ законѣ не представляется надобности. Съ адвокатурой дѣятельность приставовъ сравнивать нельзя—адвокатура свободная профессія, а не служба, да къ тому же адвокатъ находится только подъ дисциплинарнымъ надзоромъ совѣта, совѣтъ не опредѣляетъ его дѣятельность и не руководитъ ею, тогда какъ приставъ исполнитель, который за предѣлами своего округа уходитъ какъ-бы отъ взоровъ суда. Случай, на которой указываетъ авторъ, въ доказательство необходимости внести въ уставъ новую статью, совершенно анормаленъ: приставъ преслѣдуетъ товаръ, плывущій по Волгѣ, нагоняетъ его въ чужомъ округѣ и арестуетъ; судъ подвергаетъ его дисциплинарному взысканію. По моему такъ и слѣдуетъ. Приставъ, понимающій свои обязанности и знающій содержаніе исполнительнаго листа не погнался-бы самъ за баркой; онъ воспользовался-бы приказомъ суда: „властямъ мѣстнымъ, полицейскимъ и военнымъ, оказывать исполняющему рѣшеніе судебному приставу надлежащее по закону содѣйствіе, безъ малѣйшаго отлагательства.“ Такъ что приставъ, о которомъ идетъ рѣчь, могъ поручить полиціи немедля доставить барку на мѣсто стоянки. Наконецъ 6) о жалобахъ и спорахъ. Тутъ авторъ совершенно вѣрно полагаетъ, а) что терминъ „сокращенное производство,“ упоминаемый въ 966 ст. уст. не долженъ быть понимаемъ въ техническомъ смыслѣ и б) что всѣ статьи, касающіяся жалобъ на дѣйствія судебнаго пристава должны быть изгнаны изъ устава, и къ жалобамъ этимъ долженъ быть примѣняемъ общій порядокъ подачи жалобъ на должностныхъ лицъ. Если поставить судебнаго пристава въ непосредственное подчиненіе члену докладчику, добавлю я, то вопросъ о жалобахъ на дѣйствія судебнаго пристава потеряетъ значительную долю того значенія, какое онъ имѣетъ теперь.

Въ заключеніе извиняюсь передъ почтеннымъ авторомъ за строгое отношеніе къ его труду, а передъ читателемъ за неожиданный для меня самаго размѣръ рецензіи Книга г. Шимановскаго заслуживаетъ обстоятельнаго разбора.

А. Гольмстенъ.

ЮРИДИЧЕСКІЕ ВОПРОСЫ, РАЗРѢШЕННЫЕ ВАРШАВСКОЮ СУДЕБНОЮ ПАЛАТОЮ

за 1880 годъ.

По гражданскому уложенію.

Можно-ли признавать правильнымъ указаніе юридическаго мѣста жительства, если оное избирающій, обозначивъ фамилію, имя же лишь первою буквою, необозначилъ ни званія, ни дома, ни улицы, гдѣ проживаетъ лицо, у котораго избралъ онъ мѣсто жительства?

Варшавскій окружный судъ, вышесказанный вопросъ разрѣшивъ отрицательно, постановленіемъ отъ $^{7}/_{19}$ декабря 1879 г. оставилъ безъ движенія исковое прошеніе Л. по дѣлу съ О.—Судебная палата 1880 г. января $^{14}/_{26}$ дня опредѣленіе это утвердила, по слѣдующимъ соображеніямъ:

1) что право истца вызывать отвѣтчика къ суду по юридическому его мѣстожительству (35 ст. гр. код.) можетъ быть почитаемо правомѣрнымъ лишь при томъ условіи, если адресъ, опредѣляющій юридическое мѣстожительство, вполнѣ точенъ и не допускаетъ смѣшенія, а именно: если въ точности опредѣлено лицо, въ квартирѣ котораго избрано отвѣтчикомъ мѣстожительства, или же адресъ дома, въ которомъ должны быть вручаемы отвѣтчику состязательныя бумаги.

2) что такъ какъ въ договорѣ, положенномъ въ основаніе иска Л., юридическое мѣстожительство отвѣтчика О. опредѣлено въ гор. К. у Х. Ц. Ш.., что такимъ образомъ за необозначеніемъ имени Ш... или его званія и за неуказаніемъ точнаго адреса сего по-

слѣдняго (улицы и дома), нѣтъ достаточныхъ данныхъ для определенія тождества лица, у коего избрано юридическое мѣстожительство, а посему слѣдуетъ признать, что юридическое мѣстожительство вовсе не избрано отвѣтчикомъ.

Вправѣ-ли мать и главная опекунша несовершеннолѣтнихъ, переуступать необезпеченные ипотекою ихъ капиталы?

Врученіе копіи переуступки, вмѣстѣ съ таковымъ прошеніемъ и другими приложеніями, слѣдуетъ-ли признать исполняющимъ требованіе ст. 1690 г. у.

Документы, возникшіе послѣ состоявшагося по дѣлу рѣшенія, могутъ-ли вліять на вопросъ о правильности или неправильности таковаго?

Рѣшеніемъ отъ 28 марта 1878 г. Петроковскій окружный судъ отказалъ М. въ искѣ, предъявленномъ по дѣлу съ С., основанномъ на долговомъ обязательствѣ того послѣдняго и переуступки М. М. какъ матери и главной опекунши несовершеннолѣтнихъ ея дѣтей— по симъ причинамъ, что мать не вправѣ была переуступать долговыхъ требованій несовершеннолѣтнихъ и что переуступка матери не была вручена С. какъ должнику.—Судебная палата, рѣшеніемъ отъ $^{14}/_{26}$ января 1880 г., обжалованное рѣшеніе отмѣнила и отыскиваемую сумму присудила съ С. въ пользу М. по симъ соображеніямъ:

1) что представленные нынѣ прис. пов. К. документы, какъ возникшіе уже послѣ состоящагося по дѣлу рѣшенія, вліянія на вопросъ о правильности или неправильности таковаго имѣть не могутъ.

2) что С., будучи привлеченъ къ платежу по долговому обязательству отъ 13 декабря 1874 г., можетъ быть признанъ отвѣтственнымъ лишь въ томъ случаѣ, если истецъ пріобрѣлъ правильно право по долговому требованію, положенному въ основаніи иска, и законно представляетъ лицо кредитора.

3) что такимъ образомъ разрѣшенію подлежитъ вопросъ: перешла ли главная опекунша М. права кредитора по обязательству, отъ 13 декабря 1874 года на М.

4) что такъ какъ по 442 ст. гр. у Цар. Пол., опекунъ вправѣ получать и взыскивать капиталы, необезпеченные ипотекою, то изъ сего слѣдуетъ, что онъ также вправѣ получать долговыя суммы, какъ отъ должника такъ и отъ третьяго лица, подставивъ его въ права малолѣтнихъ.

5) что ссылка С. на 429 ст. гр. ул. Цар. Пол. неуважительна, ибо переуступка долговаго требованія не можетъ быть отождествляема съ продажею движимаго имущества, о времени и формѣ которой постановляетъ означенная 429 ст. гр. ул., такъ какъ настоящая денежная стоимость движимыхъ вещей, можетъ быть опредѣлена лишь посредствомъ публичныхъ торговъ, между тѣмъ долговыя требованія, состоящія въ денежныхъ суммахъ, сами по себѣ, представляютъ точно опредѣленныя цѣнности;

6) что признавая такимъ образомъ право опекунши М. переуступать долговое требованіе своихъ малолѣтнихъ дѣтей третьему лицу, вопросъ о томъ: получила ли она сполна валюту за переуступленное требованіе, и вправѣ ли былъ М., въ качествѣ опекуна блюстителя, пріобрѣтать таковое требованіе, не можетъ быть возбужденъ С., такъ какъ онъ, не представляя лица малолѣтнихъ, не вправѣ предъявлять возраженія, имѣющія цѣлью огражденіе правъ сихъ послѣднихъ;

7) что обязательная сила переуступки въ отношеніи къ С. вытекаетъ изъ смысла 1689 ст. гр. код., необусловливающей дѣйствительности переуступки какою-либо опредѣленною формою передаточной надписи, а по смыслу ея, наличность передаточной надписи, въ связи съ врученіемъ правопринимателю документа, вполнѣ удостовѣряютъ пріобрѣтеніе М. долговаго требованія, по которому производится взысканіе;

8) что требованіе, изложенное въ 1690 ст. гр. улож., о врученіи должнику перевода претензіи, слѣдуетъ признать исполненнымъ врученіемъ С. копіи исковаго прошенія М. съ приложеніемъ копіи документа и переуступки служащаго основаніемъ иска.—

Дѣйствителенъ-ли отказъ, написанный завѣщателемъ на поляхъ собственноручнаго завѣщанія?

Владѣлецъ имѣнія Ч. Флоріанъ П., не имѣя ни дѣтей, ни другихъ нисходящихъ, собственноручнымъ завѣщаніемъ, составленнымъ 12 августа н. с. 1848 г. отказалъ на случай своей смерти, между прочими, Станиславу Б своему родственнику 300 руб., все остальное имущество, за исключеніемъ назначенныхъ суммъ, отказалъ сыну своего двоюроднаго брата Александру П., женѣ же своей Юліаннѣ П. предоставилъ права пожизненнаго пользованія всѣмъ своимъ имѣніемъ.—1877 г. Юсифа В. дочь Станислава Б. предъявила въ Радомскій окружный судъ искъ къ наслѣдникамъ Юліанны

П. какъ пріобрѣтательницы правъ Александра П., о взысканіи съ нихъ 375 руб., въ видѣ завѣщательнаго отказа отцу ея и процентовъ — Отвѣтчики возражали, что отказъ недѣйствителенъ, такъ какъ онъ, написанный на поляхъ завѣщанія, не подписанъ завѣщателемъ, впрочемъ истица должна бы требовать выдачи отказа по смыслу 1011 и 1014 Ф. Г. У., а не его взысканія. — Окружный судъ, рѣшеніемъ состоявшимся $^{9}/_{21}$ декабря 1877 г. постановилъ: взыскать съ наслѣдниковъ Юліанны П. 300 руб. въ пользу Іосифы В. Судебная палата 1880 г. января $^{18}/_{30}$ дня сказанное рѣшеніе утвердила по симъ соображеніямъ:

1) что отвѣтчицы оспориваютъ дѣйствительность отказа въ 300 руб., сдѣланнаго Флоріяномъ П. на поляхъ духовнаго завѣщанія, отъ 12 августа 1848 года, въ пользу отца истицы Станислава Б. и обязательность для нихъ, какъ наслѣдниковъ Юліанны П., исполнять отказы по духовному завѣщанію Флоріяна П., общимъ легатаріемъ котораго былъ назначенъ племянникъ покойнаго Александръ П., переуступившій свои права по завѣщанію матери ихъ Юліаннѣ П.

2) что въ разрѣшеніи перваго вопроса слѣдуетъ принять на видъ: а) что 970 Фр. К. не устанавливаетъ никакихъ формальностей для собственноручныхъ духовныхъ завѣщаній, кромѣ подписи и означенія времени самимъ завѣщателемъ, б) что отказъ въ пользу Б., какъ видно изъ протокола предсѣдателя гражданскаго трибунала Радомской губерніи отъ 24 мая (5 іюня) 1856 года, написанъ на поляхъ 1-й страницы завѣщанія, а подпись завѣщателя находится на 3-й страницѣ онаго, такъ что этотъ отказъ, какъ предшествующій подписи, входитъ въ составъ цѣлаго завѣщанія, не представляя собою отдѣльнаго, неподписаннаго завѣщательнаго распоряженія, тѣмъ болѣе, что собственноручность завѣщанія признана тяжущимися и аппеляторы не доказываютъ совершенія этой приписки позже составленія самаго завѣщанія, 6) что надпись на конвертѣ, въ которомъ было запечатано духовное завѣщаніе, подтверждаетъ вышеозначенный выводъ—о неотдѣляемости оспариваемыхъ словъ приписки отъ цѣлаго завѣщанія, г) что слѣдовательно нѣтъ никакого основанія отвергать дѣйствительность и значеніе отказа, сдѣланнаго въ пользу Станислава Б.

3) что переуступка общимъ легатаріемъ своихъ правъ по завѣщанію, третьему лицу, дѣйствительно необязательна для частныхъ легатаріевъ, какъ неучаствовавшихъ въ сдѣлкѣ, и они могли бы требовать исполненія сдѣланныхъ имъ отказовъ, отъ общаго лега-

тарія, но съ другой стороны, если частные легатаріи находятъ для себя болѣе удобнымъ и выгоднымъ обратить свой искъ къ пріобрѣтателю правъ, то сей послѣдній не можетъ защищаться незнаніемъ отношеній, какія существовали между его правоуступателемъ, и частными легатаріями, въ виду непривлеченія сихъ послѣднихъ къ сдѣлкѣ и несомнѣнной его отвѣтственности передъ правопріобрѣтателемъ, если бы послѣдній, уплативъ деньги по отказамъ, требовалъ возвращенія оныхъ;

4) и что изъ акта переуступки отъ $^{14}/_{26}$ мая 1860 г. усматривается, что все имущество покойнаго Флоріяна П. оставалось факчески въ рукахъ Юліянны П., какъ пожизненной владѣлицы, по духовному завѣщанію ея мужа, и слѣдовательно на ней, а за ея смертію, на ея наслѣдникахъ, лежитъ обязанность, какъ на единственной пріобрѣтательницѣ правъ общаго легатарія, отвѣчать за отказы, которые не могли быть отъ нея укрыты при переуступкѣ, а равно представить доказательства объ ихъ удовлетвореніи, если бы таковыя послѣдовали.—

Насколько можетъ имѣть силу и значеніе, духовное завѣщаніе, составленное домашнимъ порядкомъ, разорванное, отчасти прочеркнутое и отчасти обгорѣлое?

Послѣ смерти Я. найденное духовное завѣщаніе отъ 10 іюня 1861 г. разорванное, прочеркнутое и отчасти обгорѣлое, передано было предсѣдателю Радомскаго гражданскаго трибунала, имъ опубликовано и отдано на храненіе нотаріусу.

Наслѣдники покойнаго, зная хорошо изъ нѣсколько разъ повторяемыхъ словъ завѣщателя, что онъ уничтожилъ все завѣщаніе отъ 10 іюня 1861 г. и видя что найденная бумага, бывшая духовнымъ завѣщаніемъ, не можетъ имѣть рѣшительно никакого значенія, раздѣлили между собою по взаимному согласію оставшееся значительное наслѣдство.

Никто изъ легатаріевъ невозражалъ противъ этаго, одна только прокураторія предъявила искъ, требуя присужденія съ наслѣдниковъ общей суммы 33120 руб. съ процентами, со дня смерти завѣщателя, въ видѣ отказовъ на богоугодныя цѣли. Отвѣтчики заявили инцыдентальное требованіе о признаніи разорванной, прочеркнутой, отчасти обгорѣлой бумаги, отъ 10 іюля 1861 г., называемой прокураторіею завѣщаніемъ Я. недѣйствительною и неимѣющею никакого значенія.

Варшавскій трибуналъ, послѣ осмотра сказаннаго завѣщанія, рѣшеніемъ отъ $^{12}/_{14}$ октября 1872 г., призналъ эту разорванную, попачканную и обозженную бумагу, помѣченную числомъ 10 іюля 1861 г. немогущею считаться завѣщаніемъ Я., неимѣющею рѣшительно никакого значенія и потому требованіе прокураторіи призналъ неосновательнымъ. Апелляціонный судъ, рѣшеніемъ $\frac{23 \text{ апрѣля}}{5 \text{ мая}}$ 1876 г., отмѣнилъ рѣшеніе трибунала, бумагу отъ 10 іюня 1861 г. призналъ завѣщаніемъ Я. и обязалъ наслѣдниковъ его къ уплатѣ требуемыхъ прокураторіею суммъ.

Вслѣдствіе принесенной наслѣдниками на это рѣшеніе жалобы въ б. IX деп. пр. сената, судебная палата, рѣшеніемъ отъ $^{12}/_{24}$ января 1880 г., въ измѣненіи обжалованнаго рѣшенія б. апелляціоннаго суда, постановила слѣдующее:

1) перечеркнутую крестообразно часть собственноручнаго духовнаго завѣщанія Я. отъ 10 іюня 1861 г. изложенную на 13, 14, 15 и 16 страницахъ, кромѣ послѣдняго неперечеркнутаго пункта, признать недѣйствительною.

2) обязать жалующихся наслѣдниковъ Я, внести въ польскій банкъ слѣдующіе отказы Я. 1) 750 р. на постройку школьнаго дома въ Г. 2) 900 р: для ежегодной выдачи изъ процентовъ отъ сей суммы по 15 р. тремъ парамъ бѣднѣйшихъ новобрачныхъ изъ жителей Г. 3) 1500 р. на покрытіе желѣзною жестью крыши кастела въ Г. 4) 300 р. казнѣ, вступившей. въ права Бернардинскихъ монастырей въ В и К. 5) 750 р. въ пользу больницы г. О. на леченіе изъ процентовъ отъ сей суммы крестьянъ имѣнія Г. въ названной больницѣ;—съ процентомъ по 5 на сто, со всѣхъ вышеозначенныхъ суммъ, считая съ $^{9}/_{21}$ апрѣля 1870 г. 6) 18000 рублей на стипендіальный фондъ, съ предоставленіемъ Е. Я. пожизненнаго пользованія означенную суммою.

3) совершенный актъ о раздѣлѣ оставшагося послѣ Я. имущества признать непрепятствующимъ взысканію вышепоименованныхъ отказовъ,—по слѣдующимъ соображеніямъ.

1) что наслѣдники Я. обжаловали въ б. IX деп. пр. сената рѣшеніе б. апелляціоннаго суда отъ $\frac{25 \text{ апрѣля}}{5 \text{ мая}}$ 1876 г. коимъ признано, домашнее письмо Я. отъ 10 іюня 1861 г. дѣйствительнымъ и законно составленнымъ духовнымъ его завѣщаніемъ и вслѣдствіе того, по иску прокураторіи аппелляторы присуждены къ уплатѣ или къ внесенію въ депозитъ банка подробно исчисленные въ семъ за-

вѣщаніи на общественныя и богоугодныя цѣли отказы, въ общей суммѣ 33120 рублей съ процентами, съ требованіемъ отмѣнить оное и возстановить рѣшеніе б. Варшавскаго гражданскаго трибунала, отъ $^{12}/_{24}$ октября 1872 г., которымъ означенное письмо признано недѣйствительнымъ, несоставляющимъ духовнаго завѣщанія Я. и въ искѣ прокураторіи о суммѣ 33120 руб. съ наслѣдниковъ Я. отказано;

2) что трибуналъ и аппелляціонный судъ, при оцѣнкѣ важности и значенія духовнаго завѣщанія, обсуждали значеніе поврежденій которымъ подверглось письмо Я. отъ 10 іюля 1861 г., именно: трибуналъ полагалъ, что поврежденія сіи лишили распоряженіе Я. всякаго значенія, апелляціонный же судъ наоборотъ отказалъ всѣмъ поврежденіямъ письма Я. въ какомъ либо значеніи, считая оныя совершенно нерѣшительными и неимѣющими никакого вліянія на дѣйствительность духовнаго завѣщанія, между тѣмъ тщательное разсмотрѣніе письма Я. по наружному его виду и по содержанію онаго, а равно составленіе всѣхъ обстоятельствъ настоящаго дѣла, приводятъ къ тому заключенію, что нельзя вполнѣ согласится съ мнѣніемъ ни того ни другаго суда и что тутъ правда будетъ по срединѣ сихъ двухъ противорѣчащихъ другъ другу мнѣній;

3) что голословный намекъ прокураторіи, будто находящіеся въ Г. всѣ лица могли имѣть доступъ къ тому шкафу, въ которомъ хранилось духовное завѣщаніе Я.; будто шкафъ сей могъ быть отпертымъ подобраннымъ ключемъ или другимъ образомъ; будто кто либо изъ заинтересованныхъ лицъ могъ нарочно повредить завѣщаніе, съ цѣлью лишить оное законнаго значенія, не заслуживаетъ уваженія и вполнѣ опровергается оффиціальными протоколами подсудка бывшаго Конскаго мироваго суда отъ $^{12}/_{24}$ ноября и $^{2}/_{14}$ декабря 1866 г. по которымъ значится, что весьма тщательное опечатаніе дома, въ которомъ хранилось письмо Я. совершено судомъ въ г. Г. четвертаго дня послѣ воспослѣдовавшей въ г. Варшавѣ $^{8}/_{20}$ ноября 1866 г. кончины Я.; что при отпечатаніи, всѣ печати оказались ненарушенными и документъ сей найденъ въ запертомъ шкафу, отъ котораго ключъ былъ, равнымъ образомъ, въ заперти подъ ключемъ находящимся въ квартирѣ Я. въ Варшавѣ, изъ чего непремѣнно слѣдуетъ, что поврежденіе домашняго завѣщанія Я. учинены не кѣмъ либо другимъ, но самымъ завѣщателемъ.

4) что согласно протоколу подсудка б. К. мироваго суда о снятіи печати отъ $^{2}/_{14}$ дек. 1866 г., протоколу предсѣдателя б. Радомскаго гражданскаго трибунала отъ $^{16}/_{28}$ декабря 1866 г. о со-

стояніи завѣщанія Я. и личному осмотру подлиннаго документа судебною палатою въ сегодняшнемъ завѣщаніи, поврежденія означеннаго документа, состоятъ въ слѣдующемъ: двѣ послѣднія карты у самаго верху немного обозжены, три послѣднія карты разорваны почти на половину и сверхъ того двѣ послѣднія карты перечеркнуты крестообразно, за исключеніемъ послѣдней дополнительной статьи.

5) что сіе духовное завѣщаніе Я. состоитъ изъ трехъ отдѣльныхъ, самостоятельныхъ и другъ отъ друга независящихъ статей;

6) что значущаяся на шести первыхъ полулистахъ или на двѣнадцати страницахъ, изъ которыхъ только послѣдній полулистъ разорванъ почти на половину, первая часть, содержитъ въ себѣ распоряженія Я. по словамъ которыхъ назначены общими легатаріями Г. урожденная Р. незамужная Р. и К. урожденная Р.; первой изъ нихъ отказано въ собственность имѣніе Г. съ опредѣленіемъ стоимости онаго въ 9000 р. двумъ же послѣднимъ ключъ Г. стоимость котораго опредѣлена имъ въ 79500 руб. и сверхъ того, Я. въ этой первой части, учинилъ разные частные, равно на общественныя и на боготворительныя цѣли отказы, и указалъ способъ удовлетворенія таковыхъ общими легатаріями;

7) что изъ числа сихъ отказовъ составляютъ предметъ настоящаго дѣла лишь слѣдующіе: а) 750 рублей на постройку школьнаго дома въ Г. б) 900 руб· для ежегодной выдачи изъ процентовъ сей суммы по 15 руб тремъ парамъ бѣднѣйшихъ новобрачныхъ изъ жителей Г. в) 1500 р. на покрытіе желѣзною жестью крыши костела въ Г. г) 300 руб. Бернардинскимъ монастырямъ въ въ В. и К. д) 750 руб., въ пользу больницы г. О., на леченіе изъ процентовъ сей суммы крестьянъ имѣнія Г. въ названной больницѣ. е) 18000 руб. на стипендіальный фондъ для воспитанниковъ мужскаго и женскаго пола изъ рода Я. съ предоставленіемъ Я. урожденной Р. пожизненнаго пользованія, означенною суммою;

8) что во второй части завѣщанія, на страницахъ 13, 14, 15 и 16 подлинника, помѣщены совершенно другіе распоряженія, именно: въ ней Я. не установилъ никого общимъ легатаріемъ, не назначилъ никому въ собственность своихъ недвижимыхъ имѣній и все свое имущество, оцѣненное имъ въ 79600 руб. распредѣлилъ между частными, подробно тамъ исчисленными легатаріями, назначивъ таковое на удовлетвореніе сихъ отказовъ;

9) что третья часть завѣщанія, ограничивается одною статьею, въ которой завѣщатель на каждаго одареннаго, который бы сопротивился послѣдней его волѣ и который дѣйствовалъ бы противъ точнаго приведенія таковой въ исполненіе, наложилъ штрафъ въ видѣ лишенія его дара и назначенія таковаго въ пользу О. больницы.

10) что небольшое обозженіе и разорваніе картъ завѣщанія не имѣетъ существеннаго значенія, ибо легко могло случиться, что эти поврежденія произошли по неосторожности и помимо воли Я; но крестообразное перечерченіе двухъ послѣднихъ картъ, ясно и несомнѣнно обнаруживаетъ волю Я. отмѣнить заключающіяся въ перечеркнутыхъ мѣстахъ распоряженія и отнять имъ всякое значеніе, ибо перечерченіе перомъ нельзя считать дѣломъ простаго случая и неосторожности, а напротивъ, слѣдуетъ непремѣнно въ этомъ дѣйствіи усматривать волю завѣщателя уничтожить то, что имъ перечеркнуто, такъ какъ въ виду приведенныхъ выше обстоятельствъ настоящаго дѣла, разъяснено, что завѣщаніе найдено среди бумагъ, завѣщателя и устранено всякое сомнѣніе относительно того, что послѣ смерти его никто не могъ имѣть къ оному доступа.

11) что нѣтъ однакожъ никакаго основанія, какъ во всякомъ документѣ вообще, такъ и въ духовномъ завѣщаніи въ особенности, признавать уничтоженными тѣ мѣста или статьи, къ которымъ неотносится означенная несомнѣнная воля, которыя не перечеркнуты и оставлены въ цѣлости въ такомъ видѣ, въ какомъ были первоначально составлены; признаніе противнаго въ такомъ лишь исключительномъ случаѣ было бы возможнымъ, если бы за исключеніемъ перечеркнутыхъ статьей, остальныя оказались во всѣ непонятными, неисполнимыми и вообще немогущими осуществиться, чего въ настоящемъ дѣлѣ нѣтъ;

12) что изъ трехъ частей подлежащаго разбирательству завѣщанія, только вторая всецѣло перечеркнута и въ виду того, согласно вышеизложеннымъ основаніямъ слѣдуетъ ее признать отмѣненною, недѣйствительною и неимѣющею никакаго значенія, тѣмъ болѣе, что она во многихъ самихъ существенныхъ отношеніяхъ, не только несходна съ первою частью, но даже прямо противорѣчитъ ей и еслибъ не была отмѣнена, то невозможно было бы, безъ нарушенія одной, привести другую въ исполненіе: это непремѣнно замѣтилъ Я. и для устраненія противорѣчій, перечеркнулъ часть вторую;

13) что за исключенiемъ второй, средней части, духовное завѣщанiе Я. представляется въ такомъ видѣ, по которому никакимъ образомъ невозможно отказать ему въ совершенной законности и въ дѣйствительномъ, съ формальной стороны, значенiи, ибо обѣ остальныя части, согласно 970 ст. фр. гр. к. во всемъ ихъ пространствѣ написаны собственною рукою Я. и подъ последнею изъ нихъ, находится собственноручная полная подпись Я. съ приложенiемъ, сверхъ того, на прикрѣпляющемъ нитку, которую сшито все завѣщанiе, сургучѣ, гербовой его печати;

14) что возраженiе наслѣдниковъ Я. будто помѣта и подпись завѣщателя относятся исключительно къ послѣдней статьѣ завѣщанiя и будто такимъ образомъ первая его часть, не помѣчена и не подписана, несостоятельно, ибо онѣ очевидно сдѣланы для того, чтобы замѣнить перечеркнутыя вмѣстѣ со второю частiю, помѣту и подпись Я.

15) что первая и третья часть завѣщанiя составляютъ одно цѣлое, логическое, непротиворѣчащее ни въ чемъ самому себѣ и совершенно удобоисполнимое распоряженiе послѣдней воли Я., въ осуществленiи коего не встрѣчается никакихъ препятствiй и никакихъ затрудненiй, въ виду чего, возраженiе наслѣдниковъ Я. будто послѣдняя статья не имѣетъ тѣсной связи съ первою частью завѣщанiя, не заслуживаетъ уваженiя;

16) что такимъ образомъ требованiе прокураторiи можетъ быть удовлетворено лишь по тѣмъ отказамъ, которые значатся въ первой части духовнаго завѣщанiя Я. и которые указаны въ пунктѣ 7 подъ буквами а, б. в. г. д. е., настоящаго рѣшенiя; такое же требованiе по отношенiю къ добавочнымъ, значащимся по второй части завѣщанiя отказамъ, а именно: 750 р. на фондъ для общества крестьянъ имѣнiя Г. 1500 на покрытiе желѣзною жестью крыши костела въ Г. 300 р. для монастырей ксендзовъ Бернардиновъ въ В и К. 900 руб. Варшавскому благотворительному обществу, 750 руб. для больницы въ О. 420 руб. на окончанiе постройки костела Марiавитокъ въ Ч. 1800 руб. на капиталъ, съ котораго проценты назначены на содержанiе прiюта въ имѣнiи Г. 1500 руб. на капиталъ, съ котораго проценты назначены на содержанiе начальнаго училища въ Г. для крестьянскихъ дѣтей, не подлежитъ удовлетворенiю;

17) что, равнымъ образомъ, прокураторiя неосновательна требуетъ присудить съ наслѣдниковъ Я. 3000 руб., въ пользу общины

Г. ибо согласно 10 § завѣщанія, Я. подарилъ не общинѣ, но частнымъ крестьянамъ имѣнія Г. чиншъ за одну четверть года въ видѣ вознагражденія ихъ за барщину и крестьяне сіи не предъявили никакого по этому пункту требованія; прокураторія же, не только ничѣмъ неудостовѣряетъ чтобы крестьянамъ 3000 р. или вообще что нибудь причиталось, но даже не представляетъ довѣренности ихъ на предъявленіе иска по сему отношенію;

18) что проценты на указанные подъ 7 № а б. в. г. д. отказы, согласно 1014 ст. фр. гр. к., причитаются со дня предъявленія прокураторіею иска о выдачѣ сихъ отказовъ, на принадлежащую же стипендіальному фонду суммы 18000 р. со дня смерти Я.

19) что съ признаніемъ законнаго значенія двумъ частямъ духовнаго завѣщанія Я. на основаніи котораго, нѣкоторые изъ помѣщенныхъ въ немъ отказовъ, должны быть внесены его наслѣдниками въ Польскій банкъ, совершенный ими у дѣлъ нотаріуса $\frac{\text{24 іюня}}{\text{6 іюля}}$ 1867 года актъ о раздѣлѣ оставшагося послѣ Я. имущества, слѣдуетъ признать непрепятствующимъ взысканію поименованныхъ отказовъ.

Теряетъ-ли качество наслѣдникъ на инвентарномъ правѣ, переуступающій посредствомъ дарственной записи наслѣдственныя права, несоставляющій инвентарной описи и непредставляющій отчета по управленію наслѣдственнымъ имуществомъ?

Прокураторія предъявила искъ къ Осипу и Петру сыновьямъ З. съ требованіемъ: признать ихъ, несмотря на заявленія у писаря Б Плоцкаго гражданскаго трибунала отъ $^{13}/_{25}$ апрѣля 1835 г., а равно на отреченіе отвѣтчиковъ, отъ оставшагося послѣ Ивана З. наслѣдства, по актамъ $^{7}/_{19}$ января 1839 г. и $^{16}/_{28}$ апрѣля 1849 г. потерявшими право къ принятію на инвентарномъ правѣ означеннаго наслѣдства и присудить каждаго изъ нихъ, въ качествѣ безусловныхъ наслѣдниковъ Ивана З. къ уплатѣ въ пользу Братства, существующаго при Г. костелѣ по 157 руб. 44 коп. съ процентами.

Быв. Варшавскій гражданскій трибуналъ, рѣшеніемъ отъ $^{7}/_{19}$ и $^{11}/_{23}$ ноября 1868 г. посвидѣтельствовавъ неявку Петра З. удовлетворилъ по отношенію къ нему, требованіе прокураторіи и въ такомъ же требованіи по отношенію къ Осипу З. прокураторіи отказалъ. Прокураторія обжаловала сіе рѣшеніе по пункту, относящемуся къ Осипу З., тотъ же послѣдній подалъ на оное встрѣчную апелляцію, въ качествѣ бенефиціальнаго наслѣдника означеннаго Петра З., вслѣд-

ствіе которыхъ Варшавская судебная палата, рѣшеніемъ 1880 года января $^{10}/_{22}$ дня, главную апелляцію прокураторіи въ пользу Г. костела оставила безъ послѣдствій; по встрѣчной же жалобѣ Осипа З. обжалованное рѣшеніе относительно Петра З. отмѣнила и въ искѣ прокураторіи отказала по симъ соображеніямъ:

1) что прокураторія въ удостовѣреніи своего требованія признать Осипа и Петра З. лишенными права бенефиціальныхъ наслѣдниковъ ихъ отца и возможности отречься отъ принятія оставшагося послѣ Ивана З. наслѣдства, сослалась на слѣдующія обстоятельства: а) что Осипъ З., по дарственной записи отъ 28 мая (9 іюня 1835 г. переуступилъ наслѣдственныя права брату своему Петру, б) что оба брата З. до заявленія отъ $^{13}/_{25}$ апрѣля 1835 г. не составили инвентарной описи оставшемуся послѣ ихъ отца наслѣдству и совершенныя затѣмъ 28 іюня (10 іюля) 1837 г. и $^{6}/_{18}$ іюля 1844 г. инвентарныя описи неправильны, в) что братья З. не представили отчета по управленію наслѣдственнымъ имуществомъ.

2) что нѣтъ никакого сомнѣнія въ томъ, что по смыслу 980 ст. ф. г. к. дареніе однимъ изъ сонаслѣдниковъ безусловныхъ своихъ наслѣдственныхъ правъ другому сонаслѣднику, считается принятіемъ съ его стороны наслѣдства; въ настоящемъ однакоже случаѣ, статья сія непримѣняется, ибо Осипъ З., до составленія дарственной записи, отрекся отъ наслѣдства послѣ отца своего и принялъ таковое лишь на инвентарномъ правѣ, въ виду чего, послѣ принятія наслѣдства на основаніи 793 ст. ф. г. к. вытекающее изъ дарственной записи предположеніе о безусловномъ принятіи наслѣдства, само по себѣ, падаетъ; такимъ образомъ Осипъ З. пріобрѣтеннаго по заявленію отъ $^{13}/_{25}$ апрѣля 1835 г., качества наслѣдника на инвентарномъ правѣ, не могъ потерять дарственною записью отъ 28 мая (9 іюня) того же 1835 г.; впрочемъ, по смыслу 786 ст. фр. гр. код. совершенный Осипомъ З. переводъ права фиктивной собственности половины, неимѣющаго никакой цѣнности наслѣдства, на другаго брата, что даже по акту составленному въ ипотечной книгѣ имѣнія М. $^{5}/_{17}$ января 1839 г. отмѣнено, можно признать отреченіемъ отъ наслѣдства, которое затѣмъ воспослѣдовало формальнымъ заявленіемъ въ канцеляріи писаря быв. Плоцкаго гражданскаго трибунала $^{7}/_{19}$ января 1839 г.

4) что Петръ З. послѣ заявленія $^{13}/_{25}$ апрѣля 1835 г. о принятіи наслѣдства послѣ отца своего на инвентарномъ правѣ и соста-

вленіи затѣмъ инвентарной описи сему наслѣдству, отрекся отъ онаго положительно отъ $^{16}/_{28}$ апрѣля 1849 г.

5) что нѣтъ въ законѣ предписанія чтобы составленіе инвентарной описи непремѣнно предшествовало заявленію о принятіи наслѣдства на инвентарномъ правѣ и по точному смыслу 794 и 800 ст. фр. гр. код. составленіе Осипомъ и Петромъ заявленія о принятіи наслѣдства на инвентарномъ правѣ, не лишило ихъ возможности составить затѣмъ инвентарную опись наслѣдственному имуществу;

6) что составленныя вдовою Ивана З. у нотаріуса С. въ О. 28 іюня (10 іюля) 1837 г. относительно наслѣдственныхъ движимостей и Петромъ З. у Плоцкаго нотаріуса М. $^{6}/_{18}$ іюля 1844 г. относительно недвижимаго имущества, инвентарныя описи, согласно 943 ст. фр. код. гр. суд. утверждены присягою лицъ, составляющихъ таковыя и прокураторія ничѣмъ неудостовѣряетъ того, чтобы Осипъ или Петръ З. присвоили себѣ что-нибудь изъ оставшагося послѣ отца ихъ наслѣдства, а равно чтобы что-нибудь не было помѣщено въ сихъ инвентарныхъ описяхъ; слѣдовательно и основанное на несоблюденіи при составленіи означенныхъ инвентарныхъ описей прочихъ формальностей, главное требованіе прокураторіи неуважительно.

7) что хотя по предписанію 1 пункта 803 ст. фр. гр. код. Осипъ и Петръ З. въ промежуткѣ времени со дня заявленія о принятіи наслѣдства на инвентарномъ правѣ, до дня заявленія ихъ объ отреченіи отъ наслѣдства, обязаны были управлять наслѣдственнымъ имуществомъ и въ своемъ управленіи должны были дать отчетъ кредиторамъ, но въ слѣдъ затѣмъ, согласно 2 пункту той же 803 ст. на лично принадлежащее имъ имущество могло бы быть обращено взысканіе лишь по просрочкѣ въ представленіи счетовъ и послѣ неисполненія ими означенной обязанности; между тѣмъ, прокураторія не только не поставила въ просрочкѣ по этому отношенію Осипа и Петра З., но даже ничѣмъ не удостовѣряетъ того, чтобы они уклонялись отъ представленія отчета или чтобы у нихъ осталась какая-либо часть доходовъ отъ наслѣдственнаго имущества.

8) что впрочемъ Осипъ З приложенными къ дѣлу документами, именно: протоколомъ отъ 18 іюня 1824 г., рѣшеніемъ Плоцкаго трибунала отъ $^{16}/_{28}$ іюля 1842 г. и врученнымъ по требованію прокураторіи классификаціоннымъ планомъ стоимости имѣнія М.

отъ 31 декабря (12 января) 185$^{4}/_{5}$ г. удостовѣряетъ, что за десять лѣтъ до смерти его отца имѣніе М., по требованію кредиторовъ отдано было съ публичныхъ торговъ въ аренду, что послѣ смерти Ивана З., обращено было кредиторами наслѣдственной массы взысканіе на наслѣдственное имущество, что ни онъ, ни братъ его Петръ, никогда не управляли наслѣдственнымъ имуществомъ, что не только по распредѣленію стоимости проданнаго съ публичныхъ торговъ имущества ничего не осталось въ пользу наслѣдниковъ Ивана З., но даже не всѣ его кредиторы получили удовлетвореніе.

По ипотечному праву.

Можетъ-ли быть взысканъ съ пріобрѣтателя дома, ипотечный долгъ, взятый въ заемъ прежнимъ владѣльцемъ, на основаніи нотаріальнаго акта, симъ послѣднимъ своему кредитору даннаго, безъ отдѣльнаго рѣшенія на новаго владѣльца.

Обезпеченія третьихъ лицъ на ипотечной суммѣ составляютъ-ли препятствіе къ ея взысканію?

П. купилъ недвижимость и принялъ на себя обязанность уплатить долгъ продавщицы въ количествѣ 1200 руб. ипотекою сей недвижимости обезпеченный, на основаніи нотаріальнаго акта отъ $^{9}/_{21}$ марта 1867 г. какой-то актъ по прежнему производству, былъ прямо исполнительный, безъ необходимости исходатайствованія судебнаго рѣшенія. Сумма эта была недѣлимою собственностію семейства М. и обременена разными субъинтабулятами, то есть суммами, обезпеченными въ пользу третьихъ лицъ на доляхъ собственниковъ. Одинъ изъ М. предпринялъ экзекуціонныя мѣры противъ П. который подалъ жалобу на неправильность дѣйствій судебнаго пристава, указывая на вышеприведенныя обстоятельства.

Варшавскій окружный судъ, опредѣленіемъ отъ 28 сентября (10 октября) 1879 г. жалобу П. оставилъ безъ послѣдствій и оное судебная палата, опредѣленіемъ отъ 1880 г. марта $^{10}/_{22}$ дня, утвердила по слѣдующимъ соображеніямъ:

1) что на основаніи ст. 26 ипот. уст. 1818 г., по которой, къ исполненію обязательствъ, пріобрѣвшихъ силу общественной достовѣрности, третій пріобрѣтатель недвижимости, служащей обезпеченіемъ сихъ обязательствъ, можетъ быть принужденъ безъ судебнаго рѣшенія, путемъ взысканія.

2) что существованіе субъинтабулятовъ на части наслѣдственной суммы 1200 руб., какая придется на долю М. на точномъ осно-

ваніи 1242 ст. гр. код. препятствуетъ лишь выдачѣ этой суммы, на руки остальныхъ совладѣльцевъ оной М. или ихъ представителей, въ виду несовершенія раздѣла между семействомъ М., но это не лишаетъ, съ одной стороны, тѣхъ совладѣльцевъ, коихъ доли не обременены въ пользу третьихъ лицъ, права требовать уплаты суммы, съ другой, не лишаетъ и П. возможности произвести правильную уплату оной; внесеніемъ въ Польскій банкъ.

Можетъ-ли быть освобожденъ вполнѣ должникъ отъ личной отвѣтственности за долгъ, обезпеченный ипотекою его имѣнія, вслѣдствіе послѣдовавшихъ дѣйствій и сдѣлокъ кредитора съ пріобрѣтателями сего имѣнія?

По официальной мировой отъ 11/23 апрѣля 1860 г. Брунонъ и Мечиславъ братья М. въ качествѣ владѣльцевъ имѣнія В. Л. обязались солидарно уплатить 12/24 іюня 1861 Арону В. 6000 р. с. съ процентами, въ видѣ цѣны пріобрѣтенныхъ ими отъ В., апарата, машинъ и всѣхъ принадлежностей сахарнаго завода, обезпечивъ сію сумму ипотекою названнаго имѣнія. М. продали означенное имѣніе Олимпіи Ш. она же Карлу Г. послѣ чего названное имѣніе продано было съ публичныхъ торговъ земскимъ кредитнымъ обществомъ; изъ цѣны предложенной на торгахъ В. получилъ только 2000 р. с., а такъ какъ прежде получилъ въ счетъ своего долга 2000 р. с., то ему причиталось остальнаго 2000 р. с. непомѣщенныхъ въ распредѣлительномъ планѣ, вырученной отъ продажи имѣнія В. Л. цѣны, вслѣдствіе чего В. предъявилъ искъ разрѣшить ему замѣнить чистою записью, внесенную имъ въ ипотечный указатель имѣнія Б. возлѣ капитала М.—относительно той же суммы 2000 р. с. охранительную отмѣтку, Калишскій гражданскій трибуналъ, рѣшеніями отъ 9/21 января, 21 марта (2 апрѣля) 1873 г. утвержденнымъ рѣшеніемъ апелляціоннаго суда отъ 9/21 октября 1875 г. въ искѣ имъ отказалъ. Судебная палата 1880 г марта 6/18 дня жалобу наслѣдниковъ В на сказанныя рѣшенія, согласно заключенію товарища прокурора, оставила безъ послѣдствій, по слѣдующимъ соображеніямъ:

1) что, по точному смыслу 68 ст. ипотечнаго устава 1818 г., 2 ст. закона о привилегіяхъ и ипотекахъ 1825 года и даже 1275, 1277 ст. фр, гр. код на которые наслѣдники В., ссылаются Брунонъ М. долженъ отвѣтствовать В., въ качествѣ личнаго его должника, всѣмъ своимъ имуществомъ движимымъ и недвижимымъ; прі-

обрѣтатели же имѣнія В. Л. именно Олимпія Ш. и Карла Г., принявшіе на себя вмѣстѣ съ имѣніемъ, обезпеченный таковымъ, долгъ В. подлежали отвѣтственности по оному, лишь симъ же имѣніемъ; но въ настоящемъ дѣлѣ встрѣчается возбужденный М. вопросъ: не освобожденъ ли М. отъ личной отвѣтственности, за уплату остатка долга, въ количествѣ 2000 р. с. вслѣдствіе послѣдовавшихъ послѣ продажи имъ означеннаго имѣнія, до срока уплаты долга, разныхъ дѣйствій Арона В., именно же, слѣдствіе переговоровъ и сдѣлокъ съ пріобрѣтателями сего имѣнія?

2) что, по 1273 ст. Ф. Г. К., обновленіе непредполагается; необходимо, чтобы намѣреніе совершить его, ясно вытекало изъ акта; по статьѣ же 1275 т. к. переводъ долга (délégation), не составляетъ обновленія, если кредиторъ положительно не заявилъ, что имѣетъ въ виду освободить должника, сдѣлавшаго переводъ долга; въ виду чего, изъ сопоставленія сихъ двухъ статей, слѣдовало бы заключить, что если для обновленія не требуется положительнаго заявленія кредитора и достаточно, чтобы намѣреніе его совершить обновленіе ясно вытекало изъ акта, то для освобожденія первоначальнаго должника, вслѣдствіе перевода долга, необходимо нужно положительное заявленіе кредитора и что сіе заявленіе ничѣмъ не можетъ быть замѣнено; но все это относится лишь къ актамъ обновленія или перевода долга, которые настолько влекутъ за собою освобожденіе первоначальнаго должника, насколько намѣреніе кредитора, освободить его, положительно высказано въ актѣ и никакіе выводы и умозаключенія, не въ силѣ замѣнить такого заявленія; несмотря однакожъ на все вышеизложенное, кредиторъ, хотя и неосвободившій первоначальнаго должника отъ уплаты долга, при переводѣ онаго, можетъ лишиться права на взысканіе долга съ первоначальнаго должника, если совершилъ такія дѣйствія, которыя измѣняя съ вреднымъ послѣдствіемъ прежнее положеніе первоначальнаго должника, лишаютъ его возможности взыскать долгъ съ лица, принявшаго на себя обязанность, уплатить сей долгъ;

3) что ни суды двухъ первыхъ степеней, ни М., не заявляютъ того, чтобы контракты о продажѣ имѣнія В. Л., которыми уплата долга В. переведена на Олимпію Ш. и затѣмъ на Г. могли служить основаніемъ къ освобожденію М. отъ личной отвѣтственности за сей, лежащій на нимъ, по закону, долгъ; но М. и суды прежнихъ инстанцій совершенно правильно полагаютъ, что В. лишился права взыскивать остатокъ долга лично съ М. вслѣдствіе совер-

шенныхъ имъ дѣйствій послѣ продажи М имѣнія В. Л., именно: вслѣдствіе сдѣлокъ, заключенныхъ имъ съ пріобрѣтателями сихъ имѣній; ибо согласно приложеннымъ къ дѣлу документамъ, В. предпринявъ взысканіе суммы 6000 съ Олимпія Ш. — описавъ имѣніе, съ цѣлью отдать оное въ аренду съ публичныхъ торговъ и установивъ, съ своей стороны, управляющимъ С, вслѣдъ затѣмъ, по мировой сдѣлкѣ отъ 17/29 іюня 1862 г., въ которой М. не участвовалъ, расчитался съ Олимпіею Ш. и въ замѣнъ за отреченіе ея отъ претензіи къ нему, по причинѣ разоренія имѣнія, установленнымъ съ его стороны администраторомъ С., отстрочилъ уплату долга по 12/24 іюня 1863 г., затѣмъ, послѣ перевода названнаго имѣнія на Г. принялъ В. отъ него, въ счетъ долга, принадлежность сахарнаго апарата, стоимость коего составляла источникъ признаннаго въ его пользу М. долга и уплату остатка отсрочилъ вторично по 12/24 іюня 1864 г.;

4) что исходатайствованіе В. у Олимпіи Ш въ замѣнъ за непродолжительную отстрочку по уплатѣ долга, отреченія отъ претензій за вырученныя отъ имѣнія доходы и разореніе онаго, представляется конечно весьма вреднымъ для М., ибо лишало его возможности зачислить сіи претензіи въ счетъ лично обременяющаго его дома; принятіе же В. въ счетъ лично обременяющаго его долга, всѣхъ принадлежностей сахарнаго апарата, который по силѣ 524 ст. фр. гр. к. составлялъ недвижимость по его назначенію, уменьшило стоимость имѣнія, коимъ былъ обезпеченъ означенный долгъ;

5) что заключеніе В. названныхъ сдѣлокъ, безъ всякаго участія даже безъ вѣдома М., который вмѣстѣ съ своимъ братомъ продалъ имѣніе В. Л. Олимпіи Ш. до наступленія срока уплаты долга В., удостовѣряетъ въ томъ, что В. не считалъ М. своимъ должникомъ заинтересованнымъ въ уплатѣ долга и по аналогіи 2037 ст. фр. гр. код., влечетъ за собою лишеніе В., слѣдовательно и его наслѣдниковъ, права на искъ, по взысканію съ Брунона М., остатка сего долга;

6) что въ виду всего вышеизложеннаго, рѣшенія бывшаго Калишскаго гражданскаго трибунала и бывшаго апелляціоннаго суда устранившія искъ В., правильны и жалоба наслѣдниковъ Арона В. на сіи рѣшенія не подлежитъ удовлетворенію.

По торговому праву.

Получившій бланковую передаточную надпись на вексель, вправъ-ли помѣстить въ надписи, что правопереуступатель отказался отъ протеста?

Ш., присужденный рѣшеніемъ Варшавскаго коммерческаго суда отъ $^{9}/_{21}$ августа 1878 г. къ солидарной уплатѣ Р. въ пользу К. 262 руб. на основаніи векселя, выставленнаго Р-мъ переуступленнаго Ш-мъ, посредствомъ бланковой передаточной надписи К-лу, предъявилъ апелляціонную жалобу, вслѣдствіе которой судебная палата, рѣшеніемъ отъ 30 января (11 февраля) 1880 г., обжалованное рѣшеніе, насколько оно относится къ Ш. отмѣнила и К-у въ искѣ съ Ш. отказала по симъ соображеніямъ:

1) что истецъ К. въ засѣданіи коммерческаго суда положительно призналъ, что предъявленный къ взысканію вексель Р. онъ получилъ съ бланковою подписью Ш. и пополнилъ его у себя на дому;

2) что при отсутствіи соглашенія между Ш. и К. относительно условія переуступки векселя, простая передача векселя съ бланковой надписью можетъ имѣть лишь то значеніе, что Ш. довѣряя К. предоставилъ ему воспользоваться его подписью въ тѣхъ предѣлахъ, которые установлены закономъ т. е. самому составить полную передаточную надпись, по формѣ указанной въ 137 ст. торг. код.;

3) что въ этой законной формѣ передаточной надписи, условія объ освобожденіи отъ протеста не содержится, и оно можетъ быть помѣщено не иначе, какъ съ особаго согласія надписателя, которое удостовѣряется однимъ подписаніемъ имъ надписи тогда лишь, когда надпись, содержащая эту оговорку, была составлена до или одновременно съ подписью ея, если же подпись надписателя сдѣлана была in blanco, то дѣйствительность согласія подписателя на это условіе должна быть доказано особо, на общемъ основаніи;

4) что посему К., неимѣя доказательства такого согласія со стороны Ш. если желалъ сохранить за собою право обратнаго требованія съ Ш. по векселю, долженъ былъ въ виду 165 ст. тор. к. въ установленный срокъ протестовать вексель и предъявить искъ къ Ш. въ теченіи 15 дней со дня протеста;

5) что не совершивъ ни того, ни другаго, и предъявивъ искъ по истеченіи 5 мѣсяцевъ и 10 дней со дня просрочки векселя, К.

на точномъ основаніи 178 ст. тор. код. долженъ быть признанъ потерявшимъ право требовать что либо по сему векселю съ Ш.

Можетъ-ли быть объявлена несостоятельность умершаго торговца?

Варшавскій коммерческій судъ опредѣленіемъ отъ $^{31}/_{12}$ $\frac{\text{января}}{\text{февраля}}$ 1880 г. отказалъ въ объявленіи несостоятельности умершаго торговца Р. на томъ основаніи, что ст. 437 и 441 торговаго кодекса говоритъ о несостоятельности только живущаго торговца, а кромѣ того, требователь недоказалъ чтобы Р. до своей смерти былъ несостоятельнымъ.—

Судебная палата такое опредѣленіе марта 21 (апрѣля 12) дня утвердила по слѣдующимъ соображеніямъ:

1) что по точному разуму 437 ст. торг. код. только такое торговое лицо считается несостоятельнымъ, которое прекращаютъ свои платежи; притомъ, согласно 441 того же кодекса, время открытія несостоятельности опредѣляется или скрытіемъ должника или закрытіемъ его магазиновъ или же числомъ, которымъ помѣчены акты, удостовѣряющіе объ отказѣ его исполнить или уплатить торговыя обязательства;

2) что повѣренный торговаго дома С. ничѣмъ не доказываетъ, чтобы Р. до своей смерти прекратилъ платежи по своимъ торговымъ обязательствамъ, указаніе же его на то обстоятельство, что оставшееся послѣ Р. наслѣдственное имущество недостаточно для кредиторовъ и не можетъ замѣнять требуемаго по закону удостовѣренія факта платежа;

3) что такимъ образомъ Варшавскій коммерческій судъ совершенно правильно отказалъ повѣренному торговаго дома Т. въ его ходатайствѣ объ открытіи несостоятельности Р.

Покупка акціи безъимяннаго товарищества составляетъ-ли торговое дѣйствіе?

Присяжный повѣренный П. по довѣренности Э. принесъ частную жалобу на опредѣленіе Варшавскаго окружнаго суда, отъ $^{5}/_{17}$ февраля 1880 года, коимъ искъ Э. къ купцу Л. объ уничтоженіи договора купли-продажи 40 акцій З. свеклосахарнаго завода, и о взысканіи 8,250 руб. съ послѣдняго при возвращеніи Л. проданныхъ акцій, признанъ неподсуднымъ окружному суду Судебная палата это опредѣленіе отмѣнила мая $^{2}/_{14}$ дня 1880 г. по слѣдующимъ соображеніямъ:

1) что истецъ, покупая отъ члена правленія общества З. свеклосахарнаго завода Л. акціи онаго завода, вовсе не становился въ его права по отношенію къ сказанному обществу, имѣющему свойства торговаго предпріятія;

2) что покупка вообще акцій безъимяннаго товарищества, представляющаго соединеніе не лицъ, а капиталовъ, какъ въ настоящемъ случаѣ, само по себѣ, не сообщаетъ пріобрѣтателю никакихъ правъ по управленію дѣлами общества, и не составляетъ торговаго дѣйствія, хотя при извѣстныхъ условіяхъ согласно уставу каждаго товарищества и можетъ давать право участія въ его собраніяхъ;

3) что пріобрѣтатель безъимянной акціи не дѣлается собственникомъ завода, принадлежащаго владѣльцу-юридическому лицу и можетъ имѣть въ виду при таковой покупкѣ бумаги не предъявителя, какъ это и бываетъ въ большинствѣ случаевъ, только помѣщеніе своихъ сбереженій, чтобы пользоваться процентами съ принадлежащаго ему капитала;

4) что такимъ образомъ истецъ, купившій акціи З. завода отъ владѣльца этихъ акцій Л. продававшаго оныя не въ качествѣ купца или банкира, причемъ ничто не указываетъ, что покупки эти были сдѣланы Э. для перепродажи—въ смыслѣ торговли бумагами, не совершилъ торговаго дѣйствія, указаннаго въ 632 ст. ком. код., а слѣдовательно и гражданскій обманъ, сопровождавшій продажу акцій, на основаніи котораго истецъ требуетъ расторженія договора, не можетъ быть обсуждаемъ по торговымъ законамъ, имѣющимъ въ виду специальныя, свойственныя торговлѣ особенности.

По прежнему судопроизводству.

Можетъ-ли быть, повѣрка почерка и подписи, требуемая по французскому судопроизводству, недопущена на основаніи предположеній?

Наслѣдники Б. предъявили къ К. искъ о признаніи сего послѣдняго удовлетвореннымъ въ признанной ему по акту отъ $^3/_{15}$ декабря 1842 г. суммѣ 2700 р. с. и вслѣдствіе того, объ исключеніи названной суммы, изъ ипотечнаго указателя недвижимости, которою она была обезпечена, а въ оправданіе своего требованія, сослались на росписку К. отъ 21 апрѣля 1843 г. по которой значится, что сумма сія ему вовсе непричитается и что онъ обязы-

вается исключить оную изъ ипотеки, по востребованію Б.—и исходатайствовали рѣшеніе Калишскаго гражданскаго трибунала отъ ¹⁴/₂₆ августа 1874 г. коимъ постановлено согласно просительнымъ ихъ пунктамъ. На сіе рѣшеніе К. подалъ отзывъ и вслѣдъ засимъ дополнительнымъ актомъ заявилъ частный искъ, съ требованіемъ признать росписку отъ 21 апрѣля 1843 г. неимѣющею никакого значенія и вмѣстѣ съ тѣмъ пригласилъ защитника наслѣдниковъ Б. дать отзывъ: намѣрены-ли они или ненамѣрены, пользоваться означеннымъ документомъ, сохраняя за собою право на искъ о подлогѣ онаго. Патронъ М. защитникъ наслѣдниковъ Б. актомъ, врученнымъ 23 января (4 февраля) 1875 г. защитнику К. Патрону Д. со ссылкой на 216 ст. к. г. с. объявилъ, что они желаютъ пользоваться означеннымъ документомъ, защитникъ же К. актомъ $^{1}/_{13}$ февраля, возразивъ на счетъ неформальности названнаго отзыва по неприложеніи довѣренности, заявилъ, что К. отрицаетъ почеркъ и подпись сего документа и будетъ требовать повѣрки таковыхъ. Однакожъ трибуналъ рѣшеніемъ отъ $^{12}/_{24}$ февраля 1875 г. отзывъ К. и частный искъ К. апелляціонный же судъ рѣшеніемъ отъ 19 ноября (1 декабря) 1875 г. апелляцію К. на рѣшеніе трибунала оставили безъ послѣдствій, хотя же К. подалъ въ IX департаментъ правительствующаго сената жалобу на упомянутыя рѣшенія, судебная палата обжалованныя рѣшенія 1880 г. $^{6}/_{18}$ марта утвердила по слѣдующимъ соображеніямъ:

1) что предписанное 216 ст. Ф. К. Г. С. приложеніе копіи довѣренности къ отзыву о намѣреніи пользоваться опровергаемымъ противною стороною документомъ, постановлено въ пользу лицъ, отъ которыхъ заявляется означенный отзывъ, а не подъ страхомъ недѣйствительности онаго, если сіе не исполнено; въ настоящемъ же случаѣ наслѣдники Б. не возражаютъ противъ правильности отзыва, но даже положительно заявляютъ что они уполномочили своего защитника Патрона М. дать таковый отзывъ и что они намѣрены пользоваться и дѣйствительно пользуются опровергаемымъ К. документомъ.

2) что впрочемъ К. былъ бы вправѣ возражать на счетъ правильности отзыва лишь въ такомъ случаѣ, еслибъ онъ согласно 217 и 218 ст. ф. к. г. с. предпринялъ дальнѣйшее производство объ подлогѣ домашняго документа отъ 21 апрѣля 1843 г.; между тѣмъ онъ К. не только вовсе не примѣнился къ названнымъ 217 и 218 ст. ф. к. г. с, но даже отрекся отъ иска о подлогѣ сего доку-

мента и требовалъ исключительно лишь повѣрки означеннаго письменнаго доказательства; въ виду чего возраженіе К. на счетъ неправильности отзыва М., незаслуживаетъ уваженія;

3) что въ случаѣ отрицанія отвѣтчикомъ подписи на предъявляемомъ истцемъ документѣ, 159 ст. ф. к. г. с. вовсе не возлагаетъ на судъ обязанности непремѣнно назначать повѣрку, но сія статья опредѣляетъ лишь, что судъ можетъ назначить повѣрку, разумѣется настолько, насколько не встрѣчаются въ дѣлѣ такія обстоятельства, по которымъ сія повѣрка представляется излишнею; въ виду чего, для разрѣшенія жалобы К. нужно необходимо изслѣдовать, основательно-ли въ настоящемъ случаѣ требованіе К. о назначеніи повѣрки, или нѣтъ-ли такихъ обстоятельствъ, по которымъ повѣрка должна быть признана излишнею;

4) что К. не только ничѣмъ не удостовѣряетъ, но даже вовсе не заявляетъ того, чтобы онъ, въ теченіи слишкомъ 30-ти лѣтъ, считая съ опредѣленнаго для уплаты долга срока, именно съ 20 декабря (1 января) 184$^{3}/_{4}$ года, взыскивалъ съ Б., или съ его наслѣдниковъ сумму 2700 рублей и ничѣмъ также не оправдываетъ своего заявленія, что отъ сихъ лицъ, получалъ проценты на сію сумму, на которую впрочемъ, согласно акту отъ $^{3}/_{15}$ декабря 1842 года, проценты не были вовсе условлены.

5) что К. приглашенный наслѣдниками Б. актомъ отъ 21 іюня (3 іюля) 1874 г. исключить сумму 2700 р. с. изъ ипотечнаго указателя недвижимости въ З. согласно роспискѣ его отъ 21 апрѣля 1843 г. и вызванный затѣмъ въ судъ по иску сихъ же наслѣдниковъ Б. объ исключеніи означенной суммы изъ названнаго ипотечнаго указателя, не только, до заочнаго рѣшенія б. Калишскаго гражданскаго трибунала, но даже въ поданномъ противъ сего рѣшенія отзывѣ, не сдѣлалъ никакихъ возраженій на счетъ подлинности росписки отъ 21 апрѣля 1843 г., и только, во время исполнительнаго производства, послѣ описи его движимостей, въ видѣ защиты, по дополнительному акту, заявилъ, будто означенный документъ подложный, но вслѣдъ затѣмъ, оставилъ безъ хожденія производство о подлогѣ и требовалъ лишь повѣрки подписи на симъ документѣ.

6) что обезпеченіе по акту отъ $^{14}/_{26}$ января 1846 г. суммою 2700 руб. залога на 1560 р. с. за Б. въ пользу Варшавскаго губернскаго правленія, не только не опровергаетъ росписки отъ 21 апрѣля 1843 г. но напротивъ положительно разъясняетъ, что сум-

ма 2700 р. с. не была исключена изъ ипотечнаго указателя именно потому, что Б. могъ воспользоваться первымъ ипотечнымъ номеромъ для обезпеченія означеннаго закона;

7) что всѣ сіи обстоятельства непремѣнно удостовѣряютъ въ томъ, что К. всегда считалъ себя кредиторомъ Б. и его наслѣдниковъ лишь въ предѣлахъ росписки своей отъ 21 апрѣля 1843 г. и только въ производствѣ по иску наслѣдниковъ Б. объ исключеніи суммы 2700 р. с, изъ ипотечнаго указателя, для замедленія хода дѣла, прибѣгнулъ къ отрицанію подписи своей на сей роспискѣ;

8) что ссылка К. на свидѣтельство нотаріуса С. отъ 28 февраля (12 марта) 1870 года о составленіи въ его конторѣ $^{2}/_{14}$ ноября 1869 г. нѣкоторыми наслѣдниками Б. довѣренности въ пользу Г. Б. устроить оставшееся послѣ названнаго Б. наслѣдство, расчитаться съ К. и дать ему росписку на сумму, какая окажется по расчету, незаслуживаетъ уваженія, ибо довѣренность сія отмѣнена и объ отмѣнѣ оной К. увѣдомленъ актомъ, врученнымъ ему $^{1}/_{13}$ іюля 1874 г. впрочемъ даже довѣренность сія, въ которой К. не принималъ никакого участія, опровергаетъ заявленіе его о принадлежности значущейся по ипотекѣ суммы 2700 р. с о которой въ сей довѣренности вовсѣ не упоминается, ибо, еслибы эта сумма дѣйствительно причиталась К., то нечего было бы съ нимъ по оной расчитываться; проценты же на сію сумму, какъ выше разъяснено условлены не были; изъ чего видно что намекъ въ довѣренности о расчетѣ, вовсе не относился къ ипотечной суммѣ 2700 рублей.

9) что въ виду всего вышеизложеннаго, назначеніе повѣрки подписи К. на документѣ отъ 21 апрѣля 1843 г. представляется излишнимъ и рѣшенія судовъ двухъ первыхъ степеней устранившія частный искъ К., правильны.—

Выраженіе въ ст. 499 кодекса гражданскаго судопроизводства: „кромѣ поводовъ къ пересмотру рѣшенія, изложенныхъ въ мнѣніи защитниковъ, никакіе другіе не могутъ быть предметомъ ни словеснаго заявленія въ засѣданіи суда, ни письменныхъ объясненій сторонъ“, не допускаетъ ли приносящему жалобу о пересмотрѣ рѣшенія представлять ничего болѣе, кромѣ того, что помѣщено въ мнѣніи защитниковъ?

Судебная палата $^{10}/_{22}$, $^{15}/_{27}$ ноября, 23 ноября (11 декабря) и $^{1}/_{13}$ декабря 1878 г. рѣшила споръ о земляхъ, расположенныхъ въ предмѣстьѣ Прага, близъ Варшавы по дѣлу Иды К. съ инженер-

скимъ управленіемъ и Карломъ Ш. вступившимъ въ дѣло въ качествѣ третьяго лица. Прокураторія отъ имени инженерскаго управленія, получивъ мнѣніе трехъ защитниковъ, принесла жалобу о пересмотрѣ рѣшенія. Ида К. представила прежде всего отводъ, что прокураторія, несмотря на 499 ст. к. г. с. представляетъ выводы и основанія въ жалобѣ о пересмотрѣ рѣшенія, непомѣщенныя въ мнѣніи защитниковъ, что по смыслу упомянутой статьи недопускается. Судебная палата рѣшеніемъ отъ 15/27 февраля 1880 г. оставила жалобу прокураторіи безъ послѣдствій, въ соображеніяхъ же своего рѣшенія относительно помѣщеннаго въ началѣ вопроса высказала слѣдующее:

1) что со стороны Иды К. предъявлено предварительное требованіе о признаніи въ силу 499 ст. к. г. суд., что всѣ помѣщенные въ реституціонной жалобѣ прокураторіи выводы и основанія, неуказанные въ мнѣніи защитниковъ, недопускаемы и не могутъ быть доложены на судѣ ни словесно, ни на письмѣ;

2) что однакожъ, въ означенной статьѣ закона говорится о невозможности представлять при словесномъ состязаніи или же въ письменномъ объясненіи другіе поводы къ пересмотру рѣшенія, кромѣ изложенныхъ въ мнѣніи защитниковъ, но не имѣется никакихъ указаній о невозможности разъяснять суду то положеніе дѣла, въ какомъ состоялось обжалованное рѣшеніе, а равно доложить содержаніе сего рѣшенія, хотя бы оно не помѣщалось въ мнѣніи защитниковъ;

3) что защита прокураторіи сводится лишь къ такому разъясненію, относительно же поводовъ къ пересмотру она ни въ чемъ невыходитъ изъ предѣловъ, указанныхъ въ мнѣніи защитниковъ.—

По судебнымъ уставамъ 20 ноября 1864 года.

Бумаги и повѣстки на имя всякаго-ли тяжущагося, который не заявилъ въ канцеляріи суда объ избранномъ имъ мѣстѣ пребыванія, оставляются въ канцеляріи суда?

Люблинскій окружный судъ по дѣлу Ф. съ Ш. 1878 г. октября 27 (ноября 8) дня, постановилъ заочное рѣшеніе противъ отвѣтчика, непославъ ему повѣстки о слушаніи дѣла, но оставляя ее въ канцеляріи суда при дѣлѣ. — Ш. подалъ на это рѣшеніе апелляціонную жалобу, а судебная палата по вышеприведенному вопросу въ соображеніяхъ рѣшенія по этому дѣлу, 1880 года февраля 18 (марта 1) дня, высказала слѣдующее мнѣніе:

Люблинскій окружный судъ неправильно руководствовался при извѣщеніи сторонъ о срокѣ, назначенномъ къ слушанію дѣла 311 ст. у. гр. суд., такъ какъ означенная статья примѣнима лишь въ томъ случаѣ если отвѣтчикъ, имѣя мѣсто жительство не въ томъ городѣ, гдѣ находится судъ, не избралъ себѣ временнаго мѣста пребыванія въ семъ послѣднемъ, а такъ какъ мѣсто жительства отвѣтчика Ш. указано въ исковомъ прошеніи въ г. Люблинѣ, мѣстѣ нахожденія суда, то повѣстки о вызовѣ и вообще всѣ бумаги, подлежащія объявленію тяжущимся, въ томъ числѣ и повѣстки о слушаніи дѣла, должны быть имъ посылаемы на точномъ основаніи 275 и 305 ст. у. гр. суд.

Уменьшеніе иска и его цѣны при докладѣ дѣла, можно-ли считать измѣненіемъ требованія?

Въ случаѣ же измѣненія требованія можно-ли опредѣленіемъ постановить оставить искъ безъ послѣдствія?

В. въ исковомъ прошеніи помѣстилъ требованіе, признать Б. обязаннымъ освободить право dominii directi фольварка Н. Д. отъ всѣхъ долговъ, обременяющихъ оныя права, въ томъ числѣ и отъ ссуды земскаго кредитнаго общества, подъ опасеніемъ непосредственнаго взысканія съ него, Б., въ пользу В. суммы 6300 руб. съ процентами, причемъ цѣна иска опредѣлена была въ 6300 руб.; въ судебномъ засѣданіи окружнаго суда 11/23 октября 1879 г., какъ записано въ протоколѣ, повѣренный истца заявилъ, что послѣ предъявленія иска права dominii directi фольварка Н. Д. освобождены уже отъ долга земскому кредитному обществу и другихъ частныхъ долговъ, кромѣ долга въ 5000 руб., вслѣдствіе чего онъ уменьшаетъ цѣну иска до 5000 руб. и проситъ о заочномъ рѣшеніи, а послѣ доклада дѣла заявилъ, что онъ ограничиваетъ свой искъ 5000 р. Варшавскій окружный судъ опредѣленіемъ отъ 11/23 октября 1879 года признавая это уменьшеніе измѣненіемъ требованія, искъ В. оставилъ безъ послѣдствій. Судебная палата опредѣленіе это 1880 года февраля 13/25 дня отмѣнила и предписала суду разсмотрѣть сказанное дѣло по существу—по слѣдующимъ соображеніямъ:

1) что въ подобнаго рода заявленіи можно усмотрѣть лишь уменьшеніе цѣны иска, а не измѣненіе или отказъ отъ первоначальныхъ исковыхъ требованій, а если заявленіе повѣреннаго истца представлялось суду неяснымъ и неопредѣленнымъ, то согласно 335 ст. уст. гр. суд. отъ самаго суда зависѣло предложить повѣренному истца точнѣе выразить свои требованія;

2) что если бы дѣйствительно и послѣдовало измѣненіе по существу первоначальныхъ исковыхъ требованій; то въ виду 332 ст. уст. гр. суд. суду слѣдовало лишь указать просителю на недопускаемость подобнаго измѣненія и если бы онъ настаивалъ на своихъ новыхъ требованіяхъ, отказать въ нихъ судебнымъ рѣшеніемъ, но небыло основанія частнымъ опредѣленіемъ оставлять искъ безъ послѣдствій.

Можетъ-ли судъ вслѣдствіе неявки обѣихъ сторонъ прекратить производство по дѣлу, до подачи новой исковой просьбы?

Варшавскій окружный судъ, въ виду неявки обѣихъ тяжущихся сторонъ въ день словеснаго состязанія, опредѣленіемъ отъ 30 ноября (12 декабря) 1879 г. постановилъ дѣло Ба. съ Бз. прекратить до подачи новой исковой просьбы.

Судебная палата опредѣленіе это 1880 г. февраля $^{15}/_{27}$ отмѣнила по симъ соображеніямъ:

1. что ни въ ст. 358, на которую окружный судъ ссылается, ни въ послѣдующей затѣмъ статьѣ 359 уст. гр. суд., относящихся къ порядку сокращеннаго судопроизводства, не упоминается о неявкѣ обѣихъ сторонъ и ея послѣдствіяхъ, точно опредѣленныхъ въ 8 пункѣ статьи 718 уст. гр. суд.

2. что потому обжалованное опредѣленіе, состоявшееся безъ соблюденія указанія, заключающагося въ ст. 365 уст. гр. суд. и съ нарушеніемъ статьи 4 того же устава, слѣдуетъ отмѣнить.

Кредиторы должника вправѣ-ли вступать въ дѣло въ качествѣ третьихъ лицъ, послѣ состоявшагося заочнаго, противъ того же должника рѣшенія, и предъявлять отзывъ на это же рѣшеніе?

По иску Франца З. о взысканіи съ С. З. по двумъ обязательствамъ 1500 и 150 руб. съ признаніемъ для суммы 1500 руб. привилегіи, передъ всѣми другими кредиторами, на живомъ и мертвомъ инвентарѣ и хозяйственныхъ снарядахъ, находящихся во владѣніи отвѣтчика въ имѣніи О. со стороны отвѣтчика не послѣдовало возраженія и состоялось заочное рѣшеніе, присуждающее исковыя требованія. Кредиторы отвѣтчика С. З. подали отзывъ на означенное рѣшеніе до исключенія двухнедѣльнаго срока, считая со дня врученія отвѣтчику копіи заочнаго рѣшенія, въ которомъ, вступая въ дѣло въ качествѣ третьихъ лицъ, на основаніи 1166 ст. гр. код. 662 и 663 ст. уст. гр. суд. просили заочное рѣшеніе признать недѣйствительнымъ въ искѣ Ф. З. отказать, а въ крайнемъ случаѣ

признать исковую сумму неподлежащею удовлетворенію съ привилегіею предъ другими кредиторами.

Плоцкій окружный судъ, опредѣленіемъ отъ 3 января 1880 г. допустилъ вступленіе въ дѣло сказанныхъ кредиторовъ С. З. въ качествѣ третьихъ лицъ. Судебная палата 1880 г. апрѣля $^{16}/_{18}$ дня опредѣленіе это утвердила по слѣдующимъ соображеніямъ:

Интересъ кредиторовъ вступить въ настоящее дѣло безспоренъ, ибо новое взысканіе, обращенное на имущества С. З. уменьшаетъ правдоподобіе полученія прочими кредиторами по безспорнымъ ихъ претензіямъ полнаго удовлетворенія изъ имущества должника, особенно въ виду требованія Ф. З. о признаніи за его претензіею привилегіи, передъ другими кредиторами. Засимъ возникаетъ вопросъ, въ какой формѣ могутъ кредиторы С. З. осуществить свое право и доказавъ неосновательность претензіи Ф. З. вообще и право его на привилегію въ особенности, оградить себя отъ возможныхъ потерь, обязаны-ли они подчиниться 665 ст. уст. гр. суд. и предъявить особый искъ, или же вправѣ-ли они воспользоваться дѣйствіемъ 663 ст. уст. гр. суд. Законъ ставитъ дѣйствіе 665 ст. въ зависимость отъ того, заявляетъ-ли третье лице свои особенныя права на спорное имущество, этимъ само собою опредѣляются случаи, примѣненія 663 ст. уст. имѣющаго мѣсто, когда третье лицо предъявляетъ права тождественныя или сходственныя съ интересами одной изъ сторонъ принимающихъ участіе въ процесѣ. Интересъ истца опредѣлительно возраженъ съ самаго момента предъявленія иска въ исковомъ прошеніи, интересы отвѣтчика напротивъ могутъ и не высказываться съ такою опредѣлительностію и въ теченіи всего процеса, тѣмъ не менѣе они существуютъ. Изъ самаго понятія объ искѣ, какъ о спорѣ о правѣ гражданскомъ, вытекаетъ, что интересъ отвѣтчика предполагается въ отрицаніи правильности предъявленнаго къ нему иска, пока это предположеніе незамѣнено положительнымъ признаніемъ (479 ст. уст. гр. суд.) этимъ положеніемъ и могутъ быть только объяснены постановленія закона, по коимъ истцу присуждаются лишь требованія, правильность коихъ имъ доказана (366 и 722 ст. уст. гр. суд.), что доказательствами представленными истцомъ, судъ можетъ воспользоваться, не только въ смыслѣ доказательства, подтверждающаго его требованія, но и опровергающихъ правильность таковыхъ (478 ст. уст. гр. суд.). При такомъ, самимъ закономъ опредѣленномъ положеніи отвѣтчика въ процесѣ, нельзя непризнать, что третье лицо, ограничивающееся лишь

отрицаніемъ правильности требованія истца, даже при отсутствіи определительно формулированнаго со стороны отвѣтчика спора, противъ требованія истца, заявляетъ требованія, тождественныя съ интересами отвѣтчика и имѣетъ право на вступленіе въ дѣло въ порядкѣ, указанномъ 663 ст. уст. гр. суд., слѣдовательно и послѣ состоявшагося заочнаго рѣшенія Примѣненіе 663 ст. уст. гр. суд. къ данному случаю, представляется тѣмъ болѣе правильнымъ, что по силѣ 1166 ст. гр. код. кредиторы могутъ осуществлять всѣ права своего должника С. З., слѣдовательно, вправѣ ходатайствовать объ отмѣнѣ состоявшагося противъ сего послѣдняго заочнаго рѣшенія, насколько ему З. право это, по закону, предоставлено и опровергать правильность предъявленнаго къ нему иска.

Могутъ-ли быть залогодатели, обезпечившіе казенный подрядъ или поставку своимъ имуществомъ—причислены къ числу контрагентовъ, о коихъ упоминаетъ ст. 1304 уст. гр. суд.?

Мѣщанинъ Ш. предъявилъ къ интендантскому управленію Варшавскаго военнаго округа искъ о возвращеніи ему залоговыхъ документовъ, представленныхъ имъ въ обезпеченіе подряда подрядчика Л. на поставку въ казну провіанта, и объ уплатѣ ему Ш. 18450 руб. въ видѣ убытковъ, происшедшихъ отъ неправильнаго удержанія и невозвращенія казною означенныхъ документовъ. Прокураторія отъ имени казны предъявила отводъ о неподсудности настоящаго дѣла судебнымъ установленіямъ, за силою ст. 1304 уст. гр. суд, при чемъ объяснила, что Ш. на объявленный ему рѣшеніемъ Варшавскаго военнаго окружнаго совѣта 1867 г. окончательный расчетъ, приносилъ жалобу правительствующему сенату, который, опредѣленіемъ отъ 23 февраля 1876 года, изложеннымъ въ отказѣ отъ 26-го октября того же года, по первому департаменту, постановилъ: жалобу Ш. какъ неподлежаще поданную оставить безъ разсмотрѣнія, предоставивъ ему, съ ходатайствомъ о возстановленіи срока на обжалованіе рѣшенія военно-окружнаго совѣта, обратиться къ военному министру по принадлежности, что за симъ Ш. дѣйствительно обратился къ военному министру, съ просьбою о возстановленіи срока на обжалованіе опредѣленія окружнаго совѣта, что срокъ этотъ былъ ему, по опредѣленію военнаго совѣта отъ 22 сентября 1877 г. возстановленъ, вслѣдствіе чего Ш. 17 марта 1878 г. на постановленіе Варшавскаго военнаго окружнаго совѣта, объ окончательномъ разсчетѣ, принесъ жалобу военному министру,

а посему, обратившись съ жалобою по начальству Ш. тѣмъ самымъ, по силѣ ст. 1304 уст. гр. суд. потерялъ право предъявлять къ казнѣ искъ общимъ судебнымъ порядкомъ. Ш., съ своей стороны, изъяснилъ, что ст. 1304 касается лишь контрактовъ, онъ же съ казною ни въ какую сдѣлку не вступалъ, а потому и правила уст. гр. суд касательно подрядчиковъ, къ нему примѣняемы быть не могутъ. Окружный судъ нашелъ: 1) что Ш. предоставивъ принадлежащій ему домъ въ залогъ, по подряду заключенному Л. съ военнымъ вѣдомствомъ, тѣмъ самымъ вступилъ съ военнымъ вѣдомствомъ въ договорныя отношенія, а потому относительно казны долженъ быть признанъ контрагентомъ. 2) что какъ видно изъ документовъ представленныхъ защитникомъ прокураторіи, окончательный разсчетъ съ Ш. какъ залогодателемъ по подряду Л. изложенъ въ рѣшеніи Варшавскаго военнаго окружнаго совѣта отъ 22 февраля (6 марта) 1876 г. и что на рѣшеніе это Ш. согласно ст. 119 т. X ч. 2 подалъ жалобу военному министру и 3) что вслѣдствіе сего и на основаніи ст. 1304 уст. гр. суд. Ш. утратилъ право на предъявленіе по настоящему дѣлу иска въ судебномъ порядкѣ. По симъ основаніямъ, Варшавскій окружный судъ, опредѣлилъ настоящее дѣло къ разсмотрѣнію не принимать.

Судебная палата рѣшеніе это утвердила по симъ соображеніямъ:

1. что искъ Ш. къ окружному интендантскому управленію Варшавскаго военнаго округа, о возвратѣ залоговыхъ документовъ, и о суммѣ 18,450 руб съ 6%, не принятъ къ разсмотрѣнію Варшавскимъ окружнымъ судомъ на томъ основаніи, что Ш. по объявленіи ему окончательнаго разсчета подалъ жалобу военному министру и вслѣдствіе сего, согласно 1304 ст. уст. гр. суд. потерялъ право на предъявленіе иска по тому же самому предмету судебнымъ порядкомъ;

2. что въ частной жалобѣ на непринятіе судомъ означеннаго иска, повѣренный Ш. указываетъ на то, что ст. 1304 не примѣнима, ибо Ш. не контрагентъ и залогодатель и что окончательный разсчетъ объявленъ не былъ;

3. что различіе между „контрагентомъ“ т. е. подрядчикомъ и поставщикомъ, и „залогодателемъ“ выводимое повѣреннымъ Ш изъ терминологіи I ч. X т. свод. гр. зак. не имѣетъ вліянія на вопросъ о примѣненіи къ настоящему дѣлу 1304 ст. уст. гр. суд., такъ какъ по общему правилу, залогодатель, обезпечившій казенный подрядъ или поставку своимъ имуществомъ, имѣетъ касательно зало-

га такія же права, и несетъ такую же отвѣтственность въ отношеніи казны, какъ стороны въ договорѣ, какъ и подрядчикъ и поставщикъ, обезпечившій свое обязательство залогомъ собственнаго имущества, изъ ст. же 1303 видно, что правила уст. гражд. суд. 30 ноября 1864 г. о производствѣ дѣлъ, возникшихъ изъ договоровъ подряда и поставки, относятся и къ вопросамъ о залогѣ, коимъ договоръ этотъ былъ обезпеченъ;

4. что для объявленія окончательнаго разсчета подрядчику и поставщику, а также его залогодателямъ, никакая особая форма закономъ не установлена —изъ приложенной же Ш. къ его исковому прошенію копіи съ повѣстки окружнаго интендантскаго управленія Варшавскаго военнаго округа, данной ему Ш. видно, что при этой повѣсткѣ былъ ему доставленъ разсчетъ по поставкамъ Л. котораго подрядъ Ш. обезпечилъ залогомъ своего имущества.

На это рѣшеніе Ш. подалъ кассаціонную жалобу, вслѣдствіе которой правительствующій сенатъ вышесказанное постановленіе судебной палаты отмѣнилъ, по нарушенію 1304 ст уст. гр. суд. и дѣло передалъ въ другой департаментъ той же палаты, по слѣдующимъ основаніямъ:

что изъ точнаго смысла ст. 1300, 1309 уст. гр. суд. видно, что ими опредѣляются лишь правила производства дѣлъ, возникающихъ изъ договоровъ подряда и поставки, а потому статьи сіи имѣютъ примѣненіе лишь къ подрядчикамъ, поставщикамъ и тѣмъ залогодателямъ, которые вступили въ права означенныхъ лицъ по исполненію подрядовъ и поставокъ; но что касается залогодателей, въ подрядахъ и поставкахъ участія непринимающихъ, а представляющихъ лишь свои залоги за контрагентовъ, то въ этомъ случаѣ залогодатели являются третьими лицами, въ договорѣ подряда и поставки неучаствующими, и къ числу контрагентовъ, коихъ имѣютъ въ виду означенныя выше статьи уст. гр. суд., причислены быть не могутъ, посему и отношенія сихъ лицъ къ казнѣ, возникающія отъ неисполненія договоровъ подряда и поставки, тѣми подрядчиками и поставщиками, за коихъ они залоги представили, или коимъ свои залоги ввѣрили, а равно и иски таковыхъ залогодателей противъ казны предъявляемые, подчиняются общимъ правиламъ гражданскаго судопроизводства, для дѣлъ казны установленнымъ.

Второй департаментъ Варшавской судебной палаты, рѣшая это дѣло 1880 г. сентября 16/28 дня, отмѣнилъ опредѣленіе Варшавскаго окружнаго суда отъ 30 января (11 февраля) 1879 г. предъяв-

ленный прокураторіею въ Царствѣ Польскомъ отводъ о неподсудности настоящаго дѣла общимъ судебнымъ установленіямъ оставилъ безъ послѣдствій, по симъ соображеніямъ:

1. что Ш. не заключилъ съ казною никакого договора лично и только является залогодателемъ по договору съ нею контрагента Л. а потому къ нему, какъ къ третьему лицу, вовсе неучаствующему въ качествѣ стороны, въ договорѣ Л. съ казною, нельзя примѣнять требованій, указанныхъ въ 1300—1309 ст. уст. гр. суд.

2. что при такомъ положеніи Ш. онъ не можетъ быть стѣсняемъ въ своихъ правахъ отыскивать судомъ принадлежащее ему имущество и требовать вознагражденіи за убытки, происшедшіе, по объясненію его, отъ дѣйствій интендантскаго управленія по подряду Л.

3. что поэтому окружный судъ признавъ его наравнѣ съ контрагентомъ, неимѣющимъ права предъявлять настоящій искъ, при условіяхъ, указанныхъ въ 1304 ст. уст. гр. суд. поступилъ неправильно и предѣленіе это, по жалобѣ Ш. должно быть отмѣнено.

По другимъ постановленіямъ.

Дѣло о суммѣ ниже 250 руб. обезпеченной ипотекою имѣнія, которую уплатить продавецъ имѣнія возложилъ въ обязанность пріобрѣтателя, подсудно-ли общимъ судебнымъ установленіямъ?

Ломжинскій окружный судъ опредѣленіемъ отъ 23 ноября 1879 г. призналъ неподсуднымъ ему дѣло Маріи С. съ Адамомъ С. о суммѣ 200 руб. обезпеченной ипотекою имѣнія К., которую Адамъ С. пріобрѣвъ сказанное имѣніе отъ Дамазія Р. обязался Маріи С. уплатить. — Судебная палата опредѣленіе это отмѣнила 1880 г. апрѣля $^{14}/_{26}$ дня, признавая дѣло это подсудно окружному суду, по слѣдующимъ соображеніямъ:

1) что на основаніи 29 ст. у. г. суд. 111 и 117 ст, пол. о прим. суд. уст. вѣдомству мировыхъ судебныхъ установленій подлежатъ только дѣла по личнымъ обязательствамъ, съ совершеннымъ изъятіемъ изъ сферы ихъ дѣятельности исковъ о вещномъ правѣ на недвижимость;

2) что на основаніи 68 ст. ип. уст. пріобрѣвшій недвижимость съ ипотекованными долгами, отвѣтствуетъ по онымъ лишь этою недвижимостью, освобождаясь отъ платежа такого долга изъ другихъ личныхъ его средствъ, и слѣдовательно взысканіе Маріи С. мо-

жетъ быть направлено только на купленную недвижимость отвѣтчика, а не лично къ нему—и

3) что такого рода иски, какъ касающіеся вещныхъ правъ и имѣющіе предметомъ, согласно закона, взысканіе только съ имѣнія, должны быть разсматриваемы въ общихъ судебныхъ учрежденіяхъ.

Поіезуитскія имѣнія могутъ-ли быть обременены частными долгами?

Послѣ упраздненія 1773 г. Іезуитскаго ордена въ Польшѣ, оставшіяся послѣ сего же ордена недвижимыя имѣнія, отданы были въ собственность эдукаціоннаго фонда. Конституція отъ 1775 г. опредѣляла:

а) что установленная люстраціонною коммисіею за продаваемыя имѣнія стоимость, должна оставаться на вѣчныя времена на сихъ же имѣніяхъ, съ обязанностію платить на сію же стоимость проценты $4^1/_2$ со ста.

б) что пріобрѣтатель обязанъ кромѣ того, предоставить обезпечительный залогъ (pignus sufficiens) въ недвижимомъ имѣніи или въ суммѣ, обезпеченной недвижимымъ имѣніемъ въ $^1/_3$ части, стоимости сего же имѣнія.

в) что король утверждаетъ каждую продажу.

г) что проданное имѣніе не можетъ быть обременяемо никакими долгами, подъ опасеніемъ утраты данной въ займы суммы.

д) наконецъ, что сіи имѣнія не могутъ быть дѣлимы на части даже при полученіи таковыхъ нѣсколькими лицами по наслѣдству.

Впослѣдствіи, сіи постановленія были перемѣнены, по силѣ конституціи, съ 1776 г. въ томъ, что вмѣсто королевскаго утвержденія, требовалось только утвержденіе эдукаціонной коммисіи, безъ разрѣшенія коей воспрещалось такія имѣнія продавать, переуступать или обмѣнять, подъ страхомъ недѣйствительности. На такихъ условіяхъ поіезуитскія имѣнія Л. и другія Калишскаго уѣзда пожалованы были по силѣ привилегіи короля Станислава Августа отъ 15 августа 1774 г. въ безсрочное владѣніе Станиславу А., съ обязанностію платить изъ нихъ по 4954 польск. злот. т. грошей въ годъ.

Станиславъ Л. по акту отъ 4 мая 1797 г. переуступилъ свои права на владѣніе имѣніемъ Л. сыну своему Антону Л. подъ Прусскимъ правительствомъ, а именно: въ 1799 г. послѣдовало первоначальное устройство ипотеки для поименованнаго имѣнія и на осно-

ваніи вышеприведенной купчей, оное имѣніе укрѣплено было по ипотекѣ за А. Л. на правѣ полной, безусловной, частной, аллодіальной собственности, съ обезпеченіемъ канона для эдукаціоннаго фонда, послѣ чего, владѣлецъ обременилъ ипотеку этого имѣнія долгами, и затѣмъ переуступилъ оное женѣ своей Ѳеклѣ Л., которая 21 октября 1820 г. т. е. въ срокъ, назначенный для устройства новой ипотеки, на основаніи сказанной переуступки и консенса правительственной комисіи исповѣданій и просвѣщенія, отъ 1820 г. требовала укрѣпить во второмъ раздѣлѣ ипотечнаго указателя за нею право на владѣніе сказаннымъ имѣніемъ. Ипотечное отдѣленіе отказало въ утвержденіи протокола объ устройствѣ ипотеки по тому поводу, что поіезуитскія имѣнія не подлежали ипотечной регуляціи, затѣмъ только на основаніи Высочайше утвержденныхъ правилъ о поіезуитскихъ имѣніяхъ, отъ 1 іюля 1849 г. и вслѣдствіе предписанія б. правительственной комисіи финансовъ отъ $^{2}/_{14}$ марта 1850 г. произведено было 1851 г. первоначальное устройство ипотеки для имѣнія Л. При устройствѣ томъ предъявили свои права наслѣдники Ѳеклы Л. Явились тоже:

а) уполномоченный казны царства, который требовалъ обезпеченія въ IV раздѣлѣ ипотечнаго указателя суммы 18578 руб. $47^{1}/_{2}$ коп. въ пользу эдукаціоннаго фонда, соотвѣтствующей сложности двадцатипятилѣтней вносимаго изъ имѣнія Л. канона.

б) повѣренный депозита Варшавскаго гражданскаго трибунала, который требовалъ перенесенія изъ Прусской ипотеки въ новый ипотечный указатель, трехъ суммъ сего же депозита, а именно: 10800—2700—7200 руб. съ недоимочными и текущими 5% процентами.

в) прокураторія требовала обезпечить въ передаточной графѣ, на сихъ вышесказанныхъ суммахъ, переводы данные Варшавскимъ гражданскимъ гражданскимъ трибуналомъ въ пользу казны и разныхъ институтовъ, а также требовала перенесенія въ новый укатель суммы 4500 р. с. въ пользу казны. Наслѣдники Ѳеклы Л. несоглашались обезпечить упомянутыхъ четырехъ суммъ, вслѣдствіе чего ипотечное отдѣленіе, опредѣленіемъ своимъ отъ $^{18}/_{30}$ декабря 1851 г. постановило: *а*) укрѣпить право собственности на имѣніе Л. за наслѣдниками Ѳеклы Л.; *б*) обезпечить подъ № первымъ IV раздѣла ипотечнаго указателя капиталъ 18,578 р. $37^{1}/_{2}$ коп.; *в*) относительно суммъ, обезпечить четыре вышесказанныя суммы, съ объявленіемъ относительно ихъ спора.

Затѣмъ, совладѣлицы имѣнія Л. предъявили требованіе объ

исключеніи этихъ четырехъ суммъ изъ ипотечнаго указателя, казна же взаимно требовала исключить отмѣтку о заявленномъ совладѣльцами спорѣ. Кромѣ того, казна предъявила отдѣльный судебный искъ о процентахъ на казенныя суммы, обезпеченныя по ипотекѣ имѣнія Л. начиная съ $^{12}/_{24}$ іюня 1838 г. по такое же число 1858 г. въ суммѣ 18,604 р. $53^{1}/_{2}$ к., а равно о присужденіи суммы 4500 р. обезпеченной прежде подъ № 8 Прусскаго ипотечнаго указателя, съ недоимочными процентами.

По разсмотрѣніи всѣхъ сихъ взаимныхъ исковъ, Варшавскій гражданскій трибуналъ, рѣшеніемъ отъ $^{3}/_{15}$ февраля и слѣдующихъ дней 1872 г. призналъ за казною право на суммы, обезпеченныя по ипотекѣ имѣнія Л. но примѣняя 2277 ст. гр. код. оставилъ безъ уваженія требованіе прокураторіи о присужденіи процентовъ на сіи же суммы.

Прокураторія заявила на сіе рѣшеніе апелляцію, и требовала исправить обжалованное рѣшеніе въ томъ, чтобы на сіи суммы присуждены были въ пользу казны проценты со дня врученія вызова, по число дѣйствительной уплаты Апелляціонный судъ, рѣшеніемъ состоявшимся $^{7}/_{19}$ ноября и слѣд. 1875 г. рѣшеніе трибунала утвердилъ.

На сіе рѣшеніе прокураторія внесла жалобу въ IX депар. пр. сен., вслѣдствіе его упраздненія—въ судебную палату. Супр. Б. же, настоящіе владѣльцы имѣнія Л., заявили встрѣчную жалобу. Вслѣдствіе упраздненія IX депар. пр. сен. судебная палата, заочнымъ рѣшеніемъ, жалобу прокураторіи по безосновательности, встрѣчную же жалобу супр. Б. по нехожденію ихъ, оставила безъ послѣдствій $^{17}/_{29}$ марта 1879 г. На это рѣшеніе супруги Б. предъявили отзывъ, который однакоже судебная палата признала безосновательнымъ, по слѣдующимъ соображеніямъ:

1) что супр. Б. утверждаютъ будто-бы вышеисчисленныя суммы составляли личный долгъ первоначальнаго должника Антона Л. и неподлежаще значились въ ипотекѣ сего имѣнія Л., и ссылаются между прочимъ, на конституцію отъ 1775, 1776, 1786 и 1793 годовъ, на декретъ короля Саксонскаго, герцога Варшавскаго, отъ 14 декабря 1812 года и на Высочайше утвержденныя 1 іюля 1849 года правила о поіезуитскихъ и другихъ эдукаціоннаго фундуша имѣніяхъ въ Царствѣ Польскомъ;

2) что, хотя по упомянутымъ конституціямъ, поіезуитскія имѣнія, пожалованныя частнымъ лицамъ въ безсрочное владѣніе, за опредѣленную въ размѣрѣ $4^{1}/_{2}$ процентовъ годичную плату, непод-

лежали обремененію долгами, но въ Прусскія времена нерѣдко позволялось устроивать и для этихъ имѣній ипотечныя книги, укрѣплять за частными владѣльцами, право на полную собственность и обременять сіи имѣнія, ипоточными долгами;

3) что въ настоящемъ дѣлѣ первоначальный владѣлецъ поіезуитскаго имѣнія Л., Станиславъ Л. по акту отъ 4 мая 1797 г., переуступилъ свои права сыну своему Антону Л. и на основаніи этой купчей, утвержденной подлежащими Прусскими властями и судебнаго опредѣленія отъ 9 апрѣля 1799 года, имѣніе Л. укрѣплено было по ипотекѣ за Антономъ Л. на правѣ полной, аллодіальной собственности, съ обезпеченіемъ лишь канона, въ пользу эдукаціоннаго фонда, который обременилъ имѣніе долгами и обезпечилъ оные его ипотекою;

4) что хотя въ декретѣ герцога Варшавскаго отъ 1812 г., на который ссылаются жалующіеся, и удостовѣрено, что пожалованныя частнымъ владѣльцамъ поіезуитскія имѣнія, никакимъ позднѣйшимъ и законодательнымъ актомъ не освобождены отъ постановленныхъ прежними конституціями обязанностей и условій, а равно, въ 3 статьѣ запрещено публичнымъ нотаріусамъ, ипотечнымъ писарямъ (консерваторамъ), трибуналамъ и судамъ составлять, постановлять и принимать для ипотечной записи долги, данные подъ залогъ поіезуитскихъ имѣній, но вмѣстѣ съ тѣмъ въ 4-ой статьѣ постановлено: что могущіе возникнуть съ кредиторами споры о дѣйствительности и послѣдствіяхъ ипотечныхъ обремененій, записанныхъ въ прежнее время на этихъ имѣніяхъ, могутъ быть предъявляемы въ общихъ судахъ, съ тѣмъ однако, что суды не вправѣ замедлять, пріостанавливать или препятствовать производству административнаго взысканія, предпринятаго, по силѣ 1 и 2 ст. того же постановленія т. е. въ пользу эдукаціоннаго фонда;

5) что изъ допущенія 4 статьею означеннаго декрета споровъ о дѣйствительности и послѣдствіяхъ ипотечныхъ обремененій, послѣдовавшихъ въ прусскія времена, а равно изъ представленія сихъ споровъ разбирательству административныхъ властей и общихъ судебныхъ установленій, по началамъ общихъ гражданскихъ законовъ, до очевидности оказывается, что эти обремененія не признавались недѣйствительными въ силу самаго закона, какъ это неправильно истолковываютъ Б., и только не могли стѣснять эдукаціонный фондъ во взысканіи административнымъ порядкомъ, слѣдующихъ ему платежей;

6) что послѣ обнародованія сего декрета, Антонъ Л. актомъ отъ 1 марта 1815 года продалъ имѣніе Л. женѣ своей, но несмотря на то, пять лѣтъ спустя, по нотаріальному акту, заключенному 19 февраля 1820 г. безъ ея участія, уступилъ это имѣніе первоначальному владѣльцу, отцу своему Станиславу Л., который, по контракту отъ 15 мая 1820 года, переуступилъ свои права, опять той же Өеклѣ Л. и сыновьямъ ея Михаилу и Станиславу Л.; такія сдѣлки до очевидности производились между родственниками лишь во вредъ ипотечнымъ кредиторамъ;

7) что по спору Өеклы Л. съ сыномъ ея Михаиломъ, заявившимъ притязанія на собственность имѣнія Л., на основаніи контракта отъ 15 мая 1820 г., б. IX департаментъ правительствующаго сената, рѣшеніемъ отъ 30 и 31 декабря 1846 г. (11 и 12 января 1847 г.) призналъ этотъ контрактъ необязательнымъ для Өеклы Л. и лишеннымъ законныхъ послѣдствій, высказавъ при томъ свой взглядъ, что конституціи отъ 1775 и 1776 г., устроивающія лишь отношенія частныхъ лицъ съ казною, не могутъ имѣть вліянія на оцѣнку дѣйствительности актовъ, заключенныхъ между одними частными лицами;

8) что такое признаніе правооснованіемъ владѣнія Өеклы Л. контракта, не отъ 15 мая 1820 г., а отъ 1 марта 1815 года, обязательно для ея наслѣдниковъ и правопринимателей ихъ, супруговъ Б.; и уже потому, выводы жалующихся, будто Антонъ Л. за неимѣніемъ разрѣшенія правительства, несостоялъ законнымъ владѣльцемъ имѣнія Л., не былъ въ правѣ ни укрѣплять за собою по ипотекѣ права собственности, ни обременять имѣніе долгами, ни продавать оное женѣ Өеклѣ Л., оказываются несостоятельными;

9) что выводы эти, тѣмъ болѣе неумѣстны, что въ виду первоначальнаго устройства ипотеки имѣнія Л., произведеннаго въ 1851 г. на основаніи изданныхъ, послѣ рѣшенія правительсвующаго сената, правилъ о поіезуитскихъ имѣніяхъ отъ 1 іюля 1849 г. наслѣдники Өеклы Л. сами ссылались:

а) на прусскій ипотечный указатель и укрѣпленіе по оному права собственности за Антономъ Л.;

б) на контрактъ купли или продажи отъ 1 марта 1815 г., по коему тотъ же Антонъ Л. продалъ имѣніе Л. наслѣдодательницѣ ихъ Өеклѣ Л.;

в) на привилегію, данную въ пользу ея совѣтомъ управленія въ царствѣ 13 ноября 1828 г., и

г) на допросъ свидѣтелей отъ $^{5}/_{17}$ декабря 1850 г., удостовѣряющій ихъ права на наслѣдство послѣ Ѳеклы Л.;

10) что коль скоро сіи наслѣдники признали правооснованіе Антона Л. дѣйствительнымъ и достаточнымъ для переукрѣпленія на нихъ собственности имѣнія, то они или же правоприниматели ихъ, супруги Б., не вправѣ нынѣ отрицать правъ того же Антона Л. только по отношенію къ долгамъ, какими онъ обременилъ сіе имѣніе;

11) что по 6 ст. Высочайше утвержденныхъ 1 іюля 1849 года правилъ о поіезуитскихъ имѣніяхъ, кредиторы, коихъ ссуды и иныя права, до обнародованія декрета $^{2}/_{14}$ декабря 1812 г., то есть, до 28 декабря 1812 г. (9 января 1813 г.), обезпечены такими эдукаціоннаго фундуша имѣніями, которыя во время Прусскаго правительства, въ видѣ имѣній частныхъ, аллодіальныхъ, внесены были въ тогдашнія ипотечныя книги, безъ всякаго со стороны Прусской казны возраженія и безъ отмѣтки въ тѣхъ же книгахъ, что имѣнія сего рода не могутъ быть обременяемы долгами, сохраняютъ принадлежащее имъ закладное право и могутъ отыскивать удовлетворенія на нынѣшнихъ владѣльцахъ помянутыхъ имѣній, если права ихъ владѣльцевъ происходятъ отъ владѣльцевъ прежнихъ, то есть, если нынѣшнимъ не достались имѣнія посредствомъ пріобрѣтенія оныхъ отъ самого правительства, вслѣдствіе утраты, прежними владѣльцами, правъ имъ принадлежащихъ, и наконецъ, если самые долги доселѣ не уплачены или инымъ образомъ не погашены;

12) что въ настоящемъ спорѣ всѣ, требуемыя приведенною статьею закона условія, осуществились, такъ какъ суммы въ пользу депозита Варшавскаго трибунала и казны обезпечены въ Прусской ипотекѣ на имѣніи, укрѣпленномъ за Антономъ Л. на правѣ полной, аллодіальной собственности, безъ всякихъ со стороны Прусской казны возраженій и отмѣтокъ; и такъ какъ независимо даже отъ устраненнаго уже сомнѣнія въ томъ, что права супруговъ Б. выводятся непосредственно не отъ Станислава, а отъ Антона Л., права эти не были утрачены, имѣніе Л. никогда не возвращалось въ казну и не была вторично пожалована правительствомъ нынѣшнимъ владѣльцамъ; заявленіе же жалующихся будто Ѳекла Л пріобрѣла самостоятельныя права отъ самаго правительства, основывается лишь на невѣрномъ толкованіи значенія данной ей въ 1828 г. привилегіи, которая выдана ей не въ видѣ новаго пожалованія, а въ видѣ консенса, то есть простаго соизволенія на вла-

дѣніе ею поіезуитскимъ имѣніемъ, доставшимся ей отъ прежнихъ владѣльцевъ;

13) что равнымъ образомъ, ссылка жалующихъ на переписку административныхъ властей, и взглядъ прокураторіи въ царствѣ, до обнародованія означенныхъ правилъ, не имѣетъ значенія, такъ какъ именно этими правилами разъяснены, согласно съ декретомъ, отношенія владѣльцевъ поіезуитскихъ имѣній къ частнымъ кредирамъ и къ правительству;

14) что коль скоро ипотечныя обремененія поіезуитскихъ имѣній, во время Прусскаго правительства, и по декрету 1812 г. и по правиламъ 1849 г, сохранили, при извѣстныхъ условіяхъ, всѣ законныя послѣдствія, и послѣ разрѣшенія сими правилами устройства для этихъ имѣній ипотечныхъ книгъ, подлежали внесенію въ ипотечный указатель изъ Прусской ипотеки, то при таковомъ внесеніи, должны строго примѣняться указанія 152 и 158 ст. ипот. уст. 1818 г., по смыслу которыхъ, при заявленіи права, записаннаго въ ипотечную книгу, которая велась на основаніи Прусскихъ законовъ, никто не вправѣ предъявлять такихъ претензій и возраженій, которыя не допускались на основаніи этихъ законовъ, и всѣ замѣчанія заинтересованныхъ лицъ, при внесеніи ипотечныхъ статей, записанныхъ при дѣйствіи Прусскихъ законовъ, могли касаться только правильности перевода съ нѣмецкаго языка или новыхъ измѣненій, которымъ подвергались тѣ сдѣлки;

15) что въ данномъ дѣлѣ, не имѣется возраженій противъ правильности перевода и не указывается на какія либо измѣненія долговыхъ сдѣлокъ, то потому, обремененія, значившіяся въ Прусской ипотекѣ, въ видѣ чистыхъ ипотечныхъ статей, подлежали внесенію въ ипотечный указатель, въ такомъ же видѣ, и устраненіе судами низшихъ степеней отмѣтки о спорѣ, оказывается вполнѣ правильнымъ и ни въ чемъ не обременительно для супруговъ Б., тѣмъ болѣе, что Изабелла Б., право на $^1/_3$ часть имѣнія Л. пріобрѣла по наслѣдству состоявшему изъ выгодъ и обремененій, Владиміръ же Б. пріобрѣтатель $^2/_3$ частей сего имѣнія, по II и VIII ст. купчей отъ 22 ноября (4 декабря) 1866 г. принялъ на себя обязанность удовлетворить обременяющіе это имѣніе капиталы и проценты въ пользу казны;

16) что, такимъ образомъ, отзывъ и встрѣчная жалоба супруговъ Б. оказываются неосновательными и подлежатъ устраненію.

I. Карпиньскій.

ЗАМѢТКИ.

ЭПИЛЕПСІЯ И АФФЕКТЪ.

(Судебно - психіатрическій этюдъ).

Ротмистръ гусарскаго Ахтырскаго полка князь Микеладзе обвинялся въ томъ, что въ обществѣ офицеровъ 14-го іюня 1880 г. ударилъ кулакомъ въ лицо своего эскадроннаго командира. Начнемъ съ личности подсудимаго. М. уроженецъ Кутаисской губерніи, женатъ, православный, 38 лѣтъ. Отецъ его былъ человѣкъ болѣзненный и раздражительный,—мать нервная и болѣзненная женщина, двѣ сестры подсудимаго страдали припадками эпилепсіи, братъ былъ человѣкъ нервный, его опасно было будить во время сна,—онъ схватывался, дѣлалъ самъ незналъ что, бѣжалъ самъ незналъ куда—и только минутъ чрезъ 5—10 приходилъ въ сознаніе. Два остальные брата М. убиты въ послѣдней войнѣ и ихъ семейства на рукахъ подсудимаго. Въ дѣтствѣ М. былъ мальчикъ слабый, хилый и довольно раздражительный. Въ гимназіи учился хорошо, но часто страдалъ тоскою по родинѣ. Въ это время онъ перенесъ оспу и много лихорадокъ. Въ университетѣ онъ не любилъ сближаться съ обществомъ, велъ жизнь уединенную и любилъ заниматься. Поступивши въ конвой Его Величества, онъ болѣлъ тифомъ и ревматизмомъ. Затѣмъ переведенъ на югъ Россіи, въ кавалерію. Въ 1875 г. онъ вмѣстѣ съ лошадью упалъ съ обрыва въ воду. Послѣ этого у него явились головныя боли, шумъ и звонъ въ ушахъ, головокруженіе, иногда до безсознательности, безсонница, сильная раздражительность и общая слабость. Четыре года назадъ М. женился и имѣлъ двухъ дѣтей, изъ которыхъ одно

умерло, по словамъ больного, отъ спинной сухотки. При поступленіи въ больницу Микеладзе обнаруживалъ слѣдующія явленія:

Больной роста 2 арш. 7 верш., объемъ груди 99 сант.

Наибольшая окружность черепа.	56 ст.
Отъ glabella do protuber. occip. extern.	33 —
Отъ уха до уха.	30 —
Прямой діаметръ черепа.	19 —
Поперечный.	15,5 —
Правый косой.	18,5 —
Лѣвый косой.	18 —
Діаметръ основанія черепа	12+11,5 —
Діаметръ высоты черепа.	15 —
Діаметръ лба.	12,5 —
Бысота лба.	7 —
Ширина лба.	16,5 —

Ассиметрія черепа. Форма головы продолговато округленная. Кожа и слизистыя оболочки блѣдны; подкожный жировой слой значительно атрофированы. Выраженіе лица довольно суровое и сосредоточенное; на лицѣ замѣтное подергиваніе мускуловъ даже въ покойномъ состояніи,—это тѣмъ болѣе замѣтно, чѣмъ болѣе онъ начинаетъ волноваться. Острота зрѣнія, цвѣто и свѣтоощущеніе, поле зрѣнія и движеніе глазъ безъ особенностей. Острота слуха лѣваго уха не болѣе 1,5 фута,—острота слуха праваго уха не болѣе фута; отоскопія не обнаруживаетъ никакихъ особенной; часы, положенныя на голову больному, слышатся имъ слабо, но лѣвымъ ухомъ лучше. Органы обонянія и вкуса не представляютъ особенныхъ уклоненій Правая половина груди болѣе плоска, чѣмъ лѣвая. Границы сердца увеличены въ объемѣ: въ продольномъ направленіи сердечная тупость начинается съ 4-го ребра, оканчивается въ 7-мъ межреберномъ промежуткѣ;—въ поперечномъ направленіи заходитъ за парастернальную линію правую и на два пальца за мамилярную лѣвую. Толчекъ верхушки сердца едва замѣтенъ. Тоны сердца глухи, систолическій тонъ у верхушки сердца замѣненъ шумомъ; афтальные тоны слабы; пульсъ слабый, отъ 76 до 104 въ минуту. Температура тѣла обыкновенная. Въ верхушкахъ легкихъ при постукиваніи притупленіе и при выслушиваніи потемненное дыханіе. Печень увеличена въ объемѣ. Животъ слабо вздутъ. При надавливаніи на остистые отростки позвоночника, замѣчается острая боль въ области 8-го грудного и поясничныхъ позвонковъ. Въ ру-

кахъ очень часто дрожь, особенно при волненіи. Нижнія конечности тоже слабы, походка нѣсколько шаткая. Простые рефлексы и вазомоторные повышены. Жалобы больного: на продолжительныя боли, шумъ въ ушахъ, потерю апетита, очень упорные запоры, по временамъ боли въ спинѣ и нижнихъ конечностяхъ и безсонницу.

Со стороны органовъ чувствъ—иллюзій и галлюцинацій не замѣчается. Вмѣсто этого замѣтна крайняя нервная раздражительность; малѣйшій звукъ, неожиданный лучъ свѣта—все это заставляетъ его вздрагивать. Настроеніе духа больного очень дурное. Онъ постоянно задумчивъ, молчаливъ, любитъ уединеніе. Больной не выноситъ никакого противорѣчія. Малѣйшее несогласіе вызываетъ съ его стороны крайнюю вспыльчивость, раздражительность, гнѣвъ и наклонность къ дракѣ. При каждомъ словѣ, въ разговорѣ съ больнымъ, нужно быть очень и очень осторожнымъ. Иногда совершенно невинное замѣчаніе вызываетъ съ его стороны цѣлую бурю. Иногда это состояніе ослабѣваетъ, иногда усиливается. Усиленіе всегда замѣчается послѣ припадка. Въ это время, приходя въ раздраженное состояніе, онъ сплошь и рядомъ не помнитъ того, что съ нимъ было въ моментъ возбужденія. Способность запоминанія и воспоминанія у больного значительно ослаблены, особенно это относится къ событіямъ послѣдняго времени. Несмотря на эту раздражительность, онъ является человѣкомъ добрымъ, честнымъ и сердечнымъ. Сообразительность тоже нѣсколько ослабѣла,—больной не всегда можетъ быстро прійти къ ясному пониманію и уясненію того или другаго обстоятельства. Случается, что и заключенія его, подъ вліяніемъ страсти, бываютъ односторонни и ошибочны. Движеніи быстры, порывисты, очень часто необдуманны и нелѣпы, подъ вліяніемъ минутной вспышки страсти. Живя въ больницѣ, онъ не любилъ сближаться съ окружающими. Если ему приходилось бывать въ обществѣ медиковъ и другихъ лицъ, то всѣ держали себя съ нимъ очень осторожно, такъ какъ иногда самая пустая, необдуманно высказанная мысль, приводила его въ волненіе и горячность. Особенно онъ бывалъ взволнованъ, когда начиналъ говорить о послѣднихъ дняхъ своего пребыванія въ эскадронѣ. Въ это время даже простой вопросъ или переспросъ выводилъ больного изъ себя и онъ начиналъ кричать. Больной любилъ книги, но не могъ подолгу читать—уставала и отуманивалась голова. Онъ не любилъ никакихъ развлеченій, въ биліардной комнатѣ онъ никогда не бывалъ. Въ теченіи пребыванія въ больницѣ, болѣе чѣмъ

три мѣсяца, у М. наблюдались припадки эпилептическаго головокруженія (epilepsia petit-mal) и эпилептическихъ судоргъ (epilepsia grand-mal). Послѣ каждаго такого припадка была потеря въ вѣсѣ отъ 2 до 5 фунтовъ. Часто больной ночью падалъ съ постели, ушибался и ничего объ этомъ не помнилъ. О припадкахъ болѣзни онъ ничего не помнилъ. Послѣ припадка онъ всегда часовъ 8—48 лежалъ въ постели, закутавшись въ одѣяло и въ это время его весьма опасно было трогать. Самое ласковое обращеніе ординатора и старшаго врача, вызывало у него крайнее раздраженіе и дерзости, а разъ покушеніе на ударъ ординатору. Въ такомъ же состояніи онъ одинъ разъ, за пустякъ, ударилъ служителя, а другой разъ—надзирателя. Обо всѣхъ этихъ дерзостяхъ и грубостяхъ, когда успокоивался, ничего не помнилъ. Въ промежуткахъ между припадками онъ былъ вообще ласковъ, добръ, чистосердеченъ, любезенъ, вѣжливъ, услужливъ; но рядомъ съ этимъ вспыльчивъ, раздражителенъ и дерзокъ до безсознательнаго состоянія.

Обстоятельства преступленія были слѣдующія: 14 іюня 1880 г. ротмистръ князь Микеладзе, въ присутствіи офицеровъ, ударилъ въ лицо кулакомъ своего эскадроннаго командира И.,—и затѣмъ 17 іюня, подалъ рапортъ своему эскадронному командиру, показавшійся для него оскорбительнымъ.

Чтобы понять все это дѣло, нужно выяснить предварительно два обстоятельства: отношенія М. къ командиру И.,—и отношенія М. къ бригадному адъютанту Ж-ву.

Нѣсколько лѣтъ назадъ, полковымъ адъютантомъ былъ нѣкто ротмистръ К-скій. Подъ начальствомъ у него стоялъ вахмистръ И-въ, какъ оказалось, человѣкъ не всегда исправный, не всегда чистый наруку и не всегда трезвый, за что былъ нещадно битъ адъютантомъ К-скимъ. Прошло еще нѣсколько времени. К-скаго сдѣлали эскадроннымъ командиромъ. Послѣдній былъ женатъ. Жилъ себѣ съ семействомъ и благодушествовалъ. Офицеръ того же эскадрона, князь Микеладзе, женился на его дочери. Такъ прошло еще нѣкоторое время. Почему-то К-скій вышелъ изъ эскадрона и временно, до пріѣзда новаго эскадроннаго командира, хозяйственную часть эскадрона поручилъ князю Микеладзе. Божіею милостью и волею Аллаха, на мѣсто К-скаго, эскадроннымъ командиромъ назначили подполковника И-ва, бывшаго вахмистра, битаго нещадно К-скимъ, тестемъ Микеладзе. Это разъ.

Существовалъ бригадный адъютантъ Ж-въ, человѣкъ онъ былъ

дѣловой и имѣлъ большое вліяніе какъ на дѣла, такъ и на людей бригады. Къ этому времени возникъ вопросъ о нѣкоторыхъ незаконныхъ пріемахъ со стороны г. Ж-ва, по отношенію къ казенному имуществу и казеннымъ деньгамъ. Между прочими лицами и князь Микеладзе могъ и долженъ былъ свидѣтельствовать обстоятельства этихъ отношеній Ж. къ казенному имуществу, и свидѣтельствовать съ документами въ рукахъ. —Эскадронный командиръ И-въ былъ въ хорошихъ отношеніяхъ съ адъютантомъ Ж-вымъ, тѣмъ болѣе, что послѣдній находился еще при дѣлѣ и во всякую минуту могъ выкинуть пакость И-ву. Это два.

Вотъ канва, на которой разыгралось преступленіе князя Микеладзе.

Теперь мы позволимъ себѣ коснуться характеристики двухъ главныхъ дѣйствующихъ лицъ, на основаніи опять таки свидѣтельскихъ показаній.

Подполковникъ И-въ вышелъ изъ вахмистровъ. Достигъ онъ своего положенія крѣпкою натурою и гибкимъ характеромъ. По отношенію къ офицерамъ ниже себя, относился крайне грубо, дерзко и нахально. Доказательствомъ можетъ служить то, что одинъ изъ офицеровъ, прикомандированный къ эскадрону, просилъ свое высшее начальство удалить его изъ эскадрона, во избѣжаніе повторенія столкновенія на подобіе съ княземъ Микеладзе. Другой офицеръ присланъ былъ изъ другого эскадрона, для участія въ пріемѣ имущества послѣ князя Микеладзе. Въ теченіи очень короткаго времени, подполковникъ И-въ своимъ передразниваньемъ, грубостями и дерзостями довелъ его до того, что тотъ пришолъ въ состояніе изступленія и навѣрное повторился бы случай съ Макеладзе, еслибы все это время не присутствовалъ подполковникъ Б., сдерживавшій оскорбляемаго офицера.

Князь Микеладзе человѣкъ, получившій университетское образованіе. Человѣкъ честный, мягкій, добрый, прекрасный товарищъ и отличный хозяинъ-семьянинъ. Единственный домъ, гдѣ собирались офицеры эскадрона, по показаніямъ даже завѣдомо противныхъ ему свидѣтелей, это былъ домъ Микеладзе. Но нѣсколько лѣтъ назадъ, съ тѣхъ поръ какъ онъ упалъ съ лошадью съ обрыва, онъ сталъ болѣть и характеръ его сильно измѣнился. Онъ сталъ задумываться, грустить, уединяться и безцѣльно подолго бродить по полямъ. Онъ сдѣлался человѣкомъ до крайности раздражительнымъ вспыльчивымъ и невыносимымъ. Его раздражительность была „не-

естественная, ненормальная, исключительная, болѣзненная“, какъ выразился одинъ изъ свидѣтелей. Онъ раздражался не только при противорѣчіи ему въ чемъ нибудь, но даже изъ за пустяковъ и безъ всякаго повода. Такъ, однажды, играли офицеры въ карты. Игралъ и М. Заспорили о правилахъ игры. Подходитъ еще одинъ офицеръ, очень хорошій знакомый М., и подаетъ мнѣніе, несогласное съ мнѣніемъ М. Это такъ взорвало М., что онъ началъ дѣлать дерзости, кричать и едва не бросился его побить. Товарищи удержали. Нужно было уложить М. въ постель. Чрезъ 5—6 часовъ онъ ровно ничего не помнилъ. На другой день онъ искренно извѣнился предъ товарищами и всетаки ничего не помнилъ.

Въ силу такой его раздражительности, товарищи старались рѣже съ нимъ встрѣчаться и всѣми мѣрами уступать ему, чтобы не нарушить вполнѣ заслуженныхъ товарищескихъ отношеній. Если въ эскадронъ поступалъ новый человѣкъ, то его предупреждали быть снисходительнымъ къ М.,—такъ какъ онъ человѣкъ больной.

А онъ былъ дѣйствительно человѣкъ больной. Всѣ офицеры часто видѣли, какъ онъ отъ головной боли закутывалъ голову въ утиральникъ и тогда надѣвалъ фуражку. Случались съ нимъ и странныя выходки. Такъ, разъ были въ гостяхъ.—Былъ съ офицерами и М. Въ сумерки вышли изъ дому въ садъ.—Были на разстояніи шаговъ 40 отъ крыльца. Товарищи замѣтили, что М. боится отставать отъ нихъ и все старается въ середину попасть. Сговорились—сразу броситься бѣжать. Сдѣлали. М. за ними, схватилъ ихъ за полы и такъ влетѣлъ въ домъ. Глянули—на М. лица нѣтъ. Онъ блѣдный, весь дрожитъ. Стыдно стало офицерамъ своей шутки. Другой разъ были въ томъ же домѣ. М. былъ задумчивъ, грустенъ и сосредоточенъ. Видимо страдалъ. Согласились поѣхать посмотрѣть на стрижку овецъ, чтобы хоть чѣмъ нибудь развлечь М. Собираются. Смотрятъ, М. беретъ револьверъ, кинжалъ и саблю. „Зачѣмъ это?“—Мало-ли что можетъ случиться. Другой офицеръ свидѣтельствовалъ: ѣхалъ М. изъ города. Заѣхалъ къ нему ночевать. Распрегли лошадей. Ночь была темная. М. вдругъ сталъ задумчивъ и сталъ ходить по комнатѣ. На всѣ вопросы не отвѣчалъ. Пять разъ подъ рядъ хозяинъ спросилъ М. „что съ нимъ?“

Но тотъ ничего не отвѣчалъ. Наконецъ спохватился: „голова болитъ... лошадей“! Отвезъ его домой хозяинъ и сдалъ женѣ.

„Что это съ вашимъ мужемъ“?

— Это съ нимъ стало часто.

М. часто жаловался офицерамъ, что онъ страдаетъ страшными головными болями, головокруженіемъ, безсонницей и ужасною раздражительностью.

Таковъ былъ М. до пріѣзда новаго командира.

Пріѣхалъ новый командиръ подполковникъ И-въ.

2-го іюня М. первый разъ встрѣтился съ нимъ въ чужомъ домѣ. Уже въ это время командиръ предложилъ М. вопросы, которые, по мнѣнію послѣдняго, были для него оскорбительны. Въ тотъ же день они разъѣхались. И-въ уѣхалъ въ бригаду, М. уѣхалъ въ Богучары. И-въ возвратился въ эскадронъ раньше пріѣзда М.

Разъ И-въ шелъ съ офицерами мимо квартиры М. Кто-то изъ присутствующихъ сказалъ, что здѣсь живетъ М. Тогда И-въ возразилъ: „если бы зналъ, что здѣсь живетъ кавказскій князь, ни за что бы не пошолъ мимо". Это передали М. 8-го іюня возратился М

И-въ приказалъ ему немедленно сдать хозяйственную часть другому офицеру. Начался пріемъ. Собственно говоря сдавать эту часть долженъ былъ не М., а подполковникъ К-скій, который въ это время былъ на лицо и предлагалъ свои услуги. Но И-въ не обращалъ на это вниманія и требовалъ отчета отъ М. Здѣсь то натерпѣлся М.

Каждый день съ 8 ч. и до 2-хъ, затѣмъ съ 4-хъ и до 7 ч. командиръ мучилъ М. надъ вещами; но вещей не принималъ, а только рылся и приговаривалъ: „нѣтъ, здѣсь что-то не такъ",— „нѣтъ, здѣсь что-то неладно" и проч. „Иногда доходило до того, что я становился, какъ статуя", говоритъ М. „Видно было, что онъ хотѣлъ меня вывести изъ себя. Но зналъ я также и тяжелую отвѣтственность и то что на моихъ рукахъ сироты."

Вѣчно съ головными болями, крайне раздраженный, убитый, безъ пищи и безъ сна, М. всѣ силы свои напрягалъ, чтобы удержать себя отъ грубаго отвѣта. И-въ же какъ бы умышленно велъ къ тому. Такъ онъ сдѣлалъ выговоръ М. приказомъ на весь эскадронъ за то, что М. позволилъ одному изъ чиновниковъ получить справку въ канцеляріи, хотя М. имѣлъ на это право. Далѣе, на ученьѣ И-въ поставилъ М. предъ 4 взводомъ, тогда какъ по закону онъ, какъ старшій офицеръ, долженъ былъ стоять предъ первымъ взводомъ. Въ обществѣ офицеровъ И-въ не стѣснялся отзываться дурно объ М., такъ напр. онъ говорилъ о М., что тотъ

сначала сдаетъ срочныя вещи, а потомъ запасныя, чтобы обратить потомъ первыя въ послѣднія.

М. чувствовалъ себя скверно до ужаснаго. Головокруженія, безсонница, головная боль и ужасная раздражительность, при невозможности найти ей исходъ, приводили его въ ужасное состояніе. Онъ просился въ отставку, но дѣло все тянули и тянули. Приближалось слѣдствіе по дѣлу Ж-ва. М. былъ важный свидѣтель. Его нужно было упрятать. Это онъ сознавалъ. Сознавалъ онъ и отвѣтственность. Сознавалъ онъ и голодныхъ и холодныхъ сиротъ. Такъ дѣло шло до 14 іюня.

13-го іюня вечеромъ М. получилъ приказъ отъ командира приготовить на завтра къ 8 ч. всѣхъ солдатъ въ полной обмундировкѣ для смотра. Дѣло было въ 10 ч. вечера. Въ это время, безъ особаго разрѣшенія командира, М. не имѣлъ права войти въ цехгаузъ.

Кромѣ того, войти съ огнемъ лѣтомъ было и небезопасно. Поэтому рано утромъ онъ это и сдѣлалъ. Но предварительно М. видѣлъ явную придирку къ нему со стороны командира И-ва. М докладывалъ ему, что шпоръ не хватаетъ на всѣхъ солдатъ и что шинели не на всѣхъ пригнаны. Слѣдовательно И-въ и не могъ требовать полной обмундировки всѣхъ солдатъ отъ М. Тѣмъ не менѣе, рано утромъ М. постарался исполнить то, что можно было.

Рано же утромъ вышелъ и И-въ и послалъ унтеръ-офицера узнать—всѣ ли солдаты обмундированы. Унтеръ-офицеръ подошолъ къ фронту и началъ дѣлать перекличку солдатъ, несмотря на то, что предъ фронтомъ стоялъ князь Микеладзе.—Нижній чинъ ни подъ какимъ видомъ не могъ дѣлать переклички при офицерѣ.

М. спросилъ его: „что ты дѣлаешь? ты видишь, что я здѣсь стою“?

— Мнѣ полковникъ приказалъ это сдѣлать. Полковникъ приказалъ сказать вамъ, что они не подойдутъ, если солдаты не всѣ будутъ одѣты.

„Ступай вонъ отсюда“?

— Какъ вамъ угодно.

„Ступай на гауптвахту, а я доложу объ этомъ полковнику“.

— Какъ вамъ угодно.

Тогда М. пошолъ къ командиру. Дорогой онъ встрѣтилъ офицера С-ва, который повторилъ приказаніе командира, что тотъ не подойдетъ, если не всѣ солдаты будутъ одѣты. М. прямо подошолъ къ И-ву. Послѣдняго окружали офицеры. М. подошолъ, взялъ подъ

козырекъ и доложилъ, что онъ послалъ унтеръ-офицера на гаупт вахту за дерзость. Тогда И-въ спросилъ его:

„А вы читали мой приказъ“?

— Читалъ.

„Почему вы его не исполнили?“

Въ это время онъ схватилъ за руку М., которую тотъ все время держалъ подкозырекъ, и сильно отбросилъ ее. Тогда М. сдѣлалъ шагъ назадъ и ударилъ И-ва въ лицо кулакомъ. Его схватили.

Какъ ударилъ М. командира и что съ нимъ было потомъ онъ ровно ничего не помнитъ. Очнулся онъ уже въ постели—подъ арестомъ.

Солдаты, близко стоявшіе, свидѣтельствуютъ, что оба, и полковникъ и князь, „крупно говорили.“ Свидѣтели офицеры говорятъ, что М. въ это время былъ крайне взволнованъ, глаза красные, дрожалъ и все вниманіе сосредоточилъ на И-вѣ.

Это первое преступленіе М.

Второе-то, что 17 іюня онъ подалъ рапортъ, показавшійся командиру оскорбительнымъ. Рапортъ былъ написанъ дрожащею рукою и очень безтолково.

На основаніи всего вышеизложеннаго врачами больницы дано было такое заключеніе:

Принимая во вниманіе:

a) Нервопаталогическую наслѣдственность и семейное расположеніе больнаго;

b) Частыя страданія лихорадками и происходящія отъ того слабость, малокровіе и истощеніе;

c) Постоянную нервную раздражительность, слабость самаго больнаго съ дѣтства и до зрѣлаго возраста;

d) Нервныя страданія больнаго въ теченіи послѣднихъ лѣтъ и послѣднихъ дней предъ преступленіемъ;

e) Порокъ сердца, центральное страданіе органа слуха, болѣзнь спиннаго мозга и ассиметрію черепа;

f) Цѣлый рядъ нравственныхъ непріятностей, въ теченіи нѣсколькихъ дней предъ преступленіемъ;

g) Страданіе эпилептическимъ головокруженіемъ и эпилептическими судоргами, установленными въ больницѣ, а также усиленную нервную раздражительность, ослабленіе памяти и сообразительности, неспособность къ задержанію простыхъ и комбинированныхъ рефлексовъ.

Можно прійти къ заключенію, что Микеладзе въ моментъ совершенія преступленія находился въ состояніи болѣзни, доведшей его до умоизступленія и безпамятства,—въ настоящее же время обнаруживаетъ приступы эпилепсіи, съ отраженіемъ ея на характерѣ и умственныхъ способностяхъ больного.

Несомнѣнно то, что князь Микеладзе страдалъ приступами падучей болѣзни, то въ формѣ grand-mal, то въ формѣ petit-mal. Какъ же теперь понимать совершонное имъ преступленіе? Былъ ли это поступокъ осмысленный, сознательный, преднамѣренный, или же это есть проявленіе болѣзни.

Едва ли даже можно останавливаться на первомъ вопросѣ, настолько болѣзненность Микеладзе бьетъ въ лицо каждому.

Но вотъ вопросъ: что за болѣзненное состояніе было у Микеладзе, доведшее его до такого состоянія, что онъ рѣшился совершить преступленіе, влекущее за собою безсрочныя каторжныя работы?

Такихъ состояній можно допустить въ данномъ случаѣ два: аффектъ и приступъ психической эпилепсіи.

Изъ разсмотрѣнія случаевъ преступленій въ состояніи психической эпилепсіи, мы достаточно уяснили ее, такъ что считаемъ лишнимъ приводить ее еще разъ. Въ преступленіи эпилептика поражаетъ насъ безцѣльность, отсутствіе повода, страшная картина преступленія, нерѣдко безсмысліе въ различныхъ проявленіяхъ его, масса ужасающихъ галлюцинацій, которые въ большинствѣ и поддерживаютъ самое преступленіе и послѣдующій періодъ угнетенія, съ полнымъ безпамятствомъ о прошломъ.

Таковъ ли характеръ преступленія кн. Микеладзе?

Мнѣ кажется, онъ не имѣетъ ничего общаго съ картиною эпилептическаго преступленія. Прежде всего, это преступленіе не есть непредусмотрѣнное, непредвидѣнное, внезапное. Оно готовилось въ теченіи нѣсколькихъ дней, разумѣется готовилось безсознательно со стороны кн. Микеладзе. Оно исподоволь вызывалось И-вымъ. Его можно было предвидѣть. И обвиняемый дѣйствительно предвидѣлъ. Онъ зналъ, что И-въ желаетъ вывести его на дерзость. Онъ ясно это понималъ и всѣми силами удерживался. Онъ зналъ и послѣдствія, и то, что вся прежняя его честная дѣятельность должна погибнуть изъ за преднамѣренной-же грубости и нахальства. Что подобное преступленіе было не дивомъ для всѣхъ, это доказывается тѣмъ,—что

корнетъ Д-чь просилъ бригаднаго генерала откомандировать его отъ эскадрона И-ва, такъ какъ онъ опасается, чтобы съ нимъ не повторилась исторія кн. Микеладзе. Далѣе, ротмистръ Л-цкій былъ доведенъ уже И-вымъ до такого же состоянія и его спасло только вмѣшательство полковника Б-скаго, который сталъ между Л-цкимъ и И-вымъ. Слѣдовательно, И-въ носилъ въ себѣ преступленія другихъ и всѣ бѣжали изъ его эскадрона, чтобы не попасть подъ строжайшую отвѣтственность военныхъ законовъ. Диво ли, что Микеладзе, при такихъ условіяхъ, совершаетъ преступленіе? Если Д-чь, образецъ физической крѣпости и малороссійскаго хладнокровія, не ручался за возможность всегда сдерживать себя;—если Л-цкій, человѣкъ тоже очень здоровый и разсудительный, не нанесь оскорбленія дѣйствіемъ только потому, что этому помѣшалъ полковникъ Б-скій, то диво ли, что не удержался отъ оскорбленія кн. Микеладзе. Прибавимъ къ этому, что И-въ травилъ кн. Микеладзе по преимуществу, систематически, настойчиво и можетъ быть съ предвзятою цѣлью. По крайней мѣрѣ такъ смотрѣлъ М. На дняхъ долженъ былъ произвести разслѣдованіе, по дѣлу Ж-ва, генералъ Б-ко. Князь Микеладзе являлся однимъ изъ серьезныхъ свидѣтелей. Его нужно было устранить во чтобы-то ни стало. Его нужно было устранить поскорѣе и повѣрнѣе. Вотъ и началась травля. Все это зналъ и сознавалъ кн. Микеладзе. Все это заставляло удерживаться отъ всякихъ выходокъ, такъ какъ онъ отлично зналъ и послѣдствія всего. И тѣмъ не менѣе не удержался. Слѣдовательно, въ данномъ случаѣ, не было той неожиданности и внезапности, какъ при эпилептическомъ преступленіи. Напротивъ, оно подготовлялось исподоволь, понемногу, постепенно.

Нѣтъ и другаго признака въ этомъ преступленіи, присущаго эпилептическому преступленію,—безцѣльности и безсмыслія. Напротивъ, оно вполнѣ отвѣчало только на то, чего добивался И-въ.— Если бы это было не въ военной службѣ, гдѣ, подъ тяготѣніемъ строгости военной дисциплины, начальникъ можетъ дѣлать всевозможныя гадости своимъ подчиненнымъ безнаказанно, то И-въ былъ бы побитъ и не разъ, и не кулакомъ только. Да и какъ иначе поступать съ человѣкомъ, который самъ лѣзетъ на оскорбленіе. Преступленіе кн. Микеладзе есть естественный исходъ, выходъ изъ ряда тѣхъ раздраженій и причинъ, которыя дозволялъ себѣ обнаруживать г. И-въ. Слѣдовательно, преступленіе кн. Мике-

ладзе не подходитъ и въ этомъ отношеніи подъ рамку эпилептическаго преступленія.

Не подходитъ оно подъ эту рамку и въ третьемъ отношеніи. Оно не содержитъ въ себѣ ничего ни страшнаго, ни ужаснаго. Напротивъ—явленіе самое простое и естественное. Весьма живо и правдиво описалъ этотъ моментъ свидѣтель, рядовой Ивановъ. Привожу дословно: „князь идутъ, а полковникъ И-въ стоятъ. Князь подошли и взяли подъ козырекъ. А полковникъ начали говорить крупно... А князь опустили руку и вдарили полковника кулакомъ въ морду." Мордобитіе есть явленіе самое обыкновенное въ нашей жизни и собою не наводитъ на насъ ни страха, ни ужаса.

Другое дѣло послѣдствія преступленія. О, это другая рѣчь! Безсрочныя каторжныя работы—это не шутка. Дѣло ставится такъ: князь Микеладзе, постоянно раздражаемый и травимый полковникомъ И-вымъ, долженъ былъ и непрерывно и неусыпно имѣть предъ собою не физіономію г. И-ва, а безсрочныя каторжныя работы. Разъ онъ почему бы то ни было терялъ изъ области своихъ представленій эту обуздывающую силу — г. И-ву всегда грозила опасность. Слѣдовательно все дѣло сводится на то: подъ вліяніемъ какого состоянія исчезла изъ сознанія кн. Микеладзе мысль о безсрочныхъ каторжныхъ работахъ? Подъ вліяніемъ какого-то такого состоянія, которое смѣшало и парализовало моментально его сознаніе, но не лишило возможности дѣйствія. Это и есть аффектъ. Такимъ образомъ, одно намъ говоритъ исторія жизни человѣка и другое—характеръ преступленія. Жизнь кн Микеладзе говоритъ, что онъ отъ родителей унаслѣдовалъ плохую нервную систему. Да не только онъ одинъ, а почти вся семья. Сестры страдаютъ эпилепсіей, братъ чѣмъ то въ родѣ состоянія просонковъ. Самъ князь Микеладзе эпилептикъ. Естественно ожидать, что и преступленіе будетъ проявленіемъ эпилепсіи. Характеръ преступленія совершенно отрицаетъ это. Преступленіе должно быть совершено, судя по исторіи его и механизму, въ состояніи болѣзненнаго умоизступленія, въ полномъ смыслѣ слова, въ состояніи паталогическаго аффекта.

Это прослѣдить нетрудно.

Въ эскадронъ кн. Микеладзе, человѣка очень образованнаго, добраго, человѣколюбиваго, но крайне больного, нервнаго, раздражительнаго и склоннаго къ аффектамъ, назначаютъ новаго командира. Лицо это обладаетъ совершенно обратными качествами, чѣмъ

кн. Микеладзе. Но кому до этаго какое дѣло, если бы не было, до этаго,—дѣла. А дѣло въ томъ, что г. И-въ назначается на мѣсто тестя кн. М., полковника К-скаго, который, въ прежніе годы, частенько и неособенно нѣжно взыскивалъ съ вахмистра И-ва, который теперь является начальникомъ князя Микеладзе, зятя полковника К-скаго.

Этотъ случай весьма мнѣ напоминаетъ другой, подобный, въ одномъ изъ уѣздовъ нашего обширнаго отечества. Былъ въ одномъ уѣздѣ земскій врачъ. Были у него и фельдшера. Были они хорошіе и дурные. Вотъ одного изъ такихъ дурныхъ, докторъ и выгналъ. Оказалось, что фельдшеръ былъ дурной, да не дуракъ. Послѣ этого онъ поступилъ въ волостные писаря. Затѣмъ попалъ въ гласные. Затѣмъ въ члены уѣздной управы, а потомъ и предсѣдателемъ. Первымъ долгомъ онъ выгналъ всѣхъ докторовъ, а своего врача особенно. Долгъ платежомъ красенъ.

А тутъ еще присоединилась другая исторія. Пріятель г. И-ва, бригадный адъютантъ Ж—въ, замотался. Вы не знаете что такое бригадный адъютантъ? Адъютантъ, въ военной службѣ, что секретарь въ гражданской. Иногда секретари заправляютъ университетами, съ десятками самыхъ умнѣйшихъ и даровитѣйшихъ профессоровъ. Буква и крючекъ это сила, ея же не преидеши. Тоже военные адъютанты. Г. И-ву нужно было стоять за Ж-ва. Рука руку моетъ. А тутъ кавказскій князь подвернулся съ своими рапортами. Ну, ужь тутъ разомъ и за себя и за Ж-ва.

И началась травля кн. Микеладзе.

Зная завѣдомо, что хозяйственная часть эскадрона лежитъ на отвѣтственности полковника К-скаго,—что К-скій находится здѣсь же,—что онъ самъ проситъ принять отъ него, а не отъ кн. Микеладзе, хозяйство,—И-въ тѣмъ не менѣе требуетъ отчета отъ Микеладзе. Встрѣчаются нѣкоторыя неисправности, недочоты, упущенія. Какое до этого дѣло Микеладзе? Это дѣло К-скаго. Нѣтъ, И-въ его пилитъ. Онъ не стѣсняясь выражается при офицерахъ въ канцеляріи: „нѣтъ, здѣсь что то не ладно“, „нѣтъ, здѣсь что-то нечисто“, „нѣтъ здѣсь что-то не такъ“. И выражаетъ это не по отношенію къ К-скому, а по отношенію къ Микеладзе, какъ показалъ даже штабсъ-ротмистръ С-въ, далеко не въ пользу Микеладзе показывавшій. Дѣло касалось чистаго имени человѣка, дѣло касалось чести военнаго мундира. А знаете-ли вы что значитъ честь военнаго мундира? Это далеко не одно и тоже, что честь вицъ-мун

дира секретаря консисторіи, или кителя частнаго пристава, или интенданта. За честь военнаго мундира нерѣдко платятся жизнью.

Г. И-въ позволилъ себѣ марать честь военнаго мундира Микеладзе.

Далѣе, Микеладзе самъ просилъ чтобы у него скорѣе приняли хозяйственную часть и скорѣе бы уволили въ отставку, какъ человѣка дѣйствительно больного и крайне нервнаго. Г. И-въ только тянулъ дѣло. Онъ не принималъ вещей, а только рылся и издѣвался. Еще не зная Микеладзе, когда тотъ былъ въ Богучарахъ, И-въ проходя мимо дома М., при офицерахъ, позволилъ себѣ раскаяваться въ томъ, что онъ даже пошолъ мимо. Дѣлаетъ онъ ему затѣмъ совершенно незаслуженный выговоръ предъ эскадрономъ, ставитъ его вопреки существующему обычаю и уставу предъ послѣднимъ взводомъ на ученьи и наконецъ доводитъ его до ужаснаго состоянія послѣднимъ приказомъ, зная досконально, что на всѣхъ солдатъ нѣтъ ни шпоръ, ни шинелей.

У кн. Микеладзе голова была уже одурѣлая въ день преступленія. Продолжительная безсонница, упорныя головныя боли, частыя головокруженія, постоянная нервная напряженность, постоянное раздраженіе отъ начальника, постоянное ожиданіе новыхъ оскорбленій и вызововъ, наконецъ, постоянное сдерживаніе себя,—все это крайне разстроило и разбило больнаго. Вечеромъ 13-го іюня онъ получаетъ отъ командира приказъ, приказъ завѣдомо несправедливый. Командиръ въ 10 ч. ночи приказываетъ ему выдать всю обмундировку солдатамъ, зная впередъ, что шпоръ на всѣхъ солдатъ нехватаетъ и шинелей тоже пригнаны не на всѣхъ солдатъ. Микеладзе понималъ, что дѣло идетъ къ новому выговору приказомъ, по эскадрону. Тѣмъ не менѣе рано утромъ пошолъ выполнить то, что было въ предѣлахъ возможности. Въ это время онъ испытывалъ новое раздраженіе. Въ то время, когда онъ стоитъ предъ фронтомъ, подходитъ унтеръ-офицеръ и начинаетъ дѣлать перекличку. На вопросъ ротмистра М., какъ онъ это смѣетъ дѣлать въ его присутствіи, унтеръ-офицеръ отвѣчаетъ, что онъ это дѣлаетъ по приказанію эскадроннаго командира. На дальнѣйшее замѣчаніе М., унтеръ-офицеръ отвѣчаетъ новою дерзостью. Все это усиливало и усиливало раздражительность М. Здѣсь же унтеръ-офицеръ заявилъ кн. Микеладзе, что командиръ приказалъ передать ему, что онъ не подойдетъ къ фронту до тѣхъ поръ, пока солдаты не будутъ удовлетворены вполнѣ.

Все это можно было бы еще перенести, но къ этому присоединилось новое нравственное оскорбленіе. Унтеръ-офицеръ, отнесшійся такъ неуважительно къ кн. Микеладзе, былъ отличенъ, какъ хорошій солдатъ, самимъ Микеладзе и по его ходатайству назначенъ унтеръ-офицеромъ и фельдфебелемъ, при прежнемъ командирѣ. Теперь М. увидѣлъ, что новый командиръ, при содѣйствіи новыхъ приверженцевъ, успѣлъ вооружить противъ него даже солдатъ.

Оправляется М. къ командиру доложить о дерзости унтеръ-офицера. На пути его встрѣчаетъ штабъ-офицеръ С-въ и вновь подтверждаетъ приказаніе командира, что послѣдній не подойдетъ къ фронту до тѣхъ поръ, пока солдаты не будутъ удовлетворены вполнѣ.

Микеладзе подошолъ къ командиру и доложилъ о дѣлѣ.

„Это я приказалъ ему. А читали вы мой приказъ“?

— Читалъ.

„Почему же вы его не исполнили“. Все это говоритъ, по выраженію солдата свидѣтеля, *крупно*.

Все это время М. стоялъ, держа руку подъ козырекъ. Командиръ схватываетъ его за руку и грубо отбрасываетъ руку прочь. Въ этотъ моментъ, по показанію свидѣтеля, М. слѣлалъ шагъ назадъ и ударилъ командира въ лицо кулакомъ. Командиръ былъ высокаго роста, М. средняго. Естественно М., при такихъ условіяхъ, могъ ударить И-ва въ такомъ только случаѣ, если И-въ наступилъ на него. Всего этого М. рѣшительно не помнитъ. Послѣднее что осталось у него въ сознаніи, это когда командиръ схватилъ его за руку и отбросилъ ее. Тутъ было не до мысли о безсрочныхъ каторжныхъ работахъ. М. пришолъ въ сознаніе уже у себя въ постели, когда онъ былъ арестованъ.

Свидѣтели говорятъ, что въ этотъ моментъ М. былъ до крайности взволнованъ, лицо его было красное, руки дрожали, самъ онъ дрожалъ и все свое вниманіе сосредоточилъ на И-вѣ, несмотря на то, что штабсъ-ротмистръ С-въ, какъ онъ самъ заявилъ, старался отвлечь вниманіе М. отъ И-ва на себя.

Ударивши въ лицо И-ва, М. пошолъ въ квартиру, по однимъ медленно, по другимъ быстро. Послѣ этого М. пролежалъ въ постели нѣсколько дней. Все это время онъ страдалъ обычнымъ своимъ состояніемъ. Къ малѣйшему сознанію онъ пришолъ въ тотъ

день только къ вечеру. Какъ о случившемся, такъ и объ арестѣ его, онъ узналъ только отъ офицера-свидѣтеля.

Насколько онъ былъ взволнованъ все это время, доказывается тѣмъ, что онъ не могъ давать письменнаго показанія, какъ потому, что не могъ ничего въ порядкѣ излагать, такъ и потому, что не могъ писать, за дрожью въ рукахъ. 16-го іюня онъ писалъ рапортъ командиру, который начинался словами „командиру 12-го ахтырскаго гусарскаго полка“,—какъ будто всѣхъ полковъ ахтырскихъ 12 и это есть 12-й. Далѣе въ рапортѣ изложеніе очень нескладное и несообразное, почеркъ порывистый, неровный, дрожащій и рѣзко отличающійся отъ обыкновеннаго почерка кн. Микеладзе.

Такимъ образомъ, разсматривая всю эту исторію со стороны, въ ней можно увидѣть три періода: первый, предуготовительный состоящій изъ цѣлой массы раздраженій, оскорбленій, несправедливостей и придирокъ, падающихъ на почву въ высокой степени болѣзненную и раздраженную; второй періодъ—взрыва страсти и третій—послѣдующаго угнетенія и истощенія съ полнымъ безпамятствомъ о случившемся.

Мнѣ кажется, что это полная картина аффекта или умоизступленія и безпамятства.

Правда, могло случиться, что подъ вліяніемъ всѣхъ вышеизложенныхъ раздраженій, у М. могъ развиться на аффектной почвѣ приступъ психической эпилепсіи, въ формѣ эпилепсіи petit-mal,—и въ такомъ видѣ могло быть совершенно преступленіе. Но могло все это совершиться и помимо этого. За эпилепсію мы не имѣемъ свидѣтельскихъ показаній; съ аффектомъ свидѣтельскія показанія согласуются.

Допуская аффектъ, я въ тоже время утверждаю, что это аффектъ патологическій. И это весьма легко доказать. М. страдаетъ порокомъ сердца и быть можетъ начинающимся туберкулезомъ, слѣдовательно, питаніе его организма сильно нарушено. Но это только случайныя условія. У М. мозгъ инвалидный, поврежденный отъ рожденія. Почти все ихъ семейство одержимо падучею болѣзнью и самъ М. страдаетъ приступами подучей болѣзни, въ видѣ epilepsia petit-mal. У него ассиметрія черепа, у него пониженіе слуховой способности, у него страданіе позвоночника,—все это даетъ право сказать, что у М. аффектъ былъ патологическій.

Но и этого мало.

Эпилепсія появляясь у различныхъ лицъ, обнаруживаетъ не одинаковое вліяніе на ихъ организмы. У однихъ умственная жизнь нисколько не страдаетъ. Ихъ умственныя способности остаются во всемъ ихъ блескѣ, таковы: Цезарь, Петрарка, Наполеонъ I, Достоевскій и др. У другихъ, напротивъ, они низводятся на степень полнаго слабоумія и слѣпоумія (Blödsinn). Вообще, если эпилепсія вліяетъ на душевную дѣятельность, то вліяніе это можетъ отразиться въ тройкомъ направленіи: или на умственной дѣятельности, низводя ее иногда до полнаго слабоумія,—или на нравственной жизни, низводя до нравственнаго помѣшательства,—или на состояніи самочувствія, усиливая раздражительность до excadescentia furibunda.

Въ данномъ случаѣ, эпилепсія отразилась на умственной дѣятельности, ослабивъ память больнаго и отчасти сообразительность и послѣдовательность теченія мысли. Но это явленіе послѣдняго времени. Гораздо раньше и гораздо сильнѣе, болѣзнь отразилась на самочувствіи больного.

Бываютъ люди, у которыхъ раздражительность, строптивость, сварливость, вспыльчивость, наклонность ко всякаго рода волненіямъ и вспышкамъ гнѣва, являются при самыхъ ничтожныхъ условіяхъ, отъ рожденія. Явленія эти бываютъ настолько сильны, настолько необъяснимы, настолько упорны, что поневолѣ приходится въ такихъ случаяхъ искать органическихъ основъ. Тѣмъ болѣе это правдиво, что, сплошь и рядомъ, всѣ усилія исправить это состояніе остаются тщетными. Случается, что вспышки гнѣва доводятъ человѣка до полнаго безсознательнаго состоянія и безпамятства. Обыкновенно это состояніе служитъ признакомъ глубокаго органическаго разстройства [1]). И дѣйствительно, опытъ учитъ, что подобныя лица весьма расположены къ умственному разстройству, въ числѣ ихъ родныхъ почти всегда оказываются психопаты, пьяницы и пр. Случается, что такая же раздражительность является не отъ рожденія, а подъ вліяніемъ эпилепсіи и другихъ психозовъ.

Весьма естественно, что привычная раздражительность Микеладзе была и отъ рожденія, такъ какъ въ ихъ семействѣ существовало расположеніе къ эпилепсіи, но она могла у него явиться и подъ вліяніемъ приступовъ эпилепсіи.

---

[1]) *Крафтъ—Эбингъ.* Начала уголовной психологіи, стр. 120.

Во всякомъ случаѣ, не подлежитъ сомнѣнію, что патологическій аффектъ присущъ характеру кн. Микеладзе, что къ проявленію его 14 іюня было достаточно основаній, что картина преступленія согласуется съ картиною аффектовъ [1]) и послѣдовательное состояніе, послѣ преступленія, соотвѣтствуетъ послѣдовательному состоянію за аффектомъ.

П. Ковалевскій.

ПОДЛЕЖАТЪ-ЛИ ПРЕКРАЩЕНІЮ ДѢЛА О ПРЕСТУПЛЕНІЯХЪ, СОВЕРШЕННЫХЪ ВЪ САМООБОРОНѢ?

Какъ извѣстно, на Кавказѣ есть гласный судъ, устроенный примѣнительно къ уставамъ 20 ноября 1864 г.,— но при этомъ гласномъ судѣ нѣтъ обвинительной камеры и всѣ обязанности этой капитальнѣйшей принадлежности новаго суда, перенесены на мѣстный прокурорскій надзоръ, въ лицѣ прокуроровъ и ихъ товарищей. Такимъ образомъ, если считать штатный персоналъ этого надзора только въ 50 лицъ, то окажется, что вмѣсто одной мы имѣемъ, ни болѣе ни менѣе, какъ 50 обвинительныхъ камеръ, изъ которыхъ каждая, въ дѣйствіяхъ своихъ, совершенно самостоятельна.

При такой организаціи нашихъ обвинительныхъ камеръ, разрѣшеніе сложнаго вопроса о преданіи суду не представляетъ на Кавказѣ никакихъ затрудненій, да не представляетъ и никакаго вопроса. Каждый прокуроръ и каждый его товарищъ дѣйствуютъ на собственный страхъ и рискъ, и сажая на скамью подсудимыхъ единственно по своему усмотрѣнію, проводятъ, путемъ гласнаго суда, какія угодно воззрѣнія на преступленія и на преступника. Обладая въ этомъ случаѣ совершенно безконтрольною властью, чины прокуратуры нерѣдко провѣряютъ правильность своихъ юридическихъ взглядовъ только усадивши кого-нибудь на скамью подсудимыхъ и этимъ, весьма нагляднымъ путемъ, приходятъ къ выводамъ болѣе или менѣе безошибочнымъ.

Естественно, что при такихъ обширныхъ полномочіяхъ нашей прокуратуры и отсутствіи контроля судебной палаты, всегда возможны въ дѣйствіяхъ прокурорскихъ чиновъ ошибки и промахи и

---

[1]) *П. Ковалевскій.* Судебно-психіатрическіе анализы. Т. II. 1881.

такъ какъ эти ошибки и промахи, къ вящему скандалу, нерѣдко выясняются публично, на судѣ,—то въ устраненіе подобныхъ случаевъ, какъ то самъ собой, установился, во многихъ судахъ, тотъ особый порядокъ въ направленіи дѣлъ, когда судъ и прокуратура дѣйствуютъ по взаимному соглашенію.

Этотъ принципъ взаимныхъ соглашеній родился и выросъ на почвѣ нашихъ необыкновенныхъ изъятій. Дѣло въ томъ, что оффиціально возвратить прокурору предложенный суду обвинительный актъ, судъ не имѣетъ права — какъ это уже окончательно разъяснено сенатомъ [1]), такого права суду не предоставлено,—неоффиціально же возвратить актъ можно и для этого требуется только согласіе прокурора взять актъ назадъ. Отсюда создались взаимныя соглашенія. По взаимному соглашенію прокуроры принимаютъ обратно свои обвинительные акты и передѣлываютъ ихъ по совѣтамъ суда. По соглашенію же, но вопреки закону, суды возвращаютъ въ прокуратуру явно неполные или явно неправильные обвинительные акты, для дополненія и исправленія.

Придумана даже на эти случаи особенная форма и особый порядокъ. Нерѣдко въ дѣлахъ судовъ встрѣчаются коротенькія опредѣленія о возвращеніи, согласно *словеснаго* заключенія прокурора, акта уже направленнаго и поступившаго въ судъ и это коротенькое опредѣленіе, съ словеснымъ заключеніемъ, всегда указываетъ, что именно тутъ состоялось соглашеніе. Мало того, что по соглашенію возвращаютъ обвинительныя акты, — по соглашенію прекращаютъ неподлежащія дѣла и по соглашенію преслѣдуютъ, при малыхъ уликахъ, такія преступленія, которыя, въ какихъ-либо видахъ, считается необходимымъ и полезнымъ преслѣдовать.

Наконецъ, принципъ соглашеній заходитъ такъ далеко, что по соглашенію суда съ прокуратурой *идутъ на пререканіе* (ст. 528 уст. угол. суд.), чтобы знать мнѣніе высшей нашей инстанціи по какому нибудь вопросу и дѣйствительно этимъ путемъ узнаютъ желаемое.

Къ числу вопросовъ, разрѣшаемыхъ по соглашенію судовъ и прокуратуры, принадлежитъ, между прочимъ, вопросъ о порядкѣ на-

---

[1]) Разъясненіе это воспослѣдовало по тому самому дѣлу Каронета Ахназарова,—о которомъ въ 5-й книгѣ Жур. угол. и гражд. права 1880 г. сообщены такія необыкновенныя свѣдѣнія.

правленія тѣхъ дѣлъ, въ которыхъ возникаетъ предположеніе о совершеніи преступленія въ состояніи необходимой личной обороны.

Разные суды, отчасти путемъ взаимныхъ соглашеній съ прокуратурой, отчасти руководясь чисто практическими соображеніями, пришли, по этому вопросу, къ разнымъ рѣшеніямъ. Въ нѣкоторыхъ судахъ такія дѣла *прекращаются* безъ судебнаго разсмотрѣнія, подобно всѣмъ тѣмъ дѣламъ, которыя прекращаются по недостатку уликъ или неосновательности обвиненія т. е. на основаніи ст. 518 уст. уг. суд. Въ другихъ судахъ, подобнымъ образомъ, т. е. по 518 ст. уст. уг. суд. прекращаются лишь тѣ дѣла, въ которыхъ вопросъ о наличности самообороны не возбуждаетъ никакихъ сомнѣній и одинаково ясенъ какъ для прокуратуры такъ и для суда,—по дѣламъ же гдѣ самооборона сомнительна, составляются обвинительные акты и дѣла рѣшаются въ публичныхъ засѣданіяхъ. Наконецъ есть суды, отрицающіе вообще право прокуратуры направлять *на прекращеніе* дѣла, въ которыхъ возбужденъ вопросъ о самооборонѣ, — отрицающіе это право во всѣхъ случаяхъ, т. е. при всей очевидности и доказанности факта самообороны и требующіе, чтобы подобныя дѣла всегда рѣшались въ судебныхъ, а не въ распорядительныхъ засѣданіяхъ.

По нашему мнѣнію, вопросъ этотъ настолько споренъ и мало выясненъ, что болѣе полное разъясненіе его весьма желательно и особенно желательно узнать на этотъ счетъ авторитетное мнѣніе сената. Это тѣмъ болѣе необходимо, что практика, въ этомъ случаѣ, крайне разнообразна Въ нѣкоторыхъ судахъ вопросъ о порядкѣ направленія подобныхъ дѣлъ находится въ прямой зависимости отъ состава присутствія суда. Есть составы, признающіе за прокуратурой право направлять эти дѣла по ст. 518 уст. уг. суд. и есть составы права этого непризнающіе. Однимъ словомъ, опредѣленныхъ взглядовъ по этому предмету невыработано и, насколько намъ извѣстно, наша мѣстная судебная палата также не пришла ни къ какому положительному рѣшенію, такъ что тотъ или другой оборотъ дѣла въ палатѣ, также зависитъ отъ состава присутствія.

Тамъ, гдѣ суды признаютъ за прокуратурой право направлять дѣла о преступленіяхъ въ самооборонѣ, по ст. 518 уст. угол. суд. это дѣлается крайне просто и незамысловато. Прокуроръ или его товарищъ, разсмотрѣвъ дѣло, получаетъ убѣжденіе, что данное преступленіе совершено именно въ положеніи дозволенной закономъ самообороны и, не сомнѣваясь въ томъ, что преступленіе это не долж-

но быть вмѣнено обвиняемому въ вину, предлагаетъ, на основаніи ст. 518 уст. уг. суд., дѣло прекратить и обвиняемаго отъ дальнѣйшей отвѣтственности освободить.

Принимая во вниманіе, пишетъ въ своемъ заключеніи прокуроръ или его товарищъ, что Гассанъ убилъ Гуссейна, будучи въ положеніи необходимой личной обороны и находя, что заявленіе Гассана о томъ, что убивая Гуссейна онъ защищалъ свою собственную жизнь отъ угрожавшей опасности — вполнѣ вѣроятно и согласно съ обстоятельствами дѣла, выясненными при производствѣ слѣдствія, я, на основаніи 518 ст. уст уг. суд. — полагаю и т. д. и т. д.

Судъ соглашается со взглядомъ прокурора или его товарища и въ распорядительномъ засѣданіи, освобождаетъ Гассана отъ отвѣтственности за убійство Гуссейна.

Мы, съ своей стороны, относимся къ числу тѣхъ, которые не считаютъ нашу прокуратуру уполномоченною на прекращеніе дѣлъ о самооборонѣ, по 518 ст. уст. уг. суд.

Едва ли нужно доказывать, что *прекращеніе* дѣлъ „по недостатку уликъ", „неосновательности обвиненія", однимъ словомъ то прекращеніе дѣлъ, о которомъ говоритъ ст 518 уст. уг. суд. не можетъ имѣть ничего общаго съ „невмѣненіемъ содѣяннаго въ вину"—о чемъ говорятъ ст. 100, 101 ул. о нак Въ первомъ случаѣ, поводомъ къ прекращенію служитъ недостатокъ или отсутствіе уликъ или неосновательность обвиненія, во второмъ—улики вполнѣ достаточны и обвиненіе совершенно основательно, а потому гдѣ идетъ рѣчь о невмѣненіи, совершенно неумѣстны статьи о недостаткѣ уликъ и неосновательности обвиненія и проводить аналогію между недоказанностью обвиненія и невмѣненіемъ обвиненія въ вину, при тѣсной его доказанности, было бы фальшивою и неестественною натяжкой.

Крайне важный, самъ по себѣ, вопросъ о примѣнимости этой (518) статьи къ преступленіямъ, совершеннымъ въ самооборонѣ, особенно важенъ по отношенію къ здѣшнимъ т. е. закавказскимъ мѣстамъ и народамъ, тѣмъ болѣе, что и мѣста и народы здѣсь дикіе, а нравы въ высокой степени необузданные. При крайней живости своего темперамента, народъ здѣсь къ тому же поголовно вооруженъ, а потому, естественно, здѣсь на каждомъ шагу встрѣчается и злоупотребленіе оружіемъ и злоупотребленіе правомъ обороны. При такомъ положеніи мѣстныхъ условій, задача судовъ и прокуратуры

должна бы кажется заключаться въ томъ, чтобы заявленія обвиняемыхъ о необходимой оборонѣ, обсуждались со всевозможною строгостью и обстоятельностью и чтобы судебная практика не содѣйствовала размноженію и такъ слишкомъ частыхъ случаевъ злоупотребленія этимъ правомъ обороны.

Дѣйствительно, въ особенности въ закавказскомъ краѣ, эти случаи самообороны или по крайней мѣрѣ заявленія объ этихъ случаяхъ, безчисленны, хотя и мало разнообразны.

Обыкновенно фактическая обстановка дѣлъ, въ которыхъ является самооборона, болѣе или менѣе одинакова Совершившій, будтобы въ самооборонѣ, преступленіе, обвиняемый, прежде всего никогда не считаетъ себя обязаннымъ заявить объ этой самооборонѣ, какъ требуетъ законъ, подлежащимъ властямъ,—а спокойно поджидаетъ, по незнанію—де закона, чѣмъ дѣло кончится и когда его позовутъ къ допросу. Призванный наконецъ къ допросу, этотъ обвиняемый объясняетъ все чрезвычайно просто.

„Исмаилъ, говоритъ обвиняемый, встрѣтившись со мной на дорогѣ (или на улицѣ), ни слова не говоря (или сначала обругавъ) вдругъ прицѣлился въ меня изъ ружья; я прицѣлился тоже! Онъ выстрѣлилъ—я выстрѣлилъ также; его ружье дало осѣчку—мое выстрѣлило какъ слѣдуетъ, послѣ чего Исмаилъ упалъ. . .

Что случилось послѣ того какъ Исмаилъ упалъ, объ этомъ обвиняемый, обыкновенно, ничего не знаетъ, или потому что „очень испугался“ или потому что пришли родственники Исмаила и онъ „боялся мести“, а потому скрылся, или наконецъ потому, что очень испугался, самъ упалъ въ обморокъ и пролежалъ въ ономъ цѣлые сутки и болѣе.

Иногда самооборонявшійся разсказываетъ о происшествіи нѣсколько иначе.

„Исмаилъ, встрѣтившись со мной, объясняетъ онъ, внезапно обнажилъ кинжалъ и вдругъ бросился на меня,—а я, защищаясь, выстрѣлилъ въ него изъ ружья (или изъ пистолета), послѣ чего Исмаилъ упалъ и т. д.

Или же иначе:

„Исмаилъ напалъ на меня съ какими то пятью мнѣ неизвѣстными лицами. У нихъ, у всѣхъ, были палки, которыми они начали меня бить, я же, защищаясь, выстрѣлилъ изъ ружья и убилъ одного изъ напавшихъ, послѣ чего остальные тотчасъ же разбѣжались и т. д.

Бываютъ и другіе варіанты этихъ розсказней. То обвиняемый защищался кинжаломъ отъ дубины своего противника и успѣлъ ему распороть животъ—то наоборотъ, дубиной отражалъ кинжалъ напавшаго Гуссейна и также успѣлъ раздробить черепъ. То наконецъ, обвиняемый только отмахивался ружьемъ, а оно возьми да и выстрѣли. Мы знаемъ даже случай, гдѣ одинъ изъ самооборонявшихся Исмаиловъ, почти отрѣзалъ голову напавшему на него Гассану и утверждалъ, что такой ударъ нанесъ Гассану только отмахиваясь кинжаломъ.

Но въ большинствѣ случаевъ, всѣ эти самообороны, если судить по словамъ самооборонявшихся, представляютъ величайшее однообразіе и что замѣчательнѣе всего это то, что всѣ эти самооборонявшіеся не только успѣваютъ всегда благополучно выйти изъ бѣды и избѣгнуть будто бы грозившей ихъ жизни опасности, но, въ большинствѣ случаевъ, ухитряются при этомъ не получить ни одной царапины. И наконецъ, самое замѣчательное, что большинство этихъ самооборонъ совершается ни въ какихъ нибудь уединенныхъ мѣстахъ и глухихъ проселкахъ, а происходитъ среди деревень и городскихъ площадей, близь стѣнъ собственныхъ домовъ, при десяткахъ и сотняхъ свидѣтелей, слѣдовательно, при такихъ самооборонахъ, каждый разъ, самымъ настоятельнымъ образомъ, возникаетъ вопросъ—была-ли нужна самооборона и не могъ-ли вышесказанный Исмаилъ, не прибѣгая къ кинжалу и ружью, обратиться къ защитѣ мѣстнаго или ближайшаго начальства (ст. 101 ул.).

Однимъ словомъ, за много лѣтъ собственной нашей судебной практики въ закавказьѣ и изъ свѣдѣній добытыхъ другимъ путемъ, оказывается, что самая фактическая обстановка всѣхъ этихъ самооборонъ представляется всегда настолько мало вѣроятной, что только при большомъ желаніи можно вѣрить заявленіемъ всякихъ Исмаиловъ, Гассановъ и Гуссейновъ, о тѣхъ, во-истину, чрезвычайныхъ обстоятельствахъ, которыми обставлены эти самообороны въ закавказскомъ краѣ.

Однако прокуратуру нѣкоторыхъ судовъ никакъ нельзя упрекнуть въ недостаткѣ довѣрія къ самымъ невозможнымъ заявленіямъ. Былъ даже извѣстный намъ случай такого безграничнаго довѣрія къ самооборонявшемуся, когда товарищъ прокурора не видѣлъ ничего невѣроятнаго въ заявленіи обвиняемаго, утверждавшаго, что на него напало шесть человѣкъ съ палками и стали его бить, но самооборонявшійся оставшись совершенно невредимъ, успѣлъ вырвать,

у однаго изъ напавшихъ, палку и раскроить ему черепъ, а другаго еще поранить смертельно все тою же палкою,—послѣ чего успѣлъ благополучно уйти.

Спрашивается, могутъ-ли подобныя дѣла и вообще всѣ тѣ дѣла, въ которыхъ обвиняемые оправдываются необходимостью обороны, быть *прекращаемы* по предложеніямъ прокуратуры, внѣ судебнаго разсмотрѣнія? Могутъ-ли, говоря другими словами, лица прокурорскаго надзора предлагать суду, и притомъ именно на основаніи ст. 518 у. у. с., *невмѣнять* извѣстному лицу дѣйствительно совершенное имъ преступленіе—такъ какъ на основаніи ст. 101 уложенія, судъ, признавая фактъ совершенія преступленія извѣстнымъ лицомъ, *не вмѣняетъ* лишь сему лицу содѣяннаго въ вину, ибо, вмѣстѣ съ тѣмъ, признаетъ, что подсудимый находился въ одномъ изъ тѣхъ положеній, когда совершенное преступленіе дѣлается ненаказуемымъ.

Сопоставляя всѣ статьи закона, трактующія о необходимой обо ронѣ, со всѣми статьями закона, указывающими порядокъ прекращенія дѣлъ (ст. 92, 100, 101, 1467, 1471 улож. и ст. 518, 528 т. XV ч. 2 у. у. с.) мы полагаемъ, что прокуратурѣ не принадлежитъ право предлагать судамъ свои заключенія о прекращеніи по такимъ дѣламъ, по которымъ поводомъ къ прекращенію является невмѣненіе содѣяннаго въ вину и полагаемъ такъ по слѣдующимъ соображеніямъ.

Во всѣхъ случаяхъ, гдѣ возникаетъ вопросъ о дозволенной закономъ оборонѣ, возникаетъ вмѣстѣ съ тѣмъ вопросъ о дѣйствительной ея необходимости, или что тоже самое, вопросъ о невозможности прибѣгнуть, въ виду угрожавшей опасности, къ защитѣ мѣстнаго или ближайшаго начальства. Рядомъ съ этимъ всегда еще стоитъ вопросъ о такъ называемыхъ предѣлахъ обороны. Исчисленные въ законѣ случаи, когда оборона дозволена и преступленіе признается ненаказуемымъ, настолько многочисленны и обставлены, по существу, столь трудно уловимыми признаками—что при ссылкѣ обвиняемыхъ на необходимость прибѣгнуть къ самозащитѣ, за исключеніемъ лишь весьма рѣдкихъ случаевъ, почти всегда рождается сомнѣніе—дѣйствительно-ли безъ самозащиты было невозможно обойтись?!

Нужно-ли указывать, что уже самая справедливость требуетъ, чтобы такое сомнѣніе было разрѣшено самымъ тщательнымъ, самымъ разностороннимъ образомъ и преступленіе не вмѣнялось бы

въ вину только при несомнѣнной доказанности, что миновать и избѣгнуть его нельзя было никакимъ способомъ.

Достаточно указать на эластичность такихъ понятій, какъ „опасность для жизни", „опасность для здоровья или свободы", чтобы уразумѣть, что субъективныя воззрѣнія играютъ во всѣхъ этихъ случаяхъ первенствующую роль. Еще растяжимѣе, еще эластичнѣе представляется такое понятіе, какъ *невозможность* прибѣгнуть къ защитѣ ближайшаго начальства или напр. такое понятіе, какъ покушеніе на цѣломудріе лицъ женскаго пола—когда также разрѣшается самооборона!— Понятно, что заявленія лицъ, совершившихъ преступленіе, о томъ, что они считали себя въ опасности, или что имъ представлялось невозможнымъ обратиться за помощью къ начальству, или что имъ казалось будто покушаются на ихъ или близкихъ имъ лицъ, цѣломудріе—не могутъ быть приняты на вѣру и надъ всѣми этими: казалось, представлялось, считалось, предполагалось и проч. и проч. долженъ быть по возможности установленъ строгій и точный контроль,—такъ какъ въ результатѣ этихъ „казалось и считалось" является преступленіе и всегда правоваго свойства.

Точно также и всѣ прочіе случаи—кромѣ необходимой обороны,—когда содѣянное, согласно ст. 92 улож., также не вмѣняется въ вину,—за исключеніемъ лишь малолѣтства и безумія (п. 2, 3 ст. 92 ул.)—всегда настолько сомнительны, что одно указаніе обвиняемаго на то напр., что совершая преступленіе онъ дѣйствовалъ по принужденію отъ непреодолимой силы или что преступленіе совершено вслѣдствіе ошибки и обмана—также должны быть приняты лишь послѣ самаго строгаго разслѣдованія.

Можно сказать, что почти во всѣхъ, безъ исключенія, случаяхъ, гдѣ возбуждается вопросъ о наличности условій необходимой обороны, возможны три исхода, а слѣдовательно и три рѣшенія. Или необходимость обороны будетъ безусловно доказана и судомъ признана, или не будетъ доказана, а слѣдовательно и не будетъ признана, или наконецъ—необходимость обороны будетъ доказана, но вмѣстѣ съ тѣмъ будетъ признано, что оборонявшійся, тѣмъ не менѣе, не подлежитъ освобожденію отъ взысканія такъ какъ превысилъ предѣлы этой обороны и безъ крайней нужды совершилъ преступленіе.—

Такимъ образомъ, отъ разнообразнаго рѣшенія вопроса о наличности условій самообороны, можетъ воспослѣдовать и троякій исходъ

дѣла. Или преступленіе не будетъ вовсе вмѣнено въ вину содѣявшему оное и онъ будетъ оправданъ, или необходимость обороны будетъ судомъ отвергнута и подсудимый подвергается наказанію за содѣянное преступленіе, или, наконецъ, подсудимый будетъ подвергнутъ взысканію лишь за превышеніе предѣловъ необходимой обороны, но самая необходимость самозащиты отвергнута судомъ не будетъ. Отсюда выходитъ, что какъ бы дѣло ни было рѣшено, оно во всѣхъ трехъ случаяхъ не *прекращается* въ томъ смыслѣ, какъ это разумѣетъ статья 518 у. у. с, а разрѣшается путемъ чисто судебнаго процеса—ибо обвиняемый или оправдывается, или обвиняется.

Мы спрашиваемъ, уполномочены-ли суды и прокуратура замѣнять этотъ чисто судебный процесъ, процесомъ чисто кабинетнаго разсмотрѣнія—каковымъ обыкновенно разрѣшаются дѣла, направляемыя по ст. 518? Представляетъ ли этотъ послѣдній способъ разсмотрѣнія дѣлъ тѣ же гарантіи, какъ и разсмотрѣніе дѣлъ въ публичномъ гласномъ судѣ? Представляются ли эти гарантіи въ особенности при томъ порядкѣ, который установился въ судахъ, благодаря накопленію дѣлъ [1]).

И наконецъ, позволительно-ли увлекаться практическими соображеніями о большей будто-бы скорости подобнаго порядка? Позволительно ли уклоняться отъ гласнаго разсмотрѣнія этихъ дѣлъ, въ виду яко бы несправедливости публичнаго суда надъ тѣми обвиняемыми, которые дѣйствительно совершили преступленіе по крайней нуждѣ, защищаясь отъ насилія и опасности?

Мы полагаемъ, что единственный законный порядокъ разсмотрѣнія подобныхъ дѣлъ, единственный порядокъ, гарантирующій наиболѣе правильный исходъ дѣла и наиболѣе справедливое его разрѣшеніе, есть гласное, публичное разсмотрѣніе вопроса о самооборонѣ. Допустивъ прекращеніе этихъ дѣлъ на основаніи ст. 518, нѣтъ никакихъ основаній недопустить прекращенія такихъ дѣлъ и на основаніи ст. 277 и на основаніи ст. 396 уст. уг. суд. По толкованію сената, слѣдователь имѣетъ право ходатайствовать о прекра-

---

[1]) На практикѣ, несмотря на то, что каждое опредѣленіе подписывается тремя членами, изъ коихъ одинъ будто-бы *докладываетъ* дѣло остальнымъ двумъ,—разсмотрѣніе дѣлъ направленныхъ по ст. 277, 518 и пр. производится единолично членомъ—докладчикомъ, остальные же двое прикладываютъ руку не провѣряя правильности *доклада*.

щеніи всякаго дѣла, лишь бы для такого прекращенія существовалъ „разумный поводъ“ (№ 745—1871 г.), а потому нѣтъ причинъ недопустить ходатайства о прекращеніи по такому, весьма кажется разумному, поводу, какъ доказанная, хотя бы только въ глазахъ слѣдователя, самооборона.

Идя по этому пути далѣе, нѣтъ наконецъ ровно никакихъ основаній не предоставить полиціи права возбуждать вопросъ о прекращеніи дѣлъ при доказанности самообороны, ибо разъ будетъ признано, что подобныя дѣла могутъ быть разрѣшаемы какимъ-либо инымъ, кромѣ судебнаго процеса, порядкомъ, нѣтъ резона стѣснять не только слѣдователей, но и полицію, усматривать признаки самообороны, а усмотрѣвъ—ходатайствовать о прекращеніи этихъ дѣлъ.

Этотъ порядокъ даже представлялъ бы, пожалуй, свои весьма цѣнныя преимущества, ибо никто не станетъ спорить, что и полиція, ранѣе всѣхъ приступающая къ дѣлу и слѣдователь, распоряжающійся ходомъ слѣдствія, имѣютъ въ своихъ рукахъ тѣ данныя, указывающія на необходимость обороны, которыя лишь впослѣдствіи будутъ въ разсмотрѣніи прокурорскаго надзора и на сторонѣ полиціи и слѣдователя имѣется уже то преимущество, что они ранѣе прокуратуры усмотрятъ ненаказуемость преступленія, а слѣдовательно, не привлекая обвиняемаго напрасно къ отвѣтственности, ранѣе же могутъ возбудить ходатайство о прекращеніи дѣла. Этимъ путемъ, всѣ обвиняемые въ преступленіяхъ, совершенныхъ при самооборонѣ, будутъ вполнѣ избавлены и отъ нахожденія подъ слѣдствіемъ и отъ состоянія подъ судомъ, что, по мнѣнію сторонниковъ прекращенія дѣлъ прокуратурой, будто бы такъ тягостно и такъ несправедливо. Но коль скоро ни за полиціей, ни за слѣдователями, непризнается права ходатайствовать о прекращеніи такихъ дѣлъ, то мы не знаемъ на основаніи какого закона это право принадлежитъ прокуратурѣ, и утверждаемъ, что на основаніи ст. 518 уст. уг. суд. это право ей, прокуратурѣ, не принадлежитъ [1]). Слѣдовательно, остается разрѣшать эти дѣла въ публичныхъ засѣданіяхъ и этотъ порядокъ, какъ мы уже сказали выше, есть, по мнѣнію нашему, единственно -правильный.

---

[1]) Впрочемъ намъ извѣстно, что въ закавказскихъ окружныхъ судахъ были случаи, когда слѣдователи, признавая наличность самообороны, ходатайствовали предъ окружными судами о прекращеніи этихъ дѣлъ, на основаніи ст. 277 и 396 уст. угол. суд. и ходатайства эти были уважены.

Собственно говоря и нѣтъ никакихъ препятствій именно такъ разрѣшать дѣла о самооборонахъ. Установленію прочнаго, а главное единообразнаго въ этомъ отношеніи порядка, болѣе всего препятствуютъ излишнія опасенія, что суду подвергнутся яко бы такіе совершенно невинные люди, которые дѣйствительно вынуждены были необходимостью совершить преступленіе. Говорятъ, что эти яко бы невинные люди, хотя бы и короткое время, но все-таки понесутъ тѣ непріятныя и неизбѣжныя послѣдствія, которыя соединены съ привлеченіемъ къ слѣдствію и преданіемъ суду и тѣ, которые это говорятъ, утверждаютъ, что избѣгнуть этого такъ легко — недоводя лишь дѣло до суда.

Для большей убѣдительности при этомъ обыкновенно приводятъ разные поразительные примѣры въ родѣ того, что губернаторъ убилъ наповалъ какого-нибудь негодяя, бросившагося на его превосходительство съ намѣреніемъ учинить какое-нибудь насиліе; или указываютъ на не менѣе поразительные примѣры собственноручной расправы какой-нибудь другой высокопоставленной особы съ покусителемъ на жизнь или имущество этой особы. Что же, спрашиваютъ сторонники *прекращенія* дѣлъ о самооборонѣ,—вы и губернатора и особу посадите на скамью подсудимыхъ и заставите ихъ, предъ судомъ доказывать, что они совершили преступленія защищаясь отъ нападенія и покушенія? За что же — вопрошаютъ сторонники прекращенія — вы будете судить этихъ высокопоставленныхъ лицъ и какою статьею закона будетъ руководствоваться обвинитель?

Засимъ, сторонники прекращенія также указываютъ на разные чрезвычайные случаи защиты женской чести и женскаго цѣломудрія. Выводятъ для примѣра какого-нибудь оскорбленнаго мужа или брата, рисуютъ ихъ какъ очевидцевъ разныхъ ужасовъ, совершенныхъ надъ ихъ женами или сестрами и, изобразивъ густыми красками законную ярость и неистовство какого-нибудь феноменальнаго кровопролитія возглашаютъ: „И этихъ оскорбленныхъ мужей и братьевъ вы будете также держать на скамьѣ подсудимыхъ и у васъ поднимется рука судить этихъ невольныхъ преступниковъ".

На всѣ эти вопросы мы могли бы отвѣтить, что ни губернаторы ни особы не избавлены отъ увлеченій и имъ свойственно, какъ и прочимъ смертнымъ, преувеличивать тѣ опасности, въ которыхъ они находятся, что равнымъ образомъ не избавлены отъ этаго и разъя-

ренные очевидцы нарушителей женской чести и цѣломудрія — и кажется не нужно особенно доказывать, что тѣ и другіе могутъ считать себя въ опасности, не будучи въ дѣйствительности въ таковой и что тѣ и другіе, могутъ, находясь въ дѣйствительной опасности, превысить безъ нужды предѣлы необходимой обороны. Но главное, мы можемъ сказать, что выставляя всѣ эти поразительные и чрезвычайные случаи забываютъ, что эти случаи никакъ не могутъ служить какимъ-либо мѣриломъ при оцѣнкѣ случаевъ менѣе поразительныхъ и менѣе чрезвычайныхъ, съ особами не столь высокопоставленными какъ губернаторы и проч. и при обстоятельствахъ далеко не столь убѣдительныхъ и ясныхъ.

Больше всего указываютъ на оскорбительность сидѣнія на скамьѣ подсудимыхъ, въ сознаніи своей невиновности и на стѣснительность принимаемыхъ, противъ такихъ невинныхъ обвиняемыхъ, мѣръ пресѣченія. Но что касается послѣдняго, то возраженіе это никакъ не серьезно, потому во первыхъ, что и при томъ порядкѣ, который отстаиваютъ сторонники *прекращенія*, — мѣры пресѣченія все-таки принимаются слѣдователями и остаются въ силѣ вплоть до того момента, когда направленное по ст. 518 дѣло разрѣшится судомъ, — а на это часто требуется немало времени, — а во вторыхъ, по силѣ самаго закона (ст. 424 уст. уг. суд.), принимаемая мѣра пресѣченія сообразуется съ силою уликъ и строгостью угрожающаго наказанія, а потому мѣры эти могутъ регулироваться отъ самой сильнѣйшей до самой слабѣйшей и никто не воспрещаетъ слѣдователю принять противъ обвиняемаго именно самую слабую мѣру, при вѣроятности и большей или меньшей доказанности, что приписываемое ему преступленіе совершено въ самооборонѣ.

При томъ же опасеніе подвергнуть временному стѣсненію тѣхъ лицъ, которыя лишь ссылаются на необходимость обороны, но пока еще не успѣли доказать этой необходимости, не можетъ затмить собою высшихъ интересовъ правосудія, требующихъ обстоятельнаго выясненія истины. Опасенія эти представляются тѣмъ болѣе излишними и неумѣстными, что исключивъ мало вѣроятные случаи съ губернаторами и особами, остаются тѣ случаи, когда изъ 100 заявленій о необходимости обороны, не менѣе какъ въ 99 (а на Кавказѣ во всѣхъ ста заявленіяхъ) вопросъ о самооборонѣ является въ столь запутанномъ и сомнительномъ видѣ, что только въ порядкѣ публичнаго суда—и ни въ какомъ иномъ—вопросъ этотъ можетъ быть разрѣшенъ болѣе или менѣе удовлетворительно.

Достаточно уже того, что при каждомъ дѣлѣ о самооборонѣ, требуется вполнѣ точно выяснить, что единственнымъ мотивомъ преступленія была именно самооборона и болѣе ничего, и что никакихъ другихъ побужденій не было примѣшано при совершеніи преступленія,—чтобы понять всю тонкость того анализа, который приходится продѣлывать суду чтобы добиться истины, а если вспомнить что къ самооборонѣ прибѣгають преимущественно при такой обстановкѣ, когда самообороняющійся не можетъ сослаться на свидѣтелей и когда, слѣдовательно, всѣ заключенія суда основываются главнымъ образомъ на показаніи самаго же обвиняемаго, да на оцѣнкѣ тѣхъ мертвыхъ фактовъ, которые составляютъ такъ называемую обстановку происшествія,—то понятно, что только гласный судъ, съ его перекрестными допросами и свободой въ разъясненіи обстоятельствъ дѣла. могутъ привести къ болѣе или менѣе безошибочному заключенію была-ли самооборона или совершено преступленіе и нужна-ли была эта самооборона или можно и должно было обойтись безъ нея.

Нельзя при этомъ забыть и тѣхъ весьма возможныхъ случаевъ, когда съ дѣлами о преступленіяхъ въ самооборонѣ, могутъ быть связаны гражданскіе иски. Эти иски могутъ быть предъявлены къ совершителю преступленія какъ со стороны самихъ потерпѣвшихъ, такъ и со стороны ихъ родныхъ и близкихъ. Что эти иски особенно возможны и вѣроятны въ тѣхъ случаяхъ, когда оборонявшійся превзошелъ предѣлы обороны—это понятно. При недопущеніи на предварительномъ слѣдствіи повѣренныхъ гражданскихъ истцовъ, потерпѣвшій или его родственники весьма заинтересованы въ представленіи суду доказательствъ отсутствія условій необходимой обороны, и если бы подобныя дѣла не разсматривались публично, а заканчивались бы по прокурорскимъ заключеніямъ, то такіе гражданскіе истцы, какъ лишенные всякихъ способовъ опровергать объясненія обвиняемаго, были бы поставлены въ крайне затруднительное и даже безвыходное положеніе.

Наконецъ, исходя изъ того положенія, что при разсмотрѣніи вопроса о самооборонѣ дѣло разрѣшается не иначе какъ по существу, укажемъ на тотъ случай, когда такое разсмотрѣніе по существу будетъ произведено не въ первой, а во второй инстанціи, а это случится именно тогда, когда окружный судъ не согласится съ заключеніемъ прокуратуры о прекращеніи дѣла, по доказанности самообороны и, согласно ст. 528 у. у. с.,—направитъ такое

дѣло въ судебную палату для разрѣшенія пререканія, — а палата, разрѣшая такое пререканіе, коснется существа дѣла т. е. вопроса доказана или недоказана самооборона и слѣдовательно, постановитъ рѣшеніе по существу дѣла—между тѣмъ, какъ такого рѣшенія въ первой инстанціи не было, такъ какъ несогласіе окружнаго суда на прекращеніе дѣла не есть еще разсмотрѣніе по существу.

Такимъ образомъ, ни выводами теоріи, ни соображеніями практическихъ удобствъ и выгодъ, нельзя оправдать такого направленія дѣлъ о преступленіяхъ, совершенныхъ въ самооборонѣ, когда эти дѣла, не доходятъ до публичнаго и гласнаго суда, а оканчиваются по прокурорскимъ заключеніямъ, какъ заканчивается масса дѣлъ, „по недостатку уликъ,“ „неосновательности обвиненія“ и проч. т. е. такихъ дѣлъ, которыя ни въ какомъ случаѣ не могутъ быть приравниваемы къ дѣламъ о преступленіяхъ въ самооборонѣ,—а потому весьма желательно, чтобы интересы правосудія не приносились въ жертву весьма сомнительнымъ практическимъ удобствамъ и чтобы дѣла о преступленіяхъ, прекращаемыхъ по недостатку уликъ и проч.—никакъ не приравнивались къ дѣламъ, гдѣ не можетъ быть и рѣчи о недостаточности уликъ или неосновательности обвиненія.

Таковы-же, насколько намъ извѣстно, и воззрѣнія кассаціоннаго сената. Въ извѣстномъ намъ рѣшеніи сената, касающемся этого вопроса (1868 г. № 877), сенатъ высказалъ,—что „причины невмѣненія, указанныя въ ст. 92 ул. о нак. только тогда могутъ служить основаніемъ избавленія отъ наказанія лицъ, совершившихъ преступленія, когда причины эти до того очевидны, что не оставляютъ никакого сомнѣнія въ томъ, что совершенное преступленіе не можетъ быть признано результатомъ разумной и свободной воли, какъ напр. преступленія малолѣтнихъ и сумашедшихъ.“ Другія же причины невмѣняемости, по мнѣнію сената, далеко не имѣютъ той очевидности и часто заявляются съ цѣлью избѣгнуть наказанія, а потому освобожденіе виновныхъ отъ отвѣтственности можетъ, въ этихъ случаяхъ, послѣдовать только по судебному приговору, когда собранныя предварительнымъ слѣдствіемъ улики уже провѣрены на судебномъ слѣдствіи, въ присутствіи сторонъ, и когда дѣло выяснилось, насколько возможно для человѣческаго правосудія. „*Къ числу такихъ причинъ невмѣненія относится*, по словамъ сената, и *необходимая оборона*.“—

Сколько извѣстно, сенатъ отъ этого взгляда не отступалъ и от-

ступить отъ него, ради эфемерныхъ соображеній объ удобствахъ и интересахъ нѣкоторыхъ лицъ, было бы несправедливо.—Такъ или иначе. всякій совершившій, хотя бы и при самооборонѣ, какое либо убійство или только пораненіе, является предъ лицомъ закона не инымъ чѣмъ какъ преступникомъ, оправданія и объясненія котораго должны быть провѣрены столь же строго, сколь и всесторонне. И въ этомъ, какъ во всѣхъ другихъ случаяхъ, гдѣ возникаетъ обвиненіе въ преступленіи, должны быть представлены оправданія и объясненія обвиняемаго и отъ этой обязанности не должны избавлять ни званіе, ни положеніе въ обществѣ. По нашему мнѣнію, только въ странахъ, гдѣ власть слаба и безсильна, только тамъ, гдѣ бездѣйствіе или слабость такой власти водворяетъ и узаконяетъ самосудъ,—только тамъ можетъ быть допущенъ тотъ легкій взглядъ на преступленія въ самооборонѣ,—который приводится сторонниками примѣненія, въ этихъ случаяхъ, ст. 518 с. у. с.,—но разъ власть прочна и нормально организована, но разъ учрежденія, призванныя предупреждать и пресѣкать преступленія, соотвѣтствуютъ своему назначенію—случаи необходимой обороны (и особенно при сотняхъ постороннихъ глазъ) должны представляться рѣдкими, исключительными явленіями—и понятно, что случаи эти должны быть выяснены, какъ толкуетъ сенатъ, „насколько возможно для человѣческаго правосудія“ т. е. путемъ публичнаго, гласнаго суда.

Въ Закавказскомъ же краѣ придерживаться этихъ воззрѣній слѣдуетъ тѣмъ строже, что здѣсь „необходимая оборона“ стала обычнымъ спутникомъ чуть ли не каждаго преступленія противъ личности и, съ легкой руки гг. адвокатовъ, даже наши дикіе кочевники успѣли затвердить этотъ юридическій терминъ и уже достаточно ловко научились подгонять подъ необходимую оборону свои многочисленныя пораненія и убійства,—въ особенности послѣднія.—

О ПРИМѢНЕНІИ СТ. 97 и 98-Й УСТ. УГОЛ. СУД.

Въ области нашей мировой юстиціи мы нерѣдко встрѣчаемся съ такими, имѣющими значеніе вопросами, которые находясь, такъ сказать, in embrio, ждутъ своего разрѣшенія, и которые требуютъ серьезнаго обсужденія съ точки зрѣнія права вообще и практики въ частности. Постепенное и внимательное разсмотрѣніе этихъ во-

просовъ не можетъ быть признано излишнимъ, ибо, благодаря тѣмъ или другимъ недостаткамъ, имѣющимъ мѣсто въ первой мировой инстанціи, съѣзды мировыхъ судей и даже кассаціонный сенатъ, какъ извѣстно, въ излишествѣ обременены такими дѣлами, которыя, при устраненіи тѣхъ или другихъ недостатковъ первой инстанціи, могли-бы или вовсе не затрогивать послѣднихъ, или, покрайней мѣрѣ, дойти до возможнаго минимума.

На этотъ разъ коснемся вопроса о примѣненіи ст. 97 и 98-й уст. угол. суд. Въ послѣдней изъ этихъ статей закона читаемъ: „Въ случаѣ отсутствія священника, мировой судья допрашиваетъ свидѣтелей безъ присяги, напомнивъ имъ объ обязанности показать по чистой совѣсти имъ извѣстное, и отобравъ отъ нихъ подписку, что они показанное ими, въ случаѣ требованія которой-либо изъ сторонъ, готовы подтвердить подъ присягою". Если сопоставить эту статью уст. угол. суд. съ предшествующею ей 97-ю, по которой свидѣтели (за исключеніемъ случаевъ, означенныхъ въ статьяхъ 94—96-й) допрашиваются „по приведеніи ихъ къ присягѣ", въ случаѣ неосвобожденія отъ нея по взаимному согласію сторонъ, то станетъ вполнѣ яснымъ, что допросъ свидѣтелей безъ присяги, съ отобраніемъ отъ нихъ подписки, составляетъ необходимое лишь исключеніе, допускаемое закономъ „въ случаѣ отсутствія священника", а между тѣмъ, въ мировой практикѣ это, необходимое въ извѣстномъ только случаѣ, *исключеніе*, сплошь да рядомъ обратилось въ *правило*: ни одинъ мировой судья не допрашиваетъ свидѣтелей подъ присягою. Вмѣстѣ съ тѣмъ, весьма рѣдко отбирается ими отъ послѣднихъ требуемая закономъ подписка; въ протоколѣ записывается только, что такой-то свидѣтель обязывается или готовъ показаніе свое подтвердить присягою.

Съ перваго уже взгляда на разсматриваемый предметъ очевидно, что такіе пріемы при отправленіи мировымъ судьею своихъ обязанностей, въ данномъ случаѣ, не соотвѣтствуютъ требованіямъ положительнаго закона; но независимо отъ этого, такіе пріемы влекутъ за собой еще неисправимыя, въ большей части случаевъ, погрѣшности и затрудненія. Это потому, что если свидѣтель, при самомъ возникновеніи дѣла, допрашивается лишь подъ напоминаніемъ о присягѣ, то къ показанію такому, безприсяжному, самособой, нельзя отнестись съ тѣмъ довѣріемъ, какое заслуживаетъ показаніе, данное подъ присягою. Оно и понятно: присягнувъ, свидѣтель имѣетъ нравственную обязанность показывать одну правду,

не увлекаясь посторонними обстоятельствами; къ этому тогда приневоливаетъ его не только святость принятой присяги, но еще и напоминаніе судьи объ уголовной отвѣтственности, которой онъ, по закону, подвергается за нарушеніе своей обязанности показывать правдиво.

Такъ какъ въ мировой инстанціи власть судить сосредоточена въ рукахъ одного лица, то поэтому чѣмъ точнѣе обставленъ перво начальный допросъ свидѣтеля, тѣмъ больше гарантій для правосудія и слѣдовательно тѣмъ меньше посягательствъ на совѣсть допрашиваемаго. Это и важно, въ особенности если примемъ во вниманіе, что всякое развитіе, хорошее и дурное, идетъ именно отъ зародыша.... Погоня-же за ускореніемъ производства, вслѣдствіе невызова мировымъ судьею священника, понятно, тутъ же не можетъ имѣть мѣста. Это—разъ. Во-вторыхъ, если даже допустимъ, что въ съѣздѣ мировыхъ судей, при передопросѣ свидѣтеля подъ присягой, можетъ быть провѣрено данное имъ у мироваго судьи показаніе, то однако этому довѣряться безусловно весьма опасно; иной и подъ присягою здѣсь уже не измѣнитъ сущности своего первоначальнаго показанія, изъ опасенія подвергнуться законной отвѣтственности за прежнее. Далѣе, свидѣтель, по тѣмъ или другимъ побужденіямъ, можетъ въ съѣздѣ и вовсе отказаться отъ отвѣта, отговариваясь запамятованіемъ обстоятельствъ, о которыхъ онъ свидѣтельствовалъ у мироваго судьи, и ссылаясь только на данное уже имъ прежде показаніе.

Судебное рѣшеніе, говорили еще римскіе юристы, есть истина, стремленіе къ осуществленію которой, въ самомъ началѣ процеса, прибавимъ мы, должно быть присуще мировымъ судьямъ, прежде всего. Это и берется въ соображеніе закономъ, требующимъ, чтобы въ результатѣ не могли получиться невѣрные итоги судебной администраціи. Вотъ почему положительный законъ и предписываетъ мировымъ судьямъ допрашивать свидѣтелей подъ присягою, дѣлая отъ этого *общаго* правила только *исключеніе*, на случай отсутствія священника; но и тогда, по закону, отбирается отъ свидѣтеля подписка, что онъ впослѣдствіи, въ случаѣ надобности, подтвердитъ свое показаніе присягою. Что только этому, закономъ установленному порядку, при допросѣ свидѣтелей, долженъ слѣдовать мировой судья—это доказывается и 163 ст. уст. угол. суд., въ силу которой „свидѣтели, допрошенные мировымъ судьею подъ присягою, при разборѣ дѣла въ мировомъ съѣздѣ, вновь не прися-

гаютъ". Отъ несоблюденія-же этого, закономъ указаннаго порядка, и происходятъ всѣ тѣ затрудненія, которыя подчасъ неблагопріятно вліяютъ на ходъ и исходъ производящихся у мировыхъ судей дѣлъ.

И такъ, съ какой-бы стороны ни посмотрѣть на несоблюденіе мировыми судьями требованій 97 и 98 ст. уст. угол. суд., нельзя не видѣть, что это приноситъ дѣлу не пользу (даже въ смыслѣ ускоренія производства, какъ, вѣроятно, думаютъ сами судьи), а вредъ. По этому самому сенатъ, по дѣлу Пильмана съ Ивицкимъ (рѣш. угол. кассац. д—та 1866 г. № 17) призналъ категорически, что законъ (97 и 98 ст. уст. угол. суд.) *обязываетъ* мировыхъ судей допрашивать свидѣтелей подъ присягою и что въ случаѣ лишь отсутствія священника, судья обязанъ отбирать отъ нихъ подписки въ томъ, что они готовы подтвердить свои показанія присягой, причемъ, съ одной стороны, неисполненіе этого составляетъ нарушеніе одной изъ существенныхъ формъ и обрядовъ судопроизводства, а съ другой—одно упоминаніе въ протоколѣ, что тѣ или другіе, изъ числа свидѣтелей, готовы показанія свои подтвердить присягой, недостаточно: необходимо и въ этомъ случаѣ, согласно 98 ст., приложить къ дѣлу подписку о томъ. Изъ этого очевидно, что сенатъ призналъ исполненіе мировыми судьями ст. 97 и 98 уст. угол. суд. предметомъ не послѣдней важности, а требованіе о пріобщеніи къ дѣлу подписки, въ случаѣ *дѣйствительнаго* отсутствія священника, само-собой, указываетъ на то, что въ этой подпискѣ должна быть точно удостовѣрена причина, по которой въ камеру мироваго судьи къ разбирательству дѣла не могъ прибыть священникъ, или почему именно послѣдній и вовсе не былъ приглашенъ. Такимъ образомъ, въ томъ и другомъ случаѣ, причина неприбытія священника должна быть точно обозначена въ протоколѣ и удостовѣрена надлежащимъ порядкомъ, иначе причина неприведа мировымъ судьей свидѣтелей, въ потребныхъ случаяхъ, къ установленной присягѣ, ничѣмъ не оправдается.

Какъ ни ясна и несомнѣнна польза отъ строгаго соблюденія 97 и 98-й ст. уст. угол. суд., мы видимъ однакоже, что отступленіе въ этомъ отношеніи отъ справедливыхъ требованій этихъ законовъ, сдѣлалось у мировыхъ судей не исключеніемъ, а правиломъ, въ силу котораго они отнюдь не считаютъ даже для себя обязательнымъ приглашеніе священника для привода допрашиваемыхъ свидѣтелей къ присягѣ, и что съѣзды мировыхъ судей, на это немаловажное въ интересахъ правосудія и юридическаго здравомыслія

обстоятельство, не обращаютъ должнаго вниманія, обходя этотъ вопросъ молчаніемъ.

Обращая вниманіе на эту сторону предмета, сенатъ разъяснилъ даже то, что именно слѣдуетъ разумѣть подъ выраженіемъ закона „въ случаѣ отсутствія священника“. Такъ, въ рѣшеніи своемъ по дѣлу Ханыкиной, онъ высказалъ, что подъ употребленнымъ въ законѣ о приводѣ къ присягѣ (уст. угол. суд. ст. 98) выраженіемъ „въ случаѣ отсутствія священника“, должно разумѣть тѣ случаи, когда въ мѣстѣ пребыванія судьи не находится священника или когда послѣдній, по исполненію своихъ обязанностей, находится въ отсутствіи (суд. уст. съ излож. разсужд., на коихъ они основаны, часть первая, стр. 61), причемъ, такъ какъ, по силѣ 3 п. ст. 142 уст. угол. суд., въ протоколѣ должно быть означено приведеніе свидѣтелей къ присягѣ, то изъ этого слѣдуетъ, что если они не были приведены къ присягѣ, то судья обязанъ о причинѣ, по которой почему-либо невозможно было исполнить требованій по этому предмету закона, объяснить въ протоколѣ. Отсюда ясно, что сенатъ, въ силу прямаго смысла закона, находитъ возможнымъ допросъ у мироваго судьи, въ извѣстныхъ случаяхъ, свидѣтелей безъ присяги лишь тогда, когда въ мѣстѣ пребыванія судьи не находится священника или когда послѣдній отсутствуетъ по исполненію своихъ обязанностей; но и въ этомъ случаѣ, причина недопроса свидѣтелей подъ присягою должна быть надлежащимъ образомъ объяснена въ протоколѣ. Противъ правомѣрности такого именно порядка нельзя и спорить, ибо это составляетъ необходимость самой сути мироваго разбирательства, къ наилучшему осуществленію котораго и направлены воля законодателя и его конечная цѣль. Къ тому-же исполненіе справедливыхъ требованій закона можетъ, даже въ значительной степени, облегчить самаго мироваго судью, какъ экспонента разумныхъ стремленій общества, къ достиженію возможной правды и справедливости, въ борьбѣ съ тѣми трудностями, которыя необходимо встрѣчаются въ практической его дѣятельности.

П. Лякубъ.

О НАСЛѢДОВАНІИ ПО ЗАКОНАМЪ ЦАРСТВА ПОЛЬСКАГО.

Наслѣдство (ab intestato), по дѣйствующему въ Царствѣ Польскомъ законодательству, переходитъ къ наслѣдникамъ по силѣ самого закона, по правилу le mort saisit le vif. Это общее правило Наполеонова кодекса, подверглось значительному ограниченію съ введеніемъ ипотечнаго устава въ 1818 г. Для пріобрѣтенія, путемъ наслѣдованія, ипотечно обезпеченныхъ правъ, по ст. 125 упомянутаго устава, необходимо наслѣдственное производство. Въ существенныхъ чертахъ оно состоитъ въ слѣдующемъ: каждое заинтересованное лицо вправѣ представить въ ипотечное отдѣленіе актъ о смерти наслѣдодателя, а засимъ открывается наслѣдственное производство, внесеніемъ въ подлежащій отдѣлъ ипотечнаго указателя словъ: „производится дѣло о наслѣдствѣ". Вслѣдъ за этимъ, дѣлаются двоекратныя объявленія объ открывшемся наслѣдствѣ, въ трехмѣсячныхъ промежуткахъ, при чемъ назначается шести мѣсячный срокъ для явки заинтересованныхъ лицъ. По истеченіе этого срока, ипотечное отдѣленіе разсматриваетъ представленныя доказательства, перечисляя право собственности или другое обезпеченное ипотекой право, на имя доказавшаго свои наслѣдственныя права. Въ случаѣ возникновенія спора, ипотечное отдѣленіе предоставляетъ спорящимъ разрѣшить ихъ споръ судебнымъ порядкомъ. Такъ какъ почти всѣ сельскія недвижимыя имущества [1]) и большая часть городскихъ, имѣютъ устроенную ипотеку, ипотечный кредитъ развитъ, то естественно, въ большинствѣ случаевъ, переходу наслѣдства къ наслѣдникамъ предшествуетъ наслѣдственное производство, составляющее въ сущности утвержденіе въ правахъ наслѣдства. Внѣ этого производства, дѣйствующему въ Царствѣ Польскомъ законодательству, неизвѣстно утвержденіе въ правахъ наслѣдства. При наслѣдованіи дитятей, рожденнымъ внѣ брака, пережившимъ супругомъ и государствомъ, оно до извѣстной степени замѣняется вводомъ ихъ во владѣніе, который можетъ послѣдовать лишь на основаніи опредѣленія суда, по совершеніи установленныхъ публикацій.—Несомнѣнно, отсутствіе излишнихъ формальностей при переходѣ наслѣдства, весьма полезно для народнаго хозяйства, удобно для частныхъ лицъ и вмѣстѣ съ тѣмъ слагаетъ ненужное бремя

---

[1]) Исключеніе составляютъ земли, отведенныя крестьянамъ на основаніи Высочайшаго указа отъ 19 февраля 1864 г.

съ судебныхъ учрежденій. Дѣйствительная жизнь, въ большинствѣ случаевъ, оправдываетъ вышеупомянутое общее правило; тѣмъ не менѣе, она же намѣтила цѣлый рядъ случаевъ, гдѣ утвержденіе въ правахъ наслѣдства или соотвѣтствующее ему производство, крайне необходимы. Напр., когда наслѣдникъ замѣняетъ лицо наслѣдодателя какъ кредитора; такіе случаи представляются сплошь и рядомъ; они повторяются постоянно, когда наслѣдственные капиталы хранятся въ кредитныхъ учрежденіяхъ и въ особенности въ Польскомъ банкѣ. И это понятно: должникъ освобождается отъ обязательства, когда онъ платитъ дѣйствительному кредитору; уплата ненадлежащему кредитору даетъ должнику право обратнаго требованія, но не освобождаетъ его отъ отвѣтственности предъ дѣйствительнымъ кредиторомъ. Въ случаѣ смерти кредитора, какая существуетъ гарантія для должника, что предъявляющій требованіе объ уплатѣ долга, дѣйствительный и единственный наслѣдникъ кредитора?

Этотъ вопросъ, въ особенности, имѣетъ мѣсто въ случаѣ смерти кредитора по договору поклажи (ст. 1939 код. Нап.).

Польскій банкъ и Варшавское земское кредитное общество постоянно отказываютъ наслѣдникамъ въ выдачѣ наслѣдственныхъ капиталовъ, безъ надлежащаго опредѣленія суда; между тѣмъ, судъ не находитъ въ законѣ рѣшительно никакихъ указаній вправѣ-ли онъ и обязанъ-ли предпринимать въ такихъ случаяхъ какое-либо производство.

Практика старыхъ судовъ допускала въ такихъ случаяхъ допросъ свидѣтелей, на основаніи показаній которыхъ постановлялись опредѣленія о правѣ на наслѣдство.

По такимъ опредѣленіямъ, кредитныя учрежденія выдавали наслѣдственные капиталы безпрепятственно. Въ настоящее время практикуется способъ въ высшей степени обременительный, какъ для кредитныхъ учрежденій, такъ и для частныхъ лицъ Во многихъ случаяхъ кредитныя учрежденія вовсе отказываются платить, обращая свои отношенія съ частными лицами на общій исковый путь; рѣшаясь нести всѣ издержки процесса для избѣжанія риска неправильной уплаты. Въ большинствѣ случаевъ, Польскій банкъ требуетъ опредѣленія суда объ отказѣ въ допросѣ свидѣтелей и утвержденіи въ правахъ наслѣдства, а затѣмъ, по представленіи заинтересованнымъ лицомъ поручителей, производитъ платежъ.

Нѣтъ надобности указывать какого рода неудобствамъ и лишеніямъ подвергаются въ такихъ случаяхъ заинтересованныя лица и

въ особенности бѣдные. Подать въ судъ прошеніе, нанять адвоката, уплатить гербовый сборъ, получить копію опредѣленія объ отказѣ, найти поручителей—и все это нерѣдко для того, чтобы получить сумму ниже 100 р. с —Недавно былъ такой случай съ матерью умершаго солдата: ей слѣдовало получить изъ банка сто рублей, хранившіеся на имя покойнаго сына. Я полагаю, она израсходовала не менѣе пятидесяти руб., чтобы добыть изъ банка сто руб., быть можетъ единственные!—Устранить эти неудобства возможно только законодательнымъ порядкомъ, установивъ извѣстныя правила объ утвержденіи въ правахъ наслѣдства, не нарушая припципа le mort saisit le vif, установленнаго кодексомъ и вошедшего въ юридическое сознаніе здѣшняго населенія. Правила эти могли бы быть установлены, въ видѣ исключенія, допуская производство объ утвержденіи въ правахъ наслѣдства, лишь въ случаѣ представившейся надобности, по просьбамъ заинтересованныхъ лицъ. Ст. 36 уст. объ особыхъ произв. содержитъ въ себѣ правило, по которому мировой судья или гминный судъ, по просьбѣ заинтересованныхъ лицъ, могутъ сдѣлать публикацію объ открывшемся наслѣдствѣ; но какое значеніе имѣютъ такія публикаціи—останется неизвѣстнымъ, вслѣдствіе чего практика не можетъ въ должной мѣрѣ воспользоваться этимъ правиломъ. Во всякомъ случаѣ, скораго разрѣшенія этого вопроса требуетъ жизнь.—

П.

ПРИВЛЕЧЕНІЕ КЪ ОБВИНЕНІЮ

СОСТОЯЩАГО НА ДѢЙСТВИТЕЛЬНОЙ СЛУЖБѢ ОФИЦЕРА

(Этюдъ изъ слѣдственной практики).

Порядокъ производства предварительныхъ слѣдствій по обвиненію состоящихъ на дѣйствительной службѣ офицеровъ, въ преступленіяхъ, некасающихся нарушеній военной дисциплины и притомъ совершенныхъ въ мѣстностяхъ, ненаходящихся въ исключительномъ вѣдѣніи военныхъ властей, на практикѣ нерѣдко возбуждаетъ недоразумѣнія.—Недоразумѣнія эти происходятъ главнымъ образомъ отъ того, что въ законѣ нѣтъ ясныхъ и опредѣленныхъ по этому предмету указаній.—Постановленія, касающіяся производства предварительныхъ слѣдствій по упомянутымъ дѣламъ, крайне сжаты, сбивчивы и разбросаны,—что порождаетъ разно-

образныя и совершенно произвольныя ихъ толкованія. Уставы 20-го ноября 1864 года не заключаютъ въ себѣ ни малѣйшаго намека на то, что предварительныя слѣдствія, по дѣламъ этого рода, производятъ судебные слѣдователи, состоящіе при окружныхъ судахъ. Постановленія, изложенныя въ ст. 1261—1270 уст. уг. суд. (изд. 1876 года) касаются случаевъ смѣшанной подсудности и нисколько не разъясняютъ порядка производства предварительныхъ слѣдствій въ тѣхъ случаяхъ, когда суду подлежатъ исключительно лица военнаго званія. Указанія по этому предмету имѣются лишь въ уставѣ военно-судебномъ. Въ ст. 390 означеннаго устава, сказано: „предварительное слѣдствіе о проступкахъ и преступленіяхъ, подлежащихъ вѣдѣнію военныхъ судовъ, производится военнымъ или судебнымъ слѣдователемъ, при содѣйствіи военнаго начальства или полиціи, и при наблюденіи, по принадлежности, прокуроровъ и ихъ помощниковъ, военнаго или гражданскаго вѣдомства". — Въ ст. 405 указано, въ какихъ именно случаяхъ производство слѣдствія поручается военному слѣдователю, а именно: 1) по нарушеніямъ военно-служащими законовъ дисциплины и военной службы, хотя-бы въ нарушеніяхъ этихъ участвовали лица гражданскаго вѣдомства, и 2) по проступкамъ и преступленіямъ однихъ военно-служащихъ, неотносящимся до нарушеній законовъ дисциплины и военной службы, совершеннымъ въ мѣстахъ, состоящихъ въ исключительномъ вѣдѣніи военнаго начальства, или же въ мѣстахъ, состоящихъ въ вѣдѣніи общей полиціи, но между одними воинскими чинами, во время отправленія ими обязаннестей службы. Затѣмъ, въ ст. 407 значится: „По всѣмъ прочимъ, неупомянутымъ въ статьѣ 405, общимъ преступнымъ дѣяніямъ военно-служащихъ, предварительное слѣдствіе производится, въ подлежащихъ случаяхъ, на общемъ основаніи, судебными слѣдователями гражданскаго вѣдомства." Судебный слѣдователь, въ практикѣ котораго не встрѣчалось случая ознакомиться съ этимъ предметомъ или которому не приходилось изучать устава военно-судебнаго, можетъ и не подозрѣвать даже, что на немъ лежитъ обязанность производства предварительнаго слѣдствія и по нѣкоторымъ преступленіямъ военно-служащихъ, подлежащимъ разсмотрѣнію суда военнаго.

Желательно было-бы, чтобы, во избѣжаніе недоразумѣній, при предполагаемомъ пересмотрѣ устава уголовнаго судопроизводства, коммисіей, занятой изысканіемъ мѣръ къ устраненію недостатковъ слѣдственной части, было обращено вниманіе на этотъ пробѣлъ устава.

Пробѣлъ этотъ восполнялся-бы до нѣкоторой степени, если-бы хотя въ уставѣ военно-судебномъ имѣлись, по данному предмету, постановленія вполнѣ ясныя, не возбуждающія сомнѣній. Но дѣло въ томъ, что и постановленія устава военно-судебнаго, относительно самаго порядка производства слѣдствій судебными слѣдователями о преступленіяхъ, совершенныхъ военно-служащими вообще, а въ въ особенности офицерами, представляются сбивчивыми.—

Мы намѣрены коснуться лишь предварительныхъ слѣдствій надъ состоящими на дѣйствительной службѣ офицерами, въ той мѣрѣ, въ какой мы наталкивались на недоразумѣнія, въ собственной практикѣ.

Въ уставѣ военно-судебномъ, въ главѣ второй „о предварительномъ слѣдствіи", подъ рубрикою „законныхъ поводовъ къ начатію слѣдствія," въ ст. 423, между прочимъ, сказано: „*Слѣдствіе надъ состоящимъ на дѣйствительной службѣ офицеромъ, судебный слѣдователь начинаетъ не иначе, какъ по предварительномъ соглашеніи съ подлежащимъ военнымъ начальникомъ, которому сообщаетъ о представляющихся къ возбужденію слѣдствія поводахъ.*" Категоричность и кажущаяся опредѣленность этой статьи, взятой въ отдѣльности, приводитъ къ тому выводу, что раньше начатія слѣдствія о преступленіи, совершенномъ офицеромъ, состоящимъ на дѣйствительной службѣ, судебный слѣдователь долженъ войти въ соглашеніе съ начальникомъ обвиняемаго офицера.—Не указано лишь, кого слѣдуетъ понимать подъ „подлежащимъ" начальникомъ,—но это вопросъ второстепенный. Само собою разумѣется, что здѣсь дѣло идетъ о непосредственномъ начальникѣ. Выводъ о необходимости предварительнаго соглашенія, раньше приступа къ самому слѣдствію, находитъ себѣ какъ-бы подтвержденіе въ слѣдующей, 424 статьѣ, въ которой значится: „Когда, по полученіи означеннаго въ предшедшей статьѣ сообщенія, военный начальникъ признаетъ, что есть достаточныя основанія *къ начатію слѣдствія*, то дѣлаетъ немедленно распоряженія о явкѣ обвиняемаго къ слѣдствію, въ противномъ же случаѣ, о причинахъ, по коимъ полагаетъ не подвергать подчиненнаго ему офицера слѣдствію, извѣщаетъ прокурора, состоящаго при окружномъ судѣ." Между тѣмъ, если сопоставить статью 423 съ другими статьями устава военно-судебнаго, то окажется, что статья эта исключаетъ цѣлесообразность примѣненія другихъ постановленій, относящихся къ тому же предмету и идетъ какъ-бы въ разрѣзъ съ ними. Въ статьѣ 253, находя-

щейся подъ рубрикою „о предѣлахъ дѣйствія и власти военныхъ начальниковъ въ обнаруженіи и преслѣдованіи преступленій и проступковъ,“ сказано:

„Дознанія о преступленіяхъ и проступкахъ и распоряженія о предварительномъ слѣдствіи по онымъ, принадлежатъ военнымъ начальникамъ:

1) когда военно-служащими нарушены законы дисциплины и военной службы, хотя-бы въ этомъ нарушеніи участвовали лица гражданскаго вѣдомства, а равно, когда преступленія или проступки военно-служащихъ хотя неотносятся до нарушенія законовъ дисциплины и военной службы, но учинены въ мѣстахъ, состоящихъ въ исключительномъ вѣдѣніи военнаго начальства;

2) когда проступки и преступленія, неотносящіяся до нарушеніи законовъ дисциплины и военной службы, совершены хотя въ мѣстахъ, несостоящихъ въ исключительномъ вѣдѣніи военнаго начальства, но между одними воинскими чинами во время отправленія ими обязанностей службы, и

3) когда преступленіе и проступки совершены лицами гражданскаго вѣдомства, въ мѣстѣ, состоящемъ въ исключительномъ вѣдѣніи военнаго начальства“.

Согласно ст. 395-й, „Дознанія о проступкахъ и преступленіяхъ совершаемыхъ военно-служащими въ мѣстѣ, состоящемъ въ вѣдѣніи общей полиціи, и некасающихся нарушенія законовъ дисциплины, за исключеніемъ случая, упомянутаго во 2 п. 253 статьи, производятся полиціей“. На основаніи 396 статьи, „полиція обязана сообщить военному начальству подлежащее свѣдѣніе, какъ о начатомъ его дознаніи, такъ и о передачѣ его произведеннаго дознанія судебному слѣдователю или мировому судьѣ“. Наконецъ, на основаніи 397 статьи,—„дознаніе передается полиціею непосредственно военному начальству во всѣхъ случаяхъ, когда противузаконныя дѣйствія военно-служащихъ *не требуютъ производства предварительнаго слѣдствія судебнымъ слѣдователемъ* и неподлежатъ разбору мировыхъ судей“.

Изъ перечисленныхъ постановленій, на ряду съ буквальнымъ содержаніемъ 423 ст. уст. воен. суд., заслуживаютъ особаго вниманія, въ отношеніи къ разсматриваемому нами предмету,—во 1-хъ, то обстоятельство, что дознанія о преступленіяхъ, совершенныхъ военно-служащими, по которымъ предварительныя слѣдствія должны производить судебные слѣдователи гражданскаго вѣдомства,

прямо поступаютъ къ симъ послѣднимъ, помимо начальства обвиняемыхъ, и во 2-хъ, что уставъ военно-судебный, возлагая на военное начальство обязанность дѣлать распоряженія о производствѣ предварительнаго слѣдствія, въ подлежащихъ случаяхъ, черезъ военнаго слѣдователя, не дѣлаетъ указанія на то, чтобы право это распространялось и на тѣ случаи, когда предварительное слѣдствіе должно быть произведено судебнымъ слѣдователемъ гражданскаго вѣдомства, т. е. не указываетъ, чтобы военное начальство могло требовать отъ судебнаго слѣдователя производства слѣдствія о преступленіи, совершенномъ военно-служащимъ.

При сопоставленіи всѣхъ этихъ статей, рождается прежде всего вопросъ,—какую-же цѣль имѣетъ законъ, дѣлая постановленіе о томъ, чтобы дознанія о преступленіяхъ и проступкахъ, совершаемыхъ военно-служащими въ мѣстахъ, состоящихъ въ вѣдѣніи общей полиціи, и некасающихся нарушенія законовъ дисциплины,—поступали прямо къ судебнымъ слѣдователямъ, если возбужденіе слѣдствій надъ состоящими на дѣйствительной службѣ офицерами, зависитъ отъ разрѣшенія военнаго начальства? Почему инціатива возбужденія такихъ слѣдствій возложена на судебныхъ слѣдователей? Почему военное начальство, получивъ увѣдомленіе полиціи о передачѣ дознанія судебному слѣдователю, остается безучастно до тѣхъ поръ, пока послѣдній не возбудитъ вопроса о слѣдствіи? Наконецъ, какъ понимать 407 ст. уст. военн. суд., гдѣ сказано, что судебные слѣдователи производятъ слѣдствіе о военно-служащихъ *на общемъ основаніи?*

Не подлежитъ сомнѣнію, что примѣненіе на практикѣ всѣхъ этихъ постановленій, при буквальномъ толкованіи 423 ст. уст. воен. суд., неминуемо должно порождать затрудненія, которыя вредно отзовутся на ходѣ предварительныхъ слѣдствій. Въ большинствѣ случаевъ бываетъ необходимо принимать безотлагательныя мѣры, какъ для констатированія слѣдовъ преступленія, такъ и собранія уликъ противъ виновныхъ, а между тѣмъ, если основываться на буквальномъ смыслѣ упомянутой 423 статьи, судебный слѣдователь не имѣетъ права ничего дѣлать, безъ предварительнаго сношенія съ начальникомъ офицера, заподозрѣннаго въ совершеніи преступленія.—Такого рода сношеніе, въ особенности, если возникнетъ пререканіе, предусмотрѣнное во второй половинѣ 424 ст. уст. военн. суд., когда вопросъ объ основаніяхъ къ возбужденію слѣдствія можетъ быть представленъ даже на усмотрѣніе военнаго министра,

для сношенія съ министромъ юстиціи, можетъ породить безконечную переписку. Передача полиціей дознанія судебному слѣдователю, останется безполезною, а постановленіе 407 ст. уст. военн. суд.—мертвой буквой? Пока будетъ происходить переписка, съ цѣлью получить согласіе военнаго начальства, дѣло должно оставаться внѣ вѣдѣнія какой-бы то ни было власти.—Полиція, если слѣдователь находится въ мѣстѣ совершенія преступленія (напр. въ томъ городѣ, гдѣ совершилось преступленіе), послѣ передачи дознанія, не сочтетъ себя вправѣ предпринимать какія-либо дальнѣйшія мѣры, въ интересахъ дѣла; военное начальство—безучастно, а судебный слѣдователь долженъ выжидать соглашенія. Здѣсь кстати упомянуть, что въ военно-судебномъ уставѣ нѣтъ указаній на то, чтобы полиція, производя дознанія о военно-служащихъ, пользовалась правами, предоставленными ей 256—259 ст. уст. угол. суд. Сомнѣніе въ этомъ отношеніи возбуждаютъ статьи 399—402, которыя, представляя почти точный списокъ съ 256—259 ст. уст. уг. суд., относятся исключительно къ военнымъ властямъ,—а военное начальство, какъ указано выше, производитъ дознаніе лишь по тѣмъ преступленіямъ, по которымъ производство предварительныхъ слѣдствій возлагается на военныхъ слѣдователей.—

Кто-же, въ самомъ дѣлѣ, долженъ заботиться о судьбѣ дѣла, иногда весьма серьезнаго, пока между судебнымъ слѣдователемъ и военнымъ начальствомъ состоится соглашеніе?

Наконецъ, что дѣлать судебному слѣдователю съ дознаніемъ, когда, послѣ пререканія во всѣхъ инстанціяхъ, совсѣмъ не послѣдуетъ разрѣшенія на возбужденіе слѣдствія? Въ ст. 424, между прочимъ, сказано: „Если прокуроръ согласенъ съ мнѣніемъ военнаго начальника, то сообщаетъ судебному слѣдователю о прекращеніи дѣла“. Не говоря о томъ, что такое распоряженіе противурѣчило-бы основнымъ началамъ власти прокуратуры, по которымъ „прокуроръ не можетъ собственною своею властью ни измѣнить порядка подсудности дѣла, хотя-бы оно и получило незаконное направленіе, ни прекратить или пріостановить слѣдствіе по неосновательности обвиненія или другимъ законнымъ причинамъ“ (518 ст. уст. угол. суд.), оно поставило-бы судебнаго слѣдователя въ затрудненіе относительно самаго способа исполненія этого предложенія. О прекращеніи по 277 ст. уст. угол. суд. здѣсь не можетъ быть рѣчи, такъ какъ по этой статьѣ прекращаются не дознанія, а произведенныя уже слѣдствія, когда судеб-

ный слѣдователь исчерпалъ всѣ средства слѣдственнаго производства, но не добился желаемаго успѣха; 309 статья также не примѣнима, такъ какъ въ ней говорится о тѣхъ сообщеніяхъ полиціи, въ которыхъ судебный слѣдователь самъ не находитъ достаточныхъ основаній къ производству предварительнаго слѣдствія,—и поэтому ее нельзя распространять на тѣ случаи, когда по мнѣнію слѣдователя такія основанія имѣются. Прекращать производства по дознаніямъ собственною властью судебный слѣдователь права не имѣетъ,—и выйдетъ, что ему рѣшительно некуда будетъ сбыть переписку. Оставить у себя,—также нельзя, такъ какъ всякое сообщеніе полиціи о совершившимся преступленіи или проступкѣ, должно получить извѣстное, законное направленіе.

Всѣ эти затрудненія относятся преимущественно къ формальной сторонѣ дѣла; но, на ряду съ ними, буквальный смыслъ 423 ст. уст. воен. суд. вызываетъ другія неудобства, болѣе серьезныя, вредно вліяющія на внутреннюю сторону дѣла, т. е. на самое существо производства предварительныхъ слѣдствій.

Извѣстно, что въ большинствѣ случаевъ, при возникновеніи уголовныхъ дѣлъ, во время самаго приступа къ слѣдствію, виновныхъ въ виду не имѣется. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ дѣлаются лишь болѣе или менѣе вѣроятныя предположенія о виновныхъ,—предположенія, которыя при производствѣ слѣдствія очень часто совершенно видоизмѣняются и представляютъ дѣло въ иномъ видѣ, чѣмъ оно казалось въ началѣ. Дѣла, по которымъ виновность заподозрѣнныхъ несомнѣнно устанавливались-бы при полицейскомъ дознаніи, представляютъ собою явленія исключительныя,—а точное констатированіе факта преступленія, съ выясненіемъ степени виновности лица заподозрѣннаго и другихъ соучастниковъ,—явленіе почти небывалое.

Обратимся къ разсмотрѣнію тѣхъ случаевъ, когда виновные при возникновеніи дѣла неизвѣстны. Тутъ, во время приступа къ слѣдствію, имѣется въ виду одинъ лишь голый фактъ преступленія, о которомъ полиція сообщитъ судебному слѣдователю, на общемъ основаніи, согласно 250 ст. уст. уг. суд. Если, затѣмъ, путемъ слѣдствія выяснится, что преступленіе, составляющее предметъ разслѣдованія, совершено состоящимъ на дѣйствительной службѣ офицеромъ, то, спрашивается, можетъ-ли военное начальство, придерживаясь буквальнаго толкованія 423 ст. уст. воен. суд., считать права офицера нарушенными, ссылаясь на то, что предварительное

слѣдствіе начато безъ должнаго соглашенія съ его начальникомъ, и можетъ-ли подлежать удовлетворенію требованіе о возобновленіи слѣдственныхъ дѣйствій? Полагаемъ—нѣтъ, такъ какъ слѣдствіе начато было на законномъ основаніи, почему всѣ слѣдственныя дѣйствія должны почитаться дѣйствительными, имѣющими свою силу и значеніе. Такимъ образомъ, мы видимъ, что сама практика ставитъ иногда судебнаго слѣдователя въ неизбѣжную, ничѣмъ неотразимую необходимость, въ силу, такъ сказать, естественнаго теченія дѣлъ, касаться преступныхъ дѣйствій состоящаго на дѣйствительной службѣ офицера, безъ предварительнаго соглашенія съ начальствомъ послѣдняго. Мы говоримъ: касаться преступныхъ дѣйствій офицера,—придавая этому выраженію буквальное значеніе, т. е. разслѣдывать дѣйствія офицера уже заподозрѣннаго, собирать противъ него улики. Въ тѣхъ случаяхъ, когда при возникновеніи дѣла имѣется въ виду одинъ лишь голый фактъ преступленія, данныя, по которымъ впослѣдствіи обнаруживаются виновные, являются не вдругъ, а постепенно, иногда въ теченіи продолжительнаго времени. Сперва, какъ говорятъ, наклевывается нѣчто въ родѣ уликъ, получаются самыя ничтожныя указанія, являются догадки и предположенія. И все это, мало-по-малу, восполняется, освѣщается новыми фактами и, наконецъ, получаетъ форму стройныхъ, сильныхъ уликъ, дающихъ полное основаніе привлечь заподозрѣнное лицо къ обвиненію. Спрашивается, съ какого-же момента судебный слѣдователь, согласно 423 ст. уст. воен. суд., долженъ, въ такихъ случаяхъ, входить въ соглашеніе съ начальникомъ заподозрѣннаго офицера? Неужели съ того момента, когда только-что явилось извѣстное предположеніе о виновности офицера? Это было-бы, по меньшей мѣрѣ, неблагоразумно. Во первыхъ, судебный слѣдователь самъ не вполнѣ еще убѣжденъ въ виновности офицера и начальникъ заподозрѣннаго, вслѣдствіе шаткости основаній къ обвиненію, не далъ-бы согласія на производство слѣдствія,—во вторыхъ,—и это главнѣе всего,—причастность офицера къ дѣлу и вообще выяснившіяся слѣдствіемъ данныя, получили-бы преждевременную огласку, что весьма вредно повліяло-бы на дальнѣйшій ходъ дѣла. Въ тѣхъ случаяхъ, когда дѣло выясняется путемъ продолжительныхъ слѣдственныхъ дѣйствій, когда приходится провѣрять и сопоставлять разныя обстоятельства, дѣлать розыски,—огласка немыслима. Осторожный слѣдователь даже своему сыщику не довѣряетъ извѣстныхъ комбинацій дѣла, а направляетъ его на

производство тѣхъ или другихъ розысковъ такъ, что-бы онъ и не догадывался о цѣли данныхъ ему порученій. Важныя, серьезныя дѣла, напр.—объ убійствахъ, поджогахъ и т. п., въ особенности, когда виновными являются лица болѣе или менѣе интеллигентныя, обдуманно скрывающія слѣды преступленія,—только такимъ путемъ и возможно раскрыть Какое-же здѣсь можетъ быть соглашеніе съ начальникомъ заподозрѣннаго офицера, если это соглашеніе неминуемо должно облечься въ форму переписки, пройти черезъ горнило разныхъ канцелярій и прежде, чѣмъ осуществиться, получить огласку, что несомнѣнно и безвозвратно испортитъ весь предшествовавшій трудъ судебнаго слѣдователя? Полученіе секретныхъ соглашеній тѣмъ болѣе неудобно. Тутъ, прежде всего, необходимы были-бы личное знакомство и хорошія отношенія между военнымъ начальникомъ и. судебнымъ слѣдователемъ. Затѣмъ, какъ бы ни было близко это знакомство, при самыхъ хорошихъ отношеніяхъ, невозможно ставить судебнаго слѣдователя въ необходимость посвящать, по секрету, военнаго начальника въ ходъ слѣдствія, выяснять ему получившіяся указанія на виновность подчиненнаго ему офицера и испрашивать разрѣшенія вести дальше слѣдствіе въ томъ же направленіи. Это тотъ заколдованный кругъ, изъ котораго не выведетъ никакая регламентація и одна лишь цѣлесообразность дѣйствій можетъ указать, когда и въ какой формѣ, судебный слѣдователь долженъ обратиться къ начальнику заподозрѣннаго офицера. До того же, когда этотъ моментъ наступитъ, судебный слѣдователь долженъ касаться участія офицера въ дѣлѣ, безъ всякаго соглашенія съ военными властями; удостовѣриться, насколько падающее на офицера подозрѣніе основательно; выяснить—можетъ быть это подозрѣніе только кажущееся, можетъ быть за плечами офицера стоитъ другой, настоящій виновникъ, который, пока будетъ выполняться обрядъ соглашенія, успѣетъ скрыться, а соглашеніе останется послѣ пустой формальностью.

Далѣе, на практикѣ возможны такіе случаи: совершается извѣстное преступленіе, о которомъ полиція, на общемъ основаніи, сообщаетъ судебному слѣдователю. Пока отправлялось сообщеніе, полиціей дознано, что преступленіе совершено состоящимъ на дѣйствительной службѣ офицеромъ, но объ этомъ послѣднемъ обстоятельствѣ полиція замедлитъ донести слѣдователю. Между тѣмъ, къ слѣдствію приступлено, произведены нѣкоторыя слѣдственныя дѣйствія, напр. осмотръ вещественныхъ доказательствъ и т. п. Въ пра-

вѣ-ли будетъ военный начальникъ ссылаться на то, что слѣдствіе начато безъ его согласія? Тутъ такое же положеніе, какъ и въ предъидущемъ примѣрѣ, съ той лишь разницей, что и виновный былъ сразу извѣстенъ, но судебный слѣдователь не получилъ объ этомъ своевременно увѣдомленія.

Могутъ встрѣчаться, такъ сказать, и случаи исключительные. Нетрудно представить себѣ, что офицеръ совершитъ преступленіе при такой обстановкѣ, что званіе его не будетъ извѣстно,—напр., если онъ, почему-либо, будетъ носить штатское платье. Слѣдствіе начнется на общемъ основаніи, будутъ собираться улики и, затѣмъ, то обстоятельство, что дѣло касается офицера, обнаружится лишь въ то время, когда необходимо будетъ призвать его для допроса въ качествѣ обвиняемаго. Спрашивается, какое здѣсь можетъ быть соглашеніе съ начальникомъ офицера? Какъ поступить судебному слѣдователю, если къ нему будетъ доставленъ задержанный на мѣстѣ преступленія и вполнѣ уличенный убійца или поджигатель, который на вопросъ о своей личности отвѣтитъ, что онъ — состоящій на дѣйствительной службѣ офицеръ, если притомъ въ подтвержденіе этого заявленія не будетъ въ виду никакихъ доказательствъ? Вѣдь заявленіе его о своемъ званіи можетъ быть и ложно!

Выясненіе званія обвиняемаго идетъ, на ряду съ другими слѣдственными дѣйствіями, совершенно самостоятельно. Кто производитъ слѣдствіе, тому извѣстно, какимъ метаморфозамъ подвергается иногда предполагаемое званіе обвиняемаго. Для констатированія званія, обыкновенно, требуются документы или письменныя свѣдѣнія, изъ какого-либо офиціальнаго учрежденія. Пока же нѣтъ несомнѣнныхъ на этотъ счетъ данныхъ, званіе обвиняемаго будетъ лишь предполагаться, или на основаніи его голословнаго заявленія, или другихъ, недокументальныхъ свѣдѣній. Званіе офицера должно быть удостовѣрено, если не послужнымъ его спискомъ, то, по крайней мѣрѣ, письменнымъ отзывомъ его начальства. Одна же офицерская форма, такъ сказать, наружная оболочка, можетъ ввести въ заблужденіе. Въ самомъ дѣлѣ, если человѣкъ, одѣтый въ офицерскую форму, совершаетъ преступленіе, то что же можетъ служить ручательствомъ, что это именно офицеръ, а не человѣкъ другаго званія, прикрывающійся лишь офицерской формой? Собираніе справокъ къ открытію настоящаго званія подозрѣваемаго, можетъ замедлить ходъ дѣла, а между тѣмъ, очень часто, необходимо предпринимать безотлагательныя слѣдственныя дѣйствія. Будетъ-ли

простительно судебному слѣдователю, если онъ не произведетъ никакихъ слѣдственныхъ дѣйствій, лишь въ виду того, что подозрѣваемый одѣтъ въ офицерскую форму, впредь до выясненія его званія, — и чѣмъ вознаградить и потерю времени, и возможность разслѣдовать дѣло на горячихъ порахъ, если впослѣдствіи окажется, что предполагаемый офицеръ ложно именуетъ себя этимъ званіемъ?

Обратимся теперь къ примѣрамъ, которые чаще другихъ могутъ встрѣчаться на практикѣ, а именно, когда при самомъ возникновеніи дѣла получаются указанія на виновность состоящаго на дѣйствительной службѣ офицера. Мы сказали уже выше, что виновность заподозрѣнныхъ лицъ почти никогда не обрисовывается сразу, вполнѣ, въ надлежащемъ видѣ. Весьма и весьма часто случается, что подозрѣніе, падающее сначала на извѣстное лицо, при дальнѣйшемъ производствѣ предварительнаго слѣдствія совершенно устраняется и, вмѣсто первоначально заподозрѣннаго, дѣйствительно виновнымъ является совершенно другое лицо Это понятно. При возникновеніи дѣла, въ особенности серьезнаго, розыски почти всегда производятся съ лихорадочной поспѣшностью; схватываются тамъ и сямъ отрывочныя свѣдѣнія; дается мѣсто разнымъ предположеніямъ. Какое-нибудь, подчасъ, случайное указаніе на виновность извѣстнаго лица, въ этомъ наскоро добытомъ матерьялѣ, ведетъ къ тому что всѣ дальнѣйшіе розыски направляются исключительно къ этому намѣченному, такъ сказать, лицу. Нерѣдко случается, что такого рода комбинаціи устраиваются весьма искусно настоящимъ преступникомъ, для отвода отъ себя подозрѣнія, и въ то время, когда розыски идутъ по ложному пути, виновникъ преступленія успѣваетъ скрыть всѣ слѣды своего дѣянія, обезпечиваетъ за собой безопасность и въ концѣ концовъ смѣется надъ правосудіемъ. И затѣмъ, только путемъ тщательнаго слѣдствія выясняется, часто поздно уже, что первоначальные розыски шли по ложному пути; что заподозрѣнное лицо было жертвой ошибочныхъ и поспѣшныхъ заключеній, или искусно устроеннаго отвода. Въ такихъ случаяхъ, требуемое 423 ст. уст. воен. суд. соглашеніе, раньше приступа къ слѣдствію, будетъ не только пустой и безполезной формальностью, но, главнѣе всего, напрасно затормозитъ ходъ дѣла. Тутъ можетъ иногда быть потеряно золотое время, которое впослѣдствіи ничѣмъ нельзя будетъ вознаградить. Благо если соглашеніе послѣдуетъ скоро, а если возникнутъ несогласія и бу

дутъ исчерпаны всѣ пути, указанные въ 424 ст. уст. воен. суд., тогда пройдетъ не мало времени. Но, это не все. Каково будетъ положеніе судебнаго слѣдователя, если, получивъ разрѣшеніе приступить къ предварительному слѣдствію, онъ, произведя нѣсколько слѣдственныхъ дѣйствій, увидитъ, что заявленное на офицера обвиненіе падаетъ по неосновательности уликъ; что преступленіе совершено другимъ лицомъ, которое успѣло уже скрыться или уничтожить все то, что могло его уличать? Такое стеченіе обстоятельствъ, безспорно, могло-бы причинить серьезный ущербъ интересамъ правосудія. Кромѣ того, страдала-бы личность совершенно неповиннаго офицера.

Прикосновенность къ уголовному дѣлу признается вообще позорной. Это тѣмъ болѣе позорно для офицера, долженствующаго всегда и вездѣ дѣйствовать подъ девизомъ чести. Съ этой точки зрѣнія понятно и постановленіе закона о вмѣшательствѣ въ ходъ слѣдствій военныхъ начальниковъ, разъ дѣло касается состоящаго на дѣйствительной службѣ офицера. Законодатель имѣлъ въ виду оградить офицеровъ даже и отъ производства надъ ними предварительныхъ слѣдствій, если къ тому нѣтъ достаточныхъ основаній. Но тутъ намъ приходится встрѣтиться съ такой дилеммой: если честь офицера не должна быть затрогиваема безъ несомнѣннаго убѣжденія въ его виновности, то спрашивается, что-же раціональнѣе,—возбуждать переписку съ военнымъ начальствомъ о всякомъ, самомъ ничтожномъ подозрѣніи, падающемъ на офицера, для того, чтобы получить соглашеніе на разслѣдованіе этого подозрѣнія, или же сообщать его начальству тогда только, когда въ виду будутъ полныя улики, неоставляющія сомнѣнія въ виновности заподозрѣннаго? Полагаемъ, что послѣднее—раціональнѣе и гуманнѣе. Сообщеніе слѣдователя о возбужденіи слѣдствія надъ офицеромъ, такъ или иначе, ложится на послѣдняго извѣстнымъ пятномъ. Тутъ возникаетъ переписка, въ канцеляріи военнаго начальника заводится дѣло. Впослѣдствіи, если даже будетъ доказано, что подозрѣніе было неосновательно, неблагопріятное впечатлѣніе все таки нелегко изглаживается. Къ тому-же военный начальникъ—для кого изъ своихъ подчиненныхъ отецъ, а для кого и вотчимъ. Офицеру будутъ ставить въ укоръ то обстоятельство, что онъ, быть можетъ самыми невинными дѣйствіями, подалъ поводъ къ подозрѣнію,—и онъ навсегда потеряетъ карьеру. Между тѣмъ, разслѣдованіе неосновательнаго подозрѣнія на офицера, въ камерѣ судебнаго слѣ-

дователя, безъ всякой переписки и огласки, клонится лишь къ выясненію истины и не только не затемнитъ служебнаго положенія офицера, но иногда будетъ неизвѣстно и самому подозрѣваемому. Возьмемъ самый простой примѣръ. Положимъ, какой-нибудь обитатель кабаковъ, озлобленный хотя-бы отказомъ въ подачкѣ на выпивку, заявляетъ на офицера обвиненіе въ грабежѣ, выставляетъ своихъ свидѣтелей и ссылается на такія обстоятельства, которыя, на первыхъ порахъ, покажутся правдоподобными. При слѣдствіи выясняется, что обвиненіе это было самой гнусной клеветой, что свидѣтели давали ложныя показанія, что никакого грабежа не было, и дѣло, таким образомъ, будетъ прекращено. Здѣсь предварительная переписка съ военнымъ начальникомъ, неминуемо влекущая за собой огласку, была-бы дѣломъ вопіющимъ.

Камера судебнаго слѣдователя это—мѣсто, гдѣ призываемыя лица, въ интересахъ правосудія и для снятія съ себя подозрѣнія, какъ на исповѣди, открываютъ свои семейныя дѣла, связи, симпатіи и антипатіи, а иногда и завѣтныя тайны, въ которыя не рѣшаются посвящать даже самыхъ близкихъ друзей. Живя среди общества, военные—тѣмъ самымъ—вовлекаются въ круговоротъ разныхъ житейскихъ случайностей, случайностей, которыя не всегда удобно подвергать огласкѣ, но откровенное раскрытіе которыхъ передъ лицомъ слѣдователя, можетъ иногда устранить самое позорное обвиненіе. Мы говорили уже о необходимости тайны при производствѣ предварительныхъ слѣдствій, въ интересахъ успѣшнаго раскрытія истины. Теперь скажемъ еще, что тайна необходима и въ интересахъ лицъ, которыя, по какому - нибудь несчастному стеченію обстоятельствъ, такъ сказать, запутываются въ дѣло. Не можетъ быть и рѣчи о томъ, что огласка инсинуаціи уголовнаго характера, возведенной на человѣка, занимающаго извѣстное положеніе въ обществѣ, пользующагося хорошей репутаціей, причинитъ ему значительный вредъ. На судебномъ слѣдователѣ лежитъ нравственная обязанность щадить, въ этомъ отношеніи, интересы прикосновенныхъ къ дѣламъ лицъ.

Затѣмъ, остановимся на такихъ случаяхъ, когда при самомъ возникновеніи дѣла, сразу, опредѣляется виновность офицера. Такъ напр., офицеръ въ многолюдномъ собраніи наноситъ кому-либо рану обнаженной саблей. Полиція сообщитъ объ этомъ мѣстному судебному слѣдователю, согласно 396 ст. уст. воен.—суд., и затѣмъ представитъ дознаніе, которымъ будетъ констатированъ лишь фактъ

нанесенія раны. Соглашеніе между военнымъ начальникомъ и судебнымъ слѣдователемъ, должно касаться извѣстнаго, опредѣленнаго преступленія, совершеннаго офицеромъ. Какъ-же слѣдователь будетъ формулировать преступленіе, которое должно быть приписано офицеру, въ данномъ примѣрѣ? Нанесеніе ранъ можетъ быть различно,—умышленное, въ запальчивости и случайное; раны могутъ быть легкія и тяжкія. Положимъ, военный начальникъ даетъ согласіе на производство слѣдствія о нанесеніи офицеромъ раны. Между тѣмъ, при слѣдствіи окажется, что тутъ былъ умыселъ на убійство. Военный начальникъ можетъ заявить впослѣдствіи, что имъ было дано разрѣшеніе на производство слѣдствія о нанесеніи офицеромъ раны, а не о покушеніи на убійство, и откажетъ въ командировкѣ офицера для дальнѣйшихъ допросовъ. При буквальномъ толкованіи 423 ст. уст. воен.—суд. и при нѣкоторой придирчивости со стороны военнаго начальства, такіе случаи возможны.

Наконецъ, если офицеръ совершаетъ преступленіе въ мѣстности, отдаленной отъ мѣста пребыванія его начальника, а, между тѣмъ, преступленіе такого рода, что можетъ быть разслѣдовано лишь по горячимъ слѣдамъ или когда необходимо предпринимать экстренныя слѣдственныя дѣйствія, какъ поступить судебному слѣдователю? Напр., по дѣлу объ убійствѣ. Тутъ необходимо немедленно произвесть вскрытіе трупа, сдѣлать обыскъ, отобрать поличное. Если слѣдователь находится на мѣстѣ преступленія, полиція немедленно передаетъ ему дознаніе и, согласно 260 ст. уст уг. суд., прекративъ свои дѣйствія, будетъ ожидать распоряженій слѣдователя. Не уже-ли судебный слѣдователь долженъ будетъ, сложа руки, смотрѣть, какъ гніетъ трупъ убитаго и изглаживаются другіе слѣды преступленія—и не въ правѣ дѣлать какія-либо распоряженія, до полученія согласія военнаго начальника, живущаго за сотни верстъ? А если военный начальникъ, въ виду какого-либо сомнѣнія, не согласится на производство слѣдствія? Едва-ли законъ можетъ имѣть въ виду такой порядокъ. Помимо этихъ неудобствъ, здѣсь могутъ быть и другія неблагопріятныя послѣдствія. Очень часто, за плечами физическаго виновника преступленія стоятъ другіе участники дѣла, прикосновенность которыхъ выясняется лишь путемъ разслѣдованія дѣйствій перваго. Если полиція сообщаетъ судебному слѣдователю, что такой-то офицеръ, тамъ-то, совершилъ убійство, то этимъ не исчерпывается еще вся обстановка

дѣла. Кто-же можетъ ручаться, что, кромѣ офицера, въ этомъ убійствѣ не участвовали другія лица? Быть можетъ обвиняемый офицеръ былъ не больше, какъ орудіе другаго, интеллектуальнаго виновника,—быть можетъ у него были пособники, выясненіе участія которыхъ измѣнило-бы даже подсудность дѣла (1261 ст. уст. ор. суд.). Ставить судьбу всего дѣла въ зависимость отъ исполненія извѣстной формальности—едва-ли возможно, и надо полагать, составители устава военно-судебнаго, редактируя 423 его статью, понимали ее далеко не такъ, какъ это кажется на первый взглядъ.

До изданія военно-судебнаго устава 1869 года, дѣйствовалъ уставъ военно-уголовный (часть пятая, свода военныхъ постановленій) 1858 года. Вторая книга этого устава—„о военномъ судѣ"—заключаетъ въ себѣ довольно подробную регламентацію относительно производства предварительныхъ слѣдствій? Для каждаго отдѣльнаго случая, военнымъ начальствомъ командировался особый слѣдователь. Во второй половинѣ статьи 102 означеннаго устава, между прочимъ, сказано: „слѣдствія о раненыхъ нижнихъ чинахъ, если они найдены будутъ внѣ казармъ, и о всякомъ буйственномъ поступкѣ или произшествіи, случающемся внѣ-же казармъ, между военно-служащими, *какого-бы они чина ни были*, производить непремѣнно полиціи при депутатѣ со стороны войскъ, и сверхъ того, всегда назначать еще къ слѣдствіямъ сего рода офицера корпуса жандармовъ, во всѣхъ мѣстахъ, гдѣ они состоятъ. Изъ *вѣдомства* полиціи исключаются такія произшествія, кои могутъ случиться внѣ казармъ, между одними воинскими чинами, во время отправленія ими обязанностей службы".—То-же самое, почти буквально, говорится въ статьѣ 76, II ч., XV т., св. зак. изд. 1857 г. (Законы о судопроизводствѣ по дѣламъ о преступленіяхъ и проступкахъ). Постановленіе, изложенное въ этихъ статьяхъ, касалось всѣхъ вообще военно-служащихъ („какого бы они чина ни были"), слѣдовательно и офицеровъ. О какомъ либо соглашеніи между военными начальниками и полиціей, производившей тогда слѣдствія, на правахъ судебнаго слѣдователя, ни въ „Уставѣ военно-уголовномъ", ни въ „Законахъ о судопроизводствѣ по дѣламъ о преступленіяхъ и проступкахъ"—не упоминается. Такъ какъ, сверхъ того, не видно, чтобы военные начальники имѣли право поручать полиціи производство слѣдствій, то остается заключить, что полиція, въ подлежащихъ случаяхъ, начинала слѣдствія о преступлені-

яхъ, совершенныхъ военно-служащими, на общемъ основаніи, безъ всякаго соглашенія съ начальствомъ виновныхъ. Къ такому заключенію приводитъ, между прочимъ, статья 126 законовъ о судопр., по которой „если обвиняемый, принадлежащій къ какому-либо особенному установленію, найденъ будетъ въ мѣстѣ, подвѣдомомъ не тому установленію, а общей городской или земской полиціи, то полиція можетъ взять его, сама собою, но обязана въ то же время извѣстить о томъ его начальство".—Необходимо было соблюдать лишь извѣстныя формальности относительно депутатовъ, но и въ этомъ отношеніи законъ дѣлалъ уступку, въ интересахъ успѣшнаго раскрытія истины. Въ ст. 112 уст. воен.—угол. сказано: „Надлежитъ приводить въ извѣстность всѣ обнаруживающія преступленія обстоятельства и признаки, и буде возможно по горячимъ слѣдамъ; почему къ изслѣдованіямъ сего рода приступать не дожидаясь даже прибытія депутата, если таковой долженъ быть, по закону, при слѣдствіи".—Особаго вниманія, въ отношеніи къ разсматриваемому нами вопросу, заслуживаетъ статья 108 устава воен.-угол., въ которой, между прочимъ, говорится:

„Для отклоненія затрудненій въ требованіи къ слѣдствіямъ офицеровъ, учинившихъ недозволенные поступки на станціяхъ, наблюдать слѣдующія правила, относительно порядка производства слѣдствій по жалобамъ почтосодержателей, ямщиковъ и станціонныхъ смотрителей, на притѣсненія и обиды со стороны проѣзжающихъ офицеровъ:

1) Въ случаѣ поступленія жалобъ, со стороны лицъ почтоваго вѣдомства, на проѣзжающихъ офицеровъ *и назначеніи почтовымъ начальствомъ производства слѣдствія* на мѣстѣ происшествія, немедленно требовать депутата отъ ближайшей воинской команды.

2) Слѣдователямъ, при самомъ приступѣ къ слѣдствію, сноситься съ ближайшимъ начальствомъ обвиняемаго офицера, непосредственно или же чрезъ инспекторскій департаментъ, о томъ, желаетъ-ли этотъ офицеръ находиться при слѣдствіи и нѣтъ-ли къ тому какого-либо препятствія".—

Статья эта не оставляетъ сомнѣнія въ томъ, что по уставу военно-уголовному 1858 года, слѣдствія надъ состоящими на дѣйствительной службѣ офицерами, могли начинаться и безъ предварительнаго соглашенія съ ихъ начальствомъ.

Съ введеніемъ института судебныхъ слѣдователей, порядокъ относительно производства слѣдствій надъ военно-служащими, ука-

занный въ уставѣ военно-уголовномъ и въ законахъ о судопроизводствѣ, по дѣламъ о преступленіяхъ и проступкахъ, не измѣнился,— и въ „наказѣ“ судебнымъ слѣдователямъ, 8-го іюня 1860 года, на этотъ счетъ не имѣется никакихъ особыхъ постановленій.

Этотъ бѣглый взглядъ на прежнія законоположенія, относящіяся къ разсматриваемому нами предмету, доказываетъ; что упоминаемое въ 423 ст. уст. воен. суд., изд. 1869 года, вмѣшательство военныхъ начальниковъ въ ходъ предварительныхъ слѣдствій, производимыхъ судебными слѣдователями гражданскаго вѣдомства, надъ состоящими на дѣйствительной службѣ офицерами, составляетъ постановленіе новое.

Составители устава угол. судопр. 20 ноября 1864 года, какъ мы упомянули въ началѣ, оставили этотъ вопросъ открытымъ и коснулись, лишь въ общихъ чертахъ, случаевъ смѣшанной подсудности.—Въ разсужденіяхъ по этому предмету, между прочимъ, сказано: „Основныя положенія преобразованія военно-судебной части удостоились Высочайшаго утвержденія. Такъ какъ развитіе ихъ составляетъ предметъ особаго закона, то въ уставѣ общаго уголовнаго судопроизводства введены такія только правила о смѣшанной подсудности, военной и гражданской, которыя, опредѣляя порядокъ производства этихъ дѣлъ, не предрѣшали бы вопросовъ, относящихся къ уставу военно-уголовнаго судопроизводства“. (Об. зап. 1867 г., стр. 162).

При составленіи проекта основныхъ положеній преобразованія военно-судной части, высказаны были слѣдующія соображенія: „Переходя къ вопросу о производствѣ слѣдствій надъ военными лицами, судебными слѣдователями гражданскаго вѣдомства, коммисія имѣя въ виду, что такъ какъ дѣла сіи относятся до такихъ только преступныхъ дѣйствій военно-служащихъ, которыя совершены въ мѣстахъ, состоящихъ въ вѣдѣніи общей полиціи, и не касаются исключительно служебныхъ предметовъ, то здѣсь *нѣтъ никакой надобности для установленія особыхъ правилъ, въ измѣненіе тѣхъ общихъ правъ и обязанностей судебныхъ слѣдователей и гражданскихъ прокуроровъ, какіе они имѣютъ;* необходимо лишь въ интересахъ службы опредѣлить правило, что гражданскіе судебные слѣдователи, приступая къ слѣдствію надъ военно-служащими или призывая къ слѣдствію кого либо изъ военныхъ, состоящихъ на дѣйствительной службѣ лицъ, по падающему на него обвиненію, обязаны, вмѣстѣ съ тѣмъ, увѣдомлять объ этомъ непосредственное его

начальство". (Сборн. законод. работъ по составленію военно-суд. устава, стр. 58).

Развивая это основное положеніе, составители военно-судебнаго устава раздѣлили подслѣдственность дѣлъ о военно-служащихъ на двѣ категоріи,—на дѣла, по которымъ производство слѣдствій возлагается на военныхъ слѣдователей, и—дѣла, по которымъ предварительныя слѣдствія должны производиться судебными слѣдователями гражданскаго вѣдомства. Установивъ, первоначально, это различіе въ 390 статьѣ, уставъ военно-судебный далѣе излагаетъ правила о производствѣ слѣдствій военными слѣдователями, дѣлъ-же другой категоріи касается какъ-бы мимоходомъ, останавливаясь на нихъ, какъ на исключеніяхъ. При этомъ, уставъ вначалѣ строго придерживается приведеннаго выше основнаго положенія, что предварительныя слѣдствія, производимыя гражданскими слѣдователями, должны подчиняться общимъ правиламъ устава уголовнаго судопроизводства. Это видно изъ статьи 253, по которой распоряженія военныхъ начальниковъ о предварительныхъ слѣдствіяхъ, не распространяются на дѣла этого рода; — 396-ой статьи, обязывающей полиціи передавать, въ подлежащихъ случаяхъ, дознанія непосредственно судебному слѣдователю (чего ни подъ какимъ видомъ не допускается по остальнымъ дѣламъ о военно-служащихъ),—и 407 статьи, буквальный смыслъ которой не оставляетъ ни малѣйшаго сомнѣнія въ томъ, что судебные слѣдователи гражданскаго вѣдомства, производятъ предварительныя слѣдствія по общимъ преступнымъ дѣяніямъ военно-служащихъ, *на общемъ основаніи*.

Строгое различіе между военно-судебными властями и судебными властями гражданскаго вѣдомства, вѣдѣнію которыхъ, въ извѣстныхъ случаяхъ, должны подлежать дѣла о преступленіяхъ, совершенныхъ военно-служащими, проводится во всѣхъ начальныхъ разсужденіяхъ составителей военно-судебнаго устава. Такъ напр., говоря о властяхъ военно судебныхъ и объ отношеніяхъ ихъ къ военнымъ начальникамъ, коммисія по составленію проекта устава, высказала въ одномъ мѣстѣ (сборн. зак раб. стр. 54—56) слѣдующія соображенія: „Вся преслѣдовательная власть за преступленія, сосредоточивается въ гражданскомъ вѣдомствѣ, въ рукахъ слѣдователя и прокурора, которые могутъ вчинать слѣдствія по собственному ихъ усмотрѣнію, вслѣдствіе дошедшихъ до нихъ непосредственно свѣдѣній о преступленіи; къ нимъ-же должны поступать и всѣ жало-

бы и открываемыя полиціею свѣдѣнія относительно преступленій, *но въ военномъ вѣдомствѣ не могутъ быть поставлены въ то-же положеніе военный прокуроръ и военный слѣдователь.* Военные начальники обязаны блюсти, въ подвѣдомственныхъ имъ частяхъ, порядокъ и благочиніе, пресѣкать всякое зло, обнаруживать преступленія; для всего этого облечены они властью подвергать виновныхъ незначительнымъ наказаніямъ, въ мѣрѣ, опредѣленной дисциплинарнымъ уставомъ. При такихъ обязанностяхъ и истекающей изъ этого отвѣтственности военныхъ начальниковъ, вопросъ объ отдѣленіи власти судебной отъ власти административной, можетъ имѣть въ военномъ вѣдомствѣ лишь то значеніе, чтобы въ дѣлахъ, получающихъ, по важности ихъ, судебное движеніе, начальники устранены были отъ вліянія на ходъ и рѣшеніе этихъ дѣлъ, но въ силу лежащей на нихъ обязанности первоначальнаго обнаруженія преступленій въ мѣстахъ, состоящихъ въ исключительномъ ихъ вѣдѣніи, и въ виду власти военныхъ начальниковъ разбирать и рѣшать дѣла о маловажныхъ проступкахъ, никакъ не могутъ быть они поставлены къ органамъ военно-преслѣдовательной власти въ тѣ-же отношенія, въ какихъ должны находиться въ гражданскомъ вѣдомствѣ прокуроры и судебные слѣдователи, къ административнымъ и полицейскимъ учрежденіямъ, т. е. нельзя въ военномъ вѣдомствѣ допустить непосредственнаго, безъ вѣдома начальниковъ, дѣйствія военнаго прокурора и слѣдователя. Такое самостоятельное вмѣшательство прокурора и слѣдователя въ дѣла, подвѣдомственныя военнымъ начальникамъ, повело-бы на практикѣ къ самымъ непріятнымъ столкновеніямъ между законными органами преслѣдовательной власти и военными начальниками, и могло-бы имѣть самыя невыгодныя послѣдствія".

Въ виду этихъ соображеній, а также приведеннаго выше разсужденія о производствѣ предварительныхъ слѣдствій судебными слѣдователями гражданскаго вѣдомства, явились—съ одной стороны—постановленія о производствѣ военными начальниками дознаній по тѣмъ преступленіямъ, по которымъ предварительныя слѣдствія должны возлагаться на военныхъ слѣдователей, и статья 434, по которой „военный слѣдователь не можетъ, ни въ какомъ случаѣ, приступать къ предварительному слѣдствію иначе, какъ по сообщенію военнаго начальства", и—съ другой стороны—извѣстныя уже намъ постановленія 396 и 407 статей, которыя сохраняютъ за судебными слѣдователями гражданскаго вѣдомства общія права,

предоставленныя имъ уставомъ уголовнаго судопроизводства. И это понятно. Дѣла, подслѣдственныя военнымъ слѣдователямъ, касаются преимущественно нарушеній законовъ военной дисциплины и преступленій, совершенныхъ при отправленіи обязанностей службы или въ мѣстахъ, состоящихъ въ вѣдѣніи военныхъ властей. Все это—такія правонарушенія, которыя имѣютъ значеніе преступленій по должности, касаются организаціи и, такъ сказать, внутренняго быта военнаго вѣдомства, гдѣ проявленіе воли начальника должно имѣть первенствующее значеніе. Совершенно другое значеніе имѣютъ общія преступленія, совершаемыя военно-служащими въ мѣстахъ, несостоящихъ въ вѣдѣніи военныхъ властей. Здѣсь затрогиваются интересы не только военнаго вѣдомства, но и другихъ сословій, поэтому и производство предварительныхъ слѣдствій по такимъ дѣламъ, приравнено къ общимъ началамъ отправленія правосудія.—

Въ послѣдующихъ разсужденіяхъ, составители проекта устава военно-судебнаго, какъ-бы отступаютъ отъ изложенныхъ выше началъ; упускаютъ изъ виду различіе между правами и обязанностями слѣдователей военнаго и гражданскаго вѣдомства; проводятъ общіе принципы, которые, повидимому, должны имѣть одинаковую силу для производства слѣдствій по дѣламъ обѣихъ категорій (т. е. производимыхъ какъ военными, такъ и гражданскими слѣдователями), но, не высказываясь объ этомъ послѣднемъ обстоятельствѣ категорически, оставляютъ мѣсто сомнѣнію; иногда-же изложеніе сужденій даетъ основаніе предполагать, что все это имѣетъ значеніе лишь для дѣлъ, по которымъ предварительныя слѣдствія производятъ военные слѣдователи. Какъ образецъ подобнаго сужденія можетъ служить слѣдующая выдержка: „Вмѣсто основнаго правила судебныхъ уставовъ, что судебное преслѣдованіе возбуждается какъ должностными, такъ и частными лицами, въ уставѣ (военномъ) опредѣлено, что оно возбуждается военными начальниками. Это существенное различіе въ одномъ изъ основныхъ правилъ порядка уголовнаго преслѣдованія, проистекаетъ изъ тѣхъ особенныхъ условій военной службы, въ виду которыхъ невозможно, безъ потрясенія порядка службы и дисциплины, предоставить на долю каждаго начинать, въ военномъ вѣдомствѣ, судебное преслѣдованіе безъ вѣдома и дозволенія начальства, и *въ виду чего постановлено, что военный слѣдователь приступаетъ къ изслѣдованію не иначе, какъ по требованію военнаго начальства*, а также и военный прокуроръ

не можетъ возбуждать собственною властью слѣдственнаго производства. Согласно съ этимъ пояснено, что и въ тѣхъ случаяхъ, въ которыхъ судебное преслѣдованіе можетъ быть начато не иначе, какъ по жалобѣ частныхъ лицъ, послѣднія обращаются со своими жалобами къ военнымъ начальникамъ. Эти основныя правила, совершенно противоположныя принятымъ въ гражданскомъ вѣдомствѣ, проведены послѣдовательно въ развитіи всѣхъ постановленій устава о производствѣ слѣдствія и суда, чѣмъ ограждены интересы службы и военно-служащіе отъ произвольныхъ преслѣдованій *настолько, насколько спеціальный уставъ имѣетъ самостоятельное значеніе*". (Сборн. зак. раб. стр. 325). Послѣдняя фраза заставляетъ думать, что высказанное положеніе не относится къ тѣмъ дѣламъ, по которымъ предварительныя слѣдствія производятъ гражданскіе слѣдователи. Въ этомъ еще больше убѣждаетъ ссылка на ограниченіе одного лишь военнаго слѣдователя, въ правѣ приступать къ слѣдствію помимо военнаго начальства. Между тѣмъ, соображенія, на которыхъ основано это ограниченіе,—соображенія такою рода, какъ „потрясеніе порядка службы и дисциплины",—настолько вѣски, что должны имѣться въ виду во всѣхъ вообще случаяхъ возбужденія дѣлъ, почему можно также думать, что коммисія, высказавшая это сужденіе, относила его ко всѣмъ дѣламъ о военно-служащихъ, безъ исключенія.—Еще большее сомнѣніе, въ этомъ отношеніи, возбуждаетъ разсужденіе коммисіи на счетъ объявленій и жалобъ частныхъ лицъ. По этому предмету, между прочимъ, высказано: „Сообразно основному началу, что производство предварительнаго слѣдствія начинается *въ военномъ вѣдомствѣ* не иначе, какъ *по распоряженію* военнаго начальства, въ уставъ не включено то правило изъ устава уголовнаго судопроизводства, по которому, всякая жалоба потерпѣвшаго отъ преступленія считается достаточнымъ поводомъ къ начатію слѣдствія, съ тѣмъ, что по такой жалобѣ ни прокуроръ, ни слѣдователь не могутъ отказать въ производствѣ слѣдствія. Допущеніе подобнаго правила *по всѣмъ преступленіямъ*, въ которыхъ могутъ обвиняться военно-служащіе, ни въ какомъ случаѣ не можетъ имѣть мѣста по военному вѣдомству. Если начатіе слѣдствія поставить исключительно въ зависимость отъ желанія принесшаго жалобу, съ совершеннымъ устраненіемъ, въ этомъ случаѣ, всякой, со стороны отвѣтственнаго военнаго начальника, оцѣнки полученной жалобы, то этимъ открылся-бы для многихъ легкій, благовидный поводъ, по самымъ ничтожнымъ и даже бездоказатель-

нымъ причинамъ, объявлять, изъ непріязни, жалобы для привлеченія къ подслѣдственной отвѣтственности, ставя чрезъ это военно-служащихъ, а особенно военныхъ начальниковъ, въ самое непріятное, тяжелое положеніе. Дѣйствіе подобнаго постановленія въ войскахъ можетъ повести къ потрясенію дисциплины и къ ослабленію основнаго ея требованія—уваженія начальниковъ, а потому необходимо было при составленіи устава заимствованіе изъ судебныхъ уставовъ лишь такихъ постановленій, которыя, обезпечивая право жалобщиковъ, не ослабляютъ обязанности и власти начальства—не давать хода пустымъ, неосновательнымъ жалобамъ." (стр. 366).

Повторяемъ, во всѣхъ этихъ разсужденіяхъ замѣтно какъ-бы обобщеніе основныхъ началъ производства предварительныхъ слѣдствій, по всѣмъ дѣламъ о военно-служащихъ, безъ изъятія. Тѣмъ не менѣе, составители военно-судебнаго устава не рѣшались взять назадъ первоначально высказанные ими принципы и тѣмъ самымъ неминуемо должны были впасть въ противорѣчіе. Они особенно настаивали на томъ, что всѣ вообще жалобы на военно-служащихъ непремѣнно должны поступать къ начальству виновныхъ, упуская изъ виду, что судебные слѣдователи гражданскаго вѣдомства, производя въ подлежащихъ случаяхъ слѣдствія о военно-служащихъ, согласно 407 ст. уст. воен.—суд., *на общемъ основаніи*, обязаны руководствоваться уставомъ уголовнаго судопроизводства, по которому „жалобы почитаются достаточнымъ поводомъ къ начатію слѣдствія" (ст. 303), и что, при разграниченіи подслѣдственности дѣлъ о военно-служащихъ, признано было, что и нѣтъ никакой надобности для установленія особыхъ правилъ въ измѣненіе тѣхъ общихъ правъ и обязанностей судебныхъ слѣдователей (гражданскаго вѣдомства), какіе они имѣютъ."

Вопросъ о подачѣ жалобъ военнымъ начальникамъ, былъ предметомъ разсужденій и въ послѣдующихъ трудахъ по составленію военно-судебнаго устава. При окончательномъ обсужденіи проекта этого устава въ особомъ комитетѣ, высказаны были слѣдующія соображенія: „Въ военно-судебномъ уставѣ выражено то основное начало, что слѣдственное производство, въ военномъ вѣдомствѣ, можетъ начинаться не иначе, какъ по распоряженію военнаго начальства; при этомъ, для возможнаго огражденія правъ частныхъ лицъ, заинтересованныхъ въ обнаруженіи или раскрытіи преступленія военно-служащаго, допущенъ извѣстный порядокъ принесе-

нія жалобъ по начальству, въ случаѣ отказа со стороны военныхъ начальниковъ въ назначеніи слѣдствія, а вмѣстѣ съ тѣмъ опредѣлены, какъ участіе въ разсмотрѣніи такихъ жалобъ военнаго прокурора, такъ и разрѣшеніе ихъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ военнымъ судомъ. Тѣ-же требованія военной организаціи и особенности положенія лицъ военнаго званія въ обществѣ, которыми обусловливается означенное основное начало, не могутъ быть упущены изъ виду въ случаяхъ, когда слѣдствія надъ военно-служащими должны быть производимы въ гражданскомъ вѣдомствѣ. Положеніе нижнихъ чиновъ не вызываетъ необходимости установлять какія-либо особыя правила о порядкѣ начатія надъ ними слѣдствій судебными слѣдователями, но *привлеченіе офицеровъ* къ слѣдствію, безъ всякой оцѣнки поводовъ къ тому ихъ начальниками, было-бы несогласно съ дисциплиною и могло-бы нерѣдко, вслѣдствіе различныхъ ихъ столкновеній, подвергнуть изъ *послѣдственной отвѣтственности*, по однимъ бездоказательнымъ, предъявляемымъ изъ личной неприязни, *жалобамъ*. Для обезпеченія однако интересовъ общаго въ государствѣ уголовнаго преслѣдованія, опредѣлено, что совершенный отказъ въ *доставленіи* подчиненнаго офицера къ слѣдствію, можетъ послѣдовать со стороны военнаго начальника не иначе, какъ по соглашенію съ гражданскимъ прокуроромъ при окружномъ судѣ; если-же прокуроръ, какъ органъ общей преслѣдовательной власти въ государствѣ, признаетъ представленныя основанія отказа недостаточными, то дѣлаетъ во всякомъ случаѣ распоряженіе о производствѣ слѣдствія и по такому сообщенію прокурора *обвиняемый офицеръ* долженъ уже быть отправленъ къ слѣдствію. Военный-же начальникъ, мнѣніе котораго по этому предмету не уважено прокуроромъ, можетъ обратиться съ жалобою на такое распоряженіе по своему начальству, въ установленномъ порядкѣ. Такой порядокъ обезпечиваетъ вполнѣ интересы военной службы и обвиняемыхъ офицеровъ, такъ какъ въ случаѣ *неосновательнаго обвиненія*, высшіе военные начальники не оставятъ, конечно, такого дѣла безъ вниманія, а доведутъ о немъ до свѣдѣнія военнаго министра, который, чрезъ сношеніе съ министромъ юстиціи, можетъ всегда оказать должную защиту неправильно *привлеченному* къ слѣдствію и такимъ образомъ вполнѣ ограждаются съ одной стороны интересы военнаго вѣдомства, а съ другой — безпрепятственное отправленіе уголовнаго правосудія." (Сборн. зак. раб. стр. 882).

Результатомъ этихъ соображеній явилось извѣстное намъ постановленіе, выраженное въ 423 ст. устава воен.—суд., о соглашеніи судебнаго слѣдователя съ военнымъ начальникомъ, относительно производства слѣдствія надъ состоящимъ на дѣйствительной службѣ офицеромъ. Нетрудно усмотрѣть, что редакція этого постановленія не соотвѣтствуетъ тѣмъ соображеніямъ, на которыхъ оно основано.—Во 1-хъ, соображенія эти относятся исключительно къ возбужденію дѣлъ по жалобамъ потерпѣвшихъ, слѣдовательно онѣ не должны быть распространяемы на тѣ дѣла, которыя могутъ возникать помимо жалобъ. Что разсужденія эти касались исключительно дѣлъ, возбуждаемыхъ по жалобамъ, видно не только изъ общаго ихъ смысла, въ связи съ другими положеніями, но также и изъ того, что постановленія статей 396-й и 407-й оставлены безъ измѣненій. Иначе,—статья 407-я должна быть совершенно вычеркнута, а 396-я измѣнена въ томъ смыслѣ, что полиція обязана передавать дознанія не судебному слѣдователю, а военному начальству. Во 2-хъ, въ соображеніяхъ этихъ говорится о такомъ положеніи офицера, когда онъ является въ предварительномъ слѣдствіи въ качествѣ обвиняемаго. Комитетъ признавалъ невозможнымъ подвергать офицеровъ „послѣдственной отвѣтственности," безъ должной оцѣнки поводовъ къ тому,—желалъ поставить „обвиняемыхъ офицеровъ, подъ защиту, въ случаѣ неосновательнаго обвиненія." Ясно, что здѣсь дѣло идетъ не о приступѣ къ слѣдствію, а о привлеченіи къ обвиненію, когда наступаетъ моментъ „доставленія" офицера къ слѣдствію, какъ выражено въ мотивахъ. Такимъ образомъ, не подлежитъ сомнѣнію, что тѣ затрудненія, которыя можетъ вызывать на практикѣ упомянутое постановленіе о соглашеніи судебнаго слѣдователя съ военнымъ начальникомъ, проистекаютъ изъ неточной редакціи 423 статьи, а также изъ того, что ей отведено неподлежащее мѣсто въ уставѣ. По смыслу разсужденій, на коихъ статья эта основана, она, въ связи съ 424-й статьей, должна находиться въ отдѣленіи „О представленіи обвиняемаго къ слѣдствію."

Кромѣ всего сказаннаго, 423 статья военно-судебнаго устава, находится въ совершенномъ противорѣчіи съ имѣющимися постановленіями на счетъ смѣшанной подсудности. Въ статьѣ 1178-ой говорится: „Если въ совершеніи преступленія, неотносящагося до нарушенія законовъ дисциплины и военной службы, вмѣстѣ съ лицами гражданскаго вѣдомства обвиняются и военно-служащіе, то

дѣло о тѣхъ и другихъ, по общимъ правиламъ подсудности, подлежитъ разбору или мироваго суда, или другихъ судовъ гражданскаго вѣдомства, съ соблюденіемъ правилъ, постановленныхъ для сего въ уставѣ уголовнаго судопроизводства по гражданскому вѣдомству, въ статьяхъ 1261—1270.—"Правила-же, изложенныя въ уставѣ уголовнаго судопроизводства, изд. 1876 г. относительно дѣлъ смѣшанной подсудности, состоятъ въ слѣдующемъ: статья 1264-ая: „Полиція, въ случаяхъ, предоставленныхъ ей закономъ, можетъ задерживать подозрѣваемыхъ военно-служащихъ, наравнѣ со всѣми прочими лицами". Статья 1265-ая: „Когда окажется необходимымъ привести къ слѣдствію или суду, или взять подъ стражу лицо военнаго вѣдомства, находящееся внѣ казармъ или вообще внѣ мѣстъ, состоящихъ въ исключительномъ вѣдѣніи военнаго начальства, то полиція, мировой судья или судебный слѣдователь, сдѣлавъ надлежащее распоряженіе, увѣдомляетъ о семъ въ тоже время начальство взятаго подъ стражу". Статья 1268: „О каждомъ судебномъ преслѣдованіи, возбужденномъ противъ военно-служащаго, а также о прекращеніи слѣдствія надъ нимъ, прокуроръ сообщаетъ военному начальству". Исключенія для офицеровъ не сдѣлано. О какихъ-либо особыхъ соглашеніяхъ съ начальствомъ обвиняемыхъ нѣтъ и рѣчи. Скажемъ, мимоходомъ, что редакторы устава уголовнаго судопроизводства, въ данномъ случаѣ, нѣсколько отступили отъ принятаго ими положенія — ввести такія только правила, которыя „не предрѣшали бы вопросовъ, относящихся къ уставу военно-уголовнаго судопроизводства". Во всякомъ случаѣ, постановленія эти не отмѣнены и не только имѣютъ силу по настоящее время, но военно-судебный уставъ дѣлаетъ даже на нихъ ссылку, какъ на правила, которыя должны быть соблюдаемы при производствѣ дѣлъ смѣшанной подсудности. Изъ сравненія этихъ постановленій съ 423 ст. уст. воен.-суд., оказывается, что состоящій на дѣйствительной службѣ офицеръ, можетъ очутиться въ двухъ различныхъ условіяхъ, при производствѣ о немъ предварительнаго слѣдствія, смотря по тому, совершилъ-ли онъ преступленіе одинъ или въ сообществѣ съ лицами гражданскаго вѣдомства. Въ первомъ случаѣ, онъ какъ-бы застрахованъ отъ слѣдствія, впредь до изъявленія на то согласія военнаго начальства, въ послѣднемъ,—онъ нисколько не гарантированъ не только отъ привлеченія къ обвиненію, но даже взятія подъ стражу,—и военное начальство поставляется лишь въ извѣстность о судьбѣ офицера, какъ о фактѣ уже совершившемся.

Такая двойственность положенія, обусловливаемая чистою случайностью, безспорно, должна быть признаваема аномаліей, такъ какъ личныя права обвиняемаго, при производствѣ слѣдствія не могутъ быть ставлены въ зависимость отъ званія другихъ соучастниковъ преступленія. Надо полагать, что пробѣлъ въ уставѣ военно судебномъ относительно правъ офицеровъ, прикосновенныхъ къ дѣламъ смѣшанной подсудности, составляетъ не больше, какъ случайный недосмотръ редакторовъ этого устава. Вмѣстѣ съ тѣмъ, скажемъ, что хотя постановленіе 423 статьи, о соглашеніи судебнаго слѣдователя съ военнымъ начальникомъ, основано исключительно на соображеніяхъ о возбужденіи дѣлъ по жалобамъ потерпѣвшихъ, но разъ это постановленіе существуетъ, было - бы несогласно съ принципомъ справедливости ставить его примѣненіе въ зависимость отъ случая, а именно отъ того, какимъ путемъ судебный слѣдователь извѣстился о совершившемся преступленіи, по жалобамъ-ли потерпѣвшаго, по сообщенію полиціи или другимъ путемъ. Поэтому слѣдуетъ признать, что 423 ст. должна быть примѣняема во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда дѣло касается состоящаго на дѣйствительной службѣ офицера, по какому-бы то ни было слѣдствію, производимому судебнымъ слѣдователемъ.

Весь вопросъ въ томъ, какъ понимать эту статью?

Разъясненіе точнаго ея смысла компетентной властью, могло-бы скорѣе всего вывести изъ затрудненія по этому предмету и установить единообразное примѣненіе этой статьи на практикѣ, но, на сколько намъ извѣстно, значеніе упомянутаго въ 423 ст. военно-судебнаго устава, соглашенія между судебнымъ слѣдователемъ и военнымъ начальникомъ, не было предметомъ разъясненія ни со стороны главнаго военнаго суда, ни — кассаціонныхъ департаментовъ правительствующаго сената. По крайней мѣрѣ, мы не встрѣчали нигдѣ рѣшенія по данному вопросу. Да едва-ли этотъ вопросъ и могъ встрѣтиться въ кассаціонной практикѣ. До сената и главнаго военнаго суда доходятъ лишь дѣла, рѣшенныя по существу въ судахъ. Состоящій на дѣйствительной службѣ офицеръ, по окончаніи надъ нимъ предварительнаго слѣдствія, предается суду своимъ начальникомъ (613—616 ст. уст. воен. - суд.). Если же военный начальникъ предаетъ офицера суду, то этимъ какъ - бы погашаются всѣ погрѣшности на счетъ возбужденія дѣла (за исключеніемъ, конечно, тѣхъ, которыя стоятъ внѣ воли военнаго начальства) и такимъ образомъ, вопросъ о начатіи слѣдствія съ согласія или безъ согла-

сія военнаго начальника, съ преданіемъ обвиняемаго суду, устраняется.

Мы видѣли уже, что буквальный смыслъ 423 ст. уст. воен.-суд. противорѣчитъ другимъ постановленіямъ какъ того же устава, такъ и уст. угол. суд., и, главнѣе всего, не всегда удобопримѣнимъ на практикѣ. Тутъ, между прочимъ, рождается вопросъ: почему именно законъ ограждаетъ въ такой мѣрѣ состоящаго на дѣйствительной службѣ офицера, отъ производства чрезъ судебнаго слѣдователя? Вѣдь полиція не только имѣетъ право, но и обязана, какъ мы выше видѣли, производить дознаніе о преступленіяхъ, совершенныхъ военно-служащими, въ томъ числѣ и офицерами. Она имѣетъ право, въ извѣстныхъ случаяхъ, и задерживать заподозрѣнныхъ лицъ военнаго вѣдомства, причемъ для офицеровъ исключенія не сдѣлано (1264 ст. уст. уг. суд., изд. 1876 г.). Дознаніе—это первоначальная канва предварительнаго слѣдствія. Здѣсь разспрашиваются и очевидцы преступленія и лица заподозрѣнныя; производятся негласныя развѣдыванія относительно заподозрѣнныхъ; предпринимаются экстренныя мѣры для воспрепятствованія сокрытію слѣдовъ преступленія, а—въ извѣстныхъ случаяхъ—и такія дѣйствія, которыя имѣютъ силу слѣдственныхъ дѣйствій (ст. 258 уст. уг. суд., изд. 1876 г.). При тщательно и добросовѣстно произведенномъ дознаніи, судебному слѣдователю останется лишь провѣрить собранныя полиціей данныя. Почему же, въ самомъ дѣлѣ, судебный слѣдователь долженъ быть лишенъ возможности провѣрить эти данныя, пока на то не послѣдуетъ согласія военнаго начальника? Это тѣмъ болѣе не имѣло-бы практическаго значенія, что съ производствомъ дознанія, личность офицера уже затронута, дѣяніе его оформлено въ полицейскіе акты, дѣло могло даже получить огласку. Предварительное слѣдствіе не можетъ, такъ сказать, заклеймить заподозрѣннаго офицера въ большей мѣрѣ, чѣмъ дѣйствія полиціи; напротивъ, безпристрастный слѣдователь выяснитъ и всѣ тѣ обстоятельства, которыя могутъ смягчить вину офицера. Раньше мы сказали, что редакторы военно-судебнаго устава едва-ли имѣли въ виду создать постановленіемъ 423 статьи то положеніе, какое можно изъ нея вывести на первый взглядъ.

Чтобы убѣдиться въ этомъ, намъ необходимо еще остановиться, вкратцѣ, на существѣ предварительнаго слѣдствія.

Составляя особую фазу уголовнаго процеса и имѣя конечной цѣлью собираніе матерьяла для суда, предварительное слѣдствіе

состоитъ изъ двухъ главныхъ моментовъ: констатированія факта преступленія и привлеченія къ отвѣтственности виновныхъ. Производство предварительнаго слѣдствія, при нормальномъ его теченіи, должно идти въ такой послѣдовательности: сперва должны быть констатированы всѣ признаки преступленія, составляющаго предметъ дѣла, для того, чтобы выяснить точно, о какомъ именно преступленіи идетъ рѣчь, какое именно ему должно быть придаваемо значеніе, кѣмъ и при какихъ обстоятельствахъ оно совершено. Когда всѣ эти данныя будутъ установлены, тогда только и представляется возможнымъ войти въ обсужденіе вопроса, кто именно долженъ подлежать, по разслѣдуемому дѣлу, законной отвѣтственности. Иначе и быть не можетъ. Прежде, чѣмъ привлекать извѣстное лицо къ отвѣтственности, необходимо выяснить, дѣйствительно-ли совершилось то преступленіе, которое ему приписывается; дѣйствительно-ли это лицо совершило преслѣдуемое преступленіе или вообще причастно къ нему, и въ какой мѣрѣ, и, наконецъ, подлежитъ-ли это лицо вмѣненію. Въ большинствѣ случаевъ, на практикѣ, такъ и бываетъ. Какъ-бы нѣкоторымъ отступленіемъ отъ нормальнаго порядка являются тѣ случаи, когда полиція доставляетъ къ судебному слѣдователю, вмѣстѣ съ дознаніемъ, и обвиняемаго, задержаннаго на мѣстѣ преступленія или съ поличнымъ. Тутъ слѣдователю приходится начинать слѣдствіе съ допроса обвиняемаго. Такая поспѣшность вытекаетъ изъ обязанности судебнаго слѣдователя немедленно допросить задержаннаго виновнаго и принять противъ него мѣру къ пресѣченію ему способовъ уклоняться отъ слѣдствія и суда. Во всякомъ случаѣ, это кажущееся отступленіе нисколько не измѣняетъ общаго принципа послѣдовательности въ производствѣ предварительнаго слѣдствія. Если судебный слѣдователь признаетъ возможнымъ немедленно допросить обвиняемое лицо, то это означаетъ, что заключающіяся въ полицейскомъ дознаніи фактическія данныя, вполнѣ доказываютъ, что преступленіе дѣйствительно совершилось, что оно совершено задержаннымъ и представленнымъ къ слѣдствію лицомъ и что лицо это подлежитъ вмѣненію. Здѣсь полиція, такъ сказать, предупредила судебнаго слѣдователя, собрала матерьялъ, который впослѣдствіи придется лишь уложить въ форму, пригодную для суда. Въ томъ-же случаѣ, когда судебный слѣдователь не вполнѣ довѣряетъ даннымъ полицейскаго дознанія, когда онѣ кажутся ему сомнительными, — задержанное лицо или совершенно отпускается, или же допрашивается въ качествѣ свидѣтеля.

Если проанализировать упомянутые два момента предварительнаго слѣдствія, то необходимо придти къ тому заключенію, что

первый изъ нихъ касается извѣстнаго событія, второй —лицъ, причастныхъ къ дѣлу. Пока заподозрѣнное лицо не привлекается къ слѣдствію въ качествѣ обвиняемаго, оно стоитъ въ положеніи лица непричастнаго къ дѣлу. Это понятно. Подозрѣнія очень часто высказываются, въ особенности потерпѣвшими, произвольно, иногда въ видѣ предположеній. По дѣламъ сложнымъ. подозрѣваемые нерѣдко смѣняются одни другими, пока наконецъ не придется остановиться на лицѣ, дѣйствительно уличенномъ. Поэтому, только съ момента привлеченія лица къ обвиненію — оно становится причастнымъ къ дѣлу.

Теперь, если задаться вопросомъ, какъ понимать выраженіе — произвести слѣдствіе *надъ* извѣстнымъ лицомъ, — то, полагаемъ, единственный отвѣтъ можетъ быть: привлечь это лицо къ обвиненію, т. е. допросить его въ качествѣ обвиняемаго и принять противъ него извѣстную мѣру пресѣченія, такъ какъ только съ этихъ дѣйствій слѣдствіе переходитъ отъ факта къ лицу. Намъ могутъ возразить, что и до момента привлеченія къ обвиненію, заподозрѣнное лицо можетъ находиться въ щекотливомъ положеніи, зная, что дѣйствія его составляютъ предметъ разслѣдованія, и даже нести тяжесть извѣстныхъ, невыгодныхъ послѣдствій отъ такого положенія. Совершенно вѣрно,—но тутъ дѣло касается уже щепетильности отдѣльныхъ лицъ, ихъ нравственныхъ міровоззрѣній, защита которыхъ—не подъ силу тѣмъ или другимъ формамъ производства. Иногда потерпѣвшій отъ преступленія, при слѣдствіи, самымъ безцеремоннымъ образомъ клевещетъ на лицо, ни въ чемъ неповинное, на лицо всѣми уважаемое, которое можетъ вслѣдствіе такой клеветы терпѣть и нравственно и матерьяльно. Спрашивается, какъ оградить это лицо отъ столь щекотливаго положенія? Конечно, слѣдствіе разоблачитъ клевету, но лицо, подвергшееся ложному извѣту, уже претерпѣло всѣ невыгодныя его послѣдствія, предотвратить которыя едва-ли возможно извѣстными формальностями производства. И такъ, разслѣдованіе того или другаго событія, въ связи съ дѣйствіями извѣстнаго лица,—разслѣдованіе, вызываемое необходимостью констатированія истины, въ интересахъ правосудія, хотя-бы и щекотливое для кого-либо, не можетъ быть признано стѣсненіемъ личности со стороны закона, до тѣхъ поръ, пока лицо это не привлекается къ отвѣтственности.

Редакторы военно-судебнаго устава, желавшіе оградить военную организацію и требованія дисциплины, отъ внѣшняго вліянія, конечно, имѣли въ виду не событія, не факты преступленій, а личности офицеровъ; не переписку, которая можетъ быть въ канцеляріи судебнаго слѣдователя, а тотъ моментъ предварительнаго слѣд-

ствія, когда офицеръ долженъ быть привлеченъ къ обвиненію. Это, какъ мы указали выше, видно и изъ разсужденій, на которыхъ основана 423 статья. Въ слѣдующей, 424 статьѣ, сказано: „Когда по полученіи означеннаго въ предшедшей статьѣ сообщенія, военный начальникъ признаетъ, что есть достаточныя основанія къ начатію слѣдствія, то дѣлаетъ немедленно распоряженіе о явкѣ *обвиняемаго* къ слѣдствію". Здѣсь говорится объ офицерѣ въ положеніи обвиняемаго, котораго „немедленно" слѣдуетъ допросить, а такое положеніе офицеръ можетъ занять въ дѣлѣ лишь тогда, когда фактъ преступленія уже изслѣдованъ, когда противъ офицера собрано достаточно уликъ. Тутъ уже понятно и вмѣшательство начальника офицера. Привлеченіе къ обвиненію есть дѣйствіе серьезное, сопряженное иногда съ лишеніемъ свободы. Законъ предоставляетъ, въ этомъ отношеніи, состоящему на дѣйствительной службѣ офицеру особую гарантію и дозволяетъ ставить офицера въ положеніе обвиняемаго лишь тогда, когда противъ него имѣются достаточныя улики; для огражденія-же его отъ неосновательнаго привлеченія, даетъ его начальству право входить въ разсмотрѣніе вопроса о силѣ и значеніи этихъ уликъ. Такъ сказано и въ приведенныхъ выше мотивахъ, а именно: „привлеченіе офицеровъ къ слѣдствію, безъ всякой оцѣнки поводовъ къ тому ихъ начальниками, могло-бы нерѣдко подвергнуть ихъ подслѣдственной отвѣтственности, по однимъ бездоказательнымъ жалобамъ".

Полагаемъ, что сказанное достаточно убѣждаетъ въ томъ, что недоразумѣнія, порождаемыя на практикѣ буквальнымъ толкованіемъ 423 ст. устава военно-судебнаго, происходятъ отъ неточной редакціи этой статьи, что упоминаемое въ ней соглашеніе между судебнымъ слѣдователемъ и военнымъ начальникомъ относится не къ первоначальному приступу къ слѣдствію, а къ привлеченію офицера къ обвиненію,—и что, слѣдовательно, выраженіе „слѣдствіе надъ состоящимъ на дѣйствительной службѣ офицеромъ" — надо понимать такъ: „привлеченіе къ обвиненію состоящаго на дѣйствительной службѣ офицера".

На основаніи всего изложеннаго, мы полагаемъ:

1) Что предварительныя слѣдствія по преступленіямъ, совершеннымъ состоящими на дѣйствительной службѣ офицерами, въ подлежащихъ случаяхъ, должны начинаться и производиться состоящими при окружныхъ судахъ судебными слѣдователями, на общемъ основаніи;

2) Что соглашеніе съ военнымъ начальникомъ требуется лишь

съ того момента, когда офицеръ долженъ быть привлеченъ къ обвиненію; и

3) Что соглашеніе это должно имѣть мѣсто по всѣмъ вообще дѣламъ, т. е — не только подсуднымъ военно-окружнымъ судамъ, но и по дѣламъ смѣшанной подсудности [1]).

Я. Городыскій.

ПОРЯДКИ УСТЬ-МЕДВѢДИЦКАГО ОКРУЖНАГО СУДА

(*Кoресп. журнала граж. и угол. права*) [2]).

Какъ всѣмъ извѣстно, порядокъ дѣлопроизводства и вообще внутренніе распорядки въ окружныхъ судахъ, установляются общими соображеніями отдѣленій каждаго суда, въ формѣ правилъ, вносимыхъ въ наказы и обязательныхъ какъ для предсѣдателей и членовъ, такъ и для публики. Между тѣмъ, въ Усть-Медвѣдицкомъ окружномъ судѣ господствуетъ совершенно иная система. По нѣкоторымъ, весьма существеннымъ вопросамъ, предсѣдатель обходится безъ общаго собранія и рѣшаетъ эти вопросы своею единоличною властію. Такъ, года три тому назадъ, предсѣдатель В. А. Боголюбовъ, сталъ требовать, чтобы просители, обращающіеся въ судъ за

---

[1]) Мы находимъ, что это послѣднее заключеніе автора не вытекаетъ съ необходимостью изъ предыдущаго изложенія и, сверхъ того, находится въ прямомъ противорѣчіи какъ съ буквою закона (ст. 1261 у. у. с. и ст. 1178 у. в. с.) такъ и съ общею системою обоихъ уставовъ, различающихъ не одни случаи *различной подслѣдственности* военно-служащихъ, но и случаи *различной подсудности* ихъ. Въ случаяхъ смѣшанной подсудности военно-служащихъ *гражданскому суду*, разрѣшеніе военнаго начальства не требуется, въ отступленіе отъ правила, общаго для другихъ случаевъ, по тѣмъ же самымъ причинамъ, по которымъ, для преслѣдованія гражданскихъ лицъ, въ тѣхъ же случаяхъ смѣшанной подсудности *военному суду*, въ отступленіе отъ общаго порядка преслѣдованія гражданскихъ лицъ, военному слѣдователю необходимо предварительное разрѣшеніе военнаго начальства. За исключеніемъ изложеннаго, во всемъ остальномъ, мы вполнѣ раздѣляемъ сужденія автора. *Ред.*

[2]) Мы печатаемъ эту корреспонденцію, въ качествѣ иллюстраціи къ указаніямъ и выводамъ, изложеннымъ въ статьѣ «Признаки времени въ мірѣ новыхъ судовъ,» помѣщенной въ IV книгѣ нашего журнала, за нынѣшній, годъ. Едва ли можно сомнѣваться въ томъ глубоко-развращающемъ вліяніи на магистратуру, на правосудіе, которое неизбѣжно влечетъ введеніе въ судебную организацію бюрократическаго начала. Незамѣтно вкравшееся и незаконно покровительствуемое преобладаніе предсѣдателей надъ коллегіею, уже дало свои горькіе плоды. Можно представить себѣ каковы будутъ результаты узаконенія этого первенства. Не къ усиленію предсѣдательской власти мы должны стремится, а къ закрѣпленію за коллегіею тѣхъ правъ, установленныхъ закономъ, которыя нынѣ постыдно попираются предсѣдателями нѣкоторыхъ судовъ. *Ред.*

полученіемъ представленныхъ ими во время производства дѣла подлинныхъ документовъ (дух. завѣщ., разд. акты, векселя, росписки и проч.), представляли копіи этихъ документовъ, засвидѣтельствованныя нотаріусомъ. Въ силу такихъ требованій предсѣдателя, просители поставлены въ необходимость приглашать въ канцелярію суда нотаріуса для снятія копій и засвидѣтельствованія ихъ. А такъ какъ въ нашей станицѣ состоитъ одинъ только нотаріусъ (г. Лобачевскій), то это распоряженіе, хотя для него и чрезвычайно выгодное, крайне-убыточно для частныхъ лицъ, по карманамъ которыхъ сильно бьетъ такая странная „практика". [1]) Но на этомъ своеобразная система не оканчивается. Тяжущійся, выигравшій процесъ, обращаясь къ предсѣдателю за полученіемъ исполнительнаго листа, представляетъ, согласно 854 и 855 ст. уст. гр. суд., 30 коп. канцелярскихъ пошлинъ: 20 коп. за написаніе листа и 10 коп. за приложеніе къ нему печати. На это проситель получаетъ въ отвѣтъ, что нужно представить еще 30 копѣекъ въ канцелярскія пошлины: 20 коп. за надпись предсѣдателя о назначеніи судебнаго пристава для исполненія и 10 коп. за приложеніе къ оной печати, безъ чего исполнительный листъ не можетъ быть выданъ. Волею неволею, недоумѣвающему просителю приходится платить за исполнительный листъ, вмѣсто тридцати, шестьдесятъ копѣекъ. Въ 1879 году, помощникъ присяжнаго повѣреннаго Н. М. Полянскій, обжаловалъ эти послѣднія дѣйствія предсѣдателя въ Харьковскую судебную палату, которая признала ихъ „неправильными," а количество пошлинъ, взимаемыхъ предсѣдателемъ, наименовала „двойнымъ, неоправдываемымъ никакимъ закономъ." Однако-же предсѣдатель продолжаетъ и послѣ указа палаты взимать канцелярскія пошлины, по послѣдующимъ дѣламъ, въ этомъ двойномъ размѣрѣ.

Словесныя заявленія членовъ о ненормальности „усиленной" системы взиманія съ просителей пошлинъ не принимаются г. предсѣдателемъ во вниманіе и вызываютъ только съ его стороны замѣчанія, что отъ него одного зависитъ направленіе „канцелярскаго" дѣлопроизводства въ судѣ.

---

[1]) Къ тому же, здѣсь произошла коллизія между опредѣленіемъ общаго собранія и единоличными распоряженіями предсѣдателя. Судъ постановилъ, чтобы нотаріусы находились безъотлучно въ своихъ конторахъ отъ 9 час. утра до 3 час. пополудни, а между тѣмъ, чтобы исполнить требованія предсѣдателя, Усть-Медвѣдицкій нотаріусъ долженъ, именно въ этотъ промежутокъ времени, оставлять свою контору, для путешествія въ канцелярію суда, чтобы снимать и свидѣтельствовать копіи, такъ какъ занятія въ судѣ продолжаются до трехъ часовъ.

Въ началѣ текущаго, 1881 года, члены суда И. М. Демчинскій и Л. В. Борисовъ, подали на имя общаго собранія отдѣленій суда представленіе, въ которомъ ходатайствовали о дополненіи особаго наказа суда постановленіями, въ силу коихъ просители, во 1-хъ, могли-бы при полученіи подлинныхъ документовъ, представлять незасвидѣтельствованныя нотаріусомъ копіи, которыя секретарь, по провѣркѣ съ подлинными, прилагалъ-бы къ дѣлу и во 2-хъ, уплачивали бы за исполнительные листы не 60, а 30 копѣекъ. Но представленіе это предсѣдатель не внесъ на разсмотрѣніе общаго собранія, мотивируя свой отказъ (словесный) тѣмъ, что члены суда *не имѣютъ, будто-бы, по закону, права возбуждать вопросы въ общемъ собраніи*. Что-же касается самихъ вопросовъ, то, по словамъ предсѣдателя, онъ пересталъ уже въ настоящее время держаться упомянутой системы. Между тѣмъ, въ средних числахъ прошлаго мая мѣсяца, каждый членъ суда, чрезъ секретаря гражданскаго отдѣленія суда, могъ убѣдиться, что и теперь просители приводятъ въ канцелярію суда писца, служащаго у нотаріуса, для снятія копій съ документовъ и засвидѣтельствованія ихъ, затѣмъ, нотаріусомъ, и что только послѣ того выдаются уже самые документы.

О СУДѢ ВЪ ВОЕННОЕ ВРЕМЯ [1]).

Если могутъ быть различныя мнѣнія о необходимости отдѣльнаго военнаго суда въ мирное время и особенно о предѣлахъ его подсудности, то, конечно, никто не станетъ оспаривать безусловную необходимость военнаго суда во время войны. Внѣ предѣловъ имперіи, въ непріятельской области, занятой нашими войсками, часто невозможно бываетъ организовать другого суда, какъ мы видѣли

[1]) Съ удовольствіемъ даемъ мѣсто, согласно желанію самаго автора, замѣткѣ „О судѣ въ военное время“, первоначально помѣщенной въ 143 № газеты Голосъ. Помѣщеніе этой замѣтки мы считаемъ тѣмъ болѣе умѣстнымъ, что выводы автора, въ общихъ чертахъ, могутъ ознакомить читателей съ предметомъ мало знакомымъ имъ, а между тѣмъ имѣющимъ важное общественное и юридическое значеніе, съ предметомъ, на которой обращено вниманіе печати (Смотри, почтенный трудъ *Н. Максимова*: Статическій очеркъ военно-судной части, во время войны 1877—78 г. на Балканскомъ полуостровѣ. 2 части С.П.Б. 1880 г.) съ тѣми, наконецъ, заключеніями, къ которымъ пришла коммисія, пересматривающая вопросъ о судѣ въ военное время. Коммисія эта, учрежденная военнымъ министромъ около года тому назадъ, подъ предсѣдательствомъ одного изъ наиболѣе даровитыхъ и просвѣщенныхъ генераловъ нашей арміи, князя Имеретинскаго,

это въ прошлую кампанію, и судомъ военнымъ судятся, по необходимости, нетолько чины арміи, но и мѣстные жители, за всѣ важнѣйшія преступленія. Поэтому, хорошая организація такого суда и правильныя отношенія его къ администраціи пріобрѣтаютъ особое значеніе.

Въ прошлую компанію былъ сдѣланъ первый опытъ примѣненія новыхъ началъ гласнаго суда въ дѣйствующей арміи, и мы, въ качествѣ близкихъ очевидцевъ, считаемъ нелишнимъ высказать нѣсколько замѣчаній о томъ, въ какой мѣрѣ этотъ опытъ оказался удачнымъ и въ какой степени примѣнимъ къ военному времени гласный судъ и сопряженный съ нимъ порядокъ судопроизводства.

Еще въ 1867 году, при введеніи у насъ военно-судебной реформы было высказываемо мнѣніе о несовмѣстности независимаго гласнаго суда, съ требованіями военной службы и дисциплины и, какъ на одинъ изъ главныхъ доводовъ, указывалось на невозможность такого суда во время войны. Съ тѣхъ поръ не переставало повторяться такое мнѣніе, и особенно рѣзко высказывалось оно во время прошлой кампаніи, когда громко слышались весьма вѣскіе голоса о необходимости реорганизаціи военнаго суда и пересмотра основныхъ законоположеній о немъ.

Мы вполнѣ согласны съ мнѣніемъ о пользѣ пересмотра законоположеній, послѣ перваго примѣненія ихъ на практикѣ; жизнь и практика всегда укажутъ на недостатки теоріи и писаннаго закона. Но мы не можемъ согласиться съ тѣмъ, чтобы несовершенство закона и детальныя его неудобства, служили доказательствомъ полной непримѣнимости закона и давали поводъ къ осужденію основныхъ началъ его.

Возбужденный вопросъ пріобрѣтаетъ особое значеніе въ виду слѣдующаго соображенія: если будетъ доказано, что гласный и

состоитъ: изъ военнаго прокурора петербургскаго суда г. Ахшарумова, (завѣдывавшаго во время войны военно-судною частью) профессоровъ военно-юридической академіи гг. Неѣлова и Володимірова, помощника военнаго прокурора московскаго суда, г Кесселя, и оберъ-аудитора войскъ гвардіи г. Ченцова, въ качествѣ дѣлопроизводителя. Въ настоящее время, работы коммисіи приведены къ концу и мы надѣемся, современемъ, ознакомить съ ними читателей, болѣе подробнымъ образомъ.

Ред.

устный судъ, со всѣми его порядками, непримѣнимъ къ военному времени, то, очевидно, его слѣдуетъ преобразовать въ корнѣ и для мирнаго, потому что имѣть одинъ судъ для мирнаго времени и учреждать другой, на совершенно иныхъ началахъ, всякій разъ, когда войско переходитъ на военное положеніе, совершенно невозможно и не допускается ни въ одномъ изъ европейскихъ государствъ.

Въ мирное время, правосудіе въ войскѣ отправляется двумя инстанціями: судами полковыми и военно-окружными. Полковые суды соотвѣтствующіе мировому суду въ вѣдомствѣ гражданскомъ, вѣдаютъ дѣла о нижнихъ чинахъ, за маловажные проступки; ихъ приговоры, чтобъ войти въ законную силу, требуютъ конфирмаціи полковаго командира. При несогласіи, выходящемъ изъ предѣловъ дисциплинарной власти полковаго командира, онъ переноситъ дѣло въ военно-окружный судъ, разсматривающій его въ качествѣ апелляціонной инстанціи. Всѣ дѣла объ офицерахъ и болѣе важныя преступленія нижнихъ чиновъ, разсматриваются судами военно-окружными, приговоры которыхъ считаются окончательными, конфирмаціи начальства не подлежатъ и могутъ быть обжалованы только въ кассаціонномъ порядкѣ, по протестамъ прокуроровъ или жалобамъ подсудимыхъ и ихъ защитниковъ. Суды эти состоятъ изъ членовъ постоянныхъ и временныхъ; временные назначаются отъ войскъ, на шестимѣсячный срокъ. Власть обвинительная, въ смыслѣ возбужденія преслѣдованія и преданія суду, сосредоточена въ рукахъ военнаго начальства, при участіи, въ послѣднемъ случаѣ, военной прокуратуры. Кассаціонныя функціи исполняются главнымъ военнымъ судомъ, однимъ на всю имперію. Производство въ военныхъ судахъ гласное и устное, процесъ обвинительный; формы и обряды судопроизводства заимствованы изъ судебныхъ уставовъ гражданскаго вѣдомства.

Въ военное время, дѣйствуютъ тѣ же органы, только съ присоединеніемъ къ нимъ названія *полевыхъ* (*полевой* военный судъ, *полевой* главный военный судъ). Въ судоустройствѣ весьма мало измѣненій; они сводятся, главнымъ образомъ, на то, что обязанности членовъ военно-судебнаго вѣдомства, при недостаткѣ въ нихъ, могутъ быть возлагаемы на офицеровъ изъ войскъ. Въ отрядѣ же, сообщенія котораго съ арміей пресѣчены непріятелемъ, и въ крѣпости, находящейся въ осадномъ положеніи, при невозможности сформировать судъ и изъ строевыхъ офицеровъ, начальнику отряда и коменданту крѣпости предоставляется дѣйствовать по ихъ усмотрѣнію, подъ личною отвѣтственностью.

Въ судопроизводствѣ введены слѣдующія изъятія изъ общаго порядка, обусловленныя, какъ и въ судоустройствѣ, силою обстоятельствъ и существенною необходимостью:

Во первыхъ, расширена военная подсудность; она распространена на всѣхъ лицъ, принадлежащихъ войску и за нимъ слѣдующихъ, и на лицъ гражданскаго вѣдомства и жителей непріятельскихъ областей, въ извѣстныхъ, закономъ опредѣленныхъ, случаяхъ. Во вторыхъ, сокращены всѣ сроки, въ томъ числѣ и на обжалованіе приговоровъ. Въ третьихъ, права верховной власти, по утвержденію приговоровъ, переданы главнокомандующему, которому предоставлена конфирмація и всѣхъ приговоровъ къ смертной казни. Наконецъ, главнокомандующему и командиру отдѣльнаго корпуса, въ случаяхъ чрезвычайныхъ, требующихъ немедленнаго наказанія виновнаго, предоставлено право, недавая дѣлу направленія въ кассаціонномъ порядкѣ, окончательно конфирмовать приговоры полевыхъ военныхъ судовъ.

Вотъ, въ общихъ чертахъ, тотъ порядокъ организаціи военнаго суда, который вызвалъ въ прошлую кампанію такъ много противъ себя возраженій. Всѣ они сводятся на слѣдующее: 1) новый порядокъ военнаго суда, со всѣми своими сложными формами и обрядами, обусловливаетъ крайнюю медленность въ движеніи дѣлъ, тогда какъ въ военное время требуется, напротивъ, особая быстрота дѣлопроизводства; 2) авторитетъ строеваго начальства въ войскѣ и вообще военная дисциплина, подрываются изъятіемъ изъ рукъ начальства карательной власти и существованіемъ независимаго отъ него суда; 3) самая форма устнаго и гласнаго процеса крайне неудобна въ военное время, такъ какъ высылка свидѣтелей въ судъ всегда затруднительна, а частью и невозможна, по военнымъ обстоятельствамъ, и 4) касаціонный порядокъ является простою аномаліей въ войскѣ, такъ какъ во время войны невозможно требовать точнаго выполненія всѣхъ сложныхъ формъ и обрядовъ судопроизводства и, сверхъ того, онъ крайне замедляетъ судебный процесъ.

Разсмотримъ каждое изъ этихъ возраженій отдѣльно. Во первыхъ, медленность дѣлопроизводства.

Мы не будемъ говорить о такой медленности, которая обусловлена нерадѣніемъ, неумѣлостью или непониманіемъ своихъ обязанностей, со стороны судебныхъ органовъ. Такая медленность можетъ быть при всякомъ порядкѣ, самомъ совершенномъ, и никакой пи-

санный законъ не въ силахъ предотвратить ее; мы будемъ говорить здѣсь только о медленности, обусловленной самою организаціей дѣла и кроющейся въ существѣ его, въ самомъ порядкѣ судопроизводства. Разсматривая вопросъ съ этой точки зрѣнія, мы можемъ сказать, что всякая медленность или быстрота, суть понятія относительныя и всегда должны быть разсматриваемы по сравненію съ чѣмъ-нибудь другимъ. Съ чѣмъ же мы можемъ сравнивать движеніе дѣлъ за войну 1877—1878 годовъ? Конечно, только съ движеніемъ дѣлъ за прежнія войны, когда еще не былъ введенъ въ войскахъ новый порядокъ гласнаго суда, и на этомъ сравненіи мы позволимъ себѣ нѣсколько остановиться.

Старый военно-судебный процесъ былъ, какъ извѣстно, инквизиціонный, письменный, и въ немъ принимало непосредственное участіе строевое начальство, въ формѣ ревизіи и конфирмаціи приговоровъ; мы припомнимъ всѣ отдѣльные періоды этого процеса и сравнимъ ихъ съ нынѣ дѣйствующими: начнемъ съ дознанія и слѣдствія. Дознаніе производилось тѣмъ же порядкомъ и тѣми же органами, какъ и нынѣ, поэтому, ни быстрѣе, ни медленнѣе нынѣшняго; слѣдствіе производится нынѣ особыми органами, военными слѣдователями, спеціально для сего подготовленными; прежде оно производилось *кѣмъ Богъ послалъ*. Въ законѣ сказано было: „Для производства слѣдствій вообще назначать чиновниковъ, заслуживающихъ особенное довѣріе“ (ст. 89 кн. II уст. воен.-угол.); но гдѣ такіе чиновники и особенно въ походѣ — законъ не объяснялъ и, конечно, указать не могъ. Если и были при войскахъ чиновники, заслуживающіе довѣрія, напримѣръ: интендантскіе, медицинскіе и другіе, то, конечно, они были заняты своимъ дѣломъ и имъ было не до слѣдствій, которыя поручались, большею частью, строевымъ офицерамъ, весьма мало опытнымъ по этой части. Сверхъ того, при слѣдствіи присутствовали депутаты отъ разныхъ вѣдомствъ, которые только усложняли дѣло и затрудняли ходъ его. Какъ бы ни казалась медленною работа, производимая нынѣ военными слѣдователями, но она, всетаки, быстрѣе и плодотворнѣе той, которая производилась прежде строевыми офицерами, уже по тому одному, что слѣдователи только и заняты производствомъ слѣдствій и другихъ обязанностей не имѣютъ, строевые же офицеры, особенно во время похода, заняты были другими обязанностями и только тяготились поручаемыми имъ слѣдствіями.

Второй періодъ судебнаго процеса составляетъ преданіе суду.

Прежде этотъ вопросъ разрѣшался очень просто: всѣ слѣдствія, по окончаніи, поступали къ военному начальству, а имъ передавались, почти безъ разсмотрѣнія, въ суды, которые, такимъ образомъ, были завалены работою, совершенно непроизводительною, повѣркою и дополненіемъ слѣдствій и разсмотрѣніемъ такихъ дѣлъ, которыя, очевидно, должны были оканчиваться оправданіемъ подсудимаго или оставленіемъ его въ подозрѣніи, какъ это прежде дѣлалось, за недостаточностью уликъ. Нынѣ слѣдствія поступаютъ къ военному прокурору и только съ его заключеніемъ, къ военному начальству. Казалось бы, что эта новая инстанція военной прокуратуры, должна была бы замедлять дѣло, но въ сущности, она только ускоряетъ общій ходъ судебнаго процеса тѣмъ, что, внося въ дѣло опытный, юридическій взглядъ, предовращаетъ накопленіе дѣлъ въ судѣ, прекращая около половины возникающихъ слѣдствій и обезпечивая полноту тѣхъ, которыя поступаютъ потомъ въ судъ. Судебное слѣдствіе и постановленіе приговора не занимаютъ нынѣ болѣе времени, чѣмъ при старомъ порядкѣ, потому что въ полевыхъ судахъ допускались и прежде и судоговореніе и защита; допросъ же свидѣтелей замѣнилъ собою чтеніе на судѣ ихъ показаній, данныхъ при слѣдствіи, и вообще всего дѣла, во всемъ его объемѣ и подробностяхъ.

За этимъ слѣдуютъ: при новыхъ судахъ обжалованіе приговоровъ и разсмотрѣніе ихъ въ касаціонномъ порядкѣ, а при старыхъ – ревизія и конфирмація военнымъ начальствомъ. Что занимало болѣе времени? Мы полагаемъ, что послѣднее; во первыхъ, не всякій приговоръ обжалывается, но всякій шолъ на ревизію, и она была весьма сложная; начиная отъ полковаго командира и восходя до корпуснаго, всякій военный начальникъ ревизовалъ дѣло и прилагалъ письменно свое мнѣніе; всѣ же болѣе важныя дѣла доходили до полевого аудиторіата и представлялись на конфирмацію главнокомандующаго.

Процедура эта была крайне сложная и медленная. Дѣла накоплялись сотнями въ штабахъ и полевомъ аудиторіатѣ и обыкновенно распутывались и заканчивались только по окончаніи войны. Откуда же, спрашивается, возникли толки о медленности дѣлопроизводства въ новыхъ судахъ и о преимуществѣ въ этомъ отношеніи старыхъ? Намъ кажется, что они основаны просто на недоразумѣніи и на сложившемся странномъ понятіи, будто полевой судъ долженъ рѣшать дѣла въ 24 часа! Примѣры такого суда бывали, конечно, при старомъ порядкѣ, въ случаяхъ чрезвычайныхъ, вызывающихъ не-

обходимость немедленнаго наказанія виновнаго, но они были и при новомъ, даже въ мирное время, напримѣръ, судъ надъ преступникомъ Молодецкимъ; въ военное же время и нынѣ дѣйствующій законъ допускаетъ, въ чрезвычайныхъ случаяхъ, рѣшеніе дѣла даже безъ суда, личною властью военнаго начальства, не стѣсняясь, слѣдовательно, никакими сроками или формами и обрядами судопроизводства. Но случаи чрезвычайные не суть мѣрка правосудія, которое, въ случаяхъ обыкновенныхъ, даже и въ военное время, должно сопровождаться спокойнымъ и неторопливымъ разсмотрѣніемъ дѣла. Судъ въ 24 часа немыслимъ, какъ общая мѣрка рѣшенія дѣлъ; но гдѣ же, спрашивается, эта мѣрка и кто можетъ установить ее? Законъ полагаетъ извѣстные сроки на выполненіе извѣстныхъ судебныхъ дѣйствій, сокращая ихъ для времени военнаго, и сроки эти, по возможности, выполняются. Но есть дѣла, столь сложныя, что срока выполнить невозможно и они, по необходимости, по силѣ обстоятельствъ, тянутся иногда нѣсколько мѣсяцовъ. Къ сожалѣнію, эти отдѣльные примѣры обобщаютъ, указываютъ на нихъ, какъ на общую мѣрку, и упрекаютъ судъ въ медленности и проволочкахъ. Бываютъ и другіе примѣры, гдѣ дѣло вовсе несложно по своему существу, но гдѣ оно затягивается за болѣзнью подсудимаго, неявкой существеннаго свидѣтеля или недоставленіемъ необходимыхъ документовъ, и все это ставится въ вину судебнымъ порядкамъ и обобщается въ смыслѣ медленности въ движеніи дѣлъ. Судъ въ 24 часа или вообще безъ соблюденія сроковъ и формъ и обрядовъ судопроизводства, — неизбѣжное зло, оправдываемое, въ рѣдкихъ случаяхъ, силою обстоятельствъ, но смотрѣть на него, какъ на *pium desiderium* военнаго правосудія—большая ошибка, которая свидѣтельствуетъ о полномъ непониманіи дѣла.

Перейдемъ къ другому возраженію противъ военно-судебной реформы,—со стороны лицъ, недружелюбно къ ней расположенныхъ,—къ военной дисциплинѣ и къ авторитету строеваго начальства въ войскѣ, будто бы подрываемому существованіемъ самостоятельнаго военнаго суда. Возраженіе это касается настолько же военнаго, насколько и мирнаго времени, а потому пріобрѣтаетъ особое значеніе.

Прежде чѣмъ опровергать подобное возраженіе, позволимъ себѣ поставить слѣдующій вопросъ: что такое военная дисциплина и чѣмъ она поддерживается въ войскѣ? Дисциплина есть опредѣленіе взаимныхъ между собою отношеній военно-служащихъ, отношеній

между начальниками и подчиненными, между старшими и младшими; она нетолько даетъ права начальнику и возлагаетъ обязанности на подчиненнаго, но *и наоборотъ;* она поддерживается въ войскѣ нетолько безусловнымъ повиновеніемъ начальству, но и пониманіемъ самимъ начальникомъ своихъ обязанностей, сознаніемъ своего долга и отношеній къ подчиненнымъ. Безъ такого сознанія, дисциплина не будетъ поставлена въ войскахъ на прочномъ основаніи и одного слѣпого повиновенія и строгихъ каръ за неповиновеніе, недостаточно для ея поддержанія. Если вѣрно такое опредѣленіе военной дисциплины, то совершенно непонятно, почему она не можетъ быть съ успѣхомъ поддерживаема самостоятельнымъ, правильно организованнымъ судомъ, спокойно и безпристрастно разсматривающимъ дѣло, и почему авторитетъ начальства въ войскѣ колеблется тѣмъ, что оно не исполняетъ судейскихъ обязанностей и не контролируетъ всѣхъ судебныхъ приговоровъ. Если мы обратимся къ самой организаціи суда, то увидимъ, что власть карательная вовсе не изъята изъ рукъ военнаго начальства; напротивъ, она всецѣло предоставлена ему, какъ въ наложеніи низшихъ наказаній (дисциплинарныхъ и полковымъ судомъ) такъ и въ самыхъ тяжкихъ случаяхъ, приговоровъ къ смертной казни, всегда конфирмуемыхъ главнокомандующимъ; сверхъ того, въ рукахъ военнаго начальства оставлена власть преслѣдовательная, возбужденіе слѣдствій и преданіе суду, и только въ исключительныхъ случаяхъ она ограничена прокурорскимъ надзоромъ, именно, когда начальникъ пожелалъ бы замять, прекратить возбужденное преслѣдованіе, имѣя, можетъ быть, къ тому личный интересъ.

Третье замѣчаніе касается крайнихъ затрудненій, встрѣченныхъ на практикѣ, при высылкѣ въ судъ свидѣтелей, для допроса. Мы совершенно раздѣляемъ это мнѣніе, но должны замѣтить, что указанное затрудненіе предусмотрѣно закономъ, даже и для мирнаго времени: ст. 743 военно-судебнаго устава „освобождаетъ отъ явки въ судъ, въ качествѣ свидѣтелей, воинскихъ чиновъ, когда начальство ихъ, по военнымъ обстоятельствамъ, признаетъ невозможнымъ разрѣшить имъ отлучку изъ мѣста служенія“. Статья эта имѣла самое широкое примѣненіе во время прошлаго похода и была даже разъяснена и дополнена особымъ приказомъ по арміи, главнокомандующаго. Затѣмъ, неприбывшіе въ судъ воинскіе чины, считались неявившимися по законнымъ причинамъ свидѣтелями, и на судѣ прочитывались показанія, данныя ими на предварительномъ слѣдствіи.

Послѣднее возраженіе, самое серьезное — оно относится до кассаціоннаго порядка и непримѣнимости его къ военному времени. Съ этимъ доводомъ можно согласиться только отчасти. Всѣ преступленія, совершонныя въ военное время, слѣдуетъ раздѣлить на двѣ категоріи: одни, совершонныя при обыкновенныхъ условіяхъ, напримѣръ, во время стоянокъ, движенія войскъ и т. д., другія — при обстоятельствахъ чрезвычайныхъ, напримѣръ, въ крѣпости, осажденной непріятелемъ, во время боя, на полѣ сраженія и проч. Къ послѣднимъ случаямъ, конечно, непримѣнимъ кассаціонный порядокъ, но къ нимъ непримѣнимы и вообще судебные порядки и въ случаѣ необходимости немедленнаго наказанія виновнаго. На полѣ сраженія невозможно производить дознанія и слѣдствія, соблюдать обрядъ преданія суду, произносить обвинительныя и защитительныя рѣчи — тутъ перестаетъ дѣйствовать судебная власть и, по необходимости, должна быть примѣнена единоличная власть военнаго начальства. Внѣ этихъ случаевъ, судъ можетъ функціонировать совершенно спокойно и правильно, что доказалъ опытъ предъидущихъ войнъ, а потому нѣтъ основанія лишать подсудимаго или прокурора, права обжаловать незаконный приговоръ и отмѣнять кассаціонный порядокъ, являющійся не пустымъ обрядомъ или формою, а существенною гарантіей правосудія. Нынѣ дѣйствующій законъ предвидѣлъ указанное нами раздѣленіе преступленій и предоставилъ, въ случаяхъ чрезвычайныхъ, широкія права военному начальству (1210 и 1241 ст. воен.-суд. уст.). Если отмѣнить кассаціонный порядокъ вообще въ военное время, то его пришлось бы отмѣнить и въ мирное, и ради этого переломать весь нынѣ дѣйствующій военно-судебный уставъ, ввести опять письменный процесъ, ревизію приговоровъ и проч. — словомъ, вернуться къ старому порядку суда, уже доказавшему на дѣлѣ свою несостоятельность.

Исторія всѣхъ законодательствъ выяснила совершенную невозможность обращаться къ старымъ, отжившимъ началамъ, испробовавъ разъ новыя, живыя; она указываетъ и на невозможность отмѣны гласнаго и устнаго суда въ военномъ вѣдомствѣ со всѣми его атрибутами, въ томъ числѣ и съ кассаціей приговоровъ. Остается, слѣдовательно, одно: въ тѣхъ рѣдкихъ, исключительныхъ случаяхъ, когда во время похода необходимо примѣрное и быстрое наказаніе виновнаго, предоставить самыя широкія права единоличной власти строеваго начальства, что, какъ мы видимъ, и установлено закономъ. Права эти слѣдуетъ только точнѣе опредѣлить; но это должно быть уже дѣломъ дальнѣйшаго законодательства.

Вообще, являясь горячими сторонниками военно-судебной реформы, мы не хотимъ сказать, чтобъ порядокъ установленный ею, былъ совершенный. Совершенныхъ законодательствъ нѣтъ на свѣтѣ и каждое изъ нихъ требуетъ дополненій и пересмотра, сообразно указаніямъ жизни и практики. Такого пересмотра требуетъ и военно-уголовные законы, послѣ опыта прошлой войны.

Первое, на что указала практика, это на необходимость сдѣлать судъ болѣе близкимъ къ войску, чему не вполнѣ соотвѣтствуетъ настоящее устройство его. Центральный полевой судъ, при главной квартирѣ или въ тылу арміи, настолько удаленъ отъ войска, что оно почти игнорируетъ его; командированіе же временныхъ отдѣленій суда въ отдѣльные отряды, не устраняетъ этого неудобства. По опасности и затруднительности сообщеній и по причинѣ быстрыхъ переходовъ войска, суды эти съ трудомъ догоняли свои отряды и часто прибывали тогда, когда уже миновалась въ нихъ надобность или когда войско останавливалось на долгія стоянки, вслѣдствіе перемирія или другихъ причинъ. Но организовать правильно судъ въ войскѣ, во время перемирія, вовсе немудрено; вся задача заключается въ томъ, чтобъ сдѣлать его близкимъ и всегда доступнымъ во время похода и военныхъ дѣйствій. По нашему мнѣнію, задача эта разрѣшается учрежденіемъ въ военное время постоянныхъ судовъ при корпусахъ, подобно тому, какъ учреждаются при нихъ корпусныя интендантства, казначейства и другія управленія. При каждомъ корпусѣ, съ момента вступленія его въ районъ военныхъ дѣйствій, долженъ находиться полевой судъ, въ составѣ, необходимомъ для открытія судебнаго засѣданія, и судъ этотъ не долженъ быть оставляемъ въ тылу или въ обозѣ, а слѣдовать при корпусномъ штабѣ и быть всегда въ распоряженіи корпуснаго командира.

Такой же судъ, и даже въ усиленномъ составѣ, можетъ быть учрежденъ и при управленіи начальника тыла арміи. Сверхъ того, при каждой дивизіи долженъ состоять, по крайней мѣрѣ, одинъ военный слѣдователь. При такой организаціи, центральный полевой судъ долженъ упраздниться, а при главной квартирѣ находиться только полевой главный судъ и полевое военно-судное управленіе, послѣднее, для общихъ административныхъ распоряженій и переписки главнокомандующаго по судебной части; сверхъ того, запасъ чиновъ судебнаго вѣдомства, для комплектованія убывающихъ и сформированія судовъ въ случаѣ надобности, въ отрядахъ, отдѣ-

ляемыхъ отъ арміи. Такое распредѣленіе должно быть указано въ законѣ, а не предоставлено усмотрѣнію главнокомандующаго, такъ какъ ошибка, сдѣланная въ этомъ отношеніи при началѣ похода, уже трудно поправима впослѣдствіи.

Полковые суды могутъ оставаться при настоящей ихъ организаціи, но сверхъ полковъ и командъ, гдѣ они учреждаются на основаніи дѣйствующаго закона, ихъ слѣдовало бы въ военное время открывать и при комендантскихъ управленіяхъ, въ большихъ городахъ и въ узлахъ военныхъ дорогъ и сообщеній, для сужденія арестантовъ, обыкновенно оставляемыхъ въ комендантскихъ управленіяхъ, проходящими командами.

Для сужденія мѣстныхъ жителей, въ прошлую войну были учреждены особые суды при губернаторствахъ; но въ этомъ не представляется болѣе надобности, такъ какъ при системѣ корпусныхъ судовъ они могутъ быть судимы полевыми судами.

Относительно судопроизводства слѣдуетъ, прежде всего, уяснить себѣ задачу, къ которой должно стремиться законодательство, при организаціи судовъ въ военное время. Она несомнѣнно заключается въ томъ, чтобы, по возможности, оставить нетронутыми какъ основныя начала, такъ и формы и обряды судопроизводства, гарантирующіе интересы правосудія, и допустить отъ нихъ отступленіе только тамъ, гдѣ это безусловно необходимо, по особымъ военнымъ обстоятельствамъ Другая задача должна заключаться въ томъ, чтобъ достигнуть возможной быстроты въ движеніи дѣлъ, столь необходимой въ военное время. Этого возможно достигнуть расширеніемъ власти полковаго суда Если суду этому предоставить въ военное время приговаривать нижнихъ чиновъ къ исправительнымъ наказаніямъ, *до дисциплинарныхъ ротъ включительно*, то значительный процентъ дѣлъ, нынѣ разсматриваемыхъ полевымъ военнымъ судомъ, отойдетъ къ вѣдомству полковаго суда, болѣе близкаго къ войску и сокращеннаго, по своимъ формамъ и обрядамъ. Тѣмъ самымъ предупредится накопленіе дѣлъ въ полевыхъ судахъ и, въ связи съ болѣе правильнымъ ихъ распредѣленіемъ, ускорится дѣлопроизводство. Для достиженія той же цѣли, возможно было бы въ военное время упростить дознаніе и предварительное слѣдствіе. По нынѣ дѣйствующему порядку, только дѣла по нарушенію законовъ военной службы и дисциплины, могутъ быть вносимы въ судъ по одному дознанію, безъ производства предварительнаго слѣдствія; но слѣдовало бы это правило распространить и на общія преступленія, въ

тѣхъ случаяхъ, когда фактъ преступленія очевиденъ, а производство слѣдствія представляется почему-нибудь затруднительнымъ. Это тѣмъ болѣе справедливо, что въ военное время дозволяется, за отсутствіемъ слѣдователя, поручать слѣдствія строевымъ офицерамъ, которые, по неопытности, дѣлаютъ мало различія между слѣдствіемъ и дознаніемъ и, большею частью, повторяютъ одно и тоже два раза.

Сверхъ того, можно было бы упростить порядокъ преданія суду, который, за пересылкою дѣлъ отъ слѣдователя къ прокурору, отъ прокурора къ военному начальству и отъ военнаго начальства обратно къ прокурору, представляется во время похода затруднительнымъ. Но указаніе и обсужденіе новыхъ правилъ по этому предмету, завлекло бы насъ за предѣлы настоящей статьи. Наконецъ, что касается случаевъ чрезвычайныхъ, требующихъ немедленнаго, примѣрнаго наказанія виновнаго, для огражденія безопасности и самыхъ существенныхъ интересовъ арміи, то въ этихъ случаяхъ нельзя ограничиваться полумѣрами, какъ напримѣръ, отмѣной кассаціоннаго порядка, комплектованіемъ суда военными офицерами, за недостаткомъ чиновъ судебнаго вѣдомства и тому под. Въ этихъ чрезвычайныхъ случаяхъ, необходимо безусловно предоставить самый широкій просторъ единоличной власти военнаго начальства и не стѣснять его въ примѣненіи этой власти никакими судебными порядками. Только при такихъ условіяхъ, то-есть, при полномъ обезпеченіи быстроты и примѣрности наказанія, въ *случаяхъ чрезвычайныхъ*, возможно правильное и спокойное отправленіе правосудія, въ *обыкновенномъ порядкѣ*. При этомъ слѣдуетъ установить и точно опредѣлить въ законѣ, что случаи чрезвычайные могутъ быть обусловлены нетолько положеніемъ части войска (крѣпость осажденная, отрядъ, котораго сообщенія съ арміей прерваны непріятелемъ), но и самымъ характеромъ преступленія, напримѣръ: неповиновеніе передъ боемъ, трусость или измѣна на полѣ сраженія и другія преступленія, которыя могутъ случиться во всякомъ отрядѣ. Очевидно, что въ большинствѣ этихъ случаевъ, примѣненіе судебнаго порядка немыслимо и возможна только единоличная власть военнаго начальства, которое въ правѣ, конечно, передать дѣло, предварительно, на разсмотрѣніе какого нибудь суммарнаго суда, имъ самимъ на этотъ случай, организованнаго, не стѣсняясь при этомъ никакими сроками, ни формами и обрядами судопроизводства.

Обращаясь къ *матеріальному праву*, т. е. къ примѣненію законовъ о наказаніи, мы не можемъ, конечно, представить здѣсь детальныхъ замѣчаній, извлеченныхъ изъ практики прошлой кампаніи, но позволимъ себѣ высказать нѣсколько общихъ соображеній по этому предмету.

Полевые военные законы, безспорно, должны быть строги, по сравненію съ законами для мирнаго времени, но строгость эта не должна переходить извѣстныя границы, иначе она станетъ непримѣнимою и суды будутъ обходить законъ тѣмъ или другимъ путемъ.

По дѣйствующимъ полевымъ законамъ, смертная казнь назначается у насъ за такую массу преступленій, что примѣнять ее, въ большинствѣ случаевъ, оказывается невозможнымъ. Такъ, напримѣръ, на основаніи 279-й ст. воинскаго устава о наказаніяхъ, въ военное время, за умышленное убійство, изнасилованіе, разбой, грабежъ и умышленное зажигательство или потопленіе чужаго имущества, виновные приговариваются къ лишенію всѣхъ правъ состоянія и смертной казни; при этомъ законъ не даетъ суду никакого простора въ примѣненіи наказанія и требуетъ безусловно казни, если преступленіе относится къ одной изъ вышеупомянутыхъ категорій; между тѣмъ, жизнь и практика вырабатываютъ частые случаи, гдѣ смертная казнь совершенно непримѣнима даже къ этимъ тяжкимъ уголовнымъ преступленіямъ, такъ напримѣръ, къ грабежу, безъ насилія, предметовъ маловажной цѣнности; зажигательству нежилого строенія, если оно не повело за собою другихъ послѣдствій; даже къ убійству, если оно совершено изъ ревности, крайняго раздраженія или при другихъ обстоятельствахъ, значительно смягчающихъ вину преступника. При подобныхъ обстоятельствахъ, наши полевые суды никогда не примѣняли смертной казни и часто обращались съ ходатайствомъ къ главнокомандующему о смягченіи наказанія свыше предоставленной суду по закону власти. Подобные примѣры можно привести и по другимъ категоріямъ преступленій. Не лучше ли узаконить то, что оказывается неизбѣжнымъ на практикѣ, и, оставивъ въ своей силѣ строгость полевыхъ уголовныхъ законовъ, дать суду большій просторъ въ ихъ примѣненіи, чѣмъ устранится частая необходимость представлять приговоры къ главнокомандующему, съ ходатайствомъ о смягченіи наказанія и ускорится окончаніе дѣлъ по самымъ важнымъ преступленіямъ.

Мы можемъ указать и на другія неясности въ нашихъ полевыхъ уголовныхъ законахъ. Напримѣръ, во всемъ воинскомъ уставѣ о наказаніяхъ, часто употребляется выраженіе *«въ виду непріятеля»*, существенно усиливающее наказаніе, но что именно разумѣется подъ этими словами, нигдѣ въ законѣ не опредѣлено и суды часто встрѣчали при постановленіи приговоровъ большія затрудненія по этому предмету.

Можно указать также на неясность закона о *мародерствѣ* — преступленіи, весьма распространенномъ въ войскѣ, равно и на необходимость разработки законовъ о *шпіонствѣ*, преступленіи также весьма важномъ въ военное время, но о которомъ даже нѣтъ особой статьи закона. О шпіонахъ только упомянуто въ ст. 271-й воинскаго устава о наказаніяхъ, опредѣляющей наказаніе военноплѣннымъ. Между тѣмъ, необходимо точнѣе опредѣлить, что такое шпіонство, и особенно, когда оно можетъ почитаться совершившимся преступленіемъ и когда остается только покушеніемъ на него. По этому вопросу встрѣчались также затрудненія на практикѣ.

Къ сожалѣнію, мы не можемъ представить болѣе подробныхъ соображеній по всѣмъ этимъ предметамъ, но сочтемъ себя счастливыми, если возбужденные нами вопросы послужатъ къ дальнѣйшему ихъ обсужденію и къ разработкѣ ихъ въ юридической литературѣ, такъ мало занимавшейся до сихъ поръ вопросами военно-уголовнаго права.

И. Ахшарумовъ.

КЪ ВОПРОСУ ОБЪ ОТКРЫТІИ СОВѢТОВЪ

присяжныхъ повѣренныхъ.

Судебная практика уже давно выдвинула на первый планъ три капитальныхъ вопроса дѣйствующей судебной организаціи: несостоятельность слѣдственной части, деморализацію судебной коллегіи, паденіе адвокатуры. Литература общая и спеціальная оказали достаточное содѣйствіе къ разработкѣ этихъ вопросовъ и мѣръ, необходимыхъ для блага общества и правосудія, но тѣ сферы, на обязанности которыхъ лежитъ правильное и своевременное удовлетвореніе назрѣвшихъ нуждъ, по прежнему безмолствуютъ. По край-

ней мѣрѣ мы знаемъ, что многочисленныя коммисіи, занимавшіяся вопросомъ о реорганизаціи слѣдственной части, несмотря на непрерывную почти работу двѣнадцати лѣтъ, до сихъ поръ непришли ни къ какимъ опредѣленнымъ выводамъ; мы знаемъ, что упадокъ значенія коллегіальности въ судахъ идетъ все дальше и дальше и безтактный, необдуманный проектъ общаго наказа, грозитъ это позорное положеніе вещей закрѣпить и узаконить; мы знаемъ наконецъ, что доказанная зависимость паденія адвокатуры отъ законовъ 25 мая 1874 и 3 января 1875 года, по прежнему игнорируется.

Въ судебной организаціи, какъ въ живомъ организмѣ, всѣ части такъ тѣсно связаны между собою, что порокъ одной изъ нихъ, неотразимо дѣйствуетъ на всѣ другія, и мы вправѣ сказать, не боясь упрека въ преувеличеніи, что до тѣхъ поръ, пока указанные недостатки не будутъ устранены сообразно съ духомъ и складомъ судебныхъ уставовъ, судъ, созданный этими уставами, будетъ оставаться для насъ желаннымъ идеаломъ, все дальше и дальше отъ насъ отодвигающимся, а дѣйствительность все болѣе и болѣе безотрадною.

Напримѣръ, что можетъ быть яснѣе и разительнѣе зависимости достоинствъ суда отъ достоинствъ адвокатуры, а между тѣмъ эта истина упорно пренебрегается. Если вы видите предъ собою корыстнаго, невѣжественнаго судью, льстиваго предъ высшими, нахальнаго съ низшими, то можете быть увѣрены, что такой судья возможенъ лишь потому, что передъ нимъ никогда не раздается смѣлое, свободное слово защиты, иначе оно, навѣрное, дисциплинировало его успѣшнѣе всевозможныхъ видовъ надзора.—Если въ странѣ существуетъ оскорбительная для правосудія неосмотрительность преслѣдованій, безразборчивое лишеніе свободы, презрительное отношеніе къ личности, словомъ, злоупотребленіе обвиненіемъ, то вы не сдѣлаете ошибки приписавъ его полному отсутствію или недостатку равноправной защиты.—Можно сказать, каждый шагъ судьи, каждое проявленіе судебной жизни, ярко и характерно отражають въ себѣ состояніе защиты на судѣ.

Наши уставы уголовнаго и гражданскаго судопроизводствъ, послѣдній въ особенности, явно ставятъ въ связь и зависимость состояніе правосудія отъ достоинства и силы защиты. Любое правило этихъ уставовъ, не говоря уже объ общихъ началахъ, выраженныхъ не въ буквѣ, а въ духѣ закона, можетъ быть искажено, втоп-

тано въ грязь, обращено въ мертвую букву, если не будетъ находить себѣ обезпеченій въ неослабной, энергической, авторитетной защитѣ.—Но такая защита совершенно невозможна при подчиненіи адвокатуры судамъ. Подчиненіе ея судамъ, помимо этого обстоятельства, уничтожаетъ возможность улучшенія личнаго состава и установленія корпоративнаго строя адвокатуры, который одинъ только и можетъ создать надлежащій противовѣсъ посягательствамъ на ея достоинство и значеніе. *Дурные суды прямо заинтересованы въ существованіи дурной адвокатуры.*

Мы имѣли уже случай указывать на всю ошибочность закона 3 января 1875 года, на всю гибельность этой мѣры, для самой магистратуры.

Правильность этаго, не одними нами раздѣляемаго взгляда, подтверждается постоянно, доходящими до насъ свѣдѣніями. Вотъ что пишетъ намъ, по этому поводу, одинъ изъ присяжныхъ повѣренныхъ округа Казанской судебной палаты.

„На нашъ взглядъ, отмѣна закона 3 января 1875 года, должна послѣдовать именно теперь, чтобы не быть запоздалой и никому ненужной мѣрой, такъ какъ настоящее русской адвокатуры требуетъ *немедленнаго* устраненія задерживающихъ ея развитіе условій.

Настоящее положеніе русской адвокатуры не представляется такимъ, которому можно было бы завидовать, въ особенности въ провинціи. Грубо, въ самомъ зародышѣ, прекращенъ ея дальнѣйшій ростъ! Само законодательство способствуетъ установленію въ обществѣ извращенныхъ понятій о ея задачахъ и презрительному къ ней отношенію; адвокатуру только *терпятъ*, какъ неизбѣжное зло. Лишая ее самоуправленія, въ лицѣ совѣтовъ присяжныхъ повѣренныхъ, и давъ возможность быть адвокатами всѣмъ и каждому, начиная съ человѣка, достойнаго этого званія и кончая кантонистомъ, сидѣльцемъ питейнаго заведенія и содержателемъ публичнаго дома, весь этотъ сбродъ, съ ироніей, съ тупымъ злорадствомъ, окрещиваютъ громкимъ именемъ русской адвокатуры!...

Подчиненіе суду, его верховный надзоръ, окончательно добиваютъ адвокатуру.—Какъ указываетъ практика, это подчиненіе воспитываетъ особенное сословіе: адвокатовъ—судейскихъ прихвостней, адвокатовъ-чиновниковъ, а не свободныхъ и самостоятельныхъ борцовъ за правое дѣло. Судъ не считаетъ себя *обязаннымъ* заботиться о чести и достоинствахъ адвокатскаго сословія потому, что отношенія его къ этому сословію становятся съ каждымъ днемъ, именно

въ настоящее время, враждебнѣе и враждебнѣе, да вообще нельзя даже и *требовать* отъ суда, чтобы онъ заботился о чистотѣ и чести того сословія, самое существованіе котораго нежелательно...... Адвокатура, по мысли составителей судебныхъ уставовъ, предполагалась помощницей суда, но.... прошли года и магистратура и адвокатура составили два враждебныхъ лагеря; вражда эта ростетъ и увеличивается и судъ, пользуясь правомъ власти, дѣлаетъ все, чтобы способствовать еще болѣе глубокому паденію значенія защиты на судѣ. Причинъ такого отношенія суда къ адвокатурѣ немного, и угадать ихъ не представляется труда. Какъ ни плохи условія развитія адвокатскаго сословія, а все таки, время отъ времени, сословіе это пополняется людьми свѣжими, въ которыхъ не все хорошее еще забито, которые стремятся поставить защиту на почетное мѣсто, указанное ей уставами, стремятся дать обществу смѣлыхъ и честныхъ защитниковъ правды, не останавливающихся предъ обличеніемъ въ бездѣйствіи, халатности и лѣни даже членовъ магистратуры.... Является стремленіе къ самостоятельности, претензія на почетъ и уваженіе, т. е. на тѣ качества, которыя, по мнѣнію магистратуры, въ судахъ, присущи только ей одной. Вотъ это-то желаніе пользоваться равными съ членами магистратуры правами и быть самостоятельнымъ,—и ненравится суду. Магистратура никакъ не можетъ согласиться съ тѣмъ, чтобы повѣренный, ею же „снисходительно допущенный" въ это сословіе, вполнѣ *подчиненное* ей лицо, могъ являться обличителемъ судейскаго произвола или незнанія того, что судъ *долженъ знать*. Если ко всему этому прибавить чувство зависти, которое у многихъ является при соображеніи о предполагаемыхъ „барышахъ" (въ провинціи этимъ именемъ принято называть вознагражденіе присяжнаго повѣреннаго *за трудъ*) повѣреннаго, превышающихъ жалованье чиновника V класса, то тогда будутъ вполнѣ ясны причины той враждебности, о которой упомянуто выше.

При такомъ положеніи дѣла, отправленіе обязанностей совѣта присяжныхъ повѣренныхъ окружнымъ судомъ, не только не приноситъ пользы, а наоборотъ, кромѣ вреда не даетъ ничего другаго, такъ какъ судъ, отправляя эти обязанности, преслѣдуетъ не охрану чести и достоинства сословія присяжной адвокатуры, а единственно возможность безнаказанно и безпрепятственно дѣйствовать по своему усмотрѣнію.

Къ такому выводу приводятъ тѣ рѣшенія суда, которыя по-

становляются имъ, какъ учрежденіемъ, замѣняющимъ совѣтъ присяжныхъ повѣренныхъ. Принимается въ число присяжныхъ повѣренныхъ лицо, вполнѣ достойное этого званія и судъ даетъ замѣтить, что онъ сдѣлалъ этому лицу *„любезность“*, принявъ его. Нѣтъ возможности убѣдить, что судъ не имѣетъ права ставить какія бы то ни было дѣла на почву любезности, что разъ лицо признано удовлетворяющимъ требованіямъ закона для пріема въ присяжные повѣренные, то судъ, тѣмъ самымъ, *обязанъ* принять его въ сословіе и что о любезномъ отношеніи, о томъ что „мы приняли“, не можетъ быть и рѣчи.—Принимается судомъ завѣдомый негодяй и члены того сословія, которому навязанъ судомъ нежелательный и безнравственный товарищъ,—не имѣютъ права протеста противъ такого постановленія суда. Этотъ, судомъ избранный товарищъ, изъ старыхъ сутягъ (при дѣйствіи временныхъ правилъ 25 мая 1874 г.) или изъ удаленныхъ членовъ судебнаго вѣдомства, дѣлаетъ подлости, стыдъ ложится на все сословіе, которое нисколько въ этомъ неповинно и оно безсильно даже заявить, что это не ихъ товарищъ, что это избранникъ суда... Возбуждается дисциплинарное производство о явно-неблаговидныхъ и безнравственныхъ дѣйствіяхъ повѣреннаго, судъ, благодаря только тому, что онъ не знаетъ обвиняемаго, да и не заботится узнать что-либо о немъ, оправдываетъ его; какое ему дѣло до охраненія достоинства присяжной адвокатуры. И наоборотъ, возбуждается дисциплинарное производство по пустому поводу, и смотришь, дѣлается выговоръ только потому, что обвиняемый, хотя и правъ по дѣлу, но не считаетъ для себя за честь тѣ отвѣтные поклоны, которые представители суда „благосклонно“ ему отдаютъ, да и кромѣ того, во многомъ не соглашается съ судомъ, а иногда рѣшается еще и обличать; „такого нужно осадить...“ Независимо отъ этого возбуждается масса дисциплинарныхъ производствъ съ единственною только цѣлью: дать знать повѣреннымъ, что мы, власти, предъ которыми нужно преклоняться, и которыя *могутъ* привлекать повѣренныхъ къ отвѣту за дѣло и безъ дѣла, по своему произволу.. именуемому „усмотрѣніемъ суда.“ И наоборотъ, множество дѣлъ, подлежащихъ вѣдѣнію совѣта, о неправильныхъ дѣйствіяхъ повѣреннаго, не доходитъ теперь до суда; онѣ остаются извѣстными только повѣреннымъ, которые не заявляютъ объ этомъ суду, не желая получить за это названіе доносчика.

Вообще, рѣшеніе дѣлъ судомъ, какъ учрежденіемъ, замѣняю-

щимъ совѣтъ присяжныхъ повѣренныхъ, несомнѣнно даетъ тотъ безграничный *просторъ личнымъ отношеніямъ, симпатіямъ и антипатіямъ, любезностямъ, произволу и естественной ошибкѣ*, которымъ не должно быть мѣста въ судѣ.

Подчиненность повѣреннаго суду, какъ совѣту, влечетъ за собой, слишкомъ часто, лакейское отношеніе перваго къ послѣднему, полную приниженность сословія и веденіе дѣлъ такъ, *какъ этого желаетъ судъ*. Чтобы убѣдиться въ этомъ, стоитъ только посѣтить любое изъ засѣданій провинціальнаго суда, по окончаніи котораго можно составить себѣ вполнѣ ясное понятіе объ отношеніяхъ суда къ повѣреннымъ и значеніи этихъ послѣднихъ. Начало засѣданія въ 11 часовъ, и только иногда, по „недосугу“ судей, въ 12. Назначенный судомъ защитникъ является въ 5-ть минутъ 12-го и сейчасъ же его постигаетъ кара: Запишите въ протоколъ о томъ, что присяжный повѣренный №№ опоздалъ въ засѣданіе суда, о чемъ и сообщить къ дѣламъ предсѣдателя“... Цѣна такому „пріобщенію къ дѣламъ,“ конечно, пустая, ибо никакого производства по этимъ сообщеніямъ, особенно практикуемымъ въ провинціи, не будетъ, да и дѣлаются то они не съ цѣлью возбужденія отвѣтственности, а только изъ желанія публично показать власть и свои отношенія къ повѣреннымъ, но на присутствующихъ въ судѣ—на общество, этотъ фарсъ производитъ надлежащее воздѣйствіе. Во время преній заходитъ рѣчь о дѣйствіяхъ какой либо административной или иной власти, хотя бы даже о дѣйствіяхъ урядника; защитникъ коснулся этой дѣятельности постольку, конечно, поскольку это нужно для выясненія дѣла, и сейчасъ же останавливается: „Вы не имѣете права критиковать дѣйствія должностныхъ лицъ, о чемъ вамъ, какъ присяжному повѣренному, должно бы быть не безъизвѣстно...“ О дѣйствіяхъ же лицъ выше урядника стоящихъ, Боже сохрани касаться.. Защитникъ заявляетъ суду какое либо ходатайство, ему отказываютъ въ этомъ на просьбу о занесеніи этого отказа въ протоколъ получается отвѣтъ: „Вамъ, какъ присяжному повѣренному, должно бы быть также извѣстнымъ, что всѣ постановленія суда заносятся въ протоколъ... безъ особой о томъ просьбы..“ Такой отвѣтъ, почти всегда, сопровождается соотвѣтствующимъ жестомъ пренебрежительности. Попробуй защитникъ что либо отвѣтить на это, опять готовъ отвѣтъ; „Прошу не пререкаться и распоряженіямъ моимъ повинуйтесь“.. и дѣйствительно, не желая вреда дѣлу, приходится повиноваться.

Всѣхъ „прошу не пререкаться“, „пріобщеній къ дѣламъ“ и другихъ, тому подобныхъ, образчиковъ проявленія власти, практикуемыхъ въ провинціальныхъ судахъ, перечесть невозможно, да и едва-ли нужно; каждому знакомы картины провинціальнаго суда за послѣднее трехълѣтіе..., картины, которымъ нѣкоторые даютъ нелестныя, для самаго суда, названія.

Таковы въ провинціи значеніе и отношенія къ суду присяжной адвокатуры; оставлять ее въ такомъ положеніи невозможно, нужно что либо одно изъ двухъ: или уничтожить защиту совсѣмъ, или дать ей возможность правильнаго развитія.“

Таково заключеніе нашего казанскаго кореспондента, и говоря разсудительно, что можно возразить противъ него, несмотря на очевидную нелѣпость и несообразность послѣдствій уничтоженія адвокатуры?

Попытки выйти изъ этого отчаяннаго положенія—неизбѣжны. Эти попытки однако встрѣчаютъ весьма суровый отпоръ со стороны судовъ. Читатели безъ сомнѣнія знаютъ о возникшемъ въ Кіевѣ дисциплинарномъ преслѣдованіи 26 протестантовъ повѣренныхъ Дѣло началось съ того, что, какъ заявляли кіевскія газеты, въ теченіи двухъ дней подъ рядъ, 4 и 5-го марта этого года, въ судебныхъ засѣданіяхъ по 1-му гражданскому отдѣленію, предсѣдавшій членъ суда Делинскій и самъ предсѣдатель Сабуровъ, останавливая присяжныхъ повѣренныхъ въ ихъ заявленіяхъ суду, довели свою рѣзкость въ обращеніи, до крика: „молчать!“. Эти факты не могли не обратить вниманія кіевскихъ присяжныхъ повѣренныхъ, тѣмъ болѣе, что они на первыхъ порахъ своей дѣятельности, встрѣтили самое грубое отношеніе къ себѣ, и непомѣрныя стѣсненія въ защитѣ, со стороны суда. Собравшись и обсудивъ всѣ факты ненормальныхъ отношеній суда къ адвокатурѣ, и желая устраненія ихъ мирнымъ путемъ, кіевскіе повѣренные составили *частное* письмо г. Сабурову, подписанное 26 именами, въ которомъ, разъясняя отношенія адвокатуры къ суду, по судебнымъ уставамъ, и указывая на несообразность съ ними того положенія, въ которое они поставлены, просили устроить это положеніе къ лучшему. Сдержанность и умѣренность этого обращенія не привела ни къ чему. Г. Сабуровъ, придавъ этому письму оффиціальное значеніе, передалъ его въ судъ (какъ извѣтъ), а судъ, находя нѣкоторыя выраженія въ письмѣ неприличными *для себя* (какъ суда), составилъ цѣлый обвинительный актъ и угрожая судомъ, потребовалъ отъ протестантовъ

объясненій. Случилось нѣчто высоко несообразное. Судъ, съ одной стороны, считаетъ себя оскорбленнымъ и составляетъ изъ произвольно вырванныхъ словъ письма, обвинительный актъ (въ такой формѣ написано опредѣленіе суда), а съ другой, тотъ же судъ (какъ совѣтъ) собирается судить; вотъ что значитъ соединеніе суда съ совѣтомъ. Прибавьте къ этому, что присяжные повѣренные обратились къ г. Сабурову частнымъ образомъ, желая уладить чрезъ него взаимныя отношенія съ судомъ, а г. Сабуровъ, безъ всякаго полномочія, передалъ письмо въ судъ и самъ же въ судѣ разбиралъ его и составлялъ обвинительный актъ,—и вы поймете на чьей сторонѣ все *неприличіе* и неумѣстность поступка. Читатель можетъ быть подумаетъ, что присяжные повѣренные кіевскаго округа люди гордые и заносчивые, желающіе только пререкаться съ судомъ? Нашъ кіевскій корреспондентъ завѣряетъ насъ въ противномъ. Онъ утверждаетъ, что здѣшніе присяжные повѣренные люди крайне смирные, желающіе лишь одного: не быть въ рабскомъ положеніи, несоотвѣтствующемъ принятымъ ими на себя обязанностямъ.

Иную картину, по его словамъ, представляетъ Кіевскій судъ. „Персоналъ нашего окружнаго суда, пишетъ онъ, состоитъ изъ лицъ, большею частью пропитанныхъ высокимъ, ничѣмъ неоправдываемымъ мнѣніемъ о себѣ и своемъ положеніи; внутри же—слабость юридическихъ познаній, чиновничество, формализмъ и неряшество. Пробывъ въ новомъ судѣ безъ году недѣлю, судьи, при многочисленномъ составѣ, завели страшную медленность, особенно въ гражданскихъ отдѣленіяхъ (ихъ 2 и уголовныхъ 2); она выражается въ томъ, что, по нѣкоторымъ дѣламъ, въ теченіи года нѣтъ рѣшенія по существу, по другимъ—рѣшенія въ окончательной формѣ пишутся чрезъ 3, 4, 5 и 6 мѣсяцевъ; при дурномъ устройствѣ канцеляріи, при запущеніи дѣлъ у нѣкоторыхъ членовъ, справки и бумаги получаются крайне медленно. Особенно сильны жалобы на запущеніе дѣлъ, находящихся у члена Делинскаго. Въ довершеніи запущенія и медленности, судъ распорядился назначить въ гражданскихъ отдѣленіямъ по одному засѣданію въ недѣлю, не только на вакантное время, съ іюня по сент., но и по 1 октября, такъ какъ члены желаютъ пользоваться, кромѣ ваканта, отпусками на весь сентябрь. Ни въ одномъ судѣ не было такой медленности на первыхъ же порахъ;—въ этомъ отношеніи, какъ и въ другихъ, судъ скоро превратится въ старую, соединенную палату. Въ разрѣшеніи дѣлъ, формализмъ обуялъ правду, кромѣ буквы закона судъ ничего приз-

навать не хочетъ. Въ 1-мъ уголовномъ отдѣленіи защита сдѣлалась невозможною: товарищъ предсѣдателя *Евреиновъ*, обрываетъ защитника на всякомъ объясненіи, на всякомъ вопросѣ; чтобы ускорить производство, онъ прибѣгаетъ къ слѣдующему пріему: желая лишить защитника возможности предложенія вопросовъ, онъ обращается къ присяжнымъ: „считаете ли вы нужнымъ предложеніе дальнѣйшихъ вопросовъ?“ Тѣ молчатъ или отвѣчаютъ „нѣтъ“, не понимая дѣла; затѣмъ, самъ говоритъ 2-ю обвинительную рѣчь, иногда болѣе сильную, чѣмъ прокуроръ. Всякій защитникъ считаетъ великимъ счастьемъ не имѣть дѣла съ такимъ предсѣдателемъ.

Всюду и вездѣ царитъ палочное внушеніе почтенія къ суду, но все ограничивается внушительною внѣшностью, при бѣдности внутренняго содержанія. Канцеляризмъ, чиновничество и формализмъ проявляются на всякомъ шагу, но духа и великаго смысла судебныхъ уставовъ нѣтъ въ судѣ. Судебная палата, вообще рѣзко отличается отъ окружнаго суда и могла бы служить образцомъ для него: тамъ все спокойно, не придирчиво, но, къ сожалѣнію, въ этомъ отношеніи вліянія ея на окружный судъ не замѣчается“.

Густыя краски, наложенныя на судъ, обоими нашими кореспондентами, завися отъ личнаго состава судовъ, медленно обновляющагося, конечно не изчезли бы, но они значительно поблѣднѣли бы, стушевались, если бы недостаткамъ этого состава, была противопоставлена корпоративная сила адвокатуры, ея независимое отъ судовъ положеніе. Въ рукахъ судовъ—хотя бы и лишенныхъ дисциплинарной власти надъ адвокатурою—есть масса опредѣленныхъ закономъ средствъ, сдерживать и устранять злоупотребленія недостойныхъ ея представителей, но въ рукахъ адвокатуры, поставленной въ зависимость отъ суда, *нѣтъ средствъ обуздывать своеволіе суда*.

Вотъ почему мы не устанемъ возвращаться къ вопросу о необходимости открытія новыхъ совѣтовъ присяжныхъ повѣренныхъ, какъ перваго и важнѣйшаго шага къ устраненію нынѣшнихъ, нестерпимыхъ порядковъ, какъ главнѣйшей мѣрѣ улучшенія не только образа дѣйствій адвокатуры, но и самихъ судовъ.

Мы уже извѣщали о неудавшейся попыткѣ ходатайства Кіевскихъ присяжныхъ повѣренныхъ, въ концѣ прошлаго года. Почти въ тоже время, таже попытка была повторена и присяжными повѣренными Казанскаго судебнаго округа.—Мы не знаемъ какая судьба постигнетъ

это новое ходатайство. Во всякомъ случаѣ, обращаемъ на него вниманіе нашихъ читателей и считаемъ небезполезнымъ сообщить разумные доводы въ пользу необходимости открытія совѣта, изложенные казанскими присяжными повѣренными, въ запискѣ ихъ, поданной ревизующему сенатору Ковалевскому.

Вотъ эта записка:

„Постоянно, среди присяжныхъ повѣренныхъ округа Казанской судебной палаты, возбуждался вопросъ относительно исходатайствованія совѣта присяжныхъ повѣренныхъ, что говоритъ въ пользу единодушнаго желанія этого учрежденія. Но удовлетвореніе означеннаго ходатайства зависитъ не только отъ упомянутаго мотива, но также отъ уважительности причинъ *необходимости* означеннаго учрежденія, а равно и *возможности*, обусловленной мѣстными обстоятельствами. Чтобы выяснить причины *необходимости* учрежденія совѣта, слѣдуетъ обратиться къ разсмотрѣнію его цѣли и значенія. Цѣль совѣта заключается, главнымъ образомъ, въ надзорѣ за дѣятельностію присяжныхъ повѣренныхъ извѣстнаго округа (1051 ст. II т. I ч. 2 п. 1061 ст. т. т.) а также въ разрѣшеніи вопросовъ, касающихся принятія въ это званіе и проч. (1061 ст. II т. ч. I). При отсутствіи совѣта, всѣ права и обязанности его принадлежатъ окружному суду (1072 ст. II т. ч. I). Такъ какъ въ округѣ Казанской судебной палаты находится нѣсколько окружныхъ судовъ, то каждому окружному суду подчинены, такъ сказать, *свои* присяжные повѣренные. Въ виду разнообразія взглядовъ различныхъ судовъ на многіе вопросы, касающіеся правъ и обязанностей адвокатуры, является разнообразіе взглядовъ, относительно контроля надъ дѣятельностію присяжныхъ повѣренныхъ и относительно пріема лицъ въ это званіе, хотя, въ подобномъ случаѣ, должны бы господствовать одни, общія, начала, потому что присяжные повѣренные принадлежатъ къ одному округу. Вслѣдствіе такого разнообразія, является разнообразіе во взглядахъ самихъ присяжныхъ повѣренныхъ различныхъ городовъ, на свои права и обязанности. Что въ одномъ мѣстѣ, считается достойнымъ порицанія, въ другомъ—дѣйствіемъ безразличнымъ; что въ одномъ—обязанностью, въ другомъ—только правомъ. Кромѣ того, судъ, въ силу своего положенія, въ силу своей професіи, не можетъ охранить всесторонне дѣятельности адвоката; не можетъ войти во всѣ его интересы, въ его положеніе; поэтому онъ относится при вопросѣ о пріемѣ или о взысканіи, уже съ своей, чисто судейской, точки зрѣнія, которая

отзывается иногда или излишнимъ формализмомъ, или, такъ сказать, крайнимъ субъективизмомъ. Судъ, въ подобныхъ случаяхъ, или черезъ-чуръ слабъ, или черезъ-чуръ строгъ. Подобная слабость или строгость слишкомъ вредно отражается на сословіи присяжныхъ повѣренныхъ, принижая ихъ нравственную личность, сосредоточивая ихъ дѣятельность преимущественно на эгоистическихъ интересахъ, заставляя ихъ дѣйствовать согласно взгляду суда, не потому, чтобы онъ былъ правиленъ, а потому, что онъ принадлежитъ начальству. Что судъ вообще формаленъ въ своихъ отношеніяхъ къ адвокатурѣ, доказательствомъ служитъ то, что *примѣры преслѣдованія присяжныхъ повѣренныхъ, за предосудительныя дѣйствія, помимо жалобъ, весьма рѣдки, даже, кажется, совсѣмъ небывалы, что, конечно, очень печально*. Но это обстоятельство объясняется тѣмъ, что суду, въ силу его положенія, не можетъ быть извѣстно многое изъ дѣятельности адвоката, что извѣстно его собратьямъ; сообщеніе же суду о неблаговидныхъ поступкахъ нѣкоторыхъ присяжныхъ повѣренныхъ, ихъ сотоварищами или частными лицами, въ силу установившихся обычаевъ, считается доносомъ, дѣйствіемъ неблаговиднымъ, къ чему ни одинъ порядочный человѣкъ не прибѣгнетъ. Каждое сословіе, каждая професія, кромѣ общечеловѣческихъ чувствъ чести, имѣетъ свои чувства чести, свойственныя корпораціи, мундиру, знамени. Нельзя отрицать, что наше сословіе присяжной адвокатуры можетъ успѣшно дѣйствовать тогда только, когда въ каждомъ членѣ его будетъ сильно развито чувство чести, чувство независимости, духъ корпораціи; но судъ не можетъ содѣйствовать развитію этихъ качествъ, потому что онъ не связанъ ничѣмъ съ адвокатурой, онъ находится отъ нея вдали, не имѣя ничего общаго, ни въ ея принципахъ, ни въ ея дѣятельности; онъ можетъ дѣйствовать на адвокатуру при помощи только карательныхъ средствъ, дѣйствительность которыхъ весьма сомнительна, потому что если они и удерживаютъ отъ дурнаго дѣйствія, но за то не могутъ побуждать и къ хорошему. Вотъ условія, указывающія на недостаточность суда, какъ органа, контролирующаго и регулирующаго дѣятельность присяжной адвокатуры. Эти условія, такъ сказать, общаго характера, но не мѣстнаго. Такъ какъ послѣднія условія зависятъ отъ тѣхъ или другихъ личностей, которыя безпрестанно мѣняются, то выставлять означенныя условія, въ виду этого, совершенно излишне и даже неумѣстно, тѣмъ болѣе, что выясненію подобнаго обстоятельства придается характеръ жа-

лобы. Единственное учрежденіе, которое можетъ дѣйствовать благотворно—это совѣтъ, установленный уставами 20 ноября 1864 г. Учрежденный для всего округа, онъ вноситъ единство во взгляды присяжныхъ повѣренныхъ на ихъ права и обязанности; состоящій изъ тѣхъ же адвокатовъ, находящихся въ постоянныхъ сношеніяхъ съ своими сотоварищами, близко зная общественную жизнь каждаго, онъ не можетъ относиться формально къ ихъ дѣятельности. Самый ничтожный шагъ, самое малѣйшее уклоненіе отъ установленнаго пути, не избѣгнетъ отъ его вниманія и вызоветъ строгое порицаніе; что, въ настоящее время, не возбуждаетъ со стороны суда никакого преслѣдованія, хотя иногда вызываетъ сильное неудовольствіе товарищей, то, тогда, не останется безъ строгаго взысканія. Какъ бы кара, наложенная совѣтомъ, строга ни была, она не вызоветъ того чувства негодованія, того чувства раздраженія, которое, сплошь и рядомъ, встрѣчается теперь. Взысканіе, наложенное совѣтомъ, есть взысканіе товарищей и притомъ наиболѣе уважаемыхъ, которыхъ скорѣе заподозрятъ въ ошибкѣ, въ увлеченіи принципомъ, чѣмъ въ личномъ пристрастіи. Потребность въ судѣ товарищей чувствуется сильно и въ настоящее время, чему доказательствомъ служитъ тотъ фактъ, что *здѣсь было нѣсколько примѣровъ подобнаго суда.* Дѣйствуя благотворно въ качествѣ контроля, совѣтъ будетъ производить благотворное вліяніе, еще значительнѣе, въ качествѣ регулятора. При существованіи совѣта будетъ признанъ принципъ законной самостоятельности принципъ корпоративности. Обладая законными правами, корпорація, желающая жить вполнѣ согласно съ требованіями общества, можетъ наложить на своихъ сочленовъ такія серьезныя и строгія обязанности, которыя каждымъ будутъ исполняться безропотно и безпрекословно, о чемъ не можетъ даже мечтать начальственное лицо, обладающее обширными карательными средствами. Строгое выполненіе обязанностей подниметъ уваженіе въ обществѣ къ присяжной адвокатурѣ и поставитъ ее на ту высоту, которую она должна занимать по своему положенію. *Въ настоящее время, это уваженіе— удѣлъ немногихъ личностей, но не корпораціи.* На присяжную адвокатуру всѣ, даже большинство лицъ судебнаго сословія, смотрятъ какъ на людей, добывающихъ извѣстнымъ способомъ средства къ существованію, такъ сказать, промышленниковъ, но не какъ на лицъ, на которыхъ лежатъ весьма тяжелыя обязанности. Что присяжные повѣренные, состоящіе при Казанскомъ окружномъ судѣ,

способны жертвовать своими интересами, служить своему знамени, доказываетъ попытка ѣздить на уѣздныя сессіи. Если эта попытка оказалась не вполнѣ удачной, то только благодаря отсутствію нормальнаго регулятора.

Здѣсь нужно замѣтить, что учрежденіе совѣта полезно не только съ точки зрѣнія интересовъ присяжныхъ повѣренныхъ, но и для всего общества.

Много лицъ обращается къ суду, много ходатайствъ посылается изъ отдаленныхъ мѣстъ въ кабинетъ присяжныхъ повѣренныхъ, въ ошибочномъ предположеніи, что существуетъ совѣтъ, съ просьбой указать повѣреннаго. Судъ, не имѣя возможности исполнить справедливыя требованія, отказываетъ, но чтобы помочь дѣлу, нѣкоторые изъ членовъ судебнаго мѣста, изъ любезности, принимаютъ на себя роль рекомендателей, что нерѣдко бываетъ неудачно. Такая любезность весьма неудобна во многихъ отношеніяхъ, потому что, во первыхъ, порождаетъ нѣкоторое чувство недовольства между повѣренными, а во вторыхъ, порождаетъ неуваженіе къ рекомендовавшимъ лицамъ, при неудачной рекомендаціи.

Высказавъ условія необходимости учрежденія совѣта, слѣдуетъ выяснить условія *возможности*. Возможность существованія совѣта обусловлена, главнымъ образомъ, тѣмъ обстоятельствомъ, что присяжные повѣренные всего округа, будутъ собираться на общія собранія, что совѣтъ будетъ составляться не только изъ казанскихъ повѣренныхъ, но и повѣренныхъ другихъ городовъ. Принимая во вниманіе географическія условія округа Казанской судебной палаты, можно прійти, на первый взглядъ, къ заключенію, что подобныя условія говорятъ противъ означенной возможности, потому что на общія собранія едва-ли, въ виду отдаленности, поѣдутъ многіе изъ другихъ мѣстъ, а потому, какъ общія собранія, такъ и совѣтъ, будутъ состоять только изъ казанскихъ присяжныхъ повѣренныхъ, что не можетъ не имѣть вреднаго вліянія, такъ какъ жизнь корпораціи сосредоточится въ Казани, прочіе же центры останутся въ сторонѣ, и что, такимъ образомъ, какъ всякая централизація, совѣтъ ослабитъ значеніе мѣстной адвокатуры другихъ судовъ.

Но всѣ эти соображенія положительно падаютъ въ виду слѣдующаго. Во первыхъ, географическія условія не имѣютъ такого неудобства, какъ кажется съ перваго взгляда. Всѣ города, въ которыхъ учреждены окружные суды, и гдѣ преимущественно живутъ присяжпые повѣренные, расположены на судоходныхъ рѣкахъ, и

хотя одинъ городъ находится на восточномъ склонѣ Уральскаго хребта (Екатеринбургъ), но онъ соединенъ съ пароходною пристанью желѣзной дорогой. Принимая во вниманіе крайнюю дешевизну путешествій по рѣкамъ Камско-Волжскаго басейна, прійдешь къ заключенію, что если общія собранія будутъ назначаемы во время пароходной навигаціи, то большинство будетъ посѣщать общія собранія, а слѣдовательно будетъ возможность, чтобы совѣтъ состоялъ не только изъ казанскихъ, но и изъ иногородныхъ лицъ. Но если и допустить, что на общихъ собраніяхъ и въ совѣтахъ будетъ господствовать казанскій элементъ, то вреднаго вліянія отъ этого произойти не можетъ. Казань, въ которой сосредоточена интеллектуальная жизнь всего Камско-Волжскаго края, имѣетъ, какъ и всякій центръ, въ этомъ отношеніи вліяніе болѣе полезное, чѣмъ вредное. Недостатокъ централизаціи заключается въ томъ, что у мелкихъ центровъ очень часто не имѣется средствъ противодѣйствовать вредному вліянію главнаго центра; но если бы совѣтъ присяжныхъ повѣренныхъ составлялся только изъ казанскихъ адвокатовъ, сосредоточивая преимущественно дѣятельность на одной казанской жизни, игнорируя интересы другихъ мѣстностей, то у послѣднихъ есть всѣ легальныя средства противодѣйствовать бездѣйствію или вредному дѣйствію. Но, кромѣ того, въ случаѣ учрежденія совѣта, во многихъ мѣстахъ, при условіи, обозначенномъ въ ст. 1060 т. II ч. 1-ой, могутъ быть учреждены *отдѣленія совѣта*, на что можно вполнѣ разсчитывать, такъ какъ вся практика сосредоточивается въ рукахъ присяжныхъ повѣренныхъ, число которыхъ вслѣдствіе этого увеличивается. Отдѣленія совѣта, находясь въ органической связи съ самимъ совѣтомъ, уже совершенно парализуютъ вредное вліяніе централизаціи, если таковое и можетъ проявиться. Сначала открытія судебныхъ учрежденій въ казанскомъ судебномъ округѣ, вся практика находилась въ рукахъ частныхъ повѣренныхъ, но въ теченіи 10 лѣтъ она перешла къ присяжнымъ повѣреннымъ. Всѣ эти обстоятельства указываютъ, что, несмотря на многія неблагопріятныя причины, обусловленныя, съ одной стороны, можетъ быть нѣкоторыми недостатками въ личныхъ качествахъ присяжныхъ повѣренныхъ, а съ другой, главнымъ образомъ, неблагопріятными внѣшними обстоятельствами,—институтъ присяжныхъ повѣренныхъ пріобрѣлъ расположеніе общества, а потому нѣтъ никакихъ основаній заключать, что при предоставленіи ему права самостоятельности, онъ подорветъ свое настоящее значеніе.

Учрежденіе совѣта не уединитъ адвокатуру отъ суда, не будетъ вліять на развитіе въ корпораціи исключительныхъ качествъ, несовмѣстныхъ съ достоинствомъ лицъ, принадлежащихъ, по началамъ уставовъ 20 ноября, все-таки къ судебному сословію. Контроль надъ присяжной адвокатурой останется за судебнымъ вѣдомствомъ, въ лицѣ высшаго учрежденія—судебной палаты, которая будетъ служить связующимъ звеномъ между адвокатурой и магистратурой; которая будетъ наблюдать надъ чистотою принциповъ и сдерживать крайности какого бы то ни было направленія".

Искренне желаемъ, чтобы доводы Казанскихъ присяжныхъ повѣренныхъ, не въ первый разъ развиваемые, были наконецъ услышаны подлежащею властью и чтобы на сторонѣ необходимости немедленнаго открытія совѣтовъ, встали мужественно,открыто, энергично, не только присяжные повѣреные, но и сами суды, въ интересахъ собственнаго достоинства.

В. Володиміровъ.

ЮРИДИЧЕСКІЕ ЖУРНАЛЫ НА КАВКАЗѢ.

На свѣтѣ нѣтъ ничего совершеннаго. И наши новыя судебныя учрежденія не составляютъ исключенія изъ этого правила. Спору нѣтъ, многіе порядки, въ нихъ установившіеся, дурны. Практика, въ нихъ господствующая, уклоняется все дальше и дальше отъ идеала, содержащагося въ законѣ. Изобличеніе этихъ несовершенствъ, этихъ уклоненій, конечно, входитъ въ задачу каждаго юридическаго органа, обязаннаго, по цѣли своей, высоко держать знамя закона и законности. Но что сказать о такомъ спеціальномъ изданіи, которое завѣдомо предпринимается съ исключительною цѣлью обличенія, и этимъ обличеніемъ исчерпываетъ все своё содержаніе.—А между тѣмъ, съ 1 января настоящаго года, однимъ изъ Тифлискихъ присяжныхъ повѣренныхъ, г. Карабеговымъ, издается въ Тифлисѣ именно такая газета: „Судебные Порядки". Газету эту, выходящую еженедѣльно, въ размѣрѣ однаго листа, г. Карабеговъ сначала назвалъ „юридическимъ журналомъ", а затѣмъ сталъ величать „обличительнымъ юридическимъ журналомъ" и въ такомъ видѣ издаетъ её уже полгода.—

Сама по себѣ, юридическая газета, появившаяся въ провинціи, да притомъ еще не въ центрѣ интеллигенціи и не въ университетскомъ городѣ, уже обращаетъ на себя вниманіе и фактомъ своего появленія должна возбуждать интересъ.

Извѣстно, каково вообще положеніе провинціальной прессы. Подъ двойнымъ гнетомъ цензуры и администраціи, въ провинціи немыслимо болѣе или менѣе продолжительное и въ особенности болѣе или менѣе независимое существованіе частныхъ періодическихъ изданій. Вмѣсто этихъ частныхъ изданій, на провинціальной почвѣ процвѣтаетъ, и можетъ процвѣтать, только тотъ видъ журналистики, который черпаетъ свои вдохновенія въ губернаторскихъ канцеляріяхъ и состоитъ подъ непосредственнымъ руководствомъ чиновниковъ-редакторовъ *Губернскія*, да *областныя вѣдомости*, вотъ тѣ литературно-политическіе органы, участь которыхъ всегда въ провинціи обезпечена. Издаваемые на казенныя деньги, печатаемые въ казенныхъ типографіяхъ, поддерживаемые вліяніемъ начальства и помѣщеніемъ казенныхъ объявленій и самою же казною, т. е. казенными учрежденіями получаемые, они безпечально существуютъ десятки лѣтъ и не знаютъ ни заботъ, ни тревогъ, ни помысловъ о завтрашнемъ днѣ. Въ неравной борьбѣ съ этими оффиціальными и оффиціозными органами, частныя изданія скоро слагаютъ оружіе и продернувъ нѣсколькихъ чиновниковъ изъ тѣхъ кто помельче, они гибнутъ въ горестномъ сознаніи, что это все, что они могли совершить и что послѣ этаго имъ остается только духовно опочить. Но то были литературныя изданія, опытъ провинціальной юридической газеты еще не былъ извѣданъ, и потому появленіе ея представлялось явленіемъ особенно интереснымъ.—

Судебные Порядки дебютировали большою, пятнадцати-столбцовою in 4° статьею „*Объ упадкѣ правосудія*“, посвятивъ этой статьѣ, цѣликомъ, весь первый номеръ. Въ этой статьѣ выяснялось и общее міровозрѣніе редакціи новой газеты и взглядъ ея на будущія задачи своего журнала. Прежде всего выяснилось, что, вмѣстѣ съ Макіавели, редакція думаетъ, что „люди дѣйствуютъ обыкновенно дурно, если только не принуждены необходимостью поступать хорошо“—и такъ какъ подобная идея только и можетъ вести къ самымъ страннымъ выводамъ, то и редакція пришла, между прочимъ, къ тому выводу, что „*всѣ акты справедливости и добродѣтели, суть порожденіе чувства страха опасности* (!!) *отъ равной или превосходящей силы*“ и что человѣчество воздержи-

вается отъ дурныхъ поступковъ только *изъ взаимнаго опасенія мести.* (№ 1).

Этими и подобными положеніями, Судебные Порядки старались доказать, что правосудіе пришло въ упадокъ, — хотя приведенныя мысли, нисколько не касаясь ихъ внутренней цѣнности, должны скорѣе приводить не къ тому заключенію, что правосудіе пришло или приходитъ въ упадокъ, а къ тому, что правосудія и справедливости никогда не было и нѣтъ на землѣ; что при тѣхъ, повально дурныхъ свойствахъ и побужденіяхъ, которыя управляютъ людьми и ихъ дѣйствіями, правосудіе просто не мыслимо, такъ какъ человѣчество, по самой природѣ своей, оказывается лишеннымъ возможности сознательно стремиться къ осуществленію идей добра, правды и справедливости [1]).

Въ послѣдовавшихъ, затѣмъ №№, Судебные Порядки сразу спустились съ почвы общихъ сужденій и стали почти цѣликомъ наполняться полемикой съ предсѣдателемъ Тифлисскаго окружнаго суда, по поводу канцелярскихъ безпорядковъ, и разборами проигранныхъ редакторомъ этой газеты процесовъ, пытаясь доказать, что причину проигрыша этихъ дѣлъ, нужно искать только въ незнаніи судьями законовъ, въ недостаткѣ судейскаго безпристрастія и въ непріятныхъ отношеніяхъ къ нему, редактору. Въ этой полемикѣ г. Карабеговъ, не стѣсняясь въ выраженіяхъ, обзывалъ судей *невѣждами, тупыми самодурами, сторонниками произвола* и даже *душегубцами*, и, въ тоже время, приписывалъ судамъ и судьямъ самыя низкія цѣли и побужденія.

Но всѣ эти первые №№ газеты были лишь пробными попытками будущихъ обличеній. Редакція только ощупывала почву и испытывала что можно и чего нельзя. Замѣтивъ исключительно благосклонное отношеніе цензуры и въ особенности поставленной надъ цензурой администраціи, редакція, въ 8 № газеты, открыто объявила формальную и безпощадную войну всѣмъ мѣстнымъ судебнымъ учрежденіямъ.

Съ какимъ то паѳосомъ, менѣе всего удобнымъ въ юридическомъ, хотя бы и обличительно-юридическомъ журналѣ, газета возвѣстила своимъ читателямъ, что она рѣшительно никого и ничего не боится; что хотя редактору ея, въ качествѣ мѣстнаго присяжнаго повѣ-

---

[1]) Статья „Объ упадкѣ правосудія" не была окончена въ первомъ № и хотя продолженіе обѣщано, но таковаго не появилось въ теченіи цѣлаго полугодія.

реннаго, и слѣдовало бы опасаться неудовольствія окружнаго суда, но онъ не боится и окружнаго суда, не боится уже возбужденныхъ противъ него дисциплинарныхъ преслѣдованій и даже тѣхъ самыхъ судей, которые возбудили противъ него эти преслѣдованія, онъ *„приглашаетъ идти съ нимъ, редакторомъ, рука объ руку, для искорененія того зла, на которое онъ ополчился“*. Тѣ *указанія*, которыя были сдѣланы ему за нарушеніе обязанности своего званія и тотъ *выговоръ*, который ему уже объявленъ, г. Карабеговъ игнорируетъ; эти взысканія онъ признаетъ несправедливыми и неправильными; онъ даже отрицаетъ самое право окружнаго суда дѣлать присяжнымъ повѣреннымъ какія либо указанія, а что касается до выговора, то онъ *„трижды призываетъ порицаніе общественнаго мнѣнія на головы тѣхъ судей“*, которые, какъ игрушки, въ рукахъ мстящаго ему предсѣдателя Смиттена, только и думаютъ какъ-бы закрыть двери суда предъ ненавистнымъ для нихъ человѣкомъ.

Въ такомъ родѣ начала свою дѣятельность новая газета. Встрѣченная сначала общимъ недоумѣніемъ и неодобреніемъ за тотъ крайне неумѣстный, самоувѣренный и наставническій тонъ, которымъ она заговорила съ публикой и воображаемыми обличаемыми, газета, точно поощренная мѣстною цензурою и мѣстною оффиціальною прессою, развернулась окончательно и начала, что называется сплеча, костить и честить и отдѣльныхъ лицъ и цѣлыя учрежденія.

По отношенію къ общему характеру дѣятельности судебныхъ учрежденій, Судебные Порядки оказались строгими до послѣднихъ предѣловъ, хотя и нельзя сказать, чтобы они въ тоже время были и справедливы. *Присматриваясь 11 лѣтъ* къ дѣятельности закавказскихъ судовъ, редакторъ газеты г. Карабеговъ, пришелъ къ тому заключенію, что болѣе неудовлетворительныхъ результатовъ нельзя было ожидать. На основаніи 11 лѣтняго (и отчасти собственнаго) опыта, г Карабеговъ завѣряетъ, что тамъ въ судахъ *„царитъ возмутительный произволъ“*. Судебные дѣятели, пишетъ онъ, не только не прилагаютъ усердія къ разрѣшенію дѣлъ но совѣсти и по закону, но, просто на просто, домогаются *„полнаго уничтоженія свободы личности“*. (№ 8) Не ограничиваясь этимъ, если только вѣрить г. Карабегову, дѣятели эти стремятся къ еще болѣе ужаснымъ, хотя и менѣе понятнымъ цѣлямъ, именно: они домогаются *„отрицанія сознанія правъ, предоставляемыхъ законами“*. Нѣкоторые суды дошли, по словамъ г. Карабегова, до того, что воз-

имѣли о порядкахъ, долженствующихъ быть въ судѣ, столь превратное мнѣніе, что подъ порядкомъ стали разумѣть „*безропотное порабощеніе и уничтоженіе въ себѣ всякаго сомнѣнія въ законности дикихъ проявленій голаго произвола*“?—Г. Карабеговъ увѣряетъ, что онъ самъ былъ очевидцемъ того, какъ въ судахъ совершалось неправосудіе „*съ цѣлью доказать безпристрастіе судьи, находящагося въ дружескихъ отношеніяхъ съ лицомъ, противъ котораго допускалось неправосудіе*“ (при этомъ остается неизвѣстнымъ, какъ поступилъ г. Карабеговъ, будучи очевидцемъ этого курьезнаго способа доказывать безпристрастіе). Высшія наши инстанціи, по увѣренію г. Карабегова, нисколько не уступаютъ низшимъ въ произволѣ и неправосудіи и не только не обнаруживаютъ злоупотребленій этихъ инстанцій, а напротивъ прикрываютъ и узаконяютъ ихъ Послѣ этаго, нисколько не удивительно услышать, что въ закавказскихъ судахъ „*мотивами рѣшеній стали считаться не логическіе, согласные съ здравымъ смысломъ и законами выводы изъ обстоятельствъ дѣла, а собраніе въ кучу достаточнаго числа первыхъ, попавшихся словъ*“. (№ 8).

Въ такомъ духѣ Судебные Порядки обличаютъ цѣлыя учрежденія, дѣйствующія уже второй десятокъ лѣтъ и, хотя безспорно имѣющія многіе недостатки и слабыя стороны, но, конечно, не лишенныя также и многихъ достоинствъ и хорошихъ сторонъ.

Понятно, что къ отдѣльнымъ личностямъ г. Карабеговъ еще строже въ своихъ обличеніяхъ, чѣмъ къ цѣлымъ учрежденіямъ. Какъ на бѣду, оффиціальная газета „Кавказъ“, на первыхъ же порахъ похвалила обличительную дѣятельность г. Карабегова, приписавъ ему заслугу *поднятія какихъ то завѣсъ*, скрывающихъ судъ отъ публики и освѣщеніе какихъ то темныхъ уголковъ судебной дѣятельности.

По странному недоразумѣнію, мѣстная газета возрадовалась обличеніямъ именно въ области судебной и открыла въ этихъ обличеніяхъ какое то сокровище. Цѣлыми годами не печатая ничего изъ области управленія нашими государственными имуществами, нашими путями сообщеніями; не дерзая никогда коснуться такихъ вопросовъ, какъ напр. необходимость сокращенія разныхъ безполезныхъ или утратившихъ свое значеніе учрежденій, или вопроса о томъ, почему богатѣйшій Кавказъ такъ мало приноситъ государству и такъ много расходуетъ государственныхъ денегъ и проч. и проч., оффиціальная кавказская газета возликовала, что г. Карабеговъ открылъ злоупотребленія въ канцеля-

ріи тифлисскаго окружнаго суда и, поощренный въ этомъ направленіи своей дѣятельности, г. Карабеговъ, пуще прежняго, принялся приподнимать разные завѣсы и открывать разные уголки и проч. Предъ глазами читателей Судебныхъ Порядковъ фигурировали: предсѣдатель суда, открыто совершающій явные подлоги, а за этимъ предсѣдателемъ, цѣлая вереница *„тупыхъ самодуровъ*, *невѣждъ*, *неудавшихся оберъ-офицеровъ*, *старыхъ педагоговъ*, *интендантскихъ чиновниковъ*, *старыхъ крючкотворовъ* и даже *почтаміоновъ и писарей* и пр. и пр.—Г. Карабеговъ нисколько не вуалировалъ своихъ обличеній, но, большею частью, прямо величалъ обличаемыхъ по именамъ и фамиліямъ. Тутъ членъ палаты, расправляющійся чуть не кулаками и съ самымъ обличителемъ, т. е. г. Карабеговымъ, и съ своими товарищами по палатѣ; тутъ выставлены прокуроры чуть не засыпающіе при дачѣ заключеній и бормочащіе безсвязныя рѣчи; тутъ и члены судовъ почему то односторонне, съ явными натяжками и неправдой, рѣшающіе грошевыя дѣла; тутъ и мировые судьи, рѣшительно нежелающіе исполнять предписаній окружныхъ судовъ, и окружные суды неумѣющіе найтись что имъ дѣлать съ такими непокорными судьями и пр. и пр. и пр.

И замѣчательнѣе всего, что всѣ эти обличенія и открытія мѣстныхъ язвъ и недуговъ, производились безъ всякихъ признаковъ не только юридической оцѣнки описываемыхъ явленій, но даже и безъ признаковъ внѣшняго приличія. Публика съ изумленіемъ читала, какъ Карабеговъ прописывалъ нотаціи своимъ *собственнымъ корреспондентамъ*, за излишнее пристрастіе къ иностраннымъ словамъ (№ 12); какъ онъ упрекалъ своихъ сотрудниковъ въ корысти и сребролюбіи (№ 16); какъ онъ, устами нѣкаго князя Тавдгеридзе, доказывалъ, что судъ присяжныхъ никуда не годится *„потому что предсѣдательское резюме можетъ заразить присяжныхъ и склонить вѣсы правосудія куда угодно предсѣдателю* (№ 12). — Отъ г. Карабегова публика узнала (но едва ли повѣрила), что въ Закавказскихъ судахъ будто бы *никогда не станетъ дѣло за подлогомъ резолюціи* или *за перемѣной мотивовъ, принятыхъ судомъ въ соображеніе, при постановкѣ резолюціи* (№ 13), наконецъ, г. Карабеговъ же просвѣтилъ публику извѣстіемъ, что судьи высшаго судилища, сенаторы нашихъ кассаціонныхъ департаментовъ, отличаются поразительно школьническимъ и непозволительно недобросовѣстнымъ исполненіемъ своихъ обязанностей; что сенаторы невни-

мательны, неумѣло докладываютъ, не знаютъ обстоятельствъ докладываемаго дѣла, вступаютъ въ стачки съ сенатскими приставами, чтобы тѣ не впускали публику въ залу засѣданія и пр. и пр. (№ 20).—

Приведенныхъ образцовъ обличительной дѣятельности Судебныхъ Порядковъ достаточно, чтобы понять чего именно они добиваются и къ чему стремятся. Газета расчитывала очевидно на успѣхъ скандала, она располагала возбудить вниманіе публики къ такимъ пикантнымъ разоблаченіямъ и новостямъ, къ которымъ кавказская публика пока не привыкла; газета мѣтила на тотъ интересъ, который идетъ всегда, рука объ руку, съ забористыми сюжетами и смѣлымъ охаиваніемъ всего и всѣхъ и мы можемъ удостовѣрить, что до извѣстной степени эти цѣли, пожалуй, достигнуты. Мы сами были очевидцами того изумленія и нѣкоторымъ образомъ восхищенія, съ которыми принимались, въ низшихъ слояхъ общества,—въ канцеляріяхъ, между писарями, между мелкими чиновниками,—тѣ смѣлыя разоблаченія, на которыя, чуть ли не въ первые на Кавказѣ, Судебные Порядки получили соизволеніе и одобреніе начальства. Но за предѣлами этихъ низменныхъ сферъ, смѣемъ увѣрить, не было лицъ, восторгавшихся филиппиками газеты.—

Тѣ надежды, которые связывались съ появленіемъ газеты, желавшей посвятить себя критикѣ судебнаго устройства и судебныхъ порядковъ, быстро разсѣялись, какъ только редакція показала какимъ способомъ она намѣрена вести эту критику. Она дурно расчитала, затронувъ такихъ почтенныхъ мѣстныхъ дѣятелей какъ г. Смитенъ (предсѣдатель суда) или какъ г. Рашетъ (членъ палаты) репутація которыхъ давно составлена.

Полгода протекшіе со дня появленія первой юридической газеты на Кавказѣ, окончательно выяснили чего можно ожидать и надѣяться отъ нея.—Немногіе процесы, появившіеся на страницахъ Судебныхъ Порядковъ, представляютъ вопіющіе примѣры искаженія и извращенія; въ этомъ отношеніи особенно выдается процесъ Силикова (№ 15), въ которомъ, подъ перомъ адвоката Арцруни, защитника Силикова, (обвинявшагося въ подстрекательствѣ на предумышленное убійство) повально опорочиваются всѣ участвовавшіе

въ производствѣ слѣдствія, начиная съ товарища прокурора и слѣдователя и кончая мелкими полицейскими чинами.

Независимо отъ весьма немногихъ оригинальныхъ статей, принадлежащихъ исключительно перу самаго г. Карабегова,—газета *Судебные Порядки* наполнена заимствованіями изъ столичныхъ газетъ.

Что касается значенія „Судебныхъ Порядковъ" какъ мѣстнаго органа печати. то хотя при возникновеніи его всѣ именно ожидали, что въ газетѣ будетъ отведено наибольшее мѣсто интересамъ края и въ особенности ожидали разработки мѣстныхъ вопросовъ на почвѣ права и обычая, но въ этихъ ожиданіяхъ всѣ были скоро разочарованы. Эта область мѣстныхъ вопросовъ, какъ всѣми признано, составляетъ еще непочатый уголъ. Въ этой области сдѣлано такъ мало, что, можно сказать, остается сдѣлать все и при томъ запасѣ энергіи, который несомнѣнно обнаружилъ издатель Судебныхъ Порядковъ, по части обличеній и разоблаченій, читатели были тѣмъ болѣе вправѣ ожидать разработки мѣстныхъ вопросовъ, что самъ г. Карабеговъ есть одинъ изъ тѣхъ мѣстныхъ жителей, получившихъ юридическое образованіе, отъ которыхъ, какъ и вообще отъ образованныхъ туземцевъ, Кавказъ, какъ извѣстно, давно уже ждетъ литературныхъ и ученыхъ вкладовъ и изслѣдованій.

За пять мѣсяцевъ дѣятельности на поприщѣ юридическо-обличительной литературы, Судебные Порядки ничего не внесли въ разработку мѣстныхъ вопросовъ. Что они могли что либо сдѣлать въ этомъ направленіи, въ этомъ едва ли можно сомнѣваться. Одно уже мусульманство, со всею тьмою, покрывающею истинный смыслъ его вѣрованій, обычаевъ, преданій и проч., одинъ замысловатый шаріатъ, представляютъ обширное поле для юридическихъ изслѣдованій; чуть ли не всѣ области мусульманскаго обычнаго права остаются до сихъ поръ неразработанными, точно также какъ остаются нетронутыми вѣроученія, бытъ, нравы, многихъ національностей, населяющихъ Кавказъ. Все это ожидаетъ вниманія и дѣятельности образованныхъ туземцевъ, но газета всего этаго даже не коснулась. Такой, напримѣръ, чисто юридическій вопросъ, какъ вопросъ о водовладѣніи и ирригаціи въ закавказскомъ краѣ, также не остановилъ на себѣ ея вниманія. Рядъ статей, появившихся въ мѣстныхъ газетахъ по этому, жизненному для края вопросу, не вызвалъ ни одной строчки въ Судебныхъ Порядкахъ. Другой, не менѣе

жизненный для страны, вопросъ *о выкупной операціи*, имѣющей въ ближайшемъ будущемъ совершиться на Кавказѣ, привлекъ не болѣе участія. Затѣмъ, по сложнымъ вопросамъ о землевладѣніи, по запутаннымъ вопросамъ о бракахъ по шаріату, о наслѣдствѣ; по изслѣдованію безчисленныхъ мѣстныхъ адатовъ, [1]) ни въ чемъ Судебные Порядки не проявили своей дѣятельности.

Между тѣмъ, согласно программѣ газеты, читатели ея могли ожидать и *„общихъ взглядовъ на состояніе правосудія въ судахъ гражданскихъ"* и *„изслѣдованія общихъ началъ, отдѣльныхъ законоположеній, мѣстныхъ обычаевъ"* и проч. и проч. и взамѣнъ всего этаго оказалась одна полемика и болѣе ничего. Повторяемъ, обличеніе зла необходимо и составляетъ долгъ печати. Своевременное обличеніе будитъ совѣсть, поддерживаетъ энергію добрыхъ, караетъ злыхъ. Но обличеніе не есть полемика со всѣми, полемика безъ разбора и оцѣнки важности предмета, полемика до пресыщенія и излишества. Пять мѣсяцевъ полемики со всѣми и со всякимъ, пять мѣсяцевъ ожесточенной брани и мелкихъ обличеній,—это какъ хотите дѣло безполезное и тяжелое, даже и въ томъ случаѣ, если полемика ведется честно и талантливо, если брань пикантна и язвительна, если открываемыя злоупотребленія вопіющи и колоссальны, но полемика Судебныхъ Порядковъ не имѣетъ за собою ни одного изъ этихъ достоинствъ.

Довольно странная, если не болѣе, идея хулить все и всѣхъ, доказывать, что все дурно и гадко, какъ то сама собою, возмущаетъ присущее всякому чувство справедливости. Никто не заинтересованъ въ сохраненіи дурнаго, какъ никто не откажется воспринять лучшее и хорошее и всякая попытка указать и внести это лучшее и хорошее, конечно, вознаградится всеобщимъ сочувствіемъ. — Но попытка вносить повсюду одно порицаніе, да при томъ еще нерѣдко съ чисто личными побужденіями, только можетъ коробить и возбуждать брезгливость. Никто не признавалъ за нашими, и особенно закавказскими, судами, идеальныхъ совершенствъ, никто не сомнѣвался, что предположенія законодателя и практическое ихъ примѣненіе далеко не одно и тоже; всѣ знаютъ, что въ судахъ нашихъ много неустройствъ и непорядковъ, но поправить это и возстановить порядокъ, можно только при искреннемъ желаніи по-

[1]) Адатъ—обычай.

мочь этому дѣлу, можно только добросовѣстнымъ указаніемъ всего что дурно, а не огульнымъ облаиваніемъ и охаиваніемъ всего и всѣхъ. Для этаго нужно общее, дружное стремленіе къ исправленію и дисциплинѣ, а не напрасно смущающія преувеличенія, подтасовки и извращенія.

Даже обѣщанныя по программѣ *резолюціи* по дѣламъ, слушаннымъ въ Тифлисскомъ окружномъ судѣ и Тифлисской судебной палатѣ, и тѣ не появились въ газетѣ г. Карабегова; даже умѣнья пользоваться кассаціонными рѣшеніями сената, газета не обнаружила и за пять мѣсяцевъ только однажды (№ 5) помѣстила одну страничку „Положеній, извлеченныхъ изъ рѣшеній гражданскаго кассаціоннаго департамента за 1879 годъ", перепечатавъ всего 10 рѣшеній, изъ коихъ ни одно не имѣетъ отношенія къ закавказскому краю.

Мѣстныхъ корреспондентовъ не нашлось у г. Карабегова и, какъ оказалось, онъ предпринялъ изданіе юридическаго журнала рѣшительно безъ всякаго посторонняго содѣйствія, положившись всецѣло на самаго себя. Появилось всего только нѣсколько, очевидно случайныхъ, корреспонденцій. И затѣмъ, кромѣ статей, писанныхъ самимъ редакторомъ и всегда направленныхъ къ единой цѣли: кого нибудь разругать и кого нибудь отдѣлать, въ газетѣ г. Карабегова долгое время, какъ мы уже сказали, фигурировали многочисленныя выписки изъ другихъ газетъ, подъ видомъ „юридическихъ извѣстій" и „юридическихъ замѣтокъ". Сюда, безъ разбора, попадали всякія газетныя сообщенія, въ родѣ *„сожиганіе труповъ"*, *„Гамбургская лотерея"*, *„дѣянія Скарятина"*, *„религіозныя гоненія"* и т. п. (№ 5, 6, 7).—По части критики отдѣльныхъ законоположеній мы не встрѣтили также ничего, ибо подъ эту рубрику никакъ нельзя подвести, напримѣръ, разсужденіе о томъ, что мѣстная прокуратура не совсѣмъ правильно понимаетъ ст. 344 уст. пит. (№ 5) или что ст. 13 уст. ценз. не должна быть такъ понимаема какъ ее понимаютъ (№ 6) или довольно наивное неудовольствіе судомъ присяжныхъ (№ 11) и пр. и пр.

Кончая съ „Судебными Порядками", мы можемъ утверждать, что въ самое короткое время эта газета была понята и оцѣнена по достоинству читающею публикою.— Тѣ, немногія надежды, которыя связывались съ появленіемъ органа, спеціально посвятившаго себя изслѣдованію практической стороны дѣятельности судовъ, быстро разсѣялись. Въ настоящее время, газета эта еще существуетъ,

но уже, можно сказать, влачитъ свое существованіе. Г. Карабеговъ, оставшійся безъ сотрудниковъ, еще возвращается по временамъ къ своимъ азартнымъ обличеніямъ, но самый матеріалъ для обличенія, почерпаемый исключительно изъ дѣятельности Тифлисскаго окружнаго суда, видимо истощается; г. Карабегову все болѣе и болѣе приходится пополнять недостатокъ оригинальныхъ статей выписками и заимствованіями и, какъ кажется, въ самомъ недалекомъ будущемъ газету ожидаетъ прекращеніе· Какъ органъ юриспруденціи„ Судебные Порядки" не имѣютъ никакого значенія. Если затѣмъ *Судебные Порядки* оказываются чѣмъ либо замѣчательны, такъ именно только тѣмъ, что это единственная газета, которая, съ соизволенія мѣстнаго начальства и мѣстной цензуры, такъ честитъ суды и судебныхъ дѣятелей (до сенаторовъ кассаціоннаго департамента включительно), какъ никогда ни одинъ литературный органъ не честилъ становыхъ приставовъ и даже столь прославленныхъ, въ послѣднее время, урядниковъ. Это знаменательное ослабленіе цензурныхъ и административныхъ поводьевъ, собственно по отношенію къ одной только газетѣ, и притомъ такой, которая поставила себѣ задачей чернить все, къ суду относящееся, характерно именно потому, что характеризуетъ отношеніе кавказскаго начальства къ судамъ и судьямъ. Крайне вообще чувствительная къ печатному слову, когда дѣло коснется ея самой, кавказская администрація уже полгода спокойно зритъ, какъ г. Карабеговъ громитъ не только мѣстныя, но даже и такія учрежденія, какъ правительствующій сенатъ, не принимая противъ этого тѣхъ мѣръ, какія были бы навѣрно приняты противъ всякой газеты, рискнувшей коснуться дѣятельности администраціи. Мы безошибочно можемъ сказать, что если бы кто либо вздумалъ на Кавказѣ издавать газету подъ названіемъ „Административные Порядки,"—то онъ не пользовался бы и сотой долей той свободы, которая дана „Судебнымъ Порядкамъ". Грустный секретъ этого неодинаковаго отношенія къ разоблаченію дѣятельности административной и судебной, заключается въ томъ, что суды, какъ это не странно слышать, не пользуются на Кавказѣ расположеніемъ властей, съ самаго ихъ возникновенія. Въ этомъ отношеніи равную съ судами долю несетъ только городское самоуправленіе, которому на Кавказѣ достается отъ мѣстныхъ газетъ, кажется, еще болѣе, чѣмъ судамъ отъ г. Карабегова.

Нѣчто совсѣмъ иное, и притомъ не допускающее никакихъ срав-

ненiй съ только что разсмотрѣнной газетой г. Карабегова, представляетъ другой кавказскiй юридическiй журналъ, издаваемый въ Тифлисѣ присяжнымъ повѣреннымъ Френкелемъ, подъ редакцiею присяжнаго повѣреннаго Степанова. Насколько въ Судебныхъ Порядкахъ много излишняго азарта и совершенно ненужныхъ рѣзкостей, грубостей, а также много, по правдѣ сказать, нѣсколько забавныхъ опасенiй о гибели на землѣ правосудiя, настолько Юридическое Обозрѣнiе, прежде всего, обращаетъ на себя вниманiе спокойнымъ, пристойнымъ, хотя далеко не безстрастнымъ тономъ въ сужденiяхъ по тѣмъ вопросамъ, по которымъ г. Карабеговъ издаетъ только вопли и стоны. Насколько Судебные Порядки переполнены бранью, обвиненiями и, къ сожалѣнiю, нерѣдко явными инсинуацiями, насколько тамъ всякихъ осмѣиванiй, грубыхъ оскорбленiй и тому подобныхъ вещей — настолько же въ Юридическомъ Обозрѣнiи сдержанности, приличiя и достоинства. Наконецъ, насколько въ Судебныхъ Порядкахъ выдвинуты на первый планъ исключительно личныя дѣла и личныя огорченiя г. Карабегова, настолько же здѣсь нѣтъ и рѣчи о личныхъ дѣлахъ г.г. Степанова и Френкеля и читателямъ Юридическаго Обозрѣнiя не преподносятся, ни въ видѣ передовыхъ статей, ни въ видѣ фельетоновъ, ни въ видѣ „юридическихъ извѣстiй и замѣтокъ“ переносимые редакторомъ и издателемъ Обозрѣнiя невзгоды и неудачи, какъ это не переставалъ и не перестаетъ дѣлать г. Карабеговъ. Г. Карабеговъ не колебался одинъ, безъ всякихъ сотрудниковъ, выступить на борьбу, какъ онъ увѣряетъ, *съ возмутительнымъ произволомъ судей и судовъ;* онъ нисколько не усумнился въ своихъ силахъ и средствахъ для этой борьбы и считалъ для этого достаточнымъ одного своего добраго желанiя, да запаса ни передъ чѣмъ не останавливающейся смѣлости и храбрости, напротивъ „Юридическое Обозрѣнiе“ даже заручившись сочувствiемъ и содѣйствiемъ цѣлаго кружка юристовъ, все-таки не обладаетъ и сотой долей той самоувѣренности, которою одержимъ г. Карабеговъ. *„Въ глубокомъ сознанiи скудности своихъ силъ“* Обозрѣнiе не обѣщаетъ своимъ читателямъ строго научной разработки вопросовъ права и судопроизводства и заявляетъ, что задачи журнала носятъ болѣе практическiй характеръ. Доказать (и конечно доказать не путемъ голословнаго клейменiя и надругательствъ надъ личностью, а доказать фактами), что система судопроизводства и система законодательства, по отношенiю къ Кавказу, является не вполнѣ удовлетворяющею потребностямъ жизни и не во всемъ

съ нею согласною, указать на противурѣчія нормъ права, съ народною нуждою, указать на антогонизмъ закона съ жизнью, вотъ тѣ ближайшія задачи и цѣли, которыми задалось Юридическое Обозрѣніе—и обѣщая не преслѣдовать ни чьихъ личныхъ цѣлей, Обозрѣніе надѣется принести посильную пользу и даже надѣется быть кѣмъ слѣдуетъ услышаннымъ.

Будетъ-ли голосъ Юридическаго Обозрѣнія услышанъ тѣми, на кого именно расчитываетъ Обозрѣніе и будетъ-ли это имѣть практическія послѣдствія, мы не знаемъ, но пока, оставаясь вѣрнымъ поставленной цѣли, журналъ этотъ (уже четыре мѣсяца), не сходитъ съ практической почвы и благодаря такому направленію журнала, въ это короткое время, появился рядъ статей, имѣющихъ большой мѣстный, а отчасти и общій интересъ. Изъ числа статей имѣющихъ мѣстный интересъ, мы можемъ указать статьи г. Смиттена (№ 4 и 8) по поводу проекта о водномъ законодательствѣ, г. Кючарьянца — о законодательныхъ мѣрахъ противъ сифилиса (№ 13) и въ особенности статьи г. Рашета: а) преобразованіе межеваго судоустройства (№ 14); б) о судебной администраціи и практикѣ на Кавказѣ (№ 5 и 12); в) производство дѣлъ о несостоятельности (№ 13); г) мировой институтъ въ Закавказьѣ (№ 11); и д) наша присяжная адвокатура (№ 15). Всѣ эти статьи изобилуютъ тѣмъ болѣе интересными данными изъ закавказской судебной практики, что данныя эти до сихъ поръ въ печати не появлялись Статья г. Быкова,—Объ экспертизѣ на судѣ уголовномъ, хотя размѣры этой статьи, неоконченной въ теченіи цѣлой трети года, нѣсколько неудобны по своему объему для еженедѣльнаго журнала, затѣмъ статья г. Ковалевскаго (доцента Харьковскаго университета)—Объ освидѣтельствованіи душевно больныхъ (№ 6) и друг. также весьма интересны.

Благодаря Юридическому Обозрѣнію увидѣли, наконецъ, свѣтъ, рѣшенія нашей домашней кассаціонной инстанціи, Тифлисской судебной палаты. До сихъ поръ, по какому-то недоразумѣнію, рѣшенія эти, предназначенныя хотя въ предѣлахъ Кавказскаго намѣстничества, но тѣмъ не менѣе для всеобщаго въ краѣ руководства, въ видахъ единообразнаго пониманія и примѣненія законовъ мѣстными мировыми учрежденіями, нигдѣ не печатались и во всеобщее свѣдѣніе не оглашались. Получаемыя лишь тѣми мѣстами и лицами, до которыхъ они касались, рѣшенія эти не могли, при такихъ обстоятельствахъ, установить какое бы то ни было однообразіе въ

практикѣ судовъ и только теперь, спустя 13 лѣтъ, послѣ начатія кассаціонной дѣятельности нашей палаты, мы знакомимся съ руководящими взглядами нашего мѣстнаго кассаціоннаго судилища и обязаны этимъ появленію Юридическаго Обозрѣнія.

Кромѣ этого, въ Юридическомъ Обозрѣніи мы встрѣчаемъ въ отдѣлѣ *Обзоръ юридической печати*, довольно много самостоятельныхъ отзывовъ и мнѣній о новыхъ книгахъ, о разныхъ процесахъ и проч., находимъ также многія, интересныя рѣшенія мѣстныхъ судовъ и положенія, извлеченныя изъ кассаціонныхъ рѣшеній сената. Въ № 4 журнала была даже сдѣлана попытка, подавать, путемъ печати, лицамъ, обращающимся въ редакцію, нѣкоторые совѣты по несложнымъ юридическимъ вопросамъ, но къ сожалѣнію попытка эта болѣе не повторялась.

Также благодаря Юридическому Обозрѣнію мы увидили въ печати одинъ изъ интереснѣйшихъ, мѣстныхъ, дисциплинарныхъ процесовъ (№ 6), а именно процесъ, возбужденный противъ товарища предсѣдателя Тифлисскаго окружнаго суда г. Горбовскаго и нѣсколькихъ членовъ уголовнаго отдѣленія и изъ этаго процеса узнали о бѣдственномъ положеніи, въ отношеніи личныхъ силъ и численнаго состава, самаго большаго изъ закавказскихъ судовъ — Тифлисскаго, а также убѣдились въ своеобразныхъ взглядахъ нашей палаты, а въ особенности ея предсѣдателя, на дисциплинарную дѣятельность. Вообше, что касается до обилія матеріала, появившагося въ Юридическомъ Обозрѣніи, за три мѣсяца его существованія, то и въ этомъ отношеніи не можетъ быть ни какого сравненія съ Судебными Порядками, существующими вдвое долѣе.

Наша параллель двухъ новыхъ изданій, во всякомъ случаѣ, приводитъ къ утѣшительнымъ результатамъ; она показываетъ, что въ провинціи возможно существованіе серьезной юридической газеты, что недостатка въ людяхъ и средствахъ для такого изданія нѣтъ, что все зависитъ отъ умѣнья привлечь къ дѣлу мѣстныя силы, отъ добросовѣстности, безпристрастія и преданности дѣлу самихъ руководителей, отъ умѣнья вѣрно понимать нужды читателей.

ИНОСТРАННОЕ ЮРИДИЧЕСКОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

Послѣдняя законодательная сессія въ Англіи.—Земельная реформа въ Ирландіи.—Парламентскія пренія о смертной казни.—Проекты сэра Лёббока и министра торговли Чамберлена.—Судебное преобразованіе.—Законодательное движеніе въ Германіи.—Еще о проектѣ страхованія рабочихъ.—Новые судебные порядки и верховный судъ въ Лейпцигѣ.—Прусскій отчетъ о судѣ присяжныхъ.—Международная коммисія въ Висбаденѣ и съѣздъ „общества реформы и кодификаціи международнаго права" въ Кельнѣ.

Лѣтнее политическое затишье въ Европѣ отражается и на законодательной дѣятельности. Европейскіе парламенты закрыты до поздней осени; въ нѣкоторыхъ государствахъ, какъ во Франціи и Германіи, палаты обновляются въ своемъ составѣ. Законодатели поглощены избирательною борьбою и общими внутренними заботами. Законодательство, какъ и политика, вездѣ почти ждетъ открытія парламентской сессіи, для своего обычнаго оживленія. Почти вездѣ осталось на очереди много нерѣшенныхъ вопросовъ, требующихъ скорѣйшаго обсужденія и рѣшенія.

Британская палата общинъ успѣла принять одну только крупную мѣру—земельный ирландскій билль Гладстона. Реформа земельныхъ отношеній въ Ирландіи заняла собою всю законодательную сессію. Проектъ устава о несостоятельности, внесенный министромъ торговли Чамберленомъ, долженъ былъ раздѣлить судьбу всѣхъ другихъ законопроектовъ, отложенныхъ правительствомъ до окончанія труднаго дѣла реформы для Ирландіи. Послѣ четырехмѣсячныхъ энергическихъ усилій, Гладстону удалось провести свой билль въ парламентѣ, съ нѣкоторыми измѣненіями и уступками въ пользу землевладѣльцевъ. Оппозиція палаты лордовъ была побѣждена и новый законъ вступилъ уже въ полную силу. Земельный

судъ для разбора пререканій между фермерами и лэндлордами въ Ирландіи, откроетъ скоро свои дѣйствія. Реформа обезпечиваетъ фермерамъ плоды ихъ трудовъ, придаетъ прочность ихъ отношеніямъ къ воздѣлываемой землѣ, ограничиваетъ произволъ собственниковъ въ распоряженіи арендными участками и въ назначеніи размѣра арендной платы, гарантируетъ фактическія, установленныя обычаемъ, права и укрѣпляетъ существующую двойственность во владѣнія землею, въ видѣ своеобразной, совмѣстной собственности лэндлордовъ и фермеровъ.

Новый „Land-act“ представляетъ лишь дальнѣйшее плодотворное развитіе принциповъ, положенныхъ въ основу закона 1870 года, проведеннаго также Гладстономъ; этимъ „актомъ“ удовлетворяются существенныя ирландскія требованія, основанныя на историческихъ и экономическихъ условіяхъ страны. Но постановленія новаго закона кажутся слишкомъ сложными и искусственными, чтобы можно было считать вполнѣ достигнутою истинную цѣль предпринятой реформы. Система поземельныхъ отношеній, устраиваемыхъ при помощи суда, едва-ли будетъ особенно прочною, при непримиримомъ, исконномъ антагонизмѣ между туземнымъ земледѣльческимъ классомъ и чуждыми народу поземельными лордами. Самая лучшая и цѣлесообразная часть билля, касающаяся способовъ развитія самостоятельнаго крестьянскаго землевладѣнія, была значительно урѣзана парламентомъ.

На ряду съ ирландскимъ биллемъ, въ англійской палатѣ общинъ обсуждалось немало законодательныхъ вопросовъ какъ-бы мимоходомъ, безъ опредѣленной положительной цѣли. Между прочимъ, одно весьма интересное засѣданіе (22-го іюня) было посвящено старому спору о смертной казни. М-ръ Пэзъ внесъ предложеніе объ отмѣнѣ этого вида наказанія, ссылаясь на несостоятельность его какъ средства устрашенія, на благотворныя послѣдствія смягченія карательной системы и на несоотвѣтствіе суровыхъ казней съ духомъ современной морали. Въ пространной рѣчи Пэза были приведены фактическія данныя о результатахъ примѣненія смертной казни въ нѣкоторыхъ государствахъ Европы и о запутанномъ состояніи уголовнаго законодательства и практики въ Англіи. Многіе члены парламента поддерживали билль, опираясь между прочимъ на тексты священнаго писанія; однако, на тѣ-же тексты указывали и сторонники смертной казни.

Во время преній выяснилось, что необходимо, прежде всего, уста

новить точныя различія между отдѣльными видами преступленій, за которыя полагается смертная казнь по англійскимъ законамъ. Въ опредѣленіи убійства не существуетъ никакихъ степеней или разграниченій, и этотъ недостатокъ ведетъ къ значительной не равномѣрности наказанія. Еще въ 1866 году коммисія, назначенная для обсужденія вопроса о смертной казни, предложила подвергнуть пересмотру законы объ убійствѣ, съ цѣлью болѣе правильной классификаціи преступленій. Коммисія допускала два способа достиженія этой цѣли: во первыхъ, можно было установить новое опредѣленіе убійства, вмѣсто существующаго, и оставить смертную казнь только для умышленнаго лишенія жизни, при извѣстныхъ отягчающихъ условіяхъ; во вторыхъ, можно ограничиться раздѣленіемъ убійства на двѣ степени, изъ которыхъ высшая подлежитъ смертной казни. По мнѣнію коммисіи, второй путь вѣрнѣе и удобнѣе. Для всѣхъ остальныхъ случаевъ убійства, сверхъ отнесенныхъ къ первому разряду, коммисія предлагала назначить наказаніе отъ пожизненныхъ каторжныхъ работъ до семилѣтняго заключенія, по усмотрѣнію суда. Проектъ 1866 года не былъ однако принятъ во вниманіе, хотя дѣлались неоднократныя попытки придать ему силу закона. Составители новѣйшаго проекта уголовнаго кодекса также упустили изъ виду предложенія упомянутой коммисіи и совершенно не коснулись вопроса, который вновь былъ затронутъ въ палатѣ общинъ при обсужденіи билля м-ра Пэза.

Министръ внутреннихъ дѣлъ, сэръ Вильямъ Гаркуръ, призналъ существующіе законы объ убійствѣ крайне недостаточными, но рѣшительно возражалъ противъ мнѣнія, что смертная казнь вообще не дѣйствуетъ будто-бы устрашающимъ образомъ на умы преступниковъ. По мнѣнію министра, идея о возмездіи входитъ несомнѣнно съ составъ понятія о наказаніи и хотя возможныя ошибки въ примѣненіи уголовныхъ каръ составляютъ важное зло, но противъ нихъ нельзя употреблять средства, рискованныя въ обратномъ смыслѣ. Для правосудія и особенно для исполнительной власти было-бы разумѣется желательно снять съ себя отвѣтственность за примѣненіе смертной казни и за возможныя при этомъ ошибки, но общественное мнѣніе не требуетъ еще подобной реформы, и потому было-бы, по меньшей мѣрѣ, преждевременно рѣшать теперь вопросъ о смертной казни. Съ этимъ мнѣніемъ сэра Гаркура согласился и его предшественникъ въ должности министра, сэръ Кроссъ. Палата общинъ постановила, большинствомъ 175 голосовъ противъ

79, отвергнуть предложеніе м-ра Пэза. Никто конечно и не ожидалъ другаго результата.

Въ парламентъ внесенъ былъ проектъ вексельнаго устава, выработанный сэромъ Джономъ Лёббокомъ, Артуромъ Когеномъ, сэромъ Гонеромъ и другими. Уставъ раздѣленъ на пять частей, заключающихъ въ себѣ 109 параграфовъ. Въ этомъ проектѣ собраны въ цѣльную систему постановленія о векселяхъ и положенія судебной практики по этому предмету.

Новый уставъ о несостоятельности, предложенный министромъ торговли Чамберленомъ, отложенъ, какъ уже сказано выше, до будущей законодательной сессіи, вмѣстѣ съ остальными проектами, вытѣсненными ирландскимъ биллемъ. Англійскіе законы о банкротствѣ давно уже нуждаются въ коренномъ преобразованіи; они оказались невозможными на практикѣ, благодаря разорительнымъ для кредиторовъ судебнымъ порядкамъ. Имѣнія банкротовъ поступали въ распоряженіе судебныхъ должностныхъ лицъ, которыя распоряжались обыкновенно такимъ образомъ, что имущество теряло свою цѣнность и доводилось нерѣдко до нуля.

„Банкротскій судъ", по выраженію лорда Шербрука, служилъ лишь бездонною бочкою, которая поглощала безвозвратно остатки имуществъ, принадлежавшихъ несостоятельнымъ. Противъ этого зла была принята серьезная законодательная мѣра. Законъ 1869 года предоставилъ самимъ кредиторамъ непосредственно ликвидировать дѣла должниковъ и завѣдывать ихъ имѣніями. Принципъ былъ, безъ сомнѣнія, вѣрный: интересы правильной ликвидаціи касаются прежде всего кредиторовъ, какъ лицъ матеріально заинтересованныхъ, и потому въ ихъ надежныхъ рукахъ казалось-бы обезпеченнымъ добросовѣстное веденіе банкротскихъ дѣлъ. Однако вышло не то: кредиторы, большею частью, устранялись отъ участія въ завѣдываніи дѣлами своихъ должниковъ и оставляли ихъ по прежнему въ рукахъ оффиціальныхъ управителей. Капиталисты имѣютъ обыкновеніе скрывать свои потери и не всегда рѣшаются заявить публично, въ судѣ, что они неудачно помѣстили свои деньги. Нравственно-коммерческій кредитъ кредиторовъ можетъ также пострадать отъ участія въ дѣлахъ банкротовъ и отсюда возникаетъ желаніе скорѣе примириться съ потерею, чѣмъ подвергать ее чрезмѣрной огласкѣ или предпринимать хлопотливыя мѣры для возмѣщенія части убытковъ. Практическое примѣненіе закона 1869 года показало, что недостаточно одного признанія правъ кредиторовъ

на завѣдываніе имуществомъ несостоятельнаго и что необходима новая организація самого вѣдомства, которому подсудны банкротскія дѣла. Проектъ Чамберлена переноситъ эти дѣла изъ вѣдѣнія прежняго судебнаго мѣста въ кругъ дѣятельности министерства торговли, которое, какъ полагаютъ, съумѣетъ обставить интересы кредиторовъ и должниковъ болѣе практическими и цѣлесообразными гарантіями. Лордъ Шербрукъ, въ статьѣ, помѣщенной въ августовской книжкѣ журнала „Nineteenth Century“, находитъ эту реформу безполезною, такъ какъ нѣтъ основанія предположить, что министерскіе чиновники будутъ лучше вести дѣла чѣмъ болѣе свѣдущіе судебные дѣятели, руководимые лордомъ — канцлеромъ. Такое-же неблагопріятное мнѣніе о проектѣ высказывается спеціальною юридическою газетою „Law Times.“

Преобразованіе англійскаго судебнаго устройства, предпринятое лордомъ Сельборномъ, завершилось пока обнародованнымъ въ началѣ сентября парламентскимъ актомъ о верховномъ судѣ, какъ о главномъ апелляціонномъ трибуналѣ королевства. Въ составъ этого суда входитъ, въ качествѣ члена, прежній „Master of the Rolls“, званіе котораго теряетъ такимъ образомъ свой традиціонный, историческій характеръ. Должности „главнаго судьи общихъ тяжбъ“ и „главнаго барона казначейства“ упраздняются, а обязанности ихъ переходятъ къ „лорду главному судьѣ Англіи“, которымъ состоитъ теперь сэръ Александръ Кокбэрнъ.

II.

Въ Германіи, нормальное дниженіе законодательства какъ-бы пріостановилось, подъ вліяніемъ внутренняго политическаго кризиса Важнѣйшіе проекты, предлагаемые правительствомъ, отвергаются палатою депутатовъ, и наоборотъ, предложенія палаты отклоняются или игнорируются министрами. Законъ о страхованіи рабочихъ отъ несчастныхъ случаевъ, былъ значительно передѣланъ рейхстагомъ, и союзный германскій совѣтъ не принялъ его въ такомъ видѣ. Рейхстагъ устранилъ участіе имперскаго казначейства въ составленіи фонда для страховыхъ кассъ и переложилъ на предпринимателей хозяевъ ту долю страховыхъ взносовъ, которую брало на себя правительство; эта перемѣна казалась бы выгодною для государства, освобождая его отъ ненужныхъ расходовъ, но она отнимала у власти возможность приковать къ себѣ рабочіе кассы раздачею государственныхъ средствъ, вслѣдствіе чего и весь проектъ утратилъ

свой первоначальный политическій смыслъ. Рейхстагъ отказалъ также въ учрежденіи центральной имперской страховой кассы и предоставилъ устройство этихъ кассъ отдѣльнымъ германскимъ государствамъ; это былъ также пунктъ весьма важный. Попытка сосредоточить интересы всѣхъ нѣмецкихъ рабочихъ въ рукахъ прусскаго правительства, не могла достигнуть своей цѣли.

Отъ состава будущаго рейхстага, который долженъ быть выбранъ 27 (15) октября, зависитъ исходъ новѣйшихъ законодательныхъ пререканій и споровъ въ Германіи. Много хорошихъ и сомнительныхъ проектовъ разсматривалось рейхстагомъ въ прошлую сессію, но результатовъ было очень мало Давно уже вырабатывается общее гражданское уложеніе, которое должно замѣнить собою различные существующіе кодексы. Эта завѣтная мечта нѣмецкихъ патріотовъ юристовъ — единство гражданскаго законодательства—осуществится повидимому еще нескоро.

Съ конца 1879 года введено во всей Германіи новое судебное устройство, по крайней мѣрѣ для уголовной юстиціи, и это предварительное объединеніе въ области суда, считается предвѣстникомъ такого же объединенія въ сферѣ матеріальнаго права. Но насколько трудно это щекотливое для нѣмцевъ дѣло, при вновь укрѣпившейся наклонности ихъ къ партикуляризму, объ этомъ можно судить по слѣдующему факту. Едва устроился новый нѣмецкій имперскій судъ въ Лейпцигѣ, какъ уже раздаются голоса о необходимости перенести его въ столицу имперіи, Берлинъ. Извѣстно, что избраніе Лейпцига, какъ мѣстопребыванія высшаго судебнаго учрежденія въ имперіи, состоялось послѣ долгихъ колебаній, для удовлетворенія южно-германскихъ населеній, несочувствующихъ Берлину и опасающихся его односторонняго, прусскаго режима. Никакое юридическое единство не можетъ быть прочнымъ въ Германіи, если оно не будетъ основано на общемъ національномъ сознаніи; а это общее сознаніе нѣмцевъ рѣшительно не допускало исключительнаго господства Берлина въ области германскаго правосудія. Между тѣмъ, прусскіе патріоты не хотятъ примириться даже съ такою внѣшнею, формальною уступкою, какъ существованіе высшаго имперскаго суда на саксонской, а не на прусской территоріи; южные нѣмцы, съ своей стороны, начинаютъ раздражаться по поводу такой узкой нетерпимости и притязательности пруссаковъ, такъ-что задача внутренняго юридическаго объединенія отодвигается въ сторону и запутывается, въ ущербъ самой Пруссіи и ея столицы. Тѣмъ не

менѣе, при благоразумномъ и осторожномъ образѣ дѣйствій, полное единство гражданскихъ законовъ и порядковъ остается только вопросомъ времени въ Германіи.

Недавно (въ половинѣ августа) появился въ печати статистическій отчетъ прусскаго министерства юстиціи, о дѣятельности суда присяжныхъ въ Пруссіи за 1880 годъ. Новые судебные законы введены были въ дѣйствіе только въ концѣ 1879 года и ихъ первые результаты отразились въ этомъ отчетѣ достаточно ясно. Сравнительно съ 1878 годомъ, судомъ присяжныхъ рѣшено было въ 1880 году на 2626 дѣлъ меньше, а именно вмѣсто 6251—всего 3625 Въ 1878 году потребовалось 3639 засѣданій съ присяжными, а въ 1880 году—только 2507. Наиболѣе бросается въ глаза то обстоятельство, что число оправдательныхъ приговоровъ присяжныхъ увеличилось почти вдвое, сравнительно съ данными прежнихъ лѣтъ. Въ 1878 году, число оправданій составляло 16—18 процентовъ общаго количества рѣшеній по дѣламъ съ присяжными, а въ 1880 году, процентъ оказался $31^1/_2$: изъ 4676 подсудимыхъ осуждено 3204 и оправдано 1472.

Можно было-бы подумать, что прусскіе суды присяжныхъ прониклись вдругъ оправдательнымъ духомъ, подъ вліяніемъ новыхъ либеральныхъ законовъ. При ближайшемъ разсмотрѣніи дѣло объясняется очень просто. Изъ уголовнаго матеріала, подлежавшаго прежде разбирательству при участіи присяжныхъ засѣдателей, значительная часть перешла къ уголовнымъ палатамъ мѣстныхъ земскихъ судовъ; въ этомъ числѣ дѣла о кражѣ съ отягчающими обстоятельствами занимали видное мѣсто, и въ 1878 году ихъ было около 1800. Относительно этого разряда обвиняемыхъ, процентъ оправданій былъ крайне незначителенъ, не болѣе трехъ или четырехъ на сто, такъ что выдѣленіе этой группы дѣлъ изъ вѣдѣнія суда присяжныхъ, должно было привести къ кажущемуся увеличенію общаго процентнаго размѣра оправданій. Въ остальной массѣ уголовныхъ дѣлъ, разсматриваемыхъ понынѣ съ участіемъ присяжныхъ, процентное отношеніе обвинительныхъ и оправдательныхъ приговоровъ осталось почти то-же самое, что и прежде. Наибольшее число оправданій выпадаетъ на долю дѣлъ о поджогѣ, злостномъ банкротствѣ и лжесвидѣтельствѣ, что объясняется характеромъ этихъ преступленій и трудностью доказательства виновности въ этихъ случаяхъ.

Любопытно прослѣдить, насколько новыя судебныя установленія

предотвращаютъ возможность судебныхъ ошибокъ. Очень часто ошибочные обвинительные приговоры проистекаютъ сами изъ преступленія, будучи основаны на умышленно-лживыхъ показаніяхъ свидѣтелей; но независимо отъ этого, неизбѣжно случаются вполнѣ добросовѣстныя ошибки, противъ которыхъ правосудіе должно принимать всевозможныя мѣры предосторожности. Въ германскомъ уставѣ уголовнаго судопроизводства содержится по этому предмету, относительно суда присяжныхъ, постановленіе, аналогическое съ существующимъ у насъ: если въ вопросахъ факта, присяжные, по единогласному признанію короннаго суда, сдѣлали ошибку въ ущербъ обвиняемому и вслѣдствіе этого осудили невиннаго, то дѣло передается на разсмотрѣніе новаго состава присяжныхъ. Въ 1878 году такихъ случаевъ было всего четыре, въ Пруссіи;—изъ нихъ два дѣла, по обвиненію въ преступленіяхъ противъ нравственности, одно объ убійствѣ и одно о грабежѣ. При общей суммѣ 3425 рѣшенныхъ дѣлъ, эта цифра можетъ считаться весьма благопріятною.

Сторонники суровой карательной системы въ Германіи, указываютъ на возрастаніе числа убійствъ и смертныхъ приговоровъ за послѣдніе годы, какъ на послѣдствіе „слишкомъ мягкихъ“ законовъ. Не только логическіе доводы, но и факты, положительно опровергаютъ эти указанія. Въ 1880 году состоялось въ сущности меньше смертныхъ приговоровъ, чѣмъ въ предшествующіе годы, вплоть до 1874 года. Въ этомъ послѣднемъ году присуждено было къ смертной казни 49 человѣкъ, въ 1880 г.—55 чел., а въ промежуточные годы — получаются цифры — 61, 62, 58 и 73. Причины этихъ колебаній слишкомъ сложны и разнообразны, чтобы можно было объяснить ихъ такимъ или инымъ направленіемъ законодательства. Напомнимъ кстати, что наименьшее число смертныхъ приговоровъ въ Пруссіи со времени 1854 г. приходилось на военный 1870 г.,— всего 20 случаевъ.

Конечно, по результатамъ дѣятельности суда присяжныхъ нельзя еще судить объ общемъ положеніи правосудія въ странѣ, но во всякомъ случаѣ, имѣющіяся въ прусскомъ отчетѣ данныя, представляютъ дѣло далеко не въ такомъ пессимистскомъ видѣ, какъ того желали бы современные нѣмецкіе реакціонеры, ратующіе, подъ обманчивымъ знаменемъ консерватизма, противъ полезныхъ законодательныхъ реформъ.

III.

„Институтъ международнаго права" не имѣлъ въ текущемъ году обычной своей сессіи и выдѣлилъ изъ себя только коммисію, которая должна была засѣдать въ Висбаденѣ. Главнымъ предметомъ занятій этой коммисіи служилъ вопросъ о морскихъ призахъ. Профессоръ Бульмеринкъ собралъ значительный матеріалъ и приготовилъ докладъ, который былъ принятъ остальными членами съѣзда весьма сочувственно. Разработавъ очередные вопросы, коммисія разошлась, а рѣшенія ея должны обсуждаться въ будущемъ общемъ собраніи института

Болѣе важный съѣздъ происходилъ въ Кельнѣ, гдѣ отъ 16 до 19 августа засѣдало „общество реформы и кодификаціи международнаго права", основанное въ 1873 г. въ Брюсселѣ, при участіи наиболѣе авторитетныхъ ученыхъ и публицистовъ. Прошлогодній съѣздъ этого „общества" имѣлъ мѣсто въ Бернѣ. Въ числѣ участниковъ собранія находились на этотъ разъ, между прочимъ, сэръ Траверсъ Твиссъ, извѣстный Дэдлей Фильдъ, бывшій президентъ общества, составитель проекта „международно-юридическаго кодекса", затѣмъ, Джонъ Джэй, бывшій американскій посланникъ въ Вѣнѣ, статсъ-секретарь Эвартсъ, судья Пибоди изъ Нью-Йорка, и многіе другіе. Нынѣшній призидентъ общества, сэръ Филлиморъ, отсутствовалъ. Секретарь постоянной коммисіи, Іенкенъ изъ Лондона, прочиталъ отчетъ за 1880 г., причемъ указалъ на предметы, разсмотрѣнные въ прошлогоднюю сессію. Д-ръ Маркусъ изъ Бремена, внесъ нѣсколько предложеній по вопросу о бумагахъ на предъявителя и объ ихъ юридическихъ особенностяхъ.

Во второмъ засѣданіи, Дэдлей Фильдъ предложилъ резолюцію, изложенную въ слѣдующихъ выраженіяхъ: „общество находитъ желательнымъ, чтобы въ тѣхъ договорахъ о выдачѣ, въ которыхъ дѣлаются исключенія для политическихъ преступленій или проступковъ, постановлялось правило о томъ, что убійство или покушеніе на убійство, съ цѣлью перемѣны правительства или его главы, по причинѣ политическаго недовольства — существуетъ ли послѣднее въ дѣйствительности или нѣтъ — не должно быть разсматриваемо какъ политическое преступленіе, въ смыслѣ заключаемаго договора, и что слѣдовательно лица, виновныя въ такихъ преступленіяхъ и проступкахъ не могутъ пользоваться правомъ убѣжища". Дэдлей Фильдъ мотивировалъ свое предложеніе печальными событіями, возмущающими общечеловѣческую совѣсть. Сэръ Траверсъ Твиссъ

поддерживалъ его доводы не только съ точки зрѣнія Англіи, но и отъ имени человѣколюбія, побуждающаго исключать убійцъ изъ общества свободныхъ нравственныхъ людей. Фриландъ напомнилъ о рѣшеніяхъ, принятыхъ прошлогоднимъ оксфордскимъ съѣздомъ „института международнаго права“ относительно выдачи политическихъ преступниковъ (объ этихъ рѣшеніяхъ мы говорили въ прошломъ нашемъ обозрѣніи № 3) Резолюція, внесенная Дэдлей Фильдомъ, встрѣчена была общимъ сочувствіемъ и принята единогласно.

Конгрессъ обсуждалъ еще вопросы объ единствѣ мѣръ и вѣсовъ, о международныхъ морскихъ сигналахъ, о фрахтовомъ правѣ, о консульской юрисдикціи въ Японіи, о международномъ правѣ перепечатанія, и наконецъ о третейскомъ судѣ, какъ способѣ рѣшенія международныхъ споровъ.

Въ послѣднемъ засѣданіи съѣзда, 19 августа, сэръ Генри Ричардъ, членъ англійскаго парламента и секретарь лондонскаго „общества мира“, произнесъ пространную рѣчь объ успѣхахъ, достигнутыхъ идеею международнаго судилища въ новѣйшее время. Ораторъ указалъ на многочисленные примѣры удачнаго примѣненія третейскаго суда въ серьезныхъ пререканіяхъ между государствами. Извѣстное Элебемское дѣло, едва не приведшее къ столкновенію между Англіею и Соединенными Штатами, было улажено при помощи правильнаго третейскаго разбирательства и Англія должна была уплатить весьма крупную сумму для возмѣщенія убытковъ, понесенныхъ американскими гражданами отъ незаконныхъ дѣйствій частныхъ англійскихъ крейсеровъ, во время междоусобной войны въ сѣверной Америкѣ. Нѣкоторые европейскіе парламенты, въ томъ числѣ англійскій и итальянскій, постановили считать обязательнымъ включеніемъ въ будущіе мирные трактаты такихъ статей, въ которыхъ назначался бы третейскій судъ для разрѣшенія возможныхъ разногласій и споровъ, при истолкованіи и исполненіи договорныхъ условій. По мнѣнію сэра Ричарда, берлинскій европейскій конгрессъ, передѣлавшій Санъ-Стефанскій договоръ сообразно общимъ интересамъ Европы, представляетъ также удачный примѣръ достиженія важныхъ международныхъ результатовъ путемъ добровольнаго посредничества и соглашенія. „Вопросъ о третейскомъ судѣ—заключилъ свою рѣчь сэръ Генри Ричардъ — есть вопросъ не только человѣчности, но и матеріальнаго успѣха народовъ“. Дэдлей Фильдъ предложилъ признать необходимымъ установленіе принци-

на третейскаго разбирательстаа во всѣхъ вновь заключаемыхъ мирныхъ трактатахъ. Членъ англійскаго парламента Пальмеръ, полагалъ, что лучшій третейскій судъ—все болѣе усиливающееся европейское общественное мнѣніе. Д-ръ Маркусъ упомянулъ о неосуществимости этихъ добрыхъ желаній, но тѣмъ не менѣе присоединился къ предложенію Дэдлей Фильда. Въ своей резолюціи, конгрессъ выразилъ надежду, что въ недалекомъ будущемъ всѣ цивилизованные народы согласятся устроить постоянное международное судилище.

Этимъ прекраснымъ пожеланіемъ кельнскій съѣздъ „общества реформы и кодификаціи международнаго права" закончилъ программу своей нынѣшней сессіи.

А. Слонимскій.

ДВАДЦАТИПЯТИЛѢТНІЙ ЮБИЛЕЙ

Владиміра Дмитріевича

Философова.

Въ субботу, 5 сентября, военно-судебное вѣдомство праздновало юбилей своего главы, двадцать пять лѣтъ тому назадъ занявшаго постъ генералъ-аудитора военнаго министерства, соотвѣтствующій оставляемому имъ нынѣ посту главнаго военнаго прокурора.

Владиміръ Дмитріевичъ Философовъ окончилъ курсъ въ училищѣ правовѣдѣнія въ 1834 году. Поступивъ на службу въ сенатъ, и состоя въ немъ уже секретаремъ, В. Д. былъ командированъ, въ 1842 году, къ сенатору, ревизовавшему Восточную Сибирь. Три года, проведенные имъ въ командировкѣ, бывшіе временемъ крайне энергичной дѣятельности В. Д. по изслѣдованію и указанію многихъ злоупотребленій административнаго и судебнаго характера, отличили выгоднымъ образомъ трудолюбіе и способности молодаго человѣка. По возвращеніи изъ ревизіи, В. Д. былъ перечисленъ въ министерство юстиціи и назначенъ въ немъ въ 1846 году—редакторомъ, и въ слѣдующемъ 1847 году—начальникомъ отдѣленія. Съ 1850 года В. Д. возвращается въ сенатъ и въ теченіи пяти лѣтъ исправляетъ въ немъ обязанности: чиновника за оберъ-прокурорскимъ столомъ, герольдмейстера и наконецъ оберъ-прокурора 1-го отдѣленія 3-го департамента.

5 сентября 1856 года, В. Д. былъ назначенъ генералъ-аудиторомъ военнаго министерства и съ тѣхъ поръ его дѣятельность непрерывно была посвящена военно-судебному дѣлу.

Кто помнитъ состояніе этаго дѣла при вступленіи В. Д. въ должность генералъ-аудитора, тотъ не можетъ не признать высокаго

общественнаго значенія преобразованій, совершившихся подъ руководствомъ В. Д.

Между кантонистомъ, прошедшимъ писарскую школу и выслужившимся въ аудиторы, и современнымъ дѣятелемъ военно-судебнаго вѣдомства, такая же пропасть какая существуетъ между мрачной, инквизиціонной процедурою военно-судной коммисіи, продажной и лицепріятной и современными условіями гласнаго суда. Конечно, эпоха преобразованій въ военно-судебномъ вѣдомствѣ совпадала съ общей реформаторской дѣятельностью въ государствѣ, которая и направляла ее, но тѣмъ не менѣе, нельзя, безъ нарушенія справедливости, не признать и личныхъ заслугъ тѣхъ, которые въ то время стояли во главѣ дѣла. В. Д. въ основу своей дѣятельности по военно-судебной части, положилъ начало полнаго объединенія уголовнаго и процесуальнаго законодательства въ войскѣ и народѣ Исключенія, отступленія, особенности, допускались лишь тамъ, гдѣ это вызывалось дѣйствительными, а не мнимыми особенностями военнаго быта и строя. Но что составляетъ блестящую, высокую заслугу В. Д. это успѣшное проведеніе закона въ жизнь. Въ эти двадцать пять лѣтъ, мы пріобрѣли немало превосходныхъ законоположеній, которые однакожъ далеко не въ такой превосходной степени измѣнили практику жизни. Чтобы остаться вѣрнымъ закону въ его исполненіи, В. Д. пришлось вынести нелегкую и продолжительную борьбу. Приведеніе военно судебнаго устава въ дѣйствіе, должно было встрѣтить несравненно болѣе энергическую оппозицію, въ военномъ вѣдомствѣ, чѣмъ приведеніе судебныхъ уставовъ въ дѣйствіе, въ вѣдомствѣ гражданскомъ. Новый уставъ стиралъ съ лица русской земли, традиціонное, освященное вѣками, хозяйничанье военнаго начальства въ судебномъ дѣлѣ. Онъ впервые вводилъ безграничную, безотвѣтственную, личную власть начальника, въ законные и притомъ довольно узкіе предѣлы. —Все это не могло не вызывать сильной борьбы, но эта борьба не оказала существеннаго вліянія на примѣненіе закона въ дѣйствительности: оно шло своимъ неуклоннымъ, послѣдовательнымъ путемъ, безъ компромисовъ и сдѣлокъ, все шире и шире охватывая территорію, занимаемую войскомъ.—Повсемѣстное, за исключеніемъ одной Сибири, введеніе военно-судебнаго устава, въ теченіи первыхъ десяти лѣтъ его дѣйствія, не можетъ быть объясняемо одними денежными средствами, которыми располагаетъ военное министерство, многое должно быть отнесено и на энергію исполнителей. Другая харак-

терная черта дѣятельности В. Д. по примѣненію военно-судебнаго устава, заключается въ неизмѣнномъ уваженіи, оказываемомъ имъ юридическимъ познаніямъ. Въ то время, какъ въ гражданскомъ вѣдомствѣ, съ первыхъ же дней судебной реформы, началось и до послѣдняго времени продолжалось, назначеніе на видные и невидные должности лицъ, самыхъ неподходящихъ профессій, лицъ, неимѣвшихъ ни теоретической, ни даже практической подготовки, вслѣдствіе чего кредитъ юридическихъ познаній сталъ быстро падать, а число слушателей юридическихъ факультетовъ быстро уменьшаться, въ военномъ за исключеніемъ перваго состава военно-окружныхъ судовъ Петербургскаго и Московскаго, — за послѣдніе двѣнадцать лѣтъ не было *ни одного* случая назначенія на должность лицъ, неимѣющихъ юридическаго образованія, а въ самомъ вѣдомствѣ—Аудиторское училище было совершенно преобразовано, и сверхъ того, учреждена вновь Военно-Юридическая Академія. Впрочемъ, служба по военно-судебному вѣдомству никогда не была исключительнымъ достояніемъ питомцевъ этихъ двухъ спеціальныхъ заведеній. Лица, окончившія курсъ въ университетахъ, отчасти въ училищѣ Правовѣдѣнія, всегда встрѣчали со стороны В. Д. привѣтливый пріемъ. Многіе изъ нихъ занимаютъ весьма видныя мѣста.

Скромность В. Д. устранила всякую излишнюю торжественность въ праздновании дня 5 сентября. Все ограничилось частными заявленіями чувствъ признательности и почтенія, со стороны личнаго состава отдѣльныхъ учрежденій военно-судебнаго вѣдомства, находящихся въ Петербургѣ.

Послѣ частнаго привѣтствія, въ 10 часовъ утра, со стороны ближайшихъ сослуживцевъ и сотрудниковъ В. Д. послѣдовало привѣтствіе со стороны Главнаго Военнаго суда, предсѣдатель котораго объявилъ о Высочайшемъ соизволеніи на помѣщеніе портрета В. Д. въ совѣщательной комнатѣ суда.

Поздравленія Главнаго Военно-Суднаго Управленія, выразились въ привѣтственной рѣчи, сказанной Д. С. С. Волковымъ.

Мы явились къ вашему высокопревосходительству, сказалъ товарищъ главнаго военнаго прокурора, для того, чтобы представить вамъ наши поздравленія по случаю исполнившагося нынѣ 25-тилѣтія вашего служенія у насъ, въ качествѣ представителя военно-судебнаго вѣдомства; чтобы вмѣстѣ съ радостію, которую мы ощущаемъ при видѣ знаковъ Монаршаго вниманія къ вашимъ заслугамъ, выразить и душевную скорбь, которую испытываемъ мы по-

11*

поводу вашего удаленія отъ насъ; наконецъ — чтобы выразить вамъ самыя горячія и искреннія пожеланія благоденствія и преуспѣянія въ вашей новой служебной сферѣ дѣятельности.

При этомъ я, по уполномочію и отъ имени своихъ товарищей, позволяю себѣ сказать нѣсколько слѣдующихъ словъ:

Въ предвидѣніи настоящаго знаменательнаго для васъ дня и еще задолго до наступленія его, между всѣми бывшими подчиненными и сотрудниками вашими по службѣ, возникла мысль ознаменовать этотъ день представленіемъ вашему высокопревосходительству какого-нибудь видимаго знака и доказательства того глубокаго уваженія и благодарности, которыя они привыкли чувствовать, хранить и выражать вамъ.

Къ сожалѣнію этой мысли не суждено было осуществиться, по причинѣ вашей личной скромности.

Но если эта причина воспрепятствовала осуществленію означенной мысли, для самой большей части вашихъ бывшихъ подчиненныхъ, то она не могла имѣть того же значенія въ отношеніи къ намъ, имѣвшимъ честь и удовольствіе ближе всѣхъ другихъ стоять къ вамъ по службѣ и постоянно пользоваться не только вашимъ особеннымъ довѣріемъ, вниманіемъ и расположеніемъ, но и радушіемъ и гостепріимствомъ вашей глубокоуважаемой супруги и семьи.

Явившись теперь для того, чтобы представить вашему высокопревосходительству свои поздравленія, вмѣстѣ съ выраженіемъ чувствъ и пожеланій, о которыхъ я сейчасъ упомянулъ, мы позволяемъ себѣ убѣдительнѣйше просить васъ принять отъ насъ, какъ видимый знакъ нашего глубочайшаго уваженія и благодарности къ вамъ, собственный портретъ вашъ, для храненія въ уважаемомъ вашемъ семействѣ и потомствѣ, для которыхъ, какъ мы вполнѣ увѣрены, воспоминанія о васъ будутъ столь же дороги, какъ и для насъ, вашихъ бывшихъ сослуживцевъ и подчиненныхъ.

Затѣмъ, послѣдовали привѣтствія со стороны состава слѣдственной коммисіи, по дѣламъ интендантства бывшей дѣйствующей арміи; петербургскаго военно-окружнаго суда и наконецъ, военно-юридической академіи.

Начальникъ послѣдней, генералъ-лейтенантъ Бобровскій, прочелъ при этомъ слѣдующій адресъ, поднесенный академіей:

Ваше Высокопревосходительство

Владиміръ Дмитріевичъ!

Сегодня истекаетъ двадцатипятилѣтіе со времени назначенія Васъ въ должность Директора Аудиторіатскаго Департамента, преобразованнаго въ 1864 г. въ Главное Военно-Судное Управленіе.

Четверть столѣтія пройденной Вами жизни, въ званіи Генералъ Аудитора Военнаго Министерства, а затѣмъ Начальника Главнаго Военно-Суднаго Управленія и Главнаго Военнаго Прокурора, относится къ той эпохѣ русскаго военно-уголовнаго законодательства, когда повелѣніемъ благословенныя памяти Императора Александра II, были задуманы и приведены въ исполненіе существенныя реформы по военно-судной части, въ нашей арміи. Всецѣло посвящая себя дѣлу военнаго правосудія и будучи по военно-судной части ближайшимъ и усерднымъ сотрудникомъ бывшаго Военнаго Министра, Графа Дмитрія Алексѣевича Милютина, Вы принимали непрерывное, живое, непосредственное участіе въ составленіи проектовъ законоположеній о новомъ военно-уголовномъ судоустройствѣ и судопроизводствѣ, а равно въ пересмотрѣ законоположеній новаго воинскаго устава о наказаніяхъ въ войскахъ. Подъ Вашимъ руководствомъ составлены новые нынѣ дѣйствующіе уставы: *Военно-Судебный — въ 1867 г., Воинскій о наказаніяхъ — въ 1868 г. и Дисциплинарный — въ 1869 г.*

Коренное измѣненіе во взглядахъ на мѣры предупрежденія и взысканія за маловажныя преступленія военно-служащихъ, существенныя измѣненія въ системѣ наказаній за общія и военныя преступленія и введеніе гласнаго судопроизводства въ нашихъ войскахъ, неизбѣжно повліяли на самый способъ образованія и комплектованія у насъ военныхъ юристовъ.

Съ самыхъ первыхъ лѣтъ Вашего вступленія въ должность Генералъ-Аудитора, Вы, въ своихъ представленіяхъ, высказывали необходимость поднятія образованія аудиторовъ, посредствомъ болѣе основательнаго преподаванія юридическихъ наукъ въ специальной военно-юридической школѣ, учрежденной въ 1832 г.—Несовершенства въ нашемъ военномъ судопроизводствѣ Вы справедливо объяснили, еще въ 1860 г, между прочимъ, недостаткомъ общаго и особенно юридическаго образованія лицъ, занимавшихъ аудиторскія должности. По Вашему почину и при Вашемъ содѣйствіи, въ теченіи двадцати съ небольшимъ лѣтъ, постепенно совершалось ко-

ренное улучшеніе и пополненіе учебнаго плана, съ цѣлью болѣе цѣлесообразнаго преподаванія военно-юридическихъ наукъ. По Вашему ходатайству Аудиторское Училище получило, съ переименованіемъ въ Военно-Юридическое, одинаковое устройство съ другими спеціальными училищами военнаго вѣдомства, при чемъ оканчивающимъ курсъ воспитанникамъ даны соотвѣтственныя ихъ образованію преимущества. Когда же, вмѣстѣ съ установленіемъ новой системы наказаній и гласнаго воинскаго суда, сознана была необходимость привлечь къ военно судебной дѣятельности и опытныхъ въ строевой службѣ офицеровъ, какъ людей близко знакомыхъ съ условіями военнаго быта, Вы заботливо слѣдили за занятіями и успѣхами учащихся офицеровъ въ учрежденныхъ, первоначально, въ 1866 г., для нихъ классахъ, переименованныхъ въ 1868 г. въ Военно-Юридическую Академію. Наконецъ, вникая въ истинныя потребности военно-судебнаго вѣдомства, Вы исходатайствовали въ 1878 г. черезъ бывшаго Военнаго Министра, Высочайшее соизволеніе на предоставленіе Военно-Юридической Академіи правъ, одинаковыхъ съ другими Академіями военнаго вѣдомства, и о дарованіи ей средствъ, соотвѣтствующихъ цѣли и спеціальнымъ задачамъ высшаго учебнаго заведенія.

Преобразованная Военно-Юридическая Академія, обязанная своимъ настоящимъ положеніемъ Монаршимъ щедротамъ почившаго Императора Александра II, считаетъ своимъ долгомъ, въ лицѣ своихъ представителей, выразить Вамъ, Владиміръ Дмитріевичъ, въ этотъ знаменательный для Васъ день, чувства высокаго уваженія, какъ своему ближайшему начальнику и неусыпному ревнителю военно-юридическаго образованія, какъ просвѣщенному дѣятелю, многіе годы потрудившемуся надъ обновленіемъ военно судебной части въ войскахъ сухопутнаго вѣдомства.

На привѣтствіе академіи, В. Д. отвѣчалъ въ нѣсколькихъ словахъ, глубоко растроганнымъ голосомъ, пожеланіями всего лучшаго заведенію и его питомцамъ.

Въ тотъ же день, сдѣлалось извѣстнымъ производство В. Д. въ дѣйствительные тайные совѣтники и назначеніе его членомъ государственнаго совѣта.

Нѣтъ сомнѣнія, что опытность В. Д. въ законодательныхъ работахъ, спеціальное знаніе судебной части, личныя дарованія и трудолюбіе его, не останутся безслѣдными для общества, въ этомъ новомъ назначеніи.

СОДЕРЖАНІЕ ПОСЛѢДНЯГО №

СЕНТЯБРЬ

ВАРШАВСКАЯ. СУДЕБНАЯ ГАЗЕТА

GAZETA SĄDOWA WARSZAWSKA.

Wychodzi co Sobotę i zawiera następujące rubryki:

1. Rozporządzenia rządowe.
2. Artykuły wstępne.
3. Rozbiòr pytań z prawa cywilnego.
4. Pytania z praktyki kryminalnej.
5. Jurisprudencya Senatu rządzącego, zawierająca wyroki kassacyjne, drukowane bezzwłocznie po przybyciu takowych do Warszawy.
6. Wyciągi z wyrokòw kassacyjnych, zawierające interpretacyę przepisòw prawa z wyrokòw kassacyjnych wyjętą i uporządkowaną.
7. Jurisprudencya Departamentòw Cywilnych Jzby Sądowej Warszawskiej w systematycznym porządku.
8. Kronika cywilna.
9. Kronika Kryminalna.
10. Spory o atrybucyę władzy i jurisdykcyjne.
11. Notatki naukowe i literackie.
12. Kronika z Cesarstwa.
13. Kronika Zagraniczna.
14. Pytania, dotyczące nowego sądownictwa gminnego.
15. Sądownictwo gminne.
16. Korrespondencye z Kraju, z Cesarstwa i z zagranicy.
17. Przegląd bibliograficzny.
18. Wiadomości bieżące i rozmaitości.
19. Odpowiedzi Redakcyi.
20. Doniesienia urzędowe i prywatne.
21. Odcinek.
22. Literatura i krytyka.

Wr. 1881 Redakcya zamierzyła wprowadzić jeszcze dwie następujące rubryki:

23. Przegląd artykułów prawno-społecznéj treści, pomieszczonych w czasopismach polskich, dla ułatwienia czytelnikom możności zaznajomienia się z poglądami prawnymi, ujawnianymi w innych czasopismach;

24. Wykaz ogłoszeń rządowych, dotyczących regulacyi spadków co do majątków i summ hipotekowanych, oraz pierwiastkowego zaprowadzenia hipoteki, dla ułatwienia czytelnikom możności dowiedzenia się o ogłoszeniach ktore mogą być dla nich niezbudne czyło jako wierzycieli, czy jako spadkobierców.

Redakcya dąży do rozszerzania zdrowych pojęć prawnych w wykształceńszych warstwach naszego społeczeństwa i do czynienia zadość potrzebom bieżącej praktyki sądowej. Na pytania, nadsyłane do Redakcyi (Warszawa. Grzybowska. 29), zawierające kwestye prawne, budzące obszerniejszy interes, Redakcya odpowiada w jednym z najbliższych numerów.

Liczne współpracownictwo z Kraju, z Cesarstwa i z zagranicy daje możność wypełniania wszystkich wskazanych rubryk, o ile przestrzeń dwóch arkuszy pojedynczych, z których się składa każdy numer, dozwala.

Przedpłata wynosi:

w Warszawie . . .	rocznie	r. s.	6	półrocznie	r. s.	3
na prowincyi i w Cesarstwie		» »	8	»	» »	4
w Prussach	mk.	» »	27	»	» »	$13^1/_2$
w Austryi . . .	guld. w.a.	» »	15	»	» »	$7^1/_2$

Licząc wraz z opłatą pocztową.

Prenumerować można w ekspedycyi Gazety Sądowej (księgarnia M. Orgelbranda w Warszawie, naprzeciw posągu Kopernika), w Redakcyi gazety (Grzybowska 29), we wszystkich księgarniach, kontorach pism peryodycznych i na poczcie.

ВЪ КНИЖНЫХЪ МАГАЗИНАХЪ:

Стасюлевича, Новое Время, Гартье, Шмицдорфа, спеціально-военномъ, картографическомъ (Главнаго Штаба) Фену и К°, Вольфа, Анисимова, Н. Г. Мартынова, Глазунова и Новости, продаются слѣдующія сочиненія и изслѣдованія по военному праву **П. О. Бобровскаго.**

Происхожденіе артикула Воинскаго и Изображенія процесовъ Петра Великаго. Издан. второе, дополненное. **Ц. 60 к.**

Старо - Шведское Военное Право (Густава Адольфа) **Ц. 30 к.**

Состояніе военнаго права въ эпоху учрежденія постоянныхъ войскъ въ Зап. Европѣ—Ц. 2 р. На пересылку за 2 фунта.

Періодъ Преобразованій Петра Великаго (коллег. воен. суды и должн. аудитора). **Ц. 1 р. 25 к.** На пересылку за 1 фунтъ.

Тамъ же можно получить: **Ежегодникъ Военно-Юридической Академіи Ц. 3 р. 50 к.**—На пересылку за 2 фунта. Складъ изданія на Мойкѣ, д. № 94.

НОВОЕ ПЕРІОДИЧЕСКОЕ ИЗДАНІЕ

„ЗРИТЕЛЬ"

ИЛЛЮСТРОВАННЫЙ ЛИТЕРАТУРНЫЙ, ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ И ЮМОРИСТИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ.

Выходить будетъ въ Москвѣ, съ 30 августа сего 1881 года, три раза въ недѣлю; въ теченіи четырехъ слѣдующихъ мѣсяцевъ этого года выйдетъ пятьдесятъ нумеровъ.

ПРОГРАММА ЖУРНАЛА «ЗРИТЕЛЬ»:

1. Оригинальные и переводные романы, повѣсти, разсказы, сцены, стихотворенія, бытовые очерки изъ жизни народовъ, описанія выдающихся историческихъ моментовъ, и достопримѣчательныхъ мѣстностей; библіографія выдающихся дѣятелей. 2. Извѣстія и обозрѣнія искусствъ: театръ, музыка, живопись и проч., съ критической, въ нужныхъ случаяхъ, оцѣнкой. 3. Обозрѣніе русскихъ и иностранныхъ книгъ и періодическихъ изданій. 4. Фельетонъ и хроника общественной жизни. 5. Смѣсь. 6. Иллюстрація рисунками текста журнала и рисунки юмористическаго содержанія. 7. Каррикатуры. 8. Почтовый ящикъ. 9. Объявленія и рекламы.

Подписная цѣна съ 23 августа 1881 года по 1 января 1882 г. съ доставкой и пересылкой 3 р. Помѣсячно—1 р. въ мѣсяцъ.

Годовая подписка объявлена будетъ въ ноябрѣ мѣсяцѣ. Безъ доставки и пересылки подписка не принимается.

Предпринимая наше изданіе, мы хотѣли доставить публикѣ возможность имѣть такой иллюстрированный журналъ, который, выходя три раза въ недѣлю, далъ бы читателямъ полную возможность имѣть своевременныя свѣдѣнія о всѣхъ явленіяхъ общественной жизни. Помимо текста (см. програму), мы представимъ въ иллюстраціяхъ каждое выдающееся событіе, какъ нашей, такъ и заграничной жизни; портреты общественныхъ дѣятелей данной эпохи; рисунки различныхъ зданій и сооруженій и, наконецъ, каррикатуры въ краскахъ. Вполнѣ сознавая какъ трудно выполнить такую обширную задачу, мы тѣмъ не менѣе сдѣлаемъ все возможное для ея успѣшнаго достиженія.

Въ изданіи нашемъ примутъ участіе: въ литературномъ отдѣлѣ— *В. И. Андреевъ-Бурлакъ, В. П. Буренинъ, И. Ф. Василевскій (Буква), И. Вязмитинъ (псевдонимъ), В. А. Крыловъ, Н. П. Кирѣевъ, А. В. Кругловъ, Д. Д. Минаевъ, Вас. И. Немировичъ-Данченко, П. М. Невѣжинъ, Н. П. Орловъ, М. П. Садовскій, Шайтанъ (псевдонимъ). М. Г. Яронъ*, и многіе другіе; въ художественномъ—*Н. А. Богдановъ, А. И. Лебедевъ, Н. И. Боткинъ, Н. Е. Рачковъ Н. П. Чеховъ* и многіе другіе.

Подписка принимается: Въ Москвѣ: Въ конторѣ редакціи, на Страстномъ бульварѣ, въ домѣ гр. Мусина-Пушкина; въ писчебумажномъ магазинѣ Д. Н. Попова, у Иверскихъ воротъ въ зданіи присутственныхъ мѣстъ; въ книжномъ магазинѣ Д. И. Прѣснова, на Никольской улицѣ.

Иногородные благоволятъ адресоваться непосредственно въ контору редакціи въ Москвѣ.

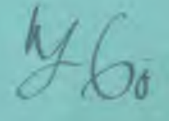

Примѣч. При переходѣ городскихъ подписчиковъ журнала въ иногородные и наоборотъ, высылается 1 р., а при переходѣ городскихъ подписчиковъ на кассаціонныя рѣшенія въ иногородные и наоборотъ 1 р. 50 к.

8) **Жалоба** на неполученіе какой-либо книжки журнала препровождается прямо въ редакцію, съ приложеніемъ удостовѣренія мѣстной почтовой конторы въ томъ, что книжка журнала дѣйствительно не была получена конторой. По полученіи такой жалобы редакція немедленно представляетъ въ газетную экспедицію дубликатъ, для отсылки съ первою почтою; но безъ удостовѣренія мѣстной почтовой конторы, газетная экспедиція должна будетъ прежде снестись съ сею послѣднею и редакція удовлетворитъ только по полученіи отвѣта послѣдней. По распоряженію почтоваго вѣдомства жалобы должны быть сообщаемы редакціи никакъ **не позже** полученія слѣдующей книжки журнала, иначе редакція не будетъ имѣть возможности удовлетворить подписчика высылкою новаго экземпляра.

9) Редакція не отвѣчаетъ за своевременную высылку журнала тѣмъ лицамъ, которыя подписались не въ указанныхъ въ объявленіи о подпискѣ мѣстахъ и подписныя суммы которыхъ часто передаются въ редакцію несвоевременно, а иногда и вовсе не передаются. Въ такихъ случаяхъ гг. подписчики благоволятъ обращаться съ жалобами въ то мѣсто, гдѣ они подписались.

10) Отвѣты на всякаго рода запросы гг. сотрудниковъ и подписчиковъ, редакція признаетъ для себя обязательными только въ томъ случаѣ, если для этого приложена почтовая марка.

Объ изданіи въ 1882 году

ЖУРНАЛА

ГРАЖДАНСКАГО И УГОЛОВНАГО ПРАВА.

Журналъ будетъ выходить ежемѣсячно (за исключеніемъ вакантныхъ: іюня, іюля и августа) книгами до 20 листовъ.

ЦѢНА ЗА ГОДОВОЕ ИЗДАНІЕ:

въ С.-Петербургѣ безъ доставки . .	**8** р.
съ доставкой въ С.-Петербургѣ. . .	**8** р. **50** к.
съ пересылкой въ другіе города . .	**9** р.
за-границей	**10** р.
отдѣльно книга журнала	**2** р.

Подписчики, желающіе получать, сверхъ того, **РѢШЕНІЯ КАССАЦІОННЫХЪ ДЕПАРТАМЕНТОВЪ СЕНАТА**, платятъ за журналъ и за рѣшенія.

съ доставкой въ С.-Петербургѣ и
съ пересылкой въ другіе города . . **14** р. **50** к.

Лица, не состоящія въ числѣ подписчиковъ на журналъ, могутъ подписываться въ редакціи отдѣльно на кассаціонныя рѣшенія по 6 руб. съ доставкою въ С.-Петербургѣ и съ пересылкою въ иные города.

Допускается разсрочка подписной платы въ слѣдующіе сроки: въ январѣ 3 р. съ касс. рѣш. 8 р. въ маѣ 3 р. и въ сентябрѣ остальная до подписной цѣны сумма. Гг. студенты университетовъ и равныхъ съ ними заведеній, удостовѣрившіе свое званіе, пользуются правомъ подписки на журналъ, за половинную цѣну т. е. 4 р. 50 к.

Подписка принимается: въ С.-Петербургѣ: въ конторѣ редакціи „Журнала Гражданскаго и Уголовнаго Права", въ книжныхъ магазинахъ—*Анисимова*, рядомъ съ Императорскою Публичною Библіотекой и *Мартынова*, Невс. пр. № 46, противъ Гост. двора; въ Москвѣ: у *Анисимова*, на Никольской улицѣ.

Гг. иногородные благоволятъ обращаться съ своими требованіями исключительно въ редакцію „Журнала Гражданскаго и Уголовнаго Права", въ С.-Петербургѣ, Почтамская д. № 1, кв. 15.

Контора Журнала открыта ежедневно, за исключеніемъ воскресныхъ и праздничныхъ дней, отъ 12 до 4 часовъ.

Подписка на журналъ 1879, 1880 и 1881 годовъ, продолжается на тѣхъ же условіяхъ.

Оставшіяся въ незначительномъ числѣ экземпляровъ, кассаціонныя рѣшенія сената, *сброшюрованныя*, продаются: гражданскаго департамента—за 1877 годъ 4 р. за 1878 годъ 4 р. уголовнаго департамента за 1877 годъ (вмѣстѣ съ рѣшеніями общаго собранія за тотъ же годъ) 2 руб. включая и расходы по пересылкѣ. Сверхъ того, въ редакціи имѣются *первые десять листовъ* рѣшеній уголовнаго деп. за 1878 годъ, которые и продаются по 1 р. Кассаціонныхъ рѣшеній сената, а равно и журнала за другіе годы, кромѣ означенныхъ, въ редакціи не имѣется. Изслѣдованіе проф. *Кистяковскаго*—О пресѣченіи обвиняемому способовъ уклоняться отъ слѣдствія и суда, гг. подписчики могутъ получать въ редакціи по 1 р. за экз. съ пересылкою, вмѣсто 1 р. 25 к. безъ пересылки.

Редакторъ **В. Володиміровъ**.

6

ЖУРНАЛЪ ГРАЖДАНСКАГО И УГОЛОВНАГО ПРАВА

ИЗДАНІЕ С.-ПЕТЕРБУРГСКАГО ЮРИДИЧЕСКАГО ОБЩЕСТВА

ГОДЪ ОДИНАДЦАТЫЙ

1881

КНИГА ШЕСТАЯ

НОЯБРЬ—ДЕКАБРЬ

С.-ПЕТЕРБУРГЪ

ТИПОГРАФІЯ ПРАВИТЕЛЬСТВУЮЩАГО СЕНАТА

1881

Вышла 21 ноября.

ОТЪ РЕДАКЦІИ.

1) Авторовъ присылаемыхъ рукописей, редакція проситъ озаботиться о ясномъ и четкомъ письмѣ текста, особенно иностраннаго, а равно и цитатъ, такъ какъ иногда приходится отказывать въ помѣщеніи статьи—по неразборчивости почерка. Рукописи неудобныя къ печатанію не возвращаются, но могутъ быть получены въ редакціи авторами или уполномоченными ими лицами. По истеченіи года, со дня полученія, рукописи не взятыя обратно—уничтожаются.

2) Гонораръ, въ установившемся размѣрѣ, получается въ редакціи самими авторами; иногороднымъ онъ высылается съ вычетомъ почтовыхъ расходовъ. Статьи, получаемыя безъ заявленія о вознагражденіи, считаются безплатными. Авторскіе оттиски заготовляются лишь въ томъ случаѣ, когда объ этомъ будетъ заявлено заблаговременно.

3) Статьи не должны превышать *трехъ печатныхъ листовъ*. Статьи, превышающія этотъ размѣръ, печатаются по особому соглашенію съ редакціею.

4) Всѣ принятыя для напечатанія статьи, въ случаѣ надобности, подлежатъ сокращенію и исправленію.

5) Лицъ, желающихъ видѣть скорѣйшій разборъ ихъ трудовъ, редакція проситъ, въ обоюдномъ интересѣ, доставлять свои сочиненія *въ двухъ экземплярахъ*, тотчасъ по выходѣ ихъ въ свѣтъ.

6) Объявленія печатаются: для періодическихъ изданій *безплатно*, при условіи взаимности; для всѣхъ прочихъ—по 5 руб. за страницу и 30 к. за строку.

7) **О перемѣнѣ адреса** сообщается редакціи своевременно до сдачи книги на почту; при невозможности же исполнить это, слѣдуетъ сообщить мѣстной почтовой конторѣ свой новый адресъ и извѣстить редакцію о перемѣнѣ адреса для высылки слѣдующихъ книжекъ журнала, причемъ слѣдуетъ обозначить мѣсто прежняго отправленія журнала и съ какого нумера высылать журналъ по новому адресу.

См. на оборотъ

ЖУРНАЛЪ
ГРАЖДАНСКАГО И УГОЛОВНАГО
ПРАВА

ИЗДАНІЕ С.-ПЕТЕРБУРГСКАГО ЮРИДИЧЕСКАГО ОБЩЕСТВА

ГОДЪ ОДИНАДЦАТЫЙ

1881

КНИГА ШЕСТАЯ

НОЯБРЬ—ДЕКАБРЬ

С.-ПЕТЕРБУРГЪ
ТИПОГРАФІЯ ПРАВИТЕЛЬСТВУЮЩАГО СЕНАТА
1881

ОТЪ РЕДАКЦІИ.

Для гг. подписчиковъ на кассаціонныя рѣшенія.

1) Сданы на почту: Рѣш. гр. кас. деп. 1880 г. листы: 51—53 и Угол. за 1880 г. 1 и 2—*5 октября*; Гражд. 54—59 и Угол. 3—4 *15 октября;* Гражд. 60—64 и Угол. 5—8$^1/_2$ *5 ноября.*

2) Въ устраненіе недоразумѣній, редакція заявляетъ, что жалобы г.г. подписчиковъ на неполученіе отдѣльныхъ листовъ кас. рѣшеній, принимаются лишь *въ теченіи мѣсяца* со дня выхода той книги журнала, въ которой указаны сроки сдачи листовъ на почту.—Жалобы, заявленныя по истеченіи мѣсяца, по ограниченному числу экземпляровъ кас. рѣш. которыми располагаетъ редакція и по невозможности повѣрки причинъ недоставленія отдѣльныхъ листовъ почтою, удовлетворяемы быть не могутъ.

3) Въ виду недоумѣній, возбуждаемыхъ существующею системою изданія кас. рѣш. — со стороны новыхъ подписчиковъ, — редакція имѣетъ честь объяснить, что по установившемуся порядку изданія рѣшеній Сенатскою типографіею, какъ въ типографіи, такъ и при журналѣ, подписка принимается не на рѣшенія даннаго года, а на рѣшенія, которыя будутъ отпечатаны типографіею въ данномъ году, съ 1-го по 1-е января.

ОБЪ ИЗДАНІИ ЖУРНАЛА ВЪ 1882 ГОДУ.

Съ 1 января 1882 года, журналъ гражданскаго и уголовнаго права будетъ выходить **ежемѣсячно**, книгами до 20 и болѣе листовъ. Первая книга выйдетъ въ началѣ января, въ ней, между прочимъ, будутъ помѣщены: Карательная дѣятельность государства и ея границы. *Н. Таганцева.* Новый французскій законъ о печати 29 іюля 1881 года. *В. Спасовича.* Предварительное слѣдствіе и его реформа *И. Фойницкаго.* О реформѣ волостныхъ судовъ *А. Языкова.* Фирмы, по нашимъ торговымъ законамъ *П. Колумбуса.* Практическія замѣтки по вопросамъ гражданскаго права и судопроизводства *К. Змирлова.* О нѣкоторыхъ сторонахъ нынѣшняго общественнаго быта русскихъ коллегіальныхъ судовъ и судей *И. Савицкаго* (*И. С. Члена новаго суда*) и др. Сверхъ того, въ приложеніи начнутся печатаніемъ: Голландское уголовное уложеніе 1881 года, пер. *г. Лицкаго* и большое сочиненіе *И. Фойницкаго* по уголовному праву. Въ приложеніяхъ слѣдующихъ книгъ, будетъ помѣщенъ рядъ трудовъ покойнаго *Тюрина* по гражданскому праву, редактированныхъ *К. Д. Кавелинымъ.*

Въ V книгѣ, въ статьѣ *Г. Верблововскаго* —О подсудности гражданскихъ дѣлъ крестьянъ, вкрались слѣдующія опечатки:

СТРАНИЦА	СТРОКА	НАПЕЧАТАНО:	СЛѢДУЕТЪ ЧИТАТЬ:
38	12 сверху	опредѣленныя	отдѣленныя
41	19 снизу	часто	чисто
43	29 —	крестьянскомъ	крестьянамъ
47	6 —	долю	дачу
48	4 —	юриспруденціи	юрисдикціи
49	22 —	казеннымъ	поземельнымъ
58	2 сверху	исковыхъ	неисковыхъ
61	1 —	не свыше	и свыше
20	24 —	пользованія	наслѣдованія
70	1 снизу	обычаи хотя процесъ	обычаи. Ходъ процеса
74	16 снизу	отсужденнаго	отсужденною

СОДЕРЖАНІЕ ШЕСТОЙ КНИГИ.

УЗАКОНЕНІЯ И РАСПОРЯЖЕНІЯ ПРАВИТЕЛЬСТВА.

(съ 1-го Сентября по 1-е Ноября).

ОТДѢЛЪ I.

А. Высочайшія повелѣнія.

92) *Объ изданіи положенія о мѣрахъ къ охраненію государственнаго порядка и общественнаго спокойствія и объявленіи нѣкоторыхъ мѣстностей Имперіи въ состояніи усиленной охраны.* (указъ правительствующему сенату).

Послѣдніе годы Славнаго Царствованія Блаженныя памяти родителя Нашего въ Бозѣ почившаго Государя Императора Александра II-го, были омрачены рядомъ преступныхъ посягательствъ на коренныя основы государственнаго и общественнаго строя нашего Отечества.

Исходя отъ горсти тайныхъ злоумышленниковъ, дерзновенныя посягательства эти наглядно доказали, что дѣйствіе постоянныхъ законовъ, сообразованныхъ съ обычнымъ состояніемъ мирнаго общежитія, недостаточно для охраненія порядка и спокойствія, нарушаемыхъ прискорбными событіями чрезвычайнаго свойства. Посему въ изъятіе изъ общихъ законовъ, по отношенію къ предѣламъ вѣдомства и способамъ дѣятельности различныхъ правительственныхъ властей и учрежденій, были въ разное время издаваемы отдѣльныя временныя законоположенія.

Безпримѣрное въ лѣтописяхъ нашей исторіи злодѣяніе, пресѣкшее драгоцѣнную жизнь Возлюбленнаго Родителя Нашего, явственно предъ всѣми обнаружило непреложную необходимость предоставить властямъ, поставленнымъ на стражѣ общественнаго по-

рядка, особыя полномочія, пространство коихъ было бы соразмѣрено съ отвѣтственностью, возлагаемою на нихъ исключительными обстоятельствами настоящаго времени.

Незыблемость основныхъ началъ великихъ преобразованій минувшаго Царствованія, а равно правильное и спокойное дѣйствіе учрежденій на твердомъ основаніи общихъ законовъ установленныхъ, составляютъ наиболѣе прочный залогъ благоденствія и преуспѣянія дорогаго нашего Отечества. Мы не могли однако же не признать, что прискорбныя событія и смута въ Государствѣ, вызываютъ печальную необходимость допустить на время чрезвычайныя мѣры преходящаго свойства, для водворенія полнаго спокойствія и для искорененія крамолы. Наше вниманіе равнымъ образомъ было обращено и на то, чтобы временныя исключительныя мѣры соотвѣтствовали дѣйствительной потребности охраненія порядка и не подвергали излишнему отягощенію законные интересы вѣрнаго престолу населенія, несомнѣнно искренно желающаго содѣйствовать сохраненію спокойствія и порядка.

Въ то же время, усматривая, что въ изданныхъ разновременно узаконеніяхъ, для облегченія борьбы съ крамолой, сущность и предѣлы полномочій административныхъ начальствъ указаны не съ достаточною въ семъ отношеніи опредѣлительностью, Мы сочли за благо повелѣть, подвергнувъ совокупному пересмотру всѣ временные законы, изданные въ послѣднее время, начертать взамѣнъ сихъ узаконеній, особое положеніе, въ которомъ были бы указаны, съ большею чѣмъ нынѣ точностью, съ одной стороны предѣлы полномочій административныхъ начальствъ при чрезвычайныхъ обстоятельствахъ, а съ другой--сущность обязанностей, возлагаемыхъ на населеніе исключительными обстоятельствами государственной жизни.

Составленный вслѣдствіе того особо учрежденною коммисіею проектъ положенія о мѣрахъ къ охраненію государственнаго порядка и общественнаго спокойствія, по предварительномъ разсмотрѣніи онаго въ комитетѣ министровъ, Нами утвержденъ.

Признавъ необходимымъ нынѣ же ввести въ дѣйствіе, въ нижепоименованныхъ мѣстностяхъ Имперіи, нѣкоторыя части помянутаго положенія и прекратить вмѣстѣ съ нимъ примѣненіе всѣхъ прочихъ исключительныхъ узаконеній, Мы повелѣваемъ:

1) Объявить въ состояніи усиленной охраны губерніи: С. Петербургскую, Московскую, Харьковскую, Полтавскую, Черниговскую,

Кіевскую, Волынскую, Подольскую, Херсонскую и Бессарабскую, уѣзды: Симферопольскій, Евпаторійскій, Ялтинскій, Өеодосійскій, Перекопскій и городъ Бердянскъ Таврической губерніи, городъ Воронежъ съ уѣздомъ и города Ростовъ на Дону и Маріуполь Екатеринославской губерніи, а также Одесское, Таганрогское и Керчь-Еникольское градоначальства.

2) С.-Петербургскому оберъ-полиціймейстеру присвоить всѣ права, которыя положеніемъ объ усиленной охранѣ предоставляются въ неподчиненныхъ генералъ-губернаторамъ мѣстностяхъ, губернаторамъ и градоначальникамъ.

3) На прочія мѣстности имперіи распространить дѣйствіе статей 28, 29, 30 и 31 положенія о мѣрахъ по охраненію государственнаго порядка и общественнаго спокойствія.

4) Установленнымъ ст. 32, 33, 34, 35 и 36 порядкомъ разсмотрѣнія дѣлъ объ административной высылкѣ въ мѣстностяхъ, объявленныхъ въ исключительномъ положеніи, руководствоваться впредь и въ тѣхъ мѣстностяхъ имперіи, кои въ семъ положеніи не объявлены.

5) Совѣщательному присутствію при министерствѣ внутреннихъ дѣлъ, по силѣ 33 ст. положенія о государственной охранѣ учрежденному, озаботиться назначеніемъ срока административной высылки и тѣмъ лицамъ, которыя подверглись оной ранѣе изданія сего положенія.

6) Отмѣнить изданныя, въ видахъ обезпеченія общественнаго порядка и безопасности, узаконенія, поименованныя въ особомъ указѣ Нашемъ правительствующему сенату, сего числа данномъ.

Исторія русскаго народа свидѣтельствуетъ о вѣрной его преданности Самодержавной государственной власти, направлявшей силы народныя на созиданіе славы и величія нашего отечества. Мы остаемся въ неизмѣнной увѣренности, что и въ переживаемые отечествомъ нашимъ трудные дни, неразрывное единеніе всѣхъ сословій вѣрноподданнаго народа русскаго съ верховною властью, въ утвержденіе правды, порядка и закона, пребудетъ надежнѣйшимъ залогомъ народнаго блага, непрестанное попеченіе о коемъ, по примѣру Нашихъ славныхъ предковъ, Мы полагаемъ единственнымъ основаніемъ всѣхъ намѣреній и начинаній Нашихъ.

Правительствующій сенатъ по сему указу Нашему не оставитъ сдѣлать должное исполненіе.

На подлинномъ Собственною Его Императорскаго Величества рукою подписано:
Въ Петергофѣ, «*АЛЕКСАНДРЪ*»
4-го Сентября 1881 года.

На подлинномъ написано: «Государь Императоръ положеніе сіе разсматривать и Высочайше утвердить соизволилъ, въ Петергофѣ, въ 14-й день августа 1881 года.»

Подписалъ управляющій дѣлами комитета министровъ,
статсъ-секретарь *Мансуровъ*.

ПОЛОЖЕНІЕ

О МѢРАХЪ КЪ ОХРАНЕНІЮ ГОСУДАРСТВЕННАГО ПОРЯДКА И ОБЩЕСТВЕННАГО СПОКОЙСТВІЯ.

I. Общія правила.

1) Высшее направленіе дѣйствій по охраненію государственнаго порядка и общественнаго спокойствія принадлежитъ министру внутреннихъ дѣлъ. Требованія его, къ симъ предметамъ относящіяся, подлежатъ немедленному исполненію всѣми мѣстными начальствами. Всѣ вѣдомства обязаны оказывать полное содѣйствіе установленіямъ и лицамъ, коимъ ввѣрено охраненіе государственнаго порядка и общественнаго спокойствія.

2) На основаніи предъидущей статьи министръ внутреннихъ дѣлъ отмѣняетъ тѣ распоряженія подчиненныхъ ему административныхъ начальствъ по охраненію государственнаго порядка и общественнаго спокойствія, которыя будутъ признаны имъ несоотвѣтствующими цѣли. На отмѣну распоряженій генералъ-губернаторовъ и главноначальствующихъ министръ внутреннихъ дѣлъ испрашиваетъ Высочайшее соизволеніе или чрезъ комитетъ министровъ, или всеподданнѣйшимъ докладомъ, смотря по свойству и спѣшности дѣла, причемъ о состоявшихся по всеподданнѣйшему докладу Высочайшихъ повелѣніяхъ доводитъ до свѣдѣнія комитета министровъ.

3) Если министръ внутреннихъ дѣлъ признаетъ необходимымъ для охраненія государственнаго порядка и общественнаго спокойствія принятіе такой временной мѣры, которая требуетъ одобренія верховной власти, то объ утвержденіи предположеній своихъ по сему предмету онъ испрашиваетъ Высочайшее соизволеніе или чрезъ комитетъ министровъ, или, въ случаяхъ нетерпящихъ отлагательства, всеподданнѣйшимъ докладомъ, причемъ о послѣдовавшихъ Высочайшихъ повелѣніяхъ доводитъ до свѣдѣнія комитета министровъ.

4) Въ тѣхъ случаяхъ, когда проявленія преступной дѣятельности лицъ, злоумышляющихъ противъ государственнаго порядка и общественной безопасности, принимаютъ въ отдѣльныхъ мѣстностяхъ столь угрожающій характеръ, что вызываютъ необходимость особыхъ мѣропріятій, направленныхъ къ прекращенію сихъ проявленій, мѣстности эти объявляются, въ установленномъ ниже порядкѣ, въ исключительномъ положеніи.

5) Объявленіе мѣстности въ исключительномъ положеніи влечетъ за собою:

а) расширеніе круга обязанности и предѣловъ власти существующихъ административныхъ установленій по охраненію государственнаго порядка и общественной безопасности, или возложеніе сихъ чрезвычайныхъ обязанностей и предоставленіе сей власти временно для сего учреждаемымъ правительственнымъ органамъ,

и б) усиленіе отвѣтственности какъ частныхъ лицъ, такъ и административныхъ властей за неисполненіе обязанностей, которыя на нихъ будутъ возложены при исключительномъ положеніи.

6) Предѣлы установляемыхъ обязанностей обывателей и правъ административныхъ властей соразмѣряются со степенью проявившихся въ той или другой мѣстности безпорядковъ:

а) когда общественное спокойствіе въ какой либо мѣстности будетъ нарушено преступными посягательствами противъ существующаго государственнаго строя или безопасности частныхъ лицъ и ихъ имуществъ, или подготовленіемъ таковыхъ, такъ что для охраненія порядка примѣненіе дѣйствующихъ постоянныхъ законовъ окажется недостаточнымъ, то мѣстность эта можетъ быть объявлена въ положеніи усиленной охраны;

б) когда такими посягательствами населеніе извѣстной мѣстности будетъ приведено въ тревожное настроеніе, вызывающее необходимость принятія исключительныхъ мѣръ для безотлагательнаго возстановленія нарушеннаго порядка, то означенная мѣстность можетъ быть объявлена въ положеніи чрезвычайной охраны.

7) Право первоначальнаго объявленія какой либо мѣстности въ положеніи усиленной охраны принадлежитъ министру внутреннихъ дѣлъ, а въ мѣстностяхъ, подвѣдомственныхъ генералъ-губернаторамъ,—и симъ послѣднимъ, съ утвержденія министра внутреннихъ дѣлъ.

Примѣчаніе. Губернаторы и градоначальники, одновременно съ представленіемъ генералъ-губернатору или министру внутреннихъ

дѣлъ соображеній своихъ относительно необходимости объявленія какой либо мѣстности въ исключительномъ положеніи, принимаютъ въ случаѣ надобности, мѣры, указанныя въ ст. 542 и 543 общ. губернск. учрежд. изд. 1876 года, и въ другихъ постановленіяхъ свода законовъ.

8) При объявленіи положенія усиленной охраны министръ внутреннихъ дѣлъ немедленно доноситъ правительствующему сенату для распубликованія и, вмѣстѣ съ тѣмъ, представляетъ о принятой мѣрѣ и о поводахъ къ ней на Высочайшее благоусмотрѣніе чрезъ комитетъ министровъ.

9) Положеніе чрезвычайной охраны вводится не иначе, какъ Высочайше утвержденнымъ положеніемъ комитета министровъ, по представленію министра внутреннихъ дѣлъ.

10) При объявленіи положеній какъ усиленной, такъ и чрезвычайной охраны должны быть въ точности опредѣляемы мѣстности, на которыя распространяются исключительныя мѣры, установляемыя сими положеніями.

11) Положенія усиленной и чрезвычайной охраны прекращаются тѣмъ же порядкомъ, коимъ были установлены (ст. 7, 8 и 9).

12) По истеченіи одного года со дня введенія положенія усиленной охраны и шести мѣсяцевъ со дня введенія положенія чрезвычайной охраны, о продолженіи сихъ мѣръ, буде въ томъ окажется надобность, министръ внутреннихъ дѣлъ входитъ съ представленіемъ въ комитетъ министровъ.

13) Совершенное прекращеніе исключительнаго положенія въ данной мѣстности влечетъ за собою немедленное возстановленіе полной силы дѣйствующихъ въ обыкновенное время законовъ и отмѣну всѣхъ временныхъ постановленій, принятыхъ въ виду сего положенія.

II. Правила о положеніи усиленной охраны.

14) Въ мѣстностяхъ, объявленныхъ въ состояніи усиленной охраны, права и обязанности по охраненію государственнаго порядка и общественной безопасности, возлагаются на генералъ-губернаторовъ, какъ постоянныхъ, такъ и временно въ сіи мѣстности назначенныхъ, а въ губерніяхъ имъ неподвѣдомственныхъ—на губернаторовъ и градоначальниковъ.

Примѣчаніе. Если положеніе усиленной охраны будетъ объявлено лишь въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ, входящихъ въ составъ генералъ-губернаторствъ, то по отношенію къ остальнымъ мѣстно-

стямъ, на которыя означенное положеніе распространяться не будетъ, генералъ-губернаторамъ принадлежатъ общія права по охраненію государственнаго порядка и общественнаго спокойствія, на основаніи постановленій 1 ч. II т. св. зак.

15) Въ предѣлахъ этихъ мѣстностей, упомянутыя начальствующія лица могутъ:

а) издавать обязательныя постановленія по предметамъ, относящимся къ предупрежденію нарушенія общественнаго порядка и государственной безопасности, какъ напр. относительно обязанности владѣльцевъ недвижимыхъ имуществъ и ихъ управляющихъ, по внутреннему наблюденію въ границахъ ихъ владѣнія, относительно способовъ наблюденія, порядка опредѣленія и смѣщенія лицъ, на которыхъ будутъ возложены владѣльцами упомянутыя обязанности и т. п., и

б) устанавливать за нарушеніе таковыхъ обязательныхъ постановленій взысканія, не превышающія трехмѣсячнаго ареста или денежнаго штрафа въ 500 рублей.

16) Генералъ-губернаторамъ, а въ мѣстностяхъ имъ неподчиненныхъ — губернаторамъ и градоначальникамъ предоставляется также:

а) разрѣшать въ административномъ порядкѣ дѣла о нарушеніяхъ изданныхъ ими обязательныхъ постановленій; при чемъ генералъ-губернаторы могутъ уполномочивать на разрѣшеніе сихъ дѣлъ подчиненныхъ имъ начальниковъ губерній, градоначальниковъ и оберъ-полицiймейстеровъ;

б) воспрещать всякія народныя, общественныя и даже частныя собранія;

в) дѣлать распоряженія о закрытіи всякихъ вообще торговыхъ и промышленныхъ заведеній какъ срочно, такъ и на все время объявленнаго положенія усиленной охраны, и

г) воспрещать отдѣльнымъ личностямъ пребываніе въ мѣстностяхъ, объявленныхъ въ положеніи усиленной охраны.

Примѣчаніе. Высылка въ опредѣленную мѣстность, хотя бы и на родину, но съ обязательствомъ безотлучнаго тамъ пребыванія, допускается неиначе, какъ по предварительному сношенію съ министромъ внутреннихъ дѣлъ. Порядокъ такой высылки опредѣляется въ послѣднемъ отдѣлѣ сего положенія.

17) Отъ генералъ-губернаторовъ, а въ губерніяхъ имъ неподчиненныхъ—отъ министра внутреннихъ дѣлъ, зависитъ: а) пере-

давать на разсмотрѣніе военнаго суда отдѣльныя дѣла о преступленіяхъ общими уголовными законами предусмотрѣнныхъ, когда они признаютъ это необходимымъ въ видахъ огражденія общественнаго порядка и спокойствія, для сужденія ихъ по законамъ военнаго времени и б) требовать разсмотрѣнія при закрытыхъ дверяхъ всѣхъ тѣхъ судебныхъ дѣлъ, публичное разсмотрѣніе коихъ можетъ послужить поводомъ къ возбужденію умовъ и нарушенію порядка.

Примѣчаніе. Въ сихъ видахъ имъ предоставляется право требовать отъ прокурорскаго надзора представленія для просмотра, на срокъ не свыше двухъ недѣль, каждаго отдѣльнаго слѣдственнаго производства или дознанія, непереданнаго еще въ судебное установленіе.

18) Разсмотрѣніе и рѣшеніе упомянутыхъ дѣлъ въ военно-окружныхъ и временныхъ военныхъ судахъ производится согласно правиламъ, установленнымъ въ главѣ 3 раздѣла V кн. XXIV свод. воен. пост., изд. 1879 г., но съ тѣмъ: а) чтобы лицамъ виновнымъ въ вооруженномъ сопротивленіи властямъ или нападеніи на чиновъ войска и полиціи и на всѣхъ вообще должностныхъ лицъ, при исполненіи ими обязанностей службы, или же вслѣдствіе исполненія сихъ обязанностей, коль скоро преступленія эти сопровождались убійствомъ или покушеніемъ на убійство, нанесеніемъ ранъ, увѣчій, тяжкихъ побоевъ, или поджогомъ,—опредѣлялось наказаніе предусмотрѣнное ст. 279 воинскаго устава о наказаніяхъ, изд. 1879 г.; б) чтобы полагаемые въ военныхъ судахъ временные члены были назначаемы военнымъ начальствомъ, каждый разъ особо, исключительно изъ штабъ-офицеровъ отъ войскъ расположенныхъ въ томъ военномъ округѣ въ которомъ долженъ производиться судъ, и в) чтобы дѣла о лицахъ, обвиняемыхъ въ государственныхъ преступленіяхъ, разсматривались всегда при закрытыхъ дверяхъ.

Примѣчаніе. Избраніе или назначеніе защитниковъ подсудимыхъ производится согласно правиламъ, изложеннымъ въ ст. 672—674 кн. XXIV свод. воен. пост.

19) Утвержденіе всѣхъ приговоровъ военнаго суда, по дѣламъ сего рода, принадлежитъ генералъ-губернаторамъ, а въ мѣстностяхъ, имъ неподчиненныхъ—командующимъ войсками, въ военномъ округѣ расположенными, которымъ присвоиваются по сему предмету права, предоставленныя ст. 1234, 1238 и 1241 кн. XXIV свод. воен. пост. главнокомандующему въ военное время.

20) Дѣйствіе ст. 511 т. II ч. 1, изд. 1876 г., распространяется въ предѣлахъ мѣстностей, объявленныхъ въ положеніи усиленной охраны, на замѣщеніе всѣхъ вообще должностей по земскимъ, городскимъ и судебно-мировымъ установленіямъ, утвержденіе въ каковыхъ должностяхъ не постановлено дѣйствующимъ закономъ въ прямую зависимость отъ губернаторовъ или градоначальниковъ и министра внутреннихъ дѣлъ, съ тѣмъ, чтобы, независимо отъ сего, по требованію губернатора или градоначальника, были немедленно удаляемы отъ должностей по упомянутымъ установленіямъ всѣ тѣ лица, которыя признаны будутъ неблагонадежными въ силу ст. 494 т. II ч. 1. Правило это не распространяется однако на мировыхъ судей и лицъ, служащихъ въ земскихъ и городскихъ общественныхъ учрежденіяхъ по выборамъ.

21) Мѣстнымъ начальникамъ полиціи, а также начальникамъ жандармскихъ управленій и ихъ помощникамъ предоставляется дѣлать распоряженія: а) о предварительномъ задержаніи, не долѣе однако двухъ недѣль, всѣхъ лицъ, внушающихъ основательное подозрѣніе въ совершеніи государственныхъ преступленій или въ прикосновенности къ нимъ, а равно въ принадлежности къ противозаконнымъ сообществамъ, и б) о производствѣ, во всякое время, обысковъ во всѣхъ безъ исключенія помѣщеніяхъ, фабрикахъ, заводахъ и т. п., и о наложеніи ареста, впредь до распоряженія подлежащаго начальства, на всякаго рода имущество, указывающее на преступность дѣйствій или намѣреній заподозрѣннаго лица.

Примѣчаніе. О всякомъ заарестованіи и освобожденіи отъ онаго, чины полиціи и жандармскаго корпуса составляютъ немедленно надлежащее постановленіе, копію съ котораго сообщаютъ лицу прокурорскаго надзора, безотлагательно донося о заарестованіи мѣстному губернатору или градоначальнику, по письменному распоряженію которыхъ срокъ предварительнаго ареста можетъ быть продолженъ до одного мѣсяца со дня задержанія.

22) Въ случаѣ бездѣйствія власти административныхъ лицъ при исполненіи ими обязанностей по охраненію государственнаго порядка и общественнаго спокойствія, лица сіи могутъ по опредѣленію суда быть подвергаемы опредѣленнымъ въ законѣ взысканіямъ, не только въ высшей оныхъ мѣрѣ, но даже и двумя степенями выше.

III. Правила о положеніи чрезвычайной охраны.

23) Всѣ статьи положенія усиленной охраны сохраняютъ свою силу и при положеніи чрезвычайной охраны, поскольку онѣ не измѣняются нижеслѣдующими правилами.

24) Генералъ-губернаторамъ присвоиваются изложенныя ниже права главноначальствующихъ, а въ случаѣ надобности, по особымъ каждый разъ Высочайше утвержденнымъ положеніемъ комитета министровъ, и права главнокомандующихъ арміею въ военное время.

25) Въ мѣстностяхъ, неподчиненныхъ генералъ губернаторамъ, указывается Высочайшею властью то лицо, на которое возлагаются права главноначальствующаго.

26) Главноначальствующему, независимо отъ правъ, указанныхъ въ отдѣлѣ II настоящаго положенія, предоставляется въ предѣлахъ подвѣдомственной ему мѣстности:

а) право подчинять нѣкоторыя изъ мѣстностей ввѣреннаго ему края особо для сего назначеннымъ лицамъ и относить къ предметамъ вѣдомства сихъ послѣднихъ не только гражданское управленіе, на основаніяхъ, опредѣленныхъ спеціальною инструкціею, но и командованіе войсками въ томъ случаѣ, если упомянутыя лица принадлежатъ къ военному званію;

б) право учреждать для содѣйствія существующимъ органамъ полиціи особыя военно-полицейскія команды, съ кругомъ правъ и обязанностей, указываемыхъ при самомъ ихъ учрежденіи;

в) право изъятія изъ общей подсудности дѣлъ объ извѣстнаго рода преступленіяхъ и проступкахъ, съ передачею оныхъ къ производству военнаго суда въ порядкѣ, установленномъ ст. 17 и 18 сего положенія, или съ подчиненіемъ ихъ административному разрѣшенію, въ предѣлахъ карательной власти, предоставленной ему на основаніи п. *д* этой статьи;

г) право налагать на срокъ объявленнаго положенія чрезвычайной охраны, секвестръ на недвижимыя и арестъ на движимыя имущества и доходы съ нихъ, въ тѣхъ случаяхъ, когда путемъ распоряженія такими имуществами или доходами съ оныхъ, достигаются преступныя цѣли или когда упущенія по управленію таковыми влекутъ за собою опасныя для общественнаго порядка послѣдствія.

Примѣчаніе. Управленіе имуществомъ, на которое наложенъ секвестръ, поручается мѣстнымъ учрежденіямъ вѣдомства государственныхъ имуществъ; причемъ издержки по управленію покрываются изъ доходовъ съ этого имущества; остающійся же чистый доходъ съ секвестрованнаго имущества возвращается владѣльцу, не ранѣе освобожденія имущества отъ секвестра;

д) право подвергать въ административномъ порядкѣ лицъ заключенію въ тюрьмѣ или крѣпости на три мѣсяца, или аресту на тотъ же срокъ, или денежному штрафу до 3.000 р. какъ за нарушеніе обязательныхъ постановленій, такъ и за проступки, объ изъятіи коихъ изъ вѣдомства судовъ будетъ заранѣе объявлено;

е) право устранять отъ должности на время объявленнаго положенія чрезвычайной охраны чиновниковъ всѣхъ вѣдомствъ, а также лицъ, служащихъ по выборамъ въ сословныхъ, городскихъ и земскихъ учрежденіяхъ; изъ сего исключаются только лица, занимающія должности первыхъ трехъ классовъ;

ж) право разрѣшать экстренныя, пріостанавливать и закрывать очередныя собранія сословныхъ, городскихъ и земскихъ учрежденій и въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ опредѣлять вопросы, подлежащіе устраненію изъ обсужденія означенныхъ собраній;

з) право пріостановлять періодическія изданія на все время объявленнаго чрезвычайнаго положенія, и

и) право закрывать учебныя заведенія на срокъ не долѣе одного мѣсяца.

Примѣчаніе. О причинахъ принятія этой мѣры главноначальствующій обязывается сообщить подлежащему начальству учебнаго заведенія, а также министру внутреннихъ дѣлъ, который, если бы признавалъ настоятельно необходимымъ продлить срокъ закрытія учебнаго заведенія, вноситъ о томъ представленіе въ комитетъ министровъ.

27) На дѣйствія подчиненныхъ главноначальствующему учрежденій жалобы могутъ быть приносимы въ порядкѣ подчиненности, въ двухнедѣльный срокъ.

IV. Правила для мѣстностей, необъявленныхъ въ исключительномъ положеніи.

28) Одновременно съ объявленіемъ какой либо мѣстности въ одномъ изъ видовъ исключительнаго положенія могутъ быть введены, по особымъ каждый разъ указаніямъ Высочайше утвержденнаго положенія комитета министровъ, въ нѣкоторыхъ точно опредѣленныхъ смежныхъ губерніяхъ и областяхъ или даже во всѣхъ остальныхъ мѣстностяхъ государства слѣдующія правила.

29) Мѣстнымъ начальникамъ полиціи, а также начальникамъ жандармскихъ управленій и ихъ помощникамъ предоставляется: подвергать лицъ, подозрѣваемыхъ въ совершеніи государственныхъ

преступленій или въ прикосновенности къ нимъ, а равно въ принадлежности къ противозаконнымъ сообществамъ, предварительному аресту на срокъ не болѣе семи дней и производить у такихъ лицъ обыски и выемки.

Примѣчаніе. О всякомъ заарестованіи и освобожденіи отъ онаго чины полиціи и жандармскаго корпуса составляютъ немедленно надлежащее постановленіе, копію съ котораго сообщаютъ лицу прокурорскаго надзора, безотлагательно донося о заарестованіи мѣстному губернатору или градоначальнику.

30) Губернаторамъ и градоначальникамъ присвоиваются права, указанныя въ ст. 20 сего положенія.

31) Министру внутреннихъ дѣлъ, по соглашенію съ министромъ юстиціи, предоставляется за преступленія государственныя, а также за вооруженное сопротивленіе властямъ отъ правительства установленнымъ или нападеніе на чиновъ войска и полиціи и на всѣхъ вообще должностныхъ лицъ, при исполненіи ими обязанностей службы, или же въ слѣдствіе исполненія сихъ обязанностей. коль скоро преступленія эти сопровождались убійствомъ или покушеніемъ на убійство. нанесеніемъ ранъ, увѣчій, тяжкихъ побоевъ или поджогомъ, предавать военному суду лицъ гражданскаго вѣдомства, для сужденія ихъ по законамъ военнаго времени и опредѣленія виновнымъ наказанія, установленнаго ст. 279 воин. уст. о наказ. изд. 1879 г.

V. Правила объ административной высылкѣ.

32) Высылка частнаго лица административнымъ порядкомъ въ какую либо опредѣленную мѣстность Европейской или Азіатской Россіи, съ обязательствомъ безотлучнаго пребыванія въ теченіи назначеннаго срока, можетъ имѣть мѣсто не иначе, какъ при соблюденіи нижеслѣдующихъ правилъ.

33) Подлежащая власть, убѣдившись въ необходимости высылки частнаго лица, представляетъ объ этомъ министру внутреннихъ дѣлъ. съ подробнымъ объясненіемъ основаній къ принятію этой мѣры, а также предположеній о срокѣ высылки.

Примѣчаніе Предварительный арестъ лицъ, предназначенныхъ къ высылкѣ въ опредѣленную мѣстность, можетъ, по распоряженію министра внутреннихъ дѣлъ, быть продолженъ впредь до разрѣшенія вопроса о высылкѣ ихъ.

34) Представленія этого рода разсматриваются въ особомъ совѣщаніи, образуемомъ при министрѣ внутреннихъ дѣлъ, подъ пред-

сѣдательствомъ одного изъ товарищей министра, изъ четырехъ членовъ—двухъ отъ министерства внутреннихъ дѣлъ и двухъ отъ министерства юстиціи. Постановленія сего совѣщанія представляются на утвержденіе министра внутреннихъ дѣлъ.

35) При обсужденіи представленій о высылкѣ, упомянутое совѣщаніе можетъ потребовать необходимыхъ дополненій и разъясненій, а въ случаѣ надобности —вызвать для личныхъ объясненій предназначенное къ высылкѣ лицо.

36) Для безвыѣзднаго пребыванія въ мѣстѣ, для высылки опредѣленномъ, устанавливается срокъ въ размѣрѣ отъ одного года до пяти лѣтъ.

Примѣчаніе. Назначенное для высылки время можетъ быть, въ порядкѣ установленномъ ст. 34, сокращено или продолжено до указанныхъ въ ст. 36 размѣровъ.

93) *Объ отмѣнѣ дѣйствія нѣкоторыхъ узаконеній, изданныхъ къ охраненію государственнаго порядка и общественнаго спокойствія.* (Указъ правительствующему сенату).

Въ 14-й день августа сего 1881 года утверждено Нами положеніе о мѣрахъ къ охраненію государственнаго порядка и общественнаго спокойствія. При составленіи онаго, по указанію Нашему, были подвергнуты совокупному пересмотру нижепоименованные временные законы, изданные для обезпеченія государственнаго порядка и безопасности, причемъ опредѣлено, какія изъ мѣропріятій, указанныхъ въ сихъ законахъ, подлежатъ упраздненію.

Нынѣ признавъ за благо, по надлежащемъ обнародованіи, ввести въ дѣйствіе означенное положеніе комитета министровъ, повелѣваемъ: отмѣнить дѣйствіе нижеслѣдующихъ временныхъ узаконеній и правительственныхъ распоряженій:

1. Высочайшее повелѣніе, послѣдовавшее 6-го іюля 1870 года, по всеподданнѣйшему докладу управляющаго министерствомъ внутреннихъ дѣлъ, о принятіи особыхъ мѣръ противъ стачекъ рабочихъ.

2. Высочайшее повелѣніе, послѣдовавшее въ сентябрѣ 1871 года, по всеподданнѣйшему докладу министра внутреннихъ дѣлъ, въ разъясненіе Высочайшаго повелѣнія о принятіи особыхъ мѣръ противъ стачекъ.

3. Высочайшее повелѣніе, послѣдовавшее 24-го мая 1878 года, по всеподданнѣйшему докладу главнаго начальника III отдѣленія

Собственной Его Императорскаго Величества канцеляріи, касательно административной высылки.

4. Высочайшее повелѣніе 8-го августа 1878 года, относительно обыска фабрикъ и заводовъ.

5. Первые пять пунктовъ Высочайшаго повелѣнія, послѣдовавшаго 8-го августа 1878 года, по всеподданнѣйшему докладу исправлявшаго должность главнаго начальника III отдѣленія Собственной Его Императорскаго Величества канцеляріи и управлявшаго министерствомъ внутреннихъ дѣлъ, о мѣрахъ къ охраненію порядка.

6. Именной Высочайшій указъ 9-го августа 1878 года о временномъ подчиненіи дѣлъ о государственныхъ преступленіяхъ и о нѣкоторыхъ преступленіяхъ противъ должностныхъ лицъ вѣдѣнію военнаго суда.

7. Высочайшее повелѣніе, послѣдовавшее 9-го августа 1878 г. по всеподданнѣйшему докладу министра юстиціи, о порядкѣ разрѣшенія сомнѣній по приведенію въ исполненіе упомянутаго Высочайшаго указа.

8. Высочайше утвержденныя правила 1-го сентября 1878 г. объ особыхъ мѣрахъ къ огражденію общественнаго спокойствія.

9. Высочайше утвержденныя 18-го марта 1879 г. правила о прпискѣ въ полиціи мѣстожительства и надзорѣ за обывателями въ нѣкоторыхъ городахъ Имперіи.

10. Пункты 2, 3, 4, 5 и 6 именнаго Высочайшаго указа, даннаго правительствующему сенату 5-го апрѣля 1879 г., о временныхъ генералъ-губернаторахъ.

11. Высочайшее повелѣніе 8-го апрѣля 1879 г. о порядкѣ производства дѣлъ о лицахъ гражданскаго вѣдомства, предаваемыхъ военному суду на основаніи Высочайшихъ указовъ 9-го августа 1878 г. и 5-го апрѣля 1879 г.

12. Высочайшее повелѣніе, послѣдовавшее 11-го апрѣля 1879 года по всеподданнѣйшему докладу министра юстиціи, въ разъясненіе Высочайшихъ указовъ 9-го августа 1878 г. и 5-го апрѣля 1879 года.

13. Высочайшее повелѣніе, послѣдовавшее 27 апрѣля 1879 г. по всеподданнѣйшему докладу министра юстиціи, въ разъясненіе Высочайшаго указа 5 апрѣля 1879 г.

14. Высочайшее повелѣніе, послѣдовавшее 20 іюня 1879 г. по всеподданнѣйшему докладу министра юстиціи, въ дополненіе и

разъясненіе Высочайшихъ повелѣній отъ 5 и 27 апрѣля того же года.

15. Высочайшее повелѣніе, послѣдовавшее 13 іюля 1879 г. по всеподданнѣйшему докладу министра юстиціи, въ дополненіе Высочайшихъ повелѣній 5, 11 и 27 апрѣля и 20 іюня того же года.

16. Высочайше утвержденное 19 августа 1879 г. положеніе комитета министровъ о предоставленіи губернаторамъ особыхъ правъ при замѣщеніи постоянныхъ должностей по земскимъ и городскимъ учрежденіямъ.

17. Первый пунктъ Высочайше утвержденнаго 26 сентября 1879 г. положенія комитета министровъ, относительно порядка замѣщенія должностей по мировымъ судебнымъ установленіямъ.

18. Высочайше утвержденное 20 декабря 1879 г. положеніе комитета министровъ въ разъясненіе именнаго Высочайшаго указа 5 апрѣля 1879 г.

19. Высочайшее повелѣніе, послѣдовавшее 21 марта 1880 г. по всеподданнѣйшему докладу министра внутреннихъ дѣлъ, относительно административной высылки въ Восточную Сибирь.

20. Четвертый и пятый пункты именнаго Высочайшаго указа 6 августа 1880 г. о закрытіи верховной распорядительной коммиссіи и упраздненіи III-го отдѣленія собственной Его Императорскаго Величества канцеляріи.

21. Высочайшее повелѣніе, объявленное 18 марта 1881 г. министромъ внутреннихъ дѣлъ, о временномъ совѣтѣ при С.-Петербургскомъ градоначальникѣ.

Правительствующій сенатъ не оставитъ сдѣлать должнаго по сему исполненія.

На подлинномъ Собственною Его Императорскаго Величества рукою написано.
Въ Петергофѣ. «*АЛЕКСАНДРЪ*».
4-го Сентября 1881 года.

94) *О дополнительной деклараціи къ конвенціи о взаимной выдачѣ преступниковъ, заключенной между Россіею и Бельгіею 23-го августа (4-го сентября) 1872 года.*

Управляющій министерствомъ иностранныхъ дѣлъ, отношеніемъ отъ 28 августа 1881 г. за № 7988, сообщилъ министру юстиціи, что имъ, статсъ-секретаремъ Гирсомъ, и пребывающимъ въ С.-Петербургѣ Бельгійскимъ посланникомъ, подписана, по воспослѣдованіи на сіе въ 17/29 день іюля 1881 г. Высочайшаго соизволенія, до-

полнительная декларація къ конвенціи о взаимной выдачѣ преступниковъ, заключенной между Россіею и Бельгіею 23 августа (4 сентября) 1872 года.

ДЕКЛАРАЦІЯ.

Въ виду желанія правительства Его Величества Императора Всероссійскаго и правительства Его Величества Короля Бельгійскаго, обезпечить болѣе удовлетворительнымъ образомъ выдачу уголовныхъ преступниковъ, нижеподписавшіеся, имѣя надлежащія полномочія, пришли въ настоящей деклараціи къ взаимному соглашенію относительно нижеслѣдующихъ пунктовъ:

Статья 1.

Лицо, подвергшееся преслѣдованію за одно изъ дѣяній, предусмотрѣнныхъ во 2 статьѣ конвенціи 23 августа (4 сентября) 1872 г., можетъ быть выдано, по предъявленіи постановленія о личномъ задержаніи или всякаго другаго равносильнаго съ нимъ документа, исходящаго отъ подлежащей власти, съ тѣмъ однако, чтобы акты эти содержали точное обозначеніе дѣянія, по поводу котораго они были выданы.

Статья 2.

Когда преступленіе или проступокъ, по поводу которыхъ предъявлено требованіе о выдачѣ, совершены внѣ территоріи стороны, предъявляющей требованіе, то оно можетъ быть удовлетворено, если только законы страны, къ которой требованіе обращено, допускаютъ, въ этомъ случаѣ, преслѣдованіе тѣхъ же самыхъ дѣяній, при учиненіи ихъ внѣ ея территоріи.

Статья 3

Настоящая декларація вступитъ въ силу черезъ двадцать дней послѣ ея обнародованія, порядкомъ, указаннымъ законами обоихъ государствъ.

Вышеизложенныя постановленія останутся въ силѣ на тотъ же срокъ, какъ и конвенція отъ 23 августа (4 сентября) 1872 г., къ которой онѣ относятся.

Въ удостовѣреніе чего нижеподписавшіеся составили настоящую декларацію, приложивъ къ ней печати своихъ гербовъ.

Учинено въ двухъ экземплярахъ, въ С. Петербургѣ, 17/29 іюля 1881 года.

(Подписалъ:) Гирсъ. (Подписалъ:) Графъ Эррамбо де Дудзееле.

(М П) (М П.)

95) *О разрѣшеніи назначенному отъ военнаго министерства уполномоченному, веденія дѣлъ по искамъ погонцевъ, предъявленнымъ до 1-го октября 1881 года.*

Высочайшимъ повелѣніемъ, послѣдовавшимъ 25 іюля 1879 г. (собр. узак. и распор. прав. 1879 г. № 94 ст. 555), установлены особыя мѣры въ видахъ облегченія погонцамъ вольнонаемныхъ интендантскихъ и другихъ транспортовъ, въ минувшую войну, веденія исковъ противъ транспортныхъ подрядчиковъ.

Засимъ, Государь Императоръ, въ 8-й день іюля 1881 г., Высочайше соизволилъ на прекращеніе дѣйствія 3 пункта помянутаго Высочайшаго повелѣнія съ 1 октября текущаго 1881 г. и на предоставленіе управляющему военнымъ министерствомъ отозвать въ указанный срокъ назначеннаго отъ сего министерства повѣреннаго для веденія дѣлъ, съ тѣмъ, чтобы о таковомъ распоряженіи были поставлены въ извѣстность, чрезъ губернаторовъ, подлежащія волостныя правленія Бессарабской, Подольской, Херсонской, Волынской и Кіевской губерній.

Нынѣ Его Императорскому Величеству, по всеподданнѣйшему докладу министра юстиціи, въ 30-й день сентября 1881 г., благоугодно было Высочайше повелѣть: разрѣшить назначенному отъ военнаго министерства уполномоченному, впредь до прекращенія дѣйствія сего полномочія, веденіе дѣлъ по искамъ погонцевъ, предъявленнымъ до 1 октября 1881 г., назначеннымъ отъ военнаго министерства, на основаніи 3 пункта Высочайшаго повелѣнія 25 іюля 1679 г., повѣреннымъ, съ тѣмъ, чтобы онъ не принималъ на себя веденіе новыхъ дѣлъ сего рода. (С. У. № 696).

96) *О возстановленіи въ прежней силѣ дѣйствія 155 ст. уст. о пред. и пресѣч. прест. (св. изд. 1876 г.) о спектакляхъ и публичныхъ зрѣлищахъ.*

Государь Императоръ, по всеподданнѣйшему докладу оберъ прокурора Святѣйшаго Синода, въ 21-й день сентября 1881 года Высочайше повелѣть соизволилъ: возстановить въ прежней силѣ дѣйствіе 155 ст. уст. о пред. и пресѣч. прест. (св. изд. 1876 г.), воспретить спектакли и публичныя зрѣлища (кромѣ драматическихъ представленій на иностранныхъ языкахъ) 23, 24 и 25 декабря, наканунѣ воскресныхъ дней, двунадесятыхъ праздниковъ и дня усѣкновенія главы Іоанна Предтечи, въ теченіи всего великаго поста и въ недѣлю Св. Пасхи. (С. У. № 686)

97) *О закрытіи Высочайше учрежденнаго, въ составѣ Государственнаго совѣта, особаго присутствія о воинской повинности.*

Государь Императоръ Высочайше соизволилъ повелѣть:

1) Высочайше учрежденное, въ составѣ государственнаго совѣта, особое присутствіе о воинской повинности, за исполненіемъ имъ существенной части опредѣленной для него дѣятельности — закрыть, съ передачею дѣлъ, остающихся въ немъ неоконченными, въ департаментъ законовъ государственнаго совѣта; и

2) Дѣла, подлежавшія до сего времени разсмотрѣнію присутствія, вносить впредь въ тѣ высшія государственныя учрежденія, въ которыя они, по роду своему, будутъ слѣдовать, и разрѣшать въ нихъ общеустановленнымъ для дѣлъ каждаго рода порядкомъ. (С. У. № 687).

98) *Объ упраздненіи Новогеоргіевскаго дисциплинарнаго баталіона.*

Военный совѣтъ согласно съ мнѣніемъ начальника главнаго штаба, положилъ:

1) Новогеоргіевскій дисциплинарный баталіонъ упразднить:

2) Содержащихся въ немъ въ настоящее время заключенныхъ распредѣлить по указанію главнаго штаба, а на будущее время направлять въ Бобруйскій дисциплинарный баталіонъ; при неимѣніи же тамъ достаточнаго числа мѣстъ—въ Херсонскій или Воронежскій баталіоны.

3) Чиновъ упраздняемаго боталіона оставить за штатомъ на общемъ основаніи, за исключеніемъ врача и священника, въ отношеніи которыхъ предоставить сдѣлать соотвѣтствующія распоряженія главному военно-медицинскому управленію и главному священнику арміи и флотовъ, по принадлежности.

4) Нижнихъ чиновъ баталіона распредѣлить на службу распоряженіемъ мѣстнаго начальства.

5) Имуществу баталіона дать назначеніе по усмотрѣнію подлежащихъ главныхъ управленій.

6) Рабочихъ лошадей и сбрую продать аукціоннымъ порядкомъ и вырученныя деньги сдать въ мѣстное казначейство, для причисленія къ государственнымъ доходамъ; и

7) Всѣ письменныя дѣла баталіона сдать въ Новогеоргіевское комендатское управленіе.

Положеніе это Высочайше утверждено 10 го сентября 1881 года. (С. У. № 695).

Б) Указы и опредѣленія правительствующаго сената.

10) *По вопросу о правѣ окружныхъ судовъ командировать своихъ членовъ для производства ревизіи дѣлопроизводства судебныхъ слѣдователей, состоящихъ въ округахъ тѣхъ же судовъ.*

По указу Его Императорскаго Величества правительствующій сенатъ слушалъ: предложенный исполняющимъ обязанности оберъ прокурора за № 939 вопросъ о томъ: имѣютъ ли окружные суды право командировать своихъ членовъ для производства ревизіи дѣлопроизводства судебныхъ слѣдователей, состоящихъ въ округахъ тѣхъ же судовъ. Министръ юстиціи ордеромъ за № 13701-мъ сообщилъ исполняющему обязанности оберъ прокурора, что изъ дѣлъ министерства юстиціи видно, что на практикѣ неоднократно возникаетъ вопросъ о томъ, имѣютъ ли окружные суды право командировать своихъ членовъ для производства ревизіи дѣлопроизводства судебныхъ слѣдователей, состоящихъ въ округахъ тѣхъ же судовъ, и что вопросъ этотъ разрѣшается не рѣдко въ разнообразномъ смыслѣ.—Вслѣдствіе этого, признавая необходимымъ, министръ юстиціи, на основаніи IV отд. Высочайше утвержденнаго 10/22 іюня 1877 г. мнѣнія государственнаго совѣта, поручилъ исполн. обязанн. оберъ-прокурора, упомянутымъ ордеромъ, предложить означенный вопросъ на разсмотрѣніе и законное постановленіе общаго собранія 1-го и кассаціонныхъ департаментовъ правительствующаго сената.—Выслушавъ заключеніе исполн. обязанн. оберъ-прокурора, правительствующій сенатъ находитъ, что точный смыслъ правилъ, устанавливающихъ систему надзора за судебными установленіями и должностными лицами судебнаго вѣдомства и предѣлы власти, принадлежащей каждому судебному установленію или должностному лицу, по предмету надзора, не представляетъ основанія къ заключенію, чтобы окружные суды не имѣли права контролировать дѣйствія подвѣдомственныхъ имъ судебныхъ слѣдователей посредствомъ ревизіи ихъ дѣлопроизводства. Заключающееся въ 14 п. приложенія къ 3 ст. учрежд. прав. сен. и 194 ст. учр. мин. (св. зак. т. 1-й ч. 2-ой по прод. 1876 года) правило, которымъ право производства ревизіи судебныхъ установленій предоставлено только правительствующему сенату и министру юстиціи, относится исключительно до судебныхъ установленій, составляющихъ инстанціи суда. Въ силу этого правила, высшій въ порядкѣ инстанцій, т. е. апелляціонный судъ, хотя и облеченъ правомъ надзора за подвѣдомственными ему судами 1-й

степени, не вправѣ однако производить ревизію ихъ дѣлопроизводства, которая можетъ быть назначаема только центральною властію. Но такого ограниченія въ правѣ надзора ни приведенными, ни другими какими либо статьями учрежд. суд. установленій не установлено для судебныхъ мѣстъ, относительно состоящихъ при нихъ, или къ нимъ принадлежащихъ должностныхъ лицъ; изъ чего слѣдуетъ, что каждому судебному мѣсту законъ предоставляетъ право надзора за этими лицами въ полномъ объемѣ; т. е. и право, производить по своему усмотрѣнію, для болѣе дѣйствительнаго осуществленія надзора, ревизію ихъ дѣлопроизводства. А такъ какъ судебные слѣдователи, не составляя какой либо судебной инстанціи, принадлежатъ къ категоріи должностныхъ лицъ, состоящихъ при окружныхъ судахъ (св. зак. 1876 г. т. 2 ч. 1 общ. губерн. учр. ст. 938 и 954-я), то и не подлежитъ сомнѣнію, что окружный судъ вправѣ, на основаніи 3 п. 1171 ст. общ. губ. учр., производить чрезъ своихъ членовъ ревизію дѣлопроизводства состоящихъ въ его округѣ судебныхъ слѣдователей.—По сему общее собраніе 1-го и кассаціонныхъ департаментовъ, признавая, что окружные суды имѣютъ право командировать своихъ членовъ для производства ревизіи дѣлопроизводства подвѣдомственныхъ этимъ судамъ судебныхъ слѣдователей, опредѣляетъ: о вышеизложенномъ, для надлежащаго руководства, всѣмъ окружнымъ судамъ послать указы, а къ дѣламъ оберъ-прокурора передать копію сего опредѣленія. Апрѣля 24 дня 1881 года.

В) Распоряженія правительства.

За отсутствіемъ Намѣстника Кавказскаго, генералъ-губернатора Князя Меликова.

93) *Объ учрежденіи въ станицѣ Лабинской, Кубанской области, должности нотаріуса.*

На основаніи ст. 4 приложенія къ ст. 708 (примѣч. 2) X т. 1 части св. зак. по прод. 1876 г., за отсутствіемъ намѣстника Кавказскаго, генералъ-адъютантъ князь Меликовъ призналъ нужнымъ въ станицѣ Лабинской, Кубанской области, установить должность нотаріуса.

Министра Юстиціи.

101) *О перечисленіи одной должности товарища прокурора изъ Симбирскаго округа въ округъ Екатеринбургскаго окружнаго суда.*

Высочайше утвержденнымъ 3-го іюня 1879 года мнѣніемъ государственнаго совѣта, министру юстиціи предоставлено, въ случаѣ

крайней необходимости, измѣнять распредѣленіе назначеннаго штатами общаго числу товарищей прокуроровъ окружныхъ судовъ.

Перечисливъ, вслѣдствіе сего, одну должность товарища прокурора изъ Симбирскаго округа въ округъ Екатеринбургскаго окружнаго суда, министръ юстиціи предложилъ объ этомъ правительствующему сенату.

12) *О перечисленіи одной должности судебнаго слѣдователя изъ Вятскаго въ Симбирскій окружный судъ.*

Министръ юстиціи предложилъ правительствующему сенату, что онъ утвердилъ, на основаніи Высочайше утвержденнаго 3-го іюня 1875 г. мнѣнія государственнаго совѣта, опредѣленіе общаго собранія департаментовъ Казанской судебной палаты отъ 27-го іюня 1881 года, о перечисленіи изъ Вятскаго окружнаго суда одной должности судебнаго слѣдователя въ Симбирскій окружный судъ.

Управляющаго Военнымъ Министерствомъ

13) *Объ упраздненіи должностей двухъ Аудиторовъ при Управленіи Уфимскаго губернскаго воинскаго начальника.*

Вслѣдствіе окончанія военно судныхъ дѣлъ, производившихся въ прежнемъ порядкѣ военно уголовнаго судопроизводства и на основаніи Высочайше утвержденнаго положенія о введеніи въ дѣйствіе военно-судебнаго устава въ войскахъ бывшаго Оренбургскаго военнаго округа, упраздняются въ названномъ округѣ должности двухъ Аудиторовъ, при управленіи уфимскаго губернскаго воинскаго начальника.

ОТДѢЛЪ II

Личный составъ.

Высочайшіе приказы

по министерству юстиціи.

НАЗНАЧАЮТСЯ: предсѣдатель департамента с.-петербургской судебной палаты, дѣйствительный статскій совѣтникъ **Завадскій**—старшимъ предсѣдателемъ саратовской судебной палаты; товарищъ прокурора с.-петербургской судебной палаты, коллежскій совѣтникъ **Муравьевъ**—исправляющимъ должность прокурора той же палаты; предсѣдатель череповецкаго окружнаго суда, дѣйствительный статскій совѣтникъ **Красовскій**—предсѣдателемъ псковскаго окружнаго суда; прокуроръ череповецкаго окружнаго суда, статскій совѣтникъ **Лентовскій**—предсѣдателемъ того же суда, съ производствомъ въ дѣйствительные статскіе совѣтники; прокуроръ варшавскаго окружнаго суда, статскій совѣтникъ **Марковъ**—товарищемъ прокурора с.-петербургской судебной палаты; товарищъ прокурора новгородскаго окружнаго суда ,коллежскій ассесоръ **Виноградовъ**—прокуроромъ череповецкаго окружнаго суда; участковый мировой судья измаильскаго округа, бессарабской губерніи, коллежскій секретарь **Двужильный**—членомъ каменецъ-подольскаго окружнагосуда; состоящіе при департаментѣ министерства юстиціи, командированные къ исправленію должностей судебныхъ слѣдователей: округа симбирскаго окружнаго суда: по важнѣйшимъ дѣламъ, титулярный совѣтникъ **Кгаевскій**, по городу Симбирску, коллежскій секретарь **Романовскій**, 2-го участка симбирскаго уѣзда, губернскій секретарь **Ляховъ**, 2-го участка алатырскаго уѣзда,коллежскій секретарь **Вовкъ-Россохо** и 2-го участка буинскаго уѣзда, титулярный совѣтникъ **Андреевскій** и округа острогожскаго окружнаго суда: 1-го участка павловскаго уѣзда, коллежскій секретарь **Перевертанный-Черный** и 1-го участка бирюченскаго уѣзда, коллежскій ассесоръ **Петкунъ**—судебными слѣдователями въ округахъ тѣхъ же окружныхъ судовъ; оберъ-прокуроръ 4-го департамента, дѣйствительный статскій совѣтникъ **Туръ**—оберъ-прокуроромъ гражданскаго кассаціоннаго департамента правительствующаго сената; товарищъ оберъ-прокурора 1-го департамента, дѣйствительный статскій совѣтникъ баронъ

Гойнингенъ-Гюне—оберъ-прокуроромъ 4-го департамента правительствующаго сената; товарищъ прокурора новочеркасскаго окружнаго суда, коллежскій совѣтникъ **Строгоновъ**—членомъ того-же суда; состоящіе при департаментѣ министерства юстиціи и командированные къ исправленію должностей судебныхъ слѣдователей округа симферопольскаго окружнаго суда: 2-го участка симферопольскаго уѣзда, титулярный совѣтника **Прутченко** и 1-го участка феодосійскаго уѣзда, коллежскій секретарь **Райлло**—судебными слѣдователями въ округѣ того же окружнаго суда; оренбургскій губернскій прокуроръ коллежскій ассесоръ **Земля**—членомъ тульскаго окружнаго суда; товарищъ прокурора люблинскаго окружнаго суда, коллежскій ассесоръ **Григорьевъ**—членомъ того же окружнаго суда: состоящіе при департаментѣ министерства юстиціи и командированные къ исправленію должностей судебныхъ слѣдователей округа владимірскаго окружнаго суда: 2-го участка покровскаго уѣзда, коллежскій секретарь **Исаковъ**, 3-го участка шуйскаго уѣзда, титулярный совѣтникъ **Сокольскій**, переяславскаго уѣзда, губернскій секретарь **Штеркеръ** и александровскаго уѣзда, титулярный совѣтникъ **Андреевъ**—судебными слѣдователями округа того же окружнаго суда; судебный слѣдователь 9-го участка города с.-петербурга, коллежскій ассесоръ **Кудревичъ**—членомъ одесскаго окружнаго суда; состоящій при департаментѣ министерства юстиціи и командированный къ исправленію должности старшаго череповецкаго окружнаго суда; надворный совѣтникъ **Кликовичъ**—старшимъ нотаріусомъ того же суда; членъ московскаго окружнаго суда, надворный совѣтникъ **Ленцъ**—членомъ варшавскаго окружнаго суда; состоящіе при департаментѣ министерства юстиціи и командированные къ исправленію должностей судебныхъ слѣдователей округа курскаго окружнаго суда: 1-го участка старооскольскаго уѣзда, коллежскій ассесоръ **Квашнинъ-Самаринъ**, 2-го участка курскаго уѣзда, титулярный совѣтникъ **Знаменскій** и 1-го участка тимскаго уѣзда, титулярный совѣтникъ **Циркуненко**—судебными слѣдователями въ округѣ того же окружнаго суда; состоящій за оберъ-прокурорскимъ столомъ сверхъ комплекта въ 1-мъ департаментѣ правительствующаго сената, статскій совѣтникъ **Бухе**—товарищемъ оберъ-прокурора сего департамента; товарищъ прокурора казанской судебной палаты, надворный совѣтникъ **Фальковскій**—товарищемъ прокурора московской судебной палаты; членъ казанской судебной палаты, коллежскій совѣтникъ **Каменскій**—членомъ варшавской судебной палаты; товарищъ предсѣдателя варшавскаго окружнаго суда, коллежскій ассесоръ **Энденъ**—членомъ с.-петербургской судебной палаты; товарищъ прокурора воронежскаго окружнаго суда, титулярный совѣтникъ **Филиповскій**—членомъ воронежскаго окружнаго суда; судебный слѣдователь округа владимірскаго окружнаго суда коллежскій секретарь **Спиридовъ**—судебнымъ слѣдователемъ по важнѣйшимъ дѣламъ въ округѣ рязанскаго окружнаго суда; предсѣдатель с.-петербургскаго окружнаго суда, статскій совѣтникъ **Кони**—предсѣдателемъ департамента с.-петербургской судебной палаты; членъ саратовской судебной палаты коллежскій совѣтникъ **Третьяковскій**—предсѣдателемъ нижегородскаго суда; товарищъ прокурора саратовской судебной палаты, надворный совѣтникъ **Тимофѣевскій**—товарищемъ прокурора с.-петербургской судебной палаты; предсѣдатель витебской палаты уголовнаго и гражданскаго суда, статскій совѣтникъ **Кобеко**—членомъ казанской судебной палаты; товарищъ прокурора Одес-

ской судебной палаты, статскій совѣтникъ **Кивиловъ**—предсѣдателемъ витебской палаты уголовнаго и гражданскаго суда; состоящій при департаментѣ министерства юстиціи и командированный къ исправленію должности судебнаго слѣдователя 2-го участка старицкаго уѣзда, округа Ржевскаго окружнаго суда, губернскій секретарь **Соколовъ**—судебнымъ слѣдователемъ въ округѣ того же окружнаго суда.

УВОЛЬНЯЮТСЯ: *отъ должностей*: судебные слѣдователи: 3-го участка города Казани, округа казанскаго окружнаго суда, титулярный совѣтникъ **Бобрищевъ-Пушкинъ** и 1-го участка бузулукскаго уѣзда, округа самарскаго окружнаго суда, губернскій секретарь **Сосновскій**—по случаю назначенія товарищами прокуроровъ окружныхъ судовъ: первый—новгородскаго, а второй—вятскаго; *согласно прошенію*: товарищъ прокурора московской судебной палаты, надворный совѣтникъ **Ковалевскій**—по случаю назначенія состоящимъ за оберъ-прокурорскимъ столомъ, сверхъ комплекта въ правительствующемъ сенатѣ; членъ Симферопольскаго окружнаго суда, коллежскій секретарь **Граве**—по случаю причисленія къ министерству юстиціи; *отъ службы* членъ воронежскаго окружнаго суда, коллежскій секретарь **Квашнинъ-Самаринъ**—согласно прошенію; членъ казанскаго окружнаго суда, коллежскій совѣтникъ **Желтухинъ**—за болѣзнію.

УМЕРШІЕ: *исключаются изъ списковъ:* сенаторъ дѣйствительный тайный совѣтникъ **Щербининъ**; предсѣдатель нижегородскаго окружнаго суда, статскій совѣтникъ **Пановъ**.

ОЧЕРКЪ СИСТЕМЫ ПРІОБРѢТЕННЫХЪ ПРАВЪ.

ФЕРДИНАНДА ЛАССАЛЯ

Предлагаемый очеркъ системы пріобрѣтенныхъ правъ, въ юбилейный годъ памяти Лассаля, представляется особенно своевременнымъ. Лассаль въ нашей литературѣ очень долго былъ извѣстенъ какъ соціалистъ, какъ даровитый защитникъ правъ рабочаго сословія, но о Лассалѣ, какъ объ ученомъ юристѣ, заговорили въ юридической литературѣ весьма недавно. Насколько намъ извѣстно, первымъ, болѣе или менѣе обстоятельно (правда въ примѣчаніи только), заговорилъ о Системѣ пріобрѣтенныхъ правъ г. Градовскій, въ статьѣ своей „О дѣйствіи законовъ во времени" (журналъ гр. и угол. права, іюль 1873 г.). Въ ней онъ въ краткихъ, но вѣрныхъ чертахъ, обрисовалъ теорію Лассаля о необратномъ дѣйствіи закона (по этой теоріи, какъ извѣстно, нѣтъ обратнаго дѣйствія законовъ, а лишь немедленное ихъ примѣненіе), отдавая ей должную справедливость. Затѣмъ, въ томъ же году, покойный Оршанскій прекрасно воспользовался однимъ примѣчаніемъ Лассаля, въ которомъ подробно развивается мысль о томъ, что культурно-историческій ходъ развитія исторіи права, указываетъ на постепенное ограниченіе сферы частной собственности и частнаго произвола. На этой основной мысли Лассаля, Оршанскій построилъ даровитую статью „О значеніи

и предѣлахъ свободы воли въ правѣ„ (журналъ гр. и угол. права, сентябрь и ноябрь 1873 г.) и по ней провѣрилъ матеріалъ, заимствованный изъ области русскаго уголовнаго, семейственнаго и договорнаго права, доказывая, что въ ней преобладаетъ власть и частный произволъ, надъ идеей общественности или закономъ. Вообще слѣдуетъ сказать, что многія сужденія Оршанскаго, въ статьяхъ его, обогатившихъ нашу юридическую литературу, вытекали изъ знакомства съ матеріаломъ, разбросаннымъ въ изобиліи въ системѣ Лассаля.

Затѣмъ, когда очеркъ нашъ былъ уже совершенно готовъ, появилась въ V томѣ Сборника государственныхъ знаній статья г. Чичерина—„Нѣмецкіе соціалисты“, посвященная исключительно Лассалю. Въ ней авторъ разбираетъ теорію, изложенную Лассалемъ въ „Системѣ пріобрѣтенныхъ правъ“. Признавая Лассаля „замѣчательнымъ филологомъ и глубокимъ знатокомъ философіи, считая его и тонкимъ юристомъ, обладающимъ громадными свѣдѣніями, въ особенности же знатокомъ римскаго права, которое онъ (Лассаль) освѣтилъ новыми и блестящими мыслями“; допуская даже, что „по обширности свѣдѣній, по тонкости ума, по силѣ таланта, по глубинѣ философскаго пониманія, онъ (Лассаль) могъ стать на ряду съ замѣчательнѣйшими учеными нашего времени“,—признавая все это за Лассалемъ, г. Чичеринъ въ тоже время обвиняетъ его въ пристрастномъ отношеніи къ наукѣ, въ рьяномъ политическомъ фанатизмѣ, въ одностороннемъ развитіи мысли, въ сочетаніи „глубины и легкомыслія, основательныхъ изслѣдованій и поверхностныхъ выводовъ, чисто ученой работы и ярой агитаторской дѣятельности“. Словомъ, г. Чичеринъ указываетъ въ Лассалѣ соединеніе самыхъ противорѣчащихъ свойствъ и приписываетъ ихъ его еврейскому происхожденію.

Не останавливаясь въ подробностяхъ на критикѣ г. Чичерина, которая могла-бы выиграть въ глазахъ читателя лишь тогда, когда-бы, не ограничиваясь одними выводами изъ теоріи Лассаля, она приводила и весь матеріалъ, имъ разрабо-

танный,—мы не можемъ не сказать нѣсколько словъ о пріемахъ г. Чичерина, относящихся къ существеннымъ сторонамъ его критики.

Основное противорѣчіе г. Чичеринъ находитъ въ томъ, что Лассаль, съ одной стороны, даетъ широкое значеніе индивидуальной свободѣ дѣйствія лица, а съ другой—еще болѣе широкое значеніе всеобщему правовому сознанію, которое всецѣло поглощаетъ самобытность личности и ея дѣйствій. Но, выхватывая извѣстныя положенія и излагая ихъ по своему, г. Чичеринъ могъ убѣдить въ правильности своей оцѣнки теоріи Лассаля лишь тѣхъ, которые съ нею незнакомы. И въ самомъ дѣлѣ, развѣ Лассаль въ своей теоріи не останавливается подробнѣйшимъ образомъ на противоположности развиваемыхъ ихъ принциповъ индивидуальной свободы дѣйствія и народнаго правосознанія? Лассаль принадлежитъ къ разряду тѣхъ первокласныхъ ученыхъ, которые сами себя преслѣдуютъ гораздо строже, чѣмъ могъ-бы это сдѣлать самый записной, посвященный въ предметъ критикъ. Лассаль доказываетъ, что развитые имъ принципы, выше указанные, не смотря на всю противоположность, находятся между собою во взаимодѣйствіи: индивидуальная свобода воли и дѣйствіе ея тогда только законны и дѣйствительны, когда они содержатъ въ себѣ правовую субстанцію (законъ), какъ посредствующій элементъ; съ другой стороны правовая субстанція, достигая такой степени развитія, при которой она болѣе не можетъ содержаться въ индивидуальной свободѣ воли, какъ посредствующій ея элементъ, не даетъ послѣдней никакого мѣста. Въ этомъ заключается тѣсная связь этихъ двухъ началъ, основанная на единствѣ ихъ внутренней природы. Сущность этой связи еще болѣе вытекаетъ изъ того развитаго Лассалемъ положенія, что коль скоро правовая субстанція, въ дальнѣйшимъ своемъ развитіи, начинаетъ относиться одобрительно къ запрещенному прежде дѣйствію индивидуальной воли, внутренняя дѣйствительность бытія послѣдней выступаетъ сама собою, возстановляется. Новый законъ долженъ считать неприкосновеннымъ право частнаго лица, пріобрѣ-

тенное чрезъ посредство его индивидуальнаго дѣйствія, опредѣляемаго свободою его воли; но человѣкъ не можетъ, какъ своеобразно выражается Лассаль, забить клинъ въ почву права и суверенно стать выше всѣхъ временъ и всѣхъ будущихъ запретительныхъ законовъ, точно также какъ невозможно забить клинъ въ земной шаръ и желать, чтобы онъ оставался въ томъ-же пространствѣ и тогда, когда шаръ придетъ въ движеніе. Я пріобрѣлъ раба, совершилъ актъ, опредѣляемый свободою моей воли, но въ такое время, когда правовое сознаніе считало лицо объектомъ права собственности. Было-бы нелѣпо утверждать, что и тогда, когда народное правовое сознаніе отвергаетъ верховность лица надъ лицомъ, какъ основаніе для пріобрѣтенія права собственности, лицо сохраняетъ право обладать рабомъ и на будущее время. Это значило-бы, узаконять рабство на вѣки вѣчные.

Замѣчательно, что то, что г. Чичеринъ признаетъ противорѣчіемъ, г. Градовскій называетъ вѣрнымъ принципомъ, который и усвоиваетъ себѣ при разсужденіяхъ о столкновеніи личной воли съ общественною.

Тоже самое слѣдуетъ сказать о критикѣ г. Чичерина относительно теоріи Лассаля о вознагражденіи, при отмѣнѣ сословныхъ правъ. Г. Чичеринъ называетъ эту теорію *чудовищною*, находящеюся въ полнѣйшемъ противорѣчіи съ общими началами Лассаля. Въ этомъ отношеніи г. Чичеринъ становится на точку зрѣнія Шталя, который считаетъ пріобрѣтенныя права вытекающими не только изъ собственныхъ дѣйствій лица, но и изъ событій и даже изъ закона. Отвергая лишь послѣднее основаніе, г. Чичеринъ во всемъ прочемъ согласенъ съ Шталемъ, и, упоминая лишь о томъ, что Лассаль *сильно* полемизируетъ противъ теоріи Шталя, не приводитъ ничего изъ блестящей аргументаціи Лассаля. Не будемъ останавливаться на этой критикѣ г. Чичерина, которая опровергается самымъ очеркомъ нашимъ, гдѣ подробно изложена теорія Лассаля о вознагражденіи.

Укажемъ только на то, что горячій протестъ г. Чиче-

рина, противъ отрицанія права на вознагражденіе, ничѣмъ не мотивированъ и болѣе основанъ на сочувствіи сословнымъ правамъ, чѣмъ на юридическомъ принципѣ. Будучи добросовѣстенъ, г. Чичеринъ указываетъ на то, что Лассаль не безусловно отвергаетъ право на вознагражденіе, но г. Чичеринъ не согласенъ съ классификаціей законовъ, установленною Лассалемъ. Изъ предлагаемаго очерка читатель убѣдится, что упрекъ Лассаля въ пристрастіи неоснователенъ. Сочувствуя отрицанію права на вознагражденіе, онъ не является рьянымъ агитаторомъ и не стремится во чтобы то ни стало доказывать безусловность своего принципа. Онъ не перестаетъ быть ученымъ юристомъ, который не можетъ пожертвовать научнымъ принципомъ въ пользу своихъ личныхъ симпатій. Онъ приводитъ исключенія, которыя оправдываются основною его идеею, и въ этомъ отношеніи вообще вся теорія Лассаля о пріобрѣтенныхъ правахъ отличается замѣчательною глубиною мысли, которая сводитъ и общее правило и исключенія, къ одному общему началу, ихъ объединяющему. Лассаль положительно преслѣдуетъ себя и свою собственную мысль до тѣхъ поръ, пока не исчерпываются до дна всѣ вопросы. Въ этомъ отношеніи Лассаль вполнѣ оправдываетъ афоризмъ одного историческаго памятника, гласящій; „тотъ ученъ, кто подстерегаетъ и мстителенъ какъ змѣй“. Лассаль именно тотъ змѣй, который преслѣдуетъ свою собственную мысль до тѣхъ поръ, пока не настигнетъ своей жертвы—истины, научнаго принципа. Не такъ поступаетъ г. Чичеринъ: онъ признаетъ безусловное право на вознагражденіе и боится заглянуть своему собственному принципу въ глаза. Этотъ страхъ оправдывается именно тѣмъ, что, при ближайшемъ анализѣ, слѣдовало-бы, доводя этотъ принципъ до конца, признать право на вознагражденіе при отмѣнѣ рабства и крѣпостнаго права, а этого не рѣшился бы сказать и г. Чичеринъ. Наше русское законодательство не соединяетъ права на вознагражденіе съ отмѣною личной зависимости крестьянъ отъ помѣщиковъ, а со-

единяетъ его лишь съ надѣломъ крестьянъ и становится, такимъ образомъ, на точку зрѣнія теоріи Лассаля.

Замѣчательно также, что и въ отношеніи вознагражденія г. Градовскій расходится съ г. Чичеринымъ. Не признавая теоріи Шталя, г. Градовскій всецѣло признаетъ теорію Лассаля. Приводя общія сужденія Лассаля о связи личной воли съ общественнымъ сознаніемъ, г. Градовскій говоритъ: „отсюда понятно, насколько государство, отмѣняющее бытіе извѣстныхъ правъ, *обязано* (курсивъ г. Градовскаго) вознаграждать конкретныхъ ихъ обладателей. Вознагражденіе, въ данномъ случаѣ, можно оправдывать цѣлями *пользы*, *удобствъ* (нашъ курсивъ) и т. д., но никакъ не *строгими юридическими началами* (нашъ курсивъ).“ Такимъ образомъ теорія, обозванная г. Чичеринымъ *чудовищною*, признается, другимъ русскимъ ученымъ, основанною на *строгомъ юридическомъ началѣ*.

Указавъ на существенныя стороны критики г. Чичерина, мы думаемъ, что лучше всего возможно будетъ провѣрить всю статью г. Чичерина на предлагаемомъ подробномъ очеркѣ, въ которомъ приводятся не только выводы, но и весь матеріалъ, разработанный Лассалемъ. Въ статьѣ г. Чичерина весь первый томъ сочиненія Лассаля обнимается 10-ю страницами, изъ которыхъ только 5 посвящены выводамъ Лассаля, а остальное критикѣ, уничтожающей все приведенное изъ системы Лассаля. Изъ такого труда и при указанныхъ выше пріемахъ, едва-ли можно составить себѣ истинное понятіе о теоріи Лассаля. Вотъ почему мы считаемъ теперь вполнѣ своевременнымъ появленіе настоящаго очерка, который обнимаетъ весь первый томъ Лассаля, за исключеніемъ приложеній [1]).

---

[1]) Мы постараемся довести этотъ трудъ до конца, чтобы ознакомить русскую публику съ одною изъ лучшихъ теорій о пріобрѣтенныхъ правахъ.

ВВЕДЕНІЕ.

По мнѣнію автора системы пріобрѣтенныхъ правъ, при разрѣшеніи вопроса о временныхъ границахъ примѣненія законовъ, представляется слѣдующая альтернатива: или является опасеніе за необезпеченность правъ и свободы людей (въ случаѣ обратнаго распространенія силы новаго закона), или же приходится принести въ жертву пріобрѣтеннымъ правамъ отдѣльныхъ лицъ, правильное развитіе народнаго самопознанія и правовой народной жизни (въ случаѣ недопущенія обратнаго распространенія силы новаго закона). Авторъ приводитъ мнѣніе Бенжамена Констана, по которому „обратное дѣйствіе отнимаетъ у закона его характеръ; законъ, дѣйствующій обратно, не можетъ быть болѣе названъ закономъ"; затѣмъ приводитъ также правило конституціи 24-го іюня 1793 года, по которому „законъ, наказующій преступленія, совершенныя до него, былъ бы тираніею; обратное дѣйствіе, сообщенное закону, само было-бы преступленіемъ." Тотъ-же взглядъ авторъ находитъ въ повелѣніи императора Θеодосія (L. 7. C. de legibus I, 14) и еще раньше у Платона, по мнѣнію котораго законы издаются не иначе какъ съ тѣмъ, чтобы они были полезны на будущее время.

Всѣ эти мнѣнія, полагаетъ авторъ, сводятся къ тому, что правила о примѣненіи закона во времени, имѣютъ своимъ источникомъ естественное право, а не положительное законодательство, почему нѣкоторые предоставляютъ разрѣшеніе вопроса о примѣненіи закона во времени—скорѣе судьѣ, чѣмъ законодателю. Правильность положенія о томъ, что установившійся принципъ о невозможности обратнаго примѣненія законовъ существуетъ не въ силу законодательной санкціи, а въ силу необходимости, разсматривается авторомъ въ его „Теоріи."

Несмотря на установившійся общій принципъ, законадатели и судьи допускали отступленія отъ него, руководствуясь при этомъ соображеніями справедливости, политики

и другими. Отступленія, такимъ образомъ, допускались или на основаніи внутренней природы общаго правила, или на основаніи посороннихъ ей соображеній: въ первомъ случаѣ, очевидно, не было отступленій, а во второмъ—лишь насиліе надъ общимъ правиломъ.

Въ вопросѣ о примѣненіи законовъ во времени, продолжаетъ авторъ, французскіе и нѣмецкіе юристы отказывались отъ установленія общихъ принциповъ; но первый на этомъ пути сдѣлалъ удачную попытку Савиньи.

Для устраненія исключеній, Савиньи раздѣляетъ правила, относящіяся къ нашему предмету, на опредѣляющія *пріобрѣтеніе правъ* (связь института права съ даннымъ лицомъ), или *бытіе правъ* (быть или не быть данному институту права или измѣненіе его по формѣ). Въ первомъ случаѣ, законъ не имѣетъ обратной силы, а въ второмъ—имѣетъ.

Теоретическія возраженія противъ этого дѣленія, со стороны автора системы пріобрѣтенныхъ правъ, состоятъ: 1) въ томъ, что Савиньи не установляетъ болѣе общаго правоваго принципа, къ которому, какъ къ единству, можно былобы свести обѣ части его дѣленія; это единство должно указать на то, что и самое отступленіе объ обратномъ дѣйствіи закона вытекаетъ изъ самой природы основнаго принципа о необратномъ дѣйствіи закона и 2) въ томъ, что при такомъ двучленномъ раздѣленіи, нѣтъ мѣста для теоріи. Достигается, правда, устраненіе отдѣльныхъ исключеній, но, вмѣсто нихъ, создается цѣлый классъ исключеній отъ общаго принципа, такъ что характеръ исключеній все таки остается.

Практическія возраженія автора, противъ упомянутаго дѣленія Савиньи, заключаются въ томъ, что оно не исчерпываетъ всѣхъ случаевъ и практически невѣрно. Чтобы оставаться вѣрнымъ своему началу, Савиньи вынужденъ невѣрно разрѣшать нѣкоторые случаи, а вѣрно имъ разрѣшенные, рѣдко противорѣчатъ его основному началу. Кромѣ того, законы, опредѣляющіе пріобрѣтеніе и бытіе правъ, не разграничены между собою: одинъ и тотъ же законъ можетъ опредѣлять пріобрѣтеніе права, если смотрѣть на него съ точки

зрѣнія его содержанія. Противорѣчіе-же разрѣшенныхъ случаевъ основному началу Савиньи, авторъ находитъ въ слѣдующемъ. По мнѣнію Савиньи, законъ о бракѣ и разводѣ относится къ законамъ, опредѣляющимъ бытіе правъ, и, слѣдовательно, имѣетъ обратную силу; между тѣмъ, онъ считаетъ правильнымъ нераспространеніе новаго закона на событіе, неслужившее, по прежнимъ законамъ, причиною развода.

Еще раньше Савиньи, французскіе юристы указали на то, что законы, имѣющіе источникомъ своимъ jus publicum, имѣютъ обратную силу, что по содержанію одно и тоже, что и мысль Савиньи. Но тѣмъ не менѣе мысль Савиньи, по формѣ своей, составляетъ успѣхъ въ наукѣ. Французскіе юристы указали только на источники, изъ котораго происходятъ законы, имѣющіе обратную силу; между тѣмъ какъ Савиньи опредѣлилъ *область* правовыхъ нормъ и выводитъ обратность дѣйствія закона изъ объективной ихъ природы. Теоретическая заслуга Савиньи состоитъ: 1) въ указаніи на то, что обратное дѣйствіе закона, судя по области нормъ, можетъ стать такимъ-же общимъ правиломъ, какъ и нераспространеніе закона на событія, совершившіяся до него; 2) въ отрицаніи, при разрѣшеніи даннаго вопроса, примѣненія *намѣренія законодателя*, часто поступающаго совершенно произвольно, и принятіи, вмѣсто этого основанія, болѣе опредѣлительнаго—*внутренней природы самихъ нормъ права;* 3) въ томъ, что, въ этомъ послѣднемъ отношеніи, онъ мастерски поставилъ задачу на надлежащую почву.

Въ практическомъ-же отношеніи, Савиньи, своею системою дѣленія законовъ, достигъ правильнаго разрѣшенія нѣкоторыхъ отдѣльныхъ случаевъ.

Борнеманнъ (Erörterungen im Gebite des Preussischen Rechts. Berlin 1855), возражая противъ Савиньи, выставляетъ руководящимъ началомъ намѣреніе законодателя. Но оно, по мнѣнію автора, неосновательно: 1) конституціи отвергаютъ власть законодателя давать закону обратную силу, почему судьи всегда будутъ руководствоваться не намѣреніемъ законодателя, а при-

родою нормъ права; 2) тамъ, гдѣ не дѣйствуютъ особенныя обстоятельства, законодатели сами желали-бы руководствоваться началами науки; между тѣмъ изъ нея они убѣдились-бы въ томъ, что выше всего стоитъ ихъ собственное намѣреніе; 3) большая часть законовъ не содержитъ въ себѣ ничего относительно обратной ихъ силы, и вотъ почему, при опредѣленіи самого свойства намѣренія законодателя, необходимо будетъ обращаться къ опредѣленію внутренней природы правовой нормы.

Борнеманнъ дѣлаетъ далѣе различіе между законами, дѣйствующими во времени неограниченно или продолжительно, и тѣми, которые дѣйствуютъ временно; первые, имѣютъ обратную силу, если они касаются отдѣльныхъ или немногихъ частей института права; а вторые, не имѣютъ обратной силы. Но Савиньи, коснувшись того-же дѣленія, говоритъ, что это количественное начало неспособно установить какое-нибудь принципіальное дѣленіе.

Переходя затѣмъ къ историческому развитію принципа о необратномъ дѣйствіи закона, авторъ говоритъ, что онъ стоитъ въ тѣсной связи съ политическимъ движеніемъ времени, что во времена усиленнаго историческаго развитія (революціи) законы имѣютъ обратную силу, а во времена реакціи не имѣютъ. Онъ доказываетъ это примѣрами изъ исторіи Франціи и Пруссіи, ссылаясь на законы Франціи, 14 ноября 1792 г., 7 марта 93 г. и 6-го января 94 г. съ одной, и законъ 25 сентября 95 г. съ другой стороны (первые имѣютъ обратную силу, а второй—нѣтъ) и на патенты Пруссіи 1814 и 1816 годовъ съ одной, и 1803 г. съ другой стороны (тоже). Перемѣну въ Пруссіи, происшедшую между 1804 и 1814 г., слѣдуетъ, по мнѣнію автора, приписать вліянію французскихъ революціонныхъ идей и болѣе строгому пониманію идеи государства, въ отношеніи индивидуальной частной воли.

ТЕОРІЯ.

I.

Переходя въ этой части сочиненія къ развитію теоріи объ обратномъ дѣйствіи закона, а вмѣстѣ съ нею—и къ теоріи о пріобрѣтенныхъ правахъ, авторъ выставляетъ слѣдующія два начала:

I. *Законъ не имѣетъ обратной силы на отношенія, возникшія по волѣ индивидуальнаго лица.*

II. *Законъ имѣетъ обратную силу на отношенія, возникшія независимо отъ воли индивидуума, когда онъ касается человѣка въ его непроизвольныхъ, общечеловѣческихъ, естественныхъ или самимъ обществомъ перенесенныхъ на него свойствахъ, или же касается его настолько, насколько производитъ перемѣну въ самихъ органическихъ институтахъ общества.*

Понятіе обратнаго дѣйствія есть ничто иное, какъ вторженіе въ область свободы и вмѣняемости человѣка.

Гражданское право есть область, въ которой реализуется свободная воля человѣка. Вотъ почему законъ не можетъ уничтожить того, что желалось и дѣлалось человѣкомъ, не можетъ поражать его воли и дѣйствій, не можетъ посягать на его мысль, выражающуюся въ волѣ и дѣйствіи. Обратное дѣйствіе закона, касаясь свободнаго дѣйствія лица, какъ бы искажаетъ его волю, превращая ее въ совершенно другую, и, по счастливому выраженію французскаго юриста Тулье, есть не болѣе, „какъ сѣть, наброшенная на человѣка законодателемъ.“

Съ другой стороны, отношенія, возникающія независимо отъ воли человѣка, должны тотчасъ нормироваться по правиламъ новаго закона. Точно такъ же, какъ сознаніе отдѣльнаго человѣка руководитъ имъ при обсужденіи дѣйствій, существовавшихъ и до развитія этого сознанія, и общественное сознаніе, выражающееся въ современномъ правѣ, становится обязательнымъ и пріобрѣтаетъ право на безотлагательное примѣненіе. Здѣсь не можетъ быть рѣчи объ обратномъ

дѣйствіи, ибо законъ не касается отношеній, возникающихъ по волѣ лица, и, слѣдовательно, ничего въ нихъ не измѣняетъ. Отношенія, опредѣляемыя этими законами, возникаютъ въ силу самого закона, развиваются и исчезаютъ вмѣстѣ съ нимъ. Поэтому здѣсь можетъ быть рѣчь только о примѣненіи закона, но не о его обратномъ дѣйствіи.

Указавъ затѣмъ на обратное дѣйствіе закона у восточныхъ народовъ и на взаимное соотношеніе между естественнымъ и историческимъ правомъ, (естественное право есть продуктъ духа, который проявляется на различныхъ ступеняхъ внутренняго развитія въ историческомъ правѣ), — авторъ переходитъ опять къ принципу о необратномъ дѣйствіи закона и приводитъ слѣдующіе примѣры. Новый законъ продолжаетъ совершеннолѣтіе съ 21 на 25 лѣтъ. Достиженіе совершеннолѣтія есть отношеніе, которое возникаетъ не по волѣ лица, а въ силу закона, а потому всѣ, неимѣющіе ко времени изданія новаго закона 25 лѣтъ, несовершеннолѣтни. Здѣсь нѣтъ рѣчи о достиженіи совершеннолѣтія или лучше, о достигнутомъ совершеннолѣтіи, а о существующей по закону способности къ дѣйствіямъ, которая, по новому закону, не считается болѣе существующею. Всѣ-же дѣйствія, совершенныя до изданія новаго закона совершеннолѣтними, по старому закону, дѣйствительны, потому что въ основѣ ихъ лежитъ дѣйствіе воли лица. Если же провозглашеніе совершеннолѣтія зависитъ отъ отца или опеки, то такое совершеннолѣтіе, какъ зависящее отъ индивидуальныхъ дѣйствій лица, остается въ силѣ и по изданіи новаго закона. Тоже съ эманципаціею дѣтей. Если возникновеніе ея зависитъ отъ закона, то новый законъ тотчасъ получаетъ силу и если этотъ послѣдній возвышаетъ возрастъ, обусловливающій эманципацію, то всѣ лица, недостигшія еще этого возраста, остаются подъ родительскою властью. Если-же эманципація ставится, по закону, въ зависимость отъ какого-либо дѣйствія лица (Code Napoleon — вступленіе въ бракъ), то на это отношеніе новый законъ не оказываетъ вліянія. Тоже самое происходитъ съ отношеніями, возникающими изъ брака, натурализаціи и т. п.

Однимъ словомъ, правила объ обратномъ и необратномъ дѣйствіи закона, сливаются въ одно высшее понятіе, которое ихъ объединяетъ, уничтожая противоположность и выводя самыя отступленія изъ внутренней природы высшаго принципа. Выставляется общій принципъ *о необратномъ дѣйствіи* закона, обратнаго-же дѣйствія, равно и *отдѣльныхъ* или *цѣлыхъ классовъ исключеній*, въ дѣйствительности, не существуетъ, а есть немедленное вступленіе новаго закона въ силу, немедленное его *воздѣйствіе*, а не обратное дѣйствіе, и притомъ воздѣйствіе, непосредственно проистекающее изъ общаго принципа о необратномъ дѣйствіи закона.

Есть права, которыя, повидимому, тѣсно связаны съ событіями (рожденіе, смерть) и дѣйствіями третьихъ лицъ, и будучи, такимъ образомъ, по внѣшнему виду, слѣдствіями чужихъ дѣйствій (facta aliena), тѣмъ не менѣе, по внутреннему своему характеру, юридически должны считаться возникшими по собственной волѣ лица.

Къ этимъ правамъ относятся права, возникающія для человѣка въ силу собственнаго его рожденія или смерти другого лица, въ силу права семейственнаго. Они считаются пріобрѣтенными въ силу господствующей, по правовому воззрѣнію, въ семействѣ, тождественности лицъ и волей. Наслѣдство, повидимому, есть результатъ смерти наслѣдодателя, но такъ какъ оно возникаетъ или по волѣ послѣдняго, или, за отступленіемъ ея, по закону,—то его слѣдуетъ разсматривать какъ дѣйствіе *воли наслѣдодателя*, а въ силу свойственнаго семейству принципа тождественности и *воли наслѣдника*. Въ странахъ, въ которыхъ не допускается наслѣдство по завѣщанію, оно все таки разсматривается какъ актъ воли наслѣдника, потому что оно возникаетъ не только въ силу событія смерти, но и въ силу рожденія и пріобрѣтенія собственности *для семейства*. Вотъ почему собственность эта становится собственностью и родившагося. Рожденіе есть фактъ, но оно предполагается вмѣстѣ съ тѣмъ какъ актъ воли родителей, посредствомъ котораго собственность становится предназначенною для всѣхъ членовъ семьи.

Лучшимъ доказательствомъ этой мысли служитъ представительство: все пріобрѣтенное дѣтьми или рабами, составляетъ собственность отца семейства. А потому законы, отмѣняющіе рабство и родительсвую власть, не могутъ лишить отца семейства права собственности, пріобрѣтеннаго въ силу представительства, и, слѣдовательно, въ предположеніи свободнаго дѣйствія отца семейства (Paterfamilias).

Затѣмъ авторъ обращается къ дѣйствіямъ воли, проистекающимъ изъ заблужденія, злого умысла, принужденія и т. п., и примѣняетъ къ нимъ свой общій принципъ, путемъ развитія слѣдующихъ положеній:

1) *Права, возникающія, правда, не изъ дѣйствій третьихъ лицъ, но и не изъ собственныхъ дѣйствій, а данныя, напротивъ, въ противность этимъ послѣднимъ, закономъ и, повидимому, изъ него проистекающія, могутъ, при ближайшемъ разсмотрѣніи, оказаться основанными на присутствіи свободной воли и стало быть, неотмѣняемыми въ силу новыхъ законовъ.*

Это имѣетъ мѣсто при ничтожности, которую законъ признаетъ за дѣйствіями, совершенными при недостаткѣ воли (заблужденіе въ лицѣ, error in corpore; error in substantia). При заключеніи договоровъ, основанныхъ на такихъ дѣйствіяхъ, очевидно дѣлается одно, а желается другое. Внѣшнее дѣйствіе лица обязываетъ его къ исполненію договора, но внутреннее побужденіе даетъ ему право на уничтоженіе договора, какъ установляющаго то, что противно его волѣ. Если-же новѣйшій законъ, ограничивающій условія наличности заблужденія, будетъ примѣненъ къ такого роду договору, то этимъ, очевидно, лицу будетъ навязано, какъ продуктъ его воли, то, что прямо ей противорѣчитъ.

2) *Аналогичны, съ приведенными выше, права, которыя, повидимому, проистекаютъ изъ дѣйствій третьихъ лицъ и, слѣдовательно, изъ закона, но въ сущности составляютъ продуктъ дѣйствій собственной воли лица.*

Сюда относится закономъ предоставленная жалоба или exceptio противъ принужденія. Если законъ доставляетъ воз-

можность отрицать силу договора, заключеннаго подъ вліяніемъ принужденія, то это право входитъ въ разсчетъ лица потерпѣвшаго, которое относится къ нему свободно, по самоопредѣленію своей воли. Поэтому, если новый законъ затрудняетъ какими либо условіями путь къ жалобѣ, то онъ, при обратномъ дѣйствіи, навязываетъ лицу, дѣйствовавшему подъ вліяніемъ принужденія, то, что явно было сдѣлано противъ его воли.

3) Тоже самое и съ dolus. Основная идея въ этомъ отношеніи сводится, по мнѣнію автора, къ индивидуальной свободѣ воли, а не къ милости, даруемой будто закономъ предоставленіемъ жалобы. Въ этомъ послѣднемъ случаѣ, если новый законъ уничтожаетъ эту милость, лишаетъ права на жалобу, то послѣдовательность требуетъ утверждать, что всѣ дѣйствія, въ отношеніи которыхъ еще не успѣли обратиться къ жалобѣ, остаются въ силѣ, ибо законъ имѣетъ обратное дѣйствіе. Между тѣмъ, если смотрѣть на жалобу какъ на средство, тѣсно связанное съ принципомъ о свободѣ воли человѣка и пріобрѣтаемое вмѣстѣ съ совершеніемъ самого дѣйствія, то законъ, уничтожая впослѣдствіи это средство, не можетъ имѣть обратнаго дѣйствія на уже пріобрѣтенное право жалобы.

4) Вліяніе закона на дѣйствія, неоснованныя на волѣ, получаетъ свое настоящее разъясненіе, когда вопросъ касается дѣйствительности простой ошибки, равно и того, какимъ образомъ при немъ можетъ быть рѣчь о свободѣ воли.

Свобода воли есть индивидуальное самоопредѣленіе. Если ложное представленіе есть продуктъ дѣятельности лица ошибающагося, то оно есть дѣйствіе его собственной воли, ибо, являясь не вслѣдствіе принужденія, оно представляетъ результатъ его личнаго самоопредѣленія и не уничтожаетъ поэтому его свободы воли.

Различіе между недостаткомъ воли (error in substantia) и простой ошибкой, состоитъ въ томъ, что въ первомъ случаѣ, *содержаніе воли* расходится съ *содержаніемъ дѣйствія* (женитьба на другомъ лицѣ), тогда какъ при простой ошибкѣ они совпадаютъ, а заблужденіе относится лишь къ *побужде-*

нію воли (вознаградить кого-либо за предположенную, но на самомъ дѣлѣ вовсе неимѣвшую мѣста услугу).

Но этого недостаточно: основанія побужденія иногда *совпадаютъ* съ *содержаніемъ воли*, а иногда нѣтъ. Въ первомъ случаѣ, побужденіе превращается въ недостатокъ воли, а во второмъ нѣтъ. Такимъ образомъ, основанія побужденія находятся въ чисто-количественномъ отношеніи къ содержанію воли. По Римскому праву, ошибка въ *качествахъ* предмета купли, не оказываетъ вліянія на дѣйствительность сдѣлки, но если покупается рабыня вмѣстѣ раба, то эта ошибка оказываетъ вліяніе, потому что вмѣсто *одной* полезности куплена *другая*. Такъ, эдильскіе эдикты установляютъ правило, что покупщикъ рабовъ и скота, въ случаѣ скрытыхъ недостатковъ, имѣетъ право возвратить ихъ продавцу, даже незнающему объ этихъ недостаткахъ (venditor ignorant); здѣсь ошибка въ побужденіи воли скорѣе ошибка въ полезности, какъ покупка рабыни вмѣсто раба. Тоже при condictio indebiti, condictio ab causam datorum и condictio sine causa. Платя, думая что долженъ, я *дарю*, вмѣсто того чтобы *платить;* здѣсь побужденіе поглощаетъ дѣйствіе и превращаетъ его въ такое, которое совершается противъ воли.

Во всѣхъ этихъ вопросахъ все сводится къ тому, какъ законодательство опредѣляетъ отношеніе побужденія воли къ содержанію ея и какія средства оно даетъ для сообщенія сдѣлкѣ недѣйствительности. Но слѣдуетъ признать, что опредѣленіе это и средства, основываются не на *внѣшней справедливости*, а на воззрѣніи о неприсутствіи воли въ дѣйствіи.

Затѣмъ авторъ переходитъ къ установленію дальнѣйшаго различія между недостаткомъ воли и ошибкой въ побужденіи, для того, чтобы выяснить значеніе ошибки въ фактѣ и ошибки въ правѣ (error facti, error juris) въ отношеніи самоопредѣленія воли, а слѣдовательно и выясненія общаго принципа о необратномъ дѣйствіи закона.

При недостаткѣ воли, гдѣ *совершившееся* дѣйствіе вовсе не совпадаетъ съ тѣмъ, которое *желалось*, совершенно безразлична причина, по коей отсутствіе воли превратилось въ

дѣйствіе: по причинѣ-ли незнанія факта или по причинѣ незнанія права.

При ошибкѣ-же въ побужденіи воли, гдѣ совершившееся дѣйствіе совпадаетъ съ желаніемъ человѣка, рѣчь объ отсутствіи самоопредѣленія личной воли, можетъ быть только тогда, когда совершенное противъ воли дѣйствіе, было слѣдствіемъ дѣйствія третьяго лица (dolus), но не слѣдствіемъ собственной дѣятельности, ибо, въ этомъ послѣднемъ случаѣ, всѣ составныя части дѣйствія, составляютъ результатъ собственнаго самоопредѣленія лица: 1) относительно внѣшнимъ образомъ совершеннаго дѣйствія, 2) относительно внѣшнимъ образомъ желаннаго дѣйствія и 3) относительно ошибки въ побужденіи.

Но независимо отъ дѣйствія 3-го лица, ложное представленіе можетъ быть признано происшедшимъ по самоопредѣленію, когда оно основано на фактической ошибкѣ.

Знаніе человѣка можетъ относиться къ нему *самому* и къ *внѣшней природѣ*. Если человѣкъ заблуждается въ фактѣ, то это заблужденіе есть результатъ насилія *внѣшней природы*, развѣ человѣкъ могъ и долженъ былъ знать тотъ фактъ, относительно котораго заблужденіе произошло (negligentia).

Совершенно другое—знаніе человѣка о *самомъ себѣ*. Такимъ знаніемъ представляется также и *право*, которое, въ сущности, есть *выступившій наружу внутренній и умственный міръ человѣка* (а законъ—*объективно выразившееся правовое сознаніе народа)*. Человѣкъ всегда можетъ знать право, если хочетъ, а если онъ этого не хочетъ, то незнаніе является результатомъ его собственной воли, и потому незнаніе права не оказываетъ вліянія на дѣйствительность дѣйствія.

Согласно съ этимъ, спорныя правовыя положенія (неставшія еще достояніемъ народнаго сознанія и допускающія, по неясности содержанія, примѣненіе личныхъ воззрѣній) и мѣстное право, могутъ и не подлежать знанію лица, и такое незнаніе не можетъ быть поставлено ему въ вину.

Такимъ образомъ, ученіе о заблужденіи въ фактѣ или въ правѣ, сдѣлалось ученіемъ о знаніи человѣкомъ самого себя и

внѣшней природы, или ученіемъ объ извинительности или неизвинительности знанія, и вмѣстѣ съ ученіемъ о принужденіи, обманѣ и ошибкѣ, сводится къ *главному основанію— индивидуальному самоопредѣленію*, какъ дѣйствительному опредѣленію свободы воли человѣка.

Иногда законъ *предполагаетъ волю* лица. *Права, возникающія изъ дѣйствій другаго, но съ которыми законъ соединяетъ предполагаемую волю лица, разсматриваются какъ слѣдствіе его собственной воли и считаются пріобрѣтенными, такъ что новый законъ на нихъ обратной силы не имѣетъ.* Сюда относятся quasi- контракты и ближайшимъ образомъ negotiorum gestio.

Римскіе юристы выводятъ институтъ negotiorum gestio изъ понятія пользы. Но что онъ основанъ не на пользѣ, а на предполагаемой закономъ волѣ, видно изъ того, что 1) римскіе юристы считаютъ случай negotiorum gestio соотвѣтствующимъ случаю отсутствія собственника или другимъ случаямъ, при которыхъ собственникъ встрѣчаетъ препятствія къ положительному выраженію своей воли. 2) При положительномъ запрещеніи собственника, фикція уступаетъ дѣйствительности и negotiorum gestor не можетъ требовать расходовъ даже *полезныхъ*, между тѣмъ какъ, если-бы основаніе этого института заключалось въ пользѣ, онъ долженъ былъ бы имѣть право ихъ требовать. 3) Negotiorum gestor имѣетъ actio лишь тогда, когда расходы сдѣланы имъ съ цѣлію устраненія вреда, а не съ цѣлію улучшенія; ибо предполагается, что устраненіе вреда всегда *желательно* для собственника, такъ какъ желаніе къ улучшеніямъ не всегда можно предполагать. 4) Собственникъ считается отвѣтственнымъ передъ negotiorum gestor'омъ и тогда, когда ожидавшаяся польза еще не наступила вовсе, вслѣдствіе какихъ-нибудь несчастныхъ случаевъ. 5) Оно подтверждается также споромъ между римскими юристами (Ульпіаномъ и Сцеволой) о вліяніи послѣдовавшаго впослѣдствіи одобренія, со стороны собственника, дѣйствій negotiorum gestora на соединенный съ negotiorum gestio искъ, т. е. остается-ли искъ искомъ, вытекающимъ изъ negotiorum gestio или онъ превращается въ

actio mandati (при которой возможно требованіе удовлетворенія за дѣйствія, причинившія даже вредъ имуществу, а не пользу). Если negotiorum gestio основана не на волѣ, то нѣтъ основанія къ тому, чтобы она продолжалась при воспослѣдовавшемъ одобреніи (Ульпіанъ); если же она основана на предполагаемомъ согласіи, то нѣтъ основанія къ тому, чтобы она исчезла въ случаѣ одобренія (Сцевола).

Mandatum tacitum и negotiorum gestio отличаются другъ отъ друга тѣмъ, что первое предполагаетъ *волю на самомъ дѣлѣ существующею*, тогда какъ вторая имѣетъ ее лишь въ *предположеніи*. Отсюда, при первомъ, собственникъ, будучи связанъ безусловной волей, отвѣтствуетъ и тогда, когда вовсе не было пользы и когда дѣйствія оказались нецѣлесообразными, при второй-же предполагается, что дѣйствія третьяго лица имѣли въ виду *цѣль необходимую* и сверхъ того, *на самомъ дѣлѣ*, оказались *цѣлесообразными*; ибо дѣйствія negotiorum gestora, причинившія вредъ, предполагаются совершенными не по волѣ собственника, а на собственный его счетъ.

Negotiorum gestio можетъ перейти въ *mandatum tacitum*. Первая обусловливается невозможностью знать какъ о причинѣ, вызвавшей дѣйствія 3-го лица (угрожающемъ имуществу вредѣ и т. п., въ случаѣ, напримѣръ, отсутствія его — absens), такъ и о самихъ дѣйствіяхъ 3-го лица (ignorans), или, по крайней мѣрѣ, объ однихъ послѣднихъ (absens et ignorans или ignorans). Второе-же обусловливается положительнымъ знаніемъ со стороны собственника о дѣйствіяхъ 3-го лица, направленныхъ на его имущество. Поэтому, если собственникъ получаетъ свѣдѣнія о дѣйствіяхъ negotiorum gestora и не противится имъ (qui tacet-consentit), то negotiorum gestio переходитъ въ mandatum tacitum (semper qui non prohibet pro se intervenire, mandare creditur—*Ulpian)*.

Новый законъ, даже облегчающій обязанности gestora, не имѣетъ, такимъ образомъ, обратной силы на отношенія, возникшія изъ negotiorum gestio; ибо, вслѣдствіе предположенной воли собственника, они возникли изъ quasi-contractus. Тоже самое слѣдуетъ сказать и относительно condictio indebiti, въ отно-

шеніи получателя, ибо предполагается съ его стороны знаніе о неправильномъ полученіи и, слѣдовательно, нормальная воля возвратить полученное, въ случаѣ отсутствія долга (противоположная тому воля содержала-бы въ себѣ dolus, который не можетъ быть предполагаемъ).

Переходя къ опредѣленію вліянія новаго закона на институтъ *давности*, авторъ опредѣляетъ самую природу этого института не съ общепринятой точки зрѣнія.

На первый взглядъ, говоритъ авторъ, usucapio составляетъ право, возникающее вслѣдствіе истеченія опредѣленнаго пространства времени или закономъ - установленный институтъ цѣлесообразности, имѣющій въ виду устраненіе недостовѣрности и спорности права. Но при ближайшемъ разсмотрѣніи оказывается, что пріобрѣтеніе по давности основано на сознательной дѣятельности, на положительно обнаружившейся волѣ лица, разсматривать предметъ какъ свой, съ цѣлью пріобрѣтенія его. Одно только *количественное* опредѣленіе *времени* составляетъ, въ давности, продуктъ *закона*, а не *воли* лица. Вотъ почему новый законъ, удлиняющій или укорачивающій продолжительность давностнаго срока, имѣетъ обратное вліяніе лишь на одинъ этотъ послѣдній, во все время его теченія. Здѣсь не происходитъ никакого измѣненія ex post, въ личномъ дѣйствіи лица, ибо оно получаетъ свою силу лишь по истеченіи извѣстнаго, установленнаго закономъ срока, а до того оно отличается однимъ лишь фактически—подготовительнымъ, но не юридическимъ характеромъ.

Права, возникающія изъ упущеній, возникаютъ чрезъ посредство индивидуальныхъ дѣйствій и получаютъ, поэтому, характеръ пріобрѣтенныхъ правъ. Это бываетъ, когда законъ соединяетъ съ сохраненіемъ права необходимость проявленія его, въ теченіи извѣстнаго времени. Бездѣятельность, въ теченіи этого времени, разсматривается какъ дѣятельность, какъ добровольное отреченіе отъ бывшаго права (исковая давность „qui non facit quod facere debet, videtur facere adversus ea quia non facit)“.

Если поэтому, со стороны кредитора, tacite предполагается *добровольное*, *индивидуальное дѣйствіе*, то не менѣе того слѣ-

дуетъ допустить тоже самое и относительно должника, молчаливо неуплачивающаго долга. На такое отношеніе нельзя однако распространять понятія о дареніи (хотя и здѣсь молчаливый акцептъ или принятіе дара, предполагается въ неплатежѣ), потому что въ пропускѣ исковой давности, со стороны кредитора, нѣтъ намѣренія обогатить должника, а только— предоставить волѣ послѣдняго платить или не платить; оставленіе лишь принудительнаго средства взысканія, но не самаго долга,—такъ что здѣсь *obligatio civilis* переходитъ въ *obligatio naturalis*. Это доказывается также и обратнымъ путемъ. Если должникъ по *obligatio naturalis* добровольно уплачиваетъ долгъ, то онъ этимъ не обогащаетъ кредитора, а возвращаетъ ему должное; слѣдовательно и кредиторъ, пропуская исковую должность, отказывается лишь отъ принудительнаго средства взысканія, а уплату долга предоставляетъ „правовой волѣ должника."

Тоже самое бываетъ и тогда, когда пропускъ давности произошелъ не по намѣренію, а по небрежности; ибо кто не заботится объ условіямъ, обезпечивающихъ, по jus civile, сохраненіе права, тотъ, значитъ, добровольно отказывается отъ заключающейся для него въ положительномъ законѣ обезпечительности.

Это объяснится еще болѣе на слѣдующемъ примѣрѣ: если по закону въ договорѣ о займѣ должно заключаться и условіе о процентахъ, то незаключеніе о томъ условія письменнаго, а существованіе лишь словеснаго на этотъ счетъ соглашенія, сразу ставитъ договоръ о процентахъ на почву obligationis naturalis, т. е. уплата процентовъ предоставляется волѣ должника.

Такъ какъ потеря исковой давности заключаетъ въ себѣ *взаимное соглашеніе* поставить исполненіе гражданскаго обязательства въ зависимость отъ естественной воли должника, то понятно, что такое соглащеніе, коль скоро оно уже наступило вслѣдствіе истеченія срока исковой давности, не можетъ подвергнуться измѣненію вслѣдствіе изданія новаго закона, отмѣняющаго исковую давность и что, напротивъ, но-

вый законъ, изданный во время теченія давностнаго срока, а слѣдовательно до послѣдовавшаго соглашенія, долженъ получить немедленное примѣненіе.

Нельзя утверждать, чтобы молчаливое взаимное соглашеніе, порождаемое пропускомъ исковой давности, было похоже на стипуляцію съ conditio si velit, потому что подобнаго рода стипуляція заключаетъ въ себѣ, съ самаго начала, логическое противорѣчіе и ничего не создаетъ; совершенно противоположное представляется въ случаѣ потери исковой давности; въ то время, какъ при потестативной стипуляціи *принужденіе* идетъ *послѣ* соглашенія и имъ *устанавливается*, при потерѣ исковой давности, *принужденіе предшествуетъ* соглашенію и имъ *уничтожается*.

Развивая далѣе ту же мысль, авторъ считаетъ необходимымъ, въ связи съ нею, остановиться на разъясненіи слѣдующаго вопроса.

Если *естественное* обязательство, вслѣдствіе допущеннаго въ законѣ измѣненія, поставлено въ такое положеніе, при которомъ оно должно удовлетворять всѣмъ требованіямъ, соединеннымъ съ присутствіемъ *гражданской воли*, то что изъ этого выйдетъ? Превратится-ли обязанность, поставленная, во время совершенія дѣйствія, въ зависимость отъ одной естественной воли, въ обязанность, обусловливаемую гражданскою волею, именно въ силу новаго закона, по которому тоже дѣйствіе достаточно для порожденія воли гражданской?

Отвѣтъ дается отрицательный, ибо, если допустить обратное дѣйствіе закона, то допущено было-бы вмѣстѣ съ тѣмъ уничтоженіе свободы дѣйствія, которая имѣла въ виду поставить уплату въ зависимость отъ естественной воли и дѣйствію навязана была-бы гораздо болѣе широкая сила, чѣмъ та, которую имѣлъ и долженъ былъ имѣть въ виду довольствовавшійся обязательствомъ естественной воли кредитора и отказавшійся отъ гражданскаго принужденія.

Это лучше всего объяснится на приведенномъ выше примѣрѣ, относительно словеснаго соглашенія объ уплатѣ процентовъ. Какъ сказано выше, въ этомъ случаѣ, искъ объ ис-

полненіи договора невозможенъ, такъ какъ, по закону, искъ обусловливается составленіемъ самаго договора въ письменной формѣ. Теперь спрашивается, если новый законъ отмѣняетъ обязательность письменной формы, то можетъ ли онъ, въ данномъ случаѣ, имѣть обратное вліяніе?

Этотъ вопросъ разрѣшаютъ отрицательно. Это совершенно вѣрно, но принятыя для такого разрѣшенія основанія — ложны.

Основаніемъ къ такому разрѣшенію вопроса обыкновенно служитъ то, что форма юридической сдѣлки обсуживается по законамъ времени ея совершенія. Но при этомъ смѣшиваютъ форму, которою по закону обусловливается самое *бытіе* гражданской сдѣлки, съ формою, которою по закону обусловливается лишь *доказательная сила* дѣйствія.

Безъ установленія этого различія, приведенное основаніе можетъ оказаться безусловно вѣрнымъ лишь тогда, когда позднѣйшій законъ вводитъ болѣе затруднительныя условія формы юридической сдѣлки; ибо примѣненіемъ новаго закона уничтожилось-бы желанное прежде дѣйствіе лица. Но тоже самое основаніе представляется сомнительнымъ, когда новый законъ не затрудняетъ, а облегчаетъ существовавшія прежде условія, и примѣненіе его, такимъ образомъ, возстановляетъ только силу индивидуальной воли человѣка. Здѣсь уже формула о томъ, что форма юридической сдѣлки обсуживается по законамъ времени совершенія ея, не можетъ имѣть безусловнаго примѣненія, а тамъ, гдѣ она имѣетъ мѣсто, она теряетъ свое внутреннее основаніе. И въ самомъ дѣлѣ, на чемъ основывается эта формула? Не на томъ ли, что индивидуальное дѣйствіе воли не можетъ быть лишено своего характера, вслѣдствіе обратнаго дѣйствія закона. Въ данномъ же случаѣ, индивидуальное дѣйствіе состояло въ томъ, что должникъ, какъ мы предполагаемъ, уговорился по соглашенію платить проценты. Какимъ же образомъ, съ примѣненіемъ новаго закона, онъ можетъ жаловаться на то, что обратное дѣйствіе искажаетъ его индивидуальную волю?

Но если держаться приведеннаго выше различія относи-

тельно того, обусловливается ли формою самое *бытіе* гражданской сдѣлки или лишь *доказательная сила* дѣйствія, то дѣло представится совершенно въ другомъ видѣ.

Правило „*tempus regit actum*,“ если его понимать какъ правило о доказательной силѣ дѣйствія, можетъ имѣть примѣненіе, если новый законъ отмѣняетъ прежде существовавшія доказательства (установляетъ письменную форму вмѣсто свидѣтельскихъ показаній). Доказательная сила, есть составная часть дѣйствія лица, которая пріобрѣтается имъ во имя этого послѣдняго, и потому не можетъ быть отмѣняема новымъ закономъ. Лицо избрало данную форму дѣйствія потому, что она, по закону, была совершенно достаточна для того, чтобы сообщить дѣйствію доказательную силу и оно обратилось бы къ другой формѣ, если бы закономъ постановлено было иначе. Но если новый законъ допускаетъ прежде несуществовавшія доказательства (вмѣсто письменной формы свидѣтельскія показанія), то лицо, неизбравшее той формы, которая, по прежнимъ законамъ, сообщаетъ дѣйствію доказательную силу, не пріобрѣло, поэтому, никакого доказательства и подпадаетъ поэтому, тотчасъ подъ вліяніе новаго закона.

Еще яснѣе авторъ объясняетъ тоже самое слѣдующимъ логическимъ разсужденіемъ:

Допускаемость извѣстнаго доказательнаго средства можетъ быть пріобрѣтаема, если лицо воспринимаетъ ее какъ актъ своей воли; пользуется опредѣленіемъ закона для сообщенія силы своему дѣйствію. *Недопускаемость-же* извѣстнаго доказательнаго средства не можетъ быть пріобрѣтаема, потому что, какъ запретительное законодательное опредѣленіе, оно не можетъ быть молчаливо принято сторонами въ томъ смыслѣ, что онѣ навсегда исключаютъ для себя возможность обратиться къ запрещенному закономъ доказательству (свидѣтельскимъ показаніямъ) или, другими словами, пріобрѣтаютъ будто-бы право доказывать запрещенными закономъ средствами. Такое согласіе сторонъ потребовало-бы положительнаго выраженія въ письменной формѣ, путемъ договора. Невозможно полагать, что лишеніе себя права на запрещенное закономъ доказатель-

ство, молчаливо выводится изъ того, что стороны не выразили *положительнаго согласія на допущеніе его*, ибо такое соглашеніе, въ виду положительнаго запрещенія закона, было бы ничтожно съ самаго начала. Обычная же фикція, что стороны tacite согласны на законодательныя опредѣленія, возможна только въ отношеніи къ законамъ, неотличающимся абсолютнымъ характеромъ и допускающимъ еще уклоненія отъ общаго правила, по волѣ частнаго лица; ибо здѣсь возможно предположеніе, что если стороны не прибѣгали къ исключеніямъ, то онѣ согласны на общее правило. При абсолютныхъ же законахъ, означенная фикція непримѣнима, ибо они исключаютъ всякую возможность дѣйствія воли частнаго лица въ другомъ направленіи. Такимъ образомъ, въ молчаливомъ, бездѣятельномъ отношеніи сторонъ, слѣдуетъ признать просто *непріобрѣтеніе доказательствъ*, а не пріобрѣтеніе права на лишеніе себя права доказывать;— такъ что добровольное отреченіе отъ свидѣтельскихъ показаній, въ виду положительнаго запрещенія ихъ закономъ, невозможно. Поэтому стороны не могутъ жаловаться на то, что новый законъ, допускающій запрещенныя прежде свидѣтельскія показанія, имѣетъ обратное вліяніе на установившіяся между ними до него отношенія.

Если же въ приведенномъ выше примѣрѣ съ договоромъ о процентахъ, авторъ приходитъ къ противоположному заключенію, т. е. къ тому, что законъ новый, при тѣхъ же самыхъ условіяхъ, не имѣетъ обратнаго дѣйствія, то онъ объясняетъ это именно тѣмъ, что установленіе закономъ письменной формы для заключенія договора о процентахъ, имѣетъ въ виду обусловить *не доказательную силу* дѣйствія, а *самое бытіе* гражданской сдѣлки, авторъ выводитъ изъ того, что въ законѣ всеобщаго земскаго права (часть I т. II § 729) прямо говорится: „для того, чтобы кредиторъ имѣлъ жалобу на исполненіе договора, необходимо составленіе письменнаго договора“. Такимъ образомъ, допуская возможность существованія на фактѣ словеснаго соглашенія относительно процентовъ, законъ все-таки лишаетъ, въ такомъ случаѣ, права на жалобу. Поэтому, несмотря на то, что отвѣтчикъ на судѣ могъ-бы и при-

знать условія словеснаго соглашенія, жалоба все-таки не будетъ принята къ размотрѣнію, потому что право на нее абсолютно потеряно, вслѣдствіе незаключенія письменнаго договора. Стало-быть, письменная форма имѣетъ здѣсь такой характеръ, что отъ нея зависитъ самое бытіе гражданской сдѣлки, т. е. существованіе гражданской. обязательной воли. Если это условіе не соблюдено, то, по закону, гражданское обязательство перешло въ естественное; гражданская воля ничѣмъ не связана и потому нѣтъ судебной защиты. Если же стороны согласились поставить извѣстное отношеніе въ зависимость отъ естественной воли, то оно остается непоколебимымъ, несмотря на изданіе новаго закона, который не можетъ превратить естественную волю въ принудительную, гражданскую, безъ того, чтобы насильственно не измѣнять дѣйствительности индивидуальнаго дѣйствія воли лица.

Ту же мысль авторъ развиваетъ еще далѣе, на ст. 1341 Cod. Nap., по которой свидѣтельскими показаніями можно подтвердить заемъ лишь на опредѣленную сумму.

Если заемъ заключенъ не письменнымъ порядкомъ, на сумму, превышающую указанную закономъ, то будетъ-ли имѣть примѣненіе къ данному случаю новый законъ, отмѣняющій вовсе недопущеніе свидѣтелей?

Французскіе и нѣмецкіе юристы говорятъ, что такъ какъ вопросъ о доказательствахъ принадлежитъ «plus au droit qu'a la forme», то онъ долженъ быть обсуживаемъ по законамъ времени совершенія дѣйствія. Того же мнѣнія и Савиньи и Борнеманнъ.

Для разъясненія этого вопроса, необходимо, по мнѣнію автора, сравнить 1341 ст. съ указаннымъ выше закономъ объ обязательности письменной формы, для требованія процентовъ. Этотъ послѣдній законъ обусловливаетъ письменною формою самое бытіе гражданской сдѣлки. Вслѣдствіе лишенія права на жалобу, даже при признаніи со стороны должника условія, относительно процентовъ, вынужденіе невозможно. Между тѣмъ, какъ въ случаѣ, указанномь ст. 1341, если должникомъ будетъ сдѣлано признаніе, гражданское обязательство

будетъ имѣть мѣсто. Поэтому, здѣсь могутъ быть допущены свидѣтельскія показанія, разрѣшенныя новымъ закономъ; ибо, если только не запрещается жалоба, то это значитъ, что, по законному воззрѣнію времени совершенія дѣйствія, съ самого начала существовала гражданская воля, къ которой должно быть примѣнено принужденіе,

II.

Законъ не имѣетъ обратнаго дѣйствія на дѣла, уже находящіяся въ производствѣ, вслѣдствіе поданнаго иска.

Борнеманнъ полагаетъ, что при отсутствіи положительнаго законодательнаго опредѣленія, относительно обратнаго дѣйствія закона, послѣднее должно быть допускаемо въ крайне ограничительныхъ случаяхъ и лишь при дѣлахъ, еще непоступившихъ въ производство.

Но это неправильно, потому что главное основаніе необратнаго дѣйствія закона заключается, сверхъ указаннаго прежде, въ томъ, что путемъ жалобы, человѣкъ овладѣваетъ правами, вытекающими для него изъ закона, и превращаетъ ихъ въ свои, такъ что жалоба является дѣйствіемъ его свободной воли, на которое законъ, какъ на договорныя отношенія, не можетъ имѣть обратной силы. На этомъ же основаніи, въ отношеніи исключенія дѣйствія новаго закона, совершено все-равно, состоялось ли уже рѣшеніе по жалобѣ или нѣтъ.

Савиньи говоритъ, что въ римскомъ правѣ установлено общее правило о томъ, что новый законъ не имѣетъ обратной силы на юридическія отношенія, уже разрѣшенныя рѣшеніемъ или мировою сдѣлкою. Основаніемъ такого заключенія онъ считаетъ то, что рѣшеніе и сдѣлка превращаютъ юрическое отношеніе въ совершенно новое. Здѣсь дѣйствительно происходитъ превращеніе, но основаніе его не то, которое указываетъ Савиньи, ибо онъ, такимъ образомъ, не придаетъ никакого значенія положенію, въ которомъ находится дѣло во время производства, послѣ подачи исковой жалобы. Между тѣмъ, если допустить уже мысль о превращеніи юридическаго отношенія въ новое, то оно одинаково относится какъ къ

рѣшенію и сдѣлкѣ, такъ и къ времени производства дѣла, вызваннаго жалобою. Главное основаніе здѣсь въ томъ, что юридическія отношенія, существовавшія прежде сами по себѣ, по волѣ лица становятся опредѣлившимися и пріобрѣтенными безъ всякаго отношенія къ ихъ первоначальному источнику (т. е. изъ договорныхъ соглашеній или предоставленнаго закономъ права на исковую жалобу). Тоже слѣдуетъ сказать и о мировой сдѣлкѣ, которая и Юстиніаномъ не отличается отъ судебнаго рѣшенія.

Если совершенно безразлично, проистекаетъ-ли правоотношеніе непосредственно изъ свободной воли лица или изъ закона, въ силу котораго человѣкъ пріобрѣтаетъ свое право, то нѣтъ никакой разницы въ томъ, достигается-ли это пріобрѣтеніемъ посредствомъ жалобы или другаго дѣйствія, превращающаго предоставленное закономъ право, въ собственное право даннаго лица; всякое потестативное право (Optionsrecht) можетъ также сдѣлаться пріобрѣтеннымъ, посредствомъ дѣйствія лица, основаннаго на свободной волѣ.

Здѣсь авторъ указываетъ на то, что сказанный, логическій выводъ, усвоенъ юридическимъ чутьемъ французскихъ юристовъ. Изъ нихъ, Мерлинъ говоритъ, что законодатель никогда не связываетъ, когда предоставляетъ извѣстное право; онъ дозволяетъ, но не обязываетъ; онъ сохраняетъ, такимъ образомъ, не всегда за собою власть взять назадъ свое дозволеніе,—и тѣ, которыхъ онъ лишаетъ предоставленнаго имъ права, прежде чѣмъ они успѣли имъ воспользоваться, не имѣютъ никакого повода за это на него жаловаться. Но такъ какъ въ основаніе этой мысли не положено никакихъ теоретическихъ принциповъ, то она отличается односторонностью, принимаетъ характеръ формулы и не всегда проводится логически послѣдовательно.

Если новый законъ отмѣняетъ старый, предоставлявшій третьимъ лицамъ право возраженія противъ извѣстныхъ дѣйствій и договоровъ, то онъ получаетъ немедленное примѣненіе и нельзя утверждать чтобы онъ имѣлъ обратное дѣйствіе,

ибо право, принадлежавшее третьимъ лицамъ, вытекало изъ закона и исчезаетъ съ отмѣною его.

Основаніе здѣсь простое. Ни по какой фикціи невозможно утверждать, чтобы договаривающіяся стороны сами молчаливо признавали за третьими лицами право идти противъ собственной ихъ воли. Точно также и третьими лицами не сдѣлано никакого дѣйствія, которымъ они могли-бы пріобрѣтать право на возраженіе, въ силу акта своей собственной воли. Право третьихъ лицъ вытекаетъ, такимъ образомъ, непосредственно и исключительно изъ закона и исчезаетъ вмѣстѣ съ нимъ.

Мерлинъ неправильно разсуждаетъ, что право возраженія третьихъ лицъ противъ дѣйствительности брака, есть право пріобрѣтенное, котораго новый законъ касаться не можетъ.

По §§ 972 и 973 всеобщаго земскаго права, только тѣ лица имѣютъ право требовать недѣйствительности брака, которымъ законъ предоставляетъ право взыскивать за обойденное препятствіе къ браку, а именно—отцу, при отсутствіи его согласія на вступленіе въ бракъ. Здѣсь нѣтъ пріобрѣтеннаго права ни для отца, ни для сына, вступившаго въ бракъ безъ его согласія. Для перваго, право вытекаетъ изъ закона, а второй, поставилъ недѣйствительность брака въ зависимость не отъ своей собственной воли, а отъ воли отца, и потому онъ ничего не можетъ имѣть противъ того, что новый законъ вступаетъ въ силу въ отношеніи къ отцу.

Другое дѣло § 182 Cod. Nap., гдѣ право требовать недѣйствительности брака, вслѣдствіе несогласія отца, предоставлено не только этому послѣднему, но и лицу, вступившему въ бракъ безъ этого согласія; здѣсь право предоставленное закономъ сыну, будто молчаливо опредѣлено заранѣе его волею. Съ изданіемъ новаго закона, отмѣняющаго необходимость согласія отца на вступленіе въ бракъ дѣтей, отецъ потерялъ право на жалобу о недѣйствительности брака, ибо оно никогда не дѣлалось его пріобрѣтеннымъ правомъ. Сынъ же, котораго право слѣдуетъ считать молчаливо установленнымъ, въ силу его собственнаго дѣйствія, можетъ и до, и послѣ изда-

нія новаго закона, доколѣ не потерялъ только срока, подать жалобу о недѣйствительности брака, если только не имѣются въ виду особыя основанія, о которыхъ будетъ рѣчь ниже.

Развитое здѣсь основное правило имѣетъ мѣсто также и при выкупѣ родоваго имущества. Если новый законъ отмѣняетъ старый, допускавшій право выкупа родовыхъ имуществъ, то родственники, невоспользовавшіеся своимъ правомъ до изданія новаго закона, лишаются его, хотя бы договоръ продажи совершенъ былъ и до изданія новаго закона.

Если единственный основной принципъ о необратномъ дѣйствіи закона, заключается исключительно въ сохраненіи свободы дѣйствія человѣка, то *новый законъ можетъ измѣнить уже осуществившіяся права, если онъ только ставитъ для сохраненія ихъ условіе, исполненіе котораго зависитъ вполнѣ отъ воли человѣка* (установленіе новыхъ сроковъ или сокращеніе старыхъ, установленіе обязательности явки уже состоявшихся актовъ и т. п.). Здѣсь разрушеніе права зависитъ отъ того, что лицо не исполняетъ требуемаго закономъ условія по своей собственной волѣ и, слѣдовательно, само этого желаетъ. Отсюда слѣдуетъ, что установленныя юристами формулы о значеніи, такъ называемыхъ, faits accomplis и tempus regit actum, для обратнаго дѣйствія закона, не отличаются общимъ характеромъ, ибо въ указанныхъ выше случаяхъ, осуществившіяся уже права подлежатъ измѣненію и договоры могутъ быть обсуживаемы не по однимъ законамъ времени ихъ совершенія, но и по новымъ. Единственнымъ основнымъ началомъ является, такимъ образомъ, дѣйствіе лица, какъ актъ его собственной воли.

Требованіе исполненія новаго условія, зависящаго отъ воли лица, нельзя считать установленіемъ обратной силы закона на осуществившіяся уже права, ибо это значило-бы оспаривать у государства его положительное право требовать отъ лица совершенія извѣстнаго дѣйствія, какъ условія сохраненія гражданской защиты правъ, какъ напримѣръ: изложенія послѣдней воли во вновь измѣненной формѣ, ипотекарной записи залоговыхъ сдѣлокъ, сокращенія срока жалобы и т. п.

Здѣсь самое измѣненіе условія ставится въ совершенную зависимость отъ воли лица, которая новымъ закономъ не уничтожается; можно сказать только, что новый законъ тягостенъ, но нельзя утверждать, чтобы онъ установлялъ обратное дѣйствіе.

Авторъ приводитъ примѣры изъ положительныхъ законодательствъ, изъ которыхъ видно, что его основной принципъ безсознательно проводился на практикѣ.

Въ § 16 введенія ко всеобщему земскому праву, говорится: „Если внѣшняя форма дѣйствія измѣняется и это предписаніе закона должно быть соблюдаемо при всѣхъ, еще возможныхъ къ измѣненію дѣйствіяхъ, то законъ долженъ для этого опредѣлить достаточный срокъ".

Точно также § 7 патента 9 сентября 1814 г., изданнаго для провинцій по ту сторону Эльбы, постановляетъ: „всѣ духовныя завѣщанія, писанныя и подписанныя рукою завѣщателя, совершенныя безъ всякаго соблюденія формы, равно и явленныя у нотаріуса, остаются въ силѣ еще въ теченіе одного года. По истеченіи-же года, при недостаткѣ формальныхъ условій завѣщаній, наступаетъ право наслѣдованія по закону, если только не будетъ доказана фактическая невозможность исполненія условій новаго закона". Борнеманнъ неправильно считаетъ первый законъ имѣющимъ обратное дѣйствіе, а Савиньи напрасно считаетъ второй законъ оригинальнымъ. По мнѣнію автора, оба они сходны съ его выводами, ибо установленіе срока необходимо для того, чтобы новое условіе закона могло быть выполнено по волѣ лица, ибо, безъ установленія срока или при другой фактической невозможности исполнить требуемое закономъ условіе, осуществленіе послѣдняго ставилось-бы въ зависимость не исключительно отъ воли лица, а отъ непреодолимыхъ препятствій, отъ его воли независящихъ.

Авторъ указываетъ также, что еще Юстиніанъ (Нов. 66 гл. I § 4), сохраняя для совершенныхъ уже завѣщаній старыя формы, объясняетъ это фактическою невозможностью соблюденія формъ новаго закона или, другими словами, не

всегда существующею зависимостью исполненія отъ свободной воли завѣщателя.

Дальнѣйшій матеріалъ, въ подтвержденіе своего взгляда, авторъ отыскиваетъ также въ актахъ французскаго законодательства, въ законахъ конвента и законодательнаго корпуса и приводитъ мнѣніе Мерлина по тому же предмету, которое, въ окончательныхъ выводахъ, совершенно согласно съ его мнѣніемъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ доказываетъ, какъ французскіе юристы, находясь подъ господствомъ общаго принципа, никакъ не могутъ, однако, до него возвыситься.

Сроки, будутъ-ли они установлены молчаливо или положительно, могутъ быть сокращаемы новымъ закономъ, не оказывая обратнаго дѣйствія, если для сохраненія права, о коемъ рѣчь идетъ, достаточно одной индивидуальной воли лица. Они, напротивъ, не могутъ быть сокращаемы, если для сохраненія своего права, лицо нуждается еще въ другомъ условіи, лежащемъ внѣ его индивидуальной воли. Такъ напр., при сокращеніи срока давности, лицо имѣетъ возможность удержать свое право путемъ жалобы, подача которой въ срокъ зависитъ исключительно отъ его воли. Между тѣмъ, сохраненіе права должникомъ (по закону, существовавшему въ XVIII столѣтіи, въ округѣ Тулузскаго парламента), коего имущество подверглось принудительной продажѣ, требовать обратно своего имущества, подъ условіемъ возвращенія покупной цѣны и возмѣщенія расходовъ въ теченіи извѣстнаго времени, зависитъ не отъ одной его воли, а еще и отъ другаго условія—имѣнія въ наличности необходимыхъ, для этого, денежныхъ средствъ. Поэтому, сокращеніе срока въ этомъ послѣднемъ отношеніи, составляло-бы обратное дѣйствіе закона.

Юстиніанъ (Нов. 120, гл. 8), установляетъ, чтобы собственникъ имущества, отданнаго на правахъ эмфитевта, имѣлъ право уничтожить договоръ, если эмфитевтуарій не уплатитъ канона въ теченіи 2-хъ лѣтъ, и распространяетъ этотъ законъ и на заключенные уже до него договоры. Здѣсь нѣтъ обратнаго дѣйствія закона, ибо условіе, исполненіе котораго требуется новымъ закономъ, можетъ быть исполнено эмфитев-

туаріемъ, по его волѣ, потому что законъ требуетъ только ненарушенія добровольно принятой обязанности, которое должно быть признано содержащимся въ свободной волѣ лица.

Такъ какъ Юстиніановъ законъ относится къ случаямъ, когда эмфитевтуарій, въ теченіе 2-хъ лѣтъ, канона не *уплатитъ*, то онъ не можетъ относиться къ тѣмъ случаямъ, когда канонъ уже *не былъ уплаченъ*, ибо, въ противномъ случаѣ, исполненіе новаго закона было бы поставлено въ зависимость отъ событій прошедшихъ, ненаходящихся болѣе въ зависимости отъ воли лица.

При обратномъ случаѣ, т. е. когда бы послѣ этого закона Юстиніана вышелъ новый законъ, который отмѣнилъ бы право собственника на уничтоженіе договора эмфитевта, въ случаѣ неплатежа канона въ теченіе 2-хъ лѣтъ, то онъ не могъ-бы относиться къ договорамъ, уже заключеннымъ: ибо право собственника на уничтоженіе договора имъ пріобрѣтено, сохраненіе же этого права за собою, не зависитъ отъ его воли, ибо уплата канона, какъ условіе, устраняющее дѣйствіе стараго закона, зависитъ исключительно отъ воли эмфитевтуарія.

Тотъ-же принципъ проводится, хотя и несознательно, въ Баденскомъ законѣ (добавленіе ко 2 ст. Cod. Napol.), который гласитъ: „Будущія послѣдствія прошедшаго событія могутъ быть измѣняемы новымъ закономъ, не оказывая обратнаго дѣйствія, если онъ издается до наступленія случая, порождающаго эти послѣдствія". Примѣняя этотъ законъ къ случаю эмфитевта, вышеприведенному, мы увидимъ, что онъ въ результатѣ своемъ совершенно правиленъ. Если подъ будущими послѣдствіями разумѣть *уничтоженіе* договора, подъ прошедшимъ событіемъ—самый *договоръ*, и подъ наступающимъ послѣ изданія закона *случаемъ*—неплатежъ канона, то, съ примѣненіемъ Баденскаго закона, мы придемъ къ тому же заключенію, къ которому приходитъ и авторъ. Но основаніемъ тому, что новый законъ не можетъ оказать измѣняющаго дѣйствія, слѣдуетъ считать не то, что онъ изданъ послѣ наступленія случая, влекущаго за собою уничтоженіе договора, а единствен-

но лишь то, что наступленіе самого случая поставлено въ исключительную зависимость отъ воли лица, чье право уменьшается, ослабляется, или чья обязанность усиливается.

Точно также авторъ признаетъ правильнымъ толкованіе со стороны французскихъ юристовъ ст. 1912 Cod. Näpol. Въ ней установливается правило, что должникъ по вѣчной рентѣ, можетъ быть вынужденъ къ уплатѣ капитала, если онъ не исполняетъ своихъ обязанностей въ теченіе двухъ лѣтъ. Французскіе юристы правильно находятъ, что законъ этотъ примѣняется и къ договорамъ, совершеннымъ до изданія кодекса Наполеона, если *только* двухгодичный срокъ истекаетъ во время его дѣйствія. Такимъ-же образомъ, французскіе юристы правильно истолковываютъ смыслъ ст. 1977, въ которой постановлено, что тотъ, въ чью пользу по куплѣ-продажѣ установляется пожизненная рента, имѣетъ право на уничтоженіе договора, если должникъ отказывается представить установленное въ договорѣ обезпеченіе. Юристы распространяютъ дѣйствіе этого закона и на договоры о пожизненной рентѣ, заключенные до изданія кодекса.

Но совершенно неправильно французскіе юристы распространяютъ на прежніе договоры дѣйствіе закона, изображеннаго въ ст. 1978 кодекса. Въ ней поставлено, что одно только непроизводство платежа пожизненной ренты, не даетъ кредитору ея права на требованіе самого капитала. Очевидно, что распространеніе силы этого закона на договоры, совершенные при дѣйствіи законовъ, предоставившихъ кредитору право на обратное требованіе капитала, неправильно: ибо, въ такомъ случаѣ, кредиторъ насильственно лишается уже пріобрѣтеннаго права, которое могло служить единственнымъ побужденіемъ къ заключенію самого договора и удержаніе котораго, по изданіи новаго закона, постановлено въ зависимость не отъ воли кредитора, а отъ дѣйствій должника.

Переходя затѣмъ къ разсужденіямъ объ обратной силѣ законовъ въ отношеніи дара, авторъ указываетъ на неправильное мнѣніе Вебера, полагающаго, что при обратномъ требованіи дара, вслѣдствіе неблагодарности или рожденія у да-

рителя новыхъ дѣтей, слѣдуетъ руководствоваться не законами, дѣйствовавшими при совершеніи дара, а тѣми, которые дѣйствуютъ во время подачи жалобы. Мнѣніе это основано на томъ, что остающееся въ силѣ дареніе обезсиливается лишь подачею жалобы. Такого-же мнѣнія придерживается и Мееръ, но по другому основанію, а именно потому, что стороны, при совершеніи акта даренія, не могли-же думать о событіяхъ, которыя суть не болѣе какъ случайныя послѣдствія.

Савиньи, правда, доказываетъ нелѣпость этихъ мнѣній и приходитъ къ слѣдующему заключенію, что въ этихъ случаяхъ главное значеніе имѣютъ законы, дѣйствовавшіе во время совершенія дара, а не законы, существовавшіе во время наступленія событій, дающихъ основаніе къ обратному требованію дара или во время подачи жалобы. Но это мнѣніе, утверждаетъ авторъ, неправильно. Здѣсь слѣдуетъ различать двѣ вещи: 1) основаніе неблагодарности—отъ основанія рожденія у дарителя новыхъ дѣтей и 2) установлены-ли основанія къ обратному требованію дара законами, дѣйствовавшими при самомъ его совершеніи и затѣмъ отмѣнены новымъ закономъ, если же наоборотъ: не установлены вовсе старыми законами, а введены лишь новымъ закономъ?

Если основанія къ обратному требованію дара установлены законами, дѣйствовавшими во время совершенія его, то нѣтъ никакого различія между обоими основаніями (неблагодарностью и рожденіемъ новыхъ дѣтей), ибо только подъ этими условіями даритель и совершилъ даръ; а потому, примѣненіе новаго закона, непризнающаго болѣе сказанныхъ основаній молчаливыми условіями дара, было бы насиліемъ воли дарителя. Если же основанія къ обратному требованію дара установлены новымъ закономъ послѣ его совершенія, то здѣсь уже должно быть сдѣлано различіе между неблагодарностью и рожденіемъ дѣтей. При рожденіи у дарителя новыхъ дѣтей, одаренный имѣетъ полное основаніе утверждать, что онъ вовсе не принялъ-бы дара, если бы зналъ, что онъ можетъ подлежать возврату, вслѣдствіе наступленія событія, предупрежденіе котораго съ его стороны невозможно.

Но этого самого онъ сказать не можетъ по отношенію къ неблагодарности (если она только не послѣдовала уже до изданія новаго закона), ибо отъ него зависитъ воздерживаться отъ неблагодарности и такимъ образомъ удержать за собою свое право. Здѣсь не лишаютъ его *права на благодарность*; ибо такого права нѣтъ, а тѣмъ менѣе не можетъ быть рѣчи о его пріобрѣтеніи. Если онъ лишается здѣсь какого либо права, то это право на совершеніе извѣстныхъ дѣйствій; но это такого рода абстрактная способность, сообщаемая самимъ закономъ, которая, по общему мнѣнію, можетъ быть подвергаема измѣненію со стороны новаго закона.

Лицо можетъ обезпечивать права себѣ и другимъ лицамъ, своими дѣйствіями, односторонними или двусторонними договорами, только тогда и въ такой мѣрѣ, когда и въ какой мѣрѣ это дозволяется дѣйствующими законами.

Хотя это положеніе чрезвычайно просто, тѣмъ не менѣе авторъ считаетъ необходимымъ развить его подробнѣйшимъ образомъ именно потому, что небреженіе имъ послужило источникомъ многихъ затрудненій и ошибокъ.

Первое и прямое слѣдствіе этого положенія слѣдующее: лицо можетъ обезпечивать себѣ и другимъ права лишь въ такой мѣрѣ и на такое далекое время, въ какой мѣрѣ и на какое время дѣйствующіе въ каждое данное время законы, считаютъ эти правовыя отношенія дозволенными. Другими словами, въ этомъ заключается основная мысль разрѣшительнаго воздѣйствія (но нисколько не обратнаго дѣйствія) запретительныхъ или принудительныхъ законовъ, на заключенные до изданія ихъ договоры. Правомѣрность такого воздѣйствія оправдывается слѣдующимъ положеніемъ: *въ каждомъ договорѣ слѣдуетъ предполагать молчаливую добавку о томъ, что выговоренныя въ немъ для себя и другихъ лицъ права, лишь на столь долго остаются дѣйствительными, на сколь долго законодательство считаетъ такое право вообще дозволеннымъ.* Эту добавку слѣдуетъ еще тѣмъ болѣе считать какъ бы изъявленіемъ воли самихъ сторонъ, что противоположная воля была бы са-

ма въ себѣ незаконна и недѣйствительна. Основаніе этого заключенія состоитъ въ слѣдующемъ. Единственный источникъ права есть всеобщее сознаніе всего народа. Савиньи развилъ до ясности эту идею Гегеля, но не воспользовался ея послѣдствіями, т. е. тѣмъ выводомъ, что лицу юридически нѣтъ никакой возможности отречься отъ общенія съ этою всеобщею субстанціею права, и, разорвавъ свою связь съ нею, держаться твердо противъ ея наступательной силы. Такое намѣреніе составляло бы абсолютное неправо и подорвало-бы въ самомъ основаніи сущность правоваго принципа, который именно содержится въ этомъ отношеніи или другими словами, въ томъ, что все, что въ каждое время составляетъ абсолютное содержаніе всеобщаго сознанія, существуетъ и для каждаго лица въ отдѣльности. Пріобрѣтать право и желать въ тоже время охранять его и на такое время, въ которое всеобщее сознаніе не будетъ болѣе считать это право возможнымъ и дозволеннымъ, значило бы въ одно и тоже время *установлять и разрушать, призывать и исключать* тотъ юридическій титулъ, на основаніи котораго что либо пріобрѣтается, т. е. соотвѣтствіе со всеобщимъ народнымъ сознаніемъ, которое составляетъ главный источникъ права. Исключеніе воздѣйствія всеобщаго правоваго воззрѣнія возможно лишь при отказѣ отъ пріобрѣтенія; пріобрѣтающій же, этимъ самымъ актомъ, признаетъ обязательную силу всеобщаго сознанія.

Все сказанное имѣетъ мѣсто также по отношенію къ такимъ законамъ, которыми разрѣшалось-бы отдѣльнымъ лицамъ обезпечивать себѣ право in aeternum, съ положительнымъ исключеніемъ всѣхъ возможныхъ въ будущемъ запретительныхъ законовъ. Такіе законы не могли-бы притязать на большую продолжительность, чѣмъ всякій другой законъ, т. е. на болѣе долгій періодъ времени, чѣмъ періодъ его законнаго существованія. Будучи слѣдствіемъ одного лишь ошибочнаго пониманія внутренней и вѣчной природы права, такіе законы должны были-бы исчезнуть сами собою, безъ всякаго слѣда, при лучшемъ сознаніи идеи права, въ которой осуществляется всеобщій современный разумъ. По мнѣнію автора, никто изъ лю-

дей не въ состояніи забить клинъ въ почву права и такимъ образомъ суверенно стать выше всѣхъ временъ и всѣхъ будущихъ запретительныхъ законовъ, точно также какъ невозможно забить клинъ въ земной шаръ и желать, чтобы первый оставался на томъ же мѣстѣ и тогда, когда земной шаръ, въ который онъ забитъ, придетъ въ движеніе.

Переходя, затѣмъ, къ дальнѣйшему развитію своей мысли, авторъ останавливается на ученіи о пріобрѣтенныхъ правахъ, изложенномъ въ философіи права Шталя. По мнѣнію послѣдняго, пріобрѣтенныя права предполагаютъ извѣстныя дѣйствія, событія и положенія; а защиту ихъ онъ основываетъ на томъ, что человѣкъ есть *дѣйствующій субъектъ* и что это лежитъ въ самой природѣ человѣка — дѣйствовать во имя своего состоянія и съ цѣлью его сохраненія. Такимъ образомъ, по мнѣнію Шталя, правовое состояніе человѣка является не однимъ лишь слѣдствіемъ его понятія какъ личности, но отчасти его собственнымъ твореніемъ, результатомъ его собственныхъ дѣйствій, а относительно, и дѣйствій другихъ лицъ, такъ что, съ непризнаніемъ за человѣкомъ его правоваго состоянія, имъ самимъ для себя созданнаго, онъ лишается своей *самопричинности*. Поэтому Шталь приходитъ къ выводу, что правовое состояніе человѣка, имъ самимъ созданное или пріобрѣтенное въ силу извѣстныхъ событій, согласно съ существующимъ въ то время порядкомъ, составляетъ какъ-бы продолженіе его собственной личности и не можетъ быть у него отнято. Въ противномъ же случаѣ, человѣкъ, по мнѣнію Шталя, разсматривался-бы не какъ лицо, а лишь какъ понятіе или объектъ, которому извѣстныя дѣйствія присущи по необходимости.

Авторъ полагаетъ, что въ самыхъ выраженіяхъ Шталя, что лицо составляетъ дѣйствующій субъектъ и должно, поэтому, само быть причиною своего правоваго состоянія, уже сказывается выставленный имъ принципъ объ индивидуальной свободѣ воли человѣка, но не съ такою ясностью, съ какою онъ развивается у него, а именно въ томъ смыслѣ, что уничтоженіе или нарушеніе дѣйствія человѣка, основаннаго на свободной индивидуальной волѣ, составляетъ искаженіе сознанія и

воли субъекта, уничтожаетъ понятіе о субъективномъ духѣ, его свободу и вмѣняемость, превращаетъ духъ человѣка въ вещь. Такимъ образомъ, по мнѣнію автора, и идея о пріобрѣтенныхъ правахъ зиждется на самомъ понятіи о человѣкѣ, и послѣдній, пользуясь защитою въ отношеніи къ этимъ правамъ, равнымъ образомъ разсматривается лишь какъ извѣстное понятіе, которому по необходимости присущи извѣстныя дѣйствія.

Не возражая ничего противъ этого послѣдняго положенія, Шталь, по мнѣнію автора, впадаетъ въ рѣзкія противорѣчія. Считая основаніемъ пріобрѣтенныхъ правъ извѣстныя *дѣйствія*, *событія* и *положенія*, Шталь упускаетъ изъ виду то, что дѣйствія съ одной, и событія и положенія съ другой стороны, составляютъ совершенно противоположныя другъ другу вещи; ибо если защита пріобрѣтенныхъ правъ должна, по мнѣнію Шталя, основываться на томъ, что лицо само есть причина своего состоянія, есть дѣйствующій субъектъ, что его состояніе должно быть его собственнымъ дѣломъ, то она должна быть дана во имя собственныхъ индивидуальныхъ дѣйствій лица, но не во имя того, что возникло для него въ силу извѣстныхъ событій и положеній, потому что эти послѣднія вѣдь не коренятся въ самопричинности дѣйствующаго субъекта, которая ни въ чемъ, такимъ образомъ, не нарушается, если лишаетъ лицо элементовъ, изъ нея невытекающихъ. Если въ основаніи пріобрѣтенныхъ правъ лежатъ событія и положенія, то и дѣйствія третьихъ лицъ и права, предоставляемыя закономъ, подъ господствомъ котораго мы родимся и живемъ, должны также порождать для насъ пріобрѣтенныя права. Но дѣйствія третьихъ лицъ и предоставляемыя закономъ права, нисколько не вытекаютъ изъ дѣйствій лица, основанныхъ на свободной волѣ, а потому они не могутъ служить основаніемъ для пріобрѣтенія права. Между тѣмъ, Шталь считаетъ совершенно тождественнымъ и дѣйствія лица, и событія, и положенія. Отсюда является естественнымъ слѣдствіемъ то, что выставленное имъ основаніе для защиты пріобрѣтенныхъ правъ—признаніе лица *дѣйствующимъ субъектомъ*, не можетъ

имѣть никакого примѣненія къ тому, что имъ же самимъ утверждается, ибо событія и положенія никакъ нельзя считать результатами дѣйствій лица. Такимъ образомъ, превращеніе, со стороны Шталя, рѣзко противоположныхъ между собою понятій въ тождественныя, составляетъ для философскаго сочиненія неизвинительный недостатокъ простаго логическаго мышленія, если смѣшеніе это сдѣлано безсознательно, а если сдѣлано сознательно, то оно составляетъ просто противную софистику.

Доказывая, что Шталь въ своей философіи права признаетъ пріобрѣтенными и права, предоставляемыя закономъ, авторъ приводитъ затѣмъ мнѣніе Шталя о томъ, что и „политическія положенія“ должны также разсматриваться какъ пріобрѣтенныя права. По мнѣнію Шталя, права разъ возникшія правомѣрно, должны быть уважаемы и защищаемы въ силу права личности, даже въ томъ случаѣ, когда правовое состояніе, изъ котораго политическія права и неравенства проистекли, само по себѣ было и несовершенно и несоотвѣтственно условіямъ времени. На этомъ основаніи Шталь считаетъ пріобрѣтенными и *права феодальныя*. Главный доводъ Шталя въ этомъ отношеніи заключается въ томъ, что „никакое время не можетъ быть призвано держать судъ надъ прошедшимъ и признавать или уничтожать возникшія прежде права, смотря потому, соотвѣтствуютъ-ли они условіямъ времени или нѣтъ“. Признавая правильность положенія, что никакое время не призвано держать судъ надъ прошедшимъ, авторъ не признаетъ сдѣланнаго Шталемъ изъ этого положенія вывода. По мнѣнію автора, именно автономія, признаваемая Шталемъ за каждымъ періодомъ времени, приводитъ по необходимости къ тому, что никакое время не должно стоять подъ господствомъ другаго и не должно быть поэтому также обязаннымъ допускать продолженіе дѣйствія того, что противорѣчитъ его правовому сознанію и разсматривается имъ отнынѣ не какъ право, а напротивъ, какъ несправедливость. Если бы настоящее стояло подъ правовымъ господствомъ прошедшаго, то было бы неправдою то, что каждое данное время отличается

автономіею; а если уже въ принципѣ признать, что одно время можетъ стоять подъ правовымъ господствомъ другаго, то было бы гораздо лучше установить обратное отношеніе и лучше поставить прошедшее подъ правовое господство болѣе мощнаго и болѣе развитаго настоящаго, и объявить дѣйствія, представляющіяся противозаконными по современному правовому сознанію, ничтожными также и по отношенію къ прошедшему.

Но, не останавливаясь, однако, на томъ, что дѣйствительность возникшихъ въ прошедшемъ правъ продолжается, несмотря на противорѣчіе ихъ съ правовымъ сознаніемъ настоящаго, Шталь выставляетъ также и ограниченіе, состоящее въ слѣдующемъ. По его мнѣнію, дѣйствительность пріобрѣтенныхъ правъ, подобно всякой человѣческой свободѣ, имѣтъ свой предѣлъ въ томъ, что по неотложной необходимости требуется идеею общественнаго состоянія и правоваго порядка, или естественнымъ, постепеннымъ его развитіемъ.

Но авторъ не признаетъ, того, чтобы человѣческая свобода встрѣчала въ чемъ либо предѣлы для своего развитія и чтобы отъ такихъ предѣловъ зависѣла дѣйствительность пріобрѣтенныхъ правъ. По мнѣнію автора, понятіе о свободѣ не имѣетъ предѣловъ, ибо все, что изъ него вытекаетъ, дѣйствительно, и то, что по недоразумѣнію принимается за его предѣлы, составляетъ, напротивъ, существо его бытія. Тѣмъ менѣе возможно признать, чтобы понятіе о свободѣ встрѣчало ограниченія въ идеѣ объ общественномъ состояніи, потому что они тождественны между собою, и общественное состояніе есть не болѣе какъ реализація понятія о свободѣ. Не свобода, а то, что ей противоположно, именно индивидуальный произволъ, встрѣчаетъ предѣлы, которые ставятся ему, напротивъ, положительною и существенною природою человѣческой свободы; а изъ этой послѣдней, но ни чуть не изъ постановленныхъ ей предѣловъ, вытекаютъ предѣлы для неограниченной продолжительности пріобрѣтенныхъ правъ. Абсолютные, запретительные законы всегда основываются на томъ, что часть человѣческой свободы, разсматривавшаяся

прежде какъ подлежащая отчужденію, теперь разсматривается какъ неотчуждаемая свобода человѣка, вслѣдствіе чего она ни по какой сдѣлкѣ не можетъ сдѣлаться или оставаться собственностью третьяго лица. Происходящая по этой причинѣ отмѣна пріобрѣтенныхъ кѣмъ-либо правъ на неотчуждаемое право свободы другаго индивида, основывается, такимъ образомъ, на положительномъ увеличеніи и расширеніи понятія о человѣческой свободѣ и ограничиваетъ лишь въ ея пользу право частнаго произвола разсматривать и на дальнѣйшее время, какъ подлежащее отчужденію то, что, благодаря болѣе высокому развитію правоваго сознанія, не входитъ болѣе въ сферу частнаго произвола и его господства, а проявляется какъ неотчуждаемая составная часть человѣческой свободы.

Независимо отъ сказаннаго, Шталь, утверждая, что дѣйствительность пріобрѣтенныхъ правъ имѣетъ свой предѣлъ въ томъ, что по неотложной необходимости требуется идеею общественнаго сознанія, не указываетъ никакого научнаго мѣрила, по которому можно было бы судить о томъ, гдѣ предстоитъ или не предстоитъ подобная необходимость, и ставитъ разрѣшеніе этого вопроса въ зависимость отъ практической потребности и субъективнаго воззрѣнія лицъ, его обсуживающихъ.

Правда, указывая на то, какъ вслѣдствіе правовой природы индивидуальной воли, отмѣна существующаго права новыми запретительными законами, не разрушаетъ правоваго порядка, какъ противостоящая ему фактическая необходимость, а, напротивъ, скрывается въ правѣ и волѣ человѣка, какъ внутренняя и предопредѣленная необходимость, самъ авторъ еще не выставилъ научнаго ученія, по которому можно былобы, въ каждое данное время, обсуживать необходимость и правомѣрность изданія запретительныхъ законовъ; но онъ ниже займется развитіемъ этого предмета, который выяснится, между прочимъ, и изъ болѣе глубокаго проникновенія въ сущность запретительныхъ законовъ и содержащагося въ нихъ различія. Между тѣмъ, ученіе Шталя сводится, по мнѣнію

автора, къ слѣдующему: необходимо, чтобы пріобрѣтенныя права сохранялись, если только не представляется необходимости отмѣнить ихъ ради общественнаго блага. Такое положеніе лишено всякаго научнаго достоинства.

Сознавая, однако, нужду обозначить въ чемъ именно должна состоять необходимость, Шталь утверждаетъ, что она выражается въ „необходимости общественной“, т. е. „въ неоспоримой потребности въ здоровомъ, успѣшномъ удержаніи существующаго и въ органическомъ развитіи, но не въ одной только пользѣ.“ Различіе, установленное Шталемъ между пользою и удержаніемъ существующаго, есть тоже различіе, какое въ частныхъ правоотношеніяхъ существуетъ между пользою (lucrum) и устраненеміемъ вреда (damnum). Такимъ образомъ, Шталь говоритъ объ общественной необходимости, выражающейся въ матеріальномъ, экономическомъ благосостояніи народа, но не о необходимости, коренящейся въ духовномъ, правовомъ сознаніи общества, недопускающемъ никакихъ количественныхъ различій. Въ отношеніи къ народнымъ интересамъ невозможно примѣненіе различій, открывающихся въ частныхъ правоотношеніяхъ. Никогда нельзя констатировать ни духовнаго, ни матеріальнаго состоянія народа, а тѣмъ менѣе опредѣлить результатъ извѣстнаго мѣропріятія въ такой степени, чтобы можно было заранѣе предвидѣть, не будетъ-ли полезное мѣропріятіе имѣть своимъ послѣдствіемъ даже вредъ, и не будетъ-ли имѣть своимъ послѣдствіемъ одну лишь пользу такое мѣропріятіе, которое, должно имѣть своею задачею сохраненіе національнаго благосостоянія, или, другими словами, не удержалось-ли бы народное состояніе на томъ-же современномъ уровнѣ и безъ такого мѣропріятія. Здѣсь границы найти невозможно, ибо съ понятіемъ о народѣ, въ отличіе отъ частнаго лица, тѣсно связано понятіе о развитіи, а слѣдовательно и о пользѣ, если уже приходится говорить о ней по аналогіи.

Народъ, который не развивается, слѣдовательно не размножаетъ своей пользы, не остается на своемъ современномъ уровнѣ, а идетъ назадъ. Стало быть, размноженіе пользы уже

необходимо народу для того, чтобы сохранить, какъ говоритъ Шталь, въ здоровомъ состоянiи существующее. Въ сущности самъ Шталь очень хорошо сознаетъ тоже самое, ибо онъ говоритъ о сохраненiи „въ здоровомъ и успѣшномъ“ состоянiи существующаго, объ органическомъ, естественномъ и постепенномъ развитiи, т. е. о такихъ понятiяхъ, которыя совершенно тождественны съ понятiемъ „польза,“ а потому онъ въ сущности говоритъ о такой общественной необходимости, которая имѣетъ своею цѣлью достиженiе общественнаго благосостоянiя въ смыслѣ пользы.

Затѣмъ авторъ приводитъ выводы, къ которымъ приходитъ Шталь на основанiи своей теорiи о прiобрѣтенныхъ правахъ. Выводы эти слѣдующiе: 1) работорговцы напрасно ссылаются на свое jus quaesitum, ибо прiобрѣтенныя права не могутъ считаться неприкосновенными, коль скоро ими нарушается право личности другихъ лицъ; 2) въ развитомъ государственномъ устройствѣ, въ которомъ каждому члену указывается на органическое положенiе въ ряду цѣлаго, въ сущности не можетъ имѣть мѣста на *будущее время* никакое неравенство, никакое прiобрѣтенiе новыхъ политическихъ правъ, имѣющее своимъ источникомъ однѣ лишь случайныя дѣйствiя отдѣльныхъ лицъ. 3) Въ великомъ всемiрно-историческомъ, постепенномъ развитiи общественнаго состоянiя, прiобрѣтенныя права отдѣльныхъ лицъ или классовъ, должны наконецъ уступить, но уступить, какъ право, отчасти признанное, т. е. подъ условiемъ вознагражденiя тамъ, гдѣ это возможно. Относительно перваго вывода, авторъ удивляется, отчего онъ не въ одинаковой степени примѣняется Шталемъ къ правамъ феодальнымъ, которыя, въ равной мѣрѣ, на различныхъ градацiяхъ, также нарушаютъ право личности другихъ лицъ. Относительно втораго вывода, авторъ, ссылаясь на то, что имъ ниже будетъ разработано по поводу этого вопроса, пока указываетъ на формулу Савиньи, по которой законы, опредѣляющiе бытiе правъ, оказываютъ обратное влiянiе на прежде прiобрѣтенныя права. По мнѣнiю автора, уже изъ одной этой формулы видно, что правовое содер-

жаніе, которое не можетъ болѣе возникать въ будущемъ, не можетъ также продолжаться, хотя получило начало въ прошедшемъ, и что первое должно служить мѣриломъ для втораго. Что же касается третьяго вывода, то авторъ переходитъ къ законамъ всемірно-исторической эпохи французской революціи и другихъ, чтобы на нихъ еще болѣе развить свою теорію объ абсолютныхъ законахъ.

Декреты 4-го августа 1789 (учредительнаго собранія), отмѣнившіе всѣ права, получившія начало въ феодальныхъ отношеніяхъ, не могутъ быть упрекаемы въ нарушеніи чьихъ либо правъ или въ обратномъ дѣйствіи. Права эти съ самаго начала пріобрѣтены были лишь до того времени, пока другая, исключающая форма, до которой дошло общественное сознаніе въ процессѣ своего развитія, не будетъ разсматривать бытіе ихъ какъ юридически невозможное, пока она не признаетъ въ нихъ бытіе неправа, вмѣсто права.

Мерлинъ оправдываетъ необратность дѣйствія указанныхъ декретовъ тѣмъ, что они на самомъ дѣлѣ не оказываютъ обратнаго дѣйствія: ибо, воскресивъ законъ, написанный въ вѣчномъ и непогашаемомъ никакою давностью кодексѣ природы, они уничтожаютъ своимъ всемогуществомъ тѣ дѣйствія, которыя, во время дремоты этого закона, посягали на священнѣйшія права человѣка. Но эти соображенія имѣютъ въ своемъ основаніи одно лишь вѣрное чутье, но не могутъ считаться научно-юридическими. Точно также авторъ не признаетъ правильными разсужденія Мерлина относительно фидеикомисарныхъ субституцій, отмѣненныхъ закономъ 14-го ноября 1799 г. Мерлинъ признаетъ, что здѣсь имѣетъ мѣсто обратное дѣйствіе, но онъ оправдываетъ его тѣмъ соображеніемъ, что интересъ общій, государственный, долженъ стоять выше частныхъ интересовъ. Между тѣмъ авторъ полагаетъ, что объ обратномъ дѣйствіи невозможно говорить тамъ, гдѣ рѣчь идетъ о законѣ, отмѣняющемъ *дальнѣйшее существованіе* фидеикоммисарныхъ субституцій. Политическія основанія ни въ какомъ случаѣ не могутъ служить оправданіемъ обратнаго дѣйствія закона. Вся суть здѣсь въ томъ, что при самомъ

учрежденіи субституцій слѣдуетъ предполагать, что онѣ учреждаются на законномъ основаніи и на такое время, пока это дозволено будетъ закономъ: ибо всякое другое опредѣленіе въ противуположномъ смыслѣ, было-бы также недѣйствительно, какъ постановленное вопреки запрещающему его закону.

На томъ-же основаніи авторъ признаетъ неправильными разсужденія Савиньи, по которымъ законы, отмѣняющіе или измѣняющіе извѣстные институты права, не могутъ имѣть дѣйствія лишь при жизни носителя пріобрѣтенныхъ правъ. По мнѣнію Савиньи, право наслѣдственное есть чисто позитивное и если новый законъ ставитъ этому праву извѣстные предѣлы, то въ этомъ нельзя видѣть пораженія пріобрѣтенныхъ правъ. Такимъ, напримѣръ, представляется законъ, который, въ видахъ прекращенія рабства, постановляетъ: чтобы наслѣдствомъ впредь не установлялось никакого права собственности на рабовъ. Точно также, по мнѣнію Савиньи, каждый человѣкъ не можетъ не признавать для себя обязательнымъ того юридическаго состоянія, которое онъ застаетъ при самомъ рожденіи своемъ. Поэтому, если до его рожденія какой-нибудь институтъ права подвергся отмѣнѣ или измѣненію, то онъ не можетъ утверждать, чтобы этотъ законъ въ чемъ либо нарушалъ его права,—и на этомъ основаніи Савиньи приходитъ къ заключенію, что законъ, отмѣнившій фидеикоммисъ, не нарушаетъ правъ тѣхъ лицъ, которыя родились уже послѣ его изданія.

Такимъ образомъ, по мнѣнію Савиньи, вопросъ объ обратномъ дѣйствіи закона, отмѣняющаго фидеикоммисы, ставится въ зависимость отъ смерти или рожденія лица, и установляется слѣдовательно, различіе по времени воспослѣдованія закона, смотря по тому, касается ли онъ правъ пріобрѣтенныхъ или непріобрѣтенныхъ. Между тѣмъ, по мнѣнію автора, совершенно безразлично, не пріобрѣтены-ли эти права или пріобрѣтены; ибо, какъ-бы эти права не считались уже пріобрѣтенными, они могутъ быть пріобрѣтаемы съ самаго начала лишь подъ тѣмъ непремѣннымъ условіемъ, чтобы не

приходить въ столкновеніе съ закономъ запретительнымъ. Ничто, по мнѣнію автора, не можетъ быть пріобрѣтаемо и все, что пріобрѣтено уже, не можетъ быть удерживаемо contra leges, какъ напр., рабы, крѣпостные и разные другіе объекты правъ или права, которыя прежде могли составлять чью-либо собственность, а потомъ изъемлются изъ оборота, какъ неподлежащія болѣе праву собственности, силою новаго закона.

Чтобы еще болѣе выяснить свою мысль о томъ, что фидеикомисарныя права, несмотря на то, что они уже пріобрѣтены, не могутъ продолжаться при изданіи новаго закона, который ихъ запрещаетъ, авторъ сравниваетъ ихъ, съ одной стороны, съ правами, возникающими по духовному завѣщанію, а съ другой, съ такъ называемымъ правомъ деволюціоннымъ.

Различіе, которое дѣлаютъ между отношеніями, возникающими изъ завѣщанія, и тѣми, которыя возникаютъ изъ фидеикоммисарныхъ субституцій, состоитъ именно въ томъ, что завѣщаніе составляетъ изъявленіе воли, подлежащее отмѣнѣ до смерти завѣщателя, и даетъ только надежду на право, но не пріобрѣтенное право, которое наступаетъ лишь со смертью завѣщателя. Между тѣмъ какъ право фидеикоммисарное отличается неотмѣнимостью и становится, поэтому, правомъ пріобрѣтеннымъ. Но что право фидеикоммиса, не смотря на всю свою неотмѣнимость, должно уступить силѣ запретительнаго закона, видно изъ такъ называемаго *права деволюціоннаго* (право дѣтей отъ 1-го брака на полученіе, послѣ смерти своего отца, вступившаго во 2-ой бракъ, всѣхъ тѣхъ имуществъ, которыя находились въ его фактическомъ владѣніи въ моментъ смерти матери). Въ силу этаго права, отецъ, съ момента смерти матери, былъ ограниченъ въ правѣ отчужденія и залога означенныхъ имуществъ. Вслѣдствіе отмѣны этаго права закономъ 8/15 апрѣля 1791 года, возникъ вопросъ: слѣдуетъ-ли примѣнять законъ, имѣвшій мѣсто въ моментъ смерти матери или отца, если новый законъ послѣдовалъ въ промежутокъ времени между смертью матери и

отца; или, другими словами, слѣдуетъ-ли считать имущества отца, коими онъ владѣлъ въ моментъ смерти матери, переходящими въ исключительную собственность къ дѣтямъ 1-го брака, такъ какъ они пріобрѣли ихъ въ моментъ смерти матери, когда еще дѣйствовалъ старый законъ, признававшій за ними это право; или слѣдуетъ допустить право наслѣдственнаго участія въ этихъ имуществахъ и дѣтей 2-го брака, на томъ основаніи, что дѣти 1-го брака могли получить эти имущества лишь послѣ смерти отца, которая послѣдовала при дѣйствіи новаго закона, непризнающаго болѣе деволюціоннаго права?

Парижскій и Берлинскій кассаціонные суды, при разрѣшеніи сказанныхъ вопросовъ, пришли къ тому заключенію, что слѣдуетъ примѣнить законъ, дѣйствовавшій въ моментъ смерти отца, и допустить дѣтей 2-го брака къ участію въ раздѣлѣ имущества, находившагося во владѣніи отца, въ моментъ смерти жены его по 1-му браку. Авторъ признаетъ самое рѣшеніе правильнымъ, но отвергаетъ мотивы, которые легли въ его основаніе. Парижскій судъ полагаетъ, что дѣти 1-го брака имѣли въ сущности одно только ожиданіе на полученіе имуществъ, между тѣмъ какъ авторъ утверждаетъ, что ихъ право на сказанныя имущества сдѣлалось неотмѣнимымъ съ самаго момента смерти матери своей. Берлинскій-же судъ принялъ слѣдующія основанія въ своемъ рѣшеніи: 1) дѣти 1-го брака могутъ получить означенныя имущества лишь послѣ смерти отца, почему моментъ этой послѣдней имѣетъ самое важное значеніе; 2) что въ случаѣ отчужденія мужемъ, вступившимъ во 2-ой бракъ, имуществъ своихъ послѣ смерти 1-ой жены, сдѣлка, бывшая при совершеніи своемъ ничтожною, становится дѣйствительною, когда дѣти 1-го брака умерли бездѣтно, ранѣе своего отца. Но оба эти основанія авторъ признаетъ неправильными потому: 1) что дѣти 1-го брака получаютъ право на упомянутыя имущества немедленно въ моментъ смерти матери, а смерть отца есть лишь тоже самое, что суспенсивное условіе въ договорѣ; 2) что, въ случаѣ бездѣтной смерти дѣтей 1-го брака до смерти отца,

сдѣлка, заключенная имъ относительно отчужденія или залога имущества, возстановляется въ силу того, что имущество, по смерти дѣтей, считается доставшимся отцу.

По мнѣнію же автора, основаніе этого закона заключается въ томъ, что не должно болѣе существовать вообще никакого пріобрѣтеннаго права на наслѣдованіе и что это послѣднее можетъ быть установляемо однимъ закономъ; поэтому, въ данномъ случаѣ не можетъ болѣе существовать никакого преимущественнаго права между дѣтьми одного и того же отца, и должно, стало быть, уступить и уже пріобрѣтенное право на наслѣдство, какъ пріобрѣтенное лишь до момента изданія новаго закона.

Савиньи полагаетъ, что когда рѣчь идетъ объ отношеніяхъ продолжающихся, то необходимо допустить, при изданіи отмѣняющаго ихъ закона, вознагражденіе посредствомъ выкупа.

Но авторъ считаетъ это мнѣніе крайне ошибочнымъ. По его теоріи, при самомъ установленіи продолжающихся правоотношеній, стороны подразумѣваютъ волю свою о продолженіи ихъ лишь до того времени, пока общественное сознаніе не выскажется противъ нихъ. Новый законъ ставитъ, такимъ образомъ, предѣлы существованію этого права. Признать право вознагражденія тамъ, гдѣ самое содержаніе отмѣненнаго правоотношенія считается противозаконнымъ со стороны общественнаго сознанія, значило бы, въ силу логики, тоже, что признать за извѣстными классами или лицами, право возлагать на общественное сознаніе контрибуцію за его способность къ дальнѣйшему развитію, и, вмѣстѣ съ тѣмъ, признать и то, что существуетъ какое то обязательное податное, крѣпостническое или вообще зависимое отношеніе общественнаго сознанія отъ управомоченныхъ классовъ или индивидовъ.

Чтобы точнѣе уяснить свою основную мысль и устранить всякое противорѣчіе, авторъ считаетъ необходимымъ нѣсколько остановиться и подробнѣе выяснить теорію вознагражденія

посредствомъ выкупа, дабы самими кажущимися исключеніями еще болѣе подтвердить основную мысль.

По мнѣнію автора, прежде всего слѣдуетъ обратить вниманіе на то, что именно исключается духовнымъ содержаніемъ общественнаго сознанія: само-ли правоотношеніе или опредѣленный только способъ примѣненія?

Юридически каждое право квалифицируется не только содержаніемъ собственности или требованія, на которое оно даетъ притязаніе, но и свойствомъ самого титула права, изъ котораго оно проистекаетъ. Я могу, напримѣръ, требовать одной и той же суммы денегъ, одного и того-же количества естественныхъ произведеній, однихъ и тѣхъ же услугъ на основаніи купли, права пользованія, эмфитевта, на основаніи договорнаго или законнаго пользованія, вещнаго или обязательственнаго права, на основаніи возмездной или безвозмездной сдѣлки и т. д. Такимъ образомъ, юридическая опредѣлительность дѣйствительнаго права проявляется лишь тогда, когда присоединяютъ къ содержанію и объекту права его титулъ.

Если, такимъ образомъ, отрицательное направленіе сознанія представляется цѣльнымъ, т. е. съ одной стороны изъемлется изъ дальнѣйшаго бытія опредѣленное вещное или обязательственное право, а съ другой, вмѣстѣ съ тѣмъ, запрещается возникновеніе изъ того-же титула вообще какого-либо права на объектъ существовавшаго до сихъ поръ права, то о вознагражденіи ни въ какомъ случаѣ и рѣчи быть не можетъ.

Если же запрещеніе новаго сознанія, признавая еще возможнымъ возникновеніе права изъ опредѣленнаго титула и на тотъ-же объектъ, касается лишь извѣстнаго, до того существовавшаго способа удовлетворенія права, вслѣдствіе вредности его или неудобности,—то здѣсь, разумѣется, наступаетъ лишь одно *преобращеніе* (Umwandlung), которое только по внѣшнему обманчивому виду принимаетъ форму вознагражденія, а въ сущности состоитъ въ переводѣ еще признаваемаго дѣйствующимъ правоотношенія, изъ запрещеннаго

способа удовлетворенія въ незапрещенный (подать съ чистаго, вмѣсто подати съ валоваго дохода, денежная подать вмѣсто натуральной и т. д.).

Затѣмъ авторъ старается примѣрами, болѣе нагляднымъ образомъ, подтвердить высказанную выше мысль.

Учредительное собраніе 1789 г. нашло въ феодальной системѣ, въ установленныхъ ею тягостяхъ, податяхъ, услугахъ и ограниченіяхъ всякаго рода, два вида правъ, принціально различныхъ между собою. Однѣ вытекали изъ господскихъ отношеній и коренились первоначально въ правахъ личныхъ; другія же первоначально основаны были въ надѣлѣ (Grund und Boden).

Что касается перваго рода отношеній, то всеобщее сознаніе признало, что не должно болѣе существовать никакого правоваго различія между людьми, или, другими словами, что изъ различія въ положеніи лицъ не можетъ проистекать никакихъ правъ. Такъ какъ здѣсь общественное сознаніе высказалось не только противъ дальнѣйшаго существованія этихъ правоотношеній, но и противъ самаго основанія, изъ котораго они проистекаютъ, то и не можетъ быть рѣчи о вознагражденіи.

Что же касается правоотношеній втораго вида, то здѣсь собственно не воспрещается возникновеніе права изъ того-же основанія и на тотъ-же объектъ (участіе въ доходахъ или право на личныя услуги за полученный въ надѣлъ поземельный участокъ); напротивъ, и впредь не запрещаются реальныя тягости и обязательственныя права на дѣйствія людей, а лишь извѣстный способъ удовлетворенія права (десятина, какъ повинность съ валоваго дохода, признана вредною въ томъ смыслѣ, что взиманіе ея препятствуетъ улучшенію почвы). Всѣ вообще реальныя повинности и права на личныя услуги признаны вредными потому, что ограничивали свободное пользованіе поземельною собственностью и произвели искуственное уменьшеніе поземельнаго дохода и обѣднѣніе массы. Здѣсь общественное сознаніе высказалось не противъ самаго права, а противъ его *невыкупаемости* (Unablösbarkeit), не противъ

субстанціи права, а противъ способа удовлетворенія, установленнаго договорными сдѣлками. Такъ какъ здѣсь не могло быть отмѣняемо болѣе того, что требовалось самимъ содержаніемъ общественнаго сознанія, то, разумѣется, подлежала отмѣнѣ одна лишь невыкупаемость сказанныхъ правъ, но не они сами. Это естественно повело къ выкупу, который только повидимому принялъ форму вознагражденія за лишеніе права, въ сущности же составлялъ лишь логически необходимое продолженіе того, что еще закономъ не запрещено. Если-бы хотѣли совсѣмъ отмѣнить эти права на томъ лишь основаніи, что не можетъ болѣе продолжаться опредѣленная форма, въ которой они были установлены, то управомоченныя лица могли-бы совершенно справедливо возразить, что если бы эта форма была запрещена при самомъ установленіи правъ, то они могли-бы обратиться къ другой, нынѣ незапрещенной формѣ.

Изъ сказаннаго слѣдуетъ, что, сверхъ подразумѣваемаго согласія на то, что каждое установляемое право можетъ продолжаться до тѣхъ только поръ, пока оно не будетъ противно общественному сознанію, слѣдуетъ еще добавить, какъ подразумѣваемое, и то, что

до тѣхъ поръ, пока изъ того же правоваго основанія и на тотъ-же объектъ вообще можетъ быть еще впредь пріобрѣтаемо притязаніе права и признаваемо, такимъ образомъ, юридически возможнымъ,—до тѣхъ поръ установленное лицомъ право можетъ продолжаться во всякой другой формѣ и опредѣлительности, которыя будутъ допускаться сознаніемъ новаго законодателя, т. е. во всякой формѣ, по которой изъ того же правоваго основанія и на тотъ же правовой объектъ еще могутъ быть пріобрѣтаемы права и по изданіи новаго закона. Нарушеніе этого подразумѣваемаго согласія сторонъ уничтоженіемъ всего права, было бы обратнымъ дѣйствіемъ.

Французскія собранія революціоннаго времени разрѣшили вопросы о феодальныхъ правахъ въ двухъ различныхъ видахъ, совершенно согласно съ приведенными выше началами. Прусскіе-же законы (2-го марта 1850 г.) повидимому устано-

вляютъ тѣ же правила, но въ сущности допускаютъ выкупъ и въ такихъ правоотношеніяхъ, которыя проистекаютъ изъ личныхъ, феодальныхъ отношеній.

Затѣмъ авторъ обращается къ дальнѣйшему развитію своей основной мысли и указанію случаевъ, которые допускаютъ или недопускаютъ выкупнаго вознагражденія.

Останавливаясь на отмѣнѣ крѣпостнаго права, авторъ говоритъ, что здѣсь не можетъ быть и рѣчи о выкупѣ, такъ какъ изъ такого правоваго основанія (верховнаго господства надъ лицомъ), по современному сознанію, никакое право не можетъ уже болѣе быть пріобрѣтаемо. Пріобрѣтеніе человѣка посредствомъ *купли* (допускаемаго и на будущее время титула пріобрѣтенія) не повело бы ни къ чему, ибо на такой *объектъ права* (лицо человѣка) сказанное основаніе не можетъ порождать болѣе никакого права. Исключеніе здѣсь, такимъ образомъ, тотальное, недопускающее никакого преобращенія.

Останавливаясь, затѣмъ, на отмѣнѣ права на охоту, авторъ говоритъ, что она, по общему правилу, проистекаетъ изъ феодальныхъ отношеній, а потому и здѣсь также происходитъ тотальное исключеніе. Но если самое право на охоту возникло не изъ феодальныхъ, а изъ договорныхъ отношеній, то здѣсь можетъ быть рѣчь о выкупѣ: ибо, и при изданіи новаго закона, незапрещается пріобрѣтеніе права на охоту на основаніи договора, а потому слѣдуетъ только перейти къ формѣ, закономъ незапрещенной, и допустить выкупъ. Недопускается выкупъ тамъ, гдѣ право на охоту удержано феодаломъ при уступкѣ крестьянамъ участка земли, ибо здѣсь это право, какъ исторически подтверждается, возникло изъ феодальныхъ отношеній. Но допускается опять выкупъ тамъ, гдѣ можетъ быть доказано, что собственность крестьянина на землю предшествовала установленію права на охоту, т. е. что владѣлъ этимъ правомъ прежде самъ крестьянинъ, но впослѣдствіи уступилъ его на основаніи договора; или-же тамъ, гдѣ право на охоту установлено одновременно съ уступкою участка земли, но между лицами равными по юридическому положенію (между господами или крестьянами), безъ

всякаго вліянія публичнаго права. Здѣсь нельзя доказывать невозможность выкупа тѣмъ, что хотя купля, сама по себѣ, еще допускается, какъ форма пріобрѣтенія другихъ правъ, но она не можетъ быть допускаема въ отношеніи такого *объекта правъ*, какимъ представляется дичь въ чужомъ участкѣ; ибо закономъ 31 октября 1848 года отмѣняются лишь вещныя права на охоту, но не личныя, основанныя на арендномъ правѣ.

Въ отношеніи отмѣны *свободы отъ поземельныхъ податей*, существовавшей для извѣстныхъ классовъ поземельныхъ собственниковъ, авторъ находитъ, что здѣсь правовое сознаніе высказывается противъ *преимуществъ*, и исключается какъ титулъ права, такъ и самое содержаніе его, а потому и не можетъ быть рѣчи о выкупѣ. Нельзя утверждать, что земля переходитъ не по одному праву наслѣдованія, но и по куплѣ, а потому покупатель при покупкѣ имѣлъ въ виду и свободу отъ податей; ибо продавецъ могъ продавать свое преимущество не съ большимъ правомъ, чѣмъ то, которымъ онъ самъ обладалъ, т. е. только до того времени, пока оно не будетъ отвергнуто общественнымъ сознаніемъ. Кромѣ того, въ отношеніи къ податямъ, слѣдуетъ сказать, что невозможно себѣ представить такое право, которое-бы на вѣки исключило право государства на требованіе услугъ для общественной пользы. Поэтому, всякая свобода отъ податей можетъ имѣть только временный характеръ и покупщикъ, слѣдовательно, долженъ былъ это имѣть въ виду при покупкѣ; его упущеніе въ этомъ отношеніи не можетъ обязывать государства къ выкупу. Независимо отъ того, такія притязанія покупателя привели бы къ абсурду. Если-бы государство возвысило поземельную подать, безъ соразмѣрнаго увеличенія налога съ движимаго капитала, то могло-бы, при извѣстныхъ обстоятельствахъ, произойти уменьшеніе чистаго поземельнаго дохода покупателей поземельныхъ участковъ, сравнительно съ тѣмъ, который они могли-бы получить. Руководствуясь этимъ соображеніемъ, государство, стало быть, не могло бы увеличивать поземельнаго налога выше того количества, при временномъ существованіи

котораго покупались новые участки. Затѣмъ далѣе, чистый доходъ земли или поземельная рента, имѣетъ своимъ основаніемъ цѣну хлѣба, а эта послѣдняя, съ своей стороны, имѣетъ своимъ регуляторомъ максимумъ стоимости, по которой народъ производитъ нужный хлѣбъ на своей собственной землѣ или долженъ доставлять его изъ другихъ государствъ. Вслѣдствіе пониженія или уничтоженія ввозныхъ пошлинъ на хлѣбъ, всегда неминуемо уменьшается чистый доходъ земли. При существованіи этихъ ввозныхъ пошлинъ и пріобрѣтеніи поземельныхъ участковъ, съ расчетомъ на чистый доходъ, обусловливаемый этими пошлинами, государство, съ указанной выше точки зрѣнія, было бы лишено права уменьшать или вовсе уничтожать ввозныя пошлины на хлѣбъ. Или еще болѣе: такъ какъ поземельная рента регулируется стоимостью (издержками производства) хлѣба, получаемаго изъ самыхъ неплодородныхъ земель, къ которымъ обращается обработка въ видахъ необходимости добыванія нужнаго количества хлѣба, то государство, сознавая несправедливость обремененія этихъ участковъ налогами, не имѣло бы возможности уменьшить или уничтожить вовсе налоги съ нихъ, изъ опасенія, чтобы, такимъ образомъ, не повліять на уменьшеніе доходности лучшихъ участковъ, владѣльцы которыхъ могли бы требовать удовлетворенія. Это привело бы къ признанію пріобрѣтеннаго права на количественную неизмѣняемость всѣхъ податей. Это значило бы также отрицать публичное право, превращая его въ собственность владѣтельныхъ классовъ, у которыхъ должно быть куплено дозволеніе на дальнѣйшее развитіе государственной жизни. Это значило-бы увѣковѣчить навсегда преимущество, само по себѣ временное, ибо капиталъ, потребный на выкупъ преимущества (свободы отъ податей), своими вѣчными процентами служилъ бы вѣчнымъ обезпеченіемъ эквивалента этой свободы. Это значило-бы наново провозгласить закрѣпощенное отношеніе народа къ благороднымъ поземельнымъ собственникамъ.

Возвращаясь опять къ главной своей мысли о силѣ запретительныхъ законовъ, авторъ говоритъ, что онъ выяснилъ,

почему они, исключая изъ сферы права существовавшее отношеніе, какъ болѣе недозволенное, должны оказывать вліяніе и на существующіе уже договоры и лишить запрещенное новымъ закономъ содержаніе права—дальнѣйшаго существованія, не производя при томъ обратнаго дѣйствія и не нарушая правовой свободы воли и основнаго принципа о твердости пріобрѣтенныхъ правъ. Но, не останавливаясь на одномъ этомъ, онъ желаетъ также выяснить тѣ предѣлы, внутри которыхъ имѣетъ мѣсто развитое имъ общее начало о силѣ запретительныхъ законовъ, т. е. когда они должны имѣть указанное выше дѣйствіе и когда нѣтъ.

По мнѣнію автора, запретительные, или принудительные законы раздѣляются на два разряда: 1) *законы, опредѣляющіе, что извѣстное право не можетъ быть болѣе собственностью лица и не можетъ быть пріобрѣтаемо никакими дѣйствіями воли* (extra nostrum patrimonium) и 2) *законы, оставляющіе извѣстное право въ сферѣ оборотовъ лица, но опредѣляющіе только тѣ формы, посредствомъ которыхъ возможно установить связь лица съ даннымъ правомъ.* Первые вступаютъ тотчасъ въ дѣйствіе и оказываютъ вліяніе на всѣ существовавшіе до нихъ договоры; вторые никогда не могутъ оказывать вліянія на существующія правоотношенія, возникшія по индивидуальной волѣ лица.

Относительно обязательствъ, юридическая природа которыхъ опредѣляется не только дѣйствіями, на которыя они установляютъ право, но и основаніями пріобрѣтенія, всѣ законы, опредѣляющіе, что изъ такого-то основанія пріобрѣтенія не можетъ проистекать обязательство вообще или обязательства опредѣленнаго свойства, принадлежатъ къ законамъ 1-го рода: ибо обязательственное требованіе получаетъ свою индивидуальную природу и юридическую квалификацію въ своемъ основаніи пріобрѣтенія (купля, заемъ и т. п.) Совсѣмъ другое слѣдуетъ сказать о правахъ вещныхъ: они характеризуются исключительно опредѣлительностью *правоваго содержанія*, на которое они даютъ право, и *правоваго объекта*, который они ему подчиняютъ. Здѣсь основаніе пріобрѣтенія

(узукапія, наслѣдство, купля) снизводится къ совершенно безразличному средству, къ простой *формѣ* пріобрѣтенія. Вотъ почему запретительные законы, относящіеся къ основанію пріобрѣтенія, принадлежатъ, при облигаціяхъ, къ законамъ *первой*, а при вещныхъ правахъ—къ законамъ *второй* группы.

Но если основаніе пріобрѣтенія собственности служитъ вмѣстѣ съ тѣмъ и квалификаціею самаго содержанія правоваго отношенія, то законы, относящіеся къ такимъ основаніямъ, касаются самого правоваго содержанія и становятся законами 1-ой группы, которые вступаютъ въ дѣйствіе немедленно. Такъ, право собственности, вытекающее изъ *верховности* лица, какъ основанія его пріобрѣтенія, ближайшимъ образомъ характеризуется самою этою верховностью; посему, съ отмѣною феодальныхъ правъ и съ установленіемъ новаго правила о томъ, что изъ феодальныхъ основаній не можетъ проистекать никакого права собственности, уничтожается не только его основаніе какъ *форма*, но и самое *правовое содержаніе*, ею опредѣляемое, уничтожается самая собственность.

Прежде, однако, чѣмъ авторъ займется разъясненіемъ того, вслѣдствіе какой внутренней необходимости указанное имъ различіе вытекаетъ изъ его основной теоріи, находя въ ней свое оправданіе и взаимно ею подкрѣпляясь, онъ считаетъ необходимымъ остановиться на нѣсколькихъ примѣрахъ, подтверждающихъ различіе законовъ первой и второй группы.

Законъ, объявляющій недѣйствительнымъ пріобрѣтеніе права собственности безъ передачи (traditio), не можетъ имѣть вліянія на прежде заключенныя сдѣлки купли-продажи, не смотря на запретительный характеръ, ибо онъ оставляетъ въ силѣ пріобрѣтеніе права собственности вообще, и касается лишь формы, посредствомъ которой оно установляется.

Если новый законъ объявляетъ неспособность женщинъ и дѣтей къ совершенію договоровъ безъ согласія мужей и отцовъ, то онъ не можетъ оказывать вліянія на уже совершенные договоры, ибо законъ не отвергаетъ возможность заключенія сдѣлокъ вообще, а подчиняетъ совершеніе ихъ лишь извѣстнымъ условіямъ или формамъ. Словомъ, всѣ законы,

касающіеся личной способности къ совершенію извѣстныхъ дѣйствій, не могутъ имѣть вліянія на прежде заключенные договоры. Точно также, если законъ запрещаетъ наслѣдство вообще или наслѣдованіе извѣстныхъ объектовъ, то онъ не можетъ имѣть вліянія на уже полученныя наслѣдства, ибо наслѣдство есть одно изъ основаній пріобрѣтенія права собственности, которое, по новому закону, еще возможно пріобрѣтать другими способами (оккупація, узаконенія и проч.) и на тѣже объекты.

Если-же законъ отмѣняетъ право собственности вообще или собственность на опредѣленные предметы, то прекращается собственность и прежде пріобрѣтенная какими либо способами (наслѣдствомъ, куплею и пр.)

Точно также и всѣ законы о фидеикоммисахъ, феодальныхъ повинностяхъ, неподлежащихъ выкупу рентахъ и т. п. суть законы первой группы и вступаютъ въ силу немедленно, уничтожая существовавшія права. Законъ, запрещающій фидеикоммисъ, есть ничто иное какъ законъ, который не допускаетъ, чтобы право ограничивать, посредствомъ постепеннаго наслѣдованія, будущія поколѣнія въ распоряженіи имуществомъ и будущіе законы въ свободномъ распоряженіи на случай законнаго наслѣдованія,—чтобы такое право входило въ составъ права собственности завѣщателя. Законъ отрицаетъ, такимъ образомъ, возможность, чтобы право на такія опредѣленія могло составлять чью-либо собственность; объявляется это право внѣ сферы собственности (extra rostrum patrimonium), т. е. внѣ сферы господства индивидуальной воли человѣка.

Тоже самое слѣдуетъ сказать и о законахъ, которые запрещаютъ права, проистекающія изъ феодальныхъ основаній. Здѣсь, очевидно, законъ запрещаетъ превратить въ индивидуальную собственность право на верховность лица надъ другими лицами и ихъ имуществомъ. Точно также и законъ, запрещающій невыкупаемость услугъ, натуральныхъ и денежныхъ рентъ, очевидно содержитъ въ послѣднемъ своемъ основаніи ту именно мысль, что ограниченіе человѣческой сво-

боды дѣйствія, которое обнаруживается въ вѣчномъ обязательствѣ лица совершать дѣйствія извѣстнаго рода, безъ права развить свое обязательство какимъ-нибудь способомъ выкупа, что такое ограниченіе не можетъ сдѣлаться собственностью лица. Именно потому, что эти законы объявляютъ существовавшія прежде права внѣ сферы частной собственности, лишаютъ ихъ способности быть собственностью, они должны имѣть вліяніе и на существующіе уже правовыя и договорныя отношенія.

Коснувшись изъятія изъ сферы собственности извѣстныхъ правоотношеній, авторъ выставляетъ руководящую мысль для будущей исторіи права, разсматриваемой съ точки зрѣнія культуры,—мысль, состоящую въ томъ, что культурный ходъ всякой исторіи права несомнѣнно долженъ привести къ тому заключенію, что объемъ права собственности постепенно уменьшается, т. е. что все болѣе и болѣе ограничивается сфера собственности частнаго лица и что все большій и большій кругъ объектовъ изъемлется изъ частной собственности. Этотъ законъ понимается, однако, въ превратномъ смыслѣ, и это происходитъ отъ того, что останавливаются на фактическихъ послѣдствіяхъ явленія, неанализируя внутренняго его смысла. Такъ, напримѣръ, отмѣну фидеикоммисовъ принимаютъ за расширеніе свободы собственности, за уничтоженіе лежащихъ на ней ограниченій. Въ сущности-же она составляетъ лишеніе собственника свободы относительно установленія тѣхъ или другихъ опредѣленій о своей собственности или, что тоже, съуживаетъ объемъ права собственности. Такъ, напримѣръ, опять полагаютъ, что свободная конкуренція возводитъ собственность на степень полнѣйшей свободы и развитія. По внутреннему же своему основанію, введеніе свободной конкуренціи и уничтоженіе, слѣдовательно, монополіи и цеховъ, приводятъ, напротивъ, къ мысли, что не можетъ стать частною собственностью лица исключительное право промышленности и сбыта т. е. право на то, чтобы другія лица не могли совершать дѣйствія, само по себѣ дозволенныя.

Затѣмъ авторъ вкратцѣ указываетъ на историческіе факты, подтверждающіе его мысль.

На зарѣ исторической жизни, говоритъ авторъ, человѣкъ, какъ дитя, простираетъ свои руки ко всему, все считаетъ своимъ и не ставитъ никакихъ предѣловъ объему своего частнаго произвола. Такъ, фетиши обращаются съ своими богами, какъ съ собственностью, разбивая свои идолы, когда они не исполняютъ ихъ воли. Сначала, изъ сферы частнаго произвола изъемлются sacra, но человѣкъ долго остается предметомъ собственности другого человѣка, какъ напримѣръ: побѣжденные, рабы, жены и дѣти. Затѣмъ право собственности на жизнь человѣка (рабство) уменьшается до собственности на его пожизненную рабочую силу (крѣпостное состояніе). Еще позднѣе право собственности на всецѣлую рабочую силу уменьшается до права собственности на извѣстный лишь способъ пользованія и на опредѣленную часть рабочей силы и времени (временно-обязательное отношеніе). Такъ, jus primae noctis есть отмѣна постояннаго права собственности на тѣло своей рабыни и ограниченіе его на одну дѣвственность.

Въ средніе вѣка, за отсутствіемъ рабства, сама человѣческая воля становилась предметомъ собственности во всѣхъ трехъ своихъ моментахъ (всеобщности, индивидуальности и обособленности). Общественная воля, какъ предметъ собственности, обнаруживается въ правахъ суверенитета на землю, въ разнообразныхъ, общественныхъ и государственныхъ привиллегіяхъ различныхъ состояній и классовъ, въ отчужденіи общественныхъ должностей наслѣдствомъ и продажею, въ завѣщаніи, по наслѣдству, правленія страною, и т. п. Индивидуальная воля, какъ предметъ собственности, обнаруживается въ личной несвободѣ различныхъ степеней крѣпостничества, временно-обязательныхъ отношеній и т. п. Обособленность воли, какъ предметъ собственности (запрещеніе извѣстнаго рода занятій и промышленности, ограниченіе въ правахъ сбыта и пріобрѣтенія) проявляется въ порядкѣ монопольномъ и цеховомъ, въ подчиненности ленному владѣнію, въ правѣ принужденія крестьянъ со стороны феодальныхъ владѣльцевъ и т. п.

Французская революція покончила съ этими порядками и уничтоживъ право частной собственности на три момента человѣческой воли, она, какъ всякій великій культурный шагъ, повела къ съуженію объема права собственности.

Въ настоящее время (въ началѣ шестидесятыхъ годовъ), Европа стоитъ на рубежѣ разрѣшенія двухъ важныхъ вопросовъ о правѣ собственности.

Въ политическомъ отношеніи, Европа имѣетъ задачею, достигнутою уже во Франціи, не только въ принципахъ революціи, но и въ самой дѣйствительности, отмѣнить то, чтобы общественная воля народа не могла быть ничьей собственностью.

Въ соціальномъ отношеніи, весь міръ остановился надъ вопросомъ, должно-ли въ настоящее время, когда нѣтъ болѣе права собственности на непосредственное пользованіе человѣкомъ, имѣть мѣсто право собственности на посредственную его эксплоатацію или другими словами: можетъ ли свободное примѣненіе и развитіе собственной рабочей силы стать исключительнымъ правомъ собственности владѣльца рабочаго субстрата и рабочей ссуды (капитала) и должно-ли, вслѣдствіе этого, предпринимателю, какъ таковому, независимо отъ вознагражденія его за умственный трудъ, принадлежать право собственности на чужую трудовую стоимость?

Такимъ образомъ, по мнѣнію автора, постепенное возрастаніе съуженія объема права собственности, основывается ни на чемъ иномъ, какъ на положительномъ развитіи человѣческой свободы, которая ведетъ къ ограниченію одного лишь частнаго произвола. Совершенно паралельно съ указаннымъ движеніемъ, въ исторіи права, относительно выбрасыванія изъ сферы собственности все большаго и большаго содержанія, идетъ соотвѣтственное направленіе и въ *хозяйственномъ* развитіи, характеризующееся въ перебрасываніи изъ экономической сферы собственности возмездности, въ сферу безвозмездности, какъ можно болѣе факторовъ производства или самихъ продуктовъ, какъ можно въ большемъ количественномъ объемѣ (посредствомъ приближенія цѣны продажной

къ цѣнѣ стоимости и постояннаго уменьшенія издержекъ производства).

Переходя затѣмъ вновь къ примѣрамъ, подтверждающимъ его мысль о различіи законовъ 1-й и 2-й группы, авторъ останавливается на слѣдующихъ. Существуетъ законъ, по которому совершеннолѣтіе достигается въ 24 года; но рядомъ съ этимъ совершеннолѣтіемъ допускается и другое, въ 20 лѣтъ, для вступившихъ въ бракъ и ведущихъ самостоятельное хозяйство. Впослѣдствіи, новый законъ не допускаетъ совершеннолѣтія, достигаемаго посредствомъ веденія самостоятельнаго хозяйства. Оставляя достиженіе совершеннолѣтія въ 20 лѣтъ, чрезъ вступленіе въ бракъ, и запрещая его достиженіе другимъ способомъ, новый законъ касается только формы пріобрѣтенія права и принадлежитъ, поэтому, къ законамъ 2-й группы, недѣйствующимъ на уже установившіяся отношенія, или, другими словами, неоказывающимъ вліянія на тѣхъ, которые достигли уже до изданія новаго закона совершеннолѣтія, веденіемъ самостоятельнаго хозяйства. Если-же новый законъ запрещаетъ вообще достиженіе совершеннолѣтія посредствомъ какого-бы то ни было дѣйствія человѣка, оставляя одинъ только естественный возрастъ, какъ основаніе совершеннолѣтія, то онъ лишаетъ совершеннолѣтія и тѣхъ, которые до него вступили въ бракъ или самостоятельно занимались хозяйствомъ; ибо, по новому закону, совершеннолѣтіе уже не можетъ быть болѣе пріобрѣтаемо актами воли человѣка, а лишь наступленіемъ естественнаго событія (возраста), которому законъ присвоиваетъ данное право. Словомъ, когда законъ направленъ противъ самаго права и и не допускаетъ пріобрѣтенія его какими бы то ни было способами и дѣйствіями, то лицо, имѣющее данное право, не можетъ утверждать, что оно пріобрѣло его навсегда, далѣе даже того времени, въ которое оно противорѣчитъ нашему общественному сознанію. Такое утвержденіе расходилось-бы съ самою подразумѣваемою волею лица, пріобрѣтать данное право лишь на такой періодъ времени, въ теченіе котораго оно еще будетъ признаваться правомѣрнымъ. Но если законъ

не запрещаетъ самого права, а только извѣстный образъ, форму пріобрѣтенія, то противъ распространенія его на прежнія права можно выставить то, что дѣйствіемъ пріобрѣтенія права можетъ быть только то, которое существуетъ въ моментъ совершенія его и что если-бы были тогда установлены другія формы, то лицо прибѣгало-бы къ нимъ; а потому такое распространеніе было бы насиліемъ противъ его воли. Способъ пріобрѣтенія права посредствомъ того или другаго дѣйствія, какъ преходящаго во времени, можетъ только во время совершенія его быть поставленъ въ зависимость отъ общественнаго сознанія и подчиняться лишь временнымъ запретительнымъ законамъ, тогда какъ само правовое содержаніе, противъ котораго направленъ новый законъ, какъ постоянно и во всѣ времена продолжающееся, навсегда слито съ общественнымъ сознаніемъ, а потому и должно подчиняться запретительнымъ законамъ всѣхъ временъ. Само собою разумѣется, что всѣ юридическія послѣдствія отмѣненнаго права, уже осуществившіяся до изданія новаго закона, остаются въ своей силѣ, ибо лицо можетъ подчиниться *несуществованію* своего права, только со времени исключенія его новымъ закономъ.

Еще примѣръ: ст. 1341 Code Napoleon не допускаетъ свидѣтельскихъ показаній для долговыхъ обязательствъ выше опредѣленной суммы. Законъ этотъ касается лишь дѣйствій пріобрѣтенія правъ извѣстнымъ способомъ, ибо свидѣтельскія показанія вообще не отмѣняются (допускаются при другихъ требованіяхъ), а потому этотъ законъ не можетъ касаться отношеній и требованій, до него возникшихъ.

Или: въ 528 г. (L. 26. C. 6, 32) Юстиніанъ установляетъ вмѣсто 12% только 6%, и чрезъ годъ L. 27 распространяетъ этотъ законъ и на прежде заключенные займы. Это совершенно правильно, ибо этотъ законъ вообще запрещаетъ 12%, а потому право на 12% уже не существуетъ въ моментъ дѣйствія новаго закона и не можетъ быть пріобрѣтаемо никакими дѣйствіями воли лица. Точно также правиль-

но и то, что законъ не распространяется на уже полученные до него проценты.

Савиньи, вынужденный, по своей теоріи о пріобрѣтеніи и бытіи правъ, причислить право на проценты къ пріобрѣтеннымъ, возстаетъ противъ закона Юстиніана. Того же мнѣнія Мерлинъ, Вангеровъ, Борнеманнъ и другіе. Одинъ только Бонингъ оправдываетъ этотъ законъ Юстиніана; но основаніемъ къ тому служитъ та мысль, что законъ этотъ въ сущности установляетъ то именно, чтобы еще ненаступившія послѣдствія старой сдѣлки, которые могли-бы наступить при дѣйствіи стараго закона, болѣе не наступали.

Возражая противъ Савиньи и другихъ, авторъ старается оправдать законъ Юстиніана, независимо отъ своей теоріи, потому что, по его мнѣнію, законъ Юстиніана такъ тѣсно связанъ съ его теоріею, что съ его вѣрностью подтверждается и его теорія, а съ паденіемъ его рушится также и теорія.

Прежде всего, онъ указываетъ на то, что законы Прусскіе 1814, 1815 гг. и Ганноверскіе законы установляютъ тоже самое, что законъ Юстиніана. Затѣмъ, авторъ указываетъ на то, что самъ Юстиніанъ называетъ всякое другое примѣненіе L. 26 кривымъ толкованіемъ (prava interpretatio), а это указываетъ, что законъ этотъ не есть слѣдствіе произвола, не исключеніе, а общее правило, вытекающее изъ основныхъ принциповъ права. Между тѣмъ Савиньи и Бергманъ считаютъ этотъ законъ исключеніемъ. Савиньи приходитъ въ противорѣчіе съ самимъ собою, когда порицая законъ Юстиніана, въ тоже время признаетъ правильность обратнаго дѣйствія закона, выраженнаго въ 340 ст. Code civil (La recherche de la paternité est interdite) и говоритъ по этому поводу, что истинное правовое основаніе тому заключается въ томъ, что это законъ принудительный. Если такъ, то отчего же онъ не допускаетъ того-же самого въ отношеніи закона Юстиніана? Это есть слѣдствіе непониманія въ существѣ, своей же собственной теоріи о пріобрѣтеніи и бытіи правъ. По мнѣнію Савиньи, законъ о запрещеніи полученія болѣе 6% касается лишь дѣйствительности сами по себѣ дозволенныхъ

дѣйствій и, слѣдовательно, пріобрѣтенія правъ; между тѣмъ какъ, по мнѣнію автора, законъ этотъ постановляетъ, чтобы само право на взиманіе свыше 6% болѣе не существовало, слѣдовательно, касается самого бытія права.

Такимъ-же точно закономъ, какъ законъ о процентахъ, представляется и законъ Констаинтина объ отмѣнѣ „lex commissoria". До того времени предоставлялось закладо-принимателю пріобрѣтать въ собственность заложенную вещь, если заемъ къ сроку не уплачивался. Савиньи считаетъ и этотъ законъ имѣющимъ обратную силу и порицаетъ его.

Авторъ переходитъ къ доказательствамъ того, что его теорія находитъ себѣ подтвержденіе въ основномъ принципѣ пандектнаго права, которое, впрочемъ, всѣ упрекаютъ въ томъ, что въ немъ нѣтъ ничего, относящагося къ послѣдствіямъ измѣненія законовъ.

Основное начало, установленное пандектнымъ правомъ для фактическихъ измѣненій договорныхъ отношеній, состоитъ въ томъ, что при договорахъ слѣдуетъ смотрѣть на начало (ad initium spectantum) или на время заключенія договора (tempus quo contrahimus).

Затѣмъ Марцеллъ, Павелъ, Маркіанъ, Модестинъ и Ульніанъ высказались въ томъ смыслѣ, что *договоръ дѣлается ничтожнымъ съ наступленіемъ случая при которомъ онъ, если-бы не былъ еще заключенъ, вовсе не долженъ бы быть заключеннымъ.*

Авторъ удивляется, почему никто аналогически не примѣнялъ этого втораго принципа къ измѣненію законовъ въ отношеніи договоровъ, какъ это было сдѣлано относительно перваго принципа пандектнаго права. Удивленіе это имѣетъ основаніе еще болѣе въ томъ, что аналогія, существующая въ извѣстныхъ предѣлахъ между *фактическими и юридическими измѣненіями, не только ясна сама по себѣ*, но и практиковалась Савиньи (и другими до него, какъ Бергманъ и пр.), который на этой аналогіи именно основывалъ свое ученіе о вліяніи измѣненія законовъ на право наслѣдованія, примѣняя вообще тѣ же правила, которыя, по римскому ученію,

наступаютъ при измѣненіи фактическихъ отношеній между завѣщаніемъ и смертью, или между смертью безъ завѣщанія и открытіемъ наслѣдства.

Но для примѣненія этой аналогіи, продолжаетъ авторъ, необходимо было прежде, въ предѣлахъ однихъ только фактическихъ отношеній, установить общія правила, когда слѣдуетъ примѣнять первый и когда второй изъ двухъ приведенныхъ выше принциповъ пандектнаго права. Безусловное перенесеніе условій фактическихъ измѣненій на юридическія, авторъ не находитъ возможнымъ, ибо, по его мнѣнію, возможность аналогіи между ними не указываетъ еще на тождество, а между ними существуетъ и тождество и различіе. Савиньи-же, по мнѣнію автора, впадаетъ въ ошибки именно потому, что онъ одинаково разсматриваетъ эти измѣненія (фактическія и юридическія) и въ тѣхъ случаяхъ, когда онѣ совершенно расходятся. Развитіе внутренняго различія, существующаго между дѣйствіями фактическихъ и юридическихъ измѣненій и опредѣляющаго правовую ихъ особенность, составляетъ задачу всякаго, кто основательно желаетъ разрѣшить всѣ сюда относящіяся вопросы. Обѣщая болѣе подробно разъяснить это положеніе въ § 10 своего труда, онъ теперь считаетъ это излишнимъ на томъ основаніи, что въ тѣхъ рѣшеніяхъ, которыя пандектное право даетъ подъ вліяніемъ дѣйствія втораго принципа о наступающей ничтожности договоровъ, заключается, по крайней мѣрѣ нѣсколько случаевъ, повидимому представляющихъ только измѣненія въ *фактическихъ отношеніяхъ*, а въ сущности-же измѣненіе въ *отношеніяхъ юридическихъ*, измѣненіе въ *законодательствѣ*.

Если вещь по заключеніи сдѣлки о продажѣ, но до передачи ея покупателю, безъ вины продавца какимъ-либо образомъ уничтожается, то, по римскому ученію, сдѣлка остается въ силѣ и продавецъ имѣетъ право требовать у покупателя условленной цѣны, ибо вещь погибла на рискъ покупателя, не ослабляя этимъ самой сдѣлки о продажѣ. Затѣмъ, авторъ приводитъ мѣсто изъ институцій и пандектовъ, въ которыхъ заключается тоже ученіе, и говоритъ, что во всѣхъ этихъ

случаяхъ гибели вещи, происходитъ измѣненіе въ фактическихъ отношеніяхъ, которое не касается дѣйствительности продолженія договора.

Но если проданная вещь, до передачи ея покупщику безъ вины продавца, объявлена была extra commercium, то здѣсь только повидимому измѣненіе кажется фактическимъ; въ сущности-же здѣсь произошло измѣненіе правоваго свойства, измѣненіе въ относящихся къ вещи законахъ, которое, въ отличіе отъ фактическаго измѣненія, состоитъ въ томъ, что сама вещь, въ своихъ фактическихъ отношеніяхъ, остается тою-же самою, а измѣняется лишь юридическая норма, подъ которую она должна быть подведена.

Пандекты разрѣшаютъ подобнаго рода случаи, и удивительно, что не обращено было вниманія на то, что они именно ставятъ и разрѣшаютъ такіе случаи, въ которыхъ между заключеніемъ и исполненіемъ сдѣлки наступаетъ измѣненіе въ нормирующемъ вещь законѣ.

Какъ же пандекты разрѣшаютъ подобные случаи?

Они разрѣшаютъ эти случаи какъ разъ противоположно тому, что постановлено относительно фактическихъ измѣненій, а именно: ни покупщикъ не имѣетъ права на требованіе вещи, ни продавецъ на требованіе цѣны ея, а напротивъ, покупщикъ имѣетъ право требовать обратно уже выданной платы, такъ что въ этихъ случаяхъ, когда вещь объявлена extra commercium, самый договоръ дѣлается затѣмъ недѣйствительнымъ. Если-бы даже впослѣдствіи вещь изъ sacra сдѣлалась опять простою или освобожденный рабъ сталъ рабомъ, то сдѣлка не возстановляется, ибо она прежде была уничтожена совершенно, въ самомъ основаніи, и не можетъ болѣе воскреснуть. Между тѣмъ, въ томъ случаѣ, когда происходитъ фактическое измѣненіе въ вещи, съ возстановленіемъ ея возстановляется и право покупщика, ибо сдѣлка въ этихъ случаяхъ остается въ силѣ.

Подъ res extra commercium римляне понимали изъятіе вещей изъ подчиненія ихъ господству индивидуальной воли и такимъ образомъ, въ указанныхъ разрѣшеніяхъ пандектовъ, мы

получаемъ въ другомъ видѣ ту же развитую авторомъ теорію о запретительныхъ законахъ. Если вещь фактически погибаетъ, то договоръ остается въ силѣ, но если не вещь погибаетъ, а право на нее, т. е. право на то, чтобы извѣстное правовое содержаніе могло сдѣлаться собственностью, входить въ сферу господства индивидуальной воли, то самый договоръ, посредствомъ котораго это право пріобрѣтается, дѣлается недѣйствительнымъ, безъ всякихъ послѣдствій, безъ притязанія на исполненіе, вознагражденіе вреда или интереса.

Это вполнѣ соотвѣтствуетъ тому, что сказано авторомъ относительно запретительныхъ законовъ: если запрещеніе отличается тотальнымъ характеромъ, если извѣстный объектъ права или точно квалифицированное право, вообще не можетъ болѣе находиться въ обладаніи частнаго лица, то этимъ самымъ уже состоявшіяся пріобрѣтенія и договоры дѣлаются недѣйствительными: все притязаніе на это право могло съ самого начала быть пріобрѣтаемо лишь на время существованія закона, его признававшаго.

Изъ установленнаго выше различія между обязательственными и вещными правами, вытекаютъ тѣ же послѣдствія для различнаго вліянія абсолютныхъ законовъ на exceptio rei in judicium deductae и exceptio rei judicatae въ требованіяхъ обязательственныхъ.

Законъ, опредѣляющій, что изъ извѣстнаго основанія пріобрѣтенія не проистекаетъ обязательства, есть законъ 1-го рода и разрушаетъ такимъ образомъ, обязательственное требованіе даже и тогда, когда уже подана жалоба; ибо право на жалобу должно принадлежать жалобщику не только въ моментъ подачи ея, но и въ моментъ рѣшенія. Такъ, напр., жалоба на вознагражденіе за послѣдовавшую отъ сожитія беременность теряется, когда послѣ подачи ея, въ теченіи процесса, выходитъ законъ, запрещающій жалобы, вытекающія изъ основанія беременности. Совсѣмъ другое res judicatae: здѣсь нѣтъ рѣчи о запрещенномъ основаніи для пріобрѣтенія, а имѣется въ виду самое рѣшеніе, содержащее въ себѣ новацію. Здѣсь требуется вознагражденіе не на основаніи беременности, а на

основаніи судебнаго рѣшенія, которое составляетъ право, установленное дѣйствіемъ воли, а потому запрещеніе полученія вознагражденія на основаніи рѣшенія, составляющаго продуктъ воли сторонъ, въ то время, какъ право денежнаго вознагражденія вообще, еще по закону существуетъ, было бы обратнымъ дѣйствіемъ закона.

Но если законъ запрещаетъ самый объектъ облигаціи, т. е. объявляетъ дѣйствіе, на которое есть требованіе, неподлежащимъ болѣе обладанію, то и res judicata не имѣетъ значенія. Напримѣръ, запрещаетъ вынужденіе къ браку на основаніи обѣщанія, то и res judicata остается безъ всякаго дѣйствія, ибо это есть абсолютный законъ. Точно также при изданіи закона, запрещающаго право незаконнорожденныхъ дѣтей на содержаніе, res judicata теряетъ свою силу, ибо здѣсь запрещается самое право на родственную помощь, самый объектъ обязательства, а не его основаніе.

Различіе между exceptio rei in judicium deductae и exceptio rei judicatae можетъ имѣть мѣсто при однихъ обязательственныхъ правахъ, которыя характеризуются не только дѣйствіемъ, на которое они даютъ право, но и основаніемъ пріобрѣтенія, между тѣмъ какъ при правахъ вещныхъ это различіе не имѣетъ никакого значенія; ибо, если законъ касается только способа пріобрѣтенія собственности, то онъ не имѣетъ вовсе никакого вліянія на прежнія права и не имѣетъ, слѣдовательно, никакого вліянія и на устраненіе даже жалобы. Если же новый законъ касается самого права, то и res judicata тоже не имѣетъ никакой силы.

До этихъ поръ не выставлено еще основанія, по которому уже закончившіяся юридическія отношенія (уплатою или фактическимъ исполненіемъ) могли бы имѣть защиту противъ вліянія запретительныхъ законовъ 1-го рода. Состоялось, напримѣръ, рѣшеніе въ пользу незаконнорожденнаго, относительно его содержанія, и на основаніи такого рѣшенія добровольно выплачено было ему содержаніе на нѣсколько лѣтъ. Изданіе новаго закона, запрещающаго право незаконнорожденныхъ на полученіе содержанія, уничтожаетъ это рѣшеніе,

но не даетъ права на обратное требованіе уже полученнаго.

Обыкновенно, въ основаніе этого положенія выставляютъ то, что совершившіяся событія не могутъ стоять подъ вліяніемъ новаго закона или, какъ говоритъ Савиньи, законъ не можетъ превратить въ неслучившееся то, что на самомъ дѣлѣ случилось. Но это неправильно: основаніемъ такого положенія служитъ существо владѣнія, какъ самостоятельнаго права, основаннаго на фактической связи лица съ вещью.

Владѣніе, какъ самостоятельное право, основывается на томъ, что одно фактическое отношеніе лица къ вещи, порождаетъ юридическую связь, при которой causa отступаетъ на задній планъ. Отсюда вытекаетъ необходимое послѣдствіе, что доколѣ извѣстный объектъ вообще еще можетъ состоять въ обладаніи, совершенно безразлично, запрещается - ли новымъ закономъ основаніе пріобрѣтенія или возникновенія этого еще допускаемаго владѣнія. Запретительный законъ встрѣчается въ данномъ случаѣ съ давно состоявшимся уже соединеніемъ лица съ вещью, съ владѣніемъ, какъ съ особымъ правомъ, которое можетъ быть уничтожено единственно лишь тогда, когда, вмѣсто того, чтобы направиться противъ основанія пріобрѣтенія владѣнія, новый законъ будетъ направленъ противъ самой способности объекта состоять вообще во владѣніи лица и такимъ образомъ какъ разъ уничтожитъ самую возможность состоять въ такомъ соединеніи съ лицомъ.

Такимъ образомъ, законъ Константина отмѣняющій lex commissoria, (по которому заложенная вещь становится собственностью заимодавца, если должникъ въ установленный срокъ денегъ не уплатитъ, не можетъ быть упрекаемъ въ обратномъ дѣйствіи, когда еще не наступилъ срокъ платежа и заимодавецъ, слѣдовательно, еще не вступилъ въ фактическое владѣніе вещью, какъ своею собственностью. Но лишь эта фактическая связь наступила вслѣдствіе неуплаты въ срокъ, новый законъ не можетъ уничтожить этого права до тѣхъ поръ, пока не объявитъ самого объекта права неспособнымъ болѣе состоять вообще во владѣніи.

Тоже самое примѣняется къ juris quasi possessio и къ состоянію лица, которое также можетъ находиться во владѣніи (свобода пріобрѣтается рабомъ посредствомъ владѣнія).

На этомъ основывается то, что личное состояніе, основанное на дѣйствіи воли, можетъ удержаться, несмотря на запретительный законъ, если только этотъ послѣдній запрещаетъ лишь извѣстный способъ пріобрѣтенія, но не самое бытіе даннаго состоянія.

Такъ, напримѣръ, если разводъ уже состоялся, то новый законъ, объявляющій бракъ состояніемъ нерасторжимымъ, можетъ только уничтожить состоявшееся на разводъ рѣшеніе, но не самый разводъ; ибо состояніе безбрачія закономъ не уничтожается, а запрещается лишь пріобрѣтеніе его вновь лицами, вступившими въ бракъ. Поэтому, разъ обнаружившееся владѣніе состояніемъ безбрачія, которое вообще еще можетъ находиться во владѣніи, не можетъ быть затронуто новымъ закономъ.

На томъ же самомъ положеніи основывается и то, что новый законъ относительно доказательствъ, которыя предоставляются мужу при оспариваніи законности дѣтей, рожденныхъ въ бракѣ, примѣняется тотчасъ къ имѣющимъ на лицо дѣтямъ лишь тогда, когда прежде существованія доказательства дѣлаются затруднительнѣе, но не тогда, когда они облегчаются. Въ первомъ случаѣ, законъ касается права отца, которымъ онъ до изданія закона не воспользовался, и получаетъ поэтому принудительный характеръ, выражающійся въ запрещеніи оспариванія законности дѣтей, недозволенными болѣе новымъ закономъ доказательствами. Во второмъ случаѣ, дитя породило владѣніе состояніемъ законности, дѣйствіемъ своей воли (которая обнаруживается въ дѣйствіяхъ родителей, въ силу личнаго представительства, какъ объяснено въ началѣ теоріи автора, относительно тождественности лицъ и волей въ семейномъ быту) и такъ какъ новый законъ направленъ только противъ извѣстнаго способа пріобрѣтенія этого состоянія, но не противъ самого бытія его, то онъ не можетъ оказывать никакого вліянія на уже прежде достигнутое обладаніе сказаннымъ со-

стояніемъ и дитя можетъ, такимъ образомъ, потерять его не иначе, какъ только подъ условіемъ представленія доказательствъ, которыя имѣли мѣсто при самомъ пріобрѣтеніи владѣнія своимъ состояніемъ.

Этимъ авторъ объясняетъ правильность закона императора Юстиніана, отмѣнившаго законъ Анастасія о наслѣдственныхъ правахъ естественныхъ дѣтей и постановившаго вмѣстѣ съ тѣмъ, чтобы усыновленіе естественныхъ дѣтей, послѣдовавшее до или послѣ закона Анастасія, оставалось въ своей силѣ со всѣми его послѣдствіями.

Такъ какъ законъ этотъ касается наслѣдственнаго права, то можно было бы признать неправильнымъ и противнымъ общимъ началамъ непримѣненіе его ко всѣмъ, до него еще не осуществившимся, наслѣдственнымъ правамъ. Но это было-бы, по мнѣнію автора, большою ошибкою. Дѣло въ томъ, что въ законѣ этомъ рѣчь идетъ не о наслѣдственномъ правѣ законныхъ или естественнымъ дѣтей. Онъ касается болѣе всего вопроса о томъ, сохраняютъ-ли, при извѣстныхъ условіяхъ, естественныя дѣти качество законныхъ. Въ виду того, что, согласно съ закономъ Анастасія, естественныя дѣти, уже давно усыновленныя, превратились, такимъ образомъ, въ sui, они чрезъ эту разъ наступившую связь свою съ качествомъ законности, достигли владѣнія этимъ качествомъ, котораго они не могутъ быть болѣе лишены.

Можно было бы также утверждать, что законъ касается вопроса о личномъ состояніи (естественое или законное дитя) и долженъ, поэтому, получить примѣненіе въ отношеніи ко всѣмъ лицамъ. Но такъ какъ состояніе лица опредѣляется посредствомъ семейнаго права, то оно, въ силу тождественности лицъ въ семействѣ, составляетъ не право, а установленное дѣйствіемъ индивидуальной воли юридическое отношеніе.

Авторъ прежде показалъ, въ какой мѣрѣ дѣйствія индивидуальной воли, первоначально дѣйствительныя, ограничиваются *идеальными предѣлами*, которые вытекаютъ изъ существа самого права. Теперь же онъ желаетъ подтвердить тоже начало обратнымъ путемъ и показать, въ какой мѣрѣ, наобо-

ротъ, отмѣна существующихъ запретительныхъ законовъ дѣйствуетъ на возстановленіе впослѣдствіи запрещенныхъ ими и такимъ образомъ первоначально ничтожныхъ дѣйствій воли.

Выше авторомъ было указано, что индивидуальная воля, направленная противъ запретительныхъ законовъ, ни въ какомъ случаѣ не получаетъ праваго бытія, а остается лишь фактическою, естественною волею. Но если эта естественная воля удерживается лицомъ такъ долго, пока исчезаетъ запретительный законъ, то съ отпаденіемъ единственно существовавшаго препятствія, эта, до того естественная, воля, отнынѣ пріобрѣтаетъ юридическое бытіе въ силу внутреннаго значенія индивидуальной свободы воли, которая, при отсутствіи запретительнаго закона, требуетъ безусловнаго возстановленія своего бытія.

Такое возстановленіе возможно лишь при слѣдующихъ двухъ условіяхъ:

1) чтобы запретительный законъ касался *содержанія* дѣйствія, а не ея *формы*; другими словами, чтобы при существованіи запретительнаго закона, не было рѣшительно никакой возможности сообщить юридическое бытіе содержанію воли, а не такъ, чтобы возможно было осуществить ее въ какой-нибудь другой формѣ, кромѣ закономъ запрещенной.

2) Необходимо, чтобы воля оставалась безпрерывно продолжающеюся до новаго состоянія, т. е. она не должна обнаруживаться преходящимъ образомъ въ одномъ какомъ-либо и притомъ единомъ дѣйствіи.

Основанія этихъ условій заключаются въ самомъ существѣ выставленнаго авторомъ принципа и составляютъ только его дальнѣйшее развитіе.

Если было запрещено не содержаніе дѣйствія, если принудительное предписаніе закона относилось только къ формѣ, и лицу, еще при существованіи запретительнаго закона, предоставлено было посредствомъ какой-либо другой формы дать юридическое бытіе содержанію своего дѣйствія,—то, въ виду добровольнаго отказа даннаго лица, нельзя вовсе предполагать въ немъ существованія настоящей, связующей воли. Бы-

ло-бы допущено полное обратное дѣйствіе закона, если-бы превратили обязательство его естественной воли, въ обязательство гражданской воли, принудительной. Поэтому лицо, которое при господствѣ запретительнаго закона, касавшагося лишь формы, а не содержанія воли, имѣло возможность связать свою волю въ гражданскомъ смыслѣ, но этого не сдѣлало, остается граждански несвязаннымъ и при отмѣнѣ запретительнаго закона.

Мысль свою авторъ желаетъ подтвердить наглядными примѣрами изъ Римскаго права, которые касаются болѣе *слабыхъ* послѣдствій возстановленія, а именно—вліянія на прежнія дѣйствія *фактическаго* исчезновенія до того существовавшихъ препятствій.

По римскимъ законамъ, несовершеннолѣтіе одного изъ супруговъ, вступленіе въ бракъ сенатора съ вольноотпущенною, или *провинціальнаго* чиновника съ провинціалкою, дѣлали самый бракъ недѣйствительнымъ. По достиженіи же супругомъ совершеннолѣтія или съ потерею сенаторомъ своего сана, съ оставленіемъ должности провинціальнаго чиновника, бракъ становится съ того времени дѣйствительнымъ; но для этой цѣли, по требованію римскихъ юристовъ, необходимо чтобы воля (въ данномъ случаѣ—брачное состояніе) продолжала существовать до наступленія новаго событія.

Въ этихъ случаяхъ совпадаютъ оба условія возстановленія прежнихъ дѣйствій воли, вышеприведенныя; и воля продолжалась до наступленія новаго событія, и запретительный законъ касался не формы, а самаго содержанія дѣйствія. Но исчезло-ли препятствіе потому, что сенаторъ потерялъ свой санъ или потому, что новый законъ разрѣшаетъ сенаторамъ браки съ вольноотпущенными, кажется, на первый взглядъ, совершенно безразличнымъ. Между тѣмъ, послѣднее измѣненіе должно имѣть болѣе *сильныя* послѣдствія.

Въ высшей степени важно, говоритъ авторъ, выяснить внутреннее основаніе, а этимъ самымъ и опредѣленный объемъ этихъ, болѣе сильныхъ послѣдствій. Этимъ путемъ дости-

гнуто будетъ обѣщанное имъ выше раскрытіе внутренняго различія между фактическими и правовыми измѣненіями.

Если бракъ сдѣлался дѣйствительнымъ потому, что сенаторъ выгнанъ изъ сената, то въ воззрѣніи существующаго правового сознанія не произошло никакой перемѣны. Препятствіе устранено здѣсь тѣмъ, что отнынѣ данное лицо перешло изъ одного класса существующихъ брачныхъ законовъ въ другой. Въ то время, какъ всеобщее правовое сознаніе осталось то же самое, произошло лишь фактическое измѣненіе въ положеніи лица, въ силу котораго препятствіе отнынѣ болѣе не существуетъ. Это имѣетъ неизбѣжнымъ слѣдствіемъ то именно, что дѣйствіе, если для совершенія его, въ дѣйствительности, не требуется какой-нибудь особой формы, а достаточна лишь одна безформальная воля, лишь съ того времени становится дѣйствительнымъ, возстановляется. Другими словами, дѣти, рожденные прежде, во время существованія препятствія, остаются *незаконными*.

Если же перемѣна состоитъ не въ томъ, что данное лицо переходитъ подъ другой разрядъ уже прежде существовавшихъ законовъ, а въ томъ, что отмѣняется самый принудительный законъ, то здѣсь происходитъ измѣненіе во всеобщемъ правовомъ сознаніи.

Но каждое дѣйствіе, которое, по существующей правовой идеѣ, не подлежитъ болѣе запрещенію, должно, съ точки зрѣнія этой послѣдней, разсматриваться какъ дѣйствіе, само въ себѣ, присущее области индивидуальной свободы воли. Разъ отмѣненное содержаніемъ современнаго правоваго сознанія, запрещеніе становится вторженіемъ въ область, само въ себѣ, существующей правомѣрности индивидуальной свободы воли или отрицаніемъ ея. Оно по необходимости становится такимъ, ибо оно не составляло непризнаніе того, что современное сознаніе признаетъ уже существовавшимъ само въ себѣ и этимъ самымъ превращаетъ его не только въ существующее само въ себѣ, но и въ юридическую дѣйствительность, т. е. дѣлаетъ его существующимъ не только an sich, но и für sich. Въ полнѣйшей своей опредѣленности, положеніе это

представляется въ слѣдующемъ видѣ. Бракъ признается съ самаго начала существующимъ an sich и первоначально лишь само въ себѣ существующее и поэтому самому еще не юридически-дѣйствительное бытіе, теперь также признается и становится юридически-дѣйствительнымъ. Съ момента этой наступившей дѣйствительности, должны выступить всѣ послѣдствія брака, существовавшаго съ самаго начала an sich. *Отнынѣ,* съ момента признанія существованія этого брака всеобщимъ правовымъ сознаніемъ и сообщенія ему этимъ самымъ юридической дѣйствительности, всѣ послѣдствія уже съ самого начала существующаго брака, должны сдѣлаться дѣйствительными и быть признанными. Другими словами, это значитъ вотъ что: *отнынѣ* всѣ рожденныя во время запрещенія дѣти, должны считаться законными и должны быть признаваемы въ этомъ качествѣ по отношенію по всѣмъ *отнынѣ* наступающимъ юридическимъ послѣдствіямъ этого отношенія.—

Но новое правовое сознаніе не можетъ отрицать того, что хотя бракъ признается, самъ въ себѣ, съ самаго начала дѣйствительнымъ, онъ все таки за то время, въ теченіи котораго дѣйствовало старое запрещеніе, не могъ имѣть никакой юридической силы. Слѣдовательно, за время существованія запретительнаго закона, бракъ не можетъ получить юридической дѣйствительности даже въ силу новаго правоваго сознанія. На этомъ основаніи, рожденныя въ такомъ бракѣ дѣти остаются незаконными, въ отношеніи всего времени существованія запретительнаго закона и всѣхъ послѣдовавшихъ въ теченіи его юридическихъ дѣйствій и послѣдствій; ибо новое правовое сознаніе вовсе не можетъ ихъ признавать въ отношеніи этого періода времени, такъ какъ было-бы логическою невозможностью признавать, чтобы что-либо могло получить юридическую силу въ такое время, въ которое оно, напротивъ, прямо было исключено изъ области права самою природою правовой субстанціи, т. е. содержаніемъ всеобщаго сознанія. Такимъ образомъ, въ отношеніи открывшихся еще во время господства запретительнаго закона прародительскихъ или другихъ наслѣдствъ, не происходитъ никакой перемѣны

въ неправоспособности данныхъ дѣтей, если для пріобрѣтенія наслѣдства требуется рожденіе отъ законнаго брака, — не происходитъ никакой перемѣны даже и тогда, когда отмѣна запретительнаго закона, а съ нею характеръ законности брака, съ этого момента наступаютъ въ то время, когда еще продолжаются процессы о самыхъ наслѣдствахъ. Эти послѣднія, напротивъ, должны оставаться за тѣми изъ наслѣдствъ, которые отличались правоспособностью къ принятію наслѣдства, въ самый моментъ его открытія.

Останавливаясь на внутреннемъ развитіи того принципа, на которомъ основывается какъ дѣйствіе воспослѣдовавшихъ запретительныхъ законовъ на совершенные до нихъ договоры, такъ и наоборотъ, возстановленіе юридическихъ отношеній, въ случаѣ отмѣны этихъ законовъ, авторъ указываетъ на то, что несмотря на существующее между этими двумя вліяніями различіе, оба они, однако, основываются на крайне отвлеченномъ понятіи нашего духа, по которому, существовавшее до того, *само въ себѣ*, переходитъ теперь въ *дѣйствительность*.

Тамъ, при воспослѣдованіи запретительнаго закона, переходитъ въ дѣйствительность самъ въ себѣ существовавшій предѣлъ (о которомъ авторъ выше говорилъ подробно), а здѣсь, при отмѣнѣ запретительнаго закона, переходитъ въ дѣйствительность существовавшее само въ себѣ притязаніе. Такъ какъ духъ человѣческій считаетъ это свое проявленіе непроизвольнымъ и случайнымъ, а лишь выступленіемъ наружу само по себѣ въ немъ коренящейся внутренней сущности и эта сущность, стало быть, какъ проявленіе самаго духа, переходитъ сама по себѣ во всѣ духовныя его дѣйствія и въ нихъ содержится, то, при переходѣ въ область дѣйствительности этой внутренней сущности, осуществленіе ея выступаетъ отнынѣ и во всѣхъ прежнихъ его дѣйствіяхъ, т. е. въ нихъ выступаетъ дѣйствіе новаго закона ab nunc. Но такъ какъ оно выступаетъ лишь отнынѣ, и право, какъ таковое, составляетъ область не отвлеченно само въ себѣ существующаго, но всего того, что на самомъ дѣлѣ существуетъ во всеобщемъ сознаніи, то всѣ давно уже обнаружившіяся послѣдствія этихъ

дѣйствій въ то время, когда новыя опредѣленія находились еще въ состояніи бытія, само въ себѣ существующаго, должны опредѣляться тѣмъ, что въ то время считалось дѣйствительно существующимъ, т. е. прежнимъ правомъ.

Отсюда выводится коренное основаніе того, почему остается въ силѣ жалоба о взысканіи процентовъ, слѣдовавшихъ до обнародованія закона о максимумѣ процентовъ; почему пріобрѣтенное рабомъ до отмѣны рабства имущество, остается собственностію господина; почему, съ другой стороны, дѣти, рожденныя до отмѣны запретительнаго брачнаго закона, остаются незаконнорожденными въ отношеніи всѣхъ открывшихся до того наслѣдственныхъ правъ.

Далѣе авторъ приводитъ изъ римскаго права еще нѣкоторые примѣры возстановленія правъ, посредствомъ фактическихъ перемѣнъ. Такъ напримѣръ, если сынъ, состоящій подъ родительною властію, лишенный правъ состоянія или рабъ, неспособный къ выраженію послѣдней своей воли, учреждаютъ фидеикоммисъ, и затѣмъ первый достигаетъ эмансипаціи, второй вновь пріобрѣтаетъ права состоянія, а третій отпускается на волю, то во всѣхъ этихъ случаяхъ фиденкоммисъ возстановляется. Естественно, что законъ, отмѣняющій подобную неправоспособность, долженъ имѣть то же дѣйствіе что и устраненіе ея, посредствомъ возстановленія правъ состоянія или отпущенія на волю, и, само собою разумѣется, подъ тѣмъ условіемъ, чтобы воля на фиденкоммисѣ удерживалась до освобожденнаго отъ всякаго препятствія состоянія.

Затѣмъ, авторъ переходитъ къ оцѣнкѣ прусскаго закона отъ 27 февраля 1816 года, который состоитъ, повидимому, отчасти въ согласіи, отчасти въ противорѣчіи со всѣмъ высказаннымъ имъ выше.

Этимъ закономъ постановлено, что всѣ браки, совершенные духовною властью во время чужестраннаго господства въ Рейнскихъ провинціяхъ и Вестфаліи, дѣйствительны и рожденныя въ нихъ дѣти должны разсматриваться какъ законныя, если даже и несоблюдены, при заключеніи ихъ, пред-

писанныя французскимъ кодексомъ, подъ опасеніемъ недѣйствительности, гражданско-юридическія формы.

Отступленіе отъ развитаго выше авторомъ начала, казалось, слѣдовало-бы усмотрѣть въ томъ, что если и по Cod civil сторонамъ предоставлено было заключать дѣйствительные браки подъ условіемъ соблюденія предписанныхъ въ немъ формальностей, то принудительныя или запретительныя опредѣленія касались лишь одной *формы* дѣйствія. Но дѣло въ томъ, что воззрѣніе прусскаго законадателя, очевидно, заключалось въ томъ, что религіозная совѣсть сторонъ могла противиться заключенію брака при участіи гражданской власти и такимъ образомъ сдѣлать самое заключеніе брака вовсе невозможнымъ. Если-же признать это основаніе въ прусскомъ законѣ, то будетъ-ли оно правильно или нѣтъ, во всякомъ случаѣ, законъ этотъ долженъ уже относиться къ разряду тѣхъ, которые имѣютъ въ виду отмѣнить матеріальное запрещеніе, которое не могло быть обойдено сторонами.

Если-же это вѣрно, то становится яснымъ, почему прусскій законъ вполнѣ соотвѣтствуетъ основному принципу, развитому авторомъ, почему ему присуще болѣе сильное дѣйствіе перемѣны въ самомъ правѣ, и почему онъ выходитъ далеко за предѣлы возстановленія правъ въ случаѣ перемѣны фактической, встрѣчаемой въ приведенныхъ выше примѣрахъ изъ римскаго права. Въ то время, какъ по римскому праву основаніемъ къ заключенію брака служитъ одно согласіе на вступленіе въ бракъ и фактическое возстановленіе брака стараются, поэтому, представить такимъ образомъ, что *лишь* теперь бракъ заключается посредствомъ удержанія безформальной воли,—то дѣло представляется совсѣмъ иначе въ приведенномъ выше случаѣ прусскаго права. По требованіямъ послѣдняго, бракъ заключается только съ соблюденіемъ опредѣленныхъ формъ; поэтому, если заключенные прежде браки безъ разсужденій объявлены дѣйствительными, то здѣсь не происходитъ новаго брака (что и невозможно неформальнымъ образомъ), а возстановляется прежній бракъ, въ свое время считавшійся недѣйствительнымъ. Такъ какъ бракъ,

вслѣдствіе перемѣны происшедшей въ правѣ, разсматривается какъ дѣйствительный уже ко времени его заключенія, то эта сама въ себѣ содержащаяся дѣйствительность выступаетъ въ немъ на самомъ дѣлѣ. Въ прусскомъ законѣ выступаетъ, слѣдовательно, при ближайшемъ разсмотрѣніи, и въ отношеніи дѣйствительности тѣхъ браковъ, то самое, болѣе сильное дѣйствіе, свойственное перемѣнѣ въ правѣ, на которое мы указали въ ней въ отношеніи законности дѣтей.

Засимъ, авторъ переходитъ къ немаловажному, въ теоретическомъ и практическомъ смыслѣ, различію, которое установляется между возстановленіемъ права, выводимымъ изъ фактическихъ и юридическихъ перемѣнъ.

Выше авторъ сказалъ, что для возстановленія права необходимо, чтобы индивидуальная воля проявилась не въ единомъ дѣйствіи, а чтобы она продолжалось вплоть до новаго состоянія. Это начало можетъ имѣть мѣсто лишь при возстановленіи, наступающемъ вслѣдствіе фактическаго устраненія матеріальнаго препятствія; но оно видоизмѣняется при возстановленіи, вызываемомъ перемѣною въ правѣ.

По мнѣнію римскихъ юристовъ, воля, направленная на бракъ или въ фидекоммисъ, должна продолжаться до и послѣ наступленія событія, устраняющаго прежде существовавшее препятствіе.

Причина, почему воля лица должна продолжаться не только до, но и послѣ наступленія событія, весьма понятна: такъ какъ въ отношеніи препятствія, устраненнаго лишь фактическою перемѣною, дѣйствіе, совершенное во время его существованія, не можетъ быть разсматриваемо правовымъ сознаніемъ какъ дѣйствительное an sich, то въ моментъ устраненія препятствія нѣтъ еще ничего существующаго an sich, что въ этотъ идеальный моментъ времени могло-бы перейдти въ дѣйствительность. Дѣйствительность акта воли можетъ быть признана, такимъ образомъ, лишь вслѣдствіе того, что и теперь, послѣ устраненія существовавшаго препятствія, направленная на бракъ и т. п. воля, еще находится на лицо.

На этомъ основаніи нѣкоторыя законодательства предписываютъ еще извѣстное количественное распространеніе воли, послѣ отпаденія фактическаго препятствія. Такъ по 185 ст. Code civil, бракъ супруговъ, вступившихъ въ него до законнаго возраста, дѣлается неприкосновеннымъ тогда лишь, когда не только супруги достигли требуемаго возраста, но когда прошло уже послѣ того 6 мѣсяцевъ.

Между тѣмъ, въ тѣхъ случаяхъ, когда перемѣна происходитъ въ правѣ, нѣтъ надобности въ удержаніи воли. Предположимъ, что, при совершенно законныхъ и дѣйствительныхъ формахъ, заключенъ бракъ, запрещенный въ извѣстныхъ степеняхъ родства или вслѣдствіе различія въ религіи, неравенства состоянія. Очевидно, что всѣ браки подобнаго рода, еще необъявленные до того ничтожными, возстановляются, хотя-бы въ моментъ обнародованія новаго закона или до него, фактическая воля супруговъ уже болѣе не продолжалась, или если-бы даже наоборотъ, наступила противоположная воля одного или другаго изъ супруговъ, или обоихъ вмѣстѣ, какъ напримѣръ добровольное фактическое разлученіе.

Внутреннее основаніе этого заключается въ слѣдующемъ. Бракъ заключенъ добровольно и съ соблюденіемъ установленныхъ формъ и, по новому правовому сознанію, которое разсматриваетъ этотъ бракъ какъ дозволенный и лежащій внутри предѣловъ индивидуальной свободы воли, бракъ этотъ былъ an sich дѣйствителенъ съ самаго начала. Это бытіе an sich, которое, во время существованія запретительнаго закона, было недѣйствительно и безцѣльно, достигло признанія и перешло въ дѣйствительность, въ моментъ обнародованія новаго закона, и существующій еще бракъ, этимъ самымъ, достигъ дѣйствительности, an sich и für sich существующей.

Тотъ же результатъ открывается въ слѣдующей, болѣе юридической формѣ. Какое основаніе лицо могло-бы пріискать для ничтожности своего брака? Свою индивидуальную волю? Но его воля, напротивъ, состояла въ томъ, чтобы заключить этотъ бракъ и дѣйствительно его заключили съ со-

блюденіемъ всѣхъ установленныхъ для него формъ. Быть можетъ, оно-бы приняло въ основаніе существовавшій запретительный законъ? Но онъ болѣе не существуетъ и уступилъ мѣсто другому, совершенно противоположному правовому сознанію. Или, быть можетъ, лицо считаетъ прежде существовавшій запретительный законъ, одновременный заключенію брака, пріобрѣтеннымъ личнымъ правомъ? Но однимъ тѣмъ, что дѣйствіе совершается вопреки существующему закону, этотъ послѣдній не усвоивается лицомъ, дѣйствующимъ противъ закона, и не дѣлается его пріобрѣтеннымъ правомъ.

Такимъ образомъ, въ противоположность фактическимъ перемѣнамъ, которыя устраняютъ прежде существовавшее препятствіе и при которыхъ имѣетъ значеніе продолжающаяся послѣ устраненія препятствія воля, производящая послѣдствія лишь отнынѣ,—перемѣна, происходящая въ самомъ правѣ, отличается тѣмъ именно, что прежнее дѣйствіе возстановляется, какъ таковое, потому, что оно составляетъ внѣшнюю дѣйствительность, лицомъ созданною и имъ еще неуничтоженную,—дѣйствительность, которая теперь, вслѣдствіе превращенія всеобщаго правоваго сознанія въ другое, совершенно съ нею тождественное, получаетъ юридическую санкцію. Опа получаетъ ее, слѣдовательно, въ тотъ идеальный моментъ времени, въ которомъ это развитіе правовой субстанціи осуществилось перемѣною закона и отнынѣ воля, направленная на возстановленіе дѣйствія, потребна не въ большей степени, чѣмъ если-бы она имѣла мѣсто съ самаго начала, при дѣйствіи дозволительнаго закона.

Само собою разумѣется, что если, еще во время существованія запретительнаго закона, индивидуальная воля лица уничтожила дѣйствіе, свойственнымъ природѣ его образомъ, если, напримѣръ, бракъ объявленъ ничтожнымъ или даритель потребовалъ обратно запрещенный даръ, — то въ этихъ случаяхъ отпаденіе запретительнаго закона не производитъ никакого возстановляющаго дѣйствія, ибо новое правовое сознаніе не встрѣчаетъ болѣе, въ самый идеальный моментъ времени своего наступленія, никакого дѣйствія и ни-

какой заключающейся въ немъ воли, которая могла-бы быть возстановлена. Несмотря на современное пониманіе прежняго дѣйствія какъ такого, которое, само въ себѣ, дѣйствительно, правовое сознаніе не можетъ оспаривать у лица права, во время существованія запретительнаго закона, поставить посредствомъ другаго дѣйствія или выраженной въ законной формѣ воли, прежде совершенное дѣйствіе, въ то положеніе, въ которомъ оно находилось согласно тогдашней дѣйствительности, т. е. провозгласить его недѣйствительнымъ и ничтожнымъ съ самаго начала. Это второе, совершенное въ соотвѣтствіи съ тогдашнимъ всеобщимъ сознаніемъ, дѣйствіе или выраженіе воли, остается, поэтому, пріобрѣтеннымъ правомъ лица.

На этомъ основаніи браки, уже объявленные ничтожными, вслѣдствіе заключенія ихъ при недозволенныхъ закономъ степеняхъ родства или по различію религій брачущихся, не могутъ быть возстановлены съ отмѣною сказанныхъ запретительныхъ законовъ и даже дѣти, рожденныя въ промежутокъ времени между заключеніемъ брака и признаніемъ его ничтожности, не могутъ, въ силу позднѣйшаго закона, сдѣлаться законными, потому что ничтожность брака наступаетъ не съ момента ея объявленія, а считается вслѣдствіе этого объявленія пріобрѣтенною съ самаго начала.

Тоже самое слѣдуетъ сказать и о дареніяхъ. Изъ развитаго выше начала вытекаетъ то, что дареніе, выходящее за предѣлы матеріальной правоспособности къ дѣйствію и поэтому самому ничтожное, возстановляется лишь тогда, когда еще при жизни дарителя и до уничтоженія имъ дара, отмѣненъ былъ запретительный законъ, ограничивающій правоспособность его къ распоряженію.

Авторъ приводитъ вслѣдъ за симъ рѣшеніе Лудукскаго суда, относящееся къ случаю о дареніи. Нѣкто, умершій во время дѣйствія Code civil, дозволилъ себѣ, въ ущербъ законнымъ наслѣдникамъ, подарить изъ своего имущества болѣе десятой части, нарушивъ тѣмъ предписаніе закона, существовавшаго во время даренія, до введенія Code civil. Законный

наслѣдникъ оспаривалъ дѣйствительность даренія, какъ совершеннаго подъ дѣйствіемъ запретительнаго закона, тогда какъ одаренный доказывалъ дѣйствительность его въ той мѣрѣ, въ какой оно не противорѣчитъ правиламъ Code civil относительно даренія. Судъ рѣшилъ дѣло въ пользу отвѣтчика на томъ основаніи, что право истца возникло лишь со времени смерти отца, а къ этому времени уже дѣйствовалъ Code civil, который и долженъ примѣняться къ настоящему случаю. Авторъ находитъ самый выводъ правильнымъ, но отвергаетъ мотивъ, положенный въ основаніе его. Рѣшеніе даже не пытается вывести подтвержденіе дара изъ молчанія дарителя при смерти, что и было-бы безполезно въ виду правилъ французскаго закона относительно даренія и завѣщанія. Если-же дареніе никогда не сдѣлалось дѣйствительнымъ, если притязаніе на предметы недѣйствительнаго дара могло лишь по волѣ умершаго осуществиться до самой смерти,—то правило „le mort saisit le vif“, коимъ руководствовался судъ, требуетъ, напротивъ, чтобы и это притязаніе перешло къ законному наслѣднику.

Но полное оправданіе, по мнѣнію автора, выводъ сказаннаго рѣшенія находитъ себѣ въ томъ, что со времени введенія Code civil, дѣйствовавшаго еще при жизни дарителя, даръ, бывшій прежде недѣйствительнымъ, но не уничтоженный имъ до этого момента, возстановляется самъ собою и не можетъ быть болѣе уничтоженъ даже самимъ дарителемъ.

Для большаго подтвержденія теоріи, изложенной въ этой части, авторъ останавливается на послѣдствіяхъ одобренія кѣмъ-либо совершеннаго за него дѣйствія, которыя, на первый взглядъ, могли противорѣчить его выводамъ.

Одобреніе, состоящее въ наступленіи прежде несуществовавшаго согласія лица, есть *фактическое* измѣненіе. Но такъ какъ одобреніе оказываетъ обратное вліяніе на признанное дѣйствіе, которое становится дѣйствительнымъ не съ момента одобренія, а съ момента его совершенія, то можно было бы придти къ заключенію, что это положеніе противорѣчитъ системѣ автора.

При ближайшемъ, однако, разсмотрѣніи, окажется, что оно

не только не противорѣчитъ ей, но, напротивъ, находится съ нею въ связи и подтверждаетъ ее.

Прежде всего, авторъ указываетъ на то, что одобреніе только потому превращаетъ въ дѣйствительное съ самаго начала, прежде совершенное дѣйствіе—положимъ, заключенный безъ полномочія договоръ — что оно составляетъ добровольное признаніе первоначально совершеннаго дѣйствія и всѣхъ его наступившихъ до того послѣдствій. Въ отличіе отъ возстановленія, eo ipso наступающаго, какъ слѣдствіе юридическаго или фактическаго измѣненія, одобреніе отличается характеромъ новаго договора, въ силу котораго частная воля лица положительнымъ образомъ выражаетъ свое соглашеніе на прежде совершенныя дѣйствія, признавая ихъ своими, вмѣстѣ съ ихъ послѣдствіями, *въ той именно мѣрѣ, въ какой прежняя недѣйствительность ихъ исключительно вытекала изъ его частнаго права.*

Это послѣднее ограниченіе прибавляется авторомъ потому, что невсегда одобреніе оказываетъ обратное вліяніе. Если, напримѣръ, бракъ заключается безъ согласія родителей, которое дается ими лишь впослѣдствіи, то бракъ дѣлается дѣйствительнымъ, но не со времени его заключенія, а лишь со времени наступленія родительскаго согласія,—такъ что мужъ не можетъ жаловаться на жену за прелюбодѣяніе, совершенное до этого согласія, до котораго отношенія между ними пребывали въ правахъ конкубината.

Основаніе этому заключается въ слѣдующемъ. Если, при недостаткѣ родительскаго согласія на бракъ, недѣйствительность дѣйствія не есть результатъ частнаго права лица, управомоченнаго на признаніе дѣйствія дѣйствительнымъ, а основана на публичномъ правѣ; если здѣсь, слѣдовательно, имѣетъ мѣсто положительное запрещеніе, т. е. абсолютный законъ, на который не можетъ перенести своего вліянія произволъ частнаго лица,—то воспослѣдовавшее одобреніе не можетъ оказывать никакого вліянія на возстановленіе дѣйствія съ самаго начала; позднѣйшій фактъ родительскаго согласія не можетъ оказать такого дѣйствія, чтобы бракъ, запрещенный въ

силу воззрѣнія, присущаго общественному сознанію, не былъ бы, до наступленія этого сознанія, ничтожнымъ.

При одобреніи-же договора, совершеннаго отъ имени даннаго лица безъ его согласія, обратное вліяніе имѣетъ мѣсто потому, что недѣйствительность совершеннаго дѣйствія вовсе не основывается на абсолютномъ и, слѣдовательно, ни на какомъ запретительномъ законѣ, а исключительно на правомочіи частной воли. Между тѣмъ, требованіе согласія со стороны родителей на заключеніе брака, основывается на абсолютномъ предписаніи, не предоставленномъ распоряженію частнаго произвола. Другими словами: запрещеніе заключить бракъ безъ согласія родителей, есть препятствіе, поставленное воззрѣніемъ общественнаго сознанія, и до тѣхъ поръ, пока общественное сознаніе остается неизмѣннымъ въ своемъ правовомъ воззрѣніи, фактъ послѣдовавшаго послѣ заключенія брака родительскаго согласія, не можетъ произвести никакого измѣненія въ томъ смыслѣ, чтобы получилъ юридическую силу, до наступленія родительскаго согласія, такой бракъ, дѣйствительность котораго исключалась народнымъ сознаніемъ.

Въ заключеніе авторъ приходитъ къ слѣдующимъ выводамъ: 1) хотя одобреніе представляетъ дѣйствительность, наступающую вслѣдствіе фактической перемѣны и хотя эта дѣйствительность распространяется на начало дѣйствія,—оно, тѣмъ не менѣе, не противорѣчитъ развитому авторомъ началу о менѣе важныхъ и по необходимости ограничивающихся дѣйствіемъ ab nunc послѣдствіяхъ фактическаго устраненія существующихъ препятствій; ибо одобреніе оказываетъ обратное вліяніе лишь потому и настолько, насколько оно состоитъ въ устраненіи препятствія, поставленнаго не всеобщимъ сознаніемъ, а исключительно сферою личной воли. Въ тѣхъ случаяхъ, когда все предоставляется исключительно дѣйствію частнаго произвола, послѣдній, проявляя себя даже въ невыгодныхъ результатахъ, но признавая естественно то, что прежде было, и дѣлая его своимъ, долженъ разсматриваться точно также, какъ будто онъ существовалъ ab initio. 2) что въ тѣхъ случаяхъ, когда одобреніе, въ дѣйствительности, пред-

ставляетъ фактическое устраненіе запретительныхъ законовъ, оно, въ сущности, не производитъ никакого обратнаго вліянія на начало дѣйствій, а признанное дѣйствіе становится дѣйствительнымъ лишь отнынѣ и впредь, какъ будто оно теперь наступило, и всѣ давно уже наступившія послѣдствія остаются отнынѣ и впредь недѣйствительными. Это есть необходимое послѣдствіе того, что правовое сознаніе народа, остававшееся неизмѣненнымъ при фактическомъ лишь устраненіи препятствія, разсматриваетъ дѣйствіе, до наступленія фактической перемѣны, какъ само по себѣ недѣйствительное и по существу ничтожное. Если-же отмѣняются матеріальные запретительные законы и устраняются, такимъ образомъ, вслѣдствіе перемѣны общественнаго сознанія, то, въ отношеніи индивидуальныхъ дѣйствій воли, совершенныхъ во время запрещенія въ дозволенной формѣ и вновь еще неотмѣненныхъ, происходитъ тоже самое, что, по аналогіи, можно было-бы назвать одобреніемъ со стороны общественнаго сознанія.

Это послѣднее одобреніе или конфирмація, въ отличіе отъ возстановленія, имѣющаго своимъ основаніемъ фактическую перемѣну, производитъ то послѣдствіе, что отнынѣ и впредь прежнее дѣйствіе возстановляется какъ таковое, т. е. что это дѣйствіе отнынѣ разсматривается какъ дѣйствительное само по себѣ, съ самаго начала; что это само по себѣ существовавшее дѣйствіе теперь получаетъ юридическое признаніе и поэтому, съ точки зрѣнія этого признанія, и прежде возникшія послѣдствія и результаты дѣйствій становятся юридически дѣйствительными и теряютъ свою дѣйствительность лишь по отношенію къ правамъ, давно пріобрѣтеннымъ т. е. по отношенію къ такимъ правамъ, которыя, во время существованія запрещенія, давно уже были пріобрѣтены и пріобрѣтеніе которыхъ произошло чрезъ посредство тогдашней недѣйствительности тѣхъ дѣйствій.

Въ этомъ заключается также основаніе и того, что и однократныя дѣйствія воли, которыми не основывается, какъ бракомъ, продолжительное состояніе, возстановляются посредствомъ юридической отмѣны матеріальныхъ запретительныхъ

опредѣленій, если только давно уже, до происшедшей въ правѣ перемѣны, недѣйствительность дѣйствія опять, съ своей стороны, не превратилась въ пріобрѣтенное право, посредствомъ дѣйствія воли, рѣшенія, примиренія и т. п.

Прежде авторъ указалъ на то, что съ отмѣною запретительнаго закона, возстановленіе индивидуальнаго дѣйствія воли наступаетъ лишь тогда, когда прежде существовавшее запрещеніе касалось абсолютнаго исключенія самаго *содержанія* дѣйствія, но не тогда, когда оно касалось лишь формальной стороны дѣйствія и открывало, такимъ образомъ, лицу еще возможность сообщить юридическое бытіе содержанію своей воли, соблюденіемъ предписанныхъ закономъ формальностей. Внутреннее основаніе этого различія заключается въ томъ, что если лицо имѣло эту возможность и добровольно къ ней не обращалось, то нельзя разсматривать такое отношеніе его какъ желаніе связать этимъ дѣйствіемъ свою волю *гражданскимъ* образомъ, а лишь какъ желаніе, имѣвшее въ виду связать одну естественную волю, которая можетъ быть отмѣняема ad nutum; ибо, въ противномъ случаѣ, лицо обратилось бы къ формальностямъ, предписаннымъ закономъ и необходимымъ для установленія гражданской принудительной воли.

Но изъ внутренняго понятія о существѣ индивидуальной свободы вытекаетъ то, что сказанное имѣетъ мѣсто лишь тамъ, гдѣ несоблюденіе предписанныхъ закономъ формальностей имѣетъ своимъ послѣдствіемъ несуществованіе связующей гражданской воли, но не тамъ, гдѣ, по воззрѣнію закона, несмотря на несоблюденіе предписанныхъ формальностей, все таки имѣла мѣсто гражданская воля, а требовавшаяся закономъ форма имѣла своею цѣлью лишь установленіе доказательства или удостовѣренія.—

Какъ уже прежде доказано было авторомъ, новый законъ, устраняющій прежде существовавшія формальности, лишь тамъ не можетъ имѣть примѣненія, гдѣ оно могло бы превратить обязанность, установленную одною естественною волею, въ обязанность гражданской воли. Такое превращеніе въ юридическое принужденіе естественной воли, которую ли-

цо желало удержать избѣжаніемъ формальностей, было бы по истинѣ обратнымъ дѣйствіемъ. Но тамъ, напротивъ, гдѣ несмотря на несоблюденіе формальностей, все-таки въ дѣйствіи заключается съ самаго начала гражданская воля, съ присущимъ ей юридическимъ принужденіемъ, а предписанная закономъ форма отличается только характеромъ доказательства или удостовѣренія,—отмѣна предписанія о формальностяхъ и примѣненіе облегчительнаго закона не производятъ никакого превращенія или уничтоженія индивидуальной воли (установившей съ самаго начала принудительную обязанность), а напротивъ, вызываетъ сохраненіе и дѣйствительность ея внутри присущаго ей объема, который есть ничто иное, какъ совокупный объемъ права, если только ему непротивостоятъ какія-либо запретительныя предписанія. Если существовавшія до того препятствія отпадаютъ, то послѣдствія самой по себѣ дѣйствительной и содержащейся въ формально-правильномъ дѣйствіи гражданской воли, расширяются до полного своего естественнаго объема.

Точно также выше было указано авторомъ, что различіе въ томъ, требуется-ли законная формальность для установленія гражданской воли или лишь доказательства, легко усматривается изъ того, будетъ-ли дѣйствіе, совершенное безъ соблюденія формальностей, пользоваться судебною защитою при судебномъ или присяжномъ признаніи, или нѣтъ.

Если, напр., требуемая закономъ при продажѣ традиція упущена или опоздали исполнить предписанныя закономъ, подъ опасеніемъ недѣйствительности, формальности, какъ напр. заявленіе о заключеніи брака, предъ гражданскимъ чиновникомъ, то здѣсь не имѣется въ виду гражданской воли ни къ отчужденію, ни къ заключенію брака. Фактъ продажи можетъ быть удостовѣряемъ и письменнымъ порядкомъ, заключеніе брака можетъ быть засвидѣтельствовано другою формою или другимъ какимъ-либо образомъ, а потому безъ соблюденія формальностей передачи, безъ объявленія передъ гражданскою властью, нѣтъ никакого дѣйствительнаго отчужденія и никакого дѣйствительнаго брака. Въ этихъ случаяхъ, такимъ

образомъ, вслѣдствіе упущенія предписанныхъ закономъ положительныхъ формальностей, необходимыхъ для образованія связующей воли, не вызвапо вовсе къ жизни никакой гражданской воли ни къ отчужденію, ни къ заключенію брака. Поэтому, законъ, отмѣняющій необходимость этихъ формальностей, не можетъ имѣть никакого примѣненія къ прежде совершеннымъ дѣйствіямъ.

Но если заемъ заключенъ неписьменнымъ порядкомъ, во время существованія закона, недопускающаго свидѣтельскихъ показаній въ удостовѣреніе займа, то новый законъ, допускающій свидѣтельскія показанія, долженъ получить примѣненіе во время спора; ибо и при существованіи стараго закона, признаніе займа со стороны должника, могло-бы имѣть послѣдствіемъ принудительный платежъ и, слѣдовательно, еще тогда гражданская воля лежала въ основаніи словеснаго займа.

Установивъ, такимъ образомъ, прежде развитое имъ различіе между естественною и гражданскою волею, въ отношеніи обратнаго дѣйствія закона, авторъ затѣмъ переходитъ къ дальнѣйшему изложенію.

Если, продолжаетъ онъ, съ отмѣною закона, предписывавшаго извѣстныя формальности, примѣненіе новаго закона, устраняющаго ихъ, могло-бы оказать обратное вліяніе на совершенныя до него дѣйствія лишь потому и въ такой мѣрѣ, въ какой прежде существовавшая естественная и отмѣняемая ad nutum воля, могла превратиться въ гражданскую, сопровождаемую юридическимъ принужденіемъ, то изъ этого, по необходимости, вытекаетъ слѣдующее положеніе. Оно состоитъ въ томъ, что новый законъ, устраняющій прежде существовавшія формальности, долженъ, во время смерти лица, всегда имѣть примѣненіе къ такимъ актамъ, которые, какъ завѣщанія, хотя и совершены съ соблюденіемъ всѣхъ предписанныхъ закономъ формальностей, все-таки, по самой правовой природѣ своей, всегда могутъ подлежать отмѣнѣ ad nutum, со стороны лица, ихъ совершившаго.

Внутренняя необходимость этого положенія, въ связи съ сказаннымъ, очевидна.

Если духовныя завѣщанія подлежатъ всегда отмѣнѣ и при соблюденіи предписанныхъ закономъ формальностей, и акты эти никогда обязательно не связываютъ завѣщателя, то всѣ предписываемыя закономъ для завѣщаній формальности, никогда не могутъ быть разсматриваемы какъ имѣющія цѣлью установить связующую волю, но лишь какъ вообще требуемое закономъ доказательство бытія серьезной воли. Въ смыслѣ доказательства къ нимъ и примѣняется существующій, во время смерти, облегчительный законъ; ибо до смерти завѣщателя воля его, какъ подлежащая отмѣнѣ, остается естественною и лишь со смерти его ей становится присущимъ гражданское, юридическое принужденіе. Достаточно-ли ясно, несомнѣнно и серьезно выражена воля для того, чтобы она могла сопровождаться юридическимъ принужденіемъ, это вопросъ, разрѣшеніе котораго, во всякомъ случаѣ, должно основываться на томъ законѣ, который существуетъ въ то время, когда естественная воля должна получить свойство юридическаго принужденія. Если естественная воля только достаточно серьезна и несомнѣнна въ тотъ моментъ, когда она должна превратиться въ гражданско-обязательную, и по существующему въ тотъ моментъ закону, то, само собою разумѣется, совершенно безразлично, какъ думали объ этомъ прежніе законодатели и законы прежнихъ временъ.

Такимъ образомъ, по мнѣнію автора, открывается для духовныхъ завѣщаній двойное правило. Если духовное завѣщаніе, въ отношеніи формальностей, соотвѣтствуетъ законамъ времени совершенія его, то оно остается дѣйствительнымъ и тогда, когда новый законъ предписываетъ болѣе строгія формальности. Оно дѣйствительно потому, что представляетъ собою индивидуальное дѣйствіе, уничтоженіе котораго закономъ, появившимся позднѣе закона, дѣйствовавшаго во время совершенія его, составляло-бы обратное дѣйствіе.

Если же, напротивъ, духовное завѣщаніе было недѣйствительно вслѣдствіе несоблюденія, при совершеніи его, предписанныхъ закономъ формальностей, но ко времени смерти завѣщателя оно соотвѣтствуетъ, въ отношеніи формы, правиламъ

болѣе облегчительнаго новаго закона, то, въ силу развитой авторомъ внутренней необходимости, духовное завѣщаніе возстановляется и равнымъ образомъ дѣйствительно.

Этими положеніями авторъ оправдываетъ содержаніе § 17 введенія ко всеобщему земскому праву, который неправиленъ лишь по распространенности и неточности выраженій и на который несправедливо нападали съ разныхъ сторонъ.

Параграфъ этотъ гласитъ: „прежде совершенныя дѣйствія, которыя, по старымъ законамъ, были-бы недѣйствительны вслѣдствіе недостатка со стороны формы, признаются дѣйствительными, коль скоро соблюдены формальности, требуемыя новѣйшимъ закономъ, ко времени возникшаго по поводу ихъ спора“.

Савиньи энергически отвергаетъ правильность содержанія приведеннаго параграфа. Мнѣніе его основано на томъ соображеніи, что настоящая выгода завѣщателя, состоящая въ сохраненіи истинной, серьезной и обдуманной воли, не удовлетворяется сообщеніемъ силы до того времени недѣйствовавшему духовному завѣщанію, идущему въ разрѣзъ съ юридическимъ принципомъ. Но это соображеніе, по мнѣнію автора, не основано на глубокомъ изученіи предмета, ибо оно оставляетъ въ сторонѣ дѣйствительную сферу права, т. е. то, что по внутренней необходимости вытекаетъ изъ правовой идеи, и нисходитъ въ область соображеній, основанныхъ на цѣлесообразности. Высказанное въ томъ параграфѣ положеніе, противорѣчитъ, по мнѣнію автора, лишь внѣшнимъ образомъ понятой и упорно удерживаемой *формулѣ* „tempus regit actum“ (Савиньи смѣшиваетъ формулу съ принципомъ), но не юридическому принципу, ибо, какъ показано было авторомъ, дѣйствительность актовъ, совершенныхъ безъ соблюденія формальностей и получающихъ силу подъ вліяніемъ облегчительнаго закона (какъ духовныя завѣщанія), вытекаетъ изъ внутренней необходимости логической правовой идеи. Если Савиньи утверждаетъ, что въ интересѣ дѣйствительной выгоды завѣщателя, для сохраненія его истинной, серьезной и обдуманной воли, необходимы или, по крайней мѣрѣ, пригоднѣе болѣе за-

труднительныя, судебныя формальности, то утвержденіе это высказывается имъ съ точки зрѣнія отмѣненнаго стараго закона или съ своей собственной, субъективной точки зрѣнія. Но Савиньи, по мнѣнію автора, упускаетъ изъ виду то, что при обсужденіи этого вопроса, онъ долженъ руководствоваться исключительно точкою зрѣнія новаго, вступающаго въ силу закона. По воззрѣнію же новаго закона, по современному, слѣдовательно, правовому сознанію, и въ отношеніи цѣлесообразности, необходимы облегченныя и упрощенныя формальности для того, чтобы удержать бытіе дѣйствительной, серьезной и обдуманной воли. Какимъ образомъ законодатель могъ бы придти въ противорѣчіе съ самимъ собою, разсматривая то, что онъ считаетъ достаточно серьезнымъ обнаруженіемъ воли для всего существующаго поколѣнія на будущее время, совершенно недостаточнымъ въ отношеніи уже существующихъ выраженій воли того же рода; какимъ образомъ онъ могъ-бы стать въ такое противорѣчіе, когда, съ появленіемъ новаго закона, эти выраженія воли ни въ какомъ случаѣ не становятся вѣдь непреложными и не сопровождаются юридическимъ принужденіемъ, безъ согласія завѣщателя. Савиньи вѣдь самъ, съ другой стороны, признаетъ, что всякое совершеніе духовнаго завѣщанія, въ силу того, что оно подлежитъ отмѣнѣ, usque ad extremum spiritum vitäe, должно быть разсматриваемо лишь какъ фактическое подготовленіе акта, который получаетъ свое юридическое исполненіе лишь съ послѣднимъ издыханіемъ жизни. Въ отношеніи же предписанныхъ для формальной дѣйствительности условій, съ той же точки зрѣнія, должно быть признано достаточнымъ если удовлетворяются только формальныя условія, требуемыя во время исполненія, точно также какъ при нотаріальномъ актѣ о продажѣ или другомъ двухстороннемъ договорѣ, не станутъ обращать вниманія на то, исполнены-ли формальныя условія, существовавшія во время изготовленія проекта, а скорѣе на то, соблюдены-ли, въ случаѣ происшедшихъ въ законѣ перемѣнъ, формальныя условія, требуемыя закономъ, дѣйствующимъ во время исполненія акта.

Далѣе авторъ опровергаетъ мнѣніе Савиньи о томъ, что положеніе, выраженное въ приведенномъ § 17, имѣть свое основаніе *въ снисхожденіи*. Онъ находитъ, что развитое имъ до внутренняго самопознанія положеніе, существенно связано съ опредѣленіемъ § 17 и что это лучше всего доказывается на ст. 10 публикаціоннаго къ всеобщему земскому праву патента 5 февраля 1794 года. Въ ней сказано:

„Такъ какъ часто встрѣчаются случаи, гдѣ дѣйствія и событія, изъ которыхъ проистекаютъ для сторонъ спорныя правоотношенія, происходили еще до опубликованія земскаго права, между тѣмъ, какъ юридическія послѣдствія ихъ наступятъ лишь послѣ того, мы нашли необходимымъ на эти случаи установить слѣдующія правила:

„Въ подобныхъ случаяхъ всегда должно быть обращаемо вниманіе на то: было-ли еще во власти того, о чьихъ правахъ и обязанностяхъ рѣчь идетъ, и зависѣло-ли отъ одной свободной его рѣшимости выраженіемъ воли или иначе, опредѣлить юридическія послѣдствія прежняго дѣйствія или событія и вообще установить ихъ другимъ способомъ чѣмъ какъ опредѣлено въ новомъ земскомъ правѣ или же такое измѣняющее опредѣленіе не находилось болѣе во власти и не зависѣло отъ односторонней рѣшимости того, кого касается дѣйствіе или событіе?“

„Въ послѣднемъ случаѣ и наступающія послѣ юридическія послѣдствія должны быть обсуживаемы по старымъ законамъ, которые дѣйствовали въ то время, когда происходило данное дѣйствіе или событіе.“

„Въ первомъ случаѣ, напротивъ, хотя дѣйствіе или событіе и происходило прежде, но такъ какъ не имѣло мѣста никакое измѣняющее опредѣленіе при обсужденіи юридическихъ послѣдствій, наступившихъ послѣ 1 января 1794 г., то слѣдуетъ примѣнять предписанія современнаго новаго земскаго права.“

Приведеніе этой статьи, по мнѣнію автора, совершенно достаточно для того чтобы доказать, что установленное въ ней различіе между актами, неподлежащими отмѣнѣ и под-

лежащими ей по произволу лица, основывается на томъ же, на чемъ основывается различіе между естественною и гражданско-обязательною волею и вытекающія отсюда положенія. Теперь очевидно, говоритъ авторъ, что распоряженіе § 7 введенія, насколько оно имѣетъ въ виду духовныя завѣщанія, есть ни что иное, какъ послѣдовательное и необходимое послѣдствіе мысли, лежащей въ основаніи 10 статьи публикаціоннаго патента.

То же самое воззрѣніе содержится, по указанію автора, въ публикаціонномъ, по случаю введенія въ дѣйствіе въ великомъ герцогствѣ Баденскомъ кодекса Наполеона § 11, № 3: „согласно приведенному и духовныя завѣщанія, совершенныя прежде, будь-ли это недавно или уже давно, и приводящіяся въ исполненіе послѣ сказаннаго 1-го іюля, вслѣдствіе смерти наслѣдодателя, должны быть признаны дѣйствительными не только тогда, когда они соотвѣтствуютъ по формѣ требованіямъ стараго закона, но и тогда, когда бы они по этому закону имѣли и недостатки, которые, по новому земскому праву, перестаютъ быть болѣе недостатками; ибо законодатель равно какъ и судья, по праву предполагаютъ, что наслѣдодатель желалъ, чтобы его воля сохранялась во всякой, по закону только возможной, формѣ.

Затѣмъ, авторъ указываетъ на то, что подобно Савиньи и французскіе юристы, за исключеніемъ Мейера, придерживаются воззрѣнія, что позднѣйшій законъ не можетъ возстановить силы духовнаго завѣщанія, формально недѣйствительнаго, по законамъ времени совершенія его. Но авторъ приводитъ изъ французской исторіи законодательства XVIII столѣтія множество примѣровъ, доказывающихъ совершенно противное.

Авторъ заканчиваетъ свою теорію выясненіемъ еще одного послѣдняго момента, который, по его мнѣнію, молчаливо какъ бы лежитъ въ основаніи всего предъидущаго, но нуждается въ опредѣленіи внутренней его природы.

Дѣйствіе этого момента заключается въ слѣдующемъ: всякій новый законъ тотчасъ получаетъ безусловное примѣне-

ніе, коль скоро онъ установляется для выгоды индивида и не нарушаетъ дѣйствительно пріобрѣтенныхъ правъ другаго индивида. Внутреннее основаніе этого положенія состоитъ въ томъ, что никто не имѣетъ права на то, чтобы что-либо сдѣлалось содержаніемъ всеобщаго сознанія, т. е. закономъ. Но каждый имѣетъ неоспоримо пріобрѣтенное право на то, чтобы то, что разъ признано содержаніемъ всеобщаго сознанія, существовало и для него. Это есть моментъ, который образуетъ не болѣе и не менѣе какъ формальное понятіе самого всеобщаго сознанія—существовать для всѣхъ людей, взятыхъ въ отдѣльности. Это именно тотъ моментъ сказаннаго понятія, на которомъ зиждется какъ обязательная природа закона вообще, его принудительный инстинктъ стремиться къ переходу въ дѣйствительность, такъ и содержащійся въ существѣ закона моментъ одинаковости для всѣхъ или, что тоже, понятіе закона вообще.

Дѣйствіе этого внутренняго момента не имѣетъ никакого другаго предѣла кромѣ того, который указывается правами пріобрѣтенными, индивидуальными дѣйствіями воли другихъ лицъ. Въ томъ именно и выражается систематическое признаніе и послѣдовательность приведеннаго выше начала, что обязательность безусловнаго и безотлагательнаго примѣненія закона, вытекаетъ изъ существа его, какъ содержанія всеобщаго разума, ставшаго для всѣхъ обязательнымъ и встрѣчаетъ предѣлы, вытекающіе изъ его собственнаго внутренняго понятія, въ томъ, что человѣческія индивидуальныя дѣйствія воли не должны быть уничтожены. Гдѣ не бываетъ столкновенія съ пріобрѣтенными правами, т. е. гдѣ лицо не обращается къ осуществленію ихъ, въ виду того, что положеніе его улучшается новымъ закономъ, тамъ новое содержаніе всеобщаго духа должно осуществить свое бытіе для всѣхъ въ отдѣльности и, такимъ образомъ, получить немедленное исполненіе. То, что новый законъ измѣняетъ къ лучшему положеніе людей, составляетъ возможную задачу каждаго закона, а не обратное его вліяніе.

Выше авторъ назвалъ пріобрѣтеннымъ правомъ для каж-

даго лица, въ отдѣльности, то именно, что разъ уже составляетъ современное содержаніе всеобщаго сознанія. Но это право, на самомъ дѣлѣ, должно быть, по мнѣнію автора, названо пріобрѣтенѣйшимъ изъ всѣхъ правъ.

Каждое лицо въ государствѣ, совокупностью своей жизни, мышленія и дѣйствій, есть сопроизводитель всеобщаго духа или долженъ, по крайней мѣрѣ, быть разсматриваемъ какъ таковой. Если оно, какъ отдѣльное лицо, не имѣетъ никакого права на то, чтобы извѣстное положеніе разума составляло признанное содержаніе всеобщаго духа, образованіе котораго подчиняется самому себѣ,-то оно имѣетъ, напротивъ, неотъемлемѣйшее право на то, чтобы все, что разъ надлежащимъ образомъ признано, было содержаніемъ всеобщаго духа, существовало также и для него и доставляло-бы и ему, какъ отдѣльному лицу, пользу. Это есть основное право каждаго лица, въ противоположность государству.

Право на примѣненіе къ лицу всего того, что составляетъ признанное содержаніе всеобщаго духа, установляется и пріобрѣтается не единичнымъ дѣйствіемъ, а совокупностью всей дѣятельности лица въ государствѣ, во имя общественности. Это абсолютно пріобрѣтенное право лица, изъ котораго всѣ прочія пріобрѣтенныя права лишь проистекаютъ.

Исходя изъ этого философскаго, правоваго понятія, нельзя не замѣтить, какое абсолютное неправо лежитъ въ основаніи воззрѣнія о „пощадѣ и снисхожденіи," по которому часто, съ точки зрѣнія законодателя, полагали возможнымъ или необходимымъ, отсрочивать примѣненіе новыхъ законовъ къ извѣстнымъ классамъ или личностямъ, въ угоду существовавшихъ прежде притязаній другихъ классовъ или индивидовъ. Такъ, авторъ приводитъ мнѣніе Савиньи о фидеокомисахъ, состоящее въ слѣдующемъ: „очень трудно разрѣшеніе этой задачи (положить въ основаніе исполненія закона высшую степень пощады и снисхожденія) при отмѣнѣ фидеикоммисовъ, такъ какъ здѣсь притязанія и ожиданія отдѣльныхъ лицъ, управомоченныхъ на преемство, въ высшей степени неопредѣленны. Ослабленіе этой невыгоды можетъ быть найдено въ

томъ, чтобы отсрочить на нѣкоторое время исполненіе новаго закона." Согласно съ этимъ воззрѣніемъ, добавляетъ авторъ, нѣкоторыя законодательства и постановляли, чтобы, несмотря на отмѣну фидеикоммиссарныхъ субституцій, оставались въ силѣ обусловленныя ими притязанія первородства прежнихъ преемниковъ, ближайшей степени. Но это снисхожденіе, по мнѣнію автора, упускаетъ изъ виду то, что щадя существующія притязанія, оно нарушаетъ основное изъ всѣхъ пріобрѣтенныхъ правъ, а именно: право призываемыхъ новымъ закономъ къ наслѣдству на то, чтобы то, что уже стало содержаніемъ современнаго, всеобщаго, правоваго сознанія, существовало также и для нихъ.

Далѣе авторъ переходитъ къ тому, какое вліяніе оказываетъ установленное имъ начало на сферу уголовнаго права.

Уголовное право находится, по мнѣнію автора, подъ особымъ вліяніемъ этого начала. Это вытекаетъ изъ того простаго основанія, что въ уголовномъ правѣ индивиду всегда противостоитъ не другой какой либо индивидъ, а само общество. Всякая для индивида благопріятная отмѣна, всякое облегченіе уголовныхъ законовъ, не можетъ наталкиваться на пріобрѣтенныя индивидуальныя права, которыя одни могли-бы считать воздѣйствіе новаго облегчительнаго закона обратнымъ дѣйствіемъ. Отсюда вытекаетъ то, что примѣненіе новаго, болѣе благопріятнаго закона, составляетъ абсолютное требованіе принципа, какъ въ томъ случаѣ, когда онъ совершенно отмѣняетъ особый видъ наказанія, такъ и въ томъ, когда онъ лишаетъ преступности дѣйствія, до того угрожаемыя наказаніями, и притомъ совершенно безразлично, совершено-ли преступленіе до изданія новаго закона, находится-ли еще въ дѣйствіи уголовный процесъ, или, напротивъ, состоялся уже вошедшій въ законную силу приговоръ. При этомъ авторъ выражаетъ свое крайнее удивленіе тому, что юристы не только обходили молчаніемъ, но даже положительно отрицали правильность положенія, что при законной отмѣнѣ преступнаго характера дѣянія, лежащаго въ основаніи самаго приговора, лишеніе послѣдняго своей силы, есть необходимое и

неизбѣжное послѣдствіе самой правовой идеи. Источникъ этого замѣчательнаго заблужденія естественно различается, по мнѣнію автора, въ поспѣшномъ представленіи о непоколебимости авторитета res judicatae. Но это представленіе, вѣрное само по по себѣ, доходитъ, по мнѣнію автора, до нелѣпости въ примѣненіи къ уголовнымъ приговорамъ. Гражданское рѣшеніе порождаетъ, какъ показано было выше авторомъ, пріобрѣтенныя права для даннаго лица, которыя, разъ будучи пріобрѣтены посредствомъ индивидуальныхъ дѣйствій, остаются въ своей силѣ и тогда, когда самый источникъ ихъ возникновенія исчезаетъ. Но взглядъ на res juticata въ уголовномъ приговорѣ, какъ на пріобрѣтенное право, есть не болѣе какъ абсурдъ. Такое пріобрѣтенное право сводилось бы ни къ чему иному, какъ къ *пріобрѣтенному праву общества поступать съ индивидуумомъ въ противность своему современному публичному и обязательному сознанію*. Если-бы общество и имѣло такое право, которое, какъ логическое противорѣчіе, само по себѣ немыслимо, то оно, во всякомъ случаѣ, никогда не могло-бы сдѣлать изъ него нималѣйшаго примѣненія, потому что интересъ общества состоитъ исключительно въ томъ, чтобы *реализировать* свое духовное содержаніе, а не въ томъ чтобы его самому уничтожать или удерживать съ характеромъ отрицанія.

Опровергая этотъ взглядъ на res judicata прежде высказанными началами, авторъ останавливается на томъ, что уголовный приговоръ есть не болѣе какъ *выводъ*, посредствомъ котораго *отдѣльное лицо*, вслѣдствіе совершеннаго имъ особаго дѣйствія, подводится подъ *всеобщее*,—подъ законъ. Когда доказывается, что большая посылка ложна (ибо новый законъ, незапрещающій болѣе прежде запрещенныя дѣйствія или отмѣняющій самый законъ, или мѣру наказанія, содержитъ въ себѣ аутентическое законодательное доказательство этой ложности), то самый выводъ становится ложнымъ и исчезаетъ самъ собою.

Затѣмъ, авторъ еще далѣе проводитъ свою мысль на различіи относительно res judicata въ гражданскомъ и уголовномъ

приговорѣ. Гражданское рѣшеніе, составляющее доказательство лишь inter partes не основывается на фикціи абсолютной правды и представляетъ новацію, т. е. право самостоятельное, пріобрѣтенное дѣйствіемъ воли, независимо отъ первоначальнаго, правоваго источника его происхожденія. Уголовный же приговоръ, напротивъ, при которомъ пріобрѣтающее дѣйствіе воли вовсе немыслимо, основывается въ сущности на фикціи абсолютной правды, составляя доказательство inter omnes.

Но именно потому, продолжаетъ авторъ, что уголовный приговоръ основывается на этой фикціи и здѣсь должно имѣть мѣсто положеніе: „fictio cedit veritati,“ если только наступаетъ легальное и признанное доказательство неистинности фикціи,— если, вслѣдствіе развитія всеобщаго народнаго сознанія, то, что прежде считалось абсолютною правдою, теперь сдѣлалось неправдою. Уголовный приговоръ, вошедшій въ законную силу, не можетъ, поэтому, ни въ какомъ случаѣ продолжать свое дѣйствіе въ такое время, въ которое наказуемость дѣянія, фактически установленнаго приговоромъ, исключается правовымъ сознаніемъ всеобщаго духа и слѣдовательно самою правовою субстанціею.

Что такое наказаніе какъ смертная казнь, не можетъ, въ противность правовой идеѣ, быть приведенною въ исполненіе, несмотря на вошедшій въ законную силу приговоръ, если новый законъ отмѣняетъ это наказаніе и считаетъ его поэтому недоступнымъ,—это съ трудомъ можетъ быть отвергаемо. Но то-же самое должно имѣть мѣсто, и еще въ большей степени, когда новый законъ объявляетъ прежде наказуемое дѣяніе ненаказуемымъ, или, что то-же, объявляетъ его наказуемымъ лишь тогда, когда оно отличается опредѣленными, прежде нетребовавшимися признаками. Ибо здѣсь измѣненіе всеобщаго правоваго сознанія не только наступаетъ въ отношеніи того, *какъ* наказывать, но оно представляется еще тѣмъ болѣе существеннымъ, касаясь того, *что* должно быть наказываемо. Въ какой степени неопровержимо развитое авторомъ положеніе, каждому станетъ осязательно по-

нятнымъ, если поставить на видъ очень часто встрѣчающійся случай, что вслѣдствіе измѣненія всеобщаго правоваго сознанія, до того запрещенное дѣяніе разсматривается даже какъ похвальное. Такъ, авторъ приводитъ, что въ нѣкоторыхъ законодательствахъ или на практикѣ установлѣно основное положеніе, что насильственная оборона противъ должностнаго лица, которое посягаетъ на личную свободу гражданъ, нарушеніемъ законныхъ предѣловъ своей власти, составляетъ преступленіе. Между тѣмъ, это правовое воззрѣніе можетъ измѣниться и уступить мѣсто противоположному воззрѣнію, а именно такому, что въ подобныхъ случаяхъ, противодѣйствіе есть безусловное право, есть дѣяніе, способствующее развитію всеобщаго правоваго смысла, укрѣпляющее гражданское мужество примѣромъ и традиціею, удерживающее высокомѣріе должностныхъ лицъ, есть дѣяніе похвальное, благопріятствующее установленію господства строгой законности. Авторъ приводитъ историческіе примѣры законодательствъ съ такимъ воззрѣніемъ и добавляетъ, что съ изданіемъ такого закона, продолженіе наказанія прежде осужденныхъ за такія дѣянія, которыя, по современному воззрѣнію общественнаго духа, разсматриваются какъ обязательныя и патріотическія, оказывается невозможнымъ и составляло бы отрицаніе народнаго сознанія и его публичнаго права, и, слѣдовательно обсолютное нарушеніе правоваго принципа. Но очевидно, что это имѣетъ мѣсто не только тогда, когда противорѣчіе становится *до того* рѣзкимъ, что вслѣдствіе духовнаго переворота, прежде осужденныя дѣянія становятся обязательными, но и тогда, когда они, вслѣдствіе отмѣны существовавшаго запрещенія, становятся *дозволенными*. Ибо, такимъ новымъ закономъ дѣяніе превращается въ такое, которое принадлежитъ сферѣ индивидуальной свободы и наказаніе котораго, неоснованное болѣе на существованіи запретительнаго закона, было бы—согласно съ правовою идеею—преступленіемъ противъ личной свободы.

Было-бы также, по мнѣнію автора, заблужденіемъ полагать, что примиреніе противорѣчія двухъ сознаній различ-

ныхъ, другъ за другомъ слѣдующихъ, эпохъ, есть дѣло амнистіи или помилованія. Амнистія или помилованіе всегда предполагаетъ, что подлежащее забвенію или помилованію дѣяніе, остается наказуемымъ еще и по современному правовому воззрѣнію. Развитое-же авторомъ основное положеніе, напротивъ, состоитъ въ томъ, что дальнѣйшее наказываніе дѣянія, неугрожаемаго болѣе наказаніемъ, исключается во имя права, во имя одной силы правовой идеи. Вошедшій въ законную силу уголовный приговоръ, основанный на уголовномъ законѣ, который уже отмѣненъ и не замѣненъ другимъ закономъ такого-же содержанія, слѣдуетъ разсматривать какъ такой приговоръ, который поставленъ внѣ всякой силы высшимъ правовымъ развитіемъ, происшедшимъ въ совокупномъ народномъ сознаніи, какъ въ единственной субстанціи всего права.

Все объясненное выше, по мнѣнію автора, сводится къ тому, что положеніе „nulla poena sine lege“ имѣетъ не только то значеніе, что наказаніе не можетъ быть установляемо безъ закона, но въ равной степени и то, что и послѣ уже начатаго исполненія наказанія, послѣднее не можетъ быть *продолжаемо* безъ прежняго или тождественнаго съ нимъ закона.

Затѣмъ авторъ указываетъ на то, что въ то время, какъ юриспруденція и юристы, пребывая въ закоченѣломъ до безмысленнаго идолопоклонства, обожаніи формулы о res judicate оставались глухи къ немедленному воздѣйствію облегчительнаго уголовнаго закона, которое составляютъ абсолютное требованіе правовой идеи, нѣкоторыя законодательства, такъ или иначе, представляютъ положительную санкцію развитаго авторомъ основнаго принципа. Такъ § 18 введенія къ всеобщему земскому праву гласитъ: „облегченіе наказанія, установленнаго старымъ закономъ, примѣняется и къ такому преступнику, въ отношеніи котораго наказаніе еще не *приведено въ исполненіе* ко времени обнародованія новаго закона“ Такъ, законъ 3 сентября 1792 года, установленный законодательнымъ собраніемъ, по поводу обнародованнаго Учредительнымъ Собраніемъ 6 октября 1791 г. новаго Code pénal, гласитъ: „всѣ осужденные вошедшими въ законную силу приговорами, которые приговорены къ болѣе строгому нака-

занію, чѣмъ установленное новымъ уголовнымъ кодексомъ за тотъ-же проступокъ или преступленіе, имѣютъ право обратиться въ суды 1-й инстанціи съ ходатайствомъ о приведеніи ихъ наказанія въ соотвѣтствіе съ тѣмъ, что постановлено въ новомъ кодексѣ (ст. 1—4).“ „Вслѣдствіе ограниченія новымъ Code pénal максимума лишенія свободы 20-ю годами и отмѣненнаго имъ наказанія галерами, для всѣхъ осужденныхъ на пожизненное лишеніе свободы, пожизненность наказанія немедленно отпадаетъ; наказаніе-же галерами, при зачетѣ времени, въ которое наказаніе уже понесено, должно быть превращено въ наказаніе заключеніемъ или принудительными работами, въ соразмѣрности съ новымъ Code pénal, и такимъ образомъ, чтобы, въ случаѣ если время понесеннаго наказанія равно времени, установленному Code pénal, осужденные должны тотчасъ быть выпущены на свободу, а если оно меньше, то осужденные должны терпѣть наказаніе еще въ теченіе остатка времени по Code pénal, (ст. 5).

Въ концѣ своей теоріи авторъ, въ краткомъ очеркѣ, приводитъ къ одному знаменаталю основныя ея принципы. Такимъ образомъ, говоритъ онъ, всѣ моменты того понятія, которые мы въ началѣ могли выставить лишь въ формѣ абстрактнаго, раскрылись теперь предъ нами, во всей своей конкретной полнотѣ. Открылось, такимъ образомъ, что понятіе о *пріобрѣтенныхъ правахъ* зиждется на понятіи *индивидуальнаго дѣйствія воли* и что постулатъ ненарушимости этихъ правъ или *необратнаго дѣйствія*, основывается на понятіи о *свободѣ воли* и что оба вмѣстѣ поставлены въ противоположность движенію *правовой субстанціи* или воздѣйствія *законовъ* на одни, предоставленныя закономъ права. Открылось также, что пріобрѣтенныя права, которыя, повидимому, проистекаютъ не изъ собственныхъ дѣйствій воли, а изъ событій или дѣйствій третьихъ лицъ и слѣдовательно имѣютъ, повидимому, свое основаніе въ самомъ законѣ, составляютъ только кажущееся исключеніе; ибо при болѣе внутреннемъ и ближайшемъ ихъ разсмотрѣніи, они, съ точки зрѣнія самаго права, предполагаются вызванными къ жизни духовнымъ дѣйствіемъ воли индивида и, такимъ образомъ, не

противорѣча господствующему понятію, еще болѣе его подтверждаютъ.

Открылось далѣе, что спекулятивное понятіе—и только оно одно—имѣетъ силу раскрывать изъ своей собственной діалектики всѣ различія, обнаруживающіяся въ полнотѣ специальныхъ случаевъ, конкретная природа которыхъ, безконечно различная сама по себѣ, несмотря на крайнее внѣшнее сходство, всегда нарушается и злоупотребляется со стороны отвлеченной всеобщности вульгарной юридической формулы, стремящейся подводить подъ одну норму все, что расходится между собою по внутреннимъ признакамъ, Но, исходя въ своемъ изслѣдованіи изъ противоположности между *индивидуальною свободою воли* и *правовою субстанціею* (закономъ), противоположности, на которой развитое имъ понятіе основывается,—авторъ указалъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, и на то, что эти противоположности не отличаются абстрактнымъ характеромъ, но каждая изъ нихъ содержитъ, сама въ себѣ, уже и другую и вмѣстѣ съ нею составляетъ одно *единое.* Индивидуальная свобода воли и дѣйствіе ея, тогда только законны и дѣйствительны, если онѝ содержитъ въ себѣ правовую субстанцію (законъ) какъ посредствующій элементъ (дозволяющій законъ); точно также какъ и наоборотъ, индивидуальная свобода сама становится правовою субстанцію народнаго духа, въ какой мѣрѣ эта послѣдняя относится къ ней утвердительно и признаетъ ее законною.

На этомъ спекулятивномъ законѣ духа—на тождественности внутреннихъ противоположностей, изъ которыхъ одна содержится въ другой—какъ на глубоко внутренней своей основѣ, зиждется именно то, что обѣ противоположности не ставятся, въ отношеніи другъ друга, въ положеніе абстрактно-противоположное. На этомъ же законѣ основывается и то, что коль скоро правовая субстанція, путемъ постояннаго развитія, доходитъ до того, что не можетъ болѣе содержаться въ индивидуальной свободѣ воли какъ посредствующій ея элементъ, индивидуальное дѣйствіе воли не можетъ болѣе продолжаться. При этомъ не можетъ быть, однако, рѣчи объ обратномъ дѣйствіи и нарушеніи свободы воли, потому что

указанное выше единство съ правовою субстанціею, какъ посредствующимъ элементомъ, образуетъ съ самаго начала существенную основу и предположеніе правовой свободы воли,—предположеніе, съ бытіемъ котораго она остается связанною, въ силу своей внутренней природы. На этомъ-же спекулятивномъ основномъ законѣ зиждется и то, что коль скоро правовая субстанція доходитъ, въ своемъ развитіи, до того, что относится утвердительно къ запрещенному прежде дѣйствію индивидуальной воли и признаетъ его аттрибутомъ своей свободы,—внутренняя дѣйствительность бытія индивидуальной свободы воли выступаетъ сама по себѣ, возстановляется.

Всѣ эти внутренніе законы, продолжаетъ авторъ, со всѣми ихъ ближайшими различіями, разнообразными по своимъ традиціямъ и запутанности, со всею совокупностью казуистики случаевъ, свелись къ единству того же спекулятивнаго начала и оказались опредѣленіями, вытекающими изъ него-же, помощью его собственной силы и природы. Все смѣшеніе безсвязныхъ, несоединимыхъ и противорѣчащихъ другъ другу правилъ, въ такой области, въ которой сомнѣвались даже въ возможности подвести ихъ подъ какое либо *множество* опредѣленныхъ твердыхъ началъ, — всѣ эти правила, подобно, расходящимся радіусамъ, проистекающимъ изъ одной общей свѣтовой точки, полились, говоритъ авторъ, у насъ обратно въ центральное солнце единой, спекулятивной, основной мысли и оказались, ея же собственною силою вытѣсненными и изъ нея же исходящими лучами. Лишь тамъ, гдѣ это единство существуетъ, есть наука, есть система, есть доказательства и достовѣрность.

Въ то же время, заключаетъ авторъ, здѣсь тѣмъ менѣе можетъ быть рѣчи о *субъективной* мысли, потому что онъ, напротивъ, всегда открывалъ disjecta membra своего спекулятивнаго начала, въ эмпирико-историческомъ матеріалѣ. Исключительно эмпирическій методъ вѣчно будетъ раздѣлять богатую слезами участь Изиды, которая, при отыскиваніи разбросанныхъ членовъ божества, всѣ ихъ находитъ и собираетъ до послѣдняго. Если же философія розыскиваетъ въ области эмпирики разрозненные члены своего мыслительнаго

Бога, то она безопасна отъ подобной участи. Ибо единство мысли, disjecta membra которой она собираетъ, есть вмѣстѣ съ тѣмъ и органъ рожденія, органъ сама себя созидающей жизни, которая, изъ себя самой, безпрерывно продолжающейся плодовитостью должна производить положительные результаты и устранять существовавшія до сихъ поръ заблужденія.

Только потому, говоритъ авторъ, что мы взялись за дѣло только съ спекулятивнымъ началомъ, только потому, что мы оперировали, съ одной стороны, понятіемъ объ индивидуальной свободѣ воли, а съ другой—правовою субстанціею (закономъ), и при помощи единственной операціи этихъ факторовъ, раскрыли весь этотъ матеріалъ, мы болѣе чѣмъ разрѣшили свою задачу. Мы, между прочимъ, разрѣшили въ принципѣ и вопросъ *о мѣстной коллизіи законовъ.* Она должна быть разрѣшена въ принципѣ, приведеннымъ выше развитіемъ начала, ибо она основывается на тѣхъ же самыхъ внутреннихъ моментахъ: на понятіи объ индивидуальной свободѣ воли и на понятіи правовой субстанціи и на ихъ внутренней взаимной связи. Имѣетъ-ли внутренняя связь мѣсто во времени или въ пространствѣ, должно быть, по необходимости, совершенно все равно, ибо эти чувственныя формы бытія тождественны, по самому ихъ понятію, и въ сущности должно быть совершенно безразлично, въ какомъ изъ этихъ двухъ элементовъ проявляется его внутренняя коллизія. Такимъ образомъ, высказанное уже Савиньи предчувствіе объ этой тождественности, его утвержденіе о внутренней связи между мѣстною и временною коллизіею законовъ, которое онъ не могъ, однако, тогда провести въ развитіе своего ученія, нашло себѣ истинное выраженіе, доходящее до полнѣйшаго тождества. Практическое изслѣдованіе того, что въ развитыхъ авторомъ началахъ содержится уже и принципіальное разрѣшеніе вопросовъ о мѣстной коллизіи законовъ, было-бы дѣломъ новаго, многотомнаго разсужденія, которое не могло-бы, по мнѣнію автора, имѣть для него достаточный интересъ. Поэтому онъ ограничивается двумя замѣчаніями. Прежде всего, можно выставить слѣдующую формулу: тамъ, гдѣ, если рѣчь идетъ о временной коллизіи, судья долженъ

былъ бы примѣнять *новый* законъ, судья долженъ, въ случаѣ мѣстной коллизіи, держаться права форума, гдѣ процесъ происходитъ. Въ тѣхъ же случаяхъ, въ которыхъ, при временной коллизіи, слѣдовало бы примѣнять законъ времени совершенія дѣйствія, должно, при мѣстной коллизіи, имѣть примѣненіе: относительно правоспособности и дѣеспособности лица—право domicilii; относительно формальной дѣйствительности дѣйствія—право мѣста совершенія его; относительно же юридическихъ послѣдствій слѣдуетъ примѣнять право, опредѣленное хотя молчаливымъ, но индивидуальнымъ намѣреніемъ сторонъ, которое, смотря по тому, можетъ быть правомъ мѣста совершенія дѣйствія или правомъ domicilii, или правомъ мѣста исполненія. При этомъ выборѣ, разрѣшеніе зависитъ отъ истолкованія фактической воли обѣихъ сторонъ, и какъ одна лишь трудность въ фактическомъ изслѣдованіи воли сторонъ вовсе не представляетъ,—какъ это несправедливо было оставлено до сихъ поръ безъ вниманія,—коллизіи законовъ, то по этому самому и выходитъ далеко за предѣлы раскрытыхъ авторомъ принциповъ. Для предохраненія, однако, отъ важныхъ заблужденій, авторъ считаетъ долгомъ замѣтить, что законъ, который въ отношеніи гражданъ собственной страны, представляется запретительнымъ или абсолютнымъ, по этому одному не долженъ еще отличаться тѣмъ же характеромъ въ отношеніи международномъ, въ отношеніи подданныхъ другихъ государствъ или другаго государства. Если бы, напр. прусскій законъ опредѣлилъ, что никто, до достиженія 25 лѣтняго возраста не можетъ сдѣлаться совершеннолѣтнимъ, то этотъ законъ, какъ неизмѣняемый произволомъ частнаго лица, былъ-бы запретительнымъ, но только для пруссаковъ. Этотъ законъ желаетъ однимъ только пруссакамъ предоставить охрану, которая состоитъ въ лишеніи дѣеспособности до достиженія опредѣленнаго возраста и болѣе зрѣлаго разума. Но ему вовсе нежелательно навязывать эту охрану иностранцамъ и припятствовать напр. французскому законодателю считать своихъ французовъ совершеннолѣтними съ достиженіемъ только 21 лѣтняго возраста. Въ отношеніи иностранцевъ законъ этотъ дѣйствуетъ, поэтому, лишь въ качествѣ посредствующаго элемента и долженъ разсматривать всѣхъ до-

стигшихъ 21 лѣтняго возраста французовъ, въ силу требованія законовъ ихъ отечества, такими же совершеннолѣтними, какъ и пруссаковъ, которые дѣлаются таковыми въ силу объявленія высшихъ опскунскихъ мѣстъ. Вотъ почему 21 лѣтній французъ, который заключилъ заемъ въ Берлинѣ, можетъ быть привлеченъ къ отвѣтственности, въ случаѣ неплатежа, въ Берлинѣ точно также, какъ и во Франціи, несмотря на существованіе въ Пруссіи абсолютнаго закона. Изъ сказаннаго, вмѣстѣ съ тѣмъ, очевидно, почему въ отношеніи дѣеспособности вообще слѣдуетъ руководится закономъ domicilii тамъ, гдѣ, если бы, вмѣсто мѣстной, рѣчь шла о временной коллизіи законовъ, слѣдовало бы примѣнять законъ времени совершенія дѣйствія. При утверждаемой авторомъ тождественности, могло бы, говоритъ онъ, здѣсь показаться, что, въ случаѣ мѣстной коллизіи, было бы правильнѣе примѣнять законъ мѣста совершенія дѣйствія. Но это не можетъ имѣть мѣста потому, какъ выше сказано было, что всѣ законы о дѣеспособности относятся къ иностранцамъ только въ смыслѣ посредствующихъ (дозволенныхъ), между тѣмъ какъ его отечественные законы относятся къ лицу съ точки зрѣнія абсолютной. Если лицо, по законамъ мѣста совершенія дѣйствія, не имѣетъ дѣеспо обности, но имѣетъ ее по законамъ своей собственной страны, то именно потому, что мѣстный законъ, въ отношеніи его дѣйствуетъ дозволительно, а законъ его собственной страны—абсолютно, оно должно разсматриваться какъ человѣкъ, имѣющій дѣеспособность, какъ такой, положимъ, человѣкъ, который, живя подъ мѣстнымъ закономъ, пріобрѣлъ ее *особымъ актомъ* и дозволеннымъ по этому закону способомъ. Но если онъ, напротивъ, имѣетъ эту дѣеспособность по законамъ мѣста совершенія дѣйствія и не имѣетъ ея по законамъ своей страны, то именно потому, что первые дѣйствуютъ въ отношеніи его дозволительно, а послѣдніе запретительно, онъ долженъ быть разсматриваемъ какъ такой человѣкъ, который ея не имѣетъ; ибо дѣйствіе одного дозволенія, исключается запретительнымъ закономъ, какъ дозволеніе, тѣсно связанное съ неисполненнымъ условіемъ. Только на приведенномъ выше зиждется внутреннее основаніе старой теоріи, по которой законъ domicilii всегда дѣйствуетъ на дѣеспособность, какъ statutum personale.

М. Моргулисъ.

О ПРУССКИХЪ СУДАХЪ.

(Окончаніе).

IV.

Въ предыдущей статьѣ я уже имѣлъ случай говорить объ условіяхъ, необходимыхъ для занятія должности секретаря [1]) или его помощника, и о получаемыхъ ими окладахъ; теперь нужно сказать нѣсколько словъ объ устройствѣ секретаріатовъ (Gerichtsschreiberei, Secretariat [2]) и канцелярій (Kanzlei), что по прусской терминологіи совсѣмъ не одно и тоже. Секретаріатъ состоитъ изъ секретарей и помощниковъ, и учреждается не только при судебныхъ палатахъ, окружныхъ судахъ и прокурорахъ сихъ судебныхъ мѣстъ, но и при мировыхъ судахъ. Число секретарей довольно значительно, а именно: при 12-ти палатахъ имѣется 62 секретаря, при 13-ти прокурорахъ палатъ 14 секретарей и 8 помощниковъ (Asisstenten); при 91 окружномъ судѣ 361 секретарь и 119 помощниковъ. При 91 прокурорѣ 114 секретарей и 48 помощниковъ. Наконецъ, число секретарей при мировыхъ судахъ — 2, 544, равняется числу мировыхъ судей, такъ что, при тѣхъ мировыхъ судахъ, при которыхъ находится больше одного судьи, находится и соотвѣтственное число секретарей; кромѣ того, при

---

¹) Кромѣ указанныхъ условій, секратари окружныхъ и мировыхъ судовъ обязаны представить залогъ отъ 800 до 900 марокъ.

²) Первое названіе носитъ секретаріатъ при судахъ, второе—секретаріатъ при прокурорахъ.

мировыхъ судахъ состоятъ еще 705 помощниковъ секретарей. Въ виду большаго числа секретарей и помощниковъ, неудивительно, что получаемое ими жалованье равняется четвертой части всей суммы, назначенной на штатное жалованье по министерству юстиціи.

Секретаріатъ при судахъ, раздѣляется на отдѣленія [1]). Одинъ изъ секретарей назначается старшимъ предсѣдателемъ палаты, первымъ секретаремъ [2]) (erster Gerichtsschreiber), и другіе чины секретаріата обязаны исполнять его распоряженія по дѣлопроизводству, пока ихъ не отмѣнитъ предсѣдатель суда. Кромѣ того, на первомъ секретарѣ лежитъ экзекуторская часть и обязанность составлять по свѣдѣніямъ, доставляемымъ другими секретарями, требуемыя закономъ вѣдомости о движеніи дѣлъ.

При секретаріатахъ судебныхъ палатъ и окружныхъ судовъ, учреждается канцелярія (Bestimmung neber die Bechaffung des Schreibwerks bei den Iustizbehörden отъ 4-го сентября 1879 года); канцеляріи эти, по общему правилу, составляютъ одно цѣлое и находятся подъ непосредственнымъ вѣдѣніемъ 1-го секретаря; впрочемъ, предсѣдатель суда можетъ выдѣлить изъ общаго состава канцелярій извѣстное число лицъ и назначить ихъ для спеціальной работы въ одномъ, опредѣленномъ отдѣленіи секретаріата.

Канцелярія состоитъ изъ канцеляристовъ (Kanzleibeamter) и вольнонаемныхъ писцовъ. Для полученія мѣста канцеляриста требуется предварительная, по крайней мѣрѣ одномѣсячная, служба, въ качествѣ вольнонаемнаго писца, и выдержаніе особеннаго испытанія, правила котораго опредѣляются старшимъ предсѣдателемъ и прокуроромъ палаты. Канцеляристы назначаются тѣми же лицами или пожизненно, или временно, съ правомъ увольненія ихъ по предупрежденіи объ этомъ

[1]) Раздѣленіе секретаріата при мировомъ судѣ необязательно и производится только по мѣрѣ практической надобности.

[2]) Это правило относится къ мировымъ судамъ лишь въ томъ случаѣ, если при нихъ находится больше одного секретаря.

за мѣсяцъ. Лица обѣихъ категорій получаютъ опредѣленное закономъ вознагражденіе. Оклады довольно значительны, а именно: канцеляристы получаютъ, при судебной палатѣ, отъ 1650 до 2, 250 марокъ; при окружныхъ судахъ въ Берлинѣ, отъ 1650 до 2,100; въ другихъ городахъ, отъ 1500 до 1800; Kanzleidiaetaere при палатахъ и окружныхъ судахъ въ Берлинѣ, среднимъ числомъ 1500 марокъ и небольше 1650; при другихъ окружныхъ судахъ 1350 и небольше 1500. За полученное ими жалованіе они обязаны писать, каждый присутственный день, 32 страницы, съ тѣмъ, чтобы на каждой страницѣ было не менѣе 20 строкъ, а въ каждой строкѣ не менѣе 12 словъ. Начатая страница, на которой менѣе 11 строкъ, считается полустраницей; адресъ же идетъ за 3 строки. Правила эти соблюдаются и въ тѣхъ случаяхъ, когда при перепискѣ встрѣчаются особенныя затрудненія (напр: отъ неразборчивости почерка) и когда переписка должна производится съ особенною отчетливостью. Только при особенно трудныхъ работахъ, съ разрѣшенія, на каждый разъ, перваго секретаря, можетъ быть допущена сбавка. Впрочемъ, если канцеляристъ служитъ въ судѣ не менѣе 20 лѣтъ и ему отъ роду не менѣе 50 лѣтъ, то старшій предсѣдатель можетъ уменьшить ежедневныя его занятія до 28 или даже до 24 страницъ. Въ концѣ мѣсяца дѣлается разсчетъ; при этомъ, изъ числа присутственныхъ дней вычитаются 1) дни, въ продолженіи которыхъ канцеляристъ не могъ заниматься по поводу *доказанной* болѣзни или призыва къ отбыванію воинской повинности; 2) дни, въ продолженіи которыхъ канцеляристъ находился въ отпуску, если отпускъ вызванъ былъ болѣзнью или продолжался не болѣе двухъ недѣль; кромѣ того, если за отсутствіемъ имѣющейся въ секретаріатѣ работы, канцеляристу передано для переписки менѣе опредѣленнаго, ежедневнаго количества страницъ, то, въ случаѣ соблюденія имъ извѣстныхъ формальностей, вычисляется недостающее число. Если въ концѣ мѣсяца окажется, что канцеляристъ написалъ больше опредѣленнаго числа листовъ, то за каждую страницу онъ получаетъ добавочныхъ 6 пф.; если же, напротивъ, онъ писалъ менѣе, то

дѣлается вычетъ изъ жалованья по 6 пф. за недостающую страницу. На практикѣ, переписать ежедневно 32 страницы не представляетъ никакихъ затрудненій для прусскаго канцеляриста; мнѣ показывали, какъ примѣръ ихъ дѣятельности, въ одномъ изъ уголовныхъ отдѣленій, отчетъ за мартъ сего года и оказалось, что канцеляристъ вмѣсто 800 стр. (25 <32) писалъ 1254 стр.

Вольнонаемные писцы назначаются предсѣдателями суда; они неполучаютъ жалованья, а только вознагражденіе по числу переписанныхъ страницъ, въ размѣрѣ 5, 6 или 7 пф. за листъ; размѣръ вознагражденія опредѣляется впередъ, при назначеніи писца; писцамъ, почеркъ которыхъ еще нуждается въ развитіи, можетъ быть назначено и меньшее вознагражденіе.

Распредѣленіе работы между канцеляристами и писцами производится ежедневно—назначеннымъ для того первымъ секретаремъ—канцеляристомъ или, если канцелярія распредѣляется по отдѣленіямъ секретаріата, сокретарями. Каждому канцелярскому чиновнику дается ежедневно не менѣе, чѣмъ 64 страницы для переписки; если-же ему дано менѣе 32 стр. то онъ можетъ заявить объ этомъ до 12 часовъ и если затѣмъ недостающее число листовъ не можетъ бы додано, то оно исключается изъ числа работы, которую онъ по закону обязанъ представить. Для провѣрки количества работы, каждый канцерярскій чиновникъ и писецъ ведетъ особый счетъ, по установленной формѣ, который ежедневно провѣряется распредѣляющимъ работы канцеляристомъ или секретаремъ. Въ концѣ мѣсяца, на основаніи этихъ счетовъ, первымъ секретаремъ составляется общая вѣдомость о количествѣ вознагражденія, слѣдующаго за истекшій мѣсяцъ лицамъ, служащимъ въ канцеляріи.

Тѣ же правила соблюдаются въ канцеляріяхъ прокуроровъ [1]) и тѣхъ мировыхъ судовъ, при которыхъ находятся три или

[1]) Работы, которыя не могутъ быть своевременно исполнены канцеляріею прокуроровъ, передаются для исполненія, по распоряженію министра, въ канцелярію суда. Въ Бреславскомъ судѣ, какъ я уже сказалъ, дѣйствуютъ наоборотъ.

болѣе мировыхъ судей. При другихъ мировыхъ судахъ, по общему правилу, образованіе канцеляріи предоставляется вполнѣ секретарямъ, которые за это получаютъ особенное вознагражденіе. Впрочемъ, старшимъ предсѣдателямъ и прокурорамъ палаты предоставлено примѣнится и къ судамъ сего разряда, въ видѣ исключенія правилъ 4-го сентября 1879 года.

VII.

Нашъ порядокъ вступленія въ судъ бумагъ и дѣлъ извѣстенъ всякому: по принятіи ихъ предсѣдателемъ или дежурнымъ членомъ, они поступаютъ въ общую регистратуру; оттуда въ регистратуру отдѣленія, затѣмъ передаются столоначальнику, который записываетъ дѣло за текущимъ № настольнаго и т. д.

Обратный ходъ, разумѣется, имѣютъ исполненія; столоначальникъ передаетъ ихъ въ регистратуру отдѣленія или отправляетъ бумагу самъ, или передаетъ ее въ общую регистратуру, на обязанности который тогда лежитъ дальнѣйшая отправка ихъ, причемъ, разумѣется, каждый обязанъ брать росписку въ полученіи исполненія отъ лица принимавшаго. Такимъ образомъ, дежурство, входящіе и исходящіе реестры, настольныя книги, росписки разныхъ лицъ въ принятіи входящихъ и исходящихъ бумагъ и т. д. составляютъ у насъ необходимыя условія канцелярскаго порядка.

Прусскіе суды не знаютъ ничего подобнаго. Порядокъ вступленія и движенія бумагъ тамъ слѣдующій. Всѣ входящія бумаги, полученныя запечатанными, передаются прямо предсѣдательствующему того отдѣленія, въ которое они адресованы; если отдѣленіе не указано, то они вскрываются предсѣдателемъ [1]), который, затѣмъ, передаетъ ихъ въ надлежащее отдѣленіе. Бумаги, адресованныя въ секретаріатъ, вскрываются непосредственно секретаремъ подлежащаго отдѣленія, а если таковое необозначено, первымъ секретаремъ. Для

---

[1]) Въ мировыхъ судахъ предсѣдателя замѣняетъ надзирающій, а предсѣдательствующаго въ отдѣленіи, судья даннаго отдѣленія.

непосредственнаго пріема бумагъ отъ тяжущихся, для справокъ и т. п. секретаріатъ каждаго отдѣленія открытъ ежедневно, не менѣе двухъ часовъ; пріемные часы опредѣляются предсѣдателемъ суда. Наконецъ, въ прихожей суда имѣется ящикъ, въ который могутъ быть, во всякое время, опущены бумаги, назначенныя для суда или секретаріата.

Поступающія бумаги или прилагаются къ нарядамъ (Generalakten) или къ дѣламъ, или изъ нихъ образуются новыя дѣла; если является сомнѣніе какъ поступить съ бумагою, то въ мировыхъ судахъ, она вписывается предварительно въ особый входящій реестръ (Eingangsregister), въ которомъ, затѣмъ, отмѣчается дальнѣйшая ея судьба. Въ окружныхъ судахъ и судебныхъ палатахъ, въ каждомъ отдѣленіи, ведется какъ главный контроль вступленія и движенія бумагъ и дѣлъ т. н. Tagebuch, въ который вносятся всѣ вообще поступающія въ секретаріатъ бумаги, въ томъ числѣ и протоколы и приговоры; исключеніе составляютъ только повѣстки, которыя вносятся въ Tagebuch лишь въ томъ случаѣ, если требуется постановленіе суда [1]. Въ Tagebuch, раздѣляющемся на 3 графы, отмѣчается текущій №, день вступленія, № дѣла или наряда, отправитель бумаги, содержаніе ея, судья докладывающій бумагу, кому и когда она передана для окончательнаго исполненія, время когда бумага, какъ исполненная, приложена къ дѣлу. Бумаги вносятся въ Tagebuch въ день вступленія. Tagebuch ведется въ мѣсячныхъ тетрадяхъ. Исходящіе реестры не ведутся; отмѣтка въ Tagebuch, что бумага исполнена и что исполненіе передано такому-то лицу, считается за полное доказательство дѣйствительнаго исполненія и полученія бумаги или дѣла указаннымъ лицомъ. Впрочемъ, относительно исполненій, переданныхъ судебнымъ приставамъ, *можетъ* быть установленъ извѣстный контроль. Что же касается до веденія настольныхъ, то правила относительно этого предмета различны, смотря по судамъ. Въ уголовныхъ отдѣленіяхъ мировыхъ су-

---

[1]) Такой же Tagebuch ведется въ секретаріатѣ прокурора.

довъ ведутся три настольныя книги: 1) для дѣлъ о лѣсныхъ порубкахъ, 2) для дѣлъ, преслѣдуемыхъ въ порядкѣ частнаго обвиненія, и 3) для всѣхъ остальныхъ дѣлъ, подлежащихъ предварительному слѣдствію, рѣшенію въ судебномъ засѣданіи или требующихъ отдѣльныхъ распоряженій со стороны мироваго суда. Совершенно иной порядокъ существуетъ въ окружныхъ судахъ, въ уголовныхъ отдѣленіяхъ которыхъ ведутся двѣ настольныя, а именно: 1) для дѣлъ, производящихся въ порядкѣ частнаго обвиненія, поступающихъ въ судъ въ апелляціонномъ порядкѣ, и 2) для дѣлъ, поступающихъ по частнымъ жалобамъ. *Всѣ* остальныя дѣла записываются исключительно въ Tagebuch и во время производства въ окружномъ судѣ ходятъ подъ №, значущимся въ настольной прокурора. Въ судебныхъ палатахъ, наконецъ, ведутся тѣ же настольныя книги, какъ и въ окружныхъ судахъ, т. е. 1) для дѣлъ, производящихся въ порядкѣ частнаго обвиненія, поступающихъ въ палату въ ревизіонномъ (т. е. кассаціонномъ) порядкѣ, 2) для дѣлъ, поступающихъ по частнымъ жалобамъ

Что же касается прокуроровъ, то они ведутъ слѣдующія настольныя книги: а) прокуроры окружнаго суда: 1) для дознаній и предварительныхъ слѣдствій, съ указаніемъ въ нихъ дальнѣйшаго направленія дѣла; 2) для дѣлъ, подлежащихъ разсмотрѣнію въ судебномъ засѣданіи; подъ № этой настольной дѣла значутся въ окружномъ судѣ; 3) для дѣлъ, производящихся въ окружномъ судѣ по апелляціи на приговоры мировыхъ судовъ [1]). Кромѣ того, если прокурору окружнаго суда поручено исполненіе прокурорскихъ обязанностей у мировыхъ судовъ, то онъ ведетъ еще настольныя 1) для дѣлъ, подлежащихъ разсмотрѣнію въ судебныхъ засѣданіяхъ мироваго суда и 2) для дѣлъ о лѣсныхъ порубкахъ; б) прокуроры судебной палаты ведутъ двѣ настольныя книги: во 1) для дѣлъ по ревизіоннымъ жалобамъ или протестамъ на приговоры въ

[1]) Дѣла по апелляціоннымъ и ревизіоннымъ жалобамъ или протестамъ, по германскому уставу угол. суд передаются въ надлежащій высшій судъ не прямо, а чрезъ прокурорскій надзоръ.

окружныхъ судахъ, въ качествѣ второй инстанціи, и во 2) для такихъ же дѣлъ по приговорамъ суда въ качествѣ первой инстанціи [1]).

Тѣсная связь между канцеляріями судовъ и прокуроровъ, въ соединеніи съ общимъ постановленіемъ германскаго судопроизводства, что всѣ исполненія, даже посылка повѣстокъ, совершаются прокуроромъ [1]), производитъ въ канцелярскомъ отношеніи нѣкоторые, весьма странные для насъ результаты. Такъ, напр., дѣло, которое по нашимъ порядкамъ по поступленіи разъ въ судъ, всегда въ немъ и остается, находится въ прусскихъ судахъ въ постоянномъ движеніи; сегодня оно въ судѣ, завтра у прокурора, послѣ завтра опять въ судѣ и т. д. Единственнымъ, но весьма вѣрнымъ контролемъ всѣхъ этихъ передвиженій служитъ Tagebuch, которая показываетъ въ каждый данный моментъ положеніе дѣлъ всего отдѣленія.

Что же касается до внѣшняго вида дѣлъ, то они имѣютъ, какъ и у насъ, обертки изъ толстой бумаги; на дѣлахъ окружнаго суда—имѣется прежде всего надпись „дѣло прокуратуры при окружномъ судѣ въ... противъ... по обвиненію...". затѣмъ выставляются два № изъ настольныхъ прокурора, а именно: изъ настольной дознаній и предварительныхъ слѣдствій и изъ настольной для дѣлъ, подлежащихъ рѣшенію въ судебныхъ засѣданіяхъ. Далѣе, на оберткѣ означается когда дѣло начато, когда окончено, до какого времени оно должно быть сохранено; имѣются-ли издержки или нѣтъ, провѣренъ-ли счетъ судебныхъ издержекъ, имѣются-ли вещественныя доказательства и гдѣ они находятся, и наконецъ, приложены-ли къ дѣлу еще другія дѣла (Huelfsakten). Предварительное слѣдствіе и производство суда вшиваются вмѣстѣ. При дѣлахъ производящихся въ окружномъ судѣ въ апелляціонномъ порядкѣ, вмѣсто № указанныхъ настольныхъ, на оберткѣ означается № изъ про-

---

[1]) Само собою разумѣется, что всѣ настольныя, Tagebuch и т. д. ведутся по общей, установленной министромъ юстиціи формѣ.

[2]) Исключеніе составляютъ, разумѣется, дѣла производящіяся въ порядкѣ частнаго обвиненія.

курорской настольной для дѣлъ апелляціонныхъ. Къ каждому дѣлу пришивается реестръ, который раздѣляется на двѣ половины; въ первой обозначается имя и фамилія подсудимаго, наказаніе къ которому онъ присужденъ и листы дѣла на коихъ имѣются свѣдѣнія объ исполненіи приговоровъ; во второй половинѣ—реестръ въ тѣсномъ смыслѣ слова—пишется № по Tagebuch входящихъ бумагъ, безъ указанія содержанія ихъ; по надлежащемъ исполненіи каждой бумаги, она пришивается къ дѣлу, а № въ реестрѣ зачеркивается. Такимъ образомъ реестръ этотъ служитъ полнымъ контролемъ для исполненій по каждому дѣлу.

По окончаніи производства въ судѣ, дѣло передается прокурору для храненія. Чрезъ пять лѣтъ по окончаніи исполненія приговора, уголовныя дѣла могутъ быть уничтожены, за исключеніемъ приговоровъ и переписки объ исполненіи ихъ, которые сохраняются 20 лѣтъ. По окончаніи указанныхъ сроковъ старыя дѣла продаются; изъ вырученныхъ денегъ, 80 процентовъ обращаются въ пользу вдовьей кассы судебнаго вѣдомства, остальные 20 процентовъ, за вычетомъ изъ нихъ расходовъ на продажу, могутъ быть выданы по благоусмотрѣнію старшихъ предсѣдателей палатъ въ награду чиновникамъ, завѣдывающимъ разсортировкой дѣлъ для распродажи.

Дѣла, записанныя въ настольныхъ, но неоконченныя до конца года, переносятся въ настольныя новаго года; дѣлается лишь отмѣтка въ каждой настольной, что дѣла записанныя въ оной за такимъ-то № неокончены, а затѣмъ № эти, по окончаніи дѣлъ, зачеркиваются.

Кромѣ Tagebuch и настольныхъ, въ уголовныхъ отдѣленіяхъ судовъ и въ прокуратурѣ ведутся еще, по установленнымъ министромъ юстиціи формамъ, слѣдующія книги: реестры нарядовъ, книги для записанія всѣхъ сроковъ (Geshaeftskalender) за исключеніемъ засѣданій; кромѣ того, въ мировыхъ судахъ— книги для записанія назначенныхъ къ слушанію въ судебныхъ засѣданіяхъ дѣлъ (Kalender fuer Hauptverhandlungen) и книга для вещественныхъ доказательствъ 2) въ окружныхъ судахъ—двѣ книги для записыванія назначенныхъ къ слушанію дѣлъ, одна

для дѣлъ апелляціонныхъ, другая для дѣлъ первой инстанціи; 3) въ судебныхъ палатахъ—также двѣ книги, одна для ревизіонныхъ дѣлъ по приговорамъ окружныхъ судовъ въ первой инстанціи, вторая для такихъ же дѣлъ по апелляціоннымъ приговорамъ судовъ. Въ книгахъ этихъ отмѣчается прежде всего день засѣданія, текущій № каждаго засѣданія, № настольной суда, прокуратуры или палаты, часъ слушанія дѣла, фамилія гражданскаго истца, защитника, преступленіе, послѣдовалъ-ли приговоръ или нѣтъ, число лицъ оправданныхъ или признанныхъ виновными, когда приговоръ полученъ въ секретаріатѣ и примѣчанія; въ книгахъ аппеляціонныхъ судовъ отмѣчается, кромѣ того, еще мѣсто нахожденія суда первой инстанціи и его дѣла, а вмѣсто числа оправданныхъ и осужденныхъ, число утвержденныхъ или отмѣненныхъ приговоровъ: 4) въ прокуратурѣ окружнаго суда, списокъ лицъ наказанныхъ и книга для записанія требованій другихъ судебныхъ или вообще присутственныхъ мѣстъ; 5) въ прокуратурѣ судебныхъ палатъ списокъ лицъ временно (vorlaessig) освобожденныхъ, на основаніи 23 ст. германскаго уголовнаго кодекса, изъ тюремнаго заключенія.

Нельзя не указать еще на одну канцелярскую особенность. Каждый разрядъ уголовныхъ и гражданскихъ дѣлъ обозначается извѣстною буквою: напр: дѣла о лѣсныхъ порубкахъ, производимыя въ мировыхъ судахъ, буквою А; дѣла производящіяся тамъ же въ порядкѣ частнаго обвиненія буквою Б; дѣла подлежащія суду присяжныхъ буквою К. и т. д. Благодаря этому юристъ практикъ никогда неговоритъ о дѣлахъ съ присяжными, о дѣлахъ производящихся въ порядкѣ частнаго обвиненія, подлежащихъ разсмотрѣнію окружнаго суда въ апелляціонномъ порядкѣ а просто о К—Sache или P—Sache и т. д. Буквы эти выставляются, смотря по роду дѣлъ, на оберткахъ. Кромѣ того они имѣютъ значеніе при веденіи настольныхъ.

VIII

Только путешественникъ, услышавшій въ чужой странѣ родной языкъ, можетъ понять мою радость, когда при раз-

смотрѣніи въ канцеляріи прокурора бланковъ и формуляровъ, я увидѣлъ такъ знакомые намъ, криминалистамъ, статистическіе листки. Впрочемъ, прусскіе статистическіе листки отличаются во многомъ отъ нашихъ: прежде всего они напечатаны не на картонѣ, а на простой бумагѣ; при этомъ, и это достойно подражанія, цвѣтъ бумаги различенъ, смотря по полу подсудимыхъ, а именно: для мущинъ употребляются бѣлые, а для женщинъ синіе листки; затѣмъ, вмѣсто нашихъ 31 вопроснаго пункта, имѣется только 16, а именно: недостаетъ пунктовъ 4, 7, 10, 14, 16, 17—20, 22—25, 27, 28, 30 и 31.—Вообще уголовная статистика находится въ Пруссіи еще въ дѣтствѣ; объ краткихъ увѣдомленіяхъ, вѣдомостяхъ А. Б. купонахъ и т. д. неимѣютъ тамъ никакого понятія.

Отчеты объ общей дѣятельности суда (Verfuegung отъ 6-го дек. 1880 г. betreffend die Einrichtung der Geschaeftsnebersichten) составляются въ началѣ каждаго года. При этомъ соблюдается слѣдующій порядокъ: мировые судьи представляютъ свои отчеты, непозже 1-го февраля, предсѣдателямъ окружныхъ судовъ; затѣмъ послѣдніе, вмѣстѣ съ прокуроромъ, непозже 1-го марта представляютъ старшему предсѣдателю палаты отчетъ о дѣятельности окружнаго суда и прокуратуры, отчеты мировыхъ судей и сводъ изъ этихъ отчетовъ въ двухъ экземплярахъ, для министра юстиціи и для старшаго предсѣдателя. Наконецъ, старшій предсѣдатель и прокуроръ палаты составляютъ 1) общій сводъ о дѣятельности всѣхъ мировыхъ судей, 2) такой же сводъ о дѣятельности всѣхъ окружныхъ судовъ 3) отчетъ о дѣятельности судебной палаты и ея прокуратуры 4) отчетъ о дѣятельности судовъ всего округа для имперскаго министерства юстиціи (Reichsjustizamt) и представляютъ всѣ эти своды и отчеты, вмѣстѣ съ представленными предсѣдателями окружныхъ судовъ сводами и отчетами, министру юстиціи.

Отчеты, которые разумѣется составляются по общей, установленной министромъ юстиціи формѣ, обнимаютъ дѣятельность судовъ и прокуратуры; они дѣлятся на два главныхъ

отдѣла. Въ первомъ указанъ составъ суда (Justizorganisation); во второмъ,—движеніе дѣлъ (Darstellung der Geschaefte). Второй отдѣлъ подраздѣляется на три части; въ первой помѣщаются свѣдѣнія о гражданскихъ дѣлахъ; во второй объ уголовныхъ, въ третьей объ требованіяхъ другихъ присутственныхъ мѣстъ (Rechtshülfesache). Въ первой и второй части подробно указаны, смотря по компетентности каждаго суда, число рѣшенныхъ дѣлъ, рѣшеній, приговоровъ и опредѣленій, тоже, смотря по надобности, съ подраздѣленіями. Вообще свѣдѣнія требуются довольно подробныя, какъ по гражданскимъ, такъ и по уголовнымъ дѣламъ. Но всѣ эти свѣдѣнія относятся исключительно къ числу дѣлъ; нѣтъ вѣдомостей, относящихся къ личности осужденныхъ. На мой вопросъ, почему министерство ограничивается требованіемъ свѣдѣній перваго рода, мнѣ говорили, что всѣ свѣдѣнія о подсудимыхъ уже имѣются въ статистическихъ листахъ и что, слѣдовательно, составленіе вѣдомостей о подсудимыхъ были бы совершенно излишній и безплодный трудъ.

Независимо отъ этихъ общихъ отчетовъ составляются еще особые, по каждой сессіи съ присяжными; согласно Verfuegung отъ 20-го января 1880 г. предсѣдательствующіе на сессіяхъ, прежде всего, обязаны доносить объ ихъ результатахъ старшему предсѣдателю палаты; донесенія эти должны служить матеріаломъ для обсужденія насколько судъ присяжныхъ достигаетъ своего назначенія и въ тоже время обращать вниманіе на замѣченные недостатки матеріальнаго и процесуальнаго права; донесенія эти сообщаются прокурору и предсѣдателю уголовнаго департамента палаты; министру же юстиціи лишь въ случаяхъ особенной важности. Помимо этихъ донесеній, составляется о каждой сессіи подробная статистическая вѣдомость. Въ вѣдомости этой, прежде всего, показывается количество рѣшенныхъ и отложенныхъ дѣлъ, затѣмъ число приговоровъ оправдательныхъ и неоправдательныхъ, съ указаніемъ числа дѣлъ, по коимъ признаны присяжными обстоятельства, уменьшающія вину, и по коимъ судъ призналъ осужденнаго присяжными невиновнымъ; далѣе слѣдуютъ свѣ-

дѣнія о числѣ подсудимыхъ, оправданныхъ и осужденныхъ, съ подраздѣленіемъ послѣднихъ, смотря по тому, осуждены ли они по тѣмъ же преступленіямъ, по коимъ они обвинялись или по другимъ, и о числѣ подсудимыхъ по дѣламъ отложеннымъ. Затѣмъ слѣдуютъ свѣдѣнія о числѣ подсудимыхъ, съ указаніемъ иностранные ли они подданные или нѣтъ; законно или незаконнорожденные, возраста, пола, семейнаго положенія, занятій и прежней судимости, послѣ чего помѣщаются свѣдѣнія о родѣ наказанія къ коему присуждены признанные виновными; послѣдняя графа — „примѣчанія." Всѣ указанныя свѣдѣнія требуются особенно 1) по 25 видамъ преступныхъ дѣяній, подсудимыхъ суду присяжныхъ и 2) особенно по преступленіямъ, проступкамъ и полицейскимъ нарушеніямъ, подсудимыхъ суду присяжныхъ по совокупности съ первыми преступленіями. Изъ этихъ вѣдомостей прокуроромъ палаты составляются ежегодные своды: 1) относительно каждаго суда съ присяжными (Schwurgerichtsbezirk) и 2) для всего округа судебной палаты, которые вмѣстѣ съ подлинными вѣдомостями представляются министру юстиціи непозже 15-го февраля каждаго года.

Помимо перечисленныхъ отчетовъ, въ прусскихъ судахъ существуютъ наконецъ еще и другіе, менѣе важные: напр. секретари доносятъ, по установленной формѣ, еженедѣльно, предсѣдателю о числѣ засѣданій, рѣшенныхъ дѣлъ и т. д. по каждому отдѣленію.

IX.

Довольно своеобразны, въ сравненіи съ нашими законами, постановленія о выдачѣ и размѣрѣ судебныхъ издержекъ по уголовнымъ дѣламъ; они опредѣляются въ Пруссіи четырьмя общегерманскими законами: 1) о судебн..хъ издержкахъ отъ 18-го іюня 1878 г. 2) о вознагражденіи свидѣтелей и экспертовъ отъ 30-го іюня 1878 г. 3) о вознагражденіи судебныхъ приставовъ отъ 21 іюня 1878 г. и 4) о вознагражденіи присяжныхъ повѣренныхъ отъ 7-го іюня 1879 г.

Законъ о судебныхъ издержкахъ отправляется отъ той точки зрѣнія, что каждый подсудимый, который признанъ

виновнымъ, долженъ вознаградить государство не только за всѣ его наличныя издержки по данному дѣлу, но и за отправленіе уголовнаго правосудія вообще, и что та же обязанность лежитъ, въ извѣстныхъ случаяхъ, на гражданскомъ истцѣ и всегда на частномъ обвинителѣ, взывающемъ къ помощи государства. Согласно этому, съ каждаго признаннаго въ *первой инстанціи* виновнымъ, взымается судебная пошлина отъ 5 до 300 марокъ, смотря по тяжести присужденнаго наказанія. Таже пошлина налагается и въ аппеляціонной и ревизіонной инстанціи, если въ послѣдней ревизіонная жалоба разсмотрѣна по существу. Если по дѣлу не произведено предварительнаго слѣдствія и въ судебномъ засѣданіи не было судебнаго слѣдствія, то пошлина въ первой и аппеляціонной инстанціи *можетъ* быть, по усмотрѣнію суда, уменьшена до половины. Въ случаѣ окончанія дѣла мировымъ судьею безъ судебнаго разбирательства, т. е. посредствомъ Strafbefehl, взымается $^2/_{10}$ вышеозначенной пошлины; въ случаѣ оставленія безъ послѣдствій ходатайства объ отмѣнѣ Strafbefehl или аппеляціонной жалобы, за неявкою обвиняемаго и т. п. $^4/_{10}$, за оставленіе безъ послѣдствій частныхъ жалобъ, въ нѣкоторыхъ случаяхъ $^1/_{10}$ пошлины, въ другихъ, лишь 1 марка; наконецъ, за оставленія безъ послѣдствій ходатайства о возобновленіи дѣла $^2/_{10}$ пошлины; если же происходила провѣрка доказательствъ, то $^4/_{10}$.

Потерпѣвшіе имѣютъ, по уставу германскаго уголовнаго судопроизводства, право обжаловать въ судъ распоряженія прокуратуры о прекращеніи дѣла; но если жалоба ихъ оставлена безъ послѣдствій, то съ нихъ взыскивается пошлина въ 20, 90 или 100 марокъ, по роду дѣлъ: если же дѣло въ послѣдствіи прекращено или подсудимый оправданъ, то зависитъ отъ усмотрѣнія суда, взыскать эту пошлину или нѣтъ; если же жалоба оставлена безъ послѣдствій лишь потому, что потерпѣвшій не представилъ требуемой судомъ суммы для обезпеченія могущихъ оказаться наличныхъ издержекъ, то съ него взыскивается половина опредѣленной пошлины. Та же пошлина можетъ быть взыскана и съ тѣхъ лицъ, которыя

вызвали слѣдствіе или хоть дознаніе, недобросовѣстнымъ или легкомысленнымъ доносомъ.

При производствѣ дѣла *въ порядкѣ частнаго обвиненія*, въ первой инстанціи взыскивается съ частнаго обвинителя: если дѣло прекращено безъ приговора по начатіи судебнаго засѣданія 15 м., если приговоръ состоялся безъ судебнаго слѣдствія 20 м., если слѣдствіе было произведено 30 м. Тѣже суммы взыскиваются въ аппеляціонной и ревизіонной инстанціи; если же аппеляціонная жалоба оставляется безъ послѣдствій за неявкою частнаго обвинителя, то съ него взыскиваются 15 м. Далѣе, съ частнаго обвинителя взыскивается, за оставленіе безъ послѣдствій частныхъ жалобъ, смотря по содержанію ихъ 2, 3, 4 или 8 м.; за оставленіе безъ послѣдствій первоначальной жалобы о привлеченіи обвиняемаго къ отвѣтственности 3 м.; за отказъ отъ принесенной жалобы до открытія судебнаго засѣданія 2 марки. Если въ одномъ дѣлѣ участвуютъ нѣсколько частныхъ обвинителей или подсудимыхъ, то означенныя пошлины взыскиваются въ двойномъ размѣрѣ. Если же принесшіе прошенія, жалобы и т. д. (за исключеніемъ жалобъ о привлеченіи къ отвѣтственности) отказываются отъ оныхъ до разсмотрѣнія или до открытія судебнаго засѣданія, то съ нихъ взыскиваются $^{3}/_{10}$ вышеуказанныхъ пошлинъ. Тѣ же пошлины взыскиваются и съ гражданскихъ истцовъ (Nebenklaeger), если на нихъ возлагаются судебныя издержки. По дѣламъ объ уничтоженіи, конфискаціи и т. д. извѣстныхъ предметовъ, если опредѣленія послѣдуютъ особенно отъ приговоровъ, взыскиваются въ каждой инстанціи 5 марокъ. Наконецъ, независимо отъ всѣхъ упомянутыхъ пошлинъ, взыскиваются еще другія, за совершеніе извѣстныхъ судебныхъ дѣйствій, по правиламъ о судебныхъ издержкахъ по гражданскимъ дѣламъ.

Далѣе идутъ постановленія о судебныхъ издержкахъ въ тѣсномъ смыслѣ; къ нимъ причисляются: 1) канцелярскія пошлины 10 пф. за страницу, 2) почтовые [1]) и теле-

[1]) Въ Пруссіи вездѣ оффиціальная корреспонденція по уголовнымъ дѣламъ оплачивается почтовымъ сборомъ.

графные расходы, 3) объявленія въ газетахъ, 4) вознагражденіе свидѣтелямъ и экспертамъ, 5) путевые расходы чиновниковъ судебнаго вѣдомства, 6) вознагражденіе присяжнымъ повѣреннымъ или присутственнымъ мѣстамъ, 7) издержки по транспорту подсудимыхъ и 8) задержанію ихъ въ тюрьмѣ. По дѣламъ, производимымъ въ порядкѣ частнаго обвиненія, частный обвинитель, при подачѣ первоначальнаго прошенія, обязанъ представить 10 марокъ, а если онъ иностранецъ, то 30 марокъ, для покрытія расходовъ; столько же обязанъ представить частный обвинитель или гражданскій истецъ, въ случаѣ подачи аппеляціонной или ревизіонной жалобы. Если же предметомъ ходатайства является конфискація и т. д. то представляется 5 марокъ. Кромѣ того, каждый частный обвинитель или гражданскій истецъ, который ходатайствуетъ о совершеніи судебнаго дѣйствія, сопряженнаго съ наличными издержками, долженъ представить необходимую на то сумму.

Особеннымъ закономъ, какъ мы видѣли, опредѣляется размѣръ вознагражденія свидѣтелямъ и экспертамъ. Прежде всего они получаютъ вознагражденіе за потерю времени, первые отъ 10 пфен. до одной марки, вторые до двухъ марокъ за часъ, смотря по роду ихъ занятій, но не болѣе чѣмъ за 10 часовъ въ день; кромѣ того, эксперты вознаграждаются за всѣ издержки, если таковыя требовались для дачи заключенія; при опредѣленіи вознагражденія принимается въ разсчетъ нетолько время, которое свидѣтели или эксперты провели въ судѣ, но вообще все время, въ продолженіи котораго они были оторваны отъ своихъ занятій. Далѣе, имъ выдаются прогонныя деньги, а именно: если свидѣтель или экспертъ живетъ на разстояніи болѣе двухъ километровъ отъ суда, хотя въ томъ же городѣ, то принимается въ соображеніе, долженъ-ли былъ онъ по своему положенію или инымъ обстоятельствамъ, пользоваться экипажемъ и т. под.: если долженъ былъ, то выдается вознагражденіе соотвѣтствующее дѣйствительнымъ издержкамъ, въ противоположномъ случаѣ, свидѣтели и эксперты получаютъ

прогонныхъ въ оба пути по 5 пф. за километръ. Впрочемъ, вознагражденіе выдается и живущимъ ближе 2 километровъ, если они не могли обойтись безъ экипажа. Издержки наличными деньгами, которыя были ими выданы на пути (напр. пошлины за проѣздъ черезъ мостъ, за переправу черезъ рѣку и т. д.) возвращаются. Кромѣ того, выдается имъ суточныхъ 5 марокъ за день, и за каждый ночлегъ внѣ постояннаго мѣста жительства не болѣе 3 марокъ. Наконецъ, если свидѣтель по болѣзни или другимъ причинамъ не можетъ явиться одинъ, то прогонныя и суточныя выдаются и для лица его сопровождающаго.

Изъ таксы вознагражденій судебныхъ приставовъ, для насъ имѣетъ интересъ лишь плата имъ за врученіе повѣстокъ, она равняется 30 и 40 пф. О таксѣ присяжныхъ повѣренныхъ рѣчь будетъ ниже [1]).

При изложеніи Gerichtskostengesetz мы уже видѣли съ кого, въ опредѣленныхъ этимъ закономъ случаяхъ, взыскиваются судебныя пошлины. Остается теперь узнать на кого возлагаются остальныя судебныя издержки. Общія правила по этому предмету, имѣются въ уставѣ угол. суд. (ст. 496 и сл.) Основное положеніе,—что всѣ издержки, включая и издержки по дознанію и исполненію приговора, взыскиваются съ признаннаго виновнымъ подсудимаго; въ случаѣ же его смерти до вступленія приговора въ законную силу, издержки принимаются на счетъ казны. Соучастники отвѣчаютъ солидарно, за исключеніемъ издержекъ по исполненію приговоровъ и содержанію подъ стражею во время предварительнаго слѣдствія. На подсудимаго, дѣло о которомъ прекращено или ко-

[1]) Приведенные здѣсь законы, вызвали въ Германіи всеобщее неудовольствіе, такъ какъ размѣры судебныхъ пошлинъ и издержекъ оказались чрезмѣрно высокими. Поэтому неудивительно, что союзныя правительства внесли, въ этомъ году, въ имперскій сеймъ проектъ закона объ уменьшеніи нѣкоторыхъ пошлинъ, въ особенности по дѣламъ гражданскимъ. Но сеймъ этимъ неудовольствовался, а постановилъ, между прочимъ, уменьшить и пошлины, подлежащія взысканію съ частныхъ обвинителей. Но получилъ-ли законъ санкцію, въ этой расширенной формѣ, и значительны-ли эти уменьшенія, мнѣ неизвѣстно.

торый оправданъ, издержки возлагаются лишь настолько, насколько онѣ вызваны его собственною виной (напр. неявкою въ судебное засѣданіе и т. под.); необходимыя его издержки, напр. вознагражденіе свидѣтеля, доказывающаго его невинность, могутъ быть, по усмотрѣнію суда, возложены на казну. При взаимныхъ оскорбленіяхъ или тѣлесныхъ поврежденіяхъ, освобожденіе виновныхъ отъ наказанія, не освобождаетъ ихъ отъ обязанности уплатить всѣ судебныя издержки. Если дознаніе или слѣдствіе вызвано недобросовѣстнымъ или неосторожнымъ доносомъ, то издержки, по постановленію суда, могутъ быть возложены на доносителя; если же дѣло прекращается вслѣдствіе отказа отъ жалобы, служившей его основаніемъ, то всѣ издержки возлагаются на отказавшагося. По дѣламъ частнаго обвиненія, признанный виновнымъ обвиняемый, обязанъ вознаградить частнаго обвинителя за всѣ необходимыя его издержки; если же напротивъ обвиняемый будетъ оправданъ или дѣло объ немъ прекращается, то всѣ издержки, въ томъ числѣ и необходимыя издержки обвиняемаго, возлагаются на частнаго обвинителя. Если жалоба частнаго обвинителя удовлетворена лишь отчасти, то издержки распредѣляются соразмѣрно; если по дѣлу нѣсколько частныхъ обвинителей или обвиняемыхъ, то они отвѣчаютъ солидарно. Къ числу издержекъ, возлагаемыхъ по дѣламъ частнаго обвиненія на одну изъ сторонъ, принадлежитъ и гонораръ, платимый противной стороною присяжному повѣренному, насколько таковой можетъ быть присужденъ по правиламъ гражданскаго судопроизводства; если частная, апелляціонная или ревизіонная жалоба оставлена безъ послѣдствій или взята обратно, то издержки возлагаются на жалобщика. Въ случаѣ оставленія безъ послѣдствій протеста прокурора, необходимыя издержки подсудимаго могутъ быть, по усмотрѣнію суда, возложены на казну.

Само собою разумѣется, что большое число разнообразныхъ судебныхъ пошлинъ и издержекъ не можетъ не утруждать суда при составленіи окончательныхъ счетовъ издержекъ

по уголовнымъ дѣламъ. Но затрудненіе это значительно уменьшается тѣмъ, что по каждому дѣлу, по установленной министромъ юстиціи формѣ, предварительно собираются свѣдѣнія о состоятельности подсудимаго и, кажется, другихъ лицъ, обязанныхъ по закону къ уплатѣ пошлинъ и издержекъ. Если подсудимый оказывается несостоятельнымъ, а это имѣетъ мѣсто въ громадномъ большинствѣ случаевъ, то счета о судебныхъ пошлинахъ вовсе не составляется, а наличныя издержки берутся на счетъ казны, по силѣ самаго закона, безъ всякаго постановленія суда.

X.

Прусскіе юристы давно уже прониклись убѣжденіемъ, что необходимо освободить судебныя мѣста, насколько возможно, отъ занятій кассовыми и денежными дѣлами. Осуществленіемъ этой мысли явился прусскій законъ о депозитахъ, начавшій свое дѣйствіе одновременно съ новыми Германскими судебными уставами. Законъ этотъ опредѣляетъ, что по общему правилу депозиты должны храниться не въ судахъ, а въ извѣстныхъ административныхъ мѣстахъ (Regirungshauptkasse), такъ что туда, а не въ судъ, поступаютъ напр. всѣ деньги, вырученныя судебными приставами при продажахъ и т. под.

Окружные суды и судебныя палаты совершенно освобождены отъ обязанности принимать какіе-то ни было депозиты. Мировые суды могутъ принимать таковые во всѣхъ нетерпящихъ отлагательства случаяхъ; но принятіе депозитовъ обязательно для нихъ, если судъ ex officio обязанъ хранить извѣстныя суммы денегъ или извѣстный предметъ (напр. если деньги, переданныя мировому суду по его требованію, изъ депозитальной кассы, присланы ранѣе срока выдачи и т. под.); если въ извѣстныхъ, закономъ опредѣленныхъ случаяхъ, опекуны требуютъ принятія принадлежащихъ несовершеннолѣтнимъ денегъ и если, наконецъ, отъ принятія депозита зависитъ освобожденіе подсудимаго изъ подъ стражи, пріостановленіе приведенія въ исполненіе приговора или рѣшенія, принятіе, про-

долженіе или отмѣна обезпеченія иска, и т. под. Въ принятіи депозитовъ выдается квитанція, за подписью мироваго судьи и секретаря, которые и отвѣчаютъ за цѣлость депозитовъ. Впрочемъ, обязанности мироваго судьи, по усмотрѣнію министра юстиціи, могутъ быть возложены и на секретаря, такъ что въ такомъ случаѣ принятіе и храненіе депозитовъ производится двумя секретарями. — Депозиты могутъ быть переданы во всякое время въ общія депозитальныя кассы; передача ихъ обязательна, если по мнѣнію суда выдача ихъ должна послѣдовать неранѣе, чѣмъ по истеченіи шести недѣль [1]).

Тоже желаніе, освободить суды отъ несвойственнаго имъ занятія денежными дѣлами, выражается и въ двухъ постановленіяхъ о кассовой части. Общей кассы въ судахъ не имѣется и судъ, какъ таковой, вообще о поступленіи денегъ ничего не знаетъ; слѣдовательно устраняется надобность въ дежурствѣ членовъ для принятія денегъ, въ мѣсячныя ревизіи кассы, въ веденіи денежныхъ книгъ и т. под. Порядокъ существующій въ прусскихъ судахъ состоитъ въ томъ, что всѣ судебныя пошлины и вообще всѣ деньги, наличностью коихъ обусловливается совершеніе судебнаго дѣйствія, получаются непосредственно секретаремъ того отдѣленія, въ которомъ дѣло производится; кромѣ того, секретари могутъ принимать всякія вообще судебныя пошлины или издержки, если таковыя присланы по почтѣ или могутъ быть получены непосредственно отъ сторонъ по словесному требованію или, наконецъ, если издержки вызваны дѣйствіями судебнаго пристава, предпринятыми по порученію секретаря. Въ принятіи денегъ секретарь, въ случаѣ требованія, выдаетъ квитанцію. Всѣ полученныя деньги записываются въ доходный реестръ

---

[1]) Впрочемъ, можно думать, что и обязанность мировыхъ судовъ принимать депозиты, только временная, какъ въ мотивахъ при обсужденіи закона въ нижней палатѣ, была высказана надежда, что вскорѣ представится возможность её отмѣнить и передать всю депозитную часть въ исключительное вѣдѣніе административныхъ мѣстъ.

(Einnahme Register); по окончаніи присутственныхъ часовъ, секретарь подводитъ итогъ и реестръ, вмѣстѣ съ деньгами, передается въ казначейство При этомъ однако секретарямъ разрѣшено изъ принятыхъ ими денегъ удовлетворять свидѣтелей, экспертовъ, присяжныхъ засѣдателей и шеффеновъ [1]) и тогда вмѣсто наличныхъ денегъ они представляютъ доказательства своихъ расходовъ. Въ большихъ судахъ, въ томъ числѣ и въ Бреславльскомъ, порядокъ этотъ еще упрощенъ, а именно: въ судѣ находится особенный чиновникъ, который принимаетъ отъ секретаря реестры и деньги, а затѣмъ передаетъ ихъ въ казначейство; на него же возложено и удовлетвореніе свидѣтелей, экспертовъ, присяжныхъ засѣдателей и шеффеновъ, и выдача чинамъ судебнаго вѣдомства разъѣздныхъ денегъ за поѣздки по дѣламъ службы, въ чертѣ города [2]). Для этой цѣли ему дается изъ казначейства авансомъ 1500 мар.; если выдачи превышаютъ полученія отъ секретарей, то недостающая сумма немедленно пополняется изъ суммъ казначейства. Подобный авансъ, хотя незнаю въ какомъ именно размѣрѣ, выдается и секретарямъ, если они непосредственно удовлетворяютъ свидѣтелей и т. д.—

При этомъ нельзя не указать на способъ составленія счетовъ, который, опять, указываетъ на стремленіе прусскаго законодательства освободить суды отъ отвѣтственности за денежныя дѣла; а именно: судъ отмѣчаетъ въ бланкахъ о вознагражденіи свидѣтеля и т. под. только фамилію и занятія его, мѣстожительство, время, когда онъ долженъ былъ явить-

---

[1]) Присяжные засѣдатели и шеффены получаютъ вознагражденіе за путевыя издержки въ слѣдующемъ размѣрѣ: если судъ, въ который они вызываются, находится на разстояніи болѣе 2 километровъ отъ постояннаго ихъ мѣстожительства, по 10 пф. за километръ, если путешествіе можетъ быть совершено по желѣзной дорогѣ или на пароходѣ, въ противоположномъ же случаѣ по 20 пф. Тѣже 20 пф. за километръ, они получаютъ и въ томъ случаѣ, если они проживаютъ въ томъ же мѣстѣ, гдѣ находится судъ на разстояніи болѣе 2-хъ кил. Эти прогонныя деньги выдаются присяжнымъ и шеффенамъ въ оба пути; для лицъ, проживающихъ внѣ мѣста нахожденія суда, минимумъ прогонныхъ равняется 3 маркамъ.

[2]) Выдача этихъ денегъ производится, въ нѣкоторыхъ большихъ городахъ, на основаніи особаго распоряженія министра юстиціи.

ся и когда онъ отпущенъ; затѣмъ уже секретарь или лицо, выдающее вознагражденіе, выставляетъ, на основаніи имѣющихся у него данныхъ, свѣдѣнія о разстояніи и затѣмъ составляетъ счетъ, за правильность котораго и отвѣчаетъ. Въ утвержденіи суда счеты не нуждаются. Естественно, что подобный порядокъ крайне облегчаетъ суды, тѣмъ болѣе, что въ Пруссіи вознагражденіе свидѣтелей и т. под. производится въ большихъ размѣрахъ, чѣмъ у насъ [1]). Нужно еще къ этому прибавить, что вообще всякіе счеты судебныхъ издержекъ и пошлинъ, составляются самостоятельно секретаремъ, безъ всякаго содѣйствія суда. Только въ тѣхъ случаяхъ, когда размѣръ издержекъ не опредѣленъ закономъ, требуется постановленіе суда.—

Такимъ образомъ суды, за исключеніемъ указанныхъ случаевъ, совершенно освобождены отъ занятій денежными и кассовыми дѣлами. Спрашивается теперь, насколько должны ими заниматься предсѣдатели судовъ и надзирающіе судьи въ мировыхъ судахъ. Уже изъ сказаннаго до сихъ поръ видно, что обязанности ихъ въ этомъ отношеніи не могутъ быть особенно тяжелы и обширны, и этотъ выводъ вполнѣ подтверждается циркулярами и распоряженіями министра юстиціи, относящимися къ этому вопросу, а именно: обязанности ихъ ограничиваются тѣмъ, что 1) они должны принимать всѣ деньги, получаемыя по почтѣ, и 2) завѣдывать извѣстными суммами по смѣтѣ министерства юстиціи. Что же касается до перваго случая, то въ каждомъ судѣ ведется особая книга, въ которую записываются сперва повѣстки съ указаніемъ всѣхъ необходимыхъ подробностей, а затѣмъ, отмѣчается почтою кѣмъ и когда выданы деньги. Денежные пакеты, адрессованные въ судъ, вскрываются исключительно предсѣдателемъ, который, далѣе, наблюдаетъ затѣмъ, чтобы деньги были переданы кому слѣдуетъ, о чемъ дѣлается отмѣтка въ той же книгѣ. Если же деньги адресованы не въ судъ, а въ секре-

---

[1]) Въ одномъ Бреславльскомъ судѣ выдается ежегодно отъ 60,000 до 70,000 марокъ, на вознагражденіе свидѣтелей, экспертовъ и т д.

таріатъ, то обязанности предсѣдателя исполняются первымъ секретаремъ.—Завѣдываніе суммами министерства юстиціи тоже не обременительно для предсѣдателей окружныхъ судовъ, ибо они завѣдываютъ лишь суммами для удовлетворенія судебныхъ приставовъ за совершеніе ими должныхъ дѣйствій по порученію суда или прокуратуры и для выдачѣ имъ жалованья; кромѣ того предсѣдатели, вмѣстѣ съ прокурорами, распоряжаются канцелярскими деньгами. Тѣми же деньгами въ судебныхъ палатахъ завѣдуютъ старшіе предсѣдатели и прокуроры; кромѣ того, въ ихъ распоряженіи находятся еще нѣкоторыя другія суммы, какъ напр., для удовлетворенія служащихъ, переведенныхъ изъ одного мѣста въ другое. Во всѣхъ случаяхъ, когда суммами министерства юстиціи завѣдуютъ предсѣдатели вмѣстѣ съ прокурорами, ассигновки выдаются исключительно послѣдними. Суммы, назначенныя для удовлетворенія судебныхъ издержекъ, находятся въ завѣдываніи каждаго присутственнаго мѣста, а не предсѣдателя, такъ что ассигновка выдается непосредственно тѣмъ лицомъ, по распоряженію котораго послѣдовали издержки.

При каждомъ прокурорѣ окружнаго суда или судебной полаты, состоятъ особые чиновники для для ревизіи денежной и кассовой части судовъ (Rechnungsrevisoren). Они подчинены прокурорамъ, но обязаны исполнять и порученія предсѣдателей. Ревизоры при окружныхъ судахъ, ревизуютъ и мировые суды. Ревизіи ихъ подлежитъ вообще все, что соединено съ доходами или расходами казны; напр. опредѣленіе размѣра судебныхъ пошлинъ, дѣятельность секретаріатовъ относительно взиманія судебныхъ издержекъ, денежныя книги и реестры судебныхъ приставовъ, насколько они могутъ имѣть значеніе для казеннаго интереса, депозиты въ мировыхъ судахъ; канцелярскіе матеріалы и расходы по онымъ, денежныя выдачи свидѣтелямъ и другимъ лицамъ; кромѣ того, они обязаны принимать участіе во всѣхъ дѣлахъ судебной администраціи, возложенныхъ на предсѣдателя или прокурора, или на обоихъ совокупно, особенно насколько дѣла эти относятся къ кассовой части. Ревизіи производятся во всѣхъ су-

дахъ одинъ разъ въ годъ; время ревизіи опредѣляется предсѣдателемъ и прокуроромъ. Счетъ же судебныхъ издержекъ по уголовнымъ дѣламъ, передается изъ казначейства ревизору ежемѣсячно.

XI.

Уже выше я сказалъ, что для полученія званія *присяжнаго повѣреннаго*, въ Пруссіи требуются тѣже условія, какъ для полученія мѣста судьи или прокурора. Назначеніе ихъ производится министромъ юстиціи, который предварительно требуетъ заключеніе мѣстнаго совѣта присяжныхъ повѣренныхъ (Vorstand der Anwaltskammer). Заключеніе это, въ извѣстныхъ случаяхъ, для него обязательно, а именно: если по мнѣнію совѣта мѣсто или занятія просителя не могутъ быть соединены съ занятіями присяжнаго повѣреннаго, если проситель совершилъ проступокъ, который, по мнѣнію совѣта, повлекъ бы за собою исключеніе изъ сословія присяжныхъ повѣренныхъ или если онъ вслѣдствіи физическаго недостатка или слабости умственныхъ, или физическихъ силъ, неспособенъ къ отправленію обязанностей присяжнаго повѣреннаго, то министръ юстиціи обязанъ отказать къ просьбѣ. Кромѣ того, проситель не можетъ быть принятъ въ сословіе присяжныхъ повѣренныхъ, если онъ во время заявленія ходатайства, вслѣдствіе судебнаго приговора, лишился права занимать государственныя должности, если онъ исключенъ изъ сословія присяжныхъ повѣренныхъ или ограниченъ въ свободномъ распоряженіи своимъ имуществомъ. Наконецъ, отъ усмотрѣнія министра зависитъ допустить или не допустить просителя, если онъ въ продолженіи трехъ лѣтъ, послѣ того какъ пріобрѣлъ право сдѣлаться присяжнымъ повѣреннымъ, не воспользовался имъ или поступилъ въ государственную службу, или если онъ по приговору судебнаго мѣста былъ временно лишенъ права занимать государственныя должности и если, наконецъ, проситель (бывшій прежде уже присяжнымъ) въ продолженіи послѣднихъ двухъ лѣтъ былъ подвергнутъ въ дисциплинарномъ порядкѣ выговору или денеж-

ному штрафу не менѣе 150 марокъ. Если отказъ послѣдовалъ на основаніи заключенія совѣта присяжныхъ повѣренныхъ, то проситель имѣетъ право требовать, чтобы ему была дана возможность доказать неосновательность этого заключенія, для чего по его просьбѣ, предъ совѣтомъ назначается изслѣдованіе дѣла въ порядкѣ дисциплинарнаго производства.

Дѣятельность каждаго присяжнаго повѣреннаго ограничивается однимъ судомъ, но по своей просьбѣ онъ можетъ быть допущенъ къ практикѣ и при другихъ судахъ; впрочемъ, каждому присяжному повѣренному предоставляется право явиться во всѣхъ германскихъ судахъ представителемъ сторонъ, во время судебнаго засѣданія. Присяжные повѣренные, проживающіе въ округѣ одной судебной палаты, составляютъ общее ихъ собраніе (Anwaltskammer), которое избираетъ изъ своей среды совѣтъ (Vorstand) изъ 9—15 членовъ, которые въ свою очередь избираютъ предсѣдателя и секретаря.

Нѣсколько особенностей представляетъ дисциплинарное производство (ehrengerichltiche Verfuhren) противъ присяжныхъ повѣренныхъ. Дѣла подобнаго рода возбуждаются и рѣшаются совѣтомъ въ составѣ пяти членовъ (въ этомъ числѣ и предсѣдатель совѣта) Ehrengericht. Въ случаѣ надобности производится предварительное слѣдствіе судьею, по назначенію старшаго предсѣдателя палаты; затѣмъ составляется прокурорскимъ надзоромъ обвинительный актъ и дѣло производится по всѣмъ правиламъ уголовнаго судопроизводства, съ незначительными лишь измѣненіями. Роль обвинителя принадлежитъ прокурору, а обязанность секретаря исполняется однимъ изъ присяжныхъ повѣренныхъ, непринадлежащихъ къ совѣту. Свидѣтели и эксперты получаютъ вознагражденіе на общемъ основаніи; за удовлетвореніе ихъ отвѣчаетъ общее собраніе присяжныхъ повѣренныхъ, какъ въ другихъ случаяхъ казна. За то денежныя взысканія, наложенныя въ дисциплинарномъ порядкѣ на присяжныхъ повѣренныхъ, поступаютъ въ кассу общаго собранія. Частныя жалобы на опредѣленія Ehrengericht разсматриваются судебною палатою; противъ же приговоровъ его допускаются ревизіонныя жалобы, которыя разсматриваетъ

особый Ehrengerichtshof, состоящій изъ предсѣдателя и трехъ членовъ имперскаго суда и трехъ присяжныхъ повѣренныхъ, состоящихъ при томъ же судѣ.

Общее неудовольствіе вызвало, кажется, постановленіе о вознагражденіи присяжныхъ повѣренныхъ. (Gebuehrenordnung fuer Rechtsanwaelte) отъ 7 іюля 1879 года, въ особенности по гражданскимъ дѣламъ. Общій принципъ тотъ, что адвокатъ получаетъ вознагражденіе не за все веденіе извѣстнаго дѣла, а особо за извѣстныя дѣйствія по дѣлу, напр: за приготовленіе дѣла, за словесное состязаніе, за примиреніе и т. д., размѣръ вознагражденія за каждое изъ этихъ и другихъ дѣйствій опредѣляется цѣною иска. Вообще, въ сравненіи съ прежде дѣйствующей таксой, вознагражденіе присяжнымъ повѣреннымъ очень увеличено, такъ что оно, особенно по дѣламъ на небольшія суммы, является крайне обременительнымъ для тяжущихся. Лучшимъ доказательствомъ этого можетъ служить слѣдующая таблица, недавно опубликованная однимъ изъ прусскихъ биржевыхъ комитетовъ. [1])

цѣна иска: марки.	вознагр. прис. пов. за веденіе дѣла	вознаграж. прис. пов. за участіе въ испол. рѣш. чрезъ суд. прист.
10	теперь — 13 м. 40 пф.	8 м. 30 пф.
	прежде — 2 м. 20 пф.	
30	теперь — 18 м. 40 пф.	8 м. 30 пф.
	прежде — 4 м. 50 пф.	
50	теперь — 18 м. 40 пф.	8 м. 30 пф.
	прежде — 7 м. 10 пф.	
70	теперь — 23 м. 40 пф.	8 м. 50 пф.
	прежде — 9 м. 70 пф.	
100	теперь — 23 м. 40 пф.	8 м. 50 пф.
	прежде — 13 м. 50 пф.	

1) Здѣсь имѣется очевидно въ виду, такъ сказать, нормальное дѣло.

цѣна иска, марки.		вознагр. прис. пов. за веденіе дѣла	вознагр. прис. пов. за участіе въ испол. рѣш. чрезъ суд. прист.
150	теперь	— 41 м. 40 пф.	10 м. 80 пф.
	прежде	— 22 м. 50 пф.	
200	теперь	— 41 м. 40 пф.	11 м. 80 пф.
	прежде	— 37 м. 20 пф.	5 м. 30 пф.
500	теперь	— 98 м. 40 пф.	19 м. 80 пф.
	прежде	— 77 м. 20 пф.	10 м. 60 пф.
1000	теперь	—146 м. 40 пф.	29 м. 70 пф.
	прежде	—107 м. 40 пф.	18 м. 10 пф.

Вознагражденіе получается присяжными повѣренными не только по гражданскимъ, но и по уголовнымъ дѣламъ. Такса по симъ послѣднимъ дѣламъ слѣдующая: за защиту въ судебномъ засѣданіи первой инстанціи, въ судѣ шеффеновъ 12 м. въ окружномъ судѣ безъ присяжныхъ 20 м. въ судѣ присяжныхъ 40 м. если-же засѣданіе продолжается болѣе одного дня, то вознагражденіе увеличивается за каждый день на 5. Исключеніе составляютъ только дѣла, производящіяся въ порядкѣ частнаго обвиненія, въ которыхъ, кромѣ указанной таксы, платится еще 6 мар., если было произведено судебное слѣдствіе, безразлично сколько дней засѣданіе длилось. Тоже вознагражденіе, смотря потому въ какомъ судѣ слушалось дѣло въ первой инстанціи, присяжные повѣренные получаютъ за защиту въ аппеляціонной или ревизіонной инстанціи. За защиту на предварительномъ слѣдствіи, за написаніе жалобы для частнаго обвинителя, просьбы о помилованіи и возобновленіи дѣла, аппеляціонныхъ и ревизіонныхъ жалобъ, вознагражденіе равняется, смотря по подсудности дѣлъ, 6, 12 и 20 мар. за написаніе всѣхъ другихъ бумагъ повѣренные получаютъ по двѣ марки. Если присяжный повѣренный назначенъ защитникомъ отъ суда, то опредѣленное закономъ вознагражденіе выдается ему изъ казны. Повѣренные частныхъ обвинителей и гражданскихъ истцовъ, имѣютъ право на полученіе того же вознагражденія. Независимо отъ вознагражденія за отдѣльныя дѣйствія, присяжные повѣренные получаютъ

таковое и за путешествія, предпринятыя по дѣламъ ихъ кліентовъ. При опредѣленіи этого вознагражденія примѣняются тѣ же общія правила, какъ при путевомъ вознагражденіи чиновниковъ; размѣры его слѣдующіе:

суточныя 12 мар.,; за ночь, проведенную внѣ постояннаго мѣста жительства 5 мар.; прогонныя за кил. если путешествіе можетъ быть совершено по желѣзной дорогѣ или на пароходѣ 13 пф. въ другомъ случаѣ 60 пф.—Постановленія закона о размѣрахъ вознагражденія обязательны лишь въ томъ случаѣ, если присяжный повѣренный ведетъ дѣло по назначенію; въ другихъ случаяхъ размѣръ вознагражденія можетъ быть установленъ особеннымъ договоромъ, который обязателенъ для довѣрителя лишь въ случаѣ письменнаго его заключенія. Если однакоже присяжный повѣренный нарушилъ при этомъ предѣлы умѣренности, то установленный договоромъ размѣръ вознагражденія, по выслушаніи заключенія совѣта присяжныхъ повѣренныхъ, можетъ быть уменьшенъ до законнаго размѣра.

Нельзя не указать еще на одну, очень важную въ практическомъ отношеніи привиллегію, которой пользуются присяжные повѣренные въ Пруссіи. Выше я говорилъ, что секретаріаты судовъ доступны для публики не болѣе двухъ часовъ въ день; недавно, однако, министръ юстиціи разъяснилъ, что постановленіе это не относится къ присяжнымъ повѣреннымъ, которые, напротивъ, должны имѣть свободный доступъ въ секретаріатъ во все присутственное время, т. е. не менѣе 8 часовъ въ день.

XII.

Въ заключеніе скажу нѣсколько словъ о судебныхъ приставахъ. Само собою разумѣется, что общее правило прусскаго законодательства, предоставлять мѣста лишь тѣмъ лицамъ, которыя дали доказательства своей способности, примѣняется вполнѣ и къ нимъ. Согласно этому, въ судебные пристава могутъ быть назначены только лица, отбывшія по крайней мѣрѣ шестимѣсячную приготовительную службу и

выдержавшіе предъ комиссіею окружнаго суда письменное и словесное испытаніе. Невыдержавшіе втораго испытанія недопускаются уже къ новому. Назначеніе ихъ зависитъ отъ старшаго предсѣдателя и прокурора палаты. За совершеніе должностныхъ дѣйствій они получаютъ вознагражденіе по извѣстной таксѣ (Gebuehrenordnung fuer Gerichtsvollzieher отъ 24 іюня 1878 г.). Вознагражденіе это они получаютъ сполна, по всѣмъ дѣйствіямъ, совершеннымъ для частныхъ лицъ, причемъ имъ запрещено закономъ брать болѣе или менѣе таксы. За дѣйствіе же, совершенное ex officio имъ выдается, въ концѣ каждаго квартала, вознагражденіе, размѣръ коего опредѣленъ предсѣдателемъ окружнаго суда, сообразно съ ихъ расходами и таксою вознагражденія. Государство гарантируетъ судебнымъ приставамъ минимумъ доходовъ въ 1800 марокъ. Такса вознагражденія судебныхъ приставовъ, по общему мнѣнію, тоже очень высока и очень обременительна, въ особенности при незначительныхъ дѣлахъ; такъ напр., изъ приведенной въ предшествующемъ параграфѣ таблицы судебныхъ издержекъ, между прочимъ видно, что по дѣлу о 10 мар. пошлина судебному приставу за доставленіе повѣстокъ и т. под. равняются 2 м. 50 пф. а за исполненіе рѣшенія 9 м. 60 пор. итого 12 м. 10 пор. Поэтому и неудивительно, что во время обсужденія, въ нынѣшнемъ году, въ имперскомъ сеймѣ закона объ уменьшеніи судебныхъ пошлинъ и издержекъ, остановились именно на уменьшеніи платы судебнымъ приставамъ. Весьма интересны были объясненія, данныя по этому вопросу комиссаромъ правительства; онъ заявилъ, между прочимъ, что изъ имѣющихся въ Германіи 1801 судебнаго пристава только 200 получаютъ доходы менѣе гарантируемаго правительствомъ минимума, и что число ихъ, въ случаѣ принятія предложенныхъ уменьшеній таксы вознагражденія, увеличится можетъ быть до 400, что гарантированіе правительствомъ приставамъ извѣстнаго минимальнаго содержанія, представлается однако необходимымъ въ виду того, что рядомъ съ приставами зарабатывающими въ годъ отъ 16,000—18,000 мар. есть и такіе, доходы которыхъ недостигаютъ 200 марокъ.

Наказъ для судебныхъ приставовъ (Geschaftsanweisung fuer die Gerichtsvollziecher) былъ изданъ 10 дней послѣ изданія закона объ устройствѣ института приставовъ (Gerichtsvollziecherordnung); въ 138 статьяхъ онъ опредѣляетъ, во всѣхъ подробностяхъ, дѣятельность ихъ по всѣмъ отдѣльнымъ отраслямъ ихъ круга занятій. Къ наказу приложены, разумѣется, бланки книгъ, которыя судебныя пристава обязаны вести и бланки всѣхъ формуляровъ, въ коихъ они нуждаются, при исполненіи служебныхъ обязанностей.

Вотъ нѣкоторыя изъ моихъ наблюденій о прусскихъ судахъ. Остается прибавить лишь нѣсколько словъ. Выше я сказалъ, что о личныхъ отношеніяхъ и о способѣ обращенія теперешняго министра юстиціи съ лицами судебнаго вѣдомства, мнѣ извѣстно немного. Но это нисколько не исключаетъ возможности указать на отношенія министерства къ судамъ, какъ они обрисовываются въ постоянной его дѣятельности, совершенно независимо отъ отдѣльныхъ личностей.

Судя по нашимъ понятіямъ, можетъ казаться, что министерство регулируетъ слишкомъ много и вмѣшивается въ такія дѣла, которыя составляютъ предметъ самоуправленія судовъ. Но если это и такъ, то, во всякомъ случаѣ, это вмѣшательство происходитъ съ толкомъ, съ полнымъ знаніемъ дѣла и потребностей практики. Издаются напр. новые уставы уголовнаго и гражданскаго судопроизводствъ, учреждаются новые суды; они стоятъ предъ неизвѣстнымъ, имъ необходимо устроить свой внутренній порядокъ, тратить на это много времени. Но вотъ является имъ на помощь министерство, оно ихъ предупреждаетъ; почти одновременно съ уставами издается полный наказъ, съ подробными правилами для канцелярскаго производства, съ образцами книгъ и т. д. И такъ министерство дѣйствуетъ всегда. Поэтому оно и является постояннымъ помощникомъ и необходимымъ пополненіемъ судебныхъ установленій; оно живетъ одной съ ними жизнью, оно работаетъ для нихъ и вмѣстѣ съ ними; и при этомъ, какъ доказываетъ опытъ,

оно всегда на высотѣ своего призванія, оно всегда компетентно для рѣшенія представляющихся вопросовъ.

Естественно, что работящее и знающее министерство, съ работящимъ и опытнымъ министромъ во главѣ, не можетъ относиться слишкомъ высокомѣрно къ другимъ чинамъ судебнаго вѣдомства. Работая постоянно для нихъ, министерство не можетъ забывать, что оно существуетъ не для собственнаго своего удовольствія, а что, напротивъ, цѣль его — заботиться о судахъ и объ успѣшномъ отправленіи правосудія вообще. Помимо этого, при той серьезности, съ которой прусскій чиновникъ относится къ своимъ обязаностямъ, министерскій бюрократъ не можетъ не видѣть въ практическомъ юристѣ своего постояннаго сотрудника: онъ вырабатываетъ уставы и наказы, тотъ примѣняетъ и провѣряетъ ихъ, результаты этой провѣрки и критики принимаются въ соображеніе первымъ и, такимъ образомъ, между ними существуетъ постоянная связь, постоянная общность служебныхъ интересовъ.

Наконецъ, не слѣдуетъ забывать, что независимостью своихъ судей Пруссія гордилась еще въ прошломъ столѣтіи; давно уже убѣдились, что эта независимость есть одна изъ необходимыхъ основъ консервативнаго строя общества. Но понятно, что независимый судья всегда независимъ; въ пріемныхъ министерства не менѣе, какъ и въ совѣщательной комнатѣ. Правда, что это можетъ быть иногда очень неудобно, но прусскіе министры юстиціи умѣли помириться съ этимъ. Они хорошо понимаютъ, что эти-то неудобные, независимые люди, составляютъ цвѣтъ магистратуры и что вообще лакеизмъ и консерватизмъ понятія не идентичныя, а напротивъ, исключающія другъ друга. Поддерживая чувство собственнаго достоинства юстиціи у судей, прусскій министръ поддерживаетъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, достоинство магистратуры и вообще всего судебнаго персонала, временнымъ представителемъ котораго онъ является.

А. Фонъ-Резонъ.

ПРОКУРАТОРІЯ ВЪ ЦАРСТВѢ ПОЛЬСКОМЪ.

Конецъ XVIII столѣтія и начало настоящаго, были свидѣтелями рѣдкой, къ счастью, неустойчивости государственнаго организма. Послѣ цѣлаго ряда неудачныхъ попытокъ возрожденія, исчезло польское государство въ неравной борьбѣ съ сосѣдями за свое существованіе. Въ 1795 году послѣдовалъ, между Австріей, Пруссіей и Россіей, раздѣлъ остатковъ древняго польскаго царства.

Казалось, что мощный духъ Наполеона воскреситъ Польшу. Въ 1807 году, главнымъ образомъ изъ земель, отошедшихъ къ Пруссіи при третьемъ раздѣлѣ, было создано Герцогство Варшавское. Но вновь созданному Герцогству не было суждено пережить созидателя своего. Въ 1815 году, на Вѣнскомъ конгресѣ, изъ земель Герцогства Варшавскаго и части земель, отошедшихъ къ Австріи въ 1795 г., было образовано Царство Польское, надѣленное судьбою лишь ролью спутника большаго свѣтила.

Перемѣной политическаго быта страны, въ самой его основѣ, обусловливались очевидно и измѣненія государственныхъ и общественныхъ установленій. Однимъ изъ послѣдствій этой двадцатилѣтней ломки и перестройки всѣхъ органовъ власти и общественныхъ единицъ, явилась шаткость и неопредѣленность не въ одномъ очертаніи ихъ общественныхъ обязанностей; неопредѣленность эта отразилась не менѣе сильно и на присвоенныхъ, нѣкоторымъ изъ нихъ, правахъ на имущество. Чужестранныя нашествія, смутныя времена и неустойчивость

власти, благопріятствовали нарушенію имущественныхъ интересовъ казны и общественныхъ установленій, можетъ быть въ большей мѣрѣ, чѣмъ нарушенію собственности частныхъ лицъ, которыя, очевидно подъ вліяніемъ сильнѣйшаго двигателя, личнаго интереса, исчерпывали всѣ средства для возстановленія правъ своихъ. Кромѣ того, неуспѣвало выясниться право на основаніи вновь введенныхъ законодательствъ (австрійскаго и прусскаго), какъ оно уже опять подвергалось измѣненію, кодексомъ Наполеона, а затѣмъ и собственнымъ законодательствомъ Царства Польскаго.

Казнѣ возродившагося изъ хаоса Царства Польскаго, слѣдовало перевести духъ для того, чтобы выяснить какъ наличное, такъ и долговое имущество свое.

Любопытныя указанія на встрѣченныя правительствомъ затрудненія, содержатся въ постановленіи намѣстника отъ 27 февраля 1816 г. [1]). Постановленіе это указываетъ прежде всего на необходимость выдѣлить документы, касающіеся имущественныхъ правъ казны, учрежденій общественныхъ, духовныхъ, гминныхъ и др., находящихся въ той части территоріи Польши, которая не вошла въ составъ вновь созданнаго Царства (Краковъ, Познань и др.). Кромѣ того, предстояло преобразованіе судебныхъ учрежденій и перемѣщеніе ихъ изъ однихъ мѣстъ въ другія, что, въ свою очередь, вызывало необходимость разобрать старыя дѣла. Все это, по словамъ Царскаго намѣстника, угрожало защитѣ государственной и общественной собственности. Въ виду этого, съ цѣлью дать казнѣ возможность изыскать надлежащія средства судебной защиты, судебное производство по дѣламъ, касающимся государственной и общественной собственности, было временно пріостановлено.

Дальнѣйшимъ шагомъ къ упомянутой цѣли было учрежденіе прокураторіи.

Приведенный законодательный памятникъ, со всею откро-

---

[1]) Днев. зак. Цар. Польск. т. I. Постановленіе намѣстника о пріостановленіи судебнаго производства по дѣламъ, касающимся госуд. и обществ. собственности.

венностью свидѣтельствуетъ о хаотическомъ состояніи, въ которомъ находилась государственная и общественная собственность, вслѣдствіе почти непрерывныхъ раздѣловъ и передѣловъ польской земли и сопряженнаго съ этимъ перехода отъ однаго политическаго строя къ другому. При перемѣнахъ этихъ измѣнялись не только предѣлы вѣдомства имущественныхъ правъ тѣхъ установленій, которыя не переставали существовать несмотря на перемѣну правительственной власти, но въ тоже время возникало и уничтожалось множество мѣстныхъ и центральныхъ управленій, изъ которыхъ каждому принадлежала извѣстная доля вліянія на имущества государственныя и общественныя.

Коренные польскіе порядки смѣнились прусскою организаціею, которая, въ свою очередь, уступила мѣсто герцогству Варшавскому. Новое герцогство, по образцу Франціи, раздѣлило территорію на шесть департаментовъ и устроило шесть министерствъ [1]). Судебная защита общественной собственности была возложена на непосредственное начальство подлежащихъ установленій, подъ контролемъ и руководствомъ тогдашнихъ префектурныхъ совѣтовъ, президентовъ, префектовъ, подпрефектовъ, войтовъ и министра внутреннихъ дѣлъ [2]); судебная защита имущественныхъ правъ казны, въ тѣсномъ смыслѣ, состояла подъ надзоромъ министерства финансовъ, дирекціи государственныхъ имуществъ и лѣсовъ, дирекціи финансовъ и при префектурахъ и палатѣ государственныхъ имуществъ въ Варшавѣ. При учрежденіяхъ этихъ состояли юрисконсульты; самая же защита на судѣ ввѣрялась особымъ повѣреннымъ, получавшимъ вознагражденіе по соглашенію [3]).

Конституція $^{15}/_{27}$ ноября 1815 г. установила пять правительственныхъ комиссій, соотвѣтствующихъ нашимъ мини-

---

[1]) Ст. 64 конституція 22 іюля 1807 г. и декреты 19 и 24 дек. 1807 г. въ Дн. зак. Герц. Вар. т. I.

[2]) тамъ же, декр. 7 февр. 1809 г. ст. 26 п. f. и 23 февр. 1809 г. ст, 5 и 17, Дн. Зак. Герц. Вар. т. IV декр. 1812 г.

[3]) Okolski. Wykład prawa administracyjnego t. I. § 34 изд. 1881 г.

стерствамъ а въ 1816 г. послѣдовало новое административное дѣленіе территоріи на восемь воеводствъ или губерній [1]).

Такимъ образомъ, новому правительству представлялась неотразимая необходимость выяснить права казны и общественныхъ установленій на принадлежащія имъ имущества; слѣдовало собрать документы, разнесенные вихремъ проносившихся по польской землѣ правительствъ и народовъ, по всѣмъ дѣламъ Царства, а нерѣдко и за предѣлами его. Собранные документы надлежало разобрать и привести въ порядокъ,— словомъ, устроить центральный архивъ всѣхъ актовъ, которыми опредѣлялись имущественныя права казны и разныхъ общественныхъ учрежденій. Созданіе такого центральнаго архива, а вмѣстѣ съ тѣмъ и установленія, которое, будучи облечено авторитетомъ правительственнаго мѣста, могло бы съ тѣмъ большимъ успѣхомъ вести судебную борьбу противъ частныхъ лицъ, казалось тѣмъ болѣе желательнымъ, что съ централизаціей судебной защиты, предполагалось упразднить не только судебные архивы при отдѣльныхъ правительственныхъ и общественныхъ установленіяхъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ и должности юрисконсультовъ, юридическихъ ассесоровъ и отдѣленій. Такимъ образомъ, казалось возможнымъ создать новый и притомъ авторитетный органъ представительства казны на судѣ, не только безъ отягощенія государственной смѣты, но даже съ значительными сбереженіями для казны.

Цѣли эти предполагалось достичь учрежденіемъ прокураторіи въ Царствѣ Польскомъ (22 окт. 29 сент.) 1816 г. [2]).

Вслѣдъ затѣмъ, 20 мая 1817 г. состоялось распоряженіе объ отмѣнѣ съ 1 января 1815 г. постановленія о пріостановленіи судебнаго производства по дѣламъ, касающимся общественной собственности [3]).

По закону (22 окт. 29 сент.) 1816 г. прокураторія, какъ коллегіальное учрежденіе, является „главнымъ уполномочен-

---

[1]) Дн. Зак. Ц. П. т. I.

[2]) Дн. зак. Ц. П. т. II. До 1843 г. учрежденіе это именовалось генеральною прокураторіею въ Ц. П.

[3]) Дн. зак· Ц. П. т. III. пост. намѣстника отъ 20 мая 1817 г.

нымъ правительства по судебной защитѣ всякаго рода общественной собственности, состоящей подъ покровительствомъ правительства.“ [1]).

Въ составъ прокураторіи входитъ двѣ категоріи лицъ: одни, по совѣщаніи, устанавливаютъ направленіе, которое слѣдуетъ дать порученному прокураторіи для веденія дѣлу, способъ судебной защиты; другіе являются исполнительными органами, т. е. воспроизводятъ предъ судомъ выработанныя присутствіемъ основанія защиты [2]).

Первая категорія лицъ состоитъ изъ предсѣдателя, назначеннаго Высочайшею властью, восьми совѣтниковъ, чиновниковъ, чиновъ канцеляріи и шести ассесоровъ—апликантовъ (кандидаты на суд. должности).

Исполнительными органами прокураторіи, представителями ея на судѣ, являются защитники и заступающіе ихъ мѣсто—всего шестьнадцать человѣкъ, по одному при каждомъ судѣ первой инстанціи; остальные пребываютъ въ Варшавѣ.

Независимо отъ обязанности представлять казну на судѣ, прокураторіи была присвоена роль юрисконсульта правительственныхъ комиссій т. е. центральныхъ учрежденій, по всѣмъ могущимъ встрѣтиться въ нихъ юридическимъ вопросамъ, касающимся государственной и общественной собственности [3]).

Кромѣ того, на прокураторію же было возложено производство разграниченія казенныхъ имѣній и устройство ипотекъ общественныхъ имуществъ [4]).

Находясь подъ высшимъ руководствомъ правительственныхъ комиссій—каждой по предмету вѣдомства ея [5])—про-

[1]) ст. 8.

[2]) ст. 5 и 21.

[3]) ук. (29 сянт. 11 окт.) 1816 г. ст. 13.

[4]) пост. совѣта управ. Ц. П. 16 фев. 1818 г.

[5]) указъ (21 сент 11 окт.) 1816 г. ст. 15 и 18, по мѣрѣ упраздненія прав. комиссій и замѣны центральныхъ управленій губернскими, прокураторія, въ концѣ концовъ, оказалась подчиненною одной прав. комиссіи юстиціи, упраздненной лишь при введеніи судебной реформы въ Царствѣ Польскомъ. Впрочемъ, нѣкоторая зависимость сохранилась и отъ мин. финансовъ, такъ какъ суммы на содержаніе прокураторіи ассигнуются не по мин. юстиц., а отпускаются по § 12 смѣты общей канцеляріи мин. фин.

кураторія обязана исполнять всѣ предписанія ихъ; она не вправѣ, безъ вѣдома, разрѣшенія и особаго полномочія подлежащей комиссіи, вчинать иска, заключать мировую сдѣлку, прекращать тяжбу или оставлять безъ апелляціи невыгодныя для казны рѣшенія.

О дѣятельности своей прокураторія представляетъ отчеты правительственнымъ комиссіямъ по принадлежности, а также прав. комиссіи юстиціи.

Наконецъ, ст. 14 указа 1816 г., упраздняя всѣ частные архивы, состоявшіе при юридическихъ отдѣленіяхъ разныхъ присутственныхъ мѣстъ, предписываетъ устройство при прокураторіи однаго, главнаго архива. Вмѣстѣ съ тѣмъ, для лучшаго обозрѣнія тяжебныхъ дѣлъ казны и для сведенія счетовъ съ прошлымъ, прокураторіи предписано собрать обстоятельныя свѣдѣнія о положеніи всѣхъ судебныхъ дѣлъ казны, какъ рѣшенныхъ уже окончательно, во время существованія прежнихъ правительствъ, такъ равно и пріостановленныхъ производствомъ [1]).

Но если и допустить, что переходное положеніе края вызывало необходимость особой организаціи представительства казны на судѣ; если и признать, что твердость судебной защиты, о которой говорится въ указѣ 1816 г., не могла основываться лишь на убѣдительности представляемыхъ ею на судѣ доводовъ, но должна была и кать опору и во вліяніи, присущемъ всякому представителю правительства,—то едва ли предстояла надобность идти далѣе централизаціи защиты въ учрежденіи, состоящемъ притомъ въ непосредственныхъ отношеніяхъ съ высшимъ центральнымъ правительствомъ.

Независимо отъ прямо высказанной цѣли, составители закона 1816 г. руководствовались очевидно и недовѣріемъ къ суду. Чѣмъ другимъ, если не возможностью вліянія на судъ, можно объяснить централизацію и самой подсудности дѣлъ, сопряженныхъ съ интересами казны?—Поэтому, для дѣлъ всего края, въ которыхъ казна участвовала въ качествѣ ли истца,

---

[1]) тамъ же ст. 16.

или отвѣтчика, forum privillegiatum назначено въ судебныхъ мѣстахъ Мазовецкаго воеводства, находящихся въ Варшавѣ, въ мѣстѣ пребыванія центральныхъ правительственныхъ властей [1]).

Однако же дѣло устройства болѣе твердыхъ основаній судебной защиты казеннаго интереса, не ограничилось централизаціей судебной защиты и подсудности, съ кореннымъ нарушеніемъ принципа равноправности сторонъ на судѣ, съ отверженіемъ естественной подсудности, во вредъ частныхъ лицъ, состоящихъ въ тяжбѣ съ казною.

Для достиженія все той же цѣли, прокураторіи было предоставлено право требовать отъ суда троекратныхъ полугодовыхъ отсрочекъ разбирательства всякаго, производимаго ею дѣла; разрѣшеніе дальнѣйшихъ лишь отсрочекъ зависѣло отъ суда [2]). Въ довершеніе всего, тотъ же законъ, ради матеріальныхъ интересовъ правительства, съ пренебреженіемъ нравственныхъ задачъ его, лишилъ и самые суды священнѣйшаго ихъ права и обязанности — безпристрастія, нелицепріятія: царскимъ прокурорамъ при судахъ первой инстанціи, было предписано давать заключенія въ пользу предъявленныхъ прокураторіей требованій [3]); въ судѣ же высшей инстанціи попеченіе объ охраненіи правъ казны возложено на судью-докладчика.

---

[1]) Этой привиллегированной подсудности не подлежали лишь такія дѣла, которыя, съ точки зрѣнія казеннаго интереса, представлялись малоцѣнными, а потому въ первой инстанціи могли быть рѣшаемы, по общимъ правиламъ о подсудности, мѣстными судами; лишь во второй инстанціи и эти дѣла переходили въ Варшаву, гдѣ находился апелляціонный судъ Царства Польскаго; указ. (29 сент. 11 окт.) 1816. ст. 6 и 7.

[2]) Дн. зак. цар. пол. т. III пост. намѣстника отъ 20 мая 1817 г. ст. 4 и 6. Постановленіе это, изданное въ развитіе закона 29 сент. (11 окт.) 1816 г., вновь указываетъ на необходимость устройства *правильной* и *надежной* судебной защиты дѣлъ казны.

[3]) Хотя правило это касалось лишь прокуратуры въ первой инстанціи, тѣмъ не менѣе еще въ 1867 г. уволенъ отъ службы помощ. оберъ-прокурора Варшав. деп. сената В., вслѣдствіе того, что далъ заключеніе, несогласное съ требованіемъ прокураторіи. Случай этотъ поясняетъ вліяніе администраціи на отправленіе правосудія.

Несмотря однако на законность цѣли, достиженіе которой имѣлось въ виду чрезъ устройство прокураторіи, учрежденіе это, уже по истеченіи короткаго времени, потеряло въ глазахъ высшаго правительства свое обаяніе; самая цѣлесообразность прокураторіи стала подвергаться сомнѣнію. Неуспѣхъ этотъ нельзя искать въ дѣятельности лицъ, входившихъ въ составъ прокураторіи; напротивъ, какъ извѣстно, прокураторія представляла сонмъ лучшихъ юристовъ, воспоминаніе о дѣятельности которыхъ сохранилось по настоящее время. Неуспѣхъ этотъ слѣдуетъ искать въ самомъ учрежденіи прокураторіи: порочность учрежденія не искупается личной доблестью случайныхъ его представителей.

Уже съ тридцатыхъ годовъ вопросъ о преобразованіи судебной защиты казны, почти безпрерывно подвергался обсужденію въ разныхъ комиссіяхъ и комитетахъ.

Въ проектахъ, выработанныхъ этими собраніями, нельзя не обратить вниманія на повтореніе соображеній о вредѣ и неудобствѣ централизаціи судебной защиты разныхъ вѣдомствъ казны, въ одномъ учрежденіи; что по мысли закона 1816 года прокураторія представлялась лишь какъ учрежденіе временное; что дѣятельность этого учрежденія не оправдала возложенныхъ не нее надеждъ; что хотя упраздненіе прокураторіи и представляется желательнымъ, но что преобразованіе порядка представительства казны на судѣ, слѣдуетъ отложить до реформы судопроизводства [1]).

Уже въ 1831 году, по почину высшаго правительства, правительственная комиссія юстиціи выработала проектъ, по которому предполагалось преобразовать прокураторію въ особыя отдѣленія судебной защиты, входящія въ составъ правительственныхъ комиссій. Посредствомъ этихъ отдѣленій, каждая правительственная комиссія должна была сама исполнять всѣ тѣ дѣйствія, которыя лежали на обязанности прокураторіи. Въ

---

[1]) Свѣдѣнія о трудахъ комитетовъ и комиссій почерпнуты изъ сборника постановленій по вѣдомству юстиціи т. XV ч. III за неимѣніемъ возможности обратиться къ подлиннымъ источникамъ.

случаяхъ особенно важныхъ, отдѣленія судебной защиты должны были собираться въ общее собраніе, причемъ однако постановленія и этого общаго собранія не подлежали исполненію безъ разрѣшенія подлежащей правительственной комиссіи.

Проектъ этотъ, по неудобоисполнимости его, былъ отвергнутъ комитетомъ, составленнымъ изъ членовъ всѣхъ правительственныхъ комиссій [1]). Между прочимъ высказано было соображеніе, что до преобразованія судебныхъ и административныхъ учрежденій, невозможно приступить къ устройству новой системы защиты государственной и общественной собственности, такъ какъ система эта должна согласоваться съ кругомъ дѣятельности разныхъ присутственныхъ мѣстъ, съ которыми прокураторія находится въ постоянныхъ сношеніяхъ, на что и было обращено особенное вниманіе при первоначальномъ учрежденіи прокураторіи.

Съ 1845 года вопросъ о пользѣ существованія прокураторіи, сталъ подвергаться болѣе всестороннему и основательному обсужденію.

По порученію намѣстника, сенаторомъ Држевецкимъ была произведена ревизія дѣлопроизводства прокураторіи; плодомъ ревизіи этой былъ проектъ новаго устройства прокураторіи. Проектъ сенатора Држевецкаго, по существу своему, повторяетъ высказанную еще въ 1831 году комиссіею юстиціи мысль о необходимости децентрализаціи судебной защиты казны. Држевецкій предполагалъ образовать при губернскихъ правленіяхъ отдѣленія прокураторіи, подъ начальствомъ прокураторіи въ Варшавѣ; пріостановленіе производства дѣлъ должно было зависѣть отъ подлежащей правительственной комиссіи.

Проектъ этотъ былъ переданъ въ установленный, по Высочайшему повелѣнію, комитетъ для преобразованія учрежденій въ царствѣ польскомъ.

---

[1]) 9 февраля 1832 года, подъ предсѣдательствомъ генералъ-адъютанта Розенштрауха.

Раздѣляя выраженное высшимъ правительствомъ предположеніе объ упраздненіи прокураторіи, комитетъ этотъ, между прочимъ нашелъ, что прокураторія, вопреки указа 27 сент. (11 окт.) 1816 г., не замѣнила всѣхъ юридическихъ отдѣленій и должностей, занимающихся защитою казенной и общественной собственности; напротивъ, число такихъ должностей при правительственныхъ комиссіяхъ и губернскихъ правленіяхъ значительно увеличилось, такъ что, вмѣсто ожидаемыхъ сбереженій, установленіе прокураторіи вызвало увеличеніе расходовъ [1]). Главнымъ образомъ на этомъ основаніи, а также въ

[1]) Подтвержденіе этого соображенія комитета, любопытно прослѣдить на нѣсколькихъ примѣрахъ

Въ составъ воеводскихъ комиссій, устроенныхъ на основаніи ст. 83 конституціи 1815 г., входилъ юридическій ассесоръ (днев. зак. ц. п. т. II указъ 3 февраля 1816 г.); на немъ лежала обязанность давать заключенія по юридическимъ вопросамъ воеводскаго управленія. Должность эта продолжала существовать и по переименованіи воеводствъ въ губерніи (днев. зак. цар. пол. т. XX ук. 23 февр. (7 март.) 1837 г.). Наконецъ, по упраздненіи въ 1866 году правител. комиссіи внутреннихъ дѣлъ и образованіи губернскаго управленія царства, по образцу имперіи (днев. зак. цар. пол. т. LXVI ук. 19 дек. (31 дек.) 1866 г. и указы данные въ развитіе его 29 февр. 1868 г. дн. зак. цар. пол. т. LIIXX), скромная должность юридическаго ассесора превратилась въ юридическое отдѣленіе губернскаго правленія.

Закономъ 1866 г. обязанности по судебной защитѣ имущественныхъ правъ казны и общественныхъ учрежденій, распредѣлены между вице - губернаторомъ и юридическимъ отдѣленіемъ или, правильнѣе говоря, возложены главнымъ образомъ на совѣтника юридическаго отдѣленія губернскаго правленія.

На вице-губернатора возлагаются: (указъ $^{19}/_{31}$ дек. 1866 г. ст. 27) порученія и наставленія чиновникамъ судебнаго вѣдомства и другимъ лицамъ, по дѣлахъ судебнымъ, требующимъ личнаго содѣйствія для охраненія интересовъ казны или установленій, находящихся подъ попечительствомъ правительства;— сообщеніе, въ установленныхъ случаяхъ, судамъ, объ изъятіи изъ ихъ юрисдикціи дѣлъ, подлежащихъ разрѣшенію въ порядкѣ административномъ;—сообщеніе прокураторіи свѣдѣній и соображеній по дѣламъ для защиты въ судебныхъ мѣстахъ правъ казны, городовъ и установленій, находящихся подъ попечительствомъ правительства и пр. при семъ, однако, вице-губернаторъ вноситъ на коллегіальное разсмотрѣніе губерн. правленія тѣ дѣла, по которымъ встрѣтятся какія-либо сложныя или затруднительныя обстоятельства.

Въ юридическомъ отдѣленіи сосредоточены дѣла по защитѣ правъ казны и учрежденій, состоящихъ подъ покровительствомъ правительства, по спорамъ съ частными лицами, по юридическимъ вопросамъ, возникающимъ въ губернскихъ учрежденіяхъ и т. под. (указъ $^{19}/_{31}$ дек. 1866 г. ст. 60).

виду обнаруженной комиссiею юстицiи медленности прокураторiи, комитетъ призналъ необходимымъ упразднить это учрежденiе, обязанности же по судебной защитѣ казенной и общественной собственности, раздѣлить между юридическими отдѣленiями губернскихъ правленiй и такими же отдѣленiями при правительственныхъ комиссiяхъ.

Впрочемъ, комитетъ не ограничился соображенiями объ упраздненiи прокураторiи. Если-бы правительство по какимъ либо особымъ обстоятельствамъ признало нужнымъ сохранить прокураторiю, комитетъ полагалъ, во всякомъ случаѣ, необходимымъ поручить подготовку судебной защиты и веденiе дѣлъ

Наконецъ, на обязанности совѣтника юридическаго отдѣленiя лежитъ (ук. $^{19}/_{31}$ дек. 1866 г. ст. 72 : представлять прокураторiи нужныя по судебнымъ дѣламъ свѣдѣнiя, справки и объясненiя, когда по этимъ дѣламъ не требуется особаго заключенiя губ. правленiя;—*исполнять лично порученiя,* возлагаемыя на него губ. правленiемъ или высшими властями, *по защитѣ въ судебныхъ дѣлахъ интереса казны* и установленiй, находящихся подъ попечительствомъ правительства; сообщать другимъ отдѣленiямъ губ. правленiя мнѣнiя по юридическимъ вопросамъ, возникающимъ по дѣламъ этихъ отдѣленiй.

Впрочемъ, со введенiемъ положенiя 26 марта 1869 г. о казенныхъ палатахъ (дн. зак. ц. II. т. LXIX) и съ образованiемъ при нихъ отдѣленiй госуд. имуществъ, обязанности губ. правленiй, по защитѣ казеннаго имущества, значительно сократились, хотя кругъ вѣдомства ихъ въ этомъ отношенiи и по настоящее время весьма обширенъ.

Изъ сопоставленiя предметовъ вѣдомства юридическихъ отдѣленiй съ обязанностями прокураторiи, оказывается, что два учрежденiя завѣдывали однимъ и тѣмъ же дѣломъ; одно учрежденiе—губернское правленiе, имѣя общiй надзоръ и попеченiе о казенномъ и общественномъ имуществѣ, является вмѣстѣ съ тѣмъ, и во всякомъ случаѣ, и главнымъ руководителемъ судебной защиты этого имущества; другое учрежденiе—прокураторiя, нуждаясь во всѣхъ дѣйствiяхъ своихъ въ помощи инструкцiй и согласiи губ. правленiя, можетъ явиться посредникомъ между губ. правленiемъ и судомъ, если губернскому правленiю незаблагоразсудится явиться въ судъ помимо прокураторiи, въ лицѣ совѣтника юридическаго отдѣленiя.

Очевидно одно изъ этихъ учрежденiй представлялось излишнимъ.

Отношенiе прокураторiи къ магистрату гор. Варшавы, несостоящаго подобно другимъ городамъ, подъ опекою губернскаго правленiя, не менѣе любопытны и сводятся къ тому же.

Уже на основанiи закона 10 февраля 1816 г. (дн. зак. ц. II. т. I постанов. намѣст. ст. 4) при муниципалитетѣ гор. Варшавы было образовано юридическое отдѣленiе и должность «повѣреннаго гор. Варшавы» (ст. 6). Эти—отдѣленiе и должность продолжали существовать несмотря на послѣдовавшее учрежденiе прокураторiи.

въ первой инстанціи самимъ губернскимъ правленіямъ, посредствомъ образованныхъ при нихъ юридическихъ отдѣленій, прокураторіи же предоставить лишь надзоръ за дѣйствіями юридическихъ отдѣленій и защиту дѣлъ въ высшихъ инстанціяхъ.

Это заключеніе комитета лишь въ 1859 году было передано на обсужденіе правительственной комиссіи юстиціи. Сенаторъ Држевецкій, ставшій между тѣмъ главнымъ директоромъ этой комиссіи, соглашаясь, по существу, съ заключеніемъ комитета объ упраздненіи прокураторіи, вмѣстѣ съ тѣмъ вы-

---

При послѣднемъ преобразованіи городскаго управленія 7 іюля 1870 г.(дн. зак. ц. П. т LXX.) магистрату гор. Варшавы предоставлено заявлять прокураторіи требованія о начатіи исковъ, а также изъявлять согласіе или несогласіе на состоявшіяся по дѣламъ города рѣшенія. Независимо отъ этого, магистратъ *можетъ избирать повѣреннаго* для защиты въ судахъ имущественныхъ правъ города, когда искъ заявленъ казной, другимъ учрежденіемъ или частнымъ лицомъ.

Такимъ образомъ и въ защитѣ городскихъ интересовъ прокураторія конкурируетъ съ повѣренными, избранными самимъ магистратомъ и нельзя сказать чтобы магистратъ искалъ защиты посредствомъ прокураторіи......

На основаніи 40 ст. закона $^{17}/_{29}$ января 1828 г. (дн. зак. ц. П. т. XII) польскій банкъ ищетъ и отвѣчаетъ на судѣ не иначе, какъ *въ лицѣ особаго повѣреннаго*, помимо прокураторіи; по дѣламъ банка прокуроръ даетъ заключеніе. И по введеніи судебной реформы банкъ продолжаетъ вести судебныя дѣла свои безъ посредства прокураторіи. Между тѣмъ, едва ли не слѣдовало бы, въ виду ст. 249 полож. 19 февраля 1875 г., подчинить и банкъ, какъ казенное управленіе, правиламъ, изложеннымъ въ ст. 226 и 227 того положенія. Можно однако себѣ представить какой переполохъ произвело бы въ банкѣ, и какъ отразилось бы на дѣлахъ его, подчиненіе массы вексельныхъ взысканій банка, требующихъ особой быстроты, сложному и продолжительному процесу обсужденія прокураторіею.

Этими примѣрами мы ограничимся въ подтвержденіе соображенія, высказаннаго еще въ 40-хъ годахъ, комитетомъ для преобразованія учрежденій въ царствѣ польскомъ.

Въ заключеніе скажемъ лишь, что въ виду ст. 15 указа 24 сентября и 11 октября 1816 г., по которой прокураторія, какъ при самомъ начатіи судебнаго дѣла, такъ и при всемъ дальнѣйшемъ производствѣ его, подчинена руководству разныхъ правительственныхъ мѣстъ, ея довѣрителей, почти ни одно управленіе не могло обойтись безъ людей, спеціально ознакомленныхъ съ законами. Если и не всюду были учреждены особыя отдѣленія для судебной защиты правъ казны, то такими руководителями по гражданскимъ дѣламъ являются либо юрисконсульты (напр. при варш. генералъ-губернаторѣ и даже при попечителѣ варшавскаго учебнаго округа. и др.), либо чиновникъ для особыхъ порученій.

разилъ сомнѣніе предвидится-ли для казны сбереженіе отъ упраздненія прокураторіи. Хотя вопросъ о необходимости упразднить или, по крайней мѣрѣ, преобразовать прокураторію и былъ рѣшенъ комитетомъ, послѣ всестороннихъ обсужденій, въ утвердительномъ смыслѣ, тѣмъ не менѣе, по возбужденному Држевецкимъ вопросу, было истребовано заключеніе правительственной комиссіи финансовъ и казначейства, которая, въ 1861 году, высказалась за сохраненіе прокураторіи на прежнемъ основаніи.

Отзывъ этотъ вновь поступилъ на разсмотрѣніе главнаго директора пр. комиссіи юстиціи. Дембовскій, преемникъ Држевецкаго, призналъ преобразованіе прокураторіи преждевременнымъ, въ виду тѣсной связи организаціи судебной защиты казны съ устройствомъ судебныхъ мѣстъ, мысль о преобразованіи которыхъ была пріостановлена.

И такъ, почти тридцать лѣтъ прошло въ безплодныхъ разсужденіяхъ о томъ быть-ли или не быть прокураторіи; въ окончательномъ итогѣ пришли лишь къ убѣжденію о необходимости преобразовать представительство казны на судѣ, по предварительномъ преобразованіи правительственныхъ мѣстъ, въ особенности же судоустройства и судопроизводства.

Событія послѣдующихъ лѣтъ омрачили политическій горизонтъ Польши грозными тучами; среди общаго бѣдствія, правительство прибѣгало къ умиротворенію края временными и чрезвычайными мѣрами. Между тѣмъ созрѣвало и крѣпло убѣжденіе о необходимости отрѣшиться навсегда отъ системы безначалія, отъ системы колебанія; слѣдовало установить и во всеуслышаніе провозгласить принципъ, способный дать единство всѣмъ правительственнымъ мѣропріятіямъ по различнымъ отраслямъ управленія; необходимо было сознательно опредѣлить отправную и конечную точку, для того чтобы знать откуда выйти и куда идти. *Возможное сближеніе законодательства имперіи и царства*, упраздненіе центральныхъ учрежденій царства и введеніе имперскаго губернскаго управленія, *сообразуясь съ мѣстными условіями*, стало лозунгомъ, отъ котораго правительство не отступало съ

1864 года [1]) Обѣ части программы этой были равно важны, равно необходимы; слѣдовало уравнить и сплотить различныя между собой части государства, не отождествляя ихъ; слѣдовало, не разные народы гнуть подъ одни и тѣ-же учрежденія, а приспособить одни и тѣ-же учрежденія къ успѣшному дѣйствію среди разныхъ народовъ, для службы которымъ они предназначены.

Но легче было установить принципъ, чѣмъ послѣдовательно и съ соблюденіемъ твердой умѣренности, не впадая въ крайности, примѣнить и провести его въ отдѣльныхъ случаяхъ; увлеченіе было почти неизбѣжно. Кромѣ того, необходимость, обусловленная самымъ характеромъ предшествовавшихъ событій, требовала осуществленія, прежде всего, объединительной, такъ сказать, части правительственной программы; примирительную часть этой программы, можно было привести въ исполненіе лишь въ будущемъ.

Началось дѣло съ измѣненія взаимныхъ отношеній и сословій, чрезъ введеніе крестьянъ въ число землевладѣльцевъ; преобразованіе школы, духовенства, всей администраціи, должно было положить начало новому порядку. Вѣнцомъ новаго зданія должна была служить судебная реформа.

Казалось-бы, что судебная реформа, издавна задуманная, могла быть подготовлена и разработана даже въ частностяхъ; положеніе 19 февраля 1875 года, о примѣненіи судебныхъ уставовъ 1864 г. могло, во всѣхъ подробностяхъ, сообразовать уставы, писанные для имперіи, съ тѣми условіями, при которыхъ они должны были дѣйствовать въ царствѣ и притомъ съ условіями не мнимыми, а вполнѣ дѣйствительными; по крайней мѣрѣ юридическая комиссія при учредительномъ комитетѣ, которой въ 1865 г. поручены были предварительныя работы по преобразованію судебной части въ царствѣ Польскомъ, имѣла главнымъ образомъ въ виду объединеніе законодательства царства и имперіи, и затѣмъ *примѣненіе къ*

[1]) Цѣль эта, какъ извѣстно, прямо высказывается почти во всѣхъ Высочайшихъ указахъ, начиная съ 1864 года.

царству началъ, принятыхъ судебными уставами имперіи, насколько это возможно по мѣстнымъ условіямъ края [1]).

Къ сожалѣнію не то случилось, очевидно вопреки намѣреніямъ высшихъ руководителей.

Измѣнивъ, безъ достаточнаго основанія, разграниченіе уголовной подсудности между мировыми и общими судебными установленіями [2]), положеніе 19 февраля 1875 года загромоздило общіе суды массою мелкихъ дѣлъ, которыя, въ ожиданіи очереди, лежатъ неразрѣшенными цѣлые годы; не усиливъ, соотвѣтственно этой расширенной подсудности, личный составъ апелляціонной инстанціи, положеніе дало, какъ общеизвѣстно, въ результатѣ, для множества дѣлъ, вмѣсто скораго суда, отказъ въ правосудіи. Таково же положеніе и гражданскихъ дѣлъ, вслѣдствіе несоотвѣтствія личнаго состава палаты количеству дѣлъ [3]).

Едва-ли настало уже время, чтобы окончательно и безповоротно судить о достоинствѣ реформы; поэтому не будемъ говорить объ измѣненіи отношеній слѣдственной части къ прокуратурѣ, о колебаніи принципа несмѣняемости судей, о недопущеніи выборнаго начала въ мировой юстиціи, о недопущеніи суда присяжныхъ и другихъ усѣченіяхъ уставовъ 20 ноября; все это обусловливалось исключительностью взгляда на политическое положеніе края.

Но, конечно, такими соображеніями нельзя объяснить недостаточно внимательное отношеніе положеній 19 февраля 1875 года къ нѣкоторымъ органамъ судебной власти или къ установленіямъ, находящимся въ непосредственной отъ нихъ

---

[1]) Свѣдѣнія о дѣятельности юридической комиссіи разсѣяны въ сбор. пост. учр. ком. см. въ особенности т. IX ст. 1089; кромѣ того, ср. общую объяснительную записку къ составленному юридическою комиссіею проекту основныхъ положеній судоустройства.

[2]) Вопросъ о возстановленіи раціональной подсудности постановленъ уже, какъ слышно, на очередь министерствомъ юстиціи.

[3]) Лишь въ 1881 году послѣдовало нѣкоторое увеличеніе личнаго состава Варшавской судебной палаты.

зависимости. Къ числу этихъ установленій принадлежитъ прокураторія [1]).

Въ отношеніи дѣлъ казеннаго управленія, юридическая комиссія предполагала сохранять порядокъ, существующій въ имперіи. Въ виду того она полагала упразднить прокураторію. По мнѣнію комиссіи "*сохраненіе прокураторіи въ царствѣ польскомъ не только не обусловливается никакими мѣстными требованіями, но представляется положительно неудобнымъ.*" Комиссія признавала, что причины, вызвавшія учрежденіе прокураторіи, отчасти уже болѣе не существуютъ и исчезнутъ окончательно со введеніемъ судебной реформы. Вмѣстѣ съ тѣмъ указывалось на медленность дѣйствій прокураторіи и на значительное и совершенно излишнее обремененіе государственнаго бюджета [2]).

Между тѣмъ, положеніе 19 февр. 1875 г., не упразднивъ прокураторіи, не только не коснулось самаго учрежденія ея, но оставило даже безъ всякаго опредѣленія отношенія прокураторіи къ новымъ судебнымъ установленіямъ и къ центральнымъ властямъ [3]).

Въ самомъ дѣлѣ, можно было бы предположить, что положеніе 19 февраля 1875 г. совершенно забыло о существованіи крокураторіи, если бы не ст. 226 н 227, составленныя въ отмѣну ст. 1284 и 1285 уст. гр. суд.

По ст. 226 полож. предъявленіе исковъ и отвѣтовъ но

---

[1]) Сюда же относится вопросъ о Варшавскомъ коммерческомъ судѣ. Положеніе 19 февраля 1875 г. посвящаетъ коммерческому суду 17 статей и самые существенные вопросы учрежденія оставляетъ открытыми.

[2]) Объяснит. записка къ первонач. проектамъ преобразованія судебной части въ ц. п. ч. 1 судоустройство ст. 107.

[3]) Вопросъ о соотвѣтственномъ преобразованіи прокураторіи поднятъ, какъ слышно, лишь по введеніи реформы въ 1876 году, прокуроромъ варш. суд. палаты. Вслѣдствіе этого возбуждена, какъ говорятъ, министерствомъ юстиціи переписка по вопросу о внутреннемъ устройствѣ прокураторіи, объ опредѣленіи отношеній ея къ судебнымъ установленіямъ, къ прокурору судебной палаты и къ министерству финансовъ, зависимость отъ котораго непрекратилась, несмотря на непосредственное подчиненіе ея прокурору палаты, на основ. Высочайше утв. 30 іюля 1876 г. положенія ком. по дѣламъ ц. п.

онымъ, со стороны казенныхъ и городскихъ управленій, больницъ, богоугодныхъ заведеній, духовныхъ и другихъ учрежденій, состоящихъ въ вѣдѣніи правительственныхъ установленій, возлагается на обязанность губернскихъ правленій, казенныхъ палатъ, губернскаго городскаго совѣта, общественнаго призрѣнія и другихъ мѣстныхъ управленій подлежащаго вѣдомства, а за неимѣніемъ ихъ—на обязанность мѣстныхъ, по каждому вѣдомству, начальствъ. *Означеннаго рода дѣла производятся посредствомъ прокураторіи.*

По ст. 227 полож. управленія и учрежденія, защищающія дѣла, сопряженныя съ интересомъ казны или правительственныхъ и общественныхъ, состоящихъ въ вѣдѣніи правительства, учрежденій, *ищутъ и отвѣчаютъ на судѣ въ лицѣ прокураторіи* [1]).

Уже по введеніи судебной реформы, 30 іюня 1876 г., послѣдовалъ законъ объ упраздненіи правительственной комиссіи юстиціи, послѣдняго центральнаго учрежденія, унаслѣдованнаго отъ прежней системы управленія царствомъ. Упраздняя высшее установленіе, имѣвшее непосредственный надзоръ за прокураторіей, ст. 3 этого закона возложила обязанности комиссіи юстиціи, по отношенію къ прокураторіи, *временно, на два года*, на прокурора варш. суд. палаты.

Вотъ и все, что дала судебная реформа по вопросу о

---

[1]) Нельзя не замѣтить что ст. 226 полож. съ одной стороны съузила, а съ другой расширила, противъ прежняго, кругъ дѣлъ, подлежащихъ защитѣ посредствомъ прокураторіи. По ст. 12 закона 29 сент. (11 окт.) 1816 г. на прокураторію возлагалась защита городовъ, гминъ, разныхъ общинъ и общественныхъ заведеній лишь въ томъ случаѣ, когда дѣло шло о правѣ собственности на недвижимыя имущества, но не тогда, когда дѣло касалось временныхъ доходовъ. *Между тѣмъ, ст. 226 полож. о гминахъ вовсе не упоминаетъ, а въ отношеніи городовъ, общинъ и общественныхъ учрежденій, не допускаетъ прежняго ограниченія.* Такимъ образомъ города, общины и общественныя учрежденія, поставлены въ менѣе выгодное противъ прежняго положеніе въ тѣхъ случаяхъ, когда практическій успѣхъ дѣла всецѣло зависитъ отъ немедленнаго предъявленія иска, съ цѣлью получить обезпеченіе его; сельскія-же гмины, во всякомъ случаѣ, ведутъ дѣла чрезъ особо избранныхъ ими повѣренныхъ; см. указъ 19 февр. 1864 г. объ устройствѣ сельскихъ гминъ, ст. 6, 16, 17—21 и 24.

представительствѣ казны на судѣ; въ такомъ же положеніи вопросъ этотъ находится и по настоящее время [1]).

Прокураторія продолжаетъ существовать на основаніи учрежденія 1816 года, съ тѣмъ лишь различіемъ, что при новыхъ судоустройствѣ и судопроизводствѣ, прежнія привиллегіи представительницы казеннаго интереса, рѣшительно противныя духу судебныхъ уставовъ, утратили всякое значеніе [2]).

Подведемъ итогъ.

По мысли закона 1816 года, прокураторіи слѣдовало стать совѣщательно-исполнительнымъ органомъ казны по судебнымъ дѣламъ. Въ качествѣ совѣщательнаго учрежденія она должна была замѣнить всѣ юридическія должности и отдѣленія, существовавшія при отдѣльныхъ управленіяхъ и *разрѣшать сомнѣнія* разныхъ учрежденій по вопросамъ права; въ качествѣ исполнительнаго органа, прокураторіи слѣдовало, *подъ руководствомъ тѣхъ-же учрежденій*, представлять суду доводы въ защиту казеннаго интереса. Этотъ двойственный характеръ прокураторіи не могъ удержаться; значеніе ея, въ качествѣ установленія совѣщательнаго, какъ бы утратилось и она стала почти исключительно повѣреннымъ казны т. е.

---

[1]) Впрочемъ, 29 мая 1881 г. послѣдовало дополненіе положенія 19 февр. 1875 г., Въ силу новаго закона, въ составъ особаго присутствія варш. суд. палаты, образуемаго на основ. ст. 242 и 1321 уст. гр. суд. и 243 уст. уг. суд., вмѣсто управляющаго государственными имуществами, приглашается предсѣдательствующій въ прокураторіи царства польскаго.

[2]) Сюда относится, главнымъ образомъ, дискреціонное право прокураторіи требовать отъ суда отсрочки слушанія дѣла. Не менѣе важно и то, что прокуратура освобождена отъ неприличной и самопротиворѣчивой роли блюстителя закона, обязаннаго, во чтобы то ни стало, подавать свой голосъ не за правду, а за матеріальный интересъ, хотя бы казенный. Равнымъ образомъ, наблюденіе за производящимися дѣлами и собираніе по нимъ свѣдѣній, производится прокураторіей на общемъ основаніи, а не посредствомъ письменныхъ сношеній съ судомъ, что прежде нерѣдко допускалось.

Привиллегированная подсудность дѣлъ казеннаго управленія на основ. ст. 6 постановленія 29 сент. (11 окт.) 1816 года, сохранена была, въ видѣ временной и переходной мѣры. 37 статей правилъ введенія въ дѣйствіе положенія 19 февраля 1875 года.

исполнителемъ воли довѣрителей. Этотъ ходъ развитія прокураторіи подтверждается какъ тѣмъ обстоятельствомъ, что уже одновременно съ учрежденіемъ прокураторіи явилась необходимость въ образованіи, при многихъ учрежденіяхъ, совѣщательныхъ должностей и отдѣленій, о замѣнѣ которыхъ прокураторіей первоначально мечтали, такъ и тѣмъ, что всѣ дальнѣйшія положенія, изданныя въ развитіе закона 1816 г., касаются, главнымъ образомъ, исполнительной дѣятельности прокураторіи, стараясь придать требованіямъ ея на судѣ значеніе болѣе авторитетное и обезпечить ихъ исполненіе со стороны судá, не входя въ ихъ оцѣнку. Кромѣ того, тридцатилѣтнее разсужденіе разныхъ комиссій о преобразованіи или объ упраздненіи прокураторіи, касалось опять таки дѣятельности ея, какъ исполнительнаго органа правительства, умалчивая о совѣщательныхъ функціяхъ этого учрежденія.

Слѣдуя такому указанію исторіи развитія прокураторіи при оцѣнкѣ этого учрежденія съ точки зрѣнія современныхъ условій, намъ представляется правильнымъ требовать отъ прокураторіи, какъ отъ органа исполнительнаго, прежде всего, быстроты, энергіи и отвѣтственности.

Соотвѣтствуетъ-ли прокураторія этимъ основнымъ требо, ваніямъ хорошаго исполнителя?

Уже въ сороковыхъ годахъ комитетъ для преобразованія учрежденій въ царствѣ польскомъ пришелъ, на основаніи свѣдѣній сообщенныхъ комиссіей юстиціи, къ заключенію, что дѣйствіями прокураторіи достигнуто не ускореніе, а замедленіе дѣлъ; въ наше время, еще въ 1879 году, одно изъ лицъ высшей судебной іерархіи, офиціально указывало на „извѣстную медленность въ дѣйствіяхъ членовъ прокураторіи.“ Очевидно однако, что ни въ томъ, ни въ другомъ случаѣ, медленность эта не ставилась въ вину составу прокураторіи лично, а всецѣло относилась къ самому учрежденію, независимо отъ ея представителей. Прокураторія—коллегія, зависящая притомъ, съ одной стороны, отъ другихъ высшихъ учрежденій, въ большинствѣ случаевъ также коллегіальныхъ, а съ другой стороны, отъ условій судебнаго производства въ

коллегіальныхъ судахъ, неотличающихся быстротой. Мы не станемъ, конечно, настаивать на общественныхъ неудобствахъ коллегіальнаго устройства исполнительныхъ органовъ; сложныя письменныя сношенія съ другими учрежденіями и проч. обыкновенно съ большимъ успѣхомъ и съ значительнымъ сбереженіемъ времени замѣняются личными переговорами. Независимо отъ этого никакому исполнителю, въ интересахъ порученнаго ему дѣла, нельзя отказать въ извѣстной свободѣ дѣйствія. Между тѣмъ защитники прокураторіи, являющіеся непосредственными исполнителями предписаній прокураторіи, настолько связаны данными имъ по каждому дѣлу инструкціями, что нерѣдко низводятся на степень простыхъ автоматовъ, произносящихъ сужденія, несогласныя съ собственными ихъ убѣжденіями и притомъ въ прямой ущербъ для дѣла. На практикѣ это часто случается при расчетномъ производствѣ по 901 ст. уст. гр. суд., гдѣ путемъ справедливыхъ уступокъ всего легче достичь удовлетворительнаго для обѣихъ сторонъ исхода дѣла. Но защитникъ прокураторіи не облеченъ довѣріемъ; онъ обязанъ лишь точно исполнить данное ему предписаніе и не смѣетъ уступить даже самымъ очевидно-справедливымъ требованіямъ противной стороны. Въ результатѣ дѣло затягивается и переходитъ въ высшую инстанцію.

При такихъ условіяхъ, медленность и вялость непремѣнные спутники дѣйствій прокураторіи, а слѣдовательно и судебнаго производства дѣлъ казны. Отъ отвѣтственности за дѣйствія свои прокураторія, въ качествѣ коллегіи, болѣе ограждена чѣмъ подобаетъ исполнителю, повѣренному. Разсужденія о фактической безотвѣтственности коллегій стали общимъ мѣстомъ, поэтому не станемъ распространяться объ этомъ вопросѣ. Между прочимъ бывали, на практикѣ, примѣры предъявленія прокураторіей исковыхъ требованій, основанныхъ на вовсе несуществующихъ, уже отмѣненныхъ законахъ; или о взысканіи податей, въ уплатѣ которыхъ у отвѣтчиковъ имѣлись квитанціи казначейства; или же предъявленія, по очевидной ошибкѣ, иска къ ненадлежащему лицу,

тогда какъ простой справки на мѣстѣ (дѣло касалось недвижимости на Прагѣ, предмѣстьи Варшавы), было бы достаточно, чтобы убѣдиться кто въ дѣйствительности владѣетъ оспариваемымъ казной имуществомъ. Былъ, наконецъ, даже случай предъявленія прокураторіей въ окружномъ судѣ требованія объ обезпеченіи иска, основаннаго на духовномъ завѣщаніи, признанномъ уже судебною палатою недѣйствительнымъ [1]). Можно, кажется, усумниться въ соотвѣтствіи такого образа дѣйствій высшимъ цѣлямъ правительства.

Но допустимъ, что все это произошло по небрежности, или по категорическому требованію довѣрителей т. е. тѣхъ учрежденій, которыя поручили прокураторіи веденіе этихъ дѣлъ; въ такомъ случаѣ коллегіальное устройство прокураторіи ничего не исправило и не предупредило матеріальнаго (а въ иныхъ случаяхъ и нравственнаго) ущерба, понесеннаго казной вслѣдствіе отказа ей въ искѣ; если-же упущенія эти произошли по винѣ самой прокураторіи, то коллегіальное устройство только ограждаетъ ее отъ всякой дѣйствительной отвѣтственности и даже присужденіе въ пользу противной стороны вознагражденія за веденіе дѣла, не затрогиваетъ матерьяльно прокураторію, такъ какъ и выигрышъ и проигрышъ дѣла идетъ за счетъ казны.

Но если совершенно исключительное положеніе, въ которомъ находилась государственная и общественная собственность въ началѣ настоящаго вѣка, хотя отчасти и оправдываетъ мысль о необходимости созданія особаго органа правительственной власти для судебной защиты казны; если въ то время вѣское слово защитника прокураторіи могло склонить вѣсы правосудія въ силу авторитета учрежденія, отъ имени котораго оно произносилось, то есть-ли основаніе, въ настоящее время, искуственно поддерживать этотъ органъ вла-

---

[1]) См. любопытное во многихъ отношеніяхъ рѣшеніе варш. суд. палаты по дѣлу наслѣдниковъ Волловича, напечатанное въ Варшавскомъ Дневникѣ № 8 и слѣд. 1881 г.

сти, никого уже не импонирущій? Едва-ли можно указать на существованіе въ Царствѣ Польскомъ какихъ-либо *особыхъ, мѣстныхъ условій,* оправдывающихъ такое отступленіе отъ судебныхъ уставовъ.

Между тѣмъ прокураторія, это отжившее, по словамъ юридической комиссіи, учрежденіе, несмотря на ограниченность личнаго состава, обходится казнѣ не дешево. По смѣтѣ 1880 года, на содержаніе прокураторіи ассигновано было 52971 руб., по слухамъ-же, въ настоящее время возникло предположеніе о преобразованіи прокураторіи даже съ увеличеніемъ штатовъ ея до 73200 руб. [1]).

Но вопросъ идетъ не о преобразованіи прокураторіи, а объ упраздненіи ея. Для существа дѣла даже безразлично будетъ-ли сохранено или отмѣнено коллегіальное устройство прокураторіи; важна здѣсь не форма, важенъ принципъ. Частныя лица имѣютъ-же право ввѣрять защиту своихъ интересовъ не какому-либо опредѣленному повѣренному, а тому, кто, по ихъ мнѣнію, всего способнѣе принести имъ пользу; можно-ли ставить казну въ худшія, противъ частныхъ лицъ, условія, лишая ее *свободнаго выбора среди лицъ,* посвятившихъ себя этой дѣятельности и *конкурирующихъ между собой?* [2])

Такимъ образомъ то, что создано было ради лучшей защиты казны, современемъ обратилось противъ нея.

Казенныя управленія имперіи находятъ людей опытныхъ, способныхъ успѣшно вести судебную защиту; не подлежитъ сомнѣнію, что и въ округѣ Варшавской судебной палаты есть

---

[1]) Кстати замѣтить, что, по отчету прокураторіи, ею окончено въ 1879 году 267 спорныхъ дѣлъ, изъ 3169 оставшихся отъ прежнихъ лѣтъ и 258 поступившихъ вновь; такимъ образомъ остатокъ на 1880 годъ почти не уменьшился.

[2]) Краткія, но мѣткія соображенія о необходимости упразднить прокураторію и возстановить въ отношеніи дѣлъ казеннаго управленія дѣйствіе подлежащихъ статей суд. уставовъ, приведены П. А. Юреневымъ, въ статьѣ „Судебная реформа въ Царствѣ Польскомъ." Жур. гр. и уг. пр. 1876 г. кн. I стр. 113—115.

болѣе чѣмъ достаточное число лицъ, могущихъ съ честью и съ успѣхомъ вступить въ судебное состязаніе на защиту государственной и общественной собственности, не прикрываясь мишурнымъ блескомъ обветшалыхъ привиллегій.

Н. Рейнке.

КРИТИКА И БИБЛІОГРАФІЯ.

Боголѣповъ. Нормальныя ограниченія свободы завѣщаній въ римской классической юриспруденціи. Москва. 1881 г. стр. VIII, 275.

Разсматриваемое сочиненіе составляетъ докторскую диссертацію автора. До этого г. Б. написалъ только одинъ трудъ: „Значеніе общенароднаго гражданскаго права въ римской классической юриспруденціи“. Москва. 1876 г. Уже въ этой послѣдней книгѣ вполнѣ выяснились главныя стороны ученыхъ склонностей автора, а именно: избравъ предметъ, значительно обработанный въ западной литературѣ, г. Б. не добивается оригинальныхъ какихъ - либо выводовъ, а дѣлаетъ только тщательную провѣрку источниковъ и, затѣмъ, освѣщеніе послѣднихъ общими юридическими принципами и философскими ученіями, прямо заимствуетъ изъ лучшаго нѣмецкаго труда по данному предмету, Voigt'а [1]). Это отсутствіе оригинальности и новизны я не ставлю въ упрекъ г. Б-у, такъ какъ считаю пользу его „Общенароднаго права“ для русской ученой литературы, положительно выше всякихъ другихъ отечественнымъ попытокъ къ оригинальности, въ основѣ которыхъ нѣтъ ни таланта, ни достаточной подготовки.

---

[1]) Das jus naturale, aequum et bonum und jus gentium der Römer. 4 B. Leipzig. 1856 — 1871.

Упомянулъ же я объ этомъ первомъ трудѣ г. Б. лишь съ цѣлью охарактеризовать ученыя качества, которыми отмѣтилось разсматриваемое сочиненіе.

Правда, предпосланное труду предисловіе, на первый взглядъ, какъ будто противорѣчитъ сказанному. Тутъ г. Б. заявляетъ, что „большинство изслѣдованій по исторіи и догмѣ римскаго права оставляетъ читателя неудовлетвореннымъ въ двухъ отношеніяхъ: онъ или неузнаетъ изъ нихъ римскаго права, въ его чистомъ видѣ, или, узнавая его, непонимаетъ какое значеніе имѣло оно у народа, среди котораго создавалось и примѣнялось“ (стр. III). Послѣднее объясняется главнымъ образомъ тѣмъ, что „большинство западныхъ юристовъ смотритъ на право, какъ на совершенно самостоятельную область, въ которой господствуютъ свои специфическіе принципы; всѣ отдѣльныя юридическія правила суть ничто иное, какъ логическій выводъ изъ этихъ послѣднихъ. При такомъ взглядѣ не могло быть никакой потребности объяснять эти правила чѣмъ нибудь инымъ, кромѣ ихъ согласія съ высшими *юридическими* принципами“ (стр. IV). Правда, иногда, мы встрѣчаемъ указанія на требованія римской жизни. Но эти указанія не имѣютъ почти никакого научнаго достоинства. Юристы почти никогда не пытаются свести свои мотивы въ систему и дать имъ возможно прочное основаніе. Они объясняютъ отдѣльныя правила или небольшія группы ихъ, болѣе или менѣе остроумно, но всегда произвольно“ (стр. V). И вотъ самъ г. Б. предпринялъ, наоборотъ, „изучить избранный институтъ въ связи съ условіями жизни того общества, среди котораго онъ создавался и къ которому примѣнялся“ (стр. VI). Противъ всего этого нельзя было бы ничего сказать, еслибъ характеристика литературы по римскому праву не была слишкомъ общей и въ результатѣ не было рѣзкаго противупоставленія авторомъ усвоеннаго имъ пріема.

Дѣйствительно, *многія* изслѣдованія по римскому праву, согласно постановленной въ нихъ цѣли, отличаются тѣми свойствами, на которыя указываетъ г. Б., но въ тоже время западная литература даетъ намъ массу трудовъ, болѣе или ме-

нѣе обширнаго содержанія, или только монографій, журнальныхъ статей, въ которыхъ юридическія начала разъясняются жизненными условіями римскаго общества, въ которыхъ неюридическіе элементы жизни играютъ выдающуюся роль, въ которыхъ неюридическая римская литература исчерпана до дна, притомъ въ болѣе или менѣе обобщенной формѣ [1]). Поэтому нѣтъ особенной новизны въ воспроизведеніи юридическихъ явленій таковыми, какими они были у римлянъ, подъ вліяніемъ ихъ жизненныхъ условій. Ссылка на Игеринга (стр. V), какъ на „исключеніе изъ всѣхъ романистовъ", съ точки зрѣнія сказаннаго, можетъ имѣть только тотъ смыслъ, что этотъ ученый сдѣлалъ первый попытку воспроизвести въ логической системѣ полную картину правовой жизни римскаго народа, тогда какъ другіе воспроизводятъ ее только въ отдѣльные періоды или для отдѣльныхъ институтовъ, подобно и самому г. Б-у. Въ остальномъ разница, какъ увидимъ, только въ пріемѣ обращенія съ этими жизненными мотивами.

Поэтому общій упрекъ, дѣлаемый авторомъ новой романистикѣ, за пренебреженіе неюридическими элементами жизни, едва ли основателенъ. Тѣмъ менѣе имѣетъ право г. Б. упрекать романистовъ въ томъ, „что они создали науку, результаты которой недаютъ почти ничего для тѣхъ, кто непринадлежитъ къ цеху юристовъ", почему будто-бы „писатели по римской исторіи, посвящая обширные отдѣлы своихъ работъ политической, религіозной, эстетической, экономической жизни римлянъ, не имѣютъ отдѣловъ, посвященныхъ гражданскому праву, тому праву, которымъ регулировалась дѣятельность, наполнявшая значительную часть обыденной жизни римлянъ" (стр. V). На это замѣчу только, что если такіе, напр., историки какъ Момизенъ, по образованію юристъ, невносятъ въ свою исторію изложеніе гражданскихъ институтовъ, то только потому, что наука исторіи—не амальгама все-

---

[1]) Напомню, напр., труды Huschke, Tilling, Puntschart и мн. др. Я могъ бы указать на труды, въ которыхъ юридическіе вопросы обрабатываются прямо на основаніи неюридической литературы, напр. комедій Плавта.

возможныхъ свѣдѣній о данномъ народѣ, а не потому, что результаты, добытые исторіей римскаго права, не вязались-бы съ тѣми формами римскаго быта, которыя выясняетъ намъ исторія. Подобно г. Б-у и философъ, и нумизматъ, и лингвистъ, и криминалистъ и т. д. могли-бы упрекнуть въ томъ же свою науку. Разсматривая судьбы народа въ тѣсной, непосредственной связи всѣхъ условій его существованія, историкъ не касается всѣхъ выводовъ данной формы быта. Поэтому, онъ разсматриваетъ всѣ стороны жизни въ томъ числѣ и перечисленныя г. Б-ымъ, лишь насколько они отражаются на судьбѣ народа; приэтомъ, въ частности, онъ не обходитъ молчаніемъ и институтовъ гражданскаго права (устройство родовъ, форма собственности и т. п.). Но такъ какъ большая часть началъ гражданскаго права суть послѣдствія данной формы быта (напр. всѣ сакральные институты), а не причины его, то и касаться ихъ историку неприходится. Наоборотъ, юристъ постоянно обращается къ помощи исторической науки и, касаясь основныхъ римскихъ институтовъ, постоянно цитируетъ Нибура, Швеглера, Момзена. Г. Б. очевидно выражаетъ требованіе на такую исторію, которую можно было бы назвать „исторіей римской жизни“, каковой дѣйствительно еще нѣтъ и едва ли скоро будетъ, и по недостаточности матеріала, и по далеко незаконченной разработкѣ существующаго, но въ этомъ всего менѣе виноватъ „пріемъ новой юриспруденціи“.

И такъ, мнѣ кажется, авторъ едва-ли имѣетъ право претендовать на новизну указаннаго имъ пріема изслѣдованія, особенно противупоставляя его, въ такой общей формѣ, всей новѣйшей наукѣ. Въ самомъ исполненіи работы г. Б—а замѣчается только особенность по формѣ и притомъ едва-ли въ пользу книги. Авторъ выбираетъ всѣ мѣста источниковъ, говорящихъ о формальныхъ ограниченіяхъ свободы завѣщаній во времена класической юриспруденціи, располагаетъ эти мѣста по отдѣльнымъ предметамъ, переводитъ ихъ и даетъ объясненія для принципіальныхъ и казуистическихъ рѣшеній римскихъ юристовъ. Объясненія эти состоятъ, согласно самой задачѣ труда, не въ полномъ комментаріи источниковъ, а толь-

ко въ розысканіи того жизненнаго мотива, которымъ руководствовался юристъ, ставя свое рѣшеніе. Въ концѣ каждой серіи источниковъ, г. Б. приводитъ таблицу рѣшеній, данныхъ подъ вліяніемъ замѣченныхъ въ нихъ жизненныхъ мотивовъ и юридическихъ правилъ, введенныхъ въ жизнь согласно этимъ мотивамъ. Въ концѣ книги всѣ эти таблицы чиселъ сведены къ общей суммѣ и даже сдѣлано вычисленіе процентнаго отношенія.—Сводъ фрагментовъ г. Б. могъ найти готовымъ въ трудахъ нѣмецкихъ ученыхъ, расположеніе ихъ по отдѣльнымъ вопросамъ—общепринятое, даже въ учебникахъ, наконецъ и самый переводъ авторъ могъ сдѣлать не съ подлинника; но затѣмъ, тщательная провѣрка этого матеріала, осторожность обращенія съ нимъ, точность языка, составляютъ обычныя свойства работы г. Б-а.—Что же касается подысканія этому матеріалу жизненныхъ мотивовъ, то, очевидно, г. Б-у необходимо было установить въ самомъ началѣ труда всѣ тѣ жизненные факторы, которые только могли повліять на рѣшенія класическихъ юристовъ. Дѣйствительно, въ первой части своей книги авторъ и приступаетъ къ этой работѣ. Но такъ какъ для временъ класической юриспруденціи г. Б. не имѣлъ такого солиднаго руководства, которое могло бы сослужить ему службу, подобную той, которую сослужилъ Voigt для „Общенароднаго права", то я неколеблясь отмѣчаю эту часть труда г. Б-а, какъ самую слабую. Вопреки упреку, сдѣланному самимъ авторомъ (стр. V), западной литературѣ въ томъ, что „юристы почти никогда непытаются свести свои мотивы въ систему и дать имъ возможно прочное основаніе",—вся первая часть труда г. Б-а представляется спутаннымъ перечисленіемъ, иногда съ повтореніями, отдѣльныхъ жизненныхъ элементовъ [1]). Противъ простаго перечисленія нельзя было бы сказать ничего, если бы оно было результатомъ разработаннаго, установившагося представленія римской жизни и общепризнанной системы воз-

---

[1]) Я не останавливаюсь на томъ, какъ авторъ понимаетъ слово «элементъ».

зрѣній; въ противномъ же случаѣ оно носитъ бездоказательный, а главное апріористическій характеръ. Дѣйствительно, какъ иначе отнестись къ мотивамъ, не сведеннымъ въ строгую систему, а взятымъ, то у Игеринга, то у Рошера, то у Фюстель де Куланжа и др. и особенно когда противъ большинства изъ нихъ можно предъявить возраженія. Напр., по Рошеру г. Б. доказываетъ крайнее развитіе въ римскомъ обществѣ временъ Имперіи роскоши, зная, что противъ этого обычнаго взгляда сильно выступилъ Фридлендеръ (стр. 9—11). Или еще: могутъ-ли быть убѣдительны основанія, хотя и заимствованныя изъ извѣстной книги Фюстель де Куланжа, но безъ всякаго подозрѣнія, сомнѣнія въ томъ, что поэтическое представленіе о постоянномъ, непосредственномъ сношеніи потомковъ съ ихъ умершими предками, составляетъ не коренную основу тѣхъ явленій, на которые указываетъ г. Б. (усыновленіе, эманципація), а одинъ изъ выводовъ основной формы внѣгосударственнаго сожитія, необходимо сплоченнаго около старѣйшихъ, каковою формою сожитія объясняются непосредственно и указанныя г. Б—ымъ явленія (стр. 50, 51). Я хочу только сказать, что простое перечисленіе жизненныхъ элементовъ не могло дать твердаго основанія для выводовъ. Въ этихъ случаяхъ необходимо обобщеніе, такъ какъ логическая связь отдѣльныхъ сторонъ представленія, выведеннаго изъ одного основанія, усиливаетъ доказательную силу и способствуетъ аналогіи (ниже я укажу на пріемъ такого обобщенія). Конечно о тѣхъ фрагментахъ, въ которыхъ юристъ ясно проводитъ мотивъ своего рѣшенія, мы и не говоримъ, но такихъ сравнительно немного; въ остальныхъ же — мотивъ или вовсе не приводится, или, по своей очевидной невѣроятности, долженъ быть отвергнутъ. Вотъ въ послѣднихъ-то случаяхъ, нерѣдко апріорно, неизвѣстно откуда взятый г. Б—ымъ и приписанный юристу мотивъ, наводитъ на сильное сомнѣніе. Возьмемъ для примѣра „государственные интересы“ (стр. 34—36). Подъ этой рубрикой авторъ обращаетъ вниманіе, между прочимъ, на тотъ фактъ, что „неимущій классъ людей, во всякомъ государствѣ,

составляетъ безпокойный элементъ, который охотно участвуетъ въ переворотахъ соціальныхъ и политическихъ, въ надеждѣ поправить при этомъ свое матеріальное положеніе. Мы можемъ ожидать, что римскіе юристы не будутъ благопріятствовать такимъ явленіямъ римской жизни, которыя, непринося прямой выгоды правительственному классу, содѣйствуютъ увеличенію числа неимущихъ и недовольныхъ людей." Вотъ этотъ мотивъ и приписываетъ г. Б. положенію Ульпіана и Гайя: „свои наслѣдники должны быть или назначены или лишены наслѣдства" (стр. 72, 73 см. также стр. 96—99). Нельзя отрицать, что „правительственный классъ" могъ интересоваться имущественнымъ обезпеченіемъ большаго числа людей, но онъ никогда не прибѣгалъ съ этою цѣлью къ регламентаціи наслѣдственныхъ отношеній, а обращался напримѣръ къ такимъ болѣе прямымъ мѣрамъ, какъ выселеніе городской черни (Цицеронъ и Аппіанъ). Тѣмъ болѣе подлежитъ сомнѣнію, чтобы Ульпіанъ и Гай руководствовались при своихъ положеніяхъ такимъ государственнымъ интересомъ. Въ противномъ случаѣ они должны были идти путемъ ограниченія господствовавшаго въ ихъ время положенія „licet exhaeredare quos et occidere licet," стѣсняя примѣненіе его или матеріально обезпечивая извѣстную категорію лицъ насчетъ наслѣдства, т. н. portio legitima. Но выработка перваго относится къ послѣдующему времени, а portio legitima, во времена классической юриспруденціи, только начинала развиваться. Далѣе, невидно чтобы юристы заботились спеціально объ имущественномъ обезпеченіи лицъ, вышедшихъ изъ семьи путемъ усыновленія, а усыновленные по выраженію, быть можетъ нѣсколько преувеличенному, Петронія, составляли половину гражданства.

А что сказать о недопущеніи къ наслѣдованію ни дѣтей отъ матери, ни незаконнорожденныхъ, которыхъ было такое страшное количество во времена классическихъ юристовъ, отъ ихъ отца, и др. Поэтому, мнѣ кажется, слѣдуетъ искать иного мотива для вышеприведеннаго положенія юристовъ.

Въ связи съ разсмотрѣннымъ примѣромъ я коснусь еще

другаго случая, когда заимствованный г. Б-ымъ мотивъ, самъ по себѣ весьма вѣроятенъ, но въ приложеніи къ истолкованію имъ источниковъ становится весьма сомнительнымъ. Такъ г. Б. полагаетъ, будто частное имущество въ Римѣ было въ дѣйствительности семейнымъ имуществомъ (стр. 22, также стр. 27, 25). Положительныя доказательства этому (стр. 23) не говорятъ ничего, такъ какъ они представляютъ только выводъ изъ наслѣдственнаго отношенія нисходящихъ, а не выражаютъ первоначальнаго положенія ихъ къ частному имуществу. Наоборотъ же мы знаемъ, что сами дѣти, на ряду съ рабами, разсматривались, по основному римскому взгляду, въ качествѣ имущества отца, все что дѣти пріобрѣтали становилось ipso jure собственностью никого иного, какъ отца. Уже поэтому нельзя считать отца только распорядителемъ въ семейномъ интересѣ (стр. 25, 26). Противъ этого будутъ говорить и выдача замужъ и эманципація. Хотя и то и другое могло сопровождаться выдѣлами и, быть можетъ, даже обыкновенно сопровождалось ими (стр. 30, 31), но основныя формы (продажа отцомъ дѣтей) этихъ выходовъ изъ семьи указываютъ, что о сознаніи у римлянъ *семейнаго* характера частнаго имущества, которое „должно было считаться достояніемъ отца и его прямыхъ нисходящихъ“ (стр. 22), не можетъ быть и рѣчи. Наука давно работаетъ надъ квалификаціею отношеній по имуществу и особенно въ случаяхъ наслѣдственнаго преемства и одно время крѣпко держалась взгляда на единство личностей отца и сына (unitas personarum). Въ новѣйшее время высказано сильное сомнѣніе противъ такого взгляда на единство личностей (Игерингъ), и поэтому, при всѣхъ посылкахъ, расходящихся съ господствующимъ воззрѣніемъ, мы имѣемъ право требовать точнаго и полнаго разрѣшенія недоразумѣній. Въ противномъ случаѣ посылки будутъ весьма условны и сомнительны, когда римскій юристъ не говоритъ ясно о мотивахъ своего положенія. Такъ, дѣйствительно, мы считаемъ себя вправѣ дать объясненіе, помимо семейнаго характера частнаго имущества, всѣмъ положеніямъ о завѣщательныхъ назначеніяхъ постумовъ (стр. 76—

97). Самъ же г. Б. говоритъ, что вопреки основному правилу о невозможности назначать въ завѣщаніи наслѣдниками и лицъ неизвѣстныхъ," уже задолго до Цицерона юристы старались открыть постумамъ доступъ къ наслѣдству (стр. 63). Остается предположить, что во времена еще значительнаго господства экономическаго взгляда на имущество, какъ на продуктъ совокупной дѣятельности всѣхъ членовъ семьи, юристы уже поддались вѣянію весьма еще ничтожной проповѣди „любви и заботливости о благосостояніи близкихъ родныхъ" и рѣшили обойти основное правило наслѣдованія. Вотъ это-то и слѣдуетъ доказать г. Б-у, иначе читатель остается въ крайнемъ недоразумѣніи.

Намъ кажется, что въ обоихъ, взятыхъ примѣрахъ, легко выяснить настоящіе мотивы, если бы выходить изъ обобщеннаго взгляда на развитіе римской жизни. Объясненіе всѣхъ основныхъ началъ римскаго наслѣдственнаго права коренится въ устройствѣ древней римской семьи и ея отношеній къ государственности. Путемъ развитія послѣдней, начинается процесъ индивидуализаціи, которая задолго еще до классической юриспруденціи уже значительно разложила римскую семью. Этимъ объясняется свобода завѣщаній, легаты, фидеикомиссы, тогда какъ единство семьи (а не семейный характеръ частнаго имущества), воплощенное въ лицѣ paterfamilias [1]) дѣлало невозможнымъ въ древнемъ Римѣ какія либо распоряженія на случай смерти и, съ другой стороны, устраняло отъ наслѣдованія кровныхъ родныхъ, хотя бы родныхъ сыновей или дочерей, когда они выступали изъ семьи (эманципація и выходъ замужъ съ подчиненіемъ мужней власти), открывая наоборотъ наслѣдованіе для чужеродцевъ, пріобщенныхъ къ семьѣ (жены, усыновленные). Вотъ для послѣдняго то періода и не требовалось никакой заботы о постумахъ, которые подходили подъ категорію sui heredes, но съ постепеннымъ развитіемъ свободы завѣщательныхъ распоряженій, могли все чаще проявляться слу-

---

[1]) См. подробнѣе у Hölder Die römische Ehe. 1874.

чаи, когда требовалось разрѣшить положеніе постумовъ въ виду завѣщательныхъ распоряженій. Господство идеи о единствѣ семьи заставляло, съ самаго начала, ограничивать еще новое положеніе о свободѣ завѣщаній. Въ этомъ и заключается мотивъ древнѣйшаго правила, „по которому всякое нарожденіе постума дѣлало завѣщаніе вполнѣ ничтожнымъ." Я, примѣняясь къ языку г. Б-а, назвалъ-бы такой мотивъ элементомъ *семейнаго единства*. Этимъ мотивомъ объясняется и вышеприведенное уже требованіе классическихъ юристовъ, чтобы „свои наслѣдники были или назначены или лишены наслѣдства" [1]). Въ послѣднемъ положеніи не сказывается ни государственный мотивъ, ни семейный, какъ понимаетъ послѣдній г. Б., а сказывается противуположеніе двухъ мотивовъ—семейнаго единства и полной свободы завѣщаній. Юристъ пользуется опущеніемъ (praeteritio), чтобы ограничить второе въ пользу перваго. За этотъ взглядъ говоритъ и то, что во время уже Цицерона [2]), именно центумвиральный судъ требовалъ, чтобы filius familias могъ быть лишенъ наслѣдства неиначе, какъ именнымъ обозначеніемъ (nominatim). Далѣе, сама querella inofficiosi testamenti основывалась ни на чемъ иномъ, какъ на favor *sanguinis* (Gajus). Наконецъ, этотъ же мотивъ семейнаго единства слышится въ выраженіи Сцеволы: „не слѣдуетъ содѣйствовать лишеніямъ наслѣдства".—Съ постепеннымъ прогресомъ индивидуализаціи римскаго общества, въ жизни его выступаютъ новыя требованія, которыя я бы назвалъ *нравственными* и которыхъ слѣды въ такомъ множествѣ замѣчаются у классическихъ юристовъ. Согласно этимъ требованіямъ, выражается стремленіе закрѣпить семейное начало уже на основахъ природной, нравственной связи членовъ. Этотъ мотивъ нельзя не признать во многихъ началахъ формальнаго и матеріальнаго, необходимаго наслѣдованія. Но сказать точно, гдѣ начинается въ этихъ началахъ преобладающее вліяніе новыхъ элементовъ, чрезвы-

---

[1]) Я не касаюсь преторскаго эдикта, чтобы не зайти слишкомъ далеко.
[2]) См. Schmidt. Das formelle Rt. der Notherben. Leipzig 1862 p. 5 7.

чайно трудно, если не прослѣдить предварительно весь ходъ развитія жизненныхъ мотивовъ. Такъ, напр., положенія объ опущеніяхъ (praeteritio) и завѣщательныхъ назначеніяхъ постумовъ, могутъ быть для классической юриспруденціи объяснены, въ извѣстной степени, элементомъ *семейнаго* единства, развитаго въ своихъ *юридическихъ* консеквенціяхъ, а также и элементомъ *нравственнымъ*. Какой-же изъ этихъ элементовъ преобладалъ въ данныхъ положеніяхъ, это выясняется только изъ общей системы воззрѣнія на развитіе римской жизни, а не простой установкой элементовъ ея.

Объемъ настоящей рецензіи не дозволяетъ мнѣ далѣе останавливаться на другихъ примѣрахъ, въ которыхъ выяснилась бы вся лишь условная доказательность посылокъ г. Б-а. Въ результатѣ прибавлю только, что не установивъ предварительно постепеннаго развитія жизненныхъ элементовъ въ цѣльной системѣ, г. Б. едва-ли имѣетъ право вообще претендовать на то, чтобы его таблицы могли служить уясненію тѣхъ элементовъ, которые, по преимуществу, должны были вліять на данный институтъ, именно во времена классической юриспруденціи, а слѣдовательно, давали представленіе о томъ видѣ, въ какомъ институтъ выражался у Римлянъ этого періода; не можетъ на это претендовать г. Б. по той простой причинѣ, что большинство трудовъ классическихъ юристовъ не дошло до насъ вовсе, а Пандекты, какъ извѣстно, составляютъ сводъ извлеченій изъ юридическихъ трактатовъ, которыя, извлеченія, редакціонная комиссія выбирала, примѣняясь въ большей или меньшей степени къ требованіямъ своего времени. Поэтому разсмотрѣнные г. Б-ымъ фрагменты, могутъ служить, самое большое, лишь признаками наличности того или другаго элемента во времена классической юриспруденціи, но не болѣе того, и цифры не играютъ тутъ никакой роли. Цѣльнаго представленія института за данный періодъ и подъ вліяніемъ жизненныхъ элементовъ, мы въ книгѣ г. Б-а не находимъ. Такое представленіе возможно создать лишь всестороннимъ изученіемъ жизни общества, въ связи всѣхъ ея элементовъ, въ томъ числѣ и правовыхъ, и притомъ, въ историческомъ направле-

ніи, т. е. не ограничиваясь матеріаломъ извѣстнаго періода, но пользуясь для сравненій и логическихъ выводовъ матеріаломъ и предъидущаго, и послѣдующаго періодовъ. Только при такомъ пріемѣ отрывочные фрагменты даютъ право на точныя заключенія и въ общемъ получается цѣлостное представленіе. Такъ обыкновенно и поступаютъ западные писатели.

Я могу только выразить сожалѣніе, что и г. Б. не послѣдовалъ этому и не написалъ *„исторіи* формальныхъ ограниченій свободы завѣщаній въ римскомъ правѣ". Правда, такой трудъ потребовалъ бы много силъ и времени, но за то изъ подъ пера такого добросовѣстнаго ученаго, какъ г. Б. могла бы выйдти капитальная работа; тогда какъ въ настоящемъ видѣ, книга г. Б. представляется простымъ упражненіемъ, возбуждающимъ массу недоразумѣній, дающимъ просторъ возраженіямъ, основаніе которыхъ, то или другое цѣлостное представленіе римской жизни.

Д. Азаревичъ.

Л. Н. Загурскій. Личныя отношенія между родителями и дѣтьми по римскому и французскому праву. Введеніе. Ученіе о законнорожденности и незаконнорожденности по римскому праву. Харьковъ. 1880 г. стр. 362.

Послѣ перваго своего труда „Принципы римскаго гражданскаго и уголовнаго процеса" (Харьковъ. 1874 г.) г. З. сдѣлалъ значительные успѣхи въ знакомствѣ съ литературой и источниками римскаго права. Но за то, при первомъ взглядѣ на новую книгу г. З-а, бросается въ глаза крайнее злоупотребленіе ссылками [1]). Такъ, въ концѣ книги, приведенъ перечень трудовъ, на которые ссылался авторъ. Но на половину матеріалъ этотъ уже разобранъ въ такихъ сводныхъ трудахъ, какъ напр. извѣстный комментарій на Пандекты Глю-

---

[1]) Встрѣчаются ссылки даже на такіе труды, которые прямо предназначены для дѣтей, какъ напр. на исторію неба Фламмаріона

ка, почему перечислять подлинныя заглавія старыхъ писателей совсѣмъ лишнее (см. напр. стр. 18, 19); это не даетъ труду большей солидности. Точно также совсѣмъ излишне дѣлать массу ссылокъ на неюридическую литературу, тѣмъ болѣе когда представляется сомнѣніе, чтобы г. З. могъ перечесть ее всю въ подлинникѣ, а слѣдовательно заимствовалъ свои ссылки изъ западныхъ трудовъ, какъ напр. Фридлендера, Буассье (или какъ для стр. 73 п. 2 Baudrillard), исчерпавшихъ содержаніе латинскихъ классиковъ.

Содержаніе книги состоитъ изъ догматическаго изложенія вопроса о незаконнорожденности, по римскому праву. Авторъ останавливается на подробнѣйшемъ толкованіи источниковъ и провѣркѣ всѣхъ, извѣстныхъ ему контроверзъ. Но приэтомъ г. З. переполняетъ изложеніе массой указаній, неимѣющихъ почти никакого отношенія къ дѣлу (см. напр. стр. 4 п. 5; стр. 5, 56 п. 2; стр. 113 п. 1; стр. 128 п. 1; и т. д.), равно какъ приводитъ узаконенія всевозможныхъ народностей древняго и новаго міра: индусовъ, персовъ (стр. 7 п. 3), евреевъ (стр. 7 п. 3; 244), грековъ (стр. 5, 6, 243); изъ новыхъ народовъ — англичанъ, германцевъ, французовъ (стр. 62 п. 5, стр. 67, 68, 92 п. 1; стр. 104—111, 166 п. 7; стр. 338 и т. д.). Указаніями этими авторъ вовсе не думаетъ прослѣдить развитіе ученія о незаконнорожденности у различныхъ народовъ или провести параллель между римскими взглядами и хотя-бы современными законодательствами. Всѣ эти указанія имѣютъ видъ случайныхъ, ничѣмъ необъяснимыхъ отступленій, то въ самомъ текстѣ, то въ примѣчаніи. Всего обширнѣе указанія на французское право, причемъ нерѣдко приводятся подлинные законы наполеоновскаго кодекса. Но и этими указаніями г. З., очевидно, не имѣлъ намѣренія познакомить съ полнымъ ученіемъ французскаго права, такъ какъ цѣлыя стороны ученія у него даже незатронуты. Напримѣръ, г. З. ничего не говоритъ о розысканіи отца, запрещенномъ французскими законами (art. 340, 342), хотя при изложеніи actio de partu agnose и liberi naturales были самые удобные поводы перейти къ розыску по француз-

скому праву. Я полагаю, что г. З. не приминулъ бы этого сдѣлать, если бы ему былъ знакомъ почтенный трудъ професора *А. И. Загоровскаго.* (Незаконнорожденные по саксонскому и французскому гражданскимъ кодексамъ, Кіевъ 1879) и вызванная имъ большая рецензія професора *А. Ѳ. Кистяковскаго.* Незнакомство съ послѣдними трудами тѣмъ болѣе достойно сожалѣнія, что на нихъ г. З. ознакомился бы съ принципіальнымъ рѣшеніемъ вопроса о незаконнорожденности, тогда какъ форма его собственнаго изслѣдованія не даетъ никакихъ общихъ результатовъ. Дѣйствительно, въ трудѣ г. З. мы не встрѣчаемъ ни обобщенія цѣлаго ученія, ни выводовъ, столь важныхъ для опредѣленія вліянія римскаго ученія, въ странахъ усвоеннаго римскаго права. Правда, въ концѣ книги г. З. даетъ на десяти страницахъ „заключеніе" (стр. 340—350), но это опять только случайныя разсужденія, съ напоминаніемъ нѣкоторыхъ, въ трудѣ изложенныхъ, фактовъ.

„Заключеніе" это писано г. З—имъ по всему вѣроятію чрезвычайно поспѣшно, такъ какъ спутанность изложенія не даетъ возможности разобраться въ немъ. Ясно только изъ отдѣльныхъ выраженій автора, что, выступивъ за тѣсные предѣлы своей диссертаціи, г. З. допускаетъ въ своемъ заключительномъ разсужденіи массу невѣрныхъ взглядовъ. Сошлюсь только, въ примѣръ, на нѣсколько такихъ выраженій. Такъ, приводя высоконравственное опредѣленіе Модестиномъ брака (въ русскомъ переводѣ: „бракъ есть мужеви и женѣ сочетаніе и сбытіе во всей жизни, божественныя же и человѣческія правды общеніе"), г. З. прибавляетъ, что „оно чуждо римскому быту" и затѣмъ, какъ бы въ доказательство этому, говоритъ: „тамъ гдѣ существуетъ безграничная свобода развода, не можетъ существовать брака въ томъ смыслѣ, какъ опредѣлилъ его Модестинъ." Такъ ли это? Церковь, дѣйствительно, съ этой точки зрѣнія смотритъ на разводъ, но современное свѣтское ученіе морали требуетъ свободы развода, именно во имя этическаго характера брачнаго сожи-

тія [1]). Далѣе, оставляя въ сторонѣ характеристику древняго римскаго брака [2]), мы, для временъ христіанской имперіи, читаемъ слѣдующее (стр. 342): „Юстиніанъ принялъ принципъ Модестина, но понялъ его буквально; онъ ограничиваетъ право развода, но терпитъ конкубинатъ, *которому старается придать моногамическую форму*“.... И далѣе, „допуская конкубинатъ *онъ наказываетъ женщинъ за secundae nuptiae.*“ Эта мнимая несообразность объясняется просто. Уже до Модестина и тѣмъ болѣе въ его время, въ римской жизни проявились такія нравственныя воззрѣнія, однимъ изъ частныхъ выраженій которыхъ и было опредѣленіе юристомъ брака. Дѣйствительно, и въ законодательствѣ и твореніяхъ, какъ юридическихъ, такъ и не юридическихъ писателей мы находимъ массу признаковъ высоко-этическаго характера брачнаго общенія. Одинъ писатель (Колумелла), даже почти тѣми же словами, что Модестинъ, опредѣлилъ брачное сожитіе. Но рядомъ съ этимъ появленіемъ новыхъ воззрѣній, стремится пробиться въ жизнь и церковное ученіе о бракѣ. Подъ вліяніемъ послѣдняго, христіанскіе императоры пытаются ограничить свободу развода, но вмѣстѣ съ тѣмъ, вопреки церковному взгляду, принуждены вплоть до Льва Мудраго удерживать конкубинатъ. Но изъ этого не слѣдуетъ, чтобы въ послѣдней формѣ общенія не могъ получить полное осуществленіе взглядъ Модестина на бракъ. Императорское законодательство старалось всѣми силами придать и небрачнымъ связямъ характеръ этическій и мы знаемъ, что въ результатѣ на конкубинатъ были распространены всѣ условія брачной связи (моногамическій признакъ, отцовство и т. п.). Только съ церковной точки зрѣнія былъ предосудителенъ конкубинатъ, такъ какъ въ основной его идеѣ лежало начало, шокировавшее аскетизмъ хри-

---

[1]) См. напр. Dumas. La question du divorce. 1879.

[2]) Не могу не спросить г. З—аго: изъ чего это онъ заключаетъ, будто Августъ «ставитъ границы плодовитости человѣка: jus trium liberorum, небольше!» (стр. 341).

стіанскихъ учителей, а именно—реальная связь половъ, а съ другой стороны, церковь стремилась укрѣпить свое ученіе о бракѣ церковнымъ благословеніемъ, а этому противно было свободное соглашеніе конкубината. Церковнымъ же вліяніемъ объясняется и борьба противъ вторичныхъ браковъ. Такимъ образомъ, мнѣ кажется, г. З. могъ говорить о разногласіи въ положеніяхъ Юстиніана съ церковнымъ ученіемъ, а не съ высшею моралью.

Другой примѣръ. На стр. 344 мы читаемъ: „почему dos profectitia послѣ смерти жены должно вернуться къ ея отцу? „Онъ потерялъ свою дочь, отвѣчаетъ Помпоній, его нужно утѣшить вернувши назадъ ему его деньги"... Этимъ авторъ доказываетъ своей взглядъ, что римскіе юристы въ вопросѣ брака занимались не нравственною стороною его, а денежною. Выводъ совершенно невѣрный. Исторія приданнаго ясно очерчиваетъ его исключительное назначеніе служить брачному дѣлу. Императорскіе законы именно этимъ соображеніемъ ограждаютъ цѣлость приданнаго. Поэтому понятно, что съ прекращеніемъ брака это имущество возвращается тому, кто его далъ для отправленія опредѣленнаго назначенія, т. е. отцу. Вотъ что значатъ слова Помнонія „потерять и дочь и *свое* имущество".

На другихъ примѣрахъ неяснаго пониманія римскихъ правовыхъ отношеній мы не останавливаемся. Въ концѣ рецензіи повторяю еще разъ, что въ разсмотрѣнномъ трудѣ г. З. показалъ несомнѣнно громадную начитанность и ограничься онъ однимъ догматическимъ изложеніемъ ученія о незаконнорожденныхъ по римскому праву, трудъ его значительно бы отъ этого выигралъ.

Д. Азаревичъ.

ОБОЗРѢНІЕ ПОЛЬСКОЙ ЮРИДИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
за 1874—1877 гг.

преимущественно по уголовному праву.

(Окончаніе).

Отдѣлъ литературы, касающійся судебныхъ уставовъ 20 ноября 1864 г. и разработки другихъ частей законовѣдѣнія, вызванной введеніемъ судебной реформы въ Царствѣ Польскомъ, можно раздѣлить на три группы, а именно: изданія самаго текста дѣйствующихъ въ Царствѣ законовъ; изданія, имѣющія въ виду первоначальное ознакомленіе мѣстныхъ жителей съ вводимою реформою или стремящіяся указать надлежащій путь для осуществленія вводимой реформы; наконецъ, руководства и сочиненія, стремящіяся надлежаще изъяснить постановленія вводимыхъ уставовъ.

Состоявшая при учредительномъ въ Царствѣ Польскомъ комитетѣ, по Высочайшему повелѣнію 2 (14) іюля 1865 г. [1]) юридическая коммисія, на которую возложена была обязанность разработать, прежде всего, судебные уставы, а затѣмъ и другіе кодексы, сообразно съ мѣстными потребностями и условіями жизни Царства Польскаго, имѣла въ виду издать для Царства *отдѣльные*, *полные* судебные уставы, въ которыхъ, въ стройной системѣ, было-бы помѣщено все, что подлежало введенію, въ качествѣ дѣйствующаго закона, въ Царствѣ. Само собою разумѣется, такой взглядъ коммисіи вполнѣ оправдывался и съ точки зрѣнія практическихъ потребностей и съ точки зрѣнія правильнаго отправленія правосудія. Если законодатель составляетъ полный систематическій кодексъ, то, само по себѣ, онъ долженъ принять надлежащія мѣры къ тому, чтобы въ законѣ избѣжать противорѣчій, неполноты, неясно-

[1]) Дневникъ законовъ Царства Польскаго LXIII, стр. 206. Иструкція для коммисіи см. Д. З. Ц. П. LXIII 208.

сти и пр., и кромѣ того согласовать остающіяся въ своей силѣ узаконенія съ вновь вводимыми.—Взгляда этого однако не раздѣлили высшія законодательныя учрежденія въ Петербургѣ, и рѣшено было, вмѣсто полныхъ судебныхъ уставовъ для Царства Польскаго, издать только Положеніе, содержащее въ себѣ тѣ измѣненія и дополненія, которыя признано было необходимымъ сдѣлать въ первоначальномъ текстѣ судебныхъ уставовъ 20 ноября 1864 г. при введеніи оныхъ въ Царствѣ.

При такомъ порядкѣ введенія реформы въ странѣ, въ которой давно уже занимались научною разработкою законодательныхъ памятниковъ и дѣйствующихъ законоположеній, въ которой юристы образованы были на началахъ римскаго и французскаго законодательствъ и почти съ самаго начала текущаго столѣтія примѣнялся Наполеоновъ кодексъ,—затрудненія и недоумѣнія должны были явиться въ чрезмѣрномъ количествѣ, тѣмъ болѣе, что Положеніе было составлено на скорую руку и не избѣжало такихъ общихъ выраженій, которыя крайне затрудняли толкованіе новаго закона.—Для оправданія сказаннаго, въ видѣ примѣра, возьмемъ 1 ст. Положенія о примѣненіи судебныхъ уставовъ 20 ноября 1864 г. къ Варшавскому судебному округу, Высочайше утвержденнаго въ 19 день февраля 1875 г.—Статья эта гласитъ: „Высочайше утвержденные 20 ноября 1864 года судебные уставы, распространяются на Варшавскій судебный округъ, съ дополненіями и измѣненіями, въ нижеслѣдующихъ статьяхъ указанными“. При первоначальномъ прочтеніи этой статьи, рождается немаловажный вопросъ: получаютъ-ли обязательную въ Царствѣ Польскомъ силу судебные уставы 20 ноября 1864 г. въ первоначальной оныхъ редакціи, или же со всѣми видоизмѣненіями (дополненіями, измѣненіями и пр.), введенными въ первоначальномъ текстѣ до 19 февраля 1875 г. и послѣ этого срока?—Легко сообразить практическое значеніе этого вопроса, въ виду системы законодательныхъ измѣненій Имперіи, по которой постоянно издаются новые законы, различныхъ наименованій, видоизмѣняющіе или дополняющіе дѣйствующія узаконенія. Если становиться на буквѣ приведенной

статьи, то нельзя сомнѣваться, что только первоначальная редакція судебныхъ уставовъ получила обязательную силу въ Царствѣ, ибо въ статьѣ сказано, что судебные уставы 20 ноября 1864 года, распространяются на Варшавскій округъ съ дополненіями и измѣненіями, въ Положеніи обозначенными. Между тѣмъ, трудно сомнѣваться, что мысль законодателя была другая, что измѣненія и дополненія, изданныя послѣ 1864 г. до введенія уставовъ въ Царствѣ, законодатель имѣлъ въ виду ввести вмѣстѣ съ первоначальною редакціею, ибо они составляютъ, въ глазахъ законодателя, улучшенія и дополненія пробѣловъ первоначальнаго текста; дополненія же и измѣненія послѣдующія, т. е. изданныя послѣ введенія судебной реформы въ Царствѣ, насколько онѣ составляютъ законъ общій, примѣнимый и въ Царствѣ Польскомъ, законодатель не могъ имѣть въ виду исключить изъ ряда дѣйствующихъ въ Царствѣ узаконеній, въ виду общей системы объявленія законовъ, существующей въ Имперіи. Судебная практика приняла у насъ послѣднее толкованіе 1 ст. Положенія, несогласное, какъ видно изъ вышесказаннаго, съ буквою закона, но соотвѣтствующее несомнѣнно взгляду и требованію законодателя. Такихъ примѣровъ можно бы привести очень много, въ виду чего, высказанное нами порицаніе редакціи Положенія, можетъ быть признано правильнымъ.

Въ виду небрежности составленія и редакціи Положенія о примѣненіи судебныхъ уставовъ, и привычки мѣстныхъ юристовъ руководствоваться полными уставами, кодексами, и сборниками; въ виду отсутствія полнаго оффиціальнаго изданія вновь вводимыхъ уставовъ, явилась необходимость частныхъ изданій текста новаго закона, текста полнаго, съ исключеніемъ изъ него всего, въ Царствѣ непримѣнимаго, чтобы тѣмъ уменьшить объемъ подлежащаго изученію законоположенія. Кромѣ того, въ виду 241 ст. положенія 19 февраля 1875, по которой: „судопроизводство въ судебныхъ установленіяхъ Варшавскаго судебнаго округа происходитъ на русскомъ языкѣ“, въ виду того, что даже много мѣстныхъ юристовъ или вовсе не знало по русски, или не вполнѣ владѣло этимъ язы-

комъ, въ виду наконецъ того, что въ мѣстномъ народонасе
леніи знаніе офиціальнаго языка вовсе нераспространено, и что крайне мало находится людей, способныхъ понять законъ, объявленный на офиціальномъ языкѣ, въ виду всего этого, а также и того, что законъ изданъ былъ на одномъ только русскомъ языкѣ,—необходимо было издать полные судебные уставы для Царства Польскаго на двухъ языкахъ: офиціальномъ и польскомъ, чтобы такимъ образомъ дать возможность незнающимъ по русски ознакомиться съ закономъ по переводу, а не владѣющимъ въ надлежащей мѣрѣ этимъ языкомъ, облегчить изученіе и надлежащее пониманіе дѣйствующаго узаконенія.—

Задачу эту исполнилъ петербургскій книгопродавецъ М. Вольфъ и въ 1875 г. издалъ въ трехъ томахъ „Судебные уставы для губерній Царства Польскаго“ на двухъ языкахъ. Въ изданіе это вошли: учрежденіе судебныхъ установленій, уставъ уголовнаго судопроизводства, уставъ гражданскаго судопроизводства, уставъ объ особыхъ производствахъ въ Варшавскомъ судебномъ округѣ, уставъ о наказаніяхъ, налагаемыхъ мировыми судьями и нотаріальный уставъ; кромѣ того, изданы были „Приложенія къ судебнымъ уставамъ для губерній Царства Польскаго. С.-Петербургъ. 1875“, слѣдующаго содержанія: положеніе о примѣненіи судебныхъ уставовъ 20 ноября 1864 года къ Варшавскому судебному округу, Высочайше утвержденное 19 февраля 1875 г.; правила о примѣненіи къ Варшавскому судебному округу Высочайше утвержденнаго 14 апрѣля 1866 года положенія о нотаріальной части, Высочайше утвержденныя 19 февраля 1875 г.; временныя правила о судопроизводствѣ въ коммерческихъ судахъ въ Варшавскомъ судебномъ округѣ; правила введенія въ дѣйствіе Высочайше утвержденныхъ 19 февраля 1875 года законоположеній объ устройствѣ судебной части въ Варшавскомъ судебномъ округѣ, Высочайше утвержденныя въ 1 (13) день іюня 1875 г.; и наконецъ временныя правила относительно производства дѣлъ въ нынѣшнихъ судебныхъ учрежденіяхъ губерній Царства Польскаго, Высочайше утвержденныя въ 31 день мая (12 день іюня) 1875 г.

Руководящій этимъ изданіемъ и переводчикъ, не напечаталъ своей фамиліи на изданіи и хорошо сдѣлалъ, ибо оно, при многихъ недостаткахъ, имѣетъ то единственное достоинство, что было заготовлено и исполнено весьма скоро. Быстрота изданія можетъ быть, до извѣстной степени, оправдываетъ и тѣ многочисленные недостатки, которые встрѣчаются на каждомъ шагу. Не станемъ здѣсь указываетъ на недостатки и ошибки въ текстѣ и переводѣ онаго, но не можемъ не замѣтить, что переводъ вообще плохой, даже мѣстами непонятенъ; что звѣздочки, обозначающія статьи, неимѣющія примѣненія въ Царствѣ Польскомъ, не всегда вѣрно выставлены, а иногда пропущены тамъ, гдѣ должны стоять,—и самое важное, что помѣщеніе статей положенія 19 февраля 1875 г. подъ подлежащими статьями уставовъ, въ видѣ продолженій и дополненій, ввело крайнія недоразумѣнія и лишило возможности ссылаться по этому изданію на законъ дѣйствующій, такъ какъ дѣйствуетъ напр. 76 ст. положенія, а не дополненіе къ 34 ст. устава уголовнаго судопроизводства и пр.

Второе изданіе „Судебныхъ Уставовъ для губерній Царства Польскаго“ составляетъ только перепечатку перваго и не можетъ быть ни въ какомъ отношеніи названо исправленнымъ.

Сборникъ узаконеній по примѣненію судебныхъ уставовъ 20 ноября 1864 года къ Царству Польскому. Изданіе II. *И. П. Анисимова.* С.-Петербургъ и Москва. 1877 г. стр. IX. 224. 69.

Изданіе это содержитъ: положеніе о примѣненіи судебныхъ уставовъ 20 ноября 1864 года къ Варшавскому судебному округу; временныя правила о судопроизводствѣ въ коммерческихъ судахъ въ Варшавскомъ судебномъ округѣ; уставъ объ особыхъ производствахъ въ Варшавскомъ судебномъ округѣ; правила о примѣненіи къ Варшавскому судебному округу Высочайше утвержденнаго 14 апрѣля 1866 года положенія о нотаріальной части; штаты судебныхъ установленій Варшавскаго судебнаго округа. Печатая текстъ этихъ

законоположеній, издатель помѣстилъ подъ надлежащими статьями и тѣ мѣстныя узаконенія, на которыя сдѣланы ссылки въ статьяхъ. Разумѣется весь этотъ матеріалъ подобранъ чисто механически, не вникая въ существо дѣла и потому эти ссылки неполны и мало пригодны.

Затѣмъ, въ изданіи помѣщены „приложенія", содержащія: правила о преимуществахъ чиновниковъ русскаго происхожденія, служащихъ въ губерніяхъ Царства Польскаго; устава уголовнаго судопроизводства раздѣлъ VI, о судопроизводствѣ по преступленіямъ и проступкамъ, относящимся до разныхъ частей административнаго управленія; гражданскаго кодекса, книга III раздѣлъ IX, о договорѣ товарищества; гражданскаго уложенія 1825 года ст. 191—235, о правахъ и обязанностяхъ супруговъ по имуществу, при несуществованіи особаго по сему предмету договора; устава гражданскаго судопроизводства ст. 1095—1208, объ обращеніи взысканія на недвижимое имѣніе; гражданскаго уложенія 1825 года ст. 492—521, о законномъ прещеніи и объ ограниченіяхъ дѣеспособности; гражданскаго кодекса раздѣлъ I глава VI, о раздѣлѣ наслѣдства и о возвратахъ въ наслѣдственную массу; гражданскаго уложенія 1825 года, раздѣлъ III, объ отсутствующихъ.—Приложенія, такимъ образомъ, содержатъ тѣ болѣе объемистыя мѣстныя узаконенія, которыя трудно было печатать подъ подлежащими статьями, въ которыхъ сдѣлана на нихъ ссылка.

Послѣднюю часть книги составляютъ „узаконенія, изданныя въ дополненіе и разъясненіе къ положенію о примѣненіи судебныхъ уставовъ 20 ноября 1864 г. къ Варшавскому судебному округу", начинающіяся съ указа правительствующаго сената 14 іюня 1875 года, по Именному Высочайшему указу о порядкѣ введенія въ дѣйствіе Высочайше утвержденныхъ 19 февраля 1875 г. законоположеній объ устройствѣ судебной части въ Варшавскомъ судебномъ округѣ и правилъ введенія въ дѣйствіе Высочайше утвержденныхъ 19 февраля 1875 года законоположеній объ устройствѣ судебной части въ Варшавскомъ судебномъ округѣ, и затѣмъ, содержащія 34

узаконенія, изъ которыхъ послѣднее, указъ правительствующаго сената 27 сентября 1876 г. о расходѣ на производство дополнительнаго содержанія гминнымъ судьямъ въ Царствѣ Польскомъ (Собр. узак. 1876 г. № 961).

Соображая неполноту и ошибность текста и перевода, а также неправильность обозначенія статей въ изданіи Вольфа; далѣе, неудобство изданія оффиціальнаго (in folio) и трудность пріобрѣтенія онаго, за отсутствіемъ другихъ изданій, приходится, пользоваться названнымъ изданіемъ Анисимова, несмотря на отсутствіе въ немъ польскаго перевода, и на то, что названное II изданіе уже устарѣло, такъ какъ послѣ 27 сентября 1876 г. вышло уже много узаконеній, пополняющихъ первоначальную редакцію судебныхъ уставовъ 20 ноября 1864 г. для царства польскаго, а пользованіе новѣйшими изданіями судебныхъ уставовъ XII и XIII, въ царствѣ польскомъ, рядомъ съ названнымъ изданіемъ сборника, невозможно потому, что эти изданія основаны на новомъ изданіи свода законовъ 1876 г., которое въ царствѣ обязательной силы не получило.

Между изданіями гражданскихъ законовъ царства польскаго, офиціозными и частными, мы можемъ остановиться только на одномъ, такъ какъ другія неудовлетворяютъ самымъ элементарнымъ требованіямъ, не только науки, но даже самымъ обыденнымъ потребностямъ судебной практики.

Изданіе, на которое обращаемъ вниманіе, предпринято б. профессоромъ Императорскаго С.-Петербургскаго университета, членомъ Варшавской судебной палаты, *Карломъ Губе* и совершено отдѣльно на русскомъ, отдѣльно на польскомъ языкахъ. Русское изданіе озаглавлено: Гражданскіе законы губерній царства польскаго, собралъ *Карлъ Губе,* членъ Варшавской судебной палаты. Варшава. 1877 г. въ III томахъ стр. 658+770; 156+80; 169+43. Изданіе это содержитъ: переходныя правила къ кодексу Наполеона; гражданское уложеніе царства польскаго 1825 г.; положеніе о союзѣ брачномъ 1836 г.; кодексъ Наполеона, книга вторая и третья; положеніе о нотаріальной части 1866 г.; ипотечные

уставы царства польскаго 1818 и 1825 года; торговый кодексъ.

Изданіе на польскомъ языкѣ озаглавлено: Prawo cywilne obowiązujące guberniach Królestwa Polskiego zebrał *Karl Hube*, Członek izby sądowej Warszawskiej. Warszawa. 1879. str. 673+276+XVII.

Томъ этотъ содержитъ только гражданскіе законы царства въ тѣсномъ смыслѣ, такъ какъ въ немъ непомѣщены: положеніе о нотаріальной части, ипотечный уставъ и торговый кодексъ.

Высоко теоретически и практически образованный юристъ, издатель этого собранія, поставилъ себѣ слѣдующую задачу: собрать въ одно цѣлое всѣ постановленія, изданныя въ дополненіе или измѣненіе дѣйствующихъ въ царствѣ польскомъ кодексовъ, сопоставить сіи постановленія съ тѣми статьями кодексовъ, которыя ими дополняются или измѣняются и привести, при подлежащихъ статьяхъ и дополнительныхъ постановленіяхъ, послѣдовавшія въ разъясненіе ихъ смысла предписанія и распоряженія бывшихъ правительственныхъ коммисій въ царствѣ.—Нельзя не признать, что К. Губе исполнилъ свою задачу удовлетворительно и даже при рѣшеніи самыхъ трудныхъ вопросовъ на счетъ того, какія узаконенія остались въ своей силѣ, а какія ее потеряли, онъ доказалъ знакомство съ предметомъ и юридическое остроуміе. Правда, не всегда можно согласиться съ К. Губе, на счетъ того, что извѣстное постановленіе недѣйствуетъ, но все это вопросы, въ нынѣшнемъ состояніи законодательства царства, крайне спорныя, а система изданія, принятая имъ, по которой подъ статьями помѣщены всѣ узаконенія въ хронологическомъ порядкѣ, устраняетъ и проистекающія отъ различія мнѣній затрудненія, такъ какъ у каждаго есть сразу подъ рукою матеріалъ для провѣрки мнѣнія автора, на счетъ вопроса объ обязательной силѣ даннаго узаконенія. Въ изданіи этомъ мы встрѣчаемъ и опечатки, но вообще ихъ весьма немного. Текстъ закона переведенъ правильно, и по крайней мѣрѣ несравненно лучше, чѣмъ въ другихъ изданіяхъ, не исключая и офиціозныхъ.

Намъ кажется, что изданіе К. Губе единственно можетъ быть употребляемо юристами для судебной практики и для научныхъ изслѣдованій.

Почти немедленно послѣ напечатанія въ ежедневныхъ газетахъ текста Положенія о примѣненіи судебныхъ уставовъ 20 ноября 1864 къ Варшавскому судебному округу, Высочайше утвержденнаго въ 19 день февраля 1875 г. и правилъ введенія въ дѣйствіе Высочайше утвержденныхъ 19 февраля 1875 года законоположеній объ устройствѣ судебной части въ Варшавскомъ судебномъ округѣ, Высочайше утвержденныхъ въ 1 (13) день іюня 1875 г. стали печататься въ періодическихъ изданіяхъ и газетахъ отдѣльныя статьи и разсужденія, касающіеся вводимаго законодательства, имѣющія въ виду:—или ознакомить обширную публику съ предстоящею реформою или указывающія на рѣзкія видоизмѣненія дѣйствующихъ положеній новымъ закономъ и предупреждающія входящихъ въ юридическія отношенія или состоящихъ въ оныхъ, какъ имъ слѣдуетъ поступать въ виду предстоящей реформы, для надлежащаго обезпеченія своихъ правъ, или стремящіяся указать, по мѣстнымъ условіямъ жизни народа, путь къ надлежащему осуществленію положеній новаго закона, или, наконецъ, подвергающія критической оцѣнкѣ вновь вводимыя законоположенія и указывающія путь согласованія оныхъ съ законами, оставленными въ своей силѣ и послѣ введенія судебной реформы. Весь этотъ матеріалъ,—печатанный по всѣмъ почти газетамъ и журналамъ,—хотя и возбуждаетъ интересъ, но преимущественно для мѣстнаго юриста, хотя и содержитъ самыя важныя указанія для разрѣшенія вопроса, какъ мѣстное общество смотрѣло въ данную минуту на предположенную судебную реформу, — но не можетъ однако подлежать нашему обозрѣнію, какъ по своему объему, такъ и потому, что содержитъ немного чисто научнаго, имѣющаго не только временный, но и постоянный интересъ. Намъ приходится ограничить наше „обозрѣніе“, по второй изъ указанныхъ выше группъ, только нѣсколькими книгами и брошюрами, изданными самостоятельно, тѣмъ бо-

лѣе, что въ нихъ отражаются почти всѣ направленія, о которыхъ мы упомянули. А именно:

Rys organizacyi władz sądowych podług ustaw z d. 20 Listopada 1864 r. i Postanowienia o wprowadzeniu reformy sądowej w Królestwie Polskiem z dnia 19 Lutego 1875 r. przez *W*, *Miklaszewskiego*, Warszawa. 1876 str. 155 (Очеркъ учрежденій судебныхъ установленій по судебнымъ уставамъ 20 ноября 1864 г. и положенію о примѣненіи судебной реформы въ царствѣ польскомъ 19 февраля 1865 г. *В. Микляшевскаго.* Варшава. 1876 г. стр. 155.

Отмѣтивъ начало неподвластности юстиціи по уставамъ и сравнивъ опредѣленія онаго съ постановленіями конституціи 22 іюня 1807 г. (ст. 74), конституціи 17 (29) ноября 1815 г. (ст. 138) и учрежденій гражданскихъ судовъ 13 мая 1808 г. (ст. 1), и то, какой и какимъ порядкомъ исполняемый, установленъ надзоръ надъ дѣятельностью судовъ и судебныхъ чиновниковъ, авторъ обращаетъ вниманіе на содержаніе 243 ст. учрежд. суд. устан. и 56 ст. положенія 19 февраля 1875 г. и подвергаетъ критикѣ опредѣленія Положенія. Далѣе, указавъ права и преимущества служащихъ по судебному вѣдомству въ новыхъ судебныхъ установленіяхъ, онъ разсматриваетъ два способа опредѣленія на судебныя должности: по выбору и по назначенію, замѣчая, что предоставленіе весьма сильнаго вліянія административнымъ властямъ на выборы въ гминные судьи и лавники, а также исключеніе выборнаго начала при назначеніи въ мировые судьи, не можетъ быть оправдано ни съ теоретической точки зрѣнія, ни съ точки зрѣнія правильнаго отправленія правосудія. Затѣмъ, авторъ разсматриваетъ условія, требуемыя закономъ, для полученія мѣста гминнаго судьи, лавника, кандидата въ лавники, мировыхъ судей и предсѣдателей мировыхъ съѣздовъ, и наконецъ должностей въ общихъ судебныхъ установленіяхъ, сравнивая касающіеся этихъ вопросовъ законы, съ законоположеніями, дѣйствовавшими въ то время въ царствѣ. Наконецъ, авторъ сопоставляетъ прежнюю судебную организацію съ подлежащими введенію судебными установленіями.

Послѣ этихъ, такъ сказать, общихъ замѣчаній, авторъ разсматриваетъ каждое судебное установленіе порознь и дѣлаетъ предположенія на счетъ осуществленія положеній учрежденія судебныхъ установленій въ царствѣ польскомъ, сообразуясь съ мѣстными данными и результатами прежняго судоустройства, а затѣмъ разсматриваетъ такимъ же порядкомъ существующія при судахъ учрежденія. На счетъ правилъ 25 мая (7 іюня) 1874 г. о лицахъ, имѣющихъ право быть повѣренными по судебнымъ дѣламъ, авторъ выразилъ мнѣніе, что они покамѣсть не введены въ дѣйствіе въ царствѣ польскомъ. Въ виду значительнаго наличнаго состава адвокатовъ (47 защитниковъ при департаментахъ правительствующаго сената, 38 адвокатовъ при апелляціонномъ судѣ царства польскаго, и 229 патроновъ при гражданскихъ трибуналахъ и того 314 адвокатовъ), изъ числа которыхъ министру юстиціи предоставлено было назначить подходящее число присяжныхъ повѣренныхъ, авторъ полагаетъ, что слѣдовало бы при введеніи реформы осуществить 387 ст. учрежд. судебн. уст., если же это оказалось бы невозможнымъ, ввести въ дѣйствіе названныя правила 25 мая (7 іюня) 1874 г., которыя хотя въ Имперіи не принесли ожидаемой пользы, а въ царствѣ еще менѣе могутъ оказаться дѣйствительными, все таки могутъ составлять нѣкоторую преграду для злоупотребляющихъ тайнымъ хожденіемъ по чужимъ дѣламъ. На счетъ кандидатовъ на судебные должности, авторъ выразилъ мнѣніе, что система уставовъ, по которой кандидатъ приготовливается къ судебной должности, дѣйствуя при одномъ только судебномъ установленіи, не можетъ быть признана удовлетворительною и что несравненно лучше система, по которой кандидатъ долженъ извѣстный срокъ заниматься при каждомъ судебномъ установленіи и при прокурорскомъ надзорѣ, начиная съ нисшихъ ступеней суда и восходя до высшихъ, а если возможно и самыхъ высшихъ. Только такимъ порядкомъ кандидаты на судебныя должности могутъ всесторонне ознакомиться съ примѣненіемъ закона и отправленіемъ правосудія.

Во второмъ раздѣлѣ авторъ разсматриваетъ правила введенія въ дѣйствіе Высочайше утверженныхъ 19 февраля 1875 года законоположеній объ устройствѣ судебной части въ Варшавскомъ судебномъ округѣ, Высочайше утвежденныя 1 (13) іюня 1875 года. Разбирая постановленія, касающіяся состоящихъ на службѣ чиновниковъ судебнаго вѣдомства въ Царствѣ и временныхъ присутствій, которымъ предоставлена была власть передачи дѣлъ изъ существовавшихъ судебныхъ учрежденій во вновь учреждаемыя судебныя установленія,— авторъ переходитъ къ отдѣльнымъ судебнымъ установленіямъ, дѣлаетъ замѣчанія на постановленія правилъ и высказываетъ свой взглядъ на осуществленіе оныхъ. Между прочимъ, для обезпеченія надлежащаго вознагражденія за трудъ гминнымъ судьямъ и лавникамъ, въ виду того, что послѣднихъ въ каждомъ судѣ вмѣстѣ съ кандидатами нѣсколько (до 8) и что слишкомъ обременять жителей гминъ на содержніе гминныхъ судовъ было-бы неумѣстно,—авторъ предлагаетъ, чтобы лавникамъ назначать вознагражденіе за каждое засѣданіе, а не оптовое годичное жалованіе; этимъ путемъ вознагражденіе можетъ быть больше и каждый, зная о томъ, что издержки его прибытія въ судъ и потеря времени будутъ вознаграждены, явится охотнѣе въ судъ, чѣмъ тогда, если, состоя кандидатомъ, и не получая никакого вознагражденія за исполненіе своей должности, является по вызову въ судъ безвозмездно или даже получая въ годъ 100 р. жалованія знаетъ о томъ, что явится-ли онъ или не явится къ засѣданію, всегда получитъ свое жалованіе. Въ отношеніи назначенія мировыхъ судей, авторъ высказываетъ мнѣніе, что мировые судьи должны быть назначаемы исключительно изъ мѣстныхъ жителей, знающихъ права и обычаи, языкъ, привычки и образъ жизни подвѣдомственнаго имъ народонаселенія. Въ отношеніи предсѣдателей мировыхъ съѣздовъ, авторъ полагаетъ, что такъ какъ они предсѣдательствуютъ не въ постоянномъ, но во временно дѣйствующемъ судебномъ учрежденіи, въ составъ котораго входятъ въ равномъ количествѣ гминные и мировые судьи, первые—избранные, вторые—назначенные отъ правительства, изъ числа

лицъ, даже неполучившихъ юридическаго образованія, то предсѣдатели мировыхъ съѣздовъ должны быть представителями юридическаго элемента въ этихъ судахъ, составляющихъ апелляціонную и даже кассаціонную инстанцію, т. е. что они должны быть назначаемы изъ числа лицъ, получившихъ высшее юридическое образованіе и пріобрѣвшихъ практическія свѣдѣнія въ производствѣ судебныхъ дѣлъ.

Въ заключеніе авторъ сопоставляетъ важнѣйшія достоинства и недостатки вводимыхъ судебныхъ учрежденій, и высказываетъ мнѣніе, что такъ какъ судъ поставленъ выше всякихъ стремленій партій и имѣетъ единственною задачею правильное отправленіе правосудія, то вводящіе судебную реформу, проникнутые этимъ началомъ, постараются осуществить реформу со всевозможною пользою для дѣла и для мѣстнаго народонаселенія.

Очеркъ уголовнаго судоустройства и судопроизводства нынѣ дѣйствующаго въ Царствѣ Польскомъ и предполагаемая реформа этой части законодательства. *В. Микляшевскаго.* С.-Петербургъ. 1876. стр. 104.

Такъ какъ при введеніи судебной реформы необходимо было ознакомиться съ бывшимъ до реформы судоустройствомъ и судопроизводствомъ въ Царствѣ Польскомъ, то авторъ далъ въ названной книжкѣ историческій очеркъ судоустройства уголовнаго въ XIX столѣтіи, въ Царствѣ Польскомъ, въ I главѣ, а затѣмъ, во второй главѣ, очеркъ уголовнаго судоустройства по предположеніямъ юридической коммисіи въ Царствѣ Польскомъ, а также по Положенію о судебной реформѣ въ Царствѣ Польскомъ 19 февраля 1875 г., и правиламъ введенія въ дѣйствіе Высочайше утвержденныхъ 19 февраля 1875 г. законоположеній объ устройствѣ судебной части въ Варшавскомъ судебномъ округѣ 1 (13) іюня 1875 года.

Въ главѣ I, послѣ очерка судоустройства, начиная оный съ образованія Наполеономъ I Герцогства Варшавскаго, авторъ указываетъ происхожденіе 1311 гминныхъ судовъ, судно - полицейской управы въ городѣ Варшавѣ, а въ дру-

гихъ городахъ президентовъ и бургомистровъ; 80 судовъ простой полиціи, входящихъ въ составъ мировыхъ судовъ; 18 судовъ исправительной полиціи; 4 судовъ уголовныхъ (въ Варшавѣ, Плоцкѣ, Люблинѣ и Кѣльцахъ); апелляціоннаго суда въ Варшавѣ, общаго для дѣлъ уголовныхъ и гражданскихъ, и X департамента правительствующиго сената въ Варшавѣ. Разсматривая учрежденіе и объемъ власти каждаго изъ названныхъ судебныхъ установленій, авторъ сопоставляетъ статистическія данныя, по которымъ можно судить о составѣ и дѣятельности каждаго изъ этихъ установленій, а затѣмъ вывести заключеніе на счетъ работы, которую придется исполнить новымъ судебнымъ властямъ. Статистическія данныя собраны и сопоставлены тщательно и составляютъ немаловажныя указанія. По этимъ даннымъ видно, что въ 1869 г. на общее число 27982 предварительныхъ слѣдствій въ судахъ простой полиціи только 17% производились долѣе 6 мѣсяцевъ, что нельзя не признать весьма хорошимъ результатомъ, имѣя въ виду слѣдственное письменное производство, существовавшее по уставамъ прусскому 1805 и австрійскому 1803 г.

Во II главѣ авторъ, указавъ на Высочайшій указъ 19 февраля (2 марта) 1864 г. объ устройствѣ крестьянъ въ Царствѣ Польскомъ [1]) и объ устройствѣ сельскихъ гминъ [2]) какъ на источникъ преобразованій въ Царствѣ Польскомъ, обращаетъ вниманіе на открытіе въ 10 (22) день іюля 1865 г. по Высочайшему повелѣнію 2 (14) іюля 1865 г. юридической коммисіи [3]) при учредительномъ въ Царствѣ Польскомъ комитетѣ и на результаты ея дѣятельности, по направленію, опредѣленному въ Высочайше утвержденной во 2 (14) день іюля 1865 г. инструкціи юридической коммисіи въ Царствѣ Польскомъ [4]). По соображеніямъ юридической коммисіи, въ Цар-

---

[1]) Днев. зак. цар. пол. LXII стр. 4.
[2]) Днев. зак. цар. пол. LXII стр. 36.
[3]) Днев. зак. цар. пол. LXIII стр. 206.
[4]) Днев. зак. цар. пол. LXIII стр. 208.

ствѣ должны были быть учреждены слѣдующія судебныя установленія:

а) гминные суды;

б) съѣздъ гминныхъ судей;

в) городскіе суды;

г) съѣздъ городскихъ судей;

д) окружные суды;

е) судебныя палаты;

и ж) кассаціонные департаменты, общіе съ имперіею. Сопоставивъ дальнѣйшій ходъ реформы въ Царствѣ, авторъ наконецъ резюмируетъ постановленія Положенія 19-го февраля 1875 г. и правилъ 1 (13) іюня 1875 г.

O reformie sądowej w Królestwi Polskiem, napisał *Adolf Suligowski*. Kandydat prawa. Warszawa. 1876. str. 25. (О Судебной реформѣ въ Царствѣ Польскомъ *Адольфа Сулиговскаго*, кандидата правъ. Варшава. 1876. стр. 25).

Въ виду предстоящей реформы, авторъ задался двумя главными вопросами: сравненіемъ общихъ началъ вводимаго судоустройства и судопроизводства, съ дѣйствовавшими до реформы и разсмотрѣніемъ предполагаемой участи состоящихъ до реформы на службѣ чиновниковъ судебнаго вѣдомства.

Главнѣйшія замѣчанія автора, по поводу подлежащихъ введенію уставовъ, нижеслѣдующія:

Сравнивая учрежденіе мировыхъ судей въ имперіи съ предполагаемымъ для Царства мировымъ институтомъ, авторъ указываетъ на существенныя въ немъ различія, а преимущественно на то, что мировые судьи въ имперіи, по уставамъ, *выборные* и должны удовлетворять условіямъ, между которыми указанный въ п. 3 въ 19 ст. учрежд. суд. установленнный *цензъ*, составляетъ существеннѣйшую гарантію независимости и даже образованія; между тѣмъ въ Царствѣ Польскомъ—*назначаемые отъ правительства*, при чемъ условія, указанныя въ названномъ 3 пун. 19 ст. учрежд. суд. установ. отъ нихъ не требуются, такъ какъ ст. 33 Положенія о примѣненіи судебныхъ уставовъ 20 ноября 1864 г. къ Варшавскому судебному округу, Высочайше утвержденнаго 19 февраля 1875 г.

взамѣнъ ст. 19 — 35, 37 — 40 и первой половины ст. 36 опредѣляетъ: „Мировые судьи и предсѣдатели мировыхъ съѣздовъ, опредѣляются министромъ юстиціи, по соглашенію съ Варшавскимъ генералъ-губернаторомъ, изъ лицъ, удовлетворяющихъ условіямъ, указаннымъ въ пунктахъ 1 и 2 ст. 19 учр. суд. уст.“. а ст. 22 правилъ введенія въ дѣйствіе Высочайше утвержденныхъ 19 февраля 1875 года законоположеній объ устройствѣ судебной части въ Варшавскомъ судебномъ округѣ, Высочайше утвержденныхъ 1 (13) іюня 1875 года, гласитъ: „Въ должности мировыхъ судей и предсѣдателей мировыхъ съѣздовъ могутъ быть назначаемы, кромѣ лицъ, указанныхъ въ ст. 33 Положенія о примѣненіи судебныхъ уставовъ къ Варшавскому судебному округу, также и лица, занимавшія должности предсѣдателей и товарищей предсѣдателей бывшихъ коммисій по крестьянскимъ дѣламъ, коммисаровъ по этимъ же дѣламъ и непремѣнныхъ членовъ губернскихъ по крестьянскимъ дѣламъ присутствій, хотя бы поименованныя лица и неудовлетворяли условіямъ, въ указанной статьѣ постановленнымъ“. Соображая, что значительное большинство всѣхъ возникающихъ дѣлъ будетъ подлежать разсмотрѣнію мироваго института, что въ виду необширныхъ торговыхъ сношеній, дѣла гражданскія большею частью непревышаютъ стоимостью 250 р. с., что мировые судьи дѣйствуютъ единолично, а пользующіеся такою же судебною властью гминные суды состоятъ изъ *выборныхъ судей* и дѣйствуютъ коллегіально, въ составѣ по крайней мѣрѣ трехъ членовъ, что дѣла, преимущественно гражданскія, нерѣдко вызываютъ самые трудные и запутанные юридическіе вопросы для разрѣшенія,—авторъ полагаетъ, что при отмѣнѣ для Царства Польскаго выборнаго начала при назначеніи мировыхъ судей, слѣдовало-бы отъ нихъ требовать по крайней мѣрѣ высшаго юридическаго образованія, судебной практики, и безусловно требовать знанія мѣстнаго языка.

Далѣе авторъ указываетъ, что система судебныхъ приставовъ, какъ она опредѣлена въ уставахъ, хуже той, которая существовала, въ силу которой, приставъ (Komornik), полу-

чивъ рѣшеніе вмѣстѣ съ исполнительнымъ листомъ, несоставляющимъ отдѣльнаго процесуальнаго акта, но прибавляемымъ eo ipso къ каждому судебному или нотаріальному акту, подлежащему исполненію отъ стороны и по ея приглашенію, а также за вознагражденіе, но также отъ стороны получаемое, исполнялъ это рѣшеніе или актъ, сообразуясь съ дѣйствующими законами, подъ надзоромъ предсѣдателя гражданскаго трибунала.

Затѣмъ авторъ обращаетъ вниманіе на примѣненіе 809 ст. уст. гражд. суд. и указывая на существенныя различія, существующія между гражданскими законами Царства Польскаго и законами имперіи, высказываетъ мнѣніе, что послѣ отмѣны гражданскаго рѣшенія кассаціоннымъ департаментомъ правительствующаго сената, дѣло можетъ подлежать перерѣшенію только другаго департамента или другаго состава присутствія той же Варшавской судебной палаты.

Далѣе авторъ указываетъ: на не введеніе въ Царствѣ Польскомъ присяжныхъ засѣдателей, высказывая мнѣніе, что не было никакихъ раціональныхъ мотивовъ для пріостановленія введенія этого института; на рѣзкій переходъ въ системѣ доказательствъ въ гражданскомъ судопроизводствѣ, отъ чего могутъ пострадать экономическія отношенія края; на слишкомъ общія выраженія, употребляемыя въ Положеніи о примѣненіи судебныхъ уставовъ 20 ноября 1864 г. къ Варшавскому судебному округу, напр. ст. 243 „Упоминаемыя въ судебныхъ уставахъ правительственныя, общественныя или иныя учрежденія, должностныя лица, а также общества или классы лицъ, не существующія въ губерніяхъ Варшавскаго судебнаго округа, засоотвѣтствующими въ сихъ губерніяхъ установленіями и лицами.“ или ст. 245... „Во всѣхъ случаяхъ, когда въ судебныхъ уставахъ говорится объ уставахъ, учрежденіяхъ, наказахъ и другихъ законоположеніяхъ, недѣйствующихъ въ губерніяхъ Варшавскаго судебнаго округа или дѣлаются на нихъ ссылки, принимаются въ руководство дѣйствующія въ означенныхъ губерніяхъ по симъ предметамъ узаконенія.“ Само собою разумѣется, что при такой редакціи закона, за-

дача суда значительно усложняется, такъ какъ ему приходится не только отыскать подлежащій законъ, не только надлежащее понять и истолковать оный, но нужно и установить самый текстъ закона.

Въ заключеніи первой части, авторъ высказываетъ мнѣніе, что введеніе судопроизводства на государственномъ языкѣ, понятномъ для меньшинства народонаселенія, рождаетъ самыя серьозныя опасенія правильнаго отправленія правосудія, преимущественно въ мировыхъ установленіяхъ.

Во второй части, при отвѣтѣ на послѣдній изъ приведенныхъ выше вопросовъ, авторъ указываетъ, что въ числѣ чиновниковъ, состоящихъ на штатныхъ должностяхъ по судебному вѣдомству, находится 357 человѣкъ, окончившихъ курсъ юридическихъ наукъ въ университетахъ, Варшавской главной школѣ или въ юридическихъ курсахъ: 228 человѣкъ, выдержавшихъ судебные экзамены, и кромѣ того 150 человѣкъ съ университетскимъ образованіемъ, состоятъ кандидатами на судебныя должности (aplikant sądowy). Всѣхъ штатныхъ должностей въ царствѣ, по штату Варшавскаго судебнаго округа, за исключеніемъ судебныхъ приставовъ и судебныхъ разсыльныхъ, полагается 611, а именно 376 штатныхъ мѣстъ въ общихъ судебныхъ установленіяхъ, т. е. 36 предсѣдателей и товарищей предсѣдателей, 79 членовъ, 57 прокуроровъ и ихъ товарищей, 103 судебныхъ слѣдователей и 107 секретарей и ихъ помощниковъ (авторъ предполагалъ, что не болѣе 300 прежнихъ судебныхъ чиновниковъ будетъ назначено въ новыя общія судебныя установленія) и 235 штатныхъ мѣстъ въ мировыхъ установленіяхъ, а именно: 20 предсѣдателей съѣздовъ, 100 мировыхъ судей, 10 добавочныхъ мировыхъ судей, 105 секретарей ипотечныхъ отдѣленій, при мировыхъ судьяхъ.

Wybory do sądów gminnych, przez *Zygmunta Mirosławskiego*. Warszawa 1876 str. 27. (Выборъ въ гминные суды *Сигизмунда Мирославскаго*. Варшава 1876 стр. 27.)

Послѣ общихъ замѣчаній о значеніи судебной реформы для царства польскаго, авторъ обращаетъ особенное вниманіе

на учреждаемые гминные суды и признавая имъ первостепенную важность въ общественномъ устройствѣ, занимается спеціально вопросомъ о первоначальныхъ выборахъ судебнаго персонала въ эти установленія. Для подлежащаго уразумѣнія значенія гминныхъ судовъ въ общемъ дѣлѣ отравленія правосудія, авторъ сопоставляетъ, прежде всего, предметы вѣдомства гминнаго суда въ области гражданскаго и уголовнаго судопроизводства и указавъ, что гминные суды, по уставамъ, должны разбирать и рѣшать дѣла по закону, ставитъ слѣдующія условія, которыхъ, по его мнѣнію, слѣдуетъ требовать отъ кандидатовъ: совершеннѣйшей честности, способности оцѣнить всю важность принимаемыхъ на себя обязанностей, неутомимости въ исполненіи этихъ обязанностей, высшаго образованія, если нельзя найти кандидата съ юридическимъ образованіемъ, независимости въ матеріальномъ отношеніи. Затѣмъ авторъ разсматриваетъ подробно условія, требуемыя закономъ отъ кандидатовъ въ гминные судьи и лавники, и замѣчаетъ, что законодатель выставилъ только минимумъ требованій, предоставляя самимъ избирателямъ указать тѣхъ лицъ, которыя пользуются ихъ довѣріемъ и по ихъ мнѣнію способны исполнять трудныя и важныя обязанности судей. По мнѣнію автора, въ составъ гминныхъ судей должны войти прежде всего помѣщики, какъ самые способные изъ всѣхъ жителей гмины къ исправленію должности судьи, а затѣмъ оставшіеся за штатомъ чиновники судебнаго вѣдомства, по поводу юридическаго ихъ образованія; должность писаря гминнаго суда авторъ совѣтуетъ соединять съ должностью члена суда (примѣч. подъ ст. 23 Положенія о примѣненіи судебныхъ уставовъ 20 ноября 1864 года къ Варшавскому судебному округу) или же назначать на оную образованныхъ юристовъ, что необходимо преимущественно тамъ, гдѣ гминный судья не будетъ надлежаще юридически образованнымъ. Далѣе авторъ указываетъ на участіе общества въ дѣлѣ замѣщенія должностей въ гминныхъ судахъ и высказываетъ положеніе, что каждый житель гмины, преимущественно понимающій значеніе вновь вводимыхъ гминныхъ судовъ, долженъ

знать, кто помѣщенъ въ списокъ кандидатовъ, подлежащихъ выбору и посредствомъ своевременныхъ жалобъ и заявленій на неправильное внесеніе въ списки или же на сдѣланные въ нихъ пропуски, долженъ стремиться къ тому, чтобы всѣ, имѣющіе по закону право быть избранными, были помѣщены въ спискахъ, а равно, чтобъ въ списки не попадали неудовлетворяющіе законнымъ требованіямъ. Что касается самаго производства выборовъ, то авторъ сѣтуетъ на громадное вліяніе администраціи и указываетъ на необходимость освобожденія выборовъ отъ всепоглащающей ея опеки. Наконецъ, авторъ задается вопросомъ, по какому началу нужно распредѣлять налогъ на содержаніе гминныхъ судовъ, и несмотря на то, что онъ вполнѣ сознаетъ несправедливость и неравномѣрность распредѣленія налога по количеству морговъ земли, находящейся во владѣніи каждаго изъ жителей гмины и доказываетъ необходимость примѣненія другаго начала, все таки, по теперешнему состоянію законодательства, не находитъ другаго исхода, какъ только распредѣлить налогъ по количеству морговъ, съ тѣмъ только, чтобы обращено было вниманіе на пустыя и неплодоносныя пространства.

Кромѣ названнаго, мы относимъ къ той же группѣ еще два слѣдующія изданія, имѣющія въ виду ознакомить обширную публику съ вновь вводимыми узаконеніями, а именно:

Prawo i sądy. Wskazówki praktyczne dla nieprawników. Wydawnictwo *A. Paleckiego* i *S Kowalskiego*. Warszawa. 1877. 1878. (Законъ и судъ. Практическія указанія для не юристовъ. Изданіе *А. Палецкаго и С. Ковальскаго.* Варшава. 1877—1878).

Исходя изъ того неподлежащаго сомнѣнію положенія, что юридическія свѣдѣнія, въ извѣстномъ объемѣ, необходимы для каждаго сколько нибудь образованнаго гражданина, что вслѣдствіи юридическаго предположенія,—никто не можетъ оправдываться незнаніемъ закона, изученіе основныхъ положеній законовъ дѣйствующихъ сдѣлалось обязательнымъ для каждаго живущаго въ государствѣ, издатели предприняли изложить всѣ основныя положенія гражданскаго права и судопроизводства, уголовнаго права и судопроизводства, а также

административныхъ постановленій, въ формѣ, доступной для обширной публики. Изданіе это началось съ гражданскаго судопроизводства выпусками, въ одинъ листъ печати, кототорому предпосланъ выпускъ, озаглавленный: какіе законы дѣйствуютъ и какіе существуютъ суды въ царствѣ Польскомъ, по введеніи судебной реформы въ 1 (13) день іюля 1876 г.

Не подлежитъ сомнѣнію, что изданія, имѣющія въ виду ознакомить обширную публику съ дѣйствующими законами, весьма полезны, а при реформѣ даже необходимы, но для того, чтобы они принесли надлежащую долю пользы, необходимо, чтобы они были заготовляемы знающими дѣло спеціалистами и не только теоретически, но и практически образованными. Только при такихъ условіяхъ издатель можетъ знать, на что преимущественно обратить вниманіе читателей, какимъ образомъ объяснить имъ юридическія понятія и отдѣльныя узаконенія такъ, чтобы они сдѣлались понятны для не юристовъ и вообще людей менѣе образованныхъ, а самое важное, можетъ избѣгнуть ошибокъ, недомолокъ и пр.,

Издатели первой части „Prawa i Sądy," надо полагать, не обладали въ надлежащей мѣрѣ этими необходимыми условіями и потому изложеніе ими устава гражданскаго судопроизводства нельзя признать удовлетворительнымъ. Собственно говоря, изданіе это содержитъ только перифразу устава, но и то неполную, съ многими ошибками и недомолками, которыя легко могутъ ввести читателей въ заблужденіе. Весьма было бы желательно, чтобы дальнѣйшія части этого изданія, если онѣ должны явиться въ свѣтъ, были бы разработаны правильнѣе и основательнѣе.

Ustawy sądowe, obowiązujące w królestwie Polskiem. (Судебные уставы, дѣйствующія въ царствѣ Польскомъ) состоятъ изъ ряда самостоятельныхъ выпусковъ, а именно:

Sądy gminne, pokoju i zjazdy. Warszawa. 1875. str. 50. (Гминные суды, мировые судьи и мировые съѣзды. Варшава 1875. стр. 50).

Przepisy ogólne postępowania sądowego, kryminalnego i cywilnego.

Warszawa. 1875. str. 45. (Общія положенія гражданскаго и уголовнаго судопроизводства. Варша́ва. 1875 стр. 45).

O zakresie władzy sądów gminnych i sędziòw pokoju. Warszawa. 1875 str. 45. (Объ объемѣ власти гминныхъ судовъ и мировыхъ судей. Варшава. 1875 стр. 45).

O dowodach w postępowaniu cywilnem prszed sądami gminnemi, sędziami pokojù i sądami zjazdowemi. Warszawa. 1875 str. 60. (О доказательствахъ въ гражданскомъ судопроизводствѣ передъ гминными судами, мировыми судьями и мировыми съѣздами. Варшава 1875 стр. 60).

O odwoływaniu się od wyroków sądów gminnych i sędziòw pokoju. Warszawa. 1875, str. 49 (Объ отзывахъ на приговоры и рѣшенія гминныхъ судовъ и 'мировыхъ судей. Варшава. 1875 г. стр. 49).

O kassacyi i uchyleniu wyroków ostatecznych sądów gminnych, sędziów pokoju i sądòw zjazdowych, Warszawa. 1876. str. 36 (О кассаціи и отмѣнѣ окончательныхъ приговоровъ и рѣшеній гминныхъ судовъ, мировыхъ судей и мировыхъ съѣздовъ. Варшава. 1875 стр. 35).

Ustawa postępowania sądowego cywilnego. O stawieniu się stron i drodze postępowania przed sądem gminnym, sędzią pokoju i zjazdowym sądem pokoju. Warszawa. 1876. str. 69 (Уставъ гражданскаго судопроизводства. О явкѣ сторонъ и способѣ производства дѣлъ въ гминномъ судѣ, у мироваго судьи и въ мировомъ съѣздѣ. Варшава. 1876. стр. 69).

O postępowaniu sądowem w sprawach kryminalnych, przed sądami gminnemi, sędiami pokoju i zjazdowemi sądami pokoju. Warszawa. 1875 str. 50. (О производствѣ дѣлъ уголовныхъ въ гминныхъ судахъ, у мировыхъ судей и въ мировыхъ съѣздахъ. Варшава. 1875. стр. 50).

Wydanie i ogłoszenie wyrokòw kryminalnych sądów gminnych i sędziów pokoju. Warszawa. 1875. str. 48 (Произнесеніе и объявленіе уголовныхъ приговоровъ въ гминныхъ судахъ и у мировыхъ судей. Варшава. 1875. стр. 48).

O wykonaniu wyrokòw sądów gminnych, sędziò pokoju i zjazdowych sądów pokoju. Warszawa. 1875. str. 70 (О исполненіи приговоровъ

и рѣшеній гминныхъ судовъ, мировыхъ судей и мировыхъ съѣздовъ. Варшава. 1866 стр. 60).

Organizacya sądów gminnych sędziów pokoju i sądów zjazdowych. Warszawa. 1876. str. 53. (Организація гминныхъ судовъ, мировыхъ судей и мировыхъ съѣздовъ. Варшава. 1866. стр. 53).

Organizacya władz sądowych. O pełnomocnikach przysięgłych i osobach, posiadających upoważnienie do stawania przed sądami, komornikach i woźnych sądowych. Warszawa. 1875. str. 66. (Учрежденіе судебныхъ установленій. О присяжныхъ повѣренныхъ и лицахъ, имѣющихъ разрѣшеніе защищать передъ судами, судебныхъ приставахъ и судебныхъ разсыльныхъ. Варшава. 1875. стр. 66).

Przepisy ogólne ustawy o karach, wymierzanych przez sędziów pokoju (i sądy gminne). Warszawa. 1876 str. 231. (Общія положенія устава о наказаніяхъ, налагаемыхъ мировыми судьями (и гминными судами). Варшава. 1876. стр. 231).

O obrazie honoru, zagrożeniach i gwałcie podług przepisów ustawy o karach, wymierzanych prez sędziow pokoju (i sądy gminne). Warszawa. 1876. str. 154. (Объ оскорбленіяхъ чести, угрозахъ и насиліяхъ по уставу о наказаніяхъ, налагаемыхъ мировыми судьями (и гминными судами). Варшава. 1876. стр. 154).

O wykroczeniach przeciw cudzej własności, podług przepisów ustawy o karach, wymierzanych przez sędziów pokoju (i sądy gminne). Warszawa. 1876. str. 483. i XIV. (О проступкахъ противъ чужой собственности по уставу о наказаніяхъ, налагаемыхъ мировыми судьями (и гминными судами). Варшава. 1875. стр. 483 і XIV).

Изъ приведеннаго выше содержанія этого изданія видно, что въ немъ разсмотрѣны почти всѣ главнѣйшіе вопросы, касающіеся мироваго института въ Царствѣ Польскомъ. Матеріалами для изложенія служили текстъ законовъ и кассаціонныя рѣшенія. Авторъ изданія, видно хорошій практическій юристъ, сопоставилъ главнѣйшія положенія законовъ, объяснилъ оныя кассаціонными рѣшеніями и своими собственными юридическими замѣчаніями, и такимъ образомъ далъ читателямъ общее понятіе о судоустройствѣ и судопроизводствѣ мировыхъ установленій, а также о уставѣ о наказаніяхъ, налагаемыхъ мировыми судьями и гминными судами. Прочитавшій внимательно всѣ исчисленныя книжки не сдѣ-

лается, правда, юристомъ, а даже не ознакомится надлежаще съ мировымъ институтомъ, но, во всякомъ случаѣ, составитъ себѣ объ немъ общее и довольно вѣрное понятіе. Главный недостатокъ изданія, по нашему взгляду, состоитъ въ отсутствіи общихъ основаній, на которыхъ зиждется институтъ и его дѣятельность, но авторъ избѣгнулъ грубыхъ ошибокъ, и не вводитъ читателя въ заблужденіи. Для не юристовъ это изданіе нельзя не признать полезнымъ.

Такъ какъ судебная реформа въ Царствѣ Польскомъ была введена на основаніи Положенія о примѣненіи судебныхъ уставовъ 20 ноября 1864 г. къ Варшавскому судебному округу, Высочайше утвержденнаго 19 февраля 1875 г., а не на основаніи полныхъ и цѣльныхъ кодексовъ; такъ какъ и въ названномъ Положеніи и въ позднѣйшихъ узаконеніяхъ помѣщены статьи вполнѣ общія, оставляющія очень обширный просторъ для толкованія, и прежде всего заставляющія установить настоящій текстъ дѣйствующаго закона, напр. приведенныя выше статьи 243, 245 Положенія, или напр. 110 ст. Положенія, слѣдующаго содержанія: „нарушенія общественнаго благоустройства и благочинія, а также уставовъ казеннаго управленія, которыя, на основаніи дѣйствующихъ въ губерніяхъ Варшавскаго судебнаго округа узаконеній, непредоставлены непосредственному разбирательству административныхъ или казенныхъ управленій, преслѣдуются по общимъ правиламъ уголовнаго судопроизводства съ изъятіями, въ статьяхъ 1125—1235 устава уголовнаго судопроизводства указанными;“ и др.; такъ какъ реформа основана была на совершенно другихъ научныхъ началахъ, чѣмъ тѣ, на которыхъ опиралось дѣйствовавшее прежде законодательство и въ уголовномъ и въ гражданскомъ судопроизводствѣ; такъ какъ по 33 ст. Положенія 19 февраля 1875 г. и 22 ст. правилъ введенія въ дѣйствіе, Высочайше утвержденныхъ 19 февраля 1875 года законоположеній объ устройствѣ судебной части въ Варшавскомъ судебномъ округѣ, Высочайше утвержденныхъ въ 1 (13) день іюня 1875 г., въ мировые судьи и въ предсѣдатели мировыхъ съѣздовъ могли быть *назначаемы отъ*

правительства и лица безъ юридическаго образованія и судебной практики, которыя однако должны судить по закону, а не по естественному разумѣнію и по совѣсти; такъ какъ, наконецъ, законодатель, на основаніи 3 и слѣд. статей Положенія 19 февраля 1875 г. и 11 и слѣд. ст. названныхъ выше правилъ 1 (13) іюня 1865 г., создалъ гминные суды, въ составъ которыхъ въ характерѣ гминныхъ судей могли быть избираемы тѣ изъ жителей гминъ,..... „которые получили образованіе въ учебныхъ заведеніяхъ, не исключая и начальныхъ училищъ, или выдержали соотвѣтствующее сему испытаніе, или же прослужили не менѣе *трехъ* лѣтъ въ такихъ должностяхъ, при исправленіи которыхъ могли пріобрѣсти практическія свѣдѣнія въ производствѣ судебныхъ дѣлъ", (къ числу такихъ должностей *примѣчаніе* относитъ также должности предсѣдателя и членовъ гминныхъ судовъ прежняго устройства, если лица, занимавшія эти должности, грамотны)—а въ характерѣ лавниковъ и кандидатовъ—такихъ жителей гминъ, которые... грамотны, и все таки возложилъ на избранныхъ обязанность судить по закону,—то естественно, литературная дѣятельность, въ отношеніи разработки вновь вводимыхъ узаконеній, должна была выразиться въ указанныхъ направленіяхъ, и преимущественно въ содѣйствіи и стремленіи облегчить трудную задачу, возложенную на нисшія судебныя установленія. Вслѣдствіе того явились слѣдующія главнѣйшія сочиненія:

Руководство для чиновъ городской и гминной полиціи, а также земской стражи въ Царствѣ Польскомъ по судебнымъ уставамъ 20 ноября 1864 г. и дополнительнымъ къ нимъ узаконеніямъ, составилъ и издалъ *П. Цугаловскій*, штабъ-офицеръ для особыхъ порученій при Варшавскомъ губернаторѣ. Варшава 1866 г. стр. XII. 240. 41.

Авторъ предпринялъ въ сжатой формѣ и, по возможности, словами закона, сгрупировать всѣ узаконенія, имѣющія, прямое и непосредственное соотношеніе съ обязанностями полиціи по дѣламъ, подвѣдомственнымъ новымъ судебнымъ установленіямъ. Для возможно полнаго достиженія этой за-

дачи, авторъ разработалъ не только судебные уставы 20 ноября 1864 г. и Высочайше утвержденное 19 февраля 1875 г. Положеніе о примѣненіи этихъ уставовъ къ Варшавскому судебному округу, но и тѣ данныя, которыя заключаются въ рѣшеніяхъ уголовнаго кассаціоннаго департамента правительствующаго сената, въ циркулярахъ министра внутреннихъ дѣлъ, а также въ частныхъ руководствахъ.

Книга эта содержитъ: организацію полиціи въ Царствѣ Польскомъ, обязанности полиціи въ мировыхъ судебныхъ установленіяхъ, обязанности полиціи въ общихъ судебныхъ установленіяхъ, обязанности полиціи при изслѣдованіи и дознаніи по уголовнымъ дѣламъ, изъятымъ изъ общаго порядка судопроизводства; обязанности полиціи по уставу военно-уголовному, узаконенія и постановленія по дѣламъ печати; о порядкѣ обжалованія дѣйствій чиновъ полиціи и объ отвѣтственности послѣдней; исполненіе городской и гминной полиціею обязанностей судебныхъ приставовъ и разсыльныхъ по уставу гражданскаго судопроизводства. Кромѣ того, въ приложеніяхъ помѣщены: Высочайше утвержденное 19 мая 1871 года мнѣніе государственнаго совѣта о порядкѣ дѣйствій чиновъ корпуса жандармовъ по изслѣдованію преступленій, правила о порядкѣ дѣйствій чиновъ корпуса жандармовъ по изслѣдованію преступленій; новая редакція раздѣла втораго, книги третьей, устава уголовнаго судопроизводства ст. 1030—1061 о судопроизводствѣ по государственнымъ преступленіямъ; новая редакція ст. 250 и 318 уложенія о наказаніяхъ за составленіе противозаконныхъ сообществъ и участіе въ оныхъ; дѣла, предоставленныя непосредственному вѣдѣнію казеннаго управленія; дѣла, предоставленныя непосредственному разбирательству управленій по общественному благоустройству и благочинію; наконецъ, образцы актовъ, протоколовъ и тому подобныхъ документовъ, а также формы сношеній.

Въ 678 статьяхъ, авторъ сопоставилъ обязанности полиціи, указывая подъ каждою изъ нихъ тѣ законы, на которыхъ онѣ основаны, подъ многими же изъ нихъ помѣстилъ

объясненія, почерпнутыя изъ Чебышева-Дмитріева, Квачевскаго, Трахтенберга и пр. и свои собственныя, и вообще въ систематическомъ порядкѣ далъ, на первыхъ же порахъ, книгу, которая не осталась безъ пользы для тѣхъ чиновъ полиціи, которые захотѣли ею руководствоваться.

Podręcznik dla sądów gminnych Królestwa Polskiego. ułożony przez *W. Miklaszewskiego, A. Okolskiego i S. Budzińskiego*, Wydanie *W. Miklaszewskiego*. Warszawa. 1876 i 1877 r. mów 3, str. 541+805+1535+XXII. (Руководство для гминныхъ судовъ Царства Польскаго, составленное: *В. Микляшевскимъ, А. Окольскимъ и С. Будзинскимъ.* Изданіе *В. Микляшевскаго.* Варшава. 1876 и 1877 стр. 541+805+1535+XXII).

Издатель, при содѣйствіи названныхъ сотрудниковъ, предпринялъ свести въ одно цѣлое тѣ постановленія судебныхъ уставовъ 20 ноября 1864 г. и другихъ узаконеній, получившихъ обязательную силу въ Царствѣ Польскомъ, которыми должны руководствоваться гминные суды, и соображая, что новый законъ возлагаетъ обязанности судей и лавниковъ на гражданъ, избранныхъ своими согражданами въ гминѣ, нетребуя отъ избираемыхъ юридическаго, и даже высшаго образованія, рѣшился дать по возможности подробный экзегетическій комментарій, который облегчилъ бы надлежащее уразумѣніе духа и истиннаго смысла новаго закона, а также содержалъ бы по возможности точныя указанія для судебной практики. Задача эта, по трудности установить текстъ дѣйствующихъ законовъ и по краткости времени, оказалась весьма нелегкою. Слѣдовало издать Руководство до 1 (13) іюля 1876, г. т. е. исполнить задачу въ продолженіи десяти мѣсяцевъ. Дабы облегчить желающимъ ознакомиться съ предлежащими обязанностями гминныхъ судей, „Руководство" было издаваемо выпусками въ 5 печатныхъ листовъ большаго формата, 8° maj. и было окончено къ назначенному сроку, т. е. къ 1 (13) іюля 1876 г.—Установить текстъ дѣйствующаго закона, какъ мы сказали, было нелегко. Ради примѣра возьмемъ 74 ст. положенія о примѣненіи судебныхъ уставовъ 20 ноября 1864 г. къ Варшавскому судебному

округу 19 февраля 1875 г., которая, *въ отмѣну* 33 ст. уст. угол. суд., опредѣляетъ: „Вѣдомству мировыхъ судей и гминныхъ судовъ подлежатъ проступки, за которые, по уставу о наказаніяхъ, палагаемыхъ мировыми судьями, опредѣляются:

1) выговоры, замѣчанія и внушенія;

2) денежныя взысканія не свыше *трехъсотъ* рублей;

3) арестъ не свыше *трехъ мѣсяцевъ;*

4) заключеніе въ тюрьмѣ не свыше *одного года*.

Сравнивая текстъ этой статьи съ текстомъ отмѣненной ею 33 ст. уст. угол. суд. оказывается, что въ новой редакціи прибавлены только слова „и гминныхъ судовъ", а также пропущено *примѣчаніе*, которое гласитъ: „Впредь до пересмотра уставовъ казенныхъ управленій, а также уставовъ о повинностяхъ и о торговлѣ, мировые судьи, при опредѣленіи взысканій за нарушеніе сихъ уставовъ, руководствуются уложеніемъ о наказаніяхъ, не выходя изъ указанныхъ въ сей статьѣ предѣловъ предоставленной имъ власти". Вслѣдствіе того возникъ вопросъ, практически весьма серьезный,—осталось-ли въ дѣйствіи въ Варшавскомъ судебномъ округѣ вышеприведенное примѣчаніе, или же оно отмѣнено? По началамъ толкованія римскаго права и вообще принятымъ въ западной Европѣ, такой вопросъ не могъ бы никогда даже возникнуть, потому что въ кодификаціи „примѣчанія" не употребимы и въ дѣйствительности не существуютъ [1]). Принимая во вниманіе, что въ положеніи 19 февраля 1875 г. помѣщены только такія статьи, которыя существенно видоизмѣняютъ текстъ закона; что ст. 77 названнаго положенія гласитъ: „къ порядку производства дѣлъ въ гминныхъ судахъ примѣняются правила, заключающіяся въ книгѣ первой устава уголовнаго судопроизводства (ст. 35—199), съ измѣненіями, въ нижеслѣдующихъ статьяхъ изложенными", а ст. 119 положенія: „къ порядку производства дѣлъ въ гминныхъ судахъ примѣняются правила, заключающіяся въ книгѣ первой устава

---

[1]) Въ Code Napoleon на 2281 статей нѣтъ ни одного примѣчанія.

гражданскаго судопроизводства, съ измѣненіями, изложенными въ нижеслѣдующихъ статьяхъ“—вслѣдствіе чего въ положеніи нѣтъ статей, которыя отмѣняли-бы статьи уставовъ для той единственно цѣли, чтобы въ нихъ обозначить, что статья относится и къ гминнымъ судамъ; что въ вышеприведенномъ примѣчаніи упомянуты тоже мировые судьи, а потому, если оно оставалось въ своей силѣ, слѣдовало привести оное подъ 74 ст. положенія по той же самой причинѣ, по которой поставлена была ст. 74 положенія и прибавить послѣ словъ „мировые судьи“ слова „и гминные судьи“; что вслѣдствіе того единственный разумный поводъ помѣщенія 74 ст. въ положеніи 19 февраля 1875 г., поставленной въ *отмѣну* 33 ст. устава уголов. судопр., могъ состоять въ томъ, что статья эта устраняла вышеприведенное примѣчаніе, которое поэтому теряло силу въ Варшавскомъ судебномъ округѣ; что примѣчаніе къ статьѣ не имѣетъ самостоятельнаго значенія въ системѣ и связано непосредственно со статьею или статьями, подъ которыми оно значится (ибо въ противномъ случаѣ, т. е. еслибы оно должно имѣть самостоятельное значеніе, то не было бы примѣчаніемъ, а составило-бы отдѣльную статью или часть статьи) и потому, если статья 74 положенія 19 февраля 1875 г. поставлена въ *отмѣну* 33 ст. устава уголовнаго судопроизводства, то замѣняетъ ее вполнѣ, т. е. вмѣстѣ съ примѣчаніемъ; что предоставленіе гминнымъ судамъ права разбирать дѣла, указанныя въ примѣчаніи къ 33 ст. уст. угол. суд., могло показаться законодателю не вполнѣ умѣстнымъ, какъ по причинѣ свойства этихъ дѣлъ и необходимости предполагать извѣстныя специальныя свѣдѣнія у разбирающихъ оныя, такъ и по причинѣ обилія законоположеній, содержащихъ нормы, по которымъ онѣ должны быть разрѣшаемы, изученіе которыхъ составляло-бы немаловажное затрудненіе для гминныхъ судовъ, въ составъ которыхъ законодатель допускаетъ лицъ только грамотныхъ; что наконецъ оставленіе примѣчанія подъ ст. 1 устава о наказаніяхъ, налагаемыхъ маровыми судьями, буквально такого же содержанія, какъ въ приведенномъ выше примѣчаніи подъ 33 ст. уст. уг. суд., безъ

измѣненія и для Царства Польскаго, объясняется тѣмъ, что въ положеніи о примѣненіи судебныхъ уставовъ 20 ноября 1864 года къ Варшавскому судебному округу 19 февраля 1875 г. объ уставѣ о наказаніяхъ рѣчи нѣтъ, кромѣ одного опредѣленія, общаго для всѣхъ уставовъ, выраженнаго въ 1 ст. названнаго положенія, что вслѣдствіе того негдѣ было помѣстить статьи, отмѣняющей это примѣчаніе; далѣе, вообще весьма поспѣшною и неполною редакціею всего положенія, и наконецъ тѣмъ соображеніемъ, что если примѣчаніе это одинъ разъ подъ 33 ст. уст. уг. суд. отмѣнено, то оно уже отмѣнено въ судебныхъ уставахъ, т. е., что не было надобности отмѣнять законъ уже для Царства несуществующій; - соображая все вышесказанное, слѣдуетъ придти къ убѣжденію, что примѣчаніе подъ 33 ст. уст. уг. суд. отмѣнено, и что вслѣдствіе того дѣла, указанныя въ этомъ примѣчаніи, въ Царствѣ Польскомъ подсудны общимъ судебнымъ установленіямъ. Это ограниченіе объема власти гминныхъ судовъ оправдывается тѣми же соображеніями, которыя руководили законодателемъ при составленіи 76 ст. названнаго положенія 19 февраля 1875 г. Кажется, что вышеприведенное мнѣніе мотивировано подлежаще и что оно исключаетъ противуположное. Между тѣмъ практикою принято, что примѣчаніе подъ 33 ст. уст. уг. суд. не отмѣнено и дѣйствуетъ въ Царствѣ Польскомъ въ полной силѣ, такъ какъ съ отмѣною его общія судебныя установленія, и такъ излишне, по названной 76 ст. положенія 19 февраля 1875 г., обремененныя работою, были бы внѣ возможности справиться съ множествомъ маловажныхъ дѣлъ, указанныхъ въ этомъ примѣчаніи, тѣмъ болѣе, что въ имперіи дѣла эти разбираются мировыми судьями.

Такихъ вопросовъ, отчасти разрѣшенныхъ узаконеніями, изданными послѣ 30 іюня (12 іюля) 1876 г., явилось множество, и потому необходима была самая строгая критика каждой отдѣльной статьи, чтобы добиться надлежащаго разрѣшенія спорныхъ вопросовъ.

Въ составъ „Руководства для гминныхъ судовъ Царства Польскаго“ вошли:

Томъ I. Извлеченія изъ правилъ введенія въ дѣйствіе Высочайше утвержденныхъ 19 февраля 1875 г. законоположеній объ устройствѣ судебной части въ Варшавскомъ судебномъ округѣ, 1 (13) іюля 1875 г. съ объясненіями *В. Микляшевскаго.*

Извлеченія изъ учрежденій судебныхъ установленій, съ объясненіями *В. Микляшевскаго* и

Извлеченія изъ устава гражданскаго судопроизводства, съ объясненіями *А. Окольскаго.*

Томъ II. Извлеченія изъ устава уголовнаго судопроизводства, съ объясненіями *В. Микляшевскаго* и

Уставъ о наказаніяхъ, налагаемыхъ мировыми судьями, съ объясненіями С. *Будзинскаго.*

Затѣмъ, узаконенія, изданныя въ поясненіе и дополненіе къ судебнымъ уставамъ 20 ноября 1864 г., образцы формъ дѣлопроизводства, указатель срокамъ, указатель статей законовъ, помѣщенныхъ въ руководствѣ и оглавленіе.

Томъ III, изданный какъ и два первые на двухъ языкахъ: русскомъ и польскомъ, а также отдѣльно на русскомъ п. з. „Гражданскіе законы Царства Польскаго, съ объясненіями всѣхъ статей, имѣющихъ примѣненіе въ гминныхъ судахъ *А. Окольскаго.* Томъ III. Руководство для гминныхъ судовъ Царства Польскаго, составленное *В. Микляшевскимъ, А. Окольскимъ* и *С. Будзинскимъ.* Варшава. 1877. стр. 767 и XXI; изданіе *В. Микляшевскаго* и отдѣльно на польскомъ языкѣ п. з. „Prawo cywilne w Królestwie Polskiem obowiązujące, z objaśnieniami *A. Okolskiego.* Wydanie *W. Miklaszewskiego.* Warszawa. 1877. str. 756 и XXI содержитъ: Гражданскій кодексъ Царства Польскаго 1825 г. Гражданскій кодексъ книги II и III. Законъ о брачномъ союзѣ 16 (28) марта 1836 г. Извлеченіе изъ Высочайше въ 24 день мая 1860 г. утвержденнаго устава о сельскихъ гминныхъ судахъ. Извлеченіе изъ постановленія намѣстника 31 января 1817 г. Соображая связь, въ которой состоятъ всѣ статьи гражданскаго кодекса, признано было необходимымъ не исключать изъ изданія и тѣхъ статей, которыя не находятъ примѣненія въ гминныхъ судахъ, но для облег-

ченія пользованія этимъ изданіемъ такіе статьи напечатаны мелкимъ шрифтомъ (petit); подъ всѣми же статьями, требующими объясненій, помѣщены подробныя практическія замѣчанія, которыя составили весьма полезный, краткій, экзегетическій комментарій для дѣйствующаго въ Царствѣ Польскомъ гражданскаго права. Въ виду предстоящей реформы гражданскаго права въ имперіи, а также въ виду того, что въ Царствѣ дѣйствуетъ одинъ изъ лучшихъ гражданскихъ кодексовъ, именно Code Napoleon, изданіе на русскомъ языкѣ небезполезно для русскихъ юристовъ, и несостоящихъ на службѣ въ Царствѣ Польскомъ.

О достоинствахъ руководства для гминныхъ судовъ мнѣ говорить трудно, могу только засвидѣтельствовать фактъ, что оно находится почти во всѣхъ гминныхъ судахъ Царства Польскаго, а отчасти и у мировыхъ судей, и составляетъ для нихъ настольную книгу.

Сборникъ постановленій, относящихся до мировыхъ судей и ихъ съѣздовъ по судебнымъ уставамъ 20 ноября 1864 г. съ разъясненіями кассаціонныхъ департаментовъ сената и мнѣніями русскихъ юристовъ, составилъ *А. М. Свѣчинъ.* Варшава. 1876. стр. 452.

Авторъ сборника, выпуская оный, былъ „въ твердомъ убѣжденіи, что кто серьезно всмотрится въ богатство собраннаго въ немъ матеріала, тотъ долженъ будетъ сознаться, что сборникъ этотъ не только полезная настольная книга для облекаемыхъ властью мироваго судьи, но необходимъ и для тѣхъ даже, кто имѣя въ мировыхъ учрежденіяхъ дѣла, захочетъ вести ихъ не кое какъ, не на авось,—а идти вѣрнымъ, прямымъ и потому кратчайшимъ путемъ къ цѣли.“

Сборникъ раздѣленъ на три книги а именно:

1) Учрежденіе мировыхъ установленій, въ отдѣлѣ первомъ котораго говорится о мировыхъ судьяхъ и съѣздахъ; во второмъ, помѣщено: извлеченіе статей положенія 19 февраля 1875 г., имѣющихъ обязательную силу или отношеніе къ мировымъ учрежденіямъ Варшавскаго судебнаго округа;

2) Уставъ уголовнаго судопроизводства;

3) Уставъ о наказаніяхъ, налагаемыхъ мировыми судьями.

Третья книга сборника, содержащая уставъ о наказаніяхъ, разработана несравненно лучше двухъ первыхъ и дѣйствительно можетъ служить пособіемъ для мировыхъ судей и гминныхъ судовъ; замѣчаній въ ней много, нѣкоторыя даже самостоятельны, по большой же части основаны на кассаціонныхъ рѣшеніяхъ указателя *Трахтенберга*, уложеніи и уставѣ *Таганцева* и руководствѣ *Неклюдова*. Главный и существенный недостатокъ этой части сборника состоитъ въ томъ, что авторъ непотрудился собрать и сгрупировать надлежаще, мѣстныхъ узаконеній царства Польскаго, которыя, въ силу 110 ст. положенія о примѣненіи судебныхъ уставовъ 20 ноября 1864 года къ Варшавскому судебному округу, не перестали дѣйствовать и должны быть примѣняемы мировыми судьями и ихъ съѣздами, а вводитъ часто въ заблужденіе, ссылаясь на такія постановленія имперскія, которыя не имѣютъ обязательной сылы въ царствѣ. Подъ 6 ст. устава о наказаніяхъ, напечатано Высочайше утвержденное 5 декабря 1866 года мнѣніе государственнаго совѣта объ исправительныхъ пріютахъ, но нѣтъ никакихъ указаній для судей, какъ примѣнять эту статью, въ виду существующей въ Студзенцѣ земледѣльческо-ремесленной колоніи для малолѣтнихъ преступниковъ и пр.

Но первые двѣ книги уже вовсе не оправдываютъ твердаго убѣжденія автора, съ которымъ онъ выпускалъ сборникъ. Мы встрѣчаемся въ сборникѣ съ названіемъ статей по Свѣчину, а не по закону, есть даже въ самомъ текстѣ статьи редакціи автора, наприм. 1 статья его гласитъ: „Власть судебная (на основаніи Высачайше утвержденнаго 19 февраля 1875 года положенія о примѣненіи судебныхъ уставовъ 20 ноября 1864 года къ Варшавскому судебному округу) принадлежитъ, кромѣ общихъ судебныхъ мѣстъ:

1) Гминнымъ судамъ, мировымъ судьямъ и

2) Мировымъ съѣздамъ.

Власть Правительствующаго Сената, въ качествѣ верхов-

наго кассаціоннаго суда (учреж. суд. установ. ст. 1) распространяется на всѣ судебныя мѣста имперіи безъ изъятія." Правда, въ концѣ многихъ статей автора, указаны статьи закона, изъ которыхъ они почерпнуты, но уже второй отдѣлъ, озаглавленный: извлеченіе статей положенія 19 февраля 1875 г. содержитъ не статьи положенія, но статьи учрежденія судеб. установ. Кромѣ того, статьи положенія 19 февраля 1875 г. перепутаны со статьями уставовъ такъ, что нельзя сказать откуда статья взята и какъ на нее ссылаться, напр. напечатана ст. 33 устава уголов. судопроиз., отмѣненная 74 ст. положенія; напечатана 34 ст. устава угол. суд. отмѣненная 75 ст. полож., а 76 ст. положенія помѣщена въ сборникѣ какъ *дополненіе* къ ст. 34 и пр. Замѣчаній автора подъ статьями закона меньше, чѣмъ въ III книгѣ сборника и они, по внутреннему ихъ достоинству, не особенно достойны вниманія.

Вообще объ этомъ сборникѣ трудно сказать, чтобы онъ оправдывалъ твердое убѣжденіе автора въ томъ, „что книга эта не только полезная настольная книга для облекаемыхъ властью мироваго судьи, но что сборникъ этотъ необходимъ и для такихъ даже, кто имѣя въ мировыхъ учрежденіяхъ дѣла, захочетъ вести ихъ не кое какъ, не на авось,—а идти вѣрнымъ, прямымъ и потому кратчайшемъ путемъ къ цѣли."

Podręcznik dla sądów pokoju królestwa Polskiego, zawierający wszystkie postanowlenia, któremi winny się kierować sądy pokoju i istniejące przy sądach pokoju wydziały hipoteczne, a którenie zostały pomiezczn w „Podręczniku dla sądów gminnych królestwa Polskiego" z objàsnieniami *F. Iezioranskiego*. Wydanie *W. Miklaszewskiego*. Warszawa. 1877 г. str. 427. (Руководство для мировыхъ судовъ царства Польскаго, содержащее всѣ тѣ постановленія, которыми должны руководствоваться мировыя установленія и состоящія при мировыхъ судьяхъ ипотечныя отдѣленія, а которые не вошли въ составъ „Руководства для гминныхъ судовъ царства Польскаго", съ объясненіями *Ф. Езеранскаго*. Изданіе *В. Микляшевскаго*. Варшава 1877 г. стр. 427).

Такъ какъ, по закону, власть мировыхъ судей не совпа-

даетъ и обширнѣе власти гминныхъ судовъ, то въ руководствѣ этомъ слѣдовало помѣстить тѣ именно узаконенія, которыми должны руководствоваться мировые судьи, сверхъ общихъ для нихъ и гминныхъ судовъ. Вслѣдствіе того, въ этомъ руководствѣ находятся прибавленія ко всѣмъ V частямъ руководства для гминныхъ судовъ, а именно: въ I части: объ ипотечныхъ канцеляріяхъ, о нотаріальной части и правила о распредѣленіи между судебными установленіями и должностными лицами Варшавскаго судебнаго округа, нѣкоторыхъ обязанностей прежнихъ судовъ и судебныхъ чиновъ губерній царства Польскаго; во II части: о мировыхъ судьяхъ и предсѣдателяхъ мировыхъ съѣздовъ, объ отношеніяхъ, правахъ и отвѣтственности мировыхъ судей и объ ипотечныхъ канцеляріяхъ; къ III части: извлеченіе изъ устава объ особыхъ производствахъ въ Варшавскомъ судебномъ округѣ, а именно: о семейныхъ совѣтахъ и о раздѣлѣ наслѣдства, извлеченіе изъ положенія о примѣненіи судебныхъ уставовъ 20 ноября 1864 г. къ Варшавскому судебному округу и извлеченіе изъ ипотечныхъ уставовъ 1818 и 1825 года, извлеченіе изъ правилъ о примѣненіи къ Варшавскому судебному округу Высочайше утвержденнаго 14 апрѣля 1866 г. положенія о нотаріальной части, извлеченіе изъ постановленія учредительнаго комитета 30 декабря 1865 г. (11 января 1866 года) о порядкѣ отчужденія, отдачи въ залогъ и дробленія крестьянскихъ усадьбъ; къ IV части: извлеченія изъ устава уголовнаго судопроизводства; къ V части: извлеченіе изъ правилъ объ охотѣ для губерній царства Польскаго.—Въ приложеніяхъ же помѣщено: объ обязанностяхъ и преимуществахъ нотаріусовъ и секретарей ипотечныхъ канцелярій и учрежденій нотаріальныхъ архивовъ (извлеченіе изъ правилъ о примѣненіи положенія о нотаріальной части 14 апрѣля 1866 года), правила Наполеонова кодекса о завѣщаніяхъ, совершаемыхъ во время чумы, правила устава гражданскаго судопроизводства о исполнительномъ производствѣ по разсчетамъ объ убыткахъ, доходахъ и издержкахъ и узаконенія, изданныя въ пополненіе и поясненіе ипотечныхъ уставовъ 1818 и 1825 года.

Всѣ узаконенія, вошедшія въ это руководство, изъяснены весьма подбробно, а въ виду предстоящаго введенія ипотечной системы въ Имперіи, по части ипотеки, въ весьма значительной долѣ, полезны не только для мировыхъ судей въ царствѣ Польскомъ, но и для русскихъ юристовъ, дѣйствующихъ въ Имперіи и занимающихся ипотечнымъ правомъ.

Руководство это вышло на двухъ языкахъ: русскомъ и польскомъ.

Kodeks kar głównych wydania 1866 г. dla Królestwa Polskiego (ukaz 25 września v. s. 1876 г.) z objaśnieniami, poczerpniętemi z wyroków kassacyjnych departamentów senatu rządzącego. *W. Miklaszewskiego*. Warszawa. 1876—1878 г. str. 1821. (Уложеніе о наказаніяхъ уголовныхъ и исправительныхъ изд. 1866 года, для царства Польскаго (указъ 25 сентября 1876 г.) съ разъясненіями по рѣшеніямъ кассаціонныхъ департаментовъ правительствующаго сената. *В. Микляшевскаго*. Варшава. 1876—1878 г. стр. 1821).

Во время введенія въ царствѣ польскомъ судебной реформы, въ 1 (13) день іюля 1876 г., дѣйствовало уложеніе о наказаніяхъ 1847 г., основанное на уложеніи 1845 г. для Имперіи. Основанія обоихъ этихъ кодексовъ были тождественны въ подробностяхъ, однако мы встрѣчаемъ важныя уклоненія, вызванныя преимущественно различіями въ мѣстномъ управленіи царства Польскаго, различіями, заставившими не только видоизмѣнить или исключить отдѣльныя статьи, но и устранить изъ уложенія 1845 г. цѣлыя главы въ V, VI, VII, VIII и IX раздѣлахъ, такъ что изъ 2224 ст. уложенія 1845 г. осталось въ уложеніи 1847 г. только 1221 ст. Причины, вызвавшія изданіе уложенія 1847 г. для царства Польскаго, не перестали существовать и въ минуту введенія судебной реформы, а такъ какъ судебными уставами вводился въ дѣйствіе и уставъ о наказаніяхъ, налагаемыхъ мировыми судьями, то оказалось необходимымъ новое изданіе уложенія о наказаніяхъ. Законодатель однако не счелъ нужнымъ приготовить отдѣльное изданіе уложенія для царства Польскаго, но ограничился изданіемъ указа 25 сентября 1876 г.

о примѣненіи уложенія о наказаніяхъ, изданія 1866 года, къ Варшавскому судебному округу, въ силу 1 ст. котораго: „Дѣйствіе уложенія о наказаніяхъ уголовныхъ и исправительныхъ изданія 1866 года, со всѣми существующими и имѣющими быть къ оному продолженіями, распространено на Варшавскій судебный округъ, взамѣнъ дѣйствовавшаго въ губерніяхъ царства Польскаго уложенія, изданнаго въ 1847 г., съ соблюденіемъ притомъ нижеслѣдующихъ правилъ.“

Въ послѣдующихъ статьяхъ указа, указаны частныя видоизмѣненія уложенія о наказаніяхъ, между которыми однако находятся статьи такого содержанія: *напр.* ст. 10. „Относительно наказаній за нарушенія правилъ о гербовомъ сборѣ, впредь до введенія новаго о семъ сборѣ устава, взамѣнъ статей 582—590 уложенія 1866 года, сохраняютъ силу соотвѣтствующія имъ постановленія главы III раздѣла VII уложенія 1847 года, во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, въ коихъ не имѣютъ примѣненія правила гербоваго устава 17 апрѣля 1877 года; по отношенію же къ нарушенію сихъ послѣднихъ правилъ, примѣняются вышеозначенныя статьи 582—586 и 588—590 уложенія 1866 года, съ тѣми въ нихъ измѣненіями, кои обусловливаются постановленіями статей 105—110 устава о гербовомъ сборѣ 17 апрѣля 1874 года“— или ст. 17 указа: „При примѣненіи статей 1158, 1159 и 1162 принимаются въ соображеніе дѣйствующія въ губерніяхъ Варшавскаго судебнаго округа постановленія о кредитѣ“; и преимущественно ст. 27 указа: „Во всѣхъ случаяхъ, когда въ уложеніи 1866 года упоминается объ уставахъ, учрежденіяхъ и другихъ законоположеніяхъ, недѣйствующихъ въ губерніяхъ Варшавскаго судебнаго округа, принимаются въ руководство дѣйствующія въ означенныхъ губерніяхъ по симъ предметамъ узаконенія“ и ст. 28 указа: „Въ тѣхъ случаяхъ, когда въ уложеніи 1866 года поименовываются должностныя лица, мѣста, вѣдомства, учрежденія и установленія, кои носятъ въ губерніяхъ Варшавскаго судебнаго округа иныя поименованія или коихъ вовсе тамъ не имѣется, въ первомъ случаѣ, подразумѣваются тѣ именно должностныя ли-

ца, мѣста, вѣдомства, учрежденія и установленія, которыя соотвѣтствуютъ таковымъ же, существующимъ въ Имперіи, во второмъ же случаѣ, постановленія уложенія 1866 года вовсе не примѣняются"....

Приведеннаго, мы думаемъ, достаточно для того, чтобы убѣдиться въ томъ, что законодатель такою редакціею закона возложилъ на судей обязанность не только примѣнять подлежащій законъ, не только правильно толковать оный, но и установить самый текстъ дѣйствующихъ законовъ. Авторъ названнаго изданія уложенія имѣя въ виду посильно содѣйствовать при исполненіи послѣдней обязанности и разрѣшеніи вопроса: что имѣетъ обязательную силу и что такой силы не имѣетъ, а также, чѣмъ замѣняются нѣкоторыя постановленія уложенія о наказаніяхъ уголовныхъ и исправительныхъ изд. 1866 г., стремился установить по возможности полный и подлежащій текстъ уложенія о наказаніяхъ въ изд. 1866 г. для Царства Польскаго, пополнить оное мѣстными законоположеніями и примѣнить въ точности ко всѣмъ статьямъ уложенія 1866 г. приведенныя выше статьи 27 и 28 указа 25 сентября 1876 г. о примѣненіи уложенія о наказаніяхъ изданія 1866 года къ Варшавскому судебному округу. Въ исполненіе этого стремленія, въ изданіи всѣ статьи уложенія и части оныхъ, которыя не примѣнимы въ Варшавскомъ судебномъ округѣ, напечатаны мелкимъ шрифтомъ (petit), а въ выноскахъ приведены тѣ мѣстныя законоположенія, которыя замѣняютъ, на основаніи указа 25 сентяяря 1876 г., постановленія уложенія изд. 1866 г. Работа эта была весьма затруднительна, такъ какъ приходилось нерѣдко искать дѣйствующихъ мѣстныхъ узаконеній даже въ архивахъ присутственныхъ мѣстъ, ибо нѣкоторыя изъ этихъ узаконеній не были еще никогда печатаемы.

Кромѣ исправнаго текста дѣйствующаго въ Царствѣ Польскомъ уложенія о наказаніяхъ, въ изданіи помѣщены еще выдержки изъ кассаціонныхъ рѣшеній съ 1866—1875 года включительно, а такъ какъ законъ былъ изданъ только на одномъ офиціальномъ языкѣ, непонятномъ для значительнаго

большинства народонаселенія, то текстъ и выдержки изъ кассаціонныхъ рѣшеній переведены на языкъ польскій.

Авторъ не считаетъ цѣлесообразнымъ выводить изъ соображеній сената тезисовъ, и призналъ болѣе правильнымъ приводить объясненія по возможности подлинными словами сената, потому что въ тезисахъ ошибки возможны и почти неизбѣжны; воспользовался однако рѣшеніями весьма обширно, ибо подъ нѣкоторыми статьями уложенія имѣется по нѣсколько десятковъ выдержекъ изъ рѣшеній.

Въ концѣ изданія помѣщенъ сравнительный указатель статей уложенія о наказаніяхъ уголовныхъ и исправительныхъ, изданій 1845, 1847 (для Царства Польскаго) 1857 и 1866 годовъ, составляющій немаловажное облегченіе при пользованіи уложеніемъ о наказаніяхъ изд. 1866 г.

Iurisprudencya departamentów cywilnych Izby sądowej Warszawskiej z drugiego półrocza 1876 г., ułożona przez *Iòzefa Karpińskiego*. Adwokata przysięgłego. Warszawa. 1878 str. 122 (Юриспруденція гражданскихъ департаментовъ Варшавской судебной палаты за второе полугодіе 1876 г., составлена присяжнымъ повѣреннымъ *Іосифомъ Карпинскимъ*. Варшава. 1878 г. стр. 122).

Названный выпускъ юриспруденціи содержитъ въ себѣ 56 тезисовъ, выведенныхъ изъ 587 рѣшеній Варшавской судебной палаты, съ приведеніемъ подъ каждымъ тѣхъ соображеній, на которыхъ основано рѣшеніе палаты. Тезисы приведены въ порядокъ по кодексамъ, сперва гражданскій кодексъ, затѣмъ ипотечные законы, далѣе торговый кодексъ и пр., все же вмѣстѣ, въ порядкѣ статей подлежащихъ кодексовъ. Въ концѣ помѣщенъ алфавитный и постатейный указатели вопросовъ, разсматриваемыхъ въ этомъ выпускѣ. Изданіе это, въ виду той массы спорныхъ и крайне затруднительныхъ вопросовъ, которые явились по причинѣ введенія судебной реформы на основаніи положенія 19 февраля 1875 г., весьма полезно для судебной практики, такъ какъ въ немъ отражаются взгляды высшаго въ краѣ судилища на эти спорные вопросы, что содѣйствуетъ установленію единообразнаго пони-

манія и рѣшенія оныхъ. (Срав. журналъ гражд. и угол. пр. 1879 г. книга V стр. 41 и слѣд).

Кромѣ названныхъ имѣется еще цѣлый рядъ изданій, поставившихъ себѣ задачею облегчить изученіе судебныхъ уставовъ, между которыми мы считаемъ нужнымъ упомянуть только: —

Уставъ гражданскаго судопроизводства для Варшавскаго судебнаго округа, алфавитнымъ порядкомъ изложенный, сенатскимъ защитникомъ *Іосифомъ Карпинскимъ*. Варшава. 1876 г. стр. 932.

Авторъ, желая облегчить юристамъ примѣненіе новыхъ законовъ, изложилъ уставъ гражданскаго судопроизводства алфавитнымъ порядкомъ, по заключающимся въ немъ предметамъ. При каждомъ заглавномъ словѣ, выражающемъ одинъ изъ предметовъ, заключающихся въ уставѣ, помѣстилъ всѣ статьи, относящіяся къ этому предмету и привелъ или содержаніе ихъ въ цѣлости, или сдѣлалъ ссылку на другія слова и статьи, подъ которыми находятся правила, относящіяся къ этому предмету, въ первоначальномъ текстѣ устава 1864 года, или въ положеніи 19 февраля 1875 года. Трудъ этотъ, напоминающій, по добросовѣстности, труды бенедиктинскихъ монаховъ, по нашему мнѣнію, мало полезенъ, ибо отыскать по немъ подлежащую статью не легче, чѣмъ и по тексту уставовъ.

Прохожу молчаніемъ указатель устава о наказаніяхъ, налагаемыхъ мировыми судьями, *Вардзинскаго* и др., чтобы еще разъ упомянуть о капитальномъ сочиненіи *Владислава Новаковскаго* п. з. Ustawa postępowania sądowego cywilnego z dnia 20 Listopada 1864 roku, ze zmianami, zaprowadzonemi przez Najwyżej zatwierdzone Postanowienie dnia 19 lutego 1875 r. i z objaśnieniami ułożonemi przez *Władysława Nowakowskiego* R. R. St. b. Członka Warszawskich departamentów rządzącego Senatu. Warszawa. 1878 относящемся именно къ разсматриваемому отдѣлу литературы, и составляющему немаловажный вкладъ въ науку гражданскаго судопроизводства вообще и устава гражданскаго судопроизводства 20 ноября 1864 г. въ особенности. Сочиненіе это однако должно подлежать тщательному и подробному кри-

тическому разбору, что неумѣстно въ нашемъ теперешнемъ „обозрѣніи.“

Въ заключеніе, мы должны извиниться въ неполнотѣ собраннаго и представленнаго матеріала, но судя хотя бы только по нашему „обозрѣнію,“ можно, кажется, признать, что истекшее пятилѣтіе внесло посильную, хотя не очень обильную лепту въ науку права, что разработка судебныхъ уставовъ 20 ноября 1864 года заняла въ литературѣ этого періода видное мѣсто, и что несмотря на общія и мѣстныя причины, могущія вызвать неудовольствіе при введеніи судебной реформы, разработка судебныхъ уставовъ осталась спокойною, хладнокровною, чисто научною.

В. Микляшевскій.

Систематическій сборникъ рѣшеній Правительствующаго Сената и распоряженій правительства, разъясняющихъ городовое положеніе. Составили баронъ В. Майдель и В. Бѣлюстинъ. 2-е значительно дополненное изданіе. Спб. 1881. стр. VII+535. Цѣна 3 рубля.

О первомъ изданіи сборника гг. Майделя и Бѣлюстина, въ свое время была помѣщена въ нашемъ журналѣ рецензія покойнаго Н. Ф. Деппа. Въ ней, между прочимъ, выражалось сожалѣніе, что составители ограничились одними рѣшеніями Сената, не присоединивъ къ нимъ разъясненій, основанныхъ на циркулярахъ министерства внутреннихъ дѣлъ. Такая односторонность сборника дѣлала невозможнымъ для практиковъ пользованіе имъ однимъ и требовала обращенія и къ другимъ подобнымъ изданіямъ городоваго положенія, напр. Мыша и Анисимова, въ которыхъ имѣются и извлеченія изъ циркулярныхъ распоряженій министерства внутреннихъ дѣлъ.

Въ вышедшемъ теперь второмъ изданіи сборника, этотъ недостатокъ устраненъ. Составители воспользовались сборникомъ циркуляровъ и инструкцій министерства внутреннихъ дѣлъ, изданнымъ Д. Гудовскимъ и извлекли изъ него довольно значительное число разъясненій постановленій городоваго положенія. Нельзя однако сказать, чтобы эти извлеченія были сдѣланы съ исчерпывающею полнотой. Составителями пропущены нѣкоторые, довольно важыне въ практическомъ отношеніи циркуляры. Такъ напр. подъ ст. 35 мы не находимъ циркуляра хозяйственнаго департамента отъ 26 февр. 1877 г. № 1928, по вопросу о томъ, могутъ ли городскіе обыватели, пріобрѣвшіе право на участіе въ выборахъ, послѣ утвержденія избирательныхъ списковъ, быть избираемы въ городскія общественныя должности. Подъ ст. 38 не приведенъ циркуляръ, состоявшійся по сношенію министерства со вторымъ отдѣленіемъ С. Е. И. В. канцеляріи, отъ 25 августа 1876 г. по вопросу о томъ, какимъ порядкомъ слѣдуетъ опредѣлять старшинство лицъ, получившихъ наиболѣе избирательныхъ голосовъ, когда баллотировка производилась при измѣнившемся числѣ избирателей. Но, спѣшимъ оговорится, число такихъ пропусковъ весьма незначительно. Судить о томъ, насколько полно воспользовались составители тѣми матеріалами, какіе представляетъ практика Сената, мы конечно не можемъ, такъ какъ составители пользовались подлинными дѣлами перваго департамента. Нельзя однако не указать, что мы не нашли въ сборникѣ опредѣленія сената, въ которомъ, общимъ образомъ, признано ограничительное значеніе даннаго въ ст. 52 перечисленія случаевъ, когда городской голова не предсѣдательствуетъ въ думѣ, и которое изложено въ циркулярѣ хозяйственнаго департамента 8 декабря 1876 года.

Новыхъ рѣшеній сената приведено во второмь изданіи свыше 150. Нѣкоторыя изъ нихъ касаются весьма важныхъ и любопытныхъ вопросовъ нашего административнаго права. Таково напр. рѣшеніе 9 января 1880 г., № 173; торговцы

П. рыбнаго ряда, въ числѣ 17 человѣкъ, обратились съ жалобою въ думу на управу, за отдачу ею въ аренду мѣщанину Л. площади рыбнаго ряда. Дума оставила эту жалобу безъ послѣдствій и дѣло перешло по жалобѣ уже 20 человѣкъ, въ губернское по городскимъ дѣламъ присутствіе, которое не вошло въ разсмотрѣніе жалобы въ виду того, что она, какъ поданная лицами, несоставляющими утвержденнаго въ законномъ порядкѣ общества, представляется поданною скопомъ и что въ подачѣ этой жалобы участвовали 3 лица, неимѣвшія права жаловаться по сему дѣлу присутствію, въ виду необжалованія ими думѣ распоряженія управы. Но сенатъ, принимая во вниманіе, что законъ нигдѣ не запрещаетъ нѣсколькимъ лицамъ, имѣющимъ одно общее дѣло или одинаковый предметъ жалобы, подавать по общему ихъ дѣлу одно общее, отъ лица ихъ, прошеніе и что участіе трехъ новыхъ жалобщиковъ не давало присутствію права неразсматривать жалобы, по отношенію къ тѣмъ 17 торговцамъ, которые своевременно обжаловали постановленіе управы, призналъ постановленіе присутствія неправильнымъ. Любопытно также рѣшеніе сенана 31 октября 1879 г. № 9167, въ которомъ онъ отступилъ отъ своей прежней практики, признавъ, что при разсмотрѣніи опротестованныхъ губернаторомъ постановленій думы, губернское присутствіе не обязано ограничиваться лишь тѣми пунктами, которые послужили мотивомъ протеста. Въ виду этихъ колебаній въ практикѣ сената и крайней важности и трудности вопроса, нельзя не пожалѣть, что составители не привели, in extenso, рѣшенія сената отъ 11 апрѣля 1879 г. № 3167, признавшаго, что при разсмотрѣніи жалобъ частныхъ лицъ на постановленіе думы, губернское присутствіе обязано держаться предѣловъ жалобы. Быть можетъ въ подлинномъ рѣшеніи сената можно бы было найти указаніе на то, что именно называетъ онъ предѣлами жалобы.

Н. Коркуновъ.

И. Соболевъ. *Оскорбленіе должностныхъ лицъ дѣйствіемъ, при отправленіи должности, по русскому праву. Радомъ. 1881. XII+68 стр. цѣна 75 к.*

Этюдъ г. Соболева составляетъ отдѣльное изданіе статьи, напечатанной въ нашемъ журналѣ, въ 1875 году, кн. VI. Извлеченіе его изъ забытыхъ и растерянныхъ книгъ журнала, представляется умѣстнымъ въ виду производящихся работъ по пересмотру уложенія.—Впрочемъ, ближайшей причиною появленія этюда въ отдѣльномъ изданіи, авторъ выставляетъ не одно это обстоятельство, а также и возникшій въ практикѣ одного суда вопросъ о томъ, составляетъ ли предложеніе должностному лицу взятки, при отправленіи должности, наказуемое дѣяніе по нашему праву? Указавъ источники, которыми онъ пользовался, авторъ подвергаетъ обстоятельному и толковому изслѣдованію вопросъ объ оскорбленіи должностныхъ лицъ дѣйствіемъ, въ его историческомъ развитіи и современномъ состояніи по русскому и иностраннымъ законодательствамъ. Ближайшій предметъ изслѣдованія составляютъ: объектъ преступленія и преступное дѣйствіе, но затѣмъ разсматривается и процесуальная сторона предмета,—порядокъ преслѣдованія, а равно и наказуемость виновнаго. Въ заключеніе, авторъ даетъ проектъ желаемыхъ законоположеній по этому вопросу и приводитъ, въ паралель ему, сравнительный текстъ постановленій дѣйствующаго закона. Первоначальное помѣщеніе этюда г. Соболева въ нашемъ журналѣ, удерживаетъ насъ отъ ближайшей оцѣнки его достоинствъ и недостатковъ, но всякій конечно согласится съ нами, что развитіе подобнаго рода монографическихъ работъ, по отдѣльнымъ вопросамъ уголовнаго права, крайне желательно.

ПЕРВЫЙ СЪѢЗДЪ ПРЕДСТАВИТЕЛЕЙ РУССКИХЪ ИСПРАВИТЕЛЬНЫХЪ ЗАВЕДЕНІЙ.

(корресп. журнала гражд. и угол. права).

Попечитель Московскаго городскаго Рукавишниковскаго исправительнаго пріюта для малолѣтнихъ, К. В. Рукавишниковъ, представитель старѣйшаго русскаго исправительнаго пріюта для несовершеннолѣтнихъ преступниковъ, исходатайствовалъ повелѣніе Государя Императора отъ 16 августа 1881 г. на собраніе съѣзда представителей русскихъ исправительныхъ заведеній. Приглашенные имъ, К. В. Рукавишниковымъ, представители русскихъ исправительныхъ заведеній собрались въ Москвѣ, въ зданіи пріюта (на Смоленской сѣнной площади) въ числѣ 22 человѣкъ, въ 20 день сего октября. Послѣ панихиды по въ Бозѣ почившемъ Государѣ Императорѣ Александрѣ II, представители собрались въ большомъ рекреаціонномъ залѣ пріюта и открыли свои засѣданія, начиная съ заслушанія названнаго повелѣнія Государя Императора, отъ 16 августа сего года. На очереди былъ поставленъ выборъ предсѣдателя съѣзда и собранные представители, единодушно, избрали въ предсѣдатели В. К. Рукавишникова, который пригласилъ въ секретари съѣзда директора Рукавишниковскаго пріюта А. А. Фидлера. Открытый 20 октября, съѣздъ продолжалъ свои занятія до 27, засѣдая ежедневно по шести и болѣе часовъ подъ рядъ, и даже открывая по два засѣданія въ день, утреннее и вечернее.—Собранный матеріалъ и многочисленныя опредѣленія съѣзда, заслуживаютъ вниманія юристовъ и потому отчетъ объ этомъ съѣздѣ и результатахъ его трудовъ, мы незамедлимъ помѣстить въ слѣдующей книгѣ нашего журнала.—Достаточно

сказать, что представителями исправительныхъ заведеній было заявлено болѣе шестидесяти вопросовъ, которые были разрѣшены съѣздомъ въ относительно непродолжительное время, благодаря преимущественно таланту и умѣнію вести дѣло предсѣдателя перваго съѣзда представителей русскихъ исправительныхъ заведеній, К. В. Рукавишникова, и потому неудивительно, что при закрытіи съѣзда, члены заявили ему свое глубокое уваженіе и благодарность, съ внесеніемъ оныхъ въ протоколъ съѣзда.

ПЯТИДЕСЯТИЛѢТНІЙ ЮБИЛЕЙ ПРОФЕССОРА С. И. БАРШЕВА.

(корресп. журнала гражд. и угол. права).

На долю Москвы выпало счастіе праздновать рѣдкій праздникъ, именно пятидесятилѣтній юбилей б. профессора Императорскаго Московскаго университета *С. И. Баршева.*

18 октября, въ небольшей квартирѣ, въ Каретномъ ряду, въ домѣ Мошнина, въ просторной залѣ приготовлено было почетное мѣсто, а надъ нимъ, на стѣнѣ, лавровый вѣнокъ съ буквами „С. И. Б.“, изъ живыхъ цвѣтовъ, надъ этимъ вѣнкомъ помѣщался другой, окаймлявшій цифру „50 лѣтъ“. Нѣсколько впереди, на пьедесталѣ, стоялъ бюстъ почтеннаго старца съ симпатичными чертами лица, голова котораго была также украшена лавровымъ вѣнкомъ.

Начало празденства было назначено въ часъ дня. Къ 1 часу зала наполнилась публикой. Въ началѣ втораго часа встрѣтили почтеннаго юбиляра, вышедшаго изъ своего кабинета, Н. С. Унковскій А. И. Верховцевъ, баронъ Ѳ. А. Бюлеръ, А. П. Дегай, Г. Е. Щуровскій, ректоръ Императорскаго Московскаго университета, городской голова, московскій комендантъ, и много другихъ.

Глубоко тронутый сердечной встрѣчею, почтенный юбиляръ занялъ приготовленное для него почетное мѣсто и началъ принимать различныя депутаціи, прибывшія для привѣтствія и поздравленія его съ полувѣковою полезною и плодотворною дѣятельностію. Первая депутація привѣтствовала юбиляра отъ имени Императорскаго Московскаго университета, которому С. И. Баршевъ посвятилъ большую часть своей дѣятельности какъ профессоръ, деканъ и ректоръ.— С. И. Баршевъ былъ первымъ выборнымъ ректоромъ и состоялъ въ этой должности, по выборамъ, въ продолженіи 9 лѣтъ. Этого достаточно, чтобы понять и оправдать теплыя рѣчи, произнесенныя ректоромъ отъ имени университета и деканомъ юридическаго факультета, привѣтствовавшимъ и поздравлявшимъ юбиляра отъ имени факультета. Послѣ этого поздравлялъ юбиляра депутатъ Императорскаго Варшавскаго университета профессоръ В. В. Микляшевскій, который къ привѣтствію отъ имени университета, присоединилъ и свое личное поздравленіе почтенному юбиляру.—Далѣе пошли депутаціи отъ слѣдующихъ ученыхъ и общественныхъ учрежденій: отъ Московской Духовной академіи, отъ Императорскаго Техническаго училища, отъ Ярославскаго лицея, отъ Московскаго врачебнаго управленія, отъ Московской дѣтской больницы, отъ Инвалиднаго дома, отъ Маріинской больницы, отъ отъ Общества любителей духовнаго просвѣщенія, отъ Московскаго юридическаго общества, отъ Императорскаго Московскаго общества испытателей природы, отъ Московскаго политехническаго музея, отъ Императорскаго общества любителей естествознанія, антропологіи и этнографіи, отъ Императорскаго московскаго общества сельскаго хозяйства, отъ Императорскаго русскаго общества акклиматизаціи животныхъ и растеній, отъ комитета шелководства, отъ слушателей юбиляра, отъ воспитанниковъ техническаго училища, отъ главнаго управленія военно-учебныхъ заведеній, отъ Михайловской артиллерійской академіи, отъ обществъ исторіи и древностей, отъ коммерческаго училища, отъ техническаго училища и отъ главнаго начальника военно-учебныхъ заведеній. Кромѣ

того, Императорское общество любителей естествознанія, по постановленію Высочайше учрежденнаго комитета по устройству музея прикладныхъ знаній въ Москвѣ, присудило почтенному юбиляру большую золотую медаль. Инвалидный домъ поднесъ С. И. Баршеву образъ, большинство депутацій передавало свои адресы и привѣтствія въ изящныхъ, тонкихъ портфеляхъ художественной работы, между которыми особенно замѣчательны были портфели Императорскаго техническаго училища и Московской дѣтской больницы.

Послѣ прочтены были письма и телеграммы, полученныя изъ различныхъ городовъ, между прочимъ: отъ преосвященнаго Епископа Можайскаго, отъ ректора Императорскаго Варшавскаго университета, отъ князя С. Н. Урусова, главноуправляющаго II отдѣленіемъ собственной Его Величества канцеляріи, отъ юридическаго факультета Императорскаго петербургскаго и казанскаго университетовъ, отъ Казанскаго юридическаго общества, отъ Кіевской духовной академіи, отъ юридическаго факультета Императорскаго новороссійскаго университета и пр.

О содержаніи рѣчей и привѣтствій почтеннаго юбиляра, можно сказать только одно, а именно, что они были задушевны и чистосердечны. На самыхъ разнообразныхъ поприщахъ дѣятельности С. И. Баршеву удалось сдѣлать немало, на его долю выпало воздвигнуть и осуществить много плодотворныхъ учрежденій и вложить свою лепту въ ихъ дальнѣйшее развитіе.

Тронутый до глубины души, почтенный юбиляръ отвѣчалъ многимъ депутаціямъ, высказывая неоднократно свою глубокую и искренную благодарность.—Видя эту толпу представителей, прибывшихъ поздравить его, онъ съ полнымъ убѣжденіемъ могъ высказать, что, значитъ, его жизнь прошла небезслѣдно, что на старости лѣтъ онъ можетъ съ гордостью смотрѣть въ прошедшее, съ полнымъ убѣжденіемъ, что онъ былъ полезенъ обществу и государству.

Празднованіе юбилея заключилось обѣдомъ въ Славянскомъ базарѣ, въ честь юбиляра, на которомъ присутствовало

около ста человѣкъ. Обѣдъ былъ чисто семейный, со многими искренними тостами и рѣчами. Первый тостъ провозгласилъ Г. Е. Щуровскій за здоровье Государя Императора, встрѣченный громкими кликами *„ура“*, причемъ оркестръ музыки исполнилъ народной глинъ. Затѣмъ, заслуженный профессоръ, товарищъ юбиляра, Г. Е. Щуровскій, произнесъ глубоко прочувствованную рѣчь и провозгласилъ тостъ въ честь С. И. Баршева, встрѣченный громкими кликами *„браво“ „ура“*. Послѣ говорилъ присяжный повѣренный г. Тростянскій, бывшій слушатель почтеннаго юбиляра, и рѣчь его была встрѣчена единодушнымъ одобреніемъ всего собранія. Далѣе были произнесены рѣчи г.г. Фальковскимъ, Капустинымъ и др.—Юбиляръ неоднократно отвѣчалъ на эти привѣтствія и между прочимъ высказалъ, что хотя онъ и былъ награждаемъ отъ правительства сверхъ его ожиданія, но общее признаніе его протекшей дѣятельности полезною и плодотворною, особенно со стороны многочисленныхъ его слушателей и товарищей, онъ признаетъ высшею наградою за всѣ понесенные имъ труды, подтвержденіемъ и одобреніемъ всѣхъ полученныхъ имъ наградъ. Кромѣ того, С. И. Баршевъ предложилъ тосты въ честь Г. Е. Щуровскаго, Н. М. Капустина, бывшій своихъ товарищей по университету и профессора Варшавскаго университета В. В. Микляшевскаго, неотказавшагося пріѣхать за 1500 верстъ для того, чтобы привѣтствовать его, юбиляра.

Обѣдъ законченъ былъ дружественными разговорами многихъ присутствовавшихъ до 10 часа вечера.

Все празднество юбилея С. И. Баршева имѣло чисто семейный характеръ, поражало только отсутствіе на обѣдѣ представителей отъ университета, и преимущественно отъ юридическаго факультета. Независимо отъ того, что почтеннаго юбиляра привѣтствовала вся Москва, онъ вѣдь первый ученый криминалистъ въ Россіи, который въ продолженіи 45 лѣтъ преподаванія шелъ наравнѣ съ наукою, какъ доказываютъ статьи его, помѣщенныя въ Юридическомъ Вѣстникѣ—Правда,

онъ немного печаталъ, да и время, въ которое онъ дѣйствовалъ, было нетеперешнее, но все таки первыя книги по уголовному праву и судопроизводству напечатаны имъ, почтеннымъ юбиляромъ, С. И Баршевымъ. Пятьдесятъ лѣтъ честнаго труда заслуживаютъ полнаго и безспорнаго уваженія!!

ЗАМѢТКИ.

ПРИЗНАКИ ВРЕМЕНИ ВЪ МІРѢ НОВЫХЪ СУДОВЪ.

(По поводу проекта общаго наказа судебнымъ установленіямъ).

Наши замѣтки по поводу проекта общаго наказа выходятъ по необходимости отрывочными, но исправить этого мы не можемъ. Насъ смущаетъ газетный слухъ о скоромъ внесеніи проекта въ государственный совѣтъ и отсутствіе даже слуховъ о томъ, что работы коммисіи, разсматривающей этотъ проектъ, получатъ когда либо огласку и что будетъ еще срокъ на разборъ предположеній ея въ печати, которая дѣломъ общаго наказа заинтересовалась бывѣроятно въ такой же мѣрѣ, какъ и дѣломъ пересмотра уложенія. Тѣ или другіе судебные порядки отражаются вѣдь такъ или иначе на интересахъ всѣхъ и каждаго. И если кто нибудь можетъ поручиться, что онъ никогда не совершитъ преступленія, предусмотрѣннаго уложеніемъ или уставомъ о наказаніяхъ, то врядъ ли кто нибудь застрахованъ отъ того, что ему придется быть въ судѣ истцомъ, отвѣтчикомъ, приносителемъ прошенія, свидѣтелемъ, присяжнымъ засѣдателемъ и т. п. и неиспытать *на себѣ* послѣдствій тѣхъ или другихъ порядковъ, нормируемыхъ невсегда закономъ, а гораздо чаще наказами.

Срока представить печатно наши замѣчанія, мы пропускать не желаемъ и кстати перейдемъ теперь къ разсмотрѣнію тѣхъ положеній проекта наказа, которыя болѣе другихъ касаются интересовъ публики.

Въ отдѣлѣ проекта наказа, относящемся до мировыхъ судей, минимумъ помѣщенія, занимаемаго камерою, опредѣляется въ двѣ комнаты - одну *для судебнаго разбирательства*, а другую для свидѣ-

телей. Часть первой комнаты, назначенная для публики, должна имѣть скамьи или иную мебель въ количествѣ достаточномъ для помѣщенія 10 (sic) лицъ (ст. 258 и 259 проекта). Очевидно, что такими нормами удовлетворяться никакъ невозможно; необходима канцелярія, отдѣльная отъ комнаты для разбирательства, а въ этой послѣдней столько мѣстъ для публики, чтобы вызванные по всѣмъ дѣламъ данная дня лица, не были принуждены сидѣть на лѣстницѣ, грѣться на кухнѣ у мироваго или выстаивать въ толпѣ цѣлые часы въ ожиданіи очереди, а это составитъ, по малой мѣрѣ, 30—40 мѣстъ. Никакихъ затрудненій въ осуществленіи указываемыхъ нами необходимыхъ удобствъ публики, быть не можетъ тѣмъ болѣе, что устройство присутствія мироваго судьи (по 260 ст. проекта) производится на счетъ суммъ, отпускаемыхъ для этой цѣли подлежащими установленіями.

Для выдачи справокъ, удостовѣреній и иныхъ бумагъ, *для пріема лицъ, имѣющихъ надобность въ личныхъ объясненіяхъ*, назначенъ совершенно неосновательно общій періодъ — неменѣе одного часа въ день [1]). Выдача справокъ, удостовѣреній и проч. нетребуетъ правда много времени и даже производится, обыкновенно, если бумаги заготовлены, не самимъ судьею, а его письмоводителемъ; но сокращать срокъ для пріема лицъ, имѣющихъ надобность въ личныхъ объясненіяхъ до одного только часа, совершенно несогласно съ интересами большинства публики, имѣющей дѣла въ мировомъ судѣ. Также точно въ высшей степени затруднительна для судьи обязанность (примѣч. къ ст. 262) принимать просьбы, вѣроятно только письменныя, во время засѣданія, въ промежутки между разборомъ отдѣльныхъ слушаемыхъ дѣлъ.

Составители проекта недостаточно приняли во вниманіе важность момента принятія жалобъ и прошеній. Если моментъ этотъ приходится въ свободное для судьи время, то сношенія его съ подавателемъ жалобы весьма часто не ограничиваются однимъ принятіемъ ея, а сопровождаются нерѣдко бесѣдою по предмету жалобы, весьма интересною по послѣдствіямъ для обоихъ бесѣдующихъ. Но если судья торопится принятіемъ жалобъ, если ему поставлено въ обязанность принимать ихъ даже въ краткіе перерывы засѣдаданій по отдѣльнымъ дѣламъ, то очевидно онъ только *приметъ*

---

[1]) Столь же неосновательно такой срокъ назначенъ и для слѣдователей, статьею 169 проекта.

жалобу такъ, какъ принялъ бы ее съ почты, въ запечатанномъ пакетѣ. Всякому извѣстно, какъ неудовлетворительно большинство тѣхъ письменныхъ жалобъ и прошеній, по которымъ дѣла начинаются у мировыхъ судей; писатели этихъ жалобъ за лицъ неграмотныхъ, излагаютъ ихъ обыкновенно или необстоятельно, или съ вычурными кляузами. Желательно, кажется, поэтому, чтобы лица неграмотныя могли приносить свои жалобы судьямъ и слѣдователямъ, словесно и лично, а не были принуждены обращаться къ содѣйствію постороннихъ писателей [1]).

Это желательно и въ интересахъ судей, у которыхъ сократится переписка по возвращенію и оставленію безъ движенія разныхъ неудовлетворительно написанныхъ просьбъ и по производству дѣлъ, завѣдомая неосновательность которыхъ могла бы обнаружиться сразу, при обстоятельномъ *пріемѣ* прошенія.—Каждому, знакомому съ дѣятельностію мироваго судьи (или слѣдователя) извѣстно, какъ часто прошеніе или жалоба вызываются недоразумѣніемъ жалобщика о своихъ правахъ, недоразумѣніемъ, въ которое его поставили сочинители ябедническихъ прошеній и которое легко разсѣять судьѣ (или слѣдователю) при первомъ разговорѣ съ просителемъ. Столь же часты случаи неподлежащаго по подсудности обращенія просьбъ и жалобъ, или крупные недостатки въ матеріальномъ содержаніи жалобъ. Во всѣхъ этихъ случаяхъ, судья могъ бы удержать всякаго благоразумнаго просителя отъ подачи прошенія и веденія дѣла, которое для него же кончилось бы отказомъ. Если количество дѣлъ оконченныхъ миромъ можетъ служить въ похвалу мировому судьѣ, то на нашъ взглядъ еще болѣе его рекомендуетъ то, когда онъ успѣваетъ отговаривать отъ веденія неосновательныхъ дѣлъ при самомъ, такъ сказать, ихъ возникновеніи, прежде чѣмъ уплачены пошлины, вызваны свидѣтели, наняты паразиты—брехунцы и т. п.

---

[1]) Въ этомъ отношеніи нельзя не припомнить прекраснаго прецедента, созданнаго съѣздомъ мировыхъ судей 2 округа Плоцкой губерніи, своевременно переданнаго въ газетахъ. Этотъ съѣздъ, въ распорядительномъ засѣданіи 18 ноября 1880 года, постановилъ: а) объявить во всѣхъ гминныхъ округахъ, что жителямъ нѣтъ надобности обращаться къ особымъ сочинителямъ просьбъ и они имѣютъ право заявлять словесно сами свои первоначальныя и апелляціонныя жалобы суду и б) что по всѣмъ вопросамъ, возникающимъ изъ дѣятельности судей, приставовъ и адвокатовъ, заинтересованныя лица могутъ обращаться отъ 10 до 1 ч. дня къ предсѣдателю съѣзда и получать отъ него отвѣты и указанія.

Вотъ о чемъ слѣдовало бы подумать,—и тогда, конечно, въ проектѣ общаго наказа скорѣе нашлось бы мѣсто указаніямъ, подобнымъ тѣмъ, которыя выработались практикой Млавскихъ мировыхъ судей, нежели узаконенію формальнаго пріема прошеній въ такой краткій срокъ, въ теченіи котораго ихъ можно развѣ только автоматически принять, не усвоивъ себѣ ихъ достоинство.

Скажемъ кстати, что и непремѣнному члену съѣзда слишкомъ мало быть въ помѣщеніи съѣзда только одинъ часъ, какъ это требуетъ ст. 271 проекта. Къ непремѣнному члену просители съѣзжаются часто изъ уѣзда; гдѣ онъ живетъ они могутъ незнать и лучше заставить судью быть лишній часъ въ съѣздѣ, нежели тяжущагося потерять сутки или обращаться къ содѣйствію адвоката и платить ему не за то, что онъ окажетъ профессіональную услугу, а за услугу коммисіонерскую, за то что онъ живетъ въ городѣ и знаетъ тѣ завѣтные часы и мѣста, гдѣ можно застать непремѣннаго члена и получить копію, справку, исполнительный листъ и т. п.

Наконецъ, странно, что предсѣдателю съѣзда вовсе не поставлено въ обязанность проектомъ ни публиковать о своей квартирѣ, ни назначать пріемные дни, хотя бы разъ въ мѣсяцъ, между тѣмъ какъ извѣстно, что нѣкоторыя прошенія подаются только ему, напр. жалобы на личныя дѣйствія судебныхъ приставовъ—по ст. 330 учр. суд. уст. и прошенія о возобновленіи свидѣтельствъ на веденіе дѣлъ по ст. 251 проекта. Странность эта увеличивается тѣмъ, что объ институтѣ временныхъ предсѣдателей (ст. 53 учр. суд. уст.) и о томъ, кто исправляетъ должность предсѣдателя, въ проектѣ также ничего не упоминается. Неужели въ самомъ дѣлѣ желательно санктировать такой порядокъ, при которомъ предсѣдатели съѣзда живутъ по цѣлымъ мѣсяцамъ у себя въ деревнѣ безвыѣздно и отъ желанія непремѣннаго члена, къ которому обращаются просители, зависитъ: или удовлетворить ихъ *за предсѣдателя* (иногда самовольно), или заставить ихъ прокатиться за одною подписью къ предсѣдателю въ деревню. Петербургскій столичный наказъ (ст. 87) признаетъ нужнымъ поставить въ обязанность непремѣнному члену *подписывать* въ отсутствіе предсѣдателя бумаги, требующія безотлагательной отправки. Нужно хоть подобное постановленіе для съѣздовъ съ предсѣдателями хронически отсутствующими.

Впрочемъ, съ другой стороны, проектъ наказа исходитъ изъ

предположенія, что предсѣдатели не только не будутъ хронически отсутствовать изъ мѣста нахожденія съѣзда, но даже будутъ въ немъ преимущественными докладчиками дѣлъ (ст. 275). Тѣ дѣла, докладъ которыхъ предсѣдатель не приметъ на себя, *онъ* распредѣляетъ для доклада между съѣхавшимися на съѣздъ судьями за день до доклада. Конечно и здѣсь умѣстнѣе было бы распредѣленіе дѣлъ самими судьями, потому что въ противномъ случаѣ и тѣ дѣла, которыя, въ качествѣ мироваго судьи участковаго, рѣшалъ въ первой инстанціи предсѣдатель съѣзда, онъ же будетъ поручать избранному имъ докладчику, что несогласно съ идеей объ устраненіи поводовъ къ заподозриванію судейской нелицепріятности.

Засѣданія съѣздовъ, по проекту, должны назначаться не менѣе одного раза въ мѣсяцъ и продолжаться до разрѣшенія всѣхъ дѣлъ, подлежащихъ разсмотрѣнію (ст. 279). Продолжительность съѣздовъ опредѣлена правильно; но сроки, въ интересахъ публики, должны бы быть чаще, нежели разъ въ мѣсяцъ. По нашему мнѣнію, ихъ слѣдовало бы назначить каждыя двѣ недѣли и только въ видѣ исключенія допускать отступленіе отъ этого правила. Можно было бы постановить напримѣръ, что съѣзды собираются менѣе двухъ разъ въ мѣсяцъ только въ лѣтнее рабочее время и тамъ, гдѣ число участковыхъ судей не превышаетъ трехъ, при трехъ же живущихъ въ округѣ почетныхъ мировыхъ судьяхъ. Это было бы согласно и съ идеей, проводимой проектомъ въ ст. 272; производство въ обѣихъ инстанціяхъ мировыхъ судебныхъ учрежденій уголовнаго дѣла въ теченіе болѣе 3—4, а гражданскаго 5—6 мѣсяцевъ должно уже почитаться медленнымъ, а разъ медленность завелась въ округѣ, недобросовѣстнымъ изъ числа тяжущихся, является соблазнъ именно для оттяжки переносить дѣла изъ одной инстанціи въ другую, что и замѣчается всѣми практиками въ большинствѣ мировыхъ округовъ. Между тѣмъ, очевидно, для человѣка имѣющаго правое дѣло, желателенъ скорый его исходъ, а слѣдовательно, въ интересахъ справедливости, желательно все, что можетъ вести къ удовлетворенію каждаго изъ такихъ тяжущихся.

Проектъ наказа заботится объ ускореніи разсмотрѣнія дѣлъ въ съѣздахъ; но принятыя имъ къ этому мѣры непрактичны. Такъ, въ ст. 272 сказано, что „участковые мировые судьи, а также тѣ изъ почетныхъ, которые имѣютъ жительство въ предѣлахъ округа, обязаны присутствовать во всѣхъ засѣданіяхъ съѣзда, если срочныя засѣданія съѣзда происходятъ не чаще одного раза въ мѣсяцъ;

если же срочныя засѣданія съѣзда происходятъ чаще одного раза въ мѣсяцъ и если при томъ число участковыхъ мировыхъ судей въ округѣ болѣе пяти, то поименованные судьи могутъ установить между собою очередь присутствованія въ засѣданіяхъ съѣзда.“

Если это правило будетъ принято, а не будетъ установлено, что съѣзды (за нѣкоторыми исключеніями) собираются два раза въ мѣсяцъ, то публика ничего не выиграетъ и достигнется только нѣкоторое облегченіе самихъ судей, въ отношеніи поѣздокъ на съѣзды. При томъ самое правило объ очереди присутствія въ засѣданіяхъ съѣзда (а не съѣздовъ), можетъ быть истолковано, согласно съ существующимъ уже въ нѣкоторыхъ мѣстахъ обычаемъ, такъ, что судьи чередуются по днямъ, въ теченіи одной и той же сессіи съѣзда.—Мы знаемъ съѣзды съ весьма большимъ составомъ судей, гдѣ облегченіе судей доведено до максимума: съѣхавшіеся уже въ городъ судьи установляютъ между собою очередь присутствованія по днямъ, хотя сессіи съѣзда бываютъ всего одинъ разъ въ мѣсяцъ. Въ томъ же съѣздѣ и раздѣленіе судей по отдѣленіямъ практикуется очень своеобразно. Съѣхалось шесть судей т. е. количество достаточное для двухъ присутствій; сейчасъ же дѣлятся на отдѣленія и раздѣляютъ между ними дѣла даннаго дня. Затѣмъ, происходитъ разбирательство дѣлъ въ одной и той же залѣ, по очереди, обоими присутствіями и такъ какъ совѣщательная комната также только одна, то совѣщаніе удалившихся продолжается ровно столько времени, сколько разсмотрѣніе слѣдующаго дѣла судьями оставшимся въ залѣ публичныхъ засѣданій; затѣмъ, по командѣ пристава, что „тамъ уже кончили“ происходитъ въ корридорѣ chassé—croisé обоихъ отдѣленій и первое объявляетъ резолюцію и начинаетъ слушать новое дѣло, а второе торопится кончить совѣщаніе по прежнему дѣлу до новой команды. Судьи достигаютъ этимъ того, что расходятся обѣдать скорѣе: но спрашивается, чего достигаетъ публика отъ такихъ ускореній, несопровождающихся учащеніемъ сессій съѣздовъ. Въ общемъ наказѣ нужно устранить возможность подобныхъ обычаевъ и вотъ почему очень важно нормировать и очередь присутствованія и раздѣленіе съѣзда на отдѣленія, но при непремѣнномъ условіи учащенія этими мѣрами самыхъ сессій мировыхъ съѣздовъ, гдѣ только это возможно.

Къ судебнымъ приставамъ при мировыхъ учрежденіяхъ, предположено примѣнять тѣ же правила, какія выработаны въ проектѣ и для приставовъ общихъ судебныхъ мѣстъ, которыхъ мы и коснем-

ся послѣ. Обозрѣніе дѣлопроизводства приставовъ *не менѣе одного раза въ годъ*, поставлено въ обязанность председателя, независимо отъ наблюденія по доставляемымъ ими срочнымъ вѣдомостямъ и дѣламъ (ст. 268). Это прекрасное правило рискуетъ однако быть неисполненнымъ, если предсѣдателю не будетъ поставлено въ обязанность о результатахъ ревизіи докладывать въ распорядительномъ засѣданіи всѣмъ членамъ съѣзда, какъ о предметѣ касающемся управленія судебною частію. Отсутствіе такого постановленія очень чувствительный пропускъ въ проектѣ. Извѣстно, что судебные пристава при мировыхъ учрежденіямъ, безсрочные чиновники, подчиненные срочно-избираемымъ должностнымъ лицамъ, въ большинствѣ случаевъ находятся внѣ всякаго контроля, что и отражается самымъ невыгоднымъ образомъ на интересахъ частныхъ лицъ. До какой безконтрольности доходитъ иногда дѣло, видно изъ слѣдующаго примѣра. Лѣтомъ нынѣшняго года, у бывшаго судебнымъ приставомъ лица, случайно, во время розыска имущества для описи за долги, находятъ около сотни дѣлъ по исполнительнымъ листамъ прежнихъ лѣтъ. Это лицо оставило службу почти за три года до этого случая, на его мѣстѣ три года служитъ новое лицо, получившее отъ своего предмѣстника дѣла по описи. Однако въ теченіи всѣхъ трехъ лѣтъ, никто нехватился, что при сдачѣ бывшаго пристава осталось свыше сотни дѣлъ; не хватились и тогда, когда новый приставъ выдавалъ формальныя справки, что такія-то и такія-то дѣла или деньги ему переданы не были. Когда случай огласился, стали гадать, кто же нравственный виновникъ; обнаружилось, что кое-кто изъ судей кое о чемъ догадывался, но считалъ, что это дѣло предсѣдателя, а предсѣдателей за это время смѣнилось три; изъ нихъ двое производили *обозрѣніе дѣлопроизводства* по текущимъ дѣламъ, но ни одинъ не произвелъ настоящей ревизіи; срочныя вѣдомости никогда не были подаваемы, неустановлены практикой, а наказа съѣздъ не имѣетъ, хотя и дѣйствуетъ уже восемь лѣтъ. Интересно, сколько еще лѣтъ продолжалось бы пребываніе дѣлъ и денегъ у бывшаго пристава, еслибы въ числѣ его кредиторовъ не нашелся удачный сыщикъ, сразу обнаружившій вмѣсто цѣннаго имущества ворохъ дѣлъ.

Заканчивая обзоръ отдѣла, относящагося до мировыхъ судебныхъ учрежденій, сдѣлаемъ еще одно замѣчаніе. Проектъ представляется неполнымъ по сравненію съ особыми наказами мировыхъ судовъ и даже одного только Петербургскаго столичнаго и это не только

относительно второстепенныхъ подробностей, но и въ капитальныхъ отдѣлахъ. Для примѣра укажемъ на отсутствіе постановленій о томъ, чтобы обо всякомъ несостоявшемся засѣданіи, мировой судья доносилъ съѣзду, а съѣхавшіеся въ съѣздъ судьи, въ подобномъ случаѣ. составляли бы письменный протоколъ; кѣмъ изготовляются рѣшенія въ окончательной формѣ по съѣзду; кѣмъ — судьею или съѣздомъ — выдаются исполнительные листы по рѣшеніямъ этого послѣдняго; въ чемъ должны заключаться отчетныя вѣдомости судебныхъ приставовъ; какъ поступаютъ члены съѣзда, если они признаютъ нужнымъ созывъ распорядительнаго засѣданія или внесеніе въ это засѣданіе извѣстнаго дѣла и т. п. Между тѣмъ все это нормировано въ Петербургскомъ столичномъ наказѣ изданія 1873 года ст. 8, 93, 83, 116, 172, 76 и 77. Нѣкоторыя изъ упомянутыхъ вопросовъ имѣютъ особенную важность для публики. Такъ, есть съѣзды, которые всѣ свои приговоры и рѣшенія обращаютъ къ исполненію сами; но за то не возвращаютъ судьямъ подлинныхъ дѣлъ и не увѣдомляютъ ихъ о послѣдовавшемъ утвержденіи или измѣненіи рѣшенія и наоборотъ, другіе съѣзды возлагаютъ обращеніе къ исполненію своихъ постановленій на мировыхъ судей, что ведетъ къ медленности и излишнимъ для тяжущихся разъѣздамъ Установить тотъ или другой, однообразный порядокъ, въ этомъ отношеніи, обязанъ, конечно, проектъ общаго наказа, подобно тому, какъ это онъ сдѣлалъ напр. по вопросу объ обращеніи къ исполненію рѣшеній второй инстанціи общихъ судовъ по гражданскимъ дѣламъ (ст. 153).

Наконецъ скажемъ, что элементъ коллегіальности, по отношенію къ мировымъ учрежденіямъ, выразился правильно въ двухъ статьяхъ проекта 282 и 283, по которымъ о распорядительныхъ засѣданіяхъ обязательно извѣщаются всѣ наличные судьи, явившіеся въ городъ въ періодъ засѣданій, а въ нѣкоторыя засѣданія даже всѣ судьи округа, составляющіе изъ себя, такимъ образомъ, нѣчто въ родѣ общаго собранія. Въ этихъ послѣднихъ должно участвовать не менѣе половины наличныхъ судей округа, а если число ихъ болѣе 12, то не менѣе 6 судей. Таковой же составъ предписывается и для разрѣшенія дѣлъ о дисциплинарныхъ взысканіяхъ, въ случаѣ, означенномъ въ ст. 281— 386 учр. суд. уст. Все это, конечно, заслуживаетъ полнѣйшей похвалы.

Переходя къ отдѣлу о судебныхъ слѣдователяхъ и обращая сначала вниманіе на тѣ постановленія, которыя непосредственно отра-

жаются на интересахъ публики, имѣющей съ ними дѣло, мы отмѣтимъ прежде всего нѣкоторыя, полезнѣйшія правила.

Въ ст. 178 сказано: по словесному заявленію потерпѣвшаго лица о желаніи принять участіе въ дѣлѣ, въ качествѣ гражданскаго истца, слѣдователемъ составляется *особый* протоколъ, въ которомъ означаются: предметъ требованія, количество отыскиваемаго вознагражденія (если таковое можетъ быть опредѣлено) и указанныя заявителемъ основанія иска. Письменныя заявленія, по этому предмету, пріобщаются къ слѣдственному производству. Такое постановленіе было положительно необходимо, потому, что, при неимѣніи въ дѣлѣ письменнаго прошенія и особаго протокола, суду, рѣшающему вопросъ—есть-ли по дѣлу гражданскій искъ, приходится прочитывать всѣ когда-либо отобранныя слѣдователемъ отъ всѣхъ потерпѣвшихъ лицъ показанія и всякій въ нихъ намекъ на искъ признавать за прямое заявленіе исковыхъ требованій и вступать затѣмъ въ сношенія съ лицомъ, которое потомъ оказывалось неимѣющимъ въ дѣлѣ никакой имущественной претензіи.

Но тутъ же открывается и громадный пропускъ въ проектѣ. Нѣтъ никакихъ постановленій относительно того, какими формальностями долженъ констатировать слѣдователь желаніе извѣстнаго лица быть частнымъ обвинителемъ по дѣлу. Участіе частныхъ обвинителей въ уголовныхъ дѣлахъ, гораздо чаще участія гражданскихъ истцовъ; сомнѣніе въ томъ, не представляетъ-ли одинъ и тотъ-же фактъ повода къ преслѣдованію виновныхъ и со стороны прокуратуры и со стороны частныхъ обвинителей одновременно, представляется на практикѣ довольно часто.—Легки-ли раны и увѣчья, важенъ-ли или не важенъ вредъ отъ нихъ здоровью и были ли оныя послѣдствіемъ одной неосторожности или нѣтъ [1]), выясняется иногда только въ концѣ слѣдствія; мнѣніе по этимъ вопросамъ лица потерпѣвшаго, необязательно для лицъ прокурорскаго надзора; самое слѣдствіе, въ дѣлахъ по подобнымъ предметамъ, начинается далеко не всегда по жалобѣ потерпѣвшаго, съ примирительнаго разбирательства и потому бываетъ что,—при отказѣ прокуратуры составить обвинительный актъ отъ себя и *при неимѣніи въ дѣлѣ формальной жалобы отъ имени потерпѣвшаго*,—случаи, подобные описаннымъ, проходятъ безнаказанно для обидчиковъ, къ публичному

---

[1]) См. примѣчаніе 1 къ ст. 1496 улож. о нак.

соблазну, вопреки желанію обиженныхъ получить удовлетвореніе по суду.—Бываетъ напр. что волостное правленіе, ранѣе самого потерпѣвшаго, поспѣшитъ сообщить слѣдователю о нанесеніи кому либо ранъ и назоветъ ихъ тяжкими; слѣдствіе начинается; потерпѣвшій допрашивается исключительно какъ свидѣтель; вопроса о томъ—желаетъ-ли онъ, чтобы было наказано лицо его поранившее, ему не предлагаютъ; одинъ врачъ признаетъ раны легкими, а другой тяжкими; слѣдователь останавливается на мнѣніи этого послѣдняго и привлекаетъ обидчика къ обвиненію по ст. 1482 улож., но прокуроръ не раздѣляетъ этого мнѣнія и признавая улики недостаточными, предъявляетъ заключеніе о прекращеніи слѣдствія; это послѣднее утверждается и дѣло безвозвратно пропадаетъ, тогда какъ при начатіи у слѣдователя того же дѣла, по заявленію самого потерпѣвшаго послѣ примирительнаго разбирательства по обвиненію въ нанесеніи легкихъ ранъ въ запальчивости, оно не попало бы въ обвинительную камеру и на судѣ могло-бы, при слабыхъ даже уликахъ, получить исходъ вполнѣ удовлетворяющій и обиженнаго и чувство справедливости вообще.

Возможности подобныхъ случаевъ не предотвратитъ и новый сенатскій указъ 1 мая сего года, разъясняющій порядокъ производства дѣлъ по частному обвиненію; подобныхъ случаевъ онъ не предвидѣлъ и потому намъ кажется, что необходимо въ общемъ наказѣ постановить общимъ правиломъ, что кромѣ протокола, въ который записываются показанія лица потерпѣвшаго, *какъ свидѣтеля*, слѣдователь обязанъ составить особый протоколъ всякій разъ о томъ—предъявляетъ-ли это лицо, отъ себя, какія либо требованія возмездія (требованіе наказанія, и *за что именно*, или гражданскій искъ, или то и другое вмѣстѣ).—Если-бы, въ приведенномъ выше примѣрѣ, такое условіе было соблюдено, дѣло, прекращенное по обвиненію, предусмотрѣнному 1489 ст. не было бы прекращено навсегда и могло бы, хоть послѣ разсмотрѣнія въ обвинительной камерѣ, получить должный ходъ, въ порядкѣ частнаго обвиненія.—Здѣсь же скажемъ, что, конечно, и всѣ остальныя правила порядка частнаго обвиненія, которыя указаны въ приведенномъ сенатскомъ указѣ, должны найти себѣ мѣсто въ общемъ наказѣ, гдѣ и займутъ одно изъ самыхъ почетныхъ мѣстъ, какъ основанныя на изученіи практики всѣхъ судовъ т. е. на томъ, на чемъ и слѣдовало бы основывать статьи такого акта, какимъ долженъ быть *постоянный*, *общій* наказъ. Второе полезное указаніе заключается въ 5 пунктѣ 181 ст.

проекта, гдѣ говорится объ обязанности слѣдователя *составлять* особыя постановленія обо всѣхъ отказахъ въ ходатайствахъ участвующихъ въ дѣлѣ лицъ. Жаль однако, что тутъ же не сказано, когда и какъ такія постановленія *объявлять* участвующимъ въ дѣлахъ лицамъ —

Всѣмъ практикамъ извѣстно, какъ много у насъ слѣдователей, которые, принявъ отъ участвующаго въ дѣлѣ лица какое либо, даже письменное прошеніе, просто пріобщаютъ его къ дѣлу, съ одной помѣтой, безъ всякой, даже краткой, резолюціи, какъ бы полагая, что съ нихъ снята обязанность, общая всѣмъ должностнымъ лицамъ, разрѣшить такъ или иначе всякое ходатайство и дать отвѣтъ всякому просителю.— Просматривая дѣла такихъ слѣдователей, видишь, что оставленныя такъ сказать „безъ вниманія“ прошенія, далеко не безсмысленны и не безцѣльны; въ числѣ ихъ попадаются, правда, неудачно иногда написанныя просьбы объ обезпеченіи исковъ, объ измѣненіи мѣры пресѣченія, объ отводѣ свидѣтелей, а иногда и самого слѣдователя, указанія на новыя обстоятельства, просьбы о выдачѣ копій съ протоколовъ, повторяющіяся иногда нѣсколько разъ, письменныя напоминанія, въ формѣ почти соотвѣтствующей жалобамъ на медленность слѣдователя и т. п. и все это только подшито къ дѣлу. Правда, иногда изъ дѣла видно, что иная просьба de facto была принята во вниманіе, но и тогда, большею частію, не видно было ли объ этомъ своевременно объявлено просителю, или его—иниціатора просьбы—игнорировали до конца. Суды и палаты касаются такихъ порядковъ въ самыхъ рѣдкихъ случаяхъ, только тогда, когда есть прямыя жалобы. Въ палатскихъ бланкахъ опредѣленій, утверждающихъ обвинительные акты, заранѣе вѣдь пропечатано, что „слѣдствіе произведено безъ существеннаго нарушенія установленныхъ формъ“, а суды полагаютъ что обращать вниманіе на дѣйствія слѣдователя въ дѣлахъ, прошедшихъ чрезъ палату, не ихъ обязанность, e sempre bene. Немногіе изъ судовъ постановили въ своихъ наказахъ требованіе постановленій по поводу отказовъ слѣдователя въ ходатайствахъ участвующихъ въ дѣлѣ лицъ; общій наказъ желаетъ исправить это, но приведенной статьи проекта недостаточно и необходимо установить, *когда эти постановленія объявляются просителямъ*. Необходимо обязать слѣдователей объяснять при этомъ просителямъ объ ихъ правѣ обжаловать неправильный отказъ суду.

Исходитъ изъ предположенія о незнакомствѣ участвующихъ въ

слѣдственномъ дѣлѣ лицъ со своими правами, тѣмъ болѣе умѣстно, что при предварительномъ слѣдствіи у обвиняемыхъ нѣтъ защитниковъ, сношенія слѣдователя съ ними и другими участвующими лицами происходятъ непублично и на практикѣ они почти никогда не пользуются правомъ присутствовать при слѣдственныхъ дѣйствіяхъ. Правда, они въ правѣ просить о выдачѣ имъ копій съ протоколовъ и постановленій ихъ интересующихъ; но во первыхъ, въ законѣ нѣтъ указаній относительно обязательнаго срока выдачи этихъ копій [1]), а во вторыхъ и копію то написать не съ чего, если дѣло касается напримѣръ такого отказа, по поводу котораго слѣдователь не составлялъ постановленія.

Насъ могутъ упрекнуть въ требованіи излишней письменности; но доколѣ предварительное слѣдствіе будетъ у насъ поставлено по нынѣшнему, упрекъ будетъ несправедливъ и письменныя сношенія слѣдователя съ участвующими въ дѣлѣ лицами, будутъ необходимымъ коррективомъ существующаго порядка. Въ интересахъ публики необходимо, чтобы общій наказъ провозгласилъ обязательность отвѣтовъ на всякое требованіе участвующаго въ дѣлѣ лица, сроки на исполненіе требованій, признаваемыхъ уважительными и необходимость мотивировать всякій отказъ. Установите, пожалуй, пошлину, уничтожьте изъятіе отъ оплаты ею прошеній и отвѣтовъ на нихъ частнымъ обвинителемъ, гражданскимъ истцомъ, но устраните и то безобразіе, что частное лицо, получающее за гербовую марку отвѣты отъ всѣхъ должныхъ лицъ Имперіи, не получаетъ ихъ отъ слѣдователя, по дѣлу, сопряженному съ его интересами.

У слѣдователей много ненужной переписки; ту можно и нужно сократить. Къ чему посылка четырехмѣсячныхъ и мѣсячныхъ вѣдомостей товарищу прокурора, живущему въ томъ же городѣ; къ чему она въ особенности послѣ введенія системы отчетныхъ бланокъ по каждому отдѣльному дѣлу [2]). Уничтожьте ее, но за то требуйте обстоятельнаго отчета, въ формѣ постановленія о каждомъ распоряженіи слѣдователя, касающемся правъ частныхъ лицъ.

---

[1]) Нѣкоторые суды опредѣлили это въ особыхъ наказахъ; напр. одинъ день на каждый листъ копій; но мѣсто подобному постановленію скорѣе въ общемъ наказѣ.

[2]) О полной безцѣльности этого рода отчетности мы говорили въ другомъ мѣстѣ, по поводу инструкціи прокуратурѣ Казанскаго округа (Юрид. В. 1880 г. т. V).

Въ интересахъ тѣхъ же частныхъ лицъ нельзя не пожалѣть, что проектъ наказа обходитъ молчаніемъ вопросъ о внѣшнемъ устройствѣ камеръ слѣдователей и о тѣхъ помѣщеніяхъ, въ которыхъ они производятъ слѣдственныя дѣйствія внѣ постоянныхъ камеръ. Почему для камеры слѣдователя необязательны икона, аналой, портретъ Государя Императора и хоть такое количество мебели, которое обязательно въ камерѣ мироваго судьи; почему неуказаны права слѣдователя по охраненію порядка въ камерѣ, непояснено, что и для него, какъ и для мироваго судьи, полицейское или волостное начальство (ст. 264) обязано отводить на время слѣдственныхъ дѣйствій помѣщеніе въ одномъ изъ общественныхъ зданій или въ домѣ частнаго лица, за исключеніемъ участвующихъ въ дѣлѣ? Все это обстоятельства немаловажныя и по сознанію самихъ составителей проекта; въ интересахъ частныхъ лицъ, являющихся къ слѣдователямъ — свидѣтелей, экспертовъ, священниковъ, повѣренныхъ казенныхъ управленій, депутатовъ отъ начальства и т. п. — принужденныхъ нерѣдко проводить въ камерѣ цѣлые часы. На всѣхъ дѣйствуетъ извѣстнымъ, угнетающимъ образомъ, мизерная обстановка камеры, а отсутствіе въ ней порядка и нѣкоторыхъ атрибутовъ торжественности, составляющихъ обычную принадлежность другихъ подобныхъ мѣстъ, дѣлаетъ камеру слѣдователя, неимѣющаго на себѣ даже должностнаго знака, мѣстомъ сомнительной авторитетности въ глазахъ нѣкоторыхъ лицъ, имѣющихъ своими показаніями выяснить истину по самымъ серьознымъ уголовнымъ дѣламъ.

Разрѣшить, внѣ крайнихъ случаевъ, производство слѣдственныхъ дѣйствій при такой обстановкѣ, не значитъ-ли сознаться всенародно въ томъ, что назначаемое слѣдователямъ содержаніе не позволяетъ требовать отъ нихъ даже такой обстановки камеры, которая свойственна камерѣ уѣзднаго мироваго судьи, волостнаго правленія или конторѣ полицейскаго участка. Такъ нужно увеличить содержаніе или квартирное, по крайней мѣрѣ, довольствіе слѣдователей, или издать законъ о наймѣ и меблированіи для нихъ камеръ, разъ навсегда, на счетъ мѣстныхъ обществъ.

Въ интересахъ публики же оказывается очень важно и то, быть ли, участвуя въ дѣлѣ, спрошеннымъ на мѣстѣ, или ѣхать для этого къ слѣдователю. Законъ говоритъ, что если нужно допросить *многихъ* свидѣтелей, находящихся въ одномъ околодкѣ, то допросъ производится, во всякомъ случаѣ, въ томъ мѣстѣ, гдѣ они находятся.

Такъ какъ понятіе многихъ ближе не опредѣленно; то на практикѣ показывается, что слѣдователи предпочитаютъ придерживаться распространительнаго толкованія этого понятія т. е. вызываютъ къ себѣ. Не говоря о томъ, что это можетъ повести за собою увеличеніе казенныхъ издержекъ на удовлетвореніе свидѣтелей за поѣздки, эти послѣднія и сами по себѣ отяготительны для нѣкоторыхъ лицъ, при большихъ разстояніяхъ. Поэтому суды, въ особыхъ наказахъ своихъ, пытались установить норму разстояній, далѣе которыхъ слѣдователь не можетъ вызывать къ себѣ свидѣтелей, а обязанъ къ нимъ ѣхать самъ или, по крайней мѣрѣ, обязанъ мотивировать свой отказъ отъ поѣздки. Проектъ общаго наказа заимствовалъ эту послѣднюю идею и также требуетъ (п. 3 ст. 181) мотивированнаго постановленія о причинахъ вызова свидѣтелей на разстояніе болѣе 15 верстъ отъ мѣста ихъ жительства. Но идея эта врядъ-ли удачна для общаго наказа. Въ разныхъ округахъ, разстоянія, пути и средства сообщенія различны и пресѣчь вышеописанное злоупотребленіе гораздо легче постановленіями особыхъ наказовъ, соображаемыми обыкновенно съ мѣстными обстоятельствами. Въ общемъ же наказѣ скорѣе умѣстно дать опредѣленіе термину многихъ, употребленному въ статьѣ закона, постановивъ напр., что слѣдователь обязанъ мотивировать свой отказъ выѣзжать въ мѣсто жительства свидѣтелей, если этихъ свидѣтелей въ одномъ мѣстѣ 5, 6 или 7 человѣкъ и въ особенности, если въ томъ же мѣстѣ живетъ обвиняемый или кто-либо изъ участвующихъ въ дѣлѣ лицъ. Затѣмъ, прекращеніе дальнѣйшихъ въ этомъ отношеніи злоупотребленій временемъ публики, можно предоставить мѣстнымъ судамъ, мѣрами, принимаемыми по особымъ ихъ наказамъ. Но и здѣсь есть мѣсто для вмѣшательства составителей общаго наказа. Извѣстно, что на практикѣ слѣдователи производятъ свои разъѣзды или на обывательскихъ, или земскихъ лошадяхъ, или на своихъ собственныхъ. Въ мѣстностяхъ, гдѣ установленъ послѣдній порядокъ т. е. гдѣ слѣдователи получаютъ на разъѣзды деньги отъ земства, всякій случай отказа отъ поѣздки можетъ подать поводъ къ подозрѣнію въ расчетахъ чисто меркантильнаго свойства и потому, именно въ общемъ наказѣ, умѣстно было бы постановить, что въ такихъ мѣстностяхъ слѣдователь вызывать къ себѣ свидѣтеля изъ мѣста его жительства положительно не имѣетъ права. Иначе окажется, что соглашеніемъ земскихъ властей съ слѣдователемъ, возлагается на жителей лишняя тягота и на казну обязанность оплатить расхо-

ды по поѣздкамъ свидѣтелей къ слѣдователю, поѣздкамъ, уже разъ оплаченнымъ, этому послѣднему, земствомъ.

Относительно ревизій дѣлопроизводства слѣдователей въ проектѣ нѣтъ ничего, кромѣ упоминанія о правѣ на нихъ, а объ отчетности предъ окружными судами говорится только, что она устанавляется особыми наказами этихъ судовъ. Въ обоихъ этихъ обстоятельствахъ нельзя не видѣть существенныхъ промаховъ.

Извѣстно, что на практикѣ ревизіи дѣлопроизводства слѣдователей, по иниціативѣ окружныхъ судовъ, почти не существуютъ. Въ нѣкоторыхъ судахъ подвергалось сомнѣнію даже право ревизовать слѣдователей и когда новый прокуроръ Казанской судебной палаты г. Закревскій, сталъ провозглашать противуположную идею, то его сочли смѣлымъ новаторомъ [1]). Теперь, послѣ изданія сенатскаго указа отъ 24 апрѣля 1881 г. по общему собранію кас. д-товъ, взгляды вѣроятно измѣнятся; но расчитывать на то, что измѣнится и практика, очень мудрено, доколѣ въ общемъ наказѣ не будетъ опредѣленъ минимумъ обязательныхъ, въ извѣстный срокъ, ревизій слѣдователей мѣстными окружными судами. Странно, что требуя ревизіи судебныхъ приставовъ не менѣе одного раза въ годъ (ст. 211), проектъ наказа совершенно позабылъ о срокахъ ревизій слѣдователей.

По нашему мнѣнію, въ общемъ наказѣ необходимо не ограничиваться назначеніемъ минимальнаго числа ревизій въ извѣстный срокъ (напр. разъ въ два года), а нужно опредѣлить еще и самый способъ производства ревизій, часто смѣшиваемыхъ съ „обозрѣніемъ дѣлопроизводства“, какъ объ этомъ я говорилъ подробно въ иномъ мѣстѣ [2]). Гдѣ же и найдетъ себѣ мѣсто инструкція для лицъ производящихъ ревизію, какъ не въ общемъ наказѣ. Въ немъ же должны найти себѣ мѣсто и указанія на послѣдствія ревизій или, по крайней мѣрѣ, на то, что о результатахъ ревизіи докладывается общему собранію. Необходимо помнить, что изъ всѣхъ видовъ надзора за судебными дѣятелями, самую большую пользу можетъ принести внутренній самонадзоръ судебныхъ коллегій (Юрид. Вѣстн. Іюль l. c.). По отношенію къ надзору собственно за слѣдователями,

---

[1]) Впрочемъ, еще раньше, ту же идею проводилъ въ своей печатной запискѣ прокуроръ Варшавской палаты Н. А. Трохимовскій.

[2]) О ревизіяхъ и ревизующихъ по судебному вѣдомству. Юридич. Вѣстникъ. Іюль 1881 года.

тоже доказалъ г. Н. Т. въ IV книгѣ Журнала Гр. и Уг. Права (Судебный слѣдователь по судебнымъ уставамъ и въ дѣйствительности стр. 54 — 55). А если это такъ, то установленіе, въ видѣ постояннаго института, срочныхъ ревизій слѣдователей, по распоряженіямъ окружнаго суда, представляется безотлагательно нужнымъ дѣломъ.

На практикѣ, частому производству подобныхъ ревизій всегда будутъ препятствовать два обстоятельства: б) обремененность судовъ дѣлами и помимо ревизій и б) желаніе избѣжать издержекъ казны. Первая причина достаточно серьезна и говоритъ о томъ, что, при обремененности слѣдователей дѣлами, ихъ трудно ревизовать и еще труднѣе предъявлять къ нимъ, при ревизіяхъ, серьезныя требованія; а что при обремененности судовъ трудно отдѣлять изъ ихъ состава, на болѣе или менѣе продолжительное время, делегатовъ-ревизоровъ—значило бы говорить то, что всѣмъ извѣстно [1]).

Но относительно другой причины—боязни издержекъ—необходимо сказать, что лица ее выставляющія, поступаютъ далеко не всегда искренно и безъ задней мысли. Рѣчь о боязни издержекъ заводятъ обыкновенно предсѣдатели судовъ—распорядители кредитовъ. Иногда они такъ-таки категорически и заявляютъ, что на ревизіонную поѣздку нѣтъ денегъ и коллегія принуждена, конечно, пасовать передъ этимъ. Поэтому ревизіи слѣдователей, судебныхъ приставовъ, нотаріусовъ, замѣняются обыкновенно летучими обозрѣніями дѣлопроизводства, возлагаемыми на судей, выѣзжающихъ въ уѣздъ на сессіи и нетребующихъ особыхъ прогоновъ. Если ревизіи будутъ производиться и впредь въ такомъ видѣ, то конечно ихъ и желать не стоитъ, потому что это пародія на ревизіи Но неужели въ самомъ дѣлѣ казна такъ бѣдна, что для серьезнаго дѣла не найдется необходимыхъ суммъ. Что-то не хочется вѣрить этому, когда видишь что утверждающій это предсѣдатель, выѣзжая самъ, по порученію министра, для обозрѣнія дѣлопроизводства мировыхъ судей, находитъ возможнымъ выписывать нарочито прогоны не только на себя, но и на ѣдущаго съ нимъ на козлахъ курьера... Недавно, въ хорошо намъ извѣстномъ судѣ, получились свѣдѣнія, что одинъ изъ слѣдователей уѣзда, удаленнаго отъ мѣста нахожденія суда на 200 съ небольшимъ верстъ, страдаетъ запоемъ, дошедшимъ до бѣлой горячки, осложнен-

[1]) См. между прочимъ мою замѣтку „Обремененность судебныхъ дѣятелей уголовной юстиціи“ Юр. В. 1881 г. т. VI.

ной еще одною застарѣлою болѣзнію и помѣщенъ въ больницу, послѣ цѣлаго ряда безобразій, совершенныхъ лично и по дѣламъ. Прокуроръ и нѣкоторые изъ судей предлагаютъ по этому поводу произвести ревизію—удостовѣриться: цѣлы ли всѣ дѣла и деньги и въ какомъ видѣ дѣлопроизводство это несчастнаго слѣдователя (незадолго назначеннаго изъ столичныхъ кандидатовъ, помимо мѣстнаго представленія). Но большинство, по инціативѣ предсѣдателя, не пожалѣвъ участка (въ немъ около 300 дѣлъ) жалѣетъ прогоновъ на поѣздку и постановляетъ: дѣла поручить принять (отъ кого?) слѣдователю сосѣдняго участка, а обозрѣніе дѣлопроизводства произвести чрезъ два мѣсяца, когда предвидится поѣздка на сессію въ тотъ уѣздъ, двухъ членовъ.

Конечно, доколѣ соблюдать разумнымъ образомъ интересы казны будутъ признаваемы способными только подобные предсѣдатели, заинтересованные щеголять остатками, случаевъ подобныхъ описанному есть и будетъ немало.

Если ревизіи установятся какъ постоянный институтъ, то, такъ называемую, документальную *отчетность* можно будетъ значительно сократить. Особенно это будетъ возможно относительно судебныхъ слѣдователей. Ихъ, при постоянномъ наблюденіи прокуратуры за отдѣльными дѣлами и при обязательной посылкѣ въ статистическое отдѣленіе бланокъ по отдѣльнымъ дѣламъ, можно будетъ не только совсѣмъ освободить отъ всякихъ вѣдомостей, посылаемыхъ прокуратурѣ, но и отъ частой посылки таковыхъ окружному суду. [1])

Въ какихъ формахъ надо будетъ установить эту отчетность—это, по нашему мнѣнію, дѣло общаго наказа. И въ этомъ отношеніи мы совершенно сходимся съ составителями проекта, относительно одной изъ придуманныхъ ими формъ контроля. Форма эта, установленная проектомъ для отчетности судебныхъ приставовъ, есть такъ называемая общая дневная записка. Насколько намъ извѣстно, къ слѣдователямъ требованіе дневныхъ записокъ нигдѣ не предъявляется, хотя эта форма регистраціи ихъ дѣятельности, вполнѣ соотвѣтствовала бы и *журналамъ* коллегіальныхъ судебныхъ мѣстъ и роду дѣятельности слѣдователя. Большинство судовъ, не-

---

[1]) Въ настоящее время и эта часть хромаетъ. Мы знаемъ судъ, въ которнй, по наказу его, всѣ слѣдователи представляютъ вѣдомости *каждый мѣсяцъ* и что же?—на дѣлѣ ихъ и недокладываютъ общему собранію, читаетъ ихъ одинъ только помощникъ секретаря, вѣдающій предсѣдательскую часть.

зависимо отъ тѣхъ или другихъ срочныхъ вѣдомостей, ставитъ слѣдователю въ обязанность вести настольный реэстръ съ такими подробностями, которыя занимаютъ больше времени, нежели составленіе самой обстоятельный дневной записки. И все таки разсмотрѣніе такого настольнаго реестра, относительно дѣлъ выбывшихъ отъ слѣдователя, не даетъ ручательства въ истинности записей, а относительно наличныхъ совершенно излишне, не давая никакого понятія о томъ, насколько дѣятельность слѣдователя выразилась напр. въ разъѣздахъ и насколько она шла непрерывно или, наоборотъ, скачками, совпадающими или несовпадающими съ праздниками, концомъ мѣсяца и тому подобными сроками. Обо всемъ этомъ болѣе полное понятіе могла бы давать именно дневная записка, перечисляющая чѣмъ занятъ былъ у слѣдователя каждый его день, сколько человѣкъ имъ допрошено, отъѣзжалъ ли онъ изъ камеры и на какое разстояніе и т. п. такъ что и требованіе поѣздокъ можно было бы контролировать, къ чему теперь нѣтъ никакихъ средствъ.

Заканчивая отдѣлъ о слѣдователяхъ, мы также должны сказать, что онъ могъ бы быть значительно полнѣе, если бы составители проекта внесли въ него нѣкоторыя правила изъ особыхъ наказовъ, изъ Саратовскаго проекта общаго наказа (стр. 158—168), инструкціи Е. С. Гончарова и т. под. Изъ послѣдней можно было бы заимствовать многое, особенно въ томъ случаѣ, если въ общемъ наказѣ долженъ быть отдѣлъ, посвященный прокуратурѣ и порядку сношеній ея съ другими судебными органами, на необходимость чего мы уже указывали въ другихъ нашихъ статьяхъ.

Возьмемъ теперь на разсмотрѣніе отдѣлъ о судебныхъ приставахъ.

Никто не станетъ оспаривать, что дѣятельность этихъ органовъ судебной власти—органовъ, чрезъ посредство которыхъ происходятъ преимущественно сношенія публики съ судомъ, по предметамъ гражданскихъ дѣлъ, почти повсемѣстно неудовлетворительна и оставляетъ желать весьма многаго. Личный составъ ихъ неудовлетворителенъ, ничтожны и нравственныя и матеріальныя гарантіи представляемыя ими и публикѣ и суду, положеніе зависимое, функціи черезъ чуръ разнообразныя, связь съ судомъ не непосредственная и парализующаяся посредничествомъ предсѣдателя, а корпоративной связи никакой; совѣты судебныхъ приставовъ, а тѣмъ болѣе товарищества ихъ, съ круговою другъ за друга отвѣт-

ственностію, нигдѣ не учреждаются и въ этомъ отношеніи ожиданія составителей судебныхъ уставовъ никогда, кажется, не осуществятся.

Здѣсь не мѣсто и не время входить въ разсмотрѣніе всѣхъ условій такого положенія дѣла, но мы коснемся тѣхъ мѣръ, которыя значительно могутъ повліять къ лучшему, если будутъ предприняты въ періодъ составленія общаго наказа.

Составители судебныхъ уставовъ, считая судебныхъ приставовъ за органы судебной полиціи, выражали одновременно и желаніе составить изъ нихъ товарищества въ родѣ артелей, могущія замѣнить существующія во Франціи и Бельгіи общія кассы и дисциплинарныя камеры лицъ этого сословія. Это желаніе не имѣетъ, очевидно, никакихъ шансовъ на успѣхъ, а потому слѣдуетъ уже отбросить идею объ артельщикахъ и считать приставовъ просто чиновниками. Согласно съ этимъ взглядомъ, надобно развить тѣ постановленія, которыя въ учрежденіи судебныхъ установленій соотвѣтствуютъ ему и окончательно отбросить все навѣянное идеей объ артельщикахъ въ мундирахъ. Разъ судебный приставъ исполнительный чиновникъ при судѣ, то для опредѣленія его на должность недостаточно уже того, что требуется отъ артельщика (извѣстный возрастъ, благонадежность, залогъ) а онъ долженъ удовлетворять всѣмъ требованіямъ государственной службы, сообразнымъ съ его специальными обязанностями. Между тѣмъ, въ этомъ отношеніи, законъ дѣлаетъ исключеніе по сравненію судебныхъ приставовъ съ помощниками секретарей судовъ и нотаріусами, обязанности которыхъ отнюдь не серьезнѣе приставскихъ. Отъ поступающаго въ помощники секретаря требуется: или окончаніе юридическаго курса, или чтобы они доказали на службѣ свои познанія по судебной части; отъ нотаріуса требуется экзаменъ, а отъ пристава ни того, ни другаго [1]). Даже формальныя условія, напр. отсутствіе судимости, легче для пристава; по точному смыслу 5 и 6 пунктовъ 299 ст. учр. суд. уст. нѣтъ препятствія принять на службу приставомъ даже лицо, отсидѣвшее извѣстный срокъ въ тюрьмѣ. Нотаріусъ опредѣляется хотя и по представленію предсѣдателя суда, но не имъ, а старшимъ предсѣдателемъ палаты; судебный приставъ гораздо болѣе чиновникъ нежели нотаріусъ, но

---

[1]) Прецедентъ для экзамена даетъ 218 ст. особаго наказа Петерб. суда, изданіе 1875 года.

его опредѣляетъ мѣстный предсѣдатель. Денежный залогъ пристава значительно меньше нотаріальнаго и не подлежитъ прогрессивному пополненію. Все это не мѣшало бы привести въ соотвѣтствіе законодательнымъ порядкомъ т. е. тѣмъ же порядкомъ, какимъ будетъ издаваться и общій наказъ. Но и немедленно, въ самомъ этомъ наказѣ, можно было бы дать инструкцію предсѣдателямъ, по сказаннымъ предметамъ. Въ ней полезно было бы установить для приставовъ обязательный экзаменъ, если они не получили юридическаго образованія, слѣдовало бы получившимъ таковое отдавать при открытіи вакансій предпочтеніе и отказъ въ принятіи предоставить обжаловать коллегіи суда, подобно тому, какъ установлено для лицъ, желающихъ зачислиться кандидатами на судебныя должности. Объ открывающихся вакансіяхъ слѣдуетъ поставить въ обязанность дѣлать публикаціи въ газетахъ мѣстныхъ и ближайшаго университетскаго города.

Нынѣ, въ отношеніи опредѣленія на должности судебныхъ приставовъ, господствуетъ полный произволъ предсѣдателей. Зависимость ихъ отъ него ведетъ къ тому, что желающій служить, считаетъ каждое слово предсѣдателя закономъ и разсказываются случаи, гдѣ кандидаты на судебныя должности, изъ лицъ кончившихъ юридическій курсъ, потому не поступали на вакансіи судебныхъ приставовъ, при личномъ желаніи, что предсѣдатель на заявленіе ихъ объ этомъ желаніи кратко отвѣчалъ: „несовѣтую-съ,“ потому что имѣлъ въ виду на эту вакансію своего родственника изъ отставныхъ военныхъ [1]).

Но произволъ предсѣдательскій этимъ не ограничивается. Разъ опредѣленіе штатнаго числа приставовъ состоялось, предсѣдателю принадлежитъ право назначать и мѣнять, по произволу, мѣстности для жительства судебныхъ приставовъ. О томъ, какое онъ сдѣлаетъ въ этомъ отношеніи распоряженіе, онъ не обязанъ поставлять въ извѣстность ни коллегію суда, ни министерство, ни старшаго предсѣдателя. Стало быть произволъ неумѣряется никакимъ, даже фиктивнымъ регуляторомъ. И вотъ оказывается, прежде всего, что на практикѣ судебные пристава откомандировываются для по-

---

[1]) Такой же произволъ и въ увольненіи приставовъ. Недавно одинъ предсѣдатель съѣзда уволилъ пристава безъ дисциплинарнаго производства, по 3 пункту 268 ст. II тома!

стояннаго исправленія обязанностей, вовсе непредусмотрѣнныхъ 321 и слѣд. ст. учр. суд. уст.

Хозяйственная часть въ судѣ лежитъ на обязанности предсѣдателя, и вотъ онъ беретъ себѣ въ помощь одного пристава и называетъ его экзекуторомъ; другой откомандировывается для исправленія обязанностей кассира; и тотъ и другой освобождаются отъ своихъ прямыхъ обязанностей и для исполненія послѣднихъ, ко вреду публики, остается менѣе лицъ. Бываетъ и хуже. Извѣстна судебная палата, гдѣ одно изъ лицъ, получающихъ жалованье судебнаго пристава, завѣдомо держится для завѣдыванія столомъ, находящимся на отвѣтственности такого члена уголовнаго департамента палаты, который самъ не хочетъ и не можетъ писать никакихъ опредѣленій т. е. держится для писанія опредѣленій за негоднаго судью палаты. Иногда бываетъ, что цѣлый большой уѣздъ остается безъ судебнаго пристава, потому что предсѣдателю нравится держать побольше приставовъ въ городѣ, гдѣ находится судъ. Иногда это продолжается даже вопреки протестамъ населенія уѣзда, заявленнымъ печатно. Когда въ такомъ уѣздѣ приходится прибѣгать къ содѣйствію пристава, то нужно приплачивать ему цѣлые десятки рублей прогоновъ только за одинъ пріѣздъ въ уѣздный городъ, изъ города гдѣ находится судъ. Самое мѣсто жительства, для пристава съ извѣстнымъ раіономъ, назначается иногда сообразно съ удобствами предсѣдателя и пристава, а не публики, и такъ какъ въ законѣ не предписано, чтобы оно было въ городѣ, то на практикѣ приставъ живетъ иногда въ селеніи, заводѣ, чуть не въ своемъ или предсѣдательскомъ хуторѣ и городскіе жители переплачиваютъ ему за это прогонныя и суточныя деньги. Все это можно прекратить безъ законодательнаго порядка, въ особыхъ наказахъ; но для этого должно быть указаніе, что общій наказъ не стоитъ, во чтобы то ни стало, за продолженіе предсѣдательской безконтрольности и не устраняетъ контроля коллегіи. Странное, въ самомъ дѣлѣ, явленіе встрѣчается въ нѣкоторыхъ судахъ. Предсѣдателю нужно прикрыть свой произволъ въ откомандированіи пристава для исполненія обязанностей кассира, и вы встрѣчаете въ особомъ наказѣ суда статью, санктирующую этотъ порядокъ. Но въ томъ же судѣ возмущаются, что одинъ изъ уѣздовъ лишенъ пристава; однако, когда зайдетъ рѣчь объ отмѣнѣ этого порядка, предсѣдатель указываетъ законъ, по которому распредѣленіе приставовъ—*его дѣло*. Очевидно тутъ можетъ помочь только тотъ или другой взглядъ, высказанный въ общемъ наказѣ.

Залогъ судебныхъ приставовъ слишкомъ малъ и потому надобно его увеличить, постановивъ вмѣстѣ съ тѣмъ и правило о періодическомъ его пополненіи. Это долженъ сдѣлать общій наказъ, опредѣливъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, что лица съ полнымъ образовательнымъ цензомъ, отъ взноса залога освобождаются.

Вознагражденіе судебныхъ приставовъ за ихъ дѣйствія по таксѣ, на нашъ взглядъ, составляетъ неудачную идею, навѣянную представленіемъ объ артельщикахъ и несообразную съ ролью пристава, какъ судебнаго чиновника, имѣющаго весьма мало общаго съ вознаграждаемыми по таксѣ нотаріусами и адвокатами. Но мы отнюдь не претендуемъ, чтобы съ нашимъ взглядомъ согласились въ законодательныхъ сферахъ.

Однако, при изданіи общаго наказа необходимо вспомнить, по крайней мѣрѣ, тѣ соображенія, которыя имѣлись въ виду составителей уставовъ, а именно то, что было признано нужнымъ „обязать тяжущихся къ взносу за каждое дѣйствіе судебнаго пристава опредѣленнаго *процента съ цѣны иска или тяжбы* и часть этого процента назначить въ пользу самого пристава, а другую часть на усиленіе суммъ, предназначаемыхъ на *содержаніе* приставовъ вообще“, а впослѣдствіи, когда выработалась идея о таксѣ за отдѣльныя дѣйствія, предполагалось, что „по установленіи этой таксы и послѣ нѣкотораго времени дѣйствія оной, можно будетъ принять мѣры къ осуществленію предположенія объ отдѣленіи .... нѣкоторой части на усиленіе суммъ, назначаемыхъ на *содержаніе* судебныхъ приставовъ“. (См. суд. уставы изданія госуд. канцел. разсужденія на ст. 313 и 314 учр. суд. уст.).

Другими словами, въ то время, первоначально, предполагалось брать процентъ въ пользу приставовъ съ цѣны иска (какъ берется судебная пошлина), часть его обращать въ пользу пристава непосредственно, а другую на усиленіе содержанія всѣхъ приставовъ, о таксѣ же за отдѣльныя дѣйствія не было и рѣчи, хотя и могла быть рѣчь о возмѣщеніи издержекъ по поѣздкамъ пристава.—Впослѣдствіи была признана умѣстною такса за отдѣльныя дѣйствія, но и тогда предполагалось въ будущемъ вычетами изъ собираемой по таксѣ суммы, все таки усиливать нормальное *содержаніе* приставовъ.

Если вернуться къ первой идеѣ, то увеличивъ пошлину съ цѣны иска, можно было бы вовсе обойтись безъ таксы; но и изъ существованія таксы можно извлечь пользу, если начать дѣлать пред-

полагавшіяся отчисленія нынѣ же. Чрезъ извѣстное число лѣтъ, путемъ этихъ отчисленій (подобно тому, какъ путемъ вычета 10% съ присяжныхъ повѣренныхъ) можетъ составиться такая сумма, которая дастъ возможность удвоить и утроить нормальное жалованье судебныхъ приставовъ, а еще позже, самое существованіе вознагражденія по таксѣ станетъ совершенно ненужнымъ.

Вотъ это то мы и предполагаемъ начать дѣлать теперь же, опредѣливъ въ наказѣ число подлежащихъ удержанію процентовъ и сосредоточивъ отчетность по этому предмету и самыя суммы въ министерствѣ юстиціи, остальную же за вычетомъ сумму, немедленно распредѣлять въ судахъ.

Этимъ лучше всего уравнились бы судебные пристава въ отношеніи получаемой ими ежегодно суммы денегъ, вмѣсто теперешняго уравненія ихъ въ этомъ отношеніи продолжительной перепиской о распредѣленіи всей суммы, вырученной по таксѣ согласно 314 ст. учр. суд. уст. Переписка эта отнимаетъ время у всѣхъ до кого касается и ведетъ за собою для судебныхъ приставовъ только промедленіе въ полученіи денегъ.

Увеличивать содержаніе можно было бы начать съ тѣхъ округовъ, гдѣ пристава получаютъ меньше и только впослѣдствіи увеличеніе это распространить повсемѣстно.

Существованіе таксы есть одно изъ обстоятельствъ, которое обыкновенно упускаютъ изъ виду, когда задаются вопросомъ, почему въ судебные пристава неохотно поступаютъ лица съ лучшимъ образовательнымъ цензомъ; обыкновенно, при исчисленіи причинъ этого явленія, первое мѣсто отводятъ унизительности функціи раздачи повѣстокъ. Думаемъ, что самая эта функція потеряла бы свой унизительный характеръ, если бы врученіе повѣстокъ не сопровождалось полученіемъ четвертаковъ за нихъ.

Но мы вполнѣ согласны съ тѣми, которые желаютъ распространенія на всѣ округа, существующаго въ Царствѣ Польскомъ института судебныхъ разсыльныхъ. Отзывы объ этомъ институтѣ департаментъ министерства юстиціи требовалъ уже давно и мы удивляемся, что въ общемъ наказѣ не заключается никакихъ правилъ о разсыльныхъ. Вѣдь общій наказъ обнимаетъ и Варшавскій округъ. Въ Варшавскомъ наказѣ окружнаго суда, правила о разсыльныхъ уже имѣются (ст. 143—150) и ихъ можно было бы внести въ общій наказъ. На судебныхъ разсыльныхъ можно было бы возлагать иногда и раздачу повѣстокъ слѣдователей, членовъ суда, въ

тѣхъ случаяхъ, когда они дѣйствуютъ единолично, и т. п. функціи. Можно было бы также оговорить въ общемъ наказѣ служебныя права разсыльныхъ вообще и предоставить опредѣлять ихъ и слѣдователямъ и мировымъ судьямъ, за плату на свой счетъ, съ тѣми же правами, какъ и разсыльные при судахъ.

Если охраненіе порядка въ публичныхъ засѣданіяхъ признано будетъ возможнымъ возложить также на разсыльныхъ (что допускаетъ Варшавскій наказъ въ ст. 40 и съ чѣмъ мы несогласны) то существованіе особыхъ судебныхъ приставовъ въ судебныхъ палатахъ окажется совершенно излишнимъ и ихъ можно будетъ сократить.

Дежурство приставовъ въ судебныхъ засѣданіяхъ на выѣздныхъ сессіяхъ, чрезвычайно для нихъ утомительное и лишающее ихъ возможности на долгое время заниматься своимъ прямымъ дѣломъ, можно было бы замѣнить, по общему наказу, дежурствомъ одного изъ мѣстныхъ чиновъ полиціи. Несомнѣнно отъ этого выиграла бы публика, исполнительные листы которой залеживаются у пристава во время сессій по цѣлымъ недѣлямъ, а уголовныя дѣла пострадали бы несомнѣнно меньше, чѣмъ отъ замѣны судей коронныхъ— мировыми.

Но противъ такого предложенія въ судахъ возстали бы очень многіе и вотъ почему. Въ нѣкоторыхъ судахъ устроился обычай возлагать на судебнаго пристава, присутствующаго въ засѣданіи на выѣздной сессіи, составленіе расчетовъ о количествѣ судебныхъ издержекъ по каждому уголовному дѣлу и затѣмъ удовлетвореніе деньгами по расчету вызванныхъ по дѣлу свидѣтелей, явившихся изъ мѣстностей далѣе 15 верстъ.

Въ основаніи такого обычая лежитъ, съ одной стороны, недоразумѣніе, съ другой — безотвѣтственность приставовъ и только отчасти удобство свидѣтелей.

Всякія опредѣленія суда, а стало быть и тѣ, которыя постановляются по 986 ст. уст. угол. суд. должны быть постановляемы на основаніи доклада одного изъ членовъ, а не на основаніи расчета, составленнаго, вмѣсто члена, кѣмъ либо другимъ. Но, конечно, судебный приставъ человѣкъ безотвѣтный и противъ порученія составлять расчетъ спорить не посмѣетъ, какъ не споритъ и тогда, когда предсѣдатель суда командируетъ его на вокзалъ желѣзной дороги встрѣтить и повѣрить багажъ пріѣзжающаго на ревизію

старшаго предсѣдателя палаты. Tacito consensu обычай распространился и когда судьи кончають уже свои нелегкія занятія, заслушавъ 3—4 дѣла съ присяжными, бѣдный приставъ остается въ помѣщеніи иногда всю ночь, для составленія расчетовъ о количествѣ издержекъ по заслушаннымъ дѣламъ. На слѣдущій день расчетъ докладывается т. е. опредѣленіе на печатанномъ бланкѣ подписывается судьями и въ обѣденный или другой краткій перерывъ засѣданія, когда судьи закусываютъ или курятъ, вы видите пристава, окруженнаго толпою крестьянъ и раздающаго имъ деньги по расчету.—Въ этотъ періодъ, услугами судебнаго пристава пользуется незаконно уже не судъ, а прокуратура, потому что извѣстно, что исполненіе судебныхъ опредѣленій по дѣламъ уголовнымъ, лежитъ именно на обязанности прокуратуры. По настоящему, копія съ опредѣленія, для приведенія его въ исполненіе, вмѣстѣ съ подлежащимъ количествомъ денегъ, должна быть препровождена прокурору или его товарищу и этимъ вся роль суда кончилась бы, а раздачу денегъ произвелъ бы самъ или чрезъ своего писаря, прокуроръ или его товарищъ. Но отчего же не сдѣлать любезности прокуратурѣ цѣною чужаго труда, если тотъ кто несетъ трудъ, не въ состояніи протестовать?

Вѣдь пристава, при первой провинности, можно посадить властію предсѣдателя на семь дней подъ арестъ, какъ и всякаго канцелярскаго чиновника и никакой апелляціи на это не полагается.

Тутъ ужъ отчасти виноватъ самъ законъ, расширившій единоличную юрисдикцію предсѣдателя свыше безъапеляціонной юрисдикціи совѣта судебныхъ приставовъ, [1]) но при составленіи общаго наказа полезно имѣть въ виду обычаи, которые создаются и облегчаются нѣкоторыми несообразностями въ законѣ. Такъ и здѣсь—нотаріуса арестовать нельзя, а секретаря и пристава можно.

Думается, что если бы личная власть предсѣдателя, надъ поименованными лицами, была уменьшена, если бы, напримѣръ, на постановленія предсѣдателя, подвергающія ихъ взысканію свыше предостереженія, допускались жалобы общему собранію суда, то мы бы встрѣчали въ числѣ приставовъ лицъ болѣе себя уважающихъ и болѣе соотвѣтствующихъ требованіямъ своего званія.

---

[1]) Высшая мѣра взысканія совѣтомъ съ пристава, безъапелляціонно, есть, по 341 ст. учр. суд. уст. выговоръ.

Въ настоящемъ отдѣлѣ нашей статьи, мы сдѣлали, кажется, достаточно указаній на такія мѣры, которыми и безъ коренной ломки законодательства, можно сдѣлать многое въ отношеніи облагороженія и возвышенія института судебныхъ приставовъ. Когда приставъ будетъ настоящимъ чиновникомъ, съ опредѣленнымъ окладомъ въ 1000—1500 рублей, когда онъ будетъ хоть настолько самостоятеленъ какъ нотаріусъ, тогда въ пристава, и безъ всякой таксы, станутъ поступать люди съ научной подготовкой—тѣ же кандидаты на судебныя должности.

Однако, до тѣхъ поръ, въ приставахъ нельзя предполагать юридическихъ познаній и потому полезно, какъ въ особыхъ, такъ и въ общемъ наказѣ, помѣщать возможно болѣе подробныхъ правилъ на разные практическіе случаи ихъ дѣятельности. И опять приходится сказать, что разбираемый проектъ общаго наказа недостаточно принялъ во вниманіе эту потребность. Отдѣлъ его о судебныхъ приставахъ можно было бы значительно пополнить постановленіями особыхъ наказовъ судовъ: Варшавскаго, Екатеринбургскаго, Саратовскаго проекта общаго наказа (стр. 172—188) замѣчаніями разныхъ практиковъ [1]). Дать проектъ всѣхъ такихъ постановленій намъ некогда и мы отсылаемъ любопытныхъ къ поименованнымъ изданіямъ.

Но въ заключеніе скажемъ то, чего еще не касались другіе, а именно: во первыхъ, что надобно перенести въ общій наказъ перечисленіе тѣхъ обязанностей, которыя лежатъ на приставахъ по исполненію опредѣленій уголовныхъ судовъ (см. указъ правительствующаго Сената по вопросу о порядкѣ производства денежныхъ взысканій, напечатанный въ сборникѣ рѣшеній общаго собр. касс. департ. за 1878 г. № 37) и во вторыхъ, выяснить противурѣчіе, встрѣчающееся между постановленіемъ статьи 1142 уст. гражд. суд. по которой, недвижимыя имѣнія можно продавать только въ сроки, назначаемые особымъ росписаніемъ и ст. 1132, по которой существованіе росписанія о срокахъ является совершенно безцѣльнымъ, если понимать, какъ это дѣлаютъ нѣкоторые, что, при соглашеніи между взыскателемъ и должникомъ, имѣніе можетъ быть продано внѣ сроковъ, установленныхъ росписаніемъ.

---

[1]) Такія замѣчанія приведены, и статьи перечислены, въ брошюрѣ М. В. Шимановскаго—О нѣкоторыхъ недостаткахъ, встрѣчающихся на практикѣ и проч. Казань 1881 г.

По отдѣлу проекта о старшихъ нотаріусахъ, мы сдѣлаемъ немного замѣчаній. Это неудачное и отживающее учрежденіе лишилось въ послѣднее время всякаго смысла. По закону старшій нотаріусъ сравнивается относительно содержанія, служебныхъ правъ и преимуществъ, и въ порядкѣ опредѣленія и увольненія, съ членами окружнаго суда; но потому ли, что онъ носитъ особое названіе или почему либо другому, никто не смотрѣлъ серьезно на на эту должность. Старшіе нотаріусы назначались даже не печатнымъ приказомъ, а письменнымъ ордеромъ министерства юстиціи, къ исправленію этой должности, а суды, даже тамъ, гдѣ лишній работникъ очень дорогъ, не дѣлали опыта утилизировать свободное время старшаго нотаріуса, привлеченіемъ его къ участію въ дежурствѣ по суду, ревизіяхъ нотаріусовъ, присутствованіи при торгахъ и т. п. функціяхъ. Между тѣмъ странно, что слѣдователя, младшаго по классу члена суда, можно приглашать къ участію въ функціяхъ коллегіальнаго суда, а старшаго нотаріуса нельзя.— Въ нѣкоторыхъ судахъ, старшимъ нотаріусамъ положительно нечего дѣлать; должность обратилась въ синекуру и благодаря тому, что лица назначаются только къ исправленію этой должности, суды иногда представляютъ на нее тѣхъ, кого въ слѣдователи напр. они бы никогда не представили.

Мы знаемъ такой случай, гдѣ судъ представилъ на должность старшаго нотаріуса слѣдователя, про котораго, при подачѣ за него голосовъ, большинство судей такъ и выражалось „представить, потому, что въ слѣдователяхъ его дольше держать невозможно“. И представленный недавно получилъ назначеніе. А между тѣмъ, въ виду суда были почтенные кандидаты, уже знакомые съ дѣломъ, но судъ не расчитывалъ, что они пройдутъ. Неправда ли какая жалкая комедія отношеній суда къ министерству!

Сколько времени суждено еще существовать старшимъ нотаріусамъ въ теперешнемъ видѣ, мы не знаемъ и потому считали нужнымъ сдѣлать приведенныя указанія. Собственно же по поводу проекта наказа замѣтимъ, что срокъ обязательнаго пріема просителей этими лицами, по проекту, слишкомъ малъ (всего два часа, что поведетъ на практикѣ къ тому, что дальше и все пребываніе старшаго нотаріуса въ архивѣ продолжаться не будетъ) а также, что совершенно не къ чему ревизію нотаріальнаго архива производить цѣлымъ присутствіемъ изъ трехъ *или болѣе* судей (ст. 228 проекта) если ничего подобнаго не предполагается соблюдать въ

отношеніи слѣдователей—такихъ же членовъ суда. Ни слѣдователь, ни старшій нотаріусъ, какъ совершенно правильно разъясняетъ Сенатъ, въ приведенномъ указѣ о правѣ ревизіи слѣдователей, не составляютъ какой либо судебной инстанціи и потому ревизовать ихъ цѣлымъ присутствіемъ, а не чрезъ отдѣльныхъ членовъ суда, не представляется никакого основанія, и такое требованіе, при обремененности судовъ, послужитъ только къ тому, что ревизіи будутъ производиться рѣже или ихъ даже вовсе не будетъ, тѣмъ болѣе, что и обязательнаго срока для ихъ производства проектъ наказа не даетъ. Наконецъ, по нашему, мнѣнію, слѣдовало бы дать въ наказѣ и ближайшее поясненіе употребленнаго въ ст. 44 нотар. положенія термина „чиновника суда." Неужели, въ самомъ дѣлѣ, *по усмотрѣнію предсѣдателя* всякій канцелярскій чиновникъ, всякій писецъ можетъ временно исправлять должность V класса, должность члена суда, кореннымъ требованіямъ которой онъ не удовлетворяетъ.

Намъ извѣстенъ случай, гдѣ одинъ господинъ, исправлявшій долго должность старшаго нотаріуса (даже формально, не по представленію однако суда, а только по рекомендаціи предсѣдателя) выписывалъ писцамъ жалованья больше чѣмъ давалъ въ дѣйствительности, заставляя ихъ расписываться полностью и удерживая 25 рублей въ мѣсяцъ для жены, которая будто бы наводила у него справки о запрещеніяхъ, по книгамъ, съ 1874 года. Знала объ этомъ вся канцелярія и, какъ водится, не знали или показывали видъ что не знаютъ, только тѣ, кому вѣдать надлежало. И этого господина, по иниціативѣ предсѣдателя, однажды чуть было не провели въ настоящіе члены суда. Каковы же иногда будутъ временные замѣстители старшихъ нотаріусовъ.

Недостатки существующаго положенія о нотаріусахъ, въ чемъ они касаются какъ самихъ нотаріусовъ, такъ и публики, не всѣ таковы, чтобы нельзя было ихъ исправить, безъ коренной ломки законодательства, мѣрами наказовъ. Если просмотрѣть хотя бы проектъ нотаріальнаго положенія, пересмотрѣннаго Петербургскими нотаріусами въ 1877 году, по порученію министерства юстиціи, да проектъ общаго наказа, составленный Саратовскимъ судомъ, то можно уже изъ этихъ двухъ источниковъ, не говоря объ особыхъ наказахъ, многое заимствовать для общаго наказа, предположеннаго къ изданію нынѣ.

Мы уже указывали въ статьѣ, помѣщенной въ I книгѣ Журна-

ла Гр. и Уг. права, на существующій обычай покупки и продажи нотаріальныхъ конторъ и на тѣ мѣры, которыя, въ предупрежденіе такого явленія, придумалъ въ своемъ проектѣ Саратовскій окружный судъ. Странно, что оффиціальный проектъ не позаимствовалъ ихъ оттуда. Въ немъ правда повторено правило объ обязательности публикаціи, но не опредѣлено въ какомъ изданіи дѣлается публикація и въ какой срокъ по публикаціи должны явиться конкуренты. Все это есть въ Саратовскомъ проектѣ, вмѣстѣ со многими другими, полезными правилами. Впрочемъ, по личному нашему мнѣнію, срокъ на явку желающихъ къ экзамену, долженъ быть болѣе мѣсячнаго и публикаціи нужно бы дѣлать кромѣ мѣстныхъ еще и въ газетахъ ближайшаго университетскаго города.— Конечно, всякія правила можно, скажутъ намъ, обойти при соглашеніи, въ особенности, между продавцомъ и покупателемъ съ одной, а предсѣдателемъ и старшимъ предсѣдателемъ съ другой стороны. Но все таки необходимо ихъ установить, хотя бы для того, чтобы легче констатировать дѣйствія послѣдне-названныхъ лицъ, безъ помощи которыхъ случаи продажи конторъ были бы рѣже. Такъ, напримѣръ, слѣдовало бы разъяснить, что принимать залоги и экзаменовать кандидатовъ въ нотаріусы, можно и должно не во всякое время, а только при имѣніи вакансій уже открывшихся. Поводъ къ изданію подобнаго правила намъ даетъ слѣдующій случай, бывшій весьма недавно.

Предсѣдатель и старшій предсѣдатель палаты, дали слово старшему нотаріусу мѣстнаго суда, замѣстить его на вакансію нотаріуса, продававшуюся въ томъ же городѣ. Но нужно было поступать осторожно, потому что имѣлись въ виду другіе кандидаты и оппозиція, хотя пассивная, со стороны нѣкоторыхъ судебныхъ дѣятелей. Старшему нотаріусу на поѣздку къ старшему предсѣдателю разрѣшили отпускъ, къ исправленію его должности назначили кандидата и въ тотъ же день проэкзаменовали старшаго нотаріуса на *могущую открытся* должность нотаріуса. Кандидатъ на судебныя должности, приглашенный предсѣдателемъ въ экзаменаторы, конечно, не смѣлъ протестовать; прокуроръ находилъ страннымъ участвовать въ экзаменѣ на должность еще неоткрывшуюся, но предсѣдатель ему объяснилъ, что законъ вѣдь нигдѣ этого прямо *невоспрещаетъ*.. Въ судъ былъ внесенъ и залогъ также заблаговременно, даже ранѣе экзамена, а публикаціи вовсе не дѣлалось, потому что продававшій контору прошенія не подавалъ, доколѣ не убѣдится

окончательно въ согласіи старшаго предсѣдателя. Мѣстная газетка отмѣтила странность описанныхъ фактовъ, но кто ее читаетъ въ Петербургѣ, а на мѣстѣ бояться было некого! Старшій нотаріусъ поѣхалъ къ старшему предсѣдателю палаты, а тогда уже все остальное сдѣлалось быстро—разъ, два, три, allez, passez, marchez, changez de places и старшій нотаріусъ вернулся простымъ нотаріусомъ, съ чѣмъ его ехидно и поздравила таже мѣстная газета.—Никто не удивится, если послѣ этого утонченнаго способа [1]) производства въ нотаріусы, мы предложимъ разъяснить въ общемъ наказѣ, что публикація должна предшествовать и экзамену и пріему залоговъ отъ кандидатовъ въ нотаріусы, а до истеченія срока публикаціи экзамены производимы быть не могутъ. Законодательство должно прогрессировать по мѣрѣ возрастанія ухищреній, направленныхъ къ обходу законовъ и общій наказъ несвободенъ отъ этой обязанности, къ сожалѣнію даже въ тѣхъ порядкахъ, которые законъ спокойно предоставлялъ въ началѣ контролю однихъ предсѣдателей.

Въ общій наказъ слѣдовало бы, по нашему мнѣнію, ввести всѣ когда либо изданныя министерствомъ временныя правила, относящіяся до внутренняго распорядка въ нотаріальныхъ учрежденіяхъ. Существованіе этихъ правилъ (напр. тѣхъ, которыя распубликованы 3 ноября 1867 г.) въ отдѣльности и на ряду съ общимъ наказомъ, будетъ только вносить путаницу въ разрѣшеніе вопроса: на какія изъ правилъ слѣдуетъ ссылаться въ подлежащихъ случаяхъ. Взглядъ этотъ, повидимому, раздѣляетъ и А. В. Лонгиновъ въ статьѣ: О нотаріально-явочныхъ обязанностяхъ мировыхъ судей. (Жур. Гр. и Угол. права 1881 г.). Необходимо также внести въ общій наказъ и тѣ правила, которыя могутъ быть установлены согласно съ указомъ сената отъ 9 октября 1879 года за № 239, вызвавшимъ упомянутую прекрасную статью г. Лонгинова.

Необходимо далѣе принять во вниманіе частое повтореніе, въ послѣднее время, случаевъ неисправной сдачи по принадлежности нотаріусами сборовъ, взимаемыхъ ими по мѣсту совершенія договоровъ. Поводъ къ этому отчасти подаютъ иногда самыя тѣ учрежденія, въ распоряженіе которыхъ должны поступать сборы, непро-

---

[1]) Болѣе простой способъ облегченія покупки-продажи, состоитъ въ назначеніи покупателя въ городъ, гдѣ онъ жить не будетъ и въ переводѣ затѣмъ покупателя на мѣсто продавца, который выходитъ въ отставку.

изводя своевременно ревизіи книгъ и ихъ записку, особенно тамъ, гдѣ сборы эти поступаютъ въ ничтожномъ количествѣ. Какъ побудить городскую управу или волостное правленіе аккуратно ревизовать книги сборовъ у нотаріусовъ—это нигдѣ не указано. Суды не имѣютъ къ этому возможности и здѣсь необходимы мѣры общаго наказа, какъ законодательнаго акта. Отсутствіе повѣрки сборовъ представляетъ, для нѣкоторыхъ нотаріусовъ, соблазнъ временно занимать деньги изъ этихъ суммъ, для людей же почтенныхъ и исправныхъ представляетъ то неудобство, что, по отсутствію въ ихъ книгахъ надписей объ ихъ свидѣтельствованіи, могутъ заподозрить, что нотаріусы сами не представляли книгъ къ свидѣтельству. Противъ такого подозрѣнія можно защититься только своевременно извѣстивъ судъ, что нотаріусъ возилъ книгу въ волостное правленіе, но ее свидѣтельствовать такія то лица отказались. Можетъ быть и слѣдовало бы въ наказѣ установить подобное правило, обязавъ затѣмъ судъ, по полученіи такого извѣщенія, передавать оное на распоряженіе губернатора или другой власти, пользующейся правомъ напоминать общественнымъ и сословнымъ учрежденіямъ ихъ обязанности.

Бываютъ случаи, гдѣ неисправный взносъ сборовъ является необусловленнымъ ничѣмъ стороннимъ и прямо представляетъ собою растрату чужаго. Въ такихъ случаяхъ надобно, конечно, немедленно констатировать зло и карать его; но къ сожалѣнію и тамъ, гдѣ къ этому стремятся, встрѣчаются странныя преткновенія. Нотаріусъ, еще формально неизобличенный въ растратѣ, начинаетъ опаздывать сдачей по принадлежности сборовъ; городская управа сообщаетъ предсѣдателю, но предсѣдатель медлитъ внести это сообщеніе въ общее собраніе, а ограничивается напоминаніями нотаріусу о необходимости сдавать сборы.—Вдругъ обнаруживается крупная растрата суммъ. *Напоминанія*, на дѣйствительность которыхъ такъ надѣется проектъ общаго наказа, не привели ни къ чему. По требованію прокурора палаты, противъ предсѣдателя, дѣлавшаго напоминанія, возбуждается дисциплинарное производство. По изданіи общаго наказа, согласнаго съ проектомъ, этого пожалуй не случилось бы: предсѣдатель вѣдь принималъ такія мѣры, которыя самъ наказъ считаетъ за дѣйствительныя мѣры къ возстановленію нарушеннаго порядка....

Другой разъ, въ округѣ той же палаты, дѣло идетъ иначе. По сообщеніямъ управы, противъ нотаріуса, за несвоевремеменный

взносъ сборовъ, возбуждается дисциплинарное производство; но палата его прекращаетъ, находя, что срокъ на передачу сборовъ по принадлежности, въ законѣ не опредѣленъ. Послѣ этого нотаріусъ продолжаетъ дѣйствовать по прежнему цѣлые годы, а судъ, въ виду высказаннаго палатою взгляда, ничего сдѣлать не считаетъ себя въ правѣ. Доходитъ дѣло до того, что для всѣхъ становится яснымъ, что нотаріусъ живетъ, изъ мѣсяца въ мѣсяцъ, на деньги, собираемыя въ пользу города. За май онъ вноситъ сборы въ сентябрѣ, за іюнь въ октябрѣ и такъ далѣе, все отставая и отставая отъ сроковъ взноса. Управа продолжаетъ сообщенія, предсѣдатель, по временамъ, когда ему вздумается, докладываетъ ихъ по два, по три заразъ, судъ требуетъ объясненій, нотаріусъ медлитъ, судъ пишетъ подтвержденія, нотаріусъ увѣдомляетъ, что за тотъ мѣсяцъ, о которомъ идетъ переписка, онъ *теперь* деньги сдалъ; остается значитъ одна несвоевременность сдачи, возбуждать о которой дисциплинарное производство не стоитъ, и такъ, завѣдомо для всего города, дѣло продолжается три слишкомъ года, въ теченіе которыхъ два раза пріѣзжаетъ на ревизію старшій предсѣдатель и ничего не усматриваетъ.... Спасибо прокурору, ему пришло въ голову потребовать экстренной ревизіи наличныхъ суммъ. Послали ревизоровъ, не безъ нѣкоторыхъ препреканій о томъ, можетъ ли быть въ ихъ числѣ лицо прокурорскаго надзора (предсѣдатель находилъ, что нѣтъ закона разрѣшающаго, но судьи, которымъ позорная комедія нотаріуса надоѣла, поддержали на этотъ разъ прокурора) и растрата констатирована въ тотъ же день, въ значительной суммѣ, но констатирована цѣлыми годами позже, чѣмъ это могло бы быть, при должномъ порядкѣ. — Казалось бы что послѣ этого можно было-бы суммы непереданнаго сбора вычесть прямо изъ залога нотаріуса, а его самого, какъ неимѣющаго полнаго залога устранить отъ должности, но закона, *разрѣшающаго* это, якобы, не оказалось, и судъ рискнулъ только просить палату объ устраненіи нотаріуса отъ должности. Но нотаріусъ и до сихъ поръ неустраненъ; комедія, которую онъ разыгрывалъ цѣлые годы, грозитъ продолжаться до безконечности, тѣмъ болѣе, что растрата, преступленіе длящееся и протоколы о новыхъ растратахъ и сообщенія о новыхъ невзносахъ теперь уже будутъ препровождаться къ слѣдователю *по совокупности*.

Изъ этого примѣра можно видѣть, что надо бы сдѣлать въ общемъ наказѣ. Между прочимъ, необходимо пояснить § 43 пра-

вилъ и формъ къ положенію о нотаріальной части, опредѣливъ въ какой именно срокъ [1]), въ концѣ мѣсяца, собранные нотаріусами сборы подлежатъ передачѣ въ хозяйственное управленіе, потому что слова: *въ концѣ мѣсяца*, сами по себѣ, ничего не опредѣляютъ; необходимо указать, можетъ ли нотаріусъ отговариваться неполученіемъ сборовъ съ лицъ совершавшихъ акты, если онъ уже занесъ статью въ книгу сборовъ; необходимо пояснить, что требованіе, адресованное въ судъ городскою управою или другимъ хозяйственнымъ управленіемъ, объ удержаніи изъ залога нотаріуса суммы невнесенныхъ въ срокъ сборовъ, значущихся по книгѣ, есть требованіе безспорное, подлежащее немедленному удовлетворенію и влекущее за собою послѣдствіе, указанное въ 11 ст. нот. полож. т. е. устраненіе отъ должности властію суда, съ послѣдующимъ увольненіемъ, если чрезъ полгода не пополнится залогъ.

Залогъ нотаріусовъ составляетъ другое, больное мѣсто, вызывающее недоразумѣнія. Наблюденіе за пополненіемъ залоговъ слабо, да къ тому же парализуется неясностью статей, относящихся до порядка исчисленія суммы дополнительнаго залога [2]). Пополненіе частныхъ взысканій изъ залога нотаріуса тоже практикуется разнообразно и должно бы быть регулировано Одни придерживаются того порядка, который проектированъ Саратовскимъ судомъ (стр. 197 проекта); другіе непризнаютъ возможнымъ обращеніе частнаго взысканія на залогъ и мы знаемъ случай, гдѣ предсѣдатель суда, рапортъ судебнаго пристава объ обращеніи взысканія на залогъ, посовѣщавшись съ нѣкоторыми цивилистами, храбро оставилъ безъ послѣдствій, невнося даже въ судъ, хотя дѣло касалось того самого нотаріуса, о которомъ говорилось выше. Принявъ Саратовскій порядокъ, надобно опредѣлить и послѣдствія временнаго устраненія. Въ этомъ отношеніи можно придержаться проекта Петербургскихъ нотаріусовъ т. е. постановить, что и въ этомъ случаѣ, при непополненіи залога въ теченіи шести мѣсяцевъ, должность такого нотаріуса объявляется вакантною.

Требуетъ также опредѣленія въ наказѣ, что разумѣть подъ словами „обязанности присяжныхъ повѣренныхъ“, употребленными въ ст. 19 нотар. полож. Судя по буквальному ея изложенію, надо ду-

---

[1]) Напр. въ шестидневный, по проекту Петербургскихъ нотаріусовъ (ст. 400).

[2]) См. замѣтку И. К. С.—О дополнительномъ залогѣ нотаріусовъ, въ Юридич. Вѣстникѣ за Іюнь мѣсяцъ.

мать, что нотаріусамъ запрещается принимать только *постоянныя* обязанности присяжныхъ повѣренныхъ т. е. становиться въ обязанность исполнять функціи присяжнаго повѣреннаго, даже помимо желанія, — напр. защищать по уголовнымъ дѣламъ Но есть суды, разсуждающіе иначе и даже прекращающіе дѣло, заведенное повѣреннымъ, уполномоченнымъ передовѣріемъ нотаріуса, получившаго первую довѣренность отъ частнаго лица и возбуждающіе даже противъ нотаріуса дисциплинарное производство! Конечно, это очень на руку адвокатамъ по професіи, но на нашъ взглядъ несогласно ни съ бывшими въ виду составителей уставовъ мотивами, ни съ рѣшеніями кассаціоннаго сената, напр гражд. д-та 1875 г. № 888, по дѣлу Безобразова Съ тѣхъ поръ, какъ издано нотаріальное положеніе, на свѣтъ появился институтъ частныхъ повѣренныхъ и поэтому, если есть какое либо основаніе противуполагать теперь нотаріусовъ частнымъ повѣреннымъ, то конечно предпочтеніе придется отдать нотаріусамъ - и стѣснять ихъ въ правѣ веденія чужихъ дѣлъ, гдѣ они найдутъ это удобнымъ, неразумно.

Порядокъ временнаго исправленія обязанностей отсутствующаго нотаріуса, слѣдовало бы тоже подробнѣе опредѣлить въ общемъ наказѣ. Есть председатели слишкомъ строго относящіеся къ замѣстителямъ нотаріусовъ (см. рѣш. общ. собр касс. д-товъ 1878 г. № 49), а есть и такіе, которые берегутъ болѣе интересъ *конторъ*, нежели интересы публики, обращающейся въ контору [1]) и назначаютъ исправляющими должность нотаріуса всякое указанное лицо, безъ экзамена, безъ привода къ присягѣ и безъ всякихъ соображеній годится ли оно куда либо. Въ общемъ наказѣ слѣдовало бы поставить въ обязанность приводить замѣстителей къ присягѣ и подвергать ихъ предварительно экзамену.

О срокахъ ревизіи нотаріусовъ и ихъ документальной отчетности, проектъ общаго наказа не упоминаетъ, предоставляя это вѣроятно усмотрѣнію судовъ... Относительно кандидатовъ на судебныя должности, въ проектѣ общаго наказа. всего пять статей, тогда какъ устройство службы этихъ лицъ представляетъ особенную важность въ виду того, что кандидаты единственный резервъ, изъ котораго слѣдовало бы въ будущемъ пополнять новыя судебныя учрежденія. Устройству судьбы кандидатовъ посвящались цѣлыя моногра-

---

[1]) См. Савицкій. Объ исправляющихъ должность нотаріусовъ. Жур. Гр. и Уг. Пр. 1880 г. кн. IV.

фіи, напр. г. Муравьева въ Жур. гр. и уг. пр. за 1880 г. Съ другой стороны, записка прокурора Варшавской судебной палаты Н. А. Трохимовскаго, возбуждаетъ вопросъ о необходимости учрежденія штатныхъ кандидатовъ при судебныхъ мѣстахъ, какъ одномъ изъ средствъ къ улучшенію слѣдственной части. Составитель проекта общаго наказа напрасно незаимствовалъ кое-чего изъ названныхъ сочиненій. Г. Муравьевъ, въ концѣ своей статьи, даетъ полный проектъ мѣръ къ упорядоченію устройства, дѣятельности и карьеры кандидатовъ и съ нѣкоторыми изъ этихъ мѣръ можно на нашъ взглядъ безусловно согласиться [1]).

Послѣдній разрядъ лицъ, состоящихъ при судебныхъ мѣстахъ, которому проектъ посвящаетъ 6 главу III раздѣла, составляютъ присяжные и частные повѣренные.

Упоминаніе объ этихъ послѣднихъ, въ проектѣ, исходящемъ изъ министерства юстиціи, доказываетъ, что въ министерствѣ этомъ еще не созрѣла мысль объ уничтоженіи закона 25 мая 1874 года, хотя на неудобства его, во всѣхъ отношеніяхъ, встрѣчаются постоянныя указанія въ печати и слухи объ упраздненіи этихъ частныхъ повѣренныхъ уже повторялись нѣсколько разъ. Нельзя не сказать по этому поводу, вмѣстѣ съ одною изъ провинціальныхъ газетъ, что чѣмъ скорѣе послѣдуетъ отмѣна сказаннаго закона, тѣмъ лучше, потому что тѣмъ менѣе лицъ охватитъ она собою, такъ какъ необходимо будетъ и при отмѣнѣ, оставить званіе частнаго повѣреннаго за лицами разъ его пріобрѣвшими, которыхъ съ каждымъ годомъ все больше и больше [2]). Существованіе правилъ о лицахъ, имѣющихъ право быть повѣренными по чужимъ дѣламъ, положительно мѣшаетъ развитію присяжной адвокатуры, а обществу недаетъ никакихъ гарантій. Суды, при принятіи лицъ, ищущихъ званія частныхъ повѣренныхъ, не отличаются особою разборчивостію; многіе изъ нихъ, по примѣру Московской судебной палаты (признавшей по дѣлу нѣкоего Левицкаго, что разъ принятаго частнаго повѣреннаго нельзя исключить безъ формальной, дисциплинарной

[1]) Другія изъ предложенныхъ г. Муравьевымъ мѣръ, непрактичны, напр. конкурсныя испытанія на высшіе и низшіе оклады и на должности.

[2]) Екатерин. Недѣля № 9. Изъ той же газеты (№ 14) узнаемъ, что мѣстный судъ выразилъ предъ ревизовавшимъ сенаторомъ Ковалевскимъ просьбу о снятіи съ судовъ обязанности надзора за частными адвокатами т. е. въ сущности объ отмѣнѣ этого института.

процедуры) возобновляютъ изъ года въ годъ свидѣтельства лицамъ, завѣдомо незаслуживающимъ довѣрія и проявляютъ надзоръ за ними только въ случаяхъ вопіющихъ, формальныхъ жалобъ и такимъ образомъ, эти лица стали de facto несмѣняемыми и безнаказанными эксплуататорами честнаго, адвокатскаго имени.

Что касается присяжныхъ повѣренныхъ, то этотъ институтъ не развивается, благодаря существованію рядомъ съ нимъ пародіи на него, въ видѣ частныхъ повѣренныхъ, да еще благодаря тѣмъ отношеніямъ, которыя установились кое гдѣ между нимъ и судами. Съ тѣхъ поръ какъ, шесть лѣтъ тому назадъ, дальнѣйшее образованіе совѣтовъ присяжыхъ повѣренныхъ было *временно* пріостановлено, помощники присяжныхъ повѣренныхъ приравнены къ частнымъ ходатаямъ, а просьбы существующихъ совѣтовъ, объ установленіи комплекта повѣренныхъ были неоднократно отклоняемы,—нѣкоторые суды и судьи перестали вѣрить въ прочность организаціи института присяжныхъ повѣренныхъ, перестали видѣть въ нихъ представителей единаго сословія и скорѣе стали склонны считать присяжныхъ повѣренныхъ за прямо подчиненныхъ себѣ отдѣльныхъ, состоящихъ при судахъ лицъ, отличающихся отъ частныхъ повѣренныхъ, кромѣ значка, развѣ только большею степенью подчиненности.

Намъ кажется, что именно эта идея лежала въ основаніи нѣкоторыхъ, получившихъ извѣстность столкновеній, напр. П. Анца съ Энденомъ въ Варшавѣ, Никольскаго съ Рынкевичемъ въ Москвѣ, да еще въ Орлѣ, и въ послѣднее время въ Кіевѣ.

Можетъ быть та же идея повела и къ тому, что въ округахъ, гдѣ обязанности совѣтовъ присяжныхъ повѣренныхъ переданы судамъ, пополненіе контингента присяжной адвокатуры новыми лицами, надзоръ за ихъ дѣятельностію и положеніе помощниковъ присяжныхъ повѣренныхъ, стали также неудовлетворительны какъ и отношенія къ частнымъ ходатаямъ. Суды, такъ сказать, перестали смотрѣть серьезно на институтъ адвокатовъ

Таково положеніе дѣла въ настоящее время. За помощниками присяжныхъ повѣренныхъ нѣтъ никакого надзора ни со стороны судовъ, ни со стороны присяжныхъ повѣренныхъ; тѣ и другіе считаютъ ихъ самостоятельными частными повѣренными, руководствуясь 2 статьею закона 25-го мая 1874 года. Никто не интересуется даже тѣмъ, гдѣ проживаетъ и чѣмъ занимается въ дѣйствительности лицо, разъ записанное помощникомъ присяжнаго повѣреннаго; такъ что бываетъ, что *числящіеся помощ-*

никами живутъ цѣлые годы въ губерніи, гдѣ не введены въ полномъ объемѣ судебные уставы и практикуютъ тамъ при мировыхъ учрежденіяхъ, доколѣ пройдетъ пятилѣтній срокъ. По прошествіи же этого срока являются въ судъ, при которомъ числится ихъ фиктивный патронъ, *подъ руководствомъ* котораго они обязаны были заниматься (ст. 354 учр. суд уст.), и судъ, недолго думая, возводитъ ихъ въ званіе настоящаго присяжнаго повѣреннаго. Распространяются ли на помощниковъ присяжныхъ повѣренныхъ законы объ условіяхъ поступленія въ это сословіе, приходится сомнѣваться послѣ того, какъ судъ зачисляетъ въ помощники учителя ариѳметики, некончившаго университетскаго курса. Впослѣдствіи, этотъ помощникъ, практиковавшій въ Пермской губерніи, зачисляется въ настоящіе присяжные повѣренные *Саратовскою* палатою и тѣмъ же званіемъ перечисляется въ Одесскую палату. [1])— Зачисленіе кого либо въ присяжные повѣренные въ одномъ округѣ, хотя бы вопреки закону, суды остальныхъ округовъ считаютъ для себя какъ бы обязательнымъ и на этомъ основанъ обычай такъ называемаго *перечисленія*, котораго законъ никогда въ виду не имѣлъ и котораго совѣты вѣроятно не допускали бы такъ безконтрольно, какъ безконтрольно допускаютъ это суды [2]).—Трудно представить, кто будетъ въ числѣ присяжныхъ повѣренныхъ, если существующіе порядки будутъ продолжаться,...

Приписка къ опредѣленному округу, обязанность постояннаго мѣста жительства, все это несоблюдается и считается за ненужную формальность; присяжный повѣренный столичнаго округа, живетъ цѣлые годы на мѣстѣ нахожденія провинціальнаго суда округа, неимѣющаго совѣта; въ присяжные повѣренные въ судѣ Пермской губерніи, зачисляется лицо, прямо заявляющее въ прошеніи присланномъ по почтѣ, что оно живетъ въ приволжскомъ городѣ; по зачисленіи—при посредствѣ почты—оно конечно не пріѣзжаетъ и никто этимъ неинтересуется, хотя зачисленный такимъ образомъ присяжный повѣренный, ни тутъ, ни тамъ, не несетъ обязательныхъ защитъ; ни тутъ, ни тамъ, неподвергается учету получен-

---

[1]) Такіе случаи зачисленія и перечисленія описаны между прочимъ въ „Суд. Порядкахъ“ №№ 9 и 17.

[2]) См. Ж. гр. и уг. пр. 1880 г. кн. VI Изъ практики судовъ, замѣняющихъ совѣты присяжныхъ повѣренныхъ и газету Судебные Порядки № 25, по тому же вопросу.

наго гонорара для взысканія съ него десятипроцентнаго сбора и т. п.—и напроказничавъ въ одномъ городѣ, когда нибудь пріѣдетъ чистымъ въ другой или еще перечислится въ третій. Все это происходитъ подъ надзоромъ судовъ, замѣняющихъ совѣты. Таковъ же этотъ надзоръ и за профессіональною дѣятельностію наличныхъ присяжныхъ повѣренныхъ, какъ это мы документально постараемся доказать въ другомъ мѣстѣ.

Если всѣ поименованныя явленія нежелательны, возмутительны, разшатываютъ вѣру въ законность, то противъ нихъ надобно принять мѣры. Если капитальныхъ законодательныхъ измѣненій относительно положенія адвокатуры непредвидится, то все таки кое что можно установить по наказу.

Спрашивается, что же въ этомъ отношеніи предлагаетъ разбираемый нами проектъ?—Да ничего! Онъ вѣроятно предполагаетъ, что дѣло это можно оставить въ теперешнемъ видѣ, недавая судамъ общихъ указапій. — Конечно съ этимъ спорить нельзя, но мы предлагаемъ пополнить общій наказъ хоть постановленіями, разрѣшающими слѣдующіе вопросы: могутъ ли быть помощниками присяжныхъ повѣренныхъ лица, которыя никогда не могли бы быть настоящими присяжными повѣренными; обязаны ли суды регистрировать и какъ именно, свѣдѣнія, касающіяся помощниковъ присяжныхъ повѣренныхъ; въ чемъ должно заключаться указанное въ законѣ *руководство* помощниковъ ихъ патронами; требуетъ ли оно совмѣстнаго проживанія ихъ въ одномъ городѣ и допускаетъ ли веденіе обоими одного и того же дѣла, въ качествѣ представителей двухъ различныхъ сторонъ; въ чемъ состоятъ обязанности помощниковъ въ отношеніи патроновъ и суда, при которомъ они состоятъ и въ чемъ контроль надъ ихъ исполненіемъ. Проектъ всѣхъ этихъ постановленій имѣется въ книгѣ Саратовскаго суда (стр. 214—217). Далѣе, нужно разъяснить относительно присяжныхъ повѣренныхъ, какой городъ считать обязательнымъ мѣстомъ ихъ жительства [1]), при какихъ условіяхъ они

---

[1]) Въ этомъ отношеніи на практикѣ пораждаетъ недоразумѣніе числимость прис. пов. по округамъ палатъ. Такая числимость имѣетъ еще смыслъ тогда, когда мѣстопребываніе совѣта совпадаетъ съ мѣстомъ нахожденія палаты. Но гдѣ совѣты замѣняются окружными судами, тамъ и прис. повѣренныхъ слѣдовало бы называть повѣренными округа суда, а не палаты. Вѣдь списки (ст 382) ведутся не въ палатѣ, а въ судѣ.

могутъ вести дѣла въ судебныхъ мѣстахъ другихъ городовъ; по истеченіи какого срока отлучка изъ обязательнаго мѣстопребыванія должна вести за собою отчисленіе присяжнаго повѣреннаго изъ округа суда и допускается ли такъ называемое перечисленіе изъ одного округа въ другой. Нѣкоторыя правила и въ этомъ отношеніи можно заимствовать изъ Саратовскаго проекта, дополнивъ ихъ постановленіемъ, что если въ судъ является вести дѣло повѣренный округа другаго суда, то онъ обязанъ представить удостовѣреніе предсѣдателя этого послѣдняго суда о томъ, что на мѣстѣ проживанія присяжный повѣренный объявилъ о своей отлучкѣ и исполнилъ требованіе статьи 385 учр. суд. уст. [1])

Необходимо, чтобы суды, замѣняющіе совѣты, строго соблюдали требованіе веденія списка (ст. 382 учр. суд. уст.). Дѣло общаго наказа выработать форму для этого списка, который долженъ служить всегдашнимъ настольнымъ указателемъ наличнаго состава присяжныхъ повѣренныхъ. Въ разсматриваемомъ министерскомъ проектѣ есть ст. 246, обязывающая предсѣдателя суда, одинъ разъ въ годъ, представлять министру вѣдомости о количествѣ поступившаго въ теченіи года съ присяжныхъ повѣренныхъ сбора и о числѣ защитъ, которыя были возложены на нихъ. Статью эту лучше бы изложить такъ: „представлять *копію со списка* присяжныхъ повѣренныхъ округа суда, съ показаніемъ въ ней количества сбора съ каждаго изъ помѣщенныхъ въ спискѣ лицъ и числа защитъ, которыя были на него возложены.“ Въ такой формѣ, доставленныя въ министерство свѣдѣнія, по сведеніи ихъ въ одно, давали бы много важныхъ указаній на положеніе дѣла присяжной адвокатуры въ провинціи. Онѣ доказали бы, что десятипроцентный сборъ платитъ только тотъ, кто хочетъ и гдѣ хочетъ и что благодаря отсутствію наблюденія за обязательнымъ мѣстопребываніемъ прис. повѣренныхъ, нѣкоторые изъ нихъ, числясь въ двухъ округахъ, нигдѣ ни разу, въ теченіе года, неисполнили ни одной защиты.

Рекомендуемъ министерству, не ожидая даже составленія наказа, потребовать отъ судовъ списки числившихся при нихъ присяжныхъ повѣренныхъ и ихъ помощниковъ, съ обязательной гра-

---

[1]) Нѣкоторые утверждаютъ, что до объявленія комплекта каждый прис. пов. можетъ вести дѣла во всѣхъ округахъ. Мы думаемъ, что въ пользу такого предположенія нельзя привести никакихъ указаній изъ закона и потому предположеніе это устраняемъ.

фой о томъ, гдѣ каждый находится и когда и куда отлучился и оно убѣдится въ какомъ плачевномъ состояніи находится регистрація этой части. Окажется, что суды сами не знають гдѣ находятся, иногда въ продолженіи цѣлыхъ лѣтъ, числящіеся при нихъ повѣренные, а защиты несутъ самовольно проживающіе внѣ своихъ округовъ другіе присяжные повѣренные, къ которымъ за то суды и не придираются за это самовольство.

На выѣздныхъ сессіяхъ въ уѣздныхъ городахъ, подсудимые почти никогда не имѣютъ защитниковъ, даже тѣ, которымъ обязательно назначать таковыхъ т. е. малолѣтніе, и это обстоятельство основано, между прочимъ, на томъ, что присяжные повѣренные отказываются отъ поѣздокъ, и суды (вѣрнѣе предсѣдатели) считаютъ эти отказы нормальнымъ явленіемъ. Ссылаясь въ этомъ отношеніи на замѣтку, помѣщенную въ III книгѣ Ж. гр. и уг. пр. за текущій годъ, „О завѣдомой беззащитности уѣздныхъ подсудимыхъ вопреки закону“, мы полагаемъ, что въ общемъ наказѣ слѣдовало бы: во первыхъ, повторить *для всеобщаго свѣдѣнія* [1]) тѣ указанія которыя даны правительствующимъ сенатомъ въ его циркулярномъ указѣ по дѣлу Сафроновой и Федоровой, о назначеніи защитниковъ несовершеннолѣтнимъ подсудимымъ и во вторыхъ опредѣлить: обязаны ли или необязаны выѣзжать въ уѣзды, на защиты, присяжные повѣренные (и помощники?) и изъ какихъ суммъ удовлетворять ихъ, при такихъ поѣздкахъ, путевыми издержками и въ какомъ размѣрѣ?

Въ разбираемомъ проектѣ наказа присяжнымъ повѣреннымъ, назначеннымъ на защиты, разрѣшается передавать таковыя другъ другу и помощникамъ своимъ, съ разрѣшенія предсѣдательствующаго, безъ спроса подсудимыхъ. Это врядъ ли цѣлесообразно и справедливо. На этомъ мы закончимъ наши замѣчанія по проекту правилъ о присяжныхъ и частныхъ повѣренныхъ и вообще лицахъ, при судѣ состоящихъ. [2])

---

[1]) Замѣчательно, что указъ такой важности не напечатанъ ни въ сборникѣ рѣшеній уголовнаго касс. д—га, ни въ отдѣльномъ, вышедшемъ въ 1880 году, сборникѣ циркулярныхъ указовъ. Чѣмъ это объяснить?

[2]) Относительно присяжныхъ попечителей и членовъ конкурсныхъ управленій по дѣламъ несостоятельныхъ должниковъ, проектъ не даетъ никакихъ правилъ и въ этомъ опять его недостатокъ, въ сравненіи съ Саратовскимъ проектомъ, дающимъ прекрасныя правила.

Мы немного отступили отъ первоначально предположеннаго плана и теперь возвращаемся къ тому отдѣлу проекта, который мы пропустили, не расчитывая успѣть изготовить всю статью къ сроку выхода книги журнала.

Пропускъ относился до тѣхъ двухъ главъ втораго раздѣла проекта, въ которыхъ трактуется о дѣлопроизводствѣ по чисто судебнымъ уголовнымъ и гражданскимъ дѣламъ. Относительно первыхъ, намъ прежде всего бросается въ глаза отсутствіе указаній на то, какія дѣла, изъ числа такъ называемыхъ распорядительныхъ, разсматривать публично, а какія въ закрытыхъ засѣданіяхъ. Практика въ этомъ отношеніи блуждаетъ и большею частію злоупотребляетъ отсутствіемъ гласности. Стоитъ только засѣданіе, въ которомъ слушается дѣло, назвать распорядительнымъ и его слушаютъ при закрытыхъ дверяхъ. Это далеко не всегда согласно съ закономъ и гарантіями лицъ, прикосновенныхъ къ дѣламъ. Такъ напр. правит. сенатъ въ приведенномъ уже недавнемъ указѣ по поводу дѣлъ, производящихся въ порядкѣ частнаго обвиненія, замѣтилъ, что нѣкоторые суды признавали себя вправѣ дѣла этого рода, по отсутствію уликъ, прекращать не въ судебныхъ, а въ распорядительныхъ засѣданіяхъ и осудивъ этотъ порядокъ предписалъ въ этихъ случаяхъ постановлять приговоры въ судебномъ засѣданіи, а прекращая такія дѣла по причинамъ, исчисленнымъ въ ст. 16 и 27 у. у. с. объявлять о томъ сторонамъ. Очевидно, что въ судахъ недостаточно еще уяснили себѣ разницу между засѣданіями судебными и распорядительными, по содержанію слушаемыхъ въ нихъ дѣлъ и понимаютъ ее только наглядно, въ смыслѣ публичныхъ или непубличныхъ разбирательствъ. Но не одинъ указанный сенатомъ случай ведетъ къ такому выводу. Почему вопросъ объ обезпеченіи гражданскаго иска въ уголовномъ дѣлѣ, на практикѣ, обыкновенно слушается въ закрытомъ засѣданіи? Въ силу какого закона въ закрытыхъ засѣданіяхъ докладываются дѣла, направляемыя въ суды по 277 ст. уст. угол. суд.?—На оба эти вопроса нѣтъ никакого отвѣта въ законѣ и оба обычая слѣдуетъ положительно считать вредными и произвольными.

Точно также въ проектѣ не упомянуто, когда въ распорядительныя засѣданія слѣдуетъ, а когда не слѣдуетъ, приглашать лицъ прокурорскаго надзора, присутствіе которыхъ, внѣ точно указанныхъ въ законѣ случаевъ, зависитъ отъ ихъ усмотрѣнія (ст. 141 учр. суд. уст.).

Намъ могутъ сказать, что исчисленіе случаевъ, въ которыхъ прокурорскій надзоръ обязанъ протестовать въ засѣданіяхъ, должно найти мѣсто не въ наказѣ судамъ, а въ инструкціи прокуратурѣ; но въ первыхъ, по нашему мнѣнію, общій наказъ долженъ обнимать собою и инструкцію прокуратурѣ; а во вторыхъ, если и не согласиться съ этимъ, то все таки въ наказѣ полезно коснуться случаевъ, вызывающихъ тѣ или другія сношенія судовъ съ прокуратурою —На практикѣ прокуроры присутствуютъ во всѣхъ распорядительныхъ засѣданіяхъ, хотя въ половинѣ случаевъ безъ всякой надобности тратя время. Если считать доказаннымъ (а для этого стоитъ только посмотрѣть уставы), что въ присутствіи лицъ прокурорскаго надзора нѣтъ законной надобности ни тогда, когда слушаются дѣла, направленныя по 277 ст. у. у. с. (публично), ни при постановленіи опредѣленій по 547 ст. и 39 ст. у. у. с. то окажется, что указаніемъ на это въ наказѣ можно было бы сберечь значительное количество времени, потрачиваемаго нынѣ прокурорами, а это немаловажная выгода при теперешней обремененности всѣхъ судебныхъ дѣятелей уголовной юстиціи [1]). Впрочемъ, на практикѣ это часто уже дѣлается; прокурора *заочно записываютъ* присутствовавшимъ во всѣхъ распорядительныхъ засѣданіяхъ..

Изъ числа внесенныхъ въ проектъ постановленій, въ § 104 сказано, что слѣдственныя производства по прекращеннымъ дѣламъ, препровождаются для храненія прокурору суда; это заимствовано изъ нѣкоторыхъ особыхъ наказовъ, но врядъ-ли цѣлесообразно. Разъ это *слѣдственныя* производства, то ихъ надо возвратить слѣдователямъ. Вѣдь будутъ же хоть когда нибудь у слѣдователей свои архивы, есть алфавиты, а дѣла прекращенныя слѣдователю всегда должно быть интересно видѣть, чтобы познакомиться со взглядами судебныхъ инстанцій прекращавшихъ дѣло, съ оцѣнкою ими уликъ и т. п. Наконецъ, прекращеніе слѣдствія есть періодъ временный и часто слѣдствіе прекращенное возобновляется, тогда полезно имѣть его сразу подъ рукою.—За то о томъ, гдѣ хранятся переписки, посылаемыя отъ слѣдователей прокурору по 309 ст. у. у. с, ничего не сказано. Мы думаемъ, что во избѣжаніе заграможденія прокурорскихъ архивовъ, надлежало бы постановить, что эти переписки отсылаются по принадлежности тому присутственному мѣ-

[1]) См. подъ этимъ заглавіемъ мою замѣтку въ Юридическомъ Вѣстникѣ 1881 г. т. IV.

сту или лицу, отъ котораго поступили въ прокуратуру. Мы имѣемъ при этомъ въ виду, чтобы это мѣсто или лицо, теперь часто незнающее приступитъ-ли слѣдователь къ слѣдствію по посланной переепискѣ или нѣтъ, или онъ только временно замедлилъ приступомъ къ слѣдственнымъ дѣйствіямъ, знало это и то, что весьма часто переписки, незаключающія въ себѣ ничего интереснаго въ смыслѣ основаній для слѣдствія, заключаютъ другія свѣдѣнія, полезныя и нужныя для мѣста или лица ихъ отославшаго.

Впрочемъ, считаемъ возможнымъ сказать здѣсь кстати, что самая отсылка дѣлъ по 309 ст. къ прокурору, составляетъ произвольную и ни на чемъ неоснованную практику; по точному смыслу статьи, прокуроръ только увѣдомляется о неприступѣ къ слѣдствію. Переписки стало быть и прямо отъ слѣдователя могли бы быть возвращаемы мѣстамъ и лицамъ ихъ возбудившимъ, также какъ возвращаются частнымъ обвинителямъ ихъ жалобы, по которымъ слѣдователь не находитъ основанія начинать слѣдствіе. Въ отношеніи послѣднихъ т. е. жалобъ частныхъ лицъ, не можемъ не повторить здѣсь выраженное въ запискѣ Н. А. Трахимовскаго желаніе, чтобы практическое примѣненіе ст. 303, 306 и 307 у. у. с. было разъяснено если не въ текстѣ закона, то въ общемъ наказѣ, такъ какъ является различіе во взглядахъ на пониманіе этихъ статей, напр. хоть по вопросу, имѣетъ-ли право судебный слѣдователь оставить безъ послѣдствій жалобу, составленную согласно съ требованіями ст. 304 у. у. с. если изъ разспросовъ объявителя или жалобщика, сдѣланныхъ имъ въ силу 307 ст. у. у. с., онъ усмотритъ отсутствіе признаковъ какого либо преступленія, въ дѣяніи, лишь неправильно названномъ именемъ того или другаго преступленія, въ письменной жалобѣ (стр. 46).

Въ ст. 105 проекта заключается попытка исчислить обтоятельства, на которыя, какъ могущія имѣть вліяніе на дальнѣйшее направленіе дѣла, докладчикъ долженъ обращать вниманіе при разсмотрѣніи дѣла по 547 ст. у. у. с.—Мы ничего не имѣемъ противъ помѣщенія въ общемъ наказѣ подобной статьи, но думаемъ, что въ этихъ случаяхъ полезно было бы установить обязанность письменнаго доклада и нѣсколько пополнить статью перечисленіемъ еще нѣкоторыхъ вопросовъ, напр. подсудно-ли дѣло данному суду непосредственно, нѣтъ-ли въ немъ вопросовъ преюдиціальныхъ, есть-ли опредѣленіе подлежащаго мѣста о преданіи суду должностнаго лица или опредѣленіе духовнаго начальства (ст. 1013—

1015 у. у. с.), нѣтъ ли по дѣлу малолѣтнихъ подсудимыхъ и гдѣ слушать дѣло: въ мѣстѣ ли постояннаго нахожденія суда или въ выѣздной сессіи и т. п. На необходимость разрѣшенія всѣхъ этихъ вопросовъ, именно въ первомъ распорядительномъ засѣданіи и именно судомъ (а не предсѣдателемъ), есть прямыя указанія въ объясненіяхъ госуд. канцеляріи на ст. 547 уст. угол. суд.—На практикѣ, доклады дѣлъ, по этой статьѣ, считаются самыми легкими и резолюціи по нимъ пишутся дюжинами въ одно засѣданіе; но за то и бываетъ, что только впослѣдствіи, въ публичномъ засѣданіи, хватятся, что дѣло неподсудно или разсмотрѣніе его преждевременно, или въ немъ есть законные поводы прекращенія напр. давность. Всему виной, конечно, докладчикъ и вотъ для охраненія репутаціи непричастныхъ лицъ, слѣдовало бы установить для этихъ случаевъ обязательные письменные доклады.

Есть предсѣдательствующіе въ уголовныхъ отдѣленіяхъ судовъ, которые до того торопятся, что копіи съ обвинительнаго акта по дѣлу не читая дѣла велятъ списывать и сообщаютъ обвиняемымъ ранѣе дачи хода дѣлу *судомъ*. Всякому понятно, какъ это удобно въ случаѣ, когда потомъ приходится въ засѣданіи суда признать, что дѣлу данъ ходъ преждевременно. Предсѣдательствующему совѣстно сознаться въ ошибкѣ и если членъ докладчикъ настаиваетъ на исполненіи какихъ либо предварительныхъ формальностей, то вотъ вамъ и готовый случай для столкновенія съ предсѣдательствующимъ; а потому такихъ вещей, дурно аттестующихъ судью, стараются избѣгать и устраивается компромисъ на счетъ интересовъ подсудимаго и авторитета закона въ коллегіи. Иногда къ такимъ компромисамъ прибѣгаютъ и при открытіи судебнаго засѣданія по дѣлу, когда обнаруживается, что дѣлу не слѣдовало давать хода, но ходъ былъ данъ по докладу предсѣдателя. Неужели конфузить публично предсѣдателя, говорятъ поклонники компромиса, неужели два раза выдавать издержки свидѣтелямъ, прибавляютъ защитники казеннаго интереса, и эти аргументы, большею частію, дѣйствуютъ. Рѣшаются слушать дѣло quand même и ничего проходитъ; прокуроръ не протестуетъ, подсудимый не понимаетъ своихъ правъ, а защитника не имѣетъ, авторитетъ предсѣдателя спасенъ; въ министерство писать объясненіе о причинѣ отсрочки дѣла незачѣмъ и никто не пострадалъ, кромѣ развѣ законности, но вѣдь законность...... неужели держаться правила fiat justitia pereat mundus. И такъ дѣлается весьма часто, особенно тамъ, гдѣ

проѣдетъ хоть разъ ревизоръ—ремесленникъ, обращающій вниманіе только на то, *сколько* дѣлъ заслушивается и *сколько* казна платитъ издержекъ и сплетничающій на судей, неторопящихся изготовлять приговоры и опредѣленія.

Какова дача дѣлу хода, доказываютъ случаи, гдѣ только при постановкѣ вопросовъ обнаруживалось, что нѣтъ свѣдѣній о лѣтахъ подсудимаго и гдѣ, чтобы все таки не отсрочить дѣла, задерживали присяжныхъ на цѣлый праздничный день, въ теченіе котораго предсѣдатель суда сказывался больнымъ, а нарочный успѣвалъ съѣздить за метрической справкой, по которой и оказалось, что подсудимый совершеннолѣтенъ.

Или вотъ случай. Дѣлу данъ ходъ и открыто засѣданіе въ выѣздной сессіи, при чемъ никакихъ свѣдѣній въ дѣлѣ о томъ, что кто либо изъ трехъ подсудимыхъ арестантовъ уже осужденъ не имѣлось. Только одинъ изъ нихъ самъ заявилъ на судѣ, что онъ тѣмъ же судомъ, за нѣсколько мѣсяцевъ, лишенъ всѣхъ правъ и приговоренъ къ ссылкѣ. Не проговорись онъ и будь по данному дѣлу оправданъ, предсѣдательствующій на выѣздной сессіи рисковалъ, bona fide, отпустить приговореннаго къ ссылкѣ на всѣ четыре стороны.

Такихъ примѣровъ можно привести десятки; ихъ не знаютъ только тѣ неудачные ревизоры, которымъ знать бы объ нихъ слѣдовало. Министерство получаетъ множество свѣдѣній объ отсрочкахъ, но много ли разъ въ этихъ свѣдѣніяхъ оно находило откровенное признаніе, что отстрочка вызвана неудовлетворительнымъ докладомъ дѣла, при рѣшеніи вопроса о дачѣ ему хода. Не пора-ли поэтому отмѣнить обычай требованія свѣдѣній объ отсрочкахъ и причины отсрочекъ изучать на мѣстѣ, по протоколамъ и подлиннымъ дѣламъ. А то выходитъ одно только писаніе.

Врученіе подсудимымъ обвинительныхъ актовъ, на практикѣ производится такими лицами, которыя не въ состояніи исполнить требованія ст. 557 уст. уг. суд. относительно объявленія подсудимому о правахъ, принадлежащихъ ему по этой и по слѣдующимъ статьямъ. Вручающими копіи и берущими отъ подсудимаго установленную въ томъ росписку, являются часто неграмотные старшины и старосты. Во что при этомъ обращаются гарантіи уѣздныхъ подсудимыхъ, которые, рискуя пропустить срокъ на подачу заявленій, обязаны отыскивать грамотнаго человѣка и *написать* заявленіе, потому что во всемъ уѣздѣ нѣтъ лица, уполномоченнаго при-

нять отъ нихъ такое заявленіе словесно? Мы не понимаемъ почему только содержащіеся подъ стражей имѣютъ въ этомъ отношеніи преимущество и думаемъ, что въ общемъ наказѣ можно было бы поставить правиломъ, чтобы копіи съ обвинительныхъ актовъ, въ уѣздахъ, вручались чрезъ мѣстныхъ мировыхъ судей и ими же принимались на мѣстѣ заявленія по предметамъ, исчисленнымъ въ ст. 561 уст. уг. суд. Теперь, стоитъ только старшинѣ написать отъ неграмотнаго подсудимаго росписку въ полученіи акта заднимъ числомъ, для того, чтобы срокъ на вызовъ свидѣтелей былъ пропущенъ, а съ другой стороны, стоитъ селенію не имѣть толковаго писаря и ходатайство всякаго подсудимаго рискуетъ не быть уваженнымъ по существу. Объ этомъ стоитъ подумать, тѣмъ болѣе, что и защитниковъ-то на выѣздныхъ сессіяхъ обыкновенно не даютъ.

Между тѣмъ, въ проектѣ общаго наказа мы не находимъ попытки къ измѣненію существующаго порядка, но встрѣчаемъ статью узаконяющую врученіе обвинительныхъ актовъ полицейскими и волостными чинами, безъ указанія даже на то, что это дѣло нельзя поручать неграмотнымъ (§ 107).

Далѣе (§ 111), въ общемъ наказѣ предполагается ослабить еще одну изъ гарантій подсудимаго. По ст. 576 уст. уг. суд., получившему отказъ въ вызовѣ свидѣтелей на счетъ суда, вмѣняется въ обязанность заявить, въ теченіе семи дней, только о томъ, не признаетъ ли онъ вызова тѣхъ лицъ на свой счетъ. По проекту же предполагается обязать его одновременно внести и деньги на вызовъ свидѣтелей, а если оныя не будутъ внесены или будутъ представлены въ недостаточномъ количествѣ, то въ вызовѣ свидѣтелей непремѣнно отказывать и предоставлять подсудимому пригласить ихъ отъ себя.

Такое предположеніе повело-бы къ отмѣнѣ 576 ст., уничтоживъ право суда разрѣшать вызовъ или приглашеніе свидѣтелей не на основаніи представленія или непредставленія денегъ, а по соображенію о томъ, „какой изъ этихъ способовъ представляется въ данномъ случаѣ болѣе удобнымъ“ (рѣш. угол. кассац. д-та 1868 г. № 342). Суды на практикѣ, рѣшая вопросъ о вызовѣ или приглашеніи свидѣтелей, очень часто и совершенно справедливо останавливаются на соображеніи о томъ, живетъ-ли подсудимый дома или сидитъ въ тюрьмѣ. Если ст. 111 наказа пройдетъ, у суда отнимется это право; а на практикѣ, сидящій въ тюрьмѣ и немогущій

имѣть при себѣ денегъ, всегда будетъ, имѣть только право пригласить свидѣтеля, очевидно безъ возможности осуществленія этого права.

Предположеніе составителей проекта (§ 114) о томъ, чтобы предъявленіе участвующимъ лицамъ дѣлъ, назначенныхъ къ слушанію внѣ мѣста постояннаго пребыванія суда, возложить на непремѣннаго члена мѣстнаго съѣзда, въ теченіе 2 часовъ, ежедневно, слѣдуетъ по нашему мнѣнію признать и непрактичнымъ и вреднымъ для подсудимыхъ. Непремѣнный членъ съѣзда очень часто участковый судья, имѣющій свои прямыя занятія; отнять у него ежедневно два часа времени, значитъ повредить интересамъ его и его аудиторіи, или достигнуть того, что предпочитая свое прямое дѣло, онъ будетъ ограничиваться въ новой обязанности буквальнымъ предъявленіемъ дѣлъ неграмотнымъ подсудимымъ. Неужели уѣздные подсудимые и безъ того непользующіеся равнымъ съ другими судомъ, должны быть поставлены еще и въ этомъ отношеніи въ положеніе худшее, нежели теперь Теперь съ дѣлами въ уѣздъ выѣзжаетъ секретарь и онъ занимается предъявленіемъ дѣлъ подсудимымъ не 2 часа въ день, а иногда по цѣлымъ днямъ. При этомъ у него есть время дать и кое-какія объясненія имъ на вопросы, которые они предложатъ, поговорить съ ними, узнать отъ нихъ кое что относительно дѣла, напр. имѣютъ-ли они защитниковъ по избранію, не намѣрены-ли просить о вызовѣ свидѣтелей по вновь открывшимся обстоятельствамъ, расчитываютъ-ли на явку другихъ соподсудимыхъ или имѣютъ свѣдѣнія, что дѣло не пойдетъ и т. п. свѣдѣнія, которыя секретарь и докладываетъ суду по пріѣздѣ и судъ заранѣе знаетъ о могущихъ встрѣтиться по извѣстному дѣлу случайностяхъ. Всего этого непремѣнному члену предписать нельзя и трудно понять чему приписать идею о замѣнѣ секретаря этимъ послѣднимъ, неужели только желанію сберечь суточныя деньги выдаваемыя секретарю за семь дней? А что будетъ, если непремѣнный членъ, на имя котораго пошлется тюкъ съ дѣлами, уѣхалъ въ отпускъ, а исправляющій его должность не живетъ въ городѣ; а что если въ теченіе семи дней, назначенныхъ на предъявленіе дѣлъ, непремѣнному члену приходится или быть на съѣздѣ по цѣлымъ днямъ, или рисковать, что съѣздъ разстроится. Дѣла, для того чтобы они попали въ срокъ въ уѣздъ, надо будетъ посылать изъ суда заблаговременно, а тамъ гдѣ почта ходитъ разъ или два въ недѣлю, ихъ придется послать дней за 10 и болѣе, тогда какъ секретарь обыкно-

венно везетъ дѣла съ собою и выѣзжаетъ не выжидая почтовыхъ дней. А когда непремѣнный членъ поздно получитъ съ почты дѣла, а подсудимые захотятъ воспользоваться этимъ поводомъ для отсрочки дѣлъ, не будетъ-ли вина въ этомъ лежать на лицахъ, предполагающихъ создать новое правило.

Относительно присяжныхъ засѣдателей, въ проектѣ наказа очень мало правилъ. Объ ихъ удобствахъ наказъ не позаботился ни въ какомъ отношеніи. Помѣщеніе съѣзда (ст. 265), состоящее изъ четырехъ только комнатъ (за исключеніемъ канцеляріи—всего изъ трехъ) будетъ служить, какъ и теперь служитъ, тѣмъ помѣщеніемъ, въ которомъ, въ уѣздныхъ городахъ, должны происходить засѣданія съ присяжными засѣдателями. Спрашивается, какъ тамъ расположиться? Коронные судьи займутъ соотвѣтственную комнату и пустятъ туда пожалуй прокурора, другая комната для канцеляріи, третья для свидѣтелей, четвертая зала Гдѣ же спрашивается особая комната для присяжныхъ? Или наоборотъ, если комплектнымъ присяжнымъ уже отведена комната, гдѣ помѣстятся не только невошедшіе въ комплектъ присяжные, подсудимые съ ихъ стражей, защитники, но и сами свидѣтели, если ихъ много. Неужели все это будетъ толпиться гдѣ-либо въ одномъ корридорѣ или залѣ! Неудобства помѣщенія присяжныхъ служатъ вѣдь одною изъ причинъ, почему люди уклоняются отъ явки для исполненія этой обязанности, а и самый порядокъ въ засѣданіяхъ возможно поддержать только при извѣстныхъ удобствахъ помѣщенія. Сколько мѣстъ должна заключать въ себѣ зала, сколько должно быть въ каждой комнатѣ кубической вмѣстимости,—этого въ наказѣ нѣтъ, хотя объ этомъ есть даже въ инструкціи объ устройствѣ помѣщеній для арестуемыхъ! Неужели не пора объ этомъ подумать, составить планъ помѣщеній судебныхъ мѣстъ и сдѣлать его обязательнымъ для казенныхъ судебныхъ зданій и помѣщеній мировыхъ съѣздовъ, вновь устраиваемыхъ земствомъ.

Не позаботились и о томъ, чтобы присяжные засѣдатели, которымъ „незапрещается“ во время судебнаго засѣданія дѣлать письменныя замѣтки, имѣли къ этому дѣйствительную возможность; если есть, какъ свидѣтельствуетъ г. Тимофеевъ (Юрид. Вѣстн. Іюль), такіе предсѣдатели, которые на требованіе карандашей и бумаги способны иронически отвѣчать присяжнымъ; „очень жаль, что вы ими незапаслись заблаговременно“, то конечно необходимо поставить имъ свыше на видъ это важное удобство присяжныхъ засѣда-

телей. Практика, какъ указываетъ тотъ же г. Тимофеевъ, выработала уже кое-гдѣ приспособленія для писанія у креселъ и скамей присяжныхъ; если бы предсѣдатели знали, что начальство интересуется этимъ, то, мы не сомнѣваемся, произошелъ бы цѣлый конкурсъ проектовъ такихъ приспособленій. Такъ отчего же не объявить такой конкурсъ; вѣдь ныньче хлопочутъ объ удобствахъ даже школьной мебели. Неужели удобства отцовъ маловажнѣе удобствъ дѣтей?

Не позаботились и о томъ, чтобы сохранить за иновѣрцами право присягать передъ духовнымъ лицомъ ихъ вѣры. Послѣ фактовъ, приводимыхъ указаннымъ авторомъ, необходимо отнять у предсѣдателей право приводить къ присягѣ иновѣрцевъ самимъ или чрезъ православнаго священника, пользуясь тѣмъ, что въ мѣстѣ засѣданія суда нѣтъ духовныхъ лицъ даннаго исповѣданія, а нѣтъ потому, что ихъ „для скорости“ не приглашали.

Въ наказъ слѣдовало-бы внести и обязанность предсѣдателя объяснять присяжнымъ засѣдателямъ, въ началѣ сессіи, о тѣхъ законныхъ причинахъ къ отлучкѣ или устраненію себя отъ рѣшенія отдѣльныхъ дѣлъ, по отношеніямъ къ подсудимому или потерпѣвшему отъ преступленія, которыя могутъ служить поводомъ къ увольненію его судомъ (ст. 647 и 600 уст. уг. суд.). Къ числу законныхъ причинъ перваго рода принадлежатъ, очевидно, кромѣ исчисленныхъ въ 388 и 650 ст. уст. уг. суд. еще и тѣ, которыя указаны въ ст. 82 учр. суд. уст. Если окажется хоть одно такое лицо и судъ его уволитъ, то достоинство суда присяжныхъ будетъ ограждено и предсѣдатель не напрасно потратитъ время. Нынѣ это рѣдко соблюдается при практикѣ торопливости, за то иногда оказывается въ концѣ сессіи, что по нѣкоторымъ дѣламъ засѣдали лица, сами состоящія подъ слѣдствіемъ или, что хуже еще, родственники лица потерпѣвшаго, незнавшіе, что они имѣютъ право устраниться отъ сужденія.

Слѣдовало-бы также поставить въ обязанность предсѣдательствующему, въ началѣ сессіи удостовѣряться въ грамотности присяжныхъ засѣдателей, чтобы знать заранѣе, кто изъ нихъ можетъ и кто не можетъ быть старшиной. Намъ извѣстна одна такая сессія, гдѣ въ числѣ присяжныхъ было всего три, четыре лица, умѣющихъ читать и только одно сносно грамотное. Когда это отрылось путемъ испытаній, произведенныхъ судомъ, согласно съ ученіемъ сената (рѣш. угол. касс. д-та по дѣлу Шилова 1872 г. № 1054), то члены выѣзд-

наго отдѣленія просили общее собраніе, назначившее сессію, разрѣшить закрыть ее; но общее собраніе не согласилось и изъ числа дѣлъ, которыя предполагалось заслушать, пришлось 2/3 отложить за невозможностію составить присуствіе. Разъ такой случай былъ, полезно было бы выяснить кто правъ, тѣмъ болѣе, что ревизоръ осудилъ дѣйствія выѣзднаго отдѣленія, а за нимъ и общее собраніе, перомъ одного, не по уму усердаго своего члена, постаралось по этому поводу взвести въ министерствѣ обвиненіе противъ судей, исполнявшихъ свою обязанность...

Въ ст. 116 проекта, послѣдняя ея часть редактирована неудовлетворительно; „резолюціи суда провозглашаются въ присутствіи присяжныхъ засѣдателей, участвовавшихъ въ разрѣшеніи дѣла" вмѣсто того, чтобы сказать, что „до объявленія резолюціи по дѣлу, прис. засѣдатели, участвовавшіе въ его разрѣшеніи, не должны быть отпускаемы изъ залы засѣданія." Вѣроятно только вслѣдствіе такой неудовлетворительности редакціи, понадобилось въ ст. 117 сказать, что объявленіе резолюціи суда по оправдательному рѣшенію присяжныхъ, не можетъ быть отлагаемо до другого дня Иначе трудно понять происхожденіе такого безусловнаго требованія, такъ какъ вопросъ о томъ, считать ли рѣшеніе присяжныхъ оправдательнымъ, далеко не всегда ясенъ съ перваго разу. Весьма неудачна и 118 ст. проекта о казенномъ платьѣ арестантовъ.

Ст. 119 страдаетъ и отсутствіемъ опредѣленности и несогласіемъ съ закономъ. О томъ, кто исполняетъ постановленіе суда о заключеніи подъ стражу подсудимаго, признаннаго виновнымъ и находившагося на свободѣ, говорится альтернативно, а лицо на которое можетъ быть возложено исполненіе такого постановленія, опредѣленно не названо, хотя этимъ лицомъ не можетъ быть никто, кромѣ лица прокурорскаго надзора. На немъ лежитъ исполненіе судебныхъ опредѣленій, на него же возложена циркуляромъ министра (сборникъ № 256) обязанность пресѣченія такому подсудимому возможности отлучаться до резолюціи изъ помѣщенія суда.

Нельзя не одобрить вполнѣ ст. 122, въ которой заключается подробное развитіе правилъ закона о предъявленіи замѣчаній на протоколы. Надо знать во что наровятъ обратить, въ нѣкоторыхъ судебныхъ мѣстахъ, право сторонъ дѣлать замѣчанія на протоколъ, для того, чтобы сказать спасибо за предполагаемыя постановленія. Есть даже старшіе предсѣдатели, понимающіе протоколы и замѣчанія на нихъ своеобразно до дикости. Подсудимый публично, въ

палатѣ, проситъ внести въ протоколъ сущность его объясненій, предлагая доставить конспектъ секретарю отъ себя. Старшій предсѣдатель отвѣчаетъ, что „такъ какъ стенографа не было, то палата врядъ ли помнитъ эти объясненія“ т е. заранѣе намекаетъ, что палата неудостовѣритъ дѣйствительности данныхъ объясненій. Въ срокъ объявленія приговора, членъ палаты дѣлаетъ надпись, что приговоръ *объявленъ* такимъ то *помощникомъ секретаря въ его, члена, присутствіи* (sic) и затѣмъ предоставляетъ подсудимому сдѣлать замѣчанія на протоколъ, какія онъ найдетъ нужнымъ. Помощникъ секретаря начинаетъ писать замѣчанія подъ диктовку подсудимаго, но его двукратно отзываетъ къ себѣ въ кабинетъ старшій предсѣдатель, даетъ ему какія то инструкціи и мѣшаетъ дѣлу до тѣхъ поръ, пока подсудимый, выведенный изъ терпѣнія, заявляетъ, что онъ знать не хочетъ инструкцій старшаго предсѣдателя, имѣя дѣло съ членомъ, объявившимъ приговоръ и невыслушавъ отъ него никакихъ запрещеній и ограниченій.

Легко понять какъ воспитываются въ такой школѣ скретари и помощники, оффиціальные составители протоколовъ. Они обыкновенно и пишутъ только то, что прикажетъ предсѣдательствующій и если къ его подписи прибавится еще одна, то хотя бы третій судья и протестовалъ, фикція правды на сторонѣ большинства и по ученію сената уже на подсудимаго переводится обязанность доказать противное, несмотря на то, что доказательства, равносильныя протоколу, онъ не имѣетъ возможности представить. Были даже случаи, гдѣ отрицанія одного предсѣдателя было достаточно сенату, чтобы признать недоказанными незаписанные въ протоколахъ безпорядки, которыхъ не отвергали двое другихъ судей и о дѣйствительности которыхъ подсудимый представилъ письменныя удостовѣренія частныхъ лицъ.

Относительно замѣчаній на протоколъ, судъ всегда можетъ отговориться запамятованіемъ обстоятельствъ, въ нихъ отмѣченныхъ.. Жалко, что проектъ наказа облегчаетъ къ этому возможность отодвигая срокъ постановленія заключеній по замѣчаніямъ, до трехъ дней. По нашему мнѣнію, заключенія должны быть постановляемы немедленно по запискѣ замѣчаній, иначе заключенія будутъ всегда отрицательныя—„судъ не утверждаетъ, по запамятованію“.

Ст. 131, если общій наказъ не будетъ обнимать собою инструкцію прокуратурѣ, не должна бы имѣть мѣста въ проектѣ. Тоже замѣчаніе относится и къ тремъ слѣдующимъ статьямъ проекта.

Непонятно постановленіе ст. 135, о какихъ документахъ здѣсь говорится? Неужели судившемуся по обвиненію въ проживательствѣ напр. по чужому или подложному виду и оправданному присяжными, можно выдать этотъ видъ, хотя бы съ надписью о существѣ приговора. Вѣдь по такому виду, съ надписью объ оправданіи, прежній подсудимый будетъ свободно проживать вновь. Гораздо умѣстнѣе было бы постановленіе, что всякіе документы, удостовѣряющіе чьи либо личныя или имущественныя права, выдаются изъ уголовныхъ дѣлъ не иначе, какъ по особому судебному опредѣленію.

Затѣмъ ст. 137 составляетъ прекрасное и вполнѣ гуманное дополненіе закона, а ст. 138, которою заканчивается эта глава, совершенно излишня уже въ виду того, что у прокурора и безъ того, не три раза въ годъ, а во всякое время, должны быть свѣдѣнія о причинахъ, останавливающихъ движеніе *каждаго* арестантскаго дѣла. На практикѣ, суды если и посылаютъ такія вѣдомости, то часто по свѣдѣніямъ, взятыхъ отъ смотрителей тюремныхъ замковъ, а чтобы доказать какъ тяготитъ прокуратуру *переписка* въ одно вѣдомостей объ арестантахъ, полученныхъ изъ разныхъ мѣстъ, для отсылки въ министерство, достаточно указать, что есть судъ, у прокурора котораго вѣдомость объ арестантскихъ дѣлахъ, въ каждую треть, составляетъ объемистую книгу въ 360 листовъ [1]).

Мы привели замѣчаніе только *по поводу статей*, помѣщенныхъ въ проектѣ о дѣлопроизводствѣ по уголовнымъ дѣламъ. Самому читателю ясно, насколько глава эта неполна и насколько ее можно было бы пополнить. Для этого опять есть прекрасныя указанія въ проектѣ Саратовскаго суда, который, придавая должное значеніе удобствамъ и торжественности обстановки суда, заключаетъ въ себѣ цѣлый отдѣлъ правилъ размѣщенія отдѣльныхъ частей суда, въ зданіи имъ занимаемомъ и устройства судебныхъ залъ (стр. 56—58).

Въ отдѣлѣ дѣлопроизводства по дѣламъ гражданскимъ, мы находимъ весьма хорошія правила; но не находимъ опять многаго изъ того, что слѣдовало бы помѣстить въ проектѣ наказа въ пополненіе и развитіе судопроизводственныхъ законовъ, къ удобству и судовъ и публики.

Такъ напр. слѣдовало бы заимствовать изъ Саратовскаго про-

---

[1]) См. также, по этому поводу, мою статью Объ инструкціи прокурора Каз. суд. палаты Гончарова, въ Юрид. Вѣстн. 1880 г. V.

екта ст. 22—26 относительно оставленія безъ движенія и возвращенія просьбъ. Но съ другой стороны, въ видахъ удобства публики, слѣдовало бы постановить, что лично подаваемыя по гражданскимъ дѣламъ прошенія, въ отношеніи формальныхъ ихъ недостатковъ, немедленно разсматриваются дежурнымъ судьею и если недостатки усмотрѣны, то прошенія тутъ же возвращаются или просителю объявляется объ оставленіи его прошеній безъ движенія. Нѣчто подобное уже установлено ст. 56 С.-Петербургскаго особаго наказа, изданія 1869 года, только въ видѣ права, а не обязанности дежурнаго судьи.—Намъ кажется, что возложеніе пріема претензій, лично подаваемыхъ именно на судей, а не на чиновъ канцеляріи, только тогда будетъ имѣть нѣкоторый смыслъ для публики, когда она будетъ видѣть, что принимающій тутъ же прочитываетъ и хоть съ формальной стороны оцѣниваетъ поданное прошеніе. Помѣтить прошеніе, провѣрить приложенія, погасить марки и т. п. можетъ и канцелярскій чиновникъ. Публика никогда не пойметъ, какъ это прошеніе, принятое дежурнымъ судьею, иногда самимъ предсѣдателемъ, и повидимому имъ просмотрѣнное, впослѣдствіи при объявленіи, подписанномъ другимъ судьею—предсѣдательствующимъ въ гражданскомъ отдѣленіи—возвращается или признается неудовлетворительнымъ и оставляется безъ движенія. А сколько при этомъ тратится и времени (со дня помѣты прошенія до дня полученія просителемъ объявленія, иногда проходитъ до двухъ недѣль) и у просителя, и у дежурнаго судьи, и у пристава, который повезетъ объявленіе подателю прошенія. А за что этотъ послѣдній оплачиваетъ объявленіе, когда онъ самъ лично являлся въ судъ и лично могъ получить его обратно изъ суда, въ который иногда пріѣхалъ издалека, нежелая рисковать отправить почтою прошеніе, быть можетъ неудовлетворительное. Во избѣжаніе всѣхъ этихъ, весьма капитальныхъ неудобствъ, слѣдовало бы постановить, что дежурный судья не только можетъ, но и обязанъ тутъ же указать просителю на формальные недостатки его прошенія и въ подлежащихъ случаяхъ возвратить оное, а въ другихъ оставить безъ движенія и въ случаѣ просьбы подателя прошенія, тутъ же выдать ему письменное объ этомъ объявленіе безплатно.—Намъ могутъ сказать, что пожалуй найдутся судьи недостаточно свѣдущіе въ оцѣнкѣ даже формальныхъ недостатковъ прошеній и мы спорить не будемъ; бываютъ и такіе судьи и предсѣдатели, которые, такъ сказать и прошеній принимать не умѣютъ, но надо думать, что это когда нибудь кончится.

Впрочемъ, если исходить изъ такой идеи, то отчего не постановить, что прошенія по гражданскимъ дѣламъ принимаютъ только судьи цивилисты.

Далѣе, намъ могутъ сказать, что сравнивать въ правѣ оцѣнки формальностей прошенія всякаго судью съ предсѣдателемъ, незаконно; но тогда не лучше-ли установить, что лично подаваемыя прошенія по гражданскимъ дѣламъ, принимаетъ самъ предсѣдатель гражданскаго отдѣленія. Тогда очередное дежурство судей, впервые введенное правилами 15 марта 1866 г., станетъ вовсе ненужнымъ [1]). Вообще мы думаемъ, что въ наказѣ предстоитъ остановиться на одномъ изъ нашихъ двухъ предложеній, если хотятъ, чтобы пріемъ прошеній имѣлъ серьозное значеніе и не сбивалъ съ толку просителей, заставляя ихъ даже для подачи прошеній искать адвоката.

Если прошенія будутъ по прежнему приниматься судьями по очереди, то, кромѣ права оставленія ихъ безъ движенія, судьямъ этимъ надобно предоставить и право въ случаяхъ, указанныхъ въ ст. 351 и 352 и другихъ нетерпящихъ отлагательства, назначать тяжущимся срокъ на явку въ судъ или немедленно передавать для этого прошеніе въ подлежащее отдѣленіе (ст. 56 спб. и 251 и 252 Варшавскаго особаго наказа).

Далѣе, въ общемъ наказѣ нужно развить и дополнить постановленіе объ *очередномъ спискѣ* слушаемыхъ дѣлъ, которымъ опредѣляется очередь ихъ доклада (ст. 323 у. у. с.).

Нужно это потому, что господствующая въ настоящее время въ этомъ отношеніи практика, совершенно произвольна и вызываетъ частыя неудовольствія и публики и адвокатовъ. Про нѣкоторые суды, далеко за ихъ предѣлами, говорятъ, что предсѣдательствующіе гражданскихъ отдѣленій гораздо скорѣе назначаютъ къ слушанію тѣ дѣла, которыя ведутся чрезъ адвокатовъ и въ особенности излюбленныхъ изъ числа адвокатовъ, которыхъ прямо и называютъ по именамъ. Кое гдѣ это можно и доказать, если акуратно просмотрѣть дѣла; выходитъ почти систематически, что въ первой очереди дѣла адвокатовъ Б. и К.. во второй А. и Д. а остальныхъ еще позже. При извѣстныхъ личныхъ качествахъ судей, это можетъ быть всегда; самъ законъ предоставилъ усмотрѣ-

---

[1]) По своду 1857 года, прошенія, жалобы и доношенія, лично подаваемыя, принимались предсѣдателемъ или секретаремъ, въ присутствіи членовъ и резолюціи иногда объявлялись словесно ст. 109 и 122 II т. св. зак.

нію предсѣдательствующихъ назначеніе болѣе или менѣе продолжительныхъ сроковъ на явку и опредѣленіе дней засѣданій.—Но все таки можно было бы уравномѣрить права тяжущихся, если установить правильное понятіе объ очередномъ спискѣ и строго держаться этого списка.

Когда срокъ на представленіе отвѣтчикомъ отвѣта или опроверженія истекъ, предварительная подготовка дѣла къ слушанію считается оконченной и тяжущійся можетъ просить о назначеніи дѣла къ слушанію, тогда дѣло вносится въ очередной списокъ. Слѣдовательно, послѣдній представляетъ собою списокъ дѣлъ готовыхъ къ слушанію и его необходимо вести по мѣрѣ подготовленія къ слушанію исковыхъ дѣлъ. Отъ этого списка необходимо отличать другой—списокъ дѣлъ, на каждое данное засѣданіе суда—списокъ, который, по учиненіи на немъ отмѣтокъ, какія дѣла рѣшены и какіе отложены, превращается въ журналъ, о которомъ говорится въ ст. 163 учр суд. уст. Эти два списка смѣшиваютъ между собою иногда по недоразумѣнію, а иногда нарочно, и результатомъ этого является возможность полнаго произвола въ назначеніи дня слушанія исковыхъ дѣлъ. Усвоивается, напримѣръ, такая практика: очередной списокъ вовсе не ведется, а ведется и носится въ карманѣ предсѣдателя книжка, раздѣленная постранично на столько отдѣловъ, сколько полагается очередныхъ засѣданій въ годъ; сверху страницы надписаны числа, въ которыя предположены засѣданія, напр. 28. 31 октября 4, 7, 11 и т. д. ноября. Вмѣсто внесенія дѣла въ общій очередной списокъ, оно, при заявленіи просьбы о назначеніи къ слушанію, вписывается адвокату Б. на 28 октября, а адвокату А. въ тотъ же день на 11 ноября, хотя въ промежуточные три засѣданія не записаны еще ни чьи исковыя дѣла. При такой практикѣ очевидно, что или ведется не очередной списокъ, а дневной, или ведется сотня списковъ, чего законъ въ виду никогда неимѣлъ.

При такихъ условіяхъ, исключеніе дѣла изъ очереди, установленное въ 3 п. 718 ст. у гр. суд. теряетъ конечно всякій смыслъ и докладъ дѣлъ, раньше или позже, опредѣляется отнюдь не очередью приготовленія ихъ къ слушанію, а очередью записи въ предсѣдательскій календарчикъ.

При правильномъ порядкѣ, въ приведенномъ нами примѣрѣ, при 20 готовыхъ къ слушанію въ концѣ октября дѣлахъ, положимъ съ № 101 по № 121 очереднаго списка, на отдѣльныя за-

сѣданія приведенныхъ чиселъ мѣсяцевъ, слѣдовало бы назначить: на 28 октября №№ 101, 102, 103 и 104, на 31 октября №№ 105, 106, 107, 108 и т. д. и на 11 ноября №№ 118, 119, 120 и 121. Конечно, въ засѣднія, сверхъ этихъ дѣлъ, были бы назначены еще другія, не исковыя и исковыя по частнымъ, случайнымъ, процессуальнымъ вопросамъ, недопускающимъ отлагательства. Если бы при этомъ очередной списокъ былъ открытъ для всѣхъ желающихъ его видѣть, то немыслимы были бы никакія нареканія публики на позднее назначеніе дѣлъ, а можетъ быть рѣже слышались бы и жалобы на неравное отношеніе предсѣдателя къ разнымъ адвокатамъ Не пришлось бы и предсѣдательствующимъ выслушивать колкія замѣчанія адвокатовъ по этому поводу и вступать въ такія столкновенія, одинъ случай которыхъ описанъ въ Журн. гр. и уг. права кн. II.

Удивительно ли, что въ судахъ, придерживающихся описанной практики, тяжущіеся исподоволь начнутъ сначала вести дѣла не иначе какъ чрезъ адвокатовъ, а впослѣдствіи, пожалуй, и исключительно будутъ обращаться къ адвокату Б.

Въ ст. 149 говорится, что въ тѣхъ случаяхъ, когда совершеніе какихъ либо дѣйствій по дѣлу возлагается на одного изъ судей, имъ составляется протоколъ по примѣненію къ ст. 147 и протоколъ этотъ подписывается присутствовавшими при совершеніи тѣхъ дѣйствій сторонами. Прекрасное правило, но слѣдовало бы пояснить, что оно распространяется и на предсѣдательствующихъ при явкѣ къ нимъ сторонъ для предварительныхъ объясненій (ст. 354 356 и 357 а также 657 уст. гр. суд.). Теперь это не соблюдается и судъ, рѣшая дѣло въ отсутствіе предсѣдательствующаго, дававшаго ему направленіе въ періодъ подготовки, иногда положительно не въ состояніи понять причинъ данныхъ отсрочекъ или сдѣланныхъ распоряженій, тѣмъ болѣе, что постоянныхъ наблюдателей-докладчиковъ часто не назначается. Съ послѣднимъ обстоятельствомъ мирятся многіе, даже составители Саратовскаго проекта (§ 28 стр. 340), но съ оговоркой, что все таки, за недѣлю до дня доклада, наблюденіе за дѣломъ (?) передается одному изъ членовъ суда, въ качествѣ докладчика. Мы думаемъ, что требованіе закона о постоянныхъ докладчикахъ наблюдателяхъ слѣдовало бы болѣе опредѣлить въ общемъ наказѣ; строгое исполненіе этого требованія парализовало-бы предсѣдательскій произволъ и внесло-бы порядокъ въ теченіе и движеніе дѣлъ.

Вызовъ на явку въ судъ тяжущихся по дѣламъ, производящимся въ сокращенномъ порядкѣ, каждый предсѣдательствующій практикуетъ по своему. Одни не требуютъ явки, но за то въ судебномъ засѣданіи охотно отсрочиваютъ слушаніе дѣла и внѣ случаевъ, указанныхъ въ ст. 354, 356 и 357 устава, другіе, полагая, что упомянутыя статьи могутъ имѣть примѣненіе только при явкѣ, а не въ судебномъ засѣданіи, безусловно вызываютъ стороны къ себѣ и не расположены уже за то потомъ давать отсрочки въ засѣданіи; третьи наконецъ, по произволу, то вызываютъ на явку, то прямо въ засѣданіе и при томъ такъ, что однородное дѣло адвоката А. слушается по истеченіи срока на явку, а дѣло адвоката Б. прямо въ засѣданіи, безъ предварительной явки. Конечно последняя практика хуже всѣхъ, но въ общемъ наказѣ не мѣшало бы высказаться и о томъ, которая правильнѣе изъ двухъ другихъ. При несоставленіи же протоколовъ въ дни явки (часто предсѣдатель не является вовсе въ этотъ день въ судъ). допущеніе отсрочекъ въ судебномъ засѣданіи, по причинамъ изложеннымъ въ ст. 356 и 357 уст. гр. суд. должно быть положительно осуждено, какъ ведущее къ незаконному замедленію дѣлъ, долженствующихъ производиться въ *сокращенномъ* порядкѣ.

Ст. 148 тоже подаетъ поводъ къ произволу предсѣдательствующихъ въ дѣлахъ сокращеннаго порядка. При неявкѣ истца и отвѣтчика судъ исключаетъ дѣло изъ очереди и въ этомъ достаточное наказаніе истцу за неявку, если очередной списокъ существуетъ. Но тамъ, гдѣ очередняго списка нѣтъ, предсѣдательствующій часто назначаетъ дѣло прозѣвавшаго первый срокъ адвоката, въ первое затѣмъ засѣданіе и конечно такой практикой ни адвокаты, ни сами тяжущіеся не побуждаются къ исправной явкѣ въ судебныя засѣданія, а суды тратятъ время и бумагу на писаніе резолюцій объ исключеніи изъ очереди, исключеніи, неимѣющемъ никакого практическаго смысла.

Въ дѣлахъ производящихся общимъ порядкомъ, на практикѣ неисполняются тоже многія существенныя требованія закона. Мы уже указывали напр. что даже по этимъ дѣламъ судами не ставятся вопросы и совѣщанія происходятъ по одному, такъ сказать, вопросу „любишь иль не любишь"? Благодаря этому пренія при совѣщаніяхъ судей происходятъ безпорядочно, голоса подаются и не въ порядкѣ и безъ мотивовъ, такъ что даже присутствующее при совѣщаніи лицо (напр. секретарь) не можетъ дать себѣ отчета, чѣмъ,

кромѣ желанія большинства, обусловлена резолюція. Намъ кажется, что нельзя игнорировать такое положеніе дѣла и хотя законъ не требуетъ по гражданскимъ дѣламъ письменнаго изложенія вопросовъ, но по наказу можно было бы постановить это какъ правило, покрайней мѣрѣ для тѣхъ случаевъ, гдѣ этого потребуетъ хоть одинъ изъ судей участвующихъ въ засѣданіи.

По дѣламъ такъ называемаго безспорнаго или охранительнаго порядка, исходъ которыхъ всецѣло зависитъ отъ удостовѣренія докладчика объ исполненіи законныхъ формальностей и представленіи безспорныхъ документовъ (въ чемъ никто, кромѣ докладчика, непосредственно не удостовѣряется), можно было бы сдѣлать обязательными письменные доклады, по которымъ коллегіи и оставалось бы только рѣшить дѣло согласно или несогласно съ докладомъ и въ первомъ случаѣ, всю резолюцію ограничить словами „докладъ утвердить", какъ это мы предлагали по уголовнымъ дѣламъ, въ опредѣленіяхъ о дачѣ дальнѣйшаго хода. Документы изъ такихъ дѣлъ, если съ нихъ нѣтъ удостовѣренныхъ нотаріусомъ копій, слѣдовало бы безусловно воспретить выдавать (Саратовскій проектъ § 91 стр. 151), что нынѣ очень свободно дѣлаютъ разные предсѣдатели.

Въ заключеніе замѣчаній на этотъ отдѣлъ, укажемъ еще на два неудачныхъ постановленія, разбираемаго проекта. Въ ст. 139 видимо неудачна редакція. По ст. 146 протоколъ по гражданскому дѣлу долженъ быть изготовленъ только къ тому времени, къ которому должно быть изложено и рѣшеніе или опредѣленіе. Мы думаемъ, что срокъ этотъ, необходимо сократить. Протоколъ по гражданскому дѣлу можетъ и долженъ быть готовъ немедленно по объявленіи резолюціи или еще раньше, если резолюція отложена. Разъ въ него вносится только сущность словесныхъ объясненій участвующихъ въ дѣлѣ лицъ; разъ нѣкоторые его отдѣлы подписываются лицами, присутствовавшими при совершеніи изложенныхъ въ немъ дѣйствій, а другіе отдѣлы даже прочитываются въ засѣданіи; разъ, наконецъ, участвующія въ дѣлѣ лица пользуются правомъ дѣлать замѣчанія на протоколъ и судъ обязанъ постановлять по замѣчаніямъ заключеніе, то намъ кажется нѣтъ никакого основанія отлагать окончаніе составленія протокола далѣе срока нами указаннаго. Неужели предоставить въ самомъ дѣлѣ суду право передѣлывать, въ теченіи двухъ недѣль, даже изложеніе подписанныхъ частными лицами или уже публично прочитанныхъ (§ 150 проекта) отдѣловъ протокола. Мы знаемъ изъ практики къ чему ведетъ отсрочка составленія протоколовъ и подача секретарю послѣ засѣ-

данія конспектовъ адвокатскихъ объясненій, составленныхъ самими этими лицами, съ послѣдующими переговорами секретаря съ предсѣдательствующимъ о томъ, съ чьимъ конспектомъ согласовать протоколъ; вызывать подобныя явленія, продленіемъ срока на окончательное составленіе протокола, никому не посовѣтуемъ. Съ другой стороны, мы знаемъ прекрасную практику нѣкоторыхъ мировыхъ съѣздовъ, прежде удаленія судей для совѣщанія, публично прочитывать протоколъ и исправлять его по замѣченіямъ сторонъ, которымъ онъ тутъ же предъявляется для подписи. И мы думаемъ, что изъ двухъ порядковъ лучше принять послѣдній, тѣмъ болѣе, что въ общихъ судебныхъ мѣстахъ являются часто представителями сторонъ люди гораздо болѣе подготовленные къ дѣлу, нежели въ мировомъ судѣ и всегда знакомые со своими правами. Установите обязательное, при требованіи стороны, прочитываніе протокола до выхода судей и этимъ достигнется все, что требуется интересами правды, безъ дачи пищи чьимъ-бы то ни было ухищреніямъ, заднимъ числомъ.

Также, по нашему мнѣнію, дѣло должно бы производить и съ протоколами по уголовнымъ дѣламъ, если протоколъ есть то, что онъ есть: своевременно составленная правдивая запись о томъ, что происходило въ судебномъ засѣданіи. Ни практикѣ судовъ, ни практикѣ кассаціоннаго сената не дѣлаетъ чести слишкомъ буквальное пониманіе ст. 842 уст. угол. суд. и то, что до сихъ поръ обычаемъ не выработано такого протокола, какой выработали захолустные мировые съѣзды. [1]) Пусть протоколъ будетъ съ помарками и оговорками, но пусть онъ будетъ составленъ своевременно и если можно рукою секретаря, который для того вѣдь, главнымъ образомъ, и сидитъ въ судѣ.

Вотъ все, что мы хотѣли сказать по поводу различныхъ отдѣловъ министерскаго проекта общаго наказа. Пусть это послужитъ кому слѣдуетъ указаніемъ, какъ много, при извѣстныхъ обстоятельствахъ, получилось бы замѣчаній на этотъ проектъ, если бы его хотѣли и могли комментировать всѣ судьи, которымъ придется руководствоваться имъ, какъ *общимъ*, въ случаѣ его утвержденія. Мы впрочемъ старались не повторять въ этотъ разъ того, что чи-

---

[1]) Мы можемъ назвать изъ числа этихъ съѣздовъ Нижнеломовскій, Пензенской губерніи.

тателямъ уже извѣстно изъ другой нашей статьи, по тому же предмету, въ первой книгѣ журнала.

Постараемся теперь сдѣлать относительно разсмотрѣннаго проекта нѣсколько выводовъ объ общихъ недостаткахъ проекта

Къ недостаткамъ этимъ мы относимъ *во первыхъ*, видимо недостаточное, въ нѣкоторыхъ частяхъ, знакомство съ существующими въ судебныхъ мѣстахъ обычаями, требующими одобренія или осужденія. Недостатокъ этотъ мы отнюдь не относимъ къ составителю проекта, а скорѣе къ тому, что по разнымъ причинамъ, до настоящаго времени мало и говорилось и писалось объ обычаяхъ судебныхъ вообще и междусудейскихъ въ особенности. Мало и неудачно изучали ихъ и ex officio, а если изучали, то рѣдко безъ предвзятой мысли, что все обстоитъ благополучно, за исключеніемъ того, что усмотрѣли и о чемъ донесли облеченныя ex officio довѣріемъ лица. Это довѣріе къ излюбленнымъ лицамъ, маскировало необходимость подробнаго изученія существующихъ въ судахъ порядковъ и маскируетъ до сихъ поръ. На работѣ, имѣющей законодательное назначеніе, это немогло неотразится иначе, какъ въ видѣ недостатковъ и упущеній. Въ разныхъ мѣстахъ статьи мы сдѣлали указанія на обычаи и отдѣльные случаи ихъ характеризующіе и такихъ, такъ сказать анекдотовъ, вышло, въ общемъ, порядочное количество, такое количество, что если бы они относились къ одному суду, то можно было бы по справеливости сказать, что это судъ съ весьма мудреными обычаями. А сколько такихъ указаній могли бы сдѣлать другіе судьи! А сколько ихъ собрала бы *настоящая* ревизія!

Второй недостатокъ тотъ, что проектъ очень часто упускаетъ изъ виду свою прямую цѣль быть общимъ наказомъ для всѣхъ судебныхъ дѣятелей. Благодаря этому мы встрѣчаемъ въ немъ отсутствіе наказа чинамъ прокуратуры, объяснимое развѣ только въ томъ случаѣ, если справедливъ слухъ о передачѣ прокуратуры въ вѣдѣніе департамента государственной полиціи. Но даже и тогда необходимо было намѣтить въ проектѣ правила на тѣ случаи, гдѣ прокуратурѣ приходится соприкасаться съ судами, а этого то мы и не находимъ, начиная съ отсутствія указаній на то, можетъ ли пользоваться прокуратура помѣщеніемъ и другими удобствами въ зданіяхъ, занимаемыхъ судами и кончая отсутствіемъ указаній на то, напр. крайне важное обстоятельство, въ правѣ ли высшая прокуратура затормозить дальнѣйшій ходъ законодательнаго вопроса,

возбуждаемаго судомъ чрезъ прокурора и въ согласіи съ мѣстной прокуратурой [1]). Благодаря этому же недостатку, проектъ во многихъ отдѣлахъ обходитъ сенатъ молчаніемъ, какъ бы нежелая сравнять его съ другими судебными мѣстами. О сенатѣ только изрѣдка упоминается и то какъ бы только для противупоставленія, послѣдствіемъ чего являются пропуски въ отношеніи сената въ тѣхъ статьяхъ, которыя могутъ быть примѣнимы и къ нему и неясность въ отношеніи того, распространится ли будущій наказъ на правительствующій сенатъ, какъ общее судебное мѣсто. Искреннее отношеніе къ этому вопросу необходимо и маскировать его нельзя. Разъ допустить, что общій наказъ долженъ обнимать собою и сенатъ, что по закону безспорно, тогда станутъ еще болѣе рельефными нѣкоторыя изъ нашихъ замѣчаній, напр. о предсѣдательскихъ, непосредственныхъ репримандахъ судьямъ.

Третій недостатокъ проекта тотъ, что въ разныхъ отдѣлахъ онъ поставляетъ для себя разныя границы, то слишкомъ широкія, то напротивъ очень узкія. Такъ, напримѣръ, онъ очень щедръ въ созданіи для предсѣдателей разныхъ правъ и скупъ на оговорки о порядкѣ и предѣлахъ пользованія этими правами; такъ онъ расширяетъ границы инстанціоннаго надзора за судами далеко за предѣлы, установленные господствовавшимъ до сихъ поръ ученіемъ сената и ни слова не говоритъ о томъ, какъ долженъ проявляться внутренній самонадзоръ и осуществляться надзоръ за предсѣдателемъ, какъ бы недопуская и мысли о возможности предсѣдательскихъ злоупотребленій. Говоря о другомъ, мощномъ средствѣ надзора—ревизіяхъ, проектъ или неуказываетъ для нихъ сроковъ, или оставляетъ ревизоровъ безъ всякой инструкціи. Достаточно подробный въ однихъ отдѣлахъ, онъ страдаетъ неполнотою другихъ. Для примѣра укажемъ на то, что весьма важный отдѣлъ правилъ объ отношеніи общаго къ особымъ наказамъ и о будущемъ измѣненіи или дополненіи того и другого, въ проектѣ не нашелъ себѣ мѣста, тогда какъ съ этихъ прекрасныхъ правилъ начинается, повидимому неизвѣстный составителямъ, Саратовскій проектъ общаго наказа.

---

[1]) А такіе случаи бываютъ. Если при этомъ принять во вниманіе, что способъ возбужденія законодательныхъ вопросовъ судами въ законѣ неопредѣленъ, то не будетъ удивительно, что дѣятельность новыхъ судовъ, въ этомъ отношеніи, гораздо ниже даже тѣхъ услугъ, которыя оказывали законодателю старые суды.

Незнакомство съ этой почтенной книгой и вообще съ тѣми источниками, которые могли бы служить матеріаломъ для подобной работы, мы отмѣчаемъ какъ *четвертый* недостатокъ проекта И думаемъ, что разными цитатами мы доказали, что если проектъ не желалъ быть по преимуществу краткимъ, то странно почему онъ такъ мало заимствовалъ изъ самыхъ извѣстныхъ особыхъ наказовъ судовъ и палатъ.

Если указанные нами недостатки не преувеличены, то нельзя не признать, въ заключеніе настоящей статьи, что—по разобранному проекту—изданіе полнаго и окончательнаго общаго наказа было бы очень и очень затруднительно или, вѣрнѣе, преждевременно.

И. С.

членъ новаго суда.

О ПОРЯДКѢ ПРОИЗВОДСТВА ВЪ ОКРУЖНОМЪ СУДѢ ДѢЛЪ ПО СПОРУ О ПОДЛОГѢ, ЗАЯВЛЕННОМУ У МИРОВАГО СУДЬИ.

До настоящаго времени въ нашей судебной практикѣ не выяснено съ достаточною полнотою, какой процесуальный порядокъ долженъ быть соблюдаемъ при производствѣ въ окружномъ судѣ дѣлъ по спору о подлогѣ, заявленному въ мировыхъ судебныхъ установленіяхъ, на основаніи 110 ст. уст. гр. суд. Въ ст. 110 указаны лишь первоначальныя, подготовительныя дѣйствія, предпринимаемыя мировымъ судьею, въ случаѣ заявленія спора о подлогѣ. По этой статьѣ, когда противъ письменныхъ документовъ, существенныхъ при рѣшеніи дѣла, предъявленъ споръ о подлогѣ, то мировой судья прежде всего предлагаетъ сторонѣ, представившей тѣ документы, взять ихъ обратно; въ случаѣ ея несогласія, онъ объясняетъ объявившему о подлогѣ всю важность послѣдствій, которымъ сей послѣдній подвергается, если не докажетъ дѣйствительность подлога. Когда же тяжущійся подтвердитъ споръ о подлогѣ, то мировой судья пріостанавливаетъ у себя дѣло, а документы, объявленные подложными, отсылаетъ прокурору мѣстнаго окружнаго суда, для предложенія вопроса о подлогѣ на разсмотрѣніе суда, по установленному порядку. Изъ содержанія приведенной статьи вытекаютъ слѣдующія положенія: 1) споръ о подлогѣ можетъ быть возбуждаемъ у мироваго судьи только противъ такихъ

документовъ, которые существенны для дѣла, т. е. такихъ, которые служатъ доказательствами иска или возраженія (гр. кас рѣш. № 119—70 г.); 2) споръ о подлогѣ возбуждается по инициативѣ стороны, а не самимъ судомъ ex officio; 3) споръ о подлогѣ можетъ быть объявленъ не только противъ домашнихъ, но и противъ крѣпостныхъ и явочныхъ актовъ: форма акта имѣетъ значеніе только относительно заявленія сомнѣнія въ подлинности акта (ст. 109 уст. гр. суд); 4) споръ о подлогѣ можетъ быть заявленъ во все время производства дѣла до постановленія окончательнаго рѣшенія мировымъ судьею или съѣздомъ, т. е. во всѣ тѣ стадіи процеса, когда дѣло можетъ быть пріостановлено производствомъ (ст. 555 устава и гр касс. рѣш. №№ 770—69 г.; 1003—72 г.; 5) споръ о подлогѣ можетъ быть заявленъ какъ на письмѣ, такъ и на словахъ; въ послѣднемъ случаѣ, заявленіе стороны записывается судьею въ протоколъ засѣданія; особаго объявленія или протокола, какъ это установлено для общихъ судебныхъ мѣстъ въ ст. 556 устава, здѣсь не требуется; 6) предложеніе мироваго судьи или съѣзда сторонѣ, представившей заподозрѣнные документы, взять ихъ обратно, дѣлается на словахъ, безъ назначенія ей срока для дачи о томъ отзыва, какъ это установлено ст. 557 для общихъ установленій; если сторона возьметъ актъ обратно, онъ исключается изъ числа доказательствъ и дѣло рѣшается на основаніи другихъ доказательствъ (ст. 558 устава); въ этомъ случаѣ споръ о подлогѣ, за отсутствіемъ объекта подлога, устраняется; 7) послѣдствіе, о которомъ мировой судья предупреждаетъ объявившаго споръ о подлогѣ, заключается въ денежномъ штрафѣ (ст. 562 устава); въ случаѣ отказа отъ заявленія о подлогѣ, подлинность акта возстановляется, въ противномъ случаѣ, споръ о подлогѣ считается констатированнымъ и послѣдствіями его являются: пріостановленіе дѣла и отсылка оспоренныхъ документовъ къ прокурору для предложенія вопроса о подлогѣ на разсмотрѣніе суда. Эти общіе выводы, сдѣланные изъ смысла 110 ст., показываютъ, что она находится въ нѣкоторой связи съ ст. 555—562 устава и что мировой судья только констатируетъ фактъ заявленія спора о подлогѣ, съ цѣлью пріостановленія у себя дальнѣйшаго производства дѣла, самый же споръ о подлогѣ, по существу, разрѣшается окружнымъ судомъ посредствомъ изслѣдованія акта и разсмотрѣнія доказательствъ подлога. Для какой цѣли прокуроръ составляетъ посредствующую инстанцію между мировыми установленіями и окружнымъ судомъ,

трудно объяснить. Въ дѣйствительности, участіе прокурора ограничивается тѣмъ, что онъ производство мироваго судьи, по которому заявленъ споръ о подлогѣ, предлагаетъ окружному суду. Да и едва ли участіе прокурора можетъ простираться далѣе: законъ не предоставляетъ ему права входить въ оцѣнку спора о подлогѣ, останавливать его дальнѣйшее теченіе и не передавать его въ судъ. Заключеніе же прокурора требуется лишь при разсмотрѣніи судомъ въ засѣданіи спора о подлогѣ (п. 5 ст. 343 и 561 уст. гр. суд.). Поэтому можно было бы безъ ущерба для дѣла постановить, что мировыя установленія передаютъ вопросъ о подлогѣ прямо въ мѣстный окружный судъ. Не слѣдуетъ при этомъ забывать, что ст. 110 касается только заявленія спора о подлогѣ, *безъ прямаго обвиненія кого либо въ этомъ подлогѣ*, такъ что нѣтъ никакого повода подвергать заподозрѣнный актъ изслѣдованію въ уголовномъ порядкѣ. Лишь только послѣ признанія гражданскимъ судомъ акта подложнымъ или если заявившій споръ прямо указываетъ лицо, совершившее подлогъ, дѣло принимаетъ уголовный характеръ и для дальнѣйшаго направленія его участіе прокурора необходимо (ст. 563 устава). Само собою разумѣется, что и мировыя судебныя установленія, въ случаѣ заявленія спора о подлогѣ съ указаніемъ лица, совершившаго подлогъ, обязаны вслѣдъ за такимъ заявленіемъ составить по этому предмету опредѣленіе и сообщить его вмѣстѣ съ самымъ актомъ прокурору, для изслѣдованія въ уголовномъ порядкѣ (ст. 8, 80 и 563 устава).

И такъ, мировой судья, заявленный споръ о подлогѣ передаетъ черезъ прокурора, на разсмотрѣніе гражданскаго суда. Разсмотримъ, въ чемъ заключается дѣятельность суда, по этому предмету, *съ формально-процесуальной* стороны, такъ какъ эта сторона требуетъ разъясненій. Съ какого момента начинается дѣятельность суда? Съ поступленіемъ дѣла по спору о подлогѣ въ судъ, оно представляется въ слѣдующемъ видѣ. Лицо, заявившее у мироваго судьи споръ о подлогѣ, не отказалось отъ своего заявленія, несмотря на то, что оно было предупреждено о послѣдствіяхъ недоказанности подлога; противная сторона не согласилась взять актъ обратно. Если заявившій споръ отказался отъ своего заявленія *по поступленіи дѣла въ окружный судъ*, онъ долженъ, по моему мнѣнію, подвергнуться взысканію штрафа, установленнаго 562 ст. устава, на томъ основаніи, что онъ былъ своевременно предупрежденъ мировымъ судьею и что, заявляя споръ о подлогѣ, онъ посягалъ на честь лица пред-

ставившаго актъ въ защиту своихъ правъ. Подобный отказъ равносиленъ непредставленію въ надлежащій срокъ доказательствъ подлога или признанію судомъ спора незаслуживающимъ уваженія (ст. 562). Сторона, представившая заподозрѣнный актъ, можетъ взять его обратно *и послѣ поступленія дѣла въ судъ*, такъ какъ нѣтъ разумнаго основанія лишать ее такого права единственно потому, что у мироваго судьи она не согласилась взять актъ обратно; притомъ со взятіемъ акта изъ дѣла, онъ исключается изъ числа доказательствъ и лицо подвергается вслѣдствіе этого невыгоднымъ послѣдствіямъ, ибо при отсутствіи другихъ доказательствъ, отыскиваемое или защищаемое право будетъ судьею отвергнуто. Но предположимъ, что съ переходомъ дѣла въ судъ, споръ о подлогѣ не подвергается никакимъ измѣненіямъ. Тогда дѣятельность суда должна исходить изъ того законнаго предположенія, что споръ о подлогѣ заявленъ и что сторона, представившая актъ, намѣрена имъ воспользоваться. Этимъ само собою опредѣляется направленіе дѣла въ судѣ. Предсѣдатель дѣлаетъ распоряженіе объ истребованіи отъ стороны, заявившей споръ, доказательствъ подлога, каковыя доказательства должны быть представлены въ семидневный срокъ со времени объявленія о томъ сторонѣ (ст. 559). Такое распоряженіе предсѣдателя приводится въ исполненіе посредствомъ посылки объявленія и повѣстки въ двухъ экземплярахъ, черезъ судебнаго пристава. Но здѣсь можетъ встрѣтиться слѣдующее практическое затрудненіе. Мѣстожительство лицъ, участвующихъ въ дѣлѣ по спору о подлогѣ, можетъ быть, какъ это въ большинствѣ случаевъ и бываетъ, внѣ города гдѣ находится окружный судъ. По исковымъ дѣламъ, производящимся въ общихъ судебныхъ установленіяхъ, законъ опредѣляетъ, что тяжущіеся къ сроку, назначенному на явку, обязаны заявить въ канцеляріи суда объ избранномъ ими мѣстѣ пребыванія въ томъ городѣ, гдѣ находится судъ; въ избранное мѣстопребываніе отсылаются всѣ повѣстки суда и бумаги по дѣлу (ст. 309—311, 763 уст. гр. суд.). Это и составляетъ такъ называемый судебный адресъ (см. мою статью „О судебномъ адресѣ въ гражданскомъ процесѣ“ въ Журналѣ гражданскаго и уголовнаго права за 1879 годъ, книга IV). Это обязательное мѣстопребываніе установлено закономъ для удобства сношеній судебныхъ мѣстъ и ихъ органовъ съ тяжущимися, для быстроты и дешевизны этихъ сношеній. Эта ratio legis должна имѣть одинаковую силу по всѣмъ дѣламъ и спорамъ, гдѣ являются двѣ противоположныя стороны,

въ томъ числѣ и по дѣламъ по спору о подлогѣ. Отсюда слѣдуетъ, что лица, между которыми происходитъ споръ о подлогѣ, обязаны избрать, на время производства дѣла въ судѣ, свое мѣстопребываніе въ томъ городѣ, гдѣ находится судъ. Это положеніе подтверждается еще и тѣмъ соображеніемъ, что законъ опредѣлилъ для дачи сторонамъ отзыва, для представленія доказательствъ и возраженія по спору о подлогѣ, положительные, процесуальные сроки, *безъ причисленія къ нимъ поверстнаго* (ст. 557, 559 и 560 устава), каковой поверстный срокъ полагается въ тѣхъ случаяхъ, когда сношеніе суда съ тяжущимися допускается и внѣ того города, гдѣ находится судъ (ст. 300, 350, 728 и др.). Кромѣ избранія мѣстопребыванія, стороны должны представить деньги на доставленіе повѣстокъ и бумагъ черезъ судебнаго пристава, на основаніи таксы. Нѣкоторые окружные суды въ дѣлахъ по спору о подлогѣ и по другимъ дѣламъ, когда нѣтъ денегъ на посылку повѣстокъ, сносятся съ сторонами черезъ чиновъ полиціи, но такая практика, по моему мнѣнію, не оправдывается закономъ. По общему правилу, судебные пристава суть единственные органы гражданскаго суда для сношеній съ тяжущимися или просителями и только въ видѣ исключенія, при недостаткѣ судебныхъ приставовъ, предсѣдатели судебныхъ мѣстъ имѣютъ право исполненіе ихъ обязанностей поручать чинамъ полиціи исполнительной, но съ тѣмъ, чтобы полицейскіе чины получали вознагражденіе, судебнымъ приставамъ по таксѣ опредѣляемое (ст. 1004 II т. общ губ. учр.). Не говоря о томъ, что исполненіе полицейскими чинами обязанностей судебныхъ приставовъ также обусловлено денежнымъ вознагражденіемъ, таковое исполненіе отвлекаетъ полицію отъ прямыхъ ея обязанностей и кромѣ того производится весьма медленно. И такъ, производство въ окружномъ судѣ дѣла по спору о подлогѣ, заявленному у мироваго судьи или въ мировомъ съѣздѣ, начинается не иначе, какъ послѣ избранія тяжущимися или ихъ повѣренными своего мѣстопребыванія въ томъ городѣ, гдѣ находится судъ, и послѣ представленія ими денегъ на сообщеніе повѣстокъ и бумагъ; безъ этого дѣло остается безъ движенія. Въ виду этого было бы полезно, если бы мировой судья, у котораго заявленъ споръ о подлогѣ, объяснялъ сторонамъ объ обязанности ихъ избрать мѣстопребываніе и представить деньги. Тяжущійся, заявившій споръ о подлогѣ, обязанъ доказать подлогъ, въ этомъ заключается отличіе спора о подлогѣ отъ сомнѣнія въ подлинности акта; въ послѣднемъ

случаѣ, onus probandi лежитъ на тяжущемся, представившемъ актъ, т. е. онъ обязанъ доказать подлинность акта (ст. 544 и мотивы госуд. канц.). Это различіе основано на томъ, что сомнѣніе въ подлинности можетъ быть заявлено только противъ домашнихъ, а не крѣпостныхъ или явочныхъ актовъ (ст. 543 устава), подлинность же домашнихъ актовъ предполагается лишь настолько, насколько она признается или не подвергается сомнѣнію тѣми, противъ коихъ акты представлены; поэтому, въ случаѣ спора или сомнѣнія, подлинность акта должна быть доказана; подлогъ же въ актѣ составляетъ уже преступленіе, которое не предполагается, а должно быть доказано (ст. 457, 458 и мотивы госуд. канц. подъ ст. 543 уст. гр. суд.). Доказательства о подлогѣ представляются въ судъ съ семидневный срокъ, съ копіями, для сообщенія противной сторонѣ. Непредставленіе въ назначенный срокъ доказательства, влечетъ за собою взысканіе штрафа отъ 10 до 300 руб. (ст. 562). Это взысканіе, идущее въ пользу казны, налагается самимъ судомъ, независимо объ просьбы противной стороны. Вмѣстѣ съ этимъ споръ о подлогѣ, какъ недоказанный, устраняется. Объ этомъ послѣднемъ положеніи въ ст. 562 прямо не постановлено, но оно вытекаетъ изъ того, что законъ опредѣляетъ одинаковое послѣдствіе (штрафъ), какъ для непредставленія въ срокъ доказательстъ, такъ и въ случаѣ признанія судомъ спора незаслуживающимъ уваженія; слѣдовательно, законъ считаетъ первое основаніе—т. е. непредставленіе въ срокъ доказательствъ, равносильнымъ второму основанію—недоказанности подлога. При иномъ пониманіи смысла ст. 562, производство по спору о подлогѣ длилось бы неопредѣленное время и права, сопряженныя съ оспоренными актами, оставались бы на долго in pendente и въ зависимости отъ усмотрѣнія лица, обязаннаго доказать подложность акта Копіи представленныхъ въ назначенный срокъ доказательствъ подлога, сообщаются противной сторонѣ, для представленія возраженія въ семидневный срокъ (ст. 560). Редакція ст. 560 показываетъ, что сторона *можетъ*, но не обязана представить возраженіе; непредставленіе его не влечетъ за собою никакихъ послѣдствій, въ отличіе отъ отзыва о намѣреніи воспользоваться актомъ или отъ доказательствъ подлога, которые стороны *обязаны* представить въ установленный срокъ, подвергаясь въ противномъ случаѣ опредѣленнымъ послѣдствіямъ (ст. 557—559, 562). Копія возраженія сообщается противной сторонѣ и этимъ заканчивается обмѣнъ состязательныхъ бумагъ по спору о подлогѣ. Послѣ

этой письменной подготовки наступаетъ періодъ разсмотрѣнія и разрѣшенія судомъ спора о подлогѣ. Этому періоду можетъ предшествовать повѣрка или изслѣдованіе акта, если состязательныя бумаги, сами по себѣ, не убѣждаютъ въ подложности или подлинности акта (ст. 561). Изслѣдованіе акта, а равно и способъ изслѣдованія, назначаются или по просьбѣ тяжущихся или по усмотрѣнію суда, какъ повѣрка доказательствъ вообще (ст. 499, 515 и 541). Въ законѣ опредѣлены одинаковые способы изслѣдованія акта, какъ въ случаѣ заявленія сомнѣнія въ подлинности, такъ и въ случаѣ объявленія спора о подлогѣ (ст. 547 и 561); это потому, что цѣль изслѣдованія, въ томъ и другомъ случаѣ, одна—раскрыть подлинность или подложность акта. Изслѣдованіе акта тѣмъ или другимъ способомъ, производится при участіи сторонъ, которыя извѣщаются о времени, мѣстѣ и способѣ изслѣдованія, и происходитъ въ открытомъ засѣданіи суда, за исключеніемъ случая, когда изслѣдованіе поручено одному изъ членовъ суда (ст. 500, 501 и 548 устава). Когда изслѣдованіе окончено, судъ постановляетъ опредѣленіе по спору о подлогѣ, причемъ выслушиваетъ объясненія сторонъ и заключеніе прокурора (ст. 561). По этому опредѣленію судъ или устраняетъ споръ о подлогѣ, или признаетъ актъ подложнымъ; въ первомъ случаѣ, актъ считается подлиннымъ и возвращается, вмѣстѣ съ копіею опредѣленія, мировому судьѣ для дальнѣйшаго производства пріостановленнаго дѣла; во второмъ случаѣ, актъ исключается изъ числа доказательствъ и судъ сообщаетъ опредѣленіе свое по сему предмету, вмѣстѣ съ самимъ актомъ, прокурору (ст. 561 и 563). Опредѣленіе суда по спору о подлогѣ есть частное опредѣленіе, а не рѣшеніе, и жалобы на него подаются не въ апелляціонномъ, а въ частномъ порядкѣ (гр. кас рѣш. №№ 733—68 г., 202—76 г.).

Изъ этого краткаго очерка производства въ окружномъ судѣ дѣлъ по спору о подлогѣ, заявленному въ мировыхъ установленіяхъ, видно, что дѣятельность суда по этому предмету, представляетъ собой продолженіе дѣятельности мировыхъ установленій и заключается въ истребованіи доказательствъ подлога, изслѣдованіи оспореннаго акта и въ разрѣшеніи вопроса о подлогѣ; мировой же судья или съѣздъ обязаны только констатировать тотъ фактъ, что споръ о подлогѣ заявленъ и что сторона, представившая актъ, намѣрена имъ воспользоваться Въ виду этого, окружный судъ не долженъ приступать къ производству по спору о подлогѣ, если

мировымъ судьею не были соблюдены въ точности обряды, установленные въ приведенной ст. 110 уст. гр. суд.; въ этомъ случаѣ производство суда преждевременно и дѣло должно быть возвращено мировому судьѣ.

Г. Вербловскій.

ПРОЦЕСУАЛЬНАЯ ОХРАНА ИНТЕРЕСОВЪ ТРЕТЬИХЪ ЛИЦЪ ПРИ ОПИСИ ДВИЖИМАГО ИМУЩЕСТВА ДОЛЖНИКА

(ст. 1091 и 1092 уст. гражд. судопр.).

Признавая, что „главною цѣлью при установленіи правилъ объ исполненіи судебныхъ рѣшеній, должно быть устраненіе всего, что можетъ замедлить исполненіе,“ составители судебныхъ уставовъ 20 ноября 1864 года находили, что для достиженія этой цѣли „прежде всего надлежитъ устранить всѣ препятствія, которыя обыкновенно изъискиваетъ и противопоставляетъ сему обвиненная сторона,“ а потому, полагали они, „необходимо принять мѣры, чтобы несправедливыя возраженія должника и третьихъ лицъ не останавливали наложенія ареста“ [1]). Наиболѣе вѣскимъ возраженіемъ противъ включенія въ опись какого-либо имущества, на которое взыскатель желаетъ обратить взысканіе, могло бы служить заявленіе о непринадлежносчи должнику этого имущества. Для предотвращенія возможности тормазить подобнымъ заявленіемъ ходъ принудительнаго исполненія рѣшенія, введено въ уставъ гражданскаго судопроизводства правило о томъ, что „судебный приставъ не имѣетъ права пріостановить наложеніе ареста, по возраженіямъ должника или третьихъ лицъ о непринадлежности должнику находящагося въ его владѣніи имущества, развѣ бы внесена была вся сумма, подлежащая взысканію или взыскатель изъявилъ согласіе на пріостановленіе ареста“ (ст. 1091 уст. гр. суд.). При отсутствіи такого правила, должникъ нетолько всегда располагалъ-бы надежнымъ средствомъ замедлять, исполненіе рѣшенія, но и могъ-бы, съ помощію нѣкоторой ловкости, сдѣлать практически вовсе невозможнымъ принятіе противъ него принудительныхъ мѣръ имущественнаго взысканія.

---

[1]) Судебные уставы, изд. гос. канц., ч. I, стр. 438, 444 и 498.

Еслибъ заявленіе третьихъ лицъ или самаго должника о непринадлежности сему послѣднему того имущества, на которое обращено взысканіе, служило бы препятствіемъ къ наложенію на это имущество ареста, со всѣми его послѣдствіями, то взыскателю оставалось-бы доказывать судебнымъ порядкомъ неосновательность такого заявленія, т. е. доказывать, что въ моментъ отказа ему въ обращеніи взысканія на спорное имущество, вслѣдствіе заявленія со стороны должника или третьихъ лицъ о непринадлежности должнику этого имущества, право собственности на оное принадлежало должнику, а не третьему лицу. Но пока продолжалось бы производство по иску взыскателя, должникъ имѣлъ бы полную возможность растратить или скрыть имущество. Онъ могъ бы это сдѣлать гораздо ранѣе, чѣмъ возъимѣли бы свое дѣйствіе мѣры обезпеченія иска, еслибъ таковое и было допущено судомъ въ огражденіе интересовъ взыскателя. При этомъ изворотливый должникъ съумѣлъ бы такъ распорядиться со спорнымъ имуществомъ, что постановленное противъ него рѣшеніе по иску взыскателя объ этомъ имуществѣ, не принесло бы выигравшей сторонѣ никакой реальной пользы. Въ относительно еще благопріятномъ для взыскателя случаѣ, ему предстояла бы возможность залучить въ опись разъ ускользнувшее отъ нея движимое имущество должника, нѣкогда находившееся въ его владѣніи, лишь при посредствѣ новаго иска, основаннаго на 2 п. 1529 ст. 1 ч. X т. Еслибъ даже съ помощію столь труднаго и ненадежнаго у насъ actio Pauliana ему и удалось устранить послѣдствія недобросовѣстныхъ изворотовъ должника, то все же при этомъ на его долю выпадаетъ такое множество хлопотъ и невознаградимыхъ издержекъ, что чаще всего будетъ гораздо благоразумнѣе и выгоднѣе вовсе отказаться отъ борьбы съ должникомъ. Признавъ, что заявленіе должника о непринадлежности ему находящагося въ его владѣніи имущества, должно служить препятствіемъ ко включенію такого имущества въ опись, не было бы уже основанія ограничить его въ правѣ дѣлать подобныя заявленія лишь въ отношеніи какого либо извѣстнаго рода движимаго имущества или относительно только опредѣленной части всего наличнаго имущества. Стало быть должникъ получилъ бы возможность оградить такими заявленіями всякое имущество отъ опасности сдѣлаться источникомъ удовлетворенія кредитора. Однимъ словомъ, стоитъ только признать указаніе должника на непринадлежность ему права собственности на движимость, находящуюся въ

его владѣніи, достаточнымъ поводомъ къ устраненію ее отъ описи, какъ тотчасъ же наступитъ полная невозможность имущественнаго взысканія.

Статья 1091 уст. гражд. судопр., предотвращая замедленіе и неудачный исходъ принудительнаго взысканія, могущія произойдти отъ невключенія въ опись оказавшагося во владѣніи должника имущества, вслѣдствіе его заявленія о принадлежности сего имущества третьему лицу, не содержитъ въ себѣ никакихъ гарантій интересовъ третьихъ лицъ. Затѣмъ, послѣдующія 1092 и 1093 статьи указываютъ лишь тотъ способъ, какимъ третье лицо можетъ устранить невыгодныя для него послѣдствія обращенія взысканія на принадлежащее ему движимое имущество, находившееся во владѣніи должника во время наложенія ареста. Но третье лицо не можетъ предотвратить включеніе такого имущества въ опись, при требованіи о томъ взыскателя. Существуетъ, однакоже, мнѣніе, несогласное съ тѣмъ, какое мы сейчасъ высказали на этотъ счетъ: „Когда при самой описи вещей,—говоритъ уважаемый К. П. Побѣдоносцевъ,—находящихся въ помѣщеніи, занимаемомъ должникомъ, явственно оказывается по виду и состоянію вещей, что онѣ находились у него въ удержаніи или въ храненіи, какъ чужая собственность, то судебный приставъ не долженъ подвергать тѣ вещи аресту и описи какъ имущество должника. Сіе обязанъ наблюдать судебный приставъ по своей обязанности, не подводя означенныя вещи подъ правило 990 ст. уст. гражд. суд., и независимо отъ тѣхъ возраженій, кои предъявляются порядкомъ, указаннымъ въ 1091—1093 ст. уст. гр. суд.“ [1]). Въ значеніи пояснительнаго примѣра приводится случай нахожденія въ квартирѣ должника, во время описи, зепертаго и запечатаннаго сундука съ надписью, что вещи отданы должнику на сохраненіе въ запертомъ помѣщеніи, что удостовѣряется и сохранной роспиской,—и другой случай, когда въ мѣховомъ магазинѣ описывается товаръ, въ числѣ котораго оказываются отданныя для сбереженія на лѣто шубы, какъ это явствуетъ изъ имѣющихся на нихъ ярлыковъ и отмѣтокъ въ магазинной книгѣ. Мы склонны были бы думать, что г. Побѣдоносцевъ имѣетъ въ виду наложеніе ареста въ отсутствіи взыскателя, когда судебный приставъ, руководствуется общимъ его заявленіемъ объ

[1]) Судебное руководство, стр. 406, тезисъ 1161.

обращеніи взысканія на движимое имущество должника, безъ точнаго обозначенія отдѣльныхъ вещей, подлежащихъ аресту, такъ что, удостовѣрясь, по внѣшнимъ признакамъ, въ принадлежности какой либо вещи третьему лицу, онъ не включаетъ ее въ опись, какъ невходящую въ составъ движимаго имущества *должника*. Хотя и въ этомъ случаѣ еще сомнительно право судебнаго пристава не включать въ опись извѣстную вещь, но ссылка на 990 и 1091 ст. уст. гр суд., и утвержденіе, что приставъ долженъ такъ именно поступить ex officio, заставляютъ придти къ заключенію, что, по мнѣнію г. Побѣдоносцева, даже несмотря на требованіе взыскателя о наложеніи ареста на какую либо вещь, находящуюся во владѣніи должника, но, повидимому, составляющую собственность посторонняго лица, приставъ не долженъ подвергать ее аресту. А если это такъ, то изворотливость должника, противъ которой направлена 1091 ст. уст. гражд. суд., получаетъ значительный просторъ. Предвидя появленіе судебнаго пристава съ исполнительнымъ листомъ, неособенно трудно устроить, чтобъ онъ нашелъ большую и преимущественно цѣнную часть, находящагося въ помѣщеніи должника движимаго имущества, съ явными признаками принадлежности его третьему лицу. Еслибъ послѣ отказа судебнаго пристава подвергнуть описи такое имущество, судъ, по ходатайству взыскателя, разсмотрѣвъ эти признаки, нашелъ-бы ихъ недостаточными въ значеніи доказательствъ права собственности на оное третьяго лица, то хотя препятствіе къ наложенію ареста и устранилось-бы, но арестовать было бы уже нечего, потому что должникъ успѣлъ-бы къ тому времени сбыть вещи. Еслибъ печать и билетикъ съ надписью, что заключающееся въ сундукѣ имущество отдано должнику на храненіе запертымъ, какъ въ приведенномъ у г. Побѣдоносцева примѣрѣ, избавляли бы сундукъ отъ описи, тогда должникамъ даже не было-бы надобности особенно изощрятся въ измышленіи способовъ предохранить свое имущество отъ включенія въ опись, такъ какъ у нихъ всегда находился бы подъ рукою самый простѣйшій и нехлопотливый способъ достигнуть этого при помощи пріятеля, который согласился бы запечатать сундукъ и сдѣлать на немъ предохранительную надпись. А чтобъ не затруднить должника въ пользованіи, по мѣрѣ надобности, запертымъ въ сундукѣ имуществомъ, онъ могъ-бы даже обязательно дать ему на подержаніе и свою печать. За составленіемъ сохранной росписки дѣло то-

же не стало-бы, хотя мы и затрудняемся понять, зачѣмъ она находилась-бы не у поклажедателя, а въ рукахъ должника—поклажепринимателя, который, при описи у него имущества, могъ-бы предъявить ее судебному приставу [1]). Развѣ предположить, что въ примѣрѣ г. Побѣдоносцева сохранную росписку предъявляетъ приставу поклажедатель случайно явившійся къ описи имущества должника. Во всякомъ случаѣ, особенно же въ виду возраженій взыскателя, судебному приставу, для признанія права собственности на имущество за третьимъ лицомъ, придется разрѣшить множество юридическихъ вопросовъ, что едва-ли ему приличествуетъ. Положимъ, что тотъ или другой способъ разрѣшенія имъ этихъ вопросовъ не будетъ отличатся безповоротностью окончательнаго судебнаго рѣшенія, но, по своимъ практическимъ послѣдствіямъ для взыскателя, какъ мы уже говорили, оно можетъ быть, въ сущности, совершенно равносильно ему. Необходимость разрѣшенія приставомъ спорныхъ вопросовъ для опредѣленія того, третьему лицу или должнику принадлежитъ имущество, находящееся въ фактическомъ владѣніи сего послѣдняго, нисколько, по нашему мнѣнію, не устраняется и не уменьшается тѣмъ, что рѣчь идетъ о такихъ вещахъ, въ отношеніи которыхъ „явственно оказывается, по виду и состоянію вещей, что онѣ находились у него въ удержаніи или въ храненіи, какъ чужая собственность.“ Во-первыхъ, что для одного будетъ казаться вполнѣ явственнымъ, то для другаго можетъ представляться сомнительнымъ, а во-вторыхъ, для того, чтобъ судить, могутъ-ли извѣстныя данныя составлять явственное доказательство права собственности, нужно все-таки обладать запасомъ юридическихъ свѣдѣній, а нерѣдко и весьма солиднымъ запасомъ, какого подозрѣвать у судебныхъ приставовъ мы не имѣемъ никакого основанія, и наконецъ, болѣе или менѣе явственные признаки принадлежности третьему лицу находящагося во владѣніи должника имущества, могутъ утрачивать свою явственность вслѣдствіе возраженій тоже болѣе или менѣе явственно основательныхъ. Если при описи мѣ-

---

[1]) На практикѣ дѣйствительно встрѣчается нѣчто подобное. Въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ еще не очень искусились въ умѣньи ограждать отъ описи свое имущество посредствомъ сдѣлокъ in fraudem creditorum, должники очень часто сами предъявляютъ судебному приставу хранящіеся у нихъ подлинные документы, свидѣтельствующіе о томъ, что все ихъ движимое имущество продано третьему лицу, чаще всего какому-нибудь близкому родственнику.

ховаго магазина окажется, что какая нибудь цѣнная шуба носитъ ярлыкъ, удостовѣряющій, что она отдана кѣмъ-либо въ магазинъ для сбереженія на лѣто и это указаніе подтверждается надлежащею отмѣткою въ магазинной книгѣ, то, повидимому, принадлежность шубы третьему лицу, а не должнику, вполнѣ подтверждается и судебному приставу остается отказать въ удовлетвореніи требованія взыскателя о включеніи ее въ опись. а въ случаѣ небытности послѣдняго при арестѣ, не подвергать ее описи ex officio. Но взыскатель можетъ возразить, что магазинъ,—какъ это и дѣйствительно часто бываетъ,—принимаетъ на сбереженіе мѣховыя вещи подъ тѣмъ условіемъ, что если по истеченіи извѣстнаго срока не будетъ внесена плата за храненіе и лицо, которому вещь принадлежитъ, не явится за полученіемъ ея, то она поступаетъ въ собственность владѣльца магазина. Такъ какъ условленный срокъ уже давно истекъ и никто не является для взноса платы за сбереженіе или для обратнаго полученія, то поэтому владѣлецъ магазина пріобрѣлъ право собственности на шубу и она находится въ магазинѣ просто какъ продажный товаръ,—что взыскатель можетъ доказать печатными правилами пріема магазиномъ мѣховыхъ вещей на сбереженіе, самою отмѣткою въ книгѣ о времени принятія вещи на сбереженіе и отсутствіемъ въ ней отмѣтокъ въ полученіи платы за оное, наконецъ, свидѣтельскими показаніями лицъ, которымъ владѣлецъ магазина предлагалъ купить шубу, какъ составляющую нынѣ его собственность. Кромѣ того, взыскатель можетъ небездоказательно утверждать, что хотя въ книгѣ для записки вещей, принятыхъ на сбереженіе, значится, что такая-то вещь поступила въ магазинъ отъ извѣстнаго лица именно для этой цѣли, но на самомъ дѣлѣ она принадлежитъ мѣховщику, который постоянно ею пользуется и пользовался ранѣе чѣмъ она была, будто бы, если вѣрить магазинной книгѣ, принята на сбереженіе. Признать судебнаго пристава компетентнымъ разрѣшать возникающіе отсюда юридическіе вопросы не представляется, на нашъ взглядъ, никакой возможности и прежде всего потому, что въ дѣйствительности это значило бы предоставить ему рѣшать споръ о правѣ гражданскомъ, который онъ вершилъ-бы, въ практическомъ отношеніи, на правахъ первой судебной инстанціи. Поэтому-то многіе авторитетные писатели признаютъ, что судебный приставъ долженъ принимать во вниманіе исключительно только внѣшній фактъ нахожденія движимаго имущества въ помѣщеніи должника, но отнюдь не вдаваться въ обсуж-

деніе юридическаго значенія этого факта и не разрѣшать вопроса о томъ, дѣйствительно-ли принадлежатъ третьему лицу какія либо права на оказавшуюся у должника движимость [1]).

Такой выводъ не противорѣчитъ и постановленіямъ извѣстныхъ намъ иностранныхъ законодательствъ Такъ, напр., по французскому кодексу гражданскаго судопроизводства, арестъ движимости идетъ своимъ чередомъ, несмотря ни на какія возраженія должника (art. 607). Третье лицо не можетъ заявленіемъ о принадлежности ему находящагося во владѣніи должника имущества, устранить включеніе его въ опись. Французскій кодексъ даже совершенно игнорируетъ подобныя заявленія со стороны третьихъ лицъ: въ немъ просто упоминается лишь о способѣ, какимъ можетъ быть предотвращена третьимъ лицомъ продажа арестованнаго имущества (art. 608). Новый германскій Civilprozes-ordnung тоже постановляетъ, что третье лицо, имѣющее какое-либо право на арестуемое имущество должника, должно предъявить его въ судъ, въ исковомъ порядкѣ (§§ 690 и 710), но не ввѣряетъ судебному приставу предварительное опредѣленіе правъ собственности на находящуюся во владѣніи должника движимость, по какимъ бы то ни было признакамъ и при какихъ-бы то ни было обстоятельствахъ. Подобный же взглядъ свойственъ и нашему законодательству. Г. Побѣдоносцевъ не приводитъ тѣхъ соображеній, на которыхъ онъ основываетъ право судебнаго пристава устранить отъ ареста оказавшееся во владѣніи должника имущество, если судя по виду и состоянію его, можно съ нѣкоторою вѣроятностью предположить, что оно составляетъ собственность третьяго лица. Какъ буквальный, такъ и внутренній смыслъ 1091 ст. уст. гражд. суд. противорѣчатъ этому мнѣнію. Ни одно изъ законоположеній, опредѣляющихъ порядокъ принудительнаго взысканія, не содержитъ въ себѣ ничего такого, что могло-бы служить ему достаточнымъ основаніемъ. При обсужденіи правилъ взыскнаго производства, составители судебныхъ уставовъ признали, что „приставъ не вправѣ пріостанавливаться арестомъ, несмотря ни на какія возраженія должника и третьихъ лицъ, а равно *показанія* о непринадлежности должнику находящагося въ его владѣніи имущества“ [2]). Такъ какъ въ приведенномъ отрывкѣ имѣются въ виду

---

[1]) W. Endemann: Das deutsche Civilprozesrecht. 1868, стр. 1011. Boitard: Leçons de procédure civile. II-me ed. 1872, т. II, стр. 259 и 260.

[2]) Суд. уст. изд. государ. канц. ч. 1, стр. 498.

„возраженія“ должника и третьихъ лицъ, независимо отъ показаній, а между тѣмъ всякое показаніе со стороны должника или третьяго лица о непринадлежности первому изъ нихъ имущества, представляется ничѣмъ инымъ, какъ возраженіемъ противъ включенія онаго въ опись, то остается придти къ заключенію, что подъ словомъ „показанія“ здѣсь подразумѣваются не тѣ или другія заявленія должника и третьихъ лицъ, а наличность признаковъ или указанія непринадлежности должнику имущества, находящагося въ его владѣніи.

Вторая половина 1091 ст. изложена такимъ образомъ, что даетъ поводъ къ недоразумѣнію. Судебный приставъ не вправѣ пріостановить ареста по возраженіямъ должника или третьихъ лицъ о непринадлежности должнику находящагося въ его владѣніи имущества „развѣ-бы внесена была вся сумма, подлежащая взысканію или взыскатель объявилъ согласіе на пріостановленіе ареста“. Съ перваго взгляда можно подумать, что законъ допускаетъ два повода къ принятію въ уваженіе, въ указанномъ случаѣ, возраженій должника или третьихъ лицъ. Но такое заключеніе было-бы невѣрно. Взносомъ всей подлежащей взысканію суммы, уничтожается причина принятія какихъ-бы то ни было принудительныхъ мѣръ. Если же въ разсматриваемой нами статьѣ говорится, что несмотря на взносъ всей взыскиваемой суммы, приставъ имѣетъ право только „пріостановить“ арестъ, т. е. какъ будто бы отложить его до другаго времени, то нужно предположить, что внесенная сумма получаетъ особенное назначеніе, которымъ и объясняется, почему взносъ ея не признается въ этой статьѣ поводомъ къ прекращенію самого взысканія, а только къ пріостановленію ареста. Что въ 1091 ст. имѣется въ виду лишь временная пріостановка ареста, то подтвержденіе этому можно бы усмотрѣть и въ томъ обстоятельствѣ, что она имѣетъ мѣсто, вслѣдствіе возраженія должника или третьяго лица противъ ареста извѣстнаго имущества, какъ принадлежащаго должнику, подъ условіемъ взноса всей взыскиваемой суммы. Еслибъ выполненіе сего условія имѣло бы свое обычное послѣдствіе, т. е. прекращеніе взысканія, а слѣдовательно и прекращеніе наложенія ареста, равно и всякихъ другихъ принудительныхъ мѣръ, тогда не зачѣмъ было бы и упоминать о возраженіяхъ должника и третьихъ лицъ, потому что эти возраженія оставались-бы рѣшительно ни причемъ, да при готовности прекратить взысканіе взносомъ всей взыскиваемой суммы, никто не сталъ-бы и дѣлать ихъ. По этимъ со-

браженіямъ, слѣдовало-бы предположить, что внесенная сумма, пріостанавливая наложеніе ареста, служитъ, какъ въ случаѣ предусмотрѣнномъ 615 ст. уст. гр. суд., залогомъ или обезпеченіемъ впредь до разрѣшенія въ порядкѣ, указанномъ въ 1092 ст. того же устава, спорнаго вопроса о правѣ собственности на движимое имущество, оказавшееся во владѣніи должника. Но такому изъясненію смысла 1091 ст. препятствуетъ, между прочимъ, отсутствіе въ уставѣ гражданскаго судопроизводства правилъ, предусматривающихъ и разрѣшающихъ возникающіе изъ сего случаи и отношенія. Самъ должникъ, разумѣется, не могъ-бы внести залога, потому что представленная имъ для этого сумма, просто-на-просто, пошла-бы на удовлетвореніе кредитора Устраненіе ареста посредствомъ взноса залога, возможно только для третьяго лица, предъявляющаго какія либо права на арестуемое имущество. Внесшій залогъ можетъ и не предъявить иска по 1092 ст. По истеченіи какого же срока внесенная сумма подлежитъ выдачѣ взыскателю? При отсутствіи указанія въ законѣ такого срока, взыскателю оставалось-бы только самому выступить въ роли истца, что совершенно противно смыслу 1092 статьи. Мы полагаемъ, что по мысли законодателя, въ предусматриваемомъ 1092 ст. случаѣ, взыскиваемая сумма вносится не въ видѣ залога, а прямо-таки для удовлетворенія кредитора, чѣмъ и прекращаются всѣ мѣры взысканія. Недоразумѣніе же возникаетъ вслѣдствіе того, что въ первой половинѣ комментируемой нами статьи, рѣчь идетъ о возраженіяхъ должника и третьихъ лицъ, противъ ареста извѣстнаго имущества, а неточность выраженій, встрѣчающаяся во второй ея половинѣ, заставляетъ съ перваго раза думать, что въ этой послѣдней указываются тѣ условія, при наличности которыхъ, ихъ возраженія могутъ имѣть желаемыя послѣдствія, тогда какъ по смыслу той же самой статьи, послѣдствія эти наступаютъ независимо отъ возраженій и продолжаются совершенно иными причинами.

Русское, французское, и германское законодательства, вполнѣ ограждаютъ, разсмотрѣнными нами постановленіями, интересы взыскателя; но при понудительномъ исполненіи судебнаго рѣшенія представляются часто также поводы къ нарушенію интересовъ третьихъ лицъ. Послѣднимъ предоставлено защищать свои интересы въ исковомъ порядкѣ. Мы сейчасъ разсмотримъ составляетъ ли достаточную гарантію для интересовъ третьяго лица, искъ о правѣ собственности на арестованное имущество, находившееся

во владѣніи должника, во время наложенія ареста на его движимость.

Въ нѣкоторыхъ иностранныхъ законодательствахъ встрѣчаются особые, предварительные способы огражденія интересовъ третьяго лица отъ нарушеній, при имущественномъ взысканіи съ должника. По французскому уставу гражданскаго судопроизводства, третье лицо, считающее себя собственникомъ описанныхъ у должника вещей, можетъ предотвратить продажу ихъ съ публичнаго торга, подачею хранителю арестованнаго имущества заявленія, съ указаніемъ въ немъ доказательствъ права собственности на оное и сообщеніемъ о семъ заявленіи какъ должнику, такъ и взыскателю (art. 608). По полученіи такого заявленія, хранитель не долженъ выдавать упомянутые въ немъ вещи для публичной продажи [1]). Это постановленіе французскаго устава существенно отличается отъ выраженнаго въ 1093 ст. нашего устава правила, согласно которому даже предъявленіе иска не предотвращаетъ публичную продажу арестованнаго имущества, если судъ не постановитъ въ обезпеченіе предъявленнаго иска пріостановить продажу. Нельзя не отдать въ этомъ случаѣ предпочтенія нашему уставу, такъ какъ французскій кодексъ предоставляетъ третьему лицу возможность, въ интересахъ должника, тормозить ходъ взыскнаго процеса; кромѣ того, въ немъ придается хранителю арестованнаго имущества такое значеніе, какого ему присвоивать совсѣмъ не подобаетъ. Хотя въ виду краткости промежутка времени между арестомъ движимости и публичною ея продажею и желательно предоставить третьему лицу возможность какимъ-либо способомъ не допустить до продажи арестованнаго у должника имущества, на которое оно будетъ отыскивать въ судѣ право собственности, но избранный для этого въ art. 608 способъ, отличается весьма существенными недостатками, нами уже указанными. Наконецъ, заботливость французскаго законодателя объ интересахъ третьяго лица, во взыскномъ процесѣ, исчерпывается предоставленіемъ ему средствъ замедлить публичную продажу арестованной у должника движимости, до разрѣшенія судомъ предъявленнаго третьимъ лицомъ иска о правѣ собственности на эту движимость, при чемъ такая цѣль можетъ быть достигнута не иначе, какъ съ ущербомъ для интересовъ взыскателя; между тѣмъ, французскій кодексъ гражданскаго судопро-

---

[1]) Boitard: op. cit. т. II, стр. 260.

изводства, подобно обще-германскому Civilprozes-ordnung, не содержитъ въ себѣ никакихъ такихъ правилъ, которыми были-бы ограждены интересы третьяго лица, въ томъ именно отношеніи, въ какомъ они наиболѣе въ этомъ нуждаются, и которые могли-бы дѣйствовать безъ значительнаго замедленія въ ходѣ взыскнаго процеса и безъ нанесенія ущерба участвующимъ въ немъ сторонамъ.

Судебный приставъ легко можетъ, по настоятельному требованію взыскателя, при арестѣ движимаго имущества должника включить въ опись и такія вещи, которыми онъ владѣлъ не на правѣ собственности. Заявленія должника о принадлежности ихъ третьему лицу не будутъ приняты въ уваженіе (по art. 607 cod. de procéd. civ., какъ и по 1091 ст. уст. гражд. суд.) и вещи эти попадутъ въ опись. Должникъ можетъ и не сообщить собственнику находившихся въ его владѣніи вещей, о постигшей ихъ участи. Онъ нисколько не заинтересованъ въ освобожденіи отъ ареста чужихъ вещей, попавшихъ въ опись по предположенію о принадлежности ему права собственности на эти вещи, оказавшіяся въ его владѣніи. Для него скорѣе выгодно, чтобы онѣ продолжали считаться его собственностью потому, что благодаря заарестованію состоявшей въ его фактическомъ владѣніи движимости третьяго лица, останется свободнымъ отъ ареста собственное его имущество на сумму, равную стоимости включенныхъ въ опись чужихъ вещей. Ради этого, злонамѣренный должникъ умолчитъ даже и передъ судебнымъ приставомъ о томъ, что находящіяся у него тѣ или другія вещи, принадлежатъ не ему самому, а третьему лицу. Если послѣднему и удастся освѣдомиться о случившемся отъ самаго должника или помимо его, то за время производства по иску объ освобожденіи отъ ареста вещей, принадлежащихъ третьему лицу, должникъ успѣетъ растратить или скрыть свою собственную движимость, оставшуюся свободной, вслѣдствіе включенія въ опись находившейся въ его владѣніи чужой движимости. Найдется немало такихъ должниковъ, которымъ, послѣ удачнаго исхода подобной операціи, уже нечего будетъ опасаться въ будущемъ иска къ нимъ собственниковъ, имущество которыхъ пошло на уплату долговъ тѣхъ лицъ, во владѣніи которыхъ оно находилось во время имущественнаго взысканія съ нихъ. Но не одни только предосудительныя побужденія могутъ удержать должника отъ своевременнаго сообщенія третьему лицу, о включеніи въ опись также и его вещей, бывшихъ

почему либо въ пользованіи должника. Иногда этому воспрепятствуетъ временная затруднительность сношенія съ дѣйствительнымъ собственникомъ неподлежаще арестованныхъ предметовъ, вызывающая необходимость значительныхъ хлопотъ и матеріальныхъ пожертвованій со стороны должника. Въ другомъ случаѣ, этому помѣшаетъ просто то, что человѣкъ, надъ которымъ разразилась катастрофа имущественнаго ареста, впадетъ въ крайнее уныніе и совершенно растеряется. Случается и то, что должникъ считаетъ свое заявленіе о непринадлежности ему арестуемыхъ въ его квартирѣ вещей, достаточнымъ для того, чтобы судебный приставъ озаботился провѣркою правильности такого заявленія. Кромѣ указанныхъ, найдется, конечно, еще много и другихъ причинъ, по которымъ должникъ не оповѣститъ третье лицо о наложеніи ареста на принадлежащія ему и находившіяся у должника вещи. Третье лицо, безъ всякой съ его стороны вины или упущенія, можетъ оставаться въ полнѣйшемъ невѣденіи о происшедшемъ нарушеніи его правъ. Одно право иска объ освобожденіи отъ ареста неправильно подвергнутыхъ ему вещей, еще нисколько не гарантируетъ интересы третьяго лица. Для того, чтобъ предъявить такой искъ, нужно прежде всего знать, что находившіяся во владѣніи должника мои вещи, описаны судебнымъ приставомъ; но французскій уставъ гражданскаго судопроизводства, также какъ и новый германскій уставъ 1877 года, не установляетъ какого либо порядка оффиціальнаго извѣщенія тѣхъ лицъ, на принадлежность которымъ имущества указываетъ должникъ, при производствѣ у него описи движимости. Достойно въ этомъ отношеніи замѣчанія постановленіе дѣйствующаго въ кантонѣ Цюрихъ закона: если при наложеніи ареста послѣдуетъ заявленіе о принадлежности арестованныхъ вещей третьимъ лицамъ, то объ этомъ отмѣчается въ актѣ ареста и взыскатель, если не желаетъ отказаться отъ закладнаго права на спорныя вещи, обязанъ въ опредѣленный срокъ заявить гемейндаманну, что онъ требуетъ, чтобы третье лицо доказало свои права судебнымъ порядкомъ въ 14-дневный срокъ, по доставленіи ему повѣстки [1]. При такомъ порядкѣ третье лицо вполнѣ обезпечено отъ возможности лишиться принадлежащаго ему но находившагося во владѣніи должника имущества, вслѣдствіе не-

---

[1]) Малышевъ: Курсъ гражданскаго судопроизводства т. III, стр. 397.

вѣденія объ арестованіи его, совмѣстно съ имуществомъ самаго должника.

Въ отношеніи огражденія интересовъ третьихъ лицъ при производствѣ взысканія съ должника, наше прежнее судопроизводство остановилось на полъ-дорогѣ: требуя, въ случаѣ заявленія третьимъ лицомъ о какомъ либо правѣ на описываемыя въ жилищѣ должника вещи, чтобъ по включеніи ихъ въ опись, было отмѣчено въ ней, кѣмъ и какое именно предъявлено на нихъ право (1920 ст. 2 ч. X т.), „законы о судопроизводствѣ и взысканіяхъ гражданскихъ“ не указываютъ никакихъ послѣдствій этой мѣры. Такимъ образомъ, все сводится къ констатированію факта заявленія о принадлежности третьему лицу извѣстнаго права на подвергнутую аресту движимость, находившуюся во владѣніи должника. Но третье лицо не можетъ извлечь изъ этого факта никакой пользы потому, что подобное заявленіе не порождаетъ для него никакихъ особыхъ правъ и не налагаетъ никакихъ обязанностей ни на исполнительную власть, ни на взыскателя. Правило 1920 ст. 2 ч. X т. перешло и въ новый уставъ гражданскаго судопроизводства. По 990 статьѣ, „предметы, на которые предъявлено право со стороны третьяго лица, вносятся въ опись съ отмѣткою: кто предъявилъ на нихъ право и въ чемъ оно состоитъ“. Но и здѣсь эта мѣра не имѣетъ никакихъ благопріятныхъ для третьяго лица послѣдствій. Предъявить искъ о какомъ либо правѣ на описанное имущество, третье лицо можетъ во всякомъ случаѣ и совершенно независимо отъ того, было-ли или нѣтъ при производствѣ описи заявлено о такомъ правѣ. Создать для него судебное доказательство въ предстоящемъ процесѣ, подобное заявленіе тоже не можетъ. Наконецъ, оно, само по себѣ, не въ состояніи какимъ бы то ни было образомъ влiять на дальнѣйшій ходъ взыскнаго производства. Такимъ образомъ, обязательное для судебнаго пристава внесеніе въ протоколъ описи заявленія о непринадлежности должнику находившагося въ его владѣніи имущества, подвергнутаго аресту, представляется мѣрою безполезною. Мало того, она можетъ быть, въ извѣстномъ отношеніи, признана даже отчасти вредною потому, что какъ бы способствуетъ упрочиться весьма распространенному между несвѣдущими въ законахъ людьми мнѣнію, что подобное заявленіе должно служить поводомъ къ судебной провѣркѣ его, безъ особаго о томъ ходатайства со стороны заинтересованнаго лица. Такой взглядъ восприняли въ началѣ и нѣкоторые низшіе суды, какъ это, напри-

мѣръ, видно изъ одного кассаціоннаго рѣшенія, въ коемъ сенату пришлось объяснять, что судъ не вправѣ входить въ разсмотрѣніе дѣла о принадлежности третьему лицу имущества, на которое обращено взысканіе, безъ подачи имъ особаго исковаго прошенія, а лишь на основаніи донесенія судебнаго пристава, что при описи имущества должника, третьимъ лицомъ было заявлено о какомъ-либо правѣ его на описываемое имущество (касс. рѣш. 1869 г. № 411).

И 1920 ст. 2 ч. X т. и ст. 990 уст. гражд. судопр. предусматриваютъ случай заявленія самимъ третьимъ лицомъ о принадлежности ему описываемаго у должника имущества. На практикѣ такіе случаи могутъ повторятся очень рѣдко, потому что третьему лицу не бываетъ извѣстно о времени описи и оно можетъ находится при производствѣ ея развѣ случайно. Обыкновенно подобныя заявленія дѣлаются должниками. Если заявленія эти и будутъ внесены судебнымъ приставомъ въ протоколъ описи, то отъ этого получится также мало пользы для третьихъ лицъ, какъ и отъ внесенія заявленій, дѣлаемыхъ ими самими о принадлежности имъ находящагося во владѣніи должника имущества, на которое взыскатель желаетъ обратить взысканіе. Если третьему лицу было неизвѣстно, что его движимость, находившаяся во владѣніи должника, подверглась аресту, то сдѣланное должникомъ, при наложеніи ареста, заявленіе о принадлежности ее третьему лицу, нисколько не увеличитъ для послѣдняго возможность узнать о происшедшемъ. Считая одною изъ существенныхъ гарантій соблюденія интересовъ третьихъ лицъ, при понудительномъ исполненіи рѣшеній, поставленіе ихъ въ извѣстность о наложеніи ареста на такое имущество, находившееся во владѣніи должника, которое, по заявленію сего послѣдняго, принадлежитъ не ему самому, а третьему лицу, мы хотѣли бы видѣть въ нашемъ уставѣ гражданскаго судопроизводства правило, соотвѣтствующее вышеприведенному нами постановленію цюрихскаго законодательства. Только мы желали бы введенія у насъ этого постановленія съ нѣкоторымъ видоизмѣненіемъ его. Обязанность увѣдомлять третье лицо о включеніи въ опись такого имущества, о принадлежности котораго ему заявлено должникомъ, всего справедливѣе возложить не на взыскателя,—какъ это дѣлаетъ цюрихскій законъ,—а на судебнаго пристава. Нѣтъ также надобности передавать третьему лицу извѣщенія, при посредствѣ какой нибудь административной власти. Подобныя извѣщенія могутъ быть сообщаемы непосредственно самимъ судебнымъ приставомъ, въ томъ

порядкѣ, въ какомъ вообще дѣлаются имъ различныя извѣщенія участвующимъ во взыскномъ процесѣ сторонамъ. Было бы также необходимо установить обязательность увѣдомленія третьихъ лицъ только въ томъ случаѣ, когда должникъ, заявляя о принадлежности описываемаго имущества третьему лицу, сообщаетъ вмѣстѣ съ тѣмъ и свѣдѣнія о его мѣстожительствѣ. Безъ такого ограниченія, должники могли-бы злоупотреблять правиломъ объ увѣдомленіи третьихъ лицъ самымъ безцеремоннымъ образомъ, пользуясь имъ для замедленія исполненія рѣшенія или даже для созданія условій полной невозможности исполненія.

Г. Анненковъ, въ своемъ „Опытѣ комментарія къ уставу гражданскаго судопроизводства", замѣчаетъ, что вслѣдствіе неточной редакціи 1092 ст. нельзя дать прямого отвѣта на вопросъ: въ какой именно судъ долженъ быть предъявленъ искъ третьимъ лицомъ, въ случаѣ, предусмотрѣнномъ этою статьею. Соображая разсужденія, на которыхъ основана 1092 ст., со смысломъ какъ этой статьи, такъ и 1197, онъ приходитъ къ заключенію, что иски объ освобожденіи отъ ареста описаннаго у должника, но принадлежащаго третьему лицу имущества, должны быть предъявлены по общимъ правиламъ о подсудности. Если арестованная движимость оцѣнена менѣе 550 руб., то искъ третьяго лица объ этой движимости, долженъ быть предъявленъ по мѣсту наложенія ареста, мѣстному мировому судьѣ, но не окружному суду, хотя бы арестъ былъ наложенъ по рѣшенію окружнаго суда Если же арестъ на движимость наложенъ по рѣшенію мировыхъ учрежденій или по нѣсколькимъ рѣшеніямъ этихъ учрежденій, но цѣна арестованнаго имущества превышаетъ 500 рублей, то искъ третьихъ лицъ объ этомъ имуществѣ долженъ быть предъявленъ въ окружномъ судѣ, по мѣсту наложенія ареста. Въ случаѣ заявленія третьимъ лицомъ своихъ правъ только на часть арестованнаго имущества, то—по правиламъ о подсудности иска—по его цѣнѣ; если часть отыскиваемой движимости оцѣнена менѣе 500 руб., хотя бы все арестованное имущество было оцѣнено выше этой суммы, искъ объ этой части долженъ быть признанъ подсуднымъ мировымъ учрежденіямъ, а не окружному суду [1]). Разсмотрѣнные г. Анненковымъ вопросы возникали уже и въ судебной практикѣ, и вызванныя ими недора-

[1]) Судебный журналъ 1875 г. кн. 3, стр. 146 и 147.

зумѣнія были разъяснены сенатомъ. Такъ, имъ было признано: искъ о принадлежности какого либо права на описанное имущество предъявляется въ судѣ по мѣсту наложенія ареста (касс. рѣш. 1869 г. № 21). Для опредѣленія подсудности исковъ, предъявляемыхъ на основаніи 1092 ст., по цѣнѣ ихъ, должны быть примѣняемы общія правила подсудности, т. е. иски о движимости подсудны общимъ или мировымъ судебнымъ установленіямъ, смотря по стоимости описаннаго имущества, объ освобожденіи котораго отъ публичной продажи ходатайствуетъ лицо, считающее это имущество своею собственностью, а не по суммѣ, присужденной взыскателю, обратившему взысканіе на спорное имущество, и превышающей дѣйствительную стоимость сего послѣдняго (к. рѣш. 1874 г. № 606); искъ третьяго лица о принадлежности ему недвижимаго имущества, описаннаго при исполненіи рѣшенія мироваго суда, подлежитъ предъявленію въ мѣстномъ окружномъ судѣ (1872 г. № 986).

Въ случаѣ предъявленія третьимъ лицомъ иска объ освобожденіи отъ ареста принадлежащаго ему движимаго имущества, находившагося во владѣніи должника, вызываются въ судъ къ отвѣту по такому иску должникъ и взыскатель (1092 ст. уст. гражд. суд.). Такимъ образомъ, въ искахъ подобнаго рода непремѣнно являются два отвѣтчика. Изъ нихъ взыскатель непосредственно заинтересованъ въ признаніи спорнаго имущества собственностью должника, такъ какъ послѣдствіемъ этого будетъ обращеніе его въ публичную продажу, но и для должника исходъ начатаго третьимъ лицомъ процеса, конечно, небезразличенъ. Однако же вступленіе его въ отвѣтъ по иску третьяго лица, отыскивающаго права собственности на арестованное имущество, можетъ быть желательно для него только въ томъ случаѣ, когда онъ не признаетъ за истцомъ такого права, а напротивъ того, самъ предъявляетъ его въ судѣ. Въ этомъ случаѣ онъ является въ судъ отстаивать свои собственные интересы противъ притязаній третьяго лица. Если же онъ не считаетъ своимъ арестованное у него имущество, на которое заявляетъ свои особые права третье лицо, то его интересы бываютъ скорѣе солидарны съ интересами истца, чѣмъ съ интересами отвѣтчика—взыскателя. Ежели истецъ выиграетъ искъ, то описанное имущество будетъ продано и вырученные за него деньги пойдутъ на уплату его долга, слѣдовательно, будутъ косвенно обращены въ его же пользу. Во всякомъ случаѣ, при отсутствіи на-

добности защищать какое либо свое право на описанное имущество, принадлежность котораго третьему лицу онъ не отрицаетъ, должникъ является въ судъ какимъ-то подневольнымъ отвѣтчикомъ, которому нечего тамъ отстаивать. На самомъ дѣлѣ онѣ являются туда въ роли свидѣтеля, а не отвѣтчика. Привлеченіе его въ качествѣ отвѣтчика, когда имѣется въ виду настоящій отвѣтчикъ въ лицѣ взыскателя, не оправдывается какимъ либо достаточнымъ основаніемъ. Въ тѣхъ же случаяхъ, когда должникъ дѣйствительно заинтересованъ въ исходѣ спора между третьимъ лицомъ и взыскателемъ, онъ могъ бы вступать въ дѣло и въ отвѣтъ по собственной инициативѣ.

Сенатъ признаетъ, что невызовъ въ судъ должника по иску третьяго лица, предъявляющаго свое право на описанное по взысканію съ должника имущество, составляетъ поводъ къ отмѣнѣ рѣшенія (кас. рѣш. 1869 г. № 24; 1874 г. № 102). По объявленіи же должника несостоятельнымъ, должно быть вызываемо въ судъ, по иску третьяго лица о принадлежности ему арестованнаго имущества, конкурсное управленіе. Если послѣднее, по полученіи вызова въ судъ по иску третьяго лица о принадлежности ему сего имущества, не уполномочило самого должника вступить въ отвѣтъ, и засимъ не принимало участія, въ ходѣ сего дѣла, то уже не представляется основанія видѣть въ устраненіи должника изъ дѣла и рѣшеніи онаго безъ его участія нарушенія 1092 ст. (1872 г. № 124). Впрочемъ, въ одномъ изъ своихъ рѣшеній, сенатъ отнесся къ участію должника въ производствѣ по иску третьяго лица, скорѣе какъ къ участію свидѣтеля, чѣмъ отвѣтчика. Въ этомъ рѣшеніи было выражено, что невызовъ должника не можетъ быть признанъ столь существеннымъ нарушеніемъ, чтобы служить поводомъ къ отмѣнѣ рѣшенія и въ отношеніи правъ третьяго лица на спорное имущество, если лицо это не заявляло суду требованія о необходимости вызова должника въ огражденіе его правъ (1870 г. № 152). Однако же, выраженный въ этомъ рѣшеніи взглядъ не упрочился въ кассаціонной практикѣ, какъ это можно заключить изъ приведеннаго уже нами позднѣйшаго рѣшенія сената, 1874 г. № 102, въ коемъ сенатъ возвратился къ прежнему своему мнѣнію о значеніи вызова должника по иску третьяго лица. Указаніе на невызовъ должника по иску, предъявленному на основаніи 1092 ст. уст. гражд. суд., сдѣланное въ первый разъ въ кассаціонной жалобѣ, не подлежитъ разсмотрѣнію сената (1874 г. № 606). За-

тѣмъ, для полноты обзора кассаціонной практики по занимающему насъ вопросу, остается упомянуть, что сенатъ всегда признаетъ поводомъ кассаціи невызовъ взыскателя къ слушанію дѣла по иску третьяго лица о неправильномъ включеніи движимости его въ опись имущества должника (1869 г. № 21; 1870 г. № 758; 1871 г. № 594; 1874 г. № 102 и др.).

В. Ивановъ.

СОВМѢСТИМО-ЛИ ДОБРОВОЛЬНОЕ ПОПОЛНЕНІЕ РАСТРАТЫ СЪ ОТРИЦАНІЕМЪ ВИНОВНОСТИ?

Вопросъ, которымъ мы озаглавили настоящую замѣтку, относится къ области казуистики уголовнаго права. Хотя такого рода вопросы на практикѣ встрѣчаются рѣдко, во всякомъ случаѣ, они могутъ возбуждать недоразумѣнія. Намъ извѣстенъ такой случай: чиновникъ, преданный суду за растрату ввѣренныхъ ему по службѣ денегъ, при совершенномъ отрицаніи своей вины въ взводимомъ на него преступленіи, равно какъ и всѣхъ обстоятельствъ, изъ которыхъ слагалось дѣло, изъявилъ желаніе пополнить ту сумму, въ растратѣ которой его обвиняли. Въ поданномъ судебному слѣдователю заявленіи по этому предмету, чиновникъ этотъ высказалъ, что хотя онъ и не признаетъ себя виновнымъ, но желаетъ пополнить приписываемую ему растрату, съ той цѣлью, чтобы на случай обвиненія, избѣгнуть ссылки.

Ст. 354 ул. о нак. гласитъ такъ:

„Кто изъ чиновниковъ и вообще изъ состоящихъ на службѣ, имѣя на рукахъ своихъ какія-либо казенныя или частныя, по службѣ ввѣренныя ему вещи, денежныя суммы, банковые билеты, облигаціи и т. п., или же управляя, по распоряженію правительства, казеннымъ или частнымъ имѣніемъ, будетъ оными пользоваться и употреблять что-либо изъ ввѣреннаго ему имущества или доходовъ съ онаго на свои собственные расходы, или-же ссужать онымъ другихъ, безъ яснаго на то разрѣшенія начальства, или же присвоитъ себѣ или растратитъ что-либо изъ сего имущества или доходовъ, тотъ въ случаѣ, если онъ прежде открытія сего злоупотребленія возвратитъ самъ вполнѣ все самовольно имъ взятое, присвоенное или растраченное, подвергается:

денежному взысканію не свыше цѣны всего взятаго имъ, растраченнаго или присвоеннаго, и отрѣшается отъ должности.

Но если онъ возвратилъ, хотя и самъ собою и вполнѣ все самовольно имъ взятое или растраченное, но уже послѣ открытія его злоупотребленія, то

сверхъ опредѣленнаго выше денежнаго взысканія, исключается вовсе изъ службы.

Тотъ, который добровольно самъ собою не возвратитъ взятаго имъ присвоеннаго или растраченнаго и послѣ открытія его злоупотребленій, приговаривается:

къ лишенію всѣхъ особенныхъ, лично и по состоянію присвоенныхъ, правъ и преимуществъ и къ ссылкѣ на житье въ Сибирь или къ отдачѣ въ исправительныя арестантскія отдѣленія по четвертой степени 31 статьи сего уложенія.

Присвоенное или растраченное имъ взыскивается съ его имѣнія, на основаніи общихъ постановленій статьи 59 сего уложенія."

По смыслу приведенной статьи, обвиняемое должностное лицо можетъ имѣть громадный разсчетъ въ пополненіи приписываемой ему растраты, такъ какъ гораздо выгоднѣе внести извѣстную сумму денегъ и подвергнуться лишь денежному взысканію съ исключеніемъ изъ службы, которая и безъ того уже навсегда потеряна (ибо, послѣ преданія суду за растрату, даже и при оправдательномъ приговорѣ трудно разсчитывать на возстановленіе карьеры), чѣмъ, отказавшись отъ пополненія, быть лишеннымъ всѣхъ особенныхъ, лично и по состоянію присвоенныхъ, правъ и преимуществъ и сосланнымъ на житье въ Сибирь, или-же отданнымъ въ исправительныя арестантскія отдѣленія. (Для лицъ привиллегированныхъ, каковыми являются чиновники, по силѣ 30, 31 и др. ст. улож. о нак., всегда грозитъ ссылка).

Упомянутый нами чиновникъ, очевидно, хотѣлъ добиться того, чтобы, на случай обвиненія, къ нему была примѣнена 2-я часть 354-й статьи улож. о наказ. Откровенное объясненіе обвиняемаго о томъ, что онъ, путемъ внесенія денегъ, хочетъ избѣгнуть ссылки, сводило предусматриваемое закономъ пополненіе растраты на почву *выкупа* отъ уголовной отвѣтственности. Такъ какъ чиновникъ этотъ весьма энергично доказывалъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, свою невинность, то сдѣланное имъ заявленіе о желаніи пополнить растрату, имѣло слѣдующій смыслъ: „вы обвиняете меня несправедливо; я ввѣренныхъ мнѣ по службѣ денегъ не присвоивалъ себѣ и не тратилъ

и, по мѣрѣ возможности, доказываю вамъ это; но если вы не придаете значенія моимъ доводамъ, то вотъ вамъ деньги, которыя я *вынужденъ* вамъ дать совершенно напрасно; берите ихъ, но *за то* не ссылайте меня по крайней мѣрѣ въ Сибирь".

Возможно-ли допустить такое положеніе?

Въ самомъ дѣлѣ, что такое пополненіе виновнымъ растраченнаго имущества? Слѣдуетъ-ли смотрѣть на добровольное пополненіе, какъ на проявленіе раскаянія виновнаго въ своемъ поступкѣ и стремленіе загладить причиненный имъ вредъ, т. е. какъ на такое обстоятельство, которое смягчаетъ вину и даетъ право на особое снисхожденіе,—или-же это, просто напросто, выкупъ отъ уголовной отвѣтственности?

Останавливаясь на этомъ предметѣ, мы должны, прежде всего, сдѣлать оговорку, что здѣсь будетъ рѣчь лишь о томъ, что можетъ касаться присвоенія и растраты чужаго *движимаго* имущества. Присвоеніе и растрата чужой недвижимой собственности, какъ это видно изъ 1677—1680 и 2 ч. 1699 ст. улож. о наказ., возможны только при наличности подлоговъ и обмановъ и составляютъ, поэтому, особый родъ преступленія, въ которомъ именно подлоги и обманы являются наиболѣе важнымъ элементомъ. Затѣмъ, относительно движимости, растрата и присвоеніе идутъ всегда рядомъ, такъ какъ для того, чтобы растратить чужое имущество—необходимо предварительно его присвоеніе, т. е такое отношеніе къ вещи, какое можетъ имѣть къ ней ея собственникъ, считающій ее своей.

Выдѣляя присвоеніе и растрату чужаго движимаго имущества въ особый видъ похищенія чужой собственности, нашъ законъ при опредѣленіи значенія этого преступленія проводитъ, прежде всего, субъективное дѣленіе на двѣ категоріи, смотря по личности виновнаго, а именно, —на присвоеніе и растрату, совершенныя дѣйствующимъ въ кругу своихъ служебныхъ обязанностей должностнымъ лицомъ, состоящимъ на государственной или общественной службѣ, и на присвоеніе и растрату, совершенныя частнымъ лицомъ. Приведенная нами 354 статья улож. о наказ. предусматриваетъ присвоеніе и растрату первой категоріи. Относительно другой категоріи имѣются слѣдующія постановленія:

Въ уставѣ о наказ., налагаемыхъ миров. судьями, ст. 177:

„За присвоеніе или растрату чужаго движимаго имущества, ввѣреннаго для сохраненія, переноски или перевозки, или-же опре-

дѣленнаго употребленія, виновные, когда цѣна присвоеннаго или растраченнаго не превышаетъ трехсотъ рублей, подвергаются:

заключенію въ тюрьмѣ на время отъ трехъ мѣсяцевъ до одного года.

Если же растрата совершена только по легкомыслію и виновные добровольно обязываются вознаградить потерпѣвшаго убытокъ, то они подвергаются:

аресту не свыше трехъ мѣсяцевъ."

Въ уложеніи о наказаніяхъ:

Ст. 1681: „За присвоеніе или растрату чужаго движимаго имущества, предусмотрѣнныя въ ст. 177 устава о наказаніяхъ, налагаемыхъ мировыми судьями, но на сумму свыше трехсотъ рублей, виновные подвергаются:

наказаніямъ, опредѣленныхъ за обманы и мошенничества на сумму свыше трехсотъ рублей.

Если-же растрата совершена только по легкомыслію и виновные добровольно обязываются вознаградить потерпѣвшаго убытокъ, то они подвергаются:

аресту не свыше трехъ мѣсяцевъ."

Ст. 1682: „За присвоеніе или растрату чужаго движимаго имущества, предусмотрѣнныя въ ст. 177 устава о наказаніяхъ, налагаемыхъ мировыми судьями, и притомъ на сумму не свыше трехсотъ рублей, виновные въ томъ дворяне, священнослужители, монашествующіе и почетные граждане подвергаются:

лишенію всѣхъ особенныхъ, лично и по состоянію присвоенныхъ, правъ и преимуществъ и заключенію въ тюрьмѣ на время отъ трехъ мѣсяцевъ до одного года.

Въ случаѣ совершенія растраты лишь по легкомыслію и когда виновные въ томъ добровольно обязываются вознаградить потерпѣвшаго убытокъ, то они приговариваются:

къ аресту не свыше трехъ мѣсяцевъ:"

Кромѣ того, имѣются еще особыя, спеціальныя постановленія о присвоеніи находки, имущества церковнаго и ученой или художественной собственности, а именно:

Ст. 178 Уст. о наказ., налагаемыхъ мировыми судьями: „За присвоеніе найденныхъ денегъ или вещей, или-же найденнаго въ чужой землѣ клада, виновные, когда имъ извѣстенъ хозяинъ найденнаго, подвергаются:

денежному взысканію не свыше тройной суммы или цѣны денегъ или вещей

За повтореніе сего проступка, а ровно въ случаѣ, когда виновнымъ не только былъ извѣстенъ хозяинъ найденнаго, но притомъ найденное было отъ нихъ требовано, или имъ было извѣстно, что о сей потерѣ объявлено установленнымъ порядкомъ, они могутъ быть подвергнуты:

заключенію въ тюрьмѣ отъ двухъ недѣль до шести мѣсяцевъ."

Ст. 228 улож. о наказ.: „Если святотатство учинено тѣмъ лицемъ или тѣми лицами, коимъ было поручено храненіе похищенныхъ предметовъ, вещей или денегъ, или-же сіи вещи или предметы *ввѣрялись* для употребленія при богослуженіи, то, при опредѣленіи имъ означенныхъ въ предшедшихъ сей главѣ статьяхъ за каждый родъ сего преступленія наказаній, строгость оныхъ возвышается одною степенью."

Относительно этой статьи слѣдуетъ замѣтить, что здѣсь присвоеніе смѣшивается съ понятіемъ о похищеніи вообще. Но, что статья эта предусматриваетъ, между прочимъ, и присвоеніе,— видно изъ буквальнаго ея содержанія и изъ связи съ слѣдующей 229 статьей, гдѣ говорится прямо о присвоеніи денегъ, непоступившихъ еще въ церковное имущество. На практикѣ, святотатственное присвоеніе должно приравниваться къ святотатству вообще смотря по значенію присвоенныхъ предметовъ.

Ст. 1683 улож. о наказ.: „Если кто, присвоивъ себѣ чужое произведеніе словесности, наукъ и искуствъ или художествъ, издастъ оное подъ своимъ именемъ, то онъ сверхъ обязанности вознаградить сочинителя или художника за всѣ причиненные ему ущербъ и убытокъ, подвергается:

лишенію всѣхъ особенныхъ, лично и по содержанію присвоенныхъ правъ и преимуществъ и ссылкѣ на житье въ одну изъ отдаленныхъ губерній, кромѣ сибирскихъ, или отдачѣ въ рабочій домъ по второй степени 33 статьи сего уложенія."

Приведенныя статьи, при первомъ же на нихъ взглядѣ, поражаютъ разнородностью своихъ положеній. Такъ напр., признавая, при присвоеніи и растратѣ, совершенной частнымъ лицомъ, наличность легкомыслія и добровольнаго обязательства вознаградить убытки, обстоятельствомъ, превращающимъ преступленіе, наказуемое лишеніемъ правъ или тюрьмой, въ маловажный проступокъ,

влекущій за собою лишь краткосрочный арестъ, — нашъ законъ не придаетъ такого значенія наличности тѣхъ же признаковъ при святотатственномъ присвоеніи и растратѣ, при присвоеніи ученой или художественной собственности и находки. Казалось бы, что легкомысліе при всякомъ присвоеніи и растратѣ должно имѣть одинаковое значеніе, равно какъ и возмѣщеніе убытковъ. Нормальное наказаніе за присвоеніе и растрату равняется наказанію за такія же кражи и мошенничества, между тѣмъ святотатственное присвоеніе и растрата наказываются почему то строже простаго святотатства Для превращенія, въ извѣстныхъ случаяхъ, присвоенія и растраты, совершенныхъ частнымъ лицомъ, въ маловажный проступокъ, законъ требуетъ совмѣстной наличности легкомыслія и добровольнаго обязательства вознаградить убытки. При присвоеніи же и растратѣ, совершенныхъ лицомъ должностнымъ, легкомысліе вліянія на измѣненіе характера преступленія не имѣетъ, за то здѣсь требуется для этого не обязательство, не готовность вознаградить убытки, а *дѣйствительный возвратъ* растраченныхъ денегъ Такимъ образомъ, возвратъ растраченнаго со стороны лица должностнаго, признается какъ бы равнымъ суммѣ легкомыслія и готовности платить со стороны лица частнаго. Мы считали нужнымъ отмѣтить всѣ эти особенности собственно для того, чтобы указать, прежде всего, что мы имѣемъ въ данномъ случаѣ дѣло съ постановленіями чисто-казуистическими, истекающими изъ разныхъ основаній, безъ всякой внутренней между собою связи. А при такого рода постановленіяхъ, разъясненіе встрѣчающихся недоразумѣній значительно осложняется. Тутъ нѣтъ того, что называется общимъ духомъ законоположеній, относящихся къ извѣстному предмету; нѣтъ взаимнаго соотвѣтствія между отдѣльными статьями, такъ какъ каждая изъ нихъ представляетъ собою, если можно такъ выразиться, нѣчто самобытное, безотносительное ко всѣмъ остальнымъ законоположеніямъ. Разъясненіе недоразумѣній приходится искать, въ такихъ случаяхъ, почти исключительно въ источникахъ отдѣльныхъ статей,—но источники не всегда даютъ отвѣтъ на возбужденный вопросъ и тогда весьма легко впасть въ ошибку, придти къ заключенію, совершенно несогласному съ мыслью законодателя.

Для разрѣшенія поставленнаго нами вначалѣ вопроса, намъ предстоитъ выяснить: какое вообще имѣетъ значеніе, по нашимъ законамъ, возвратъ или, какъ мы выразились, пополненіе винов-

нымъ присвоеннаго или растраченнаго имъ имущества. Извѣстно, что почти каждое преступленіе причиняетъ нѣкоторый матеріальный ущербъ лицу потерпѣвшему. Даже такія правонарушенія, какъ личныя обиды (побои, клевета) нерѣдко влекутъ за собою для потерпѣвшаго и матерьяльный убытокъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, добровольное возмѣщеніе виновнымъ причиненныхъ имъ вреда и убытковъ, почитается вообще обстоятельствомъ смягчающимъ вину. Такъ, по 9 п. 134 ст. улож. о наказ., обстоятельствомъ, уменьшающимъ вину, а „съ тѣмъ вмѣстѣ и строгость слѣдующаго за оную наказанія", признается, если виновный „по содѣянію преступленія старался по крайней мѣрѣ отвратить хотя нѣкоторыя изъ вредныхъ онаго послѣдствій и *вознаградить* причиненные онымъ зло и убытокъ." По 5 п. 13 ст. уст. о наказ., налаг. мир. судьями, обстоятельствомъ, уменьшающимъ вину подсудимаго, признается „добровольное, до постановленія приговора, *вознагражденіе* понесшаго вредъ или убытокъ." Постановленія эти примѣнимы по всѣмъ вообще преступленіямъ, гдѣ только можетъ быть рѣчь объ убыткахъ. Но, смягчая въ такихъ случаяхъ наказанія, судъ, согласно 135 и 147 ст. улож. о наказ. и 12 ст. уст. о наказ., налаг. мир. судьями, не имѣетъ права выходить изъ извѣстныхъ рамокъ нормальнаго наказанія (за исключеніемъ преступленій печати). При присвоеніи-же и растратѣ,—пополненіе убытковъ имѣетъ особое, болѣе вѣское значеніе. Оно предусмотрѣно спеціально и, по своимъ послѣдствіямъ, вліяетъ даже на самую подсудность дѣла. Лицо должностное, внесши добровольно присвоенную и растраченную имъ сумму денегъ, если въ дѣлѣ нѣтъ особыхъ обстоятельствъ, составляющихъ самостоятельные преступленія (подлога, уничтоженія документовъ), судится безъ участія присяжныхъ засѣдателей, какъ за проступокъ, невлекущій за собою лишенія правъ. Если-же растрата имъ непополнена, — то предстоитъ наказаніе, сопряженное съ лишеніемъ правъ, и тогда должностное лицо предается суду съ участіемъ присяжныхъ засѣдателей.

При разъясненіи нашего вопроса, какъ намъ кажется, небезполезно будетъ, для сравненія, отмѣтить относящіеся къ присвоенію и растратѣ постановленія нѣкоторыхъ, наиболѣе выдающихся, дѣйствующихъ въ настоящее время уголовныхъ кодексовъ западноевропейскихъ государствъ.

Въ кодексахъ этихъ мы находимъ слѣдующія постановленія [1]).

[1]) См. „Матеріалы для пересмотра нашего уголовнаго законодательства." Томъ первый. Изд. минист. юстиціи 1880 г.

Въ *Уголовномъ уложеніи Германской Имперіи*:

§ 246. „Кто противузаконно присвоитъ себѣ чужую движимую вещь, находящуюся въ его владѣніи или охранѣ, будетъ наказанъ за утайку тюрьмою до 3-хъ лѣтъ, а ежели вещь была ему ввѣрена, то тюрьмою до 5-ти лѣтъ.

При наличности смягчающихъ вину обстоятельствъ, виновный можетъ быть подвергнутъ денежному штрафу до 900 марокъ.

Покушеніе наказуемо.“

§. 350. „Чиновникъ, который утаитъ деньги или другія вещи находящіеся у него на храненіи или полученныя имъ въ качествѣ должностнаго лица, наказывается тюрьмою на время не менѣе 3-хъ мѣсяцевъ и можетъ быть также приговоренъ къ лишенію почетныхъ правъ гражданства.

Покушеніе наказуемо.“

Во *французскомъ уголовномъ уложеніи*.

Ст. 169: „Всякій сборщикъ, всякій комми сбора, публичный хранитель или лицо обязанное отчетностью, который присвоитъ или похититъ публичныя или частныя деньги, или кредитныя бумаги, имѣющія достоинство денегъ или имѣющіе денежную цѣнность бумаги, документы, акты и движимыя вещи, находившіеся въ его рукахъ, въ силу его служебныхъ обязанностей, будетъ наказанъ срочными каторжными работами, если цѣнность присвоеннаго или похищеннаго превышаетъ 3000 франковъ.“

Ст. 171. „Если цѣнность присвоеннаго или похищеннаго будетъ менѣе 3000 франковъ и кромѣ того ниже означенныхъ въ предшедшей статьѣ нормъ (т. е. третьей части прихода или депозита), то наказаніе будетъ заключаться въ тюрьмѣ на время не менѣе 2 и не болѣе 5 лѣтъ и осужденный будетъ, сверхъ того, объявленъ навсегда неспособнымъ занимать какую бы то ни было публичную должность.“

Ст. 408. „Кто присвоитъ или растратитъ, въ ущербъ собственникамъ, владѣльцамъ или держателямъ, вещи, деньги, товары, билеты, квитанціи или какіе-либо иные документы, содержащіе или создающіе обязательство или погашеніе, переданные ему лишь въ видѣ найма, сохраненія, порученія, заклада, пользованія или-же для безмездной или подлежащей вознагражденію работы, съ обязательствомъ возвратить ихъ или представить обратно или сдѣлать изъ нихъ опредѣленное употребленіе, или-же употребить ихъ по назначенію, будетъ подвергнутъ положеннымъ въ 406 статьѣ наказа-

ніямъ." (Тюрьма на время не менѣе 2 мѣсяцевъ и не болѣе 2 лѣтъ и денежный штрафъ не болѣе одной четверти реституціи и вознагражденія за вредъ и убытки).

Въ *Бельгійскомъ уголовномъ уложеніи:*

Ст. 240. „Будутъ наказаны смирительнымъ домомъ всякое должностное лицо или публичный чиновникъ, всякое лицо, облечённое публичною службою, которые присвоятъ публичныя или частныя деньги, кредитныя бумаги, имѣющія достоинство денегъ, документы, бумаги, акты, движимыя вещи, находившіеся въ ихъ рукахъ, въ силу или вслѣдствіе ихъ службы

Если присвоеніе не превышаетъ залога, виновный будетъ наказанъ тюрьмою отъ 1—6 мѣсяцевъ".

Ст 491. „Кто злонамѣрено присвоитъ или растратитъ, въ ущербъ другому, вещи, деньги, товары, билеты, квитанціи, документы всякаго рода, содержащіе или создающіе обязательство или погашеніе, переданныя ему подъ условіемъ возвратитъ ихъ обратно или сдѣлать изъ нихъ опредѣленное употребленіе или употребить ихъ по назначенію, будетъ наказанъ тюрьмою отъ 1 мѣсяца до 5 лѣтъ и денежнымъ штрафомъ отъ 26—500 франковъ.

Виновный можетъ быть приговоренъ, сверхъ того, къ лишенію правъ, сообразно ст. 33".

Въ *Венгерскомъ уголовномъ уложеніи о преступленіяхъ и проступкахъ:*

§ 355. „Утайку (присвоеніе и растрата) совершаетъ тотъ, кто находящуюся въ своемъ владѣніи или храненіи чужую движимую вещь противузаконно присвоитъ себѣ или отдастъ въ закладъ.

Присвоеніе почитается содѣяннымъ, когда владѣлецъ или держатель отчудитъ, потребитъ, отрицаетъ принадлежность ея лицу, имѣющему право требовать ея возвращенія, или вообще распорядится вещью какимъ либо инымъ способомъ, какъ своею собственностью."

§ 356. „Утайка составляетъ проступокъ, когда цѣнность утаеннаго имущества не превышаетъ ста гульденовъ, въ противномъ-же случаѣ она составляетъ преступленіе",

§ 358. „Проступокъ утайки наказывается тюрьмою до одного года, а преступленіе утайки—исправительнымъ домомъ до пяти лѣтъ.

Независимо отъ наказанія лишеніемъ свободы, виновные подвергаются, во всякомъ случаѣ, лишенію правъ служебныхъ и временному лишенію правъ политическихъ".

§ 462. „Публичный чиновникъ, который утаитъ деньги или имѣющія денежную цѣнность вещи, полученныя имъ въ качествѣ должностнаго лица или-же ввѣренныя его управленію или охранѣ,— совершаетъ преступленіе служебной утайки и наказывается исправительнымъ домомъ отъ двухъ до пяти лѣтъ.

Если стоимость утаенной вещи превышаетъ тысячу гульденовъ, то виновные подвергаются цухтгаузу до пяти лѣтъ".

§ 464. „Служебная утайка составляетъ проступокъ и наказывается тюрьмою отъ одного года, если не будетъ учинено ни одного изъ означенныхъ въ § 463 дѣйствій (подлогъ, уничтоженіе документовъ), а стоимость утаенной вещи можетъ быть возмѣщена изъ служебнаго залога, учинившаго утайку чиновника".

Изложенныя постановленія упомянутыхъ иностранныхъ кодексовъ, изъ которыхъ германскій и венгерскій составляютъ продуктъ законодательныхъ работъ послѣдняго времени [1]), доказываютъ, что и эти кодексы, какъ и наше уложеніе, дѣлаютъ различіе между присвоеніемъ и растратой, совершенными лицомъ должностнымъ, при исполненіи служебныхъ обязанностей, и лицомъ частнымъ. И здѣсь также проведено нѣкоторое различіе между наказуемостью лицъ должностныхъ и частныхъ, но въ строгой послѣдовательности и безъ дробленія, какое замѣчается поэтому предмету въ нашемъ уложеніи. Для насъ, въ настоящемъ случаѣ, по характеру замѣтки, нѣтъ надобности останавливаться ни на томъ значеніи, какое кодексы эти придаютъ присвоенію и растратѣ (въ смыслѣ похищенія чужой собственности или злоупотребленія довѣріемъ), въ ряду другихъ преступленій,—ни на классификаціи этихъ дѣяній по объекту преступленія. Для насъ важно лишь указать, что ни одинъ изъ этихъ кодексовъ не спеціализируетъ значенія возврата присвоеннаго или растраченнаго имущества, какъ это сдѣлано въ нашемъ уложеніи и уставѣ о наказаніяхъ, налагаемыхъ мировыми судьями. Слѣдовательно, по упомянутымъ иностраннымъ кодексамъ, пополненіе присвоеннаго и растраченнаго имущества, какъ и вообще возмѣщеніе убытковъ, при всякомъ другомъ преступленіи, можетъ лишь повлечь за собою признаніе со стороны суда за подсудимымъ смягчающихъ вину его обстоятельствъ, но отнюдь не измѣняетъ ни характера преступленія, ни тѣмъ болѣе его подсудности. Какъ-бы нѣкоторую аналогію

---

[1]) Германскій—1870 г., Венгерскій—1878 г.

съ добровольнымъ пополненіемъ растраты лицомъ должностнымъ, по нашему уложенію, имѣютъ постановленія бельгійскаго и венгерскаго уложеній о присвоеніи и растратѣ, совершенныхъ чиновникомъ, въ томъ случаѣ, если сумма присвоеннаго и растраченнаго не превышаетъ его служебнаго залога. Но, намъ кажется, въ этомъ случаѣ происходитъ смѣшеніе двухъ различныхъ преступленій. Присвоеніе и растрата предполагаютъ желаніе со стороны виновнаго воспользоваться чужимъ имуществомъ безвозвратно. Если чиновникъ, въ обезпеченіе возможнаго съ его стороны недочета, внесъ напередъ извѣстную сумму денегъ, въ видѣ залога, — если онъ знаетъ, что всякая недостача находящихся у него по службѣ денегъ или другаго имущества, будетъ пополнена изъ его залога,— если ему извѣстно, что невозможно создать такое положеніе, безъ другихъ злоупотребленій, въ родѣ подлоговъ и т. п. (составляющихъ самостоятельныя преступленія), чтобы избѣгнуть пополненія недостачи изъ этого залога,— то ясно, что пользованіе находящимися въ его распоряженіи деньгами или цѣнными вещами не можетъ почитаться присвоеніемъ въ точномъ смыслѣ слова. Это будетъ именно незаконное пользованіе чужимъ имуществомъ на счетъ своего же собственнаго фонда и, мы думаемъ, что подведеніе такихъ поступковъ подъ рубрику присвоеній и растратъ не совсѣмъ основательно, сдѣлано, вѣроятно, изъ желанія избѣгнуть дробленія преступленій и, поэтому, для разсматриваемаго нами вопроса особаго значенія не имѣетъ. Впрочемъ, для насъ заслуживаетъ вниманія то обстоятельство, что и въ такихъ случаяхъ бельгійскій и венгерскій кодексы относятся къ виновнымъ не особенно снисходительно, назначая имъ тюремное заключеніе. Вообще всѣ упомянутые нами выше кодексы имѣютъ въ виду, прежде всего, злую волю преступника, при самомъ совершеніи присвоенія и растраты, до того, что германское уложеніе признаетъ наказуемымъ даже трудно констатируемое *покушеніе* на эти преступленія, — когда не только не можетъ быть рѣчи о возвратѣ присвоеннаго или растраченнаго, но когда виновный не могъ даже сдѣлаться обладателемъ присвоеннаго имущества. Наказывая злую волю преступника, выразившуюся въ извѣстномъ противузаконномъ дѣяніи, и соразмѣряя степень отвѣтственности виновнаго съ вредомъ, причиненнымъ этимъ дѣяніемъ, въ самый моментъ его совершенія, наиболѣе выдающіеся западно-европейскіе кодексы не придаютъ значенія всѣмъ тѣмъ дѣйствіямъ виновнаго, которыя могутъ имѣть мѣсто послѣ совер-

шенія преступленія, съ цѣлью исправить причиненное зло, предоставляя, очевидно, оцѣнку такихъ дѣйствій усмотрѣнію суда. — Это и понятно. Поведеніе обвиняемаго, послѣ совершенія преступленія, бываетъ не всегда искренно. Онъ можетъ предпринимать тѣ или другія дѣйствія съ разсчетомъ на извѣстный эффектъ. Измѣрять такія дѣйствія по установленному масштабу нельзя — и только одинъ судья, вникнувъ во всѣ обстоятельства дѣла и познакомившись съ личностью подсудимаго, можетъ оцѣнить, по совѣсти, значеніе этихъ дѣйствій.

И такъ мы видимъ, что измѣненіе характера преступленія, а въ нѣкоторыхъ случаяхъ даже и подсудности дѣла, при пополненіи виновнымъ присвоеннаго или растраченнаго имъ чужаго движимаго имущества, составляетъ *особенность* нашихъ уголовныхъ законовъ.

Бросая бѣглый взглядъ на историческій ходъ развитія законоположеній, относящихся къ присвоенію и растратѣ, по русскому законодательству, мы видимъ, что понятіе о присвоеніи чужой собственности опредѣлилось, до нѣкоторой степени, еще по уложенію 1649 года. Статья 193 (гл. X): „А которые всякихъ чиновъ люди учнутъ всякія свои дѣла отдавать дѣлати мастеровымъ людемъ, а мастеровые люди только въ тѣхъ дѣлахъ учнутъ запиратися, и въ томъ на нихъ будутъ челобитчики: и на тѣхъ мастеровыхъ людей челобитчикомъ давати судъ и съ суда указъ чинити, до чего доведется“. Слѣдующая статья—194: „А будетъ кто кому что заложитъ въ долгу или на сбереженье дастъ, и тому закладу или поклажѣ... учинится гибель... и имъ въ томъ дати судъ, а по суду и по сыску межъ ими указъ учинити, до чего доведется“. По этимъ статьямъ уложенія 1649 года, присвоеніе чужой собственности между частными лицами, не имѣло характера важнаго правонарушенія, влекло за собою лишь гражданскія послѣдствія, хотя нельзя отрицать и того, что оно могло повлечь и болѣе серьезную отвѣтственность, какъ это можно заключить изъ выраженій: „по суду и *по сыску*... указъ учинити, *до чего доведется*“. Что же касается присвоенія со стороны лица должностнаго, то таковое влекло весьма тяжкія послѣдствія. Статья 129 той же главы гласитъ: „А будетъ которой подьячій суднаго дѣла въ книгу не запишетъ для того, чтобы про то было невѣдомо сколько съ того дѣла доведется взяти государственныхъ пошлинъ, и чтобы ему тѣми пошлинами самому покорыстоваться, и сыщется про то допряма, или кто на

него то впрямъ доведетъ: и тому подъячему за то учинити наказаніе, велѣти его у приказу при многихъ людѣхъ бити кнутомъ, а пошлины съ того суднаго дѣла велѣти доправити на томъ, съ кого тѣ пошлины взяти доведутся А будетъ тотъ же подьячій въ такомъ воровствѣ объявится въ другіе: и его за то велѣти бити кнутомъ по торгамъ, и изъ подъячихъ его отставити, и сослати въ украйные городы въ службу, въ какую пригодится." Послѣ уложенія 1649 года, должностная растрата получила болѣе точное опредѣленіе по указу отъ 27 іюня 1669 года [1]). Въ указѣ этомъ читаемъ: „А буде которые подъячіе (которые сидятъ у Его Государева дѣла у прихода и у расхода Его Государевой денежной казны) учнутъ воровать денежную казну, и съ пріему своего себѣ имать и красть, и тою денежною казною корыстоваться, или кому взаймы давать и на заимщиковъ въ томъ заемныя кабалы и записи имать, а дьяки того смотрѣть и беречь, и считать ихъ помѣсячно не учнутъ.... и за то дьякомъ отъ него Великаго Государя быть въ опалѣ, а подъячимъ въ жестокомъ наказаньѣ безо всякія пощады, и начетныя деньги, мимо подъячихъ, доправлены будутъ на дьякѣхъ за то, что они надъ тѣми подъячими того не смотрѣли и не берегли."— Далѣе, въ воинскихъ артикулахъ Петра Великаго 1716 года, встрѣчаемъ слѣдующія постановленія о присвоеніи и утайкѣ.

Арт. 193: „Ежели кому что въ вѣрныя руки на сохраненіе дается а потомъ въ принятіи онъ запрется, или инымъ какимъ способомъ искать будетъ чтобъ *утаить*: тогда онаго, яко вора, такимъ-же образомъ, по состоянію дѣла и цѣнѣ повѣреннаго ему добра, наказать". (Слова „такимъ-же образомъ," очевидно, обозначаютъ ссылку на предъидущій—192 арт., гдѣ сказано: „Ежели кто, стоя на караулѣ, что украдетъ, много или мало, оный имѣетъ быть повѣшенъ").

Арт. 194: „Кто Его Величества или государственныя деньги въ рукахъ имѣя, изъ оныхъ нѣсколько *утаитъ*, украдетъ, и *къ своей пользѣ употребитъ*, и въ расходѣ меньше записано и сочтено будетъ, нежели что онъ получилъ: оный живота лишится и имѣетъ быть повѣшенъ. Тую-же казнь чинить и тѣмъ, кои вѣдая про то, а не извѣстятъ."

---

[1]) См. Полное собр. законовъ, томъ 1, стр. 825, № 454,—„О храненіи денежной казны."

Приведенные артикулы, въ той-же редакціи, вошли и въ „Уставъ Морской“ 1720 года, ст. 129 и 130.

Постановленія эти были дополнены и измѣнены позднѣйшими указами. Въ „сводѣ законовъ уголовныхъ“ 1832 года, имѣлись слѣдующія постановленія, о присвоеніи и растратѣ, составлявшія какъ-бы итогъ всѣхъ предшествовавшихъ:

Ст. 292: „Кто изъ состоящихъ къ службѣ, имѣя на рукахъ своихъ казенныя денежныя суммы или вещи, будетъ оными пользоваться и употреблять на свои собственные расходы, или ссужать казенными деньгами другихъ: тотъ отрѣшается отъ должности и подлежитъ взысканію употребленнаго вдвое, *и сверхъ того наказанію по мѣрѣ злоупотребленія*“ (Надо полагать, какъ за растрату, называемую по своду „расточеніемъ“).

Ст. 293: „За похищеніе казенныхъ денегъ и вещей, виновный подлежитъ двойному взысканію похищеннаго и наказанію, за воровство—кражу постановленному.“

Ст. 295: „*Расточеніе* (промотаніе) или утрата казеннаго имѣнія есть то-же самое, что и похищеніе.“

Ст. 704: „Воровствомъ—кражею почитается также:

1) Если кто, получа что-либо на сохраненіе, въ принятіи того запрется или другими способами будетъ стараться утаить оное.

2) Если кто, найдя чужую вещь, надлежащимъ порядкомъ о находкѣ не объявитъ.“

Въ уложеніи о наказаніяхъ 1845 года, присвоеніе и растрата выдѣлены въ особый видъ похищенія чужой собственности. Статья 383 означеннаго уложенія, соотвѣтствующая 396 статьѣ уложенія 1857 года, опредѣляетъ значеніе и видоизмѣненіе должностной растраты буквально такъ же, какъ и приведенная нами вначалѣ 354 статья уложенія 1866 года.—Относительно-же присвоенія и растраты, совершенной частнымъ лицомъ, въ уложеніи 1845 года, въ статьѣ 2192-ой сказано:

„Кто чужую какого-либо рода собственность, ввѣренную ему для сохраненія или-же какого-либо употребленія, или назначенія, присвоитъ себѣ, запираясь въ полученіи оной или утверждая ложно, что оная имъ уже возвращена, или передана, или употреблена по назначенію, или-же будто-бы безъ вины его истреблена или утрачена, а равно, кто такую собственность съ умысломъ растратилъ, тотъ подвергается за сіе:

высшей мѣрѣ наказаній, выше сего въ статьяхъ 2184 и 2185 опредѣленныхъ за воровство—мошенничество.

Но когда ввѣренные виновному вещи или предметы были запечатаны и онъ распечаталъ ихъ для присвоенія себѣ, то онъ за сіе приговаривается:

къ наказаніямъ, опредѣленнымъ за кражу, со взломомъ внутреннимъ, въ статьѣ 2149 сего уложенія.“

Статья эта, безъ всякихъ измѣненій, вышла въ уложеніе о наказ. 1857 года, гдѣ составила статью 2272-ю. Наконецъ, при изданіи уложенія 1866 года и устава о наказ., налаг. миров. судьями,—въ первомъ появляются упомянутыя уже нами статьи 1681 и 1682-я, а въ послѣднемъ статья 177-я, въ той редакціи, въ какой онѣ существуютъ въ настоящее время.

Изъ изложеннаго усматривается, что отмѣченная нами особенность нашихъ уголовныхъ законовъ, состоящая въ значительномъ пониженіи наказанія при возвратѣ присвоеннаго и пополненіи растраченнаго чужаго движимаго имущества, выработалась, сравнительно въ недавнее время. Постановленіе, по которому степень отвѣтственности должностнаго лица за присвоеніе и растрату ввѣреннаго ему по службѣ имущества, поставлена въ зависимость отъ возврата имъ присвоеннаго или растраченнаго. въ первый разъ встрѣчается въ уложеніи 1845 года. Значеніе-же легкомыслія и добровольнаго обязательства возвратить присвоенное и растраченное, со стороны лица частнаго, специализировано по уложенію о наказ. лишь на ряду съ вновь изданнымъ уставомъ о наказ., налаг. мир. судьями, спустя 20 лѣтъ послѣ уложенія 1845 года Такимъ образомъ, постановленія о возвратѣ присвоеннаго и растраченнаго лицомъ должностнымъ и о значеніи легкомыслія и добровольнаго обязательства возвратить присвоенное и растраченное со стороны лица частнаго —явились равновременно и независимо одно отъ другого. Отсюда и разница въ основныхъ положеніяхъ этихъ узаконеній и отличіе послѣднихъ отъ другихъ постановленій, касающихся присвоенія святотатственнаго, ученой или художественной собственности и находки.

При составленіи проекта уложенія 1845 года, статья 2192-я (по проекту 2125-я) была изложена въ той-же редакціи, въ какой явилась и въ самомъ уложеніи. Намъ уже извѣстно, что по этой статьѣ ни легкомыслію, ни возврату присвоеннаго или растраченнаго имущества, никакого спеціальнаго значенія не придавалось.

Это начало проведено составителями проекта и во всѣхъ остальныхъ статьяхъ, касавшихся присвоенія святотатственнаго, ученой или художественной собственности и находки (статьи проекта 249, 2126—2130). Статьи эти выдержали всѣ послѣдующія изданія уложенія, безъ существенныхъ измѣненій, съ нѣкоторыми лишь урѣзками и передѣлками, и этимъ объясняется различіе ихъ отъ другихъ статей о присвоеніи и растратѣ, которыя подверглись кореннымъ измѣненіямъ. Не придавая легкомыслію виновнаго, равно какъ и пополненію имъ присвоеннаго и растраченнаго имущества, особаго значенія, составители проекта уложенія 1845 года не спеціализировали этихъ обстоятельствъ и при должностной растратѣ. Вотъ статьи проекта, относящіяся къ этому предмету:

Ст. 376: „Кто изъ чиновниковъ и вообще изъ состоящихъ на службѣ, имѣя на рукахъ своихъ какія-либо казенныя или частныя, но по службѣ ввѣренные ему вещи, денежныя суммы, банковые билеты, облигаціи, акціи и т. п., или-же управляя по распоряженію правительства казеннымъ или частнымъ имѣніемъ, будетъ оными пользоваться и употреблять что-либо изъ ввѣреннаго ему имущества или доходовъ съ онаго на свои собственные расходы, или-же ссужать онымъ другихъ безъ яснаго на то разрѣшенія начальства, тотъ,

сверхъ взысканія всего имъ употребленнаго на себя или другихъ вдвое, отрѣшается отъ должности“.

Ст. 380: „За присвоеніе ввѣренныхъ по службѣ, принадлежащихъ казнѣ и частнымъ лицамъ вещей, денежныхъ суммъ, банковыхъ билетовъ, облигацій, акцій и т. п., виновный,

сверхъ взысканія по цѣнѣ всего имъ присвоеннаго, подвергается лишенію всѣхъ особыхъ лично и по состоянію присвоенныхъ правъ и преимуществъ и ссылкѣ на житье въ „Сибирь“ и т. д. (подробно изложена мѣра наказанія для лицъ, неизъятыхъ отъ наказаній тѣлесныхъ).

376-я статья проекта соотвѣтствовала 292 статьѣ свода 1832 года, но составители проекта, вычеркнувъ слова „и сверхъ того наказанію по мѣрѣ злоупотребленія“, очевидно хотѣли разграничить незаконное пользованіе ввѣреннымъ по службѣ имуществомъ и присвоеніе послѣдняго. Упоминаемое въ 376 ст. проекта незаконное пользованіе, какъ намъ кажется, имѣетъ нѣкоторую, хотя и отдаленную аналогію съ отмѣченнымъ выше пользованіемъ, при такихъ обстоятельствахъ, когда должностное лицо сознаетъ, что поль-

зуется ввѣренным ему имуществом не безвозвратно, напр., отчисляя себѣ жалованье раньше опредѣленнаго срока и т. п.

Статьи эти, при разсмотрѣніи проекта въ государственномъ совѣтѣ, приняты не были. При окончательномъ утвержденіи проекта ихъ слили въ одну, упомянутую выше 383 статью [1]), въ которую, кромѣ того, тогда-же былъ введенъ особый признакъ добровольнаго пополненія присвоеннаго и растраченнаго имущества. Это составило особаго рода привилегію для лицъ должностныхъ. Въ то время, когда по другимъ статьямъ уложенія частныя лица, при возвратѣ присвоеннаго или растраченнаго ими, могли разсчитывать лишь на пониженіе въ мѣрѣ наказанія, какъ и во всякомъ другомъ преступленіи, на общемъ основаніи,—должностныя лица, при тѣхъ-же условіяхъ, подвергались сравнительно-незначительнымъ взысканіямъ (исключеніе изъ службы и денежное взысканіе, во всякомъ случаѣ. наказаніе незначительное, сравнительно съ лишеніемъ правъ и ссылкой на житье). Это была аналогія. Аналогію эту отчасти исправилъ уставъ о наказ. налаг. мир. судьями, впервые внесшій въ нашъ уголовный законъ понятіе о легкомысленной растратѣ и придавшій особое значеніе добровольному *обязательству* возврата присвоеннаго и растраченнаго. На основаніи Высочайше утвержденнаго 27 декабря 1865 года мнѣнія государственнаго совѣта [2]), сообразно 177 ст. уст. о наказ и въ томъ же смыслѣ, т. е. съ выдѣленіемъ легкомысленной растраты и добровольнаго обязательства вознаградить потерпѣвшаго, была измѣнена редакція 2272 ст. ул., изд. 1857 г., изъ которой, при слѣдующемъ изданіи уложенія 1866 года, образовались извѣстныя намъ 1681 и 1682 статьи. Къ сожалѣнію, въ это время не было обращено вниманіе на другія, приведенныя вначалѣ, статьи уложенія, также относящіяся къ присвоенію и растратѣ, и, такимъ образомъ, легкомысліе и добровольное обязательство вознаградить потерпѣвшаго остаются въ нѣкоторыхъ случаяхъ непримѣнимы. Въ особенности необходимо было распространить понятіе о легкомысліи на растраты должностныя, гдѣ легкомысліе играетъ иногда непослѣднюю роль. Теперь шансы, нѣкоторымъ образомъ, перемѣнились и частныя лица очутились въ болѣе выгодномъ положеніи, чѣмъ лица должностныя. Первымъ, при доказанности легкомыслія съ ихъ стороны, достаточно заявить лишь

---

[1]) См. «Сравнительный указатель» статей проекта.

[2]) См. Судебн. Уст. изд. госуд. канц. гл. 4.

желаніе вознаградить потерпѣвшаго и совершенныя ими присвоенія и растраты превращаются въ маловажныя проступки,—послѣднихъ, т. е. лицъ должностныхъ, легкомысліе не спасаетъ, обязательство пополненія съ ихъ стороны значенія не имѣетъ, а требуется отъ нихъ внесеніе полностью всего присвоеннаго или растраченнаго.

Обращаясь къ смыслу 177 статьи устава о наказ., а равно 1681 и 1682 ст. улож. о наказ., мы видимъ, что статьи эти, прежде всего, придаютъ значеніе *легкомыслію* виновнаго и только при наличности легкомыслія выдѣляютъ, какъ особый признакъ, обязательство пополнить присвоенное и растраченное. Одному лишь пополненію особаго значенія не придается, а—въ связи съ легкомысліемъ—признается достаточнымъ для значительнаго пониженія наказанія и обязательство вознаградить потерпѣвшаго. Обязательство должно быть *добровольное*, что опять-таки выдвигаетъ на первый планъ нравственныя качества виновнаго, а не матеріальную сторону дѣла. Редакція этихъ статей нисколько не гарантируетъ непремѣнное возмѣщеніе убытковъ потерпѣвшаго, такъ какъ обязательство далеко еще не дѣйствительный взносъ присвоеннаго и растраченнаго. Обвиняемый, къ которому будетъ примѣнена 2 ч. 177 ст. уст. о наказ. или 1681 и 1682 ст. улож. о наказ, можетъ оказаться несостоятельнымъ къ выполненію даннаго имъ обязательства; легко можетъ случиться, что, несмотря на обязательство виновнаго возмѣстить убытки, потерпѣвшій ничего не получитъ,—тѣмъ не менѣе это не отяготитъ рѣшенной уже участи подсудимаго. Слѣдовательно, наказаніе смягчается въ такихъ случаяхъ не потому, что убытки потерпѣвшаго возмѣщаются, а въ виду другихъ данныхъ, именно: легкомыслія виновнаго и собственнаго его побужденія исправить причиненный имъ вредъ, что, само по себѣ, характеризуетъ меньшую степень злой воли и даетъ, поэтому, право на особое снисхожденіе.

При такомъ значеніи добровольнаго обязательства вознаградить потерпѣвшаго, въ связи съ доказаннымъ легкомысліемъ, при растратѣ, само собою, должно подразумѣваться и чистосердечное сознаніе виновнаго въ совершенномъ имъ дѣяніи. Иначе и быть не можетъ. Гдѣ запирательство, тамъ едва-ли возможно признать легкомысліе, а тѣмъ болѣе собственное побужденіе вознаградить потерпѣвшаго. Въ этомъ смыслѣ высказался въ нѣсколькихъ рѣшеніяхъ и уголовный кассаціонный департаментъ сената. Какъ на примѣръ, можно указать дѣло Широкова (за 1867 г., № 449), гдѣ этотъ

взглядъ развитъ довольно подробно. Широковъ обвинялся въ растратѣ хозяйскаго товара и денегъ. Изъ рѣшенія видно, что при разбирательствѣ дѣла на судѣ, защитникъ Широкова просилъ постановить присяжнымъ засѣдателямъ вопросъ: „совершена-ли растрата подсудимымъ по легкомыслію"? Судъ призналъ, что на основаніи 2 части 1681 ст. улож. о наказ., „уменьшеніе наказанія за растрату допускается только при двухъ, неразрывно связанныхъ между собою условіяхъ: при легкомысліи и добровольномъ обязательствѣ вознаградить потерпѣвшаго убытокъ; въ настоящемъ-же дѣлѣ, при отрицаніи подсудимымъ самой растраты, вопроса о добровольномъ вознагражденіи (потерпѣвшаго) быть не можетъ",— почему въ просьбѣ защиты было отказано. Сенатъ, разсмотрѣвъ жалобу защитника Широкова, между прочимъ и на отказъ въ постановкѣ упомянутаго вопроса, нашелъ, „что сдѣланное предсѣдателемъ объясненіе 2 части 1681 ст. улож. о наказ., въ виду того, что Широковъ не только не исполнилъ обязанности удовлетворить потерпѣвшаго убытокъ, *но даже упорно отрицалъ свою вину*, представляется вполнѣ правильнымъ." Тотъ-же взглядъ высказанъ Сенатомъ по дѣлу Ефимова (за 1867 г., № 267). По дѣлу Нижерадзе (за 1872 г., № 662) Сенатъ нашелъ, что къ подсудимому не могла быть примѣнена 2 часть 177 ст. уст. о наказ., „такъ какъ судомъ признано, что подсудимый Нижерадзе отъ взятія у Капаніани денегъ (въ растратѣ которыхъ обвинялся) отрекся."

Вопросъ о томъ, совмѣстимо ли добровольное пополненіе растраты съ отрицаніемъ виновности со стороны подсудимаго, до сихъ поръ, насколько намъ извѣстно, не выяснялся въ наукѣ уголовнаго права. По крайней мѣрѣ, въ найболѣе извѣстныхъ учебникахъ и руководствахъ по русскому уголовному праву (Спасовича, Лохвицкаго, Неклюдова и др.) нѣтъ никакихъ указаній по этому предмету. Гасманъ, въ своей статьѣ „Присвоеніе и растрата чужаго имущества" упоминаетъ объ этомъ лишь мимоходомъ, вскользь. Опредѣляя значеніе легкомысленной растраты и добровольнаго обязательства вознаградить потерпѣвшаго, онъ говоритъ, между прочимъ [1]): „обѣщаніе вознагражденія должно быть добровольное, т. е не вынужденное и не по чьему-либо требованію, а свободное, по собственному побужденію и инициативѣ обвиняемаго, вслѣдствіе сознанія обвиняемымъ своей вины и своего нравственнаго долга

[1]) См. журн. гражд. и угол. пр. за 1877 г., кн. 2, стр. 67.

возмѣстить тотъ ущербъ, который онъ своимъ дѣяніемъ причинилъ потерпѣвшему. Отсюда вытекаетъ третье условіе легкомысленой растраты — полное чистосердечное признаніе виновнаго въ своемъ преступленіи. Если такого признанія не было, если виновный отрицаетъ свою вину, то хотя бы онъ и изъявилъ готовность вознаградить потерпѣвшаго, такое изъявленіе готовности не можетъ имѣть въ глазахъ закона никакого значенія. Оно не вытекаетъ изъ сознанія виновнымъ своей вины, а слѣдовательно является не возмѣщеніемъ за причиненный преступнымъ дѣяніемъ вредъ, а обстоятельствомъ, состоящимъ внѣ факта преступленія". Болѣе подробныхъ соображеній г. Гасманъ не приводитъ, а сказанное подкрѣпляетъ ссылками на рѣшенія сената. Приведенное мнѣніе касается исключительно растраты, совершенной лицомъ частнымъ. Оно подтверждаетъ сказанное нами выше. Запирательство, съ одной стороны, должно неминуемо поколебать всякое вѣроятіе легкомыслія со стороны виновнаго, а съ другой стороны,—не можетъ гармонировать съ добровольнымъ обязательствомъ вознаградить потерпѣвшаго.

Но разсматриваемый вопросъ совершенно измѣняется, разъ дѣло идетъ о растратѣ должностной. Здѣсь легкомысліе спеціальнаго значенія не имѣетъ и пополненіе растраченнаго стоитъ особнякомъ. Оно, само по себѣ, безъ всякой связи съ другими обстоятельствами, лишь-бы только было добровольное, уменьшаетъ отвѣтственность,—и слѣдовательно, въ самомъ фактѣ пополненія растраченнаго, законъ усматриваетъ основаніе къ значительному смягченію слѣдующаго виновному наказанія.

Существуетъ мнѣніе, по которому возвратъ присвоеннаго или растраченнаго уничтожаетъ даже преступность дѣянія. Такъ Фойницкій, въ своемъ изслѣдованіи „Мошенничество по русскому праву", разграничивая мошенничество отъ присвоенія, между прочимъ, говоритъ: [1]) "буквальный смыслъ одной 1682 ст. (улож.) можетъ привести лишь къ тому заключенію, что добровольный возвратъ присвоеннаго устраняетъ наказуемость только при признаніи судомъ другого элемента въ дѣйствіи виновнаго — растраты имущества по легкомыслію. Но ст. 354 опровергаетъ и это ограниченіе. Она предусматриваетъ видъ присвоенія, квалифицированный по субъекту и по предмету преступленія; если поэтому здѣсь и существуютъ какія-либо отступленія отъ общихъ узаконеній о при-

---

[1]) См. Фойницкій. Мошеннич. по русск. праву, ч. 2. стр. 263.

своеніи, то въ смыслѣ большей строгости, а не большей мягкости личной репрессіи. Между тѣмъ, мы здѣсь встрѣчаемъ постановленіе, по которому самовольный возвратъ виновнымъ всего взятаго имъ до или послѣ открытія его злоупотребленія, смягчаетъ наказуемость въ громадныхъ размѣрахъ, понижая его до денежныхъ взысканій и незначительныхъ служебныхъ взысканій. Ясно слѣдовательно, что въ болѣе слабомъ видѣ присвоенія, предусмотрѣнномъ ст. 1682, за этимъ обстоятельствомъ предполагается еще болѣе важное значеніе, независимо отъ того, совершена-ли растрата злоумышленно или по легкомыслію. Наконецъ, ограниченіе безнаказанности присвоенія, при возвратѣ всего присвоеннаго, случаями легкомысленной растраты, какъ бы слѣдовало повидимому заключить изъ буквальнаго смысла второй части 1682 ст., неправильно и по слѣдующему основанію: возвратъ вещи есть обстоятельство, устраняющее преступность, слѣдовательно и разсмотрѣніе дѣла уголовнымъ судомъ, между тѣмъ какъ констатированіе легкомыслія можетъ имѣть мѣсто только посредствомъ постановленія судебнаго приговора“.

Мнѣніе это не находитъ себѣ подтвержденія ни въ положительныхъ законодательствахъ, ни въ наукѣ уголовнаго права. Нашъ законъ признаетъ возвратъ присвоеннаго и растраченнаго лишь обстоятельствомъ смягчающимъ вину, а германское уложеніе, какъ извѣстно, спеціально предусматриваетъ даже покушеніе на растрату. Въ самомъ дѣлѣ, если присвоеніе и растрата, сами по себѣ, составляютъ преступленіе, направленное противъ чужой собственности, то значеніе ихъ должно быть разсматриваемо лишь въ связи съ извѣстными фактами, въ которыхъ эти преступныя дѣянія осуществились и въ которыхъ выразилась злая воля преступника. Всѣ послѣдующія дѣйствія виновнаго не могутъ уничтожить того, что уже совершилось. Добровольный возвратъ виновнымъ украденнаго или ограбленнаго, не уничтожаетъ ни кражи, ни грабежа, и, поэтому, намъ кажется, и возвратъ присвоеннаго или растраченнаго не можетъ загладить присвоенія и растраты, какъ совершившихся уже преступленій Такъ смотрѣли на этотъ вопросъ и редакторы 354 ст. улож. о наказ. Они признавали, что смягченіе участи виновнаго можетъ имѣть мѣсто лишь при возвратѣ присвоеннаго и растраченнаго по собственному побужденію виновнаго, когда онъ дѣйствуетъ „самъ собою“, т. е. сознаетъ обязанность возмѣстить убытки. Такое положеніе, конечно, характеризуетъ прежде всего нравственную

сторону виновнаго. То, что законъ, предпочтительно предъ другими фактами, оцѣниваетъ злую волю преступника и останавливается на его нравственныхъ качествахъ, видно изъ 355 и 359 ст. улож. о наказ. По первой изъ этихъ статей, распечатаніе пакета, а по второй побѣгъ, почитаются обстоятельствами настолько отягчающими вину, что пополненію растраты, какъ это прямо сказано въ 355 ст., никакого значенія не придается. Если-бы законъ относительно должностной растраты стоялъ на фискальной почвѣ, то, вѣроятно, признавалъ-бы за виновнымъ, во всѣхъ случаяхъ возврата растраченнаго, извѣстное право на уменьшеніе наказанія.

Судя по смыслу 354 ст. улож. о наказ., редакторы этой статьи не имѣли въ виду и не предполагали такого случая, чтобы виновный, добровольно возвращающій присвоенное и растраченное, оказывалъ вмѣстѣ съ тѣмъ запирательство. Изъ редакціи этой статьи видно, что въ ней идетъ рѣчь о такой именно растратѣ, которой не отрицаетъ обвиняемое должностное лицо. Здѣсь нѣтъ выраженій, употребленныхъ во многихъ другихъ статьяхъ: „должностное лицо, изобличенное“ (361 ст.), „когда доказано“ (370 ст.), „виновный“ (378 ст.) и т. п. Въ первой части 354 ст. говорится о такомъ случаѣ, когда должностное лицо пополняетъ растрату прежде обнаруженія его злоупотребленія. На практикѣ, возбужденіе подобнаго дѣла почти невозможно, ибо разъ должностное лицо пополнило растрату „прежде открытія сего злоупотребленія“, то весьма мудрено открыть его послѣ. Во всякомъ случаѣ, если-бы и можно было представить себѣ такое дѣло,—то въ немъ неминуемо должны стоять, на первомъ планѣ, сознаніе со стороны должностнаго лица своей вины и возвратъ растраченнаго по собственному побужденію. Вторая часть 354 ст. проводитъ то-же положеніе, какъ и первая часть, съ той лишь разницей, что растраченное возвращается послѣ открытія этого злоупотребленія. И здѣсь говорится о возвратѣ по собственному побужденію („самъ собою“), какъ и въ первомъ случаѣ. Но, такъ какъ въ первомъ случаѣ, собственное побужденіе виновнаго непремѣнно должно вытекать изъ сознанія имъ своей вины (иначе немыслимъ возвратъ растраченнаго до открытія этого преступленія), то не подлежитъ сомнѣнію, что и во второмъ случаѣ, составляющимъ лишь видоизмѣненіе перваго, по времени возврата, побужденіе это должно также вытекать изъ сознанія виновности. Третья часть упомянутой статьи предусматриваетъ тѣ случаи, которые не подходятъ къ первымъ двумъ, а слѣдовательно и такіе, когда обвиняемый не сознаетъ своей вины.

Насколько намъ извѣстно, такого случая, какой послужилъ поводомъ къ настоящей замѣткѣ, въ кассаціонной практикѣ не встрѣчалось, по крайней мѣрѣ мы нигдѣ не находимъ рѣшенія сената по подобному дѣлу. Но, если сенатъ призналъ по нѣсколькимъ, упомянутымъ выше рѣшеніямъ, по дѣламъ о растратахъ, совершенныхъ частными лицами, что добровольное обязательство вознаградить потерпѣвшаго несовмѣстно съ запирательствомъ виновнаго, то, намъ кажется, то-же положеніе должно быть признаваемо, по аналогіи, и по отношенію къ растратѣ должностной.

Останавливаясь далѣе на вопросѣ о значеніи пополненія растраты, нельзя не согласиться, что признаніе за однимъ лишь *голымъ* фактомъ пополненія, безъ наличности другихъ, смягчающихъ вину обстоятельствъ, права на то снисхожденіе, которое дается по 354 ст. улож., при возвратѣ виновнымъ присвоеннаго или растраченнаго, было-бы несогласно съ принципомъ *справедливости*. Для примѣра, на ряду съ тѣмъ чиновникомъ, который, несмотря на несомнѣнныя доказательства его виновности, оказываетъ упорное запирательство и не стѣсняется, вмѣстѣ съ тѣмъ, предложить извѣстную сумму денегъ, лишь-бы избѣгнуть отвѣтственности, — поставимъ другого чиновника, который, сознавшись чистосердечно въ своемъ поступкѣ и проявивъ полное во всемъ раскаяніе, укажетъ на такія обстоятельства, которыя могутъ до нѣкоторой степени извинить его поступокъ, напр. крайнюю нужду, семейныя несчастія и т. п., но заявитъ, что несмотря на все желаніе, онъ — за неимѣніемъ средствъ — не въ состояніи вернуть растраченныя имъ деньги. Спрашивается, который изъ этихъ двухъ чиновниковъ заслуживаетъ, въ глазахъ безпристрастнаго судьи, больше снисхожденія; который возбудитъ къ себѣ больше сочувствія? Безъ сомнѣнія — послѣдній. Пополненіе растраты со стороны перваго, безъ всякаго затрудненія, само по себѣ взятое, скорѣе будетъ говорить во вредъ ему, такъ какъ станетъ ясно, что онъ присвоилъ ввѣренныя ему деньги не изъ нужды, что средства у него имѣются, и такимъ образомъ въ немъ обрисуется большая степень испорченности.

Законъ уголовный, имѣя конечной цѣлью достиженіе высшихъ интересовъ правосудія, не можетъ входить въ сдѣлки съ виновнымъ субъектомъ на почвѣ выкупа. Это вытекаетъ изъ общихъ понятій: о правѣ, какъ объ идеѣ справедливости; о преступленіи, какъ о продуктѣ злой воли человѣка, и, наконецъ, о наказаніи, какъ о возмездіи, соразмѣрномъ злой волѣ, проявившейся въ извѣстномъ пре-

ступномъ дѣяніи. Хотя мнѣнія юристовъ относительно значенія и цѣли наказанія расходятся, тѣмъ не менѣе всѣми одинаково признается, что мѣра наказанія должна соотвѣтствовать важности преступнаго дѣянія, по характеру выразившейся въ немъ злой воли преступника и личнымъ качествамъ послѣдняго. Вотъ, что говоритъ, напр., Спасовичъ, по этому предмету: „наказаніе должно соотвѣтствовать и относительной преступности дѣйствія, и свойству породившихъ его мотивовъ, и вообще всей личности преступника“ [1]). „Наказаніе должно равняться преступленію, а преступленіе есть какъ бы произведеніе преступной воли на преступное дѣло. Законодатель полагаетъ наказаніе, *имѣя въ виду одно только дѣло преступное;* онъ долженъ заключить его въ такіе предѣлы, чтобы оно соотвѣтствовало преступленію и при весьма маломъ и при весьма великомъ содержаніи злой воли“ [2]). Бернеръ, въ своемъ учебникѣ, называетъ наказаніе „актомъ воздающей справедливости“ [3]). Справедливость-же, въ дѣлѣ уголовномъ, заставляетъ прежде всего оцѣнивать характеръ злой воли преступника и мотивы, которыми онъ руководствовался при самомъ совершеніи преступленія. Матеріальный ущербъ, какъ-бы великъ онъ ни былъ, безъ наличности преступнаго элемента, не влечетъ за собою уголовнаго наказанія. И наоборотъ, отсутствіе матеріальнаго ущерба не уничтожаетъ преступности злой воли, выразившейся въ извѣстномъ, противузаконномъ дѣяніи. Возмѣщеніе матеріальнаго ущерба можетъ уменьшить отвѣтственность лишь въ той мѣрѣ, въ какой виновный проявитъ въ этомъ актѣ раскаяніе и желаніе изгладить вредныя послѣдствія своего дѣянія. Другихъ соображеній законъ уголовный имѣть не можетъ и возмѣщеніе убытковъ, помимо раскаянія виновнаго, не вытекающее изъ сознанія имъ своей вины, не должно имѣть значенія обстоятельства, смягчающаго наказаніе. Иначе, это былъ-бы выкупъ отъ уголовной отвѣтственности; своего рода коммерческая сдѣлка.

Затѣмъ, намъ кажется, что если обвиняемое должностное лицо, не сознавая своей вины, вноситъ ту сумму денегъ, растрата которой ему приписывается, то такой взносъ имѣетъ характеръ *вынужденнаго.* Растрата пополняется здѣсь не потому, что обвиняемый признаетъ себя нравственно обязаннымъ сдѣлать это, а въ виду

---

[1]) См. Учебн. угол. пр. т. I, стр. 66.

[2]) Тамъ же, стр. 288.

[3]) Учебникъ, въ перев. Неклюдова, стр. 558.

угрозы, со стороны закона, тяжкимъ наказаніемъ. Онъ дѣйствуетъ не добровольно, въ точномъ смыслѣ этого слова, а подъ вліяніемъ страха. Мало того, онъ становится въ противорѣчіе съ самимъ собою и идетъ въ разрѣзъ съ планомъ своей защиты. Развѣ это добровольный возвратъ присвоеннаго или растраченнаго? Отрицая свою вину, обвиняемый тѣмъ самымъ говоритъ, что деньги съ него требуютъ и берутъ напрасно; что онъ не растраченное чужое возвращаетъ, а даетъ свое Съ процесуальной точки зрѣнія это равносильно вынужденію сознанія

Наконецъ, если признать, что пополненіе растраты не должно обусловливаться сознаніемъ виновности, а имѣетъ самостоятельное значеніе и само по себѣ вліяетъ на уменьшеніе наказанія, то это не только будетъ противно принципу справедливости, — не только создастъ нѣчто въ родѣ выкупа и понужденія виновнаго дѣйствовать противъ самаго себя, но нерѣдко можетъ порождать и *судебныя ошибки*. Легко представить себѣ такой случай, что должностное лицо, дѣйствительно невинное, будетъ заподозрѣно въ растратѣ ввѣреннаго ему по службѣ имущества Тутъ можетъ быть такое несчастное стеченіе обстоятельствъ, что противъ этого лица будутъ кажущіяся улики. Изъ боязни пострадать напрасно, лицо это можетъ возъимѣть мысль внести недостающія деньги или другое имущество, съ тѣмъ, чтобы понести хотя меньшее наказаніе. Между тѣмъ, фактъ пополненія имъ растраты усилитъ значеніе добытыхъ раньше неосновательныхъ уликъ и должностное либо будетъ осуждено, хотя и къ низшему наказанію, но все-таки осуждено напрасно. И это произойдетъ только потому, что растрата пополнена, такъ какъ, не будь этого, улики сами по себѣ, не внушали-бы убѣжденія въ виновности заподозрѣннаго и онъ былъ-бы оправданъ. Намъ могутъ возразить, что при несчастномъ стеченіи обстоятельствъ, можетъ имѣть мѣсто и напрасное сознаніе, т. е. должностное лицо будетъ клеветать на себя, возьметъ на себя вину, лишь-бы свести дѣло на меньшую отвѣтственность. На это можно отвѣтить, что во всякомъ случаѣ легче жертвовать карманомъ, чѣмъ честью. Напрасно отдать извѣстную сумму денегъ не то, что безвинно принять на себя вину, — и если поставить вопросъ на счетъ послѣдняго, то тутъ каждый остановится.

Говоря объ этомъ предметѣ, нельзя обойти молчаніемъ одной особенности процесуальнаго характера, которая можетъ иногда затемнить значеніе пополненія растраты. По силѣ 102, 406 и 685

ст. уст. уг. суд., обвиняемый имѣетъ право не отвѣчать на предлагаемые ему вопросы. Возможенъ такой случай, что обвиняемый въ растратѣ не пожелаетъ дать объясненій по существу дѣла, а потребуетъ принять отъ него ту сумму денегъ, въ растратѣ которой его обвиняютъ. Хотя въ законѣ и сказано, что молчаніе подсудимаго „не должно быть принимаемо за признаніе имъ своей вины“, тѣмъ не менѣе, трудно предписать судьѣ, рѣшающему дѣло по совѣсти, не принимать въ соображеніе и молчаніе подсудимаго. Такъ или иначе, молчаніе должно произвесть извѣстное впечатленіе, и, скажемъ, по большей части производить впечатлѣніе неблагопріятное для обвиняемаго. Самыя ничтожныя улики, при молчаніи обвиняемаго, могутъ привести къ убѣжденію въ его виновности. Молчаливое пополненіе растраты со стороны заподозрѣннаго, тѣмъ болѣе можетъ внушить такое убѣжденіе и придать полное вѣроятіе подозрѣнію, хотя бы всѣ остальныя данныя были совершенно недостаточны для обвиненія подсудимаго.

При пополненіи растраты обвиняемымъ, отрицающимъ свою виновность, могутъ встрѣтиться еще и другія затрудненія. Предположимъ, что подсудимый, отрицавшій свою вину, но все-таки пополнившій растрату, будетъ оправданъ судомъ, разсматривающимъ дѣло по существу. Полагаемъ, оправданный будетъ имѣть полное право требовать обратно внесенную имъ сумму. Онъ скажетъ: „я невиновенъ, я твердилъ это съ самаго начала, при возникновеніи дѣла, и судъ призналъ мою невиновность; деньги-же я внесъ на всякій случай, въ виду угрозы закона,—теперь отдайте ихъ назадъ, такъ какъ у васъ не имѣется никакихъ доказательствъ, что вы получили ихъ по праву.“ И дѣйствнтельно, возмѣщеніе убытковъ имѣетъ и гражданскую сторону. Если обвиняемый не сознавалъ факта растраты и оправданъ судомъ уголовнымъ, то взысканіе матерьяльнаго ущерба не имѣетъ подъ собою почвы. Другое дѣло, если растрата пополнена при сознаніи виновности. Тутъ, даже при оправдательномъ приговорѣ, возвратъ растраченнаго остается въ силѣ на почвѣ гражданскаго права. Обвиняемый самъ признавалъ, что онъ дѣйствительно употребилъ въ свою пользу ввѣренное ему имущество, а признаніе отвѣтчика, по духу гражданскихъ законовъ (480 ст. уст. гражд. суд.) служитъ доказательствомъ признаннаго факта и всѣхъ вытекающихъ изъ него правоотношеній. Судъ уголовный могъ признать растрату, почему-либо, невмѣняемой, но гражданскія ея послѣдствія, въ виду признанія

подсудимаго, должны оставаться въ силѣ,—и оправданный подсудимый, не отрицавшій растраты, едва-ли можетъ заявлять впослѣдствіи, что онъ пополнилъ ее напрасно.

На основаніи всего изложеннаго, мы приходимъ къ тому заключенію, что добровольный возвратъ присвоеннаго или растраченнаго тогда только можетъ повлечь за собою установленное закономъ пониженіе наказанія и вообще измѣнить значеніе преступленія, когда этотъ возвратъ является продуктомъ чистосердечнаго сознанія виновнаго и желаніе его исправить причиненный имъ вредъ, и что тамъ, гдѣ нѣтъ сознанія виновности, признаніе за пополненіемъ присвоеннаго или растраченнаго, значенія обстоятельства, дающаго право на снисхожденіе, было-бы несогласно съ духомъ закона и свело-бы отправленіе правосудія на фискальную почву.

Недоразумѣнія по этому предмету, какъ намъ кажется, вызываются неточностью редакціи приведенныхъ въ началѣ статей, предусматривающихъ возвратъ присвоеннаго или растраченнаго. Слова этихъ статей: „если онъ возвратилъ" и „когда виновные въ томъ добровольно обязываются"—слѣдовало бы пополнить поясненіемъ: „сознавая свою вину." Тогда никакихъ недоразумѣній по этому предмету не было-бы. —

Въ заключеніе скажемъ, что желательно было-бы, чтобы при предстоящемъ пересмотрѣ уложенія о наказ.—возмѣщеніе убытковъ, равно какъ и легкомысліе, были въ одинаковой мѣрѣ распространены на всѣ вообще виды присвоенія и растраты чужой собственности, и чтобы оцѣнка значенія этихъ обстоятельствъ, въ каждомъ конкретномъ случаѣ, была предоставлена суду, рѣшающему дѣло по существу, какъ это мы видимъ въ законодательствахъ западно-европейскихъ государствъ. Въ изданныхъ министерствомъ юстиціи первыхъ двухъ томахъ „Матерьяловъ для пересмотра нашего уголовнаго законодательства"—объ этомъ предметѣ нѣтъ ни слова, а между тѣмъ постановленія уложенія о наказ. относительно присвоенія и растраты, по своей разбросанности, сбивчивости и разнообразію положеній, составляютъ одно изъ самыхъ больныхъ его мѣстъ Выписанныя нами постановленія западно-европейскихъ кодексовъ, представляютъ прекрасные образцы ясныхъ и опредѣленныхъ положеній, [1]) безъ дробленія, и въ этомъ послѣднемъ отно-

[1]) Кромѣ французскаго.

шеніи вполнѣ заслуживаютъ подражанія, за исключеніемъ развѣ допускаемаго германскимъ уложеніемъ покушенія на присвоеніе, которое на практикѣ едва-ли можетъ быть констатируемо. Присвоеніе и растрата, какъ преступленія, начинаются съ того момента, когда лицо, которому извѣстное имущество было ввѣрено, заявитъ, что имущества этого у него нѣтъ или что оно ему совсѣмъ не ввѣрялось. Пока такого заявленія не было, не можетъ быть и вопроса о присвоеніи или растратѣ. Если-же такое заявленіе послѣдуетъ или обвиняемый скроется до того, пока отъ него будетъ потребованъ отчетъ и недостача ввѣреннаго ему имущества будетъ доказана, то тутъ будетъ уже оконченное преступленіе. Впрочемъ, на почвѣ теоретическихъ сужденій, вопросъ по этому предмету можетъ быть спорнымъ. Если оконченное присвоеніе или растрату признавать лишь тамъ, гдѣ виновный вполнѣ воспользовался уже ввѣреннымъ ему имуществомъ, то, конечно, можно представить себѣ и нѣчто въ родѣ покушенія, въ томъ случаѣ, когда виновнымъ польза еще не извлечена.

Болѣе существеннымъ является вопросъ объ оцѣнкѣ смягчающихъ обстоятельствъ. Нельзя не признать вполнѣ гуманной и цѣлесообразной, особенность нашихъ уголовныхъ законовъ, состоящую въ значительномъ пониженіи наказанія тамъ, гдѣ присвоенное или растраченное добровольно возвращается виновнымъ, въ силу сознанія имъ своей вины. Особенность эту слѣдуетъ оставить и при изданіи новаго уложенія, но съ тѣмъ, чтобы она примѣнялась не иначе, какъ по признаніи судомъ, рѣшающимъ дѣло по существу, что возвратъ былъ дѣйствительно добровольнымъ и истекалъ изъ желанія виновнаго загладить вредныя послѣдствія своего преступнаго дѣянія. При разсмотрѣніи дѣлъ о присвоеніяхъ и растратахъ, совершенныхъ частными лицами, вопросъ объ обязательствѣ вознаградить потерпѣвшаго, по существующему у насъ порядку, предлагается на разрѣшеніе присяжныхъ засѣдателей, собственно потому, что неразрывно съ нимъ связанъ вопросъ о признаніи легкомыслія. Что-же касается растратъ должностныхъ, то тутъ даже и подсудность дѣла зависитъ отъ одного лишь пополненія недостающей суммы, независимо отъ мотивовъ этого пополненія. Въ началѣ, послѣ введенія новыхъ судебныхъ учрежденій, въ подобныхъ случаяхъ поступали различно. Иногда на разрѣшеніе присяжныхъ засѣдателей предлагали вопросъ, дѣйствительно-ли подсудимый внесъ все присвоенное или растраченное сполна (дѣло нотаріуса Бара-

новича, за 1874 г., рѣш. сенат., № 264); 3 іюля 1879 г., состоялось рѣшеніе соединеннаго присутствія 1-го и кассаціонныхъ департаментовъ сената, по которому признано, что должностное лицо, пополнившее растрату, должно быть предаваемо суду безъ участія присяжныхъ засѣдателей и что даже, если подсудимый, преданный суду по 3 ч. 354 ст. улож. о наказ. (т. е. съ участіемъ присяжныхъ засѣдателей), внесетъ деньги до судебнаго засѣданія, то слушаніе дѣла должно быть отложено и затѣмъ онъ долженъ быть преданъ суду по 2 ч. той же статьи (уже безъ присяжныхъ засѣдателей); сенатъ разсуждаетъ такъ: „на основаніи 354 ст. улож. о наказ., различаются какъ въ отношеніи состава преступленія и наказанія, такъ и въ отношеніи *подсудности*, три вида растраты, причемъ обвиняемый подлежитъ суду съ участіемъ присяжныхъ засѣдателей въ томъ только случаѣ, когда онъ добровольно самъ собою не возвратилъ взятаго имъ, присвоеннаго или растраченнаго и послѣ открытія его злоупотребленій (3 ч. 354 ст.). Поэтому, если онъ до засѣданія... по дѣлу о его растратѣ, возвратитъ все взятое имъ присвоенное или растраченное, то онъ можетъ быть судимъ только по обвиненію въ преступныхъ дѣяніяхъ, предусмотрѣнныхъ 1 и 2 частями 354 ст. улож., [1]) невлекущихъ за собою лишенія или ограниченія правъ состоянія, вслѣдствіе чего пополненіе такимъ обвиняемымъ, до суда, самовольно удержаннаго или растраченнаго имъ, является новымъ обстоятельствомъ, по 549 ст. уст. уг. суд., имѣющимъ вліяніе на дальнѣйшее направленіе дѣла.... Посему.... дѣло о такомъ обвиненномъ должно отложить и представить..“ для преданія суду безъ участія присяжныхъ засѣдателей [2]).

Оставляя въ сторонѣ процесуальныя неудобства, вызываемыя такимъ положеніемъ, слѣдуетъ замѣтить, что подобнымъ порядкомъ разсмотрѣнія дѣлъ о должностныхъ растратахъ, едва-ли можетъ быть достигнута цѣль закона. Конечно, предлагать присяжнымъ вопросъ о томъ, дѣйствительно-ли подсудимый внесъ все присвоенное или растраченное имъ, въ случаѣ когда онъ на самомъ дѣлѣ пополнилъ уже все недостающее,—нераціонально, но дѣло въ томъ, что законъ требуетъ, чтобы возвратъ былъ добровольнымъ, т. е.

[1]) Крайне сомнительно, чтобы должностное лицо, преданное уже суду за непополненную растрату, при какихъ-бы то ни было условіяхъ, могло судиться за ту-же растрату по 1 ч. 354 ст. ул. о наказ.

[2]) См. «сборникъ циркул. указовъ Сената» изд. 1880 г., № 64.

истекалъ изъ сознанія виновнымъ своей обязанности возвратить все присвоенное или растраченное. Намъ кажется, что вопросъ о томъ, *добровольно-ли* подсудимый пополнилъ растрату, долженъ быть разрѣшенъ судомъ, разсматривающимъ дѣло по существу, а не инстанціей, предающею виновнаго суду. Только судъ, разсмотрѣвъ совокупность всѣхъ обстоятельствъ дѣла, обсудивъ мотивы преступленія и взвѣсивъ поведеніе подсудимаго, можетъ оцѣнить по достоинству значеніе возврата присвоеннаго и растраченнаго. Вспомнимъ слова составителей устава о наказ. „При всемъ стремленіи къ возможно точному и полному опредѣленію всѣхъ признаковъ преступленія, законодатель никогда не въ состояніи предусмотрѣть всѣхъ случаевъ, встрѣчающихся въ жизни, и потому никогда не можетъ быть увѣренъ въ справедливости опредѣленнаго имъ наказанія, а главное въ томъ, что назначенный имъ низшій предѣлъ будетъ вполнѣ соотвѣтствовать всѣмъ, сопровождавшимъ преступное дѣйствіе, уменьшающимъ вину обстоятедьствамъ. Тѣсное ограниченіе мѣры взысканій и слишкомъ подробное означеніе признаковъ преступнаго дѣйствія, по которымъ судья долженъ назначать эту мѣру, имѣетъ еще и то, крайне вредное послѣдствіе, что, при подобной системѣ, судья невольно привыкаетъ основывать свои рѣшенія не столько на всестороннемъ и зрѣломъ обсужденіи дѣла, сколько на однихъ *внѣшнихъ* признакахъ, заранѣе указанныхъ закономъ, а вслѣдствіе того, при первомъ дѣлѣ, нѣсколько выходящимъ изъ ряда обыкновенныхъ, онъ затрудняется и назначаетъ наказаніе, иногда вовсе несоотвѣтствующее винѣ подсудимаго. Притомъ *значеніе одного и того-же обстоятельства невсегда одинаково*, смотря по условіямъ, въ которыхъ оно является. Оттого попытки съ точностью опредѣлить заранѣе и разъ навсегда, въ какихъ именно случаяхъ преступность дѣянія настолько-то увеличивается или ослабляется, никогда не удавались; обязательныя, неподвижныя, мертвыя формулы закона, оказываются часто въ разладѣ съ условіями и требованіями дѣйствительности. Главное преимущество устнаго суда заключается именно въ томъ, что онъ даетъ возможность уловить всѣ оттѣнки каждаго дѣла и дойти до ясной и вѣрной оцѣнки настоящихъ свойствъ преступленія и личности преступника. Но это преимущество было бы уничтожено въ своихъ послѣдствіяхъ, если-бы законъ отнялъ у судьи возможность примѣнять добытое имъ убѣжденіе о степени вины, и вмѣсто того, чтобы предоставить ему опредѣленіе мѣры наказанія по внутрен

8

нему чувству справедливости, связывалъ его дробными предписаніями и стѣснительными рамками, приводящими въ безвыходное противорѣчіе съ указаніями совѣсти“ [1]).

Слова эти—непреложная истина.

Если мы, послѣ всего сказаннаго, вспомнимъ упомянутаго въ началѣ чиновника, желавшаго пополнить растрату, при упорномъ отрицаніи своей вины, съ цѣлью избѣжать строгой отвѣтственности, то можно-ли признать за нимъ право на снисхожденіе въ большей мѣрѣ, чѣмъ въ томъ случаѣ, если-бы онъ, при чистосердечномъ сознаніи своей вины, не былъ въ состояніи возвратить растраченное? Возвратъ присвоеннаго и растраченнаго невсегда имѣетъ одинаковое значеніе и невсегда можетъ давать право на снисхожденіе.

И такъ,—отвѣчая на поставленный въ заголовкѣ вопросъ отрицательно, мы, вмѣстѣ съ тѣмъ, признаемъ, что вопросъ о томъ, добровольно-ли и по собственному-ли побужденію, истекающему изъ раскаянія, виновный возвратилъ присвоенное или растраченное, долженъ быть рѣшенъ судомъ, разсматривающимъ дѣло по существу.

Этимъ будутъ вполнѣ достигнуты интересы правосудія.

Я. Городыскій.

НЕКРОЛОГЪ Д. Н. ЗАМЯТНИНА.

19 октября 1881 года.

Sit terra tibi levis.

На похоронахъ бывшаго министра юстиціи Д. Н. Замятнина особенно замѣтно было присутствіе чиновъ судебнаго вѣдомства, которые, по справедливому замѣчанію газетъ, прибыли почти въ полномъ своемъ составѣ. Явились не только лица, служившія подъ начальствомъ Д. Н., но и начавшія даже службу, по оставленіи имъ министерства. Это служило нагляднымъ доказательствомъ, насколько живы и дороги судебному вѣдомству воспоминанія о дѣятельности Д. Н. по введенію судебныхъ уставовъ. Въ газетахъ уже

[1]) См. «уставъ о наказ.» изд. госуд. канц. Мотивы къ статьямъ 12 и 172.

появились болѣе или менѣе подробныя замѣтки о жизни и дѣятельности Д Н Замятнина, но въ виду значенія этой дѣятельности и многочисленности почитателей его памяти, мы думаемъ не будетъ излишнимъ и намъ прослѣдить его служебную дѣятельность и нѣсколько остановиться на томъ ея періодѣ, который совпалъ съ законодательными работами по начертанію судебныхъ уставовъ и приведенію ихъ въ дѣйствительное исполненіе.

Какъ извѣстно, покойный окончилъ въ Императорскомъ Царскосельскомъ Лицеѣ полный курсъ наукъ; получивъ при выпускѣ, съ Высочайшаго утвержденія, за успѣхи въ наукахъ, вторую серебряную медаль, онъ былъ опредѣленъ 4 сентября 1823 года въ комиссію составленія законовъ, съ чиномъ титулярнаго совѣтника по упраздненіи комиссіи, онъ былъ опредѣленъ 4 апрѣля 1826 г. во II отдѣленіе Собственной Его Императорскаго Величества канцеляріи, гдѣ и оставался по 30 декабря 1840 года. Съ этого времени Д. Н переходитъ на службу по министерству юстиціи и до назначенія его, въ 1852 году, присутствовать въ правительствующемъ сенатѣ, занимаетъ послѣдовательно должности герольдмейстера, члена консультаціи, оберъ-прокурора 2-го отдѣленія 3-го департамента и 2-го департамента. Независимо отъ непосредственныхъ своихъ обязанностей, Д. Н. за время службы своей въ сенатѣ, постоянно получалъ особыя порученія: онъ былъ членомъ комитета для разсмотрѣнія предположеній о преобразованіи герольдіи, членомъ хозяйственнаго комитета, при правительствующемъ сенатѣ учрежденнаго, членомъ учрежденнаго особаго комитета о производствѣ изъ нижнихъ званій въ классные чины, членомъ комитета о преобразованіи герольдіи, по случаю закрытія временнаго оной присутствія, членомъ особой временной комиссіи, учрежденной для разсмотрѣнія дѣлъ о княжескихъ и дворянскихъ фамиліяхъ Грузіи, Имеретіи и Гуріи; онъ также былъ назначенъ для постояннаго наблюденія за сохраненіемъ порядка въ С.-Петербургскомъ надворномъ уголовномъ судѣ и производилъ ревизію судебныхъ мѣстъ Витебской губерніи. По назначеніи сенаторомъ, Д. Н. присутствовалъ въ 1-мъ и во 2-мъ отдѣленіяхъ 3-го д - та, въ 4-мъ и въ 1-мъ департаментахъ, а 9 мая 1858 года былъ назначенъ къ исполненію обязанностей товарища министра юстиціи и почти одновременно, призванъ къ совершенно новой дѣятельности по вѣдомству учрежденій Императрицы Маріи, именно назначенъ членомъ совѣта патріотическаго института и С.-Петербургскаго Елисаветинскаго училища, по хозяйственной

части, въ оставленіемъ въ прежнихъ должностяхъ. Въ должности товарища министра Д. Н. Замятнинъ оставался по 21 октября 1862 года, когда онъ назначенъ былъ управляющимъ министерствомъ юстиціи, и за время 4 лѣтняго пребыванія въ должности товарища министра, въ теченіе цѣлыхъ двухъ лѣтъ управлялъ министерствомъ. Такое близкое знакомство Д. Н. съ министерствомъ, долгое служеніе его по вѣдомству и дѣятельное участіе въ дѣлахъ особенно благотворно сказались при вступленіи его въ управленіе министерствомъ. Это вступленіе совпало съ предстоящимъ возрожденіемъ министерства юстиціи къ совершенно новой дѣятельности: готовились судебные уставы, готовилась для вѣдомства совершенно новая жизнь. Всему вѣдомству уже давно была извѣстна въ высшей степени гуманная, симпатичная личность своего новаго начальника и съ полнымъ къ нему довѣріемъ вѣдомство принялось за усиленную дѣятельность, стало готовиться къ предстоящей судебной реформѣ. Въ лицѣ Д. Н. оно получило по истинѣ достойнаго руководителя Всегда спокойный, хладнокровный, чуждый мелочнаго самолюбія, онъ требовалъ серьезнаго отношенія къ дѣлу. Онъ обладалъ особымъ умѣньемъ выслушивать своихъ подчиненныхъ; исполнитель, которому поручена была какая либо работа, былъ увѣренъ, что онъ всегда придетъ во время къ своему начальнику и будетъ выслушанъ безъ малѣйшей тѣни неудовольствія и досады, хотя бы онъ представлялъ свои соображенія о невозможности исполнить отданное приказаніе и приготовить работу въ данномъ направленіи Каждое малѣйшее сомнѣніе обсуждалось, подвергалось строгой критической оцѣнкѣ. весьма часто коллегіально, и дѣло отъ такихъ пріемовъ выигрывало; притомъ же начальникъ этимъ путемъ узнавалъ отлично своихъ подчиненныхъ. Это не было нерѣшительностью, а было напротивъ желаніемъ отыскать правду, наилучшимъ образомъ осуществить ее и поставить дѣло на законную, твердую почву. Когда вырабатывались судебные уставы, Д. Н. не задавался мыслью о своемъ личномъ положеніи, вопросомъ о томъ, трудно или легко ему будетъ приводить уставы въ исполненіе; онъ заботился единственно о томъ, чтобы основныя положенія все цѣло воплотились въ судебныхъ уставахъ и были вѣрнымъ ихъ выразителемъ. Когда же судебные уставы были утверждены и приведеніе ихъ въ исполненіе ввѣрено было Монархомъ Дмитрію Николаевичу, то онъ почелъ священнымъ своимъ долгомъ озаботиться о томъ, чтобы судебные уставы были, до малѣйшей черты, приведены

въ дѣйствительное исполненіе и чтобы новые дѣятели были вполнѣ достойны своего высокаго призванія. Д. Н. глубоко сознавалъ всю тяжесть отвѣтственности, которая лежала на немъ, какъ на лицѣ, которое обязано представить на Высочайше утвержденіе кандидатовъ, къ занятію, впервые, вновь созданныхъ должностей.

Несомнѣнно, что задача была до крайности трудная; надо было, по прежней дѣятельности, по личнымъ свойствамъ людей, угадать пригодность человѣка къ тому или другому роду новой судебной дѣятельности, надо было выбрать такихъ людей, которые были бы въ состояніи выработать типы несуществовавшихъ у насъ дотолѣ должностей. Мы не считаемъ себя въ правѣ оцѣнивать здѣсь, насколько удовлетворительно была исполнена эта задача; но не можемъ не указать только на одинъ примѣръ, который совершенно случайно намъ извѣстенъ При замѣщеніи новыхъ должностей, особенно затруднителенъ былъ выборъ кандидатовъ на должность предсѣдателей окружныхъ судовъ. Кандидатовъ было много, весьма и вполнѣ казалось достойныхъ, но Д. Н. все не былъ спокоенъ и не могъ рѣшиться; видимо, имѣвшіеся въ виду кандидаты не осуществляли его идеала; онъ неоднократно посѣщалъ засѣданія прежнихъ судебныхъ учрежденій и однажды возвратился изъ засѣданія С.-Петербургской гражданской палаты видимо счастливый, спокойный и довольный. Онъ нашелъ кандидата; выборъ его остановился на Г. Н. Мотовиловѣ. Достаточно назвать это, всѣми достойно чтимое имя, чтобы понять насколько вѣрно угаданъ былъ будущій первый предсѣдатель С.-Петербургскаго окружнаго суда.

Среди усиленныхъ трудовъ своихъ по управленію министерствомъ, Д. Н. не оставлялъ занятій по вѣдомству учрежденій Императрицы Маріи и въ 1863 г. былъ назначенъ членомъ особой коммиссіи, образованной для устройства хозяйственной части и отчетности заведеній этого вѣдомства; а въ 1866 г. членомъ главнаго совѣта женскихъ учебныхъ заведеній.

16 апрѣля 1867 г. Д. Н. Замятнинъ былъ Всемилостивѣйше уволенъ, согласно прошенію, отъ должности министра юстиціи, съ оставленіемъ членомъ государственнаго совѣта и того же числа, въ изъявленіе Высочайшаго вниманія къ ревностному служенію по управленію министерствомъ юстиціи и къ трудамъ по введенію новыхъ судебныхъ установленій, Всемилостивѣйше пожалованъ знаками ордена Св. Благовѣрнаго Великаго Князя Александра Невскаго, съ алмазными украшеніями.

Съ назначеніемъ въ государственный совѣтъ, связь Д. Н. съ судебнымъ вѣдомствомъ не порвалась; онъ былъ назначенъ къ присутствованію въ департаментѣ гражданскихъ и духовныхъ дѣлъ и назначался постоянно членомъ особыхъ комиссій, для разсмотрѣнія представляемыхъ Его Величеству всеподданнѣйшихъ отчетовъ по министерству юстиціи и по кассаціоннымъ департаментамъ сената.

Непрекратились и другіе роды многообразной дѣятельности Д. Н.; и въ государственномъ совѣтѣ онъ былъ призываемъ къ участію въ разныхъ, предпринимаемыхъ работахъ; Д Н былъ назначенъ присутствовать въ засѣданіи С.-Петербургскаго опекунскаго совѣта, по дѣлу о пересмотрѣ новыхъ правилъ пріема дѣтей въ воспитательные домѣ, назначенъ въ комиссію для разсмотрѣнія проекта преобразованія опекунскаго совѣта и главнаго совѣта женскихъ учебныхъ заведеній, назначенъ дѣйствительнымъ членомъ совѣта Императорскаго человѣколюбиваго вѣдомства, почетнымъ опекуномъ съ присутствованіемъ въ опекунскомъ совѣтѣ учрежденій Императрицы Маріи.

10 мая 1881 г. состоялось назначеніе Д. Н Замятнина предсѣдателемъ департамента гражданскихъ и духовныхъ дѣлъ государственнаго совѣта, а 19 октября сего года, пресѣклась свыше полувѣковая служебная дѣятельность его.

Мы не возьмемъ на себя оцѣнку этой дѣятельности; придетъ время и будущій историкъ введенія судебной реформы въ Россіи опредѣлитъ настоящее значеніе этой искренней, правдивой дѣятельности; онъ отведетъ покойному надлежащее мѣсто, какъ первому министру юстиціи, при существованіи новыхъ судебныхъ уставовъ; мы же, современники, сохранимъ о немъ благодарную память, будемъ помнить то добро, которое онъ намъ сдѣлалъ, то служеніе истиннѣ, которому онъ насъ научилъ. Онъ глубоко вѣрилъ въ наше свѣтлое будущее, никогда не жаловался на недостатокъ людей и сознавалъ, что дѣяній свѣта и правды нельзя достигать путями тьмы и кривды. Миръ праху твоему искренній человѣкъ!

Примѣч. При переходѣ городскихъ подписчиковъ журнала въ иногородные и наоборотъ, высылается 1 р., а при переходѣ городскихъ подписчиковъ на кассаціонныя рѣшенія въ иногородные и наоборотъ 1 р. 50 к.

8) **Жалоба** на неполученіе какой-либо книжки журнала препровождается прямо въ редакцію, съ приложеніемъ удостовѣренія мѣстной почтовой конторы въ томъ, что книжка журнала дѣйствительно не была получена конторой. По полученіи такой жалобы редакція немедленно представляетъ въ газетную экспедицію дубликатъ, для отсылки съ первою почтою; но безъ удостовѣренія мѣстной почтовой конторы, газетная экспедиція должна будетъ прежде сноситься съ сею послѣднею и редакція удовлетворитъ только по полученіи отвѣта послѣдней. По распоряженію почтоваго вѣдомства жалобы должны быть сообщаемы редакціи никакъ **не позже** полученія слѣдующей книжки журнала, иначе редакція не будетъ имѣть возможности удовлетворить подписчика высылкою новаго экземпляра.

9) Редакція не отвѣчаетъ за своевременную высылку журнала тѣмъ лицамъ, которыя подписались не въ указанныхъ въ объявленіи о подпискѣ мѣстахъ и подписныя суммы которыхъ часто передаются въ редакцію несвоевременно, а иногда и вовсе не передаются. Въ такихъ случаяхъ гг. подписчики благоволятъ обращаться съ жалобами въ то мѣсто, гдѣ они подписались.

10) Отвѣты на всякаго рода запросы гг. сотрудниковъ и подписчиковъ, редакція признаетъ для себя обязательными только въ томъ случаѣ, если для этого приложена почтовая марка.

Объ изданіи въ 1882 году

ЖУРНАЛА

ГРАЖДАНСКАГО И УГОЛОВНАГО ПРАВА.

Журналъ будетъ выходить ежемѣсячно (за исключеніемъ вакантныхъ: іюня, іюля и августа) книгами до 20 и болѣе листовъ.

ЦѢНА ЗА ГОДОВОЕ ИЗДАНІЕ:

въ С.-Петербургѣ безъ доставки . . **8** р.
съ доставкой въ С.-Петербургѣ. . . **8** р. **50** к.
съ пересылкой въ другіе города . . **9** р.
за-границей . . . . **10** р.
отдѣльно книга журнала . . . . [illegible] р.

Подписчики, желающіе получать, сверхъ того, **РѢШЕНІЯ КАССАЦІОННЫХЪ ДЕПАРТАМЕНТОВЪ СЕНАТА**, платятъ за журналъ и за рѣшенія.
съ доставкой въ С.-Петербургѣ и
съ пересылкой въ другіе города . . **14** р. **50** к.

Лица, не состоящія въ числѣ подписчиковъ на журналъ, могутъ подписываться въ редакціи отдѣльно на кассаціонныя рѣшенія по **6** руб. съ доставкою въ С.-Петербургѣ и съ пересылкою въ иные города.

Допускается разсрочка подписной платы въ слѣдующіе сроки: въ январѣ 3 р. съ касс. рѣш. 8 р. въ маѣ 3 р. и въ сентябрѣ остальная до подписной цѣны сумма. Гг. студенты университетовъ и равныхъ съ ними заведеній, удостовѣрившіе свое званіе, пользуются правомъ подписки на журналъ, за половинную цѣну т. е. 4 р. 50 к.

Подписка принимается: въ С.-Петербургѣ: въ конторѣ редакціи „Журнала Гражданскаго и Уголовнаго Права", (Почтамская, д. 1, кв. 15); въ книжныхъ магазинахъ—*Анисимова*, рядомъ съ Публичною Библіотекою и *Мартынова*, Невс. пр. № 46, противъ Гост. двора; въ Москвѣ: у *Анисимова*, на Никольской улицѣ.

Гг. иногородные благоволятъ обращаться съ своими требованіями исключительно въ редакцію „Журнала Гражданскаго и Уголовнаго Права", въ С.-Петербургѣ, Почтамская д. № 1, кв. 15.

Контора Журнала открыта ежедневно, за исключеніемъ воскресныхъ и праздничныхъ дней, отъ 12 до 4 часовъ.

Подписка на журналъ 1879, 1880 и 1881 годовъ, продолжается на тѣхъ же условіяхъ.

Оставшіяся въ незначительномъ числѣ экземпляровъ, кассаціонныя рѣшенія сената, продаются: гражданскаго департамента—за 1877 годъ 4 р. за 1878 годъ 4 р. включая и расходы по пересылкѣ. Кассаціонныхъ рѣшеній сената, а равно и журнала за другіе годы, кромѣ означенныхъ, въ редакціи не имѣется. Изслѣдованіе проф. *Кистяковскаго*—О пресѣченіи обвиняемому способовъ уклоняться отъ слѣдствія и суда, гг. подписчики могутъ получать въ редакціи по 1 р. за экз. съ пересылкою, вмѣсто 1 р. 25 к. безъ пересылки.

Редакторъ **В. Володиміровъ.**

